(Годъ пятнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 1.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Лица, подписавшіяся въ С.-Петербургѣ на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ магазинѣ Базунова и по случаю его несостоятельности не дополучившія своихъ книжекъ, благоволятъ обращаться за ними въ магазинъ для Иногородныхъ на Невскомъ Проспектѣ, куда книжки эти для нихъ высылаются.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ Конторѣ Русскаго Міра, на Большой Морской, № 11-й.

МОСКВА

Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркина

1877.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

(1877).

1.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

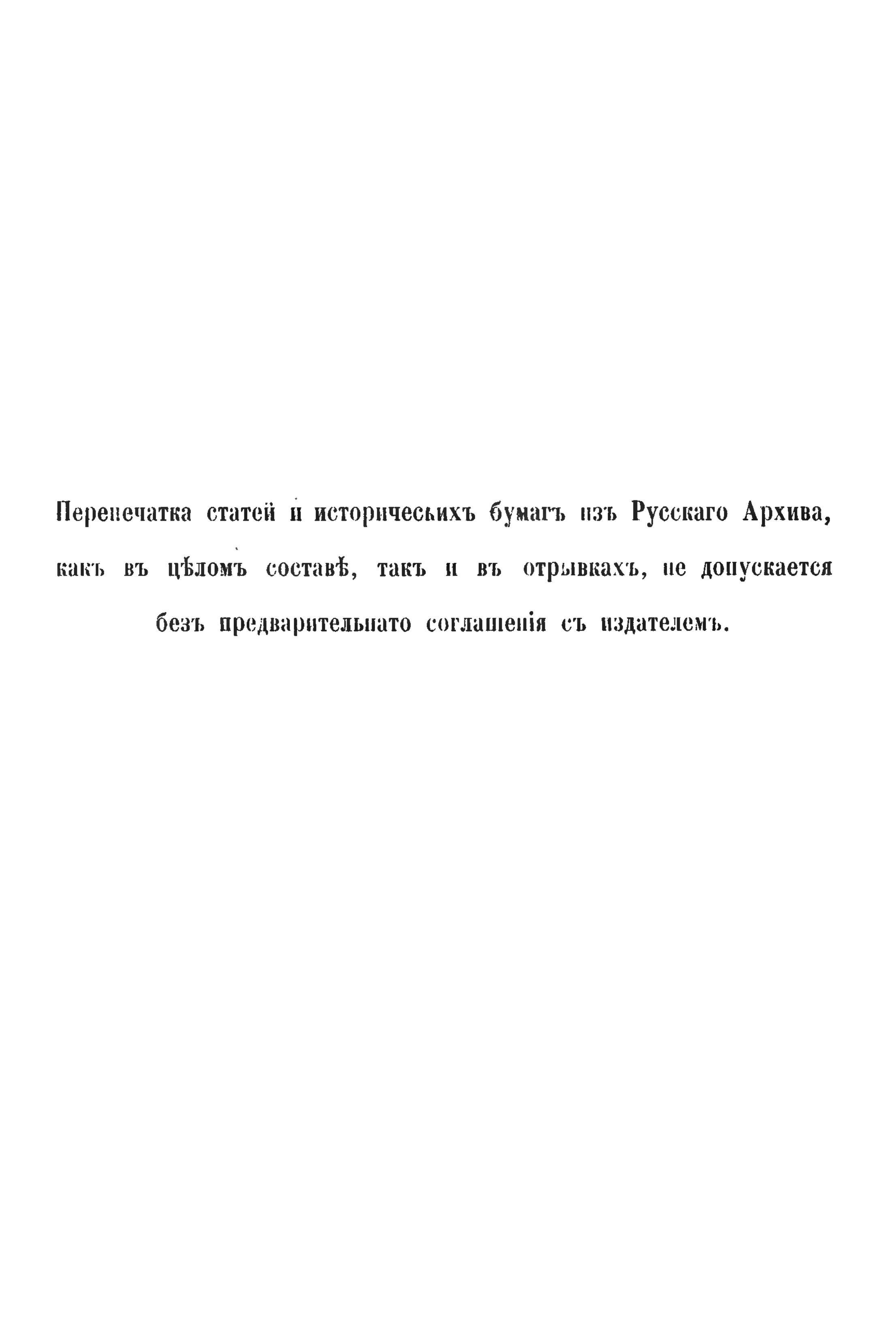
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

(1877).

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной
1877.



ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО О РОССІИ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII-го ВѢКА.

Нижеслѣдующіе разсказы и отзывы Фридриха Великаго заимствованы изъ его памятныхъ Записокъ или такъ называемой «Исторіи моего времени» (Histoire de mon temps), т. е. изъ 2-го и 3-го томовъ его «Сочиненій» (Oeuvres), изданныхъ въ Берлинѣ въ 1846 году, съ подлинныхъ рукописей и безъ пропусковъ, по волѣ покойнаго короля Фридриха Вильгельма IV-го. Къ сожалѣнію, геніальный авторъ повѣствуетъ лишь о первыхъ шести годахъ своего царствованія (до 1746 г.), когда въ Россіи его оберегались и его воздѣйствіе на Русскую политику было еще не особенно значительно. Въ этомъ отношеніи важнѣе его Записокъ должны быть политическія его завѣщанія 1752 и 1768 годовъ; но завѣщанія эти до сихъ поръ хранятся въ тайнѣ, равно какъ и письма его къ любимой сестрѣ, маркграфинѣ Барейтской, и его переписка съ Датскою королевою Юліаною, съ Каролиною Дармштадскою и другими лицами. Покуда время не вскроетъ намъ этихъ историческихъ сокровищъ, будемъ довольствоваться тѣмъ, что̀ уже обнародовано. Показанія и мнѣнія такого человѣка имѣютъ для насъ первостепенное исторіографическое значеніе. Впослѣдствіи съ полною очевидностью обнаружится вліяніе Фридриха Великаго на внѣшнюю и внутреннюю нашу политику. Какова она была, можно судить уже потому, что роковой раздѣлъ Польши принадлежитъ ему всецѣло, и имъ же устроены три бракосочетанія, имѣвшія столь рѣшительное значеніе въ Русской исторіи.

Фридрихъ Великій начинаетъ свои Записки обзоромъ Европейскихъ государствъ, ихъ состоянія, политическихъ отношеній и военныхъ силъ, въ то время, когда онъ вступилъ на престолъ (1740). Послѣ блестящей характеристики Австріи, Франціи, Италіи, Англіи, Голландіи, Даніи, Швеціи, онъ переходитъ къ Россіи и говоритъ о ней нижеслѣдующее.

Швеція граничитъ съ одною изъ наиболѣе грозныхъ державъ. Отъ Ледовитаго моря, на Сѣверѣ, до береговъ Чернаго, и отъ Самогитіи до предѣловъ Китая, тянется неизмѣримое пространство, образующее Россійскую имперію, что̀ составляетъ восемьсотъ Нѣмецкихъ миль въ длину, на четыреста миль ширины. Это государство, нѣкогда полудикое, было неизвѣстно Европѣ до царя Ивана Васильевича. Петръ I, для водворенія благоустройства въ этой націи, дѣйствовалъ на нее, какъ дѣйствуетъ крѣпкая водка на желѣзо. Онъ былъ и законодателемъ, и основателемъ этой обширной имперіи; онъ создалъ людей, солдатъ и министровъ; онъ основалъ городъ С.-Петербургъ; онъ

устроилъ значительныя морскія силы и внушилъ всей Европѣ уваженіе къ своему народу и къ его необыкновеннымъ (singuliers) дарованіямъ.

Анна Ивановна, племянница Петра I-го, правила тогда этой обширной имперіей. Она была преемницей Петра II, *сына* [1]) перваго императора. Царствованіе Анны было памятно многими замѣчательными событіями; при ней было нѣсколько великихъ людей, которыми она умѣла воспользоваться. Ея оружіемъ данъ король Польшѣ. Она послала, въ помощь императору Карлу VI, десять тысячъ Русскихъ къ берегамъ Рейна, въ страну, гдѣ почти не знали этого народа. Война, предпринятая ею противъ Турокъ, была рядомъ успѣховъ и побѣдъ, и въ то время, когда императоръ Карлъ VI посылалъ въ Турецкій лагерь просить мира, Анна предписывала законы Оттоманскому правительству. Она покровительствовала наукамъ въ своей столицѣ; она даже отправила ученую экспедицію въ Камчатку, съ цѣлью изысканія кратчайшаго пути для торговли Московитовъ съ Китайцами. Эта государыня обладала качествами, достойными ея высокаго сана: она отличалась возвышенностью души, твердостью ума; щедрая на награды, строгая въ наказаніяхъ, она была добра по природной склонности и сластолюбива безъ разврата [2]).

Она сдѣлала герцогомъ Курляндскимъ Бирона, своего любимца и министра. Дворяне, его соотечественники, оспаривали древность его рода. Это единственное лицо, имѣвшее замѣтное вліяніе на умъ императрицы. Биронъ былъ, по природѣ, тщеславенъ, грубъ и жестокъ, но твердъ въ управленіи дѣлами и способенъ на обширнѣйшія предпріятія [3]). Его честолюбіе стремилось къ тому, чтобы прославить имя его повелительницы въ отдаленнѣйшихъ концахъ вселенной; при этомъ онъ былъ столько же алченъ къ пріобрѣтенію, сколько расточителенъ въ издержкахъ; имѣлъ нѣкоторыя полезныя качества, но лишенъ былъ добрыхъ и привлекательныхъ.

Трудами, подъятыми въ царствованіе Петра I-го, образовалъ себя человѣкъ, получившій возможность нести бремя правленія при Петровыхъ преемникахъ. То былъ графъ Остерманъ. Онъ, какъ ловкій кормчій, среди политическихъ бурь, правилъ, всегда твердою рукою, кормиломъ государства. Онъ былъ родомъ изъ графства Марка въ Вестфаліи, происхожденія незнатнаго; но природа раздаетъ свои дары, не обращая вниманія на генеалогію [4]). Этотъ министръ изучилъ Моско-

---

[1]) До такой степени мало знали тогда Русскую исторію!

[2]) Такое понятіе объ Аннѣ Ивановнѣ, конечно, сообщили Фридриху Великому Петербургскіе его соплеменники, которымъ такъ хорошо жилось въ это царствованіе.

[3]) Биронъ находился въ Ярославлѣ, когда писаны эти строки.

[4]) Остерманъ, какъ и многіе другіе иностранцы при Петрѣ Великомъ, вполнѣ обрусѣлъ. Онъ писалъ порусски совершенно правильно; и въ этомъ отношеніи первая половина прошлаго вѣка была гораздо выше, чѣмъ первые годы нынѣшняго вѣка. Сильная народность быстро претворяла въ себя чужеродные ей элементы. Въ царствованіе же Александра Павловича сіи послѣдніе

вію, какъ Верней человѣческое тѣло. Онъ былъ остороженъ и смѣлъ, смотря по обстоятельствамъ, и пренебрегалъ придворными происками, дабы сохранить за собою управленіе дѣлами. Кромѣ графа Остермана, можно назвать еще графа Лёвенвольда и престарѣлаго графа Головкина въ числѣ министровъ, которые могли быть полезны Россіи.

Графъ Минихъ, перешедшій изъ Саксонской службы на службу къ Петру I-му, находился во главѣ Русской арміи. Это былъ принцъ Евгеній Московскаго государства. Онъ отличался достоинствами и пороками великихъ полководцевъ: былъ искусенъ, предпріимчивъ, удачливъ; но, притомъ, гордъ, надмененъ, честолюбивъ, склоненъ къ самоуправству и нерѣдко жертвовалъ жизнью солдатъ своей воинской славѣ. Ласси, Кейтъ, Лёвендаль и другіе искусные генералы образовались въ его школѣ. Правительство содержало тогда десять тысячъ человѣкъ гвардейцевъ, сто баталіоновъ, численностью въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, двадцать тысячъ драгунъ, двѣ тысячи кирасиръ, что̀ составляло девяносто двѣ тысячи регулярнаго войска, тридцать тысячъ милиціи и столько казаковъ, Татаръ и Калмыковъ, сколько хотѣли имѣть. Такимъ образомъ, эта держава, безъ особенныхъ усилій, могла выставить въ походъ сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ. Въ Русскомъ флотѣ насчитывали тогда двѣнадцать линейныхъ кораблей, двадцать шесть судовъ меньшаго размѣра и сорокъ галеръ.

Доходы имперіи простирались до четырнадцати или пятнадцати милліоновъ ефимковъ (écus). Эта сумма кажется незначительною, въ сравненіи съ неизмѣримымъ пространствомъ Россіи; но въ этой странѣ все дешево. Самый необходимый для правителей товаръ (denrée), солдаты, не сто̀ятъ содержаніемъ своимъ и половины того, что̀ платятъ другія Европейскія державы: Русскій солдатъ получаетъ только восемь рублей въ годъ, и продовольствіе, покупаемое по ничтожнымъ цѣнамъ. Это продовольствіе сопряжено съ необходимостью имѣть огромные обозы, которые тащутся вслѣдъ за войскомъ. Въ 1737 году, во время похода фельдмаршала Миниха противъ Турокъ, можно было насчитать въ его войскѣ столько же повозокъ, сколько сражающихся.

Петръ I-й задумалъ то, о чемъ не помышлялъ до него ни одинъ государь. Между тѣмъ какъ завоеватели стремятся къ расширенію своихъ предѣловъ, онъ вздумалъ ихъ съузить. Причиною тому было слабое населеніе его владѣній сравнительно съ огромнымъ пространствомъ. Онъ хотѣлъ сосредоточить между Петербургомъ, Москвою, Казанью и Украйной всѣ двѣнадцать милліоновъ жителей, разсѣянныхъ по его имперіи, дабы вполнѣ заселить и воздѣлать эту часть, которую защищать было бы легко, такъ какъ она окружена пустынями, отдѣляющими ее отъ Персіянъ, Турокъ и Татаръ. Этотъ замыселъ, по-

---

дѣйствовали самовластно и подчиняли насъ своему духовному игу. Остерманъ былъ сынъ пастора, но женился на боярской дочери Стрѣшневой. Двухъ сыновей его (уже совершенно-Русскихъ и строго благочестивыхъ людей) наша знать звала *поповичами* (слышано по преданію отъ родственниковъ графа Ѳ. А. Остермана).

добно многимъ другимъ, не осуществился за смертью великаго человѣка [5]).

Царь Петръ успѣлъ только положить начало торговлѣ. При императрицѣ Аннѣ, Русскій торговый флотъ не могъ выдерживать никакого сравненія съ флотами южныхъ державъ. Однакожъ, все возвѣщаетъ этой имперіи, что ея населенію, ея силамъ, ея богатствамъ и торговлѣ предстоитъ самое обширное развитіе.

Духъ народа представляетъ собою смѣсь недовѣрчивости съ плутовствомъ. Склонные къ лѣности, но не чуждые любостяжанія, Русскіе являются ловкими подражателями, но лишены изобрѣтательнаго генія. Вельможи предаются крамоламъ; гвардейцы страшны государямъ; простой народъ тупоуменъ, преданъ пьянству, суевѣрію, и бѣдствуетъ. Такое положеніе дѣлъ, какъ сейчасъ нами изложенное, было вѣроятно причиною того, что Академія наукъ доселѣ не могла образовать учениковъ изъ Московитовъ.

Со времени несчастія Карла XII и водворенія Августа Саксонскаго въ Польшѣ, и послѣ побѣдъ фельдмаршала Миниха надъ Турками, Русскіе стали безспорно властителями Сѣвера. Они были столь грозны, что никто не могъ успѣшно нападать на нихъ, ибо они были ограждены пустынными пространствами, и можно было все потерять, даже ограничиваясь оборонительною войною, въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны. Этимъ преимуществомъ они обязаны большому числу Татаръ, Казаковъ и Калмыковъ, находящихся въ ихъ арміи. Эти кочевыя орды грабителей и поджигателей способны опустошить своими набѣгами самыя цвѣтущія области, даже и безъ вторженія регулярной арміи [6]). Всѣ сосѣди Россіи, опасаясь подобныхъ набѣговъ, старались ладить съ нею, и Русскіе смотрѣли на свои союзы съ другими народами, какъ на покровительство, оказуемое подручникамъ.

*

Упадокъ Швеціи былъ временемъ возвеличенія Россіи: эта страна какъ-бы возстаетъ изъ ничтожества, чтобъ появиться внезапно въ своемъ величіи и скоро стать въ уровень съ наиболѣе грозными державами. Можно бы примѣнить къ Петру I-му то, что̀ Гомеръ говоритъ про Зевеса: «Онъ трижды шагнулъ и достигъ предѣла вселенной».

---

[5]) Въ Русскихъ историческихъ бумагахъ доселѣ не находится подтвержденія этому любопытному показанію. По крайней мѣрѣ намъ не удалось нигдѣ читать объ этомъ необыкновенномъ намѣреніи великаго государя. Не сюда ли однако слѣдуетъ отнести выселенія изъ Малороссіи въ нынѣшнюю Воронежскую губернію (Острогожскій уѣздъ)?

[6]) Нынѣ доказано, что военныя опустошенія, произведенныя Русскими въ Семилѣтнюю войну на восточныхъ предѣлахъ Пруссіи, были лишь неизбѣжнымъ зломъ и не могутъ идти въ сравненіе съ ужасами на ея западныхъ границахъ, гдѣ хозяйничали Французы, предводимые генералами, которые отличались изысканнымъ образомъ жизни. Французское правительство даже жаловалось Елисаветѣ Петровнѣ на то, что войска ея слишкомъ человѣколюбиво обращаются съ Пруссаками.

Дѣйствительно, сломить Швецію, дать королей Польшѣ, унизить Оттоманскую Порту и выслать войска для сраженія съ Французами на самой ихъ границѣ, это значитъ—шагнуть на край свѣта.

Въ дальнѣйшемъ обзорѣ государствъ любопытенъ для насъ отзывъ Фридриха Великаго о Турціи. Онъ уже въ 1746 году (когда писаны его Записки) говорилъ: «Сила этой державы проистекаетъ отъ ея великаго пространства, но она бы не удержалась, если бы не служила ей поддержкою взаимная завистъ Европейскихъ государей». Про Австрію онъ замѣчаетъ, что ей удалось укоренить почти вездѣ, въ Германіи, Англіи, Голландіи и даже Даніи предразсудокъ, будто съ ея существованіемъ связана свобода Европы.

Приступая къ разсказу о своемъ вторженіи въ Австрійскую Силезію, Фридрихъ говоритъ.

....Императоръ Карлъ VI скончался въ замкѣ Фаворитѣ 26 Октября 1740 года. Извѣстіе о томъ получено въ Рейнсбергѣ, гдѣ находился король [7]), страдавшій въ то время лихорадкою. Врачи, проникнутые старыми предразсудками, не хотѣли дать ему хины: онъ самъ ее принялъ, имѣвъ болѣе важныя заботы, чѣмъ лихорадку. Онъ немедленно рѣшился поддержать неоспоримыя права своего дома на Силезскія княжества, хотя бы и съ оружіемъ въ рукахъ. Это намѣреніе соотвѣтствовало всѣмъ его политическимъ видамъ: оно представляло средство пріобрѣсти славу, усилить государство и покончить дѣло о спорномъ наслѣдованіи герцогствомъ Бергскимъ. Однакоже прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, король взвѣшивалъ съ одной стороны рискъ, представляемый подобною войною, а съ другой возможныя выгоды.

Съ одной стороны представлялся могущественный Австрійскій домъ, обладавшій неистощимыми средствами въ обширныхъ своихъ областяхъ; предстояло нападеніе на дочь Германскаго императора, которая должна была имѣть союзниками короля Англійскаго, Голландскую республику и большую часть имперскихъ принцевъ, обязавшихся защищать прагматическую санкцію. Герцогъ Курляндскій, правившій въ то время Россіей, былъ наемникомъ Вѣнскаго двора; и кромѣ того, молодая королева Венгерская могла обезпечить себѣ содѣйствіе Саксоніи, уступивъ ей нѣкоторые округи Богеміи. Что̀ же касается подробностей исполненія, то неурожай 1740 года внушалъ опасенія относительно возможности снабдить магазины и продовольствовать войска́. Рискъ былъ великъ; слѣдовало страшиться случайностей войны: одно проигранное сраженіе могло быть рѣшительнымъ. Король не имѣлъ союзниковъ и могъ противопоставить лишь необдержанное войско старымъ Австрійскимъ солдатамъ, посѣдѣвшимъ на службѣ и обстрѣленнымъ въ бояхъ.

Съ другой стороны, многія соображенія оживляли надежды короля. Положеніе Вѣнскаго двора, по смерти императора, было крайне шатко: финансы были плохи, армія разстроена и ослаблена неудачами противъ Турокъ; въ министерствѣ царствовалъ разладъ. Поставьте во

---

[7]) Т. е. самъ авторъ, повѣствующій о себѣ въ третьемъ лицѣ.

главѣ подобнаго правительства молодую неопытную принцессу, призванную защищать спорное наслѣдственное дѣло, и окажется, что такое правительство не могло быть страшнымъ. Притомъ невозможно было, чтобъ король остался безъ союзниковъ. Соперничество, существующее между Франціей и Англіей, обеспечивало королю содѣйствіе одной изъ этихъ двухъ державъ; и кромѣ того всѣ домогавшіеся Австрійскаго наслѣдства должны были стать на сторонѣ Пруссіи. Король могъ располагать своимъ голосомъ для избранія императора; онъ могъ войти въ соглашеніе относительно своихъ правъ на герцогство Бергское либо съ Франціей, либо съ Австріей, и наконецъ открытіе войны въ Силезіи было единственнымъ способомъ наступательнаго дѣйствія, который соотвѣтствовалъ положенію его державы: ибо онъ оставался бы по близости отъ своихъ границъ, а рѣка Одеръ представляла ему всегда вѣрный путь сообщенія.

Обстоятельствомъ, побудившимъ короля окончательно рѣшиться на это предпріятіе, была кончина императрицы Россійской Анны, что̀ воспослѣдовало вскорѣ послѣ кончины императора Германскаго. Наслѣдникомъ престола былъ младенецъ Иванъ, великій князь Россійскій, сынъ принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго (шурина королю) и принцессы Мекленбургской. По всему казалось, что во время несовершеннолѣтія молодаго императора, Россія будетъ болѣе занята поддержаніемъ спокойствія внутри имперіи, чѣмъ охраною прагматической санкціи, изъ за которой неизбѣжны были волненія въ Германіи. Къ этимъ соображеніямъ прибавьте армію, готовую къ дѣйствію, наличныя денежныя средства и, быть можетъ, желаніе прославить свое имя. Таковы были побужденія, заставившія короля объявить войну Маріи Терезіи Австрійской, королевѣ Венгерской и Богемской.

То было, можно сказать, время превращеній и переворотовъ. Принцесса Мекленбургъ-Брауншвейгская, мать Ивана, находилась, вмѣстѣ съ сыномъ, подъ опекою герцога Курляндскаго, которому императрица Анна, умирая, ввѣрила управленіе имперіей. Эта принцесса сочла недостойнымъ своего происхожденія повиноваться постороннему лицу и полагала, что опека принадлежитъ скорѣе ей, какъ матери, чѣмъ Бирону, не Русскому и не родственнику императора. Она ловко воспользовалась услугами Миниха, возбудивъ его честолюбіе. Биронъ былъ арестованъ, сосланъ въ Сибирь, и принцесса Мекленбургская завладѣла правленіемъ. Эта перемѣна казалась выгодною для Пруссіи; ибо Биронъ, ея врагъ, былъ сосланъ; а мужъ правительницы, Антонъ Брауншвейгскій, былъ шуриномъ королю. Принцесса Мекленбургская, при нѣкоторой живости ума, отличалась всѣми прихотями и недостатками дурно воспитанной женщины. Ея мужъ, человѣкъ слабый, малоспособный, не имѣлъ иного достоинства кромѣ безотчетной храбрости. Минихъ, виновникъ ихъ возвышенія, истинный герой Россіи, былъ въ тоже самое время обладателемъ державной власти. По случаю этого переворота, король послалъ въ Россію барона Винтерфельда поздравить герцога Брауншвейгскаго и его супругу съ удачнымъ окончаніемъ ихъ предпріятія. Дѣйствительнымъ же поводомъ и сокровенною цѣлью этой посылки

было заручиться поддержкой Миниха (тестя Винтерфельдова) и расположить его въ пользу задуманныхъ намѣреній, въ чемъ Винтерфельдъ и успѣлъ.

*

Европа встрепенулась отъ внезапнаго вторженія въ Силезію. Нѣкоторые называли это предпріятіе необдуманнымъ, другіе считали его дѣломъ безумія. Англійскій министръ при Вѣнскомъ дворѣ, Робинсонъ, утверждалъ, что король Прусскій заслуживалъ общаго политическаго проклятія. Одновременно съ поѣздкой графа Готтера въ Вѣну, король послалъ въ Россію Винтерфельда, который встрѣтилъ тамъ маркиза Ботту, отстаивавшаго интересы Вѣнскаго двора со всею живостью своего характера. Однакоже, въ этомъ случаѣ, Померанское здравомысліе одолѣло Итальянскую тонкость, и Винтерфельдъ, благодаря вліянію фельдмаршала Миниха, успѣлъ заключить съ Россіей оборонительный союзъ. Нельзя было ничего лучшаго пожелать въ тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ.

Швеція тоже хотѣла играть роль въ предстоявшихъ столкновеніяхъ. Она была въ союзѣ съ Франціей и, по внушенію этой державы, выдвинула корпусъ войскъ въ Финляндію, подъ начальствомъ генерала Будденброка. Этотъ корпусъ, возбудившій въ Россіи подозрѣнія, ускорилъ заключеніе ея союза съ Пруссіей; но состоявшійся договоръ едва не разстроился въ самомъ началѣ. Король Польскій незадолго передъ тѣмъ послалъ въ Петербургъ красавца, графа Линара. Этотъ министръ полюбился принцессѣ Мекленбургской, правительницѣ Россіи; а какъ сердечныя страсти имѣютъ вліяніе на доводы разсудка, то правительница скоро сблизилась съ Польскимъ королемъ. Страсть эта могла сдѣлаться столь же гибельною для Пруссіи, какъ любовь Париса къ прекрасной Еленѣ для Трои; переворотъ, о которомъ упомянемъ впослѣдствіи, помѣшалъ подобному исходу.

Главными врагами короля были, какъ водится, его ближайшіе сосѣди. Короли Польскій и Англійскій, полагаясь на успѣхъ происковъ Линара въ Россіи, заключили между собою наступательный союзъ для раздѣла Прусскихъ областей; они, въ воображеніи, уже наслаждались этою добычею и, разглагольствуя о властолюбіи молодаго государя, своего сосѣда, помышляли обобрать его, въ надеждѣ, что Россія, вмѣстѣ съ имперскими князьями, поможетъ имъ достигнуть ихъ корыстныхъ видовъ.

Такимъ образомъ, самъ Фридрихъ свидѣтельствуетъ, что помощію Россіи онъ успѣлъ обдѣлать дѣла свои, т. е. безъ дальнихъ опасностей пріобрѣсти Силезію.

.... Посланникъ Франціи при избирательномъ Германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ, маршалъ Бель-Иль, прибылъ въ лагерь короля съ предложеніемъ отъ своего государя заключить союзный договоръ, коего главныя статьи касались избранія (въ императоры) курфюрста Баварскаго, раздѣла и отдѣленія областей королевы Венгерской и гарантіи, со стороны Франціи, Нижней-Силезіи, подъ условіемъ, чтобъ король отказался отъ наслѣдованія герцогствами Юлихскимъ и Бергскимъ и обѣщалъ свой голосъ курфюрсту Баварскому. Составленъ

былъ проэктъ договора, въ которомъ, сверхъ того, постановлено, что Франція выдвинетъ въ Германію двѣ арміи, изъ коихъ одна пойдетъ на помощь курфюрсту Баварскому, а другая расположится въ Вестфаліи, угрожая одновременно Ганноверцамъ и Саксонцамъ; и что наконецъ, прежде всего, Швеція объявитъ войну Россіи, чтобы занять ее на собственныхъ ея границахъ. Этотъ договоръ, какъ ни казался онъ выгоднымъ, не былъ подписанъ. Король не хотѣлъ допускать никакой поспѣшности въ столь важныхъ мѣрахъ и предоставлялъ себѣ подобную мѣру на случай крайности. Маршалъ Бель-Иль слишкомъ часто увлекался воображеніемъ; слушая его, можно было подумать, что всѣ области королевы Венгерской продавались съ аукціоннаго торга. Однажды, когда онъ находился при королѣ и имѣлъ видъ необыкновенно озабоченный, король спросилъ его: «не получилъ-ли онъ какого-либо непріятнаго извѣстія?»—«Никакого», отвѣчалъ маршалъ; «но меня, государь, озабочиваетъ то, что мы сдѣлаемъ съ этою Моравіею?» Король предложилъ ему отдать ее Саксоніи, дабы этою приманкою втянуть короля Польскаго [8]) въ великій союзъ: маршалъ нашелъ эту мысль удивительною и впослѣдствіи осуществилъ ее.

..... Англійскій министръ Финчъ подстрекалъ Россію къ войнѣ; происки графа Ботты и красота Линара погубили доблестнаго Миниха. Принцъ Брауншвейгскій, главнокомандующій Русской арміи, по внушеніямъ своей бабки, вдовствующей императрицы [9]), и чужестранныхъ министровъ, наперерывъ раздувавшихъ воинское пламя, успѣлъ расположить Россію къ немедленному объявленію войны Пруссіи. Войска собирались уже въ Лифляндіи. Король былъ извѣщенъ о томъ, и это обстоятельство внушило ему недовѣріе къ Англичанамъ, двоедушіе которыхъ предъ нимъ обнаруживалось. Проискамъ Англичанъ удалось также выманить отъ великаго пенсіонера Голландскаго увѣщательное письмо къ королю о выводѣ его войскъ изъ Силезіи.

Но тогда случилось на Сѣверѣ одно изъ наиболѣе благопріятныхъ и рѣшительныхъ событій: Швеція объявила войну Россіи и уничтожила этимъ всѣ замыслы Англійскаго и Польскаго королей и принца Антона-Ульриха противъ Пруссіи. Король Августъ, утративъ заманчивыя надежды раздѣлить съ Англійскимъ королемъ Прусскія владѣнія, увлекся общимъ настроеніемъ и, за неимѣніемъ лучшаго, заключилъ союзъ съ курфюрстомъ Баварскимъ для уничтоженія Австрійскаго дома. Маршалъ Бель-Иль, не знавшій, что дѣлать съ Моравіей и Оберъ-Мангардсбергомъ, изъ нихъ составлялъ королевство и отдавалъ его Саксонцамъ, которые, благодаря такой поживѣ, 31-го Августа подписали съ своей стороны договоръ.

*

Вѣнскій дворъ, который уже не могъ разсчитывать на вмѣшательство Россіи, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, отослалъ въ Прусскій лагерь своего Англійскаго заступника, съ картою Силезіи, гдѣ обозна-

---

[8]) Бывшаго и курфюрстомъ Саксонскимъ.

[9]) Мать Маріи Терезіи.

чена была чернилами предлагаемая уступка четырехъ княжествъ. Англичанинъ былъ принятъ холодно, и ему дали понять, что все хорошо въ свое время, а нынѣ обстоятельства другія. Дворы Лондонскій и Вѣнскій слишкомъ полагались на помощь Россіи: по ихъ разсчету для короля, усмиреннаго и униженнаго, не оставалось бы болѣе иного исхода, какъ на колѣняхъ просить мира. Но случилось почти наоборотъ. Таковы превратности счастья, столь обыкновенныя на войнѣ.

.... 1742-й годъ былъ годомъ важныхъ событій. Вся Европа пылала войною изъ-за раздѣла спорнаго наслѣдства; составлялись сеймы для избранія императора внѣ Австрійскаго дома, а въ Россіи былъ свергнутъ съ престола императоръ въ колыбели. Одинъ хирургъ, родомъ Французъ, одинъ музыкантъ, одинъ камеръ-юнкеръ [10]) и сто человѣкъ Преображенскихъ гвардейцевъ, подкупленные Французскими деньгами, привели Елисавету въ императорскій дворецъ. Они нападаютъ въ расплохъ на сторожей и обезоруживаютъ ихъ. Молодой императоръ, принцъ Антонъ Браунщвейгскій, его мать, принцесса Мекленбургская, всѣ схвачены. Затѣмъ собираются войска. Они присягаютъ Елисаветѣ, признавая ее своею государыней. Опальное семейство заключено въ Рижскую тюрьму; Остерманъ, покрытый позоромъ, сосланъ въ Сибирь. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ. Но Франція, надѣявшаяся воспользоваться этимъ переворотомъ, ею вызваннымъ, вскорѣ увидѣла тщету надеждъ своихъ.

Кардиналъ Флёри желалъ выручить Швецію изъ неловкаго положенія, въ которомъ она очутилась по его милости. Онъ думалъ, что перемѣна власти въ Россіи побудитъ ее заключить миръ, благопріятный Швеціи; въ виду этого, онъ послалъ нѣкоего Давенния (d'Avennes) съ словеснымъ приказаніемъ маркизу Шетарди, посланнику въ Петербургѣ, чтобъ онъ всѣми средствами постарался погубить регентшу и генералиссимуса. Подобныя предпріятія, которыя казались бы безумными при другихъ правительствахъ, въ Россіи могутъ совершаться: народъ склоненъ къ бунту, и Русскіе тѣмъ похожи на другія націи, что недовольны настоящимъ и ожидаютъ всего въ будущемъ. Правительница сдѣлалась ненавистною вслѣдствіе своей связи съ красивымъ иностранцемъ, Саксонскимъ посланникомъ графомъ Линаромъ; но предшественница ея, императрица Анна, еще болѣе открыто отличала Бирона, Курляндскаго уроженца, такого же иностранца, какъ и Линаръ, изъ чего слѣдуетъ, что однѣ и тѣже вещи имѣютъ различное значеніе, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. Если любовь погубила правительницу, то болѣе народная любовь, оказанная Елисаветою Преображенскимъ гвардейцамъ, возвела ее на престолъ. Обѣ эти принцессы были одинаково сластолюбивы. Мекленбургская прикрывала свои склонности скромною завѣсою; ее изобличали сердечные порывы. Елисавета доводила сластолюбіе до крайности. Первая была своенравна и зла; вторая лукава, но обходительна. Обѣ ненавидѣли всякій трудъ, обѣ одинаково не были рождены царствовать [11]).

---

[10]) Т. е. Лестокъ, Грюнштейнъ и М. Л. Воронцовъ.

[11]) Читатели знаютъ, что въ этихъ отзывахъ великій король руководился

Еслибъ Швеція умѣла пользоваться случаемъ, то ей бы слѣдовало нанести сильный ударъ, пока Россія была обуреваема внутренними смутами: все предвѣщало ей счастливый успѣхъ. Но Швеціи не было суждено восторжествовать надъ своими врагами. Она оставалась въ какомъ-то оцѣпѣненіи, прежде и послѣ этого переворота; она упустила благопріятную минуту, порождающую великія событія. Пораженіе при Полтавѣ едва ли было для нея столь пагубно, какъ праздное бездѣйствіе ея войскъ.

Утвердившись на престолѣ, императрица Елисавета роздала важнѣйшія мѣста въ имперіи своимъ приверженцамъ: братья Бестужевы, Воронцовъ и Трубецкой вступили въ Совѣтъ; Лестокъ, первый двигатель возвышенія Елисаветы, сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ второстепеннаго министра, хотя и оставался хирургомъ. Онъ радѣлъ о Франціи, Бестужевъ объ Англіи; отсюда происходили разногласія въ Совѣтѣ и безконечныя придворныя каверзы. Императрица не имѣла предпочтенія къ той или другой державѣ, но чувствовала нерасположеніе къ дворамъ Вѣнскому и Берлинскому. Антонъ-Ульрихъ, отецъ свергнутаго ею императора, былъ двоюроднымъ братомъ королевы Венгерской, племянникомъ вдовствующей императрицы и шуриномъ Прусскаго короля; и она опасалась вліянія этихъ родственныхъ связей въ пользу низложеннаго ею семейства. Эта государыня, предпочитая свободу законамъ брака, по ея мнѣнію слишкомъ тяжелымъ, дабы утвердить престолъ, призвала къ наслѣдству своего племянника, молодаго герцога Голштинскаго. Она стала воспитывать его въ Петербургѣ, какъ великаго князя Россійскаго.

Публика расположена вѣрить, что событія, обращающіяся къ выгодѣ государей, бываютъ плодами ихъ предусмотрительности и ловкости: вслѣдствіе такого предубѣжденія, думали, что король содѣйствовалъ перевороту, случившемуся въ Россіи. Но ничего подобнаго не было: онъ не принималъ въ этомъ событіи никакого участія и узналъ о немъ одновременно со всѣми. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, когда маршалъ Бель-Иль находился въ лагерѣ при Мольвицѣ, завязался разговоръ о дѣлахъ въ Россіи. Маршалъ былъ, повидимому, очень недоволенъ поведеніемъ принца Антона и его супруги, правительницы и, въ порывѣ гнѣвной вспышки, спросилъ короля, будетъ ли для него непріятно, если въ Россіи совершится переворотъ въ пользу Елисаветы и въ ущербъ молодому императору Ивану, его племяннику; на что король отвѣчалъ, что въ числѣ государей считаетъ родственниками только своихъ друзей. Разговоръ тѣмъ кончился, и вотъ все, что̀ происходило по этому поводу.

Въ теченіе этой зимы, Берлинъ былъ средоточіемъ переговоровъ. Франція понуждала короля открыть военныя дѣйствія; Англія убѣж-

---

политическимъ пристрастіемъ. Въ Исторіи Россіи С. М. Соловьева и въ бумагахъ, обнародованныхъ изъ архива князя Воронцова, находятся неопровержимыя свидѣтельства именно о державныхъ способностяхъ и твердыхъ политическихъ мысляхъ императрицы Елисаветы Петровны.

дала его заключить миръ съ Австріей; Испанія домогалась союза съ нимъ, а Данія—его совѣтовъ, для перемѣны своей политики. Швеція просила его помощи, Россія—его услугъ въ Стокгольмѣ, а Германская имперія, вздыхая о мирѣ, убѣдительно ходатайствовала о прекращеніи волненій.

*

Пока это происходило на югѣ Европы [12]), правительство новой императрицы Россійской утверждалось въ Петербургѣ. Ея министрамъ удалось, одними переговорами, усыпить и Французскаго посла, и Левенгаупта, командовавшаго Шведскими войсками въ Финляндіи. Русскіе ловко воспользовались этимъ временемъ для усиленія своего войска. Какъ скоро Ласси, ихъ главнокомандующій, убѣдился въ своей силѣ, онъ началъ наступленіе. Ему стоило показаться, Шведы вездѣ отступали: Русское имя, произносимое ими не иначе какъ съ презрѣніемъ со времени Нарвской битвы, сдѣлалось для нихъ страшно, и самыя крѣпкія позиціи казались для нихъ ненадежнымъ убѣжищемъ. Спасаясь бѣгствомъ съ одного мѣста на другое, они были стѣснены въ Фридрихсгамѣ, гдѣ Русскіе отрѣзали имъ единственный путь отступленія; наконецъ, эти Шведы сложили оружіе и подписали позорную капитуляцію [13]), которая запятнала ихъ народную славу: двадцать тысячъ Шведовъ сдались безъ борьбы двадцати семи тысячамъ Русскихъ. Ласси обезоружилъ и отпустилъ природныхъ Шведовъ, а Финляндцы присягнули на подданство. Какой примѣръ униженія для гордости и тщеславія націи! Швеція, во времена Густавовъ и Карловъ считавшаяся отчизною воинской доблести, сдѣлалась нынѣ образцомъ малодушія и позора; таже самая страна, въ дни своего процвѣтанія производила героевъ, а при народномъ правленіи лишь генераловъ безъ твердости и чести: вмѣсто Аххиловъ рождала однихъ Ѳерситовъ. Такъ царства и державы, то возвышаются, то падаютъ и клонятся къ разрушенію. Тутъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо умѣстно изреченіе: «Суета суетъ и всяческая суета!»

Политическая причина такихъ превратностей заключается, вѣроятно, въ различныхъ видахъ правленія, смѣнявшихся въ Швеціи. Пока у нихъ была монархія, воинское званіе пользовалось почетомъ: войско считалось нужнымъ для защиты государства, которому не могло казаться страшнымъ [14]). Въ правленіи народномъ мы видимъ противное: правительство должно, по своему существу, быть миролюби-

---

[12]) Т. е. завоеваніе Силезіи Фридрихомъ и общія его съ Французами передвиженія въ Богеміи.

[13]) Въ Гельзингфорсѣ, 4-го Сентября 1742 года.

[14]) А Римъ? Спарта? Англія Кромвеля, въ сравненіи съ Англіей Карла II-го? Франція 1792 года? Америка при Линкольнѣ и Грантѣ? Весь древній міръ: съ одной стороны Греція и свобода, съ другой—Персы и сатрапы. *Примѣчаніе переводчика.* Фридрихъ писалъ эти строки въ то время, когда ему нужно было усиленіе самодержавія въ Швеціи, гдѣ король въ это время женился на его сестрѣ.

вымъ, воинское званіе должно быть униженнымъ; слѣдуетъ опасаться всего со стороны генераловъ, которые могутъ привязать къ себѣ войска; чрезъ нихъ можетъ произойти переворотъ. Въ республикахъ честолюбіе прибѣгаетъ къ проискамъ для достиженія своихъ цѣлей; подкупы понемногу ихъ унижаютъ, и понятіе о чести теряется, потому что можно обогащаться путями, не требующими никакихъ достоинствъ отъ домогающихся. Кромѣ того, въ республикахъ никогда не сохраняется тайна: непріятель бываетъ предостереженъ впередъ о замыслахъ и можетъ принять свои мѣры. Но Французы не кстати возбудили завоевательныя стремленія, не совсѣмъ еще изгладившіяся въ умахъ у Шведовъ, дабы столкнуть ихъ съ Русскими, въ такое время, когда у Шведовъ не было ни денегъ, ни обученныхъ солдатъ, ни порядочныхъ генераловъ.

Тогдашнее превосходство Россіи заставило Шведовъ послать въ Петербургъ двухъ сенаторовъ съ предложеніемъ Шведской короны молодому великому князю, принцу Голштинскому, племяннику императрицы. Не могло быть для этой націи ничего унизительнѣе отказа великаго князя, который нашелъ эту корону недостойною себя. Маркизъ Ботта, въ то время Австрійскій министръ въ Петербургѣ, привѣтствуя великаго князя, сказалъ ему: «Я желалъ бы, чтобъ королева, моя повелительница, столь же легко могла сохранять владѣнія, какъ ваше императорское высочество легко отъ нихъ отказываетесь». Послѣ такого отказа, духовенство и крестьяне, имѣющіе голосъ на сеймахъ, хотѣли назначить преемникомъ своему королю наслѣднаго принца Датскаго; сенаторы Французской партіи хлопотали о принцѣ Цвейбрюкенскомъ; но Елисавета высказалась за епископа Эйтинскаго, дядю великаго князя, и ея воля устранила прочія искательства. Избраніе состоялось только въ 1743 г.: такъ сильны были въ Стокгольмѣ происки, которыми замедлялось рѣшеніе сейма.

*

Король открылъ въ Петербургѣ переговоры о предметахъ ему близкихъ: дѣло шло о гарантіи Бреславльскаго договора Елисаветою [15]). Наиболѣе воспротивились тому Англичане и Австрійцы, дѣйствовавшіе однако подъ рукою. Оба брата Бестужевы, министры императрицы, прельщенные приманкою десяти тысячъ гиней, нашли средство затянуть окончаніе этого дѣла различными препятствіями. Королева Венгерская смотрѣла на уступку Силезіи какъ на вынужденное дѣйствіе, отъ котораго она могла отречься со временемъ, сославшись на крайность, заставившую ее покориться тяжкимъ обстоятельствамъ. Англичане хотѣли изолировать Прусскаго короля и лишить его всякой поддержки, чтобъ удержать въ полной отъ себя зависимости. Какъ бы ни старались государи скрывать подобныя намѣренія, но имъ рѣдко удается сохранить ихъ въ тайнѣ.

Въ то время произошла ратификація Фридрихсгамскаго мира между

---

[15]) Бреславльскимъ договоромъ 1743 года Австрія уступила Фридриху Силезію.

Россіею и Швеціею. Потеря нѣкоторыхъ пустынныхъ округовъ Финляндіи была наименьшимъ зломъ, постигшимъ Шведовъ: самоуправство Русскихъ въ Стокгольмѣ покрыло націю крайнимъ позоромъ; на каждаго подданнаго императрицы смотрѣли въ Швеціи также, какъ въ Галліи временъ Юлія Цезаря на Римскаго сенатора.

Народъ, постигнутый бѣдствіемъ, всегда находитъ враговъ. Датчане захотѣли воспользоваться упадкомъ Швеціи. Въ Стокгольмѣ собранъ былъ сеймъ для ратификаціи мира съ Россіею и для избранія наслѣдника престола. Король Датскій, намѣреваясь соединить на головѣ своего сына, королевскаго принца, три короны: Шведскую, Датскую и Норвежскую, произвелъ бунтъ въ Кареліи, возмущалъ духовенство, подкупалъ нѣкоторыхъ горожанъ; но онъ встрѣтилъ столько препятствій къ исполненію своего замысла, что сей послѣдній оказался мертворожденнымъ. Датскія и Шведскія войска уже собирались на границахъ. Стокгольмскій сеймъ поспѣшно искалъ посторонней помощи: онъ обратился къ посредничеству короля для исходатайствованія сдѣлки съ сосѣдями. Король принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, и Датскій король отвѣчалъ ему, что, во вниманіе къ его увѣщаніямъ, не будетъ торопить событій. Но, что̀ покажется почти невѣроятнымъ, эти самые Шведы, которые только что заключили постыдный миръ съ Россіею, стали умолять императрицу о ея покровительствѣ противъ Датчанъ. Елисавета согласилась и отправила генерала Кейта на галерахъ съ 10 тысячами вспомогательнаго войска. Тогда, благодаря этимъ войскамъ, былъ избранъ принцъ Голштинскій, епископъ Любскій, вмѣсто принца Датскаго, наслѣдникомъ престарѣлаго Шведскаго короля, ландграфа Гессенскаго. Такимъ образомъ, почти въ одинъ и тотъ-же годъ, Швеція была разбита, поддержана и наконецъ отдана принцу Голштинскому императрицею Россійскою. Стокгольмскій Сенатъ утѣшилъ себя въ невзгодахъ жестокостями: генералы Будденброкъ и Левенгауптъ погибли на плахѣ. Ихъ обвиняли въ измѣнѣ и предательствѣ, но безъ доказательствъ: они были виновны только въ неспособности и недостаткѣ энергіи.

....Легкость, съ какою Вѣнскій дворъ вовлекъ Сардинскаго короля въ союзъ съ Австріею, убѣдила его, что онъ можетъ разсчитывать на подобный же успѣхъ въ Россіи, дабы держава эта поддержала то, что̀ онъ называлъ правымъ дѣломъ. Франція провѣдала объ этомъ и послала маркиза Шетарди въ Петербургъ, для противодѣйствія намѣреніямъ ея враговъ. Шетарди, который своими ловкими дѣйствіями возвелъ Елисавету на престолъ, думалъ теперь, въ новый пріѣздъ свой, получить знаки признательности Русскаго двора, но испыталъ вмѣсто того неблагодарность. Въ этой странѣ происходило тогда сильное броженіе; судьба столькихъ низверженныхъ государей возбуждала неудовольствіе въ средѣ вельможъ, связывавшихъ съ ихъ участью свои личныя выгоды: недоставало только вождя, чтобъ открыто поднять знамя бунта. Державы, непремѣнно хотѣвшія добиться помощи отъ Россіи и не видѣвшія успѣха, воспользовались этимъ зарождавшимся броженіемъ и затѣяли противъ императрицы заговоръ, который, къ счастію для нея, былъ обнаруженъ. Въ разъясненіе этой опасной

крамолы нужно припомнить, что Вѣнскій дворъ съ прискорбіемъ отнесся къ роковому событію, погубившему Антона Брауншвейгскаго и его супругу: достаточно было того, что Франція способствовала этому перевороту, чтобъ сдѣлать его ненавистнымъ для Австріи. Притомъ слѣдовало предполагать, что императрица Елисавета не забудетъ услуги, оказанной ей Франціею, и явитъ болѣе расположенія къ этой державѣ, чѣмъ къ Австріи, въ особенности по причинѣ близкаго родства королевы Венгерской съ низложеннымъ семействомъ. Такое предположеніе, въ глазахъ Вѣнскаго министерства, вполнѣ оправдывало всякія предпріятія, клонившіяся къ погибели императрицы Россійской. Маркизъ Ботта Адорно, посланникъ королевы Венгерской въ Петербургѣ, имѣлъ тайный наказъ создать заговоръ. Онъ при этомъ дворѣ служилъ для возбужденія и раздраженія умовъ: онъ подущалъ женщинъ, связывался съ лицами всѣхъ состояній и свойствъ, къ предательству присоединялъ клевету, увѣряя въ покровительствѣ короля Прусскаго всѣхъ радѣтелей его шурина и его племянника, молодаго низложеннаго императора. Злоупотребляя именемъ короля въ этихъ козняхъ, маркизъ Ботта имѣлъ цѣлью поссорить его съ Россіей, въ случаѣ открытія заговора. Заговоръ дѣйствительно обнаружился, но кнутъ повѣдалъ императрицѣ Россійской, что Ботта былъ его зачинщикомъ. Дѣло открылось по неосторожности одного Русскаго, который, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, произнесъ дерзкія слова въ трактирѣ. Полиція схватила его; онъ и арестованные сообщники его сознались во всемъ подъ страхомъ пытокъ. Въ Москвѣ было взято подъ стражу до сорока человѣкъ, которые показали во всемъ согласно съ первыми. Графинѣ Ягужинской вырѣзали языкъ; жена Бестужева, брата министра, сослана въ Сибирь, и затѣмъ множество людей заплатили своею горькою участью за прельщенія маркиза Ботты. Этотъ министръ предостерегся своевременно, смѣнивъ себя другимъ министромъ еще до открытія заговора, дабы не поплатиться своею личностью и честью своего званія въ случаѣ неудачи. Онъ состоялъ уже при Берлинскомъ дворѣ, когда заговоръ обнаружился. Король, узнавъ о происшествіяхъ въ Россіи, запретилъ ему являться ко двору и присоединился къ императрицѣ Россійской для истребованія удовлетворенія отъ королевы Венгерской, такъ какъ Ботта одинаково оскорбилъ и императрицу и короля Прусскаго. Гнусное поведеніе Ботты отчасти легло пятномъ и на его дворъ. Если Французы подали примѣръ подобнаго предпріятія, то Австрійцамъ не слѣдовало подражать имъ. Что̀ сталось бы съ общественною безопасностью и съ неприкосновенностью самихъ государей, еслибъ открывалась широкая возможность мятежу, отравленіямъ, убійствамъ? И какое толкованіе народнаго права можетъ оправдать подобныя дѣянія? Развѣ политика не имѣетъ честныхъ путей, которыми можетъ пользоваться, и нужно-ли отрекаться отъ всякаго чувства долга и чести, въ виду корыстныхъ цѣлей, весьма часто обманчивыхъ? Достойно сожалѣнія, что въ XVIII-мъ вѣкѣ, болѣе гуманномъ, болѣе просвѣщенномъ чѣмъ предшествовавшіе, Франція и Австрія заслужили подобные упреки.

Королева Венгерская не одобрила и не осудила своего министра. Неудачная попытка Вѣнскаго двора представила Берлинскому средство тѣснѣе сблизиться съ Петербургскимъ: король писалъ о томъ Мардефельду, своему посланнику при Елисаветѣ. Этотъ ловкій дипломатъ старался придать болѣе обширное толкованіе договору, существовавшему между обѣими державами. Послѣ многихъ проволочекъ, онъ добился только довольно-неопредѣленной гарантіи Прусскихъ владѣній, выраженной такъ двусмысленно, что не стоило о ней хлопотать. Хотя этотъ договоръ не имѣлъ никакой силы, но онъ могъ служить страшилищемъ для дворовъ, враждебныхъ Пруссіи: чтобы ослѣпить, годятся и стразы вмѣсто алмазовъ. Графъ Бестужевъ отклонялъ императрицу отъ заключенія болѣе тѣснаго союза съ королемъ Прусскимъ. Шетарди, недовольный этимъ министромъ, старался о его смѣщеніи. Мардефельдъ былъ уполномоченъ содѣйствовать ему; но опытность Мардефельда оказалась безсильною противъ звѣзды Бестужева.

....Изо всѣхъ сосѣдей Пруссіи Россійская имперія заслуживаетъ преимущественнаго вниманія, какъ сосѣдка наиболѣе опасная. Она могущественна и близка. Будущимъ правителямъ Пруссіи также предлежитъ искать дружбы этихъ варваровъ. Короля не столько страшила численность Русскихъ войскъ, сколько эта толпа казаковъ и Татаръ, которые выжигаютъ цѣлыя области, убиваютъ жителей или уводятъ ихъ въ плѣнъ: они опустошаютъ страну, наводняемую ими. Притомъ, съ другимъ непріятелемъ можно возмещать претерпѣваемый вредъ; но это становится невозможнымъ относительно Россіи, если не имѣть въ своемъ распоряженіи сильнаго флота для обереженія и продовольствія арміи, которая направляла бы свои дѣйствія прямо на Петербургъ. Въ видахъ пріобрѣтенія дружбы Россіи, король не щадилъ никакихъ усилій. Къ тому клонились и переговоры, которые онъ велъ въ Швеціи. Императрица Елисавета намѣревалась въ то время женить великаго князя, своего племянника, дабы упрочить престолонаслѣдіе. Хотя ея выборъ еще ни на комъ не остановился, однакожъ она склонна была отдать предпочтеніе принцессѣ Ульрикѣ Прусской, сестрѣ короля. Саксонскій дворъ желалъ выдать принцессу Маріанну, вторую дочь Августа, за великаго князя, съ цѣлію пріобрѣсти этимъ вліяніе у императрицы. Россійскій министръ, котораго подкупность доходила до того, что онъ продалъ бы свою повелительницу съ аукціона, еслибъ онъ могъ найти на нее достаточно богатаго покупателя, ссудилъ Саксонцевъ за деньги обѣщаніемъ брачнаго союза. Король Саксонскій заплатилъ условленную сумму и получилъ за нее одни слова.

Было крайне опаснымъ для государственнаго блага Пруссіи допустить семейный союзъ между Саксоніею и Россіею, а съ другой стороны казалось возмутительнымъ пожертвовать принцессою королевской крови для устраненія Саксонки. Избрано было другое средство. Изо всѣхъ Нѣмецкихъ принцессъ, которыя по возрасту своему могли вступить въ бракъ, наиболѣе пригодною для Россіи и для интересовъ Пруссіи была принцесса Цербстская. Отецъ ея былъ фельд-

маршаломъ королевскихъ войскъ; мать, принцесса Голштинская, была сестрою наслѣднаго принца Шведскаго, теткою великаго князя Россійскаго. Мы не станемъ входить въ подробности переговоровъ объ этомъ дѣлѣ; достаточно будетъ сказать, что довести ихъ до благополучнаго исхода стоило немаловажнаго труда. Самому отцу невѣсты этотъ бракъ не нравился. Не уступая въ ревности къ лютеранству современникамъ Лютеровой реформы, онъ лишь тогда согласился, чтобы его дочь приняла схизматическое исповѣданіе, когда одинъ болѣе сговорчивый пасторъ растолковалъ ему, что Лютеранская вѣра и Греческая почти одно и тоже. Въ Россіи Мардефельдъ такъ искусно скрылъ отъ канцлера Бестужева пружины, пущенныя имъ въ ходъ, что принцесса Цербстская появилась въ Петербургѣ къ изумленію всей Европы, и императрица приняла ее въ Москвѣ со всѣми знаками расположенія и дружбы.

Еще не всѣ препятствія были улажены; оставалось еще одно затрудненіе, а именно, близкое родство жениха съ невѣстою. Для устраненія этого препятствія употреблены деньги, что̀ вездѣ бывало лучшимъ средствомъ противъ богословскихъ споровъ. Попы и епископы, принявъ должную мзду, рѣшили, что этотъ бракъ вполнѣ согласенъ съ канонами Греческой церкви.

Баронъ Мардефельдъ, не довольствуясь этимъ первымъ успѣхомъ, задумалъ исходатайствовать перемѣщеніе опальнаго семейства изъ Риги въ какое нибудь мѣсто Россіи и успѣлъ въ этомъ. Личная безопасность императрицы требовала, чтобы эти лица, которыхъ одна революція свергла съ престола, а другая могла возстановить, находились подальше отъ Петербурга. Ихъ увезли за Архангельскъ, въ мѣстность столь дикую, что даже названіе ея неизвѣстно [16]). Въ то время какъ мы пишемъ эти записки, принцъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгскій все еще находится тамъ. Мардефельдъ и маркизъ Шетарди, считая себя сильными послѣ пріѣзда принцессы Цербстской, пожелали увѣнчать дѣло отставкою великаго канцлера Бестужева, врага Франціи по капризу и приверженца Англіи по разсчету. Это былъ человѣкъ невысокихъ способностей, мало свѣдущій въ дѣлахъ, гордый по невѣжеству, нрава лицемѣрнаго, коварный и двоедушный даже съ тѣми, кто подкупалъ его. Происки двухъ иностранныхъ министровъ были настолько успѣшны, что разлучили обоихъ братьевъ. Оберъ-гофмаршалъ Бестужевъ былъ отправленъ въ Берлинъ [17]) въ качествѣ Россійскаго полномочнаго министра; но

---

[16]) Разговоръ Фридриха съ графомъ Чернышовымъ объ этомъ предметѣ см. въ Р. Архивѣ 1866, стр. 1541. Фридрихъ ошибался относительно мѣста заточенія: Брауншвейгское семейство въ это время было отправлено въ Раненбургъ, Рязанской губерніи, откуда оно было перевезено въ Холмогоры гораздо позднѣе, когда тотъ же Фридрихъ замышлялъ освободить потомковъ царя Ивана Алексѣевича и произвести государственный переворотъ въ Россіи.

[17]) 28 Апрѣля 1744 г. оберъ-гофмаршалъ Бестужевъ заступилъ въ Берлинѣ мѣсто графа Чернышева, который, въ Сентябрѣ того же года, въ свою очередь замѣнилъ собою Бестужева.

канцлеръ, слишкомъ твердо укоренившійся при дворѣ, устоялъ противъ всѣхъ нападеній. Мардефельдъ сумѣлъ утаить свое участіе въ этихъ козняхъ; Шетарди, менѣе осторожный, слишкомъ обнаружился. За то, не стѣсняясь ни его званіемъ, ни оказанными услугами, дворъ выпроводилъ его изъ Россіи поспѣшнымъ и очень непочетнымъ образомъ.

Послѣ того какъ императрица остановила свой выборъ на принцессѣ Цербстской для брака съ великимъ княземъ, уже легче было получить ея согласіе на бракъ принцессы Прусской Ульрики съ новымъ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ. Пруссія на этихъ двухъ бракосочетаніяхъ основывала свою безопасность: принцесса Прусская у Шведскаго престола не могла быть врагомъ королю, своему брату; а великая княгиня Русская, воспитанная и вскормленная въ Прусскихъ владѣніяхъ, обязанная королю своимъ возвышеніемъ, не могла вредить ему безъ неблагодарности. Хотя въ то время нельзя было скрѣпить союза съ Россіею и замѣнить канцлера Бестужева болѣе доброжелательнымъ министромъ, однакоже прибѣгли къ золотому ключу, чтобы отомкнуть сердце, запертое желѣзными вратами: такова была, до самаго 1745 г., риторика Мардефельда, посредствомъ которой онъ умѣрялъ недоброхотство этого злобнаго человѣка.

Всѣ вышеизложенныя нами обстоятельства доказываютъ, что король Прусскій не вполнѣ успѣлъ въ своихъ домогательствахъ, и что достигнутое имъ отъ Россіи не совсѣмъ соотвѣтствовало его надеждамъ. Но важно было и то, что удалось усыпить на нѣкоторое время недоброжелательство столь грозной державы; а кто выигралъ время, тотъ вообще не остался въ накладѣ.

Переводилъ Маврикій Жуазель.

Канцлеръ князь Безбородко *).

XVI.

ТРУДЫ ПО ДОЛЖНОСТИ СЕКРЕТАРЯ ЕКАТЕРИНЫ II И «КАНЦЕЛЯРІЯ ГРАФА БЕЗБОРОДКИ».

Извѣстно, что Безбородко первоначально опредѣленъ былъ для принятія челобитенъ, подаваемыхъ на высочайшее имя. Изъ современной «росписи чиновныхъ особъ» узнаёмъ, что лица, состоявшія у принятія челобитенъ, числились «при собственныхъ Ея Величества дѣлахъ», которыя какъ-бы подраздѣлялись на двѣ отдѣльныя канцеляріи: а) «Собственныхъ Ея Величества дѣлъ» и б) «Принятія челобитенъ». Когда Безбородко опредѣлился ко двору, составъ секретарей Государыни былъ небольшой, именно товарищами его въ то время были: по «собственнымъ Ея Величества дѣламъ», тайн. сов. и сенаторъ Григорій Николаевичъ Тепловъ и гофмейстеръ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ; «у принятія челобитенъ» — тайн. сов., таможенной канцеляріи членъ, Сергѣй Матвѣевичъ Козьминъ, ст. сов. Петръ Николаевичъ Пастуховъ и генералъ-маіоръ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Сей послѣдній вскорѣ получилъ новое назначеніе и затѣмъ отпущенъ былъ въ «безсрочный вояжъ», хотя и числился долгое время въ штатѣ секретарей.

При каждомъ изъ названныхъ лицъ находились особые чиновники, составляя какъ бы отдѣльную канцелярію, которая зависѣла отъ своего статсъ-секретаря. Въ послѣдствіи число секретарей и состоящихъ при нихъ чиновниковъ измѣнялось; но Безбородко сохранялъ званіе секретаря какъ при Екатеринѣ II, такъ и при Павлѣ I. Между этими секретарями распредѣлены были государственныя учрежденія, дѣла которыхъ восходили на утвержденіе и рѣшеніе императорской власти. Доклады секретарей императрицѣ происходили ежедневно во все время ея царствованія. Почти одинаковъ былъ и порядокъ этихъ докладовъ. Весьма интересныя свѣдѣнія о занятіяхъ и вообще о ежедневномъ образѣ жизни Екатерины II за первые годы ея царство-

---

*) Первыя главы этого обширнаго и нынѣ оконченнаго труда (предпринятаго для соисканія преміи графа Кушелева-Безбородки) помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1875 и 1876 годовъ. Читатели извинятъ отрывочное появленіе этихъ главъ во вниманіе къ богатству содержанія ихъ и біографической подлинности. Князь Безбородко имѣлъ столь великое государственное значеніе, что полная біографія его будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ Русской исторіографіи. *П. Б.*

ванія находимъ въ одномъ изъ ея писемъ, адресованныхъ къ г-жѣ Жоффренъ, именно отъ 6 Ноября 1764 года.

«Я встаю аккуратно въ 6 часовъ утра (говоритъ Екатерина), читаю и пишу одна до 8, потомъ приходятъ мнѣ читать разныя дѣла. Всякій, кому нужно говорить со мною, входитъ по-очередно, одинъ за другимъ. Такъ продолжается до 11 часовъ и долѣе. Потомъ я одѣваюсь. По Воскресеньямъ и праздникамъ иду къ обѣднѣ; въ другіе же дни выхожу въ пріемную залу, гдѣ обыкновенно дожидается меня множество людей. Поговоривъ полчаса или $^{3}/_{4}$ часа, я сажусь за столъ. По выходѣ изъ-за стола является несносный генералъ [1], чтобы читать мнѣ наставленія: онъ беретъ книгу, а я свою работу. Чтеніе наше, если не прерываютъ пакеты съ письмами и другія помѣхи, длится до 5 часовъ съ половиною. Тогда я отправляюсь въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ случится, до ужина, который кончается ранѣе 11 часовъ. Затѣмъ я ложусь, и на другой день повторяется тоже самое, какъ по нотамъ» [2].

О занятіяхъ и ежедневномъ образѣ жизни Екатерины II за послѣдніе годы ея царствованія подробно разсказываетъ въ своихъ Запискахъ А. М. Грибовскій, опредѣленный въ должность статсъ-секретаря въ началѣ 1795 года. Зимнее время она проводила въ среднемъ этажѣ дворца, надъ правымъ малымъ подъѣздомъ, противъ бывшаго Брюсовскаго дома, гдѣ нынѣ экзерциргаузъ, а на лѣто переѣзжала сначала въ Таврическій дворецъ, а потомъ, и всегда инкогнито, въ Царское Село. Въ Зимнемъ дворцѣ Императрица занимала немного комнатъ. Малая лѣстница вела въ комнату, обращенную окнами къ малому дворику. Въ этой комнатѣ, «за ширмами, на случай скораго отправленія приказаній Государыни», стоялъ письменный столъ съ приборомъ, за которымъ работали секретари и другія дѣловыя особы. Изъ этой комнаты былъ входъ въ уборную, обращенную окнами на дворцовую площадь и снабженную уборнымъ столикомъ. Изъ уборной одна дверь, направо, вела въ брилліантовую комнату, а другая, налѣво, въ спальню, гдѣ Государыня «обыкновенно дѣла слушала».

Въ послѣдніе свои годы Екатерина II вставала уже не въ 6, а въ 8 часовъ утра и до 9 часовъ занималась письмомъ въ своемъ кабинетѣ, выпивая одну чашку кофе безъ сливокъ. Въ 9 часовъ она возвращалась въ спальню, и здѣсь «у самаго почти входа изъ уборной садилась на стулъ, подлѣ стѣны, имѣя предъ собою два выгибныхъ столика, которые впадинами стояли одинъ къ ней, а другой въ противоположную сторону, и передъ симъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ. Въ сіе время на ней былъ обыкновенно бѣлый гродетуровый шлафрокъ или капотъ, а на головѣ бѣлый же флеровый чепецъ, нѣсколько на лѣвую сторону наклоненный [3]). Государыня, занявъ свое мѣсто, звонила въ колокольчикъ, и стоявшій безотходно у дверей спальни дежурный камердинеръ входилъ и, вышедъ, звалъ кого при-

---

[1]) Vilain général. Такъ называла Екатерина въ шутку И. И. Бецкаго, конечно знакомаго г-жѣ Жофренъ по Парижу.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. I, стр. 261.

[3]) Кто былъ на выставкѣ портретовъ историческихъ лицъ XVIII и XIX столѣтій, устроенной обществомъ поощренія художниковъ въ С.-Петербургѣ, тотъ, конечно, обратилъ вниманіе на портретъ великой наставницы и сотрудницы князя Безбородко, изображенной именно въ этомъ видѣ.

казано было. Въ это время собирались въ уборную ежедневно оберъ-полиціймейстеръ и секретари, въ одиннадцатомъ же часу пріѣзжалъ графъ Безбородко; а для другихъ чиновъ назначены были въ недѣлю особые дни.

Грибовскій сообщаетъ и о поклонахъ, какіе дѣлалъ Безбородко, входя съ докладомъ къ Императрицѣ. Разсказавъ о Суворовѣ, который, при входѣ, прежде дѣлалъ три земныхъ поклона предъ иконою Казанской Богоматери и, потомъ, одинъ поклонъ императрицѣ, Грибовскій прибавляетъ: «Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и графъ Безбородко и нѣкоторые другіе, только безъ земныхъ поклоновъ передъ Казанскою» [4]).

Безбородко началъ свою службу при Екатеринѣ въ качествѣ докладчика по челобитнымъ. Въ нашемъ распоряженіи находится огромное количество писемъ его къ генералъ-прокурорамъ: князю Вяземскому и графу Самойлову и къ оберъ-прокурорамъ Св. Синода: И. И. Мелиссино, П. П. Чебышеву, С. В. Акчурину, А. П. Наумову и А. И. Мусину-Пушкину, къ которымъ Безбородко, по волѣ императрицы, пересылалъ челобитныя, какъ жалобы на присутственныя мѣста, состоявшія подъ вѣдѣніемъ Сената и Синода, или какъ просьбы.

Какъ ни незначительны письма Безбородки къ названнымъ лицамъ по своему содержанію и какъ ни оффиціально-лаконичны они по изложенію, во всякомъ случаѣ они даютъ возможность сказать, что всеподданнѣйшія просьбы, подаваемыя Екатеринѣ въ періодъ времени съ начала 1776 года до второй половины 1792 года, разсматривались и докладывались ей исключительно Безбородкою. Только съ Августа 1792 года челобитныя нерѣдко посылались при письмахъ Зубова, Терскаго, Грибовскаго, Трощинскаго и особенно Г. Р. Державина. На послѣдняго, кажется, преимущественно была возложена эта обязанность, пока онъ не получилъ новаго назначенія [5]).

Въ своей перепискѣ по челобитнымъ съ генералъ- и оберъ-прокурорами Безбородко является простымъ исполнителемъ воли Екатерины, у которой подданные искали защиты и милосердія. А волею Государыни требовалось: или чтобы просители, не смотря на санъ и званіе, были удовлетворены «немедленно и по закону», или—чтобы дѣло челобитчика было «разсмотрѣно по законамъ въ общемъ собраніи Сената», или чтобы оно было рѣшено «безъ очереди, немедленно», и нерѣдко «къ извѣстному числу».

Въ лаконическихъ письмахъ Безбородки будущій историкъ Екатерининскаго царствованія найдетъ обильный матеріалъ словесныхъ распоряженій Монархини, уму которой удивлялась тогда Европа. Они помогутъ ему также охарактеризовать дѣйствія тогдашнихъ государственныхъ учрежденій за вторую половину ея царствованія.

Недолго Безбородко ограничивался докладомъ челобитенъ. Увлеченная отчетливостью его устныхъ объясненій и выработанностію письменнаго изложенія, Государыня начала возлагать на него самыя разнообразныя дѣла, и Безбородко, естественно, занялъ положеніе главнаго секретаря Императрицы и сдѣлался докладчикомъ дѣлъ отъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Безбородко писалъ отцу своему:

---

[4]) Записки А. М. Грибовскаго. М. 1847 г., стр. 24—29.

[5]) Въ архивахъ Сенатскомъ и Кабинета Е. И. В. въ С.-Петербургѣ я имѣлъ возможность видѣть за 1792 и 1793 годы большое число писемъ, подписанныхъ Державинымъ, по челобитнымъ.

«Меня вся публика и дворъ видятъ яко перваго ея (Императрицы) секретаря, потому что чрезъ мои руки идутъ дѣла Сената, Синода, Иностранной Коллегiи, не выключая и секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и большая часть дѣлъ собственныхъ (Екатерины)». Не состоя на службѣ въ большинствѣ этихъ учрежденій, Безбородко не могъ имѣть ближайшаго и непосредственнаго вліянія на сущность дѣлъ, докладываемыхъ Екатеринѣ; но кто знаетъ значеніе и вліяніе докладчиковъ на тѣ лица, которымъ они докладываютъ, кто знаетъ, что отъ докладчика весьма часто зависитъ не только направленіе дѣла въ ту или другую сторону, но и разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ, тотъ конечно не будетъ смотрѣть на Безбородку, какъ на простаго предъявителя разныхъ сообщеній отъ одной власти другой.

Близость и довѣріе, которыми Безбородко пользовался у Екатерины, естественно вели къ тому, что опытный, свѣдущій и трудолюбивый секретарь долженъ былъ получить при докладахъ рѣшительное вліяніе на характеръ рѣшеній Государыни. Подлинныя бумаги свидѣтельствуютъ, что дѣло именно такъ и было. Множество сохранившихся резолюцій, указовъ и рескриптовъ, писанныхъ рукою Безбородки и только подписанныхъ Императрицею, наводитъ прямо на мысль, что она совѣтовалась съ нимъ касательно тѣхъ или другихъ распоряженій, соглашалась съ его мнѣніями и поручала ему самому выразить на бумагѣ эти мнѣнія, которыя потомъ и подписывала.

Такимъ образомъ канцелярія Безбородки, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе расширялась соотвѣтственно увеличенію круга предметовъ, входившихъ въ область его занятій; а къ началу 1780 года въ канцеляріи этой сосредоточились почти всѣ дѣла, восходившія на утвержденіе или рѣшеніе императорской власти. Долго и утомительно было бы перечислять акты, вышедшіе изъ канцеляріи Безбородки по докладамъ его Екатеринѣ о дѣлахъ, касавшихся разныхъ вѣдомствъ. Но нельзя умолчать, что въ архивѣ Кабинета Его Императорскаго Величества хранятся исходящія книги всѣхъ секретарей, бывшихъ при императрицѣ Екатеринѣ и императорѣ Павлѣ, и наибольшее число связокъ принадлежитъ дѣламъ «канцеляріи Безбородки», на которыхъ наклеены ярлыки съ надписью «докладчиковъ Трощинскаго и другихъ». 12 связокъ (съ № 39 по 51 включительно) содержатъ въ себѣ 50 книгъ, которыя даютъ наглядное понятіе о трудахъ Безбородки, какъ секретаря Екатерины и какъ докладчика по разнымъ дѣламъ. Эти исходящія книги свидѣтельствуютъ, что чрезъ его руки проходили дѣла всѣхъ учрежденій, составляющихъ государственный механизмъ, и что чрезъ него Государыня переписывалась со всѣми лицами, которымъ были ввѣрены въ управленіе какія либо части.

Труды Безбородки совершенно сливаются съ трудами его канцеляріи. Пользуясь, поэтому, сохранившимися бумагами сей послѣдней, на основаніи разнаго рода актовъ, можно опредѣлить порядокъ разнообразныхъ сношеній императорской власти при Екатеринѣ II съ различными учрежденіями государства, равно такъ и отправленія многосложной дѣятельности, обнаруженной Безбородкою, по должности главнаго секретаря Екатерины.

Сношенія верховной власти съ государственными учрежденіями, при Екатеринѣ, производились а) чрезъ манифесты, непосредственно исходившіе отъ верховной власти, б) чрезъ именные указы, объяв-

ляемые на имя учрежденія, или на имя начальствующаго надъ нимъ, въ формѣ рескриптовъ [6]), в) чрезъ утвержденіе всеподданнѣйшихъ докладовъ, и г) чрезъ письма секретарей на имя разныхъ лицъ.

По исходящимъ книгамъ канцеляріи Безбородки, актовъ, подписанныхъ Государыней, насчитывается 14,572 и 9651 письмо, подписанное Безбородкою и объявлявшее волю Екатерины [7]). По разнымъ случаямъ, изъ числа 24,223 документовъ [8]), изготовленныхъ въ канцеляріи Безбородки, 893 акта напечатаны въ первомъ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи. Это положительно свидѣтельствуетъ о глубокихъ юридическихъ познаніяхъ Безбородки и позволяетъ повторить слова академика Н. Г. Устрялова, что «рѣдкое изъ внутреннихъ учрежденій въ Имперіи было издаваемо безъ совѣта и поправокъ Безбородки» [9]).

Не входя въ разсмотрѣніе всей массы документовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Безбородки, позволимъ себѣ, однако, сказать нѣсколько словъ о значеніи этихъ актовъ. Само собою разумѣется, что существеннѣйшіе и важнѣйшіе изъ документовъ, т. е. законодательные, вошли въ составъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, нумера коихъ будутъ указаны въ особомъ приложеніи къ настоящему труду. Вообще же всѣ разсматриваемые мною акты, какъ напечатанные въ Полномъ Собраніи Законовъ,такъ и не вошедшіе въ него, по административному своему значенію представляютъ слѣдующіе результаты секретарскихъ трудовъ графа Безбородки.

а) Къ числу важнѣйшихъ государственныхъ актовъ перваго отдѣла, принадлежатъ манифесты, которые, съ 1776 до второй половины 1792 года, составлялись исключительно въ канцеляріи Безбородки и всецѣло принадлежали его перу.

б) Ко второму отдѣлу принадлежатъ «именные высочайшіе указы», данные разнымъ государственнымъ учрежденіямъ или лицамъ. Я видѣлъ въ архивахъ множество этихъ актовъ, написанныхъ рукою Безбородки; но здѣсь ограничусь только замѣчаніемъ, что въ одномъ Сенатскомъ архивѣ хранится 387 имъ писанныхъ указовъ, данныхъ на имя этого учрежденія. Содержаніе этихъ актовъ, не напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, можно охарактеризовать нѣсколькими словами: ими даруются разнымъ лицамъ монаршія милости и, какъ кажется, всѣ они были написаны въ секретарской ком-

---

[6]) Разницу между рескриптомъ и именнымъ указомъ, данными одному и тому же лицу, я нахожу только во внѣшней формѣ. Рескриптъ начинается обращеніемъ къ лицу, которое называется по имени и отчеству, а указъ—обращеніемъ къ занимаемой лицомъ должности. «Князь Александръ Алексѣевичъ!» начинала Екатерина и излагала свои мысли въ рескриптѣ; «Господинъ генералъ-прокуроръ», обращалась она къ князю и писала ему указъ.

[7]) Исходящія книги канцеляріи Безбородки раздѣляются на два разряда и имѣютъ заглавія: а) «журналъ именныхъ высочайшихъ указовъ канцеляріи Безбородки» и б) «журналъ исходящимъ письмамъ Безбородки, которыми сообщаются Е. И. В. повелѣнія разнымъ особамъ и по разнымъ дѣламъ». По такимъ же книгамъ канцеляріи А. В. Храповицкаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ секретарей Екатерины, насчитывается тѣхъ и другихъ актовъ 759—подписанныхъ Императрицею 247 и его писемъ 512.

[8]) Всѣ документы исшедшіе изъ канцеляріи Безбородки и частная его переписка составляютъ предметъ особаго моего труда.

[9]) Русская Исторія, Спб., 1849 г., т. II, стр. 231.

натѣ, за ширмами, о которой говоритъ Грибовскій, такъ сказать, на лету, тотчасъ по изъявленіи монаршей воли. Громадное число этихъ указовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ государственнымъ архивамъ и относящихся къ разнымъ общественнымъ дѣятелямъ, начиная отъ князя Потемкина и княгини Дашковой и кончая какимъ-нибудь совершенно неизвѣстнымъ чиновникомъ, свидѣтельствуетъ, что до второй половины 1792 года щедроты великой Екатерины шли чрезъ руки Безбородки. Вотъ почему, между прочимъ, съ нимъ старались сблизиться, или у него искали покровительства всѣ, кто только искалъ милостей царскихъ. А кто ихъ не искалъ? Къ чести Безбородки должно сказать, что онъ искренно желалъ добра ближнимъ и охотно дѣлалъ его по правилу, которое усвоилъ себѣ, подъ вліяніемъ домашняго воспитанія, съ самаго дѣтства: «не желать того другимъ, чего себѣ не желаешь», какъ выразился онъ однажды въ письмѣ къ своему отцу.

Ко второму отдѣлу актовъ слѣдуетъ причислить рескрипты Екатерины, данные на имя разныхъ лицъ, которымъ ввѣрены были въ управленіе отдѣльныя части государственнаго строя. Исходящія книги канцеляріи Безбородки приводятъ къ убѣжденію, что чрезъ эту канцелярію Императрица сносилась со всѣми государственными людьми тогдашняго времени. По громадному количеству оставшихся копій съ рескриптовъ можно безошибочно заключить, что Безбородко былъ посвященъ Екатериною во всѣ государственныя тайны. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой физической возможности опредѣлить, которые изъ этихъ рескриптовъ принадлежали перу самого Безбородки, такъ какъ подлинные рескрипты отсылались къ тѣмъ лицамъ, которымъ они назначались, и весьма часто эти лица передавали присутственнымъ мѣстамъ копіи, а у себя оставляли подлинники, которые, такимъ образомъ, хранятся въ семейныхъ архивахъ ихъ наслѣдниковъ.

в) Что̀ касается до третьяго отдѣла актовъ, а именно до всеподданнѣйшихъ докладовъ, восходившихъ на утвержденіе и рѣшеніе императорской власти отъ различныхъ государственныхъ учрежденій и подчиненныхъ имъ лицъ, то въ нихъ Безбородко является истиннымъ знатокомъ законовъ, которые въ царствованіе Екатерины представляли непроходимый лабиринтъ даже для людей, посвященныхъ въ отечественную юриспруденцію. Безбородко представлялъ Императрицѣ эти доклады съ Марта 1778 по Ноябрь 1792 года, излагалъ ихъ, объяснялъ и писалъ на нихъ резолюціи, которыя Екатерина только подписывала. Множество докладовъ съ такими резолюціями, написанными рукою Безбородки, хранятся въ архивахъ: Сенатскомъ, Синодскомъ и другихъ учрежденій, именно въ книгахъ «именныхъ высочайшихъ указовъ». Сама же Императрица, по большей части, писала резолюціи лаконическія, напримѣръ: «быть по сему», «разсудить» и т. п. Преимущественнымъ содержаніемъ докладовъ, покрытыхъ резолюціями, писанными Безбородкою, были тяжебные и уголовные предметы, которые влекли за собою лишеніе дворянства, чиновъ и ссылку на поселеніе или въ каторжную работу. Доклады эти какъ нельзя лучше рисуютъ нравственное состояніе тогдашняго дворянства и будущему изслѣдователю дадутъ богатый матеріалъ для нравственной статистики нашего общества за время Екатерины II-й.

До опредѣленія Безбородки на должность секретаря, резолюціи на докладахъ, иногда очень обширныя, писала сама Императрица. Ино-

гда, судя по почерку, я замѣчалъ резолюціи, писанныя Козминымъ, Тепловымъ и еще рѣже Елагинымъ и Олсуфьевымъ. Съ поступленіемъ Безбородки обязанность эта легла на него всею своею тяжестію. Причиною тому была, безъ сомнѣнія, полная удовлетворительность Безбородкинскихъ резолюцій, исправлять или измѣнять которыя Государыня не находила нужнымъ.

Представленные факты опредѣляютъ смыслъ словъ Грибовскаго, который пишетъ: «всѣ сенатскіе доклады по уголовнымъ и тяжебнымъ дѣламъ, коихъ рѣшеніе отъ Государыни зависѣло, онъ, Д. П. Трощинскій, разсматривалъ и по онымъ указы заготовлялъ, которые графъ Безбородко только къ подписанію ея подносилъ» [10]). Очевидно, эти слова Грибовскаго должно относить къ послѣднимъ двумъ годамъ царствованія Екатерины. Опредѣленный въ секретари во второй половинѣ 1795 года, онъ потому не могъ и знать, проходили-ли чрезъ руки Безбородки доклады Императрицы до 1795 года. Въ 1791—1793 гг. резолюціи на докладахъ, представляемыхъ Екатеринѣ, нерѣдко писались Храповицкимъ [11]); но помѣты, гдѣ и когда высочайше конфирмованъ докладъ, съ 16 Октября 1791 года, т. е. съ отъѣзда Безбородки въ Яссы, писались рукою Зубова, и только съ 1794 года и во все остальное время царствованія Екатерины II и Павла I всеподданнѣйшіе доклады исключительно шли чрезъ руки Трощинскаго, и имъ писаны резолюціи, которыя нерѣдко измѣнялись, исправлялись и дополнялись императорскою рукою, особенно рукою Павла, въ его царствованіе.

г) Къ документамъ четвертаго разряда, посредствомъ которыхъ верховная власть сносилась съ государственными учрежденіями, принадлежатъ письма секретарей Императрицы къ разнымъ лицамъ. По своему содержанію письма этого рода, исшедшія изъ канцеляріи Безбородки, весьма разнообразны. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ объявлялась извѣстному учрежденію или лицу, для свѣдѣнія, исполненія или руководства воля Екатерины. Въ другихъ письмахъ сообщались высочайшія распоряженія объ опредѣленіи, увольненіи, перемѣщеніи, правахъ и награжденіи чинами, отличіями и деньгами разныхъ служащихъ лицъ. Иныя, наконецъ, вызывались частными обстоятельствами, о которыхъ Императрица узнавала раньше, чѣмъ учрежденіе и о которыхъ, вмѣстѣ съ высочайшею резолюціею по нимъ, давалось учрежденію знать. Разумѣется, большая часть этихъ писемъ носитъ частный характеръ; но есть между ними и такія, которыя имѣютъ историческій интересъ. Таковы особенно тѣ письма, въ которыхъ выражаются замѣчанія Екатерины на всеподданнѣйшіе доклады, не согласные съ ея взглядами, и въ которыхъ пзъясняются причины этого несогласія. Всѣ письма Безбородки, какъ секретаря Екатерины II, къ разнымъ лицамъ, даютъ чувствовать близость его къ Императрицѣ и полное довѣріе, которымъ онъ у нея пользовался. Особенно это

---

[10]) Въ одномъ Сенатскомъ архивѣ мною собрано 300 докладовъ по уголовнымъ и тяжебнымъ дѣламъ, съ резолюціями графа Безбородки; лишь нѣкоторые изъ нихъ, какъ примѣрные, напечатаны въ первомъ Полномъ Собр. Зак. Россійской Имперіи.

[11]) Въ подтвержденіе этихъ словъ можемъ привести письмо Екатерины къ Храповицкому, отъ 11 Мая 1788 года: «Чтобъ сенатскіе доклады отъ 1767 по 1786 годы были присланы отъ Безбородки къ Александру Васильевичу Храповицкому» (Русскій Архивъ 1872 г., стр. 2076).

слѣдуетъ сказать о цѣломъ рядѣ секретныхъ бумагъ, писанныхъ отъ лица Императрицы собственноручно довѣреннымъ ея секретаремъ. Многія изъ нихъ не подлежатъ обнародованію. Изъ писемъ, содержаніе которыхъ уже лишилось всякой жгучести и даже щекотливости, мы можемъ указать на письмо Безбородки къ Новгородскому митрополиту Гавріилу, которому первый секретарь Екатерины II передаетъ сокровенныя мысли Императрицы по уніатскому дѣлу, такъ что считаетъ нужнымъ въ припискѣ замѣтить: «ея величество желаетъ, чтобъ сіе, по волѣ ея, вашему преосвященству подаваемое объясненіе осталось единственно въ собственномъ вашемъ знаніи». Вообще же въ письмахъ этихъ Безбородко является какъ бы посредникомъ между верховною властію и государственными учрежденіями, повѣреннымъ сокровенныхъ думъ Императрицы и ближайшимъ исполнителемъ ея кабинетныхъ предположеній и предначертаній.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ актахъ, принадлежащихъ Безбородкѣ, рѣдко встрѣчаются помарки, исправленія и дополненія Екатерины, которая всегда внимательно читала подаваемыя къ ея подписи бумаги; но нельзя того же сказать о подписанныхъ ею бумагахъ, вышедшихъ изъ подъ пера другихъ ея секретарей. Особенно обильна поправками и исправленіями первая половина и послѣдніе годы ея царствованія.

Кромѣ перечисленныхъ выше трудовъ, Безбородкѣ передавались на разсмотрѣніе разные инструкціи, уставы и положенія и поручалось составленіе важнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ и историческихъ записокъ. Къ числу такихъ записокъ мы относимъ: 1) «хронологическую таблицу замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II», о которой уже было упомянуто, и 2) «О городахъ Гадячѣ и Зеньковѣ». Послѣдняя составлена по высочайшей волѣ, какъ легко замѣтить изъ начала ея: «Вашему Императорскому Величеству угодно было вѣдать обстоятельства, касающіяся до уѣздныхъ городовъ Черниговскаго намѣстничества Гадяча и Зенькова». Можно принять за вѣрное, что записка составлена въ 1781 году, когда учреждалось Черниговское намѣстничество и эти два города назначены были уѣздными [12]).

Изъ этого очерка государственныхъ трудовъ Безбородки за время Екатерины II-й, вѣроятно далеко не полнаго, видно, что онъ не оставался безъ дѣла и не потерялъ расположенія Екатерины до послѣднихъ дней ея жизни, будучи необходимъ для нея и постоянно находясь при ней даже въ лѣтніе мѣсяцы, когда она жила въ Царскомъ Селѣ. Слѣдовательно несправедливъ разсказъ Грибовскаго, что Безбородко «будто-бы, не имѣя никакой надобности являться ко двору, а только для поддержанія кредита въ публикѣ, ежедневно являлся въ спальнѣ Государыни, для того только, чтобы показать ей письмо, полученное имъ изъ Константинополя отъ племянника своего В. П. Кочубея». Еще менѣе вѣроятенъ разсказъ, что Безбородко, будто-бы, ежедневно посылалъ пустую свою карету къ царскому подъѣзду, чтобы видѣла публика, «что онъ при дѣлахъ». Послѣдній разсказъ, по моему мнѣнію, явно спутанъ съ извѣстіемъ, записаннымъ у Храповицкаго: «Сказывали (Екатерина) камердинеру, что во время поѣздки моей къ вице-канцлеру пріѣзжалъ графъ Безбородко, видно съ полученными имъ письмами изъ арміи; но тутъ увидѣли

[12]) Полн. Собр. Зак. № 15,229.

придворную карету, въ какой давно онъ ѣздилъ, и мылили за то голову Ребиндеру» [13]).

Большую часть бумагъ, которыя шли къ подписи Екатерины, Безбородко писалъ обыкновенно прямо на бѣло, весьма тонкими штрихами, т. е. легко, безъ всякихъ поправокъ и помарокъ; а бумаги, требующія особенно тщательной отдѣлки или сложныя по ихъ содержанію, онъ почти всегда писалъ карандашемъ и такъ бѣгло и связно, что въ настоящее время читать ихъ чрезвычайно трудно. Такое же убѣжденіе о почеркѣ Безбородки составилось и у автора исторіи Шведской войны г-на Головачева. Онъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, ссылается на современника Безбородки, находившагося съ нимъ въ перепискѣ по дѣламъ службы, графа Ивана Григорьевича Чернышева, который въ двухъ письмахъ своихъ къ Безбородкѣ жалуется на неразборчивость его почерка. «Какое мученіе имѣлъ, читая скорое вашего сіятельства писаніе! Да много и не прочелъ, а удержать не смѣлъ». Въ другомъ письмѣ графъ Чернышевъ говоритъ: «Нижайше прошу приказать переписать послѣдній пунктъ, что̀ до Коллегіи (Адмиралтейской) касается; откровенно скажу—не могу всего разобрать, а мнѣ надобенъ можетъ быть» [14]). Племянникъ Безбородки Г. П. Милорадовичъ, въ письмѣ къ своему отцу, отъ 25 Сентября 1791 года, въ такихъ выраженіяхъ отзывается о неразборчивомъ почеркѣ своего дяди: «Прилагаемое при семъ къ вамъ отъ графа А. А. Безбородки письмо распечаталъ я потому, что онъ нечетко пишетъ, и вы бы, конечно, не разобрали его рукописи, которую почти никто не привыкшій къ ней прочесть не можетъ, для того и посылаю копію онаго съ подлинникомъ».

Въ исчисленныхъ многосложныхъ и тяжелыхъ трудахъ Безбородки немалое участіе принадлежитъ его канцеляріи, а потому справедливость и полнота разсказа требуютъ сообщить и о ней краткія свѣдѣнія.

Канцелярія Безбородки, по личному составу своему, была больше чѣмъ канцеляріи всѣхъ другихъ секретарей взятыя вмѣстѣ. Но и въ ней находилось всего только отъ 4 до 9 человѣкъ. Этимъ и объясняется, что онъ собственноручно писалъ великое число исходящихъ бумагъ. Правителями канцеляріи, или, говоря языкомъ «списка чиновнымъ особамъ» «старшими чиновниками состоявшими при графѣ Безбородкѣ», были: Сергѣй Ѳедоровичъ Малиновскій, Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій и Николай Ефремовичъ Ефремовъ. Малиновскій былъ первый опредѣленный къ Безбородкѣ изъ Кабинета въ 1777 году и числился старшимъ чиновникомъ до 1784 года, т. е. до опредѣленія Трощинскаго. Малиновскій и при Трощинскомъ продолжалъ службу при Безбородкѣ до 1796 года» [15]).

Съ поступленіемъ Д. П. Трощинскаго, скучная работа составленія указовъ о пожалованіи чиновъ и опредѣленій на должности, работа, которую до тѣхъ поръ производилъ самъ Безбородко, перешла въ руки Трощинскаго. Безбородко отзывался о немъ Императрицѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, что онъ «былъ ему сущимъ и полезнымъ помощникомъ во всѣхъ, на немъ лежащихъ, дѣлахъ, въ которыхъ, по мно-

---

[13]) Дневникъ, стр. 130. Ребиндеръ завѣдывалъ придворною конюшнею.

[14]) Дѣйствія Русскаго флота въ войнѣ съ Шведами въ 1788—1790 годахъ. В. Головачева, СПБ. 1871 г., стр. 15.

[15]) Дѣла Кабинета Е. И. В. св. 441 и 447 ук. №№ 544 и 10.

жеству, трудности и важности ихъ, безъ пособія его, не могъ-бы онъ успѣть» [16]). Въ 1791 г., передъ отъѣздомъ въ Яссы, Безбородко представилъ Императрицѣ Трощинскаго и потомъ испросилъ у нея разрѣшенія, чтобы, во время его отсутствія, дѣла его канцеляріи докладывались ей правителемъ канцеляріи Трощинскимъ, а не Зубовымъ, который тогда уже былъ «во времени». Корсаковъ же, авторъ статьи «Преданіе изъ вѣка Екатерины Великой», объясняетъ представленіе Безбородкою Екатеринѣ Трощинскаго ея предложеніемъ, вызваннымъ готовностью облегчить для Безбородки труды понедѣльничныхъ докладовъ. Разсказавъ, какъ понедѣльничный проситель, не могшій нѣсколько разъ поймать Безбородку послѣ его воскресныхъ развлеченій для объясненій по важному дѣлу, вскочилъ за нимъ въ карету, когда графъ отправлялся во дворецъ, Корсаковъ продолжаетъ: «Анекдотъ сей разошелся вскорѣ по городу и, дойдя до ушей Императрицы, заставилъ ее провести нѣсколько веселыхъ минутъ; между тѣмъ она чувствовала, что старѣющемуся ея секретарю точно была нужда въ помощникѣ, который бы облегчилъ хотя нѣсколько обязанности ея вѣрнаго и заботливаго сановника. Любезный графъ! сказала однажды вѣнчанная мать Россіи своему секретарю; чувствую, что бремя дѣлъ вамъ не по лѣтамъ. Мнѣ сказывали, что у васъ есть исправный правитель канцеляріи Трощинскій; дозволяю вамъ иногда присылать его ко мнѣ вмѣсто себя съ докладомъ, а особенно по Понедѣльникамъ. Графъ былъ очень радъ возложить часть своего бремени на человѣка ему преданнаго, и въ первый за тѣмъ Понедѣльникъ Д. П. Трощинскій отправленъ былъ съ докладомъ» [17]).

Гречъ объ этомъ же самомъ обстоятельствѣ разсказываетъ подробнѣе. «Однажды Государыня (передаетъ онъ) прислала за Безбородкою изъ Царскаго Села. Гонецъ засталъ его среди оргіи. Безбородко приказалъ пустить себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ, протрезвился и отправился. Государыня спросила у него: готова-ли такая-то бумага?—Готова, Ваше Величество, отвѣчалъ Безбородко и, вынувъ изъ-за пазухи другую какую-то бумагу, прочиталъ, чего требовала Государыня.—Хорошо, сказала она, только мнѣ хотѣлось бы пройти самой эту бумагу съ перомъ. Подайте ее. Онъ упалъ на колѣни и признался въ обманѣ. Наконецъ, Государынѣ надоѣла эта геніальная Lüderlichkeit (распущенность), и она очень деликатно дала графу Безбородкѣ чувствовать, что онъ старѣетъ, что ему трудно вставать рано и просила присылать къ ней, вмѣсто себя, какого нибудь изъ своихъ секретарей. Графъ выбралъ коллежскаго совѣтника Д. П. Трощинскаго» [18]).

Разсказъ Греча совершенно согласуется съ необыкновенною памятью и съ быстрой сообразительностію, которыя приписываются Безбородкѣ всѣми современниками. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что этотъ разсказъ сильно отзывается анекдотичностью; но я при-

---

[16]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. III, 5.

[17]) Молодикъ на 1844 г. Украинскій литературный сборникъ, изд. Бецкимъ, Харьковъ, 1843 г., стр. 267—270.

[18]) Разсказъ этотъ, съ разнообразными мотивами, повторенъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управл. иностран. дѣлами, соч. А. Терещенки, СПБ. 1837 г. ч. II, стр. 188; 2) Лицей князя Безбородко, СПБ. 1859 г., стр. 26 и 27; 3) Москвитянинъ за 1842 г., т. I, стр. 94; 4) Записки Н. И. Греча, въ Русскомъ Архивѣ 1873 г. стр. 331; 5) Русская Старина, 1872 г., т. V, 667, П. Ѳ. Карабанова.

велъ его, какъ отголосокъ той популярности, которою пользовался Безбородко въ обществѣ. Впрочемъ подобный же случай разсказывается и про Веницеева, правителя канцеляріи М. Н. Кречетникова въ Калугѣ [19]).

Трощинскій понравился Екатеринѣ и, по возвращеніи Безбородки изъ Яссъ, онъ за свои доклады былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и опредѣленъ въ секретари къ Императрицѣ. Вскорѣ Екатерина украсила грудь его звѣздою подъ предлогомъ (какъ замѣчаетъ Гречъ), что она не привыкла работать съ секретаремъ безъ звѣзды и, затѣмъ, узнавъ, что Трощинскій небогатъ, пожаловала ему 3000 душъ крестьянъ. Но при всѣхъ милостяхъ Императрицы, при полномъ расположеніи ея, Трощинскій никогда не измѣнялъ близкихъ отношеній къ своему начальнику и покровителю, Безбородкѣ.

Грибовскій отчасти объясняетъ характеръ отношеній Трощинскаго и Безбородки и ихъ согласную житейскую тактику. Онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что Трощинскій никогда не измѣнялъ прежнему своему начальнику и имѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ комнатахъ Государыни сильную партію, состоявшую изъ Марьи Савишны Перекусихиной, ея племянницы Тарсуковой, Марьи Степановны Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ дни рожденія и имянинъ графъ твердо помнилъ и никогда безъ хорошихъ подарковъ въ сіи дни не оставлялъ. Люди сіи, не смотря на запрещеніе говорить Государынѣ о комъ-бы то ни было, находили средства внушать ей благоволительное мнѣніе о ея министрѣ и его партіи [20]).

Будущему біографу Трощинскаго предстоитъ немалый трудъ собрать множество написанныхъ имъ указовъ, которые хранятся въ государственныхъ архивахъ; всѣ, они по слогу, ясности изложенія и лаконизму, могутъ считаться лучшими произведеніями дѣловаго слога Екатерининскаго царствованія, какъ и произведенія его начальника Безбородки. Если и странно, что человѣкъ простаго происхожденія, не знавшій ни одного иностраннаго языка, выучившійся и Русской грамотѣ по собственному сознанію у дьячка [21]), былъ первымъ сотрудникомъ трехъ самодержавцевъ, Екатерины, Павла и Александра: то это обстоятельство, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлаетъ величайшую честь природному уму и служебной опытности Трощинскаго [22]).

Въ 1793 году, когда Трощинскій былъ назначенъ въ секретари къ Екатеринѣ, его мѣсто по управленію канцеляріею графа Безбородки занялъ Ефремовъ, человѣкъ, какъ увидимъ ниже, весьма близкій къ Безбородкѣ. Ефремовъ служилъ въ Безбородкинской канцеляріи съ 1783 года и оставался въ ней до смерти Безбородки.

---

[19]) Москвитянинъ, 1842 г., т. I, стр. 478.

[20]) Записки Грибовскаго, Москва, 1847 г., стр. 23.

[21]) Жизнь графа Сперанскаго, соч. барона (графа) М. А. Корфа, СПБ., 1861 г., ч. 1, стр. 89 и 90.

[22]) Въ Іюлѣ 1798 года, Безбородко, докладывая императору Павлу прошеніе Трощинскаго объ увольненіи отъ должности секретаря, по болѣзни, называетъ его «наилучшимъ своимъ помощникомъ, несшимъ труды непрерывно и отличавшимся совершенною честностію и безкорыстіемъ». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. III, стр. 5). Впослѣдствіи Трощинскій достигъ званія министра юстиціи; затѣмъ, выйдя въ отставку, переѣхалъ на жительство въ свое село Кибинцы и здѣсь скончался 26-го Февраля 1829 года, 76 лѣтъ отъ роду.

Къ именамъ правителей канцеляріи Безбородки присоединимъ и перечень лицъ, служившихъ въ канцеляріи подъ ихъ начальствомъ: Андрей Васильевичъ Сахаровъ, Александръ Ивановичъ Казариновъ, Левъ Денисовичъ Сожи, Иванъ Емельяновичъ Зубовъ, Петръ Петровичъ Богдановъ, Андрей Алексѣевичъ Карцевъ, Акимъ Ѳедоровичъ Цитовскій, Егоръ Егоровичъ Фуксъ и Генрихъ Шторхъ [23]).

Наконецъ, при канцеляріи графа Безбородки находилось весьма много изъ знатныхъ фамилій молодыхъ людей, прикомандированныхъ «для курьерскихъ посылокъ въ чужіе краи». Такими прикомандированными были: В. П. Кочубей, впослѣдствіи князь; Миклашевскій, племянникъ Безбородки, графъ Е. Ѳ. Комаровскій и другіе. Послѣдній изъ этихъ лицъ въ Запискахъ своихъ разсказываетъ слѣдующее: «Въ 1787 году назначенъ былъ я находиться при графѣ Безбородкѣ для курьерскихъ посылокъ въ чужіе краи, и въ полку не служилъ, а считался при графѣ Безбородкѣ». Упомянувъ за тѣмъ о поѣздкѣ своей въ Лондонъ, Комаровскій продолжаетъ: «Я пріѣхалъ въ Лондонъ прямо къ посланнику нашему С. Р. Воронцову; сверхъ депешъ, я привезъ къ нему партикулярное письмо отъ графа Безбородки, въ которомъ онъ просилъ посланника принять меня въ свое покровительство. На другой день мнѣ сказывали чиновники при посольствѣ, что, когда графъ Воронцовъ распечаталъ и прочиталъ привезенныя мною депеши, онъ сказалъ: «Комаровскій привезъ старыя газеты: видно графу Безбородкѣ хотѣлось познакомить его съ Лондономъ» [24]).

XVII.

Домашняя жизнь въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ, съ 1784 года, Безбородко обыкновенно проводилъ зиму въ собственномъ домѣ, на Почтамтской улицѣ [1]), а лѣто въ деревнѣ Палюстровѣ, которую онъ купилъ въ 1782 году у капитана Алексѣя Григорьевича Теплова за 22.500 рублей [2]).

Городской домъ Безбородки, изукрашенный драгоцѣнными рѣдкостями искусствъ, славился картинной галлереей и считался однимъ изъ богатѣйшихъ и гостепріимнѣйшихъ домовъ столицы. Безбородко, и по природѣ, и по образованію, любилъ знаніе и искусство, и мы уже видѣли, какъ онъ, прибывъ въ Петербургъ, охотно сближался съ людьми, выдававшимися на поприщѣ того или другаго; какъ онъ

---

[23]) Свѣдѣнія о составѣ канцеляріи заимствованы изъ «Росписей чиновныхъ особъ» съ 1774 по 1796 годъ.

[24]) Восьмнадцатый Вѣкъ, т. I, 316—332.

[1]) Домъ этотъ купленъ Безбородкою въ 1783 году. Со смертію его, перешедши по наслѣдству въ руки графа И. А. Безбородки, домъ сдавался въ наемъ, и въ немъ «жили министры: князь А. Б. Куракинъ, О. П. Козодавлевъ и А. С. Шишковъ. (Записки И. И. Мартынова въ «Памятникахъ Новой Русской Исторіи», изд. В. Кашперовымъ, т. II, отд. II, стр. 127). Въ настоящее время въ немъ помѣщается Почтовый Департаментъ, пріемную комнату котораго украшаетъ портретъ князя Безбородки, вмѣстѣ съ портретами другихъ лицъ, начальствовавшихъ надъ почтовымъ вѣдомствомъ. Остатки прежней роскоши виднѣются въ каждой комнатѣ.

[2]) Купчая была совершена 1-го Февраля 1782 г. и хранится въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина.

самъ участвовалъ въ научной работѣ и какъ онъ неизмѣнно покровительствовалъ ученымъ, поэтамъ и художникамъ. Въ 1783 году, по мысли Н. А. Львова, онъ заказалъ Левицкому для своего дома, который отстраивался, портретъ Екатерины во весь ростъ. Императрица изображена въ бѣлой туникѣ и парчевой мантіи, подлѣ жертвенника, на которомъ курится ѳиміамъ изъ маковыхъ цвѣтовъ. Художественное произведеніе Левицкаго Державинъ воспѣлъ въ одѣ: «Видѣніе Мурзы»:

Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ,
Изъ черноогненна виссона;
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру, [3]) и пр.

Съ этого именно времени Безбородко пользовался всякимъ случаемъ пріобрѣсть какое нибудь рѣдкое произведеніе искусства. Въ свою очередь Академія Художествъ, 14-го Мая 1794 г., оцѣнила дѣятельность Безбородки избраніемъ его въ «почетные художествъ любители за любовь и почтеніе къ достохвальнымъ художникамъ», какъ сказано въ пергаменной грамотѣ, полученной имъ на это званіе отъ Академіи [4]). Въ слѣдующемъ 1795 г., отъ 11-го Іюля, Безбородко писалъ къ графу С. Р. Воронцову: «Испытавъ въ жизни моей всякаго рода мотовства, вдругъ очутился я охотникомъ къ картинамъ». Разумѣется, мы бы ошиблись, если бы приняли эти слова въ буквальномъ смыслѣ. Безбородко и прежде не жалѣлъ денегъ на пріобрѣтеніе рѣдкостей искусства, статуй, картинъ и т. п. Избраніе его въ «почетные художествъ любители», вызванное его давнею и всѣмъ извѣстною благородною привычкою, еще болѣе усилило ее и обратило въ страсть. Дѣйствительно, онъ составилъ замѣчательнѣйшую картинную галлерею. Въ то время лучшею частною картинною галлереею въ Россіи считалась Строгоновская. Но Безбородкѣ удалось довести свое собраніе до такого состоянія, что оно, по его словамъ, превосходило Строгоновскую галерею «и числомъ, и качествомъ». Въ его спальнѣ было 22 картины одного Вернета; затѣмъ въ его галлереѣ былъ Сальваторъ Роза, которымъ не обладалъ даже Императорскій Эрмитажъ. Нѣкоторыя картины изъ Безбородкинской галлереи украшаютъ въ настоящее время залы Императорской Академіи Художествъ, въ которую онѣ были пожертвованы графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородкою [5]).

---

[3]) Соч. Державина, т. I, стр. 162. Въ настоящее время портретъ этотъ принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ и украшаетъ Ларинскую залу. Между тѣмъ, въ каталогѣ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вв., сост. П. Н. Петровымъ, подъ № 391, сказано, что онъ принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа (№ 279).

[4]) Хранится въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина.

[5]) Графъ Николай Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, въ духовномъ завѣщаніи, засвидѣтельствованномъ 3-го Іюля 1862 года, выразилъ слѣдующую волю: «Картины и статуи передаю я, какъ пожертвованіе, въ Императорскую Академію Художествъ, для составленія публичной галлереи, открытой постоян-

Загородная дача, на которой жилъ Безбородко лѣтомъ, извѣстна нынѣ подъ именемъ «Кушелевки-Безбородки» [6]). Она находится на Невѣ, противъ теперешняго Смольнаго монастыря или, вѣрнѣе, института. По плану Гваренги, Безбородко построилъ здѣсь роскошный домъ и развелъ при немъ садъ, славившійся барскими затѣями и прихотями, на удовлетвореніе которыхъ богатый хозяинъ не щадилъ денегъ. Одна изъ уцѣлѣвшихъ прихотей и до сихъ поръ украшаетъ запустѣвшій садъ: въ глубинѣ его находится храмъ Сивиллы съ колоссальною статуею древне-языческой предвѣстницы будущаго. Статуя, вѣсомъ въ 200 пудъ, по словамъ тогдашней газеты [7]), отлита изъ мѣди, въ Октябрѣ 1788 года, при Императорской Академіи Художествъ, а модель для нея была сдѣлана извѣстнымъ тогдашнимъ академикомъ Рашетомъ во вкусѣ древнихъ Греческихъ статуй [8]). На дачѣ и въ саду до 1783 г. находились и другіе остатки прежней роскоши, какъ напримѣръ громадный бюстъ Безбородки, вылитый изъ мѣди. Теперь отъ него остался одинъ гранитный пьедесталъ, похитить который едва ли возможно. Безъ сомнѣнія, въ честь же Безбородки и проспектъ, идущій «отъ Муринской до Палюстровской дороги», названъ «Безбородкинскимъ» [9]).

Очень естественно, что Безбородко не одинаково держалъ себя при дворѣ, у себя дома на оффиціальныхъ пріемахъ и у себя же дома въ интимномъ кругу людей близкихъ и короткихъ знакомыхъ. «Являясь къ Императрицѣ во Французскомъ кафтанѣ, при всемъ щегольскомъ нарядѣ придворнаго» (разсказываетъ о Безбородкѣ Терещенко), «онъ иногда не замѣчалъ осунувшихся чулковъ и оборвавшихся пряжекъ на своихъ башмакахъ, былъ простъ, нѣсколько неловокъ и тяжелъ; въ разговорахъ то веселъ, то задумчивъ» [10]). Мы хорошо знаемъ, что Безбородко не родился придворнымъ и воспитаніе получилъ не такое, которое пріучаетъ постоянно и во всѣхъ мелочахъ наблюдать за своею внѣшностію; но съ другой стороны совершенное пониманіе своего положенія и Малороссійская хитрость, при видимой просто-

---

но для художниковъ и публики, допускаемыхъ безъ стѣсненій въ формѣ одежды». (Дѣло архива Императорской Академіи Художествъ, 1862 г., № 91). Каталогъ картинной галлереи графа Кушелева-Безбородко напечатанъ въ СПБ., 1866 г., и заключаетъ въ себѣ 471 картину и 30 статуй и бюстовъ.

[6]) На планѣ С.-Петербурга, за 1799 г., изданномъ Цыловымъ въ 1853 г., изъ частныхъ загородныхъ построекъ показана одна эта дача.

[7]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», за 1788 годъ, № 82, 13-го Октября, стр. 1203.

[8]) На статуѣ находится слѣдующая надпись: «Rachette fecit 1789. Отливалъ и отдѣлывалъ Императорской Академіи Художествъ мастеръ Василій Мажаловъ». Въ архивѣ Императорской Академіи Художествъ есть дѣло объ уплатѣ денегъ за напечатаніе въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ «извѣстія объ отлитіи статуи Сибеллы» (1788 г. № 24).

[9]) Алфавитный указатель проспектовъ, улицъ, линій и переулковъ, находящихся въ С.-Петербургѣ, приложенный къ «Описанію С.-Петербурга Ив. Пушкарева». 1839 г. т. I, стр. I. Права гражданства этотъ проспектъ получилъ въ 1803 году, 22-го Іюня, когда состоялся именный указъ, объявленный С.-Петербургскому военному губернатору министромъ внутреннихъ дѣлъ о поставленіи по улицамъ, площадямъ, мостамъ и домамъ надписей (Полн. Собр. Зак. Росс. Имперіи, № 20810, в, общее приложеніе къ XL тому).

[10]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. II, 190.

ватости, заставляли его соображать свое личное настроеніе съ предметомъ разговора, а свои слова, имѣвшія огромное значеніе словъ сановника, довѣреннаго Императрицы, съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое они должны были производить на собесѣдниковъ. Такъ именно и понималъ Безбородку тогдашній посолъ въ С.-Петербургѣ дюкъ-де-Серра Капріола, который отозвался о немъ, какъ «о министрѣ, соединяющемъ въ себѣ тысячу хорошихъ свойствъ». Такимъ же Безбородко былъ и въ своихъ открытыхъ оффиціальныхъ пріемахъ: на балахъ, праздникахъ и торжественныхъ обѣдахъ, которые онъ устраивалъ въ своемъ домѣ по разнымъ обстоятельствамъ и на которые нерѣдко, съ Императрицею во главѣ, собирались всѣ знатнѣйшіе и образованнѣйшіе Русскіе и иноземные люди, проживавшіе въ Петербургѣ. Разница тутъ была только одна: роскошью и блескомъ Безбородко отвлекалъ вниманіе гостей отъ своей неловкости и заставлялъ славить свою привѣтливость и свой вкусъ. А какъ роскошно жилъ вельможа-холостякъ, можно судить по тому, что онъ на обыкновенные расходы тратилъ въ мѣсяцъ по 8.000 рублей, а въ важнѣйшихъ случаяхъ устраивалъ вечера, обходившіеся въ 50.000 рублей.

Совсѣмъ иначе держалъ себя Безбородко въ кругу людей близкихъ, именно родныхъ, друзей и короткихъ знакомыхъ, съ которыми онъ оставался послѣ парадныхъ обѣдовъ. Обѣды же его были парадны въ смыслѣ многолюдства. По разсказамъ нашихъ современниковъ, заимствованнымъ изъ семейныхъ преданій покойнаго графа, онъ былъ истинный хлѣбосолъ и баринъ славнаго XVIII вѣка. У него ежедневно въ Петербургскомъ домѣ накрывался столъ на сто человѣкъ, и за этотъ столъ могъ садиться всякій, имѣющій шпагу. Этимъ обстоятельствомъ пользовался одинъ бѣдный Черниговскій помѣщикъ, у котораго было отнято имѣніе управляющимъ Безбородки. На одномъ обѣдѣ Безбородко почему-то обратилъ вниманіе на этого помѣщика въ фризовомъ камзолѣ и спросилъ, что онъ за человѣкъ. Прислуга сообщила ему, что это пріѣзжій помѣщикъ, который, по неимѣнію средствъ, пропитывается у графскаго стола. Безбородко позвалъ его къ себѣ, и тотъ разсказалъ, что онъ проигралъ дѣло по имѣнію своему съ управляющимъ Безбородки, своимъ сосѣдомъ, и теперь обнищалъ совершенно, такъ что не имѣетъ даже средствъ для выѣзда къ семьѣ. Безбородко разсмотрѣлъ дѣло и, убѣдившись, что бѣдняка сломила сила, а не правота, велѣлъ передѣлать купчую и записать за нимъ въ число крестьянъ своего управляющаго, который хотѣлъ изъ мести лишить его послѣдняго куска хлѣба [11]).

Кстати вспомнить здѣсь разсказъ И. И. Дмитріева, который пишетъ, что Безбородко, за труды и усердіе къ его дѣламъ, управляющему его имѣніями и земляку Судіенкѣ подарилъ новопожалованную ему Екатериною деревню Журавки [12]) и въ тоже время величалъ его въ письмахъ своихъ къ графу А. Р. Воронцову «лѣнивцемъ славнымъ» [13]).

Въ интимномъ кругу родныхъ, друзей и знакомыхъ Безбородко былъ развязенъ, веселъ, увлекателенъ и откровененъ. «Зять мой Алексѣй Николаевичъ (Астафьевъ), пишетъ графъ Комаровскій, слу-

---

[11]) Разсказъ этотъ сообщенъ мнѣ бывшимъ управляющимъ графа Кушелева-Безбородки А. Г. Виноградовымъ, 27-го Марта 1870 г.

[12]) Взглядъ на мою жизнь, Записки И. И. Дмитріева. Москва, 1866 г., стр. 207.

[13]) Письмо отъ 15-го Мая 1780 года.

жилъ тогда при графѣ Безбородкѣ и имѣлъ казенную квартиру въ почтовомъ домѣ; я получилъ приглашеніе отъ графа ходить къ нему обѣдать, когда я пожелаю. Кромѣ знатныхъ гостей, обыкновенное общество состояло изъ особъ, живущихъ у графа и нѣсколькихъ человѣкъ короткихъ знакомыхъ. Ничего не было пріятнѣе слышать разговоръ графа Безбородки. Онъ одаренъ былъ памятью необыкновенною и любилъ за столомъ много разсказывать, въ особенности о фельдмаршалѣ (графѣ Румянцевѣ-Задунайскомъ), при которомъ онъ находился нѣсколько лѣтъ. Бѣглость, съ которою онъ, читая, схватывалъ смыслъ всякой рѣчи, почти невѣроятна. Мнѣ случалось видѣть, что привезутъ ему отъ Императрицы преогромный пакетъ бумагъ; онъ послѣ обѣда обыкновенно садился на диванъ и всегда просилъ, чтобы для него не безпокоились и продолжали бы разговаривать, между тѣмъ онъ только что переворачивалъ листы и иногда вмѣшивался въ бесѣду гостей своихъ, не переставая въ тоже время читать бумаги. Если то, что̀ онъ читалъ, не заключало въ себѣ государственнаго секрета, онъ намъ сообщалъ содержаніе онаго. Я слышалъ отъ графа Маркова, что онъ не могъ никогда надивиться непостижимой способности графа Безбородко читать самыя важнѣйшія бумаги съ такою бѣглостію, и такъ вѣрно и скоро постигать смыслъ оныхъ» [14]).

Сохранившійся портретъ Безбородки вполнѣ оправдываетъ высказанное графомъ Комаровскимъ: улыбающееся, живое и пріятное лицо графа, съ вкрадчивыми глазами, овладѣвало обществомъ. Прибавимъ, что Безбородко, совершенно владѣвшій литературной Великорусской рѣчью на письмѣ, устно говорилъ съ сильнымъ Малороссійскимъ акцентомъ, который въ ушахъ Великоруссовъ отзывается шутливостію звуковъ, даже независимо отъ содержанія рѣчи.

Послѣ отца, умершаго 2-го Марта 1780 г., ближайшими родственниками Безбородки оставались: мать-старуха, братъ Илья Андреевичъ и три сестры: Анна Андреевна въ замужествѣ за П. П. Галецкимъ, Ульяна Андреевна—за П. В. Кочубеемъ и Татьяна Андреевна—за Я. Л. Бакуринскимъ. Каждая изъ сестеръ и братъ имѣли по нѣскольку человѣкъ дѣтей, которыя выучены и выведены въ люди, какъ и отцы ихъ, попеченіями для однихъ брата, зятя, а для другихъ дѣдушки или дядюшки.

Безбородко «чрезвычайно любилъ уроженцевъ Малой Россіи и, зная хорошо ихъ смѣтливость и способность къ дѣламъ, постоянно покровительствовалъ имъ. Пріемная его была вѣчно наполнена пріѣзжими изъ Полтавы и Чернигова, добрыми, полными своего особеннаго юмора Малороссами, являвшимися въ столицу искать мѣстъ, или опредѣлять дѣтей на службу. Съ каждымъ изъ посѣтителей вельможа говорилъ какъ нельзя дружелюбнѣе, каждому помогалъ своимъ кредитомъ, своимъ совѣтомъ, если въ томъ настояла надобность. Даже, когда одинъ изъ названныхъ посѣтителей серіозно обратился къ сановнику-хозяину съ просьбою опредѣлить его въ должность театральнаго капельмейстера, «чтобы палочкой махать да по шести тысячъ брать», снисходительный сановникъ только ласково улыбался и объяснялъ просителю, что для маханья палочкой въ оркестрѣ и полученія шести тысячъ нужно знать музыку хотя немножко. Такая доступность была причиною, что имя Безбородки было для вся-

[14]) Осмнадцатый Вѣкъ, кн. I, стр. 349 и 350.

каго Малоросса любимымъ и какъ бы родственнымъ именемъ». Работая однажды у себя въ кабинетѣ, Безбородко услышалъ въ пріемной комнатѣ топанье ногъ и протяжное зѣванье съ разными переливами голоса. Осторожно взглянувъ въ полуотворенную дверь, онъ увидалъ толстаго земляка съ добродушной физіономіей, явно соскучившагося нѣсколькими минутами необходимаго ожиданія. Вельможа улыбался, глядя изъ-за двери, какъ посѣтитель, не привыкшій ждать никого, все потягивался, зѣвалъ, смотрѣлъ картины и, наконецъ, соскучивши окончательно, принялся ловить мухъ. Одна изъ нихъ особенно заняла Малоросса, и онъ долго гонялся за ней изъ угла въ уголъ; улучивъ затѣмъ минуту, когда назойливое насѣкомое сѣло на огромной вазѣ, охотникъ поспѣшно размахнулся и хватилъ рукою. Ваза слетѣла съ пьедестала, загремѣла и разбилась въ дребезги. Гость поблѣднѣлъ и потерялся, а Безбородко, вышедъ въ пріемную и ударивъ по плечу Малоросса, ласково сказалъ: «чи поймавъ?» [15])

Какъ ни странны и ни оригинальны приведенные разсказы, но они и устно и письменно единогласно свидѣтельствуютъ, что Безбородко имѣлъ доброе сердце и никогда не отказывалъ просителямъ, а напротивъ, всегда обнадеживалъ ихъ, хотя нерѣдко и забывалъ ихъ просьбы. Онъ имѣлъ привычку повторять послѣднія слова просителей: «Не оставьте! Не забудьте!» На просьбу одного просителя о дѣлѣ, которое должно было рѣшиться на другой день, «не забыть», Безбородко отвѣчалъ: «Не забуду, не забуду».—«Да вы, графъ, забудете», слезно замѣчалъ ему проситель. «Забуду, забуду», подтверждалъ Безбородко, любезно отпуская просителя [16]). Иногда онъ успокоивалъ просителей словами: «будьте, батюшка, благонадежны», которыя обыкновенно произносились настоящимъ Малороссійскимъ выговоромъ.

Масса одолѣвавшихъ Безбородку просителей вынуждала его скрываться отъ нихъ, или не сказываться дома. Но и въ этихъ случаяхъ хитрые Малороссы изобрѣтали возможность выразить ему свои нужды и получить покровительство сильнаго вельможи. Такъ, одинъ изъ его земляковъ, нѣсколько разъ не заставъ Безбородку дома, забрался въ его карету, стоявшую у дворцоваго подъѣзда. Безбородко крайне былъ удивленъ, найдя въ каретѣ посѣтителя; но, узнавъ дорогой причину посѣщенія и самое дѣло, по которому землякъ пріѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлалъ ему угодное [17]).

За всѣ свои хлопоты и старанія о нуждающемся человѣчествѣ Безбородко желалъ одного: «чтобы люди могли быть признательнѣе, нежели мы ихъ иногда находимъ», какъ выразился онъ въ одномъ письмѣ къ отцу.

Безбородко былъ большой охотникъ слушать пѣніе и особенно пѣніе Русскихъ пѣсенъ. Въ его время въ Петербургѣ жилъ купецъ Иванъ Гавриловичъ Рожковъ [18]), славившійся прекраснымъ пѣніемъ Русскихъ пѣсенъ. О пѣвцѣ, котораго хотѣли похвалить, обыкновен-

---

[15]) «Разсказы о старинѣ», статья А. И. Ханенки, въ Р. Архивѣ 1868 г.

[16]) Разсказъ этотъ сообщенъ мнѣ извѣстнымъ нашимъ ученымъ И. И. Савваитовымъ, который слышалъ его отъ покойнаго А. С. Норова.

[17]) «Разсказы о старинѣ», статья А. И. Ханенки въ Р. Архивѣ 1868 г.

[18]) Рожковъ Иванъ Гавриловичъ, изъ Тульскихъ купцовъ, сынъ извѣстнаго въ то время торговца лошадьми и придворнаго поставщика ихъ Гаврилы Рожкова.

но тогда говорили, что онъ поетъ какъ Рожковъ [19]). Безбородко каждую недѣлю приглашалъ Ивана Гавриловича въ свой домъ и каждую недѣлю доставлялъ и себѣ и своимъ посѣтителямъ удовольствіе послушать очаровательнаго пѣвца. Сановнику, наслаждавшемуся пѣніемъ лучшихъ Итальянскихъ примадоннъ на придворной сценѣ и не жалѣвшему для нихъ десятковъ тысячъ, дѣлаетъ величайшую честь, что онъ привѣчалъ у себя въ домѣ такъ часто и родное искусство пѣнія въ лицѣ доморощеннаго артиста-торговца.

Нельзя умолчать также, что Безбородко былъ большой охотникъ до картъ. Онъ нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи за зеленымъ столомъ [20]). Въ картежной игрѣ Безбородко не былъ счастливъ, чтó можно заключать изъ писемъ къ нему А. И. Маркова, который напримѣръ, отъ 5-го Апрѣля 1782 г., говоритъ: «Сожалѣю, что вы такъ худо ведете свои дѣла въ картахъ. Съ этой стороны я гораздо васъ спокойнѣе. Какъ въ день гульденовъ шесть выиграю, такъ вся Гага мнѣ завидуетъ. Женщины здѣсь прескверныя и по большей части мошенницы: воруютъ въ игрѣ такъ, что глазомъ мигнуть нельзя». Въ другой разъ отъ 14-го (23-го) Декабря того же 1782 г., Марковъ, поздравляя Безбородку съ новымъ годомъ, пишетъ: «позвольте мнѣ при семъ поднести вамъ маленькій календарь, весьма покойный не для чиселъ, но для веденія карточныхъ счетовъ [21]).

Относительно картъ существуетъ разсказъ, что Безбородко просилъ у Екатерины позволенія стрѣлять изъ пушекъ на своей Петербургской дачѣ. Государыня, удивленная просьбою, не отказала своему любимому секретарю. Вскорѣ лейбъ-медикъ Рожерсонъ, играя въ вистъ, по разсѣянности, началъ дѣлать ошибки (ренонсы), а хозяинъ-графъ приказалъ каждый разъ извѣщать объ этомъ пушечными выстрѣлами. Шутка эта такъ раздражила вспыльчиваго медика, что едва не кончилась дракою [22]).

Безбородко не былъ женатъ, «бывъ чуждъ всякихъ обязательствъ и самаго въ нихъ намѣренія», какъ выразился онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу; но онъ отнюдь не держался въ сторонѣ отъ прекраснаго пола; напротивъ, онъ былъ большимъ его поклонникомъ. Императрица Екатерина часто журила Безбородку за его les bonnes avantures. 3-го Іюля 1781 года она выразила недовольство, «что Безбородко на дачѣ своей празднуетъ; посылали сказать въ его канцелярію, чтобы, по пріѣздѣ, скорѣе пришелъ. Онъ почти не показывался, а до него всякій часъ дѣло» [23]). Императрица, «узнавъ, что графъ подарилъ Итальянской пѣвицѣ Давіа 40.000 руб., сочла нужнымъ выслать ее изъ столицы» [24]). Гарновскій же въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Попову разсказываетъ, что у Безбородки былъ цѣлый гаремъ, который обыкновенно и сопутствовалъ ему въ путешествіяхъ его въ Москву. Въ Іюнѣ 1787 года Гарновскій, между прочимъ, пишетъ: «Вслѣдствіе полученнаго фирмана, первая изъ сераля рейсъ-эффендія наложница, Марія Алексѣевна Грекова, соизволила

---

[19]) Записки современника (С. П. Жихарева). СПБ. 1859 г., стр. 366.

[20]) Russie anecdotique, bibliographique, biographique, historique, etc. Par le comte André Rastoptchine. Bruxelles, 1874, pag. 42.

[21]) Русская Бесѣда, 1857 г., кн. IV, стр. 72.

[22]) Русская Старина за 1872 г., № 5, стр. 771.

[23]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 101 и 102.

[24]) Записки Энгельгардта, стр 49, прим. 82.

отправиться на сихъ дняхъ въ Москву, въ препровожденіи кизляръ-аги (чернаго евнуха), г. Рубана, казначея, бывшаго откупщика Лукина и немалой свиты, помѣщенной въ двухъ четырехъ-мѣстныхъ и одной двухъ-мѣстной каретахъ, да на нѣсколькихъ Россійскаго изобрѣтенія повозкахъ» [25]). Есть также мнѣніе, что пѣсня:

Радость! выслушай два слова:
Гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь? [26]) и т. д.

была сочинена на его счетъ, по поводу его ухаживаній за извѣстной тогдашней пѣвицей Е. С. Урановой, которая и пѣла ее на сценѣ. Уранова была влюблена въ актера Сандунова и готовилась выйти за него за мужъ. Безбородко же, употребивъ всѣ возможныя хитрости къ тому, чтобы сблизиться съ нею и не достигнувъ цѣли, намѣревался похитить упрямую артистку. Уранова, узнавъ объ этомъ, въ порывѣ отчаянія, рѣшилась на смѣлый поступокъ. Играя, однажды, въ присутствіи Императрицы, на эрмитажномъ театрѣ оперу «Федулъ съ дѣтьми», Уранова превзошла себя. Екатерина была въ восхищеніи и, по окончаніи послѣдней аріи, бросила ей свой букетъ. Уранова схватила его, прижала къ сердцу и, подбѣжавъ къ аванъ-сценѣ, упала на колѣни и закричала: «Матушка-царица, спаси меня»! Можно судить, какое впечатлѣніе произвела на зрителей эта неожиданная сцена. Императрица съ участіемъ обратилась къ пѣвицѣ. Уранова тотчасъ же подала Государынѣ заранѣе приготовленную просьбу, гдѣ были подробно изложены всѣ интриги Безбородки противъ счастія влюбленныхъ [27]).

Въ это время Безбородко находился въ Москвѣ. Разгнѣванная Государыня уволила директоровъ театра Соймонова и Храповицкаго отъ должностей за содѣйствіе «къ сближенію, какъ сказано въ «Лѣтописи Русскаго театра», воспитанницы театральнаго училища Урановой съ графомъ Безбородкою» [28]). Храповицкій же чистосердечно разсказалъ объ этомъ событіи въ своемъ дневникѣ, подъ 11 Февраля 1791 года: «Въ вечеру играли въ Эрмитажѣ «Ѳедула», и Лизка подала на насъ просьбу. Въ тотъ же вечеръ послана записка къ Трощинскому, чтобы заготовить указъ объ увольненіи насъ отъ управленія театрами. Трощинскій въ полночь былъ у меня для совѣта объ указѣ» [29]).

Жалоба подана была Урановою 11 Февраля; черезъ день, 13-го, Безбородко возвратился въ Петербургъ; а на слѣдующій день, 14-го, по словамъ Храповицкаго, «вѣнчали Лизу въ маленькой придворной церкви»; при чемъ, по словамъ «Пантеона», Императрица пожаловала но-

---

[25]) Р. Старина, 1876 г., кн. 1, стр. 27.

[26]) Полный новѣйшій пѣсенникъ, въ 3 ч., собр. И. Гурьяновымъ. М. 1835 г., ч. I, стр. 25, пѣсня 13.

[27]) Воспоминаніе о Московскомъ театрѣ при Медоксѣ. Пантеонъ Русскаго театра. 1840 г., № 2, стр. 97. Разсказъ этотъ перепечатанъ въ изданіи «Собраніе разсказовъ, повѣстей и разныхъ статей». Спб. 1874 г., 637 стр.

[28]) Лѣтопись Русскаго театра, Пимена Арапова, СПБ., 1861 г., стр. 99 и 108.

[29]) Дневникъ А. В. Храповицкаго. Стр. 358. Тоже подтверждаютъ и «Записки графини Хотекъ», которая разсказываетъ, что Сандунова «заколдовала сердце старика-графа Безбородки, такъ что она, во время придворнаго спектакля, жаловалась на преслѣдованія сѣдаго волокиты». (Выдержки изъ старой записной книжки въ Р. Архивѣ 1873 г., стр. 1968).

вобрачнымъ богатые подарки». О Безбородкѣ въ Пантеонѣ замѣчено, что «Екатерина жестокимъ образомъ распекла страстнаго графа»; но затѣмъ никакого другаго болѣе чувствительнаго вліянія на положеніе Безбородки жалоба Урановой не имѣла, можетъ быть потому, что первый приливъ гнѣва Екатерины успѣлъ отойти. Въ этомъ случаѣ судьба очевидно поблагопріятствовала любимцу Императрицы, устроивъ жалобу Урановой въ его отсутствіе. Впрочемъ и условія жалобы, и характеръ отзыва о ней, сдѣланнаго Храповицкимъ въ «Дневникѣ», показываютъ, что жалоба случилась неожиданно, и что связь Безбородки съ Урановой не выходила изъ ряда установившихся къ ней отношеній. Въ Пантеонѣ разсказывается, что недѣлю спустя послѣ свадьбы, Сандунова играла въ большомъ театрѣ всѣми любимую тогда оперу «Cosa rara». Безбородко, по обыкновенію, сидѣлъ въ ближайшей къ сценѣ ложѣ. Когда нужно было пѣть лучшую арію, Сандунова ловко вынула изъ ридикюля кошелекъ съ деньгами, выступила къ оркестру, подняла кошелекъ къ верху и, устремивъ на Безбородку свои большіе лукавые глаза, съ саркастической улыбкой запѣла:

Перестаньте льститься ложно
И думать такъ безбожно,
Въ любовь къ себѣ склонить.
Тутъ нужно не богатство,
Но младость и пріятство...
Еще что-то такое.....

Весь театръ разразился единодушными аплодисментами. Умный Безбородко хохоталъ и хлопалъ больше и громче всѣхъ и первый потребовалъ повторенія. На другой день онъ послалъ Сандуновой шкатулку съ дорогими вещами. Подарокъ былъ принятъ; но Сандунова сочла болѣе благоразумнымъ оставить Петербургъ и перейти на Московскую сцену. Прощаясь съ Петербургскою публикою, мужъ ея такъ объяснялъ цѣль переѣзда въ Москву:

Гдѣ-бъ театральные и графы и бароны
Не сыпали моей Лизетѣ милліоны [30]).

Нельзя умолчать, однако, что вся эта исторія случилась въ такое именно время, когда Безбородко находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ актрисою Ольгою Дмитріевною Каратыгиною.

Съ 1789 года, на домашнихъ спектакляхъ въ Эрмитажѣ, куда допускались приближеннѣйшіе къ Государынѣ особы [31]), стала являться въ балетныхъ роляхъ и обращать на себя всеобщее вниманіе ученица театральнаго училища, О. Д. Каратыгина, дочь училищнаго эконома Дмитрія Васильевича Каратыгина [32]). Безбородко, постоян-

[30]) Москвитянинъ, 1842 г. I. стр. 177.

[31]) Графъ Сегюръ (въ Запискахъ своихъ, СПБ., 1865 г., стр. 259) объ этихъ собраніяхъ говоритъ: «Два раза въ мѣсяцъ Императрица приглашала къ спектаклю дипломатическій корпусъ и особъ, имѣющихъ входъ ко двору. Въ другіе дни число зрителей не превышало двѣнадцати. Обыкновенно тутъ бывали: великій князь съ супругою, флигель-адъютантъ Мамоновъ, графъ Строгоновъ, графъ Остерманъ, графъ Безбородко, князь Потемкинъ, графиня Скавронская, дѣвица Протасова, посланники графъ Кобенцель, Де-Линь и я».

[32]) Свѣдѣнія эти обязательно сообщены мнѣ талантливымъ нашимъ артистомъ Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ. Что же касается до оффиціаль-

но посѣщавшій эрмитажныя собранія, прельстился молодой артисткой и, впослѣдствіи, имѣлъ отъ нея дочь Наталью Александровну Верецкую [33]). Каратыгина въ 1790-хъ годахъ оставила сцену и поселилась у Безбородки. Впослѣдствіи, она вышла за мужъ за правителя его канцеляріи Николая Ефремовича Ефремова, который получилъ за нею въ приданое село Рожествено [34]), домъ и значительную сумму денегъ.

Привязанность Безбородки къ О. Д. Каратыгиной продолжалась до его смерти. Дочь ихъ, а по оффиціальнымъ бумагамъ «воспитанница князя Безбородки», прекрасно воспитанная, богатая и хорошенькая собой, Наталья Александровна вышла 21 Мая 1806 года за мужъ за полковника Савельева [35]).

Было и такое время въ жизни Безбородки, когда онъ искалъ отдыха отъ своихъ трудовъ, или развлеченія отъ ихъ надоѣдливаго однообразія, въ ночныхъ похожденіяхъ. Н. И. Гречъ передаетъ объ этихъ похожденіяхъ слѣдующія подробности: «Безбородко былъ тоже, что нынѣ Вронченко, только въ большемъ размѣрѣ. Каждую Субботу послѣ обѣда надѣвалъ онъ синій сюртукъ, круглую шляпу, бралъ трость съ золотымъ набалдашникомъ [36]) и клалъ сто рублей въ карманъ. Вооруженный такимъ образомъ, посѣщалъ онъ самые неблагопристойные дома. Зимою, по Воскресеньямъ, бывалъ онъ всегда въ маскарадѣ у Ліона [37]) и проводилъ время среди прелестницъ до пяти часовъ утра. Въ 8 часовъ его будили, окачивали холодною водою, одѣвали, причесывали, и полусонный онъ ѣхалъ во дворецъ съ докладами; но, предъ входомъ въ кабинетъ Екатерины, онъ стряхивалъ съ себя ветхаго человѣка, становился умнымъ, серьознымъ, дѣльнымъ министромъ» [38]).

Напрасно-бы мы стали заподозрѣвать справедливость подобныхъ извѣстій, или дѣлать по нимъ заключенія объ особенно-низкой нравственности замѣчательнаго государственнаго человѣка. Таково было время и нравы. Графъ Растопчинъ, отлично знавшій Безбородку, называетъ его «большимъ поклонникомъ прекрасному полу». Любовь же къ нему была «въ модѣ», и ею отличались едва ли не всѣ при-

---

ныхъ извѣстій о семействѣ Д. В. Каратыгина и сценической дѣятельности его дочери, то они истреблены, въ 1810 году, пожаромъ въ Большомъ Театрѣ, гдѣ помѣщался архивъ театральной дирекціи за старые годы.

[33]) Фамилія Верецкой дана ей была въ воспоминаніе первой деревни, пожалованной Императрицею Безбородкѣ.

[34]) Нѣкогда владѣніе царевича Алексѣя Петровича. П. Б.

[35]) Въ одномъ изъ писемъ къ князю В. П. Кочубею Наталья Александровна, между прочимъ, писала: «Въ ономъ же письмѣ изволите упоминать и о благодѣтелѣ моемъ, князѣ Александрѣ Андреевичѣ. О семъ священнѣйшемъ для меня имени я не могу слышать равнодушно, и по мѣрѣ моего возраста, я болѣе и болѣе чувствовала мою въ немъ потерю и сиротство, лишась въ немъ всего, что было для меня священнѣйшаго». (Изъ Диканьскаго архива князя С. В. Кочубея).

[36]) Эти слова Греча напоминаютъ отзывъ Терещенки, который пишетъ, что Безбородко любилъ ходить по городу въ старомъ темнозеленомъ и долгополомъ сюртукѣ, въ загрязненныхъ сапогахъ, съ небрежно-повязаннымъ платкомъ на шеѣ, въ смятой шляпѣ и съ тростью въ рукѣ. (Опытъ обозрѣнія, II, 189, 190).

[37]) Заведеніе Ліона помѣщалось въ домѣ нынѣшняго купеческаго собранія у Казанскаго моста.

[38]) Записки Н. И. Греча, въ Р. Архивѣ 1873, 330 и 331.

дворные, пожилые современники Безбородки. Такъ, по крайней мѣрѣ, строго-нравственный полководецъ графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дочери, перечисляетъ всѣхъ «придворныхъ любезниковъ», къ которымъ причисляетъ и Безбородку, и даетъ ей такое отеческое наставленіе: «Когда будешь въ придворныхъ собраніяхъ, и если случится, что тебя обступятъ старики, покажи видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку, но своей не давай. Это И. И. Шуваловъ, графы Салтыковы, старики Нарышкины, старый князь Вяземскій, также графъ Безбородко, Завадовскій, гофмейстеры, старый графъ Чернышевъ и другіе» [39]).

Сардинскій посланникъ въ Петербургѣ маркизъ де-Парелло, говоря о графѣ Безбородкѣ, замѣчаетъ: «Для завершенія безпристрастной характеристики описываемаго министра, слѣдовало-бы, можетъ быть, прибавить кое-что о женщинахъ, которыхъ онъ публично содержитъ. Но такъ какъ онѣ не отвлекаютъ его отъ важныхъ дѣлъ, и власть ихъ надъ нимъ ограничивается протекціею нѣкоторыхъ личностей, не значительныхъ для хода политической машины: то зачѣмъ указывать на слабости, которыя здѣсь тѣмъ менѣе принимаются во вниманіе, что Государыня, имѣя явно фаворитовъ, которыхъ роскошно содержитъ въ императорскомъ дворцѣ, потворствуетъ собственнымъ примѣромъ распущенности нравовъ?»

XVIII.

Кончина Екатерины II-й.

5 Ноября 1796 года, въ $8^1/_2$ часовъ вечера, великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою прибылъ въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались встрѣтить его чины Синода и Сената и высшіе государственные сановники. Графъ Безбородко, какъ первый секретарь Екатерины, ожидалъ Наслѣдника въ кабинетѣ Императрицы, прочіе чины двора—въ другихъ комнатахъ. Выказавъ искреннее соболѣзнованіе о постигшемъ августѣйшую родительницу несчастіи и узнавъ отъ медиковъ, что всѣ пособія будутъ напрасны, великій князь отправился въ кабинетъ Государыни и тамъ «съ графомъ Безбородкой дѣятельно занимался сженіемъ бумагъ и документовъ, что́ возбуждало въ придворныхъ страхъ, и всѣ говорили о томъ, что новый Государь занятъ съ графомъ Безбородкой разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ» [1]).

Князь Зубовъ, послѣдній наперсникъ Императрицы, находился при этомъ сожженіи въ качествѣ какъ-бы случайнаго лица и на столько пораженъ былъ неожиданностію происшествія, что потерялся окончательно. По словамъ графа Растопчина, онъ былъ первый извѣщенъ о постигшемъ Екатерину ударѣ, первый и потерялъ разсудокъ и не могъ допустить дежурнаго лекаря пустить Императрицѣ кровь, хотя объ этомъ убѣдительно просили его Марья Савишна Перекусихина и камердинеръ Зотовъ. Кровь была пущена, но уже спустя часъ, именно когда пріѣхалъ докторъ Рожерсонъ, и она хорошо пошла. По другому поводу, именно разсказывая о событіяхъ слѣдующаго уже дня, Растопчинъ пишетъ, что «отчаяніе сего временщика ни съ чѣмъ сравниться не можетъ».

---

[39]) Письма и записки князя Суворова-Рымникскаго. Р. Старина, 1866, 948.

[1]) Изъ записокъ Н. А. Саблукова, въ Р. Архивѣ 1869, 1885—1889.

Само собой разумѣется, что, при такомъ положеніи обстоятельствъ, графъ Безбородко считалъ своею непремѣнною обязанностію посвятить Павла Петровича въ дѣла его матери, которыми онъ такъ долго и съ такимъ успѣхомъ завѣдывалъ. Извѣстно, что великій князь во взглядѣ на государственныя дѣла и на управленіе Россіею совершенно расходился съ своею родительницею и крайне рѣзко порицалъ ея политику и жизнь. Столько же извѣстно, что и Екатерина не была особенно расположена къ Павлу и что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ ней лицъ были посвящены въ тайну предположеннаго ею устраненія его отъ престола и предоставленія онаго любимому внуку Александру Павловичу [2]. Когда же на престолъ вступилъ Павелъ, а не Александръ, при дворѣ составилось секретное убѣжденіе, будто виновникомъ этого обстоятельства былъ графъ Безбородко. О дѣлѣ этомъ, покрытомъ непроницаемою тайной императрицына сердца и государственнаго кабитета, упоминаютъ однако разные историческіе источники. Въ запискахъ Энгельгардта (надобно сказать, не всегда вполнѣ точныхъ) читаемъ: «Говорятъ, что Императрица сдѣлала духовную, чтобы наслѣдникъ былъ отчужденъ отъ престола, а по ней бы принялъ скипетръ внукъ ея Александръ, и что она хранилась у графа Безбородки. По пріѣздѣ Государя (Павла) въ С.-Петербургъ, онъ отдалъ ему оную лично. Правда-ли то, неизвѣстно. Многіе, бывшіе тогда при дворѣ, меня въ томъ увѣряли» [3]. Тоже утверждаетъ и Державинъ въ объясненіяхъ на свои сочиненія. «Сколько извѣстно—говоритъ онъ—было завѣщаніе, сдѣланное императрицею Екатериною, чтобы послѣ нея царствовать внуку ея Александру Павловичу».

Черезъ пять лѣтъ, вспоминая про Екатерину въ одѣ своей на восшествіе Александра, Державинъ опредѣлительно выражается:

Стоитъ въ порфирѣ и вѣщала,
Сквозь дверь небесну долу зря:
„Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ въ царя.
Но вы внимать мнѣ не хотѣли;
Забывъ мою къ себѣ любовь,
Напасти безъ меня терпѣли,
Я нынѣ васъ спасаю вновь“ [4].

Въ связи съ содержаніемъ этихъ стиховъ, Державинъ въ Запискахъ своихъ передаетъ слѣдующій знаменательный фактъ изъ времени своей службы при Екатеринѣ: «Графъ Безбородко, выпросясь въ отпускъ въ Москву и откланявшись съ Императрицею, вышедъ изъ кабинета ея, зазвалъ Державина въ темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что Императрица приказала ему отдать нѣкоторыя секретныя бумаги касательно до великаго князя, то, какъ пришлетъ онъ къ нему послѣ обѣда, чтобъ пожаловалъ и принялъ у него; но неизвѣстно для чего, никого не прислалъ, уѣхалъ въ Москву, и съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слы-

[2]) Саблуковъ замѣчаетъ: «говорили съ увѣренностію, что 1 Января 1797 года будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ, которымъ назначался наслѣдникомъ престола великій князь Александръ Павловичъ». Р. Архивъ 1869, стр. 1883.

[3]) Записки Л. Н. Энгельгардта, 195.

[4]) Академикъ Я. А. Гротъ подробно разъясняетъ представленную строфу.

халъ о тѣхъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые тонкіе царедворцы, что онѣ тѣ самыя были, за открытіе которыхъ, по вступленіи на престолъ императора Павла, осыпанъ онъ отъ него благодѣяніями и пожалованъ княземъ. Впрочемъ, съ достовѣрностію о семъ здѣсь говорить не можно; а иногда другіе, имѣющіе лучшія основанія, о томъ всю правду откроютъ свѣту» [5]).

А. М. Тургеневъ, въ собственноручныхъ замѣткахъ на поляхъ Записокъ Грибовскаго, выражаетъ одно недоразумѣніе по поводу Безбородкинскаго участія въ дѣлѣ предпринятаго Екатериною устраненія отъ престола великаго князя Павла Петровича. «Здѣсь нельзя согласить -- пишетъ онъ — того, что Екатерина, оставивъ Безбородку хотя и не въ опалѣ, однакожъ внѣ своего вниманія, поручила ему составить духовное свое завѣщаніе и ввѣрила храненіе онаго ему. По кончинѣ ея, гнусный Безбородко обнаружилъ всю подлость и коварство свойствъ, соврожденныхъ Малороссамъ: онъ не Сенату, а Павлу, наслѣднику Екатерины, предъявилъ завѣщаніе» [6]).

Сюда же относится и разговоръ, написанный въ концѣ прошлаго вѣка подъ названіемъ «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ». Неизвѣстный авторъ изображаетъ царство мертвыхъ, куда прилетаютъ Русскія почившія души, чтобы здѣсь, во исполненіе воли Зевеса, поступить подъ начальство Екатерины, сопричисленной богами къ ихъ сонму. Извѣщенная о печальномъ положеніи дѣлъ въ Россіи прибывшею, въ видѣ гусара, внучкою своею Александрою Павловною, выданною, послѣ нея уже, за Венгерскаго палатина и отравленною въ Офенѣ, Екатерина требуетъ въ свои чертоги уже обитавшаго въ царствѣ мертвыхъ графа Безбородку, напоминаетъ этому «недостойному рабу» своему, что онъ почтенъ былъ отъ нея степенью перваго въ Имперіи достоинства, осыпанъ благодѣяніями, отличаемъ уваженіемъ и богатствомъ, что ему была поручена тайна кабинета, что чрезъ него по смерти Екатерины долженъ былъ осуществиться важный планъ, которымъ опредѣлено было, при случаѣ скорой ея кончины, возвести на императорскій Россійскій престолъ ея внука Александра, что сей актъ подписанъ былъ ею и участниками тайны. «Ты измѣнилъ моей довѣренности (упрекаетъ Екатерина Безбородку) не обнародовалъ его (акта) послѣ моей смерти. Я увѣрена, сколь была любима моими родственниками и больше всего подданными: они бы его исполнили. Ты забылъ милость мою, промѣнялъ общее и собственное свое благо на пустое титло князя, сдѣлалъ Россіи рану, которую цѣлый вѣкъ лѣчить потребно. Что молчишь, несправедливый человѣкъ? Чѣмъ загладишь сей поступокъ? Россія стонетъ, угнетаемая Павломъ, и я еще имѣю столько снисхожденія говорить о семъ съ ея орудіемъ (съ орудіемъ ея злосчастія)». Упавъ на колѣна, Безбородко признаетъ себя виноватымъ въ необнародованіи повелѣнія Екатерины, но оправдывается неожиданностію ея кончины, измѣною подписавшихся подъ завѣщаніемъ особъ, неизвѣстностію завѣщанія народу и страхомъ предъ

---

[5]) Сочиненія Державина, т. II, стр. 227—235, т. VI, стр. 635.

[6]) Товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода Ю. В. Толстой обязательно сообщилъ мнѣ печатный экземпляръ «Записокъ Грибовскаго» (Москва, 1847 г.), на поляхъ котораго, рукою А. М. Тургенева сдѣланы разныя замѣтки и, въ числѣ ихъ, приведенная о Безбородкѣ. *Авторъ*. Александра Михаиловича Тургенева не должно смѣшивать съ дальними его родственниками, извѣстными въ Русской исторіи Тургеневыми. П. Б.

неумолимою строгостью Павла. «Еще до пріѣзда въ Петербургъ изъ Гатчины наслѣдника, я—говоритъ Безбородко Екатеринѣ — собралъ совѣтъ, прочелъ актъ о возведеніи внука твоего. Тѣ, которые о семъ знали, стояли въ молчаніи; а кто въ первый разъ о семъ услышалъ, отозвались невозможностію исполненія онаго. Первый подписавшій-ся за тобою къ оному митрополитъ Гавріилъ подалъ голосъ въ пользу Павла, и прочіе ему послѣдовали». Разсказавъ далѣе, какъ онъ, до пріѣзда Павла въ Петербургъ, написалъ къ народу увѣреніе, что вступающій на престолъ клянется блюсти всѣ дарованныя разнымъ классамъ права и преимущества, и какъ присяга Павлу начата именно послѣ данной имъ самимъ присяги вѣрно соблюдать означенныя права, Безбородко продолжаетъ: «Вы еще не знаете, Государыня, что значитъ воля Павла выключить изъ службы, лишить достоинства и имѣнія, заключить въ крѣпость: это—малѣйшее его наказаніе за малую вину, которая въ твоемъ милосердомъ правленіи не заслуживала выговора. Вѣчная ссылка въ Камчатку, за Китай, въ Японію, въ Алеуту—вотъ удѣлъ большей части моихъ собратій! Не очень давно, извѣстные тебѣ своею справедливостію князь Сибирскій и Турчаниновъ пострадали за то только, что сукно ставленное на армію Павлу показалось посвѣтлѣе немного даннаго образца, лишились знаковъ, имѣнія, дворянства, и теперь учатъ ихъ ловить соболей за Байкаломъ. И такъ, Государыня, лишеніе чиновъ, ссылка или самая смерть моя была-ли сильна удержать стремленіе Павла къ престолу, давно имъ желаемому? Болѣе же сего я сдѣлать ничего не могъ. Правда, ежели судить строго, я конечно долженъ умереть, исполняя волю твою. Знаю и то, что дѣла мои и совѣсть мою судить будетъ великая Екатерина, которой человѣколюбивое сердце умѣетъ отличать невольное преступленіе отъ умышленнаго». Когда Безбородко всталъ, Екатерина недовѣрчиво замѣтила ему, что «она больше свѣдуща о всѣхъ дѣлахъ, нежели какъ онъ думаетъ», отослала его и приказала позвать Гавріила. Напомнивъ ему объ увѣреніяхъ, которыми онъ клялся «во всей силѣ исполнить, утверждая, что, отрекаясь мірскихъ суетъ, за ничто вмѣняетъ ссылку, заточеніе и самую смерть» и выслушавъ отъ него указанія «на время, на обстоятельства и на Павла». Екатерина и его удалила, съ тѣмъ, чтобы онъ никогда не показывался въ ея чертогахъ» [7]).

Разговоры разныхъ великихъ людей въ Елисейскихъ поляхъ были обыкновенною литературною формой XVIII вѣка, но эта форма служила средствомъ для выраженія накопившихся въ обществѣ понятій, стремленій и убѣжденій. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, а особенно въ связи съ другими письменными извѣстіями, «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ» даетъ чувствовать, что признаніе за Безбородкою главнаго участія въ передачѣ Павлу бумагъ Екатерины, устранявшихъ его отъ престола, раздѣлялось большимъ кружкомъ общества.

Существуютъ и живыя, устныя преданія о томъ, какъ Безбородко поступилъ съ завѣщаніемъ Екатерины о престолонаслѣдіи. Одно изъ этихъ извѣстій гласитъ, что когда Павелъ и Безбородко разбирали бумаги въ кабинетѣ Екатерины, то графъ указалъ Павлу на пакетъ, перевязанный черною лентою съ надписью «вскрыть послѣ смерти моей въ Совѣтѣ». Павелъ, предчувствуя, что въ пакетѣ заключается

---

[7]) Рукописное сочиненіе «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ» обязательно сообщено мнѣ Леонидомъ Николаевичемъ Майковымъ.

актъ объ устраненіи его отъ престола, актъ, который былъ будто-бы писанъ рукою Безбородки и о которомъ, кромѣ его и Императрицы, никто не зналъ, вопросительно взглянулъ на Безбородку, который, въ свою очередь, молча указалъ на топившійся каминъ. Эта находчивость Безбородки, который однимъ движеніемъ руки отстранилъ отъ Павла тайну, сблизила ихъ окончательно.

Другое устное извѣстіе утверждаетъ, что Безбородко, узнавъ о безнадежномъ положеніи Екатерины, сію-же минуту поѣхалъ въ Гатчину, гдѣ и подалъ запечатанный пакетъ Павлу, котораго встрѣтилъ на площадкѣ лѣстницы.

Наконецъ, есть преданія, идущія отъ Безбородки, о томъ, что бумаги по этому предмету (манифесту о престолонаслѣдіи) были подписаны важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцевымъ-Задунайскимъ. Немилость къ первому и внезапная кончина втораго тотчасъ, какъ онъ узналъ о восшествіи на престолъ Павла, произошли будто-бы именно вслѣдствіе этого [8]).

Вотъ всѣ данныя, какія удалось намъ собрать о дѣятельности графа Безбородки въ отношеніи къ духовному завѣщанію Екатерины. Въ нихъ есть противорѣчія, но они касаются только разныхъ подробностей, а сущность факта одинакова. Такимъ образомъ, въ настоящее время, пока не откроется какихъ нибудь новыхъ документовъ, которые снимутъ съ Безбородки обвиненіе въ нарушеніи воли покойной Императрицы, приходится допустить, что онъ, уступая силѣ обстоятельствъ, доставилъ возможность Павлу получить приготовленный Екатериною актъ устраненія его отъ престола и вступить на престолъ въ слѣдъ за нежелавшей этого покойной его родительницею [9]).

На другой день по пріѣздѣ изъ Гатчины Павелъ Петровичъ приказалъ вице-канцлеру графу Остерману опечатать и представить ему бумаги графа Маркова, а Ростопчину съ графомъ Самойловымъ запечатать кабинетъ усопшей Императрицы его собственною часовою печатью, врученною Растопчину.

Придворный архивъ канцеляріи церемоніальныхъ дѣлъ хранитъ записку о кончинѣ Екатерины. Въ этой запискѣ касательно обстоятельствъ 6 Ноября читаемъ слѣдующее: «6 Ноября, основываясь на донесеніи докторовъ, что уже не было надежды, государь великій князь наслѣдникъ отдалъ приказаніе оберъ-гофмейстеру графу Безбородку и государственному генералъ-прокурору графу Самойлову взять императорскую печать, разобрать въ присутствіи ихъ высочествъ, великихъ князей Александра и Константина, всѣ бумаги, которыя находились въ кабинетѣ Императрицы, потомъ, запечатавши, сложить ихъ въ особое мѣсто» [10]).

Здѣсь нѣтъ ни указанія, ни намека на передачу Безбородкою Павлу Петровичу таинственныхъ документовъ. Поэтому, не останавливаясь болѣе на покрытомъ завѣсою непроницаемости историческомъ фактѣ, обратимся къ изложенію дальнѣйшихъ дѣлъ одареннаго

---

[8]) Р. Архивъ, 1871, стр. 2072.

[9]) Напомнимъ читателю, что тогда еще не была отмѣнена Петровская «Правда воли монаршей», и Екатерина могла назначить своимъ наслѣдникомъ кого ей было угодно. П. Б.

[10]) Осмнадцатый Вѣкъ, кн. II, стр. 638—642.

счастливою судьбою и придворной изворотливостью государственнаго человѣка.

Въ роковой день 6 Ноября «графъ Безбородко, по словамъ Растопчина, болѣе 30 часовъ не выѣзжалъ изъ дворца и былъ въ отчаяніи: неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подъ гнѣвомъ новаго Государя, и живое воспоминаніе благодѣяній умирающей Императрицы наполняли глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ. Раза два онъ говорилъ мнѣ умилительнымъ голосомъ, что онъ надѣется на мою дружбу [11]), что онъ старъ, болѣнъ, имѣетъ 250.000 р. дохода и единой проситъ милости—быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія». Безбородко не забылъ, однако, въ предполагаемую для него критическую минуту, и о прочихъ преданныхъ ему подчиненныхъ. Прося за себя, Безбородко настойчиво ходатайствовалъ и о томъ, чтобы Растопчинъ просилъ великаго князя, въ знакъ его заслугъ Отечеству, объ отправленіи въ Сенатъ указа, подписаннаго Государыней восемь дней тому назадъ, о пожалованіи его усердному помощнику Д. П. Трощинскому чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. «Тутъ я—продолжаетъ Растопчинъ—получилъ повелѣніе увѣрить графа Безбородку, что наслѣдникъ, не имѣя никакого особеннаго противъ него неудовольствія, проситъ его забыть все прошлое, и что считаетъ на его усердіе, зная дарованія его и способность къ дѣламъ; указъ же о пожалованіи Трощинскаго приказалъ мнѣ взять и отослать въ Сенатъ, что и было мною исполнено. Грибовскій, въ видѣ человѣка, желающаго исчезнуть, принесъ и отдалъ мнѣ указъ, сказавъ, что не онъ виноватъ, а князь Зубовъ, который приказалъ не отсылать указа въ Сенатъ. Подозвавъ за тѣмъ графа Безбородку, наслѣдникъ престола приказалъ ему заготовить указъ о восшествіи на престолъ, а въ 5 часовъ по полудни наслѣдникъ велѣлъ мнѣ спросить у графа Безбородки, нѣтъ-ли какихъ дѣлъ, времени не терпящихъ, и хотя обыкновенныя донесенія, по почтѣ приходящія, и не требовали поспѣшнаго доклада, но графъ Безбородко разсудилъ войти съ ними въ кабинетъ, гдѣ мнѣ приказалъ наслѣдникъ остаться. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ памятью графа Безбородки, который не только по надписямъ узнавалъ, откуда пакеты, но и писавшихъ называлъ по именамъ. При входѣ графа Безбородки съ бумагами, наслѣдникъ сказалъ ему, показывая на меня: вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня ничего нѣтъ скрытнаго Когда же графъ Безбородко, окончивъ, вышелъ изъ кабинета, то наслѣдникъ былъ еще въ удивленіи и объяснялся весьма лестно на его счетъ, примолвивъ: этотъ человѣкъ для меня—даръ Божій! Спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ» [12]).

Между тѣмъ, агонія, продолжавшаяся 36 часовъ безъ малѣйшаго перерыва, «въ Четвергъ 6 Ноября, въ 9 часовъ 45 минутъ вечера», прекратилась.....

---

[11]) Въ автобіографіи своей (Отечественныя Записки, 1826 г., ч. II, стр. 55) Растопчинъ пишетъ: «Графъ Безбородко, замѣтя въ молодомъ Растопчинѣ особенный умъ, познанія и легкость въ работѣ, взялъ его съ собою и употребилъ его съ пользою при собравшемся въ Яссахъ мирномъ конгрессѣ». Растопчинъ всегда чтилъ память Безбородки, и въ его кабинетѣ висѣлъ портретъ его, написанный, по его заказу, извѣстнымъ художникомъ Тончи.

[12]) Архивъ Князя Воронцова, VIII, 165 и слѣд.

Много было говорено о причинахъ смерти Екатерины. Не входя въ повтореніе говореннаго и не пускаясь въ новыя разбирательства, я считаю не лишнимъ сообщить здѣсь нигдѣ еще не напечатанный разсказъ о томъ А. М. Тургенева, написанный на поляхъ экземпляра «Записокъ Грибовскаго», принадлежащаго Ю. В. Толстому. «Платонъ Зубовъ (пишетъ Тургеневъ) рекомендовалъ Екатеринѣ Грека Ламбро-Качони, который взялся вылѣчить ноги Екатерины отъ ранъ. Онъ предложилъ ей ставить ноги въ морскую воду утромъ и вечеромъ. Лѣченію этому лейбъ-медикъ Рожерсонъ противился и говорилъ о могущихъ быть для здоровья и самой жизни бѣдственныхъ слѣдствіяхъ. Екатерина не послушалась Рожерсона. Раны на ногахъ въ Іюлѣ закрылись, а въ Ноябрѣ Екатерина умерла отъ апоплексіи. А воду морскую привозили отъ Красной Горки, за Петергофомъ».

Лишь только императорская фамилія окончила свое послѣднее прощаніе съ славной покойницей, присутствовавшія знатныя особы, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, графъ Безбородко и Самойловъ, а также и придворные служители и служительницы, принесли свои поздравленія его величеству, новому Императору, а также и ея величеству Императрицѣ [13]).

Послѣ принесенія поздравленій, графъ Безбородко еще съ большею силою предался своему горю: ни увѣренія Павла въ благосклонности, ни лестный его отзывъ о немъ, конечно, переданный ему Растопчинымъ, не могли утѣшить убитаго горемъ оберъ-гофмейстера. А. Т. Болотовъ въ своихъ Запискахъ говоритъ: «Къ числу наиболѣе о кончинѣ покойной Императрицы плакавшихъ и искренно сокрушавшихся принадлежалъ первѣйшій ея министръ, извѣстный графъ Безбородко. Сей человѣкъ и имѣлъ къ тому причины. Будучи Монархинею сею извлеченъ изъ ничтожества, удостоенъ величайшей милости и довѣренности, осыпанъ, такъ сказать, съ головы до ногъ безчисленными благодѣяніями, возведенъ на высочайшую почти степень достоинства и славы, обогащенъ до избытка и содержимъ такъ, что онъ, при всей своей многотрудной должности, могъ однако наслаждаться и всѣми пріятностями жизни, пользоваться прямо счастливою жизнію, натурально долженъ былъ чувствовать, сколь много потерялъ онъ чрезъ кончину августѣйшей своей благодѣтельницы и производительницы всего счастія его. Онъ и изъявилъ непритворныя чувствованія свои такими слезами, такимъ сокрушеніемъ и горестью и такимъ надрываніемъ даже себя печалію и рыданіями, что самъ Государь объ немъ наконецъ соболѣзновалъ и самъ нѣсколько разъ утѣшать и уговаривать его предпринималъ. Но всѣ сіи утѣшенія и уговариванія и не только сіе, но и самыя милости, оказанныя ему уже новымъ Монархомъ и оставленіе его не только при прежней должности, но и самое повышеніе его на степень высочайшую по Государѣ и въ чинъ генерала-фельдмаршала, не могли и не въ состояніи были никакъ утолить горести и печали его. Онъ только твердилъ непрестанно, что онъ лишился матери, благодѣтельницы, зиждительницы всего его счастія и блаженства и такой Монархини, которую онъ никакъ позабыть не можетъ, и что всѣ его слезы и рыданія далеко недостаточны къ тому, чтобы могли составить жертву его благодарности... На увѣренія Государя, что и онъ будетъ къ нему милостивъ, отвѣтствовалъ онъ, что о семъ не сомнѣвается онъ нимало; но са-

---

[13]) Осмнадцатый Вѣкъ, кн. II, стр. 640—642.

мому ему не можно уже такъ Государю служить, какъ служилъ онъ покойной Императрицѣ. Почемужъ такъ? спросилъ Государь, удивившись.—Потому, отвѣчалъ Безбородко, что всѣ мои лучшія лѣта уже миновали; и теперь я уже одряхлѣлъ, состарѣлся и не въ силахъ переносить столько тягости и трудовъ, сколько нужно будетъ при служеніи вашему величеству, и сколькобъ я хотѣлъ переносить самъ, по моему усердію къ вамъ и ревности къ службѣ. Возложенная на меня вице-канцлерская должность уже слишкомъ для меня тяжела, и бремя сіе превосходитъ всѣ мои силы и возможности, почему и прошу объ увольненіи меня отъ оной».

Въ этомъ случаѣ Безбородко говорилъ совершенную правду: ему трудно было служить при новомъ Императорѣ. Прежде служба шла легко и свободно: доклады начинались съ 10 часовъ по полудни. Теперь приходилось вставать въ 5 часовъ утра и быть готовымъ по первому зову явиться къ Монарху. Но какъ императору Павлу извѣстно было, что Безбородко исправлялъ много лѣтъ должность перваго секретаря покойной Императрицы, и «ему довѣдомы были всѣ государственныя дѣла, особенно по сношеніямъ нашего двора съ иностранными, и что, наконецъ, онъ отличался необыкновенною памятью, то Государю былъ онъ крайне нуженъ: ему не хотѣлось съ нимъ разстаться и его отпустить. Потому Государь старался его всячески удержать и шутя сказалъ ему:—Нѣтъ, нѣтъ, Александръ Андреевичъ, я тебя никакъ отъ себя не отпущу. Ты останься при мнѣ, трудись по силѣ своей и возможности и будь, по крайней мѣрѣ, моею архивою. Ты мнѣ нуженъ, а чтобъ тебя облегчить, то я избавлю тебя отъ вице-канцлерской должности» [14]).

Почтенный вниманіемъ и милостями новаго Монарха, Безбородко не переставалъ оплакивать кончину Екатерины. Глубоко горестное настроеніе Безбородки отразилось и въ письмѣ къ матери, которое онъ отправилъ 10 Ноября 1796 г. «Въ минувшій Четвергъ, 6 Ноября понесъ я величайшую потерю кончиною Государыни Императрицы, которая по самые послѣдніе дни жизни своей сохранила ко мнѣ свою милость и довѣренность, и которую привыкъ я почитать своею матерью. Оплакивая сіе печальное событіе, одно въ немъ облегченіе, что новый Императоръ удостоилъ меня таковыхъ же уваженій, возлагая на меня важнѣйшія дѣла.... Я желаю—заключаетъ Безбородко письмо—чтобы силы мои были достаточны воздать его благоволенію усердною службою».

Николай Григоровичъ.

---

[14]) Изъ Записокъ А. Т. Болотова, въ Р. Архивѣ, 1864 г., 619—621.

Изъ Записокъ Ипполита Оже.

1814—1817.

(Съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Мы не считаемъ нужнымъ предпосылать нижеслѣдующимъ Запискамъ біографическія свѣдѣнія объ авторѣ ихъ, такъ какъ читатель можетъ легко познакомиться съ нимъ изъ его собственнаго разсказа. Мелкія подробности, сообщаемыя имъ о событіяхъ современной ему исторіи и о людяхъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, имѣютъ для насъ интересъ живаго подлиннаго свидѣтельства. П. Б.

* *
*

Отовсюду доносились отголоски пушечныхъ выстрѣловъ. Почва Франціи была усѣяна трупами: Русскіе, Пруссаки, Австрійцы—лежали въ перемежку съ нашими солдатами, послѣдними остатками арміи. Мы героически боролись, но съ каждымъ днемъ нашъ врагъ, *союзныя войска*, приближался къ сердцу Франціи. Деньги становились рѣдкостью, хлѣбъ дорожалъ, сношенія прекращались: каждый жилъ самъ по себѣ, съ своими скорбями, съ своими надеждами.

По улицамъ раздавались сочиненныя по заказу пѣсни, въ которыхъ говорилось о славѣ, чести, отечествѣ; а у домашняго очага тихонько напѣвались сатирическія строфы Беранже, въ то время только что начинавшаго входить въ славу: Король д'Ивето, Сенаторъ и др. Шла ожесточенная борьба, а во мнѣ въ это время бродили молодыя силы: я ждалъ и волновался [1]).

*

Казалось, будто люди тогдашняго времени совсѣмъ перестали заглядывать въ свою душу. Они и старались попасть на настоящую дорогу, но шли на угадъ, сами не зная куда и смутно надѣясь, что дорога куда нибудь выведетъ. Что-то такое неизвѣстное, непонятное томило насъ. Намъ хотѣлось видѣть, слышать, двигаться; мы искали простора. Остановиться нельзя было ни на чемъ, потому что, казалось, все подлежало пересмотру: вся совокупность условій умственной жизни, и не одной умственной, но и физической также.

Люди прошлаго глухо волновались. Жертвы, не безъ нѣкоторой отваги, гонители съ затаенною робостью, и тѣ и другіе были крѣпко притиснуты тяжелой пятой властелина.... Вернувшіеся эмигранты, сплотившіеся Якобинцы могли дѣйствовать довольно свободно, но были осторожны въ рѣчахъ.... Звукъ оружія раздавался въ Парижѣ. Всѣ прислушивались: казалось, до нашего слуха доносилась пушечная пальба, топотъ приближающагося войска. Но благодаря прочной организаціи, все шло, по наружности, спокойно и своимъ чередомъ.

---

[1]) Автору въ то время время было лѣтъ 18 отъ роду.

Хорошо смазанная правительственная машина продолжала двигаться по своей колеѣ. Подъ вліяніемъ боязни люди были холодны, спокойны. Пустота чувствовалась страшная.

Я былъ одинокъ посреди этого хаоса. Скоро я почувствовалъ горячее желаніе пожить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, другою жизнію, найти другой міръ, непохожій на тотъ, который, казалось мнѣ, былъ мною извѣданъ. Я понялъ, что та жизнь, которою я до сихъ поръ жилъ, была не то, чего мнѣ было нужно; я хотѣлъ не новости, не разнообразія: мнѣ этого было мало, я жаждалъ чего-то неизвѣстнаго, неизвѣданнаго.... Иногда я отправлялся бродить на удачу, всматривался въ встрѣчавшіяся физіономіи съ надеждою прочесть на нихъ отвѣтъ. Прислушиваясь къ порывамъ вѣтра, я требовалъ у него, у неба, у земли, разрѣшенія мучившей меня загадки. До сихъ поръ я былъ остороженъ въ поступкахъ, теперь же я готовъ былъ весь отдаться на волю случая. Вооруженная Европа попирала почву Франціи; избѣжать ея нашествія было невозможно, и я ожидалъ ея съ лихорадочнымъ чувствомъ нетерпѣнія, къ которому примѣшивалось чувство ужаса. Я былъ похожъ на раненаго во время сраженія, и готовъ былъ закричать: «добейте же меня, братцы!» Душа была полна новыхъ, неясныхъ впечатлѣній, которыя произвольно, безъ всякой причины, зарождались въ ней. Но не смотря на это тревожное состояніе, дни летѣли быстро. Тяжелы были эти два мѣсяца — Январь и Февраль; но начало Марта было еще ужаснѣе. Горячая кровь и холодный разсудокъ по очереди брали верхъ надо мною и влекли то къ истинѣ, то къ заблужденію; а я не въ состояніи былъ сказать, гдѣ истина, гдѣ ложь. Всѣ находили, что я развитъ не по лѣтамъ; но мнѣ казалось, что это было ошибочное мнѣніе. Я не желалъ быть старше своихъ лѣтъ; мнѣ хотѣлось начать съизнова, совсѣмъ изгладить безъ слѣда короткое прошлое, наполненное впечатлѣніями, которыя я прежде считалъ благотворными. Писать еще не значитъ жить, думалось мнѣ иногда. Наступающая эпоха должна показать мнѣ путь, по которому я пойду. Я буду дѣйствовать, чтобъ стать тѣмъ, чѣмъ я хочу и могу быть....

Будущее неизвѣстно. Я одинъ; я еще не знаю, кто мнѣ другъ; мое личное положеніе имѣетъ много общаго съ положеніемъ Франціи.

Не даромъ была такая трудная беременность и такіе болѣзненные роды: нарождалась новая эра.

Наконецъ наступилъ день капитуляціи. Національная гвардія, вновь образовавшаяся съ тѣхъ поръ, какъ военный вопросъ перенесся на почву Франціи, призывала всѣхъ гражданъ къ оружію. Маршалъ Монсе командовалъ ею. Сначала его обязанностью было наблюдать за спокойствіемъ и порядкомъ въ городѣ; потомъ ему была поручена внѣшняя защита города. Я находился въ это время въ паркѣ Монсо. Цѣлый день грохотали пушки и шла ожесточенная борьба. На Шомонѣ, на Менильмонтанѣ, ученики Политехнической Школы отличались храбростью. Застава Клиши не сдавалась. Но скоро, съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, мнѣ стало видно, какъ непріятельская кавалерія взбиралась на Монмартрскія высоты и овладѣвала батареями, которыя тамъ находились. Потомъ, по дорогѣ, вдоль рва, окружавшаго садъ, проскакали двое всадниковъ съ парламентерскимъ знаменемъ. Они спѣшили отъ заставы къ заставѣ, чтобъ прекратить кровопролитіе.

На другой день непріятельскія войска вошли въ Парижъ и заняли его.

Я жилъ на улицѣ, поглощенный происходившей вокругъ меня драмой.... Я смотрѣлъ и слушалъ. Такимъ образомъ строилось зданіе моего опыта: въ основаніе его легли мои собственныя дѣйствія. Я принадлежалъ себѣ; помощи ждать было не откуда. Мое дѣло было заботиться только, чтобъ мой челнъ не разбился о подводные камни.

Часто, возвращаясь ночью домой, я проходилъ черезъ Елисейскія поля, гдѣ были расположены лагеремъ казаки. Тамъ и сямъ горѣли костры и освѣщали группы людей какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ. Я шелъ, задыхась отъ невольнаго чувства страха. Я чувствовалъ, какъ у меня то замирало сердце, то снова начинало биться съ удвоенной силой, когда посреди величественной тишины и мрака ночи раздавалось «ура», Русскій окликъ; и послѣдній отголосокъ его, постепенно ослабѣвая вдали, затихалъ наконецъ безъ отзыва въ моей взволнованной душѣ.

Въ Парижѣ быстро привыкаютъ ко всякому новому положенію, какъ бы противоположно оно ни было прежнему. Не прошло недѣли, какъ всѣ уже примирились съ присутствіемъ побѣдителей. Много тутъ помогало любопытство. О томъ, что̀ ожидаетъ Парижъ въ будущемъ, думали мало: Парижъ не заботится о далекомъ будущемъ; но за то личныя опасенія за сегодняшній день вмѣстѣ съ забвеніемъ всего, что̀ было вчера, давали возможность людямъ, предвидѣвшимъ паденіе Наполеона, безпрепятственно стремиться къ достиженію своихъ цѣлей. Борьба еще продолжалась: на югѣ сражались противъ Англичанъ, предводимыхъ Веллингтономъ; императорская гвардія отступившая къ Фонтенебло, окружала своего великаго полководца, перемѣнившаго скипетръ на шпагу. Въ пользу Бурбоновъ происходили заранѣе подготовленныя манифестаціи. Якобинцы оставались въ тѣни, а пришельцы заботились о себѣ и не думали о насъ.

Русскій Императоръ не захотѣлъ поселиться ни въ одномъ изъ дворцовъ. Талейранъ предложилъ ему гостепріимство въ своемъ домѣ, въ улицѣ Риволи, и Императоръ принялъ его предложеніе. Прусскій король жилъ въ улицѣ Лилль, въ домѣ Прусскаго посольства. Генералы обѣихъ армій были размѣщены по лучшимъ домамъ въ двухъ сосѣднихъ кварталахъ. Офицеры жили недалеко отъ казармъ, гдѣ стояли ихъ полки. Съ Фридрихомъ Вильгельмомъ были его два сына; къ Александру I пріѣхали его три брата. Война расчистила широкую дорогу въ наше отечество; вдоль нея стояли отряды Австрійцевъ: императоръ Францъ не желалъ встрѣтиться съ дочерью, принужденною бѣжать вмѣстѣ съ маленькимъ Римскимъ королемъ.

Отреченіе Наполеона и отъѣздъ его на островъ Эльбу облегчили заключеніе предварительныхъ условій мира. Вмѣстѣ съ надеждою вернулось и спокойствіе. Пестрота мундировъ перестала оскорблять зрѣніе Парижанъ. Пришельцы привезли много денегъ (это были наши собственныя деньги); торговые обороты оживились. Удовольствія стали всѣмъ доступны. Въ ресторанахъ Палерояля всѣ столы были постоянно заняты, и за попойками офицеры бросали изъ оконъ деньги толпившемуся народу.

Присматриваясь къ различнымъ физіономіямъ пришельцевъ, я скоро замѣтилъ рѣзкое различіе національностей, проявлявшееся въ невольной симпатіи къ однимъ и антипатіи къ другимъ. Это было одно изъ тѣхъ впечатлѣній, въ которыхъ, по неожиданности ихъ, невозможно

сразу отдать себѣ отчетъ. Не умѣя еще отличить Русскаго отъ Пруссака по мундиру, мы чувствовали, что между нами возникали токи отталкиванія и притяженія, какъ будто Славянинъ и Германецъ обладали противоположными электричествами. Въ томъ состояніи умственной нерѣшительности, въ которомъ я тогда находился, я не могъ сопротивляться этому закону влеченія и направился къ сѣверному полюсу.

Въ это время жила въ Парижѣ въ улицѣ Серютти (теперешней улицѣ Лафитъ) небогатая вдова хорошей фамиліи, умная, изящная женщина. Оставшись безъ всякихъ средствъ по кончинѣ мужа, она не могла рѣшиться круто разорвать съ прежнею жизнію и отказаться отъ привычныхъ удобствъ, какъ не могла разстаться съ брильянтовыми сережками, блестѣвшими въ ея ушахъ. Она занимала просторную, красивую квартиру въ третьемъ этажѣ. Квартира оказалась слишкомъ велика для нея; она вздумала предложить друзьямъ своего мужа, холостякамъ, приходить къ ней обѣдать. Три лишнія комнаты были прилично омеблированы; она отдала ихъ внаймы. Предложеніе было принято съ радостью. Роскоши, конечно, въ ея домѣ не было; но были всѣ удобства, возможныя въ тѣ времена. Обычные посѣтители приводили съ собою друзей. Обѣдъ бывалъ всегда хорошъ; въ гостиной стояла рояль Эрара, два дивана, покойныя кресла; въ холода́ топился каминъ. Разговоръ шелъ живой, непринужденный. По вечерамъ играли въ бульотъ, по семейному, для препровожденія времени, но не ради выигрыша. Я тоже бывалъ въ этихъ собраніяхъ, и меня любили за природное остроуміе, составлявшее мое отличительное качество. Я не придумывалъ остротъ: онѣ сами неудержимо срывались съ языка.

Можетъ быть, для меня было бы лучше, еслибъ мои остроты встрѣчались иногда неодобрительнымъ молчаніемъ, но присутствующіе обыкновенно смѣялись, снисходя къ моей молодости. Въ карты я никогда не игралъ; но такъ какъ всѣ знали, что я пописывалъ стишки, то меня заставляли ихъ декламировать. Конечно, никто не придавалъ этому особеннаго значенія.

Недѣли двѣ спустя послѣ занятія Парижа союзными войсками, я пришелъ опять обѣдать въ улицу Серютти. За столомъ сидѣло четверо Русскихъ гвардейскихъ офицеровъ. Ихъ привелъ одинъ изъ обычныхъ посѣтителей, старый эмигрантъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Россіи и сохранившій дружескія сношенія со многими Русскими семьями, которыхъ гостепріимство ему было памятно. Война ведется между государствами, или лучше сказать между правителями; подданные же, до которыхъ ссора эта нисколько не касается, продолжаютъ по прежнему дружески относиться другъ къ другу. Замолкаетъ громъ пушекъ, и мнимые враги, протягивая другъ другу руку, продолжаютъ прерванный разговоръ. Грустно было бы за человѣчество, еслибъ это было иначе! Но и помимо этого, между высшими классами въ Россіи и во Франціи много общаго: одинаковое воспитаніе порождаетъ духовное сродство, скрѣпляемое общей литературой и общимъ разговорнымъ языкомъ, такъ что политическая распря была чѣмъ-то въ родѣ семейной размолвки, происшедшей отъ недоразумѣнія и прекратившейся тотчасъ послѣ объясненія, чѣмъ-то въ родѣ вводнаго предложенія въ скобкахъ, не нарушающаго смысла всей рѣчи.

— Мы думали, что вы убиты въ сраженіи, вскричали всѣ при моемъ появленіи.

— Это легко могло случиться, пули такія шальныя. Но онѣ, къ счастію, летятъ на высотѣ человѣческаго роста, а я проскользнулъ подъ ними, отвѣчалъ я.

Сѣли за столъ. Насъ не представляли другъ другу, но мы скоро разговорились, какъ обыкновенно бываетъ между благовоспитанными людьми, довѣрчиво и искренно относящимися другъ къ другу.

У меня всегда было честолюбивое желаніе нравиться, и мнѣ это часто удавалось. У ума есть своего рода кокетство, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе опытности у человѣка; а въ разговорѣ эффектъ мѣткаго, остраго слова много зависитъ отъ тонкости внѣшней отдѣлки: при умѣньи можно и стразѣ придать блескъ алмаза. Мнѣ уже не разъ случалось сталкиваться съ иностранными офицерами на улицѣ, и мы обмѣнивались обыкновенными, вѣжливыми, ничего незначащими фразами. Но всегда бывало такъ, что меня вызывали на разговоръ Русскіе, справедливо гордившіеся своимъ знаніемъ нашего языка. На этотъ же разъ я сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію, съ тѣмъ увлеченіемъ, которое лежало въ моей природѣ и неудержимо овладѣвало мною: разъ пружина заведена, и машина, приспособленная природой на служеніе уму, была пущена въ ходъ. Въ домѣ ко мнѣ всѣ благоволили; новые знакомые тоже скоро почувствовали ко мнѣ расположеніе. Но я, стремясь во что бы то ни стало, изъ чувства прирожденнаго тщеславія, покорить ихъ сердца, запутался самъ въ собственныхъ сѣтяхъ: они побѣдили мое сердце своимъ тонкимъ пониманіемъ и умѣньемъ вести разговоръ по нашему. Остроумнымъ можно быть только въ обществѣ остроумныхъ людей: чрезвычайно пріятно видѣть, что ваша острота понята и оцѣнена по достоинству.

Эти Русскіе были люди молодые. Самому старшему было лѣтъ двадцать пять; онъ имѣлъ чинъ капитана; четвертый былъ поручикъ. Они стояли на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи, но внѣ службы между ними было совершенное равенство отношеній, позволявшее каждому свободно выказывать свои личныя качества и свойства.

Послѣ обѣда они изъявили желаніе познакомиться со мной. Мы обмѣнялись обычными вѣжливыми фразами, которыя ни къ чему не обязываютъ, но иногда могутъ имѣть серьёзныя послѣдствія.

На другой день я не могъ удержаться, чтобъ не отправиться опять обѣдать въ улицу Серютти. Очарованіе было слишкомъ сильно: мнѣ оставалось только покориться ему и безпрекословно идти, куда влекла судьба.

Я былъ настоящій Парижанинъ, слѣдовательно не отличался устойчивостью мнѣній: они зарождались внезапно и произвольно. Почва была глубоко взрыта, но посѣянныя сѣмена только еще пускали ростки: всходовъ не было видно.

Меня приняли ласково. Въ этотъ вечеръ случилось такъ, что разговоръ невольно принялъ задушевный характеръ. Прапорщики, милые молодые люди, легкомысленные и веселые какъ дѣти, чувствовали непреодолимое желаніе кинуться въ открывавшуюся передъ ними жизнь. Они имѣли передо мной то преимущество, что у нихъ была семья, имя; въ будущемъ ихъ ожидало богатство и вѣрная карьера. Но за то у меня былъ сильный рычагъ—жгучее желаніе быть чѣмъ нибудь, имѣть значеніе, добиться своего, во что бы то ни стало. Они были спокойны за свою будущность и не думали о ней; для

меня будущее было мечтою, полною надеждъ и ожиданій. Что же касается до капитана, ихъ старшаго, отличавшагося живостью и энергіей, то онъ и въ жизни занималъ тоже мѣсто, какъ и въ полку. Онъ казался положительнѣе ихъ, но опытности у него было не больше. Всѣ трое, привыкшіе къ обезпеченной жизни, никогда не задумывались надъ ея серьезной стороной: они не знали ни труда, ни заботъ. Безпечность—лучшее средство для сохраненія молодости; вотъ отчего у нихъ были такія невозмутимо-спокойныя лица, такой ровный, привѣтливый характеръ. Все это за одно съ запахомъ духовъ, до которыхъ Русскіе такіе охотники, придавало имъ всѣмъ аристократическій отпечатокъ. Суровое ремесло войны сдѣлало ихъ мужественными, но не лишило природной граціи; они сильно загорѣли, но нѣжныя очертанія лицъ, гладкій лобъ безъ морщинъ, ясный взоръ—остались тѣже какъ и прежде. Молодая жизнь въ нихъ била ключомъ.

За обѣдомъ въ улицѣ Серютти заговорили о театрахъ и указали на меня, какъ на будущаго драматическаго писателя. Это сблизило насъ еще болѣе [1]). Они, конечно, пожелали узнать наши театры подъ моимъ руководствомъ. Партеръ бывалъ обыкновенно биткомъ набитъ Русскими офицерами, и вскорѣ, благодаря частымъ встрѣчамъ, я очутился въ центрѣ многочисленнаго кружка *новыхъ друзей*, которые не покидали меня ни на минуту. Я долженъ отдать имъ справедливость: въ нихъ не замѣчалось ни малѣйшаго признака Русскаго *шовинизма* (это слово было впослѣдствіи нарочно придумано для насъ); у нихъ ни разу не вырвалось ни одного хвастливаго слова, которое могло бы испортить наши отношенія. Казалось, они вошли въ Парижъ не какъ побѣдители, но просто съѣхались случайно, изъ любопытства, изъ простаго желанія пожить всѣмъ вмѣстѣ. Избранное Русское общество, въ которое я имѣлъ честь быть принятъ, доказывало этимъ свое умѣнье жить, свой тактъ. Приглашенія сыпались на меня со всѣхъ сторонъ: я принималъ участіе во всѣхъ удовольствіяхъ и даже во всѣхъ сумазбродствахъ. Я не отказывался, но всегда предупреждалъ, что не могу отплатить тѣмъ же. Конечно я не очень настаивалъ на послѣднемъ обстоятельствѣ, потому что не хотѣлъ, чтобъ они знали, въ какомъ положеніи я находился. Если намъ нравится избранное общество, и мы хотимъ бывать въ немъ, то обязаны слѣдовать его обычаямъ. Меня считали однимъ изъ своихъ, благодаря моей осанкѣ и манерамъ.

Вмѣсто того, чтобъ показываться имъ, такъ сказать, въ природной наготѣ, я напротивъ старался быть всегда одѣтымъ прилично случаю, по модѣ, изящно и съ умѣньемъ. Это была лесть, любезность свѣтскаго человѣка, кокетство, если хотите; но съ моей стороны дурныхъ намѣреній не было: я поступалъ такимъ образомъ скорѣе для другихъ, чѣмъ ради собственной выгоды. Сверхъ того, въ Парижѣ я былъ дома, на собственной сценѣ, гдѣ и люди и предметы получаютъ условное, не-истинное значеніе, благодаря яркому искусственному освѣщенію. Зачѣмъ было отнимать у моихъ *друзей-враговъ* нравившуюся имъ иллюзію, вводить ихъ за кулисы, показывать всѣ нити, пружины движенія? Я не хотѣлъ ихъ обманывать; я обманывалъ самого себя, играя вполнѣ естественно свою роль въ человѣческой, или скорѣе въ соціальной комедіи, полной случайно-

[1]) Господинъ Ипполитъ Оже впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ во Франціи и у насъ драматическимъ писателемъ. П. Б.

стей, происходящихъ отъ столкновенія противоположныхъ стремленій. Кто же не имѣетъ права желать участвовать въ ней, въ ожиданіи развязки? Да и къ тому же, спектакль былъ даровой: зрители мнѣ ничего не платили.

Въ этой нескончаемой драмѣ, носящей названіе «общественная жизнь» и раздѣленной на явленія называющіяся *днями*, всякій костюмируется сообразно своей ролѣ. Конечно, я знаю, что люди, оцѣнивая поступки своихъ ближнихъ, руководствуются произволомъ: одинаковаго, точнаго мѣрила не существуетъ; но мнѣ тоже извѣстно, что добросовѣстные судьи принимаютъ въ разсчетъ смягчающія обстоятельства, между которыми первое мѣсто занимаетъ та общественная среда, гдѣ человѣку приходится жить.

Во описываемую нами эпоху, публицистика, объясняющая по своему политическія событія, еще не имѣла теперешняго вліянія на молодежь: мы не такъ рано достигали зрѣлости и дольше противились порчѣ.

Въ то время, какъ я завязывалъ новыя отношенія, не обрывая прежнихъ связей, мысль о необходимости прочнаго положенія все болѣе и болѣе овладѣвала мною. Я чувствовалъ, что мнѣ нужна твердая почва подъ ногами, гдѣ бы могли развернуться на просторѣ мои способности и то жгучее честолюбіе, которое начало тогда волновать меня.

Возвращеніе Бурбоновъ, это прикрытіе новой штукатуркой прогнившихъ стѣнъ зданія, для меня не представляло никакихъ выгодъ, не открывало никакой дороги въ жизни, и я относился къ этому событію очень равнодушно. Тѣ изъ моихъ прежнихъ друзей, которые привѣтствовали его какъ исполненіе, если не надеждъ своихъ, то по крайней мѣрѣ желаній, были слишкомъ заняты собою, чтобъ думать обо мнѣ. Еслибъ не было моихъ Русскихъ, я бы очутился въ совершенномъ одиночествѣ. Но, не смотря на оживленіе, которое сообщалось мнѣ въ ихъ присутствіи, мысль о будущемъ не покидала меня: я начиналъ тревожиться тѣмъ болѣе, что настоящее понемногу изнашивалось.

Подъ впечатлѣніемъ этой заботы я однажды, вмѣсто того чтобъ идти по привычкѣ въ улицу Серютти, отправился къ капитану. Я могъ уже теперь назвать его *своимъ капитаномъ*, хотя онъ только впослѣдствіи сдѣлался моею собственностію. Я его засталъ за чаемъ, въ халатѣ и съ трубкою въ зубахъ.

— О! сказалъ онъ, не скрывая своего удивленія, что̀ случилось? Вчера, какъ мнѣ показалось, вы были чѣмъ-то озабочены.

— Дѣйствительно, и на это есть причины, отвѣчалъ я: вы насъ скоро покинете.

— Что же дѣлать? У насъ тоже есть отечество; а такъ какъ Францію мы вамъ передаемъ въ хорошемъ видѣ, безъ особенныхъ поврежденій, то и намъ пора пожить до́ма, повидаться со своими.

— Съ общей точки зрѣнія я на это не жалуюсь; но меня лично это огорчаетъ. Что́ же я буду дѣлать безъ васъ?

— Тоже что́ дѣлали бы, еслибъ обстоятельства сложились иначе. Напьемтесь-ка вмѣстѣ чаю, чтобъ разогнать такія мысли.

Онъ кликнулъ слугу, и черезъ минуту мнѣ принесли стаканъ чаю и набитую Турецкимъ табакомъ трубку съ длиннымъ чубукомъ и янтарнымъ мундштукомъ.

— Я не курю, сказалъ я.

— Напрасно. Еслибъ бы пріѣхали къ намъ, вы бы скоро привыкли.

— Пріѣхать къ вамъ?

— Прежде всего курить. Что касается до посѣщенія, то, если вамъ вздумается пріѣхать къ намъ, мы будемъ очень рады и встрѣтимъ какъ друга. Русскій человѣкъ гостепріименъ, чтó хорошо извѣстно многимъ изъ вашихъ соотечественниковъ. И такъ, въ качествѣ дикаря, я вамъ предлагаю трубку мира. Вы, конечно, не безъ цѣли пришли ко мнѣ такъ рано?

— У меня была цѣль васъ видѣть: развѣ этого недостаточно?

— Но у васъ при этомъ была и другая цѣль?

— И да, и нѣтъ!

— Вы хотите задать загадку?

— Вотъ вамъ отгадка: уже нѣсколько дней, какъ демонъ предусмотрительности не даетъ мнѣ покою. Онъ пугаетъ меня будущимъ, не даетъ проходу на улицѣ, заслоняетъ все собою. До сихъ поръ я шелъ по тропинкамъ, ведущимъ на большую дорогу; но куда же меня приведетъ большая дорога?

— Куда сами захотите.

— Дѣло не въ хотѣньи только: съ тѣхъ поръ какъ вы явились къ намъ, все перемѣнилось.

— Слѣдовательно вы возлагали какія нибудь надежды на павшее правительство?

— Да я надѣялся, что въ какомъ нибудь сраженіи меня убьютъ.

— И только?

— Только.

— А чтó же настоящее правительство?

— Оно лишило меня даже этой надежды. Драться мы, можетъ быть, и будемъ, но только между собою, чтó не представляетъ особенныхъ выгодъ. Какъ-же вы хотите, чтобы король Людвикъ XVIII удовлетворилъ въ одно и тоже время и старое дворянство, требующее своихъ прежнихъ правъ и преимуществъ, и новое, не желающее отказываться отъ того, чтó ему принадлежитъ теперь.

— Къ которому изъ нихъ вы принадлежите?

— Я принадлежу къ тому, о которомъ говорится въ пожалованной намъ хартіи: «Всѣ Французы равны передъ закономъ и могутъ быть допущены къ исполненію всякихъ должностей».

— Обѣщаніе прекрасное!

— Хорошая протекція была бы мнѣ пріятнѣе.... Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нашъ Талейранъ... впрочемъ онъ столько же вашъ какъ и нашъ.... предсказывалъ, что Францію возметъ тотъ, у кого больше денегъ, а не тотъ, у кого самый старинный гербъ. У моего отца было одиннадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ семеро живы; я самый старшій. Поэтому вы можете заключить, что въ семьѣ есть еще малолѣтные, которымъ надо дать воспитаніе; а доходы съ родоваго имѣнія незначительны. Отецъ благословилъ меня и затѣмъ предоставилъ мнѣ полное право самому заботиться о своей будущности.

— Онъ вполнѣ былъ увѣренъ въ васъ.

— Конечно! Свобода — славное, благородное дѣло, и я не употребилъ ее во зло. Я старался подготовить себя къ будущей дѣятельности, хотя и до сихъ поръ не знаю, чтó будетъ со мной. Вотъ эта-то мысль и не даетъ мнѣ спать. Сегодня утромъ, я почти невольно, самъ не зная какъ, очутился у дверей вашей квартиры, подъ вліяніемъ ин-

стинкта, который заставляетъ человѣка идти туда, гдѣ онъ можетъ найти что̀ ему именно нужно въ эту минуту, что-то хорошее, успокоительное, но чего самъ не умѣешь назвать.

Капитанъ поспѣшилъ протянуть руку и, дружески пожимая мою, сказалъ:

— Представьте, что вы уже совсѣмъ нашъ: раскурите трубку, выпейте еще стаканъ чаю, и будемте разговаривать серьёзно. Хорошо, что вы пришли утромъ: я по утрамъ бываю серьёзенъ.

Дѣйствительво я замѣтилъ, что онъ слушалъ меня со вниманіемъ, въ то же время что-то обдумывалъ.

— Вѣдь вы совершенно вольны въ своихъ поступкахъ; такъ предоставьте все случаю, продолжалъ онъ. Въ азартныхъ играхъ вѣроятности выигрыша и проигрыша бываютъ равны, а при извѣстномъ умѣньи и благоразуміи перевѣсъ часто даже на сторонѣ перваго. Жизнь—таже игра! Ваше отечество не можетъ дать вамъ ничего вѣрнаго: найдите себѣ другое отечество. Поѣзжайте въ Россію искать счастія. Я постараюсь быть вамъ полезнымъ, потому что вы мнѣ съ перваго разу внушили къ себѣ довѣріе, которое еще болѣе утвердилось, благодаря нашимъ ежедневнымъ сношеніямъ; теперь же, послѣ вашего откровеннаго признанія, ничто не въ состояніи поколебать его.

— Но развѣ это возможно?

— Если возможно дѣлать глупости, то отчего же не попробовать сдѣлать что нибудь разумное? Сидя на мѣстѣ, далеко не уѣдешь. Для успѣха въ свѣтѣ необходима дерзость: позволяйте себѣ многое, смѣло высказывайтесь и не бойтесь запутаться.

— Но что̀ же я буду дѣлать въ Россіи?

— Что̀ умѣете.

— Увы! я ни на что не способенъ.

— Напротивъ, я васъ считаю способнымъ на все.

— Капитанъ, это двусмысленность, которую....

— Дайте же договорить.... Я считаю васъ способнымъ на все честное, благородное. Вы не игрокъ, не кутила; на ваше слово можно положиться. Впрочемъ я понимаю ваше положеніе и догадываюсь о многомъ; дайте же мнѣ денёкъ подумать.

— Но, капитанъ, повторяю еще разъ, что̀ я буду дѣлать въ Россіи?

— Ну, подумаемъ, поищемъ.... Вы хорошо знаете свой языкъ?

— Я сдѣлалъ все, что̀ слѣдовало, чтобъ изучить его.

— Ну такъ вы будете обучать ему другихъ. Въ Россіи любятъ говорить пофранцузски: въ хорошемъ обществѣ у насъ иначе даже и не говорятъ. Мы вамъ найдемъ ученика, честолюбиваго юношу, княжескаго имени, съ несмѣтнымъ богатствомъ. У насъ это не рѣдкость.

— Нѣтъ, нѣтъ, капитанъ. Это честное, благородное занятіе; но я не чувствую въ себѣ способности къ самопожертвованію. Я люблю свою свободу. Обязанность таже тюрьма; и по крайней мѣрѣ нужно выбрать такую, которая бы не уморила. У меня нѣтъ педагогическихъ способностей: я себя чувствую еще такимъ школьникомъ, что, право, не гожусь въ наставники.

Онъ закрылъ глаза и сдѣлалъ легкую гримасу; потомъ быстро подошелъ и обнялъ меня.

— Вы именно такой человѣкъ, какъ я думалъ. Хотите служить въ нашей арміи?

— Поднять оружіе противъ своего отечества?...

— У насъ теперь миръ. Но во всякомъ случаѣ васъ бы никто не принуждалъ къ этому. Въ рядахъ нашего войска много Французовъ: какой-то Сентъ-Пріестъ былъ убитъ въ сраженіи при Реймсѣ, но онъ самъ того хотѣлъ. Ришельё, Ланжеронъ, Рошуаръ, Брольи и другіе состоятъ въ Русской службѣ. Не говорю о генералѣ Моро. Послѣ объявленія войны, благодаря которой мы познакомились съ вами, Государь приказалъ объявить всѣмъ Французамъ, числившимся въ нашей арміи, что они могутъ отказаться отъ участія въ ней. Мы не такіе варвары, какъ обыкновенно воображаютъ. Тѣ же, которые пошли съ нами, сражались за свои убѣжденія. Убѣжденія—таже родина. Войны между Россіей и вашей Бурбонской Франціей не предвидится. Если и придется драться, то вѣроятно на Востокѣ. Лафайеты отправлялись же сражаться въ Америку изъ любви къ искусству. Мнѣ хочется васъ убѣдить для вашей же пользы. Если вы согласитесь, я постараюсь облегчить вамъ всѣ способы. Сейчасъ я просилъ дать мнѣ подумать, а теперь я предоставляю это вамъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта, я начну разузнавать и расчищать дорогу.

Лакей вошелъ съ платьемъ. Онъ одѣлся, и мы вышли вмѣстѣ. Онъ пошелъ въ Военную Школу, гдѣ стоялъ его полкъ; а я, въ сильномъ раздумьи, не спѣша, отправился по своимъ дѣламъ.

Вечеромъ, за обѣдомъ въ улицѣ Серютти, я увидалъ еще одного Русскаго офицера, который до того времени тамъ не бывалъ. Остальные Русскіе, обычные посѣтители, обращались съ нимъ съ такимъ вниманіемъ и предупредительностью, которыя явно свидѣтельствовали объ его превосходствѣ надъ ними. Меня волновало предчувствіе чего-то: тутъ былъ и страхъ, и надежда. Впрочемъ волненіе продолжалось не долго: я вспомнилъ все, что̀ говорилось утромъ о случайностяхъ игры и рѣшилъ не вмѣшиваться ни во что, предоставляя все дѣло случаю, если ужъ рулетка пришла въ движеніе. Русскіе, отличающіеся вообще проницательнымъ, тонкимъ умомъ, умѣютъ читать между строками и сразу все понимаютъ, тѣмъ болѣе, что и сами они любятъ показать то, что̀ въ нихъ есть, а можетъ быть и то, чего нѣту. Да кому какое до этого дѣло? *«Они мягко стелятъ»*, писалъ о нихъ Кюстинъ. Я ихъ за это не упрекаю: если люди желаютъ быть любезными, то ихъ можно только поблагодарить за это.

За обѣдомъ хозяйка, всегда ласковая со мной, съ особенною милою внимательностью старалась дать мнѣ случай сказать какую-нибудь остроту. Какъ будто она тоже чувствовала все значеніе игры, гдѣ я имѣлъ долю въ ставкѣ; она словно передавала мнѣ всѣ козырныя карты.

Послѣ обѣда въ *Русскомъ углу*, какъ мы его называли, завязался живой разговоръ.

Уходя, *новый знакомый* удостоилъ произнести обыкновенную фразу, которая имѣетъ значеніе только тогда, когда служитъ выраженіемъ истиннаго чувства: «Очень радъ, что познакомился съ вами». Мой капитанъ, уходя съ нимъ вмѣстѣ, назначилъ мнѣ свиданіе на слѣдующее утро, сказавъ, что я долженъ придти къ нему на урокъ куренія. Слова эти не были Парѳянской стрѣлой; наоборотъ, я принялъ ихъ какъ масличную вѣтвь, принесенную голубемъ послѣ потопа.

— Вы все обдумали? сказалъ онъ, только что я вошелъ къ нему на слѣдующее утро.

— Нисколько! Къ чему?

— Стало быть, вы рѣшились?

— Эхъ! Развѣ можно противиться потоку своихъ желаній? Не лучше ли, вмѣсто того, чтобъ окунаться въ горькія волны разлуки, отдаться спокойному теченію надежды? Поступить иначе было бы глупостью.

— Говорить глупости можетъ умный человѣкъ, но и онъ не долженъ ихъ дѣлать: это первое условіе. Теперь выслушайте: вы будете служить въ гвардіи, въ томъ полку, гдѣ я командую ротой; васъ зачислятъ въ наши списки. Вы не испортите нашего строя: это что-нибудь да значитъ. Въ Петербургскихъ салонахъ мы будемъ васъ показывать какъ трофей побѣды. Да! Мы понимаемъ, что значитъ истинное тщеславіе. Не даромъ насъ зовутъ сѣверными Французами. Теперь вамъ нужно прежде всего получить формальное согласіе вашего семейства. Мы иногда увозимъ модистокъ, но литераторамъ мы предоставляемъ свободный выборъ. Вы рѣшаетесь спрятать перо писателя въ патронташъ солдата и будете отвѣчать за послѣдствія этого поступка. Сегодня утромъ, другъ мой, Александръ Корсаковъ поговоритъ о васъ съ барономъ Розеномъ, начальникомъ гвардейской пѣхоты. Онъ служитъ у него адъютантомъ и постарается обставить дѣло такъ, чтобъ оно имѣло заманчивость необычайности. Если баронъ Розенъ выразитъ одобреніе, то съ своей стороны долженъ будетъ похлопотать за васъ у Великаго Князя Константина Павловича, шефа всѣхъ гвардейскихъ полковъ. Великій Князь смиренъ какъ ягненокъ, нужно только умѣть блеять за одно съ нимъ. Онъ любитъ все оригинальное. Такъ какъ вы одинъ только являетесь съ подобной просьбой, то онъ обратитъ на нее вниманіе. Послѣ этого дѣло будетъ подано на высочайшее утвержденіе Его Императорскаго Величества: вотъ вамъ и все. Теперь выпейте стаканъ чаю, такъ какъ эта живительная влага вамъ нравится, вдохните немного табачнаго дыму, чтобъ привыкнуть къ нему, а потомъ начинайте дѣйствовать: пишите, готовьтесь. Походъ въ Россію скоро будетъ объявленъ.

Я написалъ къ отцу. Отецъ мой пріѣхалъ. Онъ былъ ослѣпленъ всѣмъ, что видѣлъ; онъ удивлялся мнѣ и тѣмъ скорѣе далъ мнѣ согласіе, что оно избавляло его отъ дальнѣйшихъ заботъ о моей карьерѣ.

Вплоть до окончательнаго рѣшенія этого великаго дѣла моей жизни, я былъ такъ занятъ и жилъ такъ быстро, что всѣ подробности совсѣмъ изгладились изъ моей памяти. Черезъ недѣлю меня повезли къ барону Розену, который принялъ меня очень милостиво. Онъ мнѣ назначилъ дожидаться его на другой день у Великаго Князя Константина Павловича [1]). Великій Князь не показался мнѣ страшенъ: онъ соизволилъ сказать мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и велѣлъ быть въ отелѣ Талейрана, при выходѣ Государя, гдѣ и онъ долженъ былъ тоже находиться. Я отправился туда въ сопровожденіи моихъ добрыхъ застольныхъ друзей изъ улицы Серютти. Государь вышелъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. Поровнявшись со мною, Великій Князь остановился и сказалъ Императору нѣсколько словъ по-русски. Им-

---

[1]) Великій Князь Константинъ Павловичъ, проживая въ Парижѣ въ 1814 году, вошелъ въ дружескія отношенія съ нѣкоторыми Французскими семействами. См. въ Р. Архивѣ 1870 года его письма къ маркизѣ де-Кюбьеръ, коей сынъ (отъ перваго брака), г-нъ Оливъ поступилъ къ нему на службу и пользовался постоянно его довѣріемъ и милостью. П. Б.

ператоръ благосклонно взглянулъ на меня и сдѣлалъ знакъ согласія: я былъ принятъ въ императорскую гвардію.

Въ тотъ же день, друзья, чтобъ отпраздновать мое и свое торжество, дали мнѣ у Вери обѣдъ съ Шампанскимъ, безъ котораго въ Россіи никакъ не могутъ обойтись въ важныхъ случаяхъ жизни. Пили много за мое благополучіе, и я говорю съ гордостью, за союзъ между Франціей и Россіей.

Я разсказываю все это не для того, чтобы объяснить свое поведеніе, или оправдать свой выборъ: я всегда былъ убѣжденъ, да и теперь думаю также, что, повинуясь прихоти фантазіи, я, какъ молодой человѣкъ, нетерпѣливо желавшій узнать міръ, невѣдомый доселѣ, и ясно сознававшій въ себѣ потребность отыскать свой уголокъ въ жизни, въ чужой ли, въ своей ли странѣ, гдѣ бы можно пожить по своему разумѣнію. я не сдѣлалъ ничего предосудительнаго ни для себя, ни для другихъ; въ моемъ свободномъ рѣшеніи не заключалось ни для кого ни оскорбленія, ни насилія.

Полудикое растеніе, взросшее на почвѣ старой цивилизаціи, было пересажено на почву почти совсѣмъ нетронутую, гдѣ царило неограниченное самодержавіе: какой цвѣтъ, какой плодъ долженъ былъ появиться на этомъ растеніи? Вотъ что́ мнѣ хотѣлось показать, потому что, по моему мнѣнію, это-то и составляетъ философическую, поучительную сторону моихъ Записокъ, наиболѣе достойную вниманія. Всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, составляетъ одно изъ звѣньевъ общественной цѣпи; играетъ ли онъ страдательную роль или дѣятельную, онъ близокъ намъ, и поступки его какимъ бы то ни было образомъ отражаются на насъ. Всякій человѣкъ имѣетъ собственную тайную исторію, которую знать не безполезно: все приноситъ пользу тому, кто умѣетъ всѣмъ пользоваться.

Послѣ того какъ я ужъ заранѣе прочувствовалъ всю горечь разлуки, которая должна была прервать привычныя, имѣвшія для меня такую прелесть, отношенія, я сталъ нетерпѣливо дожидаться отъѣзда, который долженъ былъ скрѣпить ихъ еще болѣе. Эти послѣднія двѣ недѣли я провелъ безъ заботъ, ожидая дня отъѣзда, и испытывалъ странное чувство счастія. Наконецъ великая минута наступила: я, Французъ, ѣхалъ въ чужую страну, не съ товаромъ какъ купецъ; не какъ артистъ, чтобы извлечь пользу изъ своихъ талантовъ; не какъ ремесленникъ, чтобы приложить къ дѣлу свое умѣнье; не какъ ученый, отправляющійся въ качествѣ врача или наставника подѣлиться своими знаніями съ молодымъ народомъ, который нуждается въ нихъ и съ радостію принимаетъ.... Я ѣхалъ учиться тому суровому ремеслу, которое, преобладая въ Европѣ съ 1791 года, разрушило ея прежній строй.

Я брался за оружіе въ такую минуту, когда мирное настроеніе дѣлало его ненужною вещію, существующей только на показъ. Но если человѣкъ дѣлаетъ что́ можетъ, стало-быть онъ дѣлаетъ должное.

Такъ гласитъ одно изъ пресловутыхъ правилъ нашего вѣка.

Въ 1814 году Русскій народъ состоялъ изъ двухъ сословій: дворянства и крѣпостныхъ. Въ качествѣ иностранца, человѣка свободнаго, я естественно былъ причисленъ къ дворянскому сословію, вслѣдствіе чего меня приняли въ гвардію юнкеромъ. Будь я честолюбивъ, то, пользуясь такимъ хорошимъ началомъ, можно бы пойти далеко; но, къ несчастію, честолюбія у меня не было ни капли. Такъ какъ Преображенскій полкъ, старшій между всѣми гвардейскими пѣхотными

полками, былъ сформированъ Петромъ I изъ дворянъ, которые служили въ немъ простыми солдатами: то всякій дворянинъ, поступавшій въ гвардію, долженъ былъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ исполнять солдатскую службу и числился таковымъ въ спискахъ арміи. Потомъ ему давался чинъ унтеръ-офицера или подпрапорщика, и онъ оставался въ этомъ чинѣ два года, если только онъ предварительно не получилъ необходимо обязательнаго военнаго образованія въ Пажескомъ корпусѣ или иномъ кадетскомъ. Въ молодости сильно чувствуется потребность передвиженія, а когда къ этому стремленію присоединяется желаніе видѣть, слышать, испытать новое, неизвѣстное доселѣ, узнать новые предметы въ мірѣ внѣшнемъ и новыя ощущенія въ мірѣ внутреннемъ, тогда любовь къ путешествіямъ переходитъ въ настоящую страсть. Такъ было и со мною: случай вознаграждалъ меня за недостатокъ богатства; онъ далъ мнѣ возможность вполнѣ удовлетворить своимъ стремленіямъ, хотя и пришлось пожертвовать за это свободой, часть которой уходила на исполненіе обязанностей службы. Но нѣтъ ни одного рода дѣятельности, который бы не налагалъ на человѣка бо́льшаго или меньшаго принужденія, и я долженъ сознаться, что для меня просидѣть каждый день отъ десяти до четырехъ часовъ въ канцеляріи какого нибудь министра было бы сущимъ наказаніемъ. Люди вообще, какъ бы ни благопріятствовало имъ счастіе, каково бы ни было ихъ общественное положеніе, всегда бываютъ склонны къ возмущенію: таково свойство человѣческой природы. Такъ какъ, благодаря стараніямъ моего отца и усердію моего капитана, положеніе мое относительно Россіи и Франціи вполнѣ опредѣлилось, то мы думали только объ отъѣздѣ. Рѣшено было, что я надѣну мундиръ только по пріѣздѣ въ Петербургъ, хотя буду идти вмѣстѣ съ полкомъ. Офицеры забавлялись мною какъ игрушкой; они наперерывъ другъ передъ другомъ старались сообщить мнѣ необходимыя свѣдѣнія, начиная съ Русскаго языка, обо всемъ, что̀ касалось службы, или могло облегчить мнѣ сношенія съ людьми въ моемъ новомъ отечествѣ.

Я долженъ сознаться, что никогда не могъ выучиться хорошо говорить порусски; можетъ быть это произошло отъ того, что со мною всегда всѣ говорили пофранцузски. Въ Парижѣ для меня отыскали азбуку, словарь, книгу діалоговъ. По моему мнѣнію, приличіе требовало, чтобъ я умѣлъ поздороваться порусски, до вступленія въ обѣтованную землю, и мнѣ хотѣлось приготовиться къ этому еще въ Парижѣ, чтобы не сочли меня за вполнѣ чужаго. Такимъ образомъ я былъ избавленъ отъ многихъ затрудненій, которыя вездѣ ожидаютъ новоприбывшаго вначалѣ.

Гвардія отправилась въ Шербургъ, гдѣ ее ожидали корабли; а я могъ ѣхать, когда хотѣлъ. Черезъ недѣлю я догналъ свой полкъ въ Канѣ.

Я выѣхалъ въ Воскресенье вечеромъ, въ день праздника Тѣла Господня, праздновавшагося въ первый разъ послѣ революціоннаго погрома. Утромъ я ходилъ смотрѣть на приготовленія къ церковнымъ процессіямъ. Парижъ былъ оживленъ; но это оживленіе, вслѣдствіе реставраціи, казалось чѣмъ-то страннымъ.

Старинные друзья пришли проводить меня. Они были растроганы; мы сказали другъ другу *«прости»*, но въ сердцѣ осталась надежда, что мы когда нибудь снова увидимся.

Отъѣздъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что оно заслонило собою всѣ второстепенныя путевыя впечатлѣнія. Душа

была полна неясныхъ мыслей, предчувствій; это было безсознательное состояніе, которое постепенно проходило по мѣрѣ того, какъ выяснялись предметы, и будущее принимало осязательную форму.

Походъ изъ Кана въ Шербургъ былъ продолженіемъ Парижской жизни: время быстро проходило въ разсказахъ, въ веселыхъ разговорахъ, которые незамѣтно коротали намъ дорогу. Мнѣ дали лошадь, и мы шагомъ ѣхали всѣ вмѣстѣ вслѣдъ за батальонами. Это былъ прологъ къ жизни, ожидавшей меня въ столицѣ Русской имперіи. Русскіе любятъ говорить, отчасти прикрасить истину; они не прочь и прихвастнуть немного, и всегда готовы выказать свой умъ и знаніе, такъ что, во время нашихъ разговоровъ на большой дорогѣ, мнѣ приходилось лишь давать короткіе отвѣты, чтобы доказать, что я умѣю слушать. Такого рода лесть дѣйствуетъ неотразимо на болтливыхъ людей, а иногда она помогаетъ противъ нихъ.

Я еще не былъ знакомъ съ генераломъ Храповицкимъ, въ полку котораго числился послѣднимъ изъ его подчиненныхъ, и не могъ ему представиться, по неимѣнію мундира. Мы должны были ограничиваться поклонами по военному. Странно, что генералъ не зналъ ни слова пофранцузски, что́ и помѣшало мнѣ засвидѣтельствовать ему мое уваженіе, какъ того требовали приличія, и постараться заслужить его расположеніе. Съ одной стороны, это обстоятельство избавляло меня отъ скучной обязанности посѣщать генерала, который, можетъ быть, важничалъ своими густыми эполетами; но за то, оно лишало меня возможности прибѣгать къ его покровительству. Такое неестественное положеніе постоянно тревожило меня все время службы и имѣло вліяніе на мои послѣдующія рѣшенія.

Слѣдовало бы учиться Русскому языку; но я думалъ на своемъ родномъ языкѣ, вокругъ меня почти всегда говорили пофранцузски. Вслѣдствіе этого я облѣнился, и лѣнь моя повредила мнѣ впослѣдствіи. Я тщеславился своей жалкой дѣтской болтовней на Русскомъ языкѣ и пренебрегъ выгодами основательнаго знанія.

Генералъ Храповицкій получилъ командованіе однимъ изъ гвардейскихъ полковъ, благодаря не связямъ въ обществѣ, но единственно своей личной храбрости: это упрочивало ему его власть и значеніе. Въ кампаніи 1805 года, онъ обратилъ на себя вниманіе и, потерпѣвъ неудачу при Аустерлицѣ, былъ въ числѣ побѣдителей въ 1814 году. Сорокъ лѣтъ спустя, я увидался съ нимъ опять; онъ занималъ тогда важный постъ Петербургскаго генералъ-губернатора и говорилъ пофранцузски совершенно свободно, благодаря невѣроятной легкости, съ которою Русскіе усвоиваютъ себѣ иностранные языки. Онъ выучился ему, видя, что знаніе это ему необходимо въ его сношеніяхъ съ дворомъ. Для меня это было урокомъ, но я получилъ его въ такомъ возрастѣ, когда уже было невозможно имъ воспользоваться. Имѣй я болѣе способностей къ серьёзнымъ занятіямъ и менѣе склонности къ пустякамъ, жизнь моя сложилась бы иначе. Но тогда идти противъ природы у меня не доставало мужества, которое является только подъ давленіемъ крайней необходимости. Мнѣ же все улыбалось въ молодости, все дѣлало жизнь легкой и пріятной. Несчастій я никогда не зналъ и не боялся ихъ; я жилъ безпечно, нисколько не гордясь своей удачей, что́ было бы смѣшно; когда же во мнѣ развилась предусмотрительность, то было слишкомъ поздно.

Въ Шербургѣ, для перевозки гвардейской пѣхоты были приготовлены большіе Русскіе и Англійскіе корабли. Въ первый разъ въ жизни

я увидалъ море, и оно произвело на меня невыразимое впечатлѣніе. Огромный, семидесяти - пушечный, парусный корабль плылъ, слегка покачиваясь; волны ударялись о бортъ его, вокругъ насъ было небо и море. Тутъ я постигъ, какъ велико могущество человѣка; душа моя была потрясена: я чувствовалъ въ одно и тоже время и страхъ и гордость.

Флотилія наша представляла красивое зрѣлище: корабли плыли въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго; надъ нами было ясное небо, и солнце обдавало яркимъ блескомъ волнующееся море. Этотъ видъ придаетъ величіе мысли и пробуждаетъ въ человѣкѣ сознаніе его духовности. Мы чувствуемъ присутствіе Бога; въ силѣ нашей сказывается Его могущество. Забываешься, и въ этомъ забытьѣ душа отдыхаетъ, чтобы потомъ, почерпнувъ новыя силы въ созерцаніи безконечнаго, употребить ихъ на преслѣдованіе жизненныхъ цѣлей. Безъ всякихъ усилій съ нашей стороны, движешься впередъ, предоставляя стихіямъ везти насъ къ нашему назначенію.

Русскій Императорскій корабль, на которомъ я ѣхалъ изъ Франціи, назывался «Не тронь меня». Въ 1854 году, сорокъ лѣтъ спустя, когда Франція отплатила въ Крыму за 1814 годъ, корабль этотъ былъ въ числѣ другихъ потопленъ при входѣ въ Севастопольскій портъ.

Переплывъ Ла-Маншъ и Па-де-Кале, эскадра наша остановилась на рейдѣ въ Дилѣ, у береговъ Англіи, чтобъ запастись провизіей. Тогда еще не было пароходовъ, и потому во время затишья, плыли медленно, вслѣдствіе неизбѣжныхъ обходовъ въ узкихъ мѣстахъ, гдѣ лавировать часто бывало невозможно. Офицеры высадились на берегъ; нѣкоторые поѣхали въ Лондонъ, гдѣ тогда находился Императоръ Александръ; другіе же удовольствовались посѣщеніемъ магазиновъ Диля. Англія была первая чужая земля, которую я увидалъ.... Англія показалась мнѣ холодной, непривѣтной, и потому я смотрѣлъ на нее равнодушно, тѣмъ болѣе что надежда влекла меня дальше, и я стремился поскорѣе достигнуть цѣли. Увы! жизнь показала мнѣ, что чѣмъ ближе мы подвигаемся къ цѣли, тѣмъ болѣе она отъ насъ удаляется.

Мы снова отплыли, но вскорѣ затишье принудило насъ остановиться въ Бельтѣ. Отъ нетерпѣнія я былъ въ сильной тревогѣ. Жаръ и неподвижное стояніе на мѣстѣ дѣйствовали на насъ очень утомительно. Тогда, отъ нечего дѣлать, мы стали ѣздить въ гости съ корабля на корабль; лодки засновали во всѣхъ направленіяхъ: видъ былъ оживленный и живописный. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ я въ первый разъ увидѣлъ генерала Храповицкаго. Жена его, которая была съ нимъ въ продолженіе всей кампаніи, послужила намъ переводчицей. Свиданіе было самое обыкновенное, но за то Главный Штабъ принялъ меня очень любезно. Это случилось вечеромъ, или лучше сказать въ свѣтлую ночь. Полковая музыка играла мотивы изъ *Весталки* и народныя Русскія пѣсни, которыя привели меня въ восхищеніе: я покинулъ Францію, но я еще былъ не въ Россіи; гармоническіе звуки служили соединительнымъ звѣномъ между нами: они возбуждали въ сердцѣ надежду, и оно сочувственно откликалось на нихъ. Я былъ безмятежно счастливъ: на горизонтѣ не было ни одной черной точки.

По обѣимъ сторонамъ корабля спустили въ море большой парусъ, поддерживаемый реями, и въ этой ваннѣ мы могли безопасно плавать, что доставляло намъ здоровое и во всѣхъ отношеніяхъ полезное

упражненіе. Такъ прошло нѣсколько дней; но подулъ легкій вѣтеръ, потомъ все сильнѣе, паруса надулись, и мы снова двинулись въ путь.

Въ Балтійскомъ морѣ я въ первый разъ узналъ чтó такое полярныя ночи, волшебнымъ дѣйствіемъ которыхъ объясняется мечтательность сѣверныхъ поэтовъ. Онѣ поразительно прекрасны, и подъ ихъ магнетическимъ вліяніемъ душа смягчается, впадая въ какое-то безсиліе. Духъ Оссіана и его бардовъ носится невидимо въ воздухѣ: все такъ неясно, полно таинственности.

Одно воспоминаніе до сихъ еще поръ волнуетъ мою кровь, точно я снова его переживаю: это внезапное, грубое пробужденіе, пушечная пальба, гдѣ-то очень близко.... Въ маленькихъ моряхъ, густые туманы часто мѣшаютъ плаванію: осторожность заставляла насъ подвигаться очень медленно. Было скучно; никто не могъ мнѣ навѣрное сказать, гдѣ мы находимся; я заснулъ съ этой скукой.... и вдругъ пушка извѣщаетъ о нашемъ прибытіи.. «Вставайте! Койки внизъ!» Все пришло въ движеніе, мы привѣтствуемъ Кронштадтъ, а Кронштадтъ привѣтствуетъ насъ. Я выхожу на палубу. Золотой куполъ церкви бросается мнѣ въ глаза.... Первый предметъ, произведшій на меня впечатлѣніе своимъ особеннымъ характеромъ, было зданіе воздвигнутое во славу Господа, Отца *всѣхъ* человѣковъ.

Привѣтствую тебя заочно, гостепріимная земля, гдѣ я провелъ лучшее время моей жизни! Лѣта и обстоятельства измѣнили меня; но не измѣнились мои чувства, и теперь, когда завершается кругъ моей жизни, воспоминаніе о надеждахъ молодости сливается съ чувствомъ благодарности въ душѣ моей.

Со всѣхъ кораблей, большая часть офицеровъ поспѣшили высадиться на берегъ. Послѣ утомительной кампаніи имъ естественно хотѣлось поскорѣе, если можно такъ выразиться, обнять свое Отечество, разсказать съ благородною гордостію своимъ объ одержанныхъ ими побѣдахъ. Поспѣшность ихъ была мнѣ понятна, тѣмъ болѣе, что я самъ испытывалъ сильное нетерпѣніе, хотя совсѣмъ по другимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что за что бы ни принялся человѣкъ, онъ всегда желаетъ поскорѣе добиться цѣли. Для меня окончаніе путешествія было началомъ новой жизни; я уже зналъ слишкомъ много, чтобъ не желать узнать еще больше. Жребій былъ брошенъ: исходъ игры зависѣлъ отъ случая. Кромѣ того, ожиданіе какого нибудь предвидѣннаго событія всегда производитъ перемежающуюся лихорадку, въ которой страхъ смѣняется надеждою.

Мои новые друзья увлекли меня съ собою, завтракать въ трактиръ къ Кронштадскому Вери. Заказаны были Русскія кушанья, которыми они съ наслажденіемъ лакомились послѣ долгаго лишенія; для меня же они были отвратительны. Странность всего окружающаго мѣшала составить вѣрную оцѣнку: благодаря ей, всѣ предметы казались иными, отчасти прикрашенными.

Черезъ день всѣ войска были высажены на берегъ и размѣщены по окрестностямъ, въ ожиданіи дня торжественнаго вступленія въ Петербургъ. Измайловскому полку назначили для временнаго мѣстопребыванія Ораніенбаумъ, на другомъ берегу Финскаго залива. Такъ какъ капитанъ мой, еще до отъѣзда изъ Франціи, взялъ меня на свое попеченіе, то мнѣ и не приходилось безпокоиться. Прислуга его заботилась объ устройствѣ жизни и о доставленіи матеріальныхъ удобствъ: постель моя была всегда готова, приборъ стоялъ на столѣ, платье вычищено, и все это дѣлалось безъ моего вѣдома: я пользовался вполнѣ гостепріимствомъ хозяина.

Въ странахъ низкихъ и болотистыхъ дорожатъ всякимъ холмикомъ. Берегъ, гдѣ находится Ораніенбаумъ, возвышается на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря. Тамъ знаменитый Меншиковъ, любимецъ Петра Великаго, построилъ одноэтажный деревянный домикъ, а повелитель его самъ создалъ себѣ подобіе Версаля, на томъ же берегу, въ такой же мѣстности, но ближе къ столицѣ. На песчаной, мягкой почвѣ выросли, какъ могли, кое-какіе сады: лиственницы, березы, блѣдные, зачахлые цвѣты придаютъ имъ грустный характеръ, не лишенный своего рода граціи. Послѣ лѣтнихъ резиденцій въ окрестностяхъ Парижа, въ Ораніенбаумѣ мнѣ все показалось очень бѣднымъ; однакоже на немъ лежитъ особый отпечатокъ: чувствуется попытка могучей воли, которая, начавъ съ подражанія, создаетъ будущее величіе. С.-Петербургъ—это результатъ идеи, попавшей на неблагодарную почву. Меншиковъ сдѣлался княземъ, домъ его сталъ называться дворцомъ, а потомъ, перешедши въ собственность казны, сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ герцога Голштейнъ-Готторпскаго, избраннаго въ наслѣдники престола.

На берегахъ Невы еще свѣжи воспоминанія недавняго прошлаго; если же изустныя преданія и принимаютъ отчасти легендарный характеръ, то это дѣлается, чтобъ смягчить истину фактовъ. Пословица говоритъ: «Не всякъ попъ кто въ ризѣ», но тамъ приходится измѣнить пословицу и довѣриться внѣшности. Въ самомъ городѣ и во дворцѣ все еще пахнетъ Нѣмцами, которыхъ выводилъ на ученье Петръ III, фанатическій подражатель Фридриха Великаго; въ воздухѣ чудятся отголоски команды, подъ которую двигались размѣренными шагами Голштинцы....

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего поселенія въ Ораніенбаумѣ наступило 29-е Іюня, Петровъ день, который по преданію всегда празднуется въ Петергофѣ; и тутъ я имѣлъ случай увидать вблизи Петербургское населеніе и, судя только по внѣшности, могъ составить себѣ хоть какое нибудь понятіе о незнакомой для меня странѣ и ея жителяхъ.

Мы отправились туда моремъ. Петергофскій праздникъ, самый блестящій, живописный и многолюдный изо всѣхъ лѣтнихъ гуляній, заслуживаетъ описанія и по цѣли, и еще болѣе по своему оригинальному характеру. Для Петербурга Петергофъ тоже что́ для Парижа Версаль, т. е. средоточіе роскоши и великолѣпія, куда городскіе жители отправляются удивляться и вспоминать о событіяхъ, сохраняющихся въ памяти многихъ и передаваемыхъ, въ изустныхъ разсказахъ, тѣми, которые знали, видѣли и слышали участниковъ Петергофскихъ драмъ.

Петръ I началъ строить Петергофъ, послѣ того какъ увидалъ Версаль, но императорская резиденція имѣетъ многія преимущества, которыхъ лишенъ Версаль: изъ оконъ дворца царь могъ любоваться флотомъ, между тѣмъ какъ Французскому королю никогда не пришло въ голову помѣстить что нибудь кромѣ маленькой лодочки на большомъ Швейцарскомъ пруду.

Петергофскій дворецъ строилъ Французскій архитекторъ Леблондъ. Начиная отъ самаго зданія, по всей отлогости тянутся и спускаются къ морю сады. На одномъ концѣ возвышается златоглавая церковь, а на другомъ павильонъ. Внутри дворецъ великолѣпно отдѣланъ; тяжелыя рѣзныя украшенія, съ густой позолотой, имѣютъ старинный характеръ. Петергофскій дворецъ не обширенъ, такъ что августѣйшая семья не

можетъ въ немъ помѣститься. Причина этой относительной тѣсноты заключается въ извѣстной простотѣ нравовъ Преобразователя, который не любилъ обширныхъ зданій, такъ что пришлось придѣлать многочисленныя пристройки. Съ одной стороны на берегу моря, въ самой уединенной части парка, стоитъ *Монплезиръ*; на другой сторонѣ выстроенъ, тоже на берегу, каменный, двухъ-этажный замокъ Марли, окруженный со всѣхъ сторонъ водою, который императрица Елисавета предпочитала большому зданію, казавшемуся ей слишкомъ тѣснымъ для дворца. Дальше, на берегу же моря, стоитъ одна изъ тѣхъ деревянныхъ хижинъ, въ которыхъ любилъ жить основатель Петергофа.

Петергофскій фонтанъ напоминаетъ нѣсколько фонтанъ въ Сенъ-Клу, хотя онъ меньше его и не такъ изященъ; но въ немъ замѣчательна бронзовая группа Самсона, разрывающаго пасть льву. Колоссальная струя воды вырывается изъ пасти и падаетъ съ необычайной высоты. Группа имѣетъ аллегорическое значеніе: она напоминаетъ Полтавскую побѣду, одержанную въ тотъ день, когда празднуется память св. Самсона. Какъ извѣстно, на гербѣ Карла XII былъ изображенъ левъ.

Еще наканунѣ, заливъ, начиная отъ пристани по Невѣ и вплоть до императорской дачи, представлялъ дорогу, сплошь покрытую всевозможными лодками. Такъ какъ въ это время года ночи не бываетъ, а только сумерки, то всѣ предпочитаютъ ѣхать до солнечнаго восхода, во избѣжаніе сильнаго жара. Великолѣпное зрѣлище представляетъ спокойный, свѣтлый заливъ, по волнамъ котораго извивается безконечная черная лента, связывающая между собою городъ и дворъ Петра Великаго. (Петергофъ значитъ дворъ Петра). Въ неясномъ сумракѣ ночи все сливается вмѣстѣ: и предметы, и море, и небо; лодка тихо покачивается, и черезъ нѣсколько часовъ вы достигаете цѣли, не успѣвъ даже подумать объ опасности.

Въ самый день праздника, толпа въ садахъ увеличивается съ часу на часъ; вплоть до ночи она свободно вездѣ разгуливаетъ, даже подъ окнами дворца. Днемъ бываетъ разводъ, вечеромъ въ залахъ дворца маскарадъ, куда допускаются всѣ безъ различія сословій; при звукахъ огромнаго оркестра, Императоръ и всѣ члены царской фамиліи проходятъ въ этой сплошной толпѣ; прогулка эта называется полонезомъ. Названіе же маскарада нельзя принимать въ обыкновенномъ смыслѣ слова: въ немъ допускается на минуту сліяніе всѣхъ сословій, но всѣ присутствующіе безъ масокъ; только военные и мущины, принадлежащіе къ высшимъ классамъ общества, обязаны надѣвать сверхъ мундира небольшой черный шелковый плащъ въ родѣ Венеціанскаго. Балъ продолжается недолго, потому что самое любопытное зрѣлище въ саду.

Разноязычная пестрая толпа людей всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, движется почти беззвучно во всѣхъ направленіяхъ. Это отличительная черта Русскаго народа, что онъ двигается безъ шума и въ молчаніи. Особенно поражаетъ разнообразіе физіономій и народностей: мѣдножелтые Татары, Славяне, красотою типа напоминающіе Грековъ, бѣловолосые Финны, щеголи, одѣтые по послѣдней Парижской модѣ, бородатые купцы-милліонеры отличающіеся простотою въ одеждѣ; съ ними ихъ жены и дочери въ старинныхъ народныхъ одѣяніяхъ, золотыхъ и парчевыхъ кофтахъ, и на головѣ повязка, усыпанная жемчугомъ и брилліантами.

На газонахъ между аллеями разносятъ чай, кофей, медъ; продаютъ плоды, соленья, Шампанское и Русскую водку. Всѣ проводятъ этотъ день въ саду, кто какъ хочетъ и какъ можетъ. Гуляютъ по берегу моря, вдоль озера, которое, находясь на возвышеніи позади дворца, снабжаетъ водою каскады и фонтаны; осматриваютъ оранжереи, любуются цвѣтами, стоящими большихъ трудовъ и денегъ; удивляются огромной купальнѣ, которая такъ обширна, что могла бы при случаѣ служить ареной для примѣрнаго морскаго сраженія; останавливаются передъ рѣшетками, окружающими Монплезиръ и Марли. Корабли и яхты, разукрашенные флагами, раскинулись полукругомъ, точно лагерныя палатки. Ихъ видно отовсюду. Направо виднѣется Кронштадтъ, налѣво главы Петербургскихъ церквей. Наступаетъ лучшая минута праздника.

По деревьямъ кое-гдѣ скользятъ почти незамѣтно бѣглые огоньки. Они разгораются, поднимаются, опускаются. Вдругъ, по мановенію волшебной палочки, бассейны охвачены огненнымъ кольцомъ, фонтаны брыжжутъ блестящей струей; деревья покрыты миріадами звѣздъ; на сводахъ аллей нависли яркіе фестоны, горящія гирлянды. Тысячи фантастическихъ рисунковъ, фигуръ, граціозныхъ арабесковъ свѣтятся по всему саду, дворецъ и терраса сплошь залиты огнемъ, безчисленныя радуги сверкаютъ вокругъ группы Самсона. Въ концѣ канала, идущаго отъ террасы къ морю, высоко въ небѣ горитъ вензель Императора посреди громаднаго солнца изъ брилліантовъ, изумрудовъ и рубиновъ, а въ глубинѣ залива корабли иллюминованы по всѣмъ снастямъ, и длинная вереница огней теряется въ туманной дали.

Волшебный міръ Арабскихъ сказокъ встаетъ передъ вами, и вы вспоминаете тѣ чудныя картины изъ тысячи и одной ночи, которыя такъ восхищали васъ въ дѣтствѣ. Только въ Россіи возможна такая мгновенная, магическая иллюминація. Всеобщій восторгъ овладѣваетъ зрителями, и нельзя не сочувствовать ему и не раздѣлять народнаго энтузіазма, при появленіи Государя, миротворца Франціи и Европы, окруженнаго сіяніемъ славы. Великая тѣнь Петра парила надъ всѣми чудесами волшебнаго міра.

Такимъ образомъ, еще прежде вступленія въ столицу Россіи, я уже испыталъ такія сильныя впечатлѣнія, которыя забыть невозможно. И когда, вернувшись въ нашъ уединенный Ораніенбаумъ, я хотѣлъ выразить ихъ моимъ друзьямъ, приковавшимъ меня, такъ сказать, къ своей побѣдной колесницѣ, въ первый разъ въ жизни, обычное многорѣчіе покинуло меня: я почувствовалъ на глазахъ слезы. Этотъ способъ выраженія чувства былъ лучше всего, что́ я могъ бы сказать.

Офицерамъ было позволено, еще до торжественнаго вступленія войскъ, съѣздить въ Петербургъ, но только въ статскомъ платьѣ. Мой капитанъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ, такъ какъ одному мнѣ было бы невозможно ѣхать. Послѣ Петергофскаго великолѣпія, городъ Петра I разочаровалъ меня съ перваго взгляда; только центръ его немного соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ. Начиная отъ заставы, гдѣ была на время воздвигнута тріумфальная арка въ видѣ декораціи, и до самой Фонтанки, гдѣ находились казармы Измайловскаго полка, я ничего не видалъ, кромѣ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на огромномъ пространствѣ, и проектированныхъ, грязныхъ улицъ, гдѣ нужно было пробираться по деревяннымъ мостикамъ. Домъ Гарновскаго, въ которомъ помѣ-

щались офицеры, находился на набережной; тамъ же долженъ былъ жить и я, благодаря гостепріимству человѣка, который какъ будто усыновилъ меня. Поѣздку эту онъ предпринялъ отчасти съ цѣлію увидать заранѣе что̀ нужно для меблировки нашего жилища, чтобъ можно было тотчасъ по пріѣздѣ приняться за дѣло. Человѣкъ этотъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ; но доброе сердце и привлекательный умъ придавали истинное благородство его личности: его внутреннія достоинства замѣняли титулы, которыхъ у него не было.

Рано утромъ, еще до разсвѣта, мы отправились въ маленькомъ экипажѣ, называемомъ дрожками и пріѣхали въ Петербургъ къ завтраку. Тогда существовалъ только одинъ ресторанъ, устроенный по образцу Парижскихъ. Онъ помѣщался въ небольшомъ зданіи на Адмиралтейскомъ бульварѣ. Мы заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ.

На бульварѣ сидѣлъ на скамейкѣ какой-то человѣкъ. При нашемъ приближеніи, онъ всталъ и поздоровался съ моимъ капитаномъ.

— Какъ я радъ видѣть васъ! сказалъ онъ. До сихъ поръ мнѣ еще не удалось взглянуть ни на одного изъ нашихъ славныхъ героевъ! Поздравляю и васъ и себя съ счастливымъ возвращеніемъ. Вы, кажется, здѣсь инкогнито?

— Да, я долженъ былъ удовлетворить любопытству этого господина: онъ желалъ видѣть Петербургъ; отвѣчалъ капитанъ. Позвольте, Филипъ Филипычъ, познакомить васъ съ молодымъ Французомъ, который препорученъ моимъ попеченіямъ: онъ поступилъ къ намъ на службу.

Исторія моя была передана въ короткихъ словахъ, но очень мило и съ умѣньемъ. Слушая его, я понялъ, какова должна быть тема моихъ разсказовъ въ послѣдствіи, и какъ ее можно видоизмѣнять при случаѣ, для различныхъ особъ, которымъ нужно внушить о себѣ выгодное мнѣніе. Мой покровитель сѣялъ на хорошо подготовленную почву, и сѣмя тотчасъ же пускало ростки: я замѣтилъ, какъ сильно подѣйствовала на слушателя оригинальность моего положенія.

— Но это прелестно! сказалъ онъ. Это истинно-Французская лесть: мы должны васъ благодарить и гордиться, какъ трофеемъ побѣды. Мы обязаны васъ хорошо принять; мы, Русскіе, умѣемъ любить тѣхъ, кто насъ любитъ. Очень радъ съ вами познакомиться. Вы теперь нашъ, по волѣ Государя, и другой рекомендаціи не нужно. Я болѣе не сомнѣваюсь въ искренности примиренія между Россіей и Франціей.

Слова эти были проговорены такъ вѣжливо, искренно и сопровождались такимъ глубокимъ, выразительнымъ взглядомъ, что я едва не смутился. Я понялъ, что передо мною человѣкъ, въ совершенствѣ изучившій искусство сразу овладѣвать людьми, чтобы потомъ дѣлать изъ нихъ что̀ ему угодно. Но если онъ былъ хитеръ, то и я былъ не изъ робкихъ.

Мой капитанъ, казалось, былъ очень доволенъ этой встрѣчей. Увѣренный въ моей смѣтливости и зная, что я съумѣю быть именно такимъ, какъ слѣдуетъ быть и казаться, онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ, который могъ способствовать моимъ успѣхамъ. Хотя мое присутствіе нисколько не могло стѣснить моего вожатаго, благодаря моему незнанію Русскаго языка; однако онъ, подъ предлогомъ визитовъ къ почтеннымъ родственникамъ и другихъ дѣлъ, попросилъ Филипа Филипыча взять меня на свое попеченіе и быть

моимъ путеводителемъ по незнакомымъ улицамъ и площадямъ Петербурга.

— Во имя Русскаго гостепріимства, сказалъ онъ ему: замѣните мѣсто опекуна.

— Я буду вашимъ адъютантомъ по гражданской части, благосклонно отвѣчалъ тотъ.

— Ну въ этомъ случаѣ вы можете помѣряться силами, господа. Но я увѣренъ, что вы будете драться тупымъ оружіемъ, какъ всегда дѣлается въ началѣ. Хотя вы оба охотники острословить, но вамъ нѣтъ выгоды колоть другъ друга. Филипъ Филипычъ, рекомендую вамъ писателя, который нимало не думаетъ отказываться отъ своего званія. Будьте Меценатомъ этому Горацію, и онъ будетъ васъ воспѣвать въ своихъ одахъ.

Въ глазахъ моего новаго знакомца блеснуло добродушное лукавство. Я понялъ, что насъ думали сблизить посредствомъ притягательной силы литературы. Мы условились съ капитаномъ, гдѣ и когда намъ опять сойтись, и я остался подъ покровительствомъ одного изъ самыхъ остроумныхъ людей, какого я когда либо встрѣчалъ и который служилъ мнѣ путеводителемъ во все время моего пребыванія въ Россіи. Какъ же послѣ того не поклониться неизвѣстному божеству, называемому случаемъ?

Ф. Ф. Вигелю было тогда лѣтъ тридцать. Съ перваго взгляда онъ не поражалъ благородствомъ осанки и тою изящною образованностью, которою отличались Русскіе дворяне и которая была выдающеюся чертою общества, стремящагося къ цивилизаціи и желающаго казаться уже цивилизованнымъ (хотя въ дѣйствительности все это было только на поверхности). Слова Наполеона: «*Поскребите Русскаго, и окажется Татаринъ*, были вполнѣ справедливы въ то время. Но я думаю, что мой новый знакомецъ оказался бы не Татариномъ, а скорѣе Византійскимъ Грекомъ, конечно не такимъ педантомъ, какъ они, но можетъ быть похитрѣе и во всякомъ случаѣ остроумнѣе ихъ. Круглое лицо съ выдающимися скулами заканчивалось острымъ пріятнымъ подбородкомъ; ротъ маленькій съ ярко-красными губами, которыя имѣли привычку стягиваться въ улыбку и тогда становились похожи на круглую вишенку. Это случалось при всякомъ выраженіи удовольствія: онъ какъ будто хотѣлъ скрыть улыбку, словно скупой, который бережетъ свои золотыя слова и довольствуется только ихъ звукомъ. Рѣчь его отличалась особеннымъ характеромъ: она обильно пересыпалась удачными выраженіями, легкими стишками, анекдотами, и все это вмѣстѣ съ утонченностью выраженія и щеголеватостью языка придавало невыразимую прелесть его разговору. Его слова были точно мелкая, отчетливо-отчеканенная монета; она принималась охотно во всѣхъ конторахъ. Но иногда его заостренныя словечки больно кололись: очень остроумнымъ нельзя быть безъ нѣкоторой дозы злости. Его взоръ блестѣлъ лукаво, но въ тоже время и привлекалъ къ себѣ. Какъ всегда въ природѣ, электрическая искра служила предвозвѣстницей громоваго удара.

Не желая изучать Вигеля, я съ перваго раза высказался передъ нимъ весь, безъ утайки, для того чтобъ оправдать лестное мнѣніе, которое ему было внушено обо мнѣ. Кокетство умомъ становилось обязательнымъ, хотя я тоже понималъ, что онъ не долженъ видѣть моихъ уловокъ. Я старался держать себя просто, безъ претензій; и, кажется, судя по разговору, который тянулся не прерываясь, ров-

ною нитью, я успѣлъ ему понравиться. Мы направлялись къ Невѣ, чтобы, какъ сказалъ мой проводникъ, прежде поклониться работнику, а потомъ уже осматривать его произведеніе.

Мы остановились передъ статуей Петра Великаго. Какъ очень умный человѣкъ, Вигель не обратился ко мнѣ съ излишними вопросами, непремѣнно требующими изъявленій восторга; онъ ограничился простымъ объясненіемъ, какъ будто хотѣлъ этимъ сказать: «истинное гостепріимство заключается въ томъ, чтобъ никого ничѣмъ не стѣснять; вы вольны въ своихъ сужденіяхъ».

— Этотъ памятникъ, сказалъ онъ, воздвигнутый Петру Первому Екатериной II, какъ вы можете видѣть изъ Латинской надписи, есть произведеніе вашего соотечественника Фальконета. Гранитный утесъ, служащій ему подножіемъ, былъ первоначально вдвое выше; но вы видите, что́ теперь изъ него сдѣлали, вѣроятно, для того, чтобы опровергнуть слова Сегюра, вашего литературнаго собрата, который увѣряетъ въ своемъ стихотвореніи (написанномъ, впрочемъ съ похвальною цѣлію), что съ высоты царю кажется его имперія гораздо обширнѣе, чѣмъ какъ она создалась въ его воображеніи.

— Господинъ Сегюръ не виноватъ, отвѣчалъ я, если вы постоянно расширяете предѣлы вашихъ владѣній. Конечно, онъ не могъ предвидѣть, что одинъ изъ его собратовъ по стихотворству (я только повторяю ваши слова) будетъ привезенъ изъ Парижа, и суждено будетъ ему жить подъ сѣнію вашихъ знаменъ, среди вашихъ побѣдоносныхъ легіоновъ. Благодаря вамъ, я теперь вижу такое безграничное пространство вокругъ себя, что глаза мои должны сначала привыкнуть различать предметы, прежде чѣмъ я могу составить себѣ приблизительно-вѣрное понятіе объ ихъ отношеніяхъ. Въ настоящую минуту я плохой судья; позвольте сначала осмотрѣться.

Губы сложились въ вишенку, въ глазахъ блеснула улыбка. Онъ отвѣчалъ съ чисто-Русскою живостію:

— Вы очень осторожны. Чтобъ судить о предметахъ, нужно ихъ прежде видѣть. Въ эту минуту, наша прогулка имѣетъ лишь топографическую цѣль. Положимъ, что Петръ I и не созерцаетъ свою имперію, но рука его простирается надъ Невой. Еще нѣсколько шаговъ, и вы увидите нашу рѣку въ ея гранитномъ ящикѣ.

Видъ Невы произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Мостъ, соединявшій въ этомъ мѣстѣ обѣ части города, былъ разведенъ, и множество барокъ двигалось вдоль величественной рѣки. Обстоятельство это удивило моего чичероне. Онъ обратился съ распросами къ другимъ, и мы узнали, что въ этотъ день съ Адмиралтейской верфи готовились спускать большой, только что отстроенный, корабль, и что Императоръ и весь дворъ должны были присутствовать при этой церемоніи.

— Видите ли, какое великолѣпное зрѣлище назначено въ честь вашего пріѣзда! А я этого и не зналъ. Надѣюсь, что вы насъ поблагодарите за сюрпризъ. Я вообще не люблю толпы; но вамъ, вѣроятно, будетъ любопытно видѣть все, и вы не побоитесь тѣсноты. Вашъ капитанъ можетъ вамъ оказать покровительство, хоть онъ и безъ эполетъ сегодня. Теперь я васъ оставлю, но надѣюсь, что увижу васъ опять. Вотъ что я вамъ предлагаю: вамъ необходимо имѣть друзей вашихъ лѣтъ; я вамъ ихъ доставлю, и всѣмъ отъ этого будетъ хорошо. По крайней мѣрѣ это будетъ моей заслугой, за неимѣніемъ другихъ. Послѣ церемоніи, я васъ увижу и не разстанусь съ вами до самаго отъѣзда.

Предложеніе было принято съ радостью. Капитанъ мой поздравилъ меня съ побѣдой.

Хотя всѣ побаивались въ Вигелѣ его саркастическаго ума, а можетъ быть и вслѣдствіе этого, онъ былъ вездѣ принятъ; у него были обширныя связи именно въ томъ мірѣ, гдѣ я могъ надѣяться на успѣхъ, въ мірѣ литературномъ, во главѣ котораго стоялъ Карамзинъ, знаменитый историкъ, благодаря которому литераторы начинали имѣть значеніе въ обществѣ.

Скоро Адмиралтейская площадь покрылась экипажами и пѣшеходами. Тѣ, у которыхъ были билеты, входили въ зданіе верфи; толпа стояла у воротъ. Пріѣхало нѣсколько придворныхъ каретъ, и наконецъ Государь вмѣстѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной, окруженные многочисленной, блестящей свитой. Всѣ присутствующіе сняли шапки и наклонили головы въ почтительномъ безмолвіи. Тутъ я понялъ, что «ура»—не выраженіе радости, но скорѣе военный крикъ: у Русскихъ энтузіазмъ выражается молчаливою радостью и внутреннею увѣренностью, что повелитель не сомнѣвается въ ихъ вѣрности и любви къ нему. Когда вы стоите въ толпѣ, то если у васъ нѣтъ особыхъ поглощающихъ интересовъ, вы непремѣнно подчиняетесь всеобщему настроенію, и волею или неволею тоже начинаете волноваться вмѣстѣ съ другими.

Блескъ и пышность, окружавшія неограниченнаго властителя, приковали мое вниманіе, и я не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго всей этой сценой. Особенно поразили меня своею странностью двое молодыхъ людей, слѣдовавшихъ верхомъ за императорской каретой. Нужно замѣтить, что лошади ихъ становились на дыбы. Они были высокаго роста, въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, съ напудренными головами и въ треугольныхъ шляпахъ, привязанныхъ ремнемъ подъ подбородкомъ. Вѣроятно, этотъ рѣзкій контрастъ между костюмомъ и свѣжими, молодыми лицами особенно привлекъ мой взглядъ; я смотрѣлъ на нихъ такъ внимательно, что ихъ лица, замѣчательныя по правильности линій, навсегда остались въ моей памяти и чрезвычайно отчетливо. Въ Петергофѣ, гдѣ все было такъ пышно и торжественно, я не удивлялся, видя высшихъ сановниковъ съ напудренными головами; но здѣсь, въ этой маленькой свитѣ, эти молодые люди казались мнѣ такъ странны, что я выразилъ свое удивленіе. Мнѣ отвѣчали, что эти всадники—придворные пажи.

Императрица Марія Ѳеодоровна строго держалась придворнаго этикета, установленнаго въ предъидущія царствованія, и покуда она была жива, въ этомъ отношеніи не было сдѣлано ни малѣйшаго измѣненія. По этому поводу разсказываютъ слѣдующій анекдотъ о князѣ Куракинѣ. Стѣснительный, мелочной этикетъ находилъ себѣ ревностныхъ защитниковъ и послѣдователей въ кругу приближенныхъ ко двору особъ. Князь Александръ Куракинъ, бывшій посланникомъ въ Парижѣ передъ войной съ Наполеономъ, принадлежалъ къ этому кружку. Каждое утро, когда онъ просыпался, камердинеръ подавалъ ему книгу, въ родѣ альбома, гдѣ находились образчики матерій, изъ которыхъ были сшиты его великолѣпные костюмы и образцы шитья. При каждомъ костюмѣ были особенная шпага, пряжки, перстень, табатерка и т. д. Какъ говоритъ маркизъ Маскариль у Мольера: «все было въ особенности и въ исправности». Однажды, играя въ карты у Императрицы, князь внезапно почувствовалъ дурноту: открывая табатерку, онъ увидалъ, что перстень, бывшій у него на пальцѣ,

совсѣмъ не подходитъ къ табатеркѣ, а табатерка не соотвѣтствуетъ остальному костюму. Волненіе его было такъ сильно, что онъ съ крупными картами проигралъ игру; но, къ счастію, никто кромѣ него не замѣтилъ ужасной небрежности камердинера.

Когда Императоръ со свитою взошелъ на верфь, вся толпа хлынула къ Невѣ, чтобъ видѣть, какъ будутъ спускать корабль: набережная съ обѣихъ сторонъ вплоть до залива была усѣяна любопытными, и когда громадный колоссъ величественно поплылъ по волнамъ, его привѣтствовало громогласное ура. Отъ сильнаго сотрясенія рѣка взволновалась, но вскорѣ успокоилась и понесла новый корабль къ цѣли его назначенія.

Наступилъ часъ, назначенный Вигелемъ для нашего свиданія. Условившись насчетъ отъѣзда въ Ораніенбаумъ, капитанъ опять поручилъ меня тому, кто долженъ былъ открыть мнѣ двери гостиныхъ и тѣмъ закрыть пути къ серьёзной дѣятельности, которая могла бы и меня, какъ и другихъ, привести къ богатству и почестямъ. Если вы не очень устали, сказалъ мнѣ Вигель, пойдемте пѣшкомъ; по крайней мѣрѣ вы познакомитесь съ нашими ужасными мостовыми. Да кромѣ того, на ходу лучше говорится, такъ что я буду въ барышахъ; а въ нашихъ экипажахъ стукъ колесъ заглушаетъ слова. Прежде всего, я долженъ вамъ сказать, куда я васъ веду. Есть у меня родственникъ, нѣкто г-нъ Тухачевскій. Онъ губернаторомъ въ Пензѣ и управляетъ своимъ краемъ, и кромѣ того своими собственными дѣлами, дѣлами племянника, имѣющаго пятнадцать тысячъ душъ крестьянъ (онъ состоитъ его опекуномъ), а также изъ усердія и моими дѣлами, за что я ему весьма благодаренъ. Жена его принуждена жить въ Петербургѣ, такъ какъ этого требуетъ будущая польза ихъ дѣтей. Къ ней-то я васъ и веду. Домъ ея не роскошенъ и не обширенъ, но вы тамъ найдете ласковый пріемъ, а это лучше всего. Кажется, для начала вамъ нужно именно такое общество; а потомъ въ знакомыхъ у васъ не будетъ недостатка: вы Французъ, а къ Французамъ мы все таки чувствуемъ большое расположеніе; вы молоды, а мы любимъ молодость и весну; у васъ, кажется, очень живой умъ, вы оживите насъ. Такъ какъ я первый васъ нашелъ, то для меня тутъ есть выгода; стало быть, благодарить вамъ меня не за что. Впослѣдствіи когда вы нѣсколько обрусѣете (Французъ всегда остается Французомъ, Русскимъ и вы не будете), то я васъ познакомлю съ людьми, которые составляютъ нашу гордость: вы безъ сомнѣнія съумѣете оцѣнить ихъ достоинства. У г-жи Тухачевской вы встрѣтите одну изъ вашихъ соотечественницъ. Нѣтъ ни одной семьи, гдѣ бы ихъ не было въ качествѣ чего нибудь. Мы—сѣверные Французы, не забывайте этого. Постарайтесь ей понравиться; на всякій случай даю вамъ благоразумный совѣтъ.

Въ эту минуту Филипъ Филипычъ показался мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Это былъ уже не свѣтскій Русскій, желающій подчинить всѣхъ своему вліянію и для этой цѣли пускающій въ ходъ всю силу ума и сарказма; это былъ простой Русскій, такой, какого мнѣ было надо. Я внезапно почувствовалъ приливъ любви и признательности, и эти чувства навсегда остались во мнѣ, не смотря на то, что его характеръ, капризный, требовательный, измѣнчивый, подчасъ даже сумасбродный, имѣлъ вліяніе на наши отношенія. Вигель былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно опредѣлить съ перваго раза: чтобъ изучить его хорошія и дурныя свойства, нужны

были благопріятныя обстоятельства, много наблюдательности и способность къ анализу.

Такъ какъ въ Петербургскомъ обществѣ отдѣлъ въ газетахъ подъ названіемъ «*Разныя Извѣстія*, «*Смѣсь*», не отличался разнообразіемъ, то я почти увѣренъ, что Вигель уже разболталъ обо мнѣ. Отчасти онъ это сдѣлалъ, чтобъ заинтересовать своихъ друзей, а отчасти чтобъ имѣть удовольстіе быть живымъ предисловіемъ къ странной исторіи, которую я изображалъ собою. Но я не думаю, чтобъ онъ успѣлъ предупредить свою родственницу. Въ то время гостепріимство было отличительной чертой Русскихъ нравовъ. Можно было пріѣхать въ домъ къ обѣду и сѣсть за него безъ приглашенія. Хозяева предоставляли полную свободу гостямъ и въ свою очередь тоже не стѣснялись, распоряжаясь временемъ и не обращая вниманія на посѣтителей: одно неизбѣжно вытекало изъ другаго.—Разсказывали, что въ нѣкоторыхъ домахъ, между прочимъ у графа Строгонова, являться въ гостинную не было обязательно. Какой-то человѣкъ, котораго никто не зналъ ни по имени, ни какой онъ былъ націи, тридцать лѣтъ сряду аккуратно являлся всякій день къ обѣду. Неизбѣжный гость приходилъ всегда въ томъ же самомъ чисто-вычищенномъ фракѣ, садился на тоже самое мѣсто, и наконецъ сдѣлался какъ будто домашнею вещью. Одинъ разъ мѣсто его оказалось незанято, и тогда лишь графъ замѣтилъ, что прежде тутъ кто-то сидѣлъ. «О! сказалъ графъ, должно быть, бѣдняга померъ». Дѣйствительно онъ умеръ дорогой, идя по обыкновенію обѣдать къ графу.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАПИСКИ ВИНСКАГО.

Счастливый случай доставилъ намъ современную перебѣленную рукопись этихъ Записокъ, о существованiи которыхъ мы знали до сихъ поръ лишь по нижеслѣдующимъ строкамъ А. И. Тургенева (Хроника Русскаго, въ Москвитянинѣ 1845, кн. 3-я). Винскiй, подобно Радищеву, изображаетъ пороки великой Государыни и темныя стороны ея достославнаго царствованiя; но историкъ долженъ дорожить и этими отрицательными свидѣтельствами, которыя, впрочемъ, у того и у другаго вызваны житейскими неудачами и желчнымъ мiровоззрѣнiемъ, образовавшимся отчасти вслѣдствiе заблужденiй и страстей молодости.

П. Б.

Предисловiе А. И. Тургенева.

.....Я прочелъ въ одни сутки записки Винскаго: «*Мое время*». Эта рукопись уже 1/4 вѣка у меня, и я въ первый разъ вполнѣ прочелъ ее. Я не могъ оторваться отъ книги. Винскiй, уроженецъ Малороссiйскаго городка Почепа (р. въ 1752 г.), учился въ Малороссiи, но оставилъ ее въ первой молодости и переселился въ Петербургъ въ первые годы царствованiя Екатерины II (на 18 году). Онъ бѣгло описываетъ Петербургъ, но прежде оригинально описалъ Малороссiйскую жизнь свою, воспитанiе, семейство и отбытiе на чужую сторону. Не смотря на отсутствiе важныхъ происшествiй, повѣсть его привлекательна какою-то искренностiю и подробностями семейной и провинцiальной жизни. «*Мертвыя души*» снова ожили бы въ сей существенности. Для Гоголя эта рукопись была бы кладомъ. Кiевъ, Академiя, шляхетство, Глуховъ, общественная жизнь въ Малороссiи, нравы и справедливый взглядъ на влiянiе Французовъ въ Россiи, рѣдкiй и въ наше время, влiянiе Екатерины II на смягченiе нравовъ, «*апелляцiя къ потомству*», ученiе вмѣсто воспитанiя: вотъ содержанiе первыхъ главъ этой бiографiи. Но я не досказалъ вамъ дальнѣйшихъ похожденiй аутобiографа. Въ Петербургѣ онъ записался въ военную службу, какъ недоросль, и въ школу; выключенъ изъ оной за негодностью прямо въ полкъ, хотя ученикъ зналъ болѣе учителей. Картина нравовъ тогдашнихъ въ полкахъ и въ обществѣ, ненависть взаимная Русскихъ и Малороссiянъ, и причина оной. Винскiй дѣлаетъ дурныя знакомства, мотаетъ, закладываетъ деревнишку въ банкъ, чрезъ заклады дѣлается орудiемъ секретной полицiи. Доносъ на Винскаго, крѣпость и казематы (но прежде поѣздка въ Москву, къ торжеству побѣды надъ Турками и тамошнiя приключенiя: Потемкинъ, Орловъ, кн. Голицынъ, Шепелевъ и проч.). Допросы въ крѣпости: Терскiй, губернаторъ Петербургскiй Петръ Васильевичъ Лопухинъ, къ коему привезли его передъ крѣпостiю; содержанiе въ крѣпости. Толстой—ангелъ-утѣшитель! Допросы, судъ. Взаимная злоба между Вяземскимъ и Потемкинымъ спасаетъ многихъ, изъ полковъ забранныхъ. Портреты, *легкiй абрисъ Европы*, право мастерски написанный, особливо если подумаешь, что писатель былъ до ссылки своей въ Оренбургъ *едвали и читатель!* Политика Екатерины, учрежденiе намѣстничествъ, Совѣстныхъ Судовъ, и пр. «Нравы умягчаются,

сердца распущаются, роскошь во младенчествѣ»,—все это живо и вѣрно изображено. Слогъ самоучки, выучившагося писать до Карамзина, но по Французскимъ образцамъ, изъ коихъ превозноситъ Вольтера, Руссо, Бюфона и особенно Мерсье! Есть какая-то оригинальность, хотя и не всегда правильная. *Буйная жизнь* его въ Малороссіи и въ Петербургѣ носитъ яркую печать вѣка. Мы должны дорожить этою вѣрною картиною стараго быта Русскаго: кто иной передастъ намъ его, особливо въ низшемъ или среднемъ слоѣ общества, въ коемъ жилъ, гнилъ и погибалъ Винскій? Описывая законодательство Екатерины и именно Коммиссію для проэкта новаго уложенія, подъ заглавіемъ: *Русскіе Фоксы и Шериданы,* Винскій сообщаетъ важный историческій фактъ: «Изъ всего происходившаго въ сей коммиссіи достопамятнѣйшимъ можетъ почесться публичное прѣніе князя Щербатова съ депутатомъ Коробьинымъ, которое прекращено было безъ дальнихъ пустословій объявленною чрезъ Вяземскаго волею Государыни. Рукопись Императрицы, положенная въ драгоцѣнный ковчегъ, отдана для сохраненія въ Сенатъ, сочиненіе же законовъ подъ разными начальникамм продолжается и по сей день». (Винскій писалъ во время Розенкампфа). Сосланный, по лишеніи дворянства, въ Оренбургскую губернію, Винскій провелъ тамъ большую часть жизни своей и кончилъ ее тамъ же. Тутъ началось его нравственное возрожденіе съ молодой, милой женою, послѣдовавшей за нимъ, вопреки всему, въ ссылку. Винскій началъ заниматься языками, науками, учиться, чтобы быть учителемъ. Описаніе эпохи своего *секретарства* при винномъ распутномъ откупщикѣ, учительства у губернаторовъ, помѣщичьей жизни въ городкахъ и въ деревняхъ; обхожденіе дворянъ съ крестьянами и съ дворовыми; охота псовая и ружейная, и различное вліяніе каждой на нравственность охотниковъ. Портреты помѣщиковъ, женъ и дѣтей ихъ: «жизнь Русская домашняя». Чтеніе и книги, вліяніе на дворянъ. Благодарность его нѣкоторымъ помѣщикамъ: Мюллеру, Андреевскому. Знакомство съ Рычковымъ. Біографъ, кажется, довелъ свою рукопись до XIX-го столѣтія, но главная жизнь въ XVIII-мъ. Она отражается и въ Петербургѣ, посѣщаемомъ Дидеротами и въ Бугульмѣ, гдѣ читаютъ Мерсье и Вольтера.

Мое время.

Введеніе.

Все перечитавши, и нѣсколько разъ, что̀ только нашлося своего или занятаго, все передумавши и неоднократно, что̀ только задержалось въ моей старой головѣ, всѣмъ наскучивши, что̀ только могла доставлять благодатная мечта, наконецъ съ мѣсяцъ нахожусь я въ совершенномъ бездѣліи, слѣдовательно въ несносной скукѣ. Работать въ огородѣ, или бродить по окрестностямъ моего самопроизвольнаго заточенія? Препятствуетъ ежедневный жаръ. Выѣзжать на охоту? Стрѣлять въ сіе время нечего, къ тому оводы одолѣваютъ коней. Чѣмъ же наполнять день, особенно чѣмъ сокращать предолгіе предобѣденные часы? Писать.... Правда, въ среднихъ моихъ лѣтахъ я много писалъ, прелагая изъ иноземныхъ на отечественный языкъ истины тогда у насъ неизвѣстныя. Но сіе упражненіе давно мною оставлено; затѣвать его вновь, по нынѣшнимъ временамъ, и не изъ чего и не для чего. Я бы, кажется, забылъ давно писать, ежели-бъ не

поддерживалось сіе неважною перепискою, которая не можетъ дать дѣльнаго вещесловія. Но что дѣльное? Пиши, какъ и всѣ почти пишутъ, что̀ попадать станетъ подъ кончикъ твоего пера. Такъ..... но ничтожность не занимательна, слѣдовательно не можетъ быть продолжительна. Инъ пиши, сыскавъ себѣ предметъ и что̀ ты лучше знаешь. Дѣльно!... Я знаю самого себя лучше всего; такъ вотъ мой предметъ: МОЕ ВРЕМЯ. Заглавіе, однако, принадлежитъ вѣнценосному сочинителю [1])—тебя съ перваго шага оговорятъ. Порфирородный жилъ, имѣлъ свое время; я живу, имѣю мое; и такъ каждому свое. Я хочу писать мою жизнь и какія мнѣ памятны важнѣйшія, случившіяся въ теченіи оной происшествія. Да не подумаетъ кто либо, что симъ маловажнымъ занятіемъ я хочу втѣсниться въ ликъ творцовъ сочиненій? Нѣтъ, нѣтъ! Я знаю, какія потребны дарованія, свѣдѣнія, знанія, ученіе, витійство писателямъ посвятившимъ себя или пожалованнымъ препровождать до позднѣйшаго потомства громкіе подвиги витязей, славу владыкъ, бѣдствія народовъ. Я намѣреваюсь писать о себѣ, для себя, для своихъ; слѣдовательно я буду писать, какъ умѣю, не поставляя себѣ образцами ни Ксенофонтовъ, ни Титовъ-Лиліевъ, ниже К..... Слогъ мой, подобно дѣяніямъ, будетъ простъ, но правдивъ, въ чемъ призываю на помощь мою богиню, истину.

I.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

ИЛИ ДѢТСТВО И ЮНОШЕСТВО.

Мое рожденіе.

Родился я въ Малороссійскомъ городкѣ Почепѣ, отъ родителей, ежели не знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ, то отъ самыхъ здоровыхъ и молодыхъ. Важное преимущество! говоритъ надувшись графъ.— Гораздо важнѣе, ваше сіятельство, нежели вы изволите понимать. Отецъ Степанъ Акимовичъ Винскій, юноша 21 года, женился по взаимной сердечной склонности на матери моей, 16-ти лѣтней отроковицѣ, Маѳѣ Артемьевнѣ Пискаревской, и ихъ счастливой союзъ Богъ на десятомъ мѣсяцѣ благословилъ мною. Что же тутъ особаго? возражаетъ сенаторъ.—Особое, графъ, извольте выслушать. Родиться первенцемъ отъ неискусобрачныхъ (за что буду крѣпко стоять, по меньшей мѣрѣ съ одной стороны), молодыхъ здоровыхъ родителей; быть воздоену матернею грудью, значитъ: получить съ жизнію прочное членоустроеніе, чистую кровь, здоровые соки, что̀ все вмѣстѣ доставляетъ человѣку крѣпкое тѣло и мужественную душу, такія преимущества, которыя одни дѣлаютъ людей истинно-благородными и счастливыми. Сіе наблюдается, какъ и вы изволите знать, по всѣмъ хорошимъ конскимъ и другимъ заводамъ; но графскіе, княжескіе и

---

[1]) Т. е. Фридриху Великому (Histoire de mon temps). П. Б.

всѣ отличающіе себя домы сего не уважаютъ, и отъ того сколько же въ ихъ семьяхъ всякихъ игрушекъ природы!

О любезный Шанди! Какъ бы я порадовался, встрѣтившись съ истиннымъ послѣдователемъ твоей глубокомысленной о зачатіи и рожденіи системы! Какимъ бы я могъ быть доказательствомъ твоего умствованія! Ни десятилѣтняя въ молодости самая распутная Петербургская жизнь, ни шестинедѣльное въ подземномъ сыромъ погребѣ заключеніе, ни заточеніе въ суровой Башкирской край и 30-ти лѣтнее въ ономъ пребываніе, ни всѣ удары несчастія не могли совершенно разрушить или ослабить мое крѣпкое сложеніе. Теперь, имѣя 61 годъ отъ рожденія, я многихъ еще заставляю себѣ завидовать по наружности; а внутренно? О! я еще живу.

Шандеизмъ.

Остроумный Шанди, отъ одного неосторожно и не въ пору сдѣланнаго вопроса: «заведены-ли часы» выводитъ самое глубокомысленное умствованіе о зачатіи, рожденіи и слѣдствіяхъ отъ того на всю жизнь человѣка. Дѣло съ перваго взгляда кажется неважнымъ, шуточнымъ; но, разсматривая оное терпѣливо, освѣщая со всѣхъ сторонъ свѣтомъ здраваго разсудка, отстраняя при семъ розысканія и высокопарныя философскія промблемы и Богомъ вдохновенныя богословскія темы, а паче всего уклоняясь большинства голосовъ, шандеизмъ на сіе вещесловіе столько разливаетъ ясности, что всѣ почти затрудненія касательно уродовъ, выродковъ, извергов̆ъ, какъ естественныхъ, такъ и нравственныхъ, весьма много облегчаются. Вспомни, любезный Прокоповичъ, какъ мы въ 1806 году въ Санктъ-Петербургѣ, за дружескою трапезою у Плавковскаго, рѣшали по сей системѣ задачу: «какъ могли родиться отъ благороднаго, умнаго, храбраго боярина три сына негодяя?» По ней же, почти показывая пальцемъ, можно говорить: «сей зачатъ украдкою.... а сего воспріяла сердитая отъ пьянаго, какъ и сей добытъ огнистою сладострастницею по найму». Взгляните же на сего благообразнаго, преисполненнаго любезности юношу: не являютъ-ли всѣ черты его лица и всѣ движенія его тѣла, что онъ есть произведеніе тихихъ, сладостныхъ минутъ вечера, когда добрыя, чувствительныя два существа, проведши день полезно, послѣ вечерней пріятной прогулки, въ уединенной мирной храминѣ, предаются восторгамъ цѣломудренной любви? Или, сей младый сынъ истиннаго кормильца всѣхъ другихъ существъ, не доказываетъ ли яркимъ румянцемъ своихъ щекъ, упругостію своихъ мышцъ, широкою грудью, звонкимъ голосомъ, своею всегдашнею веселостію, что онъ чадо совѣтнаго союза, засѣянное дюжимъ, трудолюбивымъ земледѣльцемъ въ ложесна дородныя, здоровыя подруги, вынесшей въ поле сытный обѣдъ; или, послѣ общихъ лѣтнихъ работъ, въ тѣни-ли вѣтвистыхъ рощъ, или въ холодкѣ душистаго стога? Такъ, шандеизмъ можетъ, при тщательномъ розысканіи, развязывать запутаннѣйшіе узлы, и по нему же, «дѣти порочной любви рѣдко бываютъ добрыми существами; сынъ же распутныя не можетъ быть иное какъ извергъ».

Переселеніе изъ отеческаго дома.

Мать моя, приживши еще сына Осипа, на 20-мъ году своея жизни овдовѣла, и, обижаема будучи по имѣнію нашими родными тетками, а можетъ быть и по инымъ видамъ, вторично поступила въ замужство за Михаила Васильевича Губчица, въ семью довольно знатную и достаточную; начала жить въ имѣніи своего втораго мужа, куда и насъ переселила.

Первыя впечатлѣнія.

Первые годы моего дѣтства мнѣ почти совсѣмъ непамятны. Отдаляясь однако напоминовеніями сколько можно къ тѣмъ временамъ, вижу, какъ будто въ туманѣ нашъ домъ въ деревнѣ Котляковкѣ; памятны сливныя деревья по дорогамъ въ огородѣ; помню еще дальній огородъ, куда шедши единожды съ матерью, захвачены мы были грозою; памятно мнѣ также, что тутъ въ прудѣ дядя мой Тихонъ утопилъ было меня. Но, кажется, все сіе я знаю болѣе по разсказываніямъ домашнихъ. Переѣздъ отсюда на житье въ мѣстечко Бакланъ, куда вотчимъ мой опредѣленъ былъ сотникомъ, гораздо явственнѣе помню. Какъ теперь вижу приготовленія къ сему путешествію; вывезенные изъ шопы: берлинъ, коляски, таратайки, нѣсколько возовъ и полуботовъ, въ которые я играючи лазилъ; кормленіе у стайни строкатыхъ и буланыхъ коней и самый въ ночь подъемъ живо себѣ представляю. Посаженъ я былъ въ берлинъ между вотчимомъ и матерью; кажется, въ просоньѣ помню, сдѣлался между людьми шумъ, по причинѣ перебѣжавшаго чрезъ дорогу волка, и что вотчимъ говорилъ: «се добрый знакъ; а колибъ заяцъ, то не добре». Первые однако мои годы въ семъ мѣстечкѣ мнѣ непамятны: домъ, садъ, рѣка Судость, гребля, городище и проч., ежели и теперь еще представляются мнѣ весьма явственно, сему виною долговремянное тутъ даже до осьмаго года пребываніе.

Впечатлѣнія первыхъ лѣтъ.

Съ сего времяни до 30 лѣтъ моей жизни, всѣ мѣста, гдѣ только я ни жилъ, даже переѣзжалъ, до самыхъ малѣйшихъ подробностей весьма помню; съ 30 же года по сей день, ежели и памятны мнѣ вообще предметы, но подробности почти совершенно изгладились въ моей памяти. Такъ напр., на пятомъ или шестомъ году моего вѣка, ѣдучи осенью изъ Почепа въ Бакланъ, при захожденіи солнца, спускалася наша повозка съ небольшаго бугорка къ рѣкѣ Судости. Отъ солнечныхъ лучей, скользящихъ, что теперь знаю, по гладкой поверхности воды, казалась она огненною; чрезъ нее летѣло нѣсколько сорокъ въ лѣсъ ночевать. Глядя на все сіе, я не знаю отъ чего, стало мнѣ очень грустно. Сія картина и теперь еще такъ жива въ моей памяти, что я, кажется, могъ бы ее нарисовать. Съ того времяни, воззрѣніе на заходящее осеннее солнце всегда въ душѣ моей произ-

водитъ уныніе. Кіевъ со всѣми своими монастырями, церквами и примѣчательнѣйшими мѣстами, гораздо явственнѣе начертанъ въ моей памяти, нежели городъ Уфа, хотя въ первомъ я жилъ не болѣе четырехъ лѣтъ, и оставилъ его назадъ тому 46 лѣтъ, въ послѣднемъ же я жилъ 12 лѣтъ, а былъ въ немъ предъ симъ за пять. На 18-мъ году пріѣхавши въ Санктпетербургъ, видѣнные тогда предметы, какъ: недостроенныя двѣ стороны зимняго дворца, неочищенная предъ нимъ площадь, зимовавшій противъ Кунсткамеры, спущенный на Неву военный корабль, каменный сарай, гдѣ отливался Петра Великаго памятникъ, кристальный у Семеновскаго моста заводъ; даже первые гренадеры Измайловскаго полку, въ ихъ древнихъ шапкахъ и унтеръ-офицерскія перевязи, такъ свѣжи въ моей головѣ, будто я на нихъ теперь гляжу. Въ Генварѣ же 1806 года, ѣхавши чрезъ Ярославль въ Санктпетербургъ, города: Кострому, Мологу, Тифинъ, Новую Ладогу весьма темно вспоминаю; а картинныя мѣста, по деревнямъ вечернія игры, въ богатыхъ селахъ, каковы Дуванной, Васильевское и другихъ, катающіяся нарядныя бѣлотѣлыя молодицы, все таковое мною тогда видѣнное теперь какъ во снѣ представляется. Проживши шесть мѣсяцовъ въ сей великолѣпной столицѣ, бродивши ежедневно по привлекательнѣйшимъ мѣстамъ, еще довольно картинно я могу себѣ ее представлять; но подробности: вахтпарады, гулянья на свѣтлой недѣлѣ и перво-Майское, прогулки на прекрасныхъ булеварахъ и набережныхъ, неизъяснимо привлекательный для меня видъ, въ лѣтнемъ дворцовомъ саду, играющихъ по утрамъ малютокъ съ ихъ прекрасными, нарядными кормилицами и нянькам, весьма темно въ мысляхъ изображаются.

Начало ученія грамотѣ.

Въ Баклани, кажется, начали меня учить грамотѣ. Мечтается мнѣ, что домъ нашъ былъ насупротивъ церкви Св. Николая; что школа, принадлежащая ей, находилась чрезъ дорогу; что въ сей школѣ жилъ дьякъ, къ которому меня водили, который, однако, чему и какъ училъ меня, не помню; но что онъ часто и больно сѣкалъ меня, особливо по суботамъ, сіе помню. Сіе глупо-варварское обыкновеніе было въ употребленіи почти во всѣхъ приходскихъ школахъ, по причинѣ дьяку нѣкотораго доходишка.

Малороссійская суботка.

Послѣ суботней вечерни, всѣ ученики собирались въ школу и, не садясь по мѣстамъ, а стоя, ожидали дьяка. При вступленіи въ школу, онъ былъ привѣтствованъ отовсѣхъ въ одинъ голосъ: «Миръ ти, благій учителю нашъ»! На что онъ отвѣчалъ: «Треба сѣкты васъ» и тотчасъ начинаетъ екзекуцію: «учись, не пустуй, помни суботку» были его увѣщанія при сѣченіи. Тѣ, которыхъ матери присылали дьяку почаще млинцивъ, боланцивъ, паленыцъ и того-другаго, получали удары по платью; а бѣдняки, или у кого матери были скупы,

расплачивались голыми задницами. Проклятая поповщина! Гдѣ ты не злочинствовала?

Начало ученія латинскаго языка.

Перваго же моего инспектора, т. е. домашняго учителя, Поляка пана Мушинскаго, гораздо болѣе помню, не по его ученію, а потому, что онъ былъ охотникъ стрѣлять, удить рыбу, ловить птичекъ и меня нерѣдко съ собою важивалъ, и что онъ былъ крайне золъ и насъ сѣкалъ безъ милости. Послѣ сего принятъ былъ панъ Дворецкій, родомъ изъ Сосницы. При семъ учителѣ я прошелъ Латинскій алваръ; пороссійски же читалъ уже по вечерамъ для матери Четь-минею, а въ церкви Апостоловъ и Пареміи; писалъ изрядно и по сказыванію [1]). Сей инспекторъ нрава былъ тихаго, и я его душевно любилъ; бывали и отъ него наказанія, но и рѣдко и ненапрасно и нежестоко, такъ что ежели за шалости и непрестанныя мои проказы въ иной день мать, полѣнившись сама меня сѣчь, отсылала къ нему, я считалъ сіе помилованіемъ. При семъ инспекторѣ кончилось мое домашнее ученіе, и я посланъ былъ продолжать оное въ Черниговъ.

Важность перваго десятилѣтія.

Дитя, къ десяти годамъ своего существованія, являетъ уже начатки страстей, имѣющихъ нѣкогда образовать его свойство. Сіе время есть важнѣйшее въ жизни, потому что тутъ должно чрезъ воспитаніе, добрыя склонности въ юношѣ посѣять, возрастить, усилить, какъ дурныя возникающія выполоть, искоренить, по меньшей мѣрѣ ослабить. Но, увы, сіе важнѣйшіе дни моей весны протекли безъ малѣйшаго обработанія! Говорили вообще мнѣ быть добрымъ, тихимъ, искательнымъ, услужливымъ; но сдѣлаться таковымъ предоставляли случаю. Можно сіе уподобить брошеннымъ на ниву нѣсколькимъ горстямъ зеренъ хлѣбныхъ, коихъ всходы, ростъ и созрѣлость оставлёны судьбѣ. Какъ бы я ни желалъ начертать первые признаки моего разсудка, первѣйшія ощущенія моего сердца, начальные порывы моихъ страстей, но все мое о семъ стараніе тщетно: едва могу припомнить, что по многокровному моему сложенію, преданный веселостямъ, разсѣянію, забавамъ, я точно не былъ ни золъ, ни скупъ, ни завидливъ. Въ дѣтскихъ играхъ душевно равнялся съ низшими; но господствовать ни самъ не любилъ, ни надъ собою не терпѣлъ. Сіе, какъ бы врожденное, осталось во мнѣ на всю жизнь мою. Да не помыслитъ читатель, чтобы я былъ противникъ властямъ и не повинующійся начальству. Нѣтъ, я смѣло могу божиться, что власть законная всегда для меня была священна; начальникамъ же я бывалъ неизмѣнно покоренъ, и самыя несправедливости правительства, коими преобремененъ я былъ, переносилъ терпѣливо. Скажу тор-

[1]) Т. е. подъ диктовку.

жественно, что я былъ бы лучшій гражданинъ во всякомъ обществѣ, гдѣ бы законы хотя драконовскіе, но тяготѣли равно на всѣхъ.

Домъ вотчима.

Вскормленный въ домѣ вотчима, я испыталъ прежде несправедливости и обиды, нежели ласки и милости, но я ихъ тогда несильно чувствовалъ и по ребячеству скоро забывалъ. Вотчимъ мой, будучи отъ природы человѣкъ угрюмый и сердитый, къ намъ весьма былъ неласковъ; но самъ, сколько помнится, меня никогда не бивалъ, а исправлялъ сіе чрезъ нашу несчастную мать, которая, какъ теперь помню, при наказаніяхъ иногда сама горько плакивала. Правда, рѣзвости мои, шалости и непрестанныя проказы и не въ вотчимовскомъ домѣ долженствовали бы быть унимаемы; а тутъ, какъ примѣчали ихъ старательнѣе, взыскивали за нихъ тщательнѣе, то наказанія случались ежедневно, нерѣдко съ повтореніемъ и не обходя праздниковъ.

Нѣчто о братѣ.

Братъ мой, ушибенный грудью еще въ дѣтствѣ, почитался хворымъ; потому его не принуждали учиться, никогда почти его не наказывали, больше ласкали; за то, а больше, что онъ великій плакса былъ, я худо съ нимъ ладилъ и никогда не принималъ въ свои игры. Какъ по ученію далеко отъ меня отсталъ, то я посланъ былъ въ училище одинъ, съ нимъ уже никогда вмѣстѣ не живалъ и очень рѣдко видался. Въ сіе же время, помнится, мать часто мнѣ говаривала о богатствѣ нашего отца расхищенномъ и что мы бѣдняки противъ сестры нашей, рожденной ею отъ Губчица. Сіе однако весьма мало дѣйствовало на меня; ибо я съ юнѣйшихъ лѣтъ не уважалъ богатства и не дорожилъ деньгами до того, что даванныя мнѣ иногда нѣсколько копѣекъ отдавалъ первому, кто захотѣлъ бы ихъ взять.

Отбытіе на чужую сторону.

Наконецъ наступило время моего странствованія. Два Почепскіе панычи Самоцвѣты, учившіеся уже въ Черниговской Коллегіи подъ надзоромъ инспектора Цвѣта, со вновь завербованнымъ панычемъ Рославцемъ, заѣхали къ намъ въ Октябрѣ 1762 года и, присоединивъ меня къ себѣ, повезли въ Черниговъ. Разставанье мое съ матерью и домомъ было самое плачевное; во всю дорогу я непрестанно плакалъ, ничего не примѣчалъ и ничѣмъ не занимался. Принятіе меня въ третью школу, т. е. грамматику, да и все мое пребываніе въ Черниговѣ, чуть-чуть помню. Знаю, что учитель мой былъ панъ Дембицкій; памятно, что Самоцвѣты, бывши меня гораздо старѣе, часто меня обижали, и что панъ инспекторъ нерѣдко меня сѣкъ понапрасну. Посему конечно я взятъ былъ на ваканціи гораздо ранѣе обыкновеннаго, т. е. до Троицына дня и оставался безъ инспектора до

осени. Кажется, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ мать моя съ своею, а моею бабкою, для какихъ-то надобностей ѣздили въ городъ Нѣжинъ. Я былъ съ ними; очень помню видѣнныхъ тутъ Грековъ; въ ихъ лавкахъ особое привлекали мое вниманіе каракатицы и колбасы; базаръ и улицы завалены были каунами, дулями, сливами, виноградомъ и пр. Оттуда поѣхали мы въ Кіевъ, гдѣ мать моя, исправивши съ великою торопливостію свое богомолье, оставила меня тутъ на попеченіе какой-то женщинѣ, именемъ Варварѣ. Съ сею женщиною, какъ кажется, ставшею моею нянею, я жилъ недѣли двѣ въ совершенной праздности; шатался съ нею по монастырямъ и, по крайнему изобилію всѣхъ родовъ плодовъ, пресыщался ими. Потомъ я былъ переселенъ на квартиру къ панычамъ, у которыхъ былъ инспекторомъ панъ Разнатовскій. Недолго, однако, оставался я при семъ надзирателѣ: нѣкто панъ Щербацкій, старый богословъ, то есть, ученикъ богословія, выпросилъ меня у отца-префекта подъ его инспекцію.

Пребываніе въ Кіевѣ.

Описывать всѣ подробности моего пятилѣтняго пребыванія, хотя и весьма мнѣ памятныя, не считаю нужнымъ; поелику во все сіе время ничего со мною не случилося особенно любопытнаго. Жилъ я на наемныхъ квартирахъ, подъ начальствованіемъ разныхъ перемѣнявшихся инспекторовъ, всегда съ моею Варькою. Учился довольно прилежно, не только не отставалъ отъ другихъ, но всегда числился между отличными. Учителямъ, какъ публичнымъ академическимъ, такъ и приватнымъ инспекторамъ былъ всегда послушенъ и добрыхъ, особенно умныхъ, душевно любилъ. Несправедливые однако ихъ въ разсужденіи меня поступки я умѣлъ уже чувствовать и имъ того не прощать; такъ паны: Щербацкій и Самойловичъ, не взирая на всю ученость послѣдняго, остались въ моей памяти навсегда самыми низкими людьми; напротивъ, тогдашній отецъ ректоръ Самуилъ и учитель Риторики отецъ Никодимъ никогда не воспоминаются мною иначе, какъ съ сердечнымъ почитаніемъ и благоговѣніемъ.

Академія.

Кіевская академія, по назначенію своему для духовенства, пеклась наиболѣе образовать людей въ сіе званіе. Посему науки, преподаваемыя въ ней, были: Грамматика, Піитика, Риторика, Философія, Богословія и языки: Латинскій — какъ основаніе, Польской — какъ истолковательный; по нихъ Греческій и Еврейскій—какъ нужные для разумѣнія церковныхъ писателей; Нѣмецкому и Французскому хотя также обучали, но весьма недостаточно; прочія же науки тамъ были совершенно неизвѣстны. Изъ сего можно видѣть, что я, учившись весьма похвально, бывши въ одной Риторикѣ три года, говоривши и писавши Латинскимъ и Польскимъ языками, какъ моимъ природнымъ, имѣвши набитую голову тропами и фигурами, умѣвши состроить хрію правильную и превращенную, выѣхалъ изъ Кіева настоящимъ,

касательно необходимѣйшихъ знаній, дурнемъ до того, что ежелибы добрый человѣкъ, квартировавшій тогда въ Кіевѣ, канонерскаго полка штыкъ-юнкеръ Паченко, не показалъ мнѣ первыхъ правилъ Ариѳметики, я бы принужденъ былъ считать по пальцамъ.

Пансіонъ.

Въ половинѣ 1768 года я оставилъ Кіевъ и, прибывши домой, тою же осенью помѣщенъ былъ для Французскаго языка въ новозаведенный въ Стародубѣ г. Карповичемъ пансіонъ.

Перейти изъ публичнаго училища въ частное значитъ быть понижену въ своихъ собственныхъ очахъ; но я, по пристрастію къ Французскому языку, симъ не затруднился. Лѣта мои, знаніе Латинскаго языка и правилъ грамматическихъ, произвели въ учителѣ нѣкоторой родъ уваженія ко мнѣ, такъ что онъ, снисходя на мою просьбу, прошелъ для меня синтаксисъ Пепліеровъ. Сіе одно мнѣ было нужно, и я чрезъ девять мѣсяцевъ оставилъ пансіонъ. Симъ на 16-мъ году моея жизни школьное мое ученіе совершенно кончилося.

Преселеніе въ Глуховъ.

Осенью 1769-го я отвезенъ былъ въ Глуховъ, гдѣ препорученный генеральному судьѣ г. Журману, я долженствовалъ прожить зиму и потомъ съ его заступленіемъ ѣхать въ заграничную армію. Кратковремянное мое въ семъ городѣ пребываніе было какъ бы образчикомъ имѣющей быть жизни. Я находился подъ покровительствомъ вельможи, у коего времянно являлся и иногда обѣдывалъ; жилъ же на наемной квартирѣ, располагая моимъ временемъ, дѣлами и поступками самопроизвольно. Городъ Глуховъ въ сіе время, по причинѣ пребыванія въ немъ вышнихъ властей Малороссійскихъ, былъ какъ бы небольшая столица. Шляхетство, начиная тутъ свое служеніе по значительному количеству и видной жизни, стеченіе всѣхъ состояній по дѣламъ казали сей городъ и многолюднымъ, и оживленнымъ. Роскошь, хотя и не повсемѣстно, но уже водворялась; трактиры, и Нѣмецкій, и Греческій не бывали пусты; шинки также не напрасно заводились, особенно, гдѣ были пригожія хозяйки или наймички. Молодые шляхтичи, приписанные въ разныя присутственныя мѣста, вели жизнь по большой части праздную; уже ничего студентскаго въ нихъ не было видно, а многіе и профессорами распусты [1]) могли быть названы. Я былъ причисленъ къ генеральному суду, но присутствовать въ немъ болѣе трехъ разъ не удосужился. Первые дни опредѣлены бывши на приготовленіе необходимаго для пристойнаго появленія въ большомъ городѣ, я провелъ ихъ почти заключеннымъ въ квартирѣ, занимаясь непрестанно пересмотромъ вещей, данныхъ мнѣ изъ дому. Не имѣвши никогда толикаго количества и толикой разновидности, я любовался ими несказанно; самыя бездѣлушки

---

[1]) Авторъ употребляетъ это слово вмѣсто «распутство». П. Б.

я почиталъ драгоцѣнностями и, пьючи свой чай, при услугѣ моего Матюшки, я почиталъ себя счастливѣе всякаго князя. Знакомиться я весьма былъ тупъ; но дѣлать знакомства поверхностныя почти никогда не умѣлъ и прилѣпленіемъ моимъ откровенностію всегда другихъ опережалъ. Знакомиться началъ съ однолѣтками, но скоро введенъ былъ въ кругъ гораздо старѣйшихъ и тогда пустился, что̀ называется, во вся тяжкая. Скоро Нѣмецкіе, Греческіе и всякіе другіе благодатные домы мнѣ стали знакомы. Благодаря однако моей застѣнчивости, или лучше безденежію, я только былъ повсюду зрителемъ, но дѣйствователемъ нигдѣ; да правду надобно сказать: Глуховскіе моты и ихъ шалости къ Петербургскимъ такъ были, какъ 5 ко 100; посему мнѣ не удалося тутъ научиться ни пить, ни въ карты играть, ниже...

Разсматривая безпристрастно время моей юности, открывается, что оно протекло для меня весьма невыгодно. Отъ всего моего многолѣтняго ученія пріобрѣлъ я знаніе Латинскаго языка и небольшое умѣніе писать; существенныя же и необходимѣйшія для моего благоденствія знанія, какъ святая нравственность и составъ людскихъ обществъ, или яснѣе: «чѣмъ каждый человѣкъ обязанъ обществу, и на оборотъ, общество человѣку»,—до того мнѣ были неизвѣстны, что я ихъ и въ числѣ наукъ, до 40 лѣтъ моей жизни, не считалъ. «Всѣ науки, пишетъ Мерсье, даже и божественная Астрономія, суть только роскошь ума человѣческаго, однѣ — мораль и политика ему необходимы». Сею важную истину я узналъ поздно. Низринутый въ бездну злополучій, свидѣлся и познакомился я со нравственностію, полюбилъ ее отъ всего моего сердца, прилѣпился къ ней всею душею; но какъ можно было то исправлять, что̀ въ продолженіи сорока лѣтъ портилося? Скажу чистосердечно, что всѣ мои старанія быть добрымъ, справедливымъ, весьма неважные имѣли успѣхи; и я разстанусь съ жизнію конечно не злодѣемъ, но весьма мало и добрымъ. Изъ многихъ собственныхъ опытовъ знаю, какъ трудно, ежели не совершенно невозможно, быть истинно добрымъ, когда въ юныхъ лѣтахъ не обсѣменено сердце добромъ. Желѣзо, покрытое и во многихъ мѣстахъ проникнутое ржавчиною, самое тщательнѣйшее очищеніе не можетъ освободить совершенно отъ поврежденія; хорошо хотя бы не допускать усиливаться ржавчинѣ.

Точное начало просвѣщенія въ Россіи.

Несправедливо было бы требовать отъ тогдашнихъ школъ и учителей полезнѣйшаго наученія юношества: они сами точно не имѣли ни малѣйшей по сей части свѣдѣній. Заря наукъ для нашего Отечества начала пробиваться сквозь мракъ невѣжества въ концѣ осьмаго десятка протекшаго столѣтія. Сколько бы излиха ни вопіяли: «Распинайте Французовъ!», но они одни гораздо болѣе способствовали нашему наученію, нежели совокупно вся Европа. Россія, по волѣ Петра Великаго, находившись болѣе полувѣка подъ ферулою Нѣмецкою, даже и признаковъ не являла просвѣщенія. Царствованію Ека-

терины принадлежитъ вся честь водворенія въ нашемъ Отечествѣ полезныхъ наукъ, которыя разительнѣйшимъ образомъ начали имѣть вліяніе на нравственность. Повторю паки: сколько бы старообрядцы, новообрядцы и всѣ ихъ отголоски ни вопіяли: «Распинайте Французовъ!» но Волтеры—не Мараты; Ж. Ж. Руссо—не Кутоны, Бюффоны—не Робеспіеры. Ежели когда нибудь настанутъ времена правды, тогда великіе умы XVIII-го столѣтія, истинные благодѣтели рода человѣческаго, получатъ всю имъ принадлежащую честь и признательность.

Такъ, искренно судя, что первая существованія моего четверть, долженствовавшая быть основаніемъ моего благоденствія, была почти для меня потеряна, я не ропщу ни на мать свою, ни на моихъ наставниковъ. Всему виною тогдашнія времена. Но ежели бы оставили меня, по крайней мѣрѣ, идти по той дорогѣ, на которую я былъ Академіею выведенъ, я бы могъ быть изряднымъ духовнымъ, искуснымъ врачемъ, а можетъ быть и порядочнымъ писателемъ; слѣдовательно полезнымъ членомъ общества и способнымъ устроивать свое счастіе. Но, увы, меня, какъ будто съ умысла, возрастили у монаховъ, а заставили служить въ гвардіи! Переведенный изъ мирной, скромной, подчиненной жизни въ мятежную, наглую, своевольную, чѣмъ могъ я сдѣлаться какъ не самымъ несчастнѣйшимъ твореніемъ?

Такъ бывало, есть и нынѣ, что большая часть юношей заставляется занимать мѣста въ обществѣ, совсѣмъ несообразныя ни съ ихъ склонностями, ни съ ихъ способностями. Наученіе въ публичныхъ и частныхъ училищахъ есть для всѣхъ одно и тоже. Мерсье пишетъ: «Надлежало бы завести особый родъ наставниковъ, которые бы, по своему знанію и опытности, умѣли узнавать въ дѣтяхъ склонности и способности, по коимъ бы назначили имъ ученіе». Такъ, распорядивъ дѣтей къ ученію, скоро бы могли имѣть въ каждой части наукъ, художествъ, даже ремеслъ, людей отличныхъ; и сей, родившись быть зодчимъ или ваятелемъ, не потѣлъ бы по напрасну надъ сборнымъ уложеніемъ; а природный витія и піитъ не ломалъ бы головы Алгеброю.

Въ Россіи наученіе почти повсемѣстно принимается за воспитаніе. Я самъ, скажу со стыдомъ, проживъ болѣе половины моего вѣка и бывши по несчастію уже домашнимъ учителемъ, различія въ семъ даже и не подозрѣвалъ. Не забуду никогда почтеннаго г. Реми за многія его мнѣ одолженія, какъ и за поясненіе сего различія.

Иноземецъ не можетъ воспитывать.

О, отцы, матери, и всѣ вы, отъ коихъ зависятъ дѣти! Войдите въ подробнѣйшее розысканіе разности между воспитаніемъ и наученіемъ; пекитеся вашихъ чадъ прежде воспитывать, потомъ научать. Знайте, что болтаніе чужеземными языками, балансированье, прыганье, брянцанье на фортепіано и на гитарѣ не есть воспитаніе, но одно наученіе. Вѣдайте, что наемные иноземцы, изъ какого бы они народа не были, хотя бы нравственность ихъ была безъ малѣйшаго нареканія, не могутъ дать вашимъ дѣтямъ воспитанія, по тому одному, что они не знаютъ ни законовъ нашихъ, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни пре-

имуществъ и правъ, принадлежащихъ у насъ каждому состоянію гражданъ, по которымъ необходимо должно прилаживать нравственность. Будемъ искренны: Россійскій дворянинъ, по своему званію, обязанностямъ и правамъ, ни малѣйше не сходствуетъ ни съ однимъ Европейскимъ дворяниномъ, какъ купецъ, мѣщанинъ и крестьянинъ ничѣмъ неравны заморскимъ. Сколько ни всеобща чистая нравственность, но составъ обществъ, нравы, обычай во всякой землѣ свои, и по нимъ однимъ народы удерживаютъ свое отличіе.

Россіянина долженъ воспитывать непремѣнно Россіянинъ; наученіе же можно попустить и иностранцу, только бы воспитаніе оному предшествовало и никогда изъ вида не потерялось.

Воспитаніе принадлежитъ родителямъ.

Воспитаніе одно есть отличительная принадлежность человѣка; наученіе же несовсѣмъ чуждо и другимъ тварямъ. Сія важная должность отъ самыя природы назначена родителямъ. Дать просто жизнь, по строгой справедливости, не составляетъ великаго благодѣянія; одно воспитаніе можетъ доставлять отцамъ неоспоримое право на дѣтскую благодарность, повиновеніе и пособія. Признаться однако должно, что по нынѣшнимъ временамъ ревностнѣйшій отецъ, или искуснѣйшій наставникъ, едвали успѣетъ обсѣменить юное сердце чистыми правилами нравственности.

Общественное воспитаніе, непремѣннымъ закономъ утвержденное и самимъ правительствомъ назираемое, могло бы идти наивѣрнѣйше къ сей цѣли; ибо добрые нравы не иначе могутъ завестись и утвердиться, какъ когда правительство, согласуя съ нравственностію, займется искренно попеченіемъ о благоденствіи народа и присвоитъ воспитанію всю важность ему должную. Покуда о воспитаніи не будутъ радѣть, нельзя ожидать, чтобы люди сдѣлалися лучшими и счастливѣйшими. Правительство непремѣнно обязано поддерживать нравственность; безъ того она безполезна и не можетъ имѣть никакой власти надъ сердцами. Законы должны быть пополненіемъ и доказательствомъ нравственности, внушенной воспитаніемъ.

Вопросятъ: можно ли цѣлый народъ воспитать, то есть внушить ему правила нравственности?... Ясныя и простыя правила естественныя нравственности гораздо легче для понятія, нежели догматы и заповѣди духовныя, которыхъ не только поучающіеся, но и сами поучающіе, по совѣсти, не понимаютъ.

Способъ къ облегченію воспитанія цѣлаго народа.

Правительство, которое возъимѣло бы искреннее намѣреніе завести въ своемъ народѣ добрые нравы, могло бы, учредивши для дѣтей общественные воспитательные домы, для народа весьма выгодно употребить священниковъ, давъ имъ въ руки катехизисъ чистыя нравственности, по которому бъ они своихъ прихожанъ въ проповѣдяхъ наставляли и на духу повѣряли. Къ сему присоединя знаки отли-

чія для добродѣтельнѣйшихъ, не корыстные, но почетные, какъ строгое и неупустительное взысканіе и наказаніе для порочныхъ и злыхъ, сопровождаемое общимъ отверженіемъ, произвели бы непремѣнно желаемые успѣхи.

Ликургъ, хотя противъ правилъ здравыя нравственности написалъ свои законы, но нельзя не согласиться, чтобы онъ не чувствовалъ могущества общественнаго воспитанія. Въ Спартѣ оно было подъ непосредственнымъ назираніемъ правительства, единообразное для всѣхъ и утвержденное закономъ. Ежели сей свирѣпый законодатель могъ чрезъ воспитаніе образовать изступленныхъ воиновъ, презиравшихъ болѣзни и смерть: почему законодатели, болѣе человѣколюбивые и болѣе благоразумные, не могли бы также образовать людей добродѣтельныхъ и разсудительныхъ? Бюніаны въ Индіи, Квакеры въ Америкѣ и Сарептцы у насъ въ Россіи не могутъ ли также быть сему доказательствомъ?

Лѣта невинности.

Первый выѣздъ мой изъ благословенныя Малороссіи поставивши предѣломъ моего юношества, я не могу о семъ времени вспомнить безъ сердечнаго умиленія, какъ о лѣтахъ моея жизни, проведенныхъ въ истинной невинности. Я оставилъ Глуховъ, не могучи себя, по строгой справедливости, ничѣмъ укорять порочнымъ или вреднымъ. Шалости мои и проступки точно были ребяческіе, могущіе быть достаточно изглаженными однимъ признаніемъ. Какъ сладостно воспоминать и теперь, что я тогда не былъ еще виновенъ ни предъ людьми, ни предъ собою!

При разставаньи съ милою родиною и дабы быть чисту ото всего, я долженъ учинить исповѣдь, для всякаго чувствительнаго сердца самую трудную. Къ четырнадцатому году нельзя было не ощутить въ сердцѣ чувствованія, нудящаго всѣхъ—искать любезныхъ, глядѣть на нихъ, любоваться ими и желать отъ нихъ чего-то неисповѣдимаго. Первый позывъ на сіе познать я въ Кіевѣ, но безъ малѣйшаго удовлетворенія. Правда, приглашенъ бывши въ одно лѣто прожить нѣсколько недѣль въ домъ одного сельскаго священника и познакомившись тамъ съ его дочерью, дѣвушкою лѣтъ 20-ти, полною, румяною, веселою, рѣзвою, простодушною, я тутъ научился цѣловаться, прикосновеніе также отвѣдалъ, но пройти далѣе не умѣли: я по причинѣ моего младолѣтства, она же, какъ кажется, по причинѣ неопытности. Сія первая моя склонность весьма долго была мнѣ памятна. Въ Стародубѣ, находясь въ пансіонѣ, какъ учитель жилъ прежде въ Москвѣ, то имѣлъ почти всю прислугу изъ Русскихъ, въ томъ числѣ двухъ дѣвокъ, настоящихъ Московскихъ, посему цѣломудріе мое неминуемо должно бы уничтожиться: наслажденіе скотское, которымъ я тогда же мерзилъ. Паночка С. в. ч. в. особое возбуждала во мнѣ къ себѣ благоволеніе; но тутъ я лакомился одними глазами. Въ Глуховѣ по сей части я дѣйствовалъ уже гораздо вольнѣе; славныя тутъ часовщица и трембачиха имѣли и меня прицѣпленнымъ къ своимъ

таратайкамъ; съ ними я игрывалъ, лобызался; но по причинѣ великаго стеченія, и паче, что тутъ требовалися доказательства любви наличныя, коихъ у меня немного водилося, я принужденъ былъ довольствоваться платонизмомъ. Вотъ все, что лежало на душѣ и чего, кажется, за одинъ порядочный грѣхъ почесть нельзя. Къ стати помѣстить здѣсь происшествіе, слѣдствія коего я почти во все продолженіе жизни чувствовалъ. На четвертомъ моемъ году посѣтила меня лютая рода человѣческаго враговка, воспа. Не помню самыя болѣзни, но признаки ея бытности оставила она мнѣ вѣчные, которые въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ приносили мнѣ много досадъ: кромѣ того, что меня дразнили дзюбанымъ, со всѣми употребляемыми приговорками, я слышалъ весьма часто, что меня не будутъ дѣвки любить, какъ мерзенаго. Сіе такъ мнѣ бывало чувствительно, что я съ горя самъ въ себѣ говаривалъ: «и я ихъ не хочу любить». Къ природной застѣнчивости чрезъ сіе сдѣлался я осторожнымъ и равнодушнымъ, и какое бъ ни чувствовалъ влеченіе къ красавицѣ, но на исканіе въ ней никогда не рѣшался. По сему легкія пріобрѣтенія были для меня сходнѣе, хотя самымъ пользованіемъ я душевно мерзилъ.

Окончу, повторивъ: ежели, какъ сказалъ прежде, не имѣлъ я самыхъ худыхъ свойствъ, то по совѣсти же не могу похвалиться, чтобы обладалъ отличительно добрыми. Состраданіе, благотвореніе и всѣ сладостныя ощущенія человѣколюбиваго сердца, кажется, въ семъ времятеченіи моей жизни едвали были мнѣ извѣстны. Я совершенно несклоненъ былъ обижать, себѣ чужое присвоивать, еще меньше хищничать; но вступиться за обижаемаго, плакать о несчастіи другаго, пособить нуждающемуся, я точно не умѣлъ. Вотъ и сіе можетъ быть доказательствомъ, что человѣкъ ничего не имѣетъ врожденнаго, и что все онъ пріобрѣтаетъ, перенимая отъ тѣхъ, съ кѣмъ живетъ въ тѣснѣйшемъ сообщеніи. Нравственность нашего дома была средняя между самою хорошею и между самою худою, по коей и мое сердце обсѣменялось. Я не навыкъ мучить несчастныхъ слугъ, глядѣть покойно на брызги ихъ крови, слушать хладнокровно ихъ вопли, не трогаться ихъ стонами, видѣть ихъ голодныхъ, холодныхъ и всегда готовыхъ забавлять своихъ мучителей: не навыкъ потому, что въ нашемъ домѣ сіе не видѣлось. Такъ и все занятое мною во время моего дѣтства, какъ доброе, такъ и худое, было средней руки.

Общіе моей отчизны нравы.

Въ сіе время Малороссіяне жили только между собою; кромѣ Грековъ и Поляковъ иностранцы имъ вовсе не были извѣстны; даже съ Великороссіянами почти не имѣли сообщенія, почему нравы ихъ были также ни худшіе, ни лучшіе. Злодѣянія, каковы: убійство, разбои, грабежъ и пр., весьма были рѣдки. Пороки: пьянство можно бы почесть всеобщимъ, поелику не только мужчины, даже женщины въ лучшихъ домахъ пили водку, наливку и пр., но напиваться до забвенія почиталося зазорнымъ, и истинные пьяницы всѣми были презираемы. Скупость, родная сестрица расчетливости, родственница бережливости,

свойственница хозяйства, довольно была у соотчичей моихъ примѣтна; но скряжничествомъ и лихоимствомъ, кажется, они душевно гнушались. Тяжбы и ябедничество были весьма употребительны и преимущественно между шляхетствомъ. Ссоры и драки у простолюдиновъ случались, но не продолжительныя и неувѣчныя, ибо наиболѣе раздѣлывались чубами; забіячества же были рѣдки. Явная распуста была строго наказываема; волокитство, ежели симъ именемъ назвать жениханье, было терпимо въ простомъ народѣ, но никогда почти не простиралося до порочнаго и по большой части имѣло въ виду супружество.

Сказавши худое, справедливость требуетъ молвить сколько нибудь о добрѣ. Добронравіе Малороссіянъ обнаруживалося разительно тѣмъ, что они въ сіе время имѣли уже общее мнѣніе, т. е. не только злодѣй, порочный, даже своевольникъ, были у всѣхъ и каждаго въ омерзѣніи; начинающаго сочлена безпутствовать каждый отецъ семейства считалъ своимъ долгомъ уговаривать, оговаривать, стыдить, унимать и, въ случаѣ не успѣха въ томъ, по крайней мѣрѣ искренно отвергать [1]). Дѣти у родителей были въ полномъ повиновеніи, простиравшемся такъ далеко, что ни лѣта, ни званіе не освобождали отъ онаго; сіе, за смертію родившихъ, относилося къ старшимъ родственникамъ. Молодые люди обязаны были почтеніемъ всѣмъ вообще старикамъ. Вотъ черты, коихъ я, по выѣздѣ моемъ изъ отчизны, нигдѣ не примѣтилъ, и противодѣйствія коимъ съ первыхъ дней для меня были крайне удивительны, даже несносны. Страннопріимство и гостепріимство во всей Малороссіи были исполняемы съ истиннымъ усердіемъ и удовольствіемъ. Супружеское состояніе было безпорочно, надежно и тѣмъ похвальнѣе, что жены полновластны во внутреннемъ хозяйствѣ и въ своемъ поведеніи. Откровенность и дружелюбіе были общи всему народу. Праздничать, веселиться, пѣть, плясать—всѣ любили; музыку умѣли чувствовать. Наряжались охотно; чистота и опрятность жилищъ были повсемѣстны. Женщины, какъ и повсюду, убранствомъ старались усилить свои прелести; но поддѣльныхъ нигдѣ не терпѣли, и набѣленная, нарумяненная обѣгаема была, какъ явная к...

Къ вѣрѣ Малороссіяне всѣ имѣли душевное прилѣпленіе, и по причинѣ, что тамошнее священство было довольно просвѣщено, нужнѣйшіе члены закона и церковное служеніе каждый зналъ основательно. Сіе, я думаю, воспрепятствовало завестись у нихъ разнотолковщинѣ или безтолковымъ расколамъ. Въ храмы ходили охотно, привлекаемые нарядныыъ служеніемъ и согласнымъ пѣніемъ. Но, суевѣріе?... Увы! сіе адское дѣтище и въ благословенной Малороссіи было почти повсемѣстно.

---

[1]) Дающихъ пристанище ворамъ и завѣдомо принимающихъ краденое законы наказываютъ равно съ преступникомъ, въ справедливомъ смыслѣ: «ежелибъ некуда было сбывать краденаго, на что воровать»? Обратите сіе правило на злочинцовъ, кишащихъ теперь въ обществахъ; авось и они подумавъ: «къ чему злочинствовать?» уймутся хоть трохи.

II.

ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЪ ИЛИ МОЛОДОСТЬ.

Отъѣздъ въ С.-Петербургъ.

2-го Марта 1770 года повезли меня изъ Глухова въ С.-Петербургъ. Утопая въ слезахъ, простился я съ любезною Малороссіею, какъ бы предчувствуя вѣчное мое изъ оной удаленіе. До Орла я ничего не видалъ, ни чувствовалъ. Тутъ, для облегченія моего крайне утѣснительнаго на камергерскихъ повозкахъ помѣщенія. посовѣтовали мнѣ завестись собственною кибитчонкою, которая, въ сотовариществѣ корнета Чигиринскаго, доставила меня къ берегамъ Невы. Переѣздъ мой до сѣверной столицы не заслужилъ никакого моего примѣчанія. Всѣ города и самая Москва не произвели во мнѣ ни малѣйшаго вниманія; я полагаю сему виною, что, живши въ Кіевѣ и видѣвши тамъ строенія довольно огромныя и величественныя, я по ихъ размѣру смотрѣлъ и судилъ о попадавшихся моимъ взорамъ; посему славимый Русскими Иванъ Великій предъ Кіевскою лавринскою колокольнею былъ въ моихъ глазахъ столбикъ, какъ и Успенскій соборъ гораздо у меня меньше значилъ Кіевобратской церкви. Отъ сего и С.-Петербургскія тогдашнія строенія ни малаго не возбуждали во мнѣ удивленія; поелику, зная Кіевскія, я объ нихъ воображалъ несравненно выше.

12-го Апрѣля того жъ года флигель-адъютантъ графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, Петрищевъ, посадя меня съ собою въ карету, отвезъ въ полкъ и представилъ какъ принятаго его сіятельствомъ въ службу къ г. премеръ-маіору Александру Ильичу Бибикову. Сей, заглянувъ въ бумагу, тогда же ему врученную, что вѣрно была моя челобитная, спросилъ меня, гдѣ я учился и, отдавая бумагу стоявшему подлѣ него офицеру, сказалъ: въ школу. Отходя только отъ него, я увидѣлъ, что всѣ его комнаты набиты были офицерами и унтеръ-офицерами, томящимися въ двухъ переднихъ, которыя проходя, какъ полумертвый, я слышалъ со всѣхъ сторонъ слово—недоросль.

Въ сіе время умнымъ и благотворительнымъ Бибиковымъ заведено было въ Измайловскомъ полку училище подъ названіемъ инженерной школы для записывающихся въ сей полкъ дворянъ, изъ которыхъ большая часть едва знали грамотѣ. Заведеніе, безъ прекословія, весьма полезное, ибо тутъ учили: языки, фортификацію, артиллерію и еще нѣкоторыя науки. Для языковъ и высшихъ частей математики были нанятые учители; для нисшей же математики и ариѳметики употреблялись солдатскіе дѣти.

Опредѣленіе въ школу.

Снабженный аспидною доскою и грифелемъ, я былъ введенъ и помѣщенъ между учащимися сложенію. Представьте себѣ Малороссія-

нина между Москалями, Кіевскаго студента между школьниками, сидящаго вмѣсто важнаго профессора, въ оборванномъ солдатскаго сукна сюртукѣ, съ исковерканною рожею Артамонова, который его вопрошаетъ: умѣешь ли ты писать?... цыфры?... Вообразите, что онъ, остолбенѣвши отъ удивленія, едва ли что отвѣчалъ, и потому г. учитель, сказавши двумъ школьникамъ: «поучите его, братцы», самъ удалился. Первый, взявшійся меня учить, коль скоро услышалъ мою рѣчь, тотчасъ меня попотчивалъ: хохолъ! Другіе, вслушавшись, немедленно начали меня величать—безмозглый! и пр.

Встрѣченный такъ неблагопріятно учителемъ и столько злостно товарищами, я вдругъ, какъ и каждый бы на моемъ мѣстѣ землякъ, претворился въ скотину. Потупивши глаза въ доску, молчалъ и страдалъ. Послѣ обѣда, рѣшившись сѣсть особенно, я будто нарочно выставилъ себя для всеобщихъ нападковъ, отъ которыхъ и добрый нашъ фельдфебель Сумароковъ, едва могъ меня защитить. Чрезъ нѣсколько дней привыкши, какъ къ карканью воронъ, къ ругательствамъ Русскаго благородства, я приложилъ все мое стараніе открыть, на чемъ вообще основали свое мнимое преимущество гг. Москали надъ Малороссами. Смотря на бѣдняковъ и мизирныхъ, составляющихъ двѣ трети благороднаго сословія, весьма ясно видѣлъ изо всѣхъ ихъ пріемовъ, поступковъ и рѣчей, что они были сущіе мужики; приближаясь иногда къ достаточнѣйшимъ, хотя и царапаемый, я примѣчалъ, что большая часть и отъ нихъ, даже воспитанные иностранцами, весьма ограничены въ знаніяхъ, особенно касательно словесности. Откуда же и отъ чего подобное предубѣжденіе? По строжайшему розысканію, виною сему старинная, какъ бы прирожденная всѣмъ Русскимъ ненависть ко всему иностранному и невѣжественное презрѣніе всего неотечественнаго. Сей недостатокъ въ Москаляхъ едва ли когда нибудь истребится. Я, живши болѣе 40 лѣтъ между ими, знаю ихъ во всѣхъ состояніяхъ; по совѣсти скажу, что глупое сіе самохвальство есть еще и теперь вельми общее всему народу. Любопытный можетъ ежечасно въ томъ увѣряться: заговори только о чемъ бы то ни было иностранномъ, и тотчасъ услышатся самые нелѣпые отзывы, и не отъ однихъ брадоносцевъ; нѣтъ, по сей части, дворянинъ, приказный, военный, даже ученый, всѣ являютъ себя сущими мужиками.

Дурной носъ Артомонова и нападки сотоварищей произвели во мнѣ негодованіе до упрямства. Напрасно величаемый безмозглымъ, я пустился изъ доброй моей воли въ дураки, притворяясь непонятнымъ до того, что учитель и начальники, уставши рапортовать меня еженедѣльно лѣнивцемъ, выключили наконецъ въ роту.

Служба фронтовая мнѣ также не понравилась; но я и тѣмъ былъ уже доволенъ, что, не находясь подъ подлою ферулою, опредѣленъ былъ вертѣть ружье, поворачиваться, топать ногами, какъ бы дѣлать что-нибудь путное. Признаться однако со стыдомъ долженъ, что я, во все продолженіе моей четырехлѣтней службы, былъ неизмѣннымъ самымъ худымъ служивымъ, точно имѣя природное отъ нея отвращеніе, что деспотическое по оной управленіе еще болѣе во

мнѣ усиливало. Въ сей ротѣ служилъ землякъ Соханскій капраломъ: и по чину своему, и по землячеству, онъ былъ для меня великою находкою, и ежели бы не такъ скоро выбылъ онъ въ армію, я думаю, изъ многаго худаго гораздо было бы у меня меньше.

Хотя воинское званіе по наружности имѣетъ видъ строгаго присмотра, но въ самомъ существѣ едва ли какое другое изъ общественныхъ состояній доставляетъ болѣе своеволія. Умѣлъ бы только опрятно одѣваться, проворно вертѣться, раболѣпнѣйше повиноваться: вотъ и желаемыя качества въ военномъ! Нравственность же ежели въ которомъ полку, по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ, не уничтожается всесовершенно, то не наблюдается ни въ одномъ; наказываютъ не за то, что крадутъ, отнимаютъ, грабятъ и пр., но за то, что не умѣютъ концовъ хоронить. А о другомъ и говорить не для чего.

Съ первыхъ дней моей службы, увидѣвши себя совершенно въ моей военной жизни независимымъ, я началъ тотчасъ во зло употреблять сію свободу. Правда, девять мѣсяцевъ, пока я не жилъ въ полковыхъ казармахъ, нельзя, по строгой справедливости, назвать порочными; но, проживши ихъ въ совершенной праздности, удаленъ бывши сообщества порядочныхъ людей, я всматривался и навыкалъ быть негодяемъ. Болѣзненно мнѣ сказать, что первыя лекціи распутства и мотовства началъ я въ сообществѣ земляковъ.

Благо и зло отъ земляковъ.

Въ сіе время были въ Санктпетербургѣ два прокурора, гг. Андреянопольскій и Острожскій, оба по своей части весьма свѣдущіе, славные писцы и довольно, по тогдашнему, знакомые со словесностію. По дѣламъ въ Сенатѣ имѣли покровителями много вельможей, по своимъ качествамъ знакомы были съ лучшими дѣловыми и учеными людьми, особенно со служившими тогда въ Коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія. Значительные свои доходы проживали благородно, имѣя хорошій столъ и ежедневно гостей. Лучшее занятіе тутъ бывало: веселая бесѣда, шутки, нерѣдко карточная игра; къ вечеру непремѣнно Діонисіяки; но пуншъ и... никогда не употреблялися. Введенный въ сіе общество, я приласканъ былъ за мои знанія, скоро пріобрѣлъ любовь за мою живость и сдѣлался для сего общества интереснымъ. Не скажу, чтобы они были ординарные профессоры сихъ наукъ; но нельзя же потаить, чтобы не въ семъ сообществѣ научился я роскошествовать, узналъ вкусъ въ винахъ; а важнѣйшее—держать расходы, не справляясь съ собственнымъ карманомъ. Корысть была, есть и вѣчно будетъ побужденіемъ ко многимъ злодѣяніямъ. Обожаемый мною Острожскій, полюбивши моего мальчика Матюшку, хотѣлъ всевозможно его себѣ присвоить; для сего не посовѣстился заводить меня въ долгъ и окончилъ, принудивши, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ дать первый вексель. Чрезъ сей пріятельскій поступокъ шагнувши разъ по мотовской дорогѣ, я не умѣлъ уже никогда съ оной удаляться. Ничего я такъ глупо-

охотно не дѣлывалъ, какъ составленіе вѣчныхъ долговъ, безъ размышленія оные уплачивать. Отъ векселей до закладныхъ, и потомъ до банковыхъ обязательствъ, дошелъ я скорыми шагами. Описывать всѣ происшествія тогдашняго моего времени считаю не нужнымъ; ибо онѣ ничуть незанимательны, еще меньше поучительны. Дни провождать въ трактирахъ, ночи......, быть отчуждену отъ порядочныхъ обществъ, не радѣть о своей должности, угрызенія совѣсти за учиненный поступокъ заглушать поспѣшнѣе другимъ, и такъ отъ напасти стремиться къ другой—дѣло было общее всѣмъ намъ мотамъ. Худшее самое въ семъ родѣ жизни то, что мотовство не иначе остановлялося, какъ совершенно погубивши несчастнаго юношу. Бѣдность, непремѣнная сопутница мотовства, скоро стала быть мнѣ знакома, и, о Боже, до какихъ униженій она меня не доводила! Благодарю Провидѣніе, что и плохое воспитаніе предохранило отъ злодѣяній. Такъ бѣдственно два года проживши, осквернившись всѣми мерзостями распутства, окончилъ я сіе поприще, заключивши себя въ магистратскую тюрьму, что̀ при тогдашнемъ благодѣтельномъ правительствѣ было обыкновеннымъ безразсуднаго юношества удѣломъ.

Не въ оправданіе мотовства, ниже во извиненіе мое и подобной мнѣ братіи, я хочу показать здѣсь нѣкоторыя постороннія причины, способствовавшія въ сіе время распространенію бѣдственныя распусты и гибельнаго мотовства. Я подъ симъ разумѣю благонамѣренныхъ людей, снабжавшихъ деньгами нуждающихся подъ ручные заклады, на векселя, подъ закладъ имѣній, съ самыми умѣренными по десяти на мѣсяцъ процентами.

Банкиры для ручныхъ закладовъ находились изъ всѣхъ состояній, отъ дворянскаго даже до полковыхъ фурлейтовъ; были самые многочисленнѣйшіе и повсемѣстные, такъ что ихъ во всѣ часы дня можно было найти вездѣ, даже въ харчевняхъ и богадѣльняхъ. Нѣкоторые же человѣколюбивѣйшіе ежедневно жаловали въ трактиры, гдѣ проигравшему послѣднія деньги тотчасъ жаловали за часы, табакерку, шубу или фракъ—продолжать окончательно раззореніе. Такъ я часто самъ видалъ, какъ нашея первыя роты цырюльникъ Максимка, согибая свой хребетъ подъ ношею разновидной одежды и обременяя свою десницу узломъ вещицъ, шествовалъ медленно въ казармы, тогда какъ наша братья, весьма облегченная отъ излишняго, бѣжала туда будто въ запуски. А сколько еще невидимо скрылись облегченные до камзоловъ и рубахъ!

Банкиры вексельные были гораздо рѣже и, находясь всѣ въ купеческомъ сословіи, имѣли нѣкоторый родъ конторъ и прикащиковъ, исправляющихъ ремесло лазутчиковъ. Сіи выискивали по городу и гвардейскимъ полкамъ нуждающихся, освѣдомляясь объ ихъ состояніи и возможностяхъ; составляли предварительныя условія, т. е. сколько ихъ хозяинъ можетъ дать въ счетъ извѣстной суммы наличными деньгами, сколько товарами, вещами, мебелями, за какіе проценты и пр. Сихъ лазутчиковъ нехудо можно уподобить ищейнымъ собакамъ, пронюхивающимъ для охотника дичь; съ тою только отмѣною, что въ охотѣ стрѣлокъ идетъ за собакою къ птицѣ, дабы ее застрѣлить, а тутъ ищейка ведетъ мота къ ростовщику, чтобы быть ограблену.

Заимодавцы подъ закладъ имѣній были какъ бы гофъ-банкиры, немногіе и непремѣнно дворяне, старающіеся свои небольшія денжонки превратить въ значущія деревеньки. Для поясненія операцій сихъ человѣколюбцевъ, я представлю просто мое съ однимъ изъ нихъ дѣло.

Въ нашемъ полку многія офицерскія связи занимались благородными семействами; въ томъ числѣ и г. Стромилова, состоящая изъ жены, дочери и своячины, обитала въ 4-й ротѣ. Я, промотавшись уже до того, что остался въ одномъ мундирѣ съ необходимою аммуниціею, принужденнымъ нашелся нанять квартиру въ сей же ротѣ, въ солдатскомъ домикѣ, по 6 рублей на мѣсяцъ съ пищею. Не могучи появиться безъ денегъ ни въ трактирахъ, ни...., я провождалъ скучные осени вечера волокитствомъ по полку, или спаньемъ дома. Въ одинъ вечеръ является ко мнѣ неожиданно нашего баталіона подлѣкарь, слегка мнѣ знакомый. Послѣ первыхъ словъ онъ мнѣ говоритъ, что идетъ отъ г-жи Стромиловой, которая спрашиваетъ меня: почему я съ нею не познакомлюсь, что она обо мнѣ съ нимъ говорила, что она изъ нашея стороны, знаетъ мою мать и родственниковъ и пр. Будучи вельми не мастеръ съ барынями знакомиться, я ему пробормоталъ нѣсколько словъ, на что онъ прибавилъ: она говорила, что она готова пособить мнѣ, въ чемъ нуждаюсь. Сіе, какъ запахъ похмѣльному вина́, тотчасъ возбудило мое вниманіе; и онъ, выспрося у меня, что̀ ему было надобно, обѣщалъ завтра же придти ко мнѣ съ отвѣтомъ. Отвѣтъ былъ самый благосклонный и тягостный: денегъ давали сколько угодно, но требовали на нихъ въ закладъ крестьянъ; закладную, однако, обѣщали всевозможно совершеніемъ облегчить, при пособіи супруга г-жи, который былъ самъ членъ Юстицъ-Конторы.

Увидѣться, уладиться довольно было двухъ дней, и я имѣлъ 500 р.; а г-жа Стромилова на 800 р. закладную на полгода. Не прошелъ мѣсяцъ, еще двѣ закладныя на 600 р. и вексель ея сестрицѣ на 400 р. А всего осчастливленъ я въ семъ благодатномъ домѣ 1500 р. Обязательствъ же съ меня взяли на 4000 р., которые и получили всѣ сполна, какъ помянуто будетъ въ своемъ мѣстѣ. Прочитавши о сихъ операціяхъ, способствовавшихъ мотовству столь дѣятельно, не увидитъ ли безпристрастный читатель, что безъ нихъ число мотовъ было бы гораздо умѣреннѣе? Не будь сихъ грабителей, и кредитъ нашей братьи мотовъ заключался бы весь у булочниковъ и въ лавочкахъ. Иной благочестивый скажетъ: «не сильно было, вольно»; все равно хоть бы винить палимаго горячкою за то, что онъ обопьется холоднаго и умретъ. Не поспорю, что законы есть противъ лихоимцевъ; но не спорьте же и вы, ежели скажу, что они почти всѣ выше сихъ законовъ, и что на одного изъ нихъ наказаннаго вѣрно тысячи погибли ихъ жертвъ.

Говорятъ: «человѣкъ изо всѣхъ животныхъ есть самое привычнѣйшее». Сіе я нѣсколько разъ въ моей жизни испыталъ. Сѣтованіе, видя себя въ заключеніи; воззрѣніе на оборванныхъ солдатъ, обнаженными палашами охранявшихъ выходъ; зависимость отъ ихъ начальника, который самъ не болѣе былъ, какъ гарнизоный унтеръ;

сотоварищество, составленное изъ дворянъ, купцовъ, иностранцевъ, всѣхъ нѣкоторымъ образомъ поровненныхъ; зрѣлище, что тутъ иные ѣли, тѣ пили, другіе въ карты играли, нѣкоторые спали, многіе лежали, и каждый помѣщался беззазорно гдѣ хотѣлъ, производило въ душѣ моей тѣсноту не болѣе недѣли. Ко всему сему привыкъ и два года провелъ въ числѣ тюремниковъ безъ дальняго роптанія. Правда, заключеніе сіе не такъ было строго; корыстолюбіе изъ всего умѣетъ извлекать свои пользы: неоплатные должники давали унтеру годоваго дохода около 5 тысячъ рублей. Тутъ у мѣста сказать нѣчто о несообразности нашихъ узаконеній, силою которыхъ по вексельному праву всякъ, изъ какого бы состоянія ни былъ, несомнительный заимобратель подвергался суду Магистрата, т. е. купеческому сословію. Симъ мечтали ускорить удовлетвореніемъ векселей, но на самомъ дѣлѣ открыли лишь средства къ проволочкамъ, къ злоупотребленіямъ.

Мать моя, узнавши о моихъ мотовствахъ и моемъ уничиженіи, употребила все отъ нея зависящее, дабы вырвать меня изъ моея бездны; но средство ею употребленное не имѣло желаемаго успѣха. Она прислала нарочнаго, честнаго Малороссійскаго маленькаго чиновника, дабы заплатить мои долги и, меня освободивъ, къ ней привезть. Неопытность сего повѣреннаго, достаточное развращеніе моего сердца, особенно корыстныя наставленія моихъ тюремныхъ пріятелей, все сіе оборотили верхъ дномъ. Выплачены закладныя и нѣсколько векселей; но на всѣ у присланнаго денегъ не достало, и потому я остался неподвижнымъ въ Магистратѣ, воспользовавшись на мою часть, за ложно данный вексель, нѣсколькими сотнями рублей. Не могу безъ ужаса вообразить о моей жизни отъ сего времяни, какъ я готовъ былъ на всякое злодѣяніе, и что одинъ недостатокъ только въ случаяхъ не выставилъ меня злодѣемъ.

Въ концѣ 1774 года дворъ отбылъ въ Москву для празднованія торжествъ о заключенномъ съ Турками мирѣ. Мать моя, пріѣхавши туда же съ новопріобрѣтеннымъ своимъ зятемъ Аѳанасіемъ Кириловичемъ Любысевичемъ, бывшимъ генералъ-адъютантомъ у графа Разумовскаго, исходатайствовала мнѣ не только освобожденіе изъ заключенія, но пожалованіе чиномъ и отпускъ въ Москву; для выполненія сего, сама, не пожалѣвши себя, прибыла на почтовыхъ въ Санктпетербургъ. Такъ, вырвавшись изъ бѣды, по неизреченной нѣжности материнской, при покровительствѣ довольно сильнаго моего новаго родственника, я бы конечно могъ все еще исправить, войти въ порядокъ, продолжать службу выгодно и улаживать потихоньку о себѣ дальнѣйшее; но злая моя судьба опредѣлила о семъ иначе.

Зять мой, 45-ти лѣтъ, изъ весьма бѣднаго состоянія, по уму своему и ученію дослуживши полковничья чина, во время служенія за свои достоинства и качества пріобрѣтши дружбу благороднаго вельможи гр. Разумовскаго, его начальника, живши всегда въ большомъ свѣтѣ, зная оный со всѣми его коловратностями достаточно, бывши честенъ и добръ, многихъ молодыхъ людей по покровительству своему выведшій на путь счастія, для меня, однако, ничего не сдѣлалъ, ежели не поставить въ счетъ милостей вывозъ меня изъ Санктпетербурга

съ повышеніемъ унтерства. Буйные мои поступки и ежедневныя съ сестрою распри, можетъ быть, отвратили отъ меня его сердце. На что же доброта души и благотвореніе ближнему? Ежели бы я въ то время могъ нынѣшними, хотя и слѣпнущими уже, очами смотрѣть на свѣтъ и его обороты,—конечно моему милому зятю немного бы труда стоило устроить мое благоденствіе. Миръ праху твоему, любезный Аѳанасій Кириловичъ! Ты самъ, утѣсненный ехидною твоею супружницею, омочивши иногда твоими слезами моихъ несчастныхъ дѣтей, примирилъ меня всесовершенно съ тобою.

Попущеніе своевольствовать.

Проживши въ Малороссіи три мѣсяца, съ окончаніемъ отпуска отъѣзжая въ полкъ, я предоставленъ былъ снова моему собственному о себѣ распоряженію. Вредныя наклонности, неистребленныя, ожили во мнѣ съ новыми силами. Я снова предался необузданному исканію веселостей, наслажденій и скоро снова пустился странствовать по смердящимъ болотамъ распусты. Хотя погруженный въ распусту и преданный всѣмъ порокамъ своеволія, я долженствовалъ бы на ряду съ прочими быть не инымъ чѣмъ, какъ негодяемъ; но Малороссійское и плохое воспитаніе удержало меня отъ всесовершенной погибели: я подъ симъ разумѣю поселенную Кіевскою Академіею во мнѣ любовь наукъ. Принятый въ общество Андреянопольскаго и Острожскаго, о которыхъ уже я говорилъ, кромѣ ихъ ласковостей и часто умныхъ бесѣдъ, значительная библіотека лучшихъ Россійскихъ книгъ, у нихъ имѣвшаяся, немало меня привлекала ихъ посѣщать. Тутъ, не досыпая иногда ночей, познакомился я съ Ролленями, Лесажами, Волтерами и получилъ такое пристрастіе къ чтенію, что никогда никакое занятіе не брало по сей день у меня поверхности надъ онымъ. Такъ, въ караулѣ, въ трактирахъ, въ... я всегда имѣлъ товарищемъ книгу, какъ и въ заключеніи моемъ занимался переводами. По страсти къ чтенію, не трудно повѣрить, что я имѣлъ любопытство и то узнать, чего въ книгахъ не печатали.

Тогдашняя гвардейская служба доставляла любопытнымъ много способовъ научаться. Сословіе офицеровъ составлялося по большой части изъ сыновей знатнѣйшихъ вельможескихъ домовъ. Сіи молодые люди, воспитанные отлично, по связямъ своихъ семействъ и по близкому допущенію ко двору, получая познанія почти изъ источниковъ, предавали оныя нѣсколькимъ низшимъ подчиненнымъ, которыхъ, какъ свою братью дворянъ, особенно хорошо воспитанныхъ, они принимали въ свое сообщество. Богатѣйшіе съ воспитаніемъ же унтеръ-офицеры, выбираясь къ полковымъ начальникамъ безсмѣнными ординарцами, состояли у нихъ какъ бы домочадцы; сопровождая ихъ при всѣхъ выѣздахъ и, принимаясь съ ними, какъ благородные, во всѣ общества и домы, имѣли довольно случаевъ многое видѣть и слышать.

Ученые и знающіе иностранные языки унтеръ-офицеры находились при Иностранной Коллегіи для курьерскихъ посылокъ. Сіи, часто бывая въ чужихъ земляхъ, проживая тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ при

министрахъ и возвратясь въ Отечество, доставляли своей братіи свѣдѣнія, иногда самыя интересныя. Баталіонъ гвардіи, сопровождавшій графа Орлова въ Архипелагъ и довольно времени прожившій въ Италіи, сколько привезъ съ собою прекрасныхъ новостей! Посему, и еще что прилагалъ особое стараніе знакомиться и сыскивать довѣренность иностранцевъ и болѣе Французовъ, читателю моему не покажется затруднительнымъ, что я осмѣливаюсь говорить о политикѣ

Европа, послѣ Кайнарджицкаго мира, находилась на сей разъ въ покоѣ. Португалія, защищенная Англіею отъ нападковъ Гишпаніи, наслаждалась спокойствіемъ и, въ тишинѣ обработывая свои богатыя земли, произведенія ихъ отдавала своимъ покровителямъ, такъ что ее можно было почитать помѣстьемъ Великобританіи. Гишпанія, сблизившись тѣснѣе съ Франціею, продолжала суевѣрствовать и изувѣрствовать, отъ чего какъ внутреннее ея хозяйство, такъ и торговля были въ худомъ состояніи; ибо богатыя ея колоній произведенія и самые металлы выработывала она для Французовъ и Англичанъ.

Франція, къ концу царствованія Людовика XV-го истощенная непрестанными войнами, роскошью двора, хищеніями королевскихъ любовницъ и крайне запутанная въ своихъ доходахъ, не оставляла свое тяготѣніе надъ цѣлою Европою; держалась на проложенной Ришельемъ и Мазариномъ дорогѣ, съ перемѣною только своихъ политическихъ связей, чрезъ тѣснѣйшее соединеніе съ Австріею. Основаніемъ сему положенъ бракъ дофина со дщерію Маріи Терезіи, Маріею Антуанетою; но онъ, не одобряемый тогда же почти всѣми благомыслящими Французами, особенно впавшимъ въ немилость министромъ Шоазелемъ, при неблагоразумныхъ поступкахъ младыя дофины, начиналъ производить всеобщій ропотъ. Наученіе, особенно словесность, по легкости и чистотѣ Французскаго языка, протекши до послѣднѣйшихъ состояній народа, открыли большей части глаза, дабы смотрѣть и видѣть должностныхъ особъ, ихъ дѣянія, ихъ домогательства, въ настоящемъ видѣ, слѣд. совсѣмъ не въ томъ, въ которомъ казало ихъ правительство. Злоупотребленія богатаго Французскаго духовенства, наглое высокомѣріе вышняго дворянства, скоро открылись, какъ одинакій духъ, и расположеніе сихъ сословій отъ нихъ, по естественному наклоненію, неминуемо должно было коснуться престола. Сіе время во Франціи можно было почесть броженіемъ умовъ.

Англія, торжествующая на моряхъ, владычица богатыхъ странъ восточной Индіи, производящая весьма выгодную торговлю со всѣмъ свѣтомъ, старающаяся всѣми позволенными и непозволенными средствами оттѣснять отъ оныя другіе народы, въ сіе время занималась подчиненіемъ своей волѣ свободныхъ Американцевъ, которые, почувствовавъ свои силы, требовали, чтобы ихъ братія Англичане поступали съ ними какъ съ равными, а Великобританія хотѣла ихъ имѣть своими подданными.

Голландія, растучнѣвши отъ своихъ непомѣрныхъ богатствъ, лежала въ безчувственной спячкѣ. Почитаемая между первыми твердой земли и второю морскою державою, на самомъ дѣлѣ была не

7*

иное что, какъ огромный преукрашенный ботъ, прикрѣпленный къ Англійскому военному кораблю.

Италія порабощенная существовала своими развалинами, древними истуканами, картинами, пѣвцами, музыкантами, но сама собою ничего не значила. Папа, отученный отъ притязаній, держался на своемъ сѣдалищѣ однимъ ревнованіемъ государей, нимало его не уважавшихъ.

Германія, въ своемъ древнемъ чудовищномъ составѣ, являла стараго, дряхлаго великана, котораго и свои и чужіе щипали безбоязненно.

Пруссія, вознесенная умомъ, умѣньемъ и отвагою Фридриха II-го на степень вторыхъ Европейскихъ державъ, была въ сіе время, по причинѣ мира, можетъ быть самымъ счастливѣйшимъ государствомъ.

Данія, при благоразумныхъ своихъ правителяхъ, была хозяйственна и покойна.

Швеція, обуреваемая внутри и ослабляемая, ожидала отъ преемника престола перемѣнъ къ лучшему.

Польша, совершенно разлаженная и потерявши значительную часть своихъ земель, которыя присвоили себѣ ея добрые сосѣды, шумѣла, донкишотствовала подъ ферулою Россійскихъ посланниковъ, уготовлявшихъ ей окончательное разрушеніе.

Турція, побитая и униженная Россіею, бросилась отдыхать на диванъ; покорна же будучи предопредѣленію, она не видѣла и не хотѣла видѣть готовимыхъ ей снова сосѣдкою занятій. Несчастные Греки, въ сію войну поднятые и оставленные Россіею, несли одни все мщеніе своихъ жестокосердыхъ мучителей.

Россія, послѣ Петра I-го мало имѣвшая участія въ дѣлахъ Европы, въ царствованіе Екатерины II-я приняла на политическомъ театрѣ дѣйствительную ролю. Она показала себя во уважительной осанкѣ; дружескія же Англіи и Пруссіи расположенія обнадежили ея первую выступь. Внутреннее ея состояніе, хотя необработанное, было неповрежденно и довольно мочно. Изобиліе и дешевизна первыхъ потребностей жизни содѣлывали народъ здоровымъ, веселымъ и на все годнымъ. Торговля, хотя въ рукахъ иностранцевъ, приносила, по причинѣ великаго плодородія земли, важные прибытки. Словомъ, мы столько были внутренно благополучны, что для Семилѣтней оконченной со славою войны не болѣе 30 коп. прибавлено подушныхъ; что цѣны, во все продолженіе войны, ни одною копѣйкою ни на какія вещи не возвысились; что курсъ нашъ держался всегда около 30 штиверовъ; и наконецъ, что деньги, золотыя, серебряныя, мѣдныя и ассигнаціи, ходили для всѣхъ въ своей истинной цѣнѣ.

Екатерина, разстроеніемъ Польши, побѣдами надъ Турками и отторженіемъ отъ нихъ Крыма, сыгравши первое дѣйствіе своея политическія фамы довольно удачно, вздумала народъ свой занять, ослѣпить и Европѣ бросить нѣсколько въ глаза пыли блистательными торжествами и премудрыми, новыми, ежели не законами, то учрежденіями. Для сихъ важныхъ дѣлъ назначена была древняя столица и цѣлый 1775 г.

Мелодрамма открылась наряднѣйшимъ Императрицы въѣздомъ въ Москву, предшествуемой и сопутствуемой блистательнымъ дворомъ, видными полками тѣлохранителей и безчисленнымъ народомъ. Торже-

ственные врата, взгроможденные, на скорую руку, хотя изъ лубковъ и рогожъ, но раскрашенные, раззолоченные и въ приличныхъ мѣстахъ убранные соотвѣтственными предмету картинами, восхищали всѣхъ до безумія; къ чему присоединя военную музыку, колокольный звонъ и пушечную пальбу, каждый можетъ себѣ вообразить, что сіе очаровательное явленіе, не взирая на лютую зиму, было безподобно.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ Государыня, при торжественномъ засѣданіи въ Сенатѣ, пожаловала народу 47-мь милостей. Сіи милости, для овѣковѣченья ихъ внесенныя въ государственную хронологію, тогда же, по сужденію нѣкоторыхъ крутыхъ головъ, не стоили ни одной дѣльной. Затѣмъ скоро появилося новое учрежденіе, или совершенное преобразованіе правительственной махины. Все переновлено, даже до наимянованій: губерніи названы намѣстничествами, губернаторы правителями, воеводы городничими и пр. и пр.

Судебныя мѣста умножены съ умноженіемъ въ нихъ чиновниковъ, такъ что иная губернія, управляемая прежде 50-ю чиновниками, раздѣлившись по сему учрежденію на четыре намѣстничества, въ каждомъ имѣла до 80 судей. Умноженіе судейскихъ мѣстъ, конечно, открыло многимъ бѣднымъ семействамъ средства къ существованію, ибо жалованье по тогдашнему времяни назначено было довольно достаточное; но грубой хлѣбопашецъ скоро почувствовалъ отъ сея перемѣны невыгоду: поелику, вмѣсто трехъ барановъ въ годъ, должны возить ихъ до 15-ти въ городъ.

Учрежденіе Совѣстнаго Суда, съ важнымъ преимуществомъ рѣшать дѣла безъ переносу, въ рѣшеніяхъ придерживаться болѣе совѣсти, нежели закона, дѣла по суевѣрію или изувѣрству, дѣла слабоумныхъ и малолѣтныхъ, которыя составляли важнѣйшую его обязанность, заставило во всей Европѣ пропѣть и вострубить Екатерину мудрость. Славный тогда Мерсье сгоряча написалъ: «Заря благоденствія рода человѣческаго занялась на Сѣверѣ. Владыки вселенныя, законодатели народовъ! Спѣшите къ полуночной Семирамидѣ и, преклонивъ колѣна, поучайтесь: она первая учредила судъ совѣсти!» Но мы, Россіяне, для которыхъ собственно великая законодательница изобрѣла сіи спасительные суды, мы скоро на свой счетъ узнали, что они были одна кукольная игра. Какихъ дарованій, знаній не долженствовалъ имѣть совѣстный судья по однимъ дѣламъ колдовства, которое въ невѣжествующей черни сколько многочисленно, столько по нелѣпостямъ и сумазбродствамъ разновидно! Бывали примѣры, что, по слѣдствіямъ Земскихъ Судовъ, цѣлыя селенія обнаруживались преступными въ колдовствѣ; одни какъ колдуны, другіе заколдованные, утверждающіе сіе своими собственными признаніями. Какое искусство, какая сила рѣчи потребны судьѣ, дабы образумить сихъ несчастныхъ и истребить въ нихъ вредныя нелѣпости, ставшія имъ какъ бы врожденными! Касательно разбирательства тяжебныхъ дѣлъ, сіи одни, конечно, могли бы существенную доставлять обидимому пользу, ежели бы учрежденіе точнѣе уполномочивало сей судъ въ производствѣ дѣла. Когда одинъ изъ тяжущихся, и несомнительно справедливѣйшій, желалъ предать разбирательству Совѣстнаго Суда

свое дѣло: тогда другой, и непремѣнно виновный, отъ онаго отказывался; и суду не только не дано силы его принудить къ явкѣ, но ниже права его позвать, или записать и сдѣлать гласнымъ его злонамѣренное сопротивленіе. Такъ желаніе благонамѣренныхъ быть судиму по совѣсти уничтожалося, и ябедники безбоязненно продолжали угнетать безпомощныхъ. Можно утвердительно сказать, что, во все время существованія сихъ судовъ, едва ли десять дѣлъ произведено въ оныхъ надлежащимъ образомъ. Я, четыре года живши въ домѣ совѣстнаго Уфимскаго судьи, видѣлъ, какъ его Алешка, бутузъ, гонялъ со двора несчастныхъ Чувашъ и Мордвовъ, притекавшихъ къ совѣстному правосудію; какъ судія самъ хвасталъ, что въ двѣнадцать лѣтъ его судейства и двѣнадцати дѣлъ не поступило въ судъ. По навѣдываніямъ, въ другихъ губерніяхъ совершалось тоже.

Привиллегіи дворянству и городамъ.

Важнѣйшимъ и точно полезнымъ пожалованіемъ можно бы почесть правà и преимущества, дворянству и городамъ данныя, ежели бы мы умѣли читать и понимать. Въ другомъ Европейскомъ народѣ подобныя узаконенія произвели бы неминуемо во всемъ полезныя перемѣны, но Екатерина знала основательно своихъ Россіянъ и твердо была увѣрена, что они не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое счастіе, но не поймутъ ни содержанія, ни силы ея благоволенія, и что она, не отваживая ни малѣйше симъ смѣлымъ поступкомъ своего самодержавія, броситъ пыль въ глаза Европы и обморочитъ потомство. Сіе все въ точности воспослѣдовало: во всѣхъ собраніяхъ дворянства, кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо. Люди благонамѣренные, съ знаніями и душами, или правительствомъ подъ различными видами устраняемы, или, ежели случались во оныхъ, были заглушаемы кликами черни. Такъ, скажу смѣло, и всякъ благомыслящій меня одобритъ, что у насъ людей со свѣдѣніями весьма немного тогда было, потому что одни лучшіе и достаточнѣйшіе домы чрезъ воспитаніе доставали знанія, что изъ сихъ домовъ наполнялися дворъ, гвардія и важнѣйшія мѣста въ столицахъ, и что въ губерніяхъ таковыхъ особъ было весьма мало; жившее же въ деревняхъ дворянство, по грубости своей и бѣдности, рѣдко даже бывавшее въ своихъ уѣздныхъ городахъ, съ нуждою наученное читать и писать, не справедливо ли я назвалъ чернью? И сія-то благородная чернь, будучи самая людная, составляла дворянскія собранія!

Надобно отдать Екатеринѣ справедливость, что, въ нѣсколькихъ дворянства съ правителями распряхъ, она принимала сторону дворянъ; но сіи борьбы были маловажны и рѣдки: ибо, по духу рабствованія и невѣжества дворянъ, правители гнули и вертѣли его, какъ податливой тальникъ, во всѣхъ смыслахъ. Вотъ одна изъ истинъ, которая многимъ моимъ соотечественникамъ не понравится; но по совѣсти скажите, выдумалъ ли я ее? Нужны ли вамъ доказательства? Я приглашаю каждаго честнаго и безпристрастнаго человѣка повѣ-

рить строгимъ пересмотромъ собранія ихъ губерній. Впрочемъ настояніе мое о семъ есть совершенно напрасное: собранія сіи, существуя болѣе тридцати лѣтъ *), нисколько не улучшились, т. е. не научились не только болѣе цѣнить общественную пользу или о ней радѣть, но, предавшись повсемѣстному стремленію, также

«всѣмъ торгуютъ,
«да и въ усъ не дуютъ».

Съ сего времяни Екатерина перестала себя слишкомъ принуждать и, въ четырнадцать лѣтъ владычества высмотрѣвши, что народъ Русскій есть самый повадливый и нещекотливый, пустилась наслаждаться всѣмъ, безъ многихъ оглядковъ. Любимцы ея не имѣли до сего никакого важнаго значенія въ правительствѣ: Орловъ, не взирая на то, что онъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-адъютантъ и подполковникъ конной гвардіи, по дѣламъ почти былъ непримѣтенъ, и до того скроменъ, что въ каждый праздникъ ѣздилъ съ утреннимъ, по тогдашнему заведенію, поздравленіемъ ко всѣмъ вельможамъ. Но въ сіе время возсіявшій полный генералъ, графъ и скоро князь Потемкинъ, принявъ во управленіе вообще всю военную часть и особенно гвардіи Преображенскій полкъ, сдѣланъ Новороссійскимъ намѣстникомъ, съ неограниченною властію созидать, разрушать, не даючи въ томъ никому никакого отчета. Сей честолюбецъ, овладѣвши сердцемъ и умомъ своея Государыни, видя, что вельможи, по причинѣ низкости его происхожденія, не уважаютъ его возвышенія, рѣшился и въ короткое время успѣлъ всѣхъ знатныхъ бояръ удалить отъ двора и наполнить оный, гвардію и всѣ важнѣйшія мѣста своими приверженцами. Князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, по гражданской части былъ истинный визирь, владычествуя самовластно не только въ губерніяхъ, но и въ самомъ Сенатѣ. Описывать дѣянія сихъ двухъ мощныхъ сатраповъ здѣсь не мѣсто; я упомяну о семъ въ свое время; теперь же поставляю нужнымъ сказать нѣсколько о тогдашней нравственности.

Вѣра, не тронутая въ своемъ составѣ, начинала въ сіе время нѣсколько слабѣть: несодержаніе постовъ, бывшее доселѣ въ домахъ вельможескихъ, начинало уже показываться въ состояніяхъ низшихъ, какъ и невыполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ съ вольными отзывами на счетъ духовенства и самыхъ догматовъ, чему виною можно поставить тѣснѣйшее сообщеніе съ иностранцами и начавшія выходить въ свѣтъ сочиненія Волтера, Ж. Ж. Руссо и другихъ, которыя читалися съ крайнею жадностію.

Нравы посему же хотя начинали умягчаться, но съ тѣмъ вмѣстѣ и распуста становилась виднѣе. Многія женщины, особливо изъ знатности, имѣли гласныхъ любовниковъ; мужчины въ семъ отъ нихъ не отставали; волокитство, хотя съ тонкостію, шло своимъ чередомъ;..... умножались ненапрасно. Но со всѣмъ тѣмъ публичныя забавницы не смѣли еще являться подъ своею собственною вывѣскою, или по-

*) Слѣдовательно Записки писаны послѣ 1815 года. *П. Б.*

мѣщаться въ порядочныхъ обществахъ; никто еще не отважился тщеславиться содержаніемъ дѣвки, кольми паче жить съ нею въ однихъ покояхъ и являть ее хозяйкою. Сіе не только было зазорно, но и подвергало молодаго человѣка отвѣтственности.

Роскошь примѣтна была только у знатныхъ и богатыхъ людей; ибо другія состоянія, не познакомившись еще съ утонченностію сластолюбія и сладострастія, хотя сладко пили, ѣли, щегольски одѣвались, но сіе по тогдашнему времяни не могло составлять важныхъ издержекъ; щегольство же мебелями, экипажами, картинами, истуканами и проч. было еще весьма рѣдко.

Корыстолюбіе, со всѣмъ своимъ племенемъ, единовременное, можетъ быть, всѣмъ человѣческимъ обществамъ, въ невѣжествующемъ народѣ, конечно, имѣло всю свою дѣятельность. Мы имѣли уже въ купеческомъ отдѣленіи своихъ Гарпагоновъ, Каржавиныхъ, Чечулиныхъ; въ подъяческомъ родѣ взяткобраловыхъ, которые, пробившись и въ вышніе степени, не измѣняли своей крови. Таковые были: Терскіе, Ананьевскіе, Бѣльскіе; но самое взяткобрательство было въ тогдашнія времяна весьма еще маловажно, какъ по цѣнѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ: ибо оно по большой части относилося къ тяжебнымъ дѣламъ, гдѣ одна сторона платила, дабы другую раззорить, или къ откупамъ, къ подрядамъ, къ поставкамъ и пр. и пр.; покупкаже чиновъ, мѣстъ, должностей вельми еще тогда была необыкновенна. Правда, получалися и сіи не всѣми законно, но доставляло ихъ одно покровительство вельможей, которыхъ тогда еще не подкупали, да и знакомство съ ними не для всѣхъ было удобовозможно.

Возвращеніе на прежнее.

Возвратившись въ концѣ Іюля въ Москву, я былъ зрителемъ и нѣсколько участникомъ блистательныхъ торжествъ и веселій, которыя описывать, однако, считаю не нужнымъ; ибо въ нихъ, кромѣ обыкновеннаго, ничего не замѣчалося особеннаго. Для сего торжества Императрица пожаловала свою гвардію позволеніемъ облегчиться ей отъ многочисленнаго дворянства, выпускомъ въ армію и отставкою.

Я не пропустилъ случая сдѣлаться всесовершенно свободнымъ, чтобы вести ничтожную жизнь; ибо признаться долженъ, что я испросилъ себѣ увольненіе отъ службы, не имѣя начисто ничего въ предметѣ. Старинный мой знакомецъ г. Острожскій, столкнувшись со мною въ Москвѣ, пригласилъ жить съ нимъ вмѣстѣ, на что я согласился тѣмъ охотнѣе, что сей человѣкъ, не смотря на то, что по навожденію его сажали меня въ Магистратъ, былъ мною всегда любимый, какъ единомысленникъ и сочувственникъ мой. Еще отставка моя не воспослѣдовала, а казна моя была уже истощена; по сему одному соединеніе мое съ г. Острожскимъ сдѣлалося для меня необходимостію. Онъ, продолжая по прежнему адвокатствовать, велъ жизнь почти Петербургскую, т. е. мы ѣли, пили сладко, засыпали весело, не заботясь о будущемъ. Я, напуганный Магистратомъ, въ Москвѣ остерегался заводить долги, и для сего бѣгалъ всѣхъ зна-

комствъ, довольствуясь быть въ сообществѣ поповъ и провождая время въ волокитствѣ за попадьями. Годъ проживши такимъ образомъ и истощившись гардеробомъ, чему одному г. Острожскій не могъ пособлять, я рѣшился наконецъ отъѣхать въ Малороссію. Доброхотные извощики, знающіе моихъ родственниковъ, свезли меня въ Почепъ со всѣми отъ себя издержками.

Опасныя слѣдствія распусты.

Не долженъ пропустить здѣсь происшествія, въ которомъ не отъ меня зависѣло, ежели я не учинился злодѣемъ. По связямъ моего товарища Острожскаго, одинъ изъ его знакомцевъ, Петербургскій Нѣмчинъ Фридрихъ Таубертъ, молодецъ, можно сказать прошедшій сквозь огнь и воду, на ту пору въ Москвѣ бывшій шляпникомъ, сильно мнѣ не нравился за его наглое стараніе обманывать моего товарища. Открывши ясно г. Острожскому его мошенничества, я мало успѣлъ, и г. Таубертъ, умѣя все употребить для своего поддержанія, не поскупился и своею женою.

Къ концу моего въ Москвѣ пребыванія, товарищъ мой все узналъ, да поздно, и Таубертъ открытый, но сдѣлавшій свое дѣло, продолжалъ нахальное свое съ нимъ знакомство, бывая часто у насъ. Онъ столько же на меня злился, сколько и я его ненавидѣлъ; но въ Москвѣ онъ меня устранялся, я его удалялся; а потому враждованіе наше было безъ всякихъ слѣдствій.

Въ день моего выѣзда, товарищъ мой, хозяинъ и еще нѣсколько нашихъ знакомыхъ, вздумали проводить меня до заставы, и когда мы уже готовы были выходить, — вдругъ является на лихомъ извощикѣ и довольно нагрузивши голову Таубертъ, будто бы проститься со мною. Я поцѣловался сухо, садясь на большія дрожки съ хозяиномъ и думалъ, тѣмъ дѣло кончилось. Но, пріѣхавши къ заставѣ въ сумерки, когда мы расположились выпить кой-что привезенное для прощанья, явился между нами, съ обыкновеннымъ своимъ безстыдствомъ, и Таубертъ. Закипѣлъ было я, будучи уже гораздо заполпьяна, но удержанный хозяиномъ, успокоился, продолжая съ нимъ бесѣдовать.— Такъ прошло нѣсколько минутъ, и я хотѣлъ было совсѣмъ распрощаться и ѣхать, какъ, взглянувши въ сторону, вижу, что мой Острожскій, въ хмѣлю весьма неспокойный, споритъ съ Таубертомъ. Воспламенясь снова, подхожу и начинаю тѣмъ, что ударомъ по головѣ Тауберта сшибаю съ него шляпу, подъ видомъ, какъ онъ смѣетъ стоять предъ офицеромъ въ шляпѣ? Онъ бросается на меня, но отъ втораго удара катится къ своимъ дрожкамъ; я, считая бой конченнымъ, обращаюсь къ своей компаніи; сія, торопливо и не прощаясь уже со мною, садится на коней и уѣзжаетъ. Возвращаясь, чтобы найти Острожскаго, вижу опять Тауберта, держащаго что-то свѣтлое въ рукѣ и крадучись подходящаго. Я, обѣжавши тѣнью на его сторону, схватываю его за горло, отнимаю у него старую, обнаженную однакоже шпажонку, бросаю ее въ сторону, тузю его, онъ меня, повергаю его къ моимъ ногамъ, но онъ вывертывается, бѣ-

житъ къ дрожкамъ, садится и уѣзжаетъ; я же, преслѣдовавши его въ темнотѣ, набѣгаю на заборъ и нехотя останавливаюсь.

Постоявши нѣсколько и намѣреваясь уже воротиться къ огню, слышу двухъ разговаривающихъ не очень далеко отъ меня въ правой сторонѣ; прислушиваюсь, отличаю ясно голосъ Таубертовъ, устремляюсь на него; но чувствую себя удерживаема сзади, при словахъ: «куда вы, сударь?» оборачиваюсь; это былъ мой Ванька. Велю ему за собою слѣдовать; въ молчаніи подкрадываюсь къ дрожкамъ и слышу слова: «нѣтъ, не ѣду, не доконавши его»; бросаясь на говорящаго, схватываю его за волосы. Лошадь отъ испугу помчалась; задѣвши меня колесомъ, опрокинула на землю и моего врага, держимаго мною крѣпко за волосы. Для полнѣйшаго наказанія мнѣ желалось имѣть свидѣтелемъ моего товарища. Для сего поверженнаго мною на землю злочинца потащили мы съ Ванькою къ нему. Но по причинѣ темноты сбившись въ поворотахъ, вмѣсто заставы, бывшей отъ меня конечно не далѣе ста шаговъ, я пустился поперекъ поля къ Серпуховской дорогѣ.

Таща и по времянамъ тузя нашего плѣннаго довольно долго и не только не приближаясь къ заставѣ, но видя или, лучше чувствуя себя совершенно въ пустомъ мѣстѣ, я опомнился, бросилъ страдальца и, схватя Ваньку за руку, ударился съ нимъ почти бѣжать. Темнотою однако паки запутанный, отправился я въ лѣво и, шедши болѣе часа около заборовъ и нѣсколькихъ строеній, началъ слышать бой часовъ еще лѣвѣе и скоро, по представившемуся мнѣ огромному строенію съ высокими башнями, догадывался я, что нахожусь у Симонова монастыря. Затрепеталъ я во всемъ моемъ существованіи, сообразя всѣ происшествія сея гибельныя ночи. Собравшись нѣсколько съ мыслями, первое что̀ сдѣлалъ, обратился, чтобъ вѣрнѣе идти къ заставѣ.

Въ тогдашнемъ моемъ нарядѣ и съ моимъ видомъ, всякъ почелъ бы меня разбойникомъ. Испачканный кровью халатъ, изорванная такая же рубаха, растрепанные, дыбомъ стоящіе волосы, почти босый (ибо бывшіе на мнѣ для дороги туфли въ барахтаньѣ потеряны), пробираясь по усталости весьма медленно къ желаемой заставѣ, я размышлялъ съ ужасомъ о всѣхъ происшествіяхъ и боялся болѣе всего, не убитъ ли Таубертъ? Въ семъ треволненіи, при начинавшей свѣтать ночи, увидалъ мой Ванька и показалъ мнѣ идущаго на насъ довольно скоро человѣка, отъ котораго едва увернувшись къ случившемуся тутъ забору, я примѣтилъ, что это былъ мой Нѣмчинъ, выбитый по видимому изъ памяти, направлявшій свои стопы отъ Москвы прямо въ поле. Обрадовавшись неимовѣрно, что буйство мое не сотворило меня убійцею, я попустилъ ему удалиться и, отошедши нѣсколько отъ того мѣста, сѣлъ отдохнуть. Звонъ въ Москвѣ къ заутренямъ поднялъ меня въ походъ, и я съ великою нуждою на зарѣ прибился къ постоялымъ дворамъ, находящимся у заставы, гдѣ нашелъ извощиковъ моихъ, выпрягши лошадей, спящихъ; товарища же моего въ моей повозкѣ храпящаго. Разбудивши всѣхъ, пока запрягли коней, я пересказалъ Острожскому все мое похожденіе; потомъ, простясь съ нимъ, пустился печально въ мой путь.

Вотъ происшествіе, котораго я никогда не могу вспомнить безъ содроганія и не знаю самъ, почему оно такъ тяжело лежитъ на моей душѣ; развѣ потому, что я точно былъ обидчикъ и сея обиды никогда ничѣмъ на загладилъ? При воспоминовеніи гораздо важнѣйшаго побоища, какъ будетъ сказано ниже, я гораздо бываю равнодушнѣе; можетъ быть потому, что тутъ и мнѣ досталось препорядочно, и обиды заплачены по возможности.

Мать моя искренно обрадовалась моему возвращенію и отъ радости плакала, видя меня при золотомъ темлякѣ. Обстоятельства мои между тѣмъ были самыя хлопотливыя. Мать, для выкупа меня изъ Магистрата, принуждена была не только все скопленное издержать, но многое продать или заложить, такъ что, по возвращеніи моемъ въ Почепъ, я нашелъ мое имѣніе состоящее въ одномъ огромномъ, но пустомъ городскомъ домѣ, въ плохой мельницѣ и въ нѣсколькихъ семьяхъ крѣпостныхъ людей. Къ тому, вотчимъ мой на меня гнѣвался, и зять сердился, такъ что мнѣ и пріютиться было негдѣ. Другой на моемъ мѣстѣ тихостію, угожденіемъ, старался бы сіе неблагопріятствованіе исправить, что̀ и не вельми затруднительно было; но моя буйная голова придумала со всѣми ссориться, бороться и начало сему учинила, помѣстивши меня въ пустомъ домѣ.

Какъ люди мои, по причинѣ нашего всегдашняго въ дѣтствѣ житья въ домѣ вотчимовомъ, жили и въ сіе время у него же, а нѣкоторые у сестры, я тотчасъ рѣшился перезвать ихъ къ себѣ; но, учинить сего добрымъ порядкомъ не могши, увидѣлъ я явившихся ко мнѣ однихъ мужчинъ безъ женъ и дѣтей; отъ сего жилище мое походило на запорожскую сѣчь. 18 человѣкъ мужчинъ и ни единыя женщины, не имѣя ни основательнаго содержанія, ни должнаго занятія, всегда праздные, часто пьяные, не воспящаемые ни въ какихъ шалостяхъ, скоро стали страшны всему городу.

Ежелибы описывать всѣ дѣянія, учиненныя мною въ сей бѣдственный годъ, можно бы ими наполнить нѣсколько тетрадей. Все то, что̀ буйная распуста имѣетъ отвратительнѣйшаго и порочнѣйшаго, производимо было мною безъ малѣйшаго зазрѣнія. Ни чинъ, ни лѣта, ни родство, ни знакомство, не защищали никого отъ моего буйства. Дюжій самъ по себѣ и подкрѣпляемый 18-ю забіяками, на что я не отваживался? Сколько разъ я былъ близокъ сдѣлаться убійцею и убитымъ, что̀ особенно хочу изъяснить въ приключеніи монастырскомъ.

Острожскій, пріѣхавши по своимъ дѣламъ въ Стародубъ, вздумалъ посѣтить меня въ Почепѣ. Что отпраздновали мы съ нимъ нѣсколько Діонисіякъ со всѣми принадлежностями, сіе само собою разумѣется. На одной изъ нихъ случился подгороднаго Костянскаго монастыря строитель, чернецъ во всемъ смыслѣ. Знакомство и пріязнь свести ничто не препятствовало. Приглашеніе посѣтить святаго отца въ его кельѣ принято безъ прекословія, и на выполненіе онаго провожаніе пріятеля стало предлогомъ.

Въ ясный осенній день, послѣ обѣда, на тройкѣ удалыхъ, съ тремя залетными молодцами, отправился я провожать гостя. За обѣдомъ и при выѣздѣ выпито было, видно, порядочно; поелику я, прибывши въ

обитель, едва могъ различать предметы. На бѣду, товарищъ мой въ хмѣлю былъ одинъ изъ задорнѣйшихъ; а тутъ случился въ гостяхъ какой-то панокъ, съ которымъ у Острожскаго моего скоро начался диспутъ, а тамъ и сраженіе.

Я, богословствуя съ отцемъ-смотрителемъ, былъ въ самомъ дружескомъ расположеніи; но, увидѣвши моего друга, какъ и въ Москвѣ обижаема, бросился на несчастнаго его противника и, однимъ ударомъ кулака сразивши съ ногъ и лишивши его памяти, готовился топтать ногами. Строитель и двое собесѣдовавшихъ монаховъ кинулись меня удержать. Тутъ, закипѣвъ отъ ярости, я самъ не знаю въ точности, чтó происходило. По разсказамъ же людей и монаховъ, у отца-эклезіарха съ перваго моего размаху бурая будто отгорѣла; у отца-строителя два зуба пошатнулись. Люди мои, услышавши драку, ворвались въ монастырь, и тутъ уже началося настоящее побоище. Я, разогнавши монаховъ по саду и явившись неожиданно между убійцами на монастырѣ, встрѣченъ былъ всѣмъ, чтó только служкамъ попадалося въ руки, изъ которыхъ одна вещица, видно довольно полновѣсная, растворивъ мнѣ на двое лобъ, столкнула на землю; и людямъ моимъ, также избитымъ, не осталось инаго дѣлать, какъ спасать мое великотѣлесіе; почему, вытащивши меня кой-какъ за монастырскіе вороты и вваля въ повозку, отправились въ городъ.

Проспавши мертвымъ сномъ до утра, я содрогнулся, приведя на память происшествіе вчерашняго дня, и по вопросамъ объ окончаніи сраженія почти на вѣрное полагалъ кого-нибудь убитымъ. Но милость Божія явилась еще на мнѣ: посланный для освѣдомленія возвратясь донесъ, что безбородыхъ, беззубыхъ, съ переломанными боками и ребрами находилось довольно; но убитыхъ, даже тяжело раненныхъ, ни одного. Сіе доставило мнѣ нѣкоторую отраду, хотя посолъ мой пересказывалъ притомъ, что святые отцы сочиняютъ на меня жалобницу и грозятся ничего не пожалѣть для обнаруженія моего разбойничества.

Вечеромъ, съ завязанною головою, въ сотовариществованіи одного извѣстнаго законника, пустился я въ обитель для утушенія сего дѣла. Затрудненій представили очень много; но стараніемъ и убѣжденіями искуснаго моего адвоката все пошло гораздо лучше, нежели я думалъ, особенно когда я показалъ на моей офицерской башкѣ преогромный провалъ. Окончилось все порядочною вечерею, за которою я, по великодушію, монастырю поднесъ на молитвы нѣсколько осмачекъ гречихи и раненымъ нѣсколько рублей. На другой день я отправился лѣчиться въ Стародубъ, а монахи вылѣчились, какъ знали, дома. Такъ кончился одинъ изъ гибельныхъ моихъ подвиговъ, гдѣ явнымъ милосердіемъ Божіимъ удержано смертоубійство. Послѣ сего, истощенный во всемъ, я принужденъ былъ вести жизнь гораздо тишайшую, хотя не добродѣтельнѣйшую.

1776 годъ въ жизни моей есть одинъ изъ достопамятнѣйшихъ тѣмъ, что отъ буйства моего въ семъ году лилися слезы и нѣсколько кровь моихъ братій, чего ни до того, ни послѣ почти никогда уже не случалось. Я самъ себѣ удивляюсь, когда подумаю, какъ могъ я тогда

сдѣлаться столько жестокосердымъ. По природѣ моей не только бить самому, но и видѣть наказанія, было всегда и есть теперь тягчайшее для моея души. Какъ справедливо написано: «въ порокахъ и злодѣяніяхъ первый шагъ нѣсколько затруднителенъ!» Какъ, шагнувши разъ, всякъ быстро потечетъ ко злу! А возвратъ? Сколько рѣдокъ, столько и труденъ.

Говори, пой, кто хочетъ, обманывай несчастныхъ смертныхъ, будто человѣкъ по природѣ ни худъ, ни добръ, тѣмъ и другимъ дѣлается по воспитанію; но, взойдя всякъ въ безпристрастное розысканіе своихъ дѣяній и чувствованій, не долженъ ли будетъ по совѣсти признаться, что онъ всегда открываетъ въ себѣ болѣе наклонности ко злу, нежели къ добру? Самое лучшее, бдительнѣйшее, по истинной философіи учрежденное воспитаніе куда направляетъ все свое вниманіе и тщаніе? Не къ воспрепятствованію ли усилиться худымъ влеченіямъ дитяти, а не ко усиленію добрыхъ? Дитя, еще у сосцовъ матери, какъ скоро начинаютъ его члены дѣйствовать, тотчасъ все попадающееся въ его ручонки любитъ рвать, истреблять, терзать. Попустимъ сіе его несмыслію; но двугодичный младенецъ, понимающій уже съ нимъ говорящихъ, умѣющій самъ изъяснять свои надобности, къ чему болѣе являетъ наклонность: созидать, питать, или разрушать и истреблять? Кто болѣе и охотнѣе мучитъ несчастныя слабыя творенія, какъ не дѣти? Съ самыхъ сихъ лѣтъ до возмужалости, наставники, учители, чѣмъ болѣе заняты касательно своихъ питомцевъ, утвержденіемъ ли ихъ въ добрѣ, или удаленіемъ отъ зла? Представимъ разительнѣйшія доказательства. Пустимъ въ свѣтъ двухъ 18-и лѣтнихъ юношей, съ одинакими сколько можно, душевными и тѣлесными качествами, изъ коихъ бы одинъ былъ воспитанъ по строжайшимъ правиламъ Ж. Жака или Жанлисы, а другой только наученный слегка грамотѣ. Перваго, какъ достаточно наставленнаго въ знаніи зла, со всѣми проистекающими отъ него бѣдствіями, и добра, съ доставляемымъ отъ него благоденствіемъ, попустимъ жить, безъ всякаго надзора; другаго же, какъ истиннаго невѣжду, подчинимъ власти надежнѣйшихъ наставниковъ. Пять лѣтъ достаточны для опыта; и вы увидите, что первый едвали удержитъ четверть пріобрѣтеннаго добра, а другой едвали столько потеряетъ зла; и оба навѣрное научатся лицемѣрить. «Изъ всего въ природѣ ужаснаго человѣкъ есть ужаснѣйшее».

Буйная моя Почеповская жизнь истощила окончательно всѣ средства къ моему въ Малороссіи существованію. Домъ, мельница и вся худоба перешли къ другимъ. Въ такой крайности, иной на моемъ мѣстѣ по необходимости поискалъ бы у родственниковъ, которые точно готовы были мнѣ помочь, даже зять самъ заговаривалъ о примиреніи; но своеволіе, наполнявши всю мою душу, направило мои мысли къ такому предпріятію, которое одинъ злѣйшій мой врагъ могъ бы только мнѣ присовѣтывать.

Я рѣшился ѣхать въ Санктпетербургъ, не имѣя ни средствъ там себя содержать, ниже какой-либо надежды улучшить мое положеніе службою или опредѣленіемъ къ какому мѣсту. Бѣдная моя мать, тер-

пѣвши много отъ моихъ безпутствъ, хотя о семъ никогда на меня не роптала, согласилась на мое бѣдственное предпріятіе, уловленная моими лживыми обѣщаніями, что я ѣду точно для опредѣленія себя въ службу.

Сіе послѣднее мое разставанье съ Малороссіей совершалося въ Февралѣ 1777 года. Бѣдная кибитчонка, пара плохихъ лошаденокъ потащили меня кой-какъ, въ сотовариществованіи одного Степушки, въ градъ Смоленскъ. Сей путь я нарочно избралъ, какъ болѣе соотвѣтствующій моей казнѣ и на которомъ мое плохое состояніе менѣе подвергало оскорбленію мое самолюбіе.

Дорога на наемныхъ, по лѣсамъ Смоленскимъ и болотамъ Псковскимъ, при роздыхахъ и ночеваніи въ бѣдныхъ избушкахъ, вельми была не на мой Сибаритскій вкусъ; но перемѣнить сего было нечѣмъ, и я въ три недѣли насилу дотащился до Санктпетербургской Ямской.

Расплатившись съ извощикомъ, по справкѣ—казны моей боярской осталось у меня на лицо 35 р., въ вещахъ ничего важнаго, одежды и бѣлья сотни на три. Не выходя еще изъ Ямской и невольно обративши взоръ на мое положеніе, я видѣлъ себя уже на валахъ бурнаго Сенктпетербургскаго моря, безъ малѣйшей надежды не только плавать по оному безопасно, ниже возвратиться вспять.

Я всегда предчувствовалъ бѣдствія и напасти, мнѣ случавшіяся; но избѣгать ихъ никогда не могъ, какъ бы насильно увлекаемый злымъ демономъ. По совершеніи несчастія, разсматривая обстоятельства ему предшествовавшія, всегда открывалась при нихъ возможность увернуться отъ бѣды, и иногда такъ, что одинъ только шагъ въ сторону, или одна коротенькая записочка все дѣло могла бы поправить; и я, почти увѣренный въ томъ, шелъ однако къ разверзшейся предо мною пропасти. Во всѣхъ моихъ несчастіяхъ, сколько мнѣ ихъ ни случалось, хотя по строгому розысканію, я ни одного по справедливости не заслужилъ; но во всѣхъ же однако я самъ и одинъ былъ виною, что оныхъ не избѣгъ: ибо по совѣсти не могу сказать, чтобы оныя были часто нападки злой судьбы. Къ оправданію или, лучше, къ утѣшенію моему, не нахожу иного сказать какъ: въ сихъ случаяхъ я былъ предопредѣленный Турокъ.

Не умѣвши въ мое первое пребываніе въ Санктпетербургѣ составить порядочныхъ знакомствъ, въ теперешнее я и надежды уже не имѣлъ къ тому; ибо всякъ бывалый въ столицахъ знаетъ, сколько для бѣдняка трудно дѣлать знакомства съ порядочными людьми, которые обыкновенно, преобременены будучи своими собственными дѣлами, нуждами, весьма неохотно составляютъ новыя знакомства. Наоборотъ, сколько сіи трудны, столько ничтожныя, ведущія часто къ гибели, часты и легки; такъ что на пріобрѣтеніе знакомства одного порядочнаго чоловѣка иногда потребно нѣсколько мѣсяцевъ, ничтожныхъ же нѣсколько десятковъ составишь въ одинъ день, съ тою еще странностію, что въ первыхъ, кромѣ стараній, всегда открываются затрудненія, другія же безъ малѣйшихъ попеченій ладятся и будто сами собою клеятся, улаживаются. Все сіе случилося со мною самимъ, слѣдовательно и извѣстно мнѣ изъ собственныхъ опы

товъ. Чтобъ сблизиться съ почтеннымъ, умнымъ, добрымъ землякомъ г-мъ маіоромъ Вербицкимъ, при одобреніи меня ему стариннымъ его другомъ г. Адреянопольскимъ, я въ годъ не болѣе успѣлъ, какъ могъ только посѣщать его свободно; но удостоиться быть его приснымъ никакъ не могъ. Въ три года теперешнія моея жизни въ Санктпетербургѣ, кромѣ г. Вербицкаго и Фродинговъ, какъ моихъ по женѣ родственниковъ, я не имѣлъ почти никакого больше порядочнаго знакомства; но ничтожныхъ и устроившихъ мою погибель, точно не искавши ихъ, столько состроилъ, что перечесть всѣ было бы для меня немалымъ затрудненіемъ.

Сколько ни былъ я однако распутенъ, но прежніе опыты и офицерскій чинъ удерживали мое стремленіе безпутствовать по прежнему. Трактировъ конечно я не оставлялъ; ибо гдѣ же я могъ существовать? Но первое, я не бывалъ уже никогда въ самыхъ низкихъ, гдѣ всѣ подлости отправлялись; первоклассные рѣдко посѣщалъ, поелику они были не по моему карману; въ среднихъ велъ себя съ нѣкоторою пристойностію, занимаясь послѣ обѣда или коммерческими играми на небольшія деньги, или биліардомъ, или бесѣдованіемъ съ знакомыми. Отъ.... по жизни моей Малороссійской отвыкши, не могъ уже никогда къ нимъ обратиться, чему не мало препятствовало и небольшое волокитство.

Сія ничтожная жизнь продолжалась почти чрезъ весь 1777 годъ, котораго послѣдній мѣсяцъ достопамятенъ по происшествію, доведшему меня до женитьбы. Человѣкъ немолодый, толстенькій, весельчакъ и довольно не дуракъ, имѣвшій прежде въ Санктпетербургѣ три каменныхъ дома, по художеству своему, какъ ювелиръ, знакомый съ лучшими домами, посему видѣвшій для себя лучшіе дни, къ концу пятаго десятка лѣтъ своей жизни, разными случаями обѣднявшій и почти потерявшій зрѣніе, кормился, адвокатствуя по маловажнымъ дѣлишкамъ, а вечера провождалъ въ трактирахъ, куря табакъ, запивая пивомъ, иногда составляя партію въ пикетъ или калавріасъ. Сей человѣкъ, душа, можно сказать, Нѣмецкія трактирныя бесѣды, по любезности своихъ свойствъ, полюбился мнѣ, какъ и я ему. Наканунѣ 1778-го года, засидѣвшись мы съ нимъ въ Рижскомъ, вздумали тутъ встрѣтить новый годъ чашею пунша, окончивши который и вышедши на улицу, услышали, что бьетъ два часа по полуночи. Я, имѣя квартиру далеко, невольно молвилъ: «спать хочется, идти мнѣ неблизко, я готовъ на улицѣ лечь». На сіе Фродингъ сдѣлалъ мнѣ самое, по времяни, пріятное предложеніе у него ночевать, прибавивъ, что его квартира не далѣе 50 шаговъ. Жилище его было въ Валящевѣ домѣ, въ четвертомъ этажѣ, двѣ порядочныя горницы, наполненныя всякою домашнею Нѣмецкою утварью, небогатою, но опрятною. Вошедши хозяинъ сказалъ мнѣ, что жена его и дочь гостятъ у пріятеля подъ Невскимъ; приказалъ работницѣ приготовить на софѣ постель, въ которой я весьма покойно проспалъ до девяти часовъ утра. Вставши и позавтракавши довольно весело, я собирался домой; но, смотря на улицы, наполненныя праздничнымъ народомъ, раздумье мною овладѣло, что примѣтивъ хозяинъ

предложилъ день провесть вмѣстѣ въ совершенной вольности. Работницѣ приказано готовить обѣдъ, а сами мы занялись пикетомъ. Въ продолженіи игры, какъ я сидѣлъ спиною ко двери и обратилъ все свое вниманіе въ карты, вдругъ является между нами молоденькая Нѣмочка, которая, сдѣлавши весьма проворно два книксена, говоритъ Фродингу понѣмецки: «здравствуйте любезный братецъ, гдѣ сестрица и Анхинъ?—О! это ты Лорхинъ; поцѣлуй меня: откуда ты взялась?—«Мы съ матушкой пріѣхали къ Леману, и она меня отпустила съ вами повидаться».—Садись подлѣ меня, посмотри на нашу игру; не хочешъ ли кофію? Вели сварить.—«Картъ я, любезный братецъ, не знаю; а кофіемъ насъ у Лемана подчивали».—Въ продолженіи сего разговора, я, сложа карты, разсматривалъ гостью. Пятнадцати-лѣтняя, бѣленькая, какъ фарфоръ, съ голубыми глазками дѣвочка, по малому росту довольно стройная, по взорамъ и всѣмъ движеніямъ истинная невинность, по бѣленькому Англинскому съ зеленымъ тафтянымъ передникомъ платьицу, весьма опрятно одѣтая, рѣзвая и веселая по отвѣтамъ на братнины шуточки.

Мало еще тогда знавши Нѣмецкой языкъ, я не вмѣшивался въ разговоры, но смотрѣлъ съ удовольствіемъ, и сердце, кажется, какъ бы сжималось во мнѣ. На меня глядѣла она безъ малѣйшаго замѣшательства. Побывши съ полчаса, она удалилась, обѣщавши на приглашеніе братнино чаще посѣщать.

По выходѣ ея, Фродингъ сказалъ мнѣ, что это меньшая его сестра́ отъ втораго супружества отцовскаго, которыхъ всѣхъ три и одинъ братъ, теперь находящійся въ Остъ-Индіи; что изъ нихъ двѣ дѣвушки и ихъ мать живутъ у старшей замужней на Рукѣ.

Проведши денъ по сказанному, вечеромъ отправились мы въ трактиръ, гдѣ и разстались. Возвратясь домой, я со удивленіемъ примѣтилъ, что дѣвушка появлялася частехонько въ моихъ мысляхъ; на другой день тоже. На третій день, увидавшись съ Фродингомъ, я завелъ рѣчь о моемъ у него гощеніи и какъ пріятно провели мы время. Онъ, по истинной добротѣ своего сердца, пригласилъ меня снова у него ночевать, сказавши, что жена его и дочь еще не возвратились; я охотно принялъ его предложеніе. Ночь прошла по прежнему, но день не такъ.

Гостья не бывала; вечеромъ же, когда мы готовы были выдти, вдругъ явилась хозяйка съ дочерью, чѣмъ и остановлены мы на нѣсколько. Она, узнавши отъ мужа обо мнѣ, осыпала меня учтивостями за сотоварищество ея мужа; просила и при ней не прерывать онаго, вытребовала настоятельнѣйшее мое согласіе назавтрѣ же пить у нея кофій, все сіе изъяснила чистымъ Русскимъ языкомъ, съ самыми свѣтскими пріемами.

Г-жа Фродингъ была женщина лѣтъ 40, здоровая, бѣлая, полная, живая, съ бѣглымъ взоромъ; дочь ея, брюнета лѣтъ 15-ти, при родителяхъ молчалива, но мимо ихъ рѣзвая до дерзости и огненная. На другой день, бывши на завтракѣ и обласканный болѣе ожиданнаго, я свелъ съ сею семьею тѣснѣйшее знакомство: съ моей стороны, кромѣ истиннаго удовольствія отъ сего знакомства, въ чаяніи уви-

дѣться еще съ Лорхинъ, которую я не забывалъ; со стороны госпожъ, въ надеждѣ, которой я даже не подозрѣвалъ; со стороны добраго Нѣмца, по чувствованію ко мнѣ искренней привязанности.

Посему я бывалъ въ семъ домѣ во всѣ часы дня, часто проваживалъ вечера и иногда ночевалъ. Мать и дочь, каждая для себя, были ко мнѣ весьма благосклонны, за что я платилъ небольшими, какъ водится, услугами, неважными подарочками, недальнымъ иногда катаньемъ и пр. Такъ повелъ я мою жизнь въ началѣ 1778 года, хотя въ совершенной праздности и ничтожествѣ, но счастливъ тѣмъ, что нечувствительно отставалъ отъ трактировъ;.... же омерзѣли мнѣ до того, что уже у нихъ никогда не бывалъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней масляницы, г-жа Фродингъ пригласила меня непремѣнно у себя обѣдать, для пріѣхавшаго изъ Москвы ея брата, долженствовавшаго у нея тогда быть. Пріѣхавши ранѣе гостей, я имѣлъ удовольствіе найти тутъ любезную Лорхинъ, которая привѣтствовала меня, какъ знакомаго, сѣла подлѣ меня безъ чиновъ, стараясь войти со мною въ разговоръ; но по незнанію ею Русскаго, а мною Нѣмецкаго языка, бесѣдованіе шло болѣе на пантоминѣ. Хозяина не было дома, хозяйки занимались приготовленіями праздника, слѣдовательно оставляли насъ въ совершенной свободѣ. Простосердечная живость и любезность собесѣдницы моей занимали меня весьма пріятно, чему особенно помоществовали неправильно выговариваемыя ею Русскія, а мною Нѣмецкія рѣченія. Она силилась мнѣ объяснять, и я довольно понялъ, что матушка отпустила ее въ городъ на всю масляницу къ брату, что она очень сему рада и что я долженъ въ это время учить ее говорить порусски; а она тоже бралась дѣлать для меня на своемъ языкѣ. Я тутъ на опытѣ узналъ, что любящіеся нѣмые могутъ другъ друга понимать. Въ самомъ жару нашея бесѣды, появился офицеръ, родомъ Лифляндецъ, по названію Бауманъ, сослуживецъ и знакомый мнѣ еще въ полку. Съ перваго шагу я увидѣлъ, что онъ тутъ не чужой; хозяйка и дочь съ ласковостію пѣняли ему, что онъ давно у нихъ не бывалъ. Лорхинъ, дѣлая книксенъ, покраснѣла; онъ, сказавши мнѣ слова два, сѣлъ по другую сторону моея собесѣдницы и вмѣшался въ нашъ разговоръ. Выгода вся могла быть на его сторонѣ, поелику онъ заговорилъ понѣмецки; но къ отрадѣ моей примѣтилъ я, что отвѣчали ему односложно и старались преимущественнѣе возобновлять прежній нашъ разговоръ. За обѣдомъ, послѣ обѣда, словомъ, весь день до десяти часовъ, я былъ въ полномъ удовольствіи, не взирая на Баумана, хозяйку и Анхинъ, завидовавшихъ сему сближенію.

По выходѣ изъ гостей, Бауманъ сдѣлалъ мнѣ странное предложеніе быть у Лорхинъ его стряпчимъ, открывшись при томъ, что онъ уже около года въ нее влюбленъ, но сказать того ей не умѣлъ. Сколько мнѣ ни извѣстна была его ограниченность, но подобная искренность заставила меня сказать ему сухо, что не только не могу быть его помощникомъ въ соблазненіи сея невинности, а постараюсь всевозможно до того не допустить. На сіе Бауманъ увѣрялъ меня, что онъ хочетъ имѣть ее женою и что онъ, по просту сказать,

дѣлаетъ меня сватомъ. По нѣсколькихъ переговорахъ, я согласился сдѣлать ему угодное, не даючи слова успѣть, хотя и искренно думалъ поступить въ семъ случаѣ честно: ибо соблазнять ее душа моя сопротивлялась, а жениться на ней все запрещало. И такъ я думалъ повесть сіе дѣло со всею честностію, хотя на повѣрку совсѣмъ вышло другое.

Съ Русской до Нѣмецкой масляницы видаясь ежедневно, мы такъ сладились съ Лорхиною, что уже умѣли не только другъ друга понимать, но и довольно занимательно для себя дѣлили наше время. Послѣ Нѣмецкой масляницы, ѣдучи на Руку, обѣщала она мнѣ возвратиться къ Воскресенью и слово свое сдержала. Старая и молодая Фродинги не очень были симъ довольны; но я умѣлъ всѣхъ успокоить, и любезная Лорхинъ прожила съ нами сряду двѣ недѣли. Въ сіе время я заговаривалъ нѣсколько разъ о Бауманѣ, правда, слегка; отзывы однакоже были для него весьма неблагопріятны, а можно сказать, съ моей стороны приступы не очень настоятельны. За симъ воспослѣдовавшее отбытіе на Руку было продолжительно, и я, оставшись во власти госпожъ Фродинговъ, претерпѣлъ насиліе отъ старой и едва отдѣлался отъ молодой, разумѣется, подстрекаемый бѣсомъ плоти.

При возвращеніи Лорхины, роля моя стала самая трудная: она, съ истинною невинностію ко мнѣ прилѣпленная, старуха ненасытимая, молодая наглая, не оставляли мою душу ни на часъ въ покоѣ. Тогда я вздумалъ было нешуточно сдѣлаться сватомъ: началъ чаще говорить о Бауманѣ, открылъ его намѣреніе госпожѣ Фродингъ, обѣщавшей съ радостію сему помогать; сказалъ слегка о томъ же Анхинѣ, но самому Фродингу ни слова. Отъ сего дано мнѣ болѣе свободы уединяться съ Лорхиною; не стали за нами примѣчать, и я, въ одинъ вечеръ, будучи съ нею глазъ на глазъ, открылъ ей важно намѣреніе Баумана, пересказалъ его состояніе и силился всевозможно внушить ей выгоды отъ супружества съ нимъ.

Я витійствовалъ о семъ довольно долго, сидя на канапе; она предо мною стояла, не прерывая меня ни однимъ словомъ, и когда я былъ въ самомъ жару разглагольствованія, вдругъ вижу, она бросается ко мнѣ и, обхватя крѣпко мою шею своими ручонками, удушаемая рыданіями, съ нуждою выговариваетъ: «Ахъ! Я думала, вы меня себѣ берете». Болѣе сего она не могла ни слова вымолвить; и я, пораженный сими милыми реченіями, какъ заклинаніемъ, онѣмѣлъ, оставшись въ совершенномъ безчувствіи на нѣсколько минутъ. Видя ее неутѣшно плачущую, я приложилъ все мое стараніе ее успокоить, но тщетно; самое мое обѣщаніе не говорить болѣе о Бауманѣ нисколько не помогало: она плакала и молчала, съ чѣмъ я ее и оставилъ. Вышедши изъ дому, хотя былъ уже десятый часъ ночи, и бродя по улицамъ, я чувствовалъ страшную и никогда еще мною неиспытанную внутреннюю борьбу: голова моя сколько ни была пуста, умѣла однако себѣ довольно ясно представить всю несообразность для меня супружества; сердце же, при всемъ своемъ развратѣ, весьма сильно заступалось за любезную, предначертывая тысячи удовольствій отъ

соединенія съ невинностію; словомъ, кто-то умнѣе меня, будто подслушавши, написалъ, гораздо послѣ мое бореніе:

Разсудокъ мнѣ велитъ:
Себя ты не губи;
А сердце все твердитъ:
Пожалуй, другъ, люби.

Прободривши за полночь, казалось, удалая взяла верхъ; и положивши, какъ бы умненько отдѣлаться, я пошелъ спать къ себѣ на квартиру, не бывавши уже въ ней болѣе недѣли. Проснувшись, голова и сердце продолжали ссориться, и я чувствовалъ, что удалая слабѣетъ. Намѣреніе, наканунѣ родившееся, чтобы по меньшей мѣрѣ три дня не быть, подкрѣпляемое тогда благоразуміемъ, по утру нашлося почти совершенно изъ мозгу вытѣсненнымъ. Сердце предложило благовидное посредство: увидѣться еще единожды, для того единственно, чтобы успокоить страждущую хотя отдаленною какою-нибудь надеждою и потомъ исподоволь приготовить себѣ отступленіе.

Страдалицу нашелъ я точно въ жалкомъ положеніи: она приготовлялась ѣхать къ матери и осталась, по ея словамъ, только для того, чтобы меня еще увидѣть. Признаюсь, что любви къ ней такой, какъ описываютъ ее въ книгахъ, или какъ выдаютъ въ людяхъ, я точно не имѣлъ, ежели не почесть того за любовь, что я желалъ бы съ нею быть, хотя непрестанно, ласкать и быть ласкаему, дѣлать ей все угодное, особенно удовлетворять ея нужды или прихоти и пр., что̀ я бы охотно дѣлалъ даже для моего любимаго друга; но видѣть ее скорбящую, плачущую, сіе выталкивало меня изъ моего обыкновеннаго положенія, и я искренно готовъ былъ тогда всѣмъ жертвовать, чтобы только утѣшить страждущую, особенно же не быть виною ея страданій. Успокоивая, неминуемо я просилъ остаться хоть отобѣдать, получивши на что согласіе, само собою разумѣется, что я не жалѣлъ ни ласканій, ни обнаруживаній. Такъ усиливая болѣе и болѣе мои ласки, я нечувствительно становился самъ нѣжнѣе; и когда во изліяніи своея души, съ истиннымъ ангельскимъ простосердечіемъ, пересказывала она мнѣ постепенность ощущеній своего сердца, я, не властенъ будучи удержать движенія моего сердца, прижавъ ее къ моей груди, сказалъ:—«Будь, Лорхинъ, покойна; я обѣщаюсь быть вѣчно твоимъ».

Сей вечеръ былъ, можетъ быть, одинъ изъ сладостнѣйшихъ въ моей жизни. Поѣздка на Руку отмѣнена до утра; утро снова отдалилось до другаго. И такъ цѣлую недѣлю мы наслаждались другъ другомъ, болѣе во взаимномъ сообщеніи нашихъ душъ, нежели въ пріисканіи средствъ оныя упрочить. Занятые совершенно собою, мы забыли осторожность, и потому хозяйка очень легко открыла наше согласіе и не преминула тотчасъ воздвигнуть на насъ гоненіе. Женщина, озлобленная потеряніемъ того, что̀ льстило ея тщеславію или насыщало ея любострастную прожорливость, превращается въ самаго лютаго дьявола и, въ недостаткѣ способовъ мучить ненавидимый предметъ, пущается въ мелочныя, подлѣйшія притѣсненія. Такъ преобре-

менивъ бѣдную Лорхинъ самыми обидными ругательствами, почти выгнала изъ дому братняго и, не удовольствовавшись еще тѣмъ, успѣла на Рукѣ воздвигнуть страшную противъ ея бурю. Гнусный зять и злая старшая сестра, враги заклятые всему Русскому, не поскупились ни словами, ни дѣяніями, могущими терзать чувствительную душу. Въ семъ для любви нашей безвремяньѣ, при семъ семейственномъ недоброхотствѣ, знать, средняя сестра и братъ Фродингъ одни были наши друзья. Матери, старушкѣ за 70 лѣтъ, по счастію я понравился; сестра находила меня сноснымъ; братъ, казалось, еще усилилъ свою ко мнѣ любовь. Но сообщенія наши, даже свиданія, по злобѣ госпожъ Фродингъ, стали весьма затруднительны; такъ что, для выполненія нашихъ жарчайшихъ взаимныхъ желаній, мы принуждены были искать посторонней помощи и къ счастію, жившi въ томъ же домѣ Нѣмецкаго парикмахера Буши, убогая комната сдѣлалася нашимъ пристанищемъ. Бывавши по нѣскольку часовъ ежедневно съ глазу на глазъ, молодые любящіеся неотмѣнно пройдутъ по любовной дорогѣ гораздо далѣе всѣхъ строгихъ заповѣдей нравственности...

Люди привыкли говорить о дѣвицахъ: невинна, невинность, до ихъ замужества. Но, входя въ разсматриваніе сего обыкновенія, я скажу: ежели невинность принимается за одно съ цѣломудріемъ, то честная жена съ умнымъ мужемъ по смерть свою можетъ пребыть невинною. Такъ писали и представили много важныхъ доказательствъ примѣрами славные писатели. Я, не знавшись тогда еще съ подобными сочинителями, по моему, можетъ быть, внутреннему побужденію, ненарочно набрелъ на правила, которыя оправдали напослѣдокъ сіе мнѣніе.

Жена моя, воспитанная въ бѣдномъ, но честномъ Нѣмецкомъ семействѣ, подъ неизмѣннымъ назираніемъ матери, не знавшая не только Русскихъ нравовъ, ниже ихъ разговора, плохо читавшая на своемъ языкѣ, а писать почти не умѣвшая, доставшись мнѣ почти 15-ти лѣтнею, точно была дщерь природы. По счастію, я самъ, хотя всесовершенно распутству преданный, никогда не могъ терпѣть женщинъ похабныхъ и никакъ не пріучилъ себя, чтобы обходиться съ ними безстыдно. Отъ сего, съ самаго начала, примѣтивши въ любезной Лорхинъ безпримѣрную стыдливость, я не только не попекся ее истребить, но приложилъ напротивъ все мое стараніе ее питать и поддерживать, сколько можно долѣе. И я могу безъ хвастовства утверждать, что жена моя, проживши со мною 14 лѣтъ, родивши 9 дѣтей, отошла въ вѣчность, не осквернивъ ни сердца своего, ни головы никакими мерзостями.

Женитьба моя, составленная безъ всякихъ видовъ и цѣли, не учинила въ моей жизни нисколько значущей отмѣны, кромѣ того, что я началъ имѣть квартиру покойнѣе, ежедневный свой обѣдъ. Впрочемъ я жилъ по прежнему, т. е. проводилъ всѣ дни въ совершенномъ бездѣліи; вечера же въ трактирѣ, не думая нисколько о будущемъ. Такъ безпечно спущался я къ роковому перевороту моея жизни.

Приближившись теперь къ самому важному приключенію моея жизни, т. е. къ роковому перевороту, чрезъ который сталъ выгнанъ изъ общества, лишенъ всего моего и, можно сказать, живой погребенъ,

принужденнымъ нахожуся нѣсколько отступить въ моемъ повѣствованіи, для показанія бѣдственныхъ случаевъ споспѣшествовавшихъ моему злополучію.

Неосторожность въ знакомствахъ.

Во вторичный мой пріѣздъ въ Санктпетербургъ, хотя по возможности остерегался я опасныхъ знакомствъ, но по врожденной мнѣ вѣтренности и легкомыслію, удаляясь людей только явно извѣстныхъ порочными, неоглашенныхъ же, особенно ласковыхъ, тихихъ, добрыхъ никогда не обѣгалъ; а еще меньше разсматривалъ, полезно ли мнѣ ихъ знакомство и какія могутъ быть отъ того послѣдствія.

Лѣтомъ 1777 года, въ Рижскомъ трактирѣ нечаянно я столкнулся съ однимъ иностранцемъ, котораго также случайно одинъ разъ видѣлъ я назадъ лѣтъ пять. Сей странный человѣкъ, изъ рода Нѣмецкихъ Израильтянъ, во время бытности нашея арміи въ Пруссіи, присталъ тамъ къ провіантскимъ дѣламъ, по которымъ, при возвращеніи арміи въ Россію, пріѣхалъ онъ въ Санктпетербургъ для счетовъ и для полученія, какъ увѣрялъ, съ казны должныхъ ему знатныхъ суммъ. Въ первое мое съ нимъ свиданіе, я видѣлъ его съ ногъ до головы въ бархатѣ и золотѣ, посыпающаго въ трактирѣ червонцами и поливающаго Шампанскимъ. Что онъ имѣлъ деньги, сіе можно было заключить и изъ того, что вербовщиками, вызывавшими въ Россію на поселеніе колонистовъ, онъ принятъ былъ въ компанію, и что въ Саратовскомъ уѣздѣ былъ подрядчикомъ для построенія поселенцамъ жилищъ, гдѣ однакоже, притѣсненный начальствовавшимъ тогда надъ колоніями Рязановымъ, пріѣхалъ въ Санктпетербургъ съ нимъ тягаться. Какъ иностранецъ и мотъ, не долго онъ праздничалъ; наличныя, сколько было у него, и претензія скоро разбрелись по міру, и въ теперешнее мое съ нимъ свиданіе, вмѣсто бархату, онъ былъ одѣтъ въ сѣренькомъ байковомъ ветхомъ сюртукѣ, а проживаніе имѣлъ при особѣ пожилой Нѣмецкой, Куленгрёбенъ.

Ежели бы врожденная ему безотвязность была нѣсколькими степенями поменьше, свиданье сіе ускользнуло бы въ пучину забвенія, какъ и многія другія. Но нѣтъ: судьбѣ угодно было, чтобы сей человѣкъ прицѣпился ко мнѣ нешуточно, и чтобъ я на ту пору былъ податливѣе обыкновеннаго, такъ что, проводивши въ самомъ пустошномъ бесѣдованіи болѣе двухъ часовъ, я долженъ былъ согласиться пройти съ нимъ до его квартиры, остаться у него ужинать и ночевать. Страннѣе всего, что сей человѣкъ, никогда мною не только не любимый, едва терпимый, съ которымъ я никогда никакого дѣла не имѣлъ, съ перваго дня знакомства почти всегда былъ въ моихъ глазахъ до самыя его смерти.

Шатаясь непрестанно по всему Петербургу, навязываясь всякому встрѣчному и поперечному, можно утвердительно сказать, что его знали люди изъ всѣхъ состояній, отъ сенаторовъ и генераловъ до блинниковъ. Знакомцами своими онъ весьма не скупился и ссужалъ ими всякаго при первомъ свиданіи. Посему неудивительно, что и на

мою долю досталося ихъ изрядное количество. Изъ всѣхъ однако, чрезъ него знакомцевъ, одинъ Леонтій Петровичъ Соколовъ остался не только въ памяти, но навсегда и въ моемъ сердцѣ, какъ добрѣйшій изъ всѣхъ моихъ вообще знакомыхъ и какъ невинная вина моего несчастія.

Сей человѣкъ, при тщательнѣйшемъ его разсматриваніи, могъ бы, можетъ быть, послужить образцомъ чистѣйшія природныя нравственности. Онъ родился отъ приказнаго въ царствованіе Анны; слѣдовательно воспитанія по тогдашнимъ временамъ не могъ имѣть инаго, кромѣ грубаго и суевѣрнаго. Съ юнѣйшихъ лѣтъ посаженъ въ приказъ, гдѣ продолжалъ неизмѣнно свое служеніе до 1780 года; посему нельзя было ему воспользоваться посторонними наставленіями. Здравымъ, что̀ называется, разсудкомъ надѣленъ былъ достаточно; память имѣлъ удивительную. Живши безъ выѣзда изъ Петербурга, всѣ происшествія отъ временъ Анны пересказывалъ съ довольною точностію; разумѣется, какъ оныя къ нему доходили. Говорилъ просто, ясно и занимательно. Качества сердца его виднѣйшія были: самый кроткій нравъ, человѣколюбіе, сострadаніе и безкорыстіе. Сіе послѣднее до такой степени было возвышено, что онъ, бывши 20 лѣтъ секретаремъ и болѣе 10 лѣтъ старшимъ въ Статсъ-Конторѣ, не только не устроилъ своего счастія, но былъ всегда въ весьма посредственномъ состояніи.

Не бывши ни игрокъ, ни мотъ, ни пьяница, покажется неимовѣрнымъ, чтобы онъ не имѣлъ хотя малѣйшаго въ такомъ мѣстѣ дохода; имѣлъ и употреблялъ его на благотвореніе бѣднымъ, изъ которыхъ нѣсколько семействъ точно существовали имъ. Сдѣлавшись съ нимъ душевно знакомымъ, я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ находящихся подъ его покровительствомъ. Они не были обыкновенные нищіе, а люди честные, семейные, разными ударами судьбы низвергнутые въ бѣдность. Благотворенія сіи производилъ онъ такъ скромно, что многіе изъ облагодѣтельствованныхъ даже не знали имени своего благодѣтеля. Я часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ онъ отдавалъ бѣдному послѣдній рубль изъ кармана, тогда какъ дома у него одной копѣйки не оставалось; словомъ, сей Соколовъ, по благороднымъ качествамъ души, особенно по благотворительному своему сердцу, былъ достоинъ гораздо иной участи, нежели какая его постигла.

Съ перваго дня нашего знакомства онъ мнѣ очень понравился, и, повидимому, я ему также полюбился; ибо мы съ нимъ скоро сдѣлались самыми искренними. Онъ жилъ на Васильевскомъ острову, я же у Семеновскаго мосту; но сіе дальнее разстояніе не препятствовало намъ видаться весьма часто. При свиданіяхъ нерѣдко сообщалъ онъ мнѣ случившіяся по присутственнымъ мѣстамъ происшествія, изъ коихъ одно, какъ основаніе моего злоключенія, помѣщаю здѣсь.

Въ началѣ весны 1779-го года, поручтики: Вологодскаго полку Кашинцовъ, Санктпетербургскаго драгунскаго Волковъ, отставной Статсъ-Конторы архиваріусъ, коего имяни не упомню, и бѣглый канцеляристъ Полозовъ, люди болѣе, нежели моты, перебравъ всѣ возможные роды обмановъ и оборотовъ, задумали короновать свое распутство явнымъ злодѣяніемъ, т. е. кражею государственной казны.

Планъ сего хищенія расположенъ весьма замысловато, успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію; но пьянство все открыло. Архиваріусъ, хотя и отставной, чрезъ своихъ знакомыхъ между приказными Статсъ-Конторы узнавши, что въ Ревельской Губернской Канцеляріи хранятся суммы, отчисленныя для экстраординарныхъ Иностранной Коллегіи расходовъ, предложилъ Кашинцову похитить изъ нихъ нѣкоторое количество чрезъ посредство ложнаго отъ Статсъ-Конторы повелѣнія, дабы выдать, яко посылаемому за границу курьеру. Для сего составили они ложный въ Ревельскую Канцелярію указъ, подписались подъ руки присутствующихъ, запечатали выкраденною изъ Статсъ-Конторы печатью и, назвавъ Кашинцова съ выдуманнымъ прозвищемъ курьеромъ, отправились трое на почтовыхъ въ Ревель, гдѣ и получили 5 тысячъ рублей серебромъ. Хищеніе, столь искусно произведенное, укрыть однакоже имъ не удалося. Самъ Богъ, видно, ихъ попуталъ: ибо они, вмѣсто удаленія изъ Ревеля, зашли въ трактиръ пировать, пить, играть и, такъ проведши день и ночь, по утру пустились къ Петербургу на почтовыхъ же, но съ настоящими уже ихъ прозвищами. Дорогою на одной станціи произвели ссору и драку; въ Ямбургѣ еще день прображничали.

Между тѣмъ донесеніе изъ Ревельской Канцеляріи о выдачѣ 5 тысячъ рублей съ нарочнымъ отправлено къ графу Панину; сей, справясь съ Статсъ-Конторою и увидѣвши подлогъ, тотчасъ о томъ сообщилъ генералъ-полиціймейстеру; а отъ сего чрезъ посланныхъ немедленно открылось все мошенничество, и плуты, подъѣзжая въ Петербургѣ къ своей квартирѣ, какъ бы къ пущему своему обличенію, обронили изъ повозки мѣшокъ серебряныхъ денегъ. Тотчасъ взяты они подъ стражу и преданы суду; денегъ не успѣли они промотать болѣе 400 руб.; происшествіе скоро стало всему Петербургу извѣстнымъ и скоро же, по обыкновенію большихъ городовъ, забытымъ.

Въ половинѣ Іюля Соколовъ, увидясь со мною, за секретъ сказалъ мнѣ, что дѣло Кашинцова генералъ-полиціймейстеромъ совсѣмъ было приведено къ концу и докладъ былъ уже поднесенъ; но князь Вяземскій, озлобившись, что дѣло сіе мимо его прошло, сдѣлалъ отъ себя Императрицѣ представленіе, дабы слѣдствіе о семъ произвесть обстоятельнѣе, т. е. передопросить виновныхъ, не дѣлали ль они, или не знаютъ ли кого дѣлавшихъ, или намѣревающихся учинить вообще какія преступленія? На сіе воспослѣдовало всемилостивѣйшее соизволеніе объ учрежденіи при Сенатѣ секретной коммиссіи о Кашинцовѣ и его сообщникахъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ

князя Вяземскаго. Сіе извѣстіе не болѣе на меня подѣйствовало, какъ и первое; ибо я, не имѣя ничего общаго ни съ Кашинцовымъ, ни съ коммиссіею, пропустилъ все мимо ушей.

Въ Августѣ отъ Соколова же слышалъ я, что коммиссія уже открылась въ крѣпости, что преступники перевезены ночью туда же; что главный въ ней — любимецъ князя Вяземскаго, оберъ-секретарь Терскій; что въ равелинѣ Св. Іоанна, въ казаматахъ, съ великою поспѣшностію строятъ много чулановъ; что кромѣ Кашинцова и его товарищей взято уже въ коммиссію еще нѣсколько людей, касательно банка. Обо всемъ я слушалъ весьма равнодушно.

Въ Сентябрѣ глухо начали поговаривать о сей коммиссіи въ городѣ; догадывались, что открытъ важный заговоръ: ибо по строгости съ подсудимыми и по приготовленіямъ чулановъ не другое что̀ могли заключать. Къ концу Сентября и въ началѣ Октября, стали люди видимо пропадать; иной, поѣхавши въ гости, остался тамъ навсегда; другой, позванный къ своему генералу, исчезъ невидимо; изъ гвардейскихъ полковъ многіе въ безъизвѣстную команду.

8-го Октября Соколовъ, пришедши ко мнѣ вельми туманенъ, пересказывалъ, что въ крѣпость уже множество натаскано; что банковый судья Адамовичъ, при смерти больной, стережется въ своемъ домѣ весьма строго; что жена его и зять взяты въ крѣпость; что, ежели кто только отъ подсудимыхъ имянованъ, тотъ непремѣнно назначается въ крѣпость. Такъ настращавши меня, онъ ушелъ. Я же умствовалъ: «мнѣ бояться нечего; въ банкѣ я долженъ не болѣе трехъ мѣсяцовъ подъ законный залогъ; съ судьею, его женою и зятемъ, ниже съ кѣмъ либо то ни было, совершенно незнакомъ; слѣдовательно, коммиссія эта меня не коснется».

На другой день приходитъ ко мнѣ, весь въ слезахъ, добраго моего сосѣда, офицера Брещинскаго, слуга.—«Что̀ ты Ѳедоръ?»—«Ахъ, сударь, баринъ мой пропалъ!»—«Какъ?»—«Вчера по утру пріѣзжалъ за нимъ нашего генерала Салтыкова аудиторъ; они съ нимъ поѣхали; я ожидалъ его къ обѣду, къ вечеру: не бывалъ! Бѣгалъ къ генералу на домъ, не знаютъ; былъ у всѣхъ его знакомыхъ: нигдѣ не видали и не слыхали. Ахъ, сударь, навѣдайтесь вы; не узнаете ли чего нибудь?»—«Хорошо, мой другъ, я иду со двора, постараюсь». А между тѣмъ самъ думаю: «Чортъ возьми навѣдыванье; какъ бы самого не зацѣпили! Нелучше ли отъ этого штурму куда нибудь уклониться? Но какъ оставить жену? Куда ѣхать? И съ чѣмъ ѣхать?» Невольное раздумье и глупое надѣяніе удерживали меня въ моей безпечности.

12-го, очень рано поутру, пошедши нарочно къ Соколову навѣдаться о дальнѣйшихъ движеніяхъ коммиссіи, нашелъ весь его домъ въ слезахъ и сѣтованіи: онъ въ ту ночь былъ взятъ и увезенъ. Болтнувши нѣсколько словъ скорбящимъ во утѣшеніе, я поторопился оставить сіе плачевное мѣсто и, идучи съ сжатымъ сердцемъ обратно въ городъ, разсуждалъ: «Соколова взяли; по одному наименованію берутъ; немудрено и мнѣ быть взяту». Вдругъ мысль роди-

лась уѣхать къ Бауману въ Вольмаръ. Денегъ нѣтъ; иду занять у женина брата; за подорожною дѣло не стало бы. На бѣду Седерстрёмъ *) самъ на тотъ разъ былъ безъ денегъ, но обѣщалъ къ утру непремѣнно снабдить 50 рублей.

Мучимый нѣжностью къ женѣ, оставленной мною безъ всякаго призрѣнія, страхомъ быть захваченнымъ въ крѣпость, нетерпѣніемъ исполнить задуманное путешествіе и неизвѣстностію успѣха, я въ сей день сумрачный бродилъ по улицамъ, никуда не заходя и ничего не ѣвши. Когда уже настала самая темнота, т. е. въ пять часовъ, пришелъ я домой; старался казаться спокойнымъ, принимался шутить; но змія грызла мое сердце, и я никакъ не могъ скрыть моея мрачности. Въ 7 часовъ обыкновенно уходилъ я каждый вечеръ въ трактиръ; жена, видя, что я не собираюсь, спросила меня: развѣ я не выхожу?—«Нѣтъ, мой другъ; темно, грязно; останусь лучше дома». Во всякое другое время сіе было бы ей пріятнѣйшимъ подаркомъ; въ сей вечеръ она старалась меня уговорить выдти изъ дому. Но я упорно оставался; сидѣлъ, грустилъ, какъ бы ожидая приговору; словомъ, часъ мой ударилъ: ковшикъ горечи поднесли, надобно было выпить.

Въ 9 часовъ послышался стукъ въ передней. Я, сидя противъ отворенной зальной двери, гдѣ не было огня и увидѣвъ блеснувшія пуговицы, пошелъ освѣдомиться, кто тутъ? Человѣкъ, стоявшій въ тѣни, беретъ мою руку и говоритъ тихо: «чтобъ не испугать Елеонору Карловну, я скажу, что заѣхалъ звать тебя на вечеринку»; потомъ громко: «а я тебя вездѣ искалъ, былъ въ двухъ трактирахъ, да вздумалъ и сюда заѣхать, чтобъ взять тебя къ Ульрихшѣ». Сіе говорилъ нашей части полицейской офицеръ Лихтенбергъ, намъ знакомый и иногда у насъ бывавшій. Жена моя, встревоженная, удерживаетъ меня: «какъ теперь поздно; извощика не найдешь». Офицеръ отвѣчаетъ «у меня карета; пожалуй, проворнѣе поѣдемъ».—«Надобно одѣваться».—«Что за одѣванье. Довольно сюртука». И такъ, торопливо накинувши сюртукъ, обнявши милую невинность, вышелъ я на улицу, гдѣ увидѣлъ карету, четвернею запряженную и двухъ верховыхъ. Спрашивать было не о чемъ; сажусь молчаливо. Лихтенбергъ, подлѣ меня, велитъ ѣхать къ оберъ-полицій мейстеру. Помолчавши довольно, спрашиваю: «Не знаешь ли за чѣмъ?»—«Право не знаю».—«Вѣрно въ крѣпость?»—«Пустое!»—Пріѣзжаемъ къ дому, входимъ въ комнаты, гдѣ Петръ Васильевичъ Лопухинъ говоритъ: «На васъ есть просьба, можетъ быть и пустошная, но до утра вамъ надобно остаться въ полиціи». Потомъ даетъ знакъ маіору; сей приглашаетъ меня съ собою. Сходимъ внизъ, садимся въ туже карету, и чрезъ четверть часа я помѣщенъ въ офицерской караульнѣ. Капитанъ случился знакомый. — «Ахъ, братъ, и ты попалъ! Уже довольно на

*) Судя по этой фамиліи, можно думать, что «Лорхинъ» была Шведскаго происхожденія. П. Б.

моемъ караулѣ отвезено; да и теперь никакъ человѣка три здѣсь ночуютъ». Съ горя велѣли растворить чашу пуншу, испили порядочно и уснули довольно крѣпко. На самомъ разсвѣтѣ спросили меня въ верхъ. Тутъ г. Лопухинъ ожидалъ только меня, и коль скоро я показался, сказалъ: «пойдемъ». Онъ впередъ, я за нимъ; за мною еще нѣсколько, и такъ на улицу къ Мойкѣ, тамъ въ ожидающую насъ шлюбку. Коль скоро мы помѣстились: «отваливай», сказано, «какъ и вчера!» Мойкою выбравшись на Неву, шлюбка прямо начала держать къ крѣпости и пристали къ Невскимъ воротамъ.

Вошедши въ крѣпость, прошли комендантской домъ, миновали гауптвахту, оставили въ правой рукѣ церковь. И такъ подвели насъ къ западнымъ деревяннымъ воротамъ, вводящимъ въ равелинъ Св. Іоанна. Запертые ворота нескоро отворили и впустили насъ въ пространный, сколько можно было видѣть, треугольникъ, посрединѣ котораго находилось продолговатое деревянное строеніе. Тутъ опять насъ остановили, а г. Лопухинъ пошелъ въ домъ.

Домъ сей не имѣлъ ничего замѣчательнаго съ наружности, кромѣ большой парусинной занавѣски, которая закрывала его сѣни. Чрезъ нѣсколько минутъ поднялась занавѣсь, и намъ велѣно взойти. Коль скоро стали мы предъ сѣньми, занавѣсь опустилась, а дверь отворилась, чрезъ которую видѣнъ былъ довольно длинный коридоръ, освѣщенный фонаремъ. Проведши насъ нѣсколько шаговъ въ темнотѣ, справа отворили дверь, и мы очутились довольно въ свѣтлой горницѣ предъ человѣкомъ порядочно одѣтымъ и недурнаго лица. Онъ, перекликавши насъ четверыхъ, сказалъ съ нѣкоторою живостію: «теперь извольте идти къ мѣсту».

Вышедши въ коридоръ, мы тутъ увидѣли образину человѣка самаго скареднаго, нѣтъ не человѣка, а истиннаго стараго сатира, котораго на ту пору голова обвернута была бѣлою окровавленною тряпкою. Такъ мнѣ показалося; а въ самомъ дѣлѣ онъ отъ головной боли привязалъ себѣ на лобъ клюквы. Велѣвши за собою слѣдовать, онъ вывелъ насъ передъ домъ, разставилъ всѣхъ четверыхъ врознь лицами, пошепталъ нѣчто солдатамъ своимъ; вымолвилъ: «пошолъ!» и мнѣ приказалъ за собою слѣдовать. Идучи отъ дому, я глядѣлъ и ничего не видѣлъ, кромѣ каменныхъ крѣпостныхъ стѣнъ, съ рѣдкими въ нихъ дверцами и малыми окошечками. Подаваясь все впередъ, приближились ко въѣзду на стѣну. Я не зналъ, что̀ о семъ помыслить, какъ красноголовый мой повернулъ влѣво, въ самомъ углу отперъ небольшую дверь, вошелъ въ нее самъ и меня ввелъ. Вступя въ сіе мѣсто, я увидѣлъ огромный со сводами во всю ширину стѣны погребъ или сарай, освѣщаемый однимъ маленькимъ окошечкомъ. Не успѣлъ я, такъ сказать, оглянуться, какъ услышалъ: «ну, раздѣвайте!» Съ симъ словомъ чувствую, что бросились растегивать и тащить съ меня сюртукъ и камзолъ. Первая мысль: «ахти, никакъ сѣчь хотятъ!» заморозила во мнѣ кровь; другіе же, посадивъ меня на скамейку, разували; иные, вцѣпившись въ волосы и начавши у косы разматывать ленту и тесемку, выдергивать шпильки изъ

буколь и лавержета *), заставили меня съ жалостью подумать, что хотятъ мои прекрасные волосы обрѣзать. Но, слава Богу, все сіе однимъ страхомъ кончилось. Я скоро увидѣлъ, что съ сюртука, камзола и исподняго платья срѣзали только пуговицы; косу мою заплели въ плетешокъ; деньги, вещи, какія при мнѣ находились, верхнюю рубаху, шейный платокъ и завязку—все у меня отняли; камзолъ и сюртукъ на меня надѣли. И такъ, безъ обуви и штановъ, повели меня въ самую глубь каземата, гдѣ, отворивши маленькую дверь, сунули меня за нее, бросили ко мнѣ шинель и обувь, потомъ дверь захлопнули и потомъ цѣпочку наложили.

(Продолженіе будетъ).

*) Французское: la vergette, защѣпка для уборки волосъ. П. Б.

КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ ИСТОМИНЪ.

Контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ, обезсмертившій имя свое геройскою обороною Севастополя, гдѣ онъ начальствовалъ 4-й оборонительной дистанціей и знаменитымъ Малаховымъ курганомъ, былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Михаила Петровича Лазарева. Теплыя, дружескія отношенія между ученикомъ и учителемъ продолжались до самой кончины послѣдняго. Истоминъ сопровождалъ Лазарева въ 1851 году въ Вѣну, гдѣ Лазаревъ и скончался.

В. И. Истоминъ родился въ 1811 году и 11-ти лѣтъ поступилъ въ Морской Кадетскій Корпусъ [1]), гдѣ окончилъ воспитаніе въ 1827 г., но по недостиженію законнаго числа лѣтъ не могъ быть произведенъ въ мичманы. Въ это время въ Кронштатѣ эскадра контръ-адмирала графа Гейдена снаряжалась въ Средиземное море. Юноша Истоминъ употребилъ всѣ старанія, чтобы попасть въ эту эскадру, и счастіе улыбнулось ему: въ званіи гардемарина онъ былъ назначенъ на корабль «Азовъ», командиромъ котораго былъ Лазаревъ. 8-го Октября, эскадра графа Гейдена приняла почетное участіе въ Наваринскомъ боѣ, и 16-ти лѣтній Истоминъ, особенно отличившійся въ этотъ день, удостоился двухъ наградъ: офицерскаго чина и знака военнаго ордена, лично надѣтаго на него начальникомъ эскадры. Съ этого-то времени началось знакомство Истомина и Лазарева, съ которымъ онъ и возвратился въ Кронштатъ въ 1830-мъ году, на томъ-же кораблѣ «Азовъ». До 1834 г. Истоминъ служилъ въ Балтійскомъ флотѣ, а въ этомъ году переведенъ былъ въ Черное море, съ назначеніемъ состоять при главномъ командирѣ Черноморскихъ портовъ М. П. Лазаревѣ. Здѣсь до 1845 года крѣпла нравственная связь между ними. Истоминъ принадлежалъ къ тому тѣсному кружку, въ которомъ первыя мѣста занимали П. С. Нахимовъ и В. А. Корниловъ. Въ моихъ рукахъ находится довольно обширная переписка названныхъ лицъ

---

[1]) Истоминъ принадлежалъ къ семейству, состоявшему изъ 5-ти братьевъ, которые всѣ были моряки. Старшій братъ Константинъ Ив-чъ скончался въ Октябрѣ прошлаго 1876 года, въ чинѣ адмирала и въ должности предсѣдателя Главнаго Морскаго Суда; 2-й братъ Андрей Ив-чъ погибъ въ Балтійскомъ морѣ въ 1842 г. при крушеніи корабля Ингерманландъ, въ должности старшаго офицера; 3-й братъ былъ Вл. Ив-чъ; 4-й Александръ Ивановичъ погибъ гардемариномъ на Кронштатскомъ рейдѣ, во время шторма въ 1832 г. Остается въ живыхъ Павелъ Ивановичъ, 5-й братъ, вице-адмиралъ въ отставкѣ.

съ покойнымъ В. И. Истоминымъ; эта переписка свидѣтельствуетъ, насколько всѣ они цѣнили въ немъ моряка и уважали человѣка.

Въ 1845 году, по просьбѣ бывшаго намѣстника Кавказскаго князя М. С. Воронцова прислать въ его распоряженіе одного изъ лучшихъ моряковъ, для ближайшей разработки мѣстныхъ морскихъ вопросовъ, М. П. Лазаревъ назначилъ на Кавказъ Истомина. Такимъ образомъ послѣднему посчастливилось стать въ близкія отношенія къ другому свѣтилу прошлаго царствованія. Всѣмъ извѣстный рыцарскій характеръ и образованный умъ покойнаго намѣстника скоро отмѣтили новаго подчиненнаго. Вл. Ив-чъ пользовался не только довѣріемъ и уваженіемъ, но даже чувствомъ привязанности князя Воронцова. Рядъ писемъ князя краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этихъ отношеніяхъ. Въ 1850-мъ году, въ чинѣ капитана 2-го ранга, Истоминъ былъ назначенъ командиромъ 120-ти пушечнаго корабля «Парижъ», на которомъ окончательно окрѣпла его морская репутація. Въ Черноморскомъ флотѣ Лазарева, на который съ тайнымъ недоброжелательствомъ и завистью посматривала Англія, корабль «Парижъ» былъ образцовымъ судномъ. Наступилъ 1853-й годъ. Эскадра адмирала Нахимова, надъ которой, по его выраженію, виталъ духъ знаменитаго учителя, покрыла себя вѣчною славою Синопскаго боя. Корабль «Парижъ» въ этотъ знаменательный день особенно отличился; среди самаго разгара боя, адмиралъ Нахимовъ, любуясь на дѣйствія «Парижа», приказалъ поднять сигналъ благодарности; но всѣ фалы адмиральскаго корабля «Императрица Марія» были перебиты непріятельскими снарядами, и поднять сигнала было не на чѣмъ.

За Синопскій бой Истоминъ произведенъ въ контръ-адмиралы, и въ этомъ чинѣ засталъ его грозный 1854 годъ. Когда, послѣ Алминскаго сраженія и отступленія арміи кн. Меншикова къ Бахчисараю, обнаженный Севастополь, съ скромнымъ составомъ Черноморскихъ экипажей и самой незначительной частью сухопутныхъ войскъ, ожидалъ нападенія соединенныхъ непріятельскихъ армій съ Сѣверной стороны, Истоминъ былъ назначенъ командиромъ Сѣвернаго укрѣпленія. Впослѣдствіи, когда эту должность принялъ на себя В. А. Корниловъ, Истоминъ назначенъ къ нему начальникомъ штаба; а когда убѣдились въ неожиданномъ движеніи непріятеля на беззащитную Южную сторону, Истоминъ получилъ въ командованіе 4-ю оборонительную дистанцію Малахова кургана. Очевидцы восторженно разсказываютъ о неутомимой дѣятельности покойнаго контръ-адмирала, въ это страшно-напряженное время. Обладая обширными познаніями по различнымъ отраслямъ военнаго искусства, онъ почти самостоятельно возводилъ твердыни своей дистанціи, 11-ть мѣсяцевъ противустоявшей всѣмъ усиліямъ непріятеля.

Въ теченіи полугода, не раздѣваясь, Истоминъ отстаивалъ ввѣренную ему позицію. Въ кровавый день Октябрьской бомбардировки, показавшей непріятелю, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, Истоминъ на Малаховомъ курганѣ имѣлъ несчастіе лишиться товарища-друга В. А. Корнилова. За Октябрьскую бомбардировку онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й ст. и лестнымъ рескриптомъ генерала-

адмирала. Съ этого дня до самой кончины, не смотря на рану руки и контузію головы, Истоминъ буквально ни на одинъ день не покинулъ бастіона, служа блистательнымъ образцомъ беззавѣтной храбрости [2]), въ которой его даже упрекали, распорядительности и исполненія долга. «Выписавъ себя въ расходъ», по собственному его выраженію, и живя на счетъ Англичанъ и Французовъ, Истоминъ человѣкъ вѣрующій, сдѣлался совершеннымъ фаталистомъ. Онъ не допускалъ возможности покинуть живымъ Малаховъ курганъ и, по выраженію очевидцевъ, съ какой-то суровою страстностью исполнялъ свою обязанность. И велика была его сила на Малаховомъ курганѣ! Истоминъ и курганъ срослись въ одно нераздѣльное понятіе для Севастополя.

Предчувствія Истомина сбылись; ему не суждено было остаться въ живыхъ, не суждено было пережить оставленія Севастополя. 7-го Марта, въ 10 ч. утра, ядро, брошенное съ Французской батареи, ударомъ въ лице оторвало ему голову. Ударъ ядра послѣдовалъ вѣроятно очень низко, такъ какъ Георгіевскій крестъ, висѣвшій на шеѣ, разлетѣлся въ дребезги; сохранился только кусокъ Георгіевской ленты, пересланный П. С. Нахимовымъ моему отцу и нынѣ доставшійся мнѣ, вмѣстѣ съ прилагаемой перепиской и подробными извѣстіями о смерти Истомина.

Здѣсь кстати будетъ сдѣлать одно невольное замѣчаніе. 21 годъ прошелъ со времени Севастопольской обороны, стяжавшей вѣчную славу Черноморскому флоту. Изъ небольшаго кружка оставшихся въ живыхъ Черноморцевъ жадная смерть ежегодно выхватываетъ новыя жертвы; менѣе и менѣе остается живыхъ очевидцевъ и участниковъ знаменитой обороны, а между тѣмъ, какъ бѣденъ по настоящее время печатный матеріялъ, касающійся Черноморскихъ моряковъ! Если время безпристрастнаго разсказа и полной правды еще не наступило, то во всякомъ случаѣ существуетъ масса подробностей, всегда доступныхъ печатному слову. Пора наконецъ изъ мрака молчанія выдвинуть личность Михаила Петровича Лазарева, того Лазарева, про котораго Нахимовъ, герой Синопа и грудь Севастополя, съ свойственной ему скромной правдивостью, часто говаривалъ: «Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ!» Правительство уже достойно оцѣнило заслуги великаго адмирала постановкою ему величественнаго памятника; пора же всѣмъ тѣмъ, которые имѣли счастіе знать близко покойнаго воздвигнуть ему такой же памятникъ въ области Русской исторіи и Русскаго слова.

В. К. Истоминъ.

Москва, 1-го Декабря 1876 г.

---

[2]) Покойный адмиралъ между прочимъ никогда во время осады не снималъ эполетъ, не смотря на послѣдовавшій объ этомъ приказъ.

Письмо Истомина о похоронахъ Лазарева.

Вѣна, 15 (27) Апрѣля 1851.

Вчера мы совершили обрядъ погребенія надъ тѣломъ покойнаго адмирала Михаила Петровича, и я считаю нелишнимъ увѣдомить васъ (для надлежащаго свѣдѣнія) о вниманіи, оказанномъ здѣшнимъ правительствомъ при этомъ случаѣ.

На другой день смерти адмирала, я былъ потребованъ къ нашему посланнику при здѣшнемъ дворѣ, который мнѣ объявилъ, что Австрійскій императоръ, желая воздать праху покойнаго воинскія почести соотвѣтственно его званію, изволитъ освѣдомляться, не оставилъ ли Михайло Петровичъ завѣщанія, которымъ отклоняется отъ всякихъ посмертныхъ церемоній при погребеніи его тѣла. На мой отвѣтъ, что такого завѣщанія нѣтъ, баронъ Мейендорфъ вошелъ въ соображенія по поводу предстоящаго церемоніала, которыя кончились тѣмъ, что въ Пятницу вечеромъ, въ 9 часовъ 13 (25) числа), тѣло адмирала повезутъ въ посольскую церковь безъ всякой церемоніи; на другой день, т. е. 14 (26) числа, въ 10 часовъ утра, начнется литургія, въ 11 часовъ отпѣваніе. Такъ и сдѣлалось. Когда же 14-го числа время стало подходить къ 11 часамъ, посольская наша церковь начала наполняться генералами, штабъ и оберъ-офицерами до такой степени, что когда изволили прибыть два эрцгерцога Вильгельмъ и Эрнстъ, то ихъ и. к. высочества могли насилу пробраться.

Въ 11 часовъ кончилось отпѣваніе, и 8 человѣкъ унтеръ-офицеровъ въ трауръ, полка Маріасси, подняли гробъ, снесли и поставили его на катафалкъ. Отъ церкви шествіе двинулось слѣдующимъ порядкомъ: впереди дивизіонъ кирасиръ, за нимъ 6 орудій при батальонѣ инфантеріи, потомъ дивизіонъ гренадеръ, ордена адмирала, тамъ пѣвчіе, духовенство и гробъ; за гробомъ траурная лошадь съ рыцаремъ въ черныхъ латахъ; потомъ семейство покойнаго и всѣ члены нашей миссіи; за ними весь наличный въ Вѣнѣ генералитетъ, имѣя въ головѣ ихъ и. к. высочества, эрцгерцоговъ Вильгельма и Эрнста; инфантерія и артиллерія заключали шествіе. Парадомъ, состоящимъ изъ 3-хъ батальоновъ полка принца Эмиля, изъ гренадерскаго батальона Бреда, двухъ дивизіоновъ кирасиръ полка короля Саксонскаго и двухъ пѣшихъ батарей, командовали: фельдцейхмейстеръ графъ Фалкенхайнъ, и. к. фельдмаршалъ-лейтенантъ принцъ Виртембергскій и и. к. генералъ-маіоръ фонъ-Кордонъ.

Когда вышли изъ городскихъ воротъ, то при гробѣ остались только два дивизіона кирасиръ, которые провожали тѣло покойнаго до кладбища; остальныя же войска выстроились на гласисѣ, гдѣ ими было сдѣлано 36 пушечныхъ выстрѣловъ, въ трехъ промежуткахъ 9 ружейныхъ залповъ. Тѣмъ церемоніалъ кончился, и тѣло адмирала поставили въ капеллу до отправленія его въ Россію. Я до сихъ поръ не зналъ, что безъ высочайшаго разрѣшенія не дозволено ввозить покойниковъ въ наши границы и, признаюсь, былъ очень встревоженъ, когда баронъ Мейендорфъ мнѣ объявилъ объ этомъ. Пока его депеша

дойдетъ въ Петербургъ, пока тамъ доложатъ и высочайше разрѣшатъ, пока разрѣшеніе это придетъ въ Вѣну, пройдетъ добрый мѣсяцъ. Все это время вдова адмирала съ дѣтьми должна проживать въ Вѣнѣ; а денегъ, какъ вамъ извѣстно, адмиралъ не копилъ. Все это, повторяю, меня очень встревожило, и я сталъ просить господина посланника, нельзя ли какимъ нибудь образомъ умалить обыкновенный срокъ (проживанія), въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга на его представленіе. Баронъ Мейендорфъ мнѣ отвѣтилъ, что все, что онъ можетъ сдѣлать въ этихъ обстоятельствахъ, заключается въ томъ, что онъ будетъ просить, чтобы изъ Петербурга разрѣшеніе на ввозъ тѣла покойнаго адмирала въ Россію отправили въ Николаевъ, откуда пришлютъ или пароходъ въ Галацъ, или же, если это найдутъ неудобнымъ, разрѣшеніе; а мы между тѣмъ отправимся отсюда на Дунай въ Галацъ, откуда, если не найдемъ казеннаго парохода, а одно лишь разрѣшеніе, пойдемъ на пакетботѣ парахода «Петръ Великій» въ Одессу, а уже оттуда препроводимъ покойнаго адмирала въ Севастополь для окончательнаго преданія землѣ.

Баронъ Мейендорфъ точно такимъ образомъ и поступилъ, и отъ 11 (23) его представленіе пошло въ Петербургъ; но скоро ли оттуда пойдетъ разрѣшеніе, предвидѣть не могу.

Письма къ Истомину въ Севастополь

отъ брата его К. И. Истомина.

I.

Кронштатъ, 19 Августа 1854.

.... Я совершенно виноватъ, любезный Владиміръ, что не отвѣчалъ своевременно на твои письма, но тѣмъ не съ меньшимъ безпокойствомъ слѣжу по газетамъ или по другимъ источникамъ ваши дѣла и положенія, мои родные Черноморцы. До сихъ поръ Черноморскій флотъ, по истинѣ, отличался во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ; всѣ ваши выходки, крейсерства у Севастополя, стычки съ разными врагами и даже съ Англичанами, со всѣхъ сторонъ заслужили одну похвалу, а со стороны нашихъ непріятелей—самую желчную зависть; въ особенности Англичане неутѣшны существованіемъ образцоваго Севастополя, и они стали отъ злости до того откровенны, что и въ Парламентѣ говорятъ и во всѣхъ газетахъ пишутъ, что еслибъ не Севастополь и его флотъ, *то этой войны никогда бы не было!!* Такъ вотъ въ чемъ вся завязка! И потому всѣ ихъ помышленія, всѣ дѣйствія направлены къ одной постоянной и непремѣнной цѣли, чтобъ не было Севастополя!!! Но какъ этого достигнуть? Севастополь страшно укрѣпленъ, войска въ немъ много, и флотъ тамъ на все готовый и который себя даромъ не отдастъ. Это наши враги все знаютъ и все понимаютъ, и потому-то съ ихъ стороны и дѣлаются страшныя приготовленія. Средства у злодѣевъ огромныя, и потому

невольный иногда страхъ и безпокойство находитъ на нашего брата, понимающаго все значеніе Севастополя для нашей родной матери-кормилицы Россіи, не говоря уже о бѣдномъ сердцѣ, которое бьется отъ безпокойства за родныхъ и любезныхъ друзей и товарищей. Чтȯ касается собственно меня, то ни днемъ, ни ночью мысли объ васъ меня не оставляютъ. Неужели, думаю, этому Севастополю, который въ нашихъ глазахъ изъ младенца выросъ въ великаны и сдѣлался дивнымъ богатыремъ на страхъ врагамъ, неужели ему сужденъ такой короткій вѣкъ, и завистникамъ злобнымъ удастся надъ нами торжествовать? Какъ ни велики ваши средства обороны, но непріятели сбираются на васъ тройною силою; да иначе треклятые Англичане къ вамъ и сунуться не посмѣютъ. Я разумѣю не одинъ флотъ: имъ Севастополя никогда не взять. Но главное десантъ, вотъ чего они набираютъ, и если вѣрить газетамъ, то будто до 90.000 десанта приготовлено. Но великъ и Россійскій Богъ! У нихъ въ Варнѣ такая страшная холера между войсками, въ особенности Французскими, что лучше намъ и желать нельзя, и это-то, говорятъ, причиной, что экспедиція на Крымъ пріостановилась; а чтȯ будетъ дальше, предвидѣть трудно. Но мнѣ чувствуется, что Господь Богъ насъ не выдастъ и что всѣ затѣи нашихъ непріятелей послужатъ лишь къ увеличенію славы Русской и Черноморскаго флота, нашей общей надежды. Пожалуста, любезный Владиміръ, опиши мнѣ о вашемъ положеніи поподробнѣе: какія вы имѣете средства, какіе виды и надежды, сколько у васъ войскъ, и такъ ли удалы и хороши солдаты, какъ наши моряки? Главное, кто изъ генераловъ у васъ предводительствуетъ? Я объ этомъ никакого не имѣю понятія.

Чтȯ тебѣ сказать про наши дѣла? Тоже хорошаго мало. Ты уже знаешь, что у насъ 17 кораблей расположено на маломъ Кронштатскомъ рейдѣ и сколько отмели и положеніе рейда позволяютъ, корабли занимаютъ боевую позицію. Нашъ корабль «Императоръ Петръ 1» и «Георгій Побѣдоносецъ» стоятъ поперекъ малаго рейда, между купецкой гаванью и Кронштатомъ, и вотъ 14-го Іюня видимъ, валитъ съ моря страшная черная туча, все ближе и ближе, и когда черное облако дыма стало расходиться, оказался Англійскій флотъ на якорѣ у Красной Горки. Дымъ происходилъ отъ множества пароходовъ, а флотъ состоялъ изъ 33 вымпеловъ, въ томъ числѣ 19 кораблей, изъ коихъ 12 винтовыхъ. Англійскіе пароходы начали было вертѣться, ходили на сѣверный фарватеръ, дѣлали промѣры и прочія штуки; но ни одинъ изъ нихъ не подходилъ ближе чѣмъ на 6 или 7 верстъ къ нашимъ укрѣпленіямъ или пушкамъ. Наконецъ вся эта ватага 21-го Іюня снялась съ якоря и ушла въ море, не сдѣлавъ не только ни одной атаки, но даже ни одного выстрѣла. Наша позиція крѣпкая, кто говоритъ! Но мы все таки ожидали атаки, если и не генеральной, то по крайней мѣрѣ какихъ либо выходокъ ракетами, брандерами или ихъ столь прославленными пушками дальнаго полета; но не тутъ то было: подлецы стали черезъ-чуръ осторожны и никакимъ не хотятъ подвергаться шансамъ, лишь дѣйствуютъ навѣрное, нападаютъ на беззащитные Финляндскіе города, да деревни, грабятъ

несчастныхъ купцовъ, а гдѣ встрѣтится рыбакъ, не пропустятъ: все отнимутъ, даже несчастные Финскіе сухари и проч. Изъ Кронштата вся эта туча саранчи отправилась къ Аландскимъ островамъ, которые, какъ ни слабо укрѣплены, все еще показались имъ не по силамъ; безпрестанно изъ Англіи и Франціи присоединялись военныя суда, такъ что ихъ теперь здѣсь около 36 линейныхъ кораблей, въ томъ числѣ 20 винтовыхъ, а пароходамъ и числа нѣтъ. Наконецъ изъ Франціи привезли 10.000 войска и, послѣ всѣхъ возможныхъ маневровъ и усилій, взяли 16-го Августа Аландскія наши неоконченныя укрѣпленія, въ которыхъ всего гарнизону было 1.800 человѣкъ! Прилагаю здѣсь циркуляръ только что вышедшій объ Аландскихъ островахъ. Что они теперь предпримутъ, никто не знаетъ, едва ли рѣшатся на что либо важное; а хорошо бы, еслибъ вздумали сунуться теперь въ Кронштатъ. Мы послѣ ихъ ухода весьма усилились, сформировали превосходную канонерскую флотилію изъ 110 превосходно вооруженныхъ лодокъ. Вся честь сформированія этой огромной флотиліи принадлежитъ Великому Князю; онъ одинъ ее создалъ и устроилъ. Кромѣ Кронштатскихъ 110 лодокъ, въ Финскихъ шкерахъ столько же; но Англичане и тамъ неохотно съ ними связываются, или же съ большою осторожностію; впрочемъ здѣсь на все готовы и посмотримъ, чтò дальше будетъ; я же молю ежедневно Бога, да сохранитъ Онъ намъ Севастополь и Крымъ.

....Прошу тебя напередъ обратить вниманіе на мое порученіе, которое дѣлаю тебѣ отъ имени Великаго Князя. Во первыхъ, напиши мнѣ всѣ подробности о станкахъ 68 фунтовыхъ пушекъ корабля «Парижъ»: какими ты ихъ находишь, какими они себя оказали въ Синопскомъ дѣлѣ, велика ли у нихъ отдача, и не рвется ли отъ сильной отдачи брюкъ или вырываются рыми и проч.? Первоначальный станокъ къ этимъ орудіямъ былъ мною вывезенъ изъ-за границы; у того станка не было заднихъ колесъ, а вмѣсто оныхъ были подушки, такимъ образомъ устроенныя, чтобъ отнюдь не касались палубы; станокъ же отдавался на переднихъ колесахъ, а задомъ скользилъ по правилу. Сколько я помню, то такой станокъ былъ совершенно покоенъ, отдача была плавная и нестремительная; словомъ, все было хорошо. Теперь же прислали сюда къ намъ изъ Чернаго моря чертежъ станка орудій нижней батареи корабля «Парижъ», т. е. 68 фунтовой пушки и по этому чертежу надѣлали здѣсь станковъ; но они, по моему, не годятся, ибо отдача такъ сильна, что все рветъ и ломаетъ, что происходитъ, конечно, отъ того, что станокъ на 4-хъ колесахъ. Вотъ въ чемъ мой вопросъ. Напиши мнѣ все, чтò на это имѣешь сказать; но съ этимъ вмѣстѣ пришли и подробный чертежъ станка.

Теперь вторая просьба: Великій Князь поручилъ мнѣ составить чертежъ образцовому *ноктоузу*, ибо здѣсь на этотъ счетъ совершенный ералашъ и хаосъ, и потому пришли мнѣ подробный чертежъ ноктоузовъ «Парижа», да и другихъ судовъ, гдѣ есть хорошіе. На пароходѣ «Громоносецъ» былъ прекраснѣйшій ноктоузъ, пришли и его чертежъ. Пожалуста попроси отъ моего имени В. А. Корнилова

или кого нужно, чтобъ тебѣ дали кондукторовъ для черченія; прошу только объ одномъ: похлопочи, чтобъ мы съ тобою не ударили въ грязь лицемъ и имѣй въ виду, что твои чертежи и описанія къ онымъ поступятъ къ Великому Князю; пожалуста же, Владиміръ, удружи! Затѣмъ, въ ожиданіи прекрасныхъ чертежей и еще лучшаго описанія къ онымъ, прошу тебя засвидѣтельствовать мой душевный поклонъ Павлу Степановичу, Вл. Алекс. Корнилову, Панфилову и другимъ; я же поручаю васъ всѣхъ благому Провидѣнію; молю, чтобъ вы всѣ были избранными орудіями для покоренія завидливыхъ и злыхъ враговъ Россіи и съ желаніемъ тебѣ во всемъ совершеннаго успѣха, остаюсь навсегда преданный тебѣ братъ

К. Истоминъ.

2.

Кронштатъ, 20 Ноября (1854).

Любезный другъ Владиміръ! Наконецъ представляется мнѣ случай писать къ тебѣ въ Севастополь, или лучше сказать, въ бастіонъ, который ты, любезный братъ, какъ мы всѣ знаемъ, ни днемъ, ни ночью не оставляешь, а отстаиваешь родной Севастополь, честь роднаго края, и разишь безщадно незваныхъ гостей, нашихъ заклятыхъ враговъ. Наипервѣе, поздравляю тебя съ Георгіемъ на шеѣ! Награда самая лестная для военнаго человѣка, но котораго, конечно, никто болѣе не заслуживалъ васъ молодцовъ, героевъ-защитниковъ Севастополя. Хотя первоначально извѣстіе отъ 6-го и 7-го Октября объ твоей ранѣ и контузіи насъ очень перепугало, но мы вскорѣ узнали, что Богъ былъ милостивъ и тебя сохранилъ, и я надѣюсь, что здоровье твое и въ будущемъ отъ этихъ ранъ не въ опасности. Ахъ, какъ тебѣ описать, любезный Владиміръ, съ какимъ безпокойствомъ, съ какой душевной тревогой, мы слѣдили ваши Севастопольскія дѣла! Сколько я провелъ ночей безъ сна, тревожимый вашимъ положеніемъ! Каково же было вамъ? Но теперь, слава Богу, дѣла ваши поправились, и мы всѣ надѣемся, что надменный врагъ сокрушится, разобьется въ дребезги о ваши груди молодецкія. Впрочемъ еще много, очень много вамъ предстоитъ усилій впереди; да поможетъ вамъ Богъ и да отстранитъ Онъ отъ тебя всякія бѣды и несчастія! Поганцы Англичане и Французы, кажется, сбираются зимовать у васъ? Но, кажется, имъ не сдобровать; кажется, они до послѣдняго поплатятся кровью за необдуманное и опрометчивое предпріятіе противъ нашего славнаго Севастополя. Всѣ наши, т. е. Петербургскіе и мое семейство въ Кронштатѣ, тебя поздравляютъ отъ души; выбери, пожалуйста, свободную минуту и обрадуй хотя строчкой твоею тебѣ душею преданнаго брата

К. Истомина.

P. S. Мое душевное почтеніе и поздравленіе Павлу Степановичу, Новосельскому и Панфилову.

3.

Кронштатъ, 30 Января 1855.

Письмо твое, любезнѣйшій другъ Владиміръ, отъ твоего браваго лейтенанта Гирса, я имѣлъ счастіе получить; но что довершило мое счастіе, было то, что Гирсъ самъ пріѣзжалъ въ Кронштатъ и разсказалъ всѣ подробности до васъ касающіяся; каждое его слово было для жаднаго уха небесная музыка! Ахъ, любезный Владиміръ, немного отъ сердца отлегло, и мы здѣсь стали дышать посвободнѣе за васъ! Разсказать словами или описывать, до какой степени весь міръ пораженъ и восхищенъ защитниками Севастополя, я не буду пытаться; ибо то былъ бы трудъ неисполнимый. Скажу только, что весь міръ справедливо и львиную долю славы этого дѣла отдаетъ съ радостію морякамъ. Ну, братцы, показали же вы себя молодцами! Задали же вы перцу поганымъ врагамъ! Ибо, судя даже по ихъ собственнымъ описаніямъ, положеніе ихъ такое ужасное, какое мы только желать можемъ; и эта участь постигла ихъ по всей справедливости, за всѣ ихъ наглости, надменность и первоначальную самонадѣянность, что Севастополь и васъ всѣхъ безъ всякаго труда проглотятъ. Что касается тебя, любезнѣйшій Владиміръ, то всѣ мы, твои близкіе, не перестаемъ, во первыхъ, благодарить Бога, что тебя до сихъ поръ сохранилъ, а потомъ, чтобъ продолжалъ осѣнять тебя Своимъ святымъ покровомъ! Однако я все таки безпокоюсь, что твои раны теперь, такъ сказать сгоряча, тебѣ кажутся неважными и чтобъ не отозвались послѣ. Но Богъ милостивъ, прошла бы грозная туча; а тамъ можно будетъ себя полелѣять, понѣжить и поотдохнуть, уѣхать за границу и вытимберовать себя какъ слѣдуетъ и поотдохнуть на лаврахъ. Принцъ Ольденбургскій, находясь за границею, оттуда писалъ къ своему гофмаршалу въ Петербургъ, чтобъ онъ адресовался ко мнѣ узнать о твоихъ ранахъ и твоемъ здоровьѣ и чтобъ онъ его немедленно увѣдомилъ. Все это было исполнено, и я благодарилъ письменно Его Императорское Высочество за вниманіе къ тебѣ. Также Великій Князь генералъ-адмиралъ присылалъ ко мнѣ для прочтенія письмо *Лаіонса* къ тебѣ и твой отвѣтъ [1]). Переписка эта здѣсь очень интересовала, и она между прочимъ доказываетъ, съ какимъ почтеніемъ враги смотрятъ на нашъ сердечный Севастополь и на *грозный Малахова курганъ!* Вся твоя переписка и проч. каждый разъ препровождается къ Екатеринѣ Тимофеевнѣ; ты можешь себѣ вообразить, съ какимъ участіемъ и дружбою она тебѣ предана и какъ слѣдитъ каждое слово, которое про тебя молвится или тебя касается; скажу только, что ты бы ее осчастливилъ, еслибъ написалъ хотя нѣсколько строкъ. Она и всѣ ея дѣтки совершенно здоровы; я ихъ давно не видалъ, ибо рѣдко удается побывать въ Петербургѣ, и то только по службѣ, такъ что объ разъѣздахъ и думать некогда. Между тѣмъ не на шутку здѣсь поговариваютъ о мирѣ; и признаться, не худо бы

---

[1]) Напечатанъ въ Р. Архивѣ 1867 года.

намъ полюбовно разсчитаться съ врагами: убрались бы лишь, да оставили православную землю въ покоѣ; къ слѣдующему разу приготовимся ихъ принять еще получше. Въ Вѣнѣ переговоры начинаются; но смѣшные эти Англичане! Съ одной стороны они страшно напуганы положеніемъ ихъ арміи у Севастополя; съ другой стороны желудокъ ихъ не варитъ то, что, будучи уже такъ близко цѣли, имѣя предъ глазами городъ, котораго бы вся Англія желала видѣть въ преисподней земли, и вдругъ его оставить! Какъ пережить того, что эти прекрасные корабли, которыхъ они бы съ такимъ наслажденіемъ, посадивъ и васъ всѣхъ на нихъ, и потопили бы или сожгли бы еще охотнѣе, опять поплывутъ по морямъ и, пожалуй, со временемъ доплывутъ и до самой Англіи! Вотъ всего этого Англійскій желудокъ никакъ не можетъ сварить, и оттого ихъ теперешняя политика въ Вѣнѣ и жалка, и смѣшна. Переговоры и они начали вести, а главное, думаютъ о томъ, нельзя ли хоть на денекъ до заключенія мира попасть въ Севастополь. И вотъ почему такъ торопятся перевезти въ Крымъ и Омеръ-пашу, да еще саранчи изъ Сардиніи. Но Богъ великъ, и будемъ надѣяться, что насъ не выдастъ, и что наши Севастопольскіе герои довершатъ дѣло до конца. За то такова будетъ послѣ и слава ваша; дай Богъ намъ всѣмъ дожить до этого славнаго конца! А между тѣмъ, любезнѣйшій Владиміръ, прошу тебя напомнить обо мнѣ и поклониться въ поясъ Павлу Степанычу; скажи ему, что здѣсь всѣхъ отъ всего сердца порадовалъ рескриптъ, написанный ему нашимъ голубчикомъ генералъ-адмираломъ; также Новосельскому и Панфилову. Но сверхъ того у васъ въ Севастополѣ теперь много изъ моихъ любезнѣйшихъ друзей; пожалуйста, засвидѣтельствуй поклонъ князю Васильчикову; пожалуйста, Владиміръ, познакомься съ нимъ поближе: онъ достойнѣйшій человѣкъ и мой очень добрый пріятель. Таковыми же: Краснокутскій, Исаковъ и Стюрлеръ; всѣмъ имъ напомни обо мнѣ, и прошу тебя еще разъ со всѣми ими потоварищески сойтиться: это славнѣйшій народъ, и много я съ ними проводилъ пріятнѣйшихъ дней, которые останутся вѣчно въ моей памяти. Какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ недѣльки хоть на двѣ могъ къ вамъ-лихачамъ прискакать! Но, увы, новая служба въ Кронштатѣ меня приковываетъ къ мѣсту, и мнѣ осталось лишь утѣшеніе мысленно быть съ вами. Любезному И. В. Батьянову поклонись также. Между прочимъ скажу тебѣ такъ, къ свѣдѣнію, что въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 22 Января была ошибка: тамъ напечатали, что ты и Панфиловъ получили ордена Георгія 4-й степени. Я тотчасъ писалъ въ редакцію газеты и требовалъ, чтобъ они ошибку исправили; но не имѣю отъ нихъ еще отвѣта. Въ заключеніе скажу тебѣ, что наши «на Васильевскомъ острову», слава Богу, здоровы и тебѣ кланяются, также моя жена и дѣти, которыхъ теперь на лицо состоитъ уже *восемь*, тебѣ кланяются отъ души. Къ 6-му Декабря я получилъ аренду въ 1200 р. серебромъ и, какъ видишь, это было очень кстати: есть на кого деньги тратить. Старшему твоему племяннику Сережѣ, вотъ уже 10-й годъ. Мальчикъ хоть куда, и онъ по настоятельному своему желанію записанъ въ Морской корпусъ; твой тёска, Володя, записанъ

въ Пажескій корпусъ; а остальные ребятишки еще малы и пока никуда не записаны. За тѣмъ прощай, любезный другъ Владиміръ. Да хранитъ тебя Всевышній и да пронесетъ громовую тучу мимо тебя: объ этомъ молю усердно. Твой тебѣ преданной братъ и другъ

К. Истоминъ.

Севастопольскія письма Истомина.

Къ П. Ѳ. Хрипкову [1]).

Письмо ваше, почтенной Петръ Ѳедоровичъ отъ 16-го Октября,— и Боже великій! сколько съ тѣхъ поръ у насъ въ Севастополѣ происходило дѣлъ кровавыхъ, и хотя и славныхъ для нашего оружія, но все же было-бъ лучше, если-бъ ихъ вовсе не было, и Россія подъ скипетромъ великаго нашего Государя продолжала бы совершенствоваться въ мирныхъ занятіяхъ, не тревожимая проклятымъ врагомъ. Но роптать не приходится, когда уже такъ суждено свыше; а покоримся святой Его волѣ и будемъ благодарить Создателя за то, что Севастополь, а не другой какой либо слабѣйшій и съ меньшими средствами къ защитѣ пунктъ, сдѣлался воинственной цѣлью этихъ подлыхъ завистниковъ благоденствія нашей милой матушки Россіи.

Не причтите, почтенной Петръ Ѳедоровичъ, слова эти къ бравадѣ или моему желанію на бумагѣ выказать чувства самоотверженія, которыми здѣсь всѣ преисполнены. Право, намѣренія этого я не имѣлъ, а сказалъ вамъ мое мнѣніе съ откровенностью и безъ малѣйшаго чванства, какъ подобаетъ моряку, и прибавлю, что эта жизнь, вотъ теперь уже 123-й день подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, нельзя сказать, чтобы немножко не надоѣдала.

Скоро ли же это кончится? И какой будетъ конецъ этой осадѣ? спросите вы. На такой вопросъ могу только отвѣчать, что все въ рукахъ у Бога, Который, въ Своемъ къ намъ милосердіи, до сихъ поръ очевидно поборалъ правому нашему дѣлу. Предвидѣть тутъ никто ничего не можетъ; да и что̀ значатъ человѣческіе разсчеты въ подобныхъ міровыхъ дѣлахъ? И поэтому, какъ бы мнѣ ни хотѣлось удовлетворить ваше любопытство на счетъ здѣшнихъ обстоятельствъ, я по неволѣ долженъ ограничиться увѣреніемъ, что все, что̀ въ нашихъ силахъ было, нами сдѣла̀но, и мы, атакованные въ прошедшемъ году съ совершенно почти открытой стороны города, доказали на дѣлѣ истину стараго изрѣченія, что въ крѣпости самая надежная защита человѣку послѣ Бога самъ человѣкъ. А тамъ что̀ будетъ, то будетъ; предназначеннаго свыше не избѣгнешь, и потому, если мнѣ придется лечь здѣсь костьми, что̀ впрочемъ болѣе чѣмъ вѣроятно, то прошу вспоминать хотя изрѣдка человѣка, который любилъ и уважалъ васъ и всю семью вашу, вѣрьте мнѣ, отъ души.

Севастополь
28 Генваря 1855.

---

[1]) Отцу моей матери. *В. К. Истоминъ.*

Къ брату, Константину Ивановичу Истомину.

1.

Севастополь, 23 Ноября 1854.

Любезный братъ и другъ Константинъ! Твое последнее письмо, въ которомъ ты поручалъ мнѣ прислать чертежи съ станкомъ, равно какъ ноктоуза корабля «Парижа», я получилъ въ день высадки Англичанъ и Французовъ, и надѣюсь, что, по случаю этого мірового происшествія, ты не сердишься на меня за неисполненіе твоей просьбы. Высадка эта нагромоздила на меня столько дѣла, что, съ перваго дня ихъ прибытія на наши до того времени мирные берега и до сихъ поръ, я рѣшительно не могъ заняться не только исполненіемъ твоего порученія, но даже простымъ письмомъ.

Тебѣ безъ сомнѣнія вполнѣ извѣстна степень участія, какое я принималъ и принимаю въ защитѣ Севастополя; но вѣроятно ты не знаешь ту степень лишеній, какую я переношу съ перваго дня явленія къ намъ этихъ проклятыхъ враговъ нашей великой матушки Россіи, и эти-то лишенія, въ соединеніи съ службою и днемъ и ночью, были причиной, что я такъ, могу сказать, безсовѣстно оставлялъ васъ въ неизвѣстности на счетъ себя.

Послѣ Буръ-Люкскаго дѣла я былъ назначенъ командовать Сѣвернымъ укрѣпленіемъ, когда еще ожидали нападенія врага на эту часть Севастополя; потомъ, когда покойной Корниловъ взялъ на себя защиту этого поста, поступилъ я къ нему въ начальники штаба; когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что непріятели рѣшились атаковать Севастополь съ его Южной стороны, перебрались мы съ нашими морскими батальонами въ городъ, и на мою долю пришлось командовать нашимъ лѣвымъ флангомъ, т. е. 4-й дистанціей, которая также называется дистанціей Малахова кургана и тянется отъ доковаго моста до бухты у Киленбалки, занимая протяженіе до 3-хъ верстъ. Противъ меня стоятъ Англичане, и вотъ мы возимся съ ними съ 17-го Сентября! Не стану тебѣ описывать ни бомбардировки, ни стычки, ни даже сраженія: это тебѣ все извѣстно изъ офиціальныхъ источниковъ, да и для этого нужно было бы исписать не одну дюжину листовъ, къ чему я рѣшительно не имѣю времени; скажу только, что не могу надивиться на нашихъ матрозъ, солдатъ, а также офицеровъ. Такого самоотверженія, такой геройской стойкости пусть ищутъ въ другихъ націяхъ со свѣчей! То, что сыпалось на нашихъ матрозъ, составлявшихъ прислугу на батареяхъ, этого не видѣли люди отъ вѣка. Бывали несчастные для насъ выстрѣлы, которые разомъ снимали полъ-прислуги, и до приказанія стояли уже охотники на ихъ мѣстахъ. Бомбардировка начиналась утромъ въ 6 часовъ, кончалась вечеромъ въ 7 часовъ, и въ продолженіе всего времени ни одинъ здоровый матрозъ не дозволялъ себя смѣнить охотникомъ,

которые безпрерывно, со слезами на глазахъ, упрашивали, чтобы ихъ пустили къ пушкамъ! Словомъ. чтобы описывать восторженную храбрость нашихъ матрозъ и офицеровъ, нужно написать Гомеріаду, а къ этому нѣтъ у меня ни времени, ни средствъ. Я живу въ траншеѣ. Теперь у насъ перестрѣлка пушками стала рѣже. Непріятель укрѣпляетъ свою позицію редутами; тоже по возможности дѣлаемъ и мы; когда же начнется настоящее дѣло, вѣдаетъ Богъ. Думаю, что когда они свой лагерь совсѣмъ укрѣпятъ, начнется опять усиленная бомбардировка, а потомъ и приступъ. Чѣмъ онъ кончится, въ рукахъ у Всевышняго; а наше дѣло будетъ рѣзаться на славу, и да поможетъ намъ Богъ!

Не стану утомлять тебя, любезный братъ, дальнѣйшимъ описаніемъ нашихъ здѣшнихъ дѣлъ: для этого нужно исписать, какъ я сказалъ, по крайней мѣрѣ томъ, а у меня нѣтъ ни времени, ни мѣста для этого. Дистанція велика, стоитъ 105 пушекъ, а мнѣ пришлось быть и артиллеристомъ, и инженеромъ, и начальникомъ войскъ; къ тому же живу на открытомъ воздухѣ. Дѣла же на моей дистанціи, благодаря Всевышнему, идутъ пока хорошо; но въ послѣднее время Англичане начали что-то ко мнѣ приближаться со своими саперными работами; но въ замѣнъ работаю и я и укрѣпляю свой курганъ, гдѣ палъ В. А. Корниловъ, по мѣрѣ силъ и разума. Чѣмъ все это кончится и когда начнется опять настоящая бомбардировка, вѣдаетъ Создатель; а что бомбардировка будетъ страшная, этому порукой то, что у меня въ продолженіе пушечной работы изъ 18 орудій, которыя дѣйствовали противъ Англійскихъ батарей, разбито 36 и расколочено 54 станка! За то одну 5-пушечную батарею я уничтожалъ сряду три дня, пока враги ея совсѣмъ не бросили; а на другой, къ вечеру каждаго дня, оставалось только двѣ или три пушки. Боже великій! Что за люди наши матрозы! Описать тебѣ весь адъ разрывныхъ снарядовъ, которыми насъ осыпалъ непріятель, съ высоты которыхъ командовали нами и слѣдовательно выбирали любой предметъ, тогда когда мы видѣли однѣ амбразуры, я не въ состояніи. И подъ этимъ-то чугуннымъ градомъ не проходило $^1/_4$ часа, и подбитое орудіе было замѣнено новымъ, что, какъ и изъ газетъ видно, немало озадачивало враговъ. А наша бравая молодежь! Сердце радовалось и въ тоже время обливалось кровью, глядя на ихъ дѣла, которыя обыкновенно кончались ранами, и у меня нѣтъ почти офицера на батареяхъ, который бы не былъ два-три раза раненъ или контуженъ и при малѣйшей возможности не возвращался бы на свое мѣсто. Меня также задѣли вражьи осколки: 6-го числа Октября я былъ раненъ въ руку и контуженъ въ грудь, 7-го раненъ въ голову; но, благодаря Всевышнему, былъ въ состояніи остаться на своемъ мѣстѣ. Рука недѣли три не могла писать, грудь кололо, а въ головѣ шумѣло, что теперь, слава Богу, почти совсѣмъ прошло. За то какъ мы и награждены царскими привѣтливыми словами и особенно послѣднимъ приказомъ! Это былъ такой бальзамъ на нашу трудную жизнь, что теперь намъ какъ будто все ни почемъ, хотя мы и съ начала дѣла не унывали.

Что также за молодцы наши солдаты! У меня въ числѣ прочихъ подъ командою также Бутырской полкъ, къ сожалѣнію въ настоящее время довольно рѣденькой, и его штуцерные занимаютъ обыкновенно дневную цѣпь противъ Англійскихъ штуцерныхъ, которые, съ перваго дня ихъ прихода, не приблизились къ моей дистанціи ни на шагъ. И замѣчательно, что гдѣ ни придется солдату нашему сойтиться съ Англичаниномъ лицомъ къ лицу, онъ его тащитъ за шиворотъ, какъ говорятъ, въ плѣнъ, чѣмъ видимо обличается превосходство нашей Славянской расы предъ этими красно-кафтанниками.

Что же у васъ тамъ дѣлается? Вы, кажется, кончили кампанію и теперь на зимнихъ квартирахъ. Напиши хоть нѣсколько словъ, и прошу поскорѣе, потому что мы здѣсь не очень разсчитываемъ на завтрашній день, слѣд. тебѣ не приходится откладывать въ даль свой отвѣтъ, которой Богъ вѣдаетъ, застанетъ ли еще меня въ живыхъ.

Прошу тебя, любезный братъ, когда будешь въ Петербургѣ, непремѣнно побывать у Екатерины Тимоѳеевны *) и передать ей чувства моей искренней, душевной преданности. Скажи ей, что не проходитъ дня особенно труднаго, въ который я бы не вспоминалъ объ ней и ея семействѣ, и что я слѣпо вѣрую, что если мои дѣла до сихъ поръ идутъ хорошо, то этимъ я обязанъ ея обо мнѣ молитвамъ, потому что самъ еще не заслужилъ передъ Господомъ Его милости. Я бы самъ написалъ имъ, но рѣшительно не въ состояніи этого сдѣлать, потому что, какъ сказано, живу какъ собака, но какъ собака Русская,—вѣрная своему царю-хозяину до конца.

Пошли это письмо домой и передай имъ мой сыновній и братній привѣтъ, вѣроятно послѣдній въ здѣшнемъ мірѣ. Вспоминайте иногда душевно васъ и тебя любящаго брата

В. Истомина.

2.

Севастополь, 28 Февраля 1855.

Письмо твое, любезный другъ и братъ Константинъ, доставленное мнѣ мичманомъ Шкотомъ, застало меня въ большихъ хлопотахъ, и потому не взыщи за безтолковость отвѣта. Благодарю душевно, что не забылъ, и вѣрь мнѣ, что немного вещей меня такъ радовало въ продолженіе этой несчастной осады, какъ вѣсть отъ тебя о нашихъ Петербургскихъ и твоихъ домашнихъ. Къ крайнему моему сожалѣнію не могу отплатить тебѣ тѣмъ же относительно нашего положенія. Благопріятное время упущено; и мы не предпринимали ничего въ зимнее холодное время, когда эти поганые Англичане были разстроены не менѣе Французовъ 1812-го года, а ихъ союзники находились въ положеніи немногимъ лучше. Когда настоящее время дѣйствія еще не настало, князь Меншиковъ все сбирался сдѣлать рѣшительное движеніе, потомъ тянулъ день за днемъ, недѣлю за недѣлею и дотянулъ до того, что и Французамъ, и Англичанамъ навезли

*) Вдовы М. П. Лазарева.

сильныя подкрѣпленія, настроили бараковъ и одѣли въ теплую одежду; потомъ объявилъ, что намъ нужно ждать подкрѣпленій, безъ чего нечего и думать о наступательныхъ движеніяхъ и наконецъ вѣнчалъ командованіе свое тѣмъ, что сказался больнымъ и уѣхалъ. Вотъ тебѣ и штука! Быть можетъ, на все это онъ имѣлъ свои причины, которыя для меня недоступны; но видитъ Богъ, этихъ неразгадаемыхъ причинъ со дня его пріѣзда накопилось столько, что и не знаешь, чтò обо всемъ объ этомъ думать. И теперь, по прошествіи почти шести мѣсяцевъ, мы, по моему мнѣнію, находимся въ положеніи худшемъ, чѣмъ въ первые дни бомбардировки. Непріятель нагромоздилъ, Богъ знаетъ, какія укрѣпленія, получилъ и все еще получаетъ огромныя подкрѣпленія, и не пройдетъ нѣсколькихъ дней какъ откроетъ бомбардировку и вѣроятно вмѣстѣ съ тѣмъ двинется на наши сообщенія. Результатъ этого въ рукахъ у Бога; но и не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть конецъ. Да, да, любезный братъ, недалеко то время, когда здѣсь начнется настоящее дѣло, и да простятъ Богъ и Царь тому, кто всему этому причиной. Я же, находясь въ такомъ положеніи и готовый предстать на судъ Творца, не хочу въ такую минуту никого обвинять и утѣшаюся тѣмъ, что будь, чтò будетъ: я исполнилъ свою обязанность и какъ вѣрноподданный, и какъ сынъ нашей святой Россіи.

Не думай впрочемъ, чтобы и мы ничего не сдѣлали; напротивъ, мы тоже громоздили пушку на пушку, и теперь кругомъ Севастополя стоитъ ихъ болѣе 800, слѣдовательно будетъ чѣмъ отвѣчать врагамъ, и они это знаютъ. Но золотое время упущено, и упущены безбожно случаи кончить эту осаду самымъ блестящимъ образомъ; теперь же одно чудо можетъ насъ вывести изъ этихъ тисковъ, и какъ Всемогущій, въ неисчерпаемомъ Своемъ къ намъ милосердіи, показывалъ намъ нѣсколько разъ свое видимое заступничество, то быть можетъ и теперь не отниметъ отъ насъ Свою десницу, и это теперь, повѣрь мнѣ, чтò бы вамъ тамъ ни врали, единственная наша надежда!

Вмѣсто князя Меншикова назначенъ сюда съ Дуная князь Горчаковъ главнокомандующимъ, и его ожидаемъ сюда со дня на день. Что-то онъ сдѣлаетъ изъ нашего совершенно-испорченнаго дѣла? Говорятъ, онъ еще свѣжъ силами, и его очень хвалятъ; впрочемъ ты его знаешь по Венгерской кампаніи и лучше моего можешь судить, чего намъ отъ него можно ожидать. Я же вообще уже пересталъ ждать добра отъ сыновъ человѣческихъ и предался совершенно въ волю Божію; и какъ бы ни желалъ смириться духомъ, находясь на шагъ отъ вѣчности, но желчь до ногтей разливается, вспоминая о томъ, чтò нами отъ начала и до сего дня было здѣсь упущено. Но Богъ съ ними, съ этими дѣлами; не воротишь же словами драгоцѣнное время, упущенное самымъ безсовѣстнымъ образомъ и до высадки, и послѣ оной; поговоримъ лучше о другомъ.

Благодарю за участіе о моихъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, которыя меня давно уже не безпокоятъ, кромѣ руки, которая иногда ноетъ; но я не помню, писалъ ли, что я на лѣвое ухо оглохъ: въ первые дни бомбардировки бомба лопнула возлѣ самаго уха и всадила въ

землю менѣе чѣмъ на футъ разстоянія отъ ноги огромные осколки; ударъ былъ такъ близокъ, что головѣ сдѣлалось жарко, и уже потомъ, долгое время спустя, заводя часы, я узналъ, что ничего не слышу лѣвымъ ухомъ, чтó и продолжается до сихъ поръ, не смущая меня впрочемъ нисколько. Кстати о моихъ поврежденіяхъ: прошу при случаѣ передать чувства благодарности * за милостивое вниманіе ко мнѣ. И вотъ еще другая къ тебѣ просьба: я получилъ отъ генерала-адмирала милостивый рескриптъ при присылкѣ ко мнѣ Георгіевскаго креста 3-й степени, и не знаю, слѣдуетъ ли отвѣчать; да и негдѣ и некогда было, не благодарилъ до сихъ поръ Его Императорское Высочество, и потому сдѣлай милость, такъ какъ я чувствую, что сдѣлалъ неловко (если не хуже), извини мой неловкой проступокъ и передай Его Высочеству о нашей безпредѣльной благодарности за всѣ его истинно-*отеческія* милости къ нашимъ раненымъ. Если мнѣ еще суждено увидѣть нашего благодѣтеля, то, гдѣ бы это ни было, я поцѣлую его руки. Нужно было быть здѣсь, чтобы оцѣнить вполнѣ милосердіе намъ оказываемое.

Письмо къ Истомину А. П. Хрущова.

Милостивый государь Владиміръ Ивановичъ! 3-й и 4-й батальоны Волынскаго полка вчера вечеромъ смѣнились съ позиціи за Киленбалкою, простоявъ тамъ четыре дня, и тотчасъ же одна рота вступила на ночь въ редутъ № 2-го, а сегодня вечеромъ вступитъ другая; между тѣмъ по приказанію, отданному генералъ-лейтенантомъ Павловымъ, эти батальоны посылаются сегодня на работу. Люди, не имѣя вовсе отдыха съ 9-го Февраля, изнуряются и заболѣваютъ, не говоря уже о томъ, что они не имѣютъ совершенно времени, чтобы вымыть бѣлье и оправить свою обувь. Представляя эти обстоятельства на усмотрѣніе вашего превосходительства, прошу васъ убѣдительно облегчить, сколько возможно, тягость службы нижнихъ чиновъ командуемаго мною полка. Извините, почтеннѣйшій и многоуважаемый Владиміръ Ивановичъ, что безпокою васъ этою просьбою; я нахожусь вынужденнымъ сдѣлать это, зная, какъ сильно утомлены не только солдаты, но даже и офицеры. Съ душевнымъ почтеніемъ и пр.

Александръ Хрущовъ.

5 Марта 1855.

Донесеніе о кончинѣ Истомина.

Севастополь, 8 Марта 1855.

Къ несчастію, я долженъ начать донесеніе мое съ печальнаго обстоятельства, вѣроятно извѣстнаго уже въ С.-Петербургѣ, а именно достославной кончины контръ-адмирала Истомина. Въ кипящей жизни Севастополя давно уже привыкли къ мысли о томъ, что многимъ еще суждено положить голову за Государя и Отечество. Не задолго предъ смертію, покойный адмиралъ лично мнѣ говорилъ въ этомъ смыслѣ и, какъ будто предчувствуя, что онъ будетъ непосредствен-

нымъ послѣдователемъ Корнилова, шутя прибавилъ, что «онъ давно уже выписалъ себя въ расходъ и нынѣ живетъ на счетъ Англичанъ и Французовъ». Это были буквальныя его слова. Можно было бы удивляться силѣ впечатлѣнія, произведеннаго смертью В. И. Истомина, если бы не было извѣстнымъ, до какой степени всѣ уважали его личныя качества и военныя достоинства. На него возлагали большія надежды, и всѣ считали Корнилова бастіонъ или Малаховъ курганъ неприступнымъ потому, что съ Истоминымъ шагъ назадъ былъ невозможенъ. Сегодня отпѣвали покойнаго адмирала въ Михайловской церкви, возлѣ адмиралтейства. Совершенно обезглавленное тѣло умершаго героя лежало въ гробѣ посреди церкви, покрытое кормовымъ флагомъ съ корабля «Парижъ», который онъ столь славно водилъ противъ враговъ Отечества въ Синопскомъ сраженіи. 35-й флотскій экипажъ, т. е. семейство покойнаго, былъ выстроенъ на площади около церкви и въ послѣдній разъ привѣтствовалъ своего любимаго и уважаемаго начальника. Общее сочувствіе къ новому, постигшему Черноморскій флотъ, горю выразилось въ многочисленномъ стеченіи народа, толпившагося около церкви такъ, что трудно было въ нее войти. Не нужно и говорить, что всѣ начальствующіе, всѣ подчиненные и всѣ тѣ, которые могли сойти съ возложенной на нихъ стражи, сочли обязанностью отдать послѣдній долгъ новому товарищу Лазарева и Корнилова. Я стоялъ вблизи за П. С. Нахимовымъ: невозможно было видѣть спокойно слезы этого воина, имя котораго такъ грозно разразилось надъ врагами и до нынѣ такъ страшно замышляющей противъ Севастополя разноязычной арміи.

В. И. Истомину суждено было занять мѣсто, которое Нахимовъ готовилъ себѣ около незабвеннаго Михаила Петровича; дай Богъ, чтобы въ этомъ заключался залогъ сохраненія жизни, столь драгоцѣнной для Севастополя и всего Русскаго флота. Послѣ грустной въ церкви службы, печальная церемонія съ хоругвями и крестами потянулась вверхъ къ бульвару, мимо Библіотеки, къ тому мѣсту, гдѣ покоятся Лазаревъ и Корниловъ; Истомина схоронили возлѣ нихъ въ склепѣ и пушечными и ружейными залпами возвѣстили непріятелю о переселеніи въ вѣчность еще одного праведнаго заступника предъ Всевышнимъ за Русское оружіе и защищаемое имъ святое дѣло. Вся толпа, молившаяся за упокой души павшаго героя, сопровождала его до послѣдней его обители; никто и не думалъ, что на проходимую процессіею мѣстность безпрестанно падали непріятельскія ракеты и бомбы. Дѣйствительно, осаждающіе даже не почтили присутствія церковныхъ знаменъ; воспользовавшись большимъ скопленіемъ народа и войска, которое они ясно могли различить съ своей позиціи (ибо вечеръ былъ чудный, и теплый и прозрачный воздухъ какъ бы нарочно смѣнилъ утреннюю туманную погоду), они начали бросать бомбы въ городъ; но къ счастію слишкомъ поздно, т. е. въ то время, когда уже мы спускались съ возвышенія. Одну бомбу разорвало саженяхъ въ 25 отъ Библіотеки, возлѣ аптеки; но, благодаря Бога, осколки не причинили никому вреда. По удостовѣ-

ренію П. С. Нахимова, сколько нынѣ извѣстно, не осталось послѣдней воли покойнаго адмирала или завѣтныхъ желаній, которыя бы можно было представить на усмотрѣніе ваше; знаю только, что послѣдній мой разговоръ съ нимъ начался и кончился изліяніями благодарности вамъ и выраженіемъ, что «онъ и всѣ Черноморскіе его товарищи съ избыткомъ уже взысканы милостями Государя Императора, и потому имъ много надобно еще заслужить».

Донесеніе П. С. Нахимова

Контръ-адмиралъ Истоминъ убитъ непріятельскимъ ядромъ на вновь воздвигнутомъ Камчатскомъ люнетѣ. Хладнокровная обдуманность при неутомимой дѣятельности и отеческомъ попеченіи о подчиненныхъ, соединенная съ блистательною храбростію и благороднымъ возвышеннымъ характеромъ, вотъ черты отличавшія покойнаго. Вотъ новая жертва, принесенная искупленію Севастополя! Качества эти, взлелѣенныя въ немъ безсмертнымъ нашимъ учителемъ, адмираломъ Лазаревымъ, доставили ему особенное исключительное довѣріе и падшаго героя Севастополя, вице-адмирала Корнилова. Духовная связь этихъ трехъ лицъ дала намъ смѣлость, не ожидая вашего разрѣшенія, дѣйствовать по единодушному желанію всѣхъ насъ, товарищей и подчиненныхъ убитаго адмирала: обезглавленный прахъ его удостоенъ чести помѣщенія въ одномъ склепѣ съ ними.

Принимая живое, горячее участіе во всемъ касающемся Черноморскаго флота и зная лично Истомина, вы повѣрите скорби удручающей Севастополь съ минуты его смерти, и разрѣшите согласіемъ это распоряженіе.

Подписалъ: Вице-адмиралъ Нахимовъ. 9-го Марта 1855 года.

Письмо П. С. Нахимова къ К. И. Истомину.

Севастополь, 9 Марта 1855.

Любезный другъ Константинъ Ивановичъ! Общій нашъ другъ, Владиміръ Ивановичъ убитъ непріятельскимъ ядромъ. Вы знали наши дружескія съ нимъ отношенія, и потому я не стану говорить о своихъ чувствахъ, о своей глубокой скорби при вѣсти о его смерти. Спѣшу вамъ только передать объ общемъ участіи, которое возбудила во всѣхъ потеря товарища и начальника всѣми любимаго. Оборона Севастополя потеряла въ немъ одного изъ своихъ главныхъ дѣятелей, воодушевленнаго постоянно благородною энергіею и геройскою рѣшительностію; даже враги наши удивляются грознымъ сооруженіямъ Корнилова бастіона и всей четвертой дистанціи, на которую былъ избранъ покойный, какъ на постъ самый важный и въ началѣ самый слабый.

По единодушному желанію всѣхъ насъ, бывшихъ его сослуживцевъ, мы погребли тѣло его въ почетной и священной могилѣ для Черно-

морскихъ моряковъ, въ томъ склепѣ, гдѣ лежитъ прахъ незабвеннаго адмирала Михаила Петровича, и первая вмѣстѣ высокая жертва защиты Севастополя, покойный Владиміръ Алексѣевичъ *). Я берёгъ это мѣсто для себя, но рѣшился уступить ему.

Извѣщая васъ, любезный другъ, объ этомъ горестномъ для всѣхъ насъ событіи, я надѣюсь, что для васъ будетъ отрадною мыслію знать наше участіе и любовь къ покойному Владиміру Ивановичу, который жилъ и умеръ завидною смертію героя. Три праха въ склепѣ Владимірскаго собора будутъ служить святынею для всѣхъ настоящихъ и будущихъ моряковъ Черноморскаго флота.

Посылаю вамъ кусокъ Георгіевской ленты, бывшей на шеѣ у покойнаго въ день его смерти, самый же крестъ разбитъ на мелкія части. Подробный отчетъ о его деньгахъ и вещахъ я не замедлю прислать къ вамъ. Прощайте и не забывайте преданнаго и уважающаго васъ друга

П. Нахимова.

*) Корниловъ.

Замѣтка къ исторіи города Тамбова.

Въ любопытной статьѣ графа Е. А. Саліаса «Поэтъ-Державинъ, правитель намѣстничества (1785—1788)», помѣщенной въ Сентябрьской и Октябрьской книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1876 годъ, находится, между прочимъ, переписка Г. Р. Державина, Тамбовскаго губернатора, съ преосвященнымъ Тихономъ, епископомъ Воронежскимъ, по поводу усиленія средствъ Тамбовскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія. Авторъ статьи посвящаетъ особую главу (XV) этой перепискѣ, гдѣ приводитъ увѣщаніе преосвященнаго Тихона къ своей паствѣ, возбуждающее послѣднюю къ пожертвованіямъ въ пользу Приказа, и письмо этого епископа къ Державину, замѣчательное, по словамъ графа Саліаса, «внѣшнимъ своимъ видомъ, легкимъ и необыкновенно-красивымъ почеркомъ, съ замѣчательнымъ соблюденіемъ орѳографіи». Графъ Е. А. Саліасъ полагаетъ, что эти два документа принадлежатъ перу святителя Тихона, мощи котораго покоятся въ Задонскомъ монастырѣ; но такое предположеніе ошибочно. Святитель Тихонъ умеръ передъ этимъ за три года, а въ это время (въ 1786 г.) епископомъ Воронежскимъ хотя и былъ тоже Тихонъ, но уже другой, или точнѣе—третій (въ Воронежѣ, съ 1763 по 1788 г., были, одинъ за другимъ, три Тихона),—*Тихонъ Малининъ*, изъ префектовъ Славяно-Греко-Латинской Академіи, стало-быть человѣкъ образованный (см. *Списки архіереевъ* Юрія Толстаго, стр. 14, 16 и 18). Поэтому нечего удивляться, что онъ писалъ литературно, красивымъ почеркомъ и на изящной бумагѣ. Св. Тихонъ Задонскій (Соколовъ), извѣстный и плодовитый писатель своего времени, писалъ также совершенно литературно, хотя и не столь красивымъ почеркомъ и не на золотообрѣзной бумагѣ *).

Неоспоримо, что въ Державинское время Тамбовъ былъ именно такимъ, какимъ его представляетъ графъ Саліасъ, и что Козловъ и Моршанскъ были гораздо его лучше; но авторъ ошибается, полагая, что этотъ городъ «былъ только что созданъ (гл. VIII)» и возведенъ въ санъ губернскаго совершенно случайно, съ административною цѣлію (гл. XII). Тамбовъ и Козловъ возникнули одновременно, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1636 г.), и съ тою же цѣлію, какъ ранѣе ихъ построенные Воронежъ, Валуйки, Старый Осколъ, Бѣлгородъ и другіе города и городки, возникнувшіе въ концѣ XVI столѣтія, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, для защиты тогдашнихъ нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ отъ Татарскихъ (Крымскихъ и Ногайскихъ) набѣговъ. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1682 г., мы видимъ въ Тамбовѣ уже епископскую каѳедру, образовавшуюся одновременно (и даже нѣсколько ранѣе) Воронежской. При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, Тамбовъ былъ причисленъ (1708 г.) къ Азовской губерніи, а съ 1719 г. былъ провинціальнымъ городомъ оной. Въ это

---

*) Какъ видно по снимкамъ его почерка, въ новомъ превосходномъ изданіи его сочиненій, М. 1875. П. Б.

время онъ былъ, конечно, хуже Воронежа, но едва ли чѣмъ уступалъ Козлову и другимъ южнымъ, степнымъ городамъ. И хотя съ половины XVIII столѣтія, надобно думать, значеніе его упало, но все же онъ созданъ не Екатериною II «съ административною цѣлію» изъ какого-нибудь села, а при образованіи губерній уже существовалъ почти полтораста лѣтъ и почти сто лѣтъ былъ епархіальнымъ городомъ. Достоинъ ли былъ Тамбовъ или нѣтъ названія губернскаго города, это иной вопросъ; но Екатерина, назначивъ его губернскимъ городомъ, сдѣлала меньше одною историческою несправедливостію: послѣ Шацка, Тамбовъ былъ самый старинный городъ въ губерніи, а притомъ епархіальный.

Въ любопытной статьѣ графа Саліаса мы нашли еще одну обмолвку (гл. XVIII, стр. 609): въ Державинское время становыхъ приставовъ еще не было.

М. Де-Пуле.

Тамбовъ,
5-го Декабря 1876 г.

ИСТОРІЯ СЕРБІИ

ПО

СЕРБСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА РАНКЕ.

Переводъ съ нѣмецкаго

Петра Бартенева.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ДЕВЯТАЯ И ОДИННАДЦАТАЯ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

содержащія въ себѣ переписку Лондонскаго посланника графа Семена Романовича Воронцова съ братомъ его государственнымъ канцлеромъ графомъ Александромъ Романовичемъ, съ графомъ Н. П. Панинымъ, Н. Н. Новосильцевымъ, графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ и съ другими лицами въ царствованіе Павла и въ первые годы Александровскаго царствованія.

Цѣна каждой книгѣ три рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи **10** рублей, въ Англіи, Швейцаріи и Италіи **11** руб.

Составитель и Издатель Русскаго Архива
Петръ Бартеневъ.

(Годъ пятнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 2.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія П. А. Лебедева, Донская, домъ Зоркиной.
1877

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать книги Русскаго Архива слѣдующихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Воспоминанія **Ѳ. П. Лубяновскаго**.—Записка **графа Нессельрода** о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира. — Мининъ и Пожарскій. Статьи **И. Е. Забѣлина**.—Воспоминанія **А. Н. Аѳанасьева**.—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. Цѣна 4 рубля.

1872 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. — Письма **графа С. Р. Воронцова** къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма **М. А. Волковой** къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ. Цѣна 3 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія **князя Г. Г. Орлова**.—Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки. **Ѳ. И. Тютчева**.—Записки **графа П. Х. Граббе**.—Записки **Н. И. Греча**.—Записка **графа I. И. Ростовцева**.—Записки **И. П. Сахарова**.—Записки **И. А. Шестакова**. Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ.— Бумаги **П. А. Демидова**.—Е. И. Нелидова.— Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова**.— Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова**.—Записки **Фотія**.—Записки **А. Я. Стороженки**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева**.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Осьмнадцать писемъ **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ **князю** П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына**.— Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго**.—Записки **Николая Ивановича Лорера** (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Планъ **князя Потемкина** о наборѣ народныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками **Екатерины второй**.—Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго**. — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья **И. С. Аксакова**. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ Брадке**.—Воспоминанія **графини Блудовой**.—Старая Записная Книжка.—Письма **Императора Александра Павловича** къ князю Васильчикову.—Записки и бумаги **И. Б. Пестеля**. Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича**.— Бумаги **князя Васильчикова**.—Старая Записная

Два письма императора Александра Павловича [1]).

I.

КЪ А. Н. НАРЫШКИНОЙ [2]).

Анна Никитишна! По прошенію вашему, ко мнѣ дошедшему, разсматривалъ я дѣло о завѣщаніи покойнаго супруга вашего и послѣдствіяхъ онаго тѣмъ съ бо́льшимъ вниманіемъ, что искренно желалъ найти въ немъ основаніе правъ вашихъ ко удовлетворенію вашему. Взвѣсивъ уваженія той и другой стороны, открылъ я въ существѣ дѣла сего слѣдующія истинны: двѣ законодательныя власти, равно для меня священныя, положили по оному два противныя рѣшенія. Одно изъ нихъ основано на милости къ вамъ любезнѣйшей моей Государыни-бабки, великой Екатерины; другое по силѣ законовъ и грамоты дворянства, мною признанной и утвержденной. Я не могу прико́снуться къ дѣлу сему, не отвергнувъ одного изъ сихъ двухъ положеній и если, превзойдя сіи уваженія, рѣшился я на утвержденіе того или другаго, какое основаніе могъ бы я дать сужденію моему, чтобы удостовѣрить неподвижнымъ на будущее время, присоединивъ еще одно положеніе къ двумъ первымъ до сего бывшимъ? Я бы подалъ примѣръ къ безконечному ихъ нарушенію и положилъ бы основаніе къ вѣчной тяжбѣ отъ рода въ родъ, при всякомъ царствѣ возраждающейся. Вы слишкомъ справедливы, чтобы не почувствовать сихъ истинъ во всей ихъ силѣ и не согласиться со мною, что въ дѣлѣ семъ, по настоящему его положенію, никакая власть не можетъ принять участія, не выступивъ изъ мѣръ своихъ. Обстоятельства, его сопровождающія, поставивъ его внѣ общаго порядка, не могу допустить инаго на него вліянія, кромѣ родственнаго обоюднаго согласія и примиренія, къ коему я какъ васъ призываю, такъ и племянниковъ вашихъ [3]) склонить не оставлю не силою моей власти, но единымъ дѣйствомъ убѣжденія и особеннаго моего къ вамъ уваженія, пребывая всегда вамъ доброжелательный

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Александръ.

Апрѣля 25 дня
1801 года.

---

[1]) Печатаются съ современныхъ списковъ.

[2]) Вдовѣ оберъ-шенка и теткѣ канцлера графа Румянцева (См. Р. Архивъ 1876, III, 418).

[3]) Т. е. извѣстныхъ Дмитрія и Александра Львовичей Нарышкиныхъ.

II.

КЪ КНЯГИНѢ ГОЛИЦЫНОЙ [4]).

Княгиня Марья Григорьевна! Положеніе мужа вашего, въ письмѣ вашемъ изображенное, привлекаетъ на себя все мое сожалѣніе. Если увѣреніе сіе можетъ послужить вамъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, примите его знакомъ моего искренняго въ судьбѣ вашей участія и вмѣстѣ доказательствомъ, что одна невозможность полагаетъ мѣры моего на помощь вашу расположенія. Какъ скоро я себѣ дозволю нарушать законы, кто тогда почтетъ за обязанность исполнять ихъ? Быть выше ихъ, если бы я и могъ, но конечно бы не захотѣлъ: ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только справедливымъ. Вы слишкомъ справедливы, чтобъ не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мною, что не только невозможно мнѣ остановить взысканія долговъ, коихъ законность утверждена подписью мужа вашего, я не могу удовлетворить просьбы вашей и съ той стороны, чтобъ подвергнуть обязательство его особенному разсмотрѣнію: законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ, и по общей его силѣ признаются ясными и разбору неподлежащими требованіями вексель, крѣпость, запись, контрактъ и всякое обязательство, гдѣ есть собственноручная должниковъ подпись и гдѣ нѣтъ отъ оной отрицанія. Впрочемъ, мнѣ довольно извѣстно состояніе и имѣніе мужа вашего, чтобъ надѣяться, что, при лучшемъ распоряженіи дѣлъ его, продажею нѣкоторой части онаго, не только всѣ долги уплачены быть могутъ, но и останется еще достаточное имущество къ безбѣдному вашему содержанію. Сія надежда, облегчая вашъ жребій, доставляетъ мнѣ удовольствіе мыслить, что страхи ваши, можетъ быть болѣе отъ нечаянности происшествія, нежели отъ самаго существа дѣла родившіеся, сами по себѣ разсыплются, законъ сохранится въ своей силѣ, и вы меня найдете справедливымъ, не преставая вѣрить, что вмѣстѣ пребываю я всегда вамъ доброжелательнымъ.

Подлинное подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

Александръ.

Санктпетербургъ.
7 Августа 1801 года.

[4]) Урожденной княжнѣ Вяземской, впослѣдствіи графинѣ Разумовской. Первый супругъ ея, камергеръ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (дядя адмирала князя Менщикова) 1769—1817, былъ извѣстенъ своимъ мотовствомъ.

Письмо императрицы Маріи Өеодоровны

КЪ НАЧАЛЬНИКУ ПАРИЖСКАГО УЧИЛИЩА ГЛУХОНѢМЫХЪ, АББАТУ СИКАРУ.

Monsieur l'abbé Sicard. Votre lettre et le livre qui l'accompagnait me sont exactement parvenus, et je m'empresse de Vous en exprimer ma bien sincère reconnaissance, en Vous priant d'en accepter le témoignage. La lecture de Votre ouvrage m'a fait le plus sensible plaisir par la manière à la fois profonde, lumineuse et intéressante dont Vous y traitez un sujet si difficile à manier. Je Vous dirai même, que l'intérêt avec lequel j'ai lu ce traité était d'autant plus vif, qu'il était pour ainsi dire personnel, comme Vous allez voir. Le succès de l'établissement, qui Vous doit sa perfection, m'ayant engagée de tourner mon attention vers les malheureux privés de l'usage du plus précieux des organes, j'ai fait en petit, dans ma campagne de Pawlowsk, l'essai d'un institut des sourds-muets, et pour le peu de temps j'ai lieu d'être contente de la réussite. Un honnête ecclésiastique polonais, qui a fait son apprentissage à l'institut de Vienne, dirige le mien, et il a prouvé son savoir faire par les progrès de ses élèves parvenus dans une année à écrire correctement, à calculer et même à lire en prononçant les mots d'une manière intelligible, et quelques uns même avec assez de facilité. Il n'en est pas encore avec eux aux idées de la Divinité et du Culte, et j'avoue que la haute importance de ces notions me ferait bien désirer de connaître plus particulièrement la manière dont Vous Vous êtes pris pour les communiquer à Vos élèves. En général, monsieur l'abbé, je ne Vous cache pas le plaisir que j'aurais de pouvoir recourir à Vos conseils pour l'utilité de mon institut, et je me félicite de l'occasion que Votre livre me procure de me mettre en relation directe avec Vous. Il me semble que de droit Votre influence doit s'étendre sur tout établissement de ce genre, et si Vous vouliez user de ce droit si bien acquis, à l'égard du mien, en coopérant par Vos lumières à son perfectionnement, je Vous en aurais une reconnaissance bien véritable. Quoique j'aye lieu d'être jusqu'à présent contente de l'instituteur que je possède, cependant, comme il n'a jamais vu l'établissement que Vous dirigez, ni Votre méthode, je n'ai pas la certitude, que je désirerais avoir sur l'étendue de ses moyens, et si effectivement il ne lui manque rien pour mener ses élèves aussi loin que possible, ce qui m'intérèsse d'autant plus que je compte étendre l'institut avec le temps. Je désirerais par cette raison envoyer quelqu'un

à Paris, qui sachant parfaitement la langue russe et ayant les connaissances préliminaires que Vous jugeriez nécessaires, pût non seulement se former sous Vos yeux pour l'instruction des sourds-muets, mais appliquer aussi Votre méthode à sa langue maternelle. Si Vous approuvez cette idée et si Vous vouliez avoir la complaisance de Vous charger de la direction d'un pareil apprentif, Vous me feriez plaisir en m'indiquant les connaissances qu'il doit avoir, pour profiter de Vos leçons. Je Vous prie, monsieur l'abbé, de ne pas Vous gêner sur cet article, et Vous engage non seulement à m'adresser sans détour ce que Vous aurez à me répondre, mais je recevrai en général toujours avec une reconnaissance sensible tout ce que Vous me ferez parvenir directement sus un objet aussi intéressant que l'éducation des sourds-muets. Je ne saurai, mieux Vous faire connaître combien je sais apprécier Votre mérite qu'en Vous offrant l'occasion d'en étendre les effets salutaires, et je ne crois pas me tromper en supposant que Vous y trouverez le meilleur témoignage que je puisse Vous donner des sentimens d'estime particulière avec les quels je suis

Votre affectionnée

Marie.

St. Pétersbourg,
ce 4 Decembre 1808.

Переводъ.

Господинъ аббатъ Сикаръ! Ваше письмо и при немъ книга [1]) дошли до меня исправно, и я спѣшу выразить вамъ за нихъ мою искреннѣйшую благодарность, прося васъ принять свидѣтельство оной [2]). Чтеніе вашего сочиненія доставило мнѣ чувствительнѣйшее удовольствіе, потому что предметъ, столь трудный, изложенъ у васъ основательно, даровито и общедоступно. Скажу вамъ даже, что я прочла вашу книгу съ живѣйшимъ и, можно сказать, какъ вы увидите далѣе, съ личнымъ участіемъ. Успѣхъ заведенія, обязаннаго вамъ своимъ улучшеніемъ, заставилъ меня обратить вниманіе на несчастныхъ, которые лишены употребленія драгоцѣннѣйшихъ органовъ. На моей дачѣ въ Павловскѣ я недавно попробовала учредить небольшое училище глухонѣмыхъ, и покамѣстъ остаюсь довольна успѣхомъ [3]). Моимъ училищемъ завѣдуетъ честный священникъ изъ Поляковъ [4]), обучавшійся въ Вѣнскомъ училищѣ. Онъ доказалъ свою способность тѣмъ, что ученики его, въ теченіи года, стали правильно писать, считать и даже произносить слова внятнымъ образомъ, а нѣкоторые и довольно свободно. Но понятія о божествѣ и о религіи остают-

[1]) Это было сочиненіе Сикара, появившееся въ 1808 году: Ученіе о знакахъ (Théorie des signes). Аббатъ Сикаръ (1742—1822) былъ преемникомъ знаменитаго Лепе въ Парижскомъ училищѣ глухонѣмыхъ.

[2]) Брилліантовое кольцо въ 30.000 франковъ.

[3]) См. объ этомъ первоначальномъ училищѣ разсказъ А. Меллера, старѣйшаго воспитанника онаго, въ Р. Архивѣ 1872 г., стр. 1009.

[4]) Профессоръ Сигмундъ-Сикаръ.

ся для нихъ еще недоступны, и признаюсь, ради великой важности этихъ понятій, мнѣ было бы желательно познакомиться подробнѣе съ пріемами, которые вы употребляете для сообщенія ихъ вашимъ воспитанникамъ. Вообще, господинъ аббатъ, я не скрою отъ васъ, что мнѣ пріятно было бы имѣть возможность обращаться къ вамъ за совѣтами на пользу моего училища, и я радуюсь случаю, который доставленъ мнѣ вашею книгою, чтобы войти въ непосредственныя сношенія съ вами. Мнѣ кажется, что вашему вліянію подобаетъ распространяться на всѣ учрежденія подобнаго рода, и если вы захотите воспользоваться этимъ столь заслуженнымъ вами правомъ относительно моего училища, содѣйствуя вашими познаніями улучшенію его, то я вамъ поистинѣ буду очень благодарна. До сего времени я не имѣю причины быть недовольною преподавателемъ, который у меня; но онъ никогда не видалъ вашего заведенія, ни вашихъ пріемовъ. Поэтому я не вполнѣ увѣрена, достаточно ли онъ знающъ и дѣйствительно ли можетъ наилучшимъ образомъ вести свое дѣло; мнѣ же это важно, такъ какъ со временемъ я располагаю увеличить мое училище. На этомъ основаніи мнѣ хотѣлось бы послать въ Парижъ человѣка, хорошо владѣющаго Русскимъ языкомъ и имѣющаго предварительныя свѣдѣнія, какія вы признáете нужными, съ тѣмъ чтобы онъ подъ вашими глазами приспособилъ себя къ преподаванію глухонѣмымъ и могъ бы примѣнить ваши пріемы къ своему родному языку. Коль скоро вы одобряете эту мысль и будете такъ любезны, что возмете къ себѣ на выучку такого человѣка, то сдѣлайте мнѣ удовольствіе, сообщите, чтò ему нужно знать напередъ, чтобы пользоваться вашими наставленіями. Прошу васъ, господинъ аббатъ, не стѣсняться въ этомъ отношеніи. Я не только приглашаю васъ отвѣчать мнѣ безо всякихъ околичностей, но буду вамъ чувствительно благодарна за то, чтó вы мнѣ сообщите прямо о предметѣ столь важномъ, какъ воспитаніе глухонѣмыхъ. Лучшимъ заявленіемъ, какъ отношусь я къ вашимъ достоинствамъ, можетъ служить то, что я предлагаю вамъ распространить благотворную вашу дѣятельность, и конечно я не ошибусь, полагая, что предложеніе это вы примите, какъ свидѣтельство особеннаго уваженія, съ коимъ остаюсь

вамъ благожелательная Марія.

С.-Петербургъ,
4-го Декабря 1808 г.

Извлечено изъ книги г. Ландеса (Justin Landes) и сообщено г. директоромъ С.-Петербургскаго Училища глухонѣмыхъ П. И. Степановымъ, при просвѣщенномъ посредствѣ М. П. Щербинина. П. Б.

ЗАПИСКИ ВИНСКАГО *).

В ТЮРЬМѢ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Видя себя въ совершенной темнотѣ, я сдѣлалъ шага два впередъ, но лбомъ коснулся свода. Изъ осторожности простерши руки въ право, я ощупалъ прямую мокрую стѣну; поворотясь въ лѣво, наткнулся на мокрую скамью и, на сей сѣвши, старался собрать разсыпавшійся мой разсудокъ, дабы открыть, чѣмъ я заслужилъ такое неслыханно-жестокое заключеніе. Умъ, что̀ называется, заходилъ за разумъ, и я ничего другаго не видалъ, кромѣ ужасной бездны золъ, поглотившей меня живаго.

По прошествіи, можетъ быть, четверти часа, слышно стало, что подходятъ крадучись къ моему чулану, отпираютъ дверь, и я увидѣлъ лысаго солдата, который со свѣчею въ рукахъ началъ чего-то искать по полу. «Скажи, мой другъ, за что меня заперли?» Молчитъ.—«Кто здѣсь судьею?» Ни слова.—«Развѣ ты не Русской?» Нѣтъ отвѣта. Не имѣвши еще времени быть усмиреннымъ, схватываю его за ухо больно небрежно: «Ты видно нѣмой?» И онъ сердечушко благимъ голосомъ завопилъ: «шалишь, хозяинъ!» На сей вопль прибѣжали еще двое солдатъ и унтеръ, который сказалъ грозно: «не забіячь, баринъ; здѣсь келья—гробъ, дверью хлопъ».—«Да что же онъ мнѣ не отвѣчалъ? Я офицеръ».—«Здѣсь ты хозяинъ, и коли станешь забіячить, то уймутъ; а баять здѣсь не велятъ». Сказавши это, дверь захлопнули и цѣпь наложили.

Хотя я снова остался въ темнотѣ, но и кратковремянное освѣщеніе начертало весьма явственно всю гнусность и ужасъ моея темницы. Въ мокромъ, смрадномъ углу загороженъ хлѣвъ досками, на пространствѣ двухъ съ половиною шаговъ, въ которомъ добрый человѣкъ пожалѣлъ бы и свиней запирать. Кто же были сіи люди, задумавшіе и устроившіе подобныя убивственныя узилища для своихъ братій, людей же, хотя бы и преступныхъ? Ближайшій вельможа, вѣрнѣйшій исполнитель повелѣній премилосердыя Екатерины, провозгласившей торжественно во весь свѣтъ: «лучше оправдать десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго». А тутъ и сотни невинныхъ, которымъ не объявлено даже за что они воровски похищены изъ своихъ жилищъ и, прежде всѣхъ вопросовъ и сужденій, преданы уже наитягчайшему тюремному наказанію.

---

*) См. выше, стр. 76.

Въ первые три дня моего заключенія, я никакъ не могъ настроить свою голову ниже къ малѣйшему порядочному сужденію. Непрестанное воображеніе убійственнаго узилища, гробовая темнота и тишина, прерываемая иногда шептаніемъ стражей, весьма похожихъ на ползаніе гадкихъ насѣкомыхъ, неизвѣстность теченія времяни, сердечная скорбь о милой, навѣрно страждущей супругѣ, лишеніе всего и безъ надежды когда либо быть между своими; все сіе, одно съ другимъ непрестанно сталкиваясь и одно другое неизмѣнно запутывая, производило въ головѣ моей ужасную бурю, а въ сердцѣ мертвенное отчаяніе.

Но всему свое время, какъ и конецъ. Обуреванія моей души въ третій день нѣсколько утишились; волненіе крови отъ трехдневнаго поста уменьшилося; мысли начали собираться и улаживаться порядкомъ.

Позабылъ я сказать, что, еще въ первый день, унтеръ, ставши предо мною и показывая мнѣ пятикопѣешникъ, сказалъ: «Государыня жалуетъ тебѣ на кормъ. Чтò велишь купить?» —. «Ѣшь самъ». Такъ и въ слѣдующіе два дни. Въ четвертый, чтò я считалъ по пятакамъ, лысый солдатъ, вошедши опять ко мнѣ въ мою лачугу, говоритъ мнѣ тихонько: «Што, сударь, не покушаешь? Богъ милостивъ, коли не виноватъ; а морить себя грѣхъ; у тебя теперь пять алтынъ: вели, я сготовлю тебѣ кашицу знатную и калачикъ принесу».—«Другъ мой, у меня во рту все сухо».—«Тотчасъ, батюшка, принесу чайку». За симъ и скоро на самомъ дѣлѣ принесъ онъ мнѣ въ горшечкѣ сбитню и копѣешную булку. Сіе Русское питьецо, освѣживъ засохшіе во мнѣ соки, способствовало немало къ успокоенію моего духа. На другой день также по утру сбитень и булка, въ полдень кашица съ говядиною, чтó продолжалося ежедневно во все время моего пребыванія въ семъ казаматѣ.

Коль скоро я началъ ѣсть и пить, то и все жизненное нáчало снова во мнѣ появляться. Первыя спокойныя мысли я обратилъ на обозрѣніе моего положенія. По безчеловѣчному заключенію я не могъ инаго придумать, какъ: есть на меня подозрѣніе въ весьма важномъ преступленіи. Перебравши на досугѣ и неоднократно всѣ происшествія моей жизни до самыхъ мельчайшихъ, я истинно ни въ одномъ не находилъ ничего такого, чтò бы заслуживало таковую безпримѣрную строгость. Буйства и забіячества мои прежнія не могли быть къ сему поводомъ; долгъ въ банкѣ меньше всего могъ способствовать къ сей жестокости. И такъ за что иное, кромѣ преступленій по 2-му пункту? Но я въ семъ не только дѣломъ, ниже когда-либо всесовершенно не былъ виновенъ; ибо правительственными дѣлами я столько же тогда занимался, сколько и астрономіею, т. е. взглядывалъ на небо, видѣлъ звѣзды и планеты, не заботясь никогда знать, какъ онѣ тутъ помѣщены, какъ движутся. По симъ сужденіямъ выводилъ заключеніе: вѣрно открытъ какой нибудь важный заговоръ; кто нибудь изъ моихъ знакомыхъ, въ ономъ замѣшанный, болтнулъ мое имя; при допросахъ и очныхъ ставкахъ истина откроется, и я, какъ невинный, конечно, буду освобожденъ. Такъ безумный пустоумствовалъ я, не зная еще тогда всѣхъ адскихъ пріемовъ и всѣхъ дьяволовъ, работавшихъ на пагубу человѣчества.

Успокоенный однако моими сужденіями, я рѣшился ожидать терпѣливо зову предъ судъ, какъ единственнаго предмета моихъ желаній. Между тѣмъ дни и недѣли, хотя весьма для меня медленно, текли, и я уже дожилъ первыхъ чиселъ Ноября.

7-го сего мѣсяца, утромъ, примѣтилъ я необыкновенное шептанье и движеніе у моихъ стражей. Скоро подходятъ къ моей клѣткѣ, отпираютъ ее, и унтеръ говоритъ мнѣ: «одѣвайся, хозяинъ, ступай за мною». Надобно знать, что, по причинѣ многотопленія печи и отъ того почти баннаго жару, я всегда сидѣлъ въ одной рубахѣ. Одѣваться было недолго: сапоги были на мнѣ, шинель безъ пуговицъ надѣть было нельзя. И такъ, накинувши сюртукъ и подпоясавшись носовымъ платкомъ, я побрелъ за унтеромъ. Но лишь только отворили наружную дверь, и меня коснулся свѣжій воздухъ, глаза мои помутились, и я, какъ догадываюсь, впалъ въ обморокъ, каковый былъ первый, а, можетъ быть, и послѣдній въ моей жизни. Не знаю, какъ меня втащили въ мою лачугу; но опамятовавшись, я видѣлъ себя опять въ темнотѣ на моей скамьѣ, и видѣнный свѣтъ я считалъ сновидѣніемъ, пока мой добрый лысый не увѣрилъ меня, что я точно былъ у дверей, но что мнѣ попритчилось и потому не повели меня въ присутствіе.

Сіе извѣстіе крайне меня опечалило; ибо я боялся, чтобы зовъ мой снова не оттянулся; но, къ счастію, на другой день опять пришли за мною, и я, приблизившись къ дверямъ, просилъ напередъ ихъ отворить, дабы я могъ, не выходя, нѣсколько свыкнуться съ воздухомъ. Вышедши на дворъ, я видѣлъ землю, покрытую глубокимъ снѣгомъ и царствованіе настоящей зимы, что̀ мои голыя лядвіи весьма ощущали.

Чрезъ коридоръ введенъ я въ прежнюю горницу, на сей разъ занимаемую судьями. Предсѣдательствующій, съ мясничьею рожею и взорами цѣловальника, былъ г. Терскій, во всемъ Петербургѣ извѣстный подъ именемъ багра́, въ знаменитое отличіе отъ его братіи мелкихъ крючковъ. По правую его сторону сидѣлъ штабъ-офицеръ въ кавалерійскомъ мундирѣ, мнѣ незнакомый; подлѣ его, хотя съ наклоненною головою, не трудно было узнать честнаго и добраго князя Мещерскаго, члена Юстицъ-Конторы, человѣка мнѣ знакомаго; двое остальныхъ, сидящихъ ко мнѣ спинами, были мнѣ совсѣмъ не видны; напротивъ предсѣдателя помѣщался видѣнный мною при приводѣ.

Подавшись нѣсколько къ предсѣдательствующему, я встрѣченъ былъ отъ него нижеслѣдующимъ: «Здравствуй г. Винскій! Прошу со вниманіемъ слушать *). До свѣдѣнія Ея Императорскаго Величества дошло, что въ Санктпетербургѣ многіе молодые люди изъ дворянъ, проживая праздно, ведутъ жизнь крайне подозрительную, утопаютъ въ распутствѣ, затѣваютъ дѣла самыя беззаконныя, клонящіяся къ потрясенію всего благосостоянія общества. Для прекращенія сего,

*) Можетъ быть, онъ не слово въ слово такъ говорилъ, но содержаніе его рѣчи истинно было таково.

Государыня изволила указать учредить при Сенатѣ сію коммиссію для изслѣдованія со строжайшею точностію всѣхъ преступленій. Но, какъ мать, соболѣзнующая о своихъ дѣтяхъ, объявила свое соизволеніе, чтобы коммиссія пеклась болѣе всего возбудить въ каждомъ преступникѣ раскаяніе и заставить его учинить самопроизвольное, искреннее признаніе, обѣщевая чистосердечно раскаевающемуся не только прощеніе, но и награжденіе, какъ строптивымъ и непокорнымъ ея волѣ, за утаеніе малѣйшей вины, жестокое и примѣрное наказаніе, какъ за величайшее злодѣяніе». Видя его замолчавшимъ, я собирался нѣчто сказать, но при первомъ словѣ онъ меня прерываетъ: «На меня возложена особенная обязанность внушать каждому подсудимому волю нашея Монархини; ты ее слышалъ. Располагай себя по тому. Прибавлю еще, что укрывательство съ твоей стороны будетъ совершенно тщетнымъ; ибо всѣ твои дѣянія, до малѣйшихъ, коммиссіи извѣстны». Послѣ сего сказалъ: «Ну, Малафѣичъ, начинай».

Тутъ показался изъ другой горницы человѣкъ съ бѣлою бумагою и перомъ въ рукахъ, сѣлъ у конца стола, написалъ нѣсколько строкъ, потомъ спрашиваетъ меня: «Какъ зовутъ? Которой попъ крестилъ?» и пр. Что касается до допроса, я, помня рѣчь Терскаго, хотя и почиталъ ее за ловушку, но отвѣты мои располагалъ такъ, что и самыхъ шалостей подверховно касался, не высказывая однако ничего явно. Багоръ иногда вмѣшивался въ вопросы, стараясь меня спутать, какъ въ вопросѣ: «За чѣмъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ?»—«Потому, что по моей отставкѣ я имѣю право жить, гдѣ захочу».—«Да чѣмъ ты живешь?»—«Деньгами».—«Откуда ты ихъ берешь?»—«Получаю изъ дому».—«Чать по трактирамъ?»—«Трактиры правительствомъ позволены».—«Да тамъ много дѣлается непозволеннаго?»—«За симъ есть надзоръ».—«Да, надзоръ; знаемъ, братъ, что полицейскіе съ вами за одно».—«По крайней мѣрѣ я съ ними никогда не бывалъ въ дѣлѣ». Когда дошли до Банка, багоръ снова вмѣшался: «Ну, а какъ же ты денежки-та получилъ?» — «Какъ обыкновенно получаютъ». — «Нѣтъ, сколько ты далъ Адамовичу, али его зятю?»—«Ни копѣйки, ибо я не знаю и никогда не видалъ ни того, ни другаго». — Тутъ сбѣленился мой Терскій, заревѣлъ страшнымъ голосомъ: «Ахъ, ты лжецъ, нарядный воръ, и ты отпираешься, что не знаешь Адамовича, банковаго судью, а изъ Банка деньги взялъ?» — «Деньги я взялъ по переводу г. Стромилова, который и свое о взносѣ и мое о выдачѣ 500 рублей объявленія подалъ одинъ въ присутствіе; я же, подписавши въ Юстицъ-Конторѣ обязательство и росписавшись тутъ же въ книгѣ, за вычетомъ процентовъ, отъ него и деньги получилъ, что все сдѣлано по точнымъ правиламъ Банка». — «Правила въ сторону; а ты навѣрное знаешь Адамовича и его зятя Епанчина?»—«Хоть умереть, ни того, ни другаго». При семъ князь Мещерскій, при которомъ все дѣло съ Стромиловымъ происходило, примѣчая изъ моего лица, что хочу на него сослаться, говорилъ что-то тихонько Терскому. Тогда сей, сказавши мнѣ: «И не знаешь? Малафѣичъ, такъ этого и писать не для чего». За симъ, къ окончанію допроса, учинено мнѣ паки

увѣщаніе: Не знаю ли кого я изъ преступниковъ? Не извѣстны ли мнѣ какія нибудь дѣла, вредныя для общества? и пр. На все одинъ отвѣтъ: «Не знаю и никогда не зналъ».

Послѣ сего Терскій, просмотрѣвши написанное, сказалъ мнѣ съ сатанинскою улыбкою: «Посему ты святой? Ась?»—«Святой, не святой, да не очень и грѣшенъ».—«Ты еще и пошучиваешь (нахмуривши харю). Я тебѣ говорилъ, что коммиссіи всѣ твои дѣла извѣстны».—«Говорили, но я знаю, что нечему быть извѣстнымъ».—«А какъ я разверну сію бумагу, тогда уже поздно будетъ». — «Разверните».—«О! ты, братъ, видно, хватъ; тебѣ смерть копѣйка».—«Смерти я не боюсь, а сказать напраслины не хочу».—«Посмотримъ», понизивъ голосъ: «теперь пойди!» Такъ кончился мой страшный допросъ.

Изъ судейской ввели меня въ приказную, гдѣ я увидалъ человѣкъ двухъ юстицкихъ знакомыхъ. За мною скоро вошелъ князь Мещерскій, привѣтствовалъ меня весьма человѣколюбиво, сказалъ, что ко мнѣ есть принесенныя нѣкоторыя вещи, которыя и велѣлъ тотчасъ мнѣ отдать, прибавивъ: «вамъ велятъ и денегъ побольше выдавать».

Оттуда провели меня въ другой казаматъ, который былъ сухъ и свѣтелъ, по причинѣ большаго окна. Унтеръ, введши меня въ оной, сказалъ: «теперь ты тутъ будешь хозяиномъ». Нѣтъ возможности изъяснить тогдашнюю мою радость, увидѣвши себя на просторѣ и при дневномъ свѣтѣ, которая еще усугубилась при появленіи связки, мнѣ врученной, въ которой находились: тулупъ, штаны и камзолъ суконные, двое чулокъ, двѣ рубахи и сапоги. Унтеръ, отдавая ихъ, выложилъ еще серебряной рубль на столъ, сказавши: «изъ твоихъ денегъ велѣно выдавать тебѣ по четверти на день, и вотъ на четыре дня». Никогда я не считалъ себя столько богатымъ и такъ достаточно снабденнымъ, какъ въ сію минуту, особенно поужинавши повкуснѣе и легши спать на постланномъ тулупѣ.

На другой день, часу въ 11-мъ, потребовали меня къ подпису допроса, который подписавши въ подъяческой, я слышалъ нѣкоторыхъ сужденія, что меня вѣрно перваго освободятъ. Не успѣла еще сія сладость коснуться моего сердца, какъ услышалъ я странное ревѣніе Терскаго, горланящаго: «да, онъ чать еще здѣсь; подавай-ка его сюда». Тутъ дверь скоропостижно отворяется, кто-то говоритъ мнѣ: «ступай въ присутствіе!» Вхожу, вижу багра, свирѣпо подымающагося съ своего мѣста, подходящаго ко мнѣ и вѣщающа: «Такъ-то ты думалъ свои плутовства сокрыть! Ты малый самый безвинный: посмотри-ка на сего человѣка. Знаешь ли ты его?» — Признаюсь, что сіе неожиданное, пылкое наступленіе сильно меня смѣшало. Посмотрѣвши на стоящаго отъ меня влѣвѣ, въ замаранномъ нагольномъ тулупѣ, пребольшою черною бородою обросшаго человѣка и точно его не узнавши, я сказалъ: «въ здѣшнемъ маскарадѣ самаго знакомаго не скоро распознаешь».—«Это Л. П. Соколовъ; знаешь ли его?»—«Знаю.»—«А что воровать ты съ нимъ хотѣлъ, то утаилъ въ своемъ допросѣ? А онъ, какъ истинно раскаявающійся, все показалъ».—«Богъ знаетъ, гдѣ онъ хотѣлъ воровать; а я сего никогда отъ него не слыхалъ; слѣдовательно и соглашаться съ нимъ не могъ».—«Какъ! Ты еще запи-

раешься? Говори-ка, старинушка». На сіе Соколовъ, взглянувъ на меня со слезами, отвѣчалъ: «Виноватъ, отецъ мой, Григорій Степановичъ! Во всѣхъ своихъ преступленіяхъ признаваясь, я и о двухъ тысячахъ рублей показалъ, которыя хотѣлъ занять чрезъ васъ изъ Банка». «А!» закричалъ багоръ, «что̀ ты на это скажешь?»—«Хотѣлъ онъ, да не я; говорилъ ему о семъ словами, не думая никогда произвесть дѣломъ, чему можетъ послужить доказательствомъ, что о семъ болѣе года предъ симъ, въ частыхъ нашихъ свиданіяхъ, никогда о томъ ни словомъ не поминалъ». — «Что̀ тутъ пустое врать? Ты намѣревался взять двѣ тысячи рублей изъ Банка. Сколько должно на то число заложить крестьянъ, ты ихъ не имѣешь; слѣдовательно ты хотѣлъ занимать фальшиво и чрезъ то обворовать казну».—«Малафѣичъ, прибавь это объясненіемъ: въ допросѣ о семъ умолчалъ, но на очной ставкѣ уличенъ и признался».—«Помилуйте, въ чемъ признаваться?» — «Молчи, ни слова; здѣсь Петра и Павла, надо говорить правда. Пошолъ къ мѣсту!»

Возвратившись въ мою свѣтлую галлерею, я нашелъ ее отъ повстрѣчавшагося мнѣ несгодья весьма потемнѣвшею; но, обдумавши сколько можно точнѣе все происшествіе, открывалось, что это была истинная натяжка, которая всякому сама собою обнаруживалась, и что при сужденіи, хотя бы и намѣреніе поставили въ вину, я не долженъ ожидать никакого взысканія: ибо задержаніе одно слишкомъ уже за оное удовлетворяло. Мечталъ, не зная я того, что сія натяжка могла быть растянута до безконечности. Послѣ я никогда уже не былъ призыванъ въ коммиссію *).

Чрезъ нѣсколько дней, стражи наши стали поговаривать, что канцелярію переводятъ въ крѣпость, и что опредѣляется въ коммиссію главнымъ генералъ. 20-го вывели меня и еще многихъ изъ казематовъ, провели чрезъ деревянные ворота и по лѣвой сторонѣ крѣпости въ зданіе извѣстное подъ названіемъ Италіанскаго дворца. Тутъ въ залѣ нашлось насъ десятка съ три, разношерстно наряженныхъ. Скоро услышали о пріѣздѣ генерала Толстаго, опредѣленнаго главнымъ въ коммиссію. Преображенцы, сколько ихъ тутъ было, обрадовались; да и другіе, по слуху, зная о его добротѣ, ожидали всего добраго. Побывши съ часъ въ коммиссіи, онъ вышелъ къ намъ со всѣми присутствующими, и первое его слово, взглянувъ на несчастныхъ, было: «эхъ! эхъ! какъ васъ перерядили». Потомъ, обратясь къ Терскому, спросилъ: «къ чему такія жестокости?» Сей что-то пробормоталъ, а мы слышали: «монастырь, уставъ». Генералъ, посмотрѣвши на насъ съ жалостію, спросилъ: «у кого ваши вещи?» И узнавши, что у тамошняго караульнаго офицера, велѣлъ тотчасъ всѣмъ раздать и притомъ оставить жить въ сихъ покояхъ, сколько

*) Учрежденіе банковъ, выпускъ ассигнацій, вынужденные тогдашними обстоятельствами и принесшіе великую пользу, отмѣнно озабочивали Государыню; она лично и дѣятельно занималась розысканіемъ злоупотребленій по этимъ частямъ, какъ это видно по письмамъ ея къ князю М. Н. Волконскому, напечатаннымъ въ 1-й книгѣ нашего изданія «Осмнадцатый Вѣкъ». П. Б.

могутъ помѣститься. Назвавъ нѣкоторыхъ по фамиліямъ, тутъ же заглянувши въ бумагу, спросилъ: «подпоручикъ Винскій здѣсь?» На отвѣтъ мой: «здѣсь, ваше превосходительство!» — «ваша супруга была у меня; она здорова, останьтесь здѣсь жить, и вы можете съ нею завтра видѣться». Тутъ приказалъ новому караульному офицеру: «родныхъ и знакомыхъ безпрепятственно ко всѣмъ допущать, въ кушаньѣ и питьѣ никакихъ затрудненій не дѣлать; вмѣсто собственной услуги, употреблять солдатъ», и прочія важныя облегченія; «а вы, господа (взглянувъ на насъ), какъ благородные люди, вѣрно не употребите во зло моего снисхожденія. Да пожалуйте, выбрѣйте бороды и исправьте одежду, чтобъ мнѣ не горько было васъ видѣть». Послѣ, поклонившись весьма обязательно всѣмъ, уѣхалъ *).

Какая тутъ началась суматоха, это изъяснить трудно. На житье осталось насъ всѣхъ 17 человѣкъ. Тотчасъ учредили компанію и старшиною порутчика Пучкова. Чрезъ часъ явились у насъ водка, вино и достаточный завтракъ. Вытребовали фельдшеровъ, началось бритье; послѣ обѣда новая сцена: явился красноголовый сатиръ для раздачи намъ вещей. Какую жалкую представлялъ онъ фигуру, возвращая будто мертвыхъ отъ гроба! Бѣсили же его и дразнили столько, что онъ ночью занемогъ и, спустя недѣли двѣ, умеръ. Мы торжествовали, что уморили злодѣя, двадцать лѣтъ дышавшаго стонами и упивавшагося слезами несчастныхъ.

На другой день, какъ праздничный, присутствія не было, и комнаты скоро наполнились родными и знакомыми, пріѣхавшими видѣть милыхъ узниковъ. Лорхинъ моя, чуть ли не изъ первыхъ, вбѣжала безъ памяти, бросилась ко мнѣ на шею и обмерла. Какое свиданіе! Какія сердечныя изліянія! Сколько она бѣдная потерпѣла! И какое явила мужество! Не зная двухъ словъ Русскаго языка, не имѣя никого сотоварищемъ, рѣшилась одна бродить по Петербургу, отыскивать своего мужа. Къ счастію, кто-то добрый человѣкъ научилъ ее попросить перваго г. Лопухина, оберъ-полиціймейстера. Тутъ хотя она и никакого точнаго не получила свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ принята была человѣколюбиво и, говоря природнымъ своимъ языкомъ, узнала хоть имяна нѣкоторыхъ судей. Испытала жестокость чугуннаго Терскаго, добилась вручить просьбу ядовитому Вяземскому, видѣлась съ сострадательнымъ Мещерскимъ, который и связку мнѣ взялся доставить; наконецъ, удостоилась чести быть принятою благороднымъ Толстымъ, который, съ неизъяснимою благосклонностію принявши участіе въ ея страданіяхъ, обѣщалъ ей чрезъ три дни со мною свиданье, и посему-то меня, совсѣмъ ему незнакомаго, спросилъ изъ первыхъ.

Съ сего дня, проживши еще въ неволѣ тринадцать мѣсяцевъ, я не могу пожаловаться, чтобы задержаніе мое имѣло что нибудь тягостнаго; кромѣ выходу изъ крѣпости, я всѣмъ почти нужнымъ жи-

---

*) Александръ Петровичъ Толстой (1719—1792) былъ отецъ извѣстныхъ впослѣдствіи графовъ Николая и Петра Александровичей Толстыхъ. П. Б.

тейскимъ пользовался и даже привыкъ было къ сей мирной, беззаботной жизни.

Вина перевода коммиссіи.

О переводѣ коммиссіи изъ равелина и объ опредѣленіи г. Толстаго начальникомъ оныя извѣстнымъ учинилось. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, будучи всемогущъ и своеволенъ, натурально не любилъ своихъ соревнователей, отъ нихъ же Вяземскій былъ изъ первыхъ. Адская коммиссія, симъ заведенная, обхватывая всѣ состоянія, цѣпляла и Преображенскій полкъ, состоящій подъ непосредственными повелѣніями Потемкина. Съ первыхъ движеній онъ молчалъ, высматривая ходъ лукаваго Вяземскаго. Примѣтивши же, что вмѣсто чаемыхъ важныхъ открытій, заговоровъ и злоумышленій, всѣ по подозрѣнію забираемые въ коммиссію являются только моты и шалуны, и предвидя, что, давши волю Вяземскому, половина его полка навѣрное была бы въ крѣпости, онъ рѣшился легонько открыть Государынѣ глаза на Вяземскаго затѣи, доказать ей тщету оныхъ, важныя понапрасну издержки, простертыя по всему государству, особенно въ дворянскомъ сословіи уныніе, и тѣмъ испросилъ, чтобы коммиссія поручена была, мимо Вяземскаго, человѣку безпристрастному, съ повелѣніемъ окончить ее надъ тѣми только, которые находятся уже въ крѣпости.

Что г. Толстой былъ честенъ, это извѣстно; какъ и преданъ князю Потемкину, также справедливо.

Коммиссія съ сего времени занялась весьма дѣятельно слѣдствіемъ, и въ Сочельникъ, т. е. 24-го Декабря, выпустила отъ себя первое отдѣленіе подсудимыхъ, состоящее: изъ злодѣя Кашинцова и его сообщниковъ, изъ Адамовичевыхъ приспѣшниковъ, словомъ, изъ 13 человѣкъ, истинныхъ и важнѣйшихъ преступниковъ. По выходѣ выбывшихъ изъ коммиссіи, генералъ потребовалъ живущихъ тутъ въ присутствіе, которымъ сказалъ: «труднѣйшее окончено; послѣ праздниковъ займемся вами, и вѣрно не замедлимъ; не тужите, надѣйтесь на Бога». Толикое вниманіе къ нашему положенію, конечно, заслуживало всю нашу признательность.

На первыхъ дняхъ масляницы еще учинился выпускъ, состоящій по большей части изъ Преображенцевъ или изъ имѣвшихъ съ ними дѣла. Генералъ сдѣлалъ намъ снова ласковое обнадеживаніе, и мы его благодарили. По сему отпуску, опустѣвшія комнаты наполнены новыми жильцами, между которыми я съ радостію увидѣлъ моего любезнаго Соколова и Брещинскаго.

Въ продолженіе великаго поста примѣтно было, что генералъ очень рѣдко пріѣзжалъ уже въ присутствіе. На страстной недѣлѣ выпущены были еще нѣсколько подсудимыхъ, въ томъ числѣ купцы и иностранцы, замѣшанные по Банку. Въ сей выпускъ поступилъ и Брещинскій, жертва доброты своего сердца и неопытности, молодой человѣкъ, заслуживающій душевное соболѣзнованіе всѣхъ добрыхъ людей, котораго исторію бѣдствій считаю не излишнимъ здѣсь написать.

Сей благородный юноша, сдѣлавшись въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ бѣднымъ сиротою, по человѣколюбію одного отдаленнаго родственника, призрѣнъ, воспитанъ въ университетскомъ Московскомъ пансіонѣ и опредѣленъ 17 лѣтъ въ службу по арміи. Съ открытіемъ первой Турецкой войны, перенесся на степи Буджацкія. По ревности къ службѣ и по дарованіямъ, не замедлилъ выдти въ офицеры; служивши же всегда съ отличіемъ, удостоенъ въ началѣ 1779 года отъ начальства важнымъ препорученіемъ: быть приставомъ и препроводить сераскира въ Санктпетербургъ. Въ сей роскошной столицѣ, при блистательномъ тогдашнемъ дворѣ, въ раю, можно сказать, пренаполненномъ всѣхъ родовъ забавами, утѣхами и веселостями, молодой, ловкій человѣкъ, при подобной должности, занимая довольно видной постъ, имѣлъ возможное удобство все видѣть, быть видимымъ и многимъ пользоваться. Домъ для житья въ Малой Морской, избыточное содержаніе, прекрасный экипажъ, отличительный пріемъ отъ всѣхъ, даже отъ вельможей, куда только приглашался сераскиръ, словомъ, шесть мѣсяцевъ онъ плавалъ въ рѣкѣ удовольствій и, не хотя ихъ вдругъ лишиться, при отпускѣ сераскира въ отечество, перепросился въ штатъ генерала Николая Салтыкова, командовавшаго Санктпетербургскою дивизіею. Ведя таковую жизнь въ столицѣ, не трудно надѣлать себѣ знакомыхъ тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ занимаемое нами мѣстечко завиднѣе и мы сами къ дружелюбію расположеннѣе. Извѣстно также, что офицеръ, любящій службу, охотнѣе всегда сближается съ военными. Посему знакомство неосторожнаго Брещинскаго съ хитрымъ Кашинцовымъ нимало неудивительно. Сей, почитаясь лучшимъ Великолуцкаго полка офицеромъ, по обхожденію самый привѣтливый, по житію самый развязный, по опытности самый интересный, немного долженствовалъ употребить старанія, дабы втѣсниться въ открытую душу благороднаго юноши и помѣститься при нёмъ ближайшимъ. Кромѣ частаго свиданія и тѣсныя связи, дѣлъ однако Брещинскій никакихъ съ Кашинцовымъ не имѣлъ; можетъ быть, онъ оставлялъ его для переду; когда же я съ нимъ познакомился, то Кашинцовъ былъ уже подъ стражею.

По принятіи княземъ Потемкинымъ въ полное свое завѣдываніе военнаго департамента, многія по арміи учинены перемѣны и введены новости, изъ которыхъ немаловажною можно поставлять преобразованіе иррегулярныхъ войскъ въ регулярные полки и причисленіе ихъ въ составъ армейскій. Отъ сего Петербургъ наполнился, особенно князь окружился разными языки и племенами, какъ-то козаками, Греками, Албанцами, Татарами, Горцами и всякою иною чудью, никогда до того въ столицѣ невиданною; всѣ съ чинами, съ большимъ жалованьемъ, съ почестями, въ блестящихъ странныхъ одеждахъ. Въ сей толпѣ разнородныхъ, Богъ одинъ знаетъ, какихъ не находилося, что называется, молодцовъ! Можно почти утвердительно сказать, что большая часть изъ нихъ причисляли себя сами, ибо довольно было имѣть Азіатскую рожу, странную одежду, чудную какую нибудь шапку, и таковый смѣло могъ себя выдавать принадлежащимъ къ штату его свѣтлости. Между сими новобранцами весьма

скромно помѣщался нѣкто Михаилъ Князевъ, отставной поручикъ. Онъ былъ вхожъ и выдавалъ себя ближнимъ славнымъ тремъ братьямъ Горичамъ; но въ самомъ дѣлѣ, кто онъ былъ, того ни одинъ изъ его знакомыхъ на вѣрное не могъ знать; да и самъ онъ едва ли о томъ былъ извѣстенъ; по лицу же, по пріемамъ, по душевнымъ качествамъ, онъ былъ истинный Армянинъ, наилукавѣйшій. Ума имѣлъ достаточно, опытность выработанную, вкрадчивость надежнѣйшую, осторожность неизмѣнную; почему всѣ плутни и обманы, которыми одними онъ существовалъ, ежели выходили наружу, то одинъ обманутый оставался въ накладѣ и дуракахъ, а онъ въ барышахъ и умныхъ. Сему-то злодѣю судьба повелѣла погубить любезнаго юношу. Когда и какъ онъ познакомился съ Брещинскимъ, сіе мнѣ неизвѣстно; но по случившемуся можно заключать, что онъ успѣлъ имъ завладѣть всесовершенно: ибо, когда я чрезъ мое знакомство съ Брещинскимъ, жившимъ тогда съ Князевымъ, сталъ къ нимъ вхожъ, то уже легко можно было видѣть, что онъ находился въ полной зависимости. Брещинскій у Князева былъ, какъ бы любимое избалованное дитя, котораго всѣ желанія, даже прихоти выполнялися охотно; за то и самъ, гдѣ дѣло шло о видахъ Князева, Брещинскій не только въ дѣлахъ, но и въ словахъ искалъ его одобренія. Въ кратковременное мое знакомство Князевъ обходился со мною вѣжливо, но изъ осторожности ни о какихъ дѣлахъ никогда ни слова, чему и Брещинскій слѣдовалъ. Посему, за что сей былъ взятъ въ крѣпость, я точно не знаю.

По перемѣщеніи Брещинскаго изъ равелина къ намъ въ коммиссію, мы жили въ одной половинѣ; тутъ, сблизившись тѣснѣе и узнавши другъ друга короче, мы сообщили взаимно и со всею искренностію все насъ касающееся.

Когда Брещинскій, разсказывая мнѣ свою жизнь, приближился ко времени знакомства его съ Князевымъ, то онъ мнѣ сказалъ: «Признаюсь тебѣ, мой другъ, сей человѣкъ, въ три или четыре дни своего со мною свиданія, столько обнаружилъ мнѣ доброты своего сердца, кротости своего нрава, столько явилъ мнѣ основательности въ своихъ сужденіяхъ, стойкости въ своихъ правилахъ, и знанія людей, что я, какъ бы увлекаемый волшебною силою, прилѣпился къ нему всею душою; полюбилъ его, какъ моего лучшаго друга, внималъ его словамъ съ сердечною довѣренностію; словомъ, поставлялъ его знакомство такимъ пріобрѣтеніемъ, котораго вознаграждать я ничѣмъ не могъ. Познакомившись съ нимъ уже достаточно и удостоившись отъ него нѣсколькихъ откровенностей, когда я обнаруживалъ ему мое положеніе или виды и надежды на мою службу, то онъ во всемъ почти со мною соглашался; но въ самомъ соглашеніи такъ искусно вмѣшивалъ свои сужденія о заботахъ, нуждахъ, трудахъ, опасностяхъ, а болѣе всего о неминуемости, что, съ лѣтами или съ потеряніемъ здоровья, служба оставляется, по большей части, не обнадежась кускомъ насущнаго. Сіи и симъ подобныя частыя у насъ бесѣдованія весьма много ослабили мою горячность къ полю; особенно когда онъ сдѣлалъ мнѣ довѣренность, пересказавши, что смолоду

самъ весьма былъ къ службѣ пристрастенъ, но что служивши въ такихъ мѣстахъ, гдѣ къ отличіямъ не было случаевъ и къ концу третьяго десятка своихъ лѣтъ, увидѣвши тщету и почестей и воинскихъ награжденій, онъ рѣшился, пока еще былъ въ силахъ, похлопотать понадежнѣе о насущномъ; что для сего пріѣхавши въ столицу, какъ иностранецъ и недостаточный, весьма много сначала онъ затруднялся; но при неусыпномъ стараніи нашелъ дорогу, которая, можетъ быть, доведетъ его не только къ безбѣдному, но и къ завидному положенію. Человѣкъ съ дарованіями и съ прилежностію, по нынѣшнимъ временамъ въ Петербургѣ, весьма можетъ существовать. Сіе, или лучше признаться, удовольствіе быть съ нимъ неразлучнымъ, сильно на меня подѣйствовало. Между тѣмъ приближалось время отъѣзда сераскира въ Крымъ; мнѣ должно было или, возвратясь съ нимъ, по прежнему опредѣлить себя на долгую службу, или, отказавшись отъ него, помѣститься въ Петербургѣ. Но военную службу оставить я ни за что не соглашался и потому одному, что при первомъ производствѣ я поступалъ въ капитаны. Другъ мой все сіе не только одобрилъ, даже показалъ дорогу и пособилъ, что я въ два дни помѣщенъ былъ въ штатъ генерала Салтыкова. Распрощавшись съ сераскиромъ, я перешелъ жить къ моему другу и, живучи съ нимъ вмѣстѣ, видя его заботливость, самое бдительное попеченіе не только удовлетворять, даже предупреждать, предвидѣть всѣ мои желанія, я, кажется, еще усугубилъ мою къ нему любовь и привязанность. Будучи съ нимъ неразлучны, мы находили лучшее удовольствіе въ одиночномъ бесѣдованіи. Въ сіи часы, раскрывая свое сердце, онъ извѣстилъ меня о настоящемъ положеніи его дѣлъ, которыя на тотъ разъ были весьма затруднительны, о своихъ надеждахъ и о способахъ усовершенствовать оныя. Въ сихъ способахъ находилось нѣсколько такихъ, о коихъ довѣренность, для доставляемыхъ ими выгодъ, я принялъ съ восхищеніемъ, но отъ которыхъ, ежели они теперь приходятъ мнѣ въ голову, кровь моя застываетъ. Сіе есть роковая тайна, которой я тебѣ теперь, а, можетъ быть, и никогда не открою; я чувствую, что она погубила меня на вѣки. За симъ остается тебѣ еще сказать, что всѣ сіи его дружескіе со мною поступки, его великолѣпные планы и надежды употреблены были на то, чтобы меня ограбить и погубить. Начало сему учинено: первое деньгами, какія у меня оставались, тысячъ около двухъ; потомъ займомъ мною изъ Банка трехъ. Сіи послѣднія взяты не болѣе, какъ за два мѣсяца до моего заключенія, и я тебѣ божусь, что я изъ нихъ ста рублей на себя не употребилъ. Когда извѣстность о коммиссіи сдѣлалась уже всѣмъ несомнительною, тогда, при изъявленіи моихъ опасеній, кромѣ обыкновенныхъ успокоеній, онъ увѣрялъ меня, что имѣетъ благодѣтелей самыхъ сильныхъ; что въ крайности онъ точно пожертвуетъ всѣмъ своимъ благополучіемъ, но меня не допуститъ узнать и малѣйшее оскорбленіе. На самомъ же дѣлѣ, когда я для него нахожусь въ пропасти, когда всѣмъ позволены свиданья, онъ ни раза меня не видалъ; на три или четыре мои посольства всегда одинъ отвѣтъ, что онъ скоро меня увидитъ, что его обнадеживаютъ

всѣмъ добрымъ и прочее сему подобное».— «Да ты всѣмъ нуждаешься? Неужели и въ семъ онъ тебя оставляетъ?»—«Онъ недогадливъ; а сказать ему, хоть умереть, не соглашусь».

Послѣ Св. Пасхи присутствія коммиссіи бывали очень рѣдки, и изъ немногаго числа оставшихся страдальцевъ начали высылать по одному. Къ Троицыну дню оставалось всѣхъ насъ только шесть. Мы навѣрное полагали, что къ сему дню насъ всѣхъ рѣшатъ; но, противъ чаянія нашего, въ Пятницу съѣхались всѣ присутствующіе и генералъ, не бывавшій съ великаго поста. По кратковременномъ засѣданіи вышли всѣ, и г. Толстой, проходя мимо насъ, сказалъ: «и вы скоро освободитесь, не тужите». И такъ всѣ удалились. Отъ приказныхъ же мы узнали, что коммиссія кончилась, и что присутствующіе пріѣзжали подписать только опредѣленіе о закрытіи коммиссіи. Какъ же мы остаемся? былъ нашъ вопросъ. Не знаемъ, былъ ихъ отвѣтъ. На Троицинской недѣлѣ Малафѣичъ прибылъ на подводахъ съ ящиками, забралъ всѣ бумаги и увезъ ихъ съ собою. Объ насъ же сказалъ, что наши допросы остались въ Сенатѣ.

Такъ, съ окончаніемъ коммиссіи оставленные неоконченными, мы были тогда, можетъ быть, единственными несчастливцами, которыхъ, восемь мѣсяцевъ державши въ заключеніи, судивши и не досудивши, бросили, но не освободили. Полагая однако, что что нибудь да должно съ нами дѣлать, мы вооружились терпѣніемъ. Несноснѣйшее въ нашемъ положеніи было то, что мы и навѣдаться уже о себѣ никакъ не могли.

Разсуждая между собою о семъ неожиданномъ съ нами происшествіи, мы никакого не умѣли дѣлать заключенія, и старый нашъ секретарь Соколовъ, сколько ни свѣдущъ былъ въ дѣлахъ, подобнаго ни одного не зналъ. Но какъ несчастнымъ обыкновенно одна отрада—надежда, то и мы осмѣлились догадываться, что насъ, какъ маловиновнѣйшихъ, Сенатъ навѣрное освободитъ, зачетши содержаніе въ наказаніе, какъ и законы велятъ.

Несмысленные, а то и забыли, что ястребъ ни одной птички, попавшей въ его когти, не отпущаетъ, и волкъ ни одного пойманнаго ягненка не освобождаетъ! Мы оставлены не какъ маловиновные, но какъ маловажные, т. е. мы не интересовали генерала, поелику мы не были Преображенцы и не годились Терскому, поелику мы для него ничего не могли значить.

Я меньше всѣхъ безпокоился: первое, знавши, что я почти безвиненъ; другое, что меня всегда обнадеживали, что задержаніе замѣнятъ мнѣ, и что я безъ всякаго взысканія буду свободенъ.

Все, однако, что мы ни думали о себѣ частно, или заключали совокупно, нимало не перемѣняя нашего положенія, заставляло съ терпѣніемъ ожидать будущаго. Между тѣмъ, дни пробѣгали, недѣли проходили, мѣсяцы протекали, одна наша злая участь оставалась неподвижною. Никто объ насъ не навѣдывался; а мы хотя и усердно желали бы освѣдомиться, но не знали, кого спросить. Съ наступленіемъ холодныхъ дней, отъ г. коменданта возвѣщено намъ, что на топленіе занимаемаго нами дома нѣтъ дровъ и что для того пере-

ведутъ насъ въ казаматъ. Сей казаматъ ничѣмъ не былъ похожъ на равелинскій; онъ былъ, лучше сказать, покой, сдѣланный въ стѣнѣ, довольно сухой, свѣтлый и теплый; мы и наша стража помѣстились въ немъ свободно.

Настала зима и Рождество. Какъ сей праздникъ въ Россіи есть одинъ изъ важнѣйшихъ, для котораго на двѣ недѣли закрываются всѣ присутственныя мѣста, то мы небольшое наше всегда обманываемое ожиданіе отложили на долго. Но что начинается необыкновенно, видно и оканчиваться должно также. На другой день праздника, офицеръ съ гаупвахты представши намъ возвѣстилъ, чтобы мы всѣ тотчасъ слѣдовали за нимъ. Сборы неважные; чрезъ четверть часа всѣ готовы, и походъ открылся. Офицеръ въ заглавіи, за нимъ страдальцы, позади нѣсколько солдатъ. Куда насъ вели, никто того не зналъ; да и о чемъ было спрашивать или сомнѣваться? Въ дни великаго праздника за тѣмъ позвали насъ, чтобы возвѣстить намъ радость, т. е. свободу.

Вышедши за стѣны крѣпости, глазамъ моимъ представилося обширное, какъ бы никогда невиданное пространство. Двѣ Невы и по ихъ берегамъ огромныя зданія, а болѣе всего толпы народа ѣдущаго и идущаго, неимовѣрно меня занимали. Я мечталъ и радовался, что севодни же, можетъ быть, буду участвовать во всеобщемъ движеніи.

Перешедши большую площадь предъ Коллегіями, вмѣсто Сената препроводили насъ въ Юстицъ-Контору. По докладу были мы немедленно впущены въ судейскую. Тотчасъ присутствующій, съ держимою въ рукахъ бумагою, поднявшись съ своего мѣста (чему послѣдовали и другіе члены) подходитъ къ намъ важно и громогласно читаетъ: «Всеподданнѣйше взнесенный намъ отъ Правительствующаго Сената докладъ, всемилостивѣйше конфирмовать соизволили: колежскаго ассесора Соколова, порутчика Гиммеля, подпорутчиковъ Радищева, Теляковскаго, Калитѣевскаго и Винскаго, лишивъ чиновъ и дворянства, послать: Радищева и Теляковскаго въ Колу; Соколова, Гиммеля и Калитѣевскаго въ Тобольскъ; Винскаго въ Оренбургъ, вѣчно на житье».

Между тѣмъ вывели насъ въ подъяческую; тутъ добрый Мещерскій, обливаясь слезами, заставилъ и меня плакать. Возвѣстили намъ, что подводы и провожатые готовы; торопили, какъ можно, собираться; едва позволили кой-какъ снарядиться необходимѣйшимъ. Товарищи мои уѣхали прежде; я же за сборами промѣшкалъ до вечера, и въ шесть часовъ ввалившись въ кибитку, по освѣщеннымъ, шумнымъ радостію улицамъ, выведенъ изъ преславнаго С.П.бурга.

*

Описывать важныя происшествія тѣхъ временъ не считаю нужнымъ, поелику оныя всѣмъ извѣстны. Тогдашнія повѣствованія сихъ дѣяній, по новости ли, или по ненавычкѣ еще безсовѣстнѣйше обманывать, вразумляютъ любопытнаго читателя достаточно о всѣхъ пріемахъ, чрезъ которые совершено усмиреніе Турокъ и обезсиленіе Польши. Кагульская побѣда, одержанная Россійскимъ Тюренемъ, мужественными чиновниками и храбрыми воинами, отъ истин-

ныхъ знатоковъ военнаго дѣла достойно прославляемая; взятіе Бендеръ грудью и совершенное истребленіе Агарянскаго, въ ихъ собственныхъ водахъ, флота; дѣянія, по справедливости, могущія требовать сравненія съ безсмертными подвигами у Платеи, Маратона и Саламина, представленныя отъ отечественныхъ и чужеземныхъ писателей несомнительными доказательствами поверхности Россіянъ надъ Оттоманами.

Потемкинъ, вознесенный въ достоинство Римской имперіи князя, хотя временщичалъ недолго, но Екатеринѣ столько умѣлъ угодить и сдѣлаться ей необходимымъ, что остался навсегда всемогущимъ. Не могши, однако, какъ я прежде сказалъ, поравняться съ древними вельможами, оттѣснилъ ихъ всѣхъ отъ двора въ самое короткое время. Графы Разумовскій и Панинъ удалились въ деревни; Захарій Чернышовъ, пожалованный фельдмаршаломъ, принужденъ былъ ѣхать въ свою Бѣлорусскую губернію и Военную Коллегію уступить Потемкину *). Графъ Румянцовъ, завоеватель Кайнарджискаго мира, въ полномъ смыслѣ генералъ и патріотъ, заманенный въ Санктпетербургъ для испытанія всѣхъ родовъ уничиженій, послѣ годоваго терпѣнія, отправленъ открывать свои Малороссійскія и нѣкоторыя сосѣднія намѣстничества, ставши по сему новому назначенію въ зависимости кн. Вяземскаго. По сущей справедливости, князя Потемкина нельзя порицать жестокосердымъ и гонителемъ своихъ недоброхотовъ (напротивъ, много было примѣровъ, что онъ бывалъ нерѣдко къ нимъ великодушенъ, по большей же части мстилъ своимъ злодѣямъ однимъ презрѣніемъ).

Въ сіе время начали на театрѣ появляться новыя лица, изъ коихъ нѣкоторыя отъ мелкихъ ролей переходили очень скоро играть первыя. Въ числѣ сихъ Безбородко, пріобрѣтши своими дарованіями благоволеніе Самодержицы, умѣлъ чудесно протѣсниться между двумя могучими сатрапами, т. е. Потемкинымъ и Вяземскимъ и, создавши для себя новый генералъ-почтъ-директора чинъ, ежели не поравнялся съ ними; по меньшей мѣрѣ, сдѣлавшись отъ нихъ независимымъ, удержалъ до смерти Екатерины всю ея довѣренность.

Гвардія, корпусъ со временъ Петра Перваго всѣми его преемниками до того уважаемый, что въ немъ не только офицеры непремѣнно долженствовали быть изъ настоящихъ дворянъ,—въ правленіе Потемкина наполнилась всѣхъ родовъ разночинцами, даже Азіатцами.

Водвореніе въ Россіи иностранцевъ, Петромъ Великимъ сильно покровительствуемое, сколько было тогда нужно и полезно, столько по кончинѣ его, особенно въ царствованіе Анны, сдѣлалося для Россіи тягостнымъ; такъ что Елизавета принуждена была издать законъ о непроизводствѣ иностранцевъ, не знающихъ Россійскаго языка, въ офицеры. Съ половины царствованія Екатерины II, не только Евро-

---

*) До какой степени это сужденіе невѣрно, читатели наши знаютъ: оставлять графа Чернышова во главѣ Военной Коллегіи, благодаря которой началось броженіе на Яикѣ, было немыслимо послѣ Пугачевскаго бунта. *П. Б.*

пейцы, но всѣхъ странъ чужеземцы начали у насъ поступать въ службу, производиться въ чины, вписываться въ сословіе дворянства и занимать государственныя должности. Санктпетербургъ, какъ бы разсадникъ всѣхъ сихъ нечистыхъ растеній, распложалъ ихъ по всей Имперіи. Съ сего времени начали появляться между гвардейскими офицерами Чухонцы и въ Сенатѣ засѣдать Маймисты; Нѣмчура же, какъ однодневная мошка, забивалась въ мельчайшіе изгибы государственнаго тѣла. Ни одинъ народъ не обнаруживаетъ болѣе непріязненности къ иностранцамъ, какъ Русскій; но и нигдѣ они не усвоиваются такъ легко и повсемѣстно, какъ въ Россіи *).

III.

ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

или СРЕДНІЕ ГОДЫ.

Я сказалъ выше, что для перевезенія меня въ Оренбургъ, даны мнѣ двѣ повозки, каждая съ парою коней, и три тѣлохранителя. При суматошномъ отправленіи, самаго важнѣйшаго не удалося мнѣ сдѣлать, именно проститься съ милою женою. Я зналъ, что она въ гостяхъ у большой своей сестры на Рукѣ; посему оставалась мнѣ одна сомнительная надежда тамъ съ нею увидѣться. Выѣхавши изъ города, посчастливилось мнѣ уговорить своего унтера, пока прописываться будутъ подорожныя, сводить меня въ домъ штабъ-лѣкаря, бывшій вторымъ отъ караульни. Какъ описать удивленіе хозяевъ, записныхъ моихъ враговъ, видящихъ меня неожиданно въ ихъ жилищѣ? Какъ изобразить отчаяніе моея бѣдныя Лорхинъ, когда она узнала, что я осужденъ въ вѣчную неволю и зашелъ только съ нею проститься? Бросившись ко мнѣ на шею, она рыдала, не могучи ни слова вымолвить. Мать ея сидѣла полумертвая; средняя сестра обливалась слезами, тогда какъ старшая и зять изрыгали на меня всѣ клятвы и осыпали меня самыми обиднѣйшими ругательствами. Преожесточенный всѣмъ симъ, я вырвался изъ милыхъ объятій съ насиліемъ и побѣжалъ къ моей повозкѣ стремглавъ, заглушая чувства, раздиравшія мою душу.

Лишь только усѣвшись и скрѣпя сердце, хотѣлъ я молвить: пошолъ! услышалъ голоса съ правой руки: «постойте! постойте!» Унтеръ говоритъ: «двѣ женщины бѣгутъ, видно проститься». Слышу шаги и вижу, что одна, прыгнувши ко мнѣ въ сани и схватя меня весьма крѣпко обѣими руками за шею, кричитъ: «нѣтъ, я съ тобою, мой другъ, не разстанусь; вели ѣхать; ступай, пошолъ!» Будучи въ

---

*) Замѣчательное совпаденіе съ отзывами графа С. Р. Воронцова (см. IX и X книги Архива Князя Воронцова).—Стоитъ также обратить вниманіе на то, что Винскій, столь расположенный осуждать великую государыню, будучи самъ Малороссійскимъ уроженцемъ, не ставитъ Екатеринѣ однако въ вину, какъ дѣлали позднѣйшіе недоброжелатели ея, введенія крѣпостнаго права въ Малороссіи. *П. Б.*

крайнемъ замѣшательствѣ, я самъ кричу: «пошолъ!» Сани летятъ; слышу еще въ воздухѣ: Schwesterchen, Bruder! и мы за Рукою. Опомнившись нѣсколько, спрашиваю: какъ она рѣшилась на сей поступокъ?— «Ахъ! Они меня вчера и третьяго дня непрестанно уговаривали, чтобъ я тебя оставила; хотѣли меня услать въ Выборгъ; на отказъ мой, грозились меня отъ себя не отпускать; я имъ божилась скорѣе умереть, нежели съ тобой разстаться. Они вѣрно знали, что тебя посылаютъ сего дня; ибо весь день меня изъ горницы не выпущали и платье, и шубу мою спрятали; сестра надо мною сжалилась, дала мнѣ свою мантилію и проводила меня сюда».—Да ты, моя милая, замерзнешь?—«Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ подлѣ тебя будетъ тепло».— Конечно неимовѣрной, по нынѣшнимъ временамъ, поступокъ; но оный точно произведенъ въ дѣйствіе 16-ти лѣтнею иностранкою, вырвавшеюся изъ рукъ родныхъ, въ домашнемъ платьѣ и въ одной мантиліи, рѣшившеюся съ мужемъ ѣхать въ изгнаніе за 2500 верстъ. До Славянки я былъ почти въ несомнѣнномъ надѣяніи, что насъ догонятъ и Лорхинъ мою отнимутъ; но, противъ чаянія, не только не было за нами погони, но и ночь въ семъ мѣстѣ мы провели довольно покойно.

Узнавши на другой день при выѣздѣ, что уѣхавшіе прежде меня мои товарищи, назначенные въ Тобольскъ, тутъ же ночевали, мы соединились съ ними, и такъ неразлучно продолжали наше путешествіе до Казани. Описывать города и мѣста, на сей дорогѣ лежащіе, я не считаю нужнымъ, поелику они довольно извѣстны; приключеній съ нами, заслуживающихъ вниманія, также не случилося. Мы ѣхали почти по своей волѣ, довольно покойно; ибо не проѣзжали въ день болѣ 50 верстъ.

Въ Казани мы должны были разлучиться и разстались съ искреннимъ сожалѣніемъ, какъ родные братья, не надѣясь нигдѣ уже видѣться, развѣ только въ вѣчности. Въ любезномъ моемъ Соколовѣ я лишился друга, собесѣдника, утѣшителя и что̀ всего важнѣе, въ самой его бѣдности, моего благотворителя. Мы всѣ вывезены изъ Петербурга весьма не съ грузными карманами: у меня было 14, у Лорхины какъ-то случилось на тотъ разъ 7 рублей, и мы были богатѣйшіе. Съ первыхъ дней надобно было купить кое-что необходимѣйшее; для сего въ Новгородѣ же издержано около десяти рублей. Посему къ Москвѣ оставалось у насъ уже весьма немного, и по уваженію, что мы долженствовали еще проѣхать болѣе 1500 верстъ, издержки свои мы крайне убавляли. До Москвы, имѣя на каждой станціи порядочныя, по крайней мѣрѣ просторныя кибитки, мы помѣщались въ нихъ безъ дальняго стѣсненія; но проѣхавши Москву, когда долженствовали мы ѣхать на крестьянскихъ подводахъ, тутъ не только кибитокъ, да и саней порядочныхъ нельзя было имѣть. Тогда мы начали испытывать крайнее утѣсненіе, особенно бѣдная Елеонора Карловна, будучи за половину беременна. Въ городѣ Покровѣ, остановившись обѣдать, когда я, не имѣя никакого средства пособить реченному негодью, старался ободрять мою жену къ терпѣнію, Соколовъ отлучился изъ горницы и, чрезъ четверть часа возвратясь, говоритъ мнѣ: «Я сыскалъ изрядную кибитчонку и недорогую; вели, братъ, укласть въ нее

все свое; Елеонорѣ Карловнѣ будетъ въ ней покойнѣе».—«Другъ мой сердечный, и недорогую мнѣ нечѣмъ заплатить».—«Да она уже заплачена».—«Какъ! Ты, не имѣя самъ необходимѣйшаго?»—«Пустое, братъ, полтора рубля еще у меня осталось, а пять копѣекъ царицыны». Кибитка заплачена четыре рубля съ полтиною. И такъ сей добрый человѣкъ имѣлъ всего шесть рублей и отъ тѣхъ три четверти посвятилъ терпящему человѣчеству. О вы! Кузмичи, Ильичи, Андреичи, Фалалеичи, и вы всѣ любимѣйшіе чада Плутуса, всѣ милліоны свои нажившіе самыми благонамѣренными средствами, кто отъ кабаковъ, кто отъ промысловъ, кто отъ подрядовъ, кто отъ закладовъ, скажите по совѣсти: въ состояніи ли кто нибудь изъ васъ тысячною частицею своихъ сокровищъ пожертвовать для нужды ближняго? Да вы подумаете, а можетъ быть и скажете: «развѣ мы не жертвуемъ на пользу общую?» Знаемъ, знаемъ: иной отъ двухъ милліоновъ даже до двухъ десятковъ тысячъ, и въ то время, когда бѣднякъ, поднесши свой рубль, отдалъ половину своего имущества. Но вы христіане, Евангеліе должно быть вамъ знакомо, припомните вдовицины два лепта и устыдитесь предъ Соколовымъ.

Отъ Казани дорога къ Оренбургу, особенно переѣхавши Каму, почти вся заселена Татарами. Первый ночлегъ имѣвши у торговаго Татарина, мы не могли довольно налюбоваться чистотою и опрятностію особо намъ данной комнаты: диванъ покрытый коврами и мягкими подушками, полъ устланный кошмами; къ тому предложены симъ хозяиномъ чистый бѣлый хлѣбъ и весьма хорошее свѣжее коровье масло, заставили возъимѣть насъ о Татарахъ самыя выгодныя мысли. На другомъ однакожъ ночлегѣ все другое уже намъ представилось: изба мокрая, смердящая самою отвратительною вонью, окны плевою бараньею обтянутыя; стужа, по причинѣ неимѣнія сѣней, прямо врывавшаяся въ избу; къ тому видѣнное нами гадкое стряпанье и нелюдимость хозяевъ, все сіе такъ невыгодно поселило Татаръ въ моихъ мысляхъ, что, тридцать лѣтъ живши между ими, никогда не могъ себя принудить даже отвѣдать ихъ пищи.

7-го Февраля прибывши въ Бугульму, первый Оренбургской губерніи городъ, узналъ, что губернаторъ Рейнсдорпъ, къ которому я былъ адресованъ, умеръ, и что его должность занята вице-губернаторомъ княземъ Хвабуловымъ: извѣстіе для меня немаловажное, поелику я зналъ, что г. Рейнсдорпъ былъ человѣкъ умный и добрый. Въ семъ вшивомъ городишкѣ воевода отнялъ у меня мою гвардію, препровожденіе мое поручивши одному старому солдату. Правда, сей добрый старикъ иногда помогалъ моей нуждѣ.

16 Февраля, въ сыропустное заговѣнье, пообѣдавши въ Сакмарскѣ, пустились мы къ Оренбургу. Проѣхавши Каргалу и приблизившись къ 9 верстѣ, открылась мнѣ необозримая равнина, покрытая снѣгомъ, не имѣющая не только деревъ или кустовъ, ниже какихъ-либо видныхъ изъ подъ снѣгу растеній. На правой сторонѣ видно было кругловатое возвышеніе; съ лѣвой—два довольно высокихъ хребта; впереди городъ Оренбургъ, какъ груда собранныхъ въ одно мѣсто церквей и колоколенъ. При первомъ обозрѣніи сердце затрепетало и мысли

сказали: «вотъ твое жилище и гробъ!» По мѣрѣ приближенія, городъ прибывалъ въ окружности, но терялъ въ видѣ; ибо его стѣны, съ сея стороны одѣянныя камнемъ и отъ времени почернѣвшія, казались къ бѣлизнѣ снѣга весьма страшными, что̀ воображеніе несчастнаго узника еще больше усиливало.

Проѣхавши вороты, увидѣли мы прямую длинную улицу, загроможденную катальщиками всѣхъ званій, такъ что по ней проѣхать никакъ было нельзя. Посему боковыми улицами пробрались мы кой-какъ до постоялаго двора и, тутъ помѣстясь въ заднемъ уголку, провели мы вечеръ самый немасличный, ибо радость и веселіе отъ насъ были весьма далеко.

На другой день съ алгвазиломъ отправились мы къ г. вице-губернатору. По долгомъ въ пустой передней ожиданіи, позвали меня въ комнату. Его сіятельство лежалъ на софѣ; предъ нимъ съ бумагами стоялъ секретарь. Едва вскинувши на меня взоръ, спросилъ секретаря: что̀ съ нимъ дѣлать? Сей отвѣчалъ ему нѣсколько словъ. Князь сказалъ мнѣ: «Ступай, братъ, за нимъ».—«Ваше сіятельство, до сегодняшняго дня я получалъ казенное содержаніе; теперь какъ изволите приказать?»—«Ты присланъ сюда на житье, а о содержаніи твоемъ ничего не сказано».—«Чѣмъ же я буду жить, ваше сіятельство?»—«Будешь сытъ, было бы что ѣсть». Сіи жестокія слова сказалъ онъ не отъ жестокосердія, но въ шутку, какъ то послѣ учиненными отъ него мнѣ многими милостями оказалось.

Сей день я долженъ былъ весь просидѣть въ Губернской Канцеляріи, пока совершались приказные обряды касательно помѣщенія меня въ число жителей Оренбургскихъ, разумѣется несчастныхъ. Къ вечеру отвели мнѣ въ небольшой улицѣ, въ мизерномъ домикѣ, маленькую горенку, довольно чистую и теплую, приказавши хозяевамъ со мною обходиться ласково.

Оставшись одинъ съ женою и чувствуя себя послѣ 18 мѣсячной неволи впервое безъ надзору, я ощутилъ было сначала нѣкоторую пріятность; но, взглянувши на брошенные въ уголъ наши бѣдные пожитки, видя мою несчастную Лорхинъ въ задумчивости, сообразивъ бѣгло, гдѣ я и что̀ я, грусть мгновенно сжала мое сердце. Жена, примѣтивъ мое уныніе, подошла ко мнѣ и своимъ ангельскимъ взоромъ и нѣжнѣйшими ласками разогнала весь мракъ моея души. «О чемъ, мой другъ, тужишь? Теперь мы, слава Богу, вмѣстѣ; никто не помѣшаетъ намъ быть неразлучными; мы станемъ работать, будемъ веселы и счастливы».—«Работать? отвѣчалъ я смѣючися; но я ничего не умѣю, а ты не сможешь».—«Научимся, мой другъ, научимся». И послѣ сихъ словъ принялась улаживать наше житье, чѣмъ и меня заохотивши себѣ помогать, гореванье мое весьма облегчила. О, въ сихъ единственно случаяхъ, т. е. въ порядочномъ несчастіи, можно только узнать—что̀ есть, добрая, нѣжная жена.

Хозяйка простая, даже глупая, но добрая крестьянка, вышедши къ намъ, спрашивала: не угодно-ли намъ чего поѣсть, расхваляя свою капусту, рѣдьку, огурцы и прочее, употребляемое въ великой постъ. Поблагодаривъ за ея предложенія, мы расспросили кое-что о городѣ

и, узнавши, что городъ, по тогдашнимъ торгамъ, снабденъ былъ достаточно всякими товарами, съѣстные же припасы даже были весьма дешевы, мы сожалѣли о нашемъ недостаточномъ состояніи, но получили нѣкоторую надежду.

Разбирая нашу бѣдную рухлядь, мы неожиданно увидали двѣ пары новыхъ шелковыхъ чулокъ, завалившихся въ моей укладкѣ. Какъ мы обрадовались оба сей находкѣ! Мы тотчасъ назначили ихъ быть проданными для нашего содержанія. Позвана хозяйка, взялась продать, но боялась быть обманутою, ибо такихъ вещей никогда не видала. Успокоили ее всевозможно; согласилась, но сказала, что базаръ бываетъ послѣ обѣда; а у насъ къ завтрему ни копѣйки; обѣщала ссудить четвертью рубля; просили купить по утру для насъ говядины и хлѣба. И такъ первый вечеръ прошелъ.

На другой день хозяйка приноситъ на десять копѣекъ говядины, предовольно для горячаго и изжарить; за пять копѣекъ бѣлаго хлѣба на три дни; словомъ, обѣдъ изобильный. Лорхинъ занялась стряпнею; я пошелъ къ князю на дворъ, узнавши, что у него есть учитель для дѣтей Французъ. Тутъ принятъ былъ я довольно ласково. Учитель изъ чадъ Гаронны, старикъ вызванный въ Россію для поселенія, не умѣвши совладѣть съ нашею землею, рѣшился лучше обработывать умы и сердца молодыхъ дворянъ; рѣшился и успѣлъ: ибо имѣлъ мѣсто, приносящее ему 500 р. годоваго жалованья и все содержаніе. А какъ воспитывалъ? Чему училъ? О! это дѣло совсѣмъ было ему чуждое. Въ сей домъ для дѣтей надобенъ былъ Французъ; онъ Французъ, и по рукамъ!

Почто забавляться на твой счетъ, любезный, простосердечный, въ тогдашнемъ смыслѣ, истинный гусаръ, князь Матвей Аѳанасьевичъ? Не ты сіе затѣялъ: ты только послѣдовалъ десяти тысячамъ глупцовъ, ловившихъ въ перехватъ всѣхъ бродягъ Французскихъ для воспитанія своихъ чадъ.

Старикъ Ганіо, хотя истинный мужикъ, но по мѣрѣ просвѣщенія его отечества, держался въ семъ домѣ довольно изрядно: для дѣтей онъ былъ угодливая нянюшка, для князя забавникъ. Обошедшись со мною ласково, онъ хотѣлъ сказать князю, что я знаю пофранцузски и что меня можно рекомендовать въ какой нибудь домъ учителемъ. Лишенный всѣхъ средствъ къ существованію, я согласился на предлагаемое, предоставляя случаю весь успѣхъ онаго. Возвратясь, я нашелъ мою милую Лорхинъ ожидающую меня съ обѣдомъ. Какой обѣдъ, мой Боже! Глиняная посуда, деревянная ложка; но мы ѣли тогда съ охотою, со вкусомъ, приправляя все сладостными мыслями, что мы вмѣстѣ, никѣмъ болѣе не надсматриваемся. Послѣобѣденное время провели въ разговорахъ, въ ласканіяхъ одинъ другаго; словомъ, наипріятнѣйше. Къ вечеру хозяйка наша принесла намъ 3 р. 80 к. денегъ. Сумма, какой давно уже мы не имѣли въ своихъ рукахъ. За двое новыхъ Туринскихъ чулокъ 3 р. 80 к.! Слава Богу и за тѣ.

На другой день Лорхинъ была у дочери князя; возвратясь, не могла довольно нахвалиться привѣтливостію и добродушіемъ милыя княжны. Она, узнавши отъ Ганіо, что я говорю пофранцузски, хотѣла сама постараться сыскать намъ мѣстечко.

Сей день проведенъ какъ вчерашній, но ночью моя бѣдная подруга занемогла нешуточно. Безпокойствія въ дорогѣ и другія потрясенія повредили несчастное твореніе, носимое ею подъ сердцемъ. Она начала чувствовать страшное мученіе, продолжавшееся чрезъ весь день и которое не инымъ кончилось, какъ рожденіемъ мертваго ребенка.

Спустя нѣсколько времяни, князь, призвавши меня, говорилъ: «Я слышалъ, ты мастеръ пофранцузски, и еще кое-что знаешь? Сходи къ маіору Рыбкину; скажи, что я тебя прислалъ». — «Ваше сіятельство, я говорю пофранцузски и еще знаю нѣкоторыя науки, но учителемъ быть я никакъ не готовился». — «Экой ты чудакъ; вѣдь ты говоришь пофранцузски: такъ мудрено ли учить дитя азбукѣ? Ступай, знай; да смотри, не плошай; онъ скупъ, какъ Жидъ!»

Пришедши къ сказанному господину, я встрѣченъ былъ довольно ласково отъ него и его супруги. Оба мнѣ обѣщали свою высокую милость, естьли я буду стараться прилежно учить ихъ Катиньку. Представленный къ дочкѣ, я нашелъ ее за Французскою азбукою въ складахъ. Попросивши меня прослушать ее, родители удалились, и я принужденъ былъ часа два заняться преинтересными складами. Наконецъ явился отецъ, спрашивалъ: «понятна ли Катенька и не забыла ли задовъ?» Я отвѣчалъ: «о понятіи на первый разъ не могу сказать ничего худаго; забыть же ей почти нечего, ибо она только лишь выучила азбуку». Г. маіоръ, входя къ женѣ, приказалъ подать мнѣ рюмку водки и просилъ, чтобы я каждый день до обѣда приходилъ учить Катеньку. О награжденіи онъ ни слова, а я какъ-бы это смѣлъ начать?

Князь, по добротѣ своей души, сердился, что началъ я учить безъ договору; я по мягкости моей каждый день собирался о семъ предложить, и все молчалъ; Рыбкинъ по жестокости своей молчалъ также, надѣясь—ничего, или по крайней мѣрѣ, весьма мало платить. Такъ протекло около двухъ недѣль, и я начиналъ чувствовать въ самомъ необходимомъ прекрайнюю нужду.

Не знаю, чѣмъ бы сіе кончилося, ежели бы Богъ не явилъ мнѣ неожиданно Своея милости. Въ обѣдъ одного дня, я потребованъ къ князю. Время необыкновенное заставляло догадываться о чемъ нибудь важномъ. Вхожу, князь съ веселымъ лицемъ говоритъ: «Съ Рыбкинымъ, братъ, ты не сладишь; ступай-ка къ здѣшнему откупщику на дворъ теперь же; спроси тамъ Астраханцова и скажи ему, что я тебя прислалъ. Завтра же поутру явись ко мнѣ непремѣнно съ отчетомъ, что́ тамъ будетъ».

Откупщиковъ нашелъ я за благословенною трапезою. Человѣкъ распудренный въ прахъ, сидѣвшій въ заглавіи правой стороны, сказалъ мнѣ: конечно вы отъ его сіятельства? и просилъ тотчасъ садиться съ ними обѣдать. Увернуться было нельзя; сѣлъ и, окинувши взорами честную бесѣду, увидѣлъ, что оная составлялась изъ двухъ пудреныхъ, нѣсколькихъ бородатыхъ, нѣсколькихъ съ пучками, большой частію стриженныхъ—и ихъ дражайшихъ половинъ. Столъ преизобильно покрытъ былъ лучшими рыбами, кашами, пирогами, кулебяками и прочимъ благочестивымъ кормомъ. Запивая пивкомъ, мед-

комъ и наливками. Послѣ обѣда г. Астраханцевъ ввелъ меня въ свое жилище. Онъ-то былъ распудренный, краснорожій, съ вытяжкою произносящій свои глаголы, главный и важнѣйшій всего откупа повелитель. Потребовавши, чтобы я что нибудь написалъ, хотѣлъ еще знать, могу ли я сочинять? Для опыта далъ мнѣ прочесть небольшую бумагу и велѣлъ по оной написать къ г. губернатору прошеніе. Сочиненіе одобрено въ полной мѣрѣ, и изъ разговора можно было заключить, что онъ, зная порусски плохо читать и писать, слыхалъ о краснорѣчіи и любилъ высокопарныя рѣченія, предложилъ мнѣ должность заниматься однимъ сочиненіемъ просьбъ и его собственною перепискою, словомъ: я принимался къ нему секретаремъ. Жалованья предложилъ онъ мнѣ на первой случай 200 р. въ годъ и 100 р. на квартиру, прибавивъ къ тому, ежели имѣлъ надобность, получить, сколько угодно, впередъ денегъ. Я попросилъ 50 р., безъ прекословія выданы; и я въ вечеру, возвратясь домой, принесъ съ собою: голову сахару, фунтъ чаю, пять фунтовъ кофію и 45 р. 50 к. наличныхъ. Такая пріятная нечаянность много ободрила мою подругу. Мы, до сего видѣвши себя непрестанно подъ мрачными тучами, съ сего дня могли надѣяться иногда и вёдра.

На другой же день квартиру перемѣнили, дворовую Маріихинъ, колонистскую дѣвку, за 15 р. въ годъ наняли въ работницы, необходимѣйшимъ завелись и стали жить поопрятнѣе, ѣсть, пить вкуснѣе и спать покойнѣе.

Князь, узнавши о всемъ обстоятельно, сказалъ: «вотъ такъ-то, братъ, будетъ получше; да смотри, самъ не плошай»! *Не плошай,* — совѣтъ добрый, но коего я никогда не могъ употребить въ пользу: ибо къ сему требовалося болѣе досужности, пролазничества, безстыдства и прочихъ достохвальныхъ качествъ, способствующихъ, что̀ называется, къ наживѣ; а я ихъ начисто былъ чуждъ. Теперь, стоя у конца моего теченія и смотря на прошедшее время, заключающее въ себѣ множество различныхъ случаевъ и происшествій, вижу весьма ясно, что я могъ-бы, какъ и другіе, кое-чѣмъ для переду запастись, ежели бы рѣшился предъ богачами ползать, глупцамъ вторить, бездушниковъ хвалить, волокитамъ помогать и пр., весьма обыкновенное между всѣми лучшими нынѣшними людьми. Многіе, зная нѣкоторые случаи моея жизни, можетъ быть, называютъ меня дуракомъ, что я не умѣлъ воспользоваться своимъ временемъ; пусть и такъ: но подлецомъ, по справедливости, никто не можетъ меня назвать.

Проживши съ недѣлю съ моимъ Астраханцовымъ, написавши ему удачно нѣсколько бумагъ, пришелъ я у него въ такую милость, что онъ открылъ мнѣ всѣ важныя тайны откупа, т. е. что онъ въ разстройствѣ и въ казенномъ надзорѣ, по злоупотребленіямъ товарищей его хозяина, имѣющаго въ откупѣ семь частей; что онъ Астраханцевъ присланъ главнымъ управляющимъ отъ стороны хозяина, почему онъ неминуемо долженъ былъ завести приказную ссору, и для того онъ хочетъ меня имѣть собственно для его хозяина. Въ семъ расположеніи я самъ находилъ для себя болѣе выгодъ, ибо долженствовалъ угождать одному, а не троимъ.

Сіе не могло долго укрыться отъ товарищей, и я скоро почувствовалъ ихъ къ себѣ неблагопріязнь, хотя и нимало не могшую мнѣ вредить. Къ свѣтлому празднику, за написанную по вкусу моего принципала бумагу, я получилъ отъ него не въ зачетъ 50 р. Чрезъ сіе я могъ состроить себѣ новый сюртукъ; Лорхинъ также, хоть и неважныя, нѣкоторыя обновки. Къ самому празднику обослалъ насъ г. Астраханцевъ всѣмъ преизобильно, особенно что̀ касается до піемаго.

Наставшу Маію мѣсяцу, когда кассиръ вопрошалъ: сколько мнѣ положено жалованья? Астраханцевъ далъ письменный приказъ: производить коммиссіонеру Винскому, изъ части его хозяина, по 400 р. въ годъ, безъ зачета выданныхъ 50 р. Такъ, я въ короткое время достигъ безбѣднаго содержанія, и съ сего времяни я жилъ въ полномъ удовольствіи. Но какая жизнь, когда я теперь объ ней вспомню! Быть ежедневно въ сообществѣ корчмарей, слышать непрестанно ихъ ссоры и раздоры, напиваться безъ вкуса по дважды въ день, а иногда и трижды; словомъ, быть настоящимъ ярыгою. Такъ провелъ я почти два года, и не могу сказать, что̀ бы изъ меня вышло, ежелибы я долѣе оставался при семъ мѣстѣ.

Очередь дошла Оренбургскому краю быть причастну преобразованій: генералъ-поручикъ Якоби былъ назначенъ отъ Императрицы обозрѣть сію губернію и положить на мѣрѣ открытіе новаго намѣстничества. Сей чиновникъ, будучи уменъ, обходителенъ и въ дѣлахъ свѣдущъ, при первомъ своемъ пріѣздѣ въ Оренбургъ, имѣлъ съ собою много людей съ дарованіями, пріятнаго обхожденія, словомъ, людей весьма отъ Оренбургскихъ каторжныхъ жителей отличныхъ. Открытіе же въ Уфѣ намѣстничества еще болѣе доставило сему краю людей весьма порядочныхъ, такъ что грубость и скотство, прежде здѣсь господствовавшія, тотчасъ принуждены были уступить мѣсто людкости, вѣжливости и другимъ качествамъ, свойственнымъ благоустроеннымъ обществамъ.

Уфа, сдѣлавшись губернскимъ городомъ, наполнилась многими благородными семьями изъ другихъ мѣстъ, которыя, заѣхавши въ отдаленной пустой край, конечно во многомъ имѣли недостатокъ. Учители языковъ, особенно Французскаго, ставши за нѣсколько лѣтъ въ дворянскихъ домахъ необходимостію, были изъ первыхъ исканій сихъ заѣзжихъ господъ. Нѣкто г. Шишковъ, Ѳедоръ Яковлевичъ, по новому учрежденію губерній таможенный совѣтникъ, пріѣхавши въ Оренбургъ по своей должности и увидѣвшись со мною, какъ сослуживецъ въ Измайловскомъ полку и добрый человѣкъ, вошелъ искренно въ мое положеніе и, желая, сколько можно, улучшить мою участь, предложилъ мнѣ сдѣлаться домашнимъ учителемъ у одного его пріятеля, чиновника, живущаго въ Уфѣ.

Откупъ кончился, ссоры и всѣ кабацкія дѣла прекратились, жизнь моя корчмарская опостылѣла уже и мнѣ, а женѣ моей давно была несносна. Посему еще болѣе, дабы только выѣхать изъ ненавистнаго Оренбурга, я охотно согласился на предложеніе добраго г. Шишкова, предоставивъ его полной волѣ постановленіе за меня условій, что̀

онъ совершилъ какъ истинно-честный человѣкъ и мой благодѣтель. 9-го Августа 1783 отправился я изъ Оренбурга, а 13 былъ уже въ Уфѣ и помѣщенъ въ домѣ г. надворнаго совѣтника Николая Михайловича Булгакова.

Договоръ постановленъ былъ для двухъ дѣтей: учить Французскому языку, Географіи, Исторіи, Ариѳметикѣ, за то получать въ годъ деньгами 300 р. и все содержаніе со услугою и выѣздомъ для жены и меня. По счастію, дѣти, бывши на рукахъ Француза около года, еще изъ азбуки не вышли. Посему начать мою школу я могъ для себя съ честію, ибо грамматику я твердо еще помнилъ; начатки другихъ наукъ также еще были не забыты. Впрочемъ, уча, на досугѣ можно и самому учиться, что̀ точно со мною сбылося: ибо я, пробывши около 16 лѣтъ въ разныхъ домахъ учителемъ, ежели не выпустилъ своихъ учениковъ виртуозами въ наукахъ, за то самъ столько успѣлъ въ знаніи Французскаго языка, что могъ читать и переводить всѣхъ родовъ авторовъ безъ словарей.

Новая жизнь.

Въ порядочномъ дворянскомъ домѣ должно было непремѣнно перемѣнить образъ моей бывшей жизни, т. е. опрятнѣе одѣваться, ѣсть въ пору, пить въ мѣру, находиться чаще между порядочными людьми и такъ далѣе. Въ сей нѣсколько приневоленной перемѣнѣ я положилъ для себя обѣтъ: «недостающее во мнѣ для званія порядочнаго учителя пополнить прилежностію и истиннымъ усердіемъ во исполненіи сея должности». Могу похвалиться, что въ продолженіе во всѣхъ домахъ моего учительства, я точно не только не пропускалъ дней или часовъ, опредѣленныхъ для ученія, но отъ времени узнавъ легчайшіе или вѣрнѣйшіе способы къ преподаванію наукъ, я употреблялъ ихъ охотно, даже жертвуя собственными моими часами и занятіями. Я бы могъ здѣсь ясно доказать ничтожный способъ домашняго ученія, обыкновенно употребляемаго и пользу того, къ которому я, по усердію моему, добрелъ, но... пѣть глухимъ и картины показывать слѣпымъ тутъ не мѣсто; знающій же дѣло меня пойметъ. Кто отправлялъ мучительную учительскую должность, тотъ вѣрно знаетъ, что, выписавъ грамматику, разговоры, лексиконы и распорядивъ по нимъ уроки невеликая трудность, а только скука—просиживать въ школѣ часы съ учениками: обыкновенная метода иностранцевъ и нашихъ педантовъ. Но есть средство самое вѣрное и ученику полезное въ ученіи его языку, чрезъ чтеніе съ переводомъ и истолкованіемъ слога того языка и разности нашего. Въ семъ способѣ вся трудность учителю; поелику онъ долженъ не только съ усердіемъ, но и съ крайнимъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ внушать ученику скучныя правила, не именуя ихъ, что̀ особенно трудно на первыхъ десяткахъ страницъ. Но я по опытамъ увѣренъ, что, прошедши такъ съ ученикомъ только четверть тома, онъ столько уже зналъ языкъ и его составъ, что ему можно было поручить тотчасъ переводы самыхъ трудныхъ авторовъ. Сей способъ для иностранцевъ совершенно невозможенъ, ибо онъ требуетъ отъ учителя знанія обоихъ языковъ всесовершенно.

Жизнь Русская домашняя.

Знавши до сего Русскихъ въ столицахъ или на улицахъ, теперь же начавши жить съ ними поближе и чтó называется въ ихъ домашнемъ быту, я многое увидалъ неожиданное и многое узналъ, чему бы никогда не повѣрилъ. Николай Михайловичъ Булгаковъ, его супруга Прасковья Михайловна, трое дѣтей и до 60-ти обоего пола челядинцевъ, составляли въ настоящемъ видѣ Русскій дворянскій домъ. Господинъ былъ за 40 лѣтъ, кротокъ, снисходителенъ, искателенъ, не корыстолюбивъ, хотя и не щедръ. Госпожа подъ 40 лѣтъ, ласкательна сначала безъ мѣры, искательна до низости, услужлива до подлости, завидлива, скупа, сварлива, тщеславна, болтунья, безстыдница и къ людямъ жестока. Дѣти, какъ избалованные барчата; сынъ Александръ 9 лѣтъ, истинный ососокъ; дочь Анна 15 лѣтъ, уже, чтó первое меня удивило, заглядывалась на мужчинъ; Аленушка 4-хъ лѣтъ съ рожкомъ во рту. Челядинцы, какъ и вездѣ, составляли домашній скотъ; одни приближенные, любимцы имѣли лучшее одѣяніе и содержаніе; другіе, назначенные работать руками и ногами, имѣли одно нужное, и то бережливо.

Госпожа управляла домомъ самовластно, или лучше самовольно. Управленіе сіе, во всѣхъ подробностяхъ, есть дѣло довольно любопытное, ибо тутъ непрестанно незнаніе сражается съ невѣжествомъ. Сколько меня сначала удивляло: «не дѣлай своего хорошаго, дѣлай мое худое» — обыкновенный Русскаго дворянства отвѣтъ на представленіе своего холопа! Хозяйство Русской домоводки состоитъ все изъ самыхъ мелочей: на кухнѣ — масла, яицъ и другихъ припасовъ ежедневно издерживается втрое болѣе надобнаго, и отъ неумѣнья повара употреблять, и отъ привычки воровать, чему ни одна хозяйка воспрепятствовать, кромѣ крику и побоевъ, надлежащимъ образомъ не можетъ: ибо ни одна не познакомлена съ кухонными работами. И смѣшно, и жалко бывало смотрѣть споръ незнающей госпожи съ невѣжею поваромъ. Сія кричитъ: «у тебя сегодня соусъ былъ «совсѣмъ нехорошъ».—«Не хорошъ, сударыня, да чѣмъ же?»—«Ещебъ «я знала чѣмъ? Не хорошъ, скверенъ, тебѣ говорятъ: вотъ я тебя, «каналью, научу».—«Воля ваша, сударыня, а я лучше не умѣю». — «Еще ты смѣешь говорить! Развѣ даромъ за тебя деньги платили?» — «Большія, сударыня, деньги 15 р., да тому же болѣе уже 30 лѣтъ; «тогда и не слыхать было о такихъ кушаньяхъ, какихъ ты изволишь «требовать».—«Разговорился, бестія?» — «Воля твоя, сударыня, вѣдь «мнѣ скоро 60 лѣтъ; я же человѣкъ ломанный, пора бы отставить».— «А вотъ я тебя отставлю, забудешь ты противъ барыни ротъ разѣ«вать». Счастливъ, когда таковыя бесѣды угрозами кончатся.

Законъ, запрещающій дворянскимъ людямъ ни въ какомъ случаѣ не имѣть голоса противъ своихъ господъ, дѣлаетъ ихъ истинными безотвѣтными скотами, покорность коихъ посему дальше всякія вѣроятности, какъ и звѣрство ихъ властелиновъ. Надобно быть допущену во внутренность домовъ дворянскихъ, и самому не быть посему Русскимъ, дабы видѣть всѣ своевольства ежедневно въ сихъ

вертепахъ. Я началъ мое ознакомливаніе съ домами точно не въ худшемъ, и по совѣсти не могу сказать, чтобы я, гдѣ ни жилъ, видѣлъ тиранства, творимыя у Михаила Васильевича Матюниныхъ и ихъ сестрицъ; но съ чистосердечіемъ долженъ написать, что и въ семъ домѣ за малѣйшіе проступки, часто по одному своенравію госпожи, лилась кровь несчастныхъ. Помѣщенный въ главномъ корпусѣ дома, такъ что однѣ только узенькія сѣни отдѣляли меня отъ комнатъ хозяйки, я невольно долженъ былъ видѣть или слышать экзекуціи, всегда отправляемыя въ сѣняхъ въ присутствіи госпожи.

Распространяться о проступкахъ нѣтъ надобности: всякъ знаетъ, что предъ господиномъ, что́ ступилъ, то провинился и за все наказывается; важнѣйшими однакожъ всегда почитаются волокитство и домашняя кража. Крайнее удивленіе возбуждается въ иностранцѣ истребленіемъ по дворянскимъ домамъ челядинцами посуды и другихъ вещей. Они все бьютъ, ломаютъ, теряютъ, будто на подрядъ; а глупые хозяева довольствуются однимъ лишь за то наказаніемъ.

Надзоръ за комнатными дѣвками есть первая заботливость госпожи. Малѣйшее сихъ несчастныхъ поползновеніе, даже ничего не значущая игра, никогда не прощается; яснѣе же доказанное преступное дѣяніе, кромѣ истязаній тѣлесныхъ, во всѣхъ благочестивыхъ домахъ наказывается выдачею несчастныя преступницы въ замужество за какого нибудь урода. Сколько разъ я бывалъ заступникомъ, ходатаемъ за таковыхъ несчастныхъ, и всегда почти безуспѣшно, ибо у благочестивыхъ барынь сей проступокъ безъ помилованія.

Кража домашняя, особенно господскаго и бездѣльнаго, розыскивается, взыскивается и наказывается со всею жестокостію; но украденное на сторонѣ всегда почти укрывается.

Первый годъ моего житья съ Русскими для меня былъ весьма тяжелъ, ибо сколько уже ни испорченъ я былъ въ моей нравственности, но обхожденія и всѣ пріемы Русскихъ заставляли меня, особенно мою бѣдную Лорхинъ, много переносить непріятностей. Въ Русскомъ домашнемъ съ посторонними обхожденіи множество случается мелочей по скупости, или по глупости, которыя щекотливаго человѣка ежедневно станутъ выводить изъ терпѣнія. Не живавшій съ Русскими ослѣпится первыми ихъ пріемами и ласковостями; но не пройдетъ двухъ недѣль, и все сіе воспріиметъ совершенно иной видъ. Скоро предупрежденіе замѣнится упорнѣйшимъ невниманіемъ, ласки угрюмостію, угожденія отказами и пр. Челядинцы съ первыхъ дней начинаютъ творить всевозможныя пакости. Они въ каждомъ домѣ, составляя для своихъ выгодъ братство, всякаго посторонняго опасаются и потому стараются ему всегда досаждать. Пріобрѣсть же ихъ приверженность почти ничѣмъ нельзя; ибо сколько они ни корыстолюбивы, но вѣроломны еще болѣе.

Хотя распуста мною владычествовала еще полновластно, хотя многіе вечера и свободные дни провождалъ я въ нѣсколькихъ домахъ, какъ и прежде, въ діонисіякахъ и карточной игрѣ: со всѣмъ тѣмъ учительская должность, требующая нѣкотораго рода степенности, расшевеливая и временами смачивая засохшія въ сердцѣ моемъ сѣмена

Малороссійскаго воспитанія, тѣмъ пособствуя имъ кой-гдѣ возникать, возродила во мнѣ пристрастіе къ двумъ занятіямъ, ставшимъ наконецъ истиннымъ посредствомъ для сбереженія моего здоровья и для обработанія моея нравственности. Дабы не сидѣть праздно-скучно въ классѣ, пока дѣти учили уроки, я началъ читать книги, сперва, какъ и многіе, только чтобъ убивать время; но книгами не всегда можно шутить: онѣ часто или тихонько закрадываются, или насильно втискиваются въ человѣческое сердце, разумѣется однако *человѣческое*. Начавшій тогда выходить въ свѣтъ *Всемірный Путешествователь* зажегъ во мнѣ любопытство. Блаженъ, чье сердце способно принять сію божественную искру, и преблаженъ, кто, воспламеняемый симъ священнымъ огнемъ, нападетъ самъ собою, или наведенъ будетъ добрымъ человѣкомъ любопытствовать, то есть научаться одному полезному. Къ несчастію рода человѣческаго, дщери ада, изувѣрство и ложная политика, умѣли столько засыпать гибельными мнѣніями правила чистыя нравственности, что одни счастливые и отлично прозорливые смертные могутъ ихъ отличить отъ лжей, безстыднѣйше выдаваемыхъ за истины.

Продолжая чтеніе, я скоро примѣтилъ, что въ Россійскихъ книгахъ много недоставало для удовольствованія моего любопытства, и для сего началъ знакомиться съ Французскими. По счастію у г. губернатора имѣлась богатая библіотека, и онъ благоволилъ дать мнѣ позволеніе ею пользоваться. Первый Вольтеръ заохотилъ меня читать и разсуждать. Занимательный слогъ, важность вещесловія, смѣлыя истины, тотчасъ мною переведены и сообщены знакомымъ, какъ новость. Похвалы, благодарность болѣе и болѣе заставили упражняться въ переводахъ, а симъ самымъ пріобрѣталась нравственность, ибо писать и бражничать—сладить было никакъ нельзя. Славолюбіе есть одна изъ дѣятельнѣйшихъ сердца человѣческаго пружинъ; умѣй только ее трогать, и она произведетъ неимовѣрное.

Къ сему времени случай доставилъ мнѣ знакомство почтеннаго Александра Ивановича Арсеньева, дворянина отличныхъ достоинствъ по уму и добротѣ сердца. Онъ, получивши превосходное воспитаніе и достаточное наученіе въ родительскомъ домѣ, потомъ усовершенствованный долговременнымъ пребываніемъ при своемъ дядѣ, бывшемъ министромъ въ Англіи, употребленный отличительно при посольствѣ князя Репнина, состоялъ тогда по военной службѣ подполковникомъ. Ни одного изъ Русскихъ не зналъ я, кто бы, какъ г-нъ Арсеньевъ, живши весьма долго между иностранцами, болѣе приверженъ былъ къ своему Отечеству и любилъ его страстнѣе, хотя и весьма не принадлежалъ къ тому безмѣрному скопищу, гдѣ Русскій дымъ называется сладкимъ, какъ благовоннымъ. Сей благородный человѣкъ, по благодушію своему, занялся образованіемъ моего невѣжества, какъ благодѣтель ближняго. Около года имѣлъ я счастіе почти ежедневно пользоваться его бесѣдою; онъ-то одобрилъ меня заняться переводами важнѣйшими; его: ed io correggio suo pittore навсегда врѣзаны въ моемъ сердцѣ. Онъ мнѣ, между прочимъ, говаривалъ, что авторы въ Европѣ, особенно Французскіе, начали въ сіе время выда-

вать свои сочиненія подъ названіями странными и что любопытнѣйшее по большей части можно находить въ такихъ книгахъ.

По отбытіи уже его изъ Уфы, увидѣвши въ каталогѣ книгу подъ названіемъ L'an 2400, я тотчасъ ее выписалъ. Съ первыхъ главъ: Сонъ, Грёза обезахотили было меня заняться сею книгою; но, прочитавши внимательнѣе приношеніе самому лѣту, я ощутилъ въ душѣ моей неизъяснимое влеченіе полюбить сего смѣлаго сочинителя, твердаго поборника истины и неустрашимаго защитника правъ человѣчества. Съ сего времени сей знаменитый писатель и ему соотвѣтствующіе сдѣлались моими любимѣйшими авторами. Имъ однимъ обязанъ я благодарностію вѣчною за небольшое количество знаній, мною пріобрѣтенныхъ, особенно за возвращеніе на путь чистыя нравственности, отъ котораго я былъ уже столь удаленъ.

Переводы мои, сообщаемые моимъ знакомцамъ, доставляли мнѣ лестную награду похвалами и благодарностію. Я ожидалъ было лучшаго, т. е. что читающіе ихъ хоть столько же ими воспользуются, сколько я, и для сего надрывался выбирать любопытнѣйшее и трудился, точно, нелѣностно. Къ несчастію, долженъ признаться, что ожиданіе мое едва ли имѣло въ комъ успѣхъ; по меньшей мѣрѣ скажу, не хвастаясь, что я имѣлъ удовольствіе видѣть предлагаемые мнѣ мои собственные переводы за новинку, вывезенные изъ средины Сибири; въ Симбирскѣ же и въ Казани они весьма многимъ были извѣстны.

Страннымъ, можетъ быть, покажется читателю, что я со вторичнаго моего изъ Малороссіи выѣзда ни единожды не упомянулъ о моихъ родственникахъ. Вина сего молчанія—неимѣніе ничего важнаго по сей части къ сообщенію; къ тому какъ мать моя, во время нахожденія моего подъ судомъ, скончалася, я сталъ какъ бы чужой моимъ роднымъ, или лучше, моей сестрѣ, которая, по смерти нашей матери, закусивши удила и загнавши своего бѣднаго мужа въ Черниговъ судействовать, пустилась безъ оглядки своевольничать. Я и теперь не упомянулъ бы о семъ, ежели бы сестрица моя не сыграла мнѣ самой досадной шутки, во время пребыванія моего въ домѣ г. Булгакова. Надобно знать, что мы, съ перваго года ея замужества, т. е. съ 1775 года, были съ нею не въ ладахъ: она кичилась своимъ полковничьимъ званіемъ, я защищалъ мое первородство, и такъ частехонько отъ споровъ доходили, по взаимной неуступчивости, до ссоры. Въ Петербургъ она ко мнѣ совсѣмъ не писала; правда, и я не исправнѣе ея былъ. По переселеніи въ Оренбургъ, я писалъ къ ней со всею возможною покорностію и униженіемъ, надѣясь возбудить въ ней состраданіе; но на письма мои или отвѣчала сухо, или оставляла ихъ безъ отвѣтовъ; о пособіи же никогда и не думала. Такъ протекло пять лѣтъ моего заточенія, и я привыкалъ считать себя безроднымъ. Зимою въ 1786 году, отъ тогдашняго г. губернатора Квашнина-Самарина неожиданно получилъ я сестрино письмо и два имперіала. Въ письмѣ извѣщая, что она ѣдетъ въ С.-Петербургъ, требовала, чтобы я прислалъ къ ней въ Малороссію мою жену, которую намѣревалась она взять съ собою и употребить ее тамъ ко

испрошенію мнѣ свободы. Дѣло сіе, по моимъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, было для меня самое тяжелое; но, повинуясь моей злой участи, собравши послѣднія крохи и съ помощію г. Булгакова, отправилъ я по назначенію мою бѣдную жену. Умалчивая, что она принята была весьма худо, еще хуже отправлена при обозѣ въ Петербургъ, скажу только, что сестрица моя, представивши одинъ только разъ ее графинѣ Апраксиной, потомъ совершенно бросила до того, что если бы не имѣла сія родныхъ, то и пріютиться ей было бы негдѣ. Окончила же сіе свое великодушное предпріятіе, оставивши мою бѣдную жену въ С.-Петербургѣ безъ денегъ, безъ покровительства, не сказавши ей о своемъ отъѣздѣ, ниже меня извѣстивши. Получивши о семъ увѣдомленіе отъ жены, ежели бы я не былъ увѣренъ въ ея истинной честности, я бы подумалъ, что она своимъ поведеніемъ довела сестру до такой жестокости; но пріѣздъ ея ко мнѣ пояснилъ все дѣло. Сестрица поступила тутъ какъ истинная своевольница, чуждая не только нѣжныхъ ощущеній сердца, даже не повинующаяся и пристойности. Но три мои о семъ досадномъ происшествіи убѣдительнѣйшія просьбы не удостоила ни единымъ словомъ, чѣмъ и меня принудила было прервать съ нею всякое сообщеніе.

Оружейная охота.

Жизнь моя въ домѣ г. Булгакова, кромѣ изъясненныхъ выше небольшихъ непріятностей, впрочемъ была довольно сносна; ибо, не заботясь о ежедневномъ насущномъ, имѣя упражненіе, я возобновилъ еще для себя потерянную было забаву, именно оружейную охоту. Оренбургскій край, преизобилуя всѣхъ родовъ дичью, доставлялъ чрезъ сію охоту и для здоровья весьма полезное занятіе, и для моего лакомства изобильное удовлетвореніе. Могу по совѣсти похвалиться, что я въ 35-ти лѣтахъ моей жизни, можетъ быть, ни одного дня не прожилъ безъ дичины своего стрѣлянья, и что забава сія, послуживши къ поддержанію моего здоровья, доставляла мнѣ всегда немалое удовольствіе собственно само собою.

У насъ въ Россіи можно полагать только два рода охоты, т. е. оружейная и псовая. Звѣроловство и рыболовство суть промыслы. Оружейная охота, т. е. стрѣляніе дичи изъ ружей, противъ псовой или ловленія зайцевъ собаками, имѣетъ великія преимущества. Оружейный охотникъ, не могучи въ семъ дѣлѣ иначе дѣйствовать, какъ непосредственно самъ, ежели искусенъ въ стрѣльбѣ, имѣетъ право присвоивать себѣ нѣкоторый родъ искусства, доставляющаго, какъ и другія художества, своимъ производителямъ извѣстность, отличія. Псовый охотникъ въ своей ловитвѣ самъ собою ничего не значитъ, ибо догнать и поймать зайца не отъ него собственно зависитъ; слѣдовательно безъ личнаго искусства, какое право на извѣстность, еще больше на отличіе? Оружейная охота, по своему производству, есть самая простая, до того немногосложна и безубыточна, что ею можетъ пользоваться почти каждый гражданинъ. Псовая, напротивъ, сколько требуетъ приготовленій, разныхъ постороннихъ посо-

бій, столько издержекъ, что одни только богатые люди въ своихъ помѣстьяхъ могутъ ею, по Русскому обычаю, въ полномъ смыслѣ пользоваться. Стрѣлокъ, вздумавши позабавиться охотно, встаетъ тихо съ своей постели, на зарѣ выходитъ изъ дома безъ шума, проходитъ жительство, никого не обезпокоивая, ищетъ добычи, или легонько насвистывая, или тихо напѣвая пѣсенку; ходитъ по полямъ, лугамъ и лѣсамъ, не только не причиняя земледѣльческимъ нивамъ поврежденія, ниже дѣлая въ полевыхъ работахъ малѣйшую помѣху. Псовники, въ назначенный день для выѣзда на охоту, съ полуночи наполняютъ весь домъ шумомъ: клики людей, ржаніе коней, лай и вой собакъ, заставляя деревенскихъ отвѣтствовать тѣмъ же, разбужаютъ все живущее въ селеніи и, вынуждая къ тому же рыканіе испуганныхъ коровъ, блеяніе овецъ, визгъ свиней, плачъ дѣтей, вопли бабъ, составляютъ такой адской концертъ, который всѣхъ воробьевъ полусонныхъ выгоняетъ изъ гнѣздъ. При таковомъ всеобщемъ смятеніи охотники проѣзжаютъ деревню, гдѣ первая гоньба начинается за дворными собаками и терзаніемъ несчастныхъ овецъ и свиней, попадающихся на улицахъ. Чтó производится на мѣстахъ самыя охоты? Какой подымается тамъ крикъ, свистъ, хлопанье арапникомъ, ревѣніе роговъ! Какъ сей гамъ въ окрестности нѣсколькихъ верстъ наводитъ всему дышущему всеобщій трепетъ! Какая причиняется пагуба осеннимъ посѣвамъ и веннимъ всходамъ! Какъ вытаптываются луга! Все сіе потребовало бы особеннаго описанія; и все сіе, конечно, каждый псовникъ знаетъ, но не скажетъ. А чтó стоятъ бѣднымъ земледѣльцамъ, особенно коронnымъ, отъѣзжія, чтò называются, дворянскія поля? Оружейный охотникъ, въ сотовариществѣ добрыхъ пріятелей (слуги въ ней, какъ товарищи, никогда не допущаются) весьма пріятно можетъ забавляться; ибо сія охота, при самомъ своемъ производствѣ, не отнимаетъ возможности бесѣдовать даже объ важныхъ дѣлахъ; но онъ ничуть не имѣетъ непремѣнной надобности въ товарищахъ: поелику, дѣйствуя самъ собою, онъ всегда достаточенъ одинъ для своего дѣла. Псовый, напротивъ, одинъ и самъ собою почти ничего не можетъ сдѣлать. Товарищество ему необходимо, изъ котораго для труднѣйшихъ производствъ обыкновенно назначаются слуги. Бѣднѣйшій господинъ долженъ для охоты имѣть ихъ при себѣ не меньше трехъ, богатые держатъ десятки и сотни. Всѣ они, какъ охотники, не только участвуютъ въ самой забавѣ, но и при сужденіи и разговорахъ о травлѣ. Тутъ-то наблюдатель имѣетъ случай полюбоваться, глядя, какъ барская глупая надменность и жестокость якшаются съ холопьимъ подлымъ невѣжествомъ. Оружейная забава, по собственному своему производству будучи временна, по простотѣ своей не требуя излишнихъ заботъ, не отнимаетъ у благонамѣреннаго охотника ни времени, ни способовъ заниматься другими полезнѣйшими дѣлами, даже ученіемъ.—Псовая, продолжаясь цѣлые дни, недѣли, у многихъ мѣсяцы, по многосложности своей требующая много заботливости, по производству своему пріучающая къ праздности и пустословію, отвлекаетъ молодыхъ барчатъ отъ полезныхъ дѣлъ, поселяетъ въ нихъ

вкусъ къ молодечеству, т. е. къ буйству, наклоняетъ почти всѣхъ къ безженству; словомъ, дѣлаетъ ихъ совершенными негодяями, вредными себѣ, пагубными ихъ рабамъ, несносными даже знакомцамъ, ежели они не псовники. Оружейный, охотникъ ежели, какъ выше сказано, занимается другими полезными дѣлами, особенно ученіемъ, можетъ быть добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцомъ, вѣрнымъ другомъ, пріятнымъ собесѣдникомъ; словомъ, полезнымъ членомъ общества. Псовый, по сказанному же выше, чуждаясь всего дальняго, ученія же бѣгая, какъ опаснѣйшаго непріятеля своему пристрастію, никогда не можетъ быть добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцомъ; ибо сіи должности сами собою требуютъ важнаго занятія. Бесѣдовать же гг. псовники, кромѣ о своихъ собакахъ, ни о чемъ начисто не умѣютъ. Сколько разъ я бывалъ свидѣтелемъ, какъ иной, прилучившись въ порядочной компаніи, просиживалъ цѣлые дни, не вымолвя ни одного слова. Оружейный охотникъ, дѣйствуя самъ собою, не имѣетъ причины за какія-либо неудачи или ошибки на кого другаго сердиться, еще меньше взыскивать. Псовый же, ежели не гонятъ собаки, бранитъ псарей; ежели проглядятъ зайца, бѣсится на охотниковъ; ежели не лѣзетъ на него добыча, винитъ всѣхъ, и часто на мѣстѣ же несчастные получаютъ награжденія арапниками. Стрѣлокъ всей опасности подверженъ отъ одного ружья; но ежели онъ искусенъ въ выборѣ оныхъ, знающъ и осмотрителенъ при зарядахъ, то ему совершенно нечего бояться. Псовникъ, ѣздя всегда верхомъ, подверженъ непрестанной опасности и за самую лошадь, и еще болѣе по причинѣ рытвинъ, ямъ, водомоинъ, сурчинъ, пней, колодъ и пр., которыхъ онъ видѣть и уклоняться не всегда можетъ. Изо ста стрѣлковъ, можетъ быть, два-три были подвержены, въ ихъ жизнь, опасности; но изо ста псовниковъ вѣрно девяносто пять были не одинъ разъ на два перста отъ смерти. Заключу доказательнѣйшимъ: стрѣлокъ все то, что̀ можетъ только псовникъ своими собаками поймать, весьма легко получаетъ отъ ружья; но псовый охотникъ къ тому, что̀ пріобрѣтается ружьемъ, и примѣриться не смѣетъ.

Ревнивость.

Русскіе умствуютъ: *кто не ревнуетъ, тотъ не любитъ*. Сіе, по моему, самое плохое заключеніе, никогда не улаживалось въ моей головѣ. Ревновать значитъ подозрѣвать въ обманѣ такое существо, которое мнѣ любезно и самому унижать себя, т. е. думать про другаго, что онъ меня достойнѣе. Сія гнусная страсть никогда въ истинно-добромъ сердцѣ не можетъ помѣщаться. Я самъ никогда не испыталъ ея мученія, но безпокойствія претерпѣлъ отъ нея довольно.

Скоро по переселеніи моемъ въ домъ г. Булгакова, пріѣхала къ нему на житье его меньшая, недавно овдовѣвшая сестра Авдотья Михайловна, барыня молодая, любезная, кроткая, веселая, дружелюбная. Съ первыхъ дней жена моя съ нею подружилась, и я сему сердечно радовался; поелику связь сія для обѣихъ была весьма выгодна. Сдѣлавшись по добротѣ своей неразлучными, онѣ скоро возбудили

въ мерзкой душонкѣ хозяйки негодованіе, заставившее сію подлую женщину прибѣгнуть къ самымъ гнуснымъ средствамъ для разрыва сея связи.

Праздные часы, когда оставался дома, по большей части провождалъ и я съ ними, находя болѣе удовольствія у веселыхъ молодыхъ, нежели у брюзгливой бабы. Она, попытавшись нѣсколько разъ разрушить наше сообщество, то требованіями сидѣть у ней, то брюзжаніемъ, что мы шумно веселимся, то настоящимъ негодованіемъ, что мы всегда вмѣстѣ, рѣшилась на адское дѣло: поселить въ невинную душу моея жены ревнивость. Долго ей сіе не приносило желаемаго успѣха; ибо моя Лорхинъ, привыкши сказывать мнѣ обо всемъ, и первые пріемы госпожи Булгаковой пересказала. Почувствовавши, сколько зла можетъ произойти, ежели невинное сердце заразится сею мучительною страстію, я приложилъ всевозможное стараніе объяснить клевету и всѣ ея послѣдствія; усиливался, сколько умѣлъ, обнаружить злость клеветницы и, точно будучи ниже мыслію поползновенъ, я думалъ, что слова мои и поступь защитятъ насъ отъ сея напасти. Но, увы! злоба взяла верхъ надъ простосердіемъ; всѣ мои старанія, убѣжденія, доказательства сдѣлались тщетными: бѣдная Лорхинъ заразилась сею бѣдственною страстію, страдала и мучилась ею болѣе семи лѣтъ; ибо я, какъ истинно-безвинный, употребивши сначала всѣ способы къ ея излѣченію, но увидя упорность не внимать моимъ убѣжденіямъ, по крутости моего нрава, предоставилъ наконецъ все времяни, которое конечно ее исправило. Но чтó она претерпѣла? И сколько я перенесъ досадъ? Сіе однимъ намъ извѣстно.

Кромѣ сего досаднаго происшествія, жизнь моя въ домѣ г. Булгакова впрочемъ была довольно сносна. Ученіе, хотя не могу похвалиться, чтобы было завидное, имѣло однакоже свою пользу тѣмъ, что я, поступая искренно, не только никогда не внушалъ ничего дѣтямъ порочнаго, но старался всевозможно поселить въ нихъ человѣколюбіе, справедливость, безкорыстіе и другія нужнѣйшія для Русскихъ добродѣтели. Изъ сего дому перезванъ я былъ, за полгода до моего срока, въ домъ г. Левашова; оставилъ гг. Булгаковыхъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, отъ ихъ стороны преущедренный благодареніями и обѣщаніями, чѣмъ вообще Русскіе весьма чтивы..... на словахъ, но не на дѣлѣ.

Четырехлѣтнее мое въ губернскомъ городѣ пребываніе сдѣлало великую перемѣну не только въ моемъ житьѣ, но и въ образѣ мыслей. Уничтожаемое положеніе и необходимость быть знакому съ порядочными людьми принудили меня жить благоразумно. Съ сего самаго времени я поставилъ себѣ правило: *быть всевозможно съ полиціею въ миру*, и могу похвалиться, что, исполнявши оное всегда старательно, я былъ всегда спокоенъ и лучшими людьми любимъ.

Чтеніе, переводы и бесѣдованіе съ знающими людьми, которыхъ на сей разъ въ Уфѣ находилось довольно, оживили сѣмена нравственности Малороссійской. Мнѣ не великаго труда стоило перемѣниться, ибо я природою былъ добръ, человѣколюбивъ, безкорыстенъ. Не

могъ еще совершенно побороть дурныхъ во мнѣ склонностей, какъ-то: мотовства, бражничества, безпечности; но буйство, грубіянство, низкія знакомства окончательно были прекращены. Сродная однако мнѣ неуступчивость не только не уменьшилась, но отъ времяни дѣлалась сильнѣйшею, чему виною было внутреннее чувство, подстрекаемое уже нѣсколько смѣлыми авторами, и что отъ меня требовали несправедливаго. Съ сего точно времени начало во мнѣ раскрываться мое природное свойство. Сколько я въ юношескихъ лѣтахъ любилъ, почиталъ и слушался людей умныхъ, знающихъ, добрыхъ: столько же и теперь прилѣплялся къ нимъ и искалъ ихъ благосклонности съ такою ревностію, что ее можно было назвать пристрастіемъ; за то невѣжи и злонравные были сердечно мною ненавидимы. *Несчастіе есть лучшій учитель*, я точно на себѣ испыталъ. Принужденный по моему униженному положенію быть въ обществѣ болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ, я непримѣтно сдѣлался физіономистомъ. Опредѣленный всякое дѣло, особенно сужденія другихъ, разбирать и опредѣлять въ одномъ себѣ, я нечувствительно навыкалъ заводить собственный свой судъ. Подкрѣпляемый чтеніемъ важныхъ книгъ, я немного затруднялся бесѣдою моихъ соотечественниковъ, открывая въ ней, съ нѣсколькихъ словъ, всю сущность и мысли бесѣдующихъ. Мораль и политика были мои любимѣйшія занятія; метафизика же возбуждала во мнѣ непреодолимое отвращеніе. Поставивши непремѣннымъ правиломъ говорить только о томъ, что́ было извѣстно и справедливо, никогда я отъ онаго не отступалъ; и въ сихъ-то случаяхъ неуступчивость моя выходила, можетъ быть, за предѣлы.

Кто бывалъ допущенъ въ Русскія искреннія бесѣды и имѣлъ возможность дѣлать наблюденія, тотъ признается, что оныя состоятъ по большей части изъ повѣствованій. Десять и двѣнадцать человѣкъ обыкновенно слушаютъ одного разскащика. Вещесловіе всегдашнее въ деревняхъ: хозяйство, охоты, путешествія; въ городахъ: тоже, съ прибавленіемъ городскихъ и столичныхъ новостей. О политическихъ дѣлахъ говорятъ мало; но ежели случается собственная война, непрестанно и съ неисповѣдимымъ пристрастіемъ. При повѣствованіяхъ слушатели одобряютъ разскащика взглядами, улыбками, иногда и словами. При разсказываніяхъ, ссылки и повѣрки всегда бываютъ на бывалыхъ; никогда ни на одну книгу ни одинъ Русской не ссылается и ни одного автора не имянуетъ. Въ случаѣ возраженія подпираются сами собою, родными или ближними, отъ чего человѣку, знающему обхожденіе и вѣжливому, крайне затруднительно съ ними бесѣдовать. Дворяне почитаютъ невѣжество своимъ правомъ. Человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ обѣгается. Смотря по обстоятельствамъ, хотя и будетъ онъ терпимъ, но въ довѣренности не будетъ никогда. Сіе такъ далеко простирается, что иностранные учители, которыхъ берутъ для дѣтей въ дворянскіе домы, удобнѣе уживаются самые посредственные, даже невѣжи, лишь бы они умѣли поддѣлываться къ нравамъ хозяевъ, сносить ихъ шутки, часто весьма дерзкія, особен-

но находить вкусъ въ пищѣ и питьѣ домовомъ; а ежели рѣшаются еще постничать, суевѣрствовать, то симъ и цѣны нѣтъ. Посему человѣкъ съ обширнѣйшими знаніями, честнѣйшихъ нравовъ, деликатнѣйшаго обхожденія, никогда не удерживается у деревенскихъ дворянъ.

Что невѣжествующіе говорятъ иногда о дѣлахъ важныхъ, заводятъ споры и стоятъ крѣпко за свои мнѣнія, сіе, можетъ быть, свойственно всѣмъ народамъ; но Русскіе единственны тѣмъ, что учившіеся, въ молодости имѣвшіе достаточныя свѣдѣнія, начавши жить въ деревняхъ, ставши хозяевами, отцами, скоро привыкаютъ къ разговорамъ и мнѣніямъ своихъ сосѣдей, поставляютъ какъ бы зазорнымъ свои знанія и, въ случаѣ прѣній, всегда держатся стороны невѣжъ. На улику: «вы сами сему учились; вы знаете, что я говорю справедливо», и проч. не стыдятся отвѣчать: «мало ли, что̀ пишутъ ученые; что̀ лучше святой Руси!».

Живучи въ Уфѣ, мнѣ посчастливилось познакомиться съ весьма добрыми и умными людьми. Изъ нихъ же вѣчное мое напоминаніе о тебѣ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Петръ Ивановичъ Чичаговъ. Въ тебѣ я потерялъ одного совершенно моего единомышленника, сострадательнаго друга, честнаго и съ обширными знаніями человѣка. Миръ праху твоему! Приводя часто на память твою доброту, твою кротость, твою неизмѣнную чрезъ 20 лѣтъ со мною пріязнь, я всегда въ мысляхъ прибавляю: «аще забуду тебе, любезный Петре, забвенна буди моя душа». Не проходитъ, можетъ быть, ни единаго дня, чтобы я тебя не вспомнилъ; безъ тебя я сталъ истинный сирота. Нѣтъ ни единыя души, которую понимала бы моя; ниже единаго сердца, которое билося бы для моего. Съ какою горестію воспоминаю наши бесѣдованія о происшествіяхъ, начавшихся въ нашихъ глазахъ, отъ которыхъ надѣялись мы спасенія, счастія человѣческому роду, но, увы! все сіе, по отшествіи твоемъ, воспріяло новый видъ, или лучше: древнѣйшіе рода человѣческаго враги, самовластіе и суевѣріе, перемѣнивъ только одѣяніе и рѣчь, возложили снова чрезъ безумныхъ честолюбцевъ оковы рабствованія, еще тягчайшія прежнихъ, на выи глупой черни.

Благодареніе и тебѣ, любезный, добрый Миллеръ! Твоя дружеская улыбка, сотоварищестововавшая всѣмъ твоимъ рѣчамъ, никогда для меня не перемѣнялася; и при послѣднемъ прощаньи, ты также дружески меня проводилъ, какъ за 20 лѣтъ до того встрѣтилъ. Гагемейстеръ не долго для меня жилъ, но много мнѣ добра желалъ. Вы всѣ уже давно въ вѣчности.

Не забуду никогда и живущихъ еще. Почтенный, искусный, человѣколюбивый врачь Занденъ. Тебя, благотворитель мой Степанъ Семеновичъ Андреевскій, который не только по искусству своему освободилъ меня отъ тяжкія болѣзни, но умными твоими сужденіями, безпримѣрною добротою твоея души, ускорилъ образованіе моея нравственности. Ты отъ благороднаго упражненія врачевать болѣзни тѣлесныя, перемѣстившись на лѣстницу службы гражданскія, по уму твоему и сердцу, можешь быть въ пространнѣйшемъ кругу благодѣ-

телемъ несчастныхъ; дай лишь Богъ, чтобы ты никогда не забывалъ: honores mutant mores, и чтобы скверная корысть не коснулась чистотѣ твоея души.

Кеслеръ и Рейнъ также мнѣ навсегда пребудутъ памятны; первый за любезность его нрава и трогательные тоны фортепіано; другой за сотовариществованіе мнѣ, или лучше, за возобновленіе во мнѣ любви къ стрѣльбѣ.

Изъ всей моей въ Оренбургской губерніи жизни Уфимская, въ разныя пріемы составляющая болѣе 12 лѣтъ, была для меня счастливѣйшая. Молодость, здоровье, беззаботливость, занятія разновидныя, полезныя, пріятныя; знакомства, особенно съ любезнымъ Чичаговымъ и весельчакомъ Кеслеромъ, точно доставляли мнѣ много пріятностей, и съ умнѣйшею поступью я конечно тутъ же бы могъ завести что нибудь для переду; но осужденный съ ребячества волочиться, я тащился за моею судьбою безпрекословно.

Оставивши Булгаковской домъ для г. Левашова, по сумбурству же его я принужденъ былъ отъ него отстать и, возвратясь въ городъ, жить на квартирѣ, исправляя въ домѣ г. Рычкова бродящаго учителя. Доходъ, правда, былъ не великъ, но знакомство и карточная игра пополняли недостатки. За годъ предъ симъ я началъ страдать головною болью, которая въ сію зиму такъ начала усиливаться, что я со всѣмъ моимъ о себѣ нерадѣніемъ, принужденъ былъ часто лежать въ постелѣ. Въ сію зиму почтенный штабъ-лѣкарь г. Андреевскій пріѣзжалъ изъ Челябы въ Уфу, дабы познакомиться съ докторомъ Занденомъ. Онъ, услышавши, что одинъ его землякъ несчастливъ и боленъ, тотчасъ по добродушію своему меня посѣтилъ. Сердечная его ласковость и искреннее участіе во мнѣ открыли ему всю мою душу. Изъ человѣколюбія захотѣвши быть моимъ благодѣтелемъ, сказалъ: «болѣзнь ваша можетъ быть очень важна; должно непремѣнно вамъ лѣчиться; но здѣсь ни время, ни мѣсто сего не позволяютъ; поѣдемъ со мною въ Челябу, я тамъ могу вамъ навѣрное пособить». Переѣздъ сей, по моимъ недостаткамъ, былъ совершенно для меня невозможенъ; на сіе онъ отвѣчалъ: «можетъ быть, возможность откроется».

Въ сіе время, недѣли уже съ двѣ, я долженствовалъ каждый почти вечеръ собесѣдовать въ Булгаковскомъ домѣ подполковнику Александру Павловичу Мансурову собственно для пикета. Сей господинъ, преисполненный добрыхъ и худыхъ качествъ, былъ мнѣ давно слегка знакомъ; на сей разъ, по причинѣ ипохондріи, не могучи сносить шумныхъ бесѣдъ, по родству Тимашевскаго дома, въ коемъ онъ былъ старинный другъ, съ домомъ Булгаковскимъ, всѣ почти вечера провождалъ въ семъ, гдѣ хозяйка также за болѣзнію никуда не выѣзжала. И для пристойности, и для занятія гостя любимою имъ игрою я былъ избранъ, какъ приверженецъ фамиліи. Бесѣда наша была самая пріятная: дочь, не выѣзжающая же для матери, кокетствовала; подполковникъ волокитствовалъ; мать закидывала тенеты; я, по разсѣянію сопротивника, пользовался игрою.

Въ первый вечеръ, по свиданіи моемъ съ Андреевскимъ, г. Ман-

суровъ, будучи очень веселъ, вдругъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе—ѣхать съ нимъ въ Челябу, гдѣ квартировалъ его баталіонъ. На отвѣтъ мой: что я обязанъ съ Рычковымъ, что я имѣю семью — онъ мнѣ сказалъ: «Рычкова я упрошу; супругу вашу переселимъ въ мою деревню, около которой и мой баталіонъ будетъ зимовать».—Но что мнѣ у васъ дѣлать? «Быть моимъ товарищемъ! Ты игрокъ, стрѣлокъ, весельчакъ; для ипохондрика не надобно лучшаго, за пребываніе же твое я даю тебѣ все то, что ты получалъ въ семъ домѣ». Предложеніе было лестно; но я все еще отговаривался, какъ хозяйка взяла его сторону и сильнѣйшими убѣжденіями старалась меня склонить. На другой день дѣло объяснилось: г. Мансуровъ овдовѣлъ и былъ по природѣ влюбчивъ; г-жа Булгакова вознамѣрилась свою Анну Н... пристроить и меня имѣть при немъ своимъ повѣреннымъ, словомъ, ихъ виды другъ друга подтенетить; мои — воспользоваться доброхотствомъ господина Андреевскаго. Все весьма скоро сладили, и мы 9-го Февраля были уже на пути къ Челябѣ. Сколько я обязанъ господину Андреевскому, сіе я никакъ изъяснить не въ силахъ; онъ точно излѣчилъ меня тѣлесно и душевно; безъ его словоохотныхъ бесѣдъ, безъ его неутомимаго старанія внушать истины, имъ знаемыя, я бы никогда не воздержался ни отъ крѣпкихъ напитковъ, ни отъ буйныхъ поступковъ. Три мѣсяца, съ нимъ вмѣстѣ проведенные, были мнѣ полезнѣе десятилѣтняго ученія. Придержавшись по возможности его совѣтовъ, я до половины шестаго десятка моей жизни не зналъ никакихъ болѣзней; помню его слова: «огненные напитки крѣпко здоровому только не дѣлаютъ вреда, а пользы никогда никому ни малѣйшей». Въ душѣ моей горжусь моею стойкостію, отбросивъ ихъ всесовершенно.

Г. Мансуровъ, въ концѣ Мая возвратясь со мною въ Уфу, скоро сватанье свое привелъ къ концу и о семъ самъ меня извѣстилъ прибавивши: «теперь житье твое у меня еще нужнѣе; мы и наши жены будемъ всегда неразлучны». Такъ онъ сгоряча мыслилъ, и я самъ тому радовался; но Прасковья Михайловна, будущая теща, какъ заботливая барыня, совсѣмъ иначе сіе распредѣляла. Будучи корыстолюбива, подозрительна и глупа, ей тотчасъ помечталось, что жена моя, а болѣе я, можемъ быть камнемъ преткновенія для ея замысловъ; посему приложила все стараніе отсовѣтывать г. Мансурову сдѣланный со мною договоръ. Сей, во все время своего въ Уфѣ пребыванія, проводивши меня отъ одного дня до другаго обѣщаніями, при самомъ отъѣздѣ своемъ къ баталіону, отправить меня подъ видомъ препровожденія моея жены въ деревню (для чего хотѣлъ выслать своихъ людей и коней) изъ Троицка писалъ къ своему нареченному шурину, чтобы онъ сдѣлалъ со мною договоръ и написалъ со мною контрактъ для управительской должности. Обманутый такъ безсовѣстно, оставленный Булгаковскимъ домомъ безжалостно, прожившись отъ найма квартиръ, услуги и содержанія, я доведенъ былъ до самой крайности. Безъ совѣтовъ и пособій добраго Чичагова я не знаю, какъ бы выдрался изъ сей бѣды. Онъ возобновилъ и совершилъ переговоры съ домомъ Рычковымъ, съѣхавшимъ уже въ деревню; онъ же пособилъ мнѣ переселиться къ нимъ.

Живши въ Уфѣ довольно пріятно, я оставлялъ ее съ сожалѣніемъ, не надѣясь отъ деревенской жизни ничего удовольственнаго. Переѣздъ до мѣста моего назначенія совершили мы однако нескучно; прекрасная осенняя погода, изобиліе дичи, многіе по дорогѣ картинные виды, лучшіе и дешевые жизненные припасы не попущали насъ горевать объ оставленномъ городѣ.

Подъѣзжая къ селу Спасскому, мѣсту пребыванія семейства Рычковыхъ, каменная церковь и домъ построенный, съ аллеями садъ, метнулись издали въ глаза; но подъѣхавъ къ нимъ и видя, что все сіе было, ежели не весьма старо, то въ крайнемъ запущеніи, я не могъ возъимѣть о пребываніи моемъ предварительно пріятныхъ мыслей. Проѣхавши по большой улицѣ мимо каменнаго дома, провели насъ къ деревянному новенькому домику, который, начиная только заводиться, былъ еще безъ загороды. На семъ дворѣ маленькое одиночное зданіе, состоящее изъ одной голой свѣтелки, и чрезъ сѣни бани, были апартаменты, назначенные къ моему житью. Хозяевъ не застали мы дома. Они поѣхали обѣдать и ночевать къ Рычкову же Виссаріону Петровичу. Имѣя свободное время, я исходилъ все село и съ ружьемъ обошелъ всѣ его окрестности. Мѣстоположеніе не совсѣмъ было безъ пріятностей; но помѣщеніе дома совершенно не у мѣста, т. е. въ ямѣ, изъ которой видъ былъ на одну церковь съ кладбищемъ и на угрюмый садъ. Самое интереснѣйшее въ семъ селѣ былъ ключъ живой воды, бьющій изъ многихъ разсѣлинъ и составляющій весьма быстрый и сильный ручей.

Господа, возвратясь на другой день утромъ, обласкали насъ по своему довольно. Хозяинъ былъ около 50-ти лѣтъ, физіономіи самой непривлекательной: косъ, слюняй и до крайности неопрятенъ. Нравственно онъ былъ того рода чудакъ, которыхъ учатъ будто нарочно, чтобы яснѣе обнаружить ихъ глупость, заставляютъ служить, даютъ мѣста, дабы показать ихъ ничтожество, но не злой, и иногда даже добрый. Супруга его, барыня лѣтъ подъ 30-ть, бѣлотѣлая, жирная, веселая, самолюбивая и самовольная во всемъ.

Образъ ихъ жизни и обхожденіе былъ бы намъ много затруднителенъ, ежели бы по договору мы не были почти совсѣмъ отдѣленными, т. е. мы только обѣдали съ ними въ скоромные дни; въ постные же столъ и ежедневный чай мы имѣли въ своей хижинѣ. Посему мы болѣе держались у себя, пока ознакомились со всѣмъ семействомъ.

Въ каменномъ домѣ жила старая барыня, Елена Денисовна, вдова родоначальника всея сея семьи, статскаго совѣтника Петра Ивановича Рычкова. Съ нею вмѣстѣ обитали четыре ея дочери, вдова Марья Петровна Толстая, которыя сынъ былъ моимъ ученикомъ и три дѣвицы: Анна, Агриппина, Прасковья. Старуха была изъ богатаго Симбирскаго дворянскаго дома; обхожденія весьма привѣтливаго, хлѣбосолка и обязательная съ чужими, но къ своимъ крайне жестока, скупа и своенравна. По кончинѣ супруга, добрые люди попеклись поселить въ ней страсть къ игрѣ, и старушка ночи, а часто и дни просиживала за ломберомъ. Играть доброхотные пріѣзжали из-

далека; я же, будучи домашнимъ, весьма скоро удостоенъ отличными милостями.

Она, дочь ея вдова и я составляли ежедневную партію. Ежели бы я не боялся Бога, или лучше, ежели бы я умѣлъ чужія слабости обращать въ свою пользу, я бы точно могъ отъ сея барыни по картамъ имѣть свое вѣчное состояніе.

Василій Петровичъ Рычковъ, сынъ старыя барыни, хотя отдѣльно жившій, по частому своему биванію съ семьею, имѣлъ великое вліяніе на весь домъ. Онъ осыпалъ меня сначала учтивостями и ласками, но скоро заставилъ вкусить самыхъ горькихъ непріятностей, по одной своей запальчивости и тщеславію. Сія послѣдняя добродѣтель, можно сказать, всей семьѣ была общею; ибо они, будучи не изъ стараго дворянства, а по одному Петру Ивановичу ихъ отцу, во всѣхъ своихъ поступкахъ, дѣлахъ, даже рѣчахъ, являли, какъ будто они боятся урониться. Отъ сего часто бывали со мною самыя досадныя и смѣшныя приключенія, о которыхъ напоминать нѣтъ дальней надобности.

По прошествіи года, особливо когда я перешелъ на житье въ домъ старыя барыни, гдѣ занималъ цѣлый довольно пространный флигель, жизнь моя въ Спасскомъ была самая покойная: за ученіемъ несильно гналися; нравственностію, дабы я не поселилъ въ дѣтяхъ чего-нибудь несообразнаго съ правилами новаго ихъ дворянства, занимались сами родители; дичи было крайнее изобиліе; выѣздъ свободный, карточная игра, иногда скучная, пополняла малые наши доходы; словомъ, мы тутъ жили удовольственно.

На другую зиму жена моя, для сотовариществаванія больной Маріѣ Петровнѣ, ѣздила съ нею въ Уфу, гдѣ прожила и весну; я, пріѣхавши къ нимъ повидаться, перезванъ былъ г. Левашовымъ къ нему, и такъ неожиданно распрощался со Спасскимъ и съ его доброю къ намъ хозяйкою.

Переселеніе къ г. Левашову было нѣкоторымъ образомъ для меня непроизвольное; обиженный имъ въ первое приглашеніе, я не хотѣлъ было съ нимъ вовсе дѣла имѣть; но увидѣвши дѣтей, обласканный ими, я забылъ все и четыре года прожилъ въ семъ домѣ, перенося многія непріятности.

Сергѣй Яковлевичъ Левашовъ, надворный совѣтникъ и совѣстный судья, былъ человѣкъ крайне странный. Въ юношествѣ безъ всякаго воспитанія, въ молодости безъ малѣйшаго образованія, въ мужескихъ лѣтахъ безъ нравственности, достаточный Казанскій дворянинъ, посему родными и знакомыми въ его своеволіи тамъ нѣсколько стѣсняемый, оставивъ молодую жену и пятерыхъ любезныхъ дѣтей, переселился въ Башкирію, гдѣ, купивши землю, переводилъ крестьянъ, строилъ домы, разсаживалъ сады, заводилъ оранжереи, учреждалъ фабрики, заводы; но все сіе только начиналъ, а не оканчивалъ. Домъ его снаружи, по виду, былъ казарма, во внутренности же оштукатуренъ какъ палаты. Садъ былъ неогороженъ, но вороты въ него воздвигнуты были столярной работы и съ Нѣмецкими петлями и замками.

Описывать всѣ его странности было бы и скучно, и трудно; скажу только еще: бывши почти безграмотенъ, охотникъ превеликій былъ диктовать письмы, особенно наставленія прикащикамъ, садовникамъ, конюхамъ и другимъ своимъ чиновникамъ. Щедръ, даже мотъ бывалъ изъ тщеславія, скупъ же по природѣ, нрава самаго крутаго и жестокаго; но къ сентиментальному разговору всегда приставалъ, выдавая себя за Стерна.

Дѣтей съ нимъ бывшихъ четверо: двѣ дочери, два сына и племянникъ составляли мой пансіонъ. Средняя дочь Наталья, 15-ти лѣтняя дѣвушка, одарена была отличною способностію и охотою къ ученію; старшій сынъ Николай былъ также понятенъ и прилеженъ, да и прочіе довольно изрядно учились, что, при ихъ ласковости, поселило во мнѣ неимовѣрную ревность споспѣшествовать ихъ успѣхамъ. Скажу, не хвастаясь, что Наталья Серг. чрезъ два года понимала столько Французскій языкъ, что труднѣйшихъ авторовъ, каковы: Гельвецій, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила безъ словаря; писала письма со всею исправностію правописанія; Исторію древнюю и новую, Географію и Миѳологію знала также достаточно.

Жизнь наша въ семъ домѣ была довольно сносна; къ странностямъ хозяина присмотрѣвшись, все прочее шло порядочно; ласки же и дружелюбіе дѣвицъ Елеонорѣ Карловнѣ доставляли много пріятностей. Зиму мы жили въ городѣ, гдѣ катанья, собранья, балы, для меня и карточная игра, жизнь нашу дѣлали весьма удовольственною; весну, лѣто и осень обыкновенно проживали въ деревнѣ; тутъ разныя, ежедневно почти новыя занятія: прогулки, купанья, рыбная ловля, стрѣльба и множество другихъ забавъ, сокращали время нечувствительно.

Въ сіе время Елеонора Карловна освободилась совершенно отъ гибельной ревности; ласки ея ко мнѣ и нѣжность возвратились съ прежнею, или еще сильнѣйшею горячностію; я самъ, кажется, почувствовалъ новый жаръ къ моей милой подругѣ; всѣ пріемы первоначальныя любви, со всѣми тѣми же прелестями, наполняли наши души. Старанія быть чаще наединѣ, попеченія взаимно дѣлать другъ другу пріятное, сердечныя изліянія, неутомимость въ наслажденіяхъ; словомъ, все дѣлало насъ счастливыми, а двое милыхъ дѣтей, изъ которыхъ Корюша по пятому году, милая, рѣзвая лепетуша, и Катенька по третьему, любезная, веселая, какъ Ангелъ, усугубляли наши радости.

Но, увы! сіе благоденствіе, сія сладостная супружняя жизнь, сладостнѣйшая, можетъ быть, самаго начала оныя, была для меня весьма кратковременна. Милая моя подруга, бывши во все ея замужество хотя не больною, но всегда въ Нѣмецкомъ тѣлѣ, года за два до сего времени, пополнѣла, повеселѣла, сдѣлалась большою затѣйницею всякихъ забавъ, игоръ, обѣщавшая по всему сему добрую о своемъ здоровьи надежду, въ Сентябрѣ 1792 года, ѣздивши въ Уфу, получила простудную лихорадку, которая въ Октябрѣ, обнаружившись грудною водяною болѣзнію, прекратила ея жизнь на 29 году.

Горестнѣе всего мнѣ было тогда, да и теперь воспоминаю съ сожалѣніемъ, что я послѣдніе два мѣсяца ея жизни почти не жилъ съ нею, и что она скончалась въ Уфѣ безъ меня.

Сбиравшись давно, 2-го Сентября въ семъ году я ѣздилъ къ Рычкову, гдѣ пробылъ до 25. Жена, проводивши меня до Уфы, оставалася тутъ же и дожидаться. Я нашелъ ее въ четырехдневной лихорадкѣ, но, не уваживъ сего, особенно за отлучкою нашего врача и друга Зандена, я взялъ ее въ деревню. Въ первыхъ дняхъ Октября, г. Занденъ былъ у насъ, видѣлъ ее въ самомъ припадкѣ, оставилъ лѣкарство, но совѣтовалъ, при усиленіи жара, пріѣхать въ городъ. Послѣдуя сему въ точности, 9-го, въ ясный, прекрасный день, въ покойной коляскѣ, отправилась она въ Уфу. Двѣ почты извѣщалъ г. Занденъ о ея состояніи, предъ третьею прислалъ нарочнаго, увѣдомляя объ открывшейся опасности и чтобъ я поспѣшилъ самъ въ Уфу. Зная искусство и благоразуміе сего врача, почти увѣренный въ несуществованіи уже Елеоноры Карловны между живыми, я тотчасъ отправился, но моя милая подруга за два дни, т. е. 21, скончалась.

Описывать мою горесть, какъ давно прошедшее, не поставляю нужнымъ; скажу только, что она была точно искренна, и что сожалѣніе о сей моей потерѣ никогда не выходило изъ моего сердца. Жизнь моя послѣ сея эпохи, хотя нельзя сказать, чтобы хуже была прежней; но признаться долженъ, что съ покойною подругою была бы она несравненно лучше; теперь же, когда я уже сталъ старъ и дряхлъ, и когда предѣлъ мой у меня въ виду, я каждодневно ее воспоминаю, ибо чувствую, что одна только добрая жена быть могла бы, въ сіе роковое время, истиннымъ моимъ попечителемъ, утѣшителемъ, Ангеломъ-хранителемъ.

Преисполненный благодаренія моему Богу, я не могу иначе, какъ хвалиться моими добрыми дѣтьми. Онѣ неизмѣннымъ и усерднѣйшимъ своимъ о моемъ благосостояніи попеченіемъ доказывая въ полной мѣрѣ, сколько я имъ любезенъ, конечно ни одна изъ двухъ не пожалѣла бы ни трудовъ своихъ, ниже своего здоровья, для успокоенія и поддержанія моей болѣзненной старости, но со всѣмъ тѣмъ онѣ никакъ не могутъ замѣнить для меня своей покойной матери. Добрая жена, соучаствуя мужу во всѣхъ дѣяніяхъ супружнія жизни и подаваясь съ нимъ вмѣстѣ въ старость, навыкаетъ знать и удовлетворять всѣ его вкусы прихотѣнія и, сознакомившись даже съ его слабостями, недостатками, не только не брезгуетъ ими, но самыя отвратительныя немощи облегчаетъ и врачуетъ доброхотно.

По успокоеніи нѣсколько первыхъ ощущеній горести, обративши вниманіе на мое положеніе, я видѣлъ ясно, что бѣдныя дѣти мои наиболѣе потеряли, лишившись матери. Ихъ полъ въ сиротствѣ, тасканіе мое съ ними по чужимъ домамъ, угрожали мнѣ многими затрудненіями, для преодолѣнія которыхъ я принялъ мѣры, какія по моему бѣдственному состоянію были только возможны. Я увѣдомилъ сестру о приключившемся мнѣ несчастіи; извѣщая объ оставшихся у меня на попеченіи двухъ сиротахъ ея пола, просилъ, чтобы по родству и человѣчеству соблаговолила быть ихъ матерью. Въ прошеніи моемъ употребилъ всѣ средства убѣжденія для преклоненія къ состраданію ея строптивыя души, облегчая по возможности способы ихъ содержанія, т. е. первое: я не прежде намѣревался ихъ къ ней

отпустить, какъ чрезъ шесть или восемь лѣтъ (сіе находилъ даже необходимымъ, дабы Кирѣ, достигнувшей 15-го года, могъ я сообщить всѣ семейныя наши дѣла) и на случай, дабы онѣ не совсѣмъ были безгласны, второе: я ей обѣщевалъ ежегодно высылать въ пособіе двѣсти рублей. На сіе не удостоенъ я ниже отзывомъ, поелику сестрица моя въ сіе время крутилась въ столичномъ вихрѣ.

Облегчилося сіе однако, хотя не существенно, тогда нѣкоторою надеждою: дочери г. Левашова, по своему собственному побужденію, а по молодости ихъ лѣтъ непричастному еще корысти, предложили своему отцу и получили его соизволеніе, чтобъ дѣтей моихъ принять къ себѣ для воспитанія, съ тѣмъ, чтобы ихъ по возможности и пристроить. Предложеніе сіе меня до крайности порадовало; я зналъ, что имъ каждой утверждено было отъ отца по сту душъ лучшихъ крестьянъ; посему какъ воспитать, такъ и пристроить моихъ дѣтей немного бы имъ стоило.

Изъ благодарности за такую милость, почитая ее несомнѣнною, послѣдній годъ моего житья въ семъ домѣ, я могу сказать, что точно не жалѣлъ себя самого, стараясь всѣми силами удовлетворять дѣтскую горячность къ ученію. Нерѣдко по 12 часовъ въ сутки я, какъ осужденный, переходилъ отъ перевода къ Исторіи, отъ сея къ автору, къ сочиненію, и пр. и пр. Живучи въ семъ домѣ, особенно послѣ кончины моея жены, множество я имѣлъ странныхъ приключеній, которыя описывать не поставляю однако нужнымъ; ибо онѣ растянули бы только мое повѣствованіе. Въ началѣ зимы 1793 года сыновья г. Левашова и племянникъ долженствовали ѣхать въ Санктпетербургъ на службу; дочери же въ Казань къ ихъ матери. Я, приглашенный г. Шишковымъ, переселился къ нему въ деревню и съ моими дѣтьми; ибо зная по наслышкѣ Анну Васильевну, я не хотѣлъ жертвовать моими сиротами, да и сами барышни согласны были, чтобъ дѣти оставалися при мнѣ, пока они сдѣлаются властны сами располагать своими дѣлами. Мы поднялись вдругъ всѣ изъ Левашовки, ѣхали вмѣстѣ до Бугульмы. Разстояніе сіе растянули сколько можно больше, распрощались какъ истинные родные, не надѣясь никогда уже больше жить вмѣстѣ. Зиму я прожилъ въ Уфѣ, а весною переселился въ г. Шишкову.

Тутъ кончается наша рукопись. Припомнимъ разсказы о томъ же времени и частію о томъ же краѣ и тѣхъ же лицахъ въ Семейной Хроникѣ и въ Дѣтскихъ Годахъ, С. Т. Аксакова, который описываетъ и впечатлѣніе, произведенное въ далекомъ углу Россіи кончиною Екатерины. Въ семьѣ Аксаковыхъ плакали по ней, и ребенокъ слышалъ, что „Государыня Екатерина Алексѣевна была умная и добрая, старалась, чтобъ всѣмъ было хорошо жить, чтобъ всѣ учились, что она умѣла выбирать хорошихъ людей, храбрыхъ генераловъ и что въ ея царствованіе сосѣди насъ не обижали и что наши солдаты при ней побѣждали всѣхъ и прославились“. Не такъ думалъ озлобленный несчастною судьбою Винскій. Читателямъ Р. Архива нечего пояснять, чей отзывъ правдивѣе. П. Б.

Канцлеръ князь Безбородко *).

XIX.

Первые мѣсяцы Павловскаго царствованія.

Манифестомъ 6 Ноября 1796 г. Русскому народу объявлялось, что, «къ крайнему прискорбію всего императорскаго дома, отъ сея временныя жизни, по 34-хъ-лѣтнемъ царствованіи, преселилась въ вѣчность императрица Екатерина II», и что на престолъ взошелъ ея сынъ и наслѣдникъ императоръ Павелъ I-й [1]).

Павелъ вступилъ на престолъ на 43-мъ году отъ роду, съ накопившеюся жаждою къ работѣ, съ стремленіемъ къ педантической исполнительности и съ рыцарскою честностію. Качества эти онъ выработалъ въ Гатчинскомъ уединеніи, отстраненный совершенно отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ зналъ, что ими заправляли сановники его матери, утомленные дѣлами, привыкшіе къ покою и сибаритству. Явились, потому, новые любимцы и довѣренныя лица: Куракины, Ростопчинъ, Нелидова, Кутайсовъ и еще нѣсколько человѣкъ, не боявшихся Гатчинской скуки. Ближе другихъ стали къ Государю Нелидова, Ростопчинъ и Безбородко. Прочія лица пользовались непродолжительнымъ довѣріемъ Павла. За новыми назначеніями на высшія должности быстро слѣдовали увольненія отъ нихъ. Причина такихъ быстрыхъ перемѣнъ заключалась, безъ сомнѣнія, въ горячности характера Государя, а, быть можетъ, въ интригахъ лицъ, окружавшихъ его. И. И. Дмитріевъ въ своихъ «Запискахъ» именно говоритъ, что царедворцы строили ковы другъ противъ друга, выслуживались тайными доносами и возбуждали недовѣрчивость въ Государѣ» [2]). Жизнь двора и высшаго круга столицы совершенно измѣнилась съ воцареніемъ новаго Императора: нѣжившіеся до полудня въ будуарахъ вельможи въ 7-мь часовъ утра должны были являться къ Государю. Роскошная

*) См. выше стр. 22.

[1]) Полн. Собраніе Зак., № 17,530. Графъ Ростопчинъ въ своей Запискѣ «Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствованія императора Павла I» пишетъ, что «великій князь (Павелъ Петровичъ), подозвавъ графа Безбородка, приказалъ ему заготовить манифестъ о восшествіи на престолъ» (Архивъ Князя Воронцова, VIII, 166). Это повелѣніе было отдано, когда Екатерина еще не испустила духа. Подлинникъ манифеста находится въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ архивѣ. Онъ писанъ рукою Д. П. Трощинскаго, безъ сомнѣнія, подъ диктовку Безбородки.

[2]) Взглядъ на мою жизнь, 149 и 150.

и праздная жизнь, къ которой особенно привыкли царедворцы въ послѣдніе годы жизни Екатерины, замѣнилась скрытностію и опасеніемъ за одно слово попасть изъ дворца въ деревню и въ Сибирь. Одинъ только графъ Безбородко умѣлъ сохранить довѣріе Павла до самой своей смерти. Государь цѣнилъ въ немъ его короткое знакомство съ государственными дѣлами [3]). Не слѣдуетъ, конечно, забывать и той придворной ловкости, которою владѣлъ Безбородко: умѣвшій держаться на высотѣ, по крайней мѣрѣ, видимаго первостепеннаго придворнаго значенія, онъ и въ царствованіе Павла не переставалъ искать сближенія съ людьми, пользовавшимися наибольшимъ довѣріемъ Государя. Гельбигъ передаетъ, будто Безбородко, чтобы поддержать значеніе свое у Монарха, вступилъ въ связь съ любимцемъ Павла Кутайсовымъ, и будто Кутайсовъ, убѣжденный, что имъ руководитъ человѣкъ умнѣе его, говорилъ и дѣлалъ только то, чтò Безбородко ему совѣтывалъ. На эту связь намекаетъ въ своихъ «Запискахъ» и Дмитріевъ, упоминая, что Кутайсовъ былъ тогда еще только гардеробмейстеромъ. Кромѣ того, Безбородко былъ близокъ съ Ростопчинымъ, и особенно съ Е. И. Нелидовой, которая давно его отличила отъ царедворцевъ, стоявшихъ близко къ трону. Назначенная въ 1777 году фрейлиною къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, двадцатилѣтняя, бойкая и остроумная воспитанница Смольнаго монастыря сдѣлалась душею Гатчинскаго двора и довѣренною особою какъ наслѣдника престола, такъ и его супруги. Чрезъ 15 лѣтъ особенная внимательность, коею пользовалась фрейлина великой княгини со стороны цесаревича, была неблагопріятно оглашена во Французскомъ Монитерѣ, въ 1792 году [4]), и тогда-же графъ Безбородко вручилъ Екатеринѣ II письмо Нелидовой, которымъ она испрашивала себѣ дозволеніе возвратиться на житье въ Смольный (она получила это дозволеніе уже по новому ходатайству слишкомъ черезъ годъ). Съ воцареніемъ своего рыцарскаго обожателя, Нелидова тотчасъ явилась при дворѣ. Ея вліяніе на измѣнчиваго Государя было довольно могущественно и благотворно. О довѣріи и уваженіи, какое питала Нелидова къ Безбородкѣ, свидѣтельствуетъ ея письмо, въ которомъ, по поводу государева желанія удалить отъ должности В. С. Попова, она выражается такъ: «Но если ему совершенно необходимо дать преемника, то посовѣтуйтесь объ этомъ съ Безбородкою; его честность можетъ послужить вамъ ручательствомъ, что онъ укажетъ вамъ на человѣка способнаго» [5]).

9 Ноября 1796 Павелъ возвелъ Безбородку «въ первый классъ и повелѣлъ остаться ему при прежнихъ должностяхъ, получая жалованье и столовыя деньги по сему чину, сходно какъ въ штатѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ положено» [6]).

Очутившись, такимъ образомъ, вновь въ кругу самой разнообразной дѣятельности, Безбородко сталъ теперь приближеннѣйшимъ къ престолу царедворцемъ. По словамъ Болотова, «говорили и пи-

---

[3]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, I, 19.

[4]) Въ письмѣ одного Англичанина изъ Петербурга въ Парижъ.

[5]) Е. И. Нелидова, статья въ Р. Архивѣ 1873 г., 2160—2167 и «Осмнадцатый Вѣкъ», III, 438.

[6]) Гр. Ростопчинъ пишетъ гр. Воронцову, отъ 10 Ноября 1796 г., что Безбородко «возведенъ въ первый классъ, *съ званіемъ фельдмаршала*». Р. Архивъ 1876, II, 82.

сали около сего времени, что при Государѣ только два человѣка, Безбородко и Трощинскій: одинъ — министръ, а другой секретарь, что всѣ другіе докладчики замолчали», и что Безбородко, какъ «первый министръ», долженъ былъ являться къ Государю «всякое утро» [7]).

Съ первыхъ же дней царствованія Павелъ занялся торжественнымъ погребеніемъ своихъ родителей, Екатерины и Петра III, соединивъ ихъ гробы вмѣстѣ (чѣмъ онъ желалъ, быть можетъ, напомнить «о наслѣдственныхъ прирожденныхъ правахъ своихъ») и приготовленіями къ своей коронаціи. 9-го же Ноября Павелъ возложилъ на Безбородку труды по финансовому комитету, учрежденному Екатериною въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни. Указомъ, даннымъ Совѣту и писаннымъ Безбородкою, повелѣно разсмотрѣть «планъ, касающійся до передѣла мѣдной монеты», приглася «къ общему разсужденію изъ Сената ген. поруч. Соймонова, т. сов. Васильева и Храповицкаго, да изъ экспедиціи по казенному управленію т. сов. князя Алексѣя Куракина и, сообразя дѣло сіе со всѣми обстоятельствами къ пользѣ Имперіи и къ сохраненію ея кредита, представить намъ немедленно мнѣніе по сей матеріи, дабы мы могли по тому изъявить дальнѣйшую нашу волю» [8]). Теперь, повидимому, можно было надѣяться, что реформа по перечеканкѣ мѣдной монеты приметъ иное, болѣе благопріятное, для дѣла направленіе; но вышло не такъ. На другой же день собрался Совѣтъ для обсужденія проэкта, и вице-канцлеръ объявилъ ему, что «относительно замѣченнаго въ планѣ однимъ изъ главнѣйшихъ основаній 5-го предложенія о томъ, что перебитіе мѣдной монеты въ 32 рубля изъ пуда не понизитъ курса, но, уравнявъ количество ассигнацій, споспѣшествовать можетъ къ возвышенію онаго, соизволилъ Его Величество примѣтить, не удобнѣе ли бъ было привесть передѣлываемый пудъ мѣди въ 25 р., о чемъ онъ, вице-канцлеръ, изъяснялся съ д. т. совѣтникомъ перваго класса гр. Безбородкомъ, который находитъ, что, для лучшаго сбереженія кредита ассигнацій и нашего съ иностранцами курса, нужно мѣдную монету оставить въ настоящемъ достоинствѣ, дѣлая изъ пуда 16, а не 25 или 24 рубля, и что вообще возвращеніе всякой монеты въ ея истинную и должную цѣну и доброту и удерживаніе ея въ семъ достоинствѣ непремѣнно и скоро подѣйствуетъ, какъ надъ исправленіемъ казеннаго кредита, такъ и надъ возвышеніемъ курса». Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Безбородки, которое и было утверждено Павломъ 17 Ноября 1796 [9]). Такъ безрезультатно кончилось задуманное предпріятіе, которое должно было, по мнѣнію князя Зубова, поправить разстроенные финансы. Нѣтъ нужды вдаваться ни въ оцѣнку проэкта Зубова, ни въ оцѣнку дѣйствій комитета; но въ послѣднемъ отношеніи неизлишне замѣтить, что если эти дѣйствія представляются вялѣе и нерѣшительнѣе, чѣмъ требовали того обстоятельства дѣла, то главная причина заключалась, кажется, во взглядѣ на монетную реформу предсѣдателя комитета, Безбородки. Изъ мнѣнія его, заявленнаго вице-канцлеру, видно, что онъ не соглашался съ проэктомъ Зубова въ самомъ его существѣ. Безбородко, умный, смѣт-

[7]) Р. Архивъ, 1864, 640 и 678.

[8]) Подлинникъ въ Архивѣ Госуд. Совѣта, книги протоколовъ 1796 и 1797 гг., стр. 8.

[9]) Книги протоколовъ Совѣта 1796 и 1797 гг., стр. 17 и 18.

ливый, распорядительный и дѣятельный, тотъ самый Безбородко, который былъ всегда пригоденъ на все, оказалъ очень мало вліянія на ходъ дѣла о монетной реформѣ. Когда обстоятельства измѣнились, и онъ откровенно высказалъ взглядъ свой по настоящему дѣлу, то взглядъ этотъ не только принятъ Совѣтомъ, но и утвержденъ Императоромъ. Ясно, что въ данномъ случаѣ, какъ почти и вездѣ, Безбородко былъ правъ.

22 Ноября, Императоръ писалъ Безбородкѣ, что по его волѣ, «отправленъ съ полнымъ наставленіемъ архитекторскій помощникъ Миллеръ, для построенія деревянной церкви во имя святаго архистратига Михаила и всѣхъ безплотныхъ силъ при Московскомъ домѣ Безбородки, «который мы для временнаго нашего пребыванія въ той столицѣ занять предположили», при чемъ поручалось предписать Пестелю «о надлежащемъ пособіи къ исполненію того, равно какъ и объ отпускѣ изъ почтовыхъ доходовъ 15,000 рублей [10]). Исполнителемъ распоряженій Павла въ Москвѣ назначенъ былъ гофмейстеръ князь С. С. Гагаринъ, которому предписывалось «приложить всемѣрное стараніе къ тому, чтобы все къ окончанію наискорѣе приведено было: кухни и конюшни сдѣлать въ Лефортовскомъ дворцѣ», который «отдѣлать, соединя съ дворцомъ покрытымъ коридоромъ», и «плацъ-дармъ предъ домомъ исправить во всемъ по плану» [11]), но безъ употребленія въ работы солдатъ. Остальныя затѣмъ распоряженія касались заготовленія хозяйственныхъ предметовъ и починки дворцовъ.

Упомянутый домъ Безбородки почитался по величинѣ и по внутреннимъ украшеніямъ первымъ и наилучшимъ домомъ во всей Москвѣ. Въ 1785 году онъ былъ купленъ казною у наслѣдниковъ великаго канцлера гр. Бестужева-Рюмина и подаренъ Екатериною Безбородкѣ, 3 Іюля 1787 г. Павелъ купилъ его для своей коронаціи; впослѣдствіи онъ назывался Слободскимъ дворцомъ, отъ Нѣмецкой слободы, въ которой находился. Онъ сгорѣлъ въ 1812 году [12]). Теперь на этомъ мѣстѣ находится Техническое Училище Воспитательнаго Дома. О необыкновенной роскоши этого дворца свидѣтельствуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ любителей и лучшихъ знатоковъ изящнаго за то время, Польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій.

---

[10]) Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 446, № ук. 58. Рескриптъ на имя Безбородки объ отпускѣ 15,000 рублей на сооруженіе церкви послѣдовалъ 9 Декабря 1796 г. Пестель, управляя Московскимъ Почтамтомъ, былъ тогда въ Москвѣ едва ли не самымъ вліятельнымъ лицомъ.

[11]) Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 446, ук. № 80. Гельбигъ разсказываетъ, что «однажды Безбородко стоялъ съ Государемъ у окна одной комнаты въ своемъ домѣ, изъ которой можно было обозрѣть дорогой садъ, разведенный передъ нимъ. Государь, который на все смотрѣлъ съ военной точки зрѣнія, выразилъ мысль, что это мѣсто годно бы было для плаца, на которомъ превосходно было-бы обучать солдатъ. Это было сказано безъ намѣренія. Но когда Государь, проснувшись, подошелъ къ окну, то нашелъ садъ обращеннымъ въ плацъ-парадъ. Безбородко во время ночи приказалъ вырубить деревья и кусты» (Р. Архивъ, 1865, 418 и 419). За Гельбигомъ этотъ же разсказъ повторилъ Андреевъ въ сочиненіи: «Представители власти въ Россіи» (С.П.Б., 1870 г., стр. 269). По послѣ приведеннаго здѣсь рескрипта, тотъ и другой оказываются неправы.

[12]) Изъ Записокъ графа Комаровскаго въ Р. Архивѣ 1867, 233.

Находясь въ Россіи, онъ велъ Записки, гдѣ подъ 10 Февраля (?) 1797 говоритъ: «7-го числа король осматривалъ домъ министра гр. Безбородки. Во всей Европѣ не найдется другаго подобнаго ему въ пышности и убранствѣ. Особенно прекрасны бронзы, ковры и стулья; послѣдніе и покойны, и чрезвычайно богаты. Это зданіе цѣнятъ въ 700,000 р. Графъ Безбородко, который самъ показывалъ королю всѣ комнаты, сказалъ, что онъ построилъ этотъ за́мокъ въ девять лѣтъ. Петербургскій его домъ, который богаче драгоцѣнными картинами, не можетъ равняться съ Московскимъ въ великолѣпіи убранства. Многіе путешественники, имѣвшіе случай видѣть Сенъ-Клу въ то время, когда онъ совсѣмъ отдѣланъ былъ для Французской короны, утверждаютъ, что въ украшеніи Безбородкина дворца и болѣе пышности, и болѣе вкуса. Золотая рѣзьба на стульяхъ работана въ Вѣнѣ, а лучшія бронзы куплены у Французскихъ эмигрантовъ. Въ обѣденномъ залѣ находится парадный буфетъ, котораго уступы установлены множествомъ прекрасныхъ сосудовъ, золотыхъ, серебряныхъ, кораловыхъ и т. д. Обои чрезвычайно богаты; нѣкоторыя, изъ нихъ выписанныя, другія дѣланы въ Россіи. Китайскія мебели прекрасны» [13]).

Совершивъ торжественное погребеніе *вѣнценосныхъ* родителей и продолжая производить дѣятельныя распоряженія къ коронаціи, Павелъ занялся установленіемъ отношеній своихъ къ иностраннымъ государствамъ. Эти отношенія были опредѣлены въ циркулярныхъ нотахъ, присоединенныхъ къ дипломатическому увѣдомленію о вступленіи на престолъ. Дружественнымъ державамъ объявлялось, что новый Императоръ намѣренъ со всѣми сохранять миръ и доброе согласіе, и хотя готовъ соблюдать существующіе договоры, однакоже, для блага своей державы, признаётъ необходимымъ не принимать участія въ войнѣ между Австріею и Франціею. Причины, побудившія Государя отступиться отъ политики его матери, гр. Остерманъ объяснялъ въ циркулярной нотѣ такимъ образомъ: «Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 г., есть потому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ нужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однакоже, хотя Россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, Государь не менѣе за тѣмъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи съ своими союзниками и чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой Французской республикѣ, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благоправія» [14]).

Такимъ образомъ, съ воцареніемъ Павла, были прерваны всѣ приготовленія для войны за границею. Рекрутскій наборъ, уже объявленный при Екатеринѣ 17 Сентября 1796 года [15]), былъ отмѣненъ; эскадрамъ, находившимся въ Англіи и въ Нѣмецкомъ морѣ, повелѣно плыть назадъ въ свои порты; войскамъ же, дѣйствовавшимъ противъ Персіи, подъ командою графа Зубова, предписано возвратиться

---

[13]) Вѣстникъ Европы 1808 г., XI, 133 и 134.

[14]) Депеша гр. С. Р. Воронцову. (Милютина, Война 1799 г., т. I, стр. 10).

[15]) Полн. Собр. Зак. № 17,507.

въ предѣлы Россіи, и запрещено возводить крѣпости на Персидской границѣ.

Радикально измѣнивъ внѣшнюю политику покойной Императрицы, остановивъ всѣ ея воинственныя предпріятія, Павелъ внесъ новое направленіе и въ устройство внутреннихъ дѣлъ Отечества. Въ первый же мѣсяцъ царствованія Павелъ измѣнилъ законы Екатерины по отношенію къ Лифляндіи и Эстляндіи и возстановилъ въ нихъ присутственныя мѣста, «кои, по тамошнимъ правамъ и привиллегіямъ, существовали до 1783 г.» [16]). Указъ объ этомъ, обнародованный 28 Ноября 1796 г., былъ принятъ Лифляндскими и Эстляндскими Нѣмцами съ неописанною радостію. Зная любовь Павла къ Безбородкѣ и силу Безбородки у Императора, «ландраты, ландмаршалъ и все рыцарство и земство герцогства Лифляндскаго» выразили Безбородкѣ особенное уваженіе, избравъ его «въ корпусъ Лифляндскаго дворянства» и поднесли ему грамоту на это дворянство, подписанную 20 Апрѣля 1797 г. «Безбородко и его законные потомки могли пользоваться всѣми прерогативами, вольностями, правами и обычаями Лифляндскаго дворянства» и употреблять ихъ соотвѣтственно постановленіямъ страны. «Такъ какъ» графъ Безбородко «благоволилъ принять это, какъ знакъ преданности и высокопочитанія Лифляндскаго рыцарства и земства, то мы также имѣемъ твердую увѣренность, что онъ, какъ включенный въ составъ здѣшняго дворянства собратъ его и благосклонный патріотъ, будетъ стараться, сколько наилучше возможно, споспѣшествовать благу нашего отечества и сохраненіе нашихъ привиллегій и правъ страны при всѣхъ встрѣчающихся случаяхъ сильнѣйше поддерживать» [17]).

Отношенія Павла къ Безбородкѣ ярко обрисовываются разсказомъ, который находимъ въ «Запискахъ», оставленныхъ правдивымъ повѣствователемъ о жизни Павла, И. В. Лопухинымъ. Разсказъ относится къ дѣлу о похищеніи изъ Заемнаго Банка (кассиромъ Кельбергомъ, его женою и другими соучастниками) ассигнацій. «Государь приказываетъ мнѣ съѣздить къ Трощинскому, разсмотрѣть конфирмованный уже имъ докладъ Сената о нѣкоторыхъ осужденныхъ по дѣлу объ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемуся еще при жизни Императрицы, остановить исполненіе и найти способъ оправдать, или гораздо облегчить участь одного изъ осужденныхъ, иностранца, котораго имя я забылъ» [18]).

«Меня объ немъ просилъ сынъ, Александръ Павловичъ», сказалъ мнѣ Государь, а его разжалобила жена этого арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ по должности военнаго губернатора С.-Петербургскаго. Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго изъ короткой записки о семъ дѣлѣ увидѣлъ, что осужденный оный признанъ равно виновнымъ съ нѣсколькими другими и къ одинаковому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный Государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ справился, посланъ уже былъ указъ ко второму воен-

---

[16]) Полн. Собр. Зак. № 17,584.

[17]) Подлинная грамота хранится въ семейныхъ бумагахъ графа А. И. Мусина-Пушкина.

[18]) Въ Полн. С. З., подъ № 17,612, напечатана высочайшая резолюція на приговоръ Сената о наказаніи главнаго виновника и соучастниковъ въ похищеніи суммъ изъ Заемнаго Банка.

ному губернатору объ исполненіи. Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думалъ, что простить, или облегчить казнь, всегда прилично милосердію самовластнаго государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію равныхъ преступниковъ одного исключить, или очень меньше наказать предъ другими, было-бы нарушить правосудіе съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству. Всего лучше казалось мнѣ, если нельзя всѣхъ простить, то перемѣнить наказаніе всѣхъ, равно съ онымъ иностранцемъ приговоренныхъ, на содержаніе въ смирительномъ домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде, и сіе сдѣлать, если угодно Государю, скрытнѣе, чтобы, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія. Съ такими мыслями возвратился я къ Государю. Онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ наслѣдникомъ, Александромъ Павловичемъ, и графомъ Безбородкой, и скоро вошелъ въ секретарскую нашу комнату, которая была предъ самымъ кабинетомъ, и, подошедъ ко мнѣ, спрашиваетъ тихонько: что я сдѣлалъ? Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ. — «Какъ же, сказалъ Государь, всѣхъ? Они виноваты!»—«Да и онъ виноватъ», отвѣчалъ я. Государь подошелъ къ Безбородкѣ и также говорилъ съ нимъ тихо. Я оставался у своего секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородкою, Государь, обратясь ко мнѣ, изволилъ сказать: «Чтожъ не подойдешь ты къ намъ, Иванъ Владиміровичъ? Мы говоримъ о твоемъ дѣлѣ». Я подошелъ. Государь продолжалъ: «Вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню какого только мастерства) на житье въ бывшій городокъ Воскресенскъ, Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря».—«А прочихъ-то», докладывалъ я, «съ коими онъ равно виноватъ, куда-же»? «Въ ссылку, по приговору», отвѣчалъ Государь.—«Воля ваша», сказалъ я, только это будетъ несходно съ правдою и порядкомъ».—«Да онъ-же почти и невиноватъ», выговорилъ при томъ Безбородко.—«Какъже, говорилъ я, невиноватаго Сенатъ осудилъ, и Государю казнь его подписать дали»? На сіе Государь мнѣ съ гнѣвомъ сказалъ: «Полно, братецъ, перестань!» Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь, поговоря опять тихонько-же съ Безбородкою, подошелъ ко мнѣ и уже милостиво спрашивалъ: «Ну, чтожъ ты думаешь сдѣлать»? «Я сдѣлаю то, что̀ Ваше Величество приказать изволите; а думаю, что не сравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ вашимъ великодушіемъ». «Нѣтъ», сказалъ Государь, «этакъ нельзя: я прикажу Архарову» [19]).

Потрясенія, испытанныя Безбородкою по случаю неожиданной смерти Екатерины, не прошли даромъ для его уже ослабленнаго трудами и тревогами жизни здоровья. У него обнаружилась желчная лихорадка. Самъ Безбородко писалъ къ своей матери, 24 Декабря 1796 г.: «Наконецъ, слава Богу, я совершенно освободился отъ сильной болѣзни, желчной лихорадки, меня державшей, и теперь уже близко двухъ недѣль выѣзжаю повседневно. Милостію Его Императорскаго Величества я столько былъ взысканъ, что онъ не только всегда о моемъ здоровьѣ присылалъ освѣдомляться, но и самъ удостоилъ меня во время болѣзни моей своего высочайшаго посѣщенія».

---

[19]) Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы д. т. с. И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ, стр. 62—64.

Едва успѣлъ Безбородко оправиться отъ своей болѣзни, а можетъ быть еще и въ то время, какъ онъ лежалъ въ постели, на него возложена была важная дипломатическая работа по устройству Мальтійскаго ордена, переговоры съ которымъ начались еще при Екатеринѣ II. Она, послѣ перваго раздѣла Польши, совмѣстно съ Австріею и Пруссіею, поддерживала орденъ, хотя и не довѣряла ему. Еще въ 1773 г., подъ вліяніемъ политики Екатерины, Польскій сеймъ составилъ актъ, которымъ на Мальтѣ учреждено было великое пріорство и 6 командорствъ, съ отпускомъ на содержаніе ихъ 120,000 злотыхъ съ Острожскаго имѣнія, отошедшаго къ Россіи по первому раздѣлу Польши. Это побудило великаго магистра Эммануила Рогана, для окончательныхъ переговоровъ, назначить при Екатеринѣ полномочнаго министра въ лицѣ своего бальи графа Литты, Миланскаго уроженца, находившагося тогда въ Россійской службѣ контръ-адмираломъ. Удачно начатые имъ переговоры прекратились за смертію Екатерины, но тотчасъ возобновились при Павлѣ, который съ юныхъ лѣтъ оказывалъ сочувствіе всѣмъ стариннымъ рыцарскимъ учрежденіямъ, а особенно Іерусалимскому ордену. Графъ Литта, именемъ великаго магистра, ходатайствовалъ о возстановленіи существовавшаго на Волыни Мальтійскаго пріорства. Тронутый-ли несчастнымъ положеніемъ ордена, у котораго Французы отняли всѣ имѣнія и доходы во Франціи, или изъ давняго сочувствія къ его идеѣ и цѣлямъ [20], Павелъ въ Декабрѣ 1796 г. назначилъ графа Безбородку и князя Куракина полномочными для заключенія съ графомъ Литтою конвенціи. Въ одной изъ депешъ своихъ къ великому магистру, графъ Литта прямо высказался о князѣ Куракинѣ, что «Мальтійскій орденъ долженъ быть ему вполнѣ благодаренъ; онъ его творецъ въ Россіи, и онъ будетъ постоянно его поддерживать и ему пособлять». Разумѣется, графъ Литта судилъ только по тому, что видѣлъ, и о вліяніи, какое на Куракина имѣлъ Безбородко, знать не могъ. О Безбородкѣ онъ отзывается менѣе сочувственно. «Графъ Безбородко имѣетъ большое вліяніе, принадлежащее ему по его полезнымъ познаніямъ и глубокому просвѣщенію. Вполнѣ знакомый со всѣми дѣлами Имперіи, въ слѣдствіе весьма продолжительнаго управленія, и со всѣми государственными нуждами, онъ болѣе употребляемъ по распоряженіямъ и устройству, относящимся до внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ по дѣламъ иностраннымъ» [21].

Быстрое веденіе переговоровъ и щедрость Павла, по выраженію историка Мальтійскаго ордена А. Ѳ. Лабзина, многократно изумлявшая вселенную, превзошли ожиданіе самого орденскаго магистра [22]: въ одинъ мѣсяцъ переговоры были окончены, и конвенція подписана въ С.-Петербургѣ 4 (15) Января 1797 г. [23]), а въ томъ же году къ конвенціи были присоединены «прибавочныя статьи», которыя почти всѣ писаны Безбородкою.

Донося о заключеніи конвенціи, графъ Литта просилъ великаго магистра наградить графа Безбородку и князя Куракина крестами; «а

---

[20]) Исторія ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, А. Лабзина, СПБ., 1801 г., ч. 1, стр. 215—217.

[21]) Депеша графа Литты отъ 7 (18) Января 1797 г. Въ Сборникѣ Р. Ист. Общества, II, 229.

[22]) Исторія ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, V, 216.

[23]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имперіи. № 17,708.

въ грамотахъ», добавляетъ онъ, «которыя ваше преимущество отправите на имя графа Безбородко и князя Куракина, съ назначеніемъ имъ креста благочестія, я умоляю васъ назвать ихъ кавалерами большаго креста, съ опущеніемъ выраженія: «почетный» [24]), и присовокупить, если возможно, наименованіе почетнаго члена высочайшаго главнаго орденскаго совѣта. Это наименованіе, которое, мнѣ кажется, ваше преимущество можете ввернуть въ частномъ письмѣ, не можетъ имѣть послѣдствій, здѣсь будетъ весьма пріятно принято и выставитъ въ лучшемъ свѣтѣ милости, оказываемыя вашимъ преимуществомъ» [25]).

Совѣтъ графа Литты не былъ принятъ вновь выбраннымъ 4 (17) Іюля 1797 г. великимъ магистромъ барономъ Фердинандомъ Гомпешомъ, которымъ была подписана 7 Августа 1797 г. «булла» на имя Безбородки. Въ ней просто сказано: «Твое къ ордену нашему особенное благоволеніе и превеликая благосклонность, которыми ты себя у насъ въ самой высшей степени по истинному достоинству заявилъ, внушаютъ намъ и побуждаютъ насъ, чтобы мы полноту твоихъ достоинствъ взаимнымъ одѣяли усердіемъ, и придали бы еще побужденіе къ усиленію любви твоей; и потому, собственнымъ нашимъ отъ истиннаго сознанія нашего побужденіемъ и по единодушномъ досточтимаго совѣта нашего обсужденіи, содержаніемъ настоящаго письма сообщаемъ тебѣ право, чтобы ты могъ постоянно носить на шеѣ золотой крестъ, по обычаю нашему устроенный» [26]).

29 Ноября поднесенъ былъ императору Павлу титулъ протектора и старинный крестъ «славнаго Лавалетта», а ранѣе были привезены знаки для Безбородки и другихъ лицъ. Государь, принялъ кавалерами большаго креста Безбородку и князя Куракина [27]). Безбородкѣ присланъ большой крестъ, осыпанный бриллiантами.

Новый 1797 годъ принесъ Безбородкѣ новыя милости щедраго къ нему Монарха. «На сихъ дняхъ удостоился я, писалъ Безбородко къ матери, 6 Января, получить разные опыты особливаго Его Императорскаго Величества ко мнѣ благоволенія. На другой день (новаго года) Государь подарилъ мнѣ пребогатую звѣзду и крестъ, бриллiантовые, ордена святаго Андрея, которые онъ самъ отъ самой первой своей свадьбы носить изволилъ; а сегодня пожаловалъ Якова Леонтьевича (Бакуринскаго) совѣтникомъ и Малороссійскимъ губернаторомъ. Дай Богъ, чтобы я былъ въ силахъ усердными трудами заслужить его милости».

---

[24]) Croix de dévotion, di devozione; въ договорѣ между Россіею и Мальтійскимъ орденомъ 4 (15) Января 1797 г. крестъ этотъ названъ «крестомъ благочестія» (Полн. Собр. Зак. № 17,708, ст. XXIV). Кресты благочестія и милости (di devozione e di grazia) давались лицамъ, не принадлежащимъ къ ордену и даже иновѣрнымъ. Почетные (ad honores) тоже, что кавалеры di grazia. (Сборникъ Р. Ист. Общ. II, стр. 164—275).

[25]) Тамъ же, стр. 230.

[26]) Подлинная грамота хранится въ семейныхъ бумагахъ графа А. И. Мусина-Пушкина.

[27]) Исторія ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго 1801 г., V, 242 и 244. Въ бумагахъ, хранящихся въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея, находится списокъ кавалеровъ Мальтійскаго ордена, писанный рукою князя Безбородки.

Не смотря, однако, на такія щедрыя милости и явные знаки особаго благоволенія Государя къ самому Безбородкѣ и къ близкимъ ему лицамъ, развившіеся болѣзненные припадки изнуряли его здоровье, и у него невольно являлась мысль, для сбереженія своихъ силъ и продленія жизни, оставить дѣла и службу. «Ваше сіятельство (писалъ онъ въ Москву къ гр. Воронцову отъ 13 Января 1797), извините меня благосклонно, что я долго не писалъ къ вамъ. Многія на то были причины, а болѣе, что не все еще установилось по нашему департаменту. Теперь, по крайней мѣрѣ, донесу вамъ, что Польскія дѣла послѣ завтра совершенно кончатся подписаніемъ конвенціи о долгахъ, кои Пруссаки согласилися платить по нашему плану, т. е. ровно съ нами по $^2/_5$, а Австрійцы $^1/_5$, пенсію же королю поровну. О Микетахъ (?) также соглашеносъ, и по сію пору политика наша идетъ тихо, безъ всякой особливой предилекціи. Съ Англіею хотятъ возобновить торговый трактатъ; но дѣло Шведское еще тянется, и о дозволеніи имѣть приватную церковь все еще происходитъ затрудненіе; но и тутъ Государь твердъ и не отступитъ отъ того, что его достоинство взыскиваетъ. Многое оставляю до свиданія. Милостями Его Величества не могу нахвалиться. Кромѣ его довѣренности, онъ не оставилъ около меня никого безъ награжденія. Сегодня, по полученіи первой реляціи на имя его отъ Кочубея, пожаловалъ его тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Кочубей и самъ рѣшился остаться еще на нѣсколько въ Царьградѣ, чтобъ при новомъ правленіи утвердить въ Туркахъ уваженіе надлежащее. Ваше сіятельство всегда отъ меня слышали, что я хотѣлъ удалиться отъ перваго мѣста нашей Коллегіи. Съ сими мыслями былъ я и при вступленіи Его Величества на престолъ. Я ему обѣщалъ посвятить себя на услуги его; на третій день угодно было ему предложить мнѣ канцлерское мѣсто, вмѣсто котораго я представилъ просто возведеніе меня въ первый классъ, прося Его Величество, чтобъ онъ Остермана наименовалъ канцлеромъ. Тогда же я напамятовалъ, что кн. Репнинъ насъ обоихъ старѣе, и онъ его тутъ же пожаловалъ. Гр. Остерманъ, по привычкѣ своей, искалъ играть первую ролю, и тутъ вышли недоразумѣнія, кои невиннымъ образомъ старику не въ лучшее обратилися; словомъ, что я, противъ воли моей и въ крайнюю тягость, очутился первенствующимъ въ департаментѣ de fait, а вижу, что скоро принужденъ буду и титуломъ тѣмъ-же учиниться. Сколько я ни желаю заслужить милости Государевы, но признаюсь, что мнѣ прискорбно, что сіе удаляетъ меня отъ моего вида жить покойно въ Москвѣ, и что предвѣстіе Маркова, что я брошенъ теперь въ пространное море плаванія, сбывается».

Въ тотъ же день, т. е. 13-го Января, Безбородко извѣстилъ мать о наградахъ, пожалованныхъ Государемъ «любимому ея внучку» В. П. Кочубею. «Къ 20-му Февраля ожидаютъ здѣсь короля Польскаго, съ которымъ ѣдетъ и графъ Илья Андреевичъ, а потомъ отправится въ Москву, чтобъ присутствовать при коронаціи Его Величества».

Но не за долго еще до пріѣзда въ Россію Станислава-Августа Понятовскаго, на Безбородку были возложены труды по вопросу о Польшѣ. 15-го Января 1797 года, Россія заключила съ Австріею и Пруссіею конвенцію объ окончательномъ раздѣлѣ Польши. Безбородко можетъ быть названъ главнымъ работникомъ съ Русской стороны въ устройствѣ этой конвенціи. За труды по заключенію этого дипломатическаго акта, Государь не замедлилъ вновь выразить Безбородкѣ свое расположеніе и вниманіе.

19 Января 1797 г. ему пожаловано званіе сенатора, о чемъ въ лестныхъ для него выраженіяхъ говорилось въ именномъ указѣ: «Графу Безбородкѣ повелѣваемъ присутствовать въ Сенатѣ нашемъ, когда онъ отъ прочихъ возложенныхъ на него дѣлъ время имѣть будетъ» [28]). Безбородко тѣмъ не менѣе ни въ одномъ изъ засѣданій Сената не присутствовалъ. Къ этому результату пришелъ я послѣ тщательнаго просмотра всеподданнѣйшихъ докладовъ Сената, съ 1797 года по 6-е Апрѣля 1799 г. (день кончины Безбородки). Ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ подписи Безбородки, какъ присутствовавшаго. Можно думать, что Государь, назначая Безбородку въ сенаторы, не желалъ и требовать отъ него обычной работы, соединенной съ этою должностію; пожалованіе это выражало лишь особенное расположеніе къ нему Павла и увеличивало только его содержаніе.

10-го (21-го) Февраля 1797 г. [29]) заключенъ съ Англіею новый торговый договоръ, при главномъ и дѣятельнѣйшемъ участіи въ составленіи его Безбородки и безъ всякаго участія со стороны только что возведеннаго въ канцлеры гр. Остермана. Кромѣ Безбородки упомянутый актъ подписали: князь Куракинъ, Соймоновъ и Англійскій посланникъ Витвортъ. Нельзя не замѣтить, что хотя этотъ договоръ касался только торговли, однако послѣ онъ получилъ весьма важное политическое значеніе по 10-й статьѣ, которая касалась спорнаго пункта о правахъ нейтральнаго флага [30]).

Время наконецъ приближалось къ коронаціи, торжество которой Павелъ хотѣлъ совершить какъ можно скорѣе. 23-го Февраля Безбородко увѣдомлялъ своего друга графа А. Р. Воронцова, жившаго тогда въ Москвѣ: «Иванъ Григорьевичъ Деминскій, отъѣзжая, желалъ имѣть мое письмо. Я тѣмъ пользуюсь, чтобы увѣрить ваше сіятельство, что у насъ нѣтъ ничего новаго послѣ отправленнаго отъ меня къ вамъ письма чрезъ посредство г. Пестеля. Бумаги, обѣщанныя вамъ, не готовы, но вы на сихъ дняхъ получите. Со дня на день ожидаемъ ратификаціи по Польскимъ дѣламъ. Король также на сей недѣлѣ пріѣдетъ и вслѣдъ за нами потащится въ Москву. Я завидую графу Петру Васильевичу [31]), что онъ скорѣе меня уѣдетъ и васъ увидитъ. Податель сего просилъ деревень, и письмо его ко мнѣ прислано. Я постараюсь о его пользѣ, хотя теперь и не такъ легко, какъ сначала подобныя просьбы успѣваютъ. Не случилось мнѣ написать къ вашему сіятельству, что покойная Императрица, за недѣлю предъ кончиною своею и въ послѣдній день, что я ее видѣлъ, много со мною говорила о намѣреніи своемъ всѣ деревни дворцовыя и экономическія раздать въ аренды заслуженнымъ, но не иначе, какъ произведя въ одной за другою губерніяхъ камеральныя описанія и раздачу, да и не съ публичнаго торга, а за заслуги, безъ потери казенной. Какъ вы думаете о семъ пунктѣ? О дворцовыхъ и помышлять теперь нельзя, ибо при раздачѣ отдѣлено до 150.000 душъ, и изъ нихъ уже сто тысячъ роздано, остальныя пятьдесятъ тысячъ отдѣлены для апанажей; да и изъ экономическихъ отдѣляется пятьдесятъ тысячъ на командоріи орденовъ».

---

[28]) Подлинникъ въ Архивѣ Прав. Сената, кн. именныхъ высоч. указовъ за Январь 1797 г.

[29]) Полн. Собр. Зак. № 17,796.

[30]) Война 1799 года, Милютина, изд. 1857 г. I, 28; III, 50.

[31]) Завадовскому.

Въ Мартѣ все было готово къ коронаціи, а 1-го числа, предъ отъѣздомъ въ Москву, Павелъ, на нѣсколько дней, переѣхалъ въ Павловскъ. Государя сопровождали немногія самыя приближенныя къ нему лица, при чемъ Безбородко былъ приглашенъ ѣхать съ Государемъ въ одной каретѣ» [32]). Въ концѣ Марта дворъ переѣхалъ въ Москву. Торжественный въѣздъ Павла изъ Петровскаго дворца въ Кремль и оттуда въ Слободской дворецъ совершился въ Вербное Воскресенье [33]). Нѣтъ сомнѣнія, что Безбородко употребилъ всѣ усилія къ блистательному пріему высочайшихъ особъ, избравшихъ его Московскій домъ мѣстомъ для своего пребыванія. «За недѣлю до коронаціи», писалъ Безбородко къ матери, «когда Ихъ Величества имѣли торжественный въѣздъ въ Москву и въ мой домъ на пребываніе прибыли, пожаловали мнѣ: Его Величество—портретъ на голубой лентѣ, а Государыня Императрица—перстень съ ея портретомъ». Тоже повторилъ Безбородко въ письмѣ къ Г. П. Милорадовичу, но съ подробностями: «Послѣ обыкновеннаго бываемаго предъ коронаціею торжественнаго въѣзда въ Москву, въ Субботу Вербную (?), по окончаніи всенощной, предъ ужиномъ, Государь, бывъ доволенъ домомъ моимъ и всѣми тутъ мною учиненными пріуготовленіями, почтилъ меня своимъ портретомъ весьма богатымъ, который и ношу на голубой лентѣ; Императрица же вручила мнѣ перстень съ ея портретомъ [34]).

На коронаціи, 5 Апрѣля, въ первый день Св. Пасхи, Безбородко былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ чинѣ дѣйствія коронованія» сказано: «Его Имп. Величество соизволилъ указать подать императорскую корону, которую д. т. сов. перваго класса гр. Безбородко подалъ митрополитамъ, а они поднесли Его Величеству на подушкѣ» [35]). Сличая «чины коронованія» двухъ предшествовавшихъ Государынь, я замѣтилъ, что въ коронацію Елисаветы Петровны корону подалъ ей первенствующій архіерей, который и возложилъ ее на главу Государыни; а при коронаціи Екатерины корону подалъ первенствующему архіерею канцлеръ (графъ Воронцовъ), и Государыня сама возложила ее на свою голову. Можетъ быть, повелѣніемъ, даннымъ именно Безбородкѣ, вручить корону іерархамъ для передачи, Павелъ хотѣлъ выразить предъ церковью и предъ народомъ, что корону эту, по волѣ Всевышняго, ему доставилъ передающій ее святителямъ старѣйшій при дворѣ и въ государствѣ сановникъ. При такомъ предположеніи, вполнѣ понятными становятся тѣ преимущественныя, такъ сказать, исключительныя милости, которыми осыпалъ его въ это время Государь. Князь Куракинъ, сообщая, что въ коронацію, кромѣ командорствъ, роздано было 105 лицамъ болѣе 82.000 душъ [36]), прибавляетъ къ этому, что больше всѣхъ получилъ Безбородко.

---

[32]) Письмо гр. Ростопчина къ гр. Воронцову, Р. Архивъ, 1876, II, 82.

[33]) Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, Р. Архивъ, 1872, 158.

[34]) Изъ семейнаго архива графа Г. А. Милорадовича.

[35]) Чинъ дѣйствія коронованія Государя Императора Павла I, стр. 8.

[36]) Шишковъ въ своихъ Запискахъ (I, стр. 22) объясняетъ такую щедрость Павла съ государственно-политической стороны. Онъ пишетъ: «Графъ Безбородко и Кушелевъ, доброхотствовавшіе мнѣ, выпросили при раздачѣ или, лучше сказать, при расхватѣ деревень, и на мою долю 250 душъ, предоставляя мнѣ, какъ и всѣмъ другимъ, выбрать ихъ въ людномъ мѣстѣ. Причиною

Болѣе подробное и очень любопытное сообщеніе о полученныхъ Безбородкою и близкими ему лицами въ день коронаціи Павла наградахъ сохранилось въ собственномъ письмѣ Безбородки къ матери, отъ 8-го Апрѣля. «По крайней усталости, въ которую привели меня заботы какъ по приуготовленіямъ, такъ и въ самый праздникъ, не въ состояніи я былъ писать и увѣдомить васъ о всѣхъ тѣхъ милостяхъ и щедротахъ, которыми Государю угодно было взыскать весь домъ нашъ. Учиненнымъ съ трона въ Грановитой Палатѣ провозглашеніемъ о сдѣланныхъ по сему случаю разнымъ особамъ награжденіяхъ пожалована мнѣ въ потомственное владѣніе, въ Орловской губерніи, вотчина Дмитровская, по духовной покойнаго князя Кантемира записанная блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Второй, въ которой 10 т. душъ слишкомъ и 30 т. десятинъ земли въ Воронежской губерніи по рѣкѣ Битюгу. Когда я пришелъ на тронъ для принесенія всеподданнѣйшей благодарности, то былъ пораженъ новымъ и всякую мѣру превосходящимъ знакомъ монаршаго благоволенія, о которомъ и предваренъ я не былъ. Тутъ прочтенъ былъ указъ Сенату, коимъ Его Величество возводитъ меня въ княжеское Россійской имперіи достоинство, присвояя мнѣ титулъ *свѣтлости* и жалуя, сверхъ того, еще 6 т. душъ въ потомственное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ выберу. Графъ Илья Андреевичъ получилъ кавалерію св. Александра Невскаго и въ Литвѣ 1350 душъ. Якову Леонтьевичу (Бакуринскому) и Григорію Петровичу (Милорадовичу) пожалованы деревни въ Малой Россіи, въ копіяхъ указовъ, при семъ вложенныхъ, означенныя. Послѣ обѣда, когда Ея Величество Государыня Императрица, въ своей аудіенцъ - залѣ, для раздачи милостей отъ нея, по дозволенію Государя-супруга, ею пожалованныхъ, указала допустить предъ себя дамъ, то въ числѣ первѣйшихъ пожалованы были вы, милостивая государыня матушка, статсъ-дамою Ея Величества и дамою большаго креста ордена святыя великомученицы Екатерины, которыя знаки доставляются вамъ при письмѣ всемилостивѣйшей Государыни, ея собственною рукою писанномъ. Большая дочь графа Ильи Андреевича пожалована фрейлиною Ея Величества. Всѣ сіи милости тѣмъ вящшую имѣютъ цѣну, что я никогда не просилъ объ нихъ, а сдѣланы собственными подвигами Государя и Государыни. Я васъ отъ всего сердца тѣмъ поздравляю. Богъ да сохранитъ васъ до самыхъ позднихъ лѣтъ при наилучшемъ здоровьѣ. Въ день коронаціи, между прочими, имѣлъ я удовольствіе видѣть и пріятелей своихъ, взысканныхъ разными милостями, какъ-то: гр. Петра Васильевича (Завадовскаго) и гр. Семена Романовича (Воронцова), получившихъ голубыя ленты, а послѣднему и деревня. Осипу Степановичу (Судіенкѣ) пожалованы чинъ тайнаго совѣтника и въ Малороссіи деревни, и многимъ другимъ».

Въ письмѣ къ Г. П. Милорадовичу, отъ 8 Апрѣля, Безбородко говоритъ: «Теперь я вамъ скажу постепенно, дабы пріуготовить васъ къ рѣдкому примѣру милости Его Величества, и потому еще, что ни время, ни обстоятельства не могли мнѣ доставить случай хотя нѣсколько заслужить оныя. Я зналъ, что въ день коронаціи назначены мнѣ были деревни въ Орловской губерніи, покойнымъ княземъ Сер-

---

сей раздачи деревень, сказываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрость Павла I: напуганный, можетъ быть, примѣромъ Пугачева, онъ думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній».

гіемъ Кантемиромъ блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II духовною записанныя, болѣе 10 т. душъ, съ прибавкою 30 т. десятинъ самой плодоносной земли въ Воронежской губерніи. Когда, по прочтеніи генералъ-маіоромъ Ростопчинымъ воинскихъ награжденій, Дмитрій Прокофьевичъ (Трощинскій) началъ читать статскую моимъ именемъ, и пошелъ (я) къ трону благодарить Государя, то вдругъ онъ зачалъ читать оригинальный указъ въ Сенатъ, который Его Величество удержалъ меня слушать. Я былъ тутъ пораженъ, услышавъ, что Государь возводитъ меня въ княжеское Россійской Имперіи достоинство, присвояя титулъ свѣтлости, и жалуетъ еще мнѣ на выборъ 6 т. душъ! Теперь вы сами судите, какова моя при семъ случаѣ чувственность. Впрочемъ вы можете быть увѣрены, что я сіи 6 т. душъ не выберу въ Малороссіи, ни около Хмѣльника, ниже самихъ Водянокъ, которыя покойный и мною весьма оплакиваемый предобрый войтъ совѣтовалъ; а назначу, буде можно, сотъ нѣсколько душъ около Москвы, дабы содержать преогромный здѣшній домъ, а остальныя въ Воронежѣ по той же рѣкѣ Битюгу, гдѣ мнѣ и зе́мли даны и гдѣ прямо рай земной. Дому Московскаго также не хочу продать, приведенъ будучи щедротами двухъ Монарховъ сряду до такого избытка, что, имѣя *сорокъ тысячъ душъ*, въ состояніи и деньги сколотить, и жить безъ нужды, и цѣлое имѣніе оставить тѣмъ, кому оно по наслѣдству по мнѣ принадлежать должно. Сообщите о семъ Якову Леонтьевичу» [37]).

Въ оффиціальныхъ документахъ, относящихся до этихъ милостей, мы находимъ еще бо́льшія подробности и обращаемъ вниманіе читателя на выраженія, употребленныя въ трехъ указахъ, данныхъ 5 Апрѣля. Въ первомъ говорилось: «во всемилостивѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды»; въ другомъ: «въ изъявленіе къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ графа Безбородко, на пользу государственную намъ въ благоугодность подъемлемымъ»; третьимъ указомъ родъ графа Безбородки повелѣвалось внести «въ число родовъ графскихъ Россійской имперіи». Далѣе въ рескриптѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя матери Безбородки, Евдокіи Михайловны, при которомъ посланъ былъ Екатерининскій орденъ, сказано: «Отмѣнное Его Императорскаго Величества, нашего любезнаго Государя и супруга, благоволеніе къ усердію и доброй службѣ сына вашего, графа Александра Андреевича, даетъ вамъ право на особливое благоволеніе наше».

Всѣ милости, дарованныя Павломъ Безбородкѣ и его роднѣ, породили отзывы, неблагопріятные для самого Безбородки и ему близкихъ людей [38]). Графъ Ростопчинъ рѣзко осуждаетъ Безбородку за его чрезмѣрную доброту. Въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 9 Ап-

---

[37]) Изъ семейнаго архива графа Г. А. Милорадовича.

[38]) Глафира Ивановна Ржевская, урожденная Алымова, въ «Памятныхъ Запискахъ» своихъ, говоритъ о Безбородкѣ, что онъ старался «радѣть человѣчеству», какъ выразился о немъ его землякъ. «Я никогда не искала», читаемъ въ Запискахъ, его (императора Павла) милостей, не желала ихъ и не сокрушалась, будучи лишена ихъ. Быть можетъ, въ душѣ я даже слишкомъ презирала ихъ. Князь Безбородко помѣстилъ мое имя въ спискѣ лицъ, представленныхъ къ наградѣ (при коронаціи Павла). Императоръ вычеркнулъ его, и мнѣ передали слова, сказанныя имъ по этому поводу: «она через чуръ го́рда» Р. Архивъ 1871, стр. 1—52.

рѣля, онъ пишетъ: «Привыкши говорить съ вами откровенно, я не скрою отъ васъ, что князь Безбородко сдѣлалъ большія неловкости. По проискамъ негодяевъ, его окружающихъ, онъ выхлопоталъ чинъ тайнаго совѣтника нѣкоему мерзавцу, да вѣликолѣпное имѣніе въ 850 душъ и орденъ св. Екатерины своей любовницѣ Л***, распутной женщинѣ; а мужъ ея получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Вообще всѣ эти господа ведутъ себя дурно. Можно быть эгоистомъ, но не должно огорчать людей, которые, по чувству ли чести, или по глупости, поступали, какъ добрые простяки, относительно тѣхъ, кому считали себя обязанными» [39]).

Вскорѣ послѣ коронаціи Безбородко озаботился выборомъ для себя земель. Онъ обратился съ слѣдующею просьбою къ кн. А-ю Б. Куракину (10 Апрѣля 1797): «Въ совершенной надеждѣ на вашу ко мнѣ дружбу и благосклонность, я смѣю поручить вашему сіятельству дѣло мое въ полное распоряженіе; а прошу васъ только предостеречь, чтобъ назначеніе, мною дѣлаемое, деревень, на выборъ мнѣ предоставленныхъ, не было мнѣ вмѣнено въ нескромность: ибо, получивъ милости Монаршія, всякую заслугу превосходящія, прискорбно было бы мнѣ дать поводъ заключать, что я тутъ руководствуюсь какою либо жадностію. Я всѣмъ тѣмъ паче нежели доволенъ буду, что̀ Его Величество опредѣлить изволитъ; выборомъ же, вамъ предоставляемымъ, исполняю токмо его волю. Я раздѣлилъ (имѣнія) на три номера. Первый для меня былъ бы выгоднѣе; но, впрочемъ, повторяю, что совершенно слагаю все на щедроты Его Величества и на ваше стараніе. Тутъ причитается весьма малый излишекъ, который внесенъ для того, чтобы селенія не раздроблять; однакоже и въ семъ какъ угодно».

Изъ «перваго нумера», о которомъ Безбородко просилъ князя Куракина, видно, что ему хотѣлось получить въ Московской губерніи волости: Тайнинскую и Братовщинскую съ 1,560 душами и въ Воронежской губерніи, именно въ Бобровскомъ уѣздѣ, пять селъ съ 4,540 крестьянами. Желаніе Безбородки относительно Московской губерніи князь Куракинъ выполнить не могъ и на его просьбѣ написалъ: «Поелику Его Величество на раздачу въ Московской губерніи дворцовыхъ имѣній не соизволяетъ, то о семъ его свѣтлости князю А. А. Безбородкѣ дать знать, что̀ мною лично уже исполнено» [40]).

12 Апрѣля, въ указѣ, данномъ Сенату, были поименованы данныя Безбородкѣ восемь селъ въ Боровскомъ уѣздѣ съ 6,072 душами и съ землею въ количествѣ 15 десятинъ на каждую душу, и сверхъ того 30,000 десятинъ земли по рѣкѣ Битюгу въ Воронежской губерніи.

Прося за себя, Безбородко не отказывался ходатайствовать и за другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по его же просьбѣ состоялись и нѣкоторыя другія назначенія наградъ. Извѣстно, что Безбородко считалъ правиломъ своей жизни дѣлать добро, по возможности, всякому, о комъ онъ помнилъ или кто обращался къ нему съ просьбою, не говоря уже о родныхъ. Въ этомъ отношеніи любопытны два письма Безбородки къ тому-же князю Куракину, касавшіяся Н. А. Львова и Яншина. О Львовѣ, 23 Апрѣля 1797 г., Безбородко писалъ: «Нѣсколько дней собирался я

---

[39]) Р. Архивъ 1876, II, 84. Ростопчинъ разумѣетъ здѣсь свои отношенія къ Безбородкѣ въ день кончины Екатерины.

[40]) Съ подлинниковъ, хранящихся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ архивѣ, сообщенныхъ мнѣ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ.

трудить ваше сіятельство изустнымъ моимъ предстательствомъ въ пользу Николая Александровича Львова, но за болѣзнію вашею не могъ то исполнить. Позвольте симъ просить васъ всепокорно объ употребленіи вашего милостиваго старанія при докладѣ о назначеніи пожалованныхъ ему деревень, чтобъ онъ могъ получить землю, въ запискѣ упоминаемую. Изъ нея 12,000 десятинъ въ Петровскомъ уѣздѣ были уже ему назначены и отмежеваны по силѣ рескрипта 1785 года, покойному князю Потемкину даннаго, но потомъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не вошли въ его владѣнія; а между тѣмъ указъ о продажѣ земель остановилъ все дѣйствіе. Я совершенно полагаюся на вашу ко мнѣ благосклонность и на вашу охоту къ дѣланію добра людямъ». Во второмъ письмѣ, отъ 2 Іюля того-же года: «Ваше сіятельство, по склонности своей дѣлать добро, благодѣтельствовали г. Яншину въ его положеніи. Теперь отецъ его, коллежскій совѣтникъ, ищетъ подъ покровительствомъ вашимъ помѣщенъ быть по какой-либо приличной службѣ, не имѣя отнюдь ни малѣйшихъ видовъ корысти. Смѣю поручить его въ милость вашу и прошу принять благосклонно искреннія увѣренія въ моей вамъ преданности и истинномъ почтеніи».

Великое нравственное значеніе имѣютъ эти письма, которыми государственный сановникъ, стоящій на самой вершинѣ счастія и силы, какія только доступны подданному, охотно проситъ о другихъ лицахъ, не только родныхъ, но даже и постороннихъ.

XX.

Канцлерство.

Въ Москвѣ, 21 Апрѣля 1797 года, вышелъ, по прошенію, въ отставку незадолго предъ тѣмъ произведенный въ канцлеры 70-лѣтній графъ Остерманъ. Онъ уволенъ съ полнымъ «трактаментомъ», и кромѣ того съ подаркомъ серебрянняго сервиза, находившагося у него «по мѣсту канцлера» [1]).

Въ тотъ же день, Сенату данъ указъ о пожалованіи канцлерскаго званія князю Безбородкѣ [2]). Напрасно было бы думать, что со стороны Безбородки въ отношеніи къ графу Остерману велась какая либо интрига: графъ Остерманъ не владѣлъ вполнѣ своимъ мѣстомъ и при Екатеринѣ, будучи вице-канцлеромъ; но Екатерина его берегла, какъ старшаго сановника, къ которому привыкла, а за него для Екатерины думалъ и работалъ до совершенства понимавшій ея мысли и желанія Безбородко. Тоже продолжалось и при Павлѣ; но, не имѣя къ престарѣлому сановнику близкихъ отношеній и не отличаясь терпѣніемъ, Императоръ пожелалъ предоставить важнѣйшее государственное мѣсто тому самому лицу, которое давно уже направляло къ пользѣ и внутреннія, а особенно внѣшнія дѣла Отечества.

---

[1]) Подлин. именные высоч. указы, хранящіеся въ архивѣ Правительствующаго Сената, за 1797 годъ, кн. № 191., стр. 280. Въ сочиненіи Терещенки «Опытъ обозрѣнія» (II, 161), вѣроятно, по опечаткѣ, днемъ увольненія гр. Остермана означено 27-е, а не 21-е Апрѣля.

[2]) Подлинникъ хранится въ архивѣ Прав. Сената, кн. именныхъ ук., № 191, стр. 281, № ук. 219.

Не прошло и недѣли послѣ этого, какъ 26 Апрѣля (уже въ Петербургѣ) Государь пожаловалъ Безбородкѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе «порожжее мѣсто въ Москвѣ, купленное въ прошломъ году у генералъ-маіора Львова, у Яузы, у Николы въ Воробинѣ», что было выражено въ рескриптѣ, данномъ на имя Московскаго генералъ-губернатора Измайлова [3]). Въ другомъ рескриптѣ, данномъ на имя Безбородки въ тотъ же день, 26 Апрѣля, ему было уплачено 670.000 р. за его Московскій домъ «со всѣми въ домѣ имѣющимися уборами, исключая только серебряные буфетъ и фухлеты» [4]). Деньги эти повелѣвалось выдать изъ капиталовъ Главнаго Почтоваго Правленія, кои хранились въ Заемномъ Банкѣ, а Кабинету уплатить ихъ почтовому вѣдомству въ теченіи 8-ми лѣтъ, начиная уплату съ 1798 года [5]).

Въ первыхъ числахъ Мая 1797 года императоръ Павелъ отправился въ Литву для обозрѣнія областей, присоединенныхъ къ Россіи послѣ третьяго раздѣла Польши. Во все время путешествія Павелъ былъ доволенъ и веселъ. «Одинъ случай», пишетъ Ѳ. П. Лубяновскій, «разгнѣвалъ Государя, но и тотъ окончился смѣхомъ, по милости таракана. Его Величество желалъ видѣть обыкновенный, вседневный бытъ народа, и за тѣмъ строго было воспрещено поправлять дороги, чинить мосты и дѣлать какія бы то ни было приготовленія для путешествія Государя. Въ Смоленской губерніи, въ слободѣ Пневѣ, Государь замѣтилъ на мосту, по неубраннымъ щепамъ, свѣжія подѣлки и, спросивъ, кто приказалъ чинить мостъ, и о предводителѣ, отъ котораго то было приказано, велѣлъ князю Безбородкѣ написать что-то весьма нелегкое. Прибыли между тѣмъ на ночлегъ. Его Величество, смотря изъ окна на собравшуюся передъ квартирою толпу: «намъ здѣсь рады», сказалъ пришедшему. «Столько-ли бы еще было народа, тотъ отвѣчалъ, если бы не Безбородко!»—«А что съ нимъ?» поинтересовался Государь.—«Сѣлъ за столъ въ избѣ, въ своей квартирѣ, писать; тараканъ ему на руку; боится какъ огня таракановъ; выскочилъ изъ избы и, какъ шальной, съ перомъ въ рукѣ и безъ шляпы, побѣжалъ по селу, а народъ толпою за нимъ».—«Въ погоню за нимъ и сюда привести! Что, князь Александръ Андреевичъ, струсили? Бросьте!» [6]).

Въ разсказѣ А. И. Ханенки передаваемое Ѳ. П. Лубяновскимъ обстоятельство представляется въ иномъ видѣ и обрисовываетъ необыкновенную гибкость Безбородки, которою онъ, можетъ быть, всего лучше поддерживалъ свою завидную близость къ Императору. Ханенко пишетъ, что Государь, во время слѣдованія чрезъ Смоленскую губернію, замѣтилъ «множество крестьянъ, чинившихъ дорогу. Опрошенные Государемъ, они сказали, что высланы для исправленія пути помѣщикомъ Храповицкимъ по случаю царскаго проѣзда, и при этомъ удобномъ случаѣ жаловались вообще на притѣсненія своего владѣльца. Прибывши на станцію, взволнованный Императоръ, въ присутствіи окружавшихъ его придворныхъ и находивша-

---

[3]) Р. Архивъ, 1876, I, 11.

[4]) Вѣроятно, это—горки, которыя украшаются золотой, серебряной и хрустальной посудой, употребляемою въ парадные дни для сервировки обѣденныхъ столовъ.

[5]) Съ копіи, хранящ. въ дѣлахъ Кабинета Е. И. В., св. 446, ук. № 247.

[6]) Р. Архивъ 1872, стр. 159 и 160.

гося при немъ государя-наслѣдника, сталъ громко выражать свое негодованіе за ослушаніе его повелѣній.—«Какъ вы думаете, сказалъ Государь, Храповицкаго надо наказать въ примѣръ другимъ?» Всѣ безмолствовали. Тогда онъ, обратясь къ наслѣднику престола, сказалъ:—«Ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите, чтобы народъ зналъ, что вы дышете однимъ со мною духомъ». Благодушный Александръ въ смущеніи вышелъ въ другую комнату, какъ въ это самое время подъѣхала отставшая карета Безбородки, находившагося также въ свитѣ Государя. Великій князь-наслѣдникъ бросился къ нему, разсказалъ въ короткихъ словахъ происшедшее и просилъ его успокоить Государя.—«Будьте благонадежны», отвѣчалъ Безбородко обыкновеннымъ своимъ Малороссійскимъ выговоромъ, и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ вошелъ въ комнату Государя.—«Ну вотъ, Александръ Андреевичъ!», обратился Павелъ къ нему и, объяснивъ дѣло, прибавилъ: «Какъ вы думаете, хорошо ли я сдѣлалъ, что приказалъ Храповицкаго разстрѣлять?»—«Достодолжно и достохвально, Государь», отвѣчалъ князь Безбородко тѣмъ-же Малороссійскимъ выговоромъ. Великій князь-наслѣдникъ и всѣ были поражены такимъ его отвѣтомъ.—«Вотъ видите, воскликнулъ Государь, что говоритъ умный человѣкъ; а вы чего всѣ испугались?» Подождавъ немного, князь Безбородко продолжалъ: «Только, Государь, Храповицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника повелѣній Государя караетъ законъ; слѣдовательно, нужно послать указъ Смоленской Уголовной Палатѣ, чтобы она немедленно пріѣхала въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе». Государь на это согласился, и сейже часъ о томъ былъ посланъ съ фельдъегеремъ указъ Палатѣ, а Государь отправился въ путь. Безбородко же съ намѣреніемъ отсталъ; замѣтивши вдали нѣсколько скачущихъ троекъ съ чиновниками въ мундирахъ и съ зерцаломъ, вышелъ изъ экипажа, пошелъ впередъ и, какъ бы гуляя, встрѣтилъ необыкновенный поѣздъ, остановилъ его, спросилъ предсѣдателя, отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, чтобы онъ и его товарищи, не смотря ни на какія соображенія, какъ можно были осторожны и дѣйствовали сообразно съ законами въ предстоящемъ порученномъ имъ дѣлѣ; что въ противномъ случаѣ онъ и вся Палата могутъ подпасть подъ справедливый гнѣвъ Императора. По суду Храповицкій, выславшій крестьянъ для исправленія дороги не по случаю проѣзда Государя, а собственно потому, что она была испорчена дождями, былъ оправданъ» [7]).

Оффиціальнымъ путемъ дѣло разрѣшилось весьма просто, какъ и слѣдовало ожидать. Въ именныхъ указахъ, объявленныхъ Сенату, находятся два рескрипта Павла, писанные рукою Д. П. Трощинскаго и относящіеся до разсказаннаго событія. Одинъ изъ нихъ данъ на имя Смоленскаго военнаго генералъ-губернатора Философова, а другой на имя генералъ-прокурора, отъ 5 Мая 1797 г. Въ нихъ говорится, что Государь, проѣзжая чрезъ слободу Пневу, увидалъ новый мостъ. Узнавъ потомъ, что на постройку его употреблено двѣ недѣли времени и до 2000 р. денегъ, Государь тотчасъ-же велѣлъ выдать строющимъ его ямщикамъ изъ своей казны 2,500 р. и отыскать виновнаго,

---

[7]) Разсказы о старинѣ, А. И. Хапенки, въ Р. Архивѣ 1868, 1077—1080.

который, вопреки его повелѣніямъ, отягощалъ «ненужными работами» крестьянъ, а потому и повелѣлъ взыскать съ него эти деньги [8]).

Въ заключеніе разсказа о путешествіи, слѣдуетъ упомянуть, что князь Безбородко дѣйствительно боялся таракановъ; объ этомъ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ» и В. С. Хвостовъ, принимавшій участіе въ заготовленіи удобствъ для путешествовавшаго по Литвѣ императора Павла и его свиты, какъ предводитель одного изъ мѣстныхъ дворянствъ. По маршруту ночлегъ былъ назначенъ въ Ямбургѣ, а Государь, измѣнивъ маршрутъ, повелѣлъ приготовить ночлегъ въ Запольѣ, куда къ вечеру и прибылъ съ великими князьями и со свитою. «Я», разсказываетъ Хвостовъ, «приказалъ одному изъ четырехъ бывшихъ при мнѣ дворянъ доложить князю Безбородкѣ, зная, что онъ боялся таракановъ, что не угодно ли ему проѣхать въ Чирковицы, гдѣ ему приготовлена квартира въ господскомъ домѣ» [9]).

По возвращеніи Государя въ Петербургъ, не находимъ слѣдовъ внѣшней государственной дѣятельности Безбородки за цѣлый рядъ мѣсяцевъ, хотя онъ не переставалъ работать по внутреннимъ, обыкновеннымъ дѣламъ, о которыхъ будетъ сказано въ особомъ мѣстѣ. Однако нельзя не упомянуть здѣсь, что Безбородко въ это именно время былъ боленъ и, противъ него, если вѣрить графу Ѳ. В. Ростопчину, составлялся заговоръ при помощи бывшей его пріятельницы Нелидовой. Канцлеръ, страдавшій запущенною простудою и проводившій весь Іюнь мѣсяцъ въ городѣ для лѣченія сильнѣйшей рожи на ногѣ, послужилъ предметомъ желчной рѣчи графа Ростопчина, который, 18 Іюня 1797 г., писалъ въ Лондонъ къ гр. С. Р. Воронцову: «Жаль, что ему (Императору) не даетъ покоя...., которая вмѣшивается въ дѣла, суетится, сплетничаетъ, окружаетъ себя Нѣмцами и дозволяетъ негодяямъ себя обманывать. На дняхъ она выхлопотала г-ну Шуазель-Гуфье двѣ тысячи душъ за то, что онъ поднесъ ей нѣсколько рисунковъ и наговорилъ приторныхъ любезностей. Она, для большей увѣренности въ успѣхѣ, вступила въ союзъ съ Нелидовою, которую справедливо ненавидѣла и которая сдѣлалась близкимъ ея другомъ съ 6 Ноября прошлаго года. Насъ трое или четверо нетерпимыхъ этими особами: ибо мы служимъ одному только Императору, а этого не любятъ и не хотятъ. Онѣ желали-бы устранить князя Безбородку и замѣнить его княземъ Александромъ К., глупцомъ и пьяницей, поставивъ во главѣ всего военнаго вѣдомства князя Репнина, и управлять всѣмъ чрезъ своихъ приверженцевъ» [10]).

Самъ Безбородко не проговаривается объ этомъ ни въ одномъ изъ цѣлаго ряда своихъ писемъ къ роднымъ, писанныхъ въ эти мѣсяцы. Можно здѣсь замѣтить, что въ случаѣ болѣзни, или вообще свободы отъ служебныхъ занятій, Безбородко обыкновенно отдавался влеченіямъ родственныхъ чувствъ и начиналъ усиленную переписку съ близкими людьми. За это время родственная переписка Безбородки началась еще раньше отъѣзда его съ Государемъ въ Литву.

Одной изъ его племянницъ сдѣлалъ предложеніе Волынскій губернаторъ. 27 Апрѣля Безбородко, извѣщая объ этомъ сватовствѣ мать свою, писалъ ей: «Получивъ на сихъ дняхъ отзывъ отъ г. губерна-

---

[8]) Подлинн. рескрипты хранятся въ архивѣ Прав. Сената, Спб., кн. именныхъ высоч. указовъ, 1797 г., Май, № кн. 192, № ук. 280.

[9]) Записки В. С. Хвостова, Р. Архивъ, 1870, 590.

[10]) Р. Архивъ II. 1876, 86.

тора Волынскаго Михаила Павловича Миклашевскаго о желаніи его сочетаться бракомъ съ вашею любезною внучкою, а моею племянницею Настасьею Яковлевною Бакуринскою, долгомъ почитаю донести о томъ вамъ, милостивая государыня матушка, а равно увѣдомить и ея родителей, прося вашего на то позволенія и благословенія. Вы сами изволите знать сего человѣка, въ котораго благосостояніи принималъ я всегда участіе. Онъ еще весьма не изъ пожилыхъ, въ знатномъ чинѣ и мѣстѣ, человѣкъ, впрочемъ, добронравный; самъ онъ не преминетъ отозваться, а получа отпускъ и пріѣхать». Въ слѣдъ за тѣмъ, 6 Іюля, Безбородко въ письмѣ же къ матери выражаетъ заботу о своемъ братѣ: «Не пишу теперь къ гр. Ильѣ Андреевичу, не зная, возвратился ли онъ въ Стольное изъ Гринева, а сверхъ того со дня на день ожидая извѣстія, къ которому времени назначится отъѣздъ посла Турецкаго изъ Царяграда, по полученіи котораго надобно будетъ гр. Ильѣ Андреевичу пріѣхать на малое время сюда для полученія своей инструкціи и слѣдованія на встрѣчу тому послу на Днѣстръ въ Дубоссары».

27 Августа Безбородко пишетъ къ своему племяннику Г. П. Милорадовичу: «Считая, что вы теперь постоянно живете въ Черниговѣ, къ вамъ влагаю письмо къ Татьянѣ Андреевнѣ (Бакуринской) и къ вамъ адресую посылки, къ ней и къ матушкѣ слѣдующія, прося доставить ихъ по надписямъ. Изъ чего вы взяли, что вы не имѣете чина 4 класса? Генеральный судья считается въ семъ классѣ не зарядъ, но навсегда. Вы опредѣлены не въ должность, а сказано вамъ быть судьею генеральнымъ, слѣдовательно вы на Русскомъ языкѣ и полное превосходительство; а только когда васъ пошлютъ министромъ, то я вамъ сего титула не дамъ, ибо у насъ ниже тайнаго совѣтника excellence не именуютъ. Насилу я выздоровѣлъ и не знаю, на долго-ли? Мнѣ жить покойно; да, правду сказать, и время такое въ Европѣ, что надобно быть очень безпокойнымъ министромъ, чтобъ захотѣть туда впутаться. Лишь бы у насъ дома шло хорошо, то всѣ прочіе въ дуракахъ останутся, а мы все людьми будемъ. Правду сказать, и масса большая: не скоро кто опрокинетъ, и много лѣтъ надобно». «Въ Москвѣ зачинаю я домъ строить огромнѣе прежняго. Планъ дѣлаетъ Гваренги, и какъ вы охотникъ снимать планы, то, по отдѣлкѣ, пришлю для образца. Коллекція моя знатно умножается ожидаемыми изъ Италіи и привезенными изъ Голландіи преславными. Я досталъ превели . . . . [11]), котораго одинъ плутяга хотѣлъ для меня купить за тысячу гиней, а мнѣ онъ достался за 300 гиней, и которому всѣ приходятъ кланяться. Да еще получилъ четырехъ Вернетовъ, одинъ другаго лучше. Тутъ же пріѣхали двѣ мѣдныя группы славнаго Жирардена, которыя Кольбертомъ были представлены Людовику XIV. Одна представляетъ похищеніе Плутономъ Прозерпины, а другая такое же Оретія Бореемъ на булечныхъ [12]) піедесталахъ. Прощайте: спѣшу ѣхать въ Гатчино, и вѣрьте моей къ вамъ искренней преданности».

Черезъ двѣ недѣли, 11 Сентября 1797 г., Безбородко пишетъ тому-же Г. П. Милорадовичу: «Не любя ссоръ нигдѣ, а болѣе между роднею, я уже нѣсколько времени слышалъ съ сожалѣніемъ о таковой распрѣ у Павла Екимовича (?) съ Яковомъ Леонтьевичемъ (Бакурин-

[11]) Въ подлинникѣ нѣсколько словъ вырвано.
[12]) Т. е. на деревянной мозаикѣ.

скимъ) и давно собирался писать къ вамъ о примиреніи ихъ. Дальнее продолженіе того можетъ только сдѣлать обоимъ вредъ; а потому вы, яко служака добрый, и не оставьте постараться ихъ сблизить и отнять всякій поводъ ко взаимнымъ негодованіямъ, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ году я не могу провожать Государя до Чернигова [13]); а въ моемъ отсутствіи, ссорясь, они лишь только навлекутъ на себя неудовольствіе, а на всѣхъ насъ предосужденіе. Я на васъ совершенно надѣюся и нетерпѣливо жду отъ васъ отвѣта. Чтó выдетъ изъ вашего хваленаго Хмѣльника? Сущая Малороссійская маетность. Хлѣба купи да вино кури, а продавъ вино, опять хлѣба купи, и такъ далѣе. Хозяйскіе обороты, изъ коихъ никогда не родятся деньги: на оборотъ же ни жить, ни строиться нельзя. Мнѣ досталися въ Сѣвскомъ и Кромскомъ уѣздѣ десять тысячъ душъ, хотя безземельныя, но за то хорошо, что, по росписанію, должны давать 66,000 р. доходу, и я уже половину ихъ получилъ, а въ Мартѣ бери другую. Воронежскія и безъ устройства 6400 душъ даютъ 50,000 р., а ежели я устрою хозяйство, то, думаю, пойдетъ и вдвое. Николай Карадыкинъ изъ своихъ 600 душъ беретъ безъ хлопотъ 8,000 рублей при грамотѣ отъ своихъ крестьянъ на языкѣ, имъ не понимаемомъ, ибо они Мордва. Если бы я не располагалъ Хмѣльницкаго староства на двѣ части дочерямъ гр. Ильи Андреевича, я бы его давно съ рукъ сжилъ. Евдокимъ Степановичъ (Судіенко) получилъ отставку и весьма добрымъ манеромъ, съ полнымъ жалованьемъ, съ правомъ мундира, а сверхъ того за его долговременную службу Государь прислалъ ему кавалерію Св. Александра Невскаго. Онъ считаетъ себя пресчастливымъ, уподобляясь Прусскому капитану временъ Фридриха Вильгельма, у котораго полонъ ротъ хлѣба, но, по выбитіи зубовъ, нечѣмъ ѣсть. На немъ сбылося писаніе: не видѣхъ праведника оставленна, ниже наслѣдіе его просяща хлѣба. И паки: за Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропадетъ. Сіе послѣднее я и на себѣ отчасти видѣлъ. Помните сей дурной день прошлаго года, когда думали, что будетъ Шведскій сговоръ? Нетерпѣливо ожидаю пріѣзда Виктора Павловича (Кочубея), ибо Коллегія наша опустѣла; работать нѣтъ человѣка за отправленіемъ гр. Панина въ Берлинъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ подъ конецъ проявилось много писарей такихъ, какъ въ старые годы у насъ бывали, то есть неписьменныхъ. Принужденъ большею частію самъ работать, а уже силъ мало стаетъ».

Въ тотъ же день, 11 Сентября, Безбородко писалъ матери о своихъ племянникахъ Бакуринскихъ: «По желанію Татьяны Андреевны отправляются дѣти ея, которыя съ симъ будутъ имѣть честь предстать предъ вами и донесутъ о здоровьѣ моемъ и гр. Ильи Андреевича съ его сыномъ. Впрочемъ, отъ Татьяны Андреевны и Якова Леонтьевича будетъ зависѣть, къ какой службѣ предназначатъ они дѣтей своихъ и сюда прислать ихъ, а я въ обязанность и въ удовольствіе себѣ поставлю споспѣшествовать ихъ добру».

Извѣстіями-же о родныхъ наполнены и два дальнѣйшія письма Безбородки къ матери отъ 19 и 25 Сентября. «Яковъ Леонтьевичъ по прошенію его, всемилостивѣйше уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ награжденіемъ чина тайнаго совѣтника, а на его мѣсто опредѣленъ Малороссійскимъ губернаторомъ Михаилъ Павловичъ (Миклашевскій). Ра-

---

[13]) Это путешествіе Государя до Чернигова не состоялось; онъ ѣздилъ въ 1798 году въ Казань.

дуюсь, что сіе дѣло по вашему желанію совершилося и усердно желаю, чтобъ толь близкое пребываніе внуковъ вашихъ служило къ вашему утѣшенію». Въ другомъ письмѣ: «Курьера настоящаго отправилъ я къ гр. Ильѣ Андреевичу съ тѣмъ, что ему уже время сюда пріѣхать для полученія инструкціи и разныхъ распоряженій, дабы зимою могъ онъ назадъ возвратиться и въ Мартѣ поспѣть на Днѣстръ, гдѣ близко Бендеръ назначено размѣнять обоихъ пословъ. Григорій Петровичъ Милорадовичъ 22 Сентября пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ. Теперь моя забота состоитъ въ томъ, чтобъ и Яковъ Леонтьевичъ, при первомъ удобномъ случаѣ, могъ получить повышеніе чина, ему по справедливости слѣдующее».

Къ 18-му Октября относится замѣчательное ходатайство Безбородки, касающееся извѣстнаго профессора Московскаго Университета и сотрудника Новикова по распространенію новыхъ идей и книгъ въ Россіи, Шварца. Безбородко писалъ о немъ князю А. Б. Куракину: «Мы бы его охотно у себя помѣстили, если бы здоровье и домашнія обстоятельства не убѣждали его предпочтительно искать пристроенія въ Лифляндіи. Впрочемъ, онъ самый честный и благонравный человѣкъ». На это ходатайство князь Куракинъ отвѣчалъ сообщеніемъ, что «надворный совѣтникъ Шварцъ опредѣленъ совѣтникомъ Лифляндскаго Губернскаго Правленія [14]).

Выздоровѣвъ и явившись при дворѣ съ возвращеніемъ императорской фамиліи, Безбородко по прежнему занялъ обычное мѣсто въ довѣріи и совѣтахъ Государя. Замыслы противъ него не оставили слѣдовъ, и въ это время, 12 Ноября, тотъ-же графъ Ростопчинъ уже писалъ своему другу, что «князь Безбородко продолжаетъ пользоваться большимъ значеніемъ и старается, по обыкновенію своему, какъ можно менѣе заниматься дѣлами. Если онъ не перестанетъ собирать картины, то его галлерея, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ одною изъ богатѣйшихъ въ Европѣ; ибо она уже стоитъ ему около 250,000 р. и содержитъ нѣсколько образцовыхъ произведеній» [15]).

Какъ всегда, такъ и теперь, при первомъ случаѣ, который серьезно требовалъ усидчивости, Безбородко не отказывался отъ нея, несмотря на ослабѣвшія отъ болѣзни силы, ни на сознательное желаніе какъ можно болѣе беречь себя. Такъ, 9 Декабря, Безбородко шлетъ въ Лондонъ къ гр. Воронцову, большое, весьма важное и любопытное дипломатическое письмо: «По связи нашей съ Лондонскимъ дворомъ, чтобъ поставить ваше сіятельство въ удобность изъясниться по настоящимъ дѣламъ Австрійскимъ съ Французами, угодно было Его Императорскому Величеству позволить мнѣ извѣстить васъ о сообщеніи Вѣнскаго двора и о нашемъ на то отвѣтѣ. Графъ Кобенцель, извѣщая меня о заключеніи мира и чувствуя его невыгоды какъ для себя на будущее, по крайней мѣрѣ, время, такъ еще и болѣе для союзниковъ и ставя однако сущую необходимость, именемъ двора своего, спрашиваетъ мыслей Его Величества и предъявляетъ готовность рушить сіе постановленіе, если Государь Императоръ обѣщаетъ составить общее дѣло. Ваше сіятельство собственнымъ своимъ проницаніемъ объемлете, настала-ли возможность рѣшиться на послѣднюю мѣру, когда Вѣнскій дворъ ускорилъ уже совершеніемъ сво-

---

[14]) Съ подлинниковъ сообщенныхъ мнѣ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ и хранящ. въ Архивѣ Прав. Сената, въ СПБ.

[15]) Р. Архивъ 1876, II, 87.

его трактата, не смотря на то, что шесть недѣль до того назадъ, на предложеніе его, дабы, въ случаѣ продолженія войны, Его Величество принялъ на себя удержать короля Прусскаго отъ всякаго содѣйствія Французамъ, не требуя уже отъ Россіи иной помощи, со стороны Его Величества сдѣлана была согласная тому отповѣдь, и какъ въ Берлинѣ учинены были весьма ясныя и сильныя внушенія, такъ и самые переговоры у гр. Панина съ г. Кальяромъ бывшіе остановлены: можно ли было за таковою на миръ рѣшимостію императора Римскаго оказать свое сопротивленіе, когда Австрійскій дворъ, не говоря уже о разныхъ по Нѣмецкой землѣ несходственныхъ настоящему времени распоряженіяхъ, навлекъ намъ собственно немалую заботу, доставляя Французамъ удобность владычествовать надъ Портою и ею намъ наносить вредъ при всякомъ случаѣ? По сему уваженію, благоразуміе требовало, чтобъ мы отвѣтъ нашъ Вѣнскому двору ограничили въ слѣдующей силѣ: что если его римско-императорское величество предпочелъ для своей безопасности ускорить миромъ съ Французами, то Государь Императоръ, и по человѣколюбію, съ каковымъ отъ начала своего царствованія преподавалъ совѣты къ прекращенію настоящей пагубной войны, и по особливому доброхотству къ союзнику своему, желаетъ только, дабы миръ сей содѣлался прочнымъ и слѣдствія условій его не влекли съ собою новыхъ безпокойствъ; что дружескія нашего двора расположенія извѣстны наипаче изъ прекращенія собственныхъ нашихъ переговоровъ съ Франціею и изъ послѣднихъ сильныхъ внушеній, въ Берлинѣ сдѣланныхъ, для отвращенія короля Прусскаго отъ подкрѣпленія Французовъ противъ императора и противу цѣлости Германской имперіи, въ сохраненіи коея императоръ казался съ нами единомышленнымъ; что теперь остается ожидать на назначенномъ между интересованными конгресѣ общей развязки, дабы дальнѣйшіе поступки свои Государь Императоръ могъ учредить, какъ то достоинство его востребуетъ; что между тѣмъ, по тѣсной дружбѣ съ императоромъ и по сходству взаимныхъ интересовъ, не можетъ Его Величество не учинить ему примѣчанія, коль невыгодно для обоихъ союзниковъ нынѣшнее сосѣдство Французовъ съ Портою, когда первымъ дается полная удобность употребить послѣднюю орудіемъ для своихъ вредныхъ замысловъ; что по сіе время одна изъ главныхъ цѣлей связи между двумя императорскими дворами была удерживать Турковъ въ предѣлахъ и обезпечить цѣлость владѣній своихъ взаимныхъ гарантированіемъ; что Его Величество, конечно, удаленъ отъ всякихъ притязаній, кои могли бы дать поводъ къ остудѣ съ Портою, ограничивая всѣ свои къ ней отношенія въ простомъ исполненіи договоровъ и являя ей во всемъ пріязнь; но, что ежели бы, паче чаянія, сія держава, обольщенная или устрашенная Французами, рѣшилась, съ помощію ихъ, на непріязненныя противу Россіи дѣйствія, въ такомъ случаѣ Его Величество, надѣясь на добрую вѣру союзника своего въ исполненіи обязательства, кое дядя, родитель его и онъ самъ на себя воспріяли, ожидаетъ отъ него и связи, и удостовѣренія, что въ отраженіи подобныхъ непріятельскихъ покушеній составитъ онъ общее дѣло и при настояніи случая предъявитъ такое же расположеніе, какъ Государь Императоръ сдѣлалъ равное объявленіе въ Берлинѣ въ пользу Вѣнскаго двора. Сіе есть истинное существо нашего отвѣта, и мы надѣемся, что Лондонскій дворъ не найдетъ тутъ ничего, что бы съ доброю вѣрою и съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ не согласовало».

Въ это самое время потребовались труды Безбородки и по дѣламъ Польши. Развѣнчанный король Станиславъ-Августъ особенно былъ близокъ къ Безбородкѣ, который познакомился съ нимъ во время Крымскаго путешествія Екатерины (въ первыхъ числахъ Марта 1787 г. въ Хвостовѣ). Король питалъ къ Безбородкѣ «уваженіе и довѣрялъ ему больше, чѣмъ другимъ Русскимъ вельможамъ». Въ Запискахъ своихъ онъ оставилъ воспоминаніе о гостепріимствѣ князя Безбородки, у котораго онъ обѣдалъ. «15 Декабря (1797 г.) король былъ на обѣдѣ у князя Безбородки. Чрезвычайная пышность! Воображеніе повара, который, между прочимъ, приготовилъ и славную Сарданапалову бомбу съ Эпикуровымъ соусомъ, изобрѣтенную кухмистеромъ Фридриха II, истощило все свое богатство. Подавали вина всякаго рода и самыя лучшія; вездѣ курились драгоцѣннѣйшія благовонія, и всѣ десертныя блюда накрыты были хрустальными колоколами, съ прекрасными Этрурскими фигурами здѣшней фабрики» [16]).

Недолго прожилъ въ Россіи Польскій эксъ-король: онъ скончался отъ апоплексіи 12 Февраля 1798 г., въ Мраморномъ дворцѣ, оставивъ огромное число придворныхъ чиновъ и прислуги, неоплаченныхъ жалованьемъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. По поводу этого обстоятельства, въ рескриптѣ на имя князей Безбородки, Куракина и барона Васильева императоръ Павелъ выразилъ между прочимъ: «Нашли мы сходственнымъ съ человѣколюбіемъ нашимъ призрѣть оставшихся послѣ Станислава-Августа разныхъ чиновъ и служителей». Нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Понятовскаго Бозбородко былъ занятъ разборомъ прошеній отъ чиновъ и служителей покойнаго короля, кои были подаваемы на имя Государя, и по его повелѣнію препровождаемы къ князю-канцлеру. Вся же тяжесть этого дѣла легла на барона Васильева, который занималъ тогда должность государственнаго казначея. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ ниже, Безбородкѣ не суждено было увидѣть конецъ своихъ трудовъ по этому человѣколюбивому дѣлу императора Павла.

Труды по устройству дѣлъ покойнаго эксъ-короля Польскаго были щедро вознаграждены съ наступленіемъ весны 1798 года: 1-го Марта 1798 г. императоръ Павелъ пожаловалъ своему канцлеру «въ вѣчное и потомственное владѣніе земли и состоящія при нихъ изъ числа Астраханскихъ ловель воды» [17]).

Синеморскими водами Безбородко владѣлъ съ 1785 г.; тогда онѣ были отведены ему Астраханскою Канцеляріею, по повелѣнію Екатерины, которая, въ видахъ заселенія края Русскими, раздавала земли весьма многимъ сановникамъ, близкимъ къ князю Потемкину, «властителю Юга Россіи». Авторъ статьи: «Объ Астраханскомъ и Каспійскомъ рыболовствѣ» говоритъ, что графъ Безбородко и князь Вяземскій были первыми помѣщиками Астраханскихъ ловель, которыя, какъ извѣстно, составляютъ неисчерпаемый источникъ богатства [18]).

Но всѣ милости, дарованныя Безбородкѣ Павломъ, мало утѣшали Безбородку. Онъ писалъ къ гр. С. Р. Воронцову, 19-го Марта 1798 г.: «Пользуюсь возвращеніемъ въ Лондонъ курьера г. Витворта, чтобъ увѣдомить ваше сіятельство кратко, что Вѣнскій дворъ, вступая съ

---

[16]) Вѣстникъ Европы 1808, XI, 157 и 158.

[17]) Подлинный указъ въ архивѣ Прав. Сената, кн. именн. ук. № 202.

[18]) Архивъ историч. свѣдѣній, Калачова, 1860, V, 63 и 64.

Берлинскимъ въ безпосредственное сношеніе по настоящимъ дѣламъ (хотя основанное, впрочемъ, на той недовѣренности и зависти, которыя оба сіи двора не покидаютъ взаимно даже и тогда, когда ихъ цѣлость требовала бы хотя на сіе время откровеннѣйшаго и дружественнѣйшаго поведенія) предложилъ Прусскому двору окончить ихъ недоразумѣнія подъ медіаціею Его Императорскаго Величества. Предложеніе сіе у насъ принято съ удовольствіемъ. Его Величество ожидаетъ только равнаго отзыва отъ короля Прусскаго, а между тѣмъ пріуготовляются нужныя инструкціи, чтобъ дѣло сіе производить и доводить къ желаемому концу въ Берлинѣ для отвращенія медленности и для скорѣйшаго уличенія и уничтоженія всякихъ затѣй, коихъ, по образу мыслей наглаго г. Гохвица (Гаугвица), нельзя не ожидать. Съ нашей стороны, не на семъ одномъ ограничится негоціація. Мы совершенно согласны съ Лондонскимъ дворомъ въ томъ, что надобно, да и время, положить преграду дальнѣйшимъ Французскимъ замысламъ. Берлинскій дворъ отозвался, хотя не очень ясно, ощущая таковую же пользу и нужду новаго соединенія между разными державами; но въ переговорахъ о взаимныхъ у него спорахъ, до индемнизаціи касающихся или, лучше сказать, до захвата чужаго, станемъ мы настоять, чтобъ между Имперіею Всероссійскою, короною Великобританскою, обоими нашими союзниками на твердой землѣ, пріобща къ тому и Данію (въ разсужденіи Зунда, для насъ важную) заключенъ былъ союзъ, на правахъ оборонительныхъ основанный и къ тому клонящійся, чтобъ по крайней мѣрѣ сохранить державы въ цѣлости ихъ мѣрами надежными. По волѣ государевой сказано отъ меня о сей матеріи въ довѣренности г. Витворту. Но что касается до требованной на сей разъ помощи противу десанта Французскаго, ваше сіятельство сами признаете, что тѣже настоятъ происшествія и тѣже собственную нашу безопасность интересующія уваженія; наипаче же когда мы видимъ, что Франція уступкою Венеціанскихъ береговъ получаетъ вящшую удобность распоряжать Турками и ихъ подкрѣплять и что она нимало не теряетъ изъ виду возмущать Поляковъ. Что касается до существа инструкціи на негоціацію (между Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами будущую), я могу въ крайней довѣренности сказать вашему сіятельству, что мы всему предпочтительнѣе желали бы, дабы отвращены были всякія притязанія обоихъ ихъ на счетъ Нѣмецкой земли, оставляя въ ней и внутреннюю цѣлость всѣхъ владѣній; да и можно бы королю Прусскому согласиться, получая ни за что удовлетвореніе прещедрое въ раздѣлѣ Польскомъ. Вѣнскій дворъ также бы съ Ляхова, какъ говорятъ, торгу могъ бы удовольствоваться хотя и несоразмѣрными пріобрѣтеніями въ Италіи; а еще бы лучше сдѣлалъ, еслибъ, въ замѣну замашекъ своихъ на Германію, уговорилъ Французовъ оставить въ его пользу острова Корфу съ товарищи. Но трудно на сіе надѣяться. Въ такомъ случаѣ наше дѣло будетъ, чтобъ они сколько можно меньше брали и сколько можно менѣе разрушали существованіе нынѣшнихъ вещей. Нелегко, конечно, будетъ намъ успѣвать, но мы имѣемъ надежду на самую необходимость, которая убѣдитъ обоихъ союзниковъ нашихъ предпочесть мирное распоряженіе новой ссорѣ.—Здоровье мое худо и ото дня на день оказываетъ признаки старости и упадка силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Ожидаю нетерпѣливо пріѣзда моего племянника (В. П. Кочубея изъ Константинополя), чтобъ могъ пособить мнѣ въ дѣлахъ, которыя на силу отправляю; при томъ хо-

чется остатокъ вѣка пожить для себя въ старой столицѣ, къ которой я имѣю большую предилекцію. Прощайте, живите спокойно и здорово; сохраните ко мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены въ непоколебимости моей къ вамъ преданности».

Къ описываемому времени относится участіе Безбородки и въ генеральныхъ собраніяхъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Еще съ 1793 г. онъ числился «почетнымъ благотворителемъ», а потому и былъ приглашенъ на генеральныя собранія Совѣта, происходившія 20-го Марта и 1-го Апрѣля 1798 г., когда обсуждалось дѣло Московскаго купца Ларина. По украденнымъ у него билетамъ Совѣтъ, «ошибочно», выдалъ г-жѣ Цыгоровой 80.000 р. Изъ всеподданнѣйшаго доклада «генеральнаго собранія», представленнаго императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, видно, что 10-ть голосовъ, въ томъ числѣ и князь Безбородко, «усматривали въ этомъ дѣлѣ подлогъ и ошибку», а потому и полагали: изслѣдовать предварительно подлогъ и имѣніе виновныхъ взять въ казну, и если его «недостаточно на удовлетвореніе Воспитательнаго Дома, тогда обратиться уже къ положенію дѣла, въ ошибкѣ заключающагося». Два противные голоса полагали, «что выданныя по билетамъ вкладчика Ларина деньги должно взыскать съ тѣхъ, которые опредѣленіе о выдачѣ оныхъ подписали». Собраніе рѣшило вопросъ по большинству голосовъ, и 9-го Апрѣля докладъ его, подписанный 12-ю лицами (между которыми Безбородко подписался вторымъ) послѣ графа І. Сиверса, представленъ императору Павлу. Государь повелѣлъ поступить согласно съ представленіемъ большинства голосовъ «генеральнаго собранія». До окончанія этого процесса, тянувшагося нѣсколько лѣтъ, Безбородко не дожилъ [19]).

Съ наступленіемъ лѣта, Безбородко, по волѣ Императора, отправился въ Москву, о чемъ онъ и писалъ 1-го Мая къ своей матери. Сказавъ предварительно, что «никакимъ образомъ не можно было пристроить къ мѣсту сына Ивана Васильевича Городинскаго», который просрочилъ отпускомъ и чрезъ то потерялъ право «на опредѣленіе къ дѣлу», и обѣщавъ ей отыскать «время и случай къ тому удобный», Безбородко продолжаетъ: «Его Величество, отправляяся въ Москву и Казань, повелѣть изволилъ мнѣ, чтобъ я за три дня въ Москву отправился и тамъ для близости остался, покуда Государь изъ Казани въ Ярославль прибудетъ, а тамъ поспѣшилъ бы къ его возвращенію въ Петербургъ; посему я завтра ѣду и надѣюся сюда обратно чрезъ шесть недѣль быть». Въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову находимъ больше подробностей. «Его Императорское Величество, въ Среду, то-есть, 5-го Мая, изволитъ ѣхать въ Москву и Казань, а оттуда, чрезъ Ярославъ, къ 15-му Іюня возвратится въ столицу здѣшнюю. Государю угодно было, чтобы я, по моему разстроенному здоровью, отъѣхалъ прежде въ Москву и потомъ, до пріѣзда его въ Ярославъ, остался тамъ, получая всѣ дѣла и къ нему пересылая, а къ 15-му Іюня воротился сюда. Я радъ, что увижу графа Александра Романовича, къ которому нарочно поѣду. Воспользуюся также симъ временемъ, чтобы заложить новый домъ въ Москвѣ

---

[19]) Подлинн. доклады по этому дѣлу хранятся въ архивѣ Прав. Сената, Спб., въ кн. именныхъ высоч. указовъ за 1798 г., мѣсяцы Мартъ и Апрѣль. Матеріальныхъ пожертвованій въ пользу Воспитательнаго Дома Безбородко не дѣлалъ, какъ о томъ можно заключить изъ обнародованнаго списка благотворителей.

на прекрасномъ и первомъ въ Москвѣ мѣстѣ, въ концѣ Воронцовскаго поля, на Яузѣ, у самаго Бѣлаго города лежащемъ, которое досталъ отъ княгини Хованской покойный князь Потемкинъ, а послѣ его купила блаженныя памяти Императрица. Везу съ собою Гваренги, сочинившаго огромный планъ. Дай Богъ прежде сооруженія дома получить покой и свободу самому смотрѣть за строеніемъ и всѣми дѣлами своими!»

Объ этомъ «огромномъ планѣ» необходимо сказать нѣсколько словъ. Онъ справедливо можетъ быть названъ «великолѣпно-роскошнымъ». Безбородко былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ изящнаго и однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ любителей комфорта. Джіакомо Гваренги былъ также однимъ изъ даровитѣйшихъ того времени художниковъ-архитекторовъ. Талантливый артистъ вполнѣ уловилъ утонченныя желанія князя и въ своемъ планѣ удачно совмѣстилъ блескъ, достойный неизмѣримаго богатства и совершеннѣйшаго вкуса, и удобства, требуемыя самою взыскательною и вмѣстѣ самою покойною семейною жизнію. Гваренги начертилъ великолѣпныя гостиныя, залы, скульптурную и картинную галлерею, нумизматическій кабинетъ, библіотеку, театръ, и даже указалъ на то, что должно было находиться въ домѣ по требованіямъ вкуса и роскоши. Домъ спланированъ былъ двухъ-этажный, съ огромнымъ садомъ и съ 25-ю жилыми покоями въ каждомъ изъ обоихъ этажей. Какъ на образчикъ того совершенства, какимъ обладало артистическое произведеніе Гваренги, достаточно указать на развалины, которыми предполагалось украсить садъ. Онѣ представляютъ не грубый видъ гротовъ, въ какомъ обыкновенно воспроизводили ихъ архитекторы того времени, а настоящія классическія руины въ Греческомъ и Римскомъ стилѣ. Смерть Безбородки прекратила работы по возведенію дома, когда еще не былъ оконченъ даже фундаментъ къ нему, и я былъ бы лишенъ всякой возможности сообщить что-либо о предположенномъ для дома планѣ, если бы копіи съ его рисунковъ не были изданы, въ послѣдствіи, въ Миланѣ почитателями архитектора Гваренги [20]). Достаточно всмотрѣться къ изданные рисунки Гваренгинскаго плана, чтобы заключить о величіи и красотѣ зданія, которое если бы было создано, то несомнѣнно сдѣлалось-бы памятникомъ, достойнымъ изученія.

2-го Марта 1798 г., Безбородко выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву [21]). Здѣсь прожилъ онъ, какъ и предполагалъ, около двухъ мѣсяцевъ. Торжественная закладка дома, происходившая 7-го Іюня,

[20]) Fabbriche e disegni di Giacomo Quarenghi, architetto di S. M. L' Imperatore di Russia, cavaliere di Malta et di S. Wolodomiro, illustrate dal cav. Giulio suo figlio. Milano, Presso Pavlo Tosi MDCCCXXI. Въ этомъ изданіи помѣщено описаніе дворца его сіятельства князя Безбородки (palazzo di s. e. il principi Besborotko), а къ описанію приложены четыре гравюры.

[21]) Передъ отъѣздомъ въ Москву Безбородко подалъ просьбу Св. Сѵноду о дозволеніи матери его, въ селѣ Стольномъ, «по глубокой старости и болѣзнямъ», построить въ своемъ домѣ церковь во имя Св. Равноапостольной Маріи Магдалины. Св. Сѵнодъ, опредѣленіемъ 3 Мая, разрѣшилъ имѣть церковь (Дѣло Св. Сѵнода, 1798 г., № 192); а 22 Мая Безбородко отправилъ къ матери письмо, въ которомъ говоритъ: «Для комнатной вашей церкви сосуды, Евангеліе и крестъ съ кадильницею, серебряные, съ украшеніями, при семъ въ ящикѣ посылаются».

праздновалась великолѣпно и закончилась фейерверкомъ, который воспѣтъ пѣвчимъ хора, Московскаго Уѣзднаго Суда регистраторомъ нѣкіимъ Симскимъ. Онъ въ «Акростихахъ» на этотъ случай выражается между прочимъ:

«Если князь здѣсь будетъ обитати,
Какъ тѣнь, исчезнутъ всѣ несчастія съ бѣдами» [22]).

Послѣднія четыре строчки «Стиховъ» выражаютъ тогдашнія чувства Москвичей къ князю Безбородкѣ:

«Какъ огнь стремится вверхъ къ началу всѣхъ красотъ:
Такъ жители Москвы любовію стремятся
Къ тебѣ, свѣтлѣйшій князь! Стремленья-жъ прекратятся
Тогда, какъ смерть дней ихъ косой нить пресѣчетъ».

Отпраздновавъ закладку дома, Безбородко, 9 Іюня, отправился обратно въ Петербургъ и вскорѣ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего племянника и воспитанника В. П. Кочубея, котораго онъ представилъ императору Павлу въ Павловскѣ. Объ этомъ представленіи онъ писалъ къ своей матери: «Вчера, то есть 13 Іюня, по утру благополучно прибылъ я въ Павловскъ, гдѣ Ихъ Императорскія Величества до Петрова дня пребыванія имѣть изволятъ. Викторъ Павловичъ, по дозволенію государскому, сегодня поутру изъ Петербурга сюда пріѣхалъ и удостоился весьма милостиваго и отличнаго пріема. Его Величество приказалъ ему на нѣсколько дней здѣсь остаться».

Какъ ни благодаренъ былъ Императору Безбородко за новый знакъ милости къ его питомцу, но изъ послѣдующихъ его писемъ замѣтно, что онъ все болѣе тяготился службою и искалъ покоя. Онъ писалъ въ Лондонъ къ своему другу, 29 Іюля 1798 г.: «Содержаніе депешъ, съ нимъ (т. е. курьеромъ) слѣдующихъ, безъ сомнѣнія будетъ пріятно двору тамошнему (Англійскому) и послужитъ къ вящшему утвержденію связи самой свойственной. Ничего новаго не нахожу дополнить со стороны политики, кромѣ, что Турки, утѣсняемые бунтомъ Пасванъ-Оглу и бывъ устрашены затѣями Французскими, приступаютъ къ намъ съ настояніями о союзѣ съ приступленіемъ Англіи и Пруссіи. Мы не откажемся ее вовлечь въ нашу систему, но послѣдняя держава ни для насъ, ни для нихъ ненадежна. За тѣмъ требуютъ помощи. Мы и сіе дать не отречемся, ежели они согласятся флотъ нашъ Черноморскій на настоящій разъ и ея войну пропустить изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно въ Черное; а на таковой случай вице-адмиралъ Ушаковъ имѣетъ запасное повелѣніе идти съ 14 кораблями, кромѣ меньшихъ судовъ, чрезъ каналъ и Дарданеллы и дѣйствовать по условію съ Турками. Ежели нашъ Черноморскій флотъ очутится въ Архипелагѣ, а Англійскій также будетъ съ нами въ Средиземномъ морѣ, тогда конечно рѣшительная поверхность будетъ на сторонѣ нашей; а дальнія слѣдствія во вредъ Фран-

---

[22]) Стихи, поднесенные Безбородкѣ Симскимъ, переписаны въ тетрадь, въ четвертку, на заглавномъ листѣ которой слѣдующая надпись: «Его свѣтлости, высокопревосходительному господину канцлеру, д. т. с., сенатору, надъ почтами въ государствѣ главному директору и орденовъ св. Александра Невскаго, св. Равноапостольнаго Князя Владиміра и св. Анны кавалеру, князю Александру Андреевичу Безбородку, пѣвческаго хора, Московскаго Уѣзднаго Суда регистратора Василія Симскаго, усерднѣйшее прошеніе».

цузовъ, кои могли бы выдти изъ подобнаго положенія, ваше сіятельство сами лучше объемлете.—Не смотря на прилежное лѣченіе, столь худо успѣваю, что долженъ терять надежду оправиться совершенно, развѣ покой моральный и физическій тутъ присоединится. Прощайте и сохраните дружбу къ человѣку, искренно вамъ преданному».

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, отъ 15 Августа 1798, Безбородко говоритъ: «Сегодняшняя экспедиція столь обширная, что никакого дополненія не требуетъ. Ваше сіятельство тутъ увидите, что мы далеко распространяемъ нашимъ союзникамъ помощь. Надобно же выросги такимъ уродамъ, какъ Французы, чтобъ произвести вещь, какой я не только на своемъ министерствѣ, но и на вѣку своемъ видѣть не чаялъ, то есть: союзъ нашъ съ Портою и переходъ флота нашего чрезъ каналъ. Послѣднему я радъ, считая, что наша эскадра пособитъ общему дѣлу въ Средиземномъ морѣ и сильное дастъ Англіи облегченіе управиться съ Бонапарте и его причетомъ; но что касается до сухопутнаго войска, я бы желалъ, чтобъ не удалося Французамъ двинуться отъ ихъ поссессій новыхъ близъ Албаніи: ибо мы бы тогда могли побольше отрядить въ Нѣмецкую землю, разумѣя, коли вы деньги выходите. Въ Польскихъ провинціяхъ войска очень много назначено подъ командою графа Солтыкова и князя Репнина, кои и край удержатъ въ тишинѣ, и короля Прусскаго поставятъ въ контенансъ. Ваше сіятельство изъ Турецкаго трактата увидите, что наше Черноморское вооруженіе не слишкомъ страшно, хотя 50-ти и 46-ти пушечные корабли съ большею артиллеріею и въ линіи на баталіи ложатся. Мы еще подкрѣпимъ сію эскадру двумя новыми 74 пушечными кораблями, и такъ мы будемъ въ одномъ 84 пушечномъ, въ четырехъ семидесяти-пушечныхъ и четырехъ шестидесятишести-пушечныхъ, и того въ девяти настоящихъ корабляхъ, въ трехъ 50 пушечныхъ корабляхъ, которые вымудрилъ князь Потемкинъ, и двухъ 46 пушечныхъ большихъ фрегатахъ, то есть: въ 14 линейныхъ судахъ, кромѣ двухъ легкихъ фрегатовъ и мелкихъ судовъ. Вотъ все, чтó у насъ есть живое и здоровое. Изъ оставшихъ трехъ кораблей большихъ, двухъ 50ти-пушечныхъ, четырехъ 46 пушечныхъ и двухъ фрегатовъ, кромѣ легкихъ судовъ, лучшіе, то есть двѣ трети, составятъ резервную эскадру, а прочіе останутся, какъ grands-cottes. Приуготовлена у насъ и флотилія, которая можетъ на крайній случай, буде бы Французы двинулися къ Турецкой столицѣ, чтобъ въ ней произвесть революцію, пойти къ Варнѣ или далѣе къ сторонѣ канала и тамъ высадить войско. Но дай Боже до сего не доходить! Деньги меня болѣе всего безпокоятъ, при крайней дороговизнѣ, при худомъ курсѣ, при большихъ издержкахъ и многомъ, чего и изъяснить нельзя. Если мы съ честью и добромъ выдемъ изъ всего сего, то велика милость Божія. Ожидаемъ теперь Кобенцеля со дня на день. Не пишу о прочихъ перемѣнахъ въ нашемъ внутреннемъ министерствѣ, въ чемъ я не имѣю ни малаго участія существеннаго, а вижу только одно доброе, чтó изъ сего вычту: перемѣну или поправленіе новаго Банка, возложенное на меня, графа Петра Васильевича (Завадовскаго) и барона Васильева, человѣка честнаго, твердаго и знающаго, съ пріобщеніемъ тутъ и бывшаго генералъ-прокурора князя Куракина. По крайней мѣрѣ дальнее зло прекратится и убавится общая жалоба».

Упомянутая Безбородкою эскадра Ушакова 23 Августа уже всту-

пила въ Босфоръ и бросила якорь у Буюкъ-дерэ. Турки съ восторгомъ приняли Русскаго адмирала [23]).

Между тѣмъ, не прекращавшаяся, а напротивъ усиливавшаяся болѣзнь Безбородки побудила его неотложно рѣшиться на оставленіе служебныхъ занятій. Принявъ такое рѣшеніе, онъ призналъ лучшимъ для дѣла указать Государю на преемника себѣ и передать канцлерство давнишнему своему другу, Лондонскому посланнику, графу С. Р. Воронцову, которому, 22 Сентября, онъ и писалъ объ этомъ: «Полагая, что Викторъ Павловичъ (Кочубей) пишетъ къ вашему сіятельству во всемъ пространствѣ, я сокращаюся въ немногихъ строкахъ, имѣя къ тому причиною и мое вовсе разстроенное здоровье. Года два почти, то есть съ послѣднихъ мѣсяцевъ предъ кончиною блаженныя памяти Императрицы, простудившися и запустивъ болѣзнь, столь сильно вкоренилася во мнѣ желчь, что, при малѣйшемъ физическомъ или моральномъ приключеніи, она во мнѣ производитъ самыя непріятныя слѣдствія. Ваше сіятельство одни меня вылѣчить можете, принявъ мѣсто, вамъ на первое время предлагаемое, чтобъ послѣ занять мое. Государь говоритъ, что не станетъ васъ женировать въ образѣ жизни вашей; да правду сказать, и я съ сей стороны пользуюся выгодою весьма обширною. Викторъ Павловичъ останется у васъ помощникомъ и сотрудникомъ, а я вамъ обязанъ буду несказанною благодарностію, что доставите мнѣ способъ полѣчить себя и пожить по своей волѣ послѣдніе годы или дни моего вѣка, такъ какъ заранѣе васъ прошу и самою дознанною ко мнѣ вашею дружбою заклинаю не говорить мнѣ ни слова въ удержаніе меня у дѣлъ или въ службѣ. Много ли, или мало я въ томъ потрудился, а былъ не токмо свидѣтелемъ, но и участникомъ многаго, къ чести государства и его прибыли совершившагося. Не справедливо ли, чтобъ мое желаніе добрымъ было увѣнчано успѣхомъ? Я разумѣю желаніе покоя. Василію Степановичу (Тамарѣ) крестъ Св. Анны съ симъ курьеромъ отправленъ».

О томъ, чтó отвѣчалъ графъ Воронцовъ Безбородкѣ на только что приведенное предложеніе послѣдняго, можно догадываться по письму князя-канцлера, полученному Воронцовымъ 1-го Ноября 1798 г. «Пользуясь твоимъ письмомъ чрезъ Н. В. Назаревскаго, я съ нимъ ознакомился, и бесѣда его во утѣшеніе мнѣ, ибо напиталъ я душу мою всѣми свѣдѣніями, каковы хотѣлъ имѣть о тебѣ и твоемъ семействѣ. Если въ чемъ услуги мои могутъ быть ему полезны, я готовъ ходатайствовать. Но до сего не дойдетъ дѣло, поелику новый вице-канцлеръ самъ его знаетъ довольно. Сожалѣю, мой другъ, что немощи одолѣваютъ тебя. Въ свою мѣру и на меня возлегла рука разрушающей насъ старости. Припадковъ болѣзненныхъ еще не дознаю, а признаки преломленія бреннаго человѣчества уже во мнѣ видимы. Впрочемъ, долготою вѣка и пресѣченіемъ онаго не прельщаюсь, ни мятусь, полагая, что для умершихъ то и другое совершенно ничто. Прости мнѣ, что я тебя уговаривалъ взглянуть на Роджерсонову картину. Сердечное побужденіе превозмогало надо мною. Желалось еще разъ въ мою жизнь тебя увидѣть. Но когда къ тому ты заперъ дверь, исповѣдую не обинуясь твое благоразуміе, что изъ покойной пристани не сунулся на зыбь. Подминистерство у насъ новое. Не попрекай молодостію въ большихъ званіяхъ. Въ Римѣ Сципіонъ, въ

[23]) Милютинъ, Война 1799 г. I, 71.

Англіи Питтъ превзошли старѣйшихъ. Производство въ дѣйствительные тайные совѣтники не малочисленно. Всѣ чины—монета безъ внутренняго вѣса. Я пребываю безъ перемѣны въ моихъ прежнихъ желаніяхъ—отойтить отъ большаго свѣта и водвориться въ деревню, гдѣ я нѣсколько и мотовато соорудилъ себѣ пристанище на дни послѣдніе и послѣ смерти. Подъ симъ разумѣй: домъ, садъ, церковь и гробъ. Обстоятельства непредвидимыя остановили только шагъ, а не мою рѣшимость. Должность эта по инымъ, а отнюдь не по моему желанію пришла: и прескучна, и презаботлива. Предмѣстникъ мой, по своему честолюбію и легкомыслію, какъ по другимъ частямъ, такъ и въ сей, насадилъ довольно спекулятивныхъ затѣевъ, а запачканное бѣлье для всякой прачки тяжкій трудъ. И такъ, мой другъ, я удерживаюся, выглядывая случай отпроситься съ благопристойностію, и если услышишь о моемъ удаленіи, принимай яко слѣдствіе моего стремленія къ покою, а буде достанется испить и не отъ сей чаши, то и та судьба, лишь бы не отымала покоя, несносна мнѣ не будетъ. По окончаніи воспитанія, совѣтую прислать сюда твоего сына на время, чтобъ увидѣлъ свое Отечество, своихъ родныхъ и со всѣми познакомился. Подвигъ для переду ему весьма нужный. Но доживу ли я до сего благополучія, чтобъ обнимать сына съ тѣми чувствами, которыя къ отцу его имѣю? Про дѣла скажутъ тебѣ депеши министровъ, а я возвѣщу тебѣ, что братъ твой совершенно здоровъ и благоденствуетъ въ своемъ уединеніи. Вчера полученное письмо отъ него сіе содержитъ. Прощай, милый другъ» [24]).

Въ тотъ день, когда графъ Воронцовъ читалъ предыдущее письмо, Безбородко писалъ ему:

«Ваше сіятельство меня извините, что, страдая самымъ сильнымъ ревматизмомъ, который почти отнимаетъ все дѣйствіе правой руки, да и чувствуя притомъ такіе во всей правой сторонѣ симптомы, которые скорое разрушеніе состава моего предвѣщаютъ, при многихъ моральныхъ непріятностяхъ, которыя, хотя до меня принадлежатъ, но интересуютъ другихъ; а я въ двадцать лѣтъ моей службы при весьма большомъ Государѣ привыкъ видѣть всѣхъ счастливыхъ и довольныхъ. Дѣла нынѣшнія не требуютъ дальнихъ распространеній сверхъ того, что́ въ рескриптахъ увидите. О новомъ Банкѣ вышли указы, которыми публика, кажется, довольна. По крайней мѣрѣ, зло весьма значительнымъ образомъ уменьшено. Даны способы къ промѣну, и кредитъ удержанъ. Промѣнъ хотя не начатъ, но уже облигаціи вошли въ цѣну, и потеря, вмѣсто десяти, теперь менѣе пяти процентовъ, а съ новаго года, я думаю, они будутъ au pair съ ассигнаціями и выше мѣди. Казна тутъ выиграетъ около тридцати пяти милліоновъ, кои обратятся на истребленіе ассигнацій; а сверхъ того Ломбардъ или, лучше сказать, весь составъ Воспитательнаго Дома получаетъ въ пособіе, въ теченіе 25 лѣтъ, по четыреста тысячъ на годъ. Ломбардъ-то и былъ одною изъ причинъ сей худой операціи».

Сдержанность Безбородки въ объясненіяхъ касательно состоянія внутреннихъ дѣлъ, дошедшая до замѣчательной фразы только что приведеннаго письма: «дѣла нынѣшнія не требуютъ дальнихъ распространеній сверхъ того, что̀ въ рескриптахъ увидите»; упоминаніе о «многихъ моральныхъ непріятностяхъ» и о томъ, что «въ двад-

[24]) Письмо это (печатаемое авторомъ съ современнаго списка) принадлежитъ конечно не Безбородкѣ, а скорѣе не графу ли Завадовскому. П. Б.

цать лѣтъ своей службы, при весьма большомъ Государѣ», Безбородко «привыкъ видѣть всѣхъ счастливыхъ и довольныхъ»; намекъ на «зыбь», въ которую графъ Воронцовъ благоразумно «не сунулся изъ покойной пристани», и также сорвавшееся съ пера признаніе, что если бы «пришлось испить чашу удаленія отъ дѣлъ, и та судьба, лишь бы не отымала покоя, несносна» ему «не будетъ»: все это приводитъ къ предположенію, что въ числѣ обстоятельствъ, побуждавшихъ Безбородку искать удаленія отъ дѣлъ, кромѣ болѣзненности и усталости, имѣла мѣсто и тяжесть тогдашняго придворнаго и вообще Петербургскаго положенія, которая зависѣла отъ крутаго нрава Государя. Въ то время жизнь въ Петербургѣ доходила до мучительной нестерпимости. Сравнивая общественное настроеніе съ злыми морозами наступившей жестокой зимы, Ѳ. П. Лубяновскій говоритъ: «Нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно пронимала. Называли ее, гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно—возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, въ полголоса—царствомъ власти, силы и страха; въ тайнѣ, между четырехъ глазъ—затмѣніемъ свыше» [25]).

Но болѣзненная старость и тревожное положеніе при дворѣ какъ будто теряли для Безбородки всякое значеніе, коль скоро ему приходилось вступать въ привычную сферу политики. Императоръ Павелъ, принявъ близкое участіе въ дѣлахъ Западной Европы и ставъ душею новаго союза противъ Франціи, рѣшился поддержать общее дѣло монарховъ. Безбородко ревностно трудился надъ устройствомъ и упроченіемъ этого союза, и перо его, удержавшееся отъ политическихъ сужденій въ предыдущемъ письмѣ къ гр. Воронцову, снова принялось за самыя подробныя изображенія политическихъ плановъ, внушеній, совѣтовъ и предложеній. Отъ 25-го Ноября князь-канцлеръ писалъ въ Лондонъ: «Ваше сіятельство желали отъ меня увѣдомленія о бывшихъ между графомъ Панинымъ и г. Кальяромъ переговорахъ. Они началися по желанію Французовъ, когда уже прелиминаріи Леобенскія [26]) подавали несомнѣнную надежду мира, а конференціи въ Лилѣ также были въ дѣйствіи. Вы сами признаете, что намъ однимъ оставаться назади было несходно, ибо Французы имѣютъ не одинъ способъ вредъ намъ причинить, если бы мы нашлись въ войнѣ съ ними и по замиреніи съ другими. Сіи переговоры ведены были къ тому, чтобъ возстановить доброе согласіе и переписку, но въ намѣреніи не возобновлять торговаго трактата, а еще меньше входить въ какія либо политическія сближенія. Оно было близко конца; но когда миръ съ союзникомъ нашимъ началъ становиться сомнительнымъ, а притомъ пошло тѣснѣйшее сношеніе съ Берлинскимъ дворомъ у Директоріи, Государь приказалъ суспендировать и гласно свою негоціацію; да и въ Берлинѣ учинили королю Прусскому декларація такія точно, какихъ и въ послѣднее царствованіе Вѣнскій дворъ не получилъ бы отсюда. Угодно было графу Кобенцелю слѣпить миръ, совсѣмъ не сходный съ нашими ожиданіями; а потому и не наша вина; а наше дѣло предохранять себя отъ дальней опасности и обезпечить себя покоемъ, нужнымъ и для того, чтобъ попра-

---

[25]) Р. Архивъ, 1872, 144.

[26]) Леобенскій договоръ былъ подписанъ 7-го (18-го) Апрѣля 1797 г. между Франціею и Австріею.

вить свои финансы послѣ безпрерывныхъ хлопотъ. Кто знаетъ, что, можетъ быть и скоро, обстоятельства произведутъ въ системѣ нашей перемѣну, хотя Его Величество настоящую предпочитаетъ той, которая до 1780 г. дѣйствовала. Всегда, однакожъ, мы будемъ хороши съ землею, гдѣ вы пребываете, а не соединимся съ Французами».

Черезъ нѣсколько дней, именно 6 Декабря, Безбородко вновь пишетъ гр. Воронцову замѣчательное письмо: «Пользуясь курьеромъ, отправленнымъ отъ кавалера Витворта для предварительнаго донесенія двору о мѣрахъ сильныхъ и рѣшительныхъ, которыя съ нашей стороны въ настоящей войнѣ предпринимаются, и полагая, что, по распоряженіи всего, пошлется къ вашему сіятельству нашъ курьеръ, спѣшу васъ увѣдомить, что сегодня я получилъ отъ Его Императорскаго Величества полныя приказанія по сей матеріи»:

1) «Съ г. Витвортомъ заключить зачатый субсидный трактатъ, по которому сорокъ пять тысячъ войска изъ дивизій Литовской и Лифляндской обратятся въ содѣйствіе противу Французовъ, какъ только рѣшится король Прусскій пойти на Голландію и отнять у Французовъ присвоеннаго ими къ сторонѣ Нидерландовъ и вообще за Рейномъ, гдѣ мы не удалены предложить ему и виды пріобрѣтенія; да и отъ графа Кобенцеля имѣемъ увѣреніе, что, исключая три духовныя курфиршества, не позавидуютъ они его Прусскому величеству, ежели онъ достанетъ себѣ что либо изъ земель, Французами присвоенныхъ по трактату Кампоформіо. Сіи субсидіи полагаемъ мы (по разсчету съ уменьшеніемъ противу шестидесятитысячнаго числа на 45,000) имѣть девятьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ; на приготовленіе-жъ войска и на всякіе чрезвычайные расходы, по разсчету, также пропорціи въ прежнемъ проэктѣ положены, которыя Англія выплатитъ намъ послѣ мира. Но не можемъ обойтися безъ настоянія на сумму, для подъема единовременно нужную, а ограничивая оную по тому-же разсчету вмѣсто трехъ сотъ тысячъ въ 225,000 фунт. стерл., согласимся получить оную и въ теченіи года по срокамъ».

2) «Согласны мы съ планомъ Англіи, чтобъ искать возвратить Францію въ прежніе ея предѣлы и соединить Нидерланды съ Голландіею, да и вообще на разныя, отъ нея предъявленныя, распоряженія; и въ слѣдствіе того наступимъ на императора Римскаго, чтобъ онъ дѣйствовалъ и короля Сицилійскаго подкрѣпилъ теперь же, не отлагая».

3) «Заключимъ теперь-же съ дюкомъ Серра-Капріола конвенцію, силою которой Его Императорское Величество даетъ королю обѣихъ Сицилій десять полныхъ батальоновъ инфантеріи съ двумя ротами полевой артиллеріи и съ двумя стами казаками, не требуя ничего, какъ только перевоза ихъ на судахъ Неапольскихъ въ Италію, и довольствуя ихъ провіантомъ и фуражемъ, а при томъ и флотомъ нашимъ Черноморскимъ будемъ содѣйствовать операціямъ въ Италіи и сохранять связь съ морскими его Британскаго величества силами».

«Сказавъ, такимъ образомъ, кратко наше намѣреніе, я предоставляю вашему сіятельству завременно въ Лондонѣ приватно о семъ изъясниться и расположить, чтобъ согласное тому и тамъ рѣшеніе не умедлило. Я для сего отложилъ на десять дней свою поѣздку въ Москву, а по поднесеніи трактата и сдѣланіи къ вамъ, въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Неаполь и Константинополь всѣхъ отправленій, пущуся въ путь, чтобъ освѣжить голову мою, весьма ослабѣвающую, крайнее имѣя удовольствіе увидѣть нашего любезнаго графа Александра Романовича, въ дружеской его бесѣдѣ воспользоваться его

добрыми совѣтами, которые) не одинъ разъ были мнѣ лучшіе путеводители и спасительны для государства. Между 20 и 25 Января мѣсяца (1799 г.) надѣюсь возвратиться въ Санктпетербургъ».

Такой обширный и величественный планъ выработанъ былъ княземъ Безбородкою для дѣйствій противъ революціонерной Франціи. Но творцу этого плана не было суждено увидѣть его осуществленіе. Трактатъ съ Португаліею касательно «дружбы, мореплаванія и торговли» [27]), заключенный десять лѣтъ назадъ и возобновленный 16 Декабря 1798 г., былъ послѣднимъ дипломатическимъ актомъ, писаннымъ и подписаннымъ Безбородкою.

Неоднократно приходилось намъ встрѣчаться въ настоящемъ трудѣ съ лестными, блестящими отзывами о Безбородкѣ, принадлежащими тогдашнимъ дипломатамъ-иностранцамъ. Но и Русскіе посланники при Европейскихъ дворахъ, и другія лица, близко знавшія князя Безбородку, высоко цѣнили его дипломатическія дарованія. По поводу отправленія князя Репнина въ Берлинъ, къ коронаціи короля Фридриха Вильгельма III, въ Мартѣ 1798 г., Лубяновскій сообщаетъ, что «остановка была за секретною инструкціею, за которою не одинъ разъ я ходилъ къ канцлеру князю Безбородкѣ. Находилъ я канцлера въ 6 часовъ утра каждый разъ въ безпрекословной преданности лихому парикмахеру. Въ послѣдній разъ, какъ только завидѣлъ меня сквозь облако пудры: «за инструкціею? Пишу послу (сказалъ мнѣ съ карандашемъ и бумагою въ рукахъ): вчера лишь получилъ приказаніе отъ Его Величества; надобно было дождаться отвѣта изъ Вѣны». Дѣйствительно, между тѣмъ, какъ художникъ трудился надъ волосами его, онъ продолжалъ писать карандашемъ на колѣняхъ и написанные листы бросалъ на полъ. Удивлялись въ свое время быстротѣ и легкости князя Безбородки въ работѣ, но въ этомъ, кажется, немного чудеснаго, когда съ хорошею памятью все напередъ порядочно обдумано. Переломъ въ дѣловомъ слогѣ у насъ отъ князя Безбородки» [28]). — Графъ Комаровскій, разсказывая въ своихъ «Запискахъ» о пріемѣ, сдѣланномъ въ Вѣнѣ великому князю Константину Павловичу [29]), ѣхавшему въ армію Суворова въ Италію, сообщаетъ мнѣніе посла нашего въ Вѣнѣ о дипломатическихъ талантахъ князя Безбородки. «Наконецъ назначенъ былъ день отъѣзда нашего къ Вѣнской арміи. За нѣсколько дней предъ выѣздомъ нашимъ изъ Петербурга, великій князь послалъ меня, по волѣ Императора, спросить у графа Безбородки: кому и какіе должно будетъ дѣлать подарки при Вѣнскомъ дворѣ? Я не могу не отдать и при семъ случаѣ полной справедливости необыкновенной памяти, великимъ познаніямъ и свѣдѣніямъ графа о всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Онъ началъ мнѣ разсказывать, какъ будто читая въ книгѣ, родословную всѣхъ Вѣнскихъ вельможъ, кто изъ нихъ чѣмъ примѣчателенъ, кто и въ какое время наиболѣе оказалъ услугъ двору нашему, такъ что я около часа слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Онъ познакомилъ меня со всѣми вельможами, которыхъ я увижу въ Вѣнѣ. Потомъ онъ сѣлъ и написалъ своею рукою списокъ всѣмъ, которымъ должно дать подарки, и какіе именно. «Табакерку съ пор-

---

[27]) Полн. Собр. Законовъ № 18,779.

[28]) Р. Архивъ, 1872, 170 и 171.

[29]) Во время этого проѣзда Константинъ Павловичъ прожилъ въ Вѣнѣ съ 15 по 19-е Апрѣля 1799 года.

третомъ его высочества, осыпанную бриллiантами, назначивъ, въ какую цѣну, сказалъ онъ, должно подарить тому, кто будетъ присланъ на встрѣчу великаго князя; вѣроятно это будетъ или князь Эстергази, или князь Лихтенштейнъ, ибо сiи суть двѣ знатнѣйшiя фамилiи въ Австрiи». Графъ, конечно, и о прочихъ дворахъ имѣлъ такiя-же свѣдѣнiя. Когда я получилъ отъ великаго князя приказанiе дѣлать подарки, его высочество приказалъ мнѣ показать списокъ, данный мнѣ графомъ Безбородкою, послу нашему, графу Разумовскому. Тотъ, прочитавъ списокъ, воскликнулъ: «этотъ генiй знаетъ всѣхъ иностранныхъ сановниковъ, никогда не выѣзжая изъ Россiи, лучше, нежели я, который 15-ть лѣтъ слишкомъ живу здѣсь» [30]).

При такомъ близкомъ знакомствѣ съ лицами иностранныхъ дипломатическихъ корпусовъ, съ такою, можно сказать, всеобъемлемостiю своей памяти, Безбородко, въ бесѣдѣ съ молодыми дипломатами-соотечественниками, имѣлъ полное право сказать: «не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ, безъ позволенiя нашего, выпалить не смѣла» [31]).

Если бы потребовалось въ отдѣльной монографiи изобразить исключительно-политическую дѣятельность Безбородки, то трудно было-бы прибрать къ ней другой, болѣе вѣрный и соотвѣтствующiй эпиграфъ.

Николай Григоровичъ.

---

[30]) Р. Архивъ 1867, 526 и 527.

[31]) Записки А. С. Шишкова, Берлинъ, 1870, I, 20.

Князю П. А. Вяземскому.

Въ минуты грустнаго раздумья
О томъ что́ вижу среди насъ,
Я, какъ изъ омута безумья,
Чтобъ отдохнуть хотя на часъ

* *
*

Бѣгу въ свои воспоминанья
И съ жадностью про оны дни
Читаю ваши, князь, сказанья,
Гдѣ оживаютъ такъ они.

* *
*

Почти ровесники мы съ вами.
(Лѣтъ нѣсколько не идутъ въ счетъ.
Коль смѣренъ вѣка четвертями
Ужъ трижды нашъ земной походъ):

* *
*

Я помню тѣже поколѣнья,
Духъ жизни тотъ же, что̀ и вы.
Въ однихъ я съ вами впечатлѣньяхъ
Взросъ на пожарищѣ Москвы.

* *
*

Я помню нашихъ баръ почтенныхъ,
Подъ пудрой, стариковъ съ косой,
Снаружи будто иноземныхъ,
Но Русскихъ сердцемъ и душой.

* *
*

Звучала рѣчь ихъ пофранцузки,
Но смыслъ той рѣчи Русскій былъ;
Ихъ сердце билося порусски,
Ихъ умъ порусски говорилъ.

* *
*

Они любили жизнь родную:
И пѣснь, и плясъ родной страны,

Роговъ музыку хоровую,
О Святкахъ игры старины.

* *
*

Въ чужомъ Парижскомъ переплетѣ
Была то Русская печать,
Какъ Петръ рѣшалъ въ своемъ разсчетѣ,
Чтобъ насъ съ Европою связать.

* *
*

Учились мы любить Отчизну
На томъ пожарищѣ святомъ
И съ гордостью справляли тризну
Въ лицѣ Пожарскаго на немъ.

* *
*

На немъ въ насъ чувства молодыя
Скрѣпляли съ долгомъ свой союзъ,
И пѣлъ намъ пѣсни золотыя
Хоръ Арзамасскихъ вашихъ Музъ.

* *
*

Насъ эти пѣсни окрыляли;
Взлетали съ вами въ насъ умы;
Стихъ новый Пушкина встрѣчали,
Какъ пиршество, бывало, мы.

* *
*

Мы увлекались, мы кипѣли,
Кипѣли черезъ край подъ часъ,
Но сберегать въ себѣ умѣли
Добра залоги про запасъ.

* *
*

Нача́ла наши были тверды,
И на борьбу хватало силъ;
Сердца безъ спѣси были горды,
За разумъ умъ не заходилъ.

* *
*

И путь предъ нами былъ широкій;
Жизнь намъ казалася легка;
Мы какъ пчела впивали соки
Изъ каждой вѣтки и цвѣтка.

* *
*

Любило сердце: наслаждаться
Намъ было чѣмъ, и было въ чёмъ

Съ бездѣльемъ дѣлу сочетаться,
Мечтамъ Поэзіи съ трудомъ.

* *
*

Но мы состарѣлись. Чредою
Отцовъ смѣнили сыновья.
Спорѣй пойдетъ подъ ихъ рукою
Работа,—думала семья.

* *
*

Мы снарядили ихъ исправно,
Всему оставили починъ;
Запасъ имъ завѣщали славный:
Сперанскій, Пушкинъ, Карамзинъ.

* *
*

Пусть идутъ торною дорогой
Впередъ. Богъ помочь, дѣти, вамъ!
Еще работы будетъ много
И вамъ, и вашимъ сыновьямъ.

* *
*

При вашихъ силахъ, въ ваши годы,
Идя во слѣдъ своимъ отцамъ,
Дойдете вы и до свободы,
До благъ, чтó снились только намъ.

* *
*

И что же? На привѣтъ смиренный,
Въ отвѣтъ, хохочутъ молодцы:
«Не тотъ намъ нуженъ путь презрѣнный,
«Гдѣ вы тащилися, слѣпцы!

* *
*

«Не вашей ищемъ мы свободы,
«Обмана глупыхъ въ царствѣ тьмы;
«Не Божій міръ, а міръ природы
«Уже познать успѣли мы.

* *
*

«Насъ не прельщаетъ хламъ искусства,
«Ни риѳмъ, ни струнъ вашъ бредъ и звонъ;
«Не ослѣпляютъ глазъ намъ чувства:
«Одинъ разсудокъ нашъ законъ.

* *
*

«Кумиры лѣтописи царской
«Ужъ намъ показаны вблизи:

«Донской, и Мининъ, и Пожарской
«Лежатъ растоптаны въ грязи.

* *
*

«Къ чему Отечество?—Чтобъ стадо
«Держало въ кучѣ разный сбродъ!
«Его единства намъ не надо:
«Мы федеральный вѣдь народъ.

* *
*

«А государство со штыками,
«Властей, жандармовъ эта рать,
«Съ бичемъ стоящая надъ нами:
«Пріятно, нечего сказать!

* *
*

«Нелѣпы ваши всѣ преданья!
«Смотрите, какъ живетъ вся тварь.
«И человѣкъ тогожъ созданья:
«Онъ долженъ самъ себѣ быть царь.

* *
*

«Вещей мы поняли причины
«Безъ вашихъ сказочныхъ небесъ.
«У насъ есть Бокли и Дарвины,
«Пары, машины—вотъ прогрессъ!»

* *
*

И понеслися безъ оглядки
Ребята наши на парахъ:
Предметы, мысли въ безпорядкѣ
Рябятъ у нихъ въ глазахъ, въ мозгахъ.

* *
*

Долой съ пути аристократы,
Кричатъ они, сотремъ вашъ слѣдъ!
Мы соль земли, мы демократы!
(Хоть этихъ словъ порусски нѣтъ).

* *
*

А для того, чтобъ между нами
Демократизму смыслъ былъ данъ,
Они роднятся со скотами,
Признавъ за предковъ обезьянъ.

* *
*

Скотскому роду подобаетъ
И жизнь скотская же—и вотъ

Въ ней идеалъ свой почерпаетъ
Нашъ бѣдный нравственный уродъ.

* *
*

Безъ брака, безъ семьи, безъ Бога,
Томимъ животной пустотой,
Онъ пулей, думая немного,
Свой усыпляетъ мозгъ больной....

* *
*

Ужель другаго исцѣленья
Злу нѣтъ? Ужель для пользы намъ
Младыя гибнутъ поколѣнья
Не по годамъ, а по часамъ?

* *
*

И вздоръ неся съ толпой слѣпою
Гуманныхъ будто бы идей,
Изъ трусости передъ молвою,
Дождемся мы позорныхъ дней,

* *
*

Когда и нашъ сосудъ священный,
Сосудъ и братства, и любви,
На лонѣ жизни обновленной
Погрязнеть въ нашей же крови!

* *
*

Неужто же нашъ духъ дворянскій,
Нашъ старый Русскій идеалъ,
Въ которомъ честь и долгъ гражданскій
Не раздвоялись, въ насъ пропалъ?

* *
*

Увы, пропалъ! Теперь кто хочетъ
Губи народъ, мути умы.
Не наше дѣло! Пусть хлопочетъ
О томъ правительство, не мы.

* *
*

Намъ кстати-ль быть ему слугою!
Намъ кстати-ль власти помогать!
Не помощью, а съ ней борьбою
Себя намъ должно отличать.

* *
*

И вотъ вожди народа, сдавши
Въ архивъ преданія вѣковъ,

На чинъ трибуновъ промѣнявши
Свой прежній чинъ крѣпостниковъ,

* *
*

Быль неподлеглости мы панской,
Чтобы порусски перевесть,
Простились съ доблестью гражданской:
На *гоноръ* размѣняли *честь!*

* *
*

Вотъ почему въ часы раздумья
О томъ, что̀ вижу среди насъ,
Я, какъ изъ омута безумья,
Чтобъ отдохнуть хотя на часъ,

* *
*

Бѣгу въ свои воспоминанья
И съ жадностью про оны дни
Читаю ваши, князь, сказанья,
Гдѣ оживаютъ такъ они.

* *
*

Пишите же, не уставая.
Вамъ средства рѣдкія даны:
У васъ и мысль, и рѣчь родная
Избыткомъ силъ еще полны.

* *
*

Вашъ стихъ и проза пронизаютъ
И умъ и сердце на пролетъ,
И новый кладъ все добываютъ,
Чѣмъ больше глубь прожитыхъ лѣтъ.

* *
*

Таланта признаннаго слово
Не пропадаетъ. Съ нимъ не такъ
Легко бороться. Мысли новой
Лучь разгоняетъ часто мракъ.

* *
*

Вѣдь вы теперь уже послѣдній
Изъ стаи нашихъ лебедей.
Въ шаривари наставшихъ бредней
Вы нашъ единый соловей.

* *
*

Вы призваны хранить искусство
(Жить людямъ плохо безъ него)

И обмывать отъ грязи чувство,
Какъ мать ребенка своего.

* *
*

Хранимъ недаромъ небесами
На васъ особый Божій знакъ.
Не умолкайте жъ между нами,
Вы нужны намъ.—Да будетъ такъ!

М. Юзефовичъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИППОЛИТА ОЖЕ [1]).

(Переведено съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Вигель представилъ меня своей родственницѣ, какъ умнаго Француза, не помнящаго зла, и въ доказательство разсказалъ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Россію и какъ я путешествовалъ съ Измайловскимъ полкомъ. Г-жа Тухачевская была одна въ гостиной. Она поздравила меня и сказала, что съ своей стороны постарается сдѣлать для меня пребываніе въ Россіи по крайней мѣрѣ пріятнымъ и сочтетъ себя счастливой, если ей это удастся.

Это была женщина довольно толстая, нисколько не изящная, но на лицѣ ея выражалась такая доброта, что я ее сразу полюбилъ за ласковыя слова.—«Мой старшій сынъ, сказала она, еще не вернулся изъ Франціи, хотя Семеновскій полкъ уже пришелъ; онъ хотѣлъ повидаться въ Мецѣ съ семействомъ одной Француженки, дорогой для насъ особы. Недавно я ее выдала замужъ за Француза, и она по прежнему живетъ у насъ въ домѣ. У меня другой сынъ и племянникъ вашихъ лѣтъ. Сегодня вы ихъ увидите; они нынче отдыхаютъ послѣ дежурства. Подите, познакомьтесь съ ними: Филиппъ Филиповичъ ихъ вамъ представитъ. Дочь моя тоже скоро пріѣдетъ, и мы всѣ будемъ всегда вамъ рады». Голосъ у ней былъ пріятный, и она проговорила все это чрезвычайно любезно и ласково.

Мы отворили дверь въ комнату молодыхъ людей, и чтоже? Я увидалъ передъ собою молодыхъ пажей, которые такъ поразили меня утромъ, когда они ѣхали за каретой Императрицы. Головы ихъ все еще были напудрены, и впечатлѣніе на этотъ разъ было такое же, какъ и тогда: что-то въ родѣ предчувствія, хотя предчувствовать было нечего.... Они были веселы, шаловливы какъ дѣти; и я, смотря на нихъ и слушая ихъ рѣчи, пожалѣлъ, что, при всемъ равенствѣ лѣтъ, я не могу быть такъ безпеченъ, какъ они: я не могъ забыть прошлаго, не могъ не думать о будущемъ.

Благодаря Вигелю, завязался непринужденный разговоръ, въ которомъ каждый принялъ участіе, не боясь показаться ни слишкомъ пустымъ, ни слишкомъ серьезнымъ. Чтобъ заставить такъ разговориться людей совершенно незнакомыхъ, которымъ нечего сказать другъ другу кромѣ пустяковъ, нужно много остроумія; даже больше: нужно имѣть особенный талантъ. Вигель владѣлъ этимъ искусствомъ въ совершенствѣ: онъ извлекалъ звуки изъ камня, но, конечно, не могъ заставить дурака говорить умно. Этого чуда и онъ не въ состояніи былъ сдѣлать.

---

[1]) См. выше, стр. 51.

Пришли доложить, что кушанье подано. Пажи сняли халаты, эту необходимую принадлежность отдыха для людей, затянутыхъ въ мундиры, и надѣли изящные полуформенные сюртуки. Мы вчетверомъ отправились въ гостиную, какъ люди уже освоившіеся между собою. Съ хозяйкой сидѣли двѣ дамы: одна ея дочь, молодая граціозная женщина, одѣтая чрезвычайно просто; другая, другъ дома, маленькая, сухая, угловатая Француженка, повидимому безъ всякихъ претензій. Рядомъ съ ней сидѣлъ ея мужъ, длинный, безобразный, вульгарный Французъ-учитель, г-нъ Туванъ (Touvent). Онъ первый заговорилъ со мной.

И опять Вигель, съ обычнымъ остроуміемъ и рѣдкимъ тактомъ, повелъ разговоръ такъ, что каждый имѣлъ возможность вставить свое слово. За обѣдомъ говорили обо всемъ: о Россіи, о Франціи, о войнѣ, о мирѣ, о дружескихъ отношеніяхъ въ будущемъ и очень много обо мнѣ, такъ что я могъ бы смутиться, если бы у меня были какіе нибудь предвзятые планы.

Но въ этомъ отношеніи меня ничто не стѣсняло, и я могъ говорить что̀ хотѣлъ, подвергаясь опасности быть заподозрѣну, что я или слишкомъ скрытенъ, или же совершенно равнодушенъ къ будущей судьбѣ своей. Такъ какъ я держалъ себя очень непринужденно, то и нельзя было сразу составить обо мнѣ какое нибудь мнѣніе. Какъ мнѣ показалось, Вигель, будучи безспорно умнѣе всѣхъ остальныхъ собесѣдниковъ, старался по догадкѣ оцѣнить мои достоинства, и повидимому былъ доволенъ: впечатлѣніе не понизилось; оно стояло на нулѣ.

Меня пригласили бывать какъ можно чаще, какъ только я устроюсь съ своими служебными дѣлами. Добрая Тухачевская выразилась, что она на меня будетъ смотрѣть, какъ на роднаго сына. «Еслибъ, сказала она, одному изъ моихъ сыновей пришлось въ ваши лѣта быть во Франціи въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь вы, какъ бы я была счастлива, еслибъ могла думать, что ваша мать приняла въ немъ участіе, какъ я принимаю въ васъ».

Камеръ-пажъ Николай Тухачевскій представлялъ собою самый красивый типъ Славянина, какой только можно было встрѣтить въ Петербургѣ. Сложеніемъ и чертами лица онъ напоминалъ древняго Антиноя. Напудреная голова придавала ему еще болѣе изящества. Его двоюродный братъ Кирѣевскій, бывшій также пажемъ, не уступалъ ему наружностью, хотя черты лица у него были менѣе правильны. Какъ у всѣхъ Русскихъ, музыкальное чувство въ нихъ было сильно развито отъ природы. Славянинъ поетъ какъ птица: у него свои напѣвы съ особеннымъ ритмомъ, чистый голосъ и вѣрный слухъ; пѣніе онъ любитъ больше всего на свѣтѣ.

Во всѣхъ Русскихъ деревняхъ, во всѣхъ полкахъ есть свои хоровыя пѣсни, въ коихъ мелодія искусно сочетавается съ гармоніею, и все это дѣлается само собою, безъ знанія какихъ бы то ни было правилъ. Въ пѣсняхъ преобладаетъ минорный тонъ, но хоровые припѣвы поражаютъ и увлекаютъ неожиданнымъ контрастомъ. Дайте Русскому струнный инструментъ, и онъ, не зная ни одной ноты, по слуху, по голосу, руководимый природнымъ вкусомъ, подберетъ вамъ совершенно правильные аккорды.

За обѣдомъ говорили о новой опереткѣ «Казакъ Стихотворецъ», которая тогда имѣла большой успѣхъ на сценѣ Русскаго театра. Когда встали изъ-за стола, Филипъ Филиповичъ, отчасти чтобъ сдѣлать

мнѣ удовольствіе, а также изъ легко-понятнаго національнаго тщеславія и чтобъ окончательно побѣдить меня, попросилъ молодыхъ людей спѣть что нибудь изъ этой оперы. Они тотчасъ же исполнили его желаніе, какъ будто у нихъ вошло въ привычку находить удовольствіе въ томъ, что̀ могло быть пріятно другимъ. Я былъ въ восхищеніи: я зналъ многое множество оперъ, но ничего подобнаго никогда не слыхалъ.

Послѣ того Вигель, съ тонкимъ тактомъ всегда отличавшимъ его, обратился къ молодой Тухачевской:

— А вы, прелестная кузина, сказалъ онъ, протяните ваши прекрасныя ручки къ а̀рфѣ: она давно зоветъ васъ.

— О нѣтъ! отвѣчала она съ милой улыбкой: у меня болитъ палецъ.

— Какой смѣшной пальчикъ! возразилъ Вигель: разболѣлся намъ на зло. Бьюсь объ закладъ, что это тотъ самый, на которомъ вы носите вѣнчальное кольцо.

— Какой вы злой! сказала она, подѣтски надувъ губки, совсѣмъ непохоже на вишенку двоюроднаго братца.

— Это почему? Въ самомъ дѣлѣ, я не вижу у васъ кольца.

— Оно у брильянтщика, вмѣшалась въ разговоръ г-жа Туванъ.

— Уже сломано?

— Оно было слишкомъ широко.

— Рука, должно быть, похудѣла, хотя обыкновенно бываетъ наоборотъ: въ замужествѣ все принимаетъ большіе размѣры, начиная отъ мѣшка съ червонцами.

Разговоръ этотъ имѣлъ какой-то скрытый смыслъ, котораго я понять не могъ. Вигеля называли злымъ языкомъ, потому что онъ часто въ свѣтѣ говорилъ колкія вещи и всегда съ цѣлію уязвить человѣка.

Я долженъ сказать, что Лиза Тухачевская была выдана замужъ, въ угоду Императору, за *выбритаго* сына *бородатаго* купца, страшнаго богача, милліонера, и гордость Вигеля, какъ родственника, нѣсколько страдала отъ этого родства. Императоръ Александръ I, по своей предусмотрительности, рѣшивъ необходимость реформы, совершившейся только въ наше время, хотѣлъ создать еще третій классъ, среднее сословіе, и въ видѣ опыта думалъ посредствомъ браковъ слить два сословія: дворянство и купечество. Купецъ Кусовъ обладалъ несмѣтными богатствами, которыя онъ пріобрѣлъ удачными торговыми предпріятіями. Царь велѣлъ сказать Кусову, что онъ ему доставитъ большое удовольствіе, если женитъ сына на дворянкѣ, а Тухачевской предложилъ выдать дочь за его сына.

Молодую Кусову нельзя было назвать красавицей, но она была въ высшей степени граціозна и мила. Лицо ея не отличалось чистотою линій и правильностію чертъ: оно было слишкомъ кругло. Она и братъ ея Николай могли служить представителями Славянскаго типа, въ которомъ всегда существовало рѣзкое различіе въ наружности мущины и женщины: превосходство на сторонѣ перваго, согласно съ закономъ природы. Кусова поражала граціей и гармоничностію всего своего существа; прямодушный взглядъ, улыбка, голосъ, лѣнивый умъ—все гармонировало между собою. Иногда она оживлялась, и тогда отвѣты ея бывали быстры и мѣтки. Подъ безмятежною наружностію таилась искра, которая могла вспыхнуть впослѣдствіи. Подчинившись волѣ другихъ, она не отказалась отъ своей внутренней самостоятельности и доказала это. Тридцать лѣтъ

спустя, я ее увидалъ въ Москвѣ, окруженную красивыми дѣтьми: овдовѣвъ, она вышла замужъ за Француза, доктора Делонэ.

Но въ то время, когда я увидалъ ее въ первый разъ, она была невинна и спокойна какъ ребенокъ: и чувства, и воображеніе еще не проснулись. Однако Вигель разгадалъ ее. Однажды она ему сказала: «Посмотрите, я точно изъ снѣгу!» Онъ отвѣчалъ: «Огонь бываетъ и подо льдомъ». Одѣвалась она всегда съ большимъ вкусомъ, но чрезвычайно просто, безъ брилліянтовъ и блестящихъ украшеній, хотя ея шкатулкѣ могли бы позавидовать многія женщины. Гладко причесанные, блѣдно-бѣлокурые волосы низко спускались на лобъ и вполнѣ гармонировали съ матово-бѣлымъ цвѣтомъ лица; эта нѣжная, неопредѣленная окраска придавала ей большую прелесть. Единственная роскошь, которую она себѣ позволяла, это выѣзды, непремѣнно цугомъ и въ каретѣ съ фамильными гербами. Вигель сердился на нее за это дѣтское тщеславіе и въ тоже время гордился этимъ.

Наступило время возвращенія въ Ораніенбаумъ. Вигель отвезъ меня къ капитану и простился со мной.

Такъ кончился первый день, проведенный мною въ столицѣ Россіи. Впечатлѣніе было самое пріятное.

Здѣсь кончается *прологъ*. Но мнѣ хочется еще разсказать о праздникѣ, данномъ императрицей Маріей Ѳеодоровной Государю и офицерамъ гвардіи, за нѣсколько дней до торжественнаго вступленія войскъ въ Петербургъ. Память мнѣ не измѣнила: я все разсказываю по порядку.

Хотя я не былъ приглашенъ на этотъ праздникъ, но отправился изъ любопытства, какъ и многіе Петербургскіе жители. Этимъ торжествомъ мать Государя желала выразить своему сыну и его сподвижникамъ благодарность и радость по случаю ихъ благополучнаго возвращенія и окончанія славной войны. Назначено оно было въ ея любимомъ Павловскѣ, который тогда, благодаря ея ежегодному пребыванію, считался лучше и пріятнѣе всѣхъ императорскихъ лѣтнихъ резиденцій. Праздникъ имѣлъ сельскій характеръ. Устройство его было поручено придворному балетмейстеру Дидло, и онъ придумалъ представить Русскую деревню съ ея жителями и пастораль въ національномъ вкусѣ.

«Ваше Величество», сказалъ онъ Императрицѣ, «дадите мнѣ вашихъ коровъ, овецъ, козъ.... сыръ отъ этого не будетъ хуже. (Императрица устроила у себя на фермѣ производство Швейцарскаго сыра, который шелъ на продажу въ Петербургѣ). Мнѣ нужно мужиковъ, бабъ, дѣвушекъ, дѣтей, всю святую Русь.... Пусть все пляшетъ, играетъ, поетъ и веселится. Ваши гости совсѣмъ сдѣлались Парижанами: пусть же они снова почувствуютъ, что они Русскіе». Императрица любила обычаи прошлаго столѣтія; къ тому же она видала пасторали во всемъ ихъ блескѣ въ Тріанонѣ, у королевы Маріи Антуанеты, и для нея въ этомъ праздникѣ воспоминанія прошлаго соединялись съ мыслію о недавнихъ событіяхъ, когда Франція опять была возвращена Бурбонамъ. Для придворнаго бала построили большую залу, окруженную галлереей; на панеляхъ было нарисовано множество розъ, и съ тѣхъ поръ павильйонъ сталъ называться *розовымъ*. Гвардейскіе офицеры, вернувшіеся въ Россію, стояли по квартирамъ въ разныхъ мѣстахъ. Удобныхъ экипажей не было, а между тѣмъ они должны были явиться въ Павловскъ въ лѣтней формѣ безукоризненной свѣжести. Для этого нужна была

смѣлость, и они не струсили и тутъ, какъ не трусили на войнѣ. Я былъ въ статскомъ платьѣ по тогдашней модѣ: въ черномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ, нанковыхъ панталонахъ въ обтяжку и высокихъ сапогахъ съ кисточками; въ Парижѣ такіе сапоги назывались: а ла Суворовъ. На этомъ праздникѣ я казался чернильнымъ пятномъ на ярко-раскрашенной картинѣ. Но мои друзья водили меня всюду съ собой, и я, любуясь окружавшимъ меня великолѣпіемъ, свободно разгуливалъ въ толпѣ, вездѣ встрѣчая ласковый пріемъ и не задумываясь надъ причинами его. Чернильное пятно было тутъ, хотя условія мира были уже подписаны. Но «въ счастіи люди всегда добры».

Въ этомъ деревенскомъ праздникѣ принимали участіе всѣ лучшіе драматическіе пѣвцы и танцовщики императорскаго балета. Я какъ теперь еще слышу теноръ Самойлова и басъ Злова: такое сильное впечатлѣніе произвели они на меня. Когда стемнѣло, зажгли великолѣпный фейерверкъ, и весь садъ освѣтился разноцвѣтными Бенгальскими огнями. Балъ начался полонезомъ. Красота женщинъ, ихъ свѣжіе Парижскіе костюмы, точно волшебствомъ перенесли меня опять въ мой Парижъ, покинутый безъ сожалѣнія; а между тѣмъ живое воспоминаніе о немъ, возбужденное во мнѣ въ эту минуту, наполняло счастіемъ мою душу. Политическія событія вылетѣли изъ головы: я чувствовалъ только, что мнѣ 17 лѣтъ, и волновался отъ смутныхъ надеждъ, отъ нетерпѣливаго желанія поскорѣе занять мѣсто въ средѣ взрослыхъ людей. Между красавицами, которыми я любовался, одна особенно привлекла мое вниманіе. Это была Марія Антоновна Нарышкина, бывшая тогда во всемъ блескѣ красоты и славы. Она была одѣта очень просто, но казалась лучше всѣхъ. Въ ея правильномъ Греческомъ лицѣ красота чертъ соединялась съ прелестію выраженія: оно сіяло привѣтливостію. Стоя въ розовомъ павильйонѣ, я смотрѣлъ и учился, какъ танцуютъ вальсъ и мазурку, замѣчая манеры и обычаи большаго свѣта, чтобъ по возможности усвоить ихъ себѣ. Чернильное пятно обратило на себя вниманіе: великій князь Константинъ Павловичъ узналъ меня и удостоилъ сказать мнѣ нѣсколько словъ. При этомъ я замѣтилъ, что моя исторія возбуждала всеобщее участіе, которое въ послѣдствіи могло мнѣ пригодиться: на сильныхъ міра мелочи производятъ иногда большое впечатлѣніе.

По окончаніи ужинали во дворцѣ. Во всѣхъ залахъ были накрыты столы, на которыхъ въ красивомъ безпорядкѣ стояли цвѣты, плоды и кушанья. Все было прелестно и великолѣпно: торжественность не мѣшала простотѣ, а роскошная, изящная обстановка придавала идеальный характеръ предметамъ матеріальной жизни. Тутъ я могъ составить понятіе о томъ, какъ живутъ въ Россіи. Ужины при дворѣ отличаются полнѣйшимъ отсутствіемъ этикета: всякій можетъ садиться, гдѣ и съ кѣмъ хочетъ. Впрочемъ эта свобода, идущая сверху, не производитъ враждебныхъ столкновеній, какъ это иногда случается тамъ, гдѣ она идетъ снизу; здѣсь же свѣтскій тактъ и благовоспитанность гостей служатъ достаточнымъ обезпеченіемъ. Подобные примѣры и впечатлѣнія не могли не имѣть на меня вліянія. Мнѣ предстояло на выборъ: или быть ничѣмъ, оставаясь самимъ собою, или стараться возвыситься, чтобъ въ свою очередь дѣйствовать на другихъ. Судьба моя была рѣшена.

Къ концу ужина Императоръ и Императрица-мать, въ сопровожденіи остальныхъ членовъ царской семьи и первыхъ лицъ двора обо-

шли всѣ столы. Всѣ вставали при ихъ приближеніи и съ бокалами Шампанскаго въ рукахъ привѣтствовали ихъ благодарно и восторженно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого праздника, было назначено торжественное вступленіе гвардіи въ столицу Имперіи. Это былъ всеобщій праздникъ. Войска собрались на Петергофской дорогѣ; здѣсь былъ произведенъ смотръ, и послѣ небольшаго отдыха полки двинулись. Въ то время, вдоль всей дороги, начиная отъ Петергофа вплоть до Петербурга, тянулись дачи, гдѣ проводили лѣто богачи-дворяне. Роскошные дома, самой разнообразной архитектуры, тонули въ цвѣтахъ; подъ деревьями стояли скамейки; на прудахъ плавали лодки, украшенные флагами. По случаю торжества вездѣ было много гостей. Всѣ радовались возвращенію войскъ; солдатъ угощали квасомъ, офицеровъ пивомъ и медомъ. Знакомые узнавали другъ друга, называли по именамъ, кланялись; дамы махали платками, офицеры отдавали честь по военному. На меня указывали нѣсколько разъ, потому что я шелъ отдѣльно отъ другихъ, а не въ рядахъ Измайловскаго полка. Вигель уже успѣлъ вездѣ протрубить мою исторію, и на меня смотрѣли какъ на рѣдкость, привезенную изъ путешествія, или даже какъ на непріятельскій доспѣхъ, добытый на полѣ сраженія. Увы, я тогда еще былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ влюбленъ въ свою личность, чтобъ чувствовать, какъ странно и смѣшно было мое тогдашнее положеніе. Лишь въ послѣдствіи я все понялъ.

Вечеромъ я пришелъ на квартиру къ моему капитану, гдѣ для меня была назначена маленькая комнатка и скоро заснулъ съ спокойною совѣстью, на жесткомъ диванѣ, который у Русскихъ зовется постелью. Утромъ, когда я проснулся, деньщикъ принесъ мнѣ стаканъ чаю и трубку. Потомъ пришелъ мой хозяинъ и, дружески пожимая мнѣ руку, просилъ считать его домъ своимъ.

Теперь, когда послѣ многихъ, многихъ лѣтъ, я пишу эти строки, я все еще съ гордостью и благодарностью вспоминаю это время и друзей, которые пришли *поздравить* меня. Они дѣлали это совершенно искренно, безъ малѣйшей ироніи, и они были правы: они считали мою судьбу дѣломъ своихъ рукъ и воли. При нихъ пришелъ полковой портной снять съ меня мѣрку, и они наперерывъ давали совѣты и старались *обрусить* меня помощію хорошо-сшитаго мундира.

Поступая въ гвардію, я не зналъ, что жалованье, получаемое офицерами, такъ ничтожно, что они его предоставляютъ солдату, который чиститъ сапоги и платье. Впослѣдствіи это обстоятельство имѣло вліяніе на мое дальнѣйшее рѣшеніе; но въ началѣ я не обратилъ на него вниманія.

Но прежде, чѣмъ ввести меня окончательно въ роту, капитанъ мой долженъ былъ, по приказанію великаго князя Константина Павловича, представить меня ему.

На другой же день мы отправились въ Стрѣльну. Я былъ очень взволнованъ предстоящимъ свиданіемъ, хотя оно было уже не первымъ. Но тогда я былъ еще свободенъ, теперь же это свиданіе рѣшало мою судьбу: я дѣлался рабомъ дисциплины. Но это было послѣдствіемъ моего сумазброднаго поступка: я самъ отказался отъ свободы, никто меня не принуждалъ. И теперь, нечего дѣлать, приходилось покоряться. Я сдѣлалъ усиліе надъ собой, и необходимая самоувѣренность вернулась опять ко мнѣ.

Великій князь принялъ меня очень милостиво, такъ что я немного ободрился. Онъ благоволительно осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и сказалъ:

— Очень радъ, что вижу васъ такимъ молодцомъ. Какъ вамъ нравится у насъ?

— Ваше высочество! проговорилъ я съ поклономъ....

Одинъ изъ адъютантовъ поспѣшилъ меня выпрямить, говоря, что я долженъ стоять прямо и неподвижно.

Офицеры, бывшіе тутъ, захохотали; великій князь засмѣялся тоже. Я долженъ былъ проглотить готовую уже рѣчь.

Это происходило у входа въ садъ. Какой-то офицеръ показался въ концѣ крытой аллеи. «Идите, идите скорѣе, сказалъ великій князь: мы пробуемъ Француза и находимъ его подходящимъ во всѣхъ статьяхъ». Вновь прибывшій удивленно посмотрѣлъ на меня; въ свою очередь и я былъ изумленъ. Но адъютантъ ни на минуту не измѣнилъ своему величавому спокойствію, а я стоялъ смиренный и неподвижный, какъ того требовала моя военная форма.

Офицера этого я часто встрѣчалъ въ Парижѣ въ обществѣ, про которое нельзя сказать, чтобы оно было избранное.

— Все обошлося благополучно, сказалъ мой капитанъ, выходя изъ дворца.

— Кто этотъ офицеръ? спросилъ я.

— Это Алексѣй Орловъ.

Въ 1844 году, когда я въ другой разъ жилъ въ Россіи, я разъ получилъ приглашеніе отъ архитектора Монферрана пріѣхать къ нему. Онъ писалъ, что у него я увижу *одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ людей* въ Россіи. Это былъ графъ Орловъ, тогда только что назначенный шефомъ жандармовъ и пользовавшійся дружбою Государя. Онъ не забылъ прошлаго и доказалъ это.

И такъ, въ концѣ лѣта 1814 года, я надѣлъ мундиръ подпрапорщика и былъ зачисленъ въ Измайловскій полкъ. Я продолжалъ жить по прежнему, беззаботно отдаваясь на волю случая, изо дня въ день, не загадывая о будущемъ, довольный всѣмъ окружающимъ и въ особенности довольный успѣхомъ, который я имѣлъ въ свѣтѣ, какъ Французъ. Къ несчастію мнѣ все приходилось имѣть дѣло съ людьми чрезвычайно добрыми, которые только и старались о томъ, чтобы сдѣлать мое положеніе пріятнымъ; между тѣмъ какъ для моей пользы слѣдовало бы, чтобы кто нибудь взялъ меня въ руки и заставилъ заняться чѣмъ нибудь полезнымъ, напр. Русскимъ языкомъ, или бы принудилъ подчиниться требованіямъ службы. Но я дѣлалъ что́ хотѣлъ: въ качествѣ иностранца меня избавляли по желанію и отъ военнаго ученія, и отъ караула, и даже позволяли носить статское платье, что́ было строго запрещено всѣмъ безъ исключенія. Конечно, я занимался Русскимъ языкомъ, окружилъ себя книгами, твердилъ слова, составлялъ фразы, даже началъ писать и немного говорить. Всѣ мнѣ понемногу помогали и, видя мое желаніе выучиться, относились ко мнѣ снисходительно. Но въ сущности я былъ непослушнымъ ученикомъ, солдатомъ, не знавшимъ дисциплины, оставался тѣмъ же Парижаниномъ-вертопрахомъ и продолжалъ пописывать пустые стишки изъ тщеславія, которое всегда портитъ людей, хорошо одаренныхъ отъ природы.

Вигель не забылъ меня. Не дожидаясь моего визита, онъ самъ пріѣхалъ къ капитану, съ которымъ онъ не былъ близокъ, да и не желалъ сблизиться; но такъ какъ мои приключенія давали матеріалъ для разсказовъ, то онъ, за неимѣніемъ лучшаго, спѣшилъ пользоваться мною какъ новинкой.

— Ну, началъ онъ, вотъ вы живете въ большомъ селѣ. Привыкаете вы къ нашему климату?

— Климатъ вещь второстепенная, отвѣчалъ я. И тепло, и холодъ зависятъ отъ людей.

— Ну въ такомъ случаѣ, я надѣюсь, что вы перенесете и ту температуру, которая отъ людей не зависитъ. Но для этого нужно взаимное расположеніе; за насъ я ручаюсь...

— Увѣряю васъ, что я ничего такъ не желаю, какъ заслужить его.

— Если это такъ, то все дѣло во времени.

— Я не хочу предоставлять это времени и не пожалѣю усилій.

— Васъ полюбили въ семьѣ Тухачевскихъ и надѣются, что вы будете ихъ посѣщать.

— Я нетерпѣливо желаю поблагодарить ихъ за ласковый пріемъ. Для этого я даже сегодня хотѣлъ ѣхать къ вамъ.

— Не зная, гдѣ я живу?

— Я бы добрался.

— Будетъ гораздо благоразумнѣе, если я вамъ скажу свой адресъ. Я полагаю, капитанъ не пуститъ васъ одного странствовать по нашимъ пустынямъ; такъ я скажу его кучеру. Глаза у васъ есть, доброе намѣреніе тоже, какъ вы говорите; стало быть вы въ другой разъ не заблудитесь, когда пойдете ко мнѣ.

— Какъ вы думаете, дома сегодня г-жа Тухачевская?

— Она никогда не выѣзжаетъ. Но лучше пріѣзжайте завтра. Тамъ будетъ обѣдать вся семья: это ихъ день.

— Но вы мнѣ сказали, что я долженъ сначала ихъ поблагодарить за прежнее угощеніе.

— Такъ и будетъ, если вы опять пріѣдете къ нимъ обѣдать.

— Приличіе...

— У насъ приличіе требуетъ бывать часто въ домѣ, гдѣ намъ хорошо. Такъ какъ каждый можетъ пообѣдать у себя дома, то это нѣчто въ родѣ самопожертвованія, когда мы ѣдемъ обѣдать къ другимъ. Милостивый государь, мы въ Россіи: не забывайте!

Съ тѣхъ поръ и въ Россіи, и во Франціи многое перемѣнилось, благодаря цивилизаціи: обычай гостепріимства уже не таковъ какъ прежде. Говорятъ, это прогрессъ.

Я счелъ долгомъ тотчасъ же отдать визитъ Вигелю, точь въ точь какъ это дѣлается между коронованными особами. Какъ только онъ уѣхалъ, я велѣлъ кучеру везти меня къ нему, и мы въ одно время подъѣхали къ дому. Онъ жилъ небогато; да по моему мнѣнію ему не нужна была роскошная обстановка: его живой умъ, образованность, тонкій, изящный разговоръ были дороже всего. Я не зналъ ни одного Русскаго, съ которымъ бы было такъ пріятно разговаривать. Онъ былъ знакомъ съ нашими писателями и кстати умѣлъ приводить мѣста́ изъ ихъ сочиненій. Мы разговорились, а такъ какъ говоря съ умнымъ человѣкомъ и самъ бываешь умнѣе, то мы были очень довольны и другъ другомъ, и сами собою.

Въ серединѣ разговора, онъ вдругъ, безъ всякаго приготовленія, что̀ было несогласно съ его обычаемъ, спросилъ, что̀ могло заставить меня поступить въ Русскую военную службу. Я не сконфузился; напротивъ: я уже по опыту зналъ, что гораздо выгоднѣе смѣло говорить правду.

— Милостивый государь, сказалъ я, невольно принимая серьезный тонъ: я родился послѣ революціи, сравнявшей права всѣхъ сословій.

Выигралъ я или проигралъ отъ этого, можете судить сами. Мы вольны ничего не дѣлать, оставаясь въ ничтожествѣ; но въ тоже время способностямъ каждаго открыто широкое поприще, и онъ можетъ добиваться всего. За то, соискателей теперь такое множество, что мы мѣшаемъ другъ другу: прежде нужно было родиться на свѣтъ дворяниномъ, теперь нужно быть богатымъ.

— У насъ, прервалъ онъ мои слова, революціи никакой не было, ну а все таки нужно родиться и богатымъ, и знатнымъ.

— У отца моего большая семья, и состоянія никакого. Я старшій: нужно было подумать о карьерѣ. Въ Парижѣ я имѣлъ честь познакомиться съ Русскими, они меня совершенно обворожили. Мнѣ захотѣлось посмотрѣть, каковы вы у себя дома, я и поѣхалъ въ Россію.

Губы Вигеля стянулись въ вишенку, и онъ по своему обыкновенію быстро сталъ тереть указательный палецъ правой руки объ указательный лѣвой, что служило у него признакомъ удовольствія.

— Вы поступили еще лучше: вы стали нашимъ.

— Я имѣю склонность къ литературѣ; но чтобы существовать ею, нужно имѣть извѣстность. Я послушался совѣтовъ благоразумія.

— Извѣстность пріобрѣтается трудомъ.

— Не всегда, мнѣ кажется: трудится работникъ, а создаетъ геній.

— Но есть много писателей совсѣмъ негеніальныхъ, которые однако живутъ хорошо.

— Счастливая случайность; а иногда продажность мнѣній много помогаетъ.

— Но вы продолжаете писать?

— Желалъ бы перестать, но не могу: пьяница всегда будетъ пить.

— Ну и продолжайте пить! Я васъ познакомлю съ нашими поэтами. Самъ я не писатель, но за то знатокъ и цѣнитель. У насъ есть люди съ неоспоримымъ талантомъ: я близокъ съ ними и васъ познакомлю; вы меня поблагодарите за это.

Разговоръ, принявшій серьезный тонъ, смутилъ меня. Я инстинктивно дорожилъ молодостью и мечталъ какъ можно дольше продолжить ее: это было выгодно, потому что давало право на снисхожденіе. Я готовъ былъ испугаться, но подумалъ, что съ такимъ руководителемъ, какъ Вигель, бояться нечего.

Я уже собирался уходить, какъ онъ попросилъ меня сказать какіе нибудь стихи моего сочиненія. Я колебался, но отказаться было бы смѣшно, потому что онъ могъ подумать, что я придаю слишкомъ большое значеніе своимъ стихотворнымъ опытамъ. Я прочелъ шансонетку подъ названіемъ «Блудный сынъ». Она ему понравилась, вѣроятно потому, что въ этотъ день онъ былъ въ милостивомъ расположеніи духа; я долженъ былъ написать ему мои стихи. Въ то время отъ стиховъ требовались только звучность, легкость и рифма. Лиризмъ не выражался въ неестественности чувства, въ причудливости образовъ и туманности выраженій. Викторъ Гюго еще не существовалъ. Вольтеръ все еще служилъ образцомъ не по разрушительному духу своихъ произведеній, но болѣе благодаря прелестной формѣ и отдѣлкѣ легкихъ стихотвореній. Вигель не хуже любаго профессора сдѣлалъ тонкую оцѣнку Вольтера и, въ заключеніе, съ удивительною искренностію чувства и вѣрностью интонаціи, проговорилъ стансы Вольтера:

Si vous voulez que j'aime encore,
Rendez-moi l'âge des amours;

Au crépuscule de mes jours
Ajoutez, s'il se peut, l'aurore *).

Одного этого литературнаго разговора было бы достаточно, чтобы полюбить Вигеля и признать его власть надъ собою. У этого человѣка была пропасть яркихъ недостатковъ, но за то много и добрыхъ качествъ. Къ нему можно было приложить афоризмъ: хорошо, если про человѣка говорятъ и дурное, и хорошее; за хорошее ему извинятъ дурное, а за дурное простятъ хорошее.

Разговоръ о Вольтерѣ и его стансы заставили меня почувствовать мое ничтожество; самолюбіе мое было уязвлено, и я сказалъ Вигелю: Вы мнѣ дали жестокій урокъ за мои куплеты.

— О нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Я заговорилъ о Вольтерѣ, какъ о писателѣ, который можетъ служить для всѣхъ образцомъ. Обижаться тутъ нечѣмъ.

Послѣ того какъ онъ заставилъ меня высказать причины, побудившія меня поступить на Русскую службу, я счелъ себя въ правѣ удовлетворить своему любопытству и потому спросилъ у него, состоитъ ли онъ самъ на какой нибудь службѣ.

— О конечно, отвѣчалъ онъ: въ Россіи служба обязательна для всѣхъ. Человѣкъ не служащій считается за ничто, потому что не исполняетъ своего долга относительно государства. Въ службу должны поступать и способные, и неспособные. Конечно, потомъ, по естественному ходу вещей, первые идутъ впередъ, вторые остаются позади. При Петрѣ I у насъ было только два сословія, при чемъ большинство находилось въ полномъ порабощеніи у меньшинства. Нашъ великій Преобразователь хотѣлъ, чтобъ привилегированное сословіе помогало ему въ его реформахъ. Поэтому онъ сдѣлалъ службу обязательною для всѣхъ и раздѣлилъ насъ по чинамъ на четырнадцать классовъ. Это раздѣленіе существуетъ и въ военной службѣ, и въ гражданской; но конечно шляпа съ плюмажемъ всегда даетъ преимущество военному генералу предъ статскимъ. Я нахожусь въ статской службѣ, хотя не съумѣю точно вамъ сказать—что́ я дѣлаю. Меня посылаютъ съ разными порученіями. Недавно, подъ предлогомъ, что я хорошо говорю пофранцузски, меня отправляли на помощь къ вашему соотечественнику, инженеру, которому поручено устройство ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Этотъ инженеръ, по имени Бетанкуръ, ученикъ Политехнической Школы. Его прислалъ нашему Государю Наполеонъ вмѣстѣ зъ двумя другими техниками. Какъ видите, не вы одинъ покинули Францію. Говорятъ, подарки поддерживаютъ дружбу, но должно быть не всегда.... Теперь я жду, чтобъ какой нибудь министръ нашелъ меня пригоднымъ на какое нибудь дѣло.

Я простился съ Вигелемъ въ восторгѣ отъ его остроумія; онъ умѣлъ понимать собесѣдника на полусловѣ и отвѣчать ему такъ, что мнѣ казалось, что я все еще у себя на родинѣ. На другой день я отправился къ Тухачевскимъ. Тамъ всѣ мнѣ обрадовались и приняли очень ласково. Они ждали меня и разсчитывали на мою помощь въ устройствѣ домашняго спектакля. Театръ — любимое удовольствіе всѣхъ образованныхъ Русскихъ, и нѣтъ ни одного богатаго дома,

*) Если хотите, чтобы я еще любилъ, возвратите мнѣ мою молодость; къ сумеркамъ дней моихъ прибавьте мнѣ, если возможно, зарю!

гдѣ бы не было особаго уголка, назначеннаго для сценическихъ представленій. Въ маленькихъ кружкахъ жизнь шла бы слишкомъ вяло и скучно, еслибъ по временамъ спектали не вносили въ нее оживленія, возбуждая самолюбіе и тщеславіе.

Я былъ хорошо знакомъ со сценой и потому съ радостію ухватился за случай быть полезнымъ, а кстати и показать свое умѣнье. Въ тотъ же вечеръ мы распредѣлили роли. Кусова должна была, конечно, играть роли молодыхъ дѣвушекъ, а братъ ея первыхъ любовниковъ. Г-жа Туванъ годилась въ субретки. Пажъ Кирѣевскій, большой шутникъ, потребовалъ себѣ роли дураковъ, а другой Кирѣевскій, болѣе серьёзнаго характера, взялся вмѣстѣ съ Французомъ Аданомъ (сыномъ директора Императорскаго фарфороваго завода, служившимъ въ Дапартаментѣ Путей Сообщенія) за роли отцовъ и резонёровъ. Себѣ я выбралъ роль слуги. Выборъ пьесы мы отложили до слѣдующаго раза.

Спектакли наши продолжались всю зиму и, благодаря имъ, я коротко сошелся съ семействомъ, которое, не занимая виднаго мѣста въ Петербургскомъ большомъ свѣтѣ, было на хорошемъ счету у всѣхъ. Я написалъ что-то въ родѣ пролога и съ большимъ одушевленіемъ съигралъ роль Фигаро въ Сивильскомъ Цирюльникѣ. Я же руководилъ репетиціями и постановкою пьесъ. Положеніе мое было упрочено. Публика у насъ была образованная и снисходительная; все шло какъ нельзя лучше. Графъ Сологубъ, тогдашній левъ моднаго высшаго общества, былъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ спектаклей; двѣ княгини Куракины всячески одобряли меня. Успѣхи мои вскружили мнѣ голову.

Когда театръ нашъ былъ организованъ, мнѣ приходилось иногда по вечерамъ отправляться въ Пажескій Корпусъ, чтобъ, по окончаніи классовъ, репетировать тамъ роли съ моими молодыми актерами. Скоро эти вечернія посѣщенія обратились въ привычку, такъ что я сталъ всякій день въ сумерки заходить туда поболтать. Пажи были рады мнѣ какъ старшему товарищу, который раньше ихъ началъ пользоваться свободой и потому былъ опытнѣе ихъ; они желали узнать жизнь, я же въ обществѣ ровесниковъ отдыхалъ послѣ тѣхъ усилій, которыя мнѣ приходилось сдѣлать, чтобъ держаться наравнѣ съ людьми взрослыми, удостоивавшими меня своего знакомства. Эти юноши привлекали меня и молодостью своею и также нравственными качествами. Особенно сильно привязался я къ братьямъ Хрущовымъ; они тоже полюбили меня. По матери они приходились внуками знаменитому графу Миниху, геніальному человѣку, пользовавшемуся вліяніемъ въ царствованіе трехъ императрицъ: Анны, Елисаветы и Екатерины II. По своимъ замѣчательнымъ физическимъ и нравственнымъ качествамъ, они были призваны поддержать въ свѣтѣ и при дворѣ преданія своей семьи. По женскому колѣну они происходили отъ Нѣмцевъ, которые со времени Петра I стали родниться съ Русскими; по отцу же отъ одного изъ тѣхъ коренныхъ Русскихъ, которые содѣйствовали избавленію своего Отечества отъ Биронова ига. Любопытно замѣтить, что оба Хрущовы воспитывались въ заведеніи, помѣщавшемся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ дѣдушки-заговорщики сбирались у Елисаветы Петровны, жившей тутъ въ то время. Это былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ дворцовъ въ Петербургѣ. Можетъ быть даже въ эту комнату, гдѣ мы болтали по вечерамъ, сходились тайно враги жестокаго любимца Анны Іоанновны: графъ

Минихъ, котораго считали единственнымъ Нѣмцемъ, могущимъ принять начальство надъ арміей, оберъ-егермейстеръ Волынскій, Мусинъ-Пушкинъ, Еропкинъ, Хрущовъ, стоявшіе во главѣ Русской партіи, Эйхлеръ, молодой Нѣмецъ, секретарь Тайной Канцеляріи, принадлежавшій къ той же партіи и докторъ Лестокъ, довѣренное лицо Елисаветы, вводившій въ ея общество немногихъ Французовъ, жившихъ тогда въ Петербургѣ. Но заговоръ былъ открытъ, и четверымъ друзьямъ отрубили головы по приказанію Бирона.

На правомъ берегу Невы, въ томъ мѣстѣ, которое по плану основателя должно было оставаться за городскою чертою, построена въ память Полтавской побѣды церковь Св. Самсонія. Тутъ же Петръ I устроилъ кладбище для всѣхъ военныхъ, чтобъ тѣмъ почтить ихъ преданность или, лучше сказать, покорность. На этомъ кладбищѣ, противъ самаго входа, лежитъ камень, почти разсыпавшійся отъ времени; на немъ можно еще прочесть имена Волынскаго, Мусина-Пушкина, Еропкина и Хрущова. Можетъ быть, эта катастрофа сблизила еще больше семью Миниха съ семьею Хрущова, и наконецъ они породнились. Геній Екатерины II-й съумѣлъ заставить примириться между собою враждебныя расы Тевтоновъ и Славянъ; но при Николаѣ I Русскіе взяли верхъ, и борьба снова возобновилась.

Оба Хрущовы были впослѣдствіи камергерами. Старшій, на всѣхъ придворныхъ балахъ, бывалъ постоянно въ свитѣ императрицы Александры Ѳеодоровны; младшему было поручено сопровождать тѣло императора Александра Павловича изъ Крыма до Петербурга. У братьевъ были различные характеры: старшій отличался живостью, пылкостью, страстью къ удовольствіямъ всякаго рода; младшій постоянно былъ серьезенъ и задумчивъ; онъ мнѣ нравился больше старшаго брата.

Наши частые разговоры въ корпусѣ о домашнемъ театрѣ Тухачевскихъ внушили воспитанникамъ мысль устроить театръ въ стѣнахъ заведенія, конечно, съ моею помощью. Начальство корпуса одобрило эту мысль, какъ средство для упражненія во Французскомъ языкѣ. Въ первой пьесѣ, представленной нами въ корпусѣ «Les deux billets» Флоріана, я съигралъ роль Арлекина, старшій Хрущовъ Скапена, а Аржантину изображалъ маленькій бѣлокурый пажъ. Я упоминаю здѣсь объ этомъ, потому что въ 1843 г., когда мнѣ было поручено устройство домашнихъ спектаклей у Государя въ Царскомъ Селѣ, я узналъ въ серьезномъ воспитателѣ великихъ князей, генералъ-адъютантѣ Философовѣ, нашу *Аржантину* 1815 года.

Я сильно увлекался этими пустяками, можетъ быть потому, что слишкомъ рано захотѣлъ занять мѣсто въ средѣ людей серьезныхъ и положительныхъ. Молодость брала свое, и я въ ту минуту, когда нужно было подумать о карьерѣ, колебался сдѣлать рѣшительный шагъ, боясь повредить себѣ поспѣшностью и сознавая свое ничтожество. Тогда-то я, изъ тщеславія, пристрастился къ своему солдатскому мундиру и сталъ всюду являться въ немъ, въ доказательство того, что я вполнѣ понимаю, какъ я ничтоженъ передъ другими. Этимъ я думалъ польстить людямъ, умѣющимъ наблюдать и понимать вещи. Тщеславіе играло тутъ немалую роль: я чувствовалъ, въ какомъ выгодномъ для меня свѣтѣ Русскій солдатскій мундиръ выставлялъ мою красивую Парижскую наружность, въ то время какъ мои манеры и разговоръ изобличали въ мнѣ свѣтскаго, образованнаго человѣка...

Однако нужно было рѣшиться на что нибудь, и въ одинъ прекрасный день я отправился къ Блудову.

Въ то время Блудову было лѣтъ 35; онъ былъ средняго роста и начиналъ полнѣть. Съ перваго раза лицо его не казалось привлекательнымъ, хотя въ немъ не было ничего безобразнаго. Но оно совершенно преображалось, какъ только онъ начиналъ говорить. Быстрый, логическій умъ, обиліе мыслей, живость и мѣткость выраженій, невольно заставили признавать его превосходство надъ собою. Слова срывались съ его устъ, и искра, вспыхивавшая въ немъ, передавалась и другимъ, заставляя ихъ безпрекословно покоряться силѣ его ума. Онъ чувствовалъ свое превосходство и давалъ его всѣмъ чувствовать; но это высокомѣріе не оскорбляло чужой гордости, не поднимало протеста. На хорошей почвѣ культура принесла обильные плоды. Его способъ выражаться напоминалъ Вигеля, но у него было больше содержанія, и онъ глубже захватывалъ. И тотъ, и другой много заботились о внѣшней отдѣлкѣ рѣчи, были литературно - образованы и, не будучи сами писателями, находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ замѣчательными людьми той эпохи. Благодаря имъ, и я узналъ этихъ людей такъ, какъ рѣдко удается иностранцу.

Я люблю вспоминать о моихъ тогдашнихъ разговорахъ съ Блудовымъ. Мнѣ все казалось, что я еще въ Парижѣ: такъ хорошо зналъ онъ нашъ языкъ со всѣми оттѣнками и особенностями, такъ свободно владѣлъ имъ. Ему извѣстны были малѣйшія подробности историческихъ событій не только своего времени, но также XVII и XVIII столѣтій; мало того, онъ зналъ также хорошо и частную, внутреннюю жизнь людей тѣхъ временъ. Память у него была изумительная: онъ говорилъ какъ книга. Разговаривая, онъ всегда ходилъ по комнатѣ, слегка подпрыгивая, точно маркизъ на сценѣ. Сходство было такое полное, что мнѣ всегда чудилось, будто на немъ шитый золотомъ кафтанъ и красные каблуки, а между тѣмъ онъ одѣвался чрезвычайно просто. Особенно любилъ я слушать, какъ онъ мастерски разсказывалъ анекдоты изъ царствованія императрицы Екатерины II. Онъ меня просто околдовалъ. Съ нимъ я никогда не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія: я признавалъ его превосходство надъ собой и зналъ, что онъ слишкомъ уменъ, чтобъ не относиться снисходительно ко мнѣ; къ тому же онъ дѣлился со мной своимъ умомъ, и я этимъ пользовался.

Въ то время Русскій языкъ, долго бывшій въ пренебреженіи въ высшихъ классахъ общества, снова началъ входить въ употребленіе, благодаря талантливымъ писателямъ, которые въ своихъ произведеніяхъ старались показать красоту, силу и звучность роднаго слова. У Блудова собирались замѣчательные люди, одушевленные любовью къ литературѣ и положившіе себѣ цѣлію обработку и усовершенствованіе Русскаго языка. Тутъ я увидалъ Карамзина, соперника Робертсона и Мюллера (подобнаго историка во Франціи тогда еще не существовало), Крылова, не уступавшаго Лафонтену въ остроуміи, наивности и граціи, добродушнаго моралиста, пользовавшагося великою извѣстностью; нѣжнаго поэта Жуковскаго, цѣломудреннаго Парни, Андрея Шенье, черпавшаго свое вдохновеніе изъ Германіи; Дмитріева, замѣчательнаго по силѣ мысли и выраженія; милаго Батюшкова; Дашкова, бывшаго отголоскомъ прочихъ, но человѣка съ сильной волей. Вигель и Блудовъ, одаренные изящнымъ вкусомъ,

усердно помогали общему дѣлу. Какая разница между этими людьми и тѣми застольными товарищами въ Парижѣ, которые выслушивали мои первые младенческіе стихотворные опыты! Я гордился тѣмъ, что былъ принятъ въ такомъ обществѣ и изо всѣхъ силъ старался удержаться въ немъ, инстинктивно надѣясь, что со временемъ буду въ состояніи, если не подражать имъ, то по крайней мѣрѣ понимать ихъ идеи. Разговоръ въ этомъ сѣверномъ отелѣ Рамбулье шелъ обыкновенно на Французскомъ языкѣ. Хотѣли ли такимъ образомъ незамѣтно посвятить послушнаго ученика въ свою умственную дѣятельность, или, можетъ быть, языкъ этотъ по своей законченности лучше служилъ имъ для передачи мыслей, которыя всѣ исключительно были направлены на усовершенствованіе роднаго языка. Сколько вспоминается мнѣ теперь блестящихъ остротъ, ѣдкихъ, летучихъ эпиграммъ, градомъ сыпавшихся на писателей противнаго лагеря: князя Шаховскаго и графа Хвостова. Своею безпощадною, тонкою злостію они напоминали Вольтера. Безъ сомнѣнія, и мой умъ принялъ нѣсколько саркастическое направленіе, вслѣдствіе сильныхъ впечатлѣній полученныхъ мною въ этомъ литературномъ кружкѣ: любезные дикари, ставшіе просвѣтителями, татуировали меня прочными красками.

Когда я познакомился съ Блудовымъ, онъ уже былъ женатъ на княжнѣ Щербатовой, фрейлинѣ императрицы. Жена его только-что оправилась послѣ родовъ. Она была отличная женщина. Вполнѣ понимая мое положеніе на чужой сторонѣ, вдали отъ семьи, она своимъ неизмѣнно-ласковымъ привѣтомъ старалась постоянно ободрять меня и требовала, чтобъ я смотрѣлъ на ея домъ, какъ на убѣжище для себя. Вечера ея бывали чрезвычайно пріятны; разговаривали, играли въ карты; въ двѣнадцать часовъ ночи, на тѣхъ же самыхъ игорныхъ столахъ, подавали ужинъ.

Въ то время широкое гостепріимство старинныхъ Русскихъ вельможъ, уже начинавшее исчезать, еще не замѣнилось утонченными причудами современной роскоши: вліяніе переходной эпохи сказывалось и тутъ, какъ и во всемъ остальномъ.

Мой вожакъ Вигель, которому еще ни разу не пришлось краснѣть за меня, продолжалъ знакомить меня въ тѣхъ домахъ, гдѣ онъ могъ надѣяться, что меня хорошо примутъ. Такимъ образомъ кругъ моего знакомства расширялся съ каждымъ днемъ. Дошло до того, что иногда я получалъ по нѣскольку приглашеній, что̀ чрезвычайно льстило моему самолюбію, и я въ одинъ и тотъ же вечеръ бывалъ въ нѣсколькихъ домахъ. Я бы могъ составить длинный перечень именъ моихъ благосклонныхъ покровителей, но это было бы и скучно, и излишне, и потому я буду говорить только о тѣхъ людяхъ, которые тогда и послѣ имѣли вліяніе на мою судьбу.

Ну а что же моя военная служба? Говоря по правдѣ, отъ меня ничего не требовалось. По утрамъ я иногда удѣлялъ на нее часть времени; но ясно было, что мнѣ давали полную свободу, предоставляя самому заботиться о своей пользѣ въ этомъ отношеніи. Моего отсутствія не замѣчали; моя полнѣйшая безполезность никого не тревожила. Друзья мои, офицеры, по прежнему принимали во мнѣ участіе, но они не вмѣшивались въ это дѣло. Къ мундиру своему я скоро охладѣлъ, и на это никто не удостоилъ обратить вниманіе; въ гостинныхъ же, гдѣ бывало всегда много военныхъ, они были даже мнѣ благодарны за то, что я не носилъ солдатскаго мундира, который бы мѣшалъ свободѣ отношеній, производя непріятное впе-

чатлѣніе въ кадрили, гдѣ блестѣли густыя эполеты. Подпрапорщикъ говорилъ пофранцузски и интересовался болѣе литературой, чѣмъ военнымъ дѣломъ: этого было довольно. На разводахъ говорили со мной о моихъ удачныхъ четверостишіяхъ, и пустяки принимались за дѣло.

Однажды вечеромъ я получилъ записку отъ знаменитаго пьяниста Штейбельта, жившаго тогда въ Петербургѣ и дававшаго тамъ концерты вмѣстѣ съ неменѣе знаменитымъ Фильдомъ. Онъ занимался передѣлкою комическихъ оперъ, которыя уже не удовлетворяли Русскихъ, вслѣдствіе ихъ музыкальнаго образованія и постоянныхъ сношеній съ Германіей. Въ то время пріѣзжалъ также въ Петербургъ Боэльдьё. Пребываніе его въ Россіи принесло ему пользу: онъ много заимствовалъ у Русскихъ въ отношеніи гармоніи и даже запомнилъ многія мелодіи. Его оперы *Красная Шапочка, Бѣлая Женщина*—суть отголоски Русскихъ напѣвовъ. Штейбельтъ, еще до войны 1812-го года, уже передѣлалъ *Сандрильону* Николо, не удовлетворявшую болѣе Петербургскихъ диллетантовъ, и теперь занимался передѣлкою *Суда Мидаса*. Хотя уже существовала партиція Гретри; но къ несчастію въ этой комической оперѣ не было хоровъ, а Штейбельтъ, въ качествѣ ученаго Нѣмца, не могъ безъ нихъ обойтись; поэтому онъ и обратился ко мнѣ. Въ другой разъ, дирекція императорскихъ театровъ поручила мнѣ постановку *Жоконды*, которую перевелъ на Русскій языкъ одинъ изъ служившихъ при театрѣ, Петръ Корсаковъ. Это былъ братъ того Корсакова, адъютанта барона Розена, который содѣйствовалъ вступленію моему въ Русскую службу. Я скоро подружился съ переводчикомъ, а въ 1860 году, когда я жилъ въ Гіерѣ (гдѣ пишу эти воспоминанія) я познакомился съ его сестрой, княгиней Еленой Голицыной, и опять свидѣлся съ адъютантомъ, который въ то время уже былъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Петръ же Корсаковъ умеръ въ Петербургѣ въ 1844. Когда я во второй разъ пріѣхалъ въ избранное мною отечество, онъ уже былъ очень боленъ.

Хотя я только числился на службѣ, однако же бывали случаи, когда и мнѣ приходилось вмѣстѣ съ ротою исполнять военныя обязанности. Въ первый разъ это было при торжественномъ въѣздѣ Персидскаго посланника, когда всѣ войска должны были выстроиться рядами отъ городскихъ воротъ вплоть до дворца. Зима стояла тогда очень холодная, и въ этотъ день былъ сильнѣйшій морозъ, а военные должны были быть въ парадной формѣ. Измайловскому полку пришлось стоять на Исакіевской площади, у начала Вознесенскаго проспекта. Вѣтеръ былъ ужаснѣйшій. Вскорѣ я почувствовалъ, что ноги у меня начали застывать; но любопытство удерживало меня на мѣстѣ, и я, постукивая ногами, дожидался торжественнаго шествія. Наконецъ оно поравнялось съ нами: я увидалъ великолѣпныхъ лошадей и слоновъ, которыхъ вели въ подарокъ Императору. На слонахъ были шубы и мѣховые сапоги, для защиты отъ холода; на спинахъ ихъ были башенки, въ которыхъ сидѣли вожаки. Животныя подвигались съ восточною важностью, какъ бы чувствуя, что и они призваны играть роль въ этомъ посольствѣ, имѣвшемъ цѣлію скрѣпить миръ между двумя могущественными государями. На лошадяхъ были сѣдла и сбруя, усыпанныя бриллiянтами и драгоцѣнными каменьями. Прислуга, въ Персидскихъ костюмахъ, представляла живописный контрастъ съ придворными лакеями въ ливреяхъ, треугольныхъ шляпахъ и съ напудреными головами. Въ парадныхъ золоченыхъ каретахъ сидѣли спокойные, величавые послы, со смуглыми, правильными ли-

цами. Зрѣлище было великолѣпное, но между тѣмъ моя правая нога совсѣмъ онѣмѣла отъ холода. Я испугался. Мнѣ разрѣзали сапогъ и стали тереть снѣгомъ до тѣхъ поръ, пока кровь снова пришла въ движеніе; но тогда-то и началась страшная боль. И такъ первый мой походъ кончился тѣмъ, что я едва не лишился ноги.

Полки, стоящіе въ Петербургѣ, обыкновенно по очереди назначаются въ караулъ по городу, а также и во дворецъ. Передъ тѣмъ какъ отправляться всякое утро на смѣну, они собираются на смотръ въ манежъ, около Зимняго дворца. Государь почти всегда присутствуетъ на этомъ смотру. Когда наступилъ чередъ первому батальону Измайловскаго полка, капитанъ мой сказалъ, что благоразуміе и собственныя мои выгоды требуютъ, чтобъ и я шелъ съ ними, для того чтобъ меня тамъ видѣли. Но меня не замѣтили, и я былъ очень радъ. Я всегда любилъ оставаться гдѣ нибудь въ сторонкѣ, чтобъ не обращать на себя вниманія: таково свойство моей природы.

Послѣ смотра наша рота отправилась на гауптвахту Зимняго дворца, гдѣ офицерамъ, какъ гостямъ, всегда было очень хорошо. Въ это время тамъ содержался подъ арестомъ уланскій офицеръ, баронъ Николай Строгановъ, извѣстный въ Петербургѣ по своимъ сумасбродствамъ и выходкамъ. Такъ какъ въ Петербургскомъ гарнизонѣ служили самые знатные и богатые молодые люди, то неудивительно, что нѣкоторые изъ нихъ какъ бы нарочно выставляли на показъ всѣ пороки, свойственные ихъ природѣ и средѣ. За скандальныя продѣлки наказывали арестомъ, срокъ котораго зависѣлъ отъ важности проступка. Мѣсто же заключенія назначалось сообразно съ общественнымъ положеніемъ виновнаго: табель о рангахъ и здѣсь имѣла свою силу. Для Строганова арестъ во дворцѣ не былъ наказаніемъ; напротивъ, тутъ онъ могъ съ полнѣйшею безопасностью вести свой обыкновенный образъ жизни: принималъ старыхъ друзей, пріобрѣталъ новыхъ между караульными офицерами, приходившими его навѣстить, и всѣ вмѣстѣ коротали время за Шампанскимъ, которое въ изобиліи приносилось тайкомъ. Если дѣло не доходило до ночныхъ оргій, то это только оттого, что собутыльники пьянѣли раньше.

Когда заключенный узналъ, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ въ Россію, то вдругъ почувствовалъ ко мнѣ необыкновенную привязанность. Остроумный, веселый, съ изящными манерами, отъ которыхъ онъ никакъ не могъ отдѣлаться, онъ былъ радъ найти во мнѣ пріятнаго собесѣдника; мы свободно и весело разговаривали, не нарушая приличій, какъ и слѣдовало свѣтскимъ людямъ, до тѣхъ поръ, какъ пріѣхали къ нему двое друзей его. Одинъ изъ нихъ былъ Анатолій Демидовъ, пріобрѣтшій въ послѣдствіи знаменитость своимъ несмѣтнымъ богатствомъ и женитьбою на принцессѣ Матильдѣ (родственницѣ Царя по своей матери, Виртембергской принцессѣ); другой былъ графъ Эдуардъ Шуазель-Гуфье, Французъ по отцу, Полякъ по матери, графинѣ Потоцкой. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Голицыной, дочери князя Григорья Голицына и умеръ на Русской службѣ. Оба они принадлежали къ высшему Петербургскому обществу. Они пріѣхали разсказать *новую* исторію о г-жѣ Луниной, надѣлавшую много шуму въ свѣтѣ. При этомъ припомнились разныя *старыя* исторіи: злословіе уже не знало мѣры, и посыпались по поводу той же особы разсказы, одинъ хуже другаго.

Лунина была львицей большаго свѣта. Ей уже было за тридцать лѣтъ. Она была не очень безобразна: тогда было въ модѣ находить

ее интересной. Она много путешествовала съ матерью, была во Франціи, въ Германіи, знала хорошо музыку и обладала прекраснымъ голосомъ. Въ Парижѣ, въ салонѣ королевы Гортензіи, она имѣла такой успѣхъ, что Наполеонъ просилъ ее пѣть въ дружескомъ кружкѣ, въ Тюильри. Этого было достаточно, чтобы доставить знаменитость въ Русскомъ обществѣ. Жила она въ нижнемъ этажѣ дома князя Гагарина, на Дворцовой набережной. Разсказывали, что однажды, рано утромъ, Государь, совершая свою любимую прогулку по набережной, увидалъ, что *кто-то* вылѣзалъ изъ окна нижняго этажа. Потомъ, черезъ оберъ-полицмейстера, онъ послалъ сказать хозяйкѣ квартиры, чтобы она остерегалась, потому что ночью къ ней могутъ влѣзть и похитить все, что у ней есть драгоцѣннаго. Разсказъ этотъ передавался со многими варіантами. Демидовъ и Шуазель прибавляли еще новыя подробности, одну смѣшнѣе и невѣроятнѣе другой, для того, чтобы развеселить нимало не огорченнаго узника. Справедлива Латинская пословица: asinus asinum fricat!

Эти сплетни и росказни навели на мысль написать героинѣ пламенное объясненіе въ любви. Я долженъ былъ сочинить письмо и исполнилъ это такъ удачно, что превзошелъ всѣ ожиданія проказниковъ.

Въ письмѣ выражалась самая безумная любовь, и такъ искренно, правдоподобно, что тутъ же было рѣшено переписать его набѣло и отослать по адресу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Вигель, все по прежнему расположенный ко мнѣ, сказалъ мнѣ:

— Въ нашемъ обществѣ существуетъ нѣсколько кружковъ, совершенно различныхъ по образу мыслей и по своему времяпрепровожденію: въ однихъ все люди серьезные, въ другихъ люди пустые и ничтожные. Въ ваши лѣта хочется знать и тѣхъ и другихъ; въ мои же выборъ уже сдѣланъ. Есть здѣсь салонъ, въ которомъ я не имѣю никакого желанія бывать; но вамъ, конечно, это доставило бы удовольствіе: я говорю о салонѣ m-lle Луниной.

Хотя у ней были живы и отецъ и мать, но всѣ говорили: салонъ m-lle Луниной.

Я, конечно, ни слова не сказалъ о нашей продѣлкѣ на гауптвахтѣ, не желая выдавать виновниковъ шутки, въ которой и я былъ участникомъ. Вигель продолжалъ:

— Для этого я васъ познакомлю съ Хвостовой; она ничего не имѣетъ общаго съ поэтомъ Хвостовымъ, надъ которымъ мы всегда смѣемся. Это тетка львицы, которая живетъ на Дворцовой набережной.

— Въ домѣ Гагарина? невольно вырвалось у меня.

— Ну да! вскричалъ онъ. Стоустая молва дошла и до васъ. Но вы не вѣрьте всему, что разсказываютъ, хоть изъ уваженія къ дипломатическому корпусу, который бываетъ у Луниной. Вы вѣроятно слышали про исторію съ Португальцемъ..... или, можетъ быть, съ Испанцемъ.... а можетъ быть, съ Итальянцемъ?... Люди такъ злы! Былъ только одинъ... хотя онъ могъ быть въ трехъ лицахъ. Увы и ахъ! Хвостова очень умная женщина; она оставила свѣтскую жизнь во-время... Теперь она пишетъ книжки о воспитаніи.

— И она воспитала свою племянницу?

— Это ничего не доказываетъ. Принципы одно, слѣдствіе—другое. Они сглаживаются неизвѣстно какъ и отчего... то есть, оно, пожалуй,

и извѣстно... Ну такъ поѣдемъ къ Хвостовой, и она, какъ умная женщина, предложитъ вамъ познакомиться съ племянницей.

Хвостова приняла насъ отлично. Лицо ея еще сохраняло слѣды прежней красоты. Въ разговорѣ чувствовался умъ и опытность: въ свое время она таки пожила. Это и необходимо, чтобы быть въ состояніи писать о воспитаніи. Герцогиня Люксембургская, г-жа Буфлеръ, воспитали мадмуазель Лозенъ и сдѣлали изъ нея вполнѣ образованную особу.

Милая старушка Хвостова обѣщала устроить дѣло такъ, чтобы мы встрѣтились у ней съ ея племянницей.

Но когда я пріѣхалъ во второй разъ, она прямо обратилась ко мнѣ:

— Злополучный человѣкъ! Что вы такое надѣлали? Правду сказалъ Вигель, когда рекомендовалъ васъ какъ сочинителя (homme de lettres). Моя племянница просто пришла въ ярость. Вы пишете пламенныя письма.... Можете вычеркнуть ея имя изъ списка вашихъ знакомыхъ и вписать мое. Я буду всегда рада васъ видѣть. Посѣщенія ваши мнѣ доставятъ такое же удовольствіе, какъ и ваши произведенія.

И она дружески протянула мнѣ руку. Я ей разсказалъ все по истинѣ, какъ было дѣло, и она очень смѣялась нашей продѣлкѣ. Но когда мнѣ случалось встрѣчаться съ племянницей, то всякій разъ ея черные глаза загорались негодованіемъ.

Послѣ она вышла замужъ въ Италіи за какого-то синьора Риччи, или графа Риччи, у котораго былъ очень хорошій голосъ. Но дуэтъ кончился неудачно: въ 1845 году я видѣлъ графиню въ Москвѣ, въ крайней бѣдности. Она слишкомъ любила пѣніе; эта страсть и была причиною ея разоренія.

Посреди свѣтской жизни, у меня изрѣдка бывали минуты раздумья, правда не надолго, но все-таки я иногда твердилъ себѣ, что слѣдовало бы позаботиться о будущемъ и извлечь какую нибудь пользу изъ моего безразсуднаго поступка, т. е. добровольнаго оставленія родины. По временамъ на меня находили страсть къ изученію Русскаго языка и рвеніе къ военной службѣ. Но чтобы изъ этого что нибудь вышло, нужно было, во первыхъ, чтобы со мной не говорили пофранцузски; во вторыхъ чтобы люди, такъ дружески принимавшіе меня, перестали пускать къ себѣ въ домъ, что мнѣ, какъ человѣку оторванному отъ родины и семьи, было бы очень тяжело. Ни честолюбіе, ни тщеславіе не могли заглушить во мнѣ мыслей о родномъ домѣ и Отечествѣ. Я взялъ учителя Русскаго языка и съ его помощію очень скоро выучился читать и писать. Понималъ я, конечно, немного, да и теперь не могу обойтись безъ словаря, но все таки уроки принесли мнѣ пользу: они заставили меня оцѣнить силу и звучность языка, который, по простотѣ механизма и богатству оборотовъ, достоинъ того, чтобы сдѣлаться когда нибудь международнымъ языкомъ. Я переводилъ слово въ слово образцовыя произведенія литературы, а потомъ построчный переводъ передѣлывалъ въ изящную Французскую рѣчь и иногда довольно удачно передавалъ смыслъ оригинала. Такимъ образомъ я перевелъ *Марѳу Посадницу* Карамзина. Вигель похвалилъ мой переводъ, и я его издалъ въ Парижѣ въ 1818 году. Переводъ имѣлъ успѣхъ.

Въ то время познакомился я съ Алексѣемъ Зубовымъ, бывшимъ впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ дорогихъ друзей моихъ. Мать его, которая имѣла большое состояніе въ Сибири и у которой онъ былъ един-

ственный сынъ, приходилась сестрой графинѣ *Ивеличъ* и нѣкоей Титовой, супругѣ таможеннаго чиновника, писавшаго легкую оперную музыку. Не будучи родственникомъ извѣстныхъ графовъ и князей Зубовыхъ, Алексѣй Зубовъ принадлежалъ къ лучшему Петербургскому обществу. Императрица Александра Өеодоровна женила его на своей любимой фрейлинѣ, дочери астронома Эйлера, дѣвушкѣ безъ всякаго состоянія. Государыня хотѣла этимъ бракомъ дать ей богатство; но случилось такъ, что съ богатствомъ она пріобрѣла и счастіе. Когда я познакомился съ Алексѣемъ Зубовымъ, онъ былъ почти однихъ со мною лѣтъ и только что поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Это былъ высокій, красивый молодой человѣкъ, съ томнымъ взглядомъ, небрежный и лѣнивый. Не смотря на умственную вялость, онъ былъ очень насмѣшливъ, и насмѣшливое слово выходило у него такъ простодушно и искренне, что всегда мѣтко попадало въ цѣль. Двоюродный братъ его, Титовъ, служилъ унтеръ-офицеромъ въ Преображенскомъ полку. Онъ отличался живымъ, пылкимъ характеромъ. Я подружился съ обоими.

Такъ протекло нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ по всей Европѣ пронеслась вѣсть о возвращеніи Наполеона въ Парижъ.... Все пришло въ смятеніе. Англія и Германія призывали Россію на помощь; война была неизбѣжна, и мое положеніе должно было тоже измѣниться.... Я сталъ меньше бывать въ обществѣ, отчасти потому что сезонъ уже оканчивался, а отчасти и оттого, что я чувствовалъ, что мое присутствіе стѣснительно для другихъ: при мнѣ неловко было выражать неудовольствіе противъ Франціи. Я обратился къ Вигелю. Онъ посовѣтывалъ мнѣ продолжать знакомство только съ тѣми людьми, которые, благодаря своему умственному развитію, не захотятъ измѣнять отношеній ко мнѣ. У Тухачевскихъ я былъ всегда дружески принятъ; Блудовъ постоянно принималъ во мнѣ большое участіе, которое еще усилилось въ эти трудныя минуты.

До сихъ поръ я жилъ безпечно, но упрекнуть меня было не въ чемъ, и совѣсть моя была спокойна; теперь же мое положеніе становилось затруднительнымъ: нужно было серьезно подумать и рѣшиться.

Капитанъ мой призадумался; его расположеніе ко мнѣ нисколько не измѣнилось, но онъ заговорилъ со мной иначе, чѣмъ въ Парижѣ.

— Подумаемъ, сказалъ онъ, и постараемся исправить невольныя ошибки. Я хотѣлъ вамъ тогда помочь, а вмѣсто того поставилъ васъ въ затруднительное, почти безвыходное положеніе, и мнѣ это очень непріятно, хотя всему виною обстоятельства. Когда вы пріѣхали въ Россію, я, полагаясь на вашъ здравый смыслъ и чувства собственнаго достоинства, предоставилъ вамъ полную свободу выбирать образъ жизни и знакомыхъ по вашему усмотрѣнію. Я зналъ про ваши успѣхи въ свѣтѣ и былъ доволенъ, что вы съумѣли пріобрѣсть извѣстное положеніе: это могло быть полезно впослѣдствіи. Въ то же время вы продолжали дружескія отношенія съ людьми, съ которыми сошлись въ Парижѣ, хотя эти люди, по своему скромному общественному положенію, не принадлежали къ высшему свѣту. Когда мы уговаривали васъ ѣхать съ нами въ Россію, мы имѣли въ виду вашу пользу: принуждать васъ намъ не было выгоды. Но теперь мы становимся отвѣтственны за ваши поступки, и въ особенности я, такъ какъ я обѣщалъ вашему отцу замѣнить его вамъ и заботиться о васъ. Наполеонъ вернулся и принятъ большинствомъ наро-

да съ восторгомъ. Европа не захочетъ перенести этого униженія, и потому война неизбѣжна. Исходъ ея тоже можно предвидѣть. Наша армія выступаетъ противъ Франціи, Англійскія и Нѣмецкія войска уже стоятъ на ея границахъ. Наша гвардія пойдетъ послѣ всѣхъ, и то только въ случаѣ крайней необходимости. Вы можете, если хотите, выйти въ отставку, но можете и продолжать служить: васъ не заставятъ сражаться противъ родины. Такъ было въ 1812 году, такъ будетъ и теперь. Тогда всѣмъ служащимъ иностранцамъ въ военной и гражданской службѣ была предоставлена полная свобода. Война скоро кончится; будетъ заключенъ миръ, и все пойдетъ по старому. Итакъ, если вы остаетесь на службѣ, то вамъ, въ случаѣ выступленія гвардіи въ походъ, позволятъ жить либо въ Петербургѣ, либо въ Варшавѣ, до ея возвращенія. Какая вамъ выгода выходить въ отставку теперь? Вернуться во Францію вамъ нельзя. Навигація еще не открылась, да и кромѣ того тамъ непріятельскій флотъ. Ѣхать сухимъ путемъ вамъ не по средствамъ. Кстати ужъ поговоримте и о денежномъ вопросѣ, благо мы его затронули. До сихъ поръ расходы ваши были незначительны, потому что въ вашемъ распоряженіи были мои лошади, а платье вы привезли съ собою изъ Парижа и въ достаточномъ количествѣ. Но если вы останетесь здѣсь по уходѣ полка и захотите вести по прежнему свѣтскую жизнь, то вамъ придется плохо безъ моего экипажа, да и модные портные разорятъ васъ. Кромѣ того, мало ли что можетъ случиться? Вы останетесь здѣсь совершенно одни, безъ друзей, и хотя вы хорошо приняты во многихъ почтенныхъ семействахъ, гдѣ вамъ не откажутъ въ гостепріимствѣ, но все таки подумайте! Вы самолюбивы и обидчивы. Фальшивое положеніе, неудачи могутъ дурно подѣйствовать на вашъ характеръ; вы будете чувствовать себя несчастнымъ, а меня тутъ не будетъ, чтобъ помочь вамъ. Вотъ этого-то я и боюсь больше всего.

Все это онъ высказалъ такъ просто и подружески, что я былъ тронутъ, и слезы выступили у меня на глаза. Я хотѣлъ отвѣчать, но онъ остановилъ меня.

— Я еще не кончилъ, сказалъ онъ; самое худшее еще впереди, но вамъ лучше знать всю правду. Мои доходы очень ограничены, а небольшая сумма, которая была мнѣ выдана въ Парижѣ на ваши расходы, уже давно истрачена. Въ тотъ разъ, когда вы, увлеченные дурнымъ примѣромъ, сѣли играть, вы выиграли; это былъ первый и единственный разъ, и тѣмъ дѣло и кончилось. Очевидно вы не игрокъ. Но кто же поручится за будущее? Праздная жизнь, жажда сильныхъ ощущеній, наконецъ крайность и дурные примѣры могутъ увлечь васъ на эту дорогу... Нѣтъ, не оставайтесь въ Петербургѣ! Поѣдемте вмѣстѣ, мой юный товарищъ! Въ Варшавѣ вы останетесь до окончанія войны; можетъ быть, придется вамъ и поскучать, за то искушеній меньше, чѣмъ здѣсь. А потомъ, когда мы опять свидимся, мы снова потолкуемъ о вашей военной карьерѣ. Къ тому времени дисциплина окажетъ на васъ свое дѣйствіе: вы возмужаете, да и опытности у васъ прибавится.

Я почувствовалъ справедливость его словъ и рѣшился во всемъ послѣдовать его совѣтамъ и отправиться вмѣстѣ съ полкомъ.

Во время похода не случилось ничего замѣчательнаго. По дорогѣ я заѣхалъ въ имѣніе одного изъ моихъ друзей, унтеръ-офицера Семеновскаго полка, Бибикова. Его мать была замужемъ во второй

разъ за полковникомъ *Чуйкевичемъ,* который самъ переѣхалъ въ деревню для устройства имѣнія и сбора оброка. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ Бибиковымъ. У дома стояла толпа крестьянъ съ хлѣбомъ-солью; старикъ, которому было сто двадцать лѣтъ отъ роду, привѣтствовалъ молодаго хозяина, въ первый разъ пріѣхавшаго въ свою вотчину, и поднесъ ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Около него стояли его два сына, которымъ было по девяноста лѣтъ, и вся многочисленная ихъ семья. Пѣсни раздавались цѣлый день. Къ концу обѣда, полковникъ Чуйкевичъ велѣлъ позвать троихъ стариковъ, чтобы мы могли полюбоваться ими. И дѣйствительно они стоили того: не смотря на года, они держались совершенно прямо, и глаза сохраняли прежній блескъ. Бѣлые волосы и длинныя бороды придавали спокойное величіе ихъ чертамъ. Особенно хорошъ и свѣжъ былъ старикъ-отецъ. Въ немъ еще было много жизни, и даже память ему нисколько не измѣнила. Онъ служилъ солдатомъ при Петрѣ I и находился при построеніи Петербурга. Онъ былъ сторожемъ при только что строившейся Александро-Невской Лаврѣ. Въ то время ему было восемнадцать лѣтъ. Легко вообразить, съ какимъ чувствомъ я пожалъ руку старику, знавшему Петра Великаго, исполнявшему его приказанія и даже, можетъ быть, видѣвшему, какъ царь самъ, съ топоромъ въ рукѣ, подавалъ примѣръ рабочимъ.

Въ мѣстечкѣ Глубокомъ мнѣ отвели помѣщеніе въ томъ самомъ монастырѣ, гдѣ жилъ Наполеонъ. Монахи показывали мнѣ маленькую, плохо-меблированную комнатку, гдѣ онъ помѣщался. Все тутъ оставалось въ томъ же видѣ. Монахи говорили о немъ съ чувствомъ благоговѣнія. Я снова почувствовалъ себя Французомъ и свободнымъ человѣкомъ.

Гвардія остановилась въ Вильнѣ. На другой день послѣ нашего прихода туда, я встрѣтился у самаго дома, гдѣ намъ была отведена квартира, съ графомъ Эдуардомъ Шуазелемъ. Онъ шелъ навѣстить знакомаго офицера, раненаго на дуэли, который жилъ въ томъ же домѣ. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами, и на возвратномъ пути онъ вошелъ ко мнѣ.

— У меня есть къ вамъ просьба, сказалъ онъ.

— Очень радъ служить вамъ, отвѣчалъ я, но предупреждаю, что не стану писать болѣе любовныхъ писемъ мадмуазель Луниной.

— О нѣтъ, тутъ совсѣмъ другое. Ея двоюродный братъ Михаилъ Лунинъ, кавалергардскій полковникъ, лежитъ раненый въ этомъ домѣ и можетъ быть еще долго не встанетъ. Скука для него хуже всякой болѣзни. Онъ былъ бы очень вамъ благодаренъ, еслибы вы иногда навѣщали его. Исторія съ письмомъ ему очень понравилась, и онъ хочетъ поблагодарить васъ. Его милая кузина всегда служитъ ему мишенью для шутокъ.

— Но скажите пожалуйста, графъ, сказалъ я, какъ же узнали, что письмо писалъ я?

— Вѣроятно разболталъ Демидовъ или Строгоновъ, а можетъ быть и я самъ нечаянно. Но вѣдь это было такъ давно!

Лунинъ былъ извѣстенъ за чрезвычайно-остроумнаго и оригинальнаго человѣка. Тонкія остроты его отличались смѣлостью и подчасъ цинизмомъ, но ему все сходило съ рукъ. Повидимому онъ мнѣ очень обрадовался. Если бы я могъ двинуться, сказалъ онъ мнѣ, то я бы васъ обнялъ. Дайте мнѣ вашу правую руку, которая такъ ловко владѣетъ обоюдоострымъ перомъ. О, какой эффектъ произвело ваше письмо!

— Но, полковникъ, я только былъ послушнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Виноваты тутъ Шуазель, Демидовъ и Строгоновъ.

— Не вѣрю! Они способны на все; только на это ихъ не хватитъ.

— Но какъ же узнали объ этомъ письмѣ? Кузина ваша показала его?

— Конечно! Развѣ у самолюбія есть тайны? Да она готова бы сама вамъ продиктовать такое письмо, только бы имѣть возможность прикинуться оскорбленной, негодующей. Это своего рода уловка. Кузина моя давно перестала краснѣть за себя, но она окружена толпою, которая восхищается ею. Будь это письмо написано глупо, она бы промолчала; но получить такое письмо, какъ ваше, было лестно и выгодно; она и разъиграла оскорбленную невинность.

Такъ началось мое знакомство съ Лунинымъ, скоро обратившееся въ дружбу. Обстоятельства впослѣдствіи разлучили насъ. Смѣлый на слова, онъ не струсилъ и передъ дѣломъ. Онъ былъ однимъ изъ зачинщиковъ возмущенія 14 Декабря и кончилъ жизнь въ Сибири. Это былъ человѣкъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ, и о немъ стоитъ разсказывать.

(Продолженіе будетъ).

Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи.

1.

Когда князь Николай Григорьевичъ Репнинъ былъ Полтавскимъ губернаторомъ, онъ получилъ жалобу на городничаго одного изъ уѣздовъ его губерніи. Жалоба состояла въ слѣдующемъ. Офицеръ, ѣхавшій изъ Петербурга съ казенной подорожной, требовалъ лошадей; но городничій, который праздновалъ въ этотъ день имянины дочери, обрадовался случаю представить своимъ гостямъ блестящаго Питерца и вмѣсто лошадей послалъ проѣзжему приглашеніе на вечеръ. Молодой человѣкъ отказался воспользоваться оказанной ему честью и повторилъ свое требованіе. Тогда разсерженный городничій посадилъ подъ арестъ непокорнаго юношу. Князь Репнинъ, разобравши дѣло, отрѣшилъ виновнаго отъ должности.

Наступили Рождественскіе праздники, и весь городъ съѣхался по обыкновенію встрѣчать новый годъ на балѣ у губернатора. Пиръ шелъ горой, и всѣмъ было весело, благодаря радушному гостепріимству хозяевъ дома. Одинъ лишь изъ гостей, Котляревскій, авторъ «Энеиды на изнанку», напоминалъ собою рыцаря печальнаго образа. Лице его необычайно вытянулось; онъ смотрѣлъ угрюмо и вертѣлся постоянно около губернатора съ видимой цѣлью обратить на себя его вниманіе. Уловка удалась. «Что ты такой пасмурный?» спросилъ его князь.—«Думку думаю, ваше сіятельство».-«Какую думку?»—«Хочу писать исторію Малороссіи.»-«Хорошее дѣло; да унывать-то не изъ чего».—«Я не то чтобъ унылъ, ваше сіятельство, а стараюсь припомнить эпизодъ о вашемъ предкѣ: онъ былъ въ немилости и потомъ прощенъ послѣ Полтавской битвы... Что-то такое, да подробности путаются у меня въ головѣ». «Я разскажу тебѣ, какъ дѣло было», возразилъ князь, который любилъ семейныя преданія. «Предокъ мой, личный врагъ Михаила Михайловича Голицына, попалъ въ немилость у Петра и былъ разжалованъ въ солдаты. Въ первыхъ минутахъ упоенія послѣ Полтавской побѣды, когда ожидаемыя награды и повышенія были еще впереди, царь обратился къ Голицыну и сказалъ ему: «проси у меня чего хочешь, ни въ чемъ тебѣ не откажу на радости».—«Простите князя Репнина», отозвался Голицынъ, и Петръ простилъ».—«Такъ вотъ какъ дѣло-то было», сказалъ Котляревскій. «Что-жъ, ваше сіятельство, въ память вашего предка, помилованнаго по ходатайству врага, не помилуете ли вы бѣднаго городничаго Н...скаго уѣзда?». «Какъ!» крикнулъ князь, «такъ это ты мнѣ ловушку подставилъ?»—«А вы попались, ваше сіятельство, такъ ужъ дѣлать-то нечего». Князь разсмѣялся. «Ну быть по твоему», сказалъ онъ, «городничаго я прощаю, но не возвращу его на прежнее мѣсто, а дамъ ему такое, гдѣ нельзя ему будетъ сажать подъ арестъ добрыхъ людей, когда они отказываются справлять имянины его дочери».

Мы передаемъ этотъ анекдотъ, который выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ характеръ князя Николая Григорьевича; но за истину семейнаго преданія, дошедшаго до него, мы не отвѣчаемъ, потому что не нашли нигдѣ указаній о князѣ Репнинѣ, разжалованномъ Петромъ и помилованномъ вслѣдствіе великодушія князя Голицына. Въ документахъ же о Полтавской битвѣ упоминается лишь о томъ князѣ Репнинѣ, который выказалъ воинскую доблесть не въ качествѣ солдата, а генерала, и получилъ въ награжденіе кавалерію и помѣстья.

2.

Когда Лермонтовъ жилъ на Кавказѣ, кружекъ его пріятелей собрался разъ на вечеръ, если не ошибаюсь къ князю Валерьяну Михайловичу Голицыну. Но поэтъ не являлся, и его отсутствіе начинало безпокоить общество, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ гостей слышалъ, будто Лермонтовъ попалъ въ непріятную исторію. Пока шла рѣчь о томъ, чтобъ навести справки, хозяину дома подали, отъ имени Михайла Юрьевича, записку слѣдующаго содержанія:

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Браниться и драться я страстно любилъ.
Обѣдать однажды сосѣдъ меня звалъ;
Со мною заспорилъ одинъ генералъ.
Я свѣта не взвидѣлъ.... Стаканъ зазвенѣлъ
И въ рожу злодѣя стрѣлой полетѣлъ.
. . . .
Мой рабъ вечеркомъ, какъ свершился ударъ,
Ко мнѣ, на гауптвахту, принесъ самоваръ.

(Слышано отъ князя В. М. Голицына).

3.

Мнѣ довелось слышать отъ бывшаго попечителя Московскаго университета, Дмитрія Павловича Голохвастова, слѣдующій анекдотъ, переданный ему, какъ семейное преданіе, бабушкой его, княгиней Мещерской. Ея дѣдъ служилъ при Петрѣ Великомъ и, стоя разъ за нимъ во время обѣда, увидалъ таракана, ползущаго по спинѣ Императора. Всѣмъ извѣстно болѣзненное отвращеніе Петра къ тараканамъ: ихъ видъ доводилъ его иногда до послѣднихъ границъ бѣшенства. Князь Мещерскій, сотворивши мысленно молитву, поймалъ непрошеннаго гостя и сжалъ его въ рукѣ. Петръ обернулся: «Зачѣмъ ты меня тронулъ?» спросилъ онъ. «Вамъ, должно быть, показалось, ваше величество», отвѣчалъ князь: «я до васъ не касался».

Императоръ не отозвался, но послѣ обѣда пошелъ отдыхать и потребовалъ къ себѣ Мещерскаго. «Говори сейчасъ, зачѣмъ ты меня трогалъ?» спросилъ онъ опять. «Я не посмѣлъ вамъ доложить въ первую минуту, что по вашей спинѣ ползъ тараканъ, и я его снялъ».—«Хорошо сдѣлалъ, что смолчалъ давича», отозвался Петръ: «видно, не твой рокъ, не мой грѣхъ».

4.

Опочининъ не могъ помириться съ мыслію, что Наполеонъ овладѣлъ Москвой и говорилъ всегда съ отчаяніемъ о занятіи столицы.

«Утѣшьтесь», сказалъ ему разъ кто-то: «можетъ, и мы займемъ Парижъ».

— «Если мы его займемъ», отозвался Опочининъ, «я не только утѣшусь, но схожу пѣшкомъ въ Кіевъ».

Въ 1815 году, во время пребыванія своего за границей, императоръ Александръ узналъ о патріотической выходкѣ Опочинина и приказалъ ему сказать, что ждетъ исполненія его обѣта. Опочининъ поморщился, но побывалъ въ Кіевѣ.

5.

Шатровъ обладалъ способностью импровизировать, и его экспромиты нерѣдко потѣшали его современниковъ. Разъ у него спрашивали мнѣнія о стихахъ Жуковскаго: «Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ» и «Пѣвецъ въ Кремлѣ». Онъ отвѣчалъ:

Въ станѣ Русскихъ пѣвецъ
Удалой молодецъ;
Хоть и много онъ пьетъ,
А ни слова не вретъ.
Но въ Кремлѣ нашъ пѣвецъ,
Что̀ болтливый скворецъ,
Хоть ни капли не пьетъ,
А что̀ слово, то вретъ.

6.

Николай Филиповичъ Павловъ, сосланный въ Пермь въ Апрѣлѣ 1852 года, написалъ на 1-е Мая, день рожденія Алексѣя Степановича Хомякова, слѣдующіе стихи:

Первый день весны мгновенной,
Лучшій праздникъ у Москвы,
Гдѣ премудро и смиренно,
Въ этотъ часъ шумите вы.
Но не прелестью своею,
И не тѣмъ онъ сердцу милъ,
Что сбираться въ асамблею
Нѣмецъ Русскаго училъ,
Что Сокольничее поле
Сохранило память дѣлъ,
Какъ нашъ предокъ поневолѣ
Забавлялся, пилъ и ѣлъ.
Что мнѣ эти всѣ преданья,
Говоръ славы, иль позоръ:
Первый крикъ твой, крикъ страданья,
На землѣ твой первый споръ!
Этотъ день за то мы чтили,
И за то намъ дорогъ онъ,
Что тебя благословили
Златоустъ и Аполлонъ.
Сердца скорбныя усилья
Ограничили мой міръ;
Гдѣ бы взять для воли крылья,
Чтобъ примчаться къ вамъ на пиръ?
На пространствѣ тѣсной рамы
Обозначенъ мой предѣлъ;

Я ходилъ на берегъ Камы,
Долго въ быструю глядѣлъ,
И въ волнахъ ея глубокихъ,
Видѣлъ множество чудесъ,
Въ безднѣ водъ ея широкихъ
Чуялъ таинство небесъ.
Я хотѣлъ, смятенья полный,
Наклоняяся надъ ней,
Лечь на ласковыя волны,
Къ цѣли донестись скорѣй.
Но плѣнительныхъ для глаза
Отъ меня не жди даровъ,
Не для перловъ и топаза
Въ край попалъ я Пермяковъ.
И корысти жадной рану
На душѣ я не таилъ,
И за золотомъ къ шайтану
Я съ молитвой не ходилъ.
Въ эту землю роковую,
Сердца вѣчную грозу,
Внесъ я дань недорогую:
Примѣшалъ и я слезу.

7.

У императора Павла было два адъютанта: князь Николай Григорьевичъ Волконскій (впослѣдствіи Репнинъ) и графъ Несс. Перваго онъ очень любилъ, а втораго, хотя и держалъ при себѣ, но не жаловалъ за невзрачность, и говорилъ обыкновенно: «Видѣть не могу этой рожи». Когда Павелъ звонилъ, то, по его приказанію, къ нему входилъ князь Волконскій. Графъ Несс. показывался лишь за отсутствіемъ своего товарища. Однако онъ мирился съ незавидной ролью и не думалъ о томъ, чтобы покинуть дворъ.

Разъ, позднимъ вечеромъ, Императоръ уже легъ, а оба адъютанта сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Вдругъ раздался звонокъ, и князь Волконскій вошелъ въ спальню. Павелъ послалъ его съ приказаніемъ къ Императрицѣ. Невозможно было, особенно въ ночную пору, скоро обойти зимній дворецъ и получить, черезъ камеръ-фрау, отвѣтъ на данное порученіе, и молодой человѣкъ не успѣлъ еще возвратиться, когда Императоръ позвонилъ снова. На этотъ разъ вошелъ графъ Н.

Павелъ вспыхнулъ (онъ уже забылъ о порученіи, данномъ князю Волконскому) и крикнулъ громовымъ голосомъ: «Ты зачѣмъ? Гдѣ Волконскій?» Въ эту минуту князь показался въ дверяхъ. «Какъ!» загремѣлъ Павелъ, «я звоню, а ты не идешь»!... «Ваше Величество»... «Оправдываться! Въ Сибирь»!... «Ради Бога, Ваше Величество!» промолвилъ мнимый виновный, «позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, проститься съ семействомъ».-«Можешь, и прямо въ Сибирь!»

Въ домѣ Волконскихъ ложились поздно, и князь засталъ своихъ за ужиномъ. Объяснивши придуманной напередъ басней свое появленіе въ неурочный часъ, онъ подалъ знакъ своей бабушкѣ и скользнулъ въ сосѣднюю комнату. Старуха послѣдовала за нимъ. Разсказавъ ей о своемъ горѣ, онъ прибавилъ: «Надо приготовить мать: я ѣду сейчасъ». Она открыла, рыдая, бюро, откуда вынула тысячу рублей, которыя вручила внуку; потомъ отерла глаза

и пошла къ невѣсткѣ. Но какъ ни старалась она смягчить ударъ, бѣдная мать пришла въ отчаяніе. Обнявши сына и благословивъ его, она упала въ обморокъ. Молодой человѣкъ поцѣловалъ ея руку и выбѣжалъ изъ комнаты.

Не успѣлъ онъ еще выѣхать изъ воротъ, какъ кто-то крикнулъ его имя на улицѣ. Онъ отозвался. «Васъ требуетъ Императоръ», сказалъ незнакомый голосъ: «ступайте къ нему».

На пути во дворецъ князь встрѣтилъ нѣсколькихъпосланныхъ, которые требовали его отъ имени Павла; наконецъ въ ту минуту, какъ онъ сбрасывалъ шубу съ плечъ, камеръ-лакей кричалъ, спускаясь съ дворцовой лѣстницы: «Его Величество приказали узнать, пріѣхалъ ли князь Волконскій».

Князь уже чуялъ счастливую перемѣну въ своей судьбѣ, и сердце его было спокойно, когда онъ вошелъ въ спальню Императора, который встрѣтилъ его словами: «Чтó я надѣлалъ? Вѣдь совсѣмъ забылъ, что самъ тебя послалъ. Прости ты меня, Христа ради», продолжалъ онъ, приподымаясь на постели и низко кланяясь. «Ну, а теперь ступай!»

«Ваше Величество», сказалъ князь, «позвольте мнѣ возратиться на минуту къ моимъ: мать была безъ памяти, когда я уѣхалъ изъ дома».

«Что я надѣлалъ!» повторилъ Павелъ. Онъ опять приподнялся и поклонился. «Я сей часъ кланялся тебѣ», прибавилъ онъ, «а вотъ этотъ поклонъ передай отъ меня матери. Попроси ее, чтобъ и она меня простила».

Когда князь вбѣжалъ съ сіяющимъ лицомъ въ комнату, гдѣ плакали обнявшись его мать и бабушка, всѣ бросились къ нему. Онъ разсказалъ о своихъ похожденіяхъ и заключилъ, обращаясь къ бабушкѣ:

«Воля ваша, а тысячи рублей я вамъ не возвращу: вы мнѣ ихъ подарили!»

«Твое счастіе», отвѣчала, смѣясь, старушка.

8.

Прасковья Александровна Волкова (впослѣдствіи Миллеръ), фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, была очень жива, весела и ни при комъ не стѣснялась, начиная съ императора Павла, котораго очень потѣшали ея безцеремонныя выходки. Онъ находилъ, что она похожа на него и прозвалъ ее своимъ портретомъ.

Былъ пріемъ во дворцѣ. Когда г-жа Волкова вошла вмѣстѣ съ другими фрейлинами, Императоръ поклонился ей и примолвилъ. «А! мой портретъ!» «Je suis donc bien laide, Sire, возразила она. Онъ разсмѣялся и отвѣчалъ: «C'est que j'étais joli garçon dans ma jeunesse» *).

Въ другой разъ онъ увидалъ двухъ фрейлинъ, которыя перешептывались, вспылилъ и объявилъ, что впредъ проучитъ по своему того, кто вздумаетъ говорить шопотомъ во дворцѣ. На другой же день, входя къ Императрицѣ, онъ засталъ Прасковью Александровну разговаривающею вполголоса съ своей сестрой.

«Зачѣмъ вы шепчетесь?» крикнулъ онъ.—«Намъ нельзя говорить вслухъ, Ваше Величество», отозвалась Прасковья Александровна: «мы говорили

---

*) И такъ я больно невзрачна, Государь.—А въ молодости я былъ красивымъ мальчикомъ.

о васъ».—«А что́ жъ вы обо мнѣ говорили?»—«Что вы очень курносы».—«Сами вы курносыя», отвѣчалъ, смѣясь, Павелъ.

Ему вздумалось приказать, чтобъ экипажи не подъѣзжали къ дворцовому крыльцу, но останавливались у въѣзда на площадь, а мужчины и дамы, являвшіяся во дворецъ, обязаны были идти пѣшкомъ по площади. Кучеру Прасковьи Александровны не было еще извѣстно новое постановленіе, и онъ ѣхалъ смѣло обыкновенною дорогой, когда полицейскіе погнались за нимъ съ крикомъ: стой! Кучеръ остановился. Прасковья Александровна должна была выйдти изъ кареты и добраться пѣшкомъ до дворца, а кучеръ былъ, по приказанію полиціи, отосланъ на съѣзжую вмѣстѣ съ лошадьми.

Въ этотъ день Императоръ былъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. При появленіи г-жи Волковой онъ привѣтствовалъ ее милостивой улыбкой и самыми любезными словами.

«Ne me parlez pas, Sire, крикнула она, car je suis furieuse contre vous». «Et pourquoi?» спросилъ онъ. «Car mon cocher et mes chevaux ont été saisis par la police et que par la pluie et la boue j'ai du traverser toute la grande place à pied. Ce n'est pas de quoi mettre les gens en belle humeur!» *).

Императоръ извинился передъ ней и приказалъ, чтобъ освободили немедленно ея кучера и лошадей.

9.

Извѣстно, съ какой любовью императрица Марія Ѳеодоровна занималась своими заведеніями. Была между прочимъ больница, состоявшая подъ ея покровительствомъ, и медикъ являлся къ ней каждый день съ рапортомъ во дворецъ. Разъ онъ доложилъ, что одной изъ больныхъ надо отнять ногу и что дѣло не терпитъ отлагательства.

«Въ такомъ случаѣ», сказала Императрица, «сдѣлайте сегодня же операцію».

На слѣдующій день она встрѣтила его словами:

«Что́ эта бѣдная женщина? Хорошо ли удалась операція?» Докторъ немного сконфузился: операція не была еще сдѣлана, и онъ пытался извинить свое замедленіе недостаткомъ времени и заботой о другихъ больныхъ. Но Императрица была недовольна. «Предупреждаю васъ», сказала она, «что я не намѣрена выслушивать завтра подобныя объясненія, и требую, чтобы дѣло было покончено сегодня же».

Однако на другой день оказалось, что къ операціи еще не приступали. Императрица вспыхнула отъ гнѣва. «Какъ!» вскрикнула она, «не смотря на мои приказанія!» - «Умоляю васъ не гнѣваться на меня», отвѣчалъ медикъ, «я право не виноватъ. Эта женщина просто сошла съ ума: она объявила, что допуститъ операцію лишь въ присутствіи Вашего Величества. Я не посмѣлъ вамъ объ этомъ доложить вчера».—«Какъ вамъ не стыдно!» замѣтила Императрица, «за что вы ее промучили даромъ?»

Она приказала немедленно подать карету, взяла съ собой доктора, поѣхала въ больницу и присутствовала при операціи.

---

*) Не говорите со мною, Государь; потому что я взбѣшена противъ васъ.—Это отчего?—Кучеръ мой и лошади задержаны полиціей, и я должна была, подъ дождемъ и по грязи, пройти всю большую площадь: послѣ этого поневолѣ взбѣсишься.

10.

Послѣ Вѣнскаго конгресса вышла во Франціи остроумная каррикатура: представлена была карета, на козлахъ сидѣлъ императоръ Александръ, форейторомъ былъ Меттернихъ, на запяткахъ стоялъ король Прусскій. За экипажемъ бѣжалъ Наполеонъ съ крикомъ: Arrêtez, arrêtez, on m'a jeté dehors! А императоръ Австрійскій кричалъ, высунувши голову изъ опущеннаго стекла: Arrêtez, arrêtez, on m'a mis dedans [1]).

11.

Когда графъ Остерманъ-Толстой переселился въ Женеву, онъ держалъ при себѣ Русскаго камердинера, который выучился говорить немного пофранцузски, и Швейцарца Фрица. Впродолженіе своего долгаго пребыванія за границей графъ составилъ себѣ довольно обширный кругъ знакомыхъ, и они часто къ нему съѣзжались. Ему коротко были извѣстны слабыя стороны нашей жизни, но онъ не позволялъ никогда иностранцамъ рѣзкихъ сужденій о Россіи въ его присутствіи. Когда же къ нему являлся новый посѣтитель и рѣчь заходила о крѣпостномъ правѣ, хозяинъ дома предоставлялъ часто полную свободу высказывать свое негодованіе на униженіе Русскаго народа и на общепринятый помѣщиками обычай бить своихъ крѣпостныхъ. Выслушавши молча, графъ звонилъ и спрашивалъ у вошедшаго камердинера:

«Depuis quand êtes vous à mon service?»-«Depuis mon enfance, m. le comte». «Vous ai-je jamais frappé?»-«Dieu garde, m. le comt!».-«C'est bon. Faites moi venir Fritz». Фрицъ являлся: «Je me sens aujourd'hui d'humeur massacrante, citoyen d'un peuple libre, говорилъ ему графъ Остерманъ, et la main me démange pour vous souffleter» [2]).

Швейцарецъ подходилъ, получалъ пощечину и скрывался. Графъ держалъ его *исключительно* для того, чтобъ угощать его, отъ времени до времени, пощечинами при своихъ гостяхъ, и Женевскій гражданинъ жилъ у него припѣваючи и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ дешево-заработанный хлѣбъ.

12.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской, человѣкъ умный, добрѣйшій, глубоко-религіозный, взбалмошный и вспыльчивый, казался созданнымъ для комическихъ положеній, чему способствовала самая его наружность. Высокій, толстый старикъ былъ неловокъ, неуклюжъ и сильно картавилъ; глаза у него были узки какъ щелки, голова совсѣмъ почти лысая, и огромный, горбатый

---

[1]) Стой, стой! Меня выбросили вонъ.—Стой, стой! Меня посадили сюда.

[2]) Съ которыхъ поръ ты у меня служишь?—Съ самаго дѣтства, ваше сіятельство.—Билъ я тебя когда нибудь?—Сохрани Богъ ваше сіятельство.—Ну хорошо. Позови Фрица.—Гражданинъ свободнаго народа! Сегодня я въ раздраженномъ состояніи, и рука у меня чешется, чтобы дать тебѣ пощечинъ.

носъ напоминалъ птичій клювъ. Князь приходилъ въ неистовое отчаяніе при малѣйшей бездѣлицѣ, раздражавшей его, билъ себя въ грудь или въ лысину, проклиналъ всѣхъ и, угомонившись наконецъ, уходилъ въ свою комнату, гдѣ, по его-же выраженію, онъ замаливалъ свое *окаянство* и клалъ земные поклоны до синяковъ на лбу. Любовь его къ сценическому искусству составляла одно изъ главныхъ элементовъ его жизни и главныхъ источниковъ его терзаній. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ театральными директорами *), разбиралъ съ ними піесы, предназначенныя для Московской сцены, распредѣлялъ роли, являлся на репетиціи, кричалъ, шумѣлъ и приводилъ актеровъ въ отчаяніе. Разъ, сцена представляла комнату при вечернемъ освѣщеніи. Князь былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми, волновался и бѣгалъ по сценѣ. Наконецъ онъ обернулся къ лампѣ, стоявшей на столѣ посреди сцены, и крикнулъ: «Матушка! Не туда свѣтишь!»

Ему случилось провести лѣто въ Москвѣ съ дочерьми своего брата. Онъ съ утра отправлялся на репетицію, возвращался домой къ ожидавшему его обѣду, потомъ пилъ кофій и, отдохнувши, ѣхалъ опять въ театръ. Молодыя дѣвушки очень любили добряка, ухаживали за нимъ и строго наблюдали за домашнимъ порядкомъ, чтобъ ничѣмъ не нарушить привычекъ дяди. Но въ одинъ роковой день дѣдовскія дрожки князя остановились дребезжа у подъѣзда, а столъ не былъ еще накрытъ. Въ домѣ поднялась суматоха: буфетчикъ прибѣжалъ съ столовой посудой, и одна изъ княженъ помогала ему разставлять приборы, когда князь показался на порогѣ.

«Не готово!» крикнулъ. «Опоздаю! Безъ ножа зарѣзали! Непремѣнно опоздаю, а безъ меня душегубы-то мои утопятъ мою комедію!»

Пока онъ бурлилъ, супъ былъ принесенъ, и буфетчикъ, желая изгладить свою вину, быстро принялъ стулъ, на который князь собирался уже садиться, и подставилъ на мѣсто покойное кресло. Старикъ грузно въ него опустился, и ужасъ! — кресло провалилось подъ нимъ съ трескомъ. Тучное тѣло увязло въ рамкѣ сидѣнья, а голова и ноги торчали съ верху.

«Злодѣй!» вопилъ Шаховской, подразумѣвая подъ этимъ именемъ услужливаго буфетчика. «Тебя подкупили мои театральные враги! Дай вылѣзу, въ Сибирь упеку!»

Онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ ухватиться за край стола, болталъ ногами и оралъ на весь домъ. Люди сбѣжались; одинъ изъ нихъ взялъ его за руки, другой за ноги, между тѣмъ какъ третій, ставши на колѣни, выпихивалъ его изъ дубовой рамки креселъ. Операція продолжалась довольно долго, такъ что супъ успѣлъ остыть. Кромѣ того, обѣдъ былъ заказанъ не по вкусу князя: ему рѣшительно не везло въ этотъ день.

Когда собрали со стола, одна изъ княженъ, боясь, чтобъ на бѣду, не опоздалъ еще кофій, побѣжала въ буфетъ, схватила подносъ, на которомъ стоялъ уже весь кофейный приборъ, и отнесла его дядѣ. Ея появленіе вызвало улыбку на устахъ старика, который былъ большой охотникъ до кофію. Онъ поставилъ передъ собой дымящуюся чашку, потомъ взялъ молочникъ, но какъ его ни нагибалъ, изъ молочника не показалось ни малѣйшей струйки сливокъ. Шаховской взглянулъ на племянницу:

*) Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, потомъ М. Н. Загоскинъ. Въ ихъ время Московскій театръ былъ совершенно независимъ отъ Петербургской дирекціи.

«Матушка», сказалъ онъ, «у меня только и отрады что кофій, только надъ нимъ и отвожу душу, а ты мнѣ принесла пустой молочникъ! Ужъ если вы рѣшились меня извести, отравите меня разомъ. Ради самого Бога, отравите меня!» Онъ остановился, потомъ поднялъ глаза къ образу, висѣвшему въ углу, всплеснулъ руками и крикнулъ: «Господи! Прости меня грѣшнаго; не допусти, чтобъ моя окаянная душа попала въ адъ!»

Наконецъ появились сливки, князь напился кофію и пошелъ отдыхать, къ великому удовольствію молодежи, которая тотчасъ дала волю долго сдержанному смѣху.

Толычова.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ

„НОВОРОССІЙСКАГО ТЕЛЕГРАФА",

ГАЗЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ.

«Новороссійскій Телеграфъ» выходитъ въ 1877 году ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, листами большаго формата, по тойже програмѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ въ 1876 году.

Съ 1877 года НИЛЪ АДМИРАРИ (Л. К. Панютинъ) будетъ въ числѣ ПОСТОЯННЫХЪ сотрудниковъ «Новороссійскаго Телеграфа».

ОБЪЯВЛЕНІЯ, печатающіяся въ «Нов. Тел.», будутъ безплатно вывѣшиваться на главныхъ станціяхъ Одесской желѣзной дороги и будутъ такимъ образомъ ежедневно распространяться на протяженіи около тысячи верстъ въ районѣ четырехъ губерній Новороссійскаго края. Право вывѣшивать 4-ю страницу газеты на главныхъ станціяхъ Одесской желѣзной дороги исключительно принадлежитъ «Новор. Телеграфу».

Подписка принимается *въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Соборной площади, въ домѣ Папудова.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	На годъ.	на 6 мѣс.	на 3 мѣс.	на 1 мѣсяцъ.
Съ пересылкою или доставкою. .	12 р.	7 р.	4 р.	1 р. 35 к.
Безъ доставки или пересылки. .	10 р.	6 р.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено при годовой подпискѣ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодовые (6 руб.). или по четвертямъ года (3 руб.)—но всегда впередъ.

Для *различныхъ казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій* допускается *выписка газеты въ кредитъ*, по письменнымъ оффиціальнымъ предложеніямъ, съ условіемъ высылки денегъ втеченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1877 года.

Заявленія, предложенія, статьи, корреспонденціи и письма адресуются въ Одессу, въ редакцію «Новороссійскаго Телеграфа».

Редакторъ *В. Золотовъ*
Издатель *М. Озмидовъ.*

Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго** и **князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** въ царствованіе Павла. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ и значеніи событія 14 Декабря. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Пугачевщина: письма **графа П. И. Панина** къ его брату. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и Папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ. Статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его біографія и переписка съ Екатериною II-ю и другими лицами. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года; опальное время; обозрѣніе Павловскаго царствованія). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**, не вошедшихъ въ изданіе его сочиненій. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

Лица, желающія выписать 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію, Бельгію и Францію **10** рублей, въ Англію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива смотри на внутренней сторонѣ этой обертки.

Лица, подписавшіяся въ С.-Петербургѣ на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ магазинѣ Базунова и по случаю его несостоятельности не дополучившія своихъ книжекъ, благоволятъ обращаться за ними въ Магазинъ для Иногородныхъ на Невскомъ Проспектѣ, куда книжки эти для нихъ доставлялись ежемѣсячно.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 3.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

В Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры прежнихъ годовъ Русскаго Архива.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ НИХЪ ЗДѢСЬ ИСЧИСЛЯЮТСЯ.

1872 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Воспоминанія **Ѳ. П. Лубяновскаго**.—Записка **графа Нессельрода** о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира. — Мининъ и Пожарскій. Статьи **И. Е. Забѣлина**.—Воспоминанія **А. Н. Аѳанасьева**.—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. — Письма **графа С. Р. Воронцова** къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма **М. А. Волковой** къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ. Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о **Франціи**, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева**.—Записки **графа П. Х. Граббе**.—Записки Н. И. Греча.—Записка графа **І. И. Ростовцева**.—Записки **И. П. Сахарова**.—Записки **И. А. Шестакова**. Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ.—**Бумаги П. А. Демидова**.—Е. И. Нелидова.—**Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова**.—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова**.—**Записки Фотія**.—Записки **А. Я. Стороженки**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Россія и Германія, **статья Ѳ. И. Тютчева**.—Выдержки изъ **Старой** Записной Книжки. Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ

Осьмнадцать писемъ **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына**.—Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго**.—Записки **Николая Ивановича Лорера** (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Планъ **князя Потемкина** о наборѣ народныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками **Екатерины второй**.—Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и **тайный наказъ** о переговорахъ съ Бонапартомъ.—**Два письма графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона **отъ графа С. Р. Воронцова къ графу** Н. П. Панину и къ императору Александру. — Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго**. — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна **4** рубля.

Сказанія о святыхъ Романѣ и Давидѣ (Борисѣ и Глѣбѣ) и о кончинѣ Русскаго епископа святаго Ѳомы.

По Армянскимъ Чети-Минеямъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Читатель не безъ удивленія прочтетъ заглавіе предлагаемой статьи: Русскіе князья—мученики и Армянскія Минеи!

Сочетаніе именъ и названій дѣйствительно необычайное.

Какъ вошло Русское сказаніе въ Армянскія Минеи?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, скажемъ нѣсколько словъ объ Армянскихъ Четіяхъ-Минеяхъ, съ которыми наши ученые, если не ошибаемся, вовсе незнакомы.

Въ духовной Армянской письменности V вѣка мы встрѣчаемъ житія святыхъ, переведенныя съ Греческаго языка вмѣстѣ съ многими другими духовно-историческими произведеніями. Это тѣ житія, которыя впослѣдствіи вошли въ такъ называемый Прологъ (а его начало относится къ первымъ годамъ христіанства). Объ ихъ существованіи мы узнаёмъ изъ Евсевія, который пользовался ими для своего «Сборника мученичествъ», не дошедшаго, къ сожалѣнію, до насъ [1]). Армянскій Прологъ имѣлъ, вѣроятно, тотъ же источникъ, по которому былъ составленъ и Сборникъ Евсевія, а можетъ быть и самый этотъ Сборникъ, хотя о немъ и не упоминается у духовныхъ Армянскихъ писателей. Но какъ бы то ни было, эти житія, послѣ Греческихъ, должны по своей древности занять въ церковно-исторической письменности почетное мѣсто [2]). Къ этимъ переводнымъ житіямъ святыхъ древніе Армянскіе писатели присоединяли также житія святыхъ своей церкви. Сборниками мученичествъ весьма богата Армянская литература: они извѣстны у позднѣйшихъ Армянъ подъ названіемъ *тчарентир*'*овъ* [3]), которые не ограничивались V вѣкомъ: ихъ объемъ расширялся постепенно, по мѣрѣ того, какъ становились извѣстными

---

[1]) Кн. IV, 5, 20; IV, 15; V, 1.

[2]) Изданы въ Венеціи учеными мхитаристами въ 1855 году. 2 ч. in 8°.

[3]) *Тчарентир* — слово сложное и значитъ «избранныя слова или рѣчи» сборникъ избранныхъ словъ. Подобные сборники заключаютъ въ себѣ, кромѣ житій святыхъ, также панегирики въ честь послѣднихъ. Эпитетъ же *избранныя* придаютъ этимъ рѣчамъ потому, что онѣ написаны изящнымъ древне-Армянскимъ классическимъ языкомъ: онѣ переведены, большею частью, корифеями Армянской письменности въ V вѣкѣ.

подвиги святыхъ и мучениковъ. Само собою разумѣется, что они обогащались также переводомъ подобныхъ же сказаній съ Сирійскаго языка, одновременно съ Греческими житіями.

Кромѣ отдѣльныхъ Сирійскихъ сборниковъ, сохранившихся до насъ въ Армянскомъ переводѣ, мы встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ замѣчательный сборникъ этого рода, составителемъ котораго является одинъ изъ настоятелей обители св. *Атома*, по имени *Гагикъ*, собравшій (какъ замѣчаетъ Армянскій историкъ Степаносъ Асохикъ) житія мучениковъ въ одну книгу, называемую *Атомадир'омъ* [4]). Она, правда, не такъ обширна и не такъ полна, какъ послѣдующія Армянскія Минеи (о которыхъ будетъ рѣчь ниже), но замѣчательна тѣмъ, что вся она состоитъ почти изъ переводовъ съ Сирійскаго языка. Объ ней мы со временемъ дадимъ нашимъ ученымъ подробный отчетъ; теперь же скажемъ, что этотъ именно *Атомадиръ* и служитъ началомъ Армянскимъ Минеямъ. Съ IX вѣка, времени его редакціи, до XI столѣтія и далѣе не переставали пополнять его новыми переводами житій святыхъ то съ Греческаго, то съ Сирійскаго языковъ. Въ XI столѣтіи явился человѣкъ, который всецѣло посвятилъ себя собиранію и переводу на отечественный свой языкъ недостающихъ въ помянутомъ сборникѣ Гагика житій и сказаній о мученической кончинѣ святыхъ. Это—Вахрамъ, сынъ Григорія Магистроса, дукса Месопотамійскаго. Избранный каѳоликосомъ, онъ вступилъ на патріаршій престолъ (1065) подъ именемъ Григорія II въ Цамендáвѣ, не далеко отъ нынѣшняго Марáша. Во время путешествія и пребыванія своего въ Римѣ, Константинополѣ, Египтѣ и другихъ городахъ и странахъ, онъ прилежно искалъ древніе и лучшіе списки мартирологовъ и впослѣдствіи перевелъ ихъ на Армянскій языкъ при содѣйствіи ученыхъ, между которыми непослѣднимъ ему пособникомъ былъ ученикъ его Киракосъ (Киріакъ) [5]). Такимъ образомъ восполнилъ онъ пробѣлы *въ Атомадиръ* Гагика, довершилъ начатый симъ послѣднимъ трудъ и «оставилъ на землѣ, какъ говоритъ Нерсесъ Благодатный, духовную пищу для алчущихъ душъ».

Таковы начало и постепенный ростъ Армянскихъ Миней съ V вѣка до кончины Григорія II, т. е. до начала XII-го.

Укажемъ теперь на существующія главныя ихъ редакціи, какъ рукописныя [6]), такъ и печатныя.

1. Первое мѣсто между Армянскими Минеями принадлежитъ тому Сборнику, который начинается церковнымъ годомъ Грековъ, т. е.

---

[4]) См. мой переводъ «Всеобщей Исторіи» Степаноса Асохика, кн. III, гл. 3, стр. 109.

[5]) Въ послѣсловіи къ Сборнику своего учителя Киракосъ называетъ его *векайасэр'омъ*, т. е. *мартирофиломъ*—эпитетъ, который съ тѣхъ поръ остается неразлучнымъ съ именемъ Григорія II. *Векайасэр* умеръ въ 1105, недалеко отъ *Кармир-ванк'а* (Красный монастырь) въ городѣ Кесонѣ, въ Киликіи.

[6]) Свѣдѣнія о рукописныхъ Армянскихъ Минеяхъ, не изданныхъ еще, находимъ у ученаго Мхитариста о. М. Авгера, который сообщаетъ ихъ намъ по спискамъ, имѣющимся въ богатой библіотекѣ Конгрегаціи Венеціанскихъ Мхитаристовъ.

1-го Сентября, памятью о св. Симеонѣ Столпникѣ. Отецъ Авгеръ называетъ этотъ сборникъ «*Главными Минеями*», такъ какъ онъ служилъ прототипомъ для послѣдующихъ и заключаетъ въ себѣ древній переводъ исключительно-Греческихъ житій съ *краткими* свѣдѣніями *о нѣкоторыхъ только* Армянскихъ святыхъ, а именно о св. Григоріѣ Просвѣтителѣ, о св. дѣвахъ-мученицахъ Рипсиме и Гаіане съ ихъ спутницами и наконецъ о св. Саакѣ и Месропѣ, переводчикахъ Св. Писанія.

По этому образцу составлены впослѣдствіи и собственныя Минеи Армянскія со внесеніемъ въ нихъ житій Армянскихъ святыхъ.

2. Къ началу XIII вѣка относятся Минеи, редактированныя отцемъ Израилемъ и извѣстныя подъ его именемъ. Онѣ открываются гражданскимъ годомъ, а именно Январемъ, съ сопоставленіемъ соотвѣтственнаго мѣсяца и числа Армянскаго года, начинающагося съ 11 Августа. Въ нихъ за житіями Греческихъ слѣдуютъ житія Армянскихъ святыхъ.

3. Къ концу XIII же вѣка слѣдуетъ отнести Минеи, такъ называемыя *Киликійскія*, редактированныя Григоріемъ, уроженцемъ Киликійскаго города Аназарба.

4. Наконецъ слѣдуютъ Минеи архимандрита Григорія Церенц'а, уроженца Хлата, города лежащаго на сѣверо-западѣ отъ озера Вана въ Ванскомъ пашалыкствѣ. Редакція ихъ относится къ XV вѣку. Онѣ во многихъ отношеніяхъ уступаютъ первымъ тремъ; ибо съ одной стороны редакторъ ихъ, а съ другой переписчики безъ разбора и критики вносили въ нихъ все, что попадалось имъ подъ руку по части житій.

Изъ этихъ четырехъ редакцій посчастливилось, къ сожалѣнію, послѣдней въ томъ отношеніи, что она имѣла нѣсколько изданій въ Константинополѣ, и въ настоящее время находится въ общемъ употребленіи у Армянъ какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ.

Четіи Минеи называются по армянски *йайсм-авур* что значитъ *«въ сей день»*. Для уразумѣнія этихъ словъ надобно замѣтить, что житія святыхъ въ Армянскихъ Минеяхъ, какъ и въ другихъ, расположены по порядку дней мѣсяца и обыкновенно озаглавлены: или *житіе*, или *сказаніе* о мученической кончинѣ, или *память* такого-то святаго. Затѣмъ, если на тотъ же самый день приходится еще святой, что случается нерѣдко, то слѣдуетъ о немъ повѣсть, но уже безъ помянутыхъ заглавій: она начинается просто словами: «*йайсм-авур*», т. е. въ «*сей день*», и т. д. [7]).

Обратимся теперь къ вопросу, поставленному нами въ началѣ этой статьи, а именно: «откуда вошло Русское сказаніе въ Армянскія Минеи?»

---

[7]) Въ Армянской церкви существуетъ обычай, что передъ вечерней, до начала службы, народъ собирается въ церковь. Выходитъ діаконъ или чтецъ и приступаетъ къ чтенію житія того святаго, память котораго празднуется въ тотъ день. Въ это время народъ, сидя, внимаетъ благоговѣйно благочестивому чтенію. Чтеніе Минэй до сихъ поръ соблюдается въ Армянской церкви на Востокѣ.

Рѣшеніе этого вопроса облегчаетъ само Армянское «Сказаніе о Романѣ и Давидѣ», въ концѣ котораго читаемъ небольшую замѣтку, вставленную, по всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ, кто вносилъ его въ Армянскія Минеи. Редакторъ этотъ такъ заключаетъ разсказъ о чудесахъ: «много другихъ совершено чудесъ этими святыми (т. е. Романомъ и Давидомъ), и они записаны въ *пространной ихъ исторіи* (интересно было бы знать, какая это «пространная исторія»); чудеса совершаются ими и *понынѣ*». Далѣе: *многіе изъ нашей страны* (т. е. изъ Арменіи), *видѣвшіе эти чудеса, разсказывали намъ* (о нихъ).

Значитъ, одинъ изъ многихъ Армянъ, посѣщавшихъ въ старину Кіевъ и бывшихъ свидѣтелями помянутыхъ чудесъ, жившій долго, быть можетъ, въ этомъ городѣ и хорошо знакомый съ Русскимъ языкомъ, возъимѣлъ благочестивое желаніе перевести на свой языкъ «Сказаніе о Романѣ и Давидѣ». По возвращеніи въ отечество, онъ, вѣроятно, познакомилъ съ нимъ представителей своего духовенства, и чрезъ нихъ оно вошло въ Армянскія Минеи. Что Армяне съ давнихъ поръ были вхожи въ Россію, это видно, вопервыхъ, изъ вышеприведенныхъ словъ «Сказанія», а вовторыхъ, изъ свидѣтельствъ Русскихъ лѣтописцевъ. Армяне посѣщали Русскую землю главнѣйше по торговымъ дѣламъ. Хотя Русскіе и несочувственно относились къ этимъ своимъ гостямъ вообще *за ихъ вѣру*, тѣмъ не менѣе они невольно отдавали справедливость тѣмъ изъ нихъ, кои являлись между ними какъ врачи, и это еще въ XI вѣкѣ. Въ житіи преподобнаго Агапита упоминается «врачъ нѣкто, родомъ и вѣрою Арменинъ, хитръ зѣло въ врачеваніи, якоже прежде того не быти такому».

Вотъ, по нашему мнѣнію, путь, которымъ могло войти въ Арменію Русское «Сказаніе»; и вошло оно въ Малую Арменію, т. е. въ Киликію, во время господства здѣсь послѣдней Армянской династіи, а именно династіи Рубэнидовъ.

Въ этомъ предположеніи убѣждаетъ насъ еще то обстоятельство, что послѣднюю свою редакцію Армянскія Минеи получили, вопервыхъ, въ Киликіи, какъ было сказано выше; а вовторыхъ, и слово *баронъ*, которое встрѣчаемъ въ Армянскомъ переводѣ «Сказанія» и которое впервыя является въ Армянской письменности и языкѣ въ этой странѣ съ появленіемъ въ ней крестоносцевъ (см. ниже *примѣч.* 17).

Остается сказать два слова о *другомъ* нижеслѣдующемъ сказаніи, а именно «О кончинѣ св. Ѳомы, епископа Енкрузовъ» (Руссовъ). Кто этотъ св. Ѳома, когда онъ жилъ и при какомъ князѣ, мы не могли уяснить себѣ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ тѣмъ труднѣе, что встрѣчающіяся въ Сказаніи немногія собственныя имена до того не опредѣленны, что не допускаютъ никакой догадки, кромѣ развѣ города *Кизль*, въ которомъ мы могли бы видѣть искаженное названіе *Кіева*. Затѣмъ, какъ самъ Ѳома, такъ и Римскій (Константинопольскій) патріархъ Александръ остаются для насъ загадкой, которую предлагаемъ на рѣшеніе нашихъ археологовъ.

Наконецъ возникаетъ естественный вопросъ: что служило источникомъ Армянскому «Сказанію о Романѣ и Давидѣ?»

По нашему мнѣнію, Русское сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Это послѣднее возникло, какъ извѣстно, между 1074 и 1113 годами и дошло до насъ въ двухъ спискахъ. Авторомъ одного изъ нихъ считается лѣтописецъ Несторъ, другаго — черноризецъ Іаковъ. По внимательномъ сличеніи Армянскаго «Сказанія о Романѣ и Давидѣ» съ помянутыми двумя списками, мы пришли къ заключенію, что первому служило источникомъ Сказаніе черноризца Іакова, у котораго подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ у Нестора, излагаются чудеса, совершенныя святыми князьями надъ недужными. Эта же подробность и обстоятельность, равно какъ и объемъ разсказа о каждомъ чудѣ и послѣдовательность, въ какой чудеса описываются одно за другимъ, замѣчаются и въ Армянскомъ Сказаніи. Въ этомъ могутъ убѣдиться сами читатели по сличеніямъ, которыя мы приводимъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ изъ черноризца Іакова, по изданію ученаго академика Срезневскаго [8]).

При описаніи чудесъ Армянскій переводчикъ строго держится своего подлинника, чего нельзя сказать объ исторической его части, къ которой онъ относится довольно свободно и которую замѣняетъ незатѣйливымъ своимъ вступленіемъ, оставляя въ тоже время въ сторонѣ всѣ благочестивыя размышленія автора-черноризца.

Вотъ все, что мы сочли нужнымъ сказать объ этихъ любопытныхъ *странствующихъ* сказаніяхъ, очутившихся въ средніе вѣка на страницахъ Армянскихъ Миней изъ Кіева въ Киликіи. Теперь предлагаемъ ихъ въ Русскомъ переводѣ вниманію нашихъ ученыхъ.

25 Ноября 1876 года.

Н. Эминъ.

---

[8]) Оба списка изданы въ С.-Петербургѣ въ 1860 году И. И. Срезневскимъ, который относитъ ихъ къ XIV вѣку.

Сказаніе о Давидѣ и Романѣ [1]).

(Армянскія Четіи Минеи. 8 Іюля).

Страна Енкрузовъ [2]) была въ невѣріи до воцаренія Греческаго Алексія [3]). Во дни его воцарился надъ народомъ Рузовъ [4]) (нѣкто) по имени П'раміосъ [5]), который увѣровалъ во Христа. Онъ принялъ крещеніе, и черезъ него вся страна приняла истинную вѣру Христову. Еще до обращенія царя [6]), у него родилось двѣнадцать сыновей отъ разныхъ женъ, между которыми онъ раздѣлилъ власть надъ страною. Давидъ и Романъ были отъ одной матери [7]). Они были благонравнѣе и благочестивѣе, чѣмъ ихъ братья. Какъ въ дѣтскомъ, такъ и въ юношескомъ возрастѣ они заботились о будущей жизни,

---

[1]) Рѣчь идетъ о св. Борисѣ и Глѣбѣ, въ святомъ крещеніи нареченныхъ: первый *Романомъ*, второй *Давидомъ*.

[2]) *Енкрузы*, *Рузы*. Подъ этими названіями разумѣются *Руссы*. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Армянскихъ лѣтописяхъ форма *Енкрузы* не встрѣчается: она является только въ приведенныхъ здѣсь двухъ Сказаніяхъ. Кромѣ формы *Рузъ*, обыкновенной у средневѣковыхъ Армянскихъ писателей, мы находимъ еще третью форму этого названія, а именно *Ерузъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что *Енкрузъ* Армянскихъ Чет. Миней образовалось изъ этой послѣдней формы со вставкою между начальной буквой и корнемъ, т. е. *Рузъ*, согласныхъ *нк*. Форму *Рузъ* мы находимъ у Моисея Кахакантуаци (X в.), Степаноса Таронскаго (XI в.), Вардана Великаго (XIII в.), Киракоса (XIII же в.) и другихъ.

[3]) Имя *Алексій* въ Византійской имперіи является со вступленіемъ на престолъ дома Комненовъ. Алексій I воцарился въ 1081 г., а Владиміръ святой скончался въ 1015 г. Явная путаница.

[4]) О *Рузахъ* см. примѣч. 2-е.

[5]) *П'раміосъ* или, какъ ниже пишется, *П'рамиросъ*, есть ничто иное какъ имя *Владиміръ* только въ искаженной формѣ. Стоитъ отбросить букву *п*'съ придыханіемъ и окончаніе *ос*, приставляемое обыкновенно Армянами къ иностраннымъ собственнымъ именамъ (какъ это было у нихъ въ древности), и мы получимъ *рамир*. Если прибавить къ началу послѣдняго остова букву *в*, да *р* замѣнить буквою *л*, то образуется *вламир*, близко граничащее съ именемъ *Владиміръ*.

[6]) Какъ здѣсь, такъ и въ продолженіи всего разсказа обоихъ Сказаній употребляется слово *царь*, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть *великій князь*.

[7]) Показаніе о 12-ти сыновьяхъ вѣрно; вѣрно и то, что Борисъ и Глѣбъ были младшіе изъ сыновей Владиміра отъ одной матери, а именно Болгарыни Анны.

вслѣдствіе чего ихъ любили и отецъ и всѣ князья. Отецъ ихъ П'рамиросъ [8]) заболѣлъ. Народъ Питцаковъ [9]), узнавъ о томъ, сдѣлалъ набѣгъ на землю Рузовъ. Отецъ послалъ Романоса съ войсками противъ нихъ, а самъ преставился изъ сего міра съ доброй вѣрой во Христа.

Старшій изъ сыновей его (царя) Стаполкасъ [10]) случился при кончинѣ отца. Онъ былъ злаго нрава и завидовалъ успѣхамъ Романа и Давида. Когда Романъ возвратился изъ похода съ великой побѣдой, Стаполкасъ скрылъ отъ него кончину отца [11]): онъ измышлялъ, какъ бы погубить его, чтобы самому одному владѣть страною. Романъ же, услыхавъ о смерти отца, оплакивалъ ее. Войско [12]) открыло ему коварство брата, возбуждая его возстать на него; но онъ отвергалъ это изъ уваженія къ старшинству [13]), говоря: «мнѣ не надобенъ этотъ міръ, и я готовъ на смерть ради надежды на Христа».

И между тѣмъ, какъ онъ, поставивъ шатеръ, стоялъ подъ Кива-городомъ [14]), и священники въ его присутствіи совершали утренніе часы, вдругъ напали на него вооруженные воины, по приказанію беззаконнаго брата (его), Евстаполка [15]), и поразили мужественнаго Романоса [16]). А онъ, имѣя передъ собою икону съ изображе-

---

[8]) См. *примѣч.* 5-е.

[9]) *Питцаки*—Армянская форма имени *Печенѣгъ*. У Армянскаго лѣтописца Матѳея Едесскаго (XII в.) мы встрѣчаемъ это имя подъ формою *Патценк*, близко подходящею къ Греческой формѣ.

[10]) *Стаполкасъ*; изъ-подъ этой прозрачной формы ясно видно имя *Святополкъ* (I). Ниже, какъ мы увидимъ, оно сильнѣе искажается подъ перомъ переписчика, являясь *Евстаполк*'омъ.

[11]) ...И се вѣстникъ приде къ нему, сказая отцю ему смерть, како преставися отецъ его Василии: въ се бо имя быше нареченъ въ святомъ хрещеньи и како Святополкъ потаи смерть отьца своего»... (*Сказание* страстотерпьцю святую мученику Бориса и Глѣба. Изданіе И. Срезневскаго. СПБ., 1860 г., стр. 43).

[12]) Подъ словомъ *войско* разумѣть должно *дружину*.

[13]) «И рѣша ему дружина: поиди сяди на столѣ отни, се бо вси вои въ руку твоею суть. Онъ же къ нимъ отвѣщеваше: не буди ми взяти руки на брата моего, еще же и на старѣйша мене, его же быхъ имѣлъ якы отца. Се слышавше вои разидошася отъ него, а самъ оста токмо съ отрокы своими. (Тамъ же, стр. 47).

[14]) *Кива*-городъ, *Кіевъ*-городъ.

[15]) См. *примѣч.* 10-е.

[16]) «Възбнувъ рано и виде, яко годъ есть оутрѣнии... рече къ прозвутеру: «встани, начни оутренюю»... Послании же придоша отъ Святополка... и поступиша близъ. И слышаша блаженаго гласъ страстотерпца, поюща псалъмы заутрьняю. Бяже же ему вѣсть о убьении его. И начатъ пѣти: «Господи что ся умножишася стужащи ми, мнози въсташа на мя... и пр. Боязьни въ любви нѣсть, съвершеная бо любы выну измещетъ боязнь. Тѣмъ же, Владыко, душа моя въ руку Твоею выну, яко закона Твоего не забыхъ»... И яко оузьрѣста попинъ его и отрокъ же служаше ему, господина своего дряхла и печалию облияна суща, зѣло расплакастася и глаголаста: «Милыи наю гос-

ніемъ лика Господня, воззвалъ къ Нему и сказалъ: «Господи! страстно желаю къ Тебѣ, и хотя красота тѣла моего блекнетъ отъ меча, но душа моя стремится видѣть Тебя—мою радость. Ты Самъ вѣдаешь, Господи, что я умираю невинно по зависти (только), какъ Авель отъ Каина. Посѣти меня, Боже мститель, и не покидай меня изъ рукъ своихъ». (Воины) готовилися убить его, уже покрытаго ранами, когда онъ попросилъ ихъ дать ему время помолиться, и онъ сказалъ: «Господи, благодарю Тебя, избавляющаго меня отъ этой суетной жизни!» Окружающіе проливали слезы, лишаясь добраго своего князя и милаго *барона* [17]) своего, говоря: «о христолюбивый и благочестивый государь! почто ты возненавидѣлъ жизнь свою и предалъ смерти свой прекрасный образъ»?

Вмѣстѣ съ святымъ (княземъ) былъ убитъ также одинъ изъ его служителей [18]). Положили тѣло блаженнаго на телѣгу и повезли въ крѣпость Веселоратонъ [19]), пока онъ еще былъ живъ. Но тутъ подоспѣли другіе воины отъ беззаконнаго брата его Евстаполка и мечемъ раскрыли ему бокъ. За симъ онъ отдалъ Богу душу, какъ приношеніе благовоннаго ладона. И ввезли святое тѣло въ крѣпость и поставили въ церкви св. Василія [20]).

И (Евстаполкъ) послалъ къ брату Давиду (сказать): «отецъ зоветъ тебя» [21]). И когда этотъ подходилъ еще къ городу, узналъ о смерти отца и объ успеніи брата. Онъ горько заплакалъ, обращая жалобныя рѣчи къ брату: «Горе мнѣ, лишившемуся тебя, милый невин-

---

подине драгыи, колкои благости сподобленъ бысть, яко не въсхотѣ противитися брату своему любве ради Христовы»... и се рекъша оумилистася. (Тамъ же, стр. 48—50).

[17]) *Баронъ.* Мы съ намѣреніемъ удержали это слово въ нашемъ переводѣ: оно имѣетъ важное для насъ значеніе здѣсь, ибо присутствіемъ своимъ указываетъ на мѣсто редакціи Армянскаго Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, а именно на Киликію. Въ Киликіи оно вошло въ Армянскій языкъ и получило въ немъ право гражданства при владычествѣ въ ней династіи Рубэнидовъ въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Армянскіе владѣтельные князья приняли этотъ титулъ вмѣстѣ со многими западными титулами, каковы: *маршалъ*, *конетабль*, *сиръ* и пр. Слово *баронъ* здѣсь употреблено въ значеніи *господинъ*, *князь*. Послѣднихъ царей Грузинскихъ Армяне называли *баронами*. У нынѣшнихъ Армянъ оно употребляется въ смыслѣ monsieur.

[18]) «Видѣ же отрокъ его вержеся на тѣло его, рекши: «Да не остану тебе, господине мои драгыи; да идѣ же красота тѣла твоего оувядаетъ, ту азъ да сподобленъ буду съ тобою животъ свои скончати». Бяше же сь родомъ Оугринъ, именемъ же Георгии»... и пр. (См. тамъ же, стр. 50).

[19]) *Веселоратонъ*—это, конечно, *Вышгородъ*.

[20]) «Блаженаго же Бориса обертѣвше въ шатеръ, възложивъше на кола повезоша. И яко быша на бору, начатъ въсклаляти святую свою главу. И се оувѣдѣвъ Святополкъ посла два Варяга, и прободоста и мечемъ въ сердце... И положиша тѣло его, принесъше таи. Вышгородѣ оу церкви святого Василія. въ земли погребоша и». (Тамъ же, стр. 52).

[21]) «И се на оумѣ си положивъ злыи свѣтникъ дияволь: посла по блаженаго Глѣба, рекъ: приди въ борзѣ, отець зоветъ тя и не здравить велми»... (Тамъ же, стр. 54).

ный братъ! Горе мнѣ! Какая горькая смерть заставила тебя покинуть сей міръ? Горе мнѣ! Какая неповинная смерть вынудила тебя оставить жизнь? Горе мнѣ, ибо прекрасный твой образъ, красивый твой станъ, могучая юность твоя покрылась землею! Но ты, братъ мой желанный, ты, какъ невинный, имѣешь дерзновеніе передъ Господомъ: моли Его сдѣлать меня участникомъ въ твоихъ страданіяхъ и въ твоей славѣ!» [22]).

Между тѣмъ какъ онъ проливалъ слезы, (сидя) въ ладьѣ, приближаясь по рѣкѣ (къ берегу), вышли ему на встрѣчу воины невѣрнаго брата его Евстаполка, схватили святаго и, когда онъ еще молился, отсѣкли ему голову: она была принесена Богу, какъ непорочная жертва [23]). И взявъ тѣло блаженнаго Давида, бросили его въ каменистое пустынное мѣсто. Но Богъ не скрылъ этого честнаго сокровища; ибо тѣло въ продолженіе многихъ лѣтъ оставалось неповрежденнымъ и нетронутымъ отъ хищныхъ звѣрей: свѣтовой столпъ являлся на томъ мѣстѣ и слышались ангельскіе голоса [24]).

Пастухи слышали (голоса), видѣли (свѣтовой столпъ), пришли разъ и разсказали (о видѣнномъ и слышанномъ): никто не обратилъ на то вниманія. Боялись коварнаго Евстаполка, ибо велико было его могущество. Однако долготерпѣніе Божіе возъимѣло (наконецъ) предѣлъ относительно того невѣрнаго: оно отмстило за кровь праведниковъ черезъ посредство благочестиваго ихъ брата, по имени Руславусъ [25]). Онъ, во главѣ многочисленнаго войска, пришелъ, сра-

---

[22]) «Присла Ярославъ къ Глѣбу, река: «Не ходи, брате, отець ти умерлъ, а братъ ти оубиенъ отъ Святополка». И си слышавъ блаженыи възопи плачемъ горькомъ и печалию сердечною. И сице глаголаше: «Оувы мнѣ... плачюся по отци, плачюся паче, зѣло очаявся, по тебѣ, брате и господине Борисе. Како прободенъ еси! Како безъ милости прочи смерти предася! Како не отъ врага, но отъ своего брата пагубу восприялъ еси! Оувы мнѣ! Оуне бы ми съ тобою оумрети, неже оуединому и оусирену отъ тебе, въ семъ житии пожити. Азъ мняхъ лице твое оузрѣти ангельское. Ти селика туча постиже мя... О милыи мои брате и господине, аще еси получилъ дерзновение оу Бога, моли о моемъ оуныньи, да быхъ и азъ сподобленъ былъ туже смерть прияти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прелестнемь». (См. тамъ же, стр. 55).

[23]) «И сице ему стенющу и плачущу и слезами землю омачающу... приспѣша внезапу послании отъ Святополка злыя его слугы... И яко быша равно пловуще, начаша скакати змия они въ ладию его, обнажены мечи имуща, въ рукахъ блещащася якы вода.... Тогда оканьныи Горясѣръ повелѣ и зарѣзати въ борзѣ. Поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, иземь ножъ и закла блаженаго, акы агня безлобиво... И принесеся Господеви жертва чиста, свята и благовоньна, и взиде въ небесныя обители къ Богу». (См. тамъ же, стр. 55—56, 58).

[24]) и [25]) «Оубьену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ, межю двѣма кладома, и Господь всегда не оставляетъ своихъ рабъ... И сему оубо святому лежащю долго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудь пребыти, но показа овогда же свѣща горяща. И пакы пѣния ангельская слышаху мимоходящии гостие, и инии же ловы дѣюще и пасущи, иже слышаще и видяще, не бысть памяти ни единому же о возискании тѣлеси свя-

зился съ коварнымъ братомъ, обратилъ его въ бѣгство, и онъ отъ (полученныхъ) ранъ околѣлъ въ страшныхъ мученіяхъ [26]).

И благочестивый Руславусъ, завладѣвъ страною, сталъ искать святыя мощи брата своего Давида. Онѣ были ему указаны. Пошли въ пустыню и тамъ нашли тѣло св. Давида, какъ бы спящаго. Взяли его при пѣніи псалмовъ и молитвъ, понесли и положили подлѣ брата его Романа. И Богъ далъ имъ силу чудотворенія. И новообращенная страна Рузовъ, благодаря многочисленнымъ чудесамъ, еще крѣпче утвердилась въ вѣрѣ во Христа [27]).

Разъ воины [28]) пришли въ церковь св. Василія молиться. Мощи блаженныхъ были еще подъ спудомъ. Одинъ изъ воиновъ неосторожно наступилъ на ихъ могилу. Тогда, по изволенію Божію, изъ могилы святыхъ блеснулъ огонь въ виду многихъ и опалилъ ноги того мужа, который съ небреженіемъ коснулся могилы святыхъ. Послѣ того всѣ подходили къ ней осторожно [29]).

Нѣсколько дней спустя послѣ этого чуда, сдѣлался пожаръ въ церкви св. Василія, гдѣ покоились мощи святыхъ, и братъ святыхъ,

---

того, дондеже Ярославъ, не терпя сего злаго убииства, движеся на братоубиица онаго оканьнаго Святополка». (См. тамъ же, стр. 59—60).

Упоминаемый въ Армянскомъ Сказаніи *Руславусъ* есть Ярославъ Нижегородскій.

[26]) «И приде Ярославъ на Святополка и побѣди и. И бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы» (см. тамъ же, стр. 63); слѣдовательно Святополкъ умираетъ въ чужой странѣ; изъ разсказа Армянскаго Сказанія мы заключаемъ другое, какъ будто онъ умеръ тутъ же отъ жестокихъ ранъ.

[27]) «И оттолѣ крамола преста въ Рустѣи земли, и Ярославъ прия всю власть земля Рускыя. И начатъ въпрашати о тѣлесѣ святою, како или гдѣ положена еста. И о святѣмъ Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положенъ есть, а о святѣмъ Глѣбѣ не вси свѣдаху. Яко въ Смоленскѣ оубиенъ есть. И тогда съказаша Ярославу свои ему. яже слышаша отъ приходящихъ оттуду, како видѣша свѣтъ и свѣща въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ посла на взисканіи къ Смоленьску прозвутеры рекше: Тъ есть мои братъ. И шедше обрѣтоша, идеже и бѣша видѣли и. И шедше съ кресты и съ честью и свѣщами мнозѣми и съ кандилы... и пришедше, положиша и Вышгородѣ, идеже лежитъ тѣло преблаженаго Бориса, и раскопавше землю и туже и положиша... Се же пречюдно и дивно, и памяти достойно, како и колико лѣтъ лежало тѣло святаго невреженo пребысть, ни отъ коего плотоядця, ни бяше почерпѣло, яко же и обычаи имуть тѣлеса мертвыхъ, но свѣтло и красно и цѣло и благовонно имуще. Не можеть градъ укрытися верху горы стоя... тако и сия святая постави свѣтити въ мірѣ и премногыми чюдесы сияти въ Рустѣи странѣ, идеже много стражющихъ спасени бювають». (См. *тамъ же*, стр. 64—66).

[28]) Рѣчь идетъ о *Варягахъ*-дружинникахъ, упоминаемыхъ въ Русскомъ Сказаніи. (См. тамъ же, стр. 71).

[29]) ...«Придоша бо единою Варязи близъ мѣста, идеже лежаста подъ землею погребена, и яко единъ въступи, въ томъ часѣ огнь ишедъ отъ гроба, зажьже нозѣ его... И оттолѣ начаша не смѣти близъ приходити. нъ съ страхомъ поклоняхуся». (См. тамъ же, стр. 71).

Руславусъ, въ сопровожденіи многихъ священниковъ пришли и открыли могилу святыхъ, и увидѣли ихъ нетлѣнными, съ сіяющими лицами, какъ бы (покоящимися) во снѣ. Взяли ихъ, перенесли въ другую малую часовню, недалеко отъ церкви и положили на возвышенномъ мѣстѣ [30]).

Нѣкто по имени Мироне [31]), имѣвшій изсохшія ноги, опираясь на посохъ, съ вѣрою пошелъ къ мощамъ святыхъ [32]). Святые явились ему въ видѣніи и сказали: «Мироне! Чего ты ищешь»? Тотъ, указавъ на свои ноги, сказалъ: «Государи мои! исцѣленія ногъ моихъ». Святые осѣнили ихъ крестнымъ знаменіемъ. Тотъ проснулся исцѣленнымъ, бѣгалъ въ радости, говоря: «я видѣлъ святыхъ исповѣдниковъ вмѣстѣ съ Георгіемъ и горящія передъ ними лампады [33]).

Какой-то слѣпой, услыхавъ это, пошелъ ко гробу святыхъ, коснулся глазами гроба и тотчасъ прозрѣлъ [34]).

Когда государь услыхалъ о великихъ чудесахъ, совершаемыхъ его братьями, то построилъ красивую церковь о пяти [35]) главахъ во имя

---

[30]) «И по сихъ по малѣ дни възгорѣся церкы святого Василия... Повѣдаша же Ярославу о всемъ семь. Тъ призвалъ митрополита Иоана, сказа ему о святою мученику брату своею... и шедъ отъ князя, събере клиросъ и все попавьство, и повелѣ поити въ похрьстьхъ Вышегороду. И поидоша до мѣста идеже лежаста святая; бѣ же съ ними и Ярославъ князь... И приступи митрополитъ Иоанъ съ прозвутеры, съ страхомъ и любовию; откры гробъ святою, ти видѣша чюдо преславно, телеси святою никакои же язвы имуща, но присно всецѣло и лица свѣтьлѣи бяста якы ангела... И несъша въ ту храмину, яже бяше поставлено на мѣстѣ погорѣвъши церкви. (См. тамъ же, стр. 71—72).

[31]) *Мироне* этотъ есть *Миронѣгъ* Русскаго Сказанія.

[32]) Здѣсь Миронѣгъ самъ представляется съ сухими ногами, между тѣмъ какъ въ Русскомъ Сказаніи говорится о *сынѣ* Миронѣга, у котораго сухія и скорченныя были ноги (см. у г. Срезневскаго стр. 73).

[33]) ...«И пришедъ (отрокъ) къ святыма, падъ ко гробу святою, молися Богу и святыма, исцѣления прося отъ святою. И прѣбваше день и нощь моляся съ слезами. И въ едину нощь явистася ему святая страстотерпца Христова Романъ и Давидъ, и глаголаста: Что въпиеши къ нама, оному же показующю ногу, исцѣления просящю, и емъша ногу сухую, прекрестиста ю трижды. И оубужься отъ сна видѣся съдравъ, и въскочи славя Бога и святою, исповѣда всѣмъ, како исцѣлиста и, и повѣдаше яко съ нима видѣвъ Георгия, оного отрока святого Бориса, ходяща съ нима и носяща свѣщю. И видѣвше людие таковое чюдо, прославиша Бога о бывшемъ» (См. тамъ же стр. 73). Въ Армянскомъ Сказаніи не говорится, что «Георгій шелъ съ ними, неся свѣчу», а «я видѣлъ святыхъ исповѣдниковъ вмѣстѣ съ Георгіемъ и горящія передъ ними лампады».

[34]) «Мужъ нѣкто бѣ слѣпъ. Пришьдъ паде оу гробу святою, и цѣловавъ любезно, очи прикладая, исцѣления просяще. И абие прозрѣ. И вси прославиша Бога и святою мученику» (см. тамъ же, стр. 73).

[35]) ...«Церковь *о пяти* главахъ»... Въ Армянскомъ Сказаніи стоитъ: «о *семи* главахъ»: явная ошибка переписчика, поставившаго *седьмую* букву Армянскаго алфавита вмѣсто *пятой*, которыя буквы въ письмѣ мало отлича-

святыхъ, куда были перенесены честныя ихъ мощи. Постановлено было праздновать ихъ память каждогодно 8-го Іюля [36]).

Въ день освященія церкви, когда праздновалась память святыхъ, во время обѣдни, какой-то разслабленный приползъ ко гробу и обрѣлъ исцѣленіе, чему свидѣтелемъ былъ государь и всѣ присутствовавшіе. Всѣ единогласно прославляли Бога, который являлъ чудеса на святыхъ своихъ [37]).

Одинъ нѣмой, разслабленный, лишенный пятокъ, пришедъ упалъ у храма святыхъ. Въ праздникъ святыхъ онъ приблизился къ дверямъ, гдѣ служили молебенъ въ честь святыхъ, но не обрѣлъ милости. Опечаленный онъ тутъ же заснулъ. И видитъ онъ во снѣ себя какъ бы въ церкви и святыхъ исповѣдниковъ, которые, вышедъ изъ алтаря, осѣняли крестнымъ знаменіемъ уста его и ноги. Стоявшіе вокругъ люди видѣли, въ какомъ онъ былъ ужасѣ отъ видѣнія, и думали, не бѣсовское ли то навожденіе. Они сжалились надъ нимъ, и потому подняли его и понесли какъ мертваго въ церковь святыхъ въ надеждѣ быть свидѣтелями чуда. Тогда на глазахъ всѣхъ дѣйствительно совершилось чудо; ибо видно было, какъ изъ разслабленнаго безчувственнаго колѣна выростала ступня, а затѣмъ и пята, какъ у новорожденнаго дитяти. И не болѣе какъ въ часъ времени нога дошла до размѣра ноги взрослаго человѣка. Тутъ проснулся человѣкъ тотъ и, пришедъ въ себя, тотчасъ разсказалъ видѣніе. И всѣ въ удивленіи Богу воздавали славу [38]).

ются одна отъ другой по своему начертанію. Въ нашемъ переводѣ мы исправили эту описку.

[36]) «Тогда Миронѣгъ повѣда князю обѣ чюдѣ... И възгради церковь велику, имѣющю верховъ пять, исписа всю, и оукраси ю вьсею красотою. И шедше съ хрьсты Іоанъ митрополитъ, князь Ярославъ, и все попавьство и люди. и прѣнесоша святая, и церковь освятиша. И оуставиша праздникъ праздьновати мѣсяца иоуля въ кд. въ ньже день оубиенъ преблаженныи Борисъ. Въ тъ же день церквы освящена, и прѣнесена быста святая» (Тамъ же, стр. 73—74).

[37]) «И еще сущемъ въ церкви на святѣи литургии и князю и митрополиту, и бѣ человѣкъ ту хромъ, и приде ползая мьногомъ трудомъ, и приде въ церковь, моляшеся Богу и святыма. И абие оутвердистася нозѣ ему благодатью Божіею и молитвою святою. И воставъ ходяше предъ всѣми. И то чюдо видѣвше, самъ благовѣрный князь Ярославъ, и митрополитъ и всѣ людие, хвалу въздаша Богови и святымъ» (Тамъ же, стр. 74).

[38]) «Бяше нѣкоторыи человѣкъ нѣмъ и хромъ. и оуята бѣ ему нога по колѣно, и съдѣлавъ ногу деревяную, и хожаше на неи, и пребываше оу церкви святою, съ инѣми оубогыми, приемля требование отъ хрьстиянъ, еже кто подаваше ему: овъ ризу, инъ же елико хотяше. И бяше человѣкъ Вышгородѣ старѣи огородьникъмъ, зовемь бяше Жьдань по мирьскому, а въ крещении Никола. И творяше праздьньство святому Николѣ по вся лѣта. Въ единъ же отъ днии сице ему творящю, и идоша тамо оубозии, идежъ и онъ хромець чаяше нѣчто взяти. И вшедъ домъ тъ, сѣдяше предъ храминою. По приключаю же не подаша ему ни ясти, ни пити, и пребысть алченъ и жаденъ. И абие бысть внезапу въ иступлении и видѣ видѣніе. И мняшеся оумомъ сѣдя оу церквы святаго. И оузрѣ святая Бориса и Глѣба исходяща акы изъ

Въ другомъ городѣ той же страны Рузовъ былъ слѣпой, который каждый день ходилъ въ храмъ св. Георгія, съ вѣрою прося исцѣленія. Св. Георгій явился ему въ видѣніи и сказалъ: «Человѣкъ! о чемъ ты молишь меня? Развѣ ты не знаешь, что Богъ далъ силу чудотворенія свв. Роману и Давиду?» Проснувшись, онъ немедленно отправился въ храмъ святыхъ, и когда онъ съ вѣрою приблизился ко гробу блаженныхъ, мгновенно прозрѣлъ [39]).

Много другихъ совершено чудесъ этими святыми, и они записаны въ пространной ихъ *исторіи* [40]). Чудеса совершаются ими и понынѣ.

Многіе изъ нашей страны (т. е. Арменіи), видѣвшіе эти чудеса, разсказывали намъ [41]). Новообращенную страну Рузовъ посредствомъ многоразличныхъ чудесъ утвердилъ Богъ въ познаніи истинной вѣры. Ибо оба родные брата—Романосъ и Давидъ, какъ свѣти-

---

олтаря и идуща къ нему, онъ же паде ницъ. И имше и святая за руку, акы посадиста, и начаста глаголати о исцѣлении его; и потомъ прехрьстоста оуста его, имьша ногу его вредьную, и акы масломъ помазающе, протягаста колѣно его. И то все недужныи акы во снѣ видяше, бѣ бо палъ ницъ въ дому томъ. Люди видѣвъше и тако падьша, обращахуть и сѣмо и овамо; онъ же лежаше акы мертвъ и не могы двигнути оусты и очима. Токмо душа его въ немъ бяше, и сердце кльчаше въ немъ. И вси мняху, яко поразилъ и есть бѣсъ, вземше несоша, и положиша оу церквы святою предъ дверми. И мнози людие стояху около зряще, и дивяшеся видѣти чюдо преславно, яко явися изъ колѣна нога, акы младу дѣтищю, и начатъ расти и доидеже бысть акы и другая; не на мнозѣ бо си времени, но въ единъ часъ. И видѣвше обрѣтъшеися ту прославиша Бога и Его оугодника мученика Романа и Давида. И купно възопиша глаголюще: Кто възглаголетъ силы Господня и слышаны сотворитъ вся хвалы Его? И паки: Дивенъ Богъ творяи чюдеса единъ». (Тамъ же, стр. 77—78).

[39]) «Паки нѣгдѣ бяше въ градѣ человѣкъ слѣпъ, приходяи къ церкви святого Георгия, молящеся святому Георгию, и просяше дабы прозрѣлъ. И сице ему творящю, въ едину нощь спящу ему, явися ему святыи мученикъ Георгии, глаголя къ нему: что вопиши ко мнѣ человѣче, но аще прозрѣния требуеши, то азъ ти повѣдѣ, иди ко святыма Борисови и Глѣбови; и та ти имата дати видѣние, аще хощета, его же ты требуеши; тѣма бо дана есть благодать отъ Бога, въ странѣ земля Руския, прощати и исцѣляти всяку страсть и недугы. И си видѣвъ и слышавъ, въспрянувъ отъ сна, пути ся ятъ, яко же повелѣно ему бысть. И пришедъ прѣбываше оу церкви святою мученику днии нѣколко припадая моля святая, доидеже бысть ему посѣщение. И прозрѣ, и бысть видя, славя Бога и святая мученика, яко приятъ съдравие» (Тамъ же, стр. 80).

[40]) *Исторія.* Здѣсь употреблено въ значеніи *Сказаніе.*—Армянскому любознательному путешественнику, какъ видно изъ этихъ немногихъ его словъ, извѣстны были не тѣ только чудеса, которыя приведены имъ въ своемъ Сказаніи, но и «*тѣ многія, кои записаны въ пространномъ Сказаніи Русскомъ*»: онъ только «разсказалъ и изложилъ немногое изъ многаго», какъ онъ самъ выражается черезъ нѣсколько строкъ.

[41]) О посѣщеніи Армянъ Кіева и вообще южной Россіи въ древности см. выше въ нашемъ *введеніи.*

ла, распространили между Рузами лучи богопочитанія, благодаря чудесамъ, многоязычная молва о которыхъ шла всюду. Мы здѣсь разсказали и изложили немногое изъ многаго.

Послѣ Руславуса воцарились сыновья его, Баладима и Мономахъ [12]), которые еще бо̀льшимъ, чѣмъ ихъ отецъ, почтеніемъ окружили святыхъ: украсили ихъ гробъ серебромъ и золотомъ, жемчугами и драгоцѣнными каменями [13]). Храмъ же былъ возобновленъ въ болѣе великолѣпномъ видѣ [14]) въ лѣто Армянскаго лѣтосчисленія 621-е [15]).

Всѣ Рузы съ большимъ торжествомъ празднуютъ память ихъ (т. е. свв. Романа и Давида), и не одинъ разъ въ году. Во время каждаго празднованія обильно изливается благодать исцѣленія отъ разныхъ недуговъ, во славу Христа Бога нашего.

Кончина святаго Ѳомы, епископа Енкрузовъ [1]).

9-ю Іюля.

Святой Ѳома [2]) по Божіему указанію былъ избранъ въ епископы и сѣлъ въ царствующемъ городѣ Кизлѣ [3]). Онъ былъ (мужъ) цѣломудренный и воздержный, украшенный всѣми добродѣтелями, строгій блюститель божественнаго закона. Царь [4]) Енкрузовъ не ходилъ по волѣ Божіей: ко многимъ беззаконіямъ своимъ прибавилъ онъ еще прелюбодѣяніе, ибо, оставивъ святое супружество, предавался разнообразному разврату. Онъ возъимѣлъ даже желаніе посадить на престолъ царства сына, прижитаго въ прелюбодѣяніи. Противъ этого возсталъ истинный первосвященникъ Ѳома и не далъ помазанія сыну отъ блудницы. Царь, разгнѣванный на это, созвалъ всѣхъ еписко-

---

[12]) Здѣсь опять путаница въ собственныхъ именахъ. Ярославъ I былъ дѣдъ Владиміра-Мономаха, а не отецъ; отцемъ же послѣдняго былъ Всеволодъ I. Простодушный переписчикъ изъ *Владиміра-Мономаха* сдѣлалъ *Баладимъ и Мономахъ*—два лица, и принялъ ихъ за сыновей Ярослава.

[13]) Въ Русскомъ Сказаніи о Мономахѣ говорится: «И сь оубо многую любовь имѣя къ святыма, и мьного приношение творяше къ святыма, таче и сице оумысли старити да окуеть сребромъ и златомъ святѣи рацѣ честьною мученику... (см. тамъ же, стр. 84 и далѣе).

[14]) О построеніи храма и о перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба (см. тамъ же, стр. 86—87).

[15]) 621-й годъ Армянскаго лѣтосчисленія соотвѣтствуетъ 1173 году, что невѣрно, ибо перенесеніе мощей святыхъ было много прежде этого.

*

[1]) См. примѣч. 2-е къ предыдущему Сказанію.

[2]) Мы не могли добраться, кто этотъ Ѳома.

[3]) Городъ *Кизлъ*, вѣроятно, *Кіевъ*: названіе это исказилось подъ перомъ переписчиковъ.

[4]) Кто этотъ царь, мудрено опредѣлить.

повъ своего государства внѣ соборной церкви, безъ согласія архіепископа Ѳомы, и приказалъ помазать сына рабыни на царство. Послѣ этого (царь) далъ повелѣніе прекратить отпускъ положеннаго содержанія въ пользу церкви. Тогда блаженный епископъ Ѳома отправился въ Римъ [5]) къ патріарху Александру [6]) и разсказалъ ему обо всѣхъ поступкахъ царя. И онъ (т. е. патріархъ) далъ Ѳомѣ право наложить запрещеніе по всей странѣ. По возвращеніи отъ патріарха, онъ заперъ двери всѣхъ церквей и запретилъ всѣмъ іереямъ священнодѣйствовать по причинѣ беззаконія царя; самъ же Ѳома печалился, какъ въ древности Самуилъ о Саулѣ. Не смотря на то, царь не раскаявался и въ продолженіи цѣлаго года упорствовалъ въ непокорности епископу. Наконецъ, онъ убѣдился въ бѣдствіяхъ, посѣтившихъ страну вслѣдствіе наложеннаго епископомъ запрещенія: служба церковная всюду была пріостановлена, дѣти оставались некрещеными, умершіе не удостоивались законнаго погребенія. Тогда царь, вмѣсто того, чтобы принести раскаяніе, еще болѣе воспламенился гнѣвомъ и сказалъ своимъ князьямъ: «отчего вы не отомстите за меня этому человѣку, причинившему столько бѣдствій моему государству?» Тогда вооружились четверо изъ служителей и съ оружіемъ въ рукахъ устремились къ архіерейскому дому, проникли въ церковь, гдѣ нашли блаженнаго въ самый часъ св. жертвоприношенія передъ священнымъ алтаремъ, съ распростертыми руками, и сказали: «сними наложенное тобою запрещеніе со всей моей страны», говоритъ нашъ государь. На это епископъ: «пусть царь подставитъ выю свою подъ ярмо закона Божія, тогда Самъ Богъ освободитъ эту страну отъ наложеннаго мною запрета». Они же, обнаживъ мечи свои, сказали: «если ты не согласишься, то будешь пораженъ этими мечами». Епископъ сказалъ: «въ объятіяхъ матери всего приличнѣе умертвить младенца, и я готовъ умереть за свой законъ». Одинъ изъ нихъ поднялъ на него мечъ и отсѣкъ епископу голову, когда онъ, наклонившись надъ алтаремъ, молился. При этомъ одинъ изъ діаконовъ протянулъ руку (подъ ударъ), желая защитить епископа; но ударъ былъ повторенъ, и отпала рука его вмѣстѣ съ головою св. епископа жертвою, угодною Богу. Служители же немедленно возвратились къ царю. И пока металось честное тѣло въ священной крови, изъ двухъ слѣпыхъ, стоявшихъ въ оградѣ церкви и узнавшихъ объ умерщвленіи епископа, одинъ поспѣшно вбѣжалъ въ церковь и съ вѣрою, взявъ отъ той крови, помазалъ себѣ ею глаза съ призываніемъ имени Божія, и тотчасъ прозрѣлъ. Діаконъ, у котораго рука была отсѣчена мечемъ, со слезами на глазахъ приступилъ къ крови епископа, приблизилъ къ ней отсѣченную свою длань, и тотчасъ она присоединилась. Молва объ этомъ распространилась по городу. Приходили многіе недужные, и каждый изъ нихъ получалъ исцѣленіе.

Но царь, когда услыхалъ о чудесахъ, раскаялся и приказалъ, чтобы всѣ епископы страны, собравшись, предали землѣ блаженнаго съ почестями. Равнымъ образомъ раскаяніе взяло и убійцъ, которые оплакивали свое несчастіе. И епископы и священники съ великимъ

---

[5]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о *новомъ Римѣ*, т. е. Константинополѣ.

[6]) Мы не могли уяснить себѣ, кто такой этотъ патріархъ Александръ, и когда онъ жилъ.

торжествомъ положили св. мученнка, епископа Ѳому, въ мѣстѣ его кончины—подъ священнымъ алтаремъ.

Царь послалъ дорогія, шелковыя ткани, приказавъ покрыть ими гробъ и просить (у св. мученика) прощенія. Едва настлали шелковыя ткани надъ могилой, какъ онѣ мгновенно слетѣли съ гроба, раздравшись на мелкіе куски. Видя это, многіе, объятые великимъ страхомъ, были поражены глубоко. Царь, узнавъ о томъ, пришелъ въ ужасъ, отрекся отъ всѣхъ своихъ злодѣяній и не переставалъ оплакивать себя.

Наконецъ онъ поѣхалъ въ Римъ къ патріарху, который наложилъ на него тяжкую епитимію, послѣ чего удостоились причащенія какъ онъ, такъ и все его государство, во славу Христа Бога нашего.

Канцлеръ князь Безбородко *).

XXI.

Последніе месяцы жизни.—Предсмертная болезнь и кончина.

Усилившаяся болезнь привела Безбородку къ убежденію, что для сбереженія остатка силъ непремённо должно разстаться съ служебными занятіями. Обратиться съ просьбою объ увольненіи прямо къ Государю было не особенно ловко, после множества полученныхъ отъ него милостей. Чрезъ постороннее же лицо просить увольненія, безъ предварительной подготовки къ этому впечатлительнаго Императора, было столько-же опасно. Опытный князь-канцлеръ и въ настоящемъ случае поступилъ вполне дипломатически. Въ описываемое время особенно близкимъ къ императору Павлу царедворцемъ былъ и особеннымъ его доверіемъ пользовался князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Къ нему Безбородко, около 10 Декабря 1798 г. [1]), и обратился съ письмомъ, которое можно назвать второю исповедью князя Безбородки, если первою считать ту, которую онъ представилъ покойной Екатерине въ трудные дни своего ослабевшаго значенія при дворе. И эта исповедь вполне характеризуетъ прекрасныя качества князя Безбородки, какъ сановника и человека. «Давно не имелъ я чести васъ видеть и для того дозвольте обременить васъ письмомъ, прибегая къ дружеской вашей помощи въ такомъ деле, которое интересуетъ спокойство и благосостояніе мое въ самой высшей степени. Вы мне отдадите справедливость, что я, хотя мало имелъ способовъ и случаевъ, но никогда не уклонялся тамъ, где могъ, друзьямъ своимъ сделать что-либо угодное. Поступите и со мною такимъ же образомъ, какъ я всегда отъ добраго сердца вашего надеялся. Никогда я не скрывалъ предъ вами моего желанія, еще при жизни покойной Государыни существовавшаго, чтобъ остатокъ дней моихъ прожить въ Москве спокойно. Смерть ея, застигшая (меня) въ тяжкой болезни, поставила меня въ иное положеніе. Государю угодно было, чтобъ я остался при немъ. Я повиновался воле его; онъ осыпалъ меня преизбыточно почестями и щедротами. Ласкалъ я себя, что хотя несколько могу ихъ заслужить моими трудами, но вижу крайнюю свою къ тому неспособность. Два года протекшіе были для меня исполнены болезней. Леченіе нынешняго года разслабило меня до самой крайности, такъ что, верьте— ибо я не привыкъ вещей черными видеть—ощущаю я часто такіе

*) См выше стр. 198.

[1]) Князь Лопухинъ пометилъ письмо Безбородки 10-мъ Декабря.

симптомы, которые мнѣ весьма неотдаленный конецъ предвѣщаютъ. Скоростію работы и понятіемъ награждалъ я прежде природную лѣнь свою; но теперь природное только и осталось, а память и другія дарованія совсѣмъ исчезаютъ. Хотя стыдно, но долженъ признаться, что, работая иногда длинныя пьесы, впадаю я часто въ повторенія и другіе недостатки, каковые, по преданіямъ Жилблаза, подъ конецъ ощущены были въ сочиненіяхъ преосвященнаго Гренадскаго. Мнѣ кажется, что полная свобода, свѣжій воздухъ умѣреннѣйшаго климата и лѣченіе у водъ могли-бы еще поддержать безвременную старость, не по лѣтамъ, но по дѣламъ меня постигшую? Пускай сіе почтете и воображеніемъ; но простительно человѣку, для сохраненія своего, отвѣдать разные опыты. Для сего намѣренъ я принести Его Величеству формальную просьбу, а васъ, милостивый государь мой, прошу въ то время употребить ваше ходатайство, чтобъ я желаемое мною увольненіе и дозволеніе выѣхать на нѣкоторое время въ чужіе края получилъ. Вы за меня легко поручиться можете, что я великій неохотникъ не только до интригъ, гдѣ много бываетъ безпокойства и заботы, но даже и до всѣхъ дѣлъ; слѣдовательно, я не заслуживаю никакого сомнѣнія или подозрѣнія: и въ чужихъ краяхъ, и въ Россіи живучи, кромѣ своего здоровья, покоя и удовольствія, ни о чемъ не намѣренъ помышлять. По дружбѣ ко мнѣ, не оставляйте отдалять всякія непріятности, которыя клеветами злыхъ людей (на томъ и счастіе свое основывающихъ) или воображеніемъ противъ меня, наилѣнивѣйшаго, преспокойнѣйшаго въ свѣтѣ существа, воздвигнуты быть могутъ. Но между тѣмъ, покуда сей рѣшительный шагъ учиню, намѣренъ я попроситься на мѣсяцъ въ Москву, для учрежденія своихъ домашнихъ дѣлъ. Возвратяся, примусь за васъ во всей силѣ, уповая, что вы не упустите случая заранѣе сдѣлать въ мою пользу внушеніе и пріуготовить, чтобы мое желаніе скорѣе и какъ лучше сбылось, и чтобъ я вамъ по конецъ дней моихъ покоемъ и удовольствіемъ обязанъ былъ. Не подумайте, чтобъ я имѣлъ тутъ причины какого либо неудовольствія на одного или другаго человѣка. Я привыкъ всегда себя и должность поставлять въ зависимость отъ одного Государя, а конечно выше всякой посторонней инфлюенціи. Нѣтъ иныхъ причинъ моему исканію, кромѣ сказанныхъ выше, и у меня одно правило: коль скоро чувствую, что я для службы не могу полезнымъ быть, оставить ее; а не такъ какъ многіе, что Богъ ихъ и не сдѣлалъ прочными для службы, да они тутъ свои выгоды находятъ, такъ ея и держатся, не заботясь ни о славѣ государства, ни о его пользѣ, и ни о чемъ, что на насъ налагаетъ долгъ сыновъ Отечества. Ввѣряя вамъ жребій свой, я ласкаю себя имѣть удовольстіе васъ видѣть и на досугѣ о сей-же матеріи побесѣдовать, но завременно прошу васъ и дружбою заклинаю никакихъ не употреблять способовъ къ отвращенію меня отъ принятаго намѣренія, исповѣдуясь предъ вами, что если я не достигну того заслуженнымъ мною образомъ, то, хотя и съ неудовольствіемъ, выдти изъ службы предпочту дальнѣйшему въ ней пребыванію. Вѣрьте, впрочемъ, моей къ вамъ привязанности, и что я въ вашемъ и всего дома вашего добрѣ приму искреннее участіе» [2]).

Получивъ увольненіе на мѣсяцъ, Безбородко, въ концѣ Декабря, уѣхалъ въ Москву.

---

[2]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей 1863 года, книга 3.

Намекъ на другихъ, употребленный Безбородкою въ приведенномъ письмѣ къ Лопухину, имѣлъ значеніе. Онъ объясняется въ письмѣ графа Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 22 Декабря 1798 г. «Князь Безбородко уѣхалъ вчера въ Москву. Онъ предполагаетъ пробыть тамъ до 20 Января. Это его конекъ, и вы знаете, какъ онъ пристрастенъ къ мелочамъ. Кочубей управляетъ Коллегіею въ его отсутствіе. Такъ какъ Безбородкѣ болѣе нечего желать, а лѣнь имъ овладѣваетъ: то, для благовиднаго предлога, онъ прикидывается недовольнымъ, говоря, что пришлетъ изъ Москвы письмо съ просьбою объ отставкѣ, или подастъ такую просьбу по возвращеніи сюда. Не думаю, чтобъ его намѣреніе было окончательнымъ; ибо одно управленіе почтою составляетъ статью, не дозволяющую оставленія службы, когда нельзя дать отчета въ милліонахъ. Ему хотѣлось-бы, чтобъ Императоръ либо не принялъ его просьбы, либо вновь призвалъ его торжественно, по минованіи нѣкотораго времени. Но какъ въ просвѣщенной публикѣ всему находятъ причины, то все это мнимое неудовольствіе князя Безбородки взвалили на меня, приписывая мнѣ виды на должность вице-канцлера, канцлера и прочее» [3]).

Не придавая значенія послѣднимъ замѣчаніямъ графа Ростопчина, очевидно увлекшагося не въ мѣру и навязывающаго Безбородкѣ свои предположенія, обращаемся къ разсказу. Предпринятая поѣздка въ Москву произвела весьма пагубное вліяніе на разстроенное здоровье канцлера. 7 Января 1799 г. онъ такъ говоритъ въ письмѣ изъ Москвы къ гр. П. В. Завадовскому [4]): «По искренней моей къ вамъ и всему дому вашему привязанности, вы, конечно, увѣрены, что я весьма обрадованъ былъ извѣстіями о милостяхъ государскихъ, наканунѣ новаго года вамъ и Катеринѣ Николаевнѣ (женѣ Завадовскаго) оказанныхъ. Продолженіе вашего благосостоянія и преуспѣваніе во всемъ по желаніямъ вашимъ будутъ всегда служить къ крайнему для меня удовольствію. Болѣзненные мои припадки продолжаются во всей силѣ и отъ часу болѣе и убѣдительнѣе мнѣ предвѣщаютъ весьма неотдаленное совершенное мое разрушеніе. Не смотря на все, 16-го въ вечеру или 18-го по утру, выѣду отсюда и надѣюся въ пять дней васъ увидѣть. Настоящая моя поѣздка непохожа на прежнія, хотя у себя и принимаю людей. Я привыкъ съ вами говорить чистосердечно и потому не могу скрыть сожалѣнія объ отставкѣ графа Разумовскаго, которая для службы есть большая потеря. Я не великаго мнѣнія о его моральныхъ качествахъ, но способностей его не замѣнитъ г. Колычевъ. Послѣдняя, отправленная къ нему, экспедиція, конечно бы исправила его, если онъ иногда казался приверженнымъ системѣ двора Вѣнскаго. Если же бы и угодно было перемѣнить его, то никто не могъ быть лучше, какъ графъ Марковъ, который, при большихъ знаніяхъ, умѣлъ-бы удержать и честь, и интересы двора, да и, въ случаѣ нужды, Тугуту, Колоредо и всѣмъ спѣсивымъ Вѣнцамъ сдѣлать хорошее поученіе. Все-же лучше нынѣшняго посла былъ-бы и графъ Николай Петровичъ Румянцевъ. Богъ ему проститъ, что онъ меня не жалуетъ и много мнѣ надѣлалъ неприличныхъ досадъ; но я, гдѣ идетъ дѣло о публичномъ, свое отлагаю въ сторону и считаю, что у двора мелочныя его интриги не годятся; а уѣз-

[3]) Р. Архивъ, 1876, III, 90. [4]) Авторъ ошибается, думая, что письмо это писано къ Завадовскому, коего супругу звали Вѣрою, а не Екатериною Николаевною: это имя княгини Лопухиной. П. Б.

жай онъ, дѣла не испортитъ, смотря за дѣлами, хотя пускай, по слову его, *творитъ сплетни между бабами Нѣмецкими и имъ подобными.* Прошу все сіе сохранить для себя, ибо я не мыслю говоренья противъ сдѣланнаго». Въ заключеніи письма Безбородко «въ милость Завадовскому поручаетъ нѣкоего Пятскаго и проситъ «пособить ему въ исканіи» [5]).

По пріѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, Безбородко, 1 Февраля, писалъ матери: «Недѣля уже тому, что я благополучно возвратился изъ Москвы, не смотря на жестокую стужу и еще несовсѣмъ оправившееся мое здоровье. Отъ сильныхъ морозовъ сидимъ всѣ запершися, такъ что я, кромѣ одного раза во дворецъ, никуда еще не могъ выѣхать. Графъ Андрей Ильичъ вчера, по особливой Его Императорскаго Величества милости, пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Въ Воскресенье представленъ онъ будетъ благодарить. Для успѣшнѣйшаго ученія и лучшаго воспитанія располагаюся я отправить его въ Вѣну, гдѣ онъ, считаяся при посольствѣ, останется года три, а тамъ примется за службу».

Отличая и жалуя всю родню Безбородки, Государь не забылъ и удрученнаго болѣзнями своего канцлера: 18 Февраля 1799 года, указомъ Кабинету, повелѣвалось отпустить пожалованныя ему 100.000 рублей [6]).

Въ Воскресенье, 20 Февраля, не смотря на сильнѣйшую боль въ ногахъ, князь Безбородко явился во дворецъ и участвовалъ въ церемоніи обрученія великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Австрійскимъ Іосифомъ, палатиномъ Венгерскимъ [7]); а при отъѣздѣ домой вручилъ князю Лопухину свою просьбу объ отставкѣ (написанную, какъ я слышалъ, въ Москвѣ, въ присутствіи графа Александра Романовича Воронцова), при чемъ со слезами молилъ князя сейчасъ-же поднесть ее Императору.

Изложивъ свою дѣятельность при Екатеринѣ [8]), Безбородко такъ описываетъ свои труды при императорѣ Павлѣ: «При самой кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы, угодно было Вашему Императорскому Величеству употребить меня не только по департаменту, гдѣ я находился, но и по другимъ дѣламъ. Возведя меня на первую степень чиновъ государственныхъ, щедроты ваши упредили мои заслуги. Краткость времени и болѣзненные припадки, коими одержанъ я былъ въ послѣднее время прошедшаго царствованія, соединяясь съ усиліями, которыя я при семъ случаѣ дѣлать быть долженъ, совершенно разстроили мое здоровье; но если силы, время и обстоятельства не дозволяли мнѣ заслужить столь великія монаршія милости, ревность моя не оставалася въ тунѣ. Въ возвышеніи государственныхъ доходовъ и разныхъ казенныхъ распоряженіяхъ, какъ Вашему Величеству извѣстно, имѣлъ я немалое участіе. Всѣ, учиненныя отъ меня, представленія по дѣламъ политическимъ и другимъ были чужды всякихъ иныхъ уваженій, кромѣ вашей славы и пользы. Охотно продолжалъ-бы я усердную мою службу, если-бы тѣлесныя

[5]) Съ подлинника, въ собраніи автографовъ Румянцевскаго Музея.

[6]) Подлинникъ въ Кабинетѣ Е. И. В., въ книгахъ именныхъ указовъ за 1799 г., № 38.

[7]) СПб. Вѣдомости 1799 года 25 Февраля 1799 г. № 16.

[8]) Эта часть, изложенная Безбородкою въ просьбѣ объ отставкѣ, была приведена мною въ предъидущихъ главахъ, гдѣ требовали обстоятельства дѣла.

немощи, произведя въ дѣйство ихъ и надъ душевными дарованіями, не ослабили до крайности память и другія способности, къ доброму и успѣшному дѣлъ производству необходимо-нужныя. Въ таковомъ положеніи дерзаю прибѣгнуть къ тому-же самому великодушію, съ каковымъ благоволили вы взыскать меня не по мѣрѣ службы моей и, повергая себя къ священнѣйшимъ стопамъ вашимъ, прошу всеподданнѣйше, дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было меня, по болѣзненному состоянію, уволить отъ всѣхъ дѣлъ и для пользованія здоровья моего всемилостивѣйше дозволить отлучиться въ чужіе краи» [9]).

Была-ли просьба Безбородки объ отставкѣ поднесена Павлу, документально неизвѣстно. Мнѣ разсказывали, что была. Въ такомъ случаѣ можно справедливо думать, что Императоръ, жалѣя разстаться съ своимъ канцлеромъ, или догадываясь по внѣшнему виду князя о скорой его смерти, медлилъ исполненіемъ его желанія. Между тѣмъ, быстро развивавшаяся болѣзнь не позволила Безбородкѣ ѣхать за границу, куда его готовился провожать племянникъ, вице-канцлеръ Кочубей [10]).

Изъ словъ подкамердинера Безбородки Степана, отпущеннаго на волю и служившаго впослѣдствіи по найму у Ѳ. П. Лубяновскаго, которымъ записаны были его разсказы, узнаёмъ, что во время своей болѣзни Безбородко «былъ спокоенъ, но задумчивъ, любилъ уединяться; одинъ графъ Петръ Васильевитъ Завадовскій входилъ къ нему безъ доклада». Однажды Степанъ отворилъ ему дверь кабинета. Графъ въ удивленіи на порогѣ остановился. «Помилуйте, князь Александръ Андреевичъ, какое малодушіе!» говорилъ Завадовскій: князь на колѣняхъ молился. Услышавъ голосъ гостя, вскочилъ, отиралъ слезы и извинялся» [11]).

«Когда болѣзнь [12]) Безбородки усилилась такъ, что онъ слегъ, да никого изъ чужихъ притомъ у него не было», передаетъ Ѳ. П. Лубяновскій со словъ подкамердинера Степана, «то князь читалъ нерѣдко со слезами небольшую нерусскую книжку, съ картинкою— Распятіемъ, и пряталъ ее подъ подушку, когда кто входилъ къ нему. Увидѣвъ у меня «Подражаніе Іисусу Христу», на Французскомъ языкѣ, съ тѣмъ же изображеніемъ, Степанъ сказалъ, что точно такую же книжку князь Александръ Андреевичъ любилъ читать, пока могъ, на смертномъ одрѣ» [13]).

Какъ только болѣзнь Безбородки приняла опасный характеръ, императоръ Павелъ приказалъ ежедневно доносить себѣ о состояніи его здоровья и нерѣдко, какъ увѣряли, самъ посѣщалъ больнаго. 6

---

[9]) Жизнь, свойства, военныя и политическія дѣянія: Россійскаго императора Павла I, генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго и канцлера князя Безбородки. Спб. 1805 года, стр. 20—32.

[10]) Р. Архивъ, 1876, III, 65.

[11]) Р. Архивъ 1872, 181—183.

[12]) О болѣзни кн. Безбородки въ одной изъ своихъ записокъ къ Капнисту Львовъ говоритъ: «Писать же самъ ничего я не могу: кромѣ глазной болѣзни, я такъ боленъ болѣзнію князя Александра Андреевича, что отъ утра до вечера бываю у него. Глупъ я, это я чувствую, никогда не умѣлъ разсудкомъ разорвать связь сердечную. Состояніе его меня чрезвычайно безпокоитъ». Сочиненія и письма Хемницера, изд. Я. К. Грота, С.П.Б. 1873 г., стр. 42.

[13]) Р. Архивъ 1872, 181—183.

Апрѣля дежурный адъютантъ Императора, справившись, по обыкновенію, о положеніи страдавшаго канцлера, явился для доклада Павлу въ Михайловскій дворецъ. Въ немъ тогда производились лѣпныя и вообще внутреннія работы, которыя Государь въ это время показывалъ одному изъ иностранныхъ посланниковъ. «Что князь?» спросилъ Императоръ. «Государь», отвѣчалъ адъютантъ: «Россія лишилась Безбородки!»—«У меня всѣ Безбородки», съ досадой возразилъ Павелъ. Что́ было на сердцѣ Царя, когда онъ произносилъ эти слова, сказать невозможно. Афоризмъ, произнесенный Павломъ при извѣстіи о смерти Безбородки, носитъ на себѣ очевидный характеръ дипломатической тенденціи, имѣвшей цѣлію внушить чужеземному представителю, осматривавшему новый царскій дворецъ въ Россіи, сильную вѣру Императора въ геніальность его министровъ. Но его подданные, знаменитые Русскіе люди, судили о князѣ Безбородкѣ иначе: я разумѣю исторіографа Карамзина и законовѣда-администратора Сперанскаго. Первый, въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 3 Іюня 1825 года писалъ: «Графъ Воронцовъ давалъ мнѣ читать письма Безбородки къ графамъ Воронцовымъ о временахъ Екатерины и Павла. Онъ былъ хорошій министръ, если и не великій; такого теперь не имѣемъ. Вижу въ немъ умъ государственный, ревность, знаніе Россіи, то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было въ Безбородкѣ ни высокаго духа, ни чистой нравственности. Заключимъ обыкновенною поговоркою: нѣтъ совершеннаго» [14]. Сперанскій же отозвался, что «въ Россіи, въ XVIII столѣтіи, было только четыре генія: Меншиковъ, Потемкинъ, Суворовъ и Безбородко, но послѣдній—прибавилъ онъ—не имѣлъ характера» [15]. Державинъ отозвался на смерть князя-канцлера двумя стихотвореніями:

I.

Онъ мнѣ творилъ добро,
Быть можетъ, что и лихо;
Но умеръ человѣкъ; не входитъ въ небо зло.
Творецъ! Мольбѣ моей вонми:
Въ объятіе Свое, въ сіянье тихо,
И слабости его прими.»

II.

За сердце и за умъ
Онъ былъ почтенъ двумя царями;
Любимъ, осѣтованъ друзьями.
И не народный шумъ,
Не погребальный блескъ, не звукъ, ему хвала—
Дѣла» [16].

Святлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко скончался отъ «ревматизма съ послѣдовательнымъ развитіемъ водяной» [17], на

---

[14]) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, С.П.Б., 1868 г., стр. 397.
[15]) Жизнь графа М. М. Сперанскаго, барона Корфа, С.П.Б., 1861 г., II, 378.
[16]) Сочиненія Г. Р. Державина. СПБ. 1866 г. т. III, стр. 377 и 378.
[17]) Гельбигъ въ своемъ сочиненіи Russiche Günstlinge говоритъ, что Без-

52 году своей жизни, 6 Апрѣля 1799 года, въ своемъ Петербургскомъ домѣ, въ которомъ теперь помѣщается Почтовый Департаментъ.

Обрядъ погребенія былъ совершенъ 13 Апрѣля. Роскошная картинная галлерея (нынѣшняя почтамская церковь), гдѣ стояло тѣло почившаго князя, представляла печальный видъ. Всѣ картины, стѣны и окна были завѣшаны чернымъ сукномъ, украшеннымъ серебряными крестами и тускло освѣщались четырьмя свѣчами. Въ переднемъ углу, на катафалкѣ, возвышался богатый гробъ съ прахомъ князя, а надъ гробомъ висѣлъ, сдѣланный именно для этого случая, богатый балдахинъ [18]) изъ малиноваго бархата съ золотымъ фигурнымъ подзоромъ на 8 столбахъ и съ страусовыми перьями.

Въ день погребенія князя, съ ранняго утра, Благовѣщенская церковь Александро-Невской Лавры наполнилась массой народа. Императоръ со свитою, родные, сослуживцы, друзья и недруги умершаго князя провожали его тѣло. Обѣдню служилъ архіепископъ Казанскій Амвросій. «По отпѣтіи обѣдни», какъ записано въ Лаврской лѣтописи [19]) «надгробное слово сказывалъ Троицкой пустыни архимандритъ Амвросій [20]), знаменитый тогдашній проповѣдникъ, впослѣдствіи ар-

---

бородко былъ жертвою «водяной болѣзни», развившейся вслѣдствіе «его пиршествъ».

[18]) Митрополитъ Евгеній, въ письмѣ своемъ къ В. И. Македонцу, разсказывая о похоронахъ генералиссимуса князя Суворова-Рымникскаго, между прочимъ, пишетъ, что надъ гробомъ его стоялъ «препышный малиноваго бархату съ золотымъ подзоромъ фигурнымъ балдахинъ на 8 столбахъ. Сей балдахинъ дѣланъ былъ еще для князя Безбородки и оставленъ въ Невскомъ (монастырѣ)». Р. Архивъ 1870, 778.

[19]) Вотъ содержаніе записи о погребеніи князя Безбородки, внесенной въ лѣтопись Лавры. «Сего 799 года Апрѣля 13 дня въ Невской лаврѣ было погребеніе преставльшагося свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Безбородки, и тогожъ числа по утру въ 9 часовъ былъ выносъ покойнаго съ большею церемоніею. Были въ ходу: преосвященнѣйшійИриней, архіепископъ Псковскій и Павелъ, епископъ Тверскій, со архимандриты и протчимъ духовенствомъ. Обѣдню служилъ преосвященнѣшій архіепископъ Казанскій. По отпѣтіи обѣдни, надгробное слово сказывалъ Троицкой архимандритъ Амвросій. По отпѣтіи провода, погребено тѣло при Благовѣщенской церкви, въ палаткѣ, къ стѣнѣ, по правую сторону». Митрополитъ Гавріилъ, который завелъ эту лѣтопись, на заглавномъ листѣ ея написалъ: «Въ сей книгѣ Невскому намѣстнику записывать обстоятельства, заслуживающія вниманія, особливо которыя будутъ относиться къ Невскому монастырю, и записанное каждую треть года представлять намъ». Со смертію его веденіе лѣтописи прекратилось. Послѣднею записью была вышеприведенная запись о похоронахъ князя Безбородки. Подъ нею сдѣлана отмѣтка: «Отъ сего времени описаніе важныхъ происшествій прекратилось». Лѣтопись хранится въ Лаврской библіотекѣ (по каталогу по порядку № 18, по отдѣлу рукописей № 17) подъ заглавіемъ: «Историческое повѣствованіе о началѣ Александро-Невскаго монастыря, или Лѣтопись Александро-Невской Лавры». Въ монастырѣ ведется и другая книга, въ которой записываютъ фамиліи лицъ, погребаемыхъ на его кладбищѣ. Она озаглавлена: «Всеобщій хронологическій списокъ особъ, погребенныхъ въ Александроневской лаврѣ, съ показаніемъ: кто когда скончался, и гдѣ погребенъ».

[20]) Амвросій (Протасовъ) въ Январѣ 1799 г. произведенъ въ архимандрита. Скончался въ санѣ Тверскаго архіепископа, 17 Іюля 1831 года. Въ изданныхъ

хіепископъ Тверскій. На отпѣваніи присутствовали, кромѣ преосвященнаго Казанскаго Амвросія, архіепископъ Псковскій Ириней и епископъ Тверскій Павелъ, провожавшіе тѣло «со архимандриты и протчимъ духовенствомъ» изъ дому въ Лавру. По окончаніи отпѣванія, гробъ вынесли на лаврское кладбище и тѣло канцлера предали вѣчному покою.

Мѣсто, гдѣ погребено тѣло князя Безбородки, въ то время находилось между алтаремъ Благовѣщенской церкви и зданіемъ придворныхъ залъ, изъ которыхъ съ 1819 по 1821 годъ сооружена была церковь во имя Сошествія Святаго Духа, и такимъ образомъ часть Лаврскаго кладбища, гдѣ находились могилы: князя А. А. Безбородки, князя А. А. Вяземскаго, И. И. Бецкаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, очутилась подъ кровлею, образовавъ довольно большое темное пространство между алтаремъ Благовѣщенской и Духовской церквей, называемое теперь «палаткою».

Н. Григоровичъ.

его «Словахъ и рѣчахъ» (СПБ., 1856 г.), проповѣди, произнесенной при погребеніи князя Безбородки, нѣтъ. Къ сожалѣнію, мнѣ нигдѣ не удалось отыскать этой проповѣди ни въ печатномъ, ни въ рукописномъ видѣ.

Приложеніе къ біографіи князя Безбородки.

Записка князя Безбородки о потребностяхъ Имперіи Россійской.

4-го Сентября 1855 г. покойный графъ Д. Н. Блудовъ препроводилъ къ управляющему II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи „копію съ записки князя А. А. Безбородки, своеручно писанной предъ концомъ его жизни, о потребностяхъ Имперіи Россійской“. На копіи неизвѣстною рукою написано: „Cette pièce a été faite par le défunt prince Bezborodko en 1799“. Въ письмѣ же графа Блудова записка была озаглавлена: „Записка для составленія законовъ Россійскихъ“, и для этой именно цѣли передана въ II-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, гдѣ она теперь и хранится.

Россія есть самодержавное государство. Обширность ея, составленіе изъ разныхъ языковъ и обычаевъ и многія другія уваженія сей единый образъ правленія дѣлаютъ ей свойственнымъ. Тщетны всякія вопреки того умствованія, и малѣйшее ослабленіе самодержавной власти навлекло бы за собою отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія.

Государь самодержавный, если онъ одаренъ качествами сана его достойными, чувствовать долженъ, что власть дана ему безпредѣльная не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобъ держать въ почтеніи и исполненіи законы предковъ своихъ и самимъ имъ установленные; словомъ, изрекши законъ свой, онъ, такъ сказать, самъ первый его чтитъ и ему повинуется, дабы другіе и помыслить не смѣли, что они отъ того уклониться или избѣжать могутъ.

Престолъ въ Россіи есть наслѣдственный. Актъ, при коронованіи императора Павла I-го изданный, достаточно объясняетъ порядокъ онаго, и когда оный точно будетъ исполняемъ, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ встрѣтиться ни замѣшательствъ, ни безпокойствъ.

Россійскій Императоръ долженъ быть Греческаго Православнаго Восточнаго закона, такъ какъ его супруга, его наслѣдникъ и его супруга; но что̀ касается до супругъ прочихъ великихъ князей Россійскихъ, оныя могутъ быть и другаго христіанскаго закона, а токмо никто наслѣдникомъ престола облаченъ быть не долженъ, кто не воспріиметъ Православной вѣры.

Коронованіе Императора есть обрядъ, посредствомъ коего Государь, принося торжественное Богу благодареніе, исповѣдуя вѣру свою предъ алтаремъ и народомъ, воспринимаетъ залогъ благодати Божіей къ лучшему управленію своимъ царствомъ. Не было-бы противно самодержавной власти, если бы Государь, по изреченіи сѵмвола вѣры, произнесъ клятвенное обѣщаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя являли бы народу его непорочное намѣреніе цар-

ствовать во славу Имперіи и во благо общественное. Таковая присяга могла бы быть въ слѣдующей силѣ [1]).

Въ Россіи три суть состоянія народныя: дворянство, мѣщанство и поселяне. Всѣ они имѣютъ разныя выгоды и преимущества; но общія ихъ выгоды состоятъ: 1) въ одинаковомъ для каждаго охраненіи законовъ, и потомъ 2) въ одинаковой безопасности личной и со стороны собственности, 3) въ участіи въ управленіи по мѣрѣ того, какъ законы однажды имъ опредѣлили.

Дворяне имѣютъ свои привиллегіи, означенныя въ грамотѣ 1785 года и провинціальныхъ законахъ, такъ что нѣтъ почти нужды распространять оные, а только, собравъ, сложить по порядку.

Мѣщане также въ грамотѣ ихъ 1785 года и въ разныхъ провинціальныхъ правахъ имѣютъ достаточно объясненныя ихъ выгоды.

Но чтó принадлежитъ до поселянъ, то состояніе ихъ требуетъ поправленія. Боже сохрани, чтобъ я тутъ разумѣлъ какую либо излишнюю вольность, которая подъ симъ невиннымъ названіемъ обращалася бы въ своеволіе и подавала поводъ къ притязанію на какое либо равенство всеобщее и суще-химерическое. Я тутъ разумѣю: 1) неоспоримо, что въ Россіи всѣ земли принадлежатъ, яко точная собственность, помѣщикамъ. Государь есть самъ помѣщикъ земель своихъ, дворцовыхъ, экономическихъ, государственныхъ и всѣхъ порозжихъ въ его Имперіи. Не можетъ, слѣдовательно, никто пользоваться ими безъ нѣкотораго условія въ пользу хозяина ихъ. Условія бываютъ или добровольныя, или государственнымъ узаконеніемъ опредѣленныя. Отсюда и выходитъ, что земледѣлецъ или поселянинъ обязанъ удовлетворять хозяина земли или податью, или работою соразмѣрно цѣнѣ ея. Относительно работы нѣтъ нужды входить въ подробное слишкомъ расположеніе, а развѣ только повторить и нѣсколько объяснить манифестъ Павла I-го о крестьянской работѣ 5 Апрѣля 1797 г.; а чтó до оброковъ касается, предоставить соглашенію самихъ помѣщиковъ съ крестьянами; но притомъ нужно въ пользу сихъ послѣднихъ постановить слѣдующія статьи: 1) Крестьяне должны быть привязаны къ землѣ и состоять за тѣмъ, за кѣмъ или за предками его въ ревизіяхъ написаны. 2) Переводъ изъ одной деревни въ другую или на земли не можетъ инако имѣть мѣста, какъ съ вѣдома правленія и добровольно. 3) Продажа деревень не инако быть должна, какъ и съ землями; а личную продажу, яко сущее невольничество, запретить даже и въ рекруты: ибо рекруты должны служить, кому очередь по мірскому приговору приходитъ. 4) Движимость всякая составляетъ неотъемлемую собственность крестьянскую, а денежные капиталы не могутъ помѣщиками болѣе обременены быть, какъ то, чтò Государь съ капиталовъ купеческихъ себѣ получаетъ. 5) Хотя нельзя избѣжать, чтобъ не употреблять крестьянъ въ дворовую службу, но и тутъ бы надобно, чтобъ или они возвращалися на пашню, или другихъ посылали на работу, или же становились вольными и имѣли право при новой ревизіи избрать себѣ службу или состояніе по манифесту Екатерины II, 17 Марта 1775 года. Симъ образуется прямая вольность поселянъ; а когда возстановятся расправы и прочее, чтó въ царствованіе Екатерины II было учреждено, съ нужными поправленіями, тогда и спокойствіе сего класса надолго утвердится.

До сего времени никогда нашимъ нижнимъ классамъ не входилъ въ голову развратъ, подобный Французскаго мнимаго равенства, отъ того, что каждый

[1]) Тутъ очевидно пропускъ. П. Б.

изъ меньшаго предпочиталъ лично добиваться бо́льшаго. Отпущаемый на волю крестьянинъ или казенный поселянинъ старается быть купцомъ, а разбогатившійся купецъ чиновникомъ или дворяниномъ. Полезно сіи желанія оставить въ ихъ силѣ, но затруднять событіе ихъ такъ, чтобы и тутъ польза государственная вмѣщалася. Платежъ податей крестьянскихъ до ревизіи новой при податяхъ съ капиталовъ и вносъ въ городовую казну нѣкоторой суммы для выходящихъ въ купцы весьма нужны и прибыточны. А что до дворянства касается, надобно, чтобъ или заслуги или большая польза, государству явно принесенныя, тутъ рѣшили. Нужны затрудненія и по воинской, и по статской службѣ ихъ.

Верховное въ Россіи правительство есть Правительствующій Сенатъ, императоромъ Петромъ Великимъ учрежденный. Въ Сенатѣ присутствуютъ дѣйствительные тайные и тайные совѣтники. Оные для торжественныхъ засѣданій и случаевъ имѣютъ красныя бархатныя съ горностаями епанчи и шляпы съ перьями на подобіе орденскихъ.

Сенатъ раздѣляется на слѣдующіе департаменты: 1) который вѣдаетъ дѣла политическія и исполнительныя, публикуетъ указы и словомъ (выписать изъ учрежденія о Губернскомъ Правленіи, распространя болѣе); 2) департатентъ уголовныхъ дѣлъ; 3) департаментъ гражданскихъ дѣлъ; 4) департаментъ казенныхъ дѣлъ. Второй и третій департаменты могутъ быть раздѣлены на двое или болѣе. Полезно было бы имѣть таковыхъ департаментовъ два въ Москвѣ, два въ Кіевѣ.

Президенты первыхъ трехъ Коллегій присутствуютъ въ Сенатѣ, въ трехъ случаяхъ: 1) когда Императоръ пріѣзжаетъ; 2) когда дѣло, общаго положенія требующее, трактуется; 3) когда держится генеральный судъ уголовный самой верховной важности. Всѣ генералъ-губернаторы засѣдаютъ и голосъ имѣютъ въ Сенатѣ [2]).

Въ каждомъ департаментѣ сидитъ четыре или пять сенаторовъ. Сверхъ того, опредѣляется по два или болѣе референдаріевъ или статскихъ совѣтниковъ, 4-го или 5-го класса, кои докладываютъ дѣла и по докладѣ предлагаютъ свои заключенія Сенату, а сей утверждаетъ единогласно оные; буде же оные между собою несогласны, да вносятся въ Общее Собраніе, въ которомъ такія рѣшаются дѣла единогласно; а буде произойдетъ разногласіе, въ такомъ случаѣ дѣло вносится къ Государю, дабы онъ его самъ державною властію своею рѣшилъ, какъ ближе и сходнѣе съ силою и разумомъ законовъ.

Для предохраненія правъ самодержавной власти, государственной пользы и соблюденія законовъ и правосудія опредѣляется генералъ-прокуроръ.

Для охраненія силы законовъ опредѣляется государственный законовѣдецъ или канцлеръ юстиціи.

Для вершенія дѣлъ, кои по теченію обстоятельствъ выходятъ изъ общаго положенія, и гдѣ уваженіе по человѣчеству требуетъ смягченія законовъ, опредѣляется Вышній Совѣстный Судъ, въ которомъ предсѣдаетъ вышній совѣстный судья, а съ нимъ присутствуютъ два депутата дворянскіе, два мѣщанскіе и два поселянскіе.

Государь, не могучи объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную Имперію, обзираетъ оную по губерніямъ чрезъ довѣренныхъ его особъ,

---

[2]) Какъ въ учрежденіи сказано. Прим. князя А. А. Безбородки.

и именно одного сенатора, двухъ дворянскихъ, двухъ мѣщанскихъ и двухъ поселянскихъ депутатовъ, которые всѣ раздѣляются такъ, чтобъ каждые три года всякая губернія осмотрѣна была въ подробности.

Подъ вѣдѣніемъ Сената учреждается Генеральный Уголовный Судъ, въ которомъ президентъ бываетъ особа 2-го класса, двѣ особы 4-го или 5-го класса и двое депутатовъ дворянства, двое мѣщанскіе и двое поселянскіе.

Въ семъ судѣ судятся тѣ дѣла и особы, кои не входятъ въ суды губернскіе.

Все собраніе депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ; въ немъ же присутствуютъ четыре совѣтника 4-го или 5-го класса. Когда издается новый законъ, то проэктъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ Общее Сената Собраніе и наконецъ утверждается самодержавною властію.

Буде указъ издаваемый, при первомъ его въ Сенатѣ прочтеніи, покажется вреднымъ, Сенатъ имѣетъ право внести представленіе единогласное къ Государю; но въ случаѣ повторенія его воли, оный записывается и исполняется безъ всякихъ вновь представленій.

Дѣла уголовныя, гдѣ касается до смертной казни, натурально не могутъ быть вершены безъ представленія Государю, который хотя даетъ полную свободу теченію правосудія, но власть имѣетъ, милуя человѣчество, простить или облегчить повиннаго.

Дѣла, касающіяся до оскорбленія Величества, изслѣдуются уголовнымъ порядкомъ и судятся сперва въ Вышнемъ Судѣ, а потомъ и общимъ судомъ Сената, Синода, президентовъ Коллегій и первыхъ трехъ классовъ особъ; но дѣла сіи разумѣются такъ точно, какъ въ Наказѣ Екатерины II-й они ограничены; что же принадлежитъ до словъ поносительныхъ и писемъ, оныя хотя также уголовнымъ порядкомъ разбираются, но должны присылаемы быть на ревизію по порядку не токмо въ Сенатъ, но даже и къ Государю, котораго кротости и милосердію свойственно облегчать судьбу виновныхъ, и дерзкихъ не погублять, но исправлять.

Въ изслѣдованіи по симъ дѣламъ да истребятся всѣ способы потаенные и гдѣ кровь человѣка и гражданина угнетается вопреки законовъ, изданныхъ на прочія дѣла уголовныя.

Хотя всѣ рѣшенія Сената исполняются, но въ дѣлахъ, гдѣ касается до лишенія чести дворянина, да не вершатся безъ доклада Государю [3].

Упоминаніе о присягѣ Государя въ коронацію и о крестьянскихъ волненіяхъ даютъ поводъ думать, что замѣчательная записка эта писана въ началѣ 1797 г. (послѣ 5-го Апрѣля), а отнюдь не въ 1799 г., когда Безбородко былъ уже при смерти. П. Б.

---

[1]) Можетъ быть, на эту записку Ѳ. П. Лубяновскій намекаетъ въ „Воспоминаніяхъ“ своихъ: „Двѣ бумаги были особенно для меня замѣчательны: о государственныхъ фондахъ и о раздѣленіи внутренняго управленія въ государствѣ на министерства, о чемъ, вѣроятно, и тогда уже думали. Не жаловалъ князь Александръ Андреевичъ ни министерствъ, ни министровъ; боялся отъ того въ самодержавномъ правленіи какого-то ущерба въ единой власти, а болѣе всего самолюбія съ властью въ рукахъ и безотчетностью“ (Русскій Архивъ 1872, I, 171).

ПИСЬМО

Великой Княгини Марiи Павловны герцогини Саксенъ-Веймарнской къ княгинѣ В. А. Репниной *)

Weymar, ce 21 Avril (3 May) 1814.

Vous me trouverez bien indiscrète, ma chère princesse, de vous écrire si souvent, et quelque plaisir que je trouve à m'entretenir avec vous, je m'en suis moi-même abstenue par cette crainte, si je n'avais à soigner les intérêts de ma mère pour lesquels je m'adresse à vous dans la persuasion qu'il vous sera donné plustôt qu'à moi de remplir ses désirs. Voici plusieurs échantillons qu'elle m'a fait passer et vous connaissant l'intention d'aller à Leipzig, j'espère que vous ne m'en voudrez pas de vous remettre le choix de ces objets.

Ma mère saura qu'elle vous en devra l'obligation. Il me serait difficile dans se moment-ci de m'acquitter de ses commissions: ici il n'y a rien. Vous recevrez ci-près une caisse renfermant la jambe de notre compatriote Dawydoff, que je vous prie de bien vouloir lui faire passer ainsi que la description allemande que j'ajoute à cette lettre et qui est nécessaire pour qu'il se serve de cette jambe postiche avec facilité. J'ose l'esperér elle m'a semblé bien faite, et je suis heureuse de le savoir soulagé par elle. Ce mécanicien devrait à mon sens avoir un atelier de bras et de jambes postiches: je suis sûre qu'il rendrait des services dans un temps où on en a perdu une si grande quantité. C'est une singulière branche d'industrie à favoriser.

J'ai de plus, chere princesse, à vous prier de remercier le prince Repnin pour la manière aimable avec laquelle il a répondu au prince héréditaire sur le désir qu'il lui avait marqué de détourner d'ici la

---

*) Княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, урожденная графиня Разумовская, была супругою князя Николая Григорьевича Репнина (Волконскаго), который, въ то время какъ писано это письмо, правилъ Саксонiею, съ титуломъ вице-короля (Vice-König von Sachsen). Свое вице-королевское содержанiе князь Репнинъ потратилъ на благотворительныя учрежденiя въ Саксонiи. Имъ же, на свой счетъ, построенъ нынѣшнiй мостъ черезъ Эльбу въ Дрезденѣ, возобновлена и украшена знаменитая Брюлевская терасса. П. Б.

colonne française venant de Glogau. Dites lui que j'ai été bien sensible à l'empressement qu'il a marqué à cette occasion et que je suis charmée de le lui dire. Ayez de plus la complaisance de l'instruire que le major prussien de Rothkirch, des hussards de Silésie, s'est adressé à moi ces jours-ci pour parler de lui au prince Repnin, me disant qu'il avait une affaire désagréable en Lusace dont le prince etait informé, mais dont lui craignait que la résolution ne tardât, bien qu'il avait sollicité le prince de la terminer avant qu'il ne rejoignit l'armée prussienne. Etonnée de m'entendre interpellée dans une chose de ce genre et lui en marquant ma surprise, jai cru démêler dans ses paroles des signes de repentir, et j'en ai d'autant plus la croyance qu'il m'a assuré que cette affaire n'était pas du ressort militaire ni civil, mais simplement un mésentendu. Je dois croire que cet officier ne m'a parlé que parce qu'il sait que je connais sa soeur établie à Altenbourg, et je prie le prince de ne regarder la narration que je lui fais ici que comme une chose que je crois devoir lui dire et point comme une recommandation: il me connaît assez pour savoir que je ne me mèle jamais de ce qui ne me regarde pas.

Voilà assez vous entretenir d'objets étrangers, chère princesse; venons en aux nouvelles, et c'est ce qui me tient à coeur par rapport à notre cher Empereur. Jen'ai encore aucune nouvelle du général *) qui au dire du comte Orloff-Denissoff parti de Paris le 24, n'y était pas encore arrivé. Lui et le general Golz qui a été hier ici m'ont dit que le départ de l'Empereur n'était pas encore fixé; l'on attendait toujours le roi de France (comme cela paraît singulier à prononcer, mais pourtant bien plus agréable que le nom d'empereur de France). Vous saurez le départ de ce dernier pour son île, où je désire qu'on le garde de près pour qu'il y reste, et celui de son épouse, duchesse de Parme, pour Vienne. Votre ancien roi Jérômе fait le partisan, on court après; de son épouse je n'ai rien appris si non ce que les gazettes ont dit qu'elle était à Fontainebleau. Il y a eu un bal fort brillant chex mr de Talleyrand. Mes frères n'etaient pas arrivés le 24 encore.

Adieu, chère princesse, ne m'oubliez pas, portez vous bien et conservez moi votre amitié à laquelle répond toute la mienne étant de tout mon coeur votre affectionnée

Marie.

---

*) Въ подлинникѣ не разобрано имя этого генерала. П. Б.

Переводъ.

Веймаръ, 21 Апрѣля (3 Мая) 1814. Я слишкомъ часто пишу къ вамъ, моя дорогая княгиня, и боюсь, чтобъ вы не сочли меня назойливою. Изъ-за этого опасенія, какъ ни пріятно мнѣ сноситься съ вами, я воздержалась бы отъ писанія; но на этотъ разъ я обращаюсь къ вамъ по дѣлу матушки, убѣжденная, что вы скорѣе исполните ея желаніе, нежели я. Вотъ обращики, которые она переслала ко мнѣ. Я знаю, что вы собираетесь въ Лейпцигъ и надѣюсь, что не прогнѣваетесь на меня, если я предоставлю вамъ выборъ этихъ вещей. Матушка будетъ извѣщена, что вы сдѣлаете ей это одолженіе. Мнѣ же, въ настоящее время, было бы трудно исполнить то, что она поручаетъ: здѣсь не найдешь ничего. За симъ вы получите ящикъ, содержащій въ себѣ ногу для нашего соотечественника Давыдова; пожалуста доставьте ему ее вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ описаніемъ, которое я прилагаю къ этому письму и которое будетъ ему необходимо для того, чтобы пользоваться съ удобствомъ этою искусственною ногою. Мнѣ кажется и я смѣю надѣяться, что она сдѣлана хорошо. Я буду счастлива, если она облегчитъ его. Мнѣ кажется, этому механику слѣдовало бы имѣть цѣлую мастерскую искусственныхъ рукъ и ногъ, и я увѣрена, что это было бы заслугою въ нынѣшнее время, когда столько безрукихъ и безногихъ. Необыкновенную отрасль промышленности приходится поддерживать!—Еще, дорогая княгиня, должна я просить васъ, чтобы вы поблагодарили князя, вашего супруга за любезность, съ которою онъ отнесся къ желанію наслѣднаго герцога касательно того, чтобы миновали насъ Французскія войска, идущія изъ Глогау. Скажите ему, что я очень цѣню готовность, оказанную имъ въ этомъ случаѣ. Пожалуста передайте ему еще, что Прусскій майоръ Роткирхъ, изъ Силезскихъ гусаръ, просилъ меня недавно, чтобы я походатайствовала за него. По его словамъ у него было непріятное дѣло въ Лузаціи, о которомъ доложено князю Репнину. Онъ просилъ князя покончить его и опасается, чтобы оно не затянулось и не задержало его на пути въ Прусскую армію. Я не понимаю, съ какой стати онъ обратился ко мнѣ въ такомъ дѣлѣ. Я говорила ему объ этомъ. Судя по его отзывамъ, надо полагать, что онъ раскаевается, и я тѣмъ болѣе такъ думаю, что по его увѣренію дѣло это не военное и не гражданское, а произошло просто отъ недоразумѣнія. Вѣроятно, онъ обратился ко мнѣ потому только, что я знаю его сестру, живущую въ Альтенбургѣ. И такъ все вышесказанное не должно имѣть значенія рекомендаціи. Я сочла лишь своимъ долгомъ передать, о чемъ меня просилъ офицеръ. Князь довольно меня знаетъ: я не стану вмѣшиваться въ дѣла, которыя до меня не относятся.—Довольно о постороннемъ, дорогая

княгиня. Поговоримъ о послѣднихъ извѣстіяхъ. Они близки моему сердцу по отношенію къ нашему дорогому Императору. Генералъ.... не увѣдомляетъ меня. По словамъ графа Орлова-Денисова, который выѣхалъ изъ Парижа 24 числа, его тамъ еще не было. Графъ и генералъ Гольцъ, бывшіе здѣсь вчера, сказывали, что отъѣздъ Государя еще не назначенъ. По прежнему ждали *короля Французскаго* (какъ странно произносить эти слова, но все же гораздо пріятнѣе, нежели *императоръ Французскій*). Вы уже знаете, что послѣдній отправился на свой островъ (гдѣ желательно чтобъ стерегли его получше), равно какъ и о томъ, что его супруга, герцогиня Пармская, отправилась въ Вѣну. Вашъ прежній король Іеронимъ партизаномъ или бѣжитъ вслѣдъ. О супругѣ его я ничего не слышала; но въ газетахъ пишутъ, что она была въ Фонтенбло, гдѣ у Талейрана былъ блистательный балъ. Братья мои 24 числа еще не пріѣзжали въ Парижъ.—Прощайте, дорогая княгиня. Не забывайте меня, будьте здоровы, и не лишайте меня вашей дружбы, а я къ вамъ питаю полнѣйшую. Всѣмъ сердцемъ благожелательная вамъ Марія

Очерки и воспоминанія.

I.

МОСКОВСКОЕ СЕМЕЙСТВО СТАРАГО БЫТА.

Князь Петръ Александровичъ Оболенскій [1]), родоначальникъ многоколѣннаго потомства Оболенскихъ, былъ въ свое время большой оригиналъ (то есть таковымъ былъ-бы онъ преимущественно нынѣ, а въ прежнее время, въ эпоху особенныхъ личностей и физіономій болѣе опредѣленныхъ, оригинальность его не удивляла и не колола глаза). Послѣдніе свои двадцать - тридцать лѣтъ прожилъ онъ въ Москвѣ почти безвыходнымъ домосѣдомъ. Изъ посторонниxъ онъ никого не видалъ и не зналъ. Дôма занимался онъ чтеніемъ Русскихъ книгъ и токарнымъ мастерствомъ. Онъ, вѣроятно, былъ довольно равнодушенъ ко всему и ко всѣмъ, но дорожилъ привычками своими. День его былъ строго и въ обрѣзъ размежеванъ; чрезполосныхъ владѣній и участковъ тутъ не было: все имѣло свое опредѣленное мѣсто, свою грань, свое время и мѣру свою. Разумѣется, онъ рано и въ назначенные часы ложился, вставалъ и обѣдалъ; обѣдалъ всегда одинъ, хотя дôма семейство его было многолюдно. Старичекъ былъ онъ чистенькій, свѣженькій, опрятный, даже щеголеватый; но платье его, разумѣется, не измѣнялось по модѣ, а держалось всегда одного и имъ приспособленнаго себѣ покроя. Всѣ домашнія или комнатныя принадлежности отличались изящностью. Англійскій *комфортъ* не былъ еще тогда перенесенъ въ нашъ языкъ и въ наши нравы и обычаи; но онъ угадалъ его и ввелъ у себя, то есть свой комфортъ, не слѣдуя ни модѣ, ни нововведеніямъ. Осенью, даже и въ года довольно престарѣлые, выѣзжалъ онъ съ шестью сыновьями своими на псовую охоту за зайцами. Какъ ни дичился онъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ ни уклонялся отъ общества, но не былъ нелюдимъ, суровъ и старчески-брюзгливъ. Напротивъ, часто добрая и нѣсколько-тонкая улыбка озаряла и оживляла его младенчески-старое лице. Онъ любилъ иногда и слушать и самъ отпускать шутки, или веселыя рѣчи, которыя на Французскомъ языкѣ называются gaudrioles, а у насъ не знаю какъ назвать благоприлично, и которыя обыкновенно имѣютъ особенную прелесть для стариковъ даже и безпорочно-цѣломудренныхъ въ нравахъ и въ житьѣ-бытьѣ: лукавый всегда чѣмъ нибудь, такъ или сякъ, а слегка заманиваетъ насъ въ тенёта свои. Князь Оболенскій одиночествомъ или особничествомъ своимъ не тяготился, но любилъ, чтобы дѣти его—всѣ уже взрослые—заходили къ нему поочередно, но не на долго. Если они

[1]) Род. 3 Іюня 1742, ум. 22 Мая 1822. П Б.

какъ нибудь забудутся и засидятся, онъ, дружески и простодушно улыбаясь, говаривалъ имъ: милые гости, не задерживаю ли васъ? Тутъ мгновенно комната очищалась до новаго посѣщенія. Въ дѣтствѣ моемъ, мнѣ всегда было пріятно, когда онъ допускалъ меня въ свою изящную и свѣтлую келью: безсознательно догадывался я, что онъ живетъ не какъ другіе, а по своему.

Женатъ князь П. А Оболенскій былъ на княжнѣ Вяземской [1]), сестрѣ князя Ивана Андреевича. Въ продолженіи брачнаго сожительства ихъ, имѣли они двадцать дѣтей. Десять изъ нихъ умерло въ разныя времена, а десять пережили родителей своихъ. Не смотря на совершеніе своихъ двадцати женскихъ подвиговъ, княгиня была и въ старости, и до конца своего бодра и крѣпка, роста высокаго, держала себя прямо, и не помню, чтобы она бывала больна. Таковы бывали у насъ *старосвѣтскія помѣщичьи* сложенія. Почва не изнурялась и не оскудѣвала отъ плодовитой растительности. Безо всякаго приготовительнаго образованія, была она ума яснаго, положительнаго и твердаго. Характеръ ея былъ таковъ-же. Въ семействѣ и въ хозяйствѣ княгиня была князь и домоправитель, но безъ малѣйшаго притязанія на это владычество. Оно сложилось само собою къ общей выгодѣ, къ общему удовольствію, съ естественнаго и невыраженнаго соглашенія. Она была не только начальницею семейства своего, но и связью его, сосредоточіемъ, душою, любовью. Въ ней были нравственныя правила, самородныя и глубоко засѣвшія. Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву Императора Александра, онъ обратилъ особенное вниманіе на красоту одной изъ дочерей ея, княжны Наталіи [2]). Государь, съ обыкновенною любезностью своею и внимательностью къ прекрасному полу, отличалъ ее: разговаривалъ съ нею въ Благородномъ Собраніи и въ частныхъ домахъ, неразъ на балахъ проходилъ съ нею полонезы. Разумѣется, Москва не пропустила этого мимо глазъ и толковъ своихъ. Однажды домашніе говорили о томъ при княгинѣ-матери и шутя дѣлали разныя предположенія.—«Прежде этого задушу я ее своими руками», сказала Римская матрона, которая о Римѣ никакого понятія не имѣла. Нечего и говорить, что царское волокитство и всѣ шуточныя предсказанія никакого слѣда по себѣ не оставили.

Это семейство составляло особый, такъ сказать, міръ Оболенскій. Даже въ тогдашней патріархальной Москвѣ, богатой многосемейнымъ и особенно многодѣвичьимъ составомъ, отличалось оно отъ другихъ какимъ-то благодушнымъ, свѣтлымъ и рѣзкимъ отпечаткомъ. На лицо было шесть сыновей и четыре дочери. Было время, что всѣ братья, еще далеко не старые, были въ отставкѣ. Это также было въ своемъ родѣ особенностью въ нашихъ служилыхъ нравахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, уже въ царствованіе Александра, щеголяли еще, по большимъ праздникамъ, въ военныхъ мундирахъ Екатерининскаго времени: тутъ являлись на показъ особенный покрой, разноцвѣтные обшлага, красные камзолы съ золотыми позументами и, помнится мнѣ, желтые штаны. Всѣ они долго жили съ матерью и у матери. Будничный обѣденный столъ былъ уже порядочнаго размѣра, а праздничный выросталъ вдвое и втрое. Особенно въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы, въ подмосковной, эта семейная жизнь принимала необыкно-

[1]) Екатеринѣ Андреевнѣ, род. 1741, ум. въ Январѣ 1811.—[2]) Княжна Наталія Петровна вышла замужъ за Василія Михайловича Михайлова. П. Б.

венные размѣры и характеръ. Кромѣ семейства въ полномъ комплектѣ, пріѣзжали туда погостить и другіе родственники. Небольшой домъ, небольшія комнаты имѣли какое-то эластическое свойство: размноженіе хлѣбовъ, помѣщеній, кроватей, а за недостаткомъ ихъ размноженіе дивановъ, размноженіе для пріѣзжей прислуги харчей и корма для лошадей, все это какимъ-то чудомъ, по слову хозяйки, совершалось въ этой ветхозавѣтной сторонѣ. А хозяева были вовсе люди небогатые. Помнится мнѣ, что въ отрочествѣ моемъ, по приказанію княгини, отводили мнѣ всегда на ночь кровать-не кровать, диванъ-не диванъ, а что-то узкое и довольно короткое, которое называла она, не знаю почему, *лодочкою*. Гдѣ эта лодочка? Жива-ли она? Что̀ сдѣлалось съ нею? Какъ мнѣ хотѣлось-бы ее увидать и хотя еще болѣе скорчившись, чѣмъ во время о̀но, улечься въ ней. Вспоминаю о ней съ сердечнымъ умиленіемъ. Я увѣренъ, что нашелъ-бы въ ней и теперь прежній и беззаботный сонъ, со свѣтлыми сновидѣніями и радостнымъ про̀бужденіемъ. Но много утекло съ того времени воды, свѣтлой и прозрачной, мутной и взволнованной; съ нею, безъ сомнѣнія, утекла и лодочка моя и разбилась въ дребезги. Во всякомъ случаѣ, мы Русскіе—не антикваріи и небрежливы въ отношеніи къ семейнымъ мебели, утварямъ, портретамъ предковъ. Мы привыкли и любимъ заживать съ нынѣшняго текущаго дня.

Мой отецъ, родной племянникъ княгини Екатерины Андреевны, съ молодости своей до конца питалъ къ ней особенную преданность и почти сыновнюю любовь. Мой дѣдъ, былъ, кажется, нрава довольно крутаго и повелительнаго; сынъ его находилъ при матери своей (урожденной княжнѣ Долгоруковой) и при теткѣ своей теплый пріютъ, а иногда и защиту отъ холоднаго и суроваго обращенія родителя своего.

Въ памяти моей врѣзался одинъ разговоръ отца моего съ теткою своею. Она обѣдала у насъ; мнѣ тогда было, можетъ быть, лѣтъ десять. Уже сказано было выше, что она мало была учена и образована. Міръ былъ тогда поло̀нъ именемъ Бонапарта; немудрено, что оно дошло и до нея. За обѣдомъ рѣчь какъ-то коснулась Франціи. Она про̀сила отца моего объяснить ей, что̀ это за человѣкъ, о которомъ всѣ говорятъ. Отецъ мой былъ пламенный приверженецъ Наполеона, генерала и перваго консула. Онъ, въ сжатомъ, но живомъ разсказѣ, нарисовалъ очеркъ Бонапарта, перечислилъ дѣла его, объяснилъ значеніе его во Франціи, а слѣдовательно и во всей Европѣ, однимъ словомъ преподалъ въ импровизаціи полный историческій урокъ. Помню и теперь, какое впечатлѣніе произвела на меня эта словомъ оживленная и раскрашенная картина. Мой отецъ, какъ и почти всѣ образованные люди его времени, говорилъ болѣе пофранцузски; но здѣсь нужно было говорить порусски, потому что слушательница никакого другаго языка не знала. Жуковскій, который введенъ былъ въ нашъ домъ Карамзинымъ, говорилъ мнѣ, что онъ всегда удивлялся скорости, ловкости и мѣткости, съ которыми, въ разговорѣ, отецъ мой переводилъ на Русскую рѣчь мысли и обороты, которыя, видимо, слагались въ головѣ его на Французскомъ языкѣ. У отца моего въ спальнѣ висѣлъ на стѣнѣ большой Бонапартовскій портретъ, тканый шелкомъ въ Ліонѣ и высланный ему въ подарокъ фабрикантомъ, пріѣзжавшимъ въ Москву. Эти частно-историческія отмѣтки кидаютъ нѣкоторый свѣтъ на эпоху. Нельзя не

замѣтить и не повторить, что въ то время было болѣе свободы, нежели нынѣ, разумѣется, не въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи, а въ личномъ и самобытномъ. Были открытыя симпатіи и антипатіи; никто не утаевалъ ихъ, и общество покрывало все и обезпечивало своею безпристрастною терпимостью. Никто, даже и несогласные съ отцомъ моимъ, не упрекали ему за Французскія сочувствія его.

Брачные союзы, въ продолженіи времени, должны были вносить новыя и разнородныя стихіи въ единообразную и густую среду семейства Оболенскихъ. Оно такъ и было. Но такова была внутренняя сила этого отдѣльнаго міра, что и пришлыя, чуждыя приращенія скоро и незамѣтно сливались, спаивались, сцѣплялись, сростались вмѣстѣ въ благоустроенномъ организмѣ, первоначальномъ и цѣльномъ. Послѣ нѣкотораго времени, болѣе или менѣе краткаго или продолжительнаго, и мужья вошедшіе въ семейство, и жены въ него поступившія, казалось, также искони урожденными Оболенскими. Ничего подобнаго этой *ассимиляціи*, этому объединенію никогда и нигдѣ не было. Политикѣ можно бы позавидовать, глядя на это само собою, тихо и будто безсознательно совершавшееся перерожденіе отдѣльныхъ частностей и личностей, всецѣло, сердцемъ и обычаями, примыкавшихъ къ господствующему единству. Такова была привлекательная и нѣжнолюбивая сила семейная, которая образовалась и окрѣпла подъ сѣнью и благословеніемъ умной, твердой и чадолюбивой матери. Не было ни зятей, ни невѣстокъ, ни доморощеныхъ и природныхъ, ни присоединенныхъ: всѣ были чада одной семьи, всѣ свои, всѣ однородные.

Тутъ, напримѣръ, былъ князь Щербатовъ, братъ извѣстной княжны Щербатовой, которой суждено было озаботить и подернуть тѣнью нѣсколько дней изъ свѣтлой жизни Императрицы Екатерины. Молодому и блестящему флигель-адъютанту Императора Павла, живому, свѣтскому, казалось, мудренѣе было бы подладить подъ уровень новаго семейства, въ которое онъ вступилъ; но сначала любовь, а потомъ Оболенская атмосфера переродили и его. Онъ, пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, влюбился въ красавицу княжну Варвару *). Бракъ ихъ совершенъ былъ романически и таинственно. Его мать, женщина суровая и властолюбивая, противилась этому браку, со всѣми послѣдствіями отказа въ материнскомъ согласіи. Разумѣется, и мать невѣсты не могла, въ подобныхъ условіяхъ, одобрить этотъ бракъ. Но, кажется, мой отецъ благопріятствовалъ любви молодой четы и способствовалъ браку, уговоривъ свою тетку остаться въ сторонѣ и, по крайней мѣрѣ, не мѣшать счастію влюбленныхъ. Они тайно обвѣнчались и въ тотъ же день отправились въ Петербургъ. Помню, какъ она, въ дорожномъ платьѣ, заѣзжала къ отцу моему проститься съ нимъ и, вѣроятно, благодарить его за усердное и успѣшное участіе; помню, какъ поразила меня красота ея и особенность одежды; вижу и теперь платье темнозеленаго кашмира, въ родѣ амазонки. На головѣ шляпа, болѣе круглая, мужская, нежели женская. Изъ подъ шляпы падали и извивались бѣлокурыя кудри. Дѣтство мое угадывало, что во всемъ этомъ есть какая-то романическая

*) Княжна Варвара Петровна, род. 14 Января 1774, скончалась 11 Января 1843, супруга князя Александра Өедоровича Щербатова, род. 13 Іюля 1778, скончался 30 Апрѣля 1817. П. Б.

тайна. Послѣ многихъ лѣтъ, старуха княгиня Щербатова простила сына своего и приняла у себя невѣстку.

Во многомъ противоположный Щербатову, сдѣлался послѣ членомъ семейства генералъ Дохтуровъ, съ честью вписавшій имя свое въ наши военныя лѣтописи. И сей боевой служака, женившись, сталъ мирный и добрый семьянинъ, совершенно свыкшійся съ новымъ бытомъ своимъ. При пробужденіи моихъ воспоминаній о немъ, предо мною рисуется человѣкъ уже довольно пожилой, роста небольшаго, сложенія плотнаго, обращенія тихаго и скромнаго; помнится мнѣ, былъ онъ довольно молчаливъ, что̀ называется серьезенъ и невозмутимъ. Невозмутимъ бывалъ онъ, говорятъ, и въ пылу битвы. Кажется, Михаилъ Орловъ говорилъ мнѣ, что въ какомъ-то жаркомъ сраженіи, посреди самаго разгара, нашелъ онъ его спокойно сидящаго на барабанѣ и дающаго приказанія войскамъ, а пули и ядра такъ кругомъ и сыпались. Но смерть поджидала его не тутъ. Видѣлъ я его за полъ-часа до кончины. Это было въ Москвѣ. Въ семействѣ Оболенскихъ праздновалась обѣдомъ, кажется, чья-то свадьба. Дохтуровъ не садился за столъ, чувствуя себя не совершенно здоровымъ. Но онъ нѣсколько разъ обходилъ гостей, обмѣнивался съ ними нѣсколькими словами, выпилъ бокалъ Шампанскаго за здоровіе новобрачныхъ и тотъ-часъ послѣ обѣда уѣхалъ. До̀ма велѣлъ онъ затопить каминъ, сѣлъ предъ нимъ и тутъ же умеръ. Нѣжно любившая жена его была въ отлучкѣ и должна была въ тотъ же день, или на другое утро къ нему пріѣхать. Одинъ изъ братьевъ поѣхалъ ей на встрѣчу, чтобы увѣдомить о постигшемъ ее несчастіи. Она пережила мужа многими годами, нѣжно и вѣрно преданная памяти его. Я всегда питалъ къ ней чувство особенной привязанности. Изъ семьи Оболенской, она болѣе другихъ дружна была съ матерью моею, молодою, изъ далекаго края переселенною въ міръ ей совершенно чуждый и незнакомый. Добрая пріятельница, вѣроятно, руководствомъ и участіемъ облегчала и поддерживала ее, въ минуты трудныя, неизбѣжныя, когда вступаешь на новый путь. Влеченіемъ поздняго, но не менѣе того живаго чувства ставлю себѣ въ обязанность и пріятно мнѣ заявить здѣсь памяти ея мою нѣжную и сыновнюю благодарность *).

Князь Александръ Петровичъ Оболенскій водворилъ въ семейство свое дочь Ю. А. Нелединскаго. Вотъ это было уже изъ совершенно другаго лагеря. Но послѣдствія были тѣже. Нелединская не была красавица, роста небольшаго, довольно плотная, но глаза и улыбка ея были отмѣнно и сочувственно выразительны; въ нихъ было много чувства и ума, вообще было много въ ней женственной прелести. Въ умѣ ея было сходство съ отцомъ: смѣсь простосердечія и веселости, нѣсколько насмѣшливой. Она очень мило пѣла; романсы отца ея, при ея пріятномъ голосѣ, получали особую выразительность. Въ сочиненіяхъ Жуковскаго есть очень милое и теплое къ ней посланіе; содержаніе его наиболѣе посвящено памяти сестры моей, бывшей впослѣдствіи за мужемъ за княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ, съ которою съ самаго дѣтства была она очень дружна. Сначала волокитство князя Александра шло не очень

*) Княжна Марья Петровна, род. 17 Ноября 1771, скончалась въ Мартѣ 1852. О супругѣ ея, Дмитріи Сергѣевичѣ Дохтуровѣ см. въ Р. Архивѣ 1874 (книга I-я), гдѣ напечатаны его біографія и письма. П. Б.

удачно. Пріятельница Нелединской, остроумная Хомутова, по этому поводу шуточно перефразировала стихи Французской трагедіи:

Vous voyez devant vous un prince déplorable,
De la rigeur des dieux exemple mémorable.

(а право, много ума и веселости было въ нашу молодость!) Нелединская съ своимъ обожателемъ немножко кокетничала, флертечничала, или, какъ мой отецъ говаривалъ, *пересемьнивала*, дѣло все на ладъ не шло, но наконецъ пошло: они обвѣнчались и многіе годы провели въ согласіи и любви. Молодая внесла новый, свѣжій элементъ литтературной и болѣе утонченной свѣтскости въ патріархальную среду принявшаго ее семейства. Но не менѣе того добрый, простодушный строй его вскорѣ подчинилъ и ее общему семейному настроенію. Въ этой семьѣ не могло быть разноголосицы. Однимъ словомъ, въ княгинѣ Аграфенѣ Юрьевнѣ замѣтно было, что она дочь Нелединскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ было видно, что она и жена Оболенскаго. Прекрасныя и благородныя свойства князя достаточно вѣрно выразились въ напечатанной прошлымъ годомъ книгѣ: «Хроника недавней старины». Умная и разборчивая въ людяхъ великая княгиня Екатерина Павловна отличалась особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ двухъ братьевъ Оболенскихъ, князей Василія и Александра, служившихъ адъютантами при герцогѣ Ольденбургскомъ.

Старшій сынъ былъ князь Андрей Петровичъ. Уже вдовый (первая жена его была урожденная Маслова) женился онъ за границею, на княжнѣ Гагариной, дочери той Темиры, которую нѣкогда такъ нѣжно и пламенно, съ такимъ страстнымъ самоотверженіемъ любилъ и воспѣвалъ Нелединскій. Княжна Гагарина была, кажется, воспитана за границею, или довершила тамъ свое воспитаніе. Это нѣжное, молодое растеніе было внезапно пересажено съ дальной, чуждой почвы на Московскую почву, въ другой климатъ, подъ условія совершенно новыя, которыя не могли имѣть ничего общаго и сходнаго съ тою атмосферою, которою оно до того дышало. Мужъ былъ уже не первой молодости; слѣдовательно не могло быть упоенія и особеннаго увлеченія; но не менѣе того, она, такъ сказать, съ перваго дня обрусѣла, омосквичѣла и переродилась въ купели Оболенскаго крещенія. Нельзя достаточно надивиться этой силѣ объединенія, которое царствовало въ этой многочисленной и, частью, разнородной семьѣ. И вся эта сила почерпала свое законное, освященное, любвеобильное начало, въ одномъ чувствѣ, чувствѣ семейной связки; въ одномъ имени, въ одной власти: имени и власти матери. Рѣка принимаетъ въ себя, сосредоточиваетъ въ своемъ лонѣ влекущіяся къ ней ручьи просто, естественно, потому что она рѣка. Мать, общимъ притягательнымъ притокомъ, сосредоточиваетъ въ себѣ семью просто потому, что она мать. Нѣтъ власти естественнѣе, святѣе власти материнской.

Послѣ смерти родителей своихъ, старшій въ семьѣ, прямой законный наслѣдникъ, былъ князь Андрей Петровичъ. Безъ предварительныхъ соглашеній, безъ избранія, а также просто, по общему влеченію, онъ и сдѣлался главою семейства. Авторитетъ его, не имѣя законнаго освященія давности, можетъ быть, и не имѣлъ вполнѣ нравственнаго значенія, которымъ пользовалась первоначальная власть; но въ этой династіи Оболенскихъ законъ прямонаслѣдія не могъ быть никѣмъ оспариваемъ. Такимъ образомъ, это семейство,

это колѣно Оболенскихъ, составило опять, или вѣрнѣе сказать, осталось въ Москвѣ неразрозненнымъ, нераздробленнымъ племенемъ, а живою, самобытною и крѣпко-сплоченною единицею.

Время между тѣмъ шло своимъ порядкомъ и со своими видоизмѣненіями. Домъ сына не былъ уже старосвѣтскимъ домомъ матери. Новые обычаи, новыя требованія заглянули и отчасти, какъ бы незамѣтно, вторглись и въ него. Сохраняя, впрочемъ, свой индивидуальный отпечатокъ, свою особенную первенствующую ноту, онъ согласовался съ господствующимъ настроеніемъ общежитія. Тутъ бывали и балы, и спектакли. Но главнымъ признакомъ и отличительною принадлежностью этого дома была семейная жизнь. Семейные обѣды еще разрослись съ размноженіемъ семейства, уже усиленнаго народившимися поколѣніями. Отличительною чертою этихъ обѣдовъ было и то, что число служившихъ за столомъ почти равнялось числу сидѣвшихъ за столомъ. Въ старыхъ домахъ нашихъ многочисленность прислуги и дворовыхъ людей была не однимъ послѣдствіемъ тщеславнаго барства: тутъ было также и семейное начало. Наши отцы держали въ домѣ своемъ, кормили и одѣвали старыхъ слугъ, которые служили отцамъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ призрѣвали и воспитывали дѣтей этой прислуги. Вотъ корень и начало этой толпы болѣе домочадцевъ, чѣмъ челядинцевъ. Тутъ худаго ничего не было; а при старыхъ порядкахъ было много и хорошаго, и человѣколюбиваго.

Вовсе не будучи Англоманомъ, князь Андрей Петровичъ живалъ большую часть года въ подмосковной своей, селѣ Троицкомъ, Подольскаго уѣзда. Подмосковная была настоящимъ и любимымъ мѣстопребываніемъ его. Тамъ онъ жилъ, въ Москвѣ гостилъ. Тамъ была и довольно богатая библіотека съ нѣкоторыми роскошными изданіями. Собралъ онъ ее во время пребыванія своего за границею. Самъ мало пользовался онъ ею, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе года. Однажды сказалъ онъ мнѣ, что нынѣ, кромѣ духовныхъ, онъ никакихъ книгъ не читаетъ. Не знаю, принадлежалъ-ли онъ къ какой нибудь масонской ложѣ; но пріятельскія связи его съ Плещеевымъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, Кошелевымъ, графомъ Львомъ Разумовскимъ могутъ удостовѣрить, что онъ, по крайней мѣрѣ, сочувствовалъ ихъ духовному и мистическому настроенію. Особенно въ осенніе мѣсяцы, деревенскій Троицкій домъ былъ многолюденъ и оживленъ: всѣ родные съ своими чадами и домочадцами, дядьками, гувернантками, прислугою переселялись туда на нѣсколько недѣль. Бывали нѣкоторые и посторонніе изъ пріятелей. Между прочими бывалъ нѣкто Митрополитовъ, не знаю, кто и что̀ именно и откуда онъ. Но онъ очень любимъ былъ въ семействѣ. Отъ него собственно слыхалъ я только одно: «А что, ваше сіятельство, каковы табачки?» То есть каковъ послѣдній мною купленный Турецкій табакъ. (Тогда сигары были еще малоизвѣстны). Находился тутъ и отставной генералъ Муромцевъ, большой чудакъ, но человѣкъ честный, умный, крѣпко изувѣченный въ Екатерининскихъ войнахъ, и самъ добровольно и съ любовію крѣпко изувѣчивавшій Французскій языкъ, къ особенному удовольствію графа Ростопчина, также пріятеля его. Въ Муромцовѣ было много и сердечности. Въ 12-мъ году, незадолго до Московскаго разгрома, зная, что денежныя средства Карамзина довольно ограничены и что собирается онъ выѣхать изъ Москвы съ семействомъ своимъ, онъ добровольно предложилъ ему взять у него за-

имообразно десять тысячъ рублей. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда будущее было очень сомнительно, подобное предложеніе человѣку, съ которымъ не былъ онъ въ дружественныхъ связяхъ, а только въ свѣтско-пріятельскихъ, вѣрно опредѣляетъ оцѣнку и нравственное достоинство его. Даже Карамзинъ, котораго утро было исключительно посвящено исторической работѣ, жертвовалъ ею разъ или два въ теченіи лѣта и ѣзжалъ изъ Остафьева на день или два въ село Троицкое.

Осенніе сборы имѣли здѣсь преимущественно цѣлью охоту за зайцами. Охота и всѣ принадлежности ея были хорошо и богато устроены. Въ промежуткахъ при охотѣ за зайцами, усердно шла охота и за картами; не въ видѣ выигрыша, потому, что всѣ были свои, и что игра была по маленькой; но надобно-же было Русской честной компаніи не терять золотаго времени. Иногда садились за карты тотчасъ послѣ завтрака вплоть до обѣда, разумѣется, по деревенскому обычаю въ часъ по полудни. Тутъ всѣ играли: отцы и дѣти, мужья и жены, старые и малые. За обѣдомъ обыкновенно съѣдали, въ разныхъ видахъ и приготовленіяхъ, всѣхъ зайцевъ затравленныхъ наканунѣ.

Карты имѣли вообще значеніе въ жизни князя Андрея Петровича, хотя онъ былъ вовсе не игрокъ. Въ первой молодости своей, пріѣхалъ онъ изъ Москвы въ Петербургъ съ рекомендательными письмами къ роднымъ, но не имѣя въ виду никакого особеннаго покровительства. Положеніе довольно затруднительное и почти безысходное; но здравый умъ его и разсудительность нашли исходъ. Въ обществахъ, гдѣ онъ бывалъ, сильные міра сего по вечерамъ играли въ коммерческія игры. Чтобы не быть въ такомъ обществѣ, не только лишнимъ, но сдѣлаться и нужнымъ, онъ рѣшился отложить изъ небольшаго капитала своего потребную частичку и пожертвовать ею, для завоеванія себѣ мѣста въ новой средѣ своей. Онъ предложилъ себя участникомъ въ игрѣ. Опредѣленную сумму онъ, можетъ быть, и спустилъ; на главное было добыто: онъ ознакомился, сблизился съ разными значительными лицами, онъ пріобрѣлъ право гражданства въ городскомъ обществѣ. Послѣ этого, остальное пошло само собою. Въ этомъ разсчетѣ его, въ этой отрывочной чертѣ, довольно ясно обозначается и складъ ума его, и складъ тогдашняго общества. Но впрочемъ исключительно-ли и одного-ли тогдашняго?

Князь Андрей Петровичъ умеръ въ позднихъ лѣтахъ и оставилъ по себѣ довольно многолюдное семейство. Дочь его, отъ перваго брака, была за мужемъ за Николаемъ Аполлоновичемъ Волковымъ, сыномъ извѣстной въ Москвѣ Маргариты Александровны и братомъ извѣстной Маріи Аполлоновны, которая, неожиданно и непредвидимо для самой себя, получила загробную журнальную извѣстность, по милости писемъ ея, довольно нескромно, а частью и не кстати обнародованныхъ въ журналахъ.

Можно положительно сказать, что князь оставилъ по себѣ добрую и честную память въ Московскомъ обществѣ и даже въ Московскомъ университетѣ, котораго былъ нѣсколько лѣтъ попечителемъ, хотя, конечно, ни приготовительныя условія, ни самыя личныя склонности и желанія, не предназначали его на подобное званіе. Онъ былъ, какъ сказано выше, честный, высокой нравственности, здраво-мыслящій и духовно-религіозный человѣкъ. Эти качества, и не безъ нѣкоторой основательности, обратили на него вниманіе и вы-

боръ Императора Александра и министра просвѣщенія кн. Голицына. Впрочемъ, положеніе, которое умѣлъ онъ заслужить въ обществѣ, побудило еще прежде Великую Княгиню Екатерину Павловну предложить ему мѣсто губернатора въ Твери, отъ котораго онъ отказался. Кажется, позднѣе было ему предложено званіе сенаторское, отъ котораго онъ также уклонился.

Вотъ посильный очеркъ семейной картины стараго быта. Краски мною употребленныя не ярки, но вѣрны. Самое содержаніе картины не богато движеніемъ и замысловатостью; но оно взято съ натуры, писано съ памяти, но памяти сердечной, а по выраженію Батюшкова:

О память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!

Признаюсь, мнѣ отрадно было писать эту картину и уловлять въ ней мелкія принадлежности и подробности, которыя могутъ посторроннимъ зрителямъ казаться неумѣстными и лишними. Но я самъ имѣю свой уголокъ въ этой картинѣ: и я былъ въ ней дѣйствующимъ лицемъ. Весело, а можетъ быть и грустно, смотрѣть на себя, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, и увидѣть себя каковымъ былъ ты, въ любимомъ и счастливомъ *нѣкогда*.

Впрочемъ, въ попыткѣ моей отзывается не одно частное и личное, или какъ говорится нынѣ *субъективное* побужденіе; здѣсь есть еще и болѣе и широкое и *объективное*. Какъ ни заглядывай въ минувшее, какъ ни проникай въ него, а все же, хотя по соображенію и по сравненію, не минуешь настоящаго: невольно наткнешься на него. Такъ и со мною. Посмотрѣвъ на то, что̀ было, хочется мнѣ окинуть бѣглымъ взглядомъ и то, что̀ есть. Мнѣ кажется, что нынѣ едва-ли найдется семейство подобное тому, которое мною обрисовано. Не говорю уже о численности. Старое время было урожайнѣе нашего. Во всякомъ случаѣ, семейное начало потрясено и урѣзано, на Западѣ, еще болѣе нежели у насъ. Семейства раздроблены, однѣ личности выступаютъ впередъ. Въ этомъ, можетъ быть, есть признакъ и выраженіе нѣкотораго улучшенія и освобожденія, или также, какъ говорится нынѣ, *соціальнаго прогресса*. Не споримъ. Но есть вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и признакъ, зародышъ нѣкотораго таящагося общественнаго разложенія. Есть Русская пословица: «прибыль и убытокъ на однихъ саняхъ ѣздятъ». Люди, а особенно мы Русскіе, во всѣхъ вопросахъ, смотримъ на одну прибыль, которую возимъ и катаемъ, а на попутчика ея не смотримъ. Между тѣмъ онъ тутъ; рано, или поздно, можетъ быть, онъ дастъ себя знать. Вотъ отъ чего наши окончательные разсчеты часто невѣрны, иногда намъ и въ накладъ. Семейное начало есть почва, есть основа, на которой зиждется и общественное. Если не признавать семейнаго авторитета и дома не пріучаться уважать его, едва-ли будемъ мы позднѣе способны признавать авторитетъ общественный и честно и съ любовью служить ему. Если мы изъ родительскаго дома выносимъ начало розни, то неминуемо внесемъ туже рознь и въ общество. Тогда уже общества собственно нѣтъ, а будутъ отдѣльныя общества, расколы, которые каждый создаетъ по образу и подобію своему. Искусныя узы политическаго родства не могутъ имѣть прочность и святость естественныхъ семейныхъ узъ.

Нынѣ идетъ повсемѣстно споръ объ уравненіи правъ и дѣятельности между прекраснымъ поломъ и поломъ некрасивымъ. Почему-

же и не идти этому спору? Нѣтъ сомнѣнія, что мущины могли-бы, съ вѣжливою уступчивостью, подѣлиться съ женщинами нѣкоторыми своими присвоенными себѣ *профессіями* и занятіями, другія даже имъ вовсе уступить. Но все это исключенія, случайности. Но все-же настоящее, природою указанное, святое мѣсто женщины есть домъ, есть семейный очагъ, будь она мать, дочь или сестра. Внѣшняя, шумная, боевая, дѣловая жизнь, многосложная дѣятельность, можно сказать, несовмѣстна съ призваніемъ женщины, даже недостойна ея; въ скромномъ и свѣтломъ призваніи она выше, независимѣе, свободнѣе, нежели будетъ она на искусственныхъ и завоеванныхъ ею подмосткахъ.

Впрочемъ, искони бывали примѣры, что женщины входили въ благородное совмѣстничество съ мущинами. Всегда и вездѣ бывали женщины ученыя, политическія; бывали женщины великіе писатели, превосходные художники. Слѣдовательно неодолимыхъ преградъ общество предъ ними не воздвигало; не было общественнаго давленія, которое заглушало-бы природныя призванія и дарованія, когда теплились въ нихъ лучь и зародышъ дарованія.

Скажемъ мимоходомъ: если признавать семью, то надобно-же кому нибудь оставаться дома; а когда и жена съ утра, подобно мужу, будетъ обязана отправляться на службу, на работу и къ должности, то кто-же останется представителемъ и отвѣтственнымъ лицемъ семейнаго дома, семейнаго начала?

— Quelle est la femme que vous estimez le plus? спросила Бонапарте г-жа Сталь.

— Celle qui a le plus d'enfants, отвѣчалъ онъ ей наотрѣзъ. Отвѣтъ конечно, не очень любезный и даже грубый. Впрочемъ вопросъ стоитъ отвѣта.

Но когда найдется женщина, которая не только мать многочисленнего семейства, но и нравственная связь и нравственная сила его; но когда эта мать, подобно крѣпкой и доблестной женѣ Священнаго Писанія, наблюдаетъ въ домѣ своемъ за семействомъ и хозяйствомъ своимъ и «не ѣстъ хлѣба праздности», то безъ сомнѣнія, общее и глубокое уваженіе ей особенно и преимущественно подобаетъ.

О подобной женщинѣ молчать не слѣдуетъ. Еще болѣе: въ нашу эпоху, прыткую и легко разгорающуюся предъ каждою новизною, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, чрезъ чуръ скептическую и отрицательную въ другихъ отношеніяхъ, сознается полезнымъ и почти обязательнымъ, возбуждать, или по крайней мѣрѣ попытаться возбуждать, сочувствіе къ отдаленнымъ образцамъ, къ характеристическимъ личностямъ другаго времени, другаго порядка, другихъ понятій и, такъ сказать, вѣрованій. Нехудо иногда сравнивать настоящее время съ минувшимъ и провѣрять себя, то есть человѣка. При этомъ все хорошее, добытое новыми поколѣніями при нихъ и останется; никто и ничто не можетъ посягнуть на него. Но при сравненіи, при повѣркѣ, если что нибудь окажется не совсѣмъ удавшимся, если окажется гдѣ нибудь пробѣлъ, то почему не позаимствовать у минувшаго то, что̀ не сокрушитъ, не измѣнитъ, не ослабитъ настоящаго, а напротивъ можетъ служить ему опорою и цѣлебною силою?

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, я вызвалъ изъ мрака забвенія, изъ замогильнаго молчанія имя и образъ княгини Екатерины Андреевны Оболенской.

1877. *Князь Вяземскій.*

Первое взятіе Русскими войсками города Карса.
(Іюнь 1828 года).

Изъ памятныхъ записокъ Н. Н. Муравьева Карскаго *).

(Писано въ 1831 году).

Мѣста, по коимъ мы шли, представляли обширныя равнины съ небольшими возвышеніями, но совершенно безлѣсныя; земля плодородная, кормà хорошіе, поля хорошо воздѣланы; но жители изъ селеній, мимо коихъ мы шли (большею частію Армяне), всѣ были угнаны по приказанію Турецкаго правительства, удалявшаго ихъ съ намѣреніемъ отъ насъ.

При Джомушлу, чтò на рѣчкѣ Карсѣ-чай, я дѣлалъ привалъ. Я удивился сходству, которое рѣка въ семъ мѣстѣ имѣла съ рѣками въ Россіи. Я привыкъ видѣть въ гористыхъ мѣстахъ быстрые потоки. Явленіе рѣки, тихо текущей въ отлогихъ берегахъ, скрытыхъ зеленью, было для меня явленіе совершенно новое.

17-го Іюня весь корпусъ тронулся вмѣстѣ и прибылъ къ селенію Мешко, близъ коего и расположился лагеремъ. Нашъ лагерь составлялъ одно большое каре, среди коего становились въ колонахъ обозы и кавалерія, а потому мы и не подвергались какой-либо неудачѣ при внезапномъ нападеніи.

Авангардъ нашъ, подъ командою казачьяго полковника Сергѣева, состоявшій изъ одного казачьяго полка, піонернаго батальона и 4 линейныхъ орудій, остановился верстахъ въ 2-хъ или въ 3-хъ впереди насъ, у подошвы горы, отдѣльно въ полѣ стоявшей. Съ сей горы можно было видѣть издали Карсъ, отстоявшій еще верстъ на пятнадцать. До сихъ поръ мы еще нигдѣ не встрѣчали непріятеля; но передъ вечеромъ сдѣлалось у насъ во всемъ лагерѣ движеніе, произведенное суетливостью Паскевича. Тревога сія однакоже скоро прекратилась. Поводомъ къ оной служило нечаянное нападеніе, сдѣланное на передовые посты авангарда партіею изъ 30 конныхъ Турокъ, выѣхавшихъ изъ Карса, которые гнались за нашими пикетами, одному казаку голову сняли, а другаго взяли въ плѣнъ. Партія сія немедленно возвратилась, и мы ночевали спокойно.

Вотъ въ какомъ видѣ происшествіе сіе было представлено въ напечатанныхъ извѣстіяхъ о дѣйствующемъ Кавказскомъ корпусѣ, доставленныхъ Паскевичемъ.

---

*) Печатается съ подлинной рукописи. П. Б.

«Извѣстія о дѣйствующемъ Кавказскомъ корпусѣ».

«По переходѣ за границу, 14-го сего мѣсяца, главный дѣйствующій корпусъ, подъ начальствомъ корпуснаго командира генерала отъ инфантеріи графа Паскевича Эриванскаго, слѣдовалъ отъ Гумровъ по прямому направленію къ крѣпости Карсу черезъ селенія Дигишъ, Палдераванъ и Мешко. Весь сей край, населенный Армянами, представляетъ нынѣ совершенное опустошеніе, ибо Турецкое правительство всѣхъ жителей переселило въ отдаленнѣйшія мѣста».

«При селеніи Мешко, 17-го числа, въ первый разъ открытъ былъ непріятель. Конница его въ большомъ числѣ выѣхала изъ крѣпости, верстъ на 16 разстоянія, и напала на наши передовые пикеты, но по прибытіи подкрѣпленія была отражена. Отважность сей конницы, рѣшившейся на большое разстояніе отдалиться отъ крѣпости и вмѣстѣ съ тѣмъ доставленныя лазутчиками извѣстія показывали, что гарнизонъ Карса весьма многочисленъ и составленъ изъ хорошихъ войскъ. Число конницы изъ дели-башей, исфаговъ, Курдинцевъ и Карапанахцевъ простирается до 5 тысячъ; пѣхота же заключаетъ въ себѣ всѣхъ жителей способныхъ къ поднятію оружія и коихъ число вмѣстѣ съ пришедшими Лазами можетъ составлять также около 5 тысячъ человѣкъ».

Сіи реляціи превосходили всякое ожиданіе; но я имѣю причины думать, что не одинъ Паскевичъ былъ въ семъ виновенъ. Я полагаю, что С. съ удовольствіемъ украшалъ оныя, особливо о тѣхъ дѣлахъ, въ коихъ онъ самъ находился. Покойный же Бурцовъ составилъ себѣ изъ сего совершенное ремесло. Онъ находился при главной квартирѣ безъ особенной должности. Извѣстія, помѣщенныя о непріятельскихъ силахъ, я думаю, были справедливы; но не полагаю, чтобы въ числѣ оныхъ уже были въ то время Лазы, жители горъ прилегающихъ къ Черному морю и не имѣющіе въ обыкновеніи отдаляться на такое большое разстояніе изъ своихъ ущелій. Мы позже встрѣтили сіе храброе племя въ Ахалцыхѣ.

18-го числа, мы оставили большую дорогу, ведущую къ Карсу, потому что, идучи по оной, намъ бы встрѣтилась подъ самымъ Карсомъ гора Карадагъ, которую Турки сильно укрѣпили и соединили оную еще укрѣпленнымъ лагеремъ съ самою крѣпостью. Мы пошли влѣво, описывая около Карса дугу на разстояніи 8 или 9 верстъ отъ крѣпости, въ виду оной, и такимъ образомъ достигли селенія Азадъ-Кёвъ, лежащаго уже неподалеку отъ большой дороги, ведущей изъ Карса въ Эрзрумъ, такъ что, повернувши на право, мы имѣли передъ собою предмѣстія Карса, коего грозная цитадель возвышалась за онымъ.

Авангардъ нашъ состоялъ изъ тѣхъ же войскъ и, пройдя Азадъ-Кёвъ, казаки въ расплохъ напали на выѣхавшихъ изъ Карса нѣсколькихъ фуражировъ и, погнавъ ихъ, двухъ захватили въ плѣнъ и столько же, кажется, убили. Можно сказать, что если мы были неосторожны на своихъ пикетахъ, то Турки вообще были оплошны. Они не такъ какъ Персіяне открываютъ непріятеля и, будучи тяжелѣе ихъ, остаются съ безпечностью въ своихъ лагеряхъ. Мы имѣли много разъ случай замѣтить сіе.

Переходъ сей былъ болѣе похожъ на тріумфальное шествіе, въ коемъ однакоже колесницы замѣнялись Грузинскими арбами; ибо порядокъ, соблюденный во время марша, какъ войсками, такъ и въ обозахъ, былъ удивительный и превосходилъ всякое ожиданіе. Непріятель, видя насъ издали, могъ бы полагать, что у насъ было

огромное войско: ибо обозы хотя шли и густою колоною въ четыре линіи, но все еще занимали болѣе 7 верстъ въ длину. Батальоны пѣхоты, прикрывающіе изрѣдка на флангахъ сію черную движущуюся массу, отличались по блеску ружей въ яркій и жаркій день. Кавалерія, съ коею шелъ самъ Паскевичъ, описывала меньшій кругъ, прикрывая нашъ правый флангъ отъ крѣпости, въ одной или двухъ верстахъ отъ колоны, и часто останавливалась. На обширной равнинѣ, по коей мы двигались, все движеніе наше казалось съ близъ-лежащихъ высотъ какъ начерченное на планѣ, и симъ мы были обязаны, кромѣ старанія и бдительности частныхъ начальниковъ, конечно распорядительности Сакена.

Въ сей день, повернувши отъ Азадъ-Кёва, гдѣ у насъ былъ привалъ, на право и прошедши еще нѣсколько, мы остановились лагеремъ лицемъ къ предмѣстью Карса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ онаго, въ томъ же порядкѣ какъ стояли наканунѣ.

Вотъ что было написано въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ о происшествіяхъ сего дня.

....«Отъ с. Мешко, оставивъ большую Гумринскую дорогу, г. корпусный командиръ рѣшился фланговымъ движеніемъ обойти крѣпость и, занявъ лагерь на большой Эрзрумской дорогѣ, пресѣчь сообщенія между Карсомъ и Эрзрумомъ и тѣмъ самымъ лишилъ первую крѣпость ожидаемаго подкрѣпленія отъ сераскира, коего полагали въ слѣдованіи съ 20-ю-тысячнымъ корпусомъ къ Карсу. Упомянутое фланговое движеніе, исполненное въ порядкѣ въ виду крѣпости, не было обезпокоиваемо непріятелемъ. Транспорты и обозы, раздѣленные по пѣхотнымъ бригадамъ, шли въ четыре ряда, будучи прикрыты пѣхотою и артилеріею; конница занимала поле, обращенное къ крѣпости. Не подалеку отъ селенія Азадъ-Кёвъ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, непріятель, встрѣченный передовыми казаками, былъ вытѣсненъ изъ оврага съ потерею нѣсколькихъ убитыми и взятыми въ плѣнъ».

Реляція сія написана справедливо, исключая того, что особеннаго непріятеля не было въ оврагѣ кромѣ нѣсколькихъ фуражировъ, которые почти безъ бою бѣжали въ крѣпость.

Ввечеру было отдано между прочимъ слѣдующее приказаніе:

«Завтрашняго числа походъ съ лагеря при крѣпости Карсъ. Корпусъ выступаетъ въ 7 часовъ утра лѣвымъ флангомъ. Всѣ тягости, исключая одного патроннаго ящика и двухъ лазаретныхъ повозокъ въ каждомъ полку, остаются въ нынѣшнемъ расположеніи; для охраненія оныхъ назначается по одной ротѣ изъ каждаго пѣхотнаго и 50 казаковъ изъ каждаго Донскаго полковъ, и по два орудія изъ каждой батарейной роты».

*

Если бы я имѣлъ планы мѣстоположеній и крѣпости, при коихъ мы встрѣчались съ непріятелемъ, то описанія сіи были бы гораздо внятнѣе, но за неимѣніемъ оныхъ я опишу здѣсь по возможности мѣстоположеніе, окружающее Карсъ.

Цѣпь горъ Соганлугскихъ, отдѣляющихъ Эрзрумъ отъ Карса, спускается особеннымъ отрогомъ, оконечность коего составляетъ почти отдѣльную гору называемую Карадагомъ; но Карадагъ все еще соединенъ съ отрогомъ своимъ хребтомъ на разстояніи 3-хъ или 4-хъ сотъ саженъ, на восточной покатости коего расположено одно предмѣстье Карса. Отъ сего предмѣстья выше по отрогу лежитъ на той же покатости городъ Карсъ, къ коему на долинѣ примыкаетъ съ восточной же стороны также обширное предмѣстье. Карадагъ былъ

укрѣпленъ рубленымъ деревяннымъ редутомъ съ четырьмя орудіями. Самый доступъ къ оному уже былъ очень труденъ по высотѣ и крутизнѣ горы; деревянныя же укрѣпленія, сдѣланныя срубами, коихъ середина набивается землею и кои Турки вездѣ употребляютъ, оказались весьма выгодными въ полѣ. Отъ Карадага было начато укрѣпленіе, которое окружало все первое предмѣстье, раскинутое на плоскости и примыкало къ крѣпости или другому большому нижнему предмѣстью. Но укрѣпленіе сіе было недокончено, какъ равно не совершенно было кончено укрѣпленіе, соединяющее Карадагскій редутъ по самому хребту съ крѣпостью, коего большая башня, вооруженная нѣсколькими крѣпостными орудіями, обстрѣливала Карадагскій редутъ. Отъ сей башни внизъ по покатости шла двойная стѣна съ башнями и воротами, окружающая городъ съ трехъ сторонъ, изъ коихъ впереди нижней было еще топкое мѣсто или болото. Стѣны сіи были въ хорошемъ состояніи: высоки, толсты, и въ башняхъ много орудій, но разныхъ калибровъ, на дурныхъ лафетахъ и въ большой неисправности. И такъ городскія стѣны съ двухъ сторонъ спускались съ горы, къ большому предмѣстью и съ одной находились у самой подошвы горы, шли вдоль оной и отдѣляли городъ отъ большаго предмѣстья, которое, имѣя по внѣшнимъ угламъ особенно отдѣльныя башни съ артилеріею, было еще обведено каменнымъ валомъ вновь сложеннымъ безъ известки, но съ небольшимъ рвомъ.

Съ Эрзрумской стороны, подъ самыми почти стѣнами города, протекаетъ рѣка Карсъ, черезъ которую имѣется хорошій мостъ. Рѣка сія, вытекающая изъ Соганлугскихъ горъ, дѣлаетъ небольшое колѣно параллельное Карсу, въ 3-хъ верстахъ выше онаго; тутъ черезъ оную идетъ большая Эрзрумская дорога по хорошему мосту; потомъ, упираясь въ большое нижнее предмѣстье Карса, опять поворачиваетъ на лѣво, отдѣляетъ третье предмѣстье Карса, лежащее на покатости горы съ Эрзрумской стороны, которое оборонялось тоже отдѣльною башнею, окруженною небольшимъ валомъ и называвшеюся Топалъ-паша, и наконецъ врѣзывается страннымъ въ природѣ явленіемъ въ самую гору, которую разсѣкаетъ пополамъ и окружаетъ съ сѣверо-западной стороны Карсъ, оттуда уже неприступный: ибо хребетъ раздѣленъ почти вдоль пополамъ рѣкою текущею въ каменныхъ обрывахъ, вышиною въ 60 саженъ по крайней мѣрѣ. Внѣшняя часть хребта сего доступна, если на горы подняться отъ Эрзрумскаго моста; но на противоположномъ хребтѣ поставлена высокая цитадель Карса, унизанная орудіями, которая спускается къ городу нѣсколькими ярусами толстыхъ стѣнъ, такъ что она для приступа совершенно недоступна; и хотя съ противуположной высоты по близкому разстоянію и можно ее засыпать ядрами, но толстыя стѣны цитадели сей долго устоятъ противъ артилеріи, и кромѣ того еслибы огонь оной и прекратился, то выгода отъ сего была бы небольшая, ибо черезъ то не улучшился бы доступъ.

Изъ сей цитадели, хорошо и чисто выстроенной, подѣланы у Турокъ потайные въ камнѣ высѣченные ходы къ водѣ и мельницамъ. Рѣка Карсъ, имѣющая до 12 саженъ ширины, не вездѣ проходима въ бродъ и, минуя Карсъ и Карадагъ съ сѣверо-восточной стороны оныхъ, течетъ опять по равнинѣ въ отлогихъ берегахъ.

Описавъ такимъ образомъ Карскую крѣпость въ томъ видѣ или тѣмъ порядкомъ, какъ оная намъ представилась во время осады, я для большей внятности повторю описаніе сіе, приступивъ къ оному со средины, или начиная отъ цитадели.

Цитадель Карса, названная Англинскими путешественниками неприступною, лежитъ на вершинѣ горы, по восточной или юго-восточной покатости коей стоитъ городъ и коей противуположная сторона кончается обрывомъ, въ коемъ сдѣлано нѣсколько сходовъ къ рѣкѣ Карсъ-чаю, и между прочими одинъ закрытый сходъ изъ самой цитадели для добыванія воды. Противуположный же сему обрыву берегъ рѣки кажется въ семъ мѣстѣ еще болѣе недоступенъ по крутизнѣ скалъ, изъ коихъ оный состоитъ. Берегъ сей, на который можно съ артилеріею взойти, поднявшись на горы верстахъ въ 3-хъ повыше Карса, нѣсколько возвышеннѣе того мѣста, на коемъ построена цитадель.

Цитадель сія спускается къ городу въ нѣсколько ярусовъ толстыхъ стѣнъ, соединяется на вершинѣ горы невысокою стѣнкою (идущею по берегу скалы) съ большой башнею, обстрѣливающею Карадагскій редутъ. Съ одной стороны отъ сей башни, съ другой же отъ самой цитадели, спускаются двѣ двойныя стѣны съ башнями до долу, гдѣ онѣ соединяются такоюже поперечною двойною стѣною, передъ которою въ одномъ краю мѣстоположеніе затоплено.

Съ сѣверо-восточной стороны за сей стѣной находится на покатости горы небольшое предмѣстье, за которымъ былъ выстроенъ на горѣ Карадагъ редутъ съ четырьмя орудіями, который соединялся недоконченными укрѣпленіями съ одной стороны по хребту горы до большой башни, а съ другой стороны по покатости кругомъ предмѣстья внизъ къ крѣпости или къ другому большому предмѣстью.

Съ юго-восточной стороны, за крѣпостной стѣною, находится большое предмѣстье, расположенное уже на равнинѣ, на углахъ коего имѣются отдѣльныя башни съ артилеріею, связанныя въ недавнемъ времени сложенною каменною стѣною безъ извести.

Съ юго-западной или Эрзрумской стороны, за крѣпостною стѣною, течетъ рѣка Карсъ, обгибающая цитадель и Карадагъ, и отдѣляетъ отъ города предмѣстье, расположенное также на покатости и обороняемое стоящею въ краю онаго отдѣльною башнею, окруженною небольшимъ валомъ и называющеюся Топалъ-паша.

Таковое крѣпкое положеніе крѣпости Карса подало Европейскимъ путешественникамъ поводъ къ сравненію оной съ Гибралтаромъ. Крѣпость сія въ самомъ дѣлѣ очень сильна мѣстоположеніемъ своимъ, и она намъ вѣроятно въ другой разъ не достанется такъ легко въ руки, какъ въ сей [1].

Кромѣ вышеописанныхъ укрѣпленій, Турки выстроили еще два укрѣпленныя лагеря, одинъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая передъ предмѣстьемъ, прилегающимъ къ Топалъ-пашѣ на низу, и поставили въ оный нѣсколько орудій, а другой на горѣ выше Топалъ-паши, дабы воспрепятствовать нашему приближенію къ краю обрыва, съ коего можно было бить въ цитадель.

Городъ многолюденъ, и всѣ жители вооружены, такъ что при находящихся тамъ войскахъ, обороняющихъ было весьма достаточно для удержанія крѣпости, хорошо снабженной всякаго рода запасами артилерійскими въ избыткѣ и провіантомъ. Но начальникомъ у Турковъ былъ паша, человѣкъ невоенный. Паша сей былъ нѣкогда муллою въ селеніи Тегишъ (черезъ которое мы проходили, переступивъ

---

[1]) Черезъ 27 лѣтъ по написаніи этихъ строкъ Карсъ взятъ былъ самимъ авторомъ. *П. Б.*

изъ Гумровъ границу); онъ, какъ говорятъ, занимался болѣе предметами до его званія касающимися и получилъ мѣсто паши въ Карсѣ черезъ происки свои и связи, которыя онъ пріобрѣлъ нѣкогда въ путешествіи своемъ въ Царьградъ. Онъ былъ слабъ, необразованъ, простаго происхожденія и совсѣмъ не похожъ на правителя области. Звукъ орудій слишкомъ сотрясалъ его, и онъ не умѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій, не могъ предпринять никакихъ дѣятельныхъ мѣръ.

*

Городъ Карсъ населенъ Турками и Армянами. Послѣдніе не имѣютъ достаточныхъ причинъ жаловаться на какія либо притѣсненія въ мирное время со стороны правительства, ибо они въ городѣ свободно торгуютъ, а въ деревняхъ свободно занимаются хлѣбопашествомъ и живутъ въ довольствіи. Взаимныя отношенія сихъ двухъ народовъ измѣнились съ открытіемъ войны.

Жители Карса—народъ вообще маловоинственный, хотя всѣ вооружены; торговля составляетъ главнѣйшее ихъ занятіе.

Пашалыкъ Карскій хотя и числится во владѣніяхъ Турецкой имперіи, отъ коей онъ зависитъ по единовѣрію, обычаямъ и назначенію отъ султана пашей, но сія зависимость, какъ остатокъ давнишняго вліянія Порты, нынѣ по обстоятельствамъ, мѣстоположенію, связямъ и безпечности Порты измѣнилась и обратилась въ сношенія другаго рода, указанныя большею частію существомъ дѣла и самою природою. Сношенія торговыя поставили Карскаго пашу болѣе подъ вліяніе Эриванскаго сердаря, сбывавшаго черезъ сей пашалыкъ знатную часть произведеній своей земли, состоящую изъ хлопчатой бумаги. И такъ какъ въ Азіи правители или владѣльцы лично ведутъ монопольную торговлю произведеніями подвластныхъ или управляемыхъ ими земель, то и политическія сношенія сихъ земель черезъ сіе сближаются и приходятъ во взаимную зависимость, въ коей первенствуетъ сильнѣйшая богатствомъ страна.

Кѣмъ построенъ Карсъ, я не имѣю настоящихъ свѣдѣній. Крѣпость онаго хотя древняя, но вѣроятно построена Турками. Впрочемъ на картѣ Англійскаго путешественника Киннейра, на коей означены походы Ксенофонта, видно, что городъ сей существовалъ еще въ его время подъ названіемъ *Харса* и что Ксенофонтъ при отступленіи своемъ съ 10,000 проходилъ мимо онаго около моста, что̀ черезъ рѣку Карсъ-чай, близъ города по Эрзрумской дорогѣ и, не переходя онаго, повернулъ влѣво къ Требизонду черезъ Ипсиру и землю Лазовъ.

Около сего моста мы намѣрились поставить свой осадный лагерь, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать и оборонять Эрзрумскую дорогу,—намѣреніе смѣлое при малочисленности войскъ нашихъ, но дѣльное; ибо мы черезъ сіе занимали сообщенія Карса съ Эрзрумомъ.

Первый пунктъ приказанія, отданнаго съ вечера 18-го числа и въ копіи приложеннаго выше, относился къ сему предполагаемому движенію. 19-го числа, войска выстроились въ три линіи въ боевой порядокъ (кавалерія между 2-й и 3-й, составлявшей резервъ подъ моею командою) и подвинулись въ строю къ крѣпости. Съ какимъ намѣреніемъ было предпринято сіе общее движеніе, я не понимаю: крѣпость мы разомъ взять не могли, для рекогносцировки не нужно было выводить все войско; дабы прикрыть движеніе обозовъ влѣво, сіе было также излишне. Достаточно бы было части войскъ, другая мо-

гла бы идти и занять новый лагерь и по настоящему должна бы сдѣлать сіе.

И потому мнѣ кажется, что движеніе сіе было предпринято безъ всякой цѣли, какъ и многія подобныя движенія Паскевича. Ему, можетъ быть, хотѣлось на Карсъ посмотрѣть... Но у него вѣрно не было въ мысляхъ сдѣлать правильную рекогносцировку, каковой онъ и не сдѣлалъ. Боевой порядокъ нашъ былъ тотъ же, который онъ употребилъ подъ Елисаветополемъ. Пѣхота въ трехъ линіяхъ побригадно, въ батальонныхъ колонахъ, между коими стояла артилерія; регулярная кавалерія между 2-й и 3-й линіями пѣхоты. Строй весьма хорошій противъ Азіатскихъ войскъ въ полѣ, но безполезный противъ крѣпости....

Казаки были впереди первой линіи около нашего лѣваго фланга, первые встрѣтились съ выѣхавшими изъ крѣпости непріятельскими всадниками и вступили въ перестрѣлку, отъ коей съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Казаки поступали смѣло и вели себя хорошо. Съ приближеніемъ нашимъ къ крѣпости, непріятель открылъ по насъ довольно сильный огонь изъ орудій своихъ, расположенныхъ на башняхъ, стоящихъ на покатости горы въ нѣсколько ярусовъ, но не причинилъ намъ никакого вреда. Ему отвѣтствовали съ нашей стороны, стрѣляя по обширному городу въ строенія безъ всякой цѣли. Впереди насъ, по валу, сложенному передъ большимъ предмѣстьемъ, безъ известки (для соединенія угловыхъ башень, прикрывающихъ сіе предмѣстье), Турки толпились около своихъ знаменъ, выставленныхъ на семъ валу, коего еще продолжали работу собранными городскими жителями: между ними было замѣтно нѣсколько начальниковъ, которые были верхами на лошадяхъ. Огонь съ обѣихъ сторонъ безъ всякой пользы продолжался. Мы, кажется, мало занимались осмотромъ крѣпости; однако же Бурцовъ былъ посланъ съ батальономъ піонеръ и 2-мя орудіями передъ правый флангъ нашей первой линіи, ближе къ крѣпости, неизвѣстно мнѣ съ какимъ приказаніемъ. Онъ, какъ смѣлый офицеръ, подошелъ очень близко къ угловой башнѣ предмѣстья и былъ встрѣченъ огнемъ съ оной и съ Карадага, отъ чего и лишился нѣсколькихъ человѣкъ. Въ сіе самое время показалась противъ нашего праваго фланга непріятельская кавалерія, человѣкъ до пяти сотъ, которые сдѣлали вылазку изъ крѣпости. Не буду ручаться, чтобы Бурцовъ не былъ посланъ въ то время, какъ уже непріятельская кавалерія показалась; но не понимаю и въ семъ случаѣ сего движенія: ибо онъ никогда бы не могъ настичь оную, еслибы она стала уклоняться, и только подвергался перекрестнымъ выстрѣламъ артилеріи изъ крѣпости; впослѣдствіи же оказалось, что движеніе Бурцова принесло нѣкоторую пользу.

Непріятельская конница, вышедши изъ крѣпости, съ быстротою понеслась на нашъ правый флангъ и, увидя сомкнутыя колоны пѣхоты и артилеріи, стала обгибать сей флангъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы ударить въ тылъ на наши обозы; но въ сіе самое время Сакенъ выдвинулъ кавалерію изъ за пѣхоты направо и атаковалъ Турокъ, которыхъ въ мигъ опрокинулъ со своднымъ уланскимъ полкомъ, преслѣдовалъ почти до самой крѣпости и взялъ около 30 или 40 человѣкъ въ плѣнъ кромѣ убитыхъ и раненыхъ. Турки должны были тогда скакать мимо піонернаго баталіона, и Бурцовъ пропустилъ ихъ въ крѣпость обратно мимо батальнаго огня и картечныхъ выстрѣловъ своего отряда. Сводный уланскій полкъ первый разъ былъ

въ дѣлѣ и удачно; сіе чрезвычайно подняло духъ полка сего, который во все время войны всегда уже имѣлъ успѣхъ.

Сакенъ велъ себя очень храбро. Но полагаютъ, что онъ поспѣшилъ атаковать непріятеля и что, еслибы онъ его далѣе пропустилъ, то нанесъ бы гораздо болѣе урона Туркамъ. Послѣ сего пальба изъ орудій съ обѣихъ сторонъ стала рѣже. Турки высылали нѣсколько пѣшихъ застрѣльщиковъ изъ крѣпости, которые, прокрадываясь рытвинами, стрѣляли въ наши колоны, но никого не задѣли. Запрещено было отвѣчать на ихъ выстрѣлы, дабы не завязать дѣла. Всадники Турецкіе также выѣзжали по одиночкѣ, вертѣлись передъ нашимъ фронтомъ очень близко и смѣло и пускали безполезные выстрѣлы изъ своихъ карабиновъ. Паскевичъ показалъ себя неробкимъ, но безъ всякой распорядительности; ибо кромѣ пальбы изъ орудій, онъ ничего не приказалъ особеннаго и, какъ я выше сказалъ, ничего не высматривалъ и не высмотрѣлъ. Его забавляла невѣрность непріятельскихъ выстрѣловъ, подъ коими онъ завтракалъ въ первой линіи; но въ сей день онъ имѣлъ сшибку (съ начала Турецкаго похода) съ генераломъ Гилленшмитомъ, начальникомъ нашей артилеріи.

Гилленшмитъ, тотъ самый, который отличился, будучи еще въ чинѣ полковника, въ дѣлѣ Красовскаго, 17-го числа Августа 1827 года, подъ Ушаганомъ въ Персидскую войну, былъ человѣкъ благородныхъ правилъ, офицеръ дѣятельный, знающій и смѣлый. Видя, что заряды теряются безъ всякой пользы, онъ подошелъ къ одной изъ батарей и велѣлъ прекратить огонь, полагая, можетъ быть, что офицеръ артилерійскій продолжаетъ пальбу единственно для своего удовольствія. Паскевичъ, стоявшій поодаль, увидѣлъ и замѣтилъ сіе Гилленшмиту... Гилленшмитъ представилъ причины, побудившія его къ отданію такого приказанія, говоря, что заряды надобно было беречь для нужнаго случая. Паскевичъ вспылилъ и напомнилъ ему свое званіе главнокомандующаго. Пальбу опять начали, но Гилленшмитъ, не выходя изъ границъ уважительности, коею онъ обязанъ былъ начальнику, остался въ своемъ мнѣніи, говоря съ хладнокровіемъ и основательностію, что̀ и заставило Паскевича перемѣнить свое обхожденіе. Удивительно, что случай сей не имѣлъ никакого вліянія на службу Гилленшмита, который до сихъ поръ успѣлъ удержаться въ хорошихъ сношеніяхъ съ начальникомъ нашимъ, коего онъ постоянно сохранилъ, хотя наружное, уваженіе.

Во время пальбы приказано было полковнику Ренненкампфу осмотрѣть предполагаемое мѣсто для лагеря на Эрзрумской дорогѣ и потомъ, переправясь черезъ рѣку Карсъ-чай, подняться на горы, коихъ отрогъ тянулся къ Карсу и занять вершины оной баталіономъ пѣхоты, что̀ и было исполнено безъ большаго затрудненія; ибо на горахъ сихъ было только нѣсколько всадниковъ Турецкихъ, наблюдавшихъ за нашими движеніями и которые немедленно удалились въ крѣпость.

*

Послѣ сего, первая и вторая линіи прошли лѣвымъ флангомъ на Эрзрумскую дорогу, гдѣ, сдѣлавъ перемѣну дирекціи налѣво, войска сіи стали лицемъ къ Карсу, тыломъ къ мосту, что̀ по Эрзрумской дорогѣ и къ Эрзруму. Мнѣ приказано было съ резервомъ заступить мѣсто оныхъ передъ предмѣстьемъ до вечера и передъ вечеромъ,

сдѣлавъ такое же движеніе, стать за онымъ въ лагерѣ, но лицемъ къ мосту и Эрзруму для обереженія тыла. Съ выступленіемъ первыхъ линій, я подвинулся впередъ и стоялъ передъ крѣпостью почти до вечера. Непріятель стрѣлялъ изрѣдка и не нанося намъ никакого вреда. Передъ вечеромъ я пошелъ въ лагерь, принявъ прежде свой правый флангъ назадъ, дабы не подвергнуть оный нападенію непріятельской кавалеріи и занялъ свое мѣсто лицемъ къ Эрзруму.

Лагерь нашъ составлялъ большое каре или, лучше сказать, одну большую квадратную колону, составленную изъ трехъ линій пѣхоты и въ срединѣ одной линіи кавалеріи, расположенныхъ въ баталіонныхъ и дивизіонныхъ колонахъ съ небольшими интервалами. Среди сего лагеря стояла корпусная квартира. Осадная артилерія, транспорты съ хлѣбомъ, маркитанты и парки съ артилерійскими зарядами поставлены были нѣсколько поодаль. Лагерь нашъ представлялъ видъ цѣлаго города, коего однакоже торговля ограничивалась продажею вина и вакштафа; пѣсельники, музыканты, снаряженіе осадной артилеріи, которую ставили на лафеты,—все сіе оживляло нашъ станъ, въ который были приведены захваченные въ сей день плѣнные, коихъ разноцвѣтные кафтаны и высокія чалмы привлекали любопытныхъ. Мы любовались гордому виду сихъ израненныхъ воиновъ, которые, сидя въ кружкѣ около огня, ни для кого не безпокоились и были также безпечны, какъ будто находились на отдыхѣ въ какомъ нибудь караванъ-сараѣ.

Все наше заключалось въ лагерѣ. Фуражиры наши косили траву на обширной равнинѣ, что̀ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, по дорогѣ къ Эрзруму, подъ прикрытіемъ; но внѣ лагеря нашего сообщенія наши были всѣ прерваны и ненадежны.

Непріятель, который пустилъ за мною нѣсколько ядеръ въ догонку, изрѣдка стрѣлялъ въ лагерь на элевацію, и хотя мы стояли въ $2^1/_2$ верстахъ отъ крѣпости, но нѣкоторыя ядра еще падали въ самомъ лагерѣ. Мы приписывали дальній полетъ сихъ ядеръ длинѣ Турецкихъ орудій, которыя несоразмѣрны съ калибромъ оныхъ.

Лѣвый флангъ нашъ былъ обезпеченъ пѣхотою, занявшею въ теченіи дня высоты, ведущія къ крѣпости, на коихъ сложили небольшой редутъ изъ камней; для сообщенія же съ симъ отдѣльнымъ постомъ устроили мостъ черезъ рѣку. Тылъ нашъ былъ обезпеченъ самою рѣкою, огибавшею оный и крутымъ скалистымъ правымъ берегомъ рѣки въ семъ мѣстѣ, съ коего открывалась вдаль вся равнина и дорога въ Эрзрумъ, которую я оберегалъ. И для того я занималъ еще на ночь отдѣльными постами, на берегу рѣки, въ верстѣ разстоянія, мѣстоположенія при двухъ небольшихъ каменныхъ горахъ, вверхъ по рѣкѣ находившихся. Кромѣ сего, для обереженія нашего праваго фланга, начали еще строить на ономъ редутъ, но котораго работы немного подвинулись за скорымъ взятіемъ крѣпости Карса.

Такъ кончилась мнимая рекогносцировка крѣпости Карса, изъ коей мы болѣе ничего не узнали какъ то, что въ оной имѣется довольное число орудій, но никакъ не выбрали и не утвердили мѣста, съ котораго намъ было начать осаду; ибо на сіе, какъ кажется, было обращено малое вниманіе. Но все движеніе наше сдѣлалось въ отличномъ порядкѣ, и надобно похвалить Паскевича хотя за то, что пушечные выстрѣлы не заставили его перемѣнить перваго намѣренія, каково оно ни было, и оставить лагерь на Эрзрумской дорогѣ, что̀

если и не было совершенно обдумано, но принесло ту выгоду, которую доставляетъ всякое смѣлое дѣйствіе,—одолѣвать нравственность непріятеля, безъ причины полагавшаго себя отрѣзаннымъ отъ всякаго вспоможенія со стороны Эрзрумскаго сераскира, который могъ всегда пройти иными дорогами къ Карсу.

Вотъ что о семъ дѣлѣ 19-го числа было напечатано въ реляціяхъ.

«19-го Іюня изъ села Азадъ-Кёвъ отправился вагенбургъ съ прикрытіемъ на вновь назначенный лагерь, пересѣкающій Эрзрумскую дорогу и лежащій на рѣкѣ Карсѣ. Г. корпусный командиръ съ большею частію войскъ выступилъ къ крѣпости Карсъ въ намѣреніи сдѣлать усиленное обозрѣніе. Едва только войска въ боевомъ порядкѣ показались на послѣднихъ высотахъ, склоняющихся къ крѣпости, какъ многочисленная конница выступила изъ оной и стремительно бросилась на передовые казачьи полки. Усматривая возможность дать полевое сраженіе, г. корпусный командиръ предположилъ отвлечь непріятеля, сколь возможно, далѣе отъ крѣпости, для чего и приказалъ казакамъ постепенно очищать фронтъ позиціи, склоняясь къ правому флангу. Увѣренный въ успѣхѣ, непріятель понесся за казаками, а въ сіе мгновеніе посланъ былъ г. корпуснымъ командиромъ исправляющій должность начальника штаба генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ со своднымъ уланскимъ полкомъ, линейными казаками, Татарскимъ ополченіемъ и 2-мя орудіями конно-линейной казачьей артилеріи, отрѣзать непріятеля отъ крѣпости. Стройность и быстрота сей атаки, произведенной подъ огнемъ крѣпости во флангъ непріятеля, смяла его и причинила жестокое пораженіе. Между тѣмъ, 8-й піонерный баталіонъ съ 4-мя орудіями казачьей линейной артилеріи подъ начальствомъ полковника Бурцова посланъ былъ для поддержанія кавалерійской атаки, принявъ влѣво ближе крѣпости и рѣзвымъ шагомъ овладѣвъ высотою, въ 200-хъ саженяхъ лежащею отъ оной, сей отрядъ ружейнымъ огнемъ и батареею билъ вслѣдъ бѣгущаго въ городъ непріятеля. Таковымъ движеніемъ нанесенъ былъ ему значительный уронъ; все поле усѣяно было его трупами и до 20-ти человѣкъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ, въ числѣ коихъ нѣсколько чиновниковъ, захвачено въ плѣнъ. Отъ сихъ послѣднихъ узнано, что непріятель потерялъ до 100 человѣкъ убитыми и до 200 человѣкъ ранеными. Въ продолженіе сей атаки, Донскіе казачьи полки на лѣвомъ нашемъ флангѣ, подъ командою генералъ-маіора Завадовскаго, вмѣстѣ съ Грузинскимъ дворянствомъ, направляясь подъ командою генералъ-маіора Леонова и полковника Сергѣева, ударили на бывшія противъ нихъ толпы и также вогнали ихъ въ крѣпость. Линейнымъ полкомъ и Грузинскимъ дворянствомъ командовалъ полковникъ князь Бековичъ-Черкасскій».

«Въ семъ дѣлѣ Россійскія войска оказали примѣрную твердость. Не взирая на отважность непріятельской конницы, которая бросилась въ рукопашный бой, наша иррегулярная кавалерія ничѣмъ не уступала ей въ семъ родѣ сраженія. Пѣхота же, по коей крѣпостныя батареи безумолкно дѣйствовали ядрами, неподвижно занимала назначенныя ей мѣста до 4-хъ часовъ пополудни, пока сѣверо-восточная сторона крѣпости была совершенно осмотрѣна. Тогда уже двинулись войска лѣвымъ флангомъ къ лагерю. Потеря наша въ сей день состоитъ изъ 12 убитыхъ и 12 раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ 3 офицера».

«На лѣвомъ берегу рѣки Карсъ приказано было одному баталіону 40-го егерскаго полка съ 2 горными единорогами занять высокую гору и построить на ней редутъ для обезпеченія лагеря. Къ вечеру, переѣхавъ на ту сторону рѣки, г. корпусный командиръ докончилъ обозрѣніе крѣпости. Сила оной весьма значительна и наипаче по мѣстному положенію. Толстыя, каменныя стѣны въ три ряда съ башнями, построенными въ видѣ бастіоновъ, окружаютъ городъ и часть предмѣстья и находятся подъ обороною цитадели,

лежащей на высокой скалѣ и одной укрѣпленной горы, называемой Карадагомъ».

«Многочисленная артилерія, полагаемая до 100 орудій, очищаетъ поле выстрѣлами во всѣ стороны; почва земли, чрезвычайно каменистая, препятствуетъ работамъ, а главнѣйшая сила города состоитъ въ весьма многочисленномъ гарнизонѣ».

Въ сей реляціи есть нѣкоторыя отступленія, хотя небольшія, отъ истины. Обозрѣніе врядъ ли предполагалось, какъ я выше сказалъ, и совсѣмъ не совершилось. На полевое сраженіе не могло быть надежды, и Паскевичъ выразилъ въ семъ случаѣ только обыкновенное понятіе свое заманить непріятеля. Конница непріятельская, дѣлавшая вылазку, не была весьма многочисленная и все поле не было усѣяно непріятельскими трупами. N., человѣкъ признанной трусости, названъ изъ чести лишь одной. Крѣпость Карсъ описана безъ толку; никто о ней не имѣлъ понятія, пока ея не взяли. Орудій въ крѣпости было гораздо болѣе ста.

Но реляціи всегда такъ пишутся; хорошо бы было, еслибы не болѣе сего увеличивали въ оныхъ мнимые подвиги.

20-го числа Паскевичъ съ частью пѣхоты поднялся на горы, что̀ у насъ на лѣвомъ флангѣ были, съ тѣмъ будто, чтобы сдѣлать обозрѣніе. Коль скоро непріятельскія ядра на элеваціи, изъ цитадели пущенные, стали докатываться до насъ, онъ остановилъ все войско и легъ на землю и едва ли смотрѣлъ къ сторонѣ крѣпости; ничего не приказывалъ и мало говорилъ. Когда только къ нему подходили нѣкоторые начальники съ изложеніемъ своихъ мыслей на счетъ осады и предполагаемыхъ батарей, то онъ разговаривалъ, но ничего утвердительнаго не умѣлъ сказать. Сей разговоръ по часту прерывался пріѣзжавшими по одиночкѣ казаками, которые, подавшись нѣсколько впередъ, иногда перестрѣливались съ 20-ю или 30-ю Турецкими всадниками, выѣзжавшими изъ крѣпости и разсказывали о своихъ подвигахъ, или о томъ, что̀ видѣли. Такимъ образомъ проходилъ день безъ всякой пользы; не былъ даже назначенъ никто для управленія инженерными работами. Нѣкоторое время говорили, что инженеру путей сообщенія подполковнику Эспехо сіе будетъ поручено. Эспехо—Гишпанецъ, не знающій сего дѣла и неохотный къ порученіямъ такого рода, не мѣшался впередъ на глаза; однакоже онъ однажды говорилъ о какихъ-то батареяхъ, которыя предлагалъ поставить на неизмѣримое разстояніе отъ крѣпости, спустившись съ горъ направо въ долину. Больше онъ, кажется, мало что сдѣлалъ и если онъ носилъ званіе начальника инженеровъ у насъ, то, не менѣе того, по сей части управлялся полковникъ Бурцовъ, а Эспехо оставался въ сторонѣ.

Сакенъ нѣсколько разъ предлагалъ подвинуть немного войскъ впередъ, дабы согнать непріятельскихъ фланкеровъ, подъѣхать нѣсколько поближе и осмотрѣть крѣпость; но Паскевичъ съ сердцемъ всегда отказывалъ, опасаясь, какъ онъ говорилъ, завязать дѣло. Онъ все боялся, чтобы Сакенъ не торжествовалъ побѣды безъ него, и онъ ревновалъ его и къ тѣмъ всадникамъ, которые выѣхали изъ крѣпости, но которыхъ онъ не рѣшался прогнать.

Но когда уже стало подходить время къ вечеру, то Сакенъ настоятельно просилъ позволенія обозрѣть крѣпость, что̀ ему и было позволено, но съ уговоромъ не подвигать пѣхоты. Сакенъ взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ конныхъ; съ нимъ, кажется, поѣхали

Ренненкампфъ, Вальховскій и другіе; меня онъ также пригласилъ. Мы зарядили свои пистолеты и подвинулись, сколько можно было, впередъ; ибо непріятельскіе всадники вскорѣ насъ встрѣтили. Казаки начали отстрѣливаться, но Турки начали показываться, и между оными изъ-за бугровъ стрѣляли и пѣшіе стрѣлки. Сіе было причиною, что мы нашлись принужденными оставить нашу рекогносцировку и отступить назадъ. Паскевичу было сказано, что нельзя однимъ подъѣхать къ крѣпости и что для сего необходимо нужно было сбить непріятельскихъ застрѣльщиковъ пѣхотою, и онъ наконецъ согласился послать одну роту Эриванскаго карабинернаго полка впередъ, которая, прошедши нѣсколько, остановилась на краю большаго оврага и послала своихъ застрѣльщиковъ, но едва они залегли, какъ были вытѣснены Турками, на нихъ бросившимися. Молодой офицеръ, прапорщикъ князь Эристовъ, который ими командовалъ, по неопытности своей, кажется, испугался и слишкомъ быстро отступилъ къ ротѣ, что̀ и подало Туркамъ поводъ наперeть на нихъ; они были встрѣчены при ротѣ батальнымъ огнемъ и тотчасъ отступили, а застрѣльщики наши заняли свои прежнія мѣста. При всей пальбѣ сей не было у насъ никакого урона.

Паскевичу представили необходимость непремѣнно прогнать сего непріятеля, дабы обозрѣть крѣпость, и онъ согласился подвинуть сперва одну роту того же полка и потомъ еще двѣ, наконецъ два орудія.

Съ одною ротою и двумя орудіями я пошелъ налѣво въ обходъ непріятельскихъ шанцовъ, впереди насъ за оврагомъ, на противуположномъ берегу онаго находящихся, а подполковнику Кашутину, коего батальонъ уже почти весь соединился, приказалъ дождаться противъ сихъ шанцовъ, на большомъ разстояніи, пока не услышитъ, что я иду, съ крикомъ «ура» и барабаннымъ боемъ, на приступъ и чтобы онъ тогда самъ бросился съ тремя ротами прямо впередъ и, пробѣжавъ долину, занялъ бы непріятельскіе завалы съ фронта.

Все удалось: пока я шелъ съ ротою и двумя орудіями въ обходъ, непріятельскія пули изъ шанцовъ долетали къ намъ въ правый флангъ. Артилерійскій генералъ Гилленшмитъ былъ со мною; мы шли быстро, день уже темнѣлъ, наступала ночь. Адъютантъ Гилленшмита, Влахопуло, нѣсколько разъ говорилъ, что непріятельская конница, идущая изъ Эрзрума съ Кёссе-Мехмедъ-пашою, которую ожидали, показывается у насъ на лѣвомъ флангѣ и по мѣрѣ, какъ мы подавались лѣвымъ плечемъ, впередъ къ тылу; но мы ни на что не смотрѣли, и коль скоро сдѣлали свое захожденіе лѣвымъ плечемъ впередъ во флангъ непріятелю, построили взводы, на походѣ, взявши между оными артилерію и, выславъ застрѣльщиковъ впередъ, ударили въ барабаны и съ крикомъ «ура» бросились впередъ. По наступившей темнотѣ мы не могли различить непріятеля, засѣвшаго на высотѣ въ завалахъ и коего пули всѣ чрезъ насъ перелетали; но, подходя къ укрѣпленіямъ, Турки бѣжали, къ чему ихъ также побудила атака, которую повелъ Кашутинъ прямо, коль скоро я ударилъ въ барабаны. Непріятельскіе шанцы состояли изъ невысокой стѣнки, сложенной изъ камней безъ извести, на краю горы, на коей онъ засѣлъ.

Непріятельская кавалерія не показывалась. Ея и не было; Турки же, защищавшіе шанцы, отступали къ башнѣ Топалъ-пашѣ, откуда они насъ безпокоили ружейными выстрѣлами. Темнота ночи остано-

вила наши успѣхи, и мы залегли за стѣною, дабы пули насъ не доставали. Уронъ нашъ состоялъ изъ 2-хъ или 3-хъ человѣкъ ранеными.

Тогда пріѣхалъ къ намъ начальникъ всей пѣхоты генералъ-лейтенантъ князь Вадбольскій. Человѣкъ сей былъ храбръ лично, но не распорядителенъ; онъ постоялъ нѣсколько подъ пулями, показавъ безъ всякой надобности свою неустрашимость, поговорилъ со всѣми, разсказывалъ разныя вещи, ни къ чему не ведущія и уѣхалъ; съ нимъ и я поѣхалъ, оставивъ на томъ мѣстѣ полковника Фридрикса, коего большая часть полка тутъ находилась.

Въ теченіи сего дѣла я имѣлъ случай замѣтить особенную доблесть казаковъ линейныхъ, которые охотниками пошли пѣшіе съ застрѣльщиками, залегли впереди пѣхоты и долго вели перестрѣлку съ Турками; и когда уже выстрѣлили свои патроны, то прислали ко мнѣ просить новыхъ.

При началѣ атаки, когда мы еще шли флангомъ, я слѣзъ съ лошади и шелъ пѣшкомъ. Человѣкъ мой, Егоръ Морозовъ, который всегда возилъ за мною трубку, по оплошности выпустилъ свою верховую лошадь — обстоятельство весьма непріятное въ такое время, особливо ночью. Дабы предупредить подобный случай другой разъ, я приказалъ ему, дабы, по поимкѣ лошади, онъ съ нея болѣе не слѣзалъ, что̀ онъ и исполнилъ въ точности: онъ остался одинъ на лошади, когда всѣ стояли пѣши за взятыми шанцами. Пули летали довольно часто черезъ насъ, и могли легко задѣть всякій предметъ возвышенный. Егоръ не смѣлъ слѣзть съ лошади и остался все время верхомъ, но дабы прикрыть себя нѣсколько отъ пуль, употребилъ хитрость: поднялъ лошади голову и выстоялъ все время такимъ образомъ въ огнѣ; но ни онъ, ни лошадь, не были задѣты.

Ночью я возвратился къ Паскевичу, который все оставался на томъ же мѣстѣ на горѣ.

Атаку мою всѣ видѣли, и онъ похвалилъ меня за оную и спросилъ, жарко ли было и какое я сдѣлалъ сравненіе между Персіянами и Турками. Я отвѣчалъ ему, что послѣдніе не въ примѣръ упорнѣе первыхъ дерутся. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы въ семъ случаѣ они показали себя слишкомъ упорными, но Персіяне и того не дѣлали: не подпущали насъ, или очень рѣдко, на ружейный выстрѣлъ.

Въ теченіи ночи, Турки нѣсколько разъ открывали ружейный огонь по карабинерамъ, но не сбили ихъ; къ тому же, Фридриксу приказано было оставить сіе мѣсто, такъ какъ оно было слишкомъ близко къ крѣпости и что оное трудно было удержать безъ большихъ силъ.

21-го на разсвѣтѣ, Турки опять залегли въ своихъ шанцахъ на горѣ, нами оставленныхъ. Казалось, что не было у насъ цѣли начать осаду съ горы, по коей хотя и можно было очень близко подойти къ цитадели, но нельзя было перейти ужасно глубокаго яра, въ скалистыхъ берегахъ коего текла рѣка Карсъ, отдѣлявшая насъ отъ цитадели и крѣпости. Мѣсто сіе однако было тѣмъ важно, что въ рукахъ Турокъ съ онаго могло намъ вредить въ начатой осадѣ, по обоимъ берегамъ Карсъ-чая, и потому оно было въ послѣдствіи времени опять занято нашими войсками. Высота сія представляла еще то удобство, что съ оной можно было хорошо дѣйствовать по артилеріи крѣпостной и атаковать башню и предмѣстье Топалъ-пашу или, лучше сказать, поддержать атаку онаго; ибо, спускаясь съ сей горы къ башнѣ Топалъ-пашѣ, лѣвый флангъ наступающаго войска под-

вергался выстрѣламъ крѣпостныхъ орудій едвали не на картечное разстояніе.

*

Вотъ происшествія 20-го числа; прилагаю здѣсь выписку изъ приказанія, на сіе число даннаго, 19-го ввечеру:

1.

«Завтрашняго числа въ 4 часа утра 42-й егерьскій полкъ, четыре орудія Донской легкой № 3 роты и двѣ сотни казаковъ Извалова полка, подъ начальствомъ полковника Реута, слѣдуютъ въ подкрѣпленіе отряда полковника Красовскаго и черезъ Везинъ-кёвъ въ сел. Мешко, куда упомянутый отрядъ долженъ прибыть завтрашняго числа. 21-го оба сіи отряда, подъ начальствомъ полковника Реута, должны прибыть въ лагерь главнаго корпуса».

Красовскій, съ частью Крымскаго полка или цѣлымъ полкомъ, былъ оставленъ въ Гумрахъ и долженъ былъ прибыть къ намъ съ послѣдними транспортами, что̀ и было приведено въ исполненіе.

Дополненіе къ словесному приказанію на 20-е число:

«Сего числа, въ 2 часа по полудни, гренадерская бригада, при 8 орудіяхъ, лѣвымъ флангомъ, Ширванскій пѣхотный полкъ, 8-й піонерный баталіонъ съ шанцовымъ инструментомъ и 4000 мѣшковъ, линейная легкая полу-рота, казачьи полки, линейный Карпова и бригада Сергѣева, подъ начальствомъ князя Вадбольскаго, выступаютъ по направленію, которое дано будетъ. Начальнику инженеровъ нарядить офицера для показанія удобной дороги батарейнымъ орудіямъ».

Сіе было то самое движеніе, которое я выше описалъ и коего послѣдствіемъ было занятіе высоты съ укрѣпленнымъ лагеремъ, которую оставили 21-го числа передъ свѣтомъ.

2.

«Прежнія войска остаются въ лагерѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Берхмана; обозъ построить въ вагенбургъ подъ надзоромъ дежурнаго по корпусу».

Прочія войска оставались неподвижны. Во время происходившей у насъ пальбы, генералъ-маіоръ Берхманъ, старый и мало къ чему способный, былъ въ большой тревогѣ, къ чему еще болѣе способствовали шутки Раевскаго, который его дурачилъ и пугалъ разсказами о приближеніи непріятельскаго войска, коего онъ даже показывалъ ему колоны.

Вотъ что напечатано было въ реляціяхъ о происшествіяхъ 20-го числа Іюня подъ Карсомъ:

«Г. корпусный командиръ графъ Паскевичъ Эриванскій, увѣрившись 19-го Іюня, что лучшій пунктъ атаки противъ предмѣстій Карса есть высота на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, противулежащая форштату Орта-капи, выступилъ 20-го числа въ 2 часа по полудни съ полками: Грузинскимъ гренадерскимъ, Эриванскимъ карабинернымъ, Ширванскимъ пѣхотнымъ, Донскимъ Карпова и сборнымъ линейнымъ, за рѣку Карсъ-чай. Перешедъ оную черезъ мостъ, устроенный того же утра изъ арбъ 8-мъ піонернымъ баталіономъ, онъ нарочно потянулся въ горы, дабы господствовать намъ мѣстоположеніемъ. Непріятель расположилъ часть войскъ своихъ лагеремъ на означенной высотѣ, укрѣпя оную шанцами съ артилеріею; открывъ же сіе движеніе, выслалъ кон-

ныхъ фланкеровъ и подкрѣпилъ оныхъ пѣхотою. Для удержанія его, г. корпусный командиръ послалъ сотню линейныхъ казаковъ и роту Эриванскаго карабинернаго полка съ 2 конно-линейными орудіями. Турки скоро усилились до 1500 человѣкъ и производили сильный огонь, засѣвши въ каменныхъ утесахъ, почему отряжены были еще двѣ роты карабинерныхъ, которыя, обошедъ флангъ непріятеля подъ защитою картечей линейныхъ орудій, съ барабаннымъ боемъ ударили въ штыки и взяли родъ редута, сдѣланнаго изъ камней на высотѣ горы, противолежащей крѣпостной цитадели. Сіе нападеніе произведено было подъ начальствомъ генералъ-маіора Муравьева и полковника барона Фридрикса съ примѣрнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ. Тщетно непріятель покушался отбить высоту сію; онъ всегда былъ опрокидываемъ съ урономъ. Съ нашей стороны въ сей день потеря состояла въ двухъ убитыхъ и четырехъ раненыхъ».

Разбирая реляцію сію, замѣтно въ оной довольно нескладностей для человѣка бывшаго свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицемъ въ происшедшемъ при крѣпости Карсѣ. Паскевичъ не имѣлъ повода удостовѣриться, что лучшій пунктъ атаки противъ предмѣстій Карса есть высота на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, противулежащая форштату Орта-капи, ибо настоящаго обозрѣнія крѣпости (какъ я выше сказалъ) не было сдѣлано. Сіе подтверждается еще тѣмъ, что Карсъ былъ атакованъ съ обѣихъ сторонъ рѣки и, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ, съ коихъ только можно было подойти; высота же, о которой упомянуто въ реляціи, находилась на лѣвой сторонѣ рѣки, а нашъ лагерь весь на правой. Непріятель уже имѣлъ укрѣпленный лагерь передъ предмѣстьемъ Орта-капи, на небольшомъ возвышеніи близъ самаго берега рѣки. Непріятельскія войска, коихъ движенія онъ замѣтилъ для занятія сей высоты, суть тѣ, которыя потянулись на самую гору, дабы противустоять намъ; ибо, какъ въ реляціи сказано, мы потянулись на горы, дабы господствовать высотою, которую занять хотѣли. Въ семъ случаѣ, высоты и горы сіи показаны съ такою сбивчивостью, какъ и происшествія, которыя туманились въ глазахъ нашего начальника.

Изъ описанія, выше мною сдѣланнаго, явствуетъ уже, съ какими понужденіями и побужденіями Паскевича, склонили къ тому наступательному движенію, которое намъ такъ хорошо удалось.

Послѣ возвращенія моего къ Паскевичу ночью, онъ вскорѣ уѣхалъ въ лагерь, поручивъ мнѣ начальство надъ всѣми войсками, оставшимися на лѣвомъ берегу рѣки и на высотахъ. Мнѣ сказано было, что уже приступлено къ строенію батарей и редутовъ; но никто не могъ мнѣ въ темнотѣ указать, гдѣ бы ихъ можно было отыскать, равно какъ и войска, занимавшіяся сими работами. Говорили только, что подполковнику Эспехо поручены распоряженія о построеніи оныхъ. Надлежало отыскать и войска, и редуты, и Эспехо.

Такъ какъ мнѣ указывали одинъ оврагъ, по которому если спущусь, то могу найти первую батарею, которую работали, то я поѣхалъ по оному внизъ; послѣ долгихъ исканій, я наткнулся на баталіонъ Ширванскаго полка, коего одна половина лежала при ружьяхъ, а другая работала. При семъ баталіонѣ былъ самъ полковой командиръ полковникъ Бородинъ, извѣстный любимецъ Паскевича. Никто не былъ предупрежденъ о томъ, что мнѣ было поручено начальство въ сію ночь. Я объявилъ о семъ Бородину, и онъ съ нѣкоторою отвагою показалъ мнѣ работы свои въ семъ мѣстѣ. Надобно было отыскать его другой баталіонъ, который также строилъ редутъ,

и я просилъ его съѣздить со мною на оный. Я удивился, когда Бородинъ, вмѣсто того, чтобы исполнить просьбу мою, которая была не иное что, какъ приказаніе начальника, отозвался невозможностію отлучиться отъ сего мѣста. «Поручите здѣсь работы баталіонному командиру, сказалъ я, и поѣзжайте со мною; вамъ надобно самимъ въ обоихъ мѣстахъ быть».—«Уже этого я никакъ не могу сдѣлать», отвѣчалъ Бородинъ. Видя, что приказанія мои не дѣйствуютъ на сего безразсуднаго человѣка, полагавшагося на покровительство главнокомандующаго, я его онымъ же укорилъ и сказалъ, что хотя моя обязанность и заставляла меня отказать ему немедленно отъ командованія полка, поручивъ оное старшему по немъ баталіонному командиру, но что я сего не дѣлаю единственно изъ уваженія къ главнокомандующему, котораго огорчитъ извѣстіе о таковомъ поступкѣ полковника Бородина; а онъ долженъ знать, сколько повиновеніе есть важно въ военной службѣ и какимъ послѣдствіямъ подвергаетъ нарушеніе онаго. «Какъ вамъ угодно, говорилъ онъ, я ѣхать не могу».—«То, что̀ вамъ сказано мною, отвѣчалъ я, показываетъ уже вамъ величину вины вашей. Я назвалъ вамъ взысканіе, коему вы подлежите; въ исполненіе не привожу онаго изъ уваженія къ главнокомандующему, который вѣрно васъ не оправдаетъ»;—и съ тѣмъ уѣхалъ.

Вскорѣ я нашелъ и другой редутъ, который работали Ширванцы. Я не могъ себѣ объяснить причину, побудившую Бородина къ подобному ослушанію. Личныхъ неудовольствій между нами до тѣхъ поръ никакихъ не было.

Я не могъ судить въ сію ночь о положеніи укрѣпленій. Полагали, что они заложены слишкомъ далеко отъ крѣпости, что̀ и оказалось на другой день, ибо батарейныя орудія едва добрасывали гранаты въ непріятельскій укрѣпленный лагерь; но многія изъ оныхъ и не долетали; Турецкія же орудія крѣпостныя достигали насъ ядрами, хотя и не цѣльными выстрѣлами. Полагаю причиною не одну величину калибра, ибо не всѣ орудія, на стѣнахъ стоявшія, были большаго калибра и большею частью очень дурно вылиты, но орудія сіи очень длинны, чему я приписываю дальній полетъ Турецкихъ ядеръ.

Паскевичъ однажды говорилъ, что главная сила крѣпостей заключается въ вышинѣ и толщинѣ стѣнъ и глубинѣ рва, а дальность выстрѣловъ артилеріи въ длинѣ орудій. Сіе сужденіе, несообразное съ правилами учености, довольно просто и подвергается осужденію инженеровъ и артилеристовъ; но, судя о крѣпостяхъ и выстрѣлахъ по рѣшительнымъ, наступательнымъ движеніямъ войскъ, которыя одолѣваютъ и то, и другое, я готовъ принять въ семъ случаѣ сужденіе Паскевича за справедливое, хотя оно и противно общему мнѣнію.

Я провелъ почти всю ночь въ объѣздахъ по войскамъ, облегавшимъ крѣпость Карсъ. На другой день должна была ко мнѣ придти смѣна изъ лагеря, состоящая изъ бригады генералъ-маіора Берхмана; но до прибытія оной, 21-го числа, непріятель опять занялъ гору, съ коей я его наканунѣ ввечеру сбилъ и которую полковникъ Фридриксъ оставилъ, по данному ему главнокомандующимъ приказанію, передъ разсвѣтомъ. Противоположная съ нашей стороны высота занималась Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ съ двумя конно-линейными орудіями, изъ коихъ изрѣдка пускалось нѣсколько ядеръ въ непріятельскій укрѣпленный лагерь, стоявшій впереди предмѣстья

Орта-капи, на самомъ берегу рѣки Карсъ-чая; выстрѣлы сіи удачно ложились въ самыя высокія палатки Турецкія, куда батарейныя орудія ниже стоявшія едва досылали свои ядра. Возвышеніе ли, на коемъ стояли наши легкія орудія, было сему причиною, но я почти убѣдился, что батарейная артилерія почти не имѣетъ преимуществъ передъ легкою.

Сею конно-линейною полу-ротою командовалъ казачій есаулъ Зубковъ, человѣкъ отмѣнно бойкій, необыкновенной храбрости. Онъ постоянно отличался во всю войну самыми отважными и смѣлыми дѣйствіями, въ коихъ оказывалъ рѣдкое хладнокровіе. И безъ сомнѣнія сія конно-линейная артилерія была предпочтительна всякой нашей артилеріи, какъ въ дѣйствіяхъ по роду лошадей оной, такъ и въ дѣйствіяхъ по проворству людей. Зубковъ не любилъ употребленія діоптры при наведеніи орудія и замѣнялъ оную двумя указательными пальцами своими, которые ставилъ вмѣстѣ въ отвѣсномъ положеніи на тарели орудія и цѣлилъ черезъ оные.

Въ такомъ положеніи стояли мы до полдня, пока не пришла ожидаемая смѣна. Непріятель иногда пущалъ къ намъ ядра и гранаты, но мало причинялъ вреда; когда же я объѣзжалъ линію, то провожалъ меня всякій разъ по оной выстрѣлами изъ своихъ орудій; иногда и картечью, которая около меня и ложилась, но никого не задѣла. На возвышеніи противъ застрѣльщиковъ Грузинскаго гренадерскаго полка, залегшихъ въ каменьяхъ, спускались въ лощину иногда смѣльчаки или, лучше сказать, отчаянные Турки, одѣтые въ бѣлыхъ платьяхъ, которые останавливались на ружейный выстрѣлъ отъ насъ, стрѣляли по насъ и послѣ того, махая саблями, вызывали насъ на единоборство въ самыхъ бранныхъ выраженіяхъ. Имъ отвѣчали ружейными выстрѣлами, осыпали пулями, которыя въ нихъ, по неловкости нашихъ застрѣльщиковъ, ни въ кого не попадали. Турки ругались надъ нами въ сіе время, прыгали и, уходя въ свои укрѣпленія, не переставали грозиться саблями и смѣяться намъ.

По прибытіи Берхмана, я повелъ его по всей линіи своей. Свита, насъ окружавшая, тѣмъ болѣе умножилась. Турки, какъ казалось, уже замѣтили меня по большому рыжему коню моему съ серебрянымъ уборомъ и открыли огонь. Берхманъ давно уже не видалъ сего, и его сначала нѣсколько изумило сіе. Адъютанты его наклонялись, и онъ скрывалъ свое безпокойство, укоряя ихъ и грозясь имъ, что первому, который наклонится, онъ самъ пуститъ камнемъ въ лобъ. Странныя выраженія сіи, сопровождаемыя смѣшною декламаціею и разными представленіями, долго забавляли бывшихъ свидѣтелями сихъ ужимокъ старика Берхмана, уже и безъ того страннаго по разговору своему и пріемамъ.

Я возвратилъ въ лагерь свои войска, оставивъ только артилерію и надѣялся дать имъ отдохнуть; но происшествія, послѣдовавшія за тѣмъ, попрепятствовали намъ въ томъ.

*

Прилагаю здѣсь въ копіи продолженіе реляціи, выше помѣщенной:

«Означенною перестрѣлкою занявъ непріятеля и отклонивъ его отъ настоящаго нашего намѣренія, г. корпусный командиръ приказалъ въ сію ночь построить батарею на 4 орудія, для дѣйствія противъ вышеписаннаго непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря. Батарея сія была окончена къ разсвѣту, и на оной поставлены Кавказской гренадерской артилерійской бригады 4 орудія,

22-го числа изъ сихъ орудій открыта была пальба; непріятельская пѣхота усилилась на высотахъ, предлежащихъ городу и поставила тамъ 6 орудій, изъ коихъ безпрерывно производила пальбу ядрами и гранатами по нашей батареѣ. Ввечеру г. корпусный командиръ довершилъ обозрѣніе сей стороны и назначилъ мѣста для трехъ ближайшихъ батарей».

«Начальникомъ траншей назначенъ былъ на все время осады Карса Мингрельскаго пѣхотнаго полка полковникъ Бурцовъ».

Паскевичъ и не думалъ развлекать непріятеля перестрѣлкою, какъ сказано въ сей реляціи, дабы отклонить его отъ настоящаго нашего намѣренія. Самая перестрѣлка и взятіе укрѣпленій на высотѣ были вынуждены почти противъ воли главнокомандующаго, который, стоя на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ, ничего не видавъ, и не въ состояніи былъ приказывать что-либо; ибо его, какъ кажется, изумило неожиданное крѣпкое положеніе Карса.

21-го передъ вечеромъ было, какъ написано въ реляціи, точно произведено частное обозрѣніе. Я оставался еще нѣсколько времени около редута, построеннаго близъ рѣки, уже послѣ возвращенія моей пѣхоты въ лагерь; не помню, пріѣзжалъ ли туда самъ Паскевичъ, но я видѣлъ, какъ піонерный прапорщикъ Пущинъ подвинулся одинъ по правому берегу рѣки весьма далеко впередъ, приблизился къ крѣпости и, не взирая на угрожавшую ему опасность отъ Турецкихъ всадниковъ, выѣзжавшихъ изъ крѣпости по одному и по два, перестрѣливавшихся съ нашими застрѣльщиками, засѣвшими въ огородахъ, осмотрѣлъ мѣсто для главной батареи въ 215 саженяхъ отъ крѣпости и разбилъ даже оную колышками. Такой смѣлый поступокъ Пущина заслужилъ бы и отличія, тѣмъ болѣе, что онъ, и при взятіи Карса и въ другихъ случаяхъ, былъ всегда употребляемъ подъ начальствомъ Бурцова въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, велъ себя всегда отлично и наконецъ былъ жестоко раненъ на штурмѣ Ахалцыха. За отличіе, оказанное Пущинымъ подъ Карсомъ, я представилъ его къ Георгіевскому кресту; всѣ начальники за него ходатайствовали во всѣхъ случаяхъ; но старанія сіи имѣли мало успѣха: ибо Пущинъ, допрежъ сего служившій въ гвардіи капитаномъ, былъ разжалованъ въ рядовые и присланъ на службу въ Грузію еще въ Персидскую войну, послѣ коей онъ выслужился въ офицеры. Пущинъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ по добрымъ качествамъ его, такъ и по достоинствамъ, по знанію и усердію, съ коимъ онъ всегда исполнялъ возлагаемыя на него обязанности.

Теперь приступаю къ описанію дѣйствій нашихъ въ теченіе ночи съ 21-го на 22-е число и самаго неожиданнаго взятія Карса приступомъ. Начинаю съ изложенія реляціи, коей начало довольно справедливо, но въ послѣдствіи приложено стараніе, дабы скрыть, что въ нечаянномъ взятіи Карса не было участія самого корпуснаго командира; при семъ приложу и свои замѣчанія съ объясненіемъ сей длинной реляціи по частямъ.

Реляція.

«22-го числа, для успѣшнаго расположенія предназначенныхъ батарей по обѣимъ берегамъ рѣки Карсъ, кои должны были образовать первую паралель, признано нужнымъ развлечь вниманіе непріятеля на обоихъ нашихъ флангахъ, почему г. корпусный командиръ приказалъ полковнику Раевскому съ Нижегородскимъ драгунскимъ, сводным уланскимъ и однимъ Донскимъ казачьимъ полками и 4 орудіями Донской артилеріи сдѣлать фальшивое нападеніе на на-

шемъ правомъ флангѣ со стороны Карадага, а полковнику Бородину сіе же произвести съ баталіономъ Ширванскаго пѣхотнаго полка и 2 легкими орудіями на лѣвомъ флангѣ противъ непріятельской цитадели. Между тѣмъ генералъ-маіору Королькову съ полками 39 и 42 егерскими и Крымскимъ пѣхотнымъ поручено производить и прикрывать постройку батарей № 2 и 3 на лѣвомъ берегу рѣки Карсъ; а генералъ-маіору Муравьеву съ Грузинскимъ гренадерскимъ и Эриванскимъ карабинернымъ при 4-хъ орудіяхъ 2-й легкой роты Кавказской гренадерской бригады производить и прикрывать постройку 1 паралели и батареи № 4 на правомъ берегу рѣки, противъ бастіоновъ форштата Орта-капи и во флангъ укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря. При движеніи полковника Раевскаго, непріятель выслалъ часть кавалеріи, которую онъ опрокинулъ и въ ночь исполнилъ данное ему порученіе; приближась на 400 саженей къ крѣпости, открылъ по оной пушечный огонь и тѣмъ занималъ непріятеля. Движеніе же полковника Бородина еще болѣе обмануло Турокъ и заставило всю ночь производить ружейную и пушечную пальбу. Они нѣсколько разъ покушались атаковать отрядъ сей, но искуснымъ распоряженіемъ полковника Бородина были наводимы на батарею, состоящую изъ 2 орудій и выстрѣлами оной всегда опрокидываемы».

Съ вечера мнѣ приказано было взять по 800 человѣкъ съ каждаго полка моей бригады и приступить ночью къ построенію главной батареи, осмотрѣнной и намѣченнной Пущинымъ еще засвѣтло, на правомъ берегу рѣки, въ 215 саженяхъ отъ крѣпости, противъ бастіона Орта-капи. Мы взяли всѣ осторожности, дабы движеніе наше было скрыто въ темнотѣ ночи и сняли съ фуражекъ бѣлые чехлы, которые подѣланы были во всѣхъ полкахъ для предохраненія людей отъ солнечныхъ лучей и которые ночью могли быть издалека замѣчены непріятелемъ. Одна половина людей была назначена для работъ, а другая въ прикрытіе рабочихъ, къ коимъ присоединены еще 2 легкихъ орудія.

Я подвинулся со всевозможною осторожностію къ назначенному мѣсту, но по темнотѣ ночи, мы нечаянно сбили колышки, разставленные Пущинымъ. Бурцовъ и Пущинъ были со мною; они немедленно отыскали мѣста, и мы приступили къ работѣ. Лѣвый флангъ сей батареи приходился неподалеку отъ рѣки, на каменной возвышенности, что̀ и было причиною, что въ теченіе всей ночи успѣха на семъ флангѣ въ работахъ было очень мало. Ломали камень кирками, но работа мало подвигалась, и наконецъ стали прикрываться холщевыми мѣшками, насыпанными землею; но сіе средство было безполезно, потому что у насъ не было и достаточнаго количества мѣшковъ, и флангъ сей остался почти совершенно открытый. Надобно сказать, что окрестности Карса не производятъ ни одного дерева, а потому мы и не могли имѣть ни фашинъ, ни туровъ. Далѣе, направо работа ретраншамента подвигалась, но въ лѣтнюю короткую ночь едва успѣли нѣсколько только закрыться, и то не во весь ростъ, дурно наброшеннымъ брустверомъ, въ коемъ амбразуры были выложены досками и мѣшками съ землею. Правый флангъ батареи кончался небольшимъ для пѣхоты ложементомъ, который загибался снаружи, прикрывая два орудія, которыя могли дѣйствовать во флангъ непріятельскому укрѣпленію, находившемуся за рѣкою, о коемъ я выше упоминалъ.

Съ прибытіемъ на назначенное мѣсто, я разставилъ часть людей по работамъ, другую же поставилъ нѣсколько позади за каменьями, на коихъ строили лѣвый флангъ батареи, для прикрытія оной. Вне-

реди рабочихъ я положилъ густую застрѣльщичью цѣпь, дабы охранить рабочихъ въ случаѣ нечаянной вылазки изъ крѣпости, съ строгимъ приказаніемъ отнюдь не стрѣлять безъ приказанія, дабы скрыть работы наши отъ Турокъ. Не менѣе того, стукъ инструментовъ о камни или разговоръ, который нельзя было совершенно удержать, возбудилъ вниманіе непріятеля. Сперва они пустили по насъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, которые на большое разстояніе ничего не произвели, хотя пули и перелетали черезъ насъ; послѣ того выстрѣлили нѣсколько разъ картечью. Картечь также легла между застрѣльщиками, но никого не задѣла. На сіи выстрѣлы не было дано никакого отвѣта, и безпечный непріятель нашъ убѣдился, что передъ нимъ никого не было и оставилъ насъ въ покоѣ продолжать нашу работу, коей шумъ еще былъ болѣе прикрытъ необыкновеннымъ ревомъ, который Турки поднимали во всей крѣпости, вѣроятно для возбужденія своей бдительности. Кто служилъ въ войнахъ противъ Турокъ, тотъ долженъ имѣть понятіе о семъ необыкновенномъ ревѣ ихъ, схожемъ съ ржаніемъ лошадей и въ полномъ смыслѣ слова страшномъ и странномъ по дикости и разнообразію голосовъ, производящихъ оный безостановочно. Вниманіе Турокъ было кромѣ того еще развлечено двумя фальшивыми атаками, произведенными на флангахъ Раевскимъ и Бородинымъ, какъ сказано въ реляціи, съ тою разницею, что пальба, произведенная сими двумя отрядами, не была ни на кого направлена и что Бородинъ не имѣлъ случая показать ни искусства, ни распорядительности своихъ, что̀ было ему приписано единственно по распоряженію и пристрастію къ нему Паскевича.

Работы на моей батареѣ продолжались съ необыкновенною дѣятельностію; я не отходилъ ни одной минуты во всю ночь отъ рабочихъ, надѣясь до восхожденія луны сколько-нибудь прикрыться; ибо я не могъ полагать, чтобы тогда Турки не открыли меня, тѣмъ болѣе, что шумъ съ нашей стороны все усиливался, особенно когда привезли изъ лагеря орудія и мортиры для вооруженія батареи, которая еще не была готова.

Луна взошла, освѣтила насъ и все-таки насъ не замѣтили; передъ свѣтомъ, Турки въ крѣпости успокоились, ревъ ихъ прекратился, и я тѣмъ болѣе опасался ихъ вниманія; но они, по видимому, безпечно заснули, и я успѣлъ къ свѣту 22-го числа поставить всѣ свои орудія, коихъ было, помнится мнѣ, до 14 разнаго калибра, кромѣ двухъ мортиръ. Вотъ что о дѣйствіяхъ въ теченіе сей ночи на моей батареѣ было сказано въ продолженіи реляціи.

Продолженіе реляціи.

«Отвлеченное сими дѣйствіями вниманіе непріятеля предоставило возможность заложить всѣ батареи на ближнемъ отъ города разстояніи, а именно: № 3 и 5 на 300 и № 4 на 230 саженяхъ. Однакоже, непріятель нѣсколько замѣтилъ наши работы и неоднократно тревожилъ оныя ружейною пальбою изъ своего укрѣпленнаго лагеря и картечью съ угловыхъ бастіоновъ форштата; но прикрытіе не отвѣтствовало на выстрѣлы, и темнота ночи, сокрывая работавшихъ людей, содѣлала сію пальбу безвредною. Трудность предпринятыхъ работъ превосходила всякое ожиданіе. Почва земли, повсюду каменистая и утесистая, и неимѣніе лѣса для возки фашинъ и туровъ, представляли чрезвычайныя препятствія; оставалось употребить единое средство для возвышенія бруствера — насыпать мѣшки землею и приносить оные на мѣсто работы. Не взирая на всѣ сіи препятствія, неусыпная дѣятельность начальни-

ковъ и примѣрное усердіе нижнихъ чиновъ дозволили окончить работы къ свѣту и поставить на батареяхъ № 2 и 3 по 4 орудія, а въ траншеѣ, на батареѣ № 4 орудій 12 и 4 мортиры. Въ сей послѣдней батареѣ сдѣланъ былъ одинъ переломъ, расположенный на продолженіи фланга укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря, отстоящій отъ онаго въ 150 саженяхъ».

Мнѣ неизвѣстны работы, произведенныя на лѣвомъ берегу рѣки, а потому и не могу о нихъ ничего сказать; но помнится мнѣ, что переломъ, о коемъ здѣсь упоминается, на моей батареѣ, коей данъ былъ № 4, отстоялъ нѣсколько далѣе 150 сажень отъ непріятельскаго лагеря; впрочемъ, мы не подвергались внезапному нападенію изъ того лагеря, отъ коего были отдѣлены рѣкою, непроходимою въ семъ мѣстѣ. Ружейныя же пули ночью до насъ долетали, но безъ всякаго вреда.

Теперь предстоитъ самая занимательная минута, рѣшившая взятіе Карса, коего никто не ожидалъ въ сей день и, кажется, еще не знали, откуда и какимъ образомъ возмется сія сильная крѣпость.

Я не пишу военную исторію Турецкой войны, а записки о происшествіяхъ оной, а потому изложу здѣсь все происшедшее на моей батареѣ, куда пріѣхалъ напослѣдокъ и самъ главнокомандующій.

Едва вышина бруствера начинала прикрывать рабочихъ на моей батареѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва была удобнѣе для работы, какъ сталъ показываться свѣтъ, 23-го числа (Іюня 1828), и непріятель, замѣтивъ насъ, открылъ по насъ огонь изъ орудій. Мы отвѣчали, и черезъ четверть часа всѣ орудія крѣпости и цитадели были обращены на насъ. Я дѣйствовалъ равно изъ всей своей артилеріи по Турецкимъ укрѣпленіямъ, и обоюдный огонь сей продолжался болѣе четырехъ часовъ сряду. Врядъ ли мнѣ случалось во всю свою службу быть когда-либо въ сильнѣйшемъ огнѣ, какъ въ сей день, и мы бы не выдержали онаго еще болѣе двухъ часовъ: ибо брустверъ и амбразуры во многихъ мѣстахъ были почти совершенно разрушены непріятельскими ядрами, которыя начинали уже подбивать нашу артилерію и бить людей, но неожиданнымъ образомъ обстоятельства перемѣнились. Князь Вадбольскій, котораго солдаты называли Николаемъ-Чудотворцемъ, какъ по сходству его съ симъ угодникомъ, такъ и по военнымъ доблестямъ души его, находился въ то время на батареяхъ, устроенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки, нѣсколько отдаленныхъ отъ крѣпости; съ нимъ былъ и Бурцовъ. Желая что-либо предпринять, они послали полковника Миклашевскаго съ двумя ротами егерей занять кладбище, находившееся неподалеку отъ непріятельскаго лагеря, что̀ и было исполнено безпрепятственно; но егеря не удовольствовались симъ и почти безостановочно бросились съ Миклашевскимъ на самый укрѣпленный лагерь, въ коемъ было два орудія и изъ коего прикрытіе удалилось въ предмѣстье отъ фланговаго по оному дѣйствія нѣсколькихъ орудій моей батареи.

Атака сія удалась, орудія и лагерь взяты приступомъ, но въ слѣдъ за симъ Турки сдѣлали сильную вылазку изъ предмѣстья, выславъ до 2000 пѣхоты, которая неслась, съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ и съ ужаснымъ крикомъ, впередъ. Я дѣйствовалъ по нимъ гранатами и картечами черезъ рѣку во флангъ, но не могъ остановить ихъ стремленія; они опрокинули лѣвый флангъ нашихъ застрѣльщиковъ и погнали ихъ назадъ къ кладбищу, нанося имъ значительный уронъ. Правый же флангъ, при коемъ находился Миклашевскій, удержалъ свое мѣсто въ Турецкомъ укрѣпленномъ лагерѣ или близъ онаго,

или, лучше сказать, былъ окруженъ и оборонялся. Нашихъ было тутъ, какъ мнѣ говорилъ самъ Миклашевскій, не болѣе 30 человѣкъ, но въ тоже время Вадбольскій отрядилъ 42-й егерскій полкъ, который встрѣтилъ сперва бѣгущихъ и остановилъ непріятеля. 42-ые егеря, подходя колоною быстрымъ шагомъ, нѣсколько растянулись и открыли баталіонный огонь изъ колоны, стрѣляя вверхъ безъ всякаго вреда непріятелю, какъ то обыкновенно дѣлаютъ наши войска, когда теряется въ строю присутствіе духа—вѣрный признакъ неустройства, прикрытаго наружнымъ блескомъ тишины во фронтѣ въ мирное время. Одинъ баталіонъ егерскій 42-го полка принялъ вправо по рѣкѣ, вмѣсто того, чтобы идти прямо на поддержаніе сражавшихся въ Турецкомъ укрѣпленіи. Не полагаю, чтобы движеніе сіе было намѣренное, ибо оно не имѣло никакой цѣли; но думаю, что направленіе сіе было послѣдствіемъ нерѣшимости людей или баталіоннаго командира, которые, подвигаясь впередъ, прикрывались крутымъ, скалистымъ лѣвымъ берегомъ рѣки; но когда они уже стали подходить къ тому мѣсту, надъ коимъ Миклашевскій держался, то Турки, преслѣдовавшіе бѣжавшихъ, были уже на берегу скалы, къ коей прижали нашихъ. Съ неимовѣрною храбростію егеря, повернувъ налѣво, полѣзли на скалы, на которыя очень трудно было взбираться, кромѣ того, что ихъ встрѣчалъ надъ головами разъяренный и побѣдоносный непріятель. Но ничего ихъ не остановило; они вступили на верхнемъ краю скалы въ рукопашный бой съ Турками. Все сіе дѣло было очень хорошо видно съ моей батареи, и я былъ свидѣтелемъ сего боя, уже давно вышедшаго изъ обыкновенія въ войскахъ. Люди смѣшались толпами, какъ на картинахъ рисуютъ; наши кололи штыками, Турки саблями рубились; сіе продолжалось нѣсколько минутъ; наши одолѣли, Турки бѣжали опять черезъ свою батарею въ предмѣстье, и Миклашевскій былъ выручень. Но вмѣстѣ съ Турками ворвались и наши въ предмѣстье, ибо успѣшное дѣйствіе сіе, нечаянно случившееся, было немедленно поддержано Вадбольскимъ, пославшимъ артилерію во взятый Турецкій лагерь, которая начала дѣйствовать по предмѣстью. Бурцовъ взялъ часть пѣхоты, вошелъ въ предмѣстье, изъ коего повернулъ налѣво и атаковалъ башню Темиръ-пашу, которую вскорѣ и взялъ; въ самомъ же предмѣстьѣ открылось сильное стрѣлковое дѣло, ибо Турки защищались на улицахъ и въ домахъ, но были вездѣ опрокинуты сильнымъ натискомъ нашей пѣхоты. Первая атака Миклашевскаго на кладбище началась около половины одиннадцатаго часа утра. Паскевичъ еще былъ все въ лагерѣ и слушалъ канонаду. Дѣло Миклашевскаго не продолжалось болѣе получаса, и когда уже наши вступили за рѣкою, на берегу скалы, въ рукопашный бой съ Турками, тогда главнокомандующій пріѣхалъ ко мнѣ на батарею, гдѣ еще продолжался весьма сильный огонь. Онъ слѣзъ съ лошади, остановился на лѣвомъ флангѣ батареи, на самомъ открытомъ мѣстѣ (тамъ каменная почва земли не позволила намъ возвысить бруствера) и увидѣлъ за рѣкою опрокинутый лѣвый флангъ Миклашевскаго и происходящій бой на берегу скалы. Паскевича обдавало ядрами; онъ не робѣлъ, но пробылъ нѣкоторое время въ обыкновенномъ своемъ, въ такихъ случаяхъ, положеніи, то есть, какъ человѣкъ, изумленный нечаянностію, не знающій, что предпринять и ожидающій чьего-бы ни было совѣта или предложенія, чтобы поправить дѣло и вывести его изъ такого затруднительнаго положенія, въ коемъ онъ находился, не умѣя самъ ничего ни придумать, ни приказать.

Я подошелъ къ нему въ эту минуту. Вмѣсто ожидаемой мною благодарности начальства за успѣшное построеніе и удержаніе батареи въ теченіи 4 часовъ подъ самымъ сильнымъ огнемъ, онъ разразилъ на меня гнѣвъ свой и съ самымъ оскорбительнымъ возвышеніемъ голоса, показывая на бой, спрашивалъ меня: «Чтò это значитъ? Кто это приказалъ? Съ какого повода сіе сдѣлалось безъ приказанія его? Какъ смѣли?» Мнѣ нечего было отвѣчать, ибо я зналъ только свою батарею съ прикрытіемъ и не имѣлъ никакого участія въ молодецкой атакѣ, произведенной за рѣкою по распоряженію князя Вадбольскаго и Бурцова, рѣшившей въ сей день, противъ всякаго гаданія, взятіе Карса.

Я отошелъ отъ него нѣсколько шаговъ, дабы отдать какое-то приказаніе черезъ офицера, находившагося у меня на ординарцахъ, Эриванскаго карабинернаго полка прапорщика князя Ратіева, и въ то самое время, какъ я съ нимъ говорилъ, непріятельское ядро, пролетѣвшее мимо меня, оторвало лѣвую руку у сего офицера.

Я видѣлъ самый выстрѣлъ изъ орудія, стоявшаго на угловой башнѣ, и слышалъ весь полетъ ядра, отъ коего, казалось, можно бы даже уклониться и съ тѣхъ поръ пересталъ вѣрить общему сказанію, существующему въ войскахъ, что видѣнный и слышанный выстрѣлъ изъ орудія идетъ уже мимо. Ратіевъ схватилъ лѣвую размозженную руку свою правою и произнесъ только слова: «Николай Николаевичъ, не оставьте меня!»—«Кто тебя оставитъ!» отвѣчалъ я ему и приказалъ его отвести къ перевязочному мѣсту. Онъ шелъ самъ, поддерживаемый товарищемъ своимъ Потебнею, и лекаря, вмѣсто того, чтобы ему немедленно отрѣзать руку, положили его въ госпиталь. Ратіевъ уже имѣлъ на третій день горячку, когда ему отрѣзали руку, и онъ умеръ вскорѣ послѣ того. Лекаря въ оправданіе свое говорили, что онъ умеръ отъ чумной заразы, но ни леченіе ихъ, ни сія глупая отговорка, не были простительны. Ратіевъ былъ молодецъ, здоровый малый, и съ духомъ. Я присутствовалъ во время операціи; онъ просилъ меня только, чтобы я ему далъ руку свою пожать во время оной; онъ схватилъ мою руку и въ продолженіе операціи крѣпко жалъ ее правою рукою, силился смѣяться, дабы отвѣтствовать моимъ ободреніямъ, но слезы прокрадывались у него сквозь смѣхъ; онъ скрежеталъ зубами и повторялъ только, что родился несчастнымъ.

Ратіевъ былъ изъ Грузинъ, служилъ хорошо и показалъ себя весьма хорошо 20-го числа ввечеру, на приступѣ непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря на высотѣ. Желая сколько нибудь усладить его въ послѣдніе дни или часы его жизни, ему дали солдатскій Георгіевскій крестъ, который онъ заслужилъ допрежъ сего не за долго, кажется, въ Персидскую войну, еще въ юнкерскомъ чинѣ. Онъ бралъ крестъ сей въ руку, разсматривалъ его внимательно, положилъ къ себѣ на грудь и вскорѣ умеръ.

Прежде, чѣмъ продолжать описаніе Карса и дѣйствій Паскевича, я приложу здѣсь копіи съ реляціи, которая была послана о вышеизложенныхъ происшествіяхъ.

«Едва только начало разсвѣтать, какъ всѣ три вновь заложенныя батареи открыли сильнѣйшій перекрестный огонь частію по укрѣпленному лагерю, частію по двумъ угловымъ бастіонамъ форштата Орта-капи. Неожиданность сія примѣрнымъ образомъ изумила непріятеля. Орудія, бывшія на высотѣ укрѣпленнаго лагеря, немедленно прекратили пальбу, и войско, ихъ защищавшее, пришло въ смятеніе. Но въ тоже время съ верхнихъ башенъ крѣпости и съ

неприступной цитадели, имѣющей батареи въ нѣсколько ярусовъ, направлены были всѣ выстрѣлы на главную траншею и начинали производить въ оной сильное раззореніе, тѣмъ болѣе, что брустверы, изъ мѣшковъ сложенные, не будучи довольно прочны, разваливались уже отъ нашихъ выстрѣловъ».

«Слѣдуя накапунѣ сдѣланному распоряженію, надлежало при первомъ удобномъ случаѣ овладѣть высотою непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря для заложенія на оной рикошетной батареи. По сему замѣченное въ непріятелѣ смятеніе не позволяло отлагать далѣе исполненіе означеннаго намѣренія, и командующій всею пѣхотою, генералъ-лейтенантъ князь Вадбольскій, немедленно, по приказанію г. корпуснаго командира, отрядилъ 42-го егерскаго полка полковника Миклашевскаго, съ 2-мя ротами онаго полка и съ одною ротою 39-го егерскаго, взять кладбище, которое лежало на полугорѣ. Онъ исполнилъ сіе съ отличною быстротою, не взирая на сильный ружейный огонь и на картечи, коими былъ встрѣченъ. Но какъ отъ кладбища до непріятельскихъ шанцевъ оставалось немного пространства, и оное было усѣяно каменниками, то полковникъ Миклашевскій, увидѣвъ возможность овладѣть всею высотою, бросился въ штыки и вытѣснилъ непріятеля изъ шанцевъ, взявъ на оныхъ два орудія и четыре знамя. Между тѣмъ ген.-лейтенантъ князь Вадбольскій поспѣшно двинулъ въ подкрѣпленіе къ сражавшимся войскамъ батальонъ 42-го егерскаго полка подъ командою полковника Реута. Сей батальонъ взялъ направленіе нѣсколько вправо, встрѣтивъ крутой утесъ, на который нельзя было взойти безъ особенной трудности. Непріятель же, выгнанный изъ шанцевъ, умноживъ силы свои, стремительно ударилъ съ правой стороны на высоты и потѣснилъ весь лѣвый флангъ нашихъ войскъ».

«Здѣсь произошелъ самый отчаянный рукопашный бой. Турецкая толпа смѣшалась съ нашими войсками, и не только ружейная пальба и сабельная рубка, но даже взаимное пораженіе каменьями происходило около $^1/_4$ часа. Одно только отличное мужество начальниковъ и всѣхъ нашихъ офицеровъ могло возстановить порядокъ. Наконецъ непріятель былъ опрокинутъ; но, оставивъ укрѣпленную высоту, засѣлъ въ домахъ форштата, лежащаго на лѣвомъ берегу рѣки. Генералъ-лейтенантъ князь Вадбольскій повелъ впередъ войска, подъ командою полковника Реута и полковника Миклашевскаго бывшія, подкрѣпивши оныя остальными ротами 42-го и 39-го егерскихъ полковъ и очистилъ форштатъ до верхняго моста, не смотря на самое сильное сопротивленіе весьма многочисленнаго непріятеля, поддержаннаго ружейнымъ и картечнымъ огнемъ съ противной стороны рѣки. При семъ отбито у непріятеля 9 знаменъ. Убійство было столь велико, что одна улица была совершенно завалена грудами труповъ. Непріятель въ оной былъ съ обѣихъ сторонъ захваченъ и поднятъ на штыки. При семъ случаѣ у насъ убито и ранено 13 офицеровъ. На занятой высотѣ укрѣпленнаго лагеря тотчасъ поставлена была генералъ-маіоромъ Гилленшмитомъ батарея изъ 2-хъ Донскихъ конныхъ и 4-хъ батарейныхъ Кавказ кой гренадерской бригады орудій, и полковникъ Бурцовъ, съ ротой 36-го егерскаго полка, двинулся влѣво для овладѣнія башнею Темиръ-пашею, которая превышаетъ всѣ предмѣстья и даже стѣны самой крѣпости, равняясь со стѣнами цитадели. Встрѣченный ружейнымъ огнемъ изъ-за камней на самомъ близкомъ разстояніи, онъ ударилъ въ штыки, выгналъ оттуда непріятеля и овладѣлъ сею важною точкою, на которую немедленно поставилъ 2 орудія 2-й легкой роты 20-й артиллерійской бригады. Батарея сія, какъ равно и та, которая генералъ-маіоромъ Гилленшмитомъ устроена была на высотѣ укрѣпленнаго лагеря, обративъ свое дѣйствіе на башни и стѣны противулежащаго города, мѣткими выстрѣлами, производила ужасное пораженіе».

Хотя въ реляціи сей и сказано, что съ разсвѣтомъ батареи наши открыли огонь; но сіе несправедливо: первые выстрѣлы были сдѣла-

ны изъ крѣпости; безъ оныхъ мы бы повременили еще около получаса, дабы лучше видѣть, куда намъ направлять свои выстрѣлы.

Въ сей же реляціи сказано, что и полковникъ Миклашевскій былъ посланъ атаковать Турокъ вслѣдствіе сдѣланнаго наканунѣ распоряженія, что̀ также ложно, ибо все сіе случилось нечаянно, безъ воли и безъ вѣдома Паскевича, за что онъ и сердился и что онъ приписывалъ къ нашимъ интригамъ.

Здѣсь были взяты у Турокъ первыя знамена, коихъ въ теченіе войны набрали столь великое множество. Не надобно себѣ воображать, чтобы знамена сіи были такъ важны и рѣдки у Турокъ какъ у насъ; въ нерегулярныхъ войскахъ у нихъ имѣются знамена во всѣхъ сотняхъ, при каждомъ начальникѣ. Знамена сіи суть ни что иное какъ сборные знаки, отличающіе сотни. Подъ знаменемъ ставятся обыкновенно храбрѣйшіе люди, которые всегда бываютъ впереди и за коими слѣдуютъ толпы; къ сохраненію же оныхъ не прилагаютъ обыкновенно особеннаго старанія и въ потерѣ не полагаютъ большой важности. Знамена, принадлежащія собственно главнымъ начальникамъ, довольно рѣдки, и полотно ихъ бываетъ украшено искусно написанными молитвами изъ Корана; обыкновенныя же войсковыя знамена просты и бѣдны.

Убійство, описанное въ сей реляціи, относится, по ошибкѣ или незнанію писавшаго оную, не къ занятію сего форштата, гдѣ, впрочемъ, огонь былъ довольно силенъ; но сіе взято со сказаній Раевскаго, который послѣ взятія Карса утверждалъ, что онъ видѣлъ на Армянскомъ предмѣстьѣ (что̀ въ луговой или низменной части города) груду тѣлъ сваленныхъ вмѣстѣ и что онъ не понималъ, какимъ образомъ сіе случиться могло. Я не видалъ сего и не помню, видѣлъ ли и говорилъ ли о семъ кто-либо другой; но знаю, что сіе было говорено Раевскимъ о пораженіи, случившемся въ другомъ предмѣстьѣ, которое я еще не описывалъ и гдѣ дѣйствовалъ Фридриксъ, атаковавшій городъ съ моей батареи, обойдя оный съ правой стороны.

Теперь обращусь снова къ происшествіямъ, случившимся на моей батареѣ, гдѣ я оставилъ Паскевича въ бѣшенствѣ и въ недоумѣніи— что̀ предпринять.

Симоничъ, видя дѣло завязавшимся у 42-хъ егерей за рѣкою, подошелъ къ Паскевичу и убѣдительно просилъ его позволить ему съ частью полка своего (Грузинскаго гренадерскаго) поддержать сію атаку. Я самъ былъ свидѣтелемъ сего великодушнаго и настоятельнаго предложенія Симонича, въ коемъ ему нѣсколько разъ отказывали и наконецъ позволили идти съ двумя или тремя ротами. Симоничъ поспѣшно спустился влѣво къ рѣкѣ и пошелъ было правымъ берегомъ оной; но, не найдя переправы, дабы соединиться съ егерями, возвратился назадъ къ рѣкѣ и перешелъ оную черезъ мостъ, вошелъ въ предмѣстье вмѣстѣ съ егерями и соединился въ ономъ съ полковникомъ Бородинымъ, спустившимся съ горы. Дѣйствія на семъ флангѣ довольно вѣрно описаны въ слѣдующемъ отрывкѣ реляціи, какъ равно и дѣйствія атаки, произведенной съ праваго фланга на Армянское предмѣстье или Орта-капи, а потому для избѣжанія повтореній, я приведу здѣсь прежде копію съ сего отрывка, коего недостатки исправлю своими замѣчаніями. Паскевичъ начиналъ уже проясняться, видя, что на лѣвомъ флангѣ атаки удавались; онъ начиналъ уже улыбаться и говорить почеловѣчески, и атака праваго фланга была уже направлена имъ по настоянію Сакена безъ брани и подозрѣнія на интриги.

«Для обороны башни Темиръ-паша прибыла еще одна рота Крымскаго пѣхотнаго полка, которая оттуда ружейнымъ огнемъ наносила большой вредъ непріятелю. Роты же 42-го егерскаго полка встрѣтили снова большое сопротивленіе, стараясь далѣе проникнуть. Необходимо было подкрѣпить сей флангъ, дабы удержать пріобрѣтенные успѣхи, и господинъ корпусный командиръ послалъ для сего три роты Грузинскаго гренадерскаго полка подъ начальствомъ полковника графа Симонича; полковникъ же Бородинъ для произведенія фальшивой атаки, съ вечера еще занявшій противулежащія цитадели высоты, въ сіе время подвинулся впередъ и выстроилъ противъ оной батарею; между тѣмъ съ нимъ соединился полковникъ графъ Симоничъ, быстро обошедшій высоты, спустившись съ пѣхотою подъ гору; они довершили занятіе форштата, по той сторонѣ рѣки находящагося. Батарея, устроенная на высотѣ полковникомъ Бородинымъ, осталась подъ прикрытіемъ Крымскаго пѣхотнаго полка, который генералъ-маіоръ Корольковъ привелъ въ сіе время изъ резерва для облегченія лѣваго фланга нашего».

«Симъ дѣйствіемъ оканчивалось предпріятіе овладѣть высотою укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря и на оной заложить вторую паралель противъ крѣпости; но, усмотрѣвъ, что быстрое и удачное нападеніе и выгодно поставленныя нами батареи поселили общее смятеніе въ предмѣстьяхъ и въ городѣ и заставили часть гарнизона перебираться къ Карадагу, менѣе подверженному нашей пальбѣ, господинъ корпусный командиръ призналъ возможнымъ получить рѣшительные успѣхи отъ усиленнаго натиска, почему и приказалъ исправляющему должность начальника штаба генералъ-маіору барону Остенъ-Сакену съ однимъ батальономъ карабинернаго полка, подъ начальствомъ полковника барона Фридрикса, 2-мя ротами Грузинскаго гренадерскаго полка подъ начальствомъ полковника Свѣховскаго и 2-мя легкими орудіями, взять предмѣстье Орта-капи; командующаго сборнымъ линейнымъ полкомъ, маіора Верзилина послалъ для наблюденія за непріятельскою конницею, подъ Карадагомъ показавшеюся. Колона генералъ-маіора барона Остенъ-Сакена подъ картечнымъ огнемъ изъ угловыхъ бастіоновъ съ примѣрною отважностью бросилась въ предмѣстье и на лѣвый бастіонъ и вырвала оные изъ рукъ изумленнаго непріятеля, овладѣвъ 4-мя орудіями и 5-ю знаменами; но правый бастіонъ, называемый Юсуфъ-паша, вооруженный 4-мя орудіями, не переставалъ еще производить картечный огонь, почему подвезено на самое близкое разстояніе два нашихъ орудія и сдѣлано по оному нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ. Генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ поручилъ оберъ-квартирмейстру полковнику Вальховскому съ 20-ю гренадерами овладѣть симъ бастіономъ, который исполнилъ сіе съ примѣрною рѣшительностію и немедленно обратилъ непріятельскія орудія во флангъ 3-хъ сосѣдственныхъ башенъ крѣпости. Генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ подъ прикрытіемъ сихъ орудій направилъ роту Грузинскаго гренадерскаго полка къ предмѣстью Байрамъ-пашѣ, въ которомъ непріятель началъ колебаться».

Я не могъ болѣе видѣть, что̀ происходило на лѣвомъ флангѣ въ предмѣстьѣ и полагаю, что описанное въ реляціи справедливо, потому что оно схоже съ изустными свѣдѣніями, которыя я имѣлъ о томъ; но въ реляціи напрасно названы паралели, которыхъ ни у кого ни въ мысляхъ и на самомъ дѣлѣ не было и даже сходства съ паралелями нигдѣ ни существовало.

Паскевичъ послалъ точно Сакена занимать предмѣстье съ правой стороны; но онъ къ сему былъ побужденъ настояніями самого Сакена, и самъ, можетъ быть, еще не скоро рѣшился бы на сіе. Но въ семъ случаѣ батальонъ карабинерный велъ себя отлично, ибо онъ приступомъ подъ огнемъ перелѣзъ черезъ стѣну, защищавшую пред-

мѣстье, между угловыми башнями или, какъ ихъ называютъ, бастіонами и обращенную къ низу съ той стороны, съ которой мы подходили къ крѣпости 19-го числа и, взявъ знамена на самой стѣнѣ, карабинеры ворвались въ предмѣстье, гдѣ жители упорно защищались еще нѣсколько времени въ домахъ и гдѣ понесенъ симъ бастіономъ главный уронъ.

Свѣховскій съ двумя ротами Грузинскаго гренадерскаго полка нѣсколько послѣ уже слѣдовалъ за карабинерами; все движеніе сіе и атака были совершены смѣло и быстро; Сакенъ управлялъ оною.

Вотъ продолженіе той же реляціи.

«Дабы воспользоваться сими успѣхами, господинъ корпусный командиръ отправилъ въ подкрѣпленіе генералъ-маіору барону Остенъ-Сакену и для взятія Карадага генералъ-маіора Муравьева съ ротою Грузинскаго гренадерскаго и батальономъ Эриванскаго карабинернаго полковъ. Для обезпеченія же сего смѣлаго движенія, которое должно было производиться на открытомъ пространствѣ подъ картечными выстрѣлами всей крѣпости и отдѣльнаго укрѣпленія горы Карадагъ, велѣно было вывести изъ траншей всю батарейную артиллерію изъ 12 орудій состоявшую и поставить правѣе занятаго предмѣстья Орта-капи, дабы отвѣчать оною непріятелю. Центръ атаки въ семъ предмѣстьѣ усиленъ былъ двумя ротами Ширванскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ полковника Юдина. Между тѣмъ выстрѣлы полковника Вальховскаго съ бастіона Юсуфъ-паши, съ содѣйствіемъ двухъ нашихъ орудій, близъ онаго расположенныхъ генералъ-маіоромъ барономъ Остенъ-Сакеномъ, произвели необыкновенный успѣхъ. Непріятель хотя и открылъ сильный картечный огонь по войскамъ, шедшимъ къ форштату Байрамъ-пашѣ и къ Карадагу, но выстрѣлы его были не столь вѣрны и уронъ съ нашей стороны незначителенъ. Рота Грузинскаго гренадерскаго полка съ отважностью бросилась на предмѣстье Байрамъ-паша и овладѣла онымъ, взявъ одно знамя; другая же рота сего полка и батальонъ Эриванскаго карабинернаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Муравьева, почти по неприступнымъ тропинкамъ взошли на высокую скалистую гору Карадагъ и, не смотря на перекрестный огонь построеннаго на оной редута, шанцовъ и крѣпостныхъ бастіоновъ, вытѣснили непріятеля, при чемъ взято 4 орудія и 2 знамя».

Вотъ какъ все сіе случилось.

Паскевичъ послалъ меня съ батареи съ тремя ротами карабинеръ на подкрѣпленіе Сакену. При семъ случилось, что казакъ, который держалъ мою лошадь на батареѣ, испугавшійся сильнаго огня, подъ коимъ мы находились, заблаговременно уклонился съ нею и спрятался за резервами въ каменникѣ съ лошадью моею. Получивъ приказаніе двинуться впередъ, я разослалъ искать казака своего съ лошадью, но его не нашли, и дабы не остановить движенія нашего, я пустился съ батальономъ пѣшкомъ и добѣжалъ съ онымъ до нижнихъ воротъ предмѣстья Орта-капи, гдѣ сѣлъ уже на предложенную мнѣ батальоннымъ командиромъ Хомутскимъ лошадь. Я вошелъ въ предмѣстье, гдѣ бой уже былъ прекращенъ, а продолжался только грабежъ, подошелъ довольно близко къ стѣнамъ самой крѣпости, изъ коей было пущено по насъ нѣсколько неудачныхъ ядеръ и, получивъ приказаніе присоединиться немедленно къ Сакену, я повернулъ направо и вышелъ изъ предмѣстья въ другіе ворота и нашелъ Сакена еще въ полѣ. Онъ только что послалъ роту Грузинскаго полка для занятія предмѣстья Байрамъ-паши и приказалъ мнѣ слѣдовать за оною и, присоединивъ къ себѣ, идти далѣе съ барабаннымъ боемъ. Я хотѣлъ нѣсколько собрать людей своихъ, которые

съ самой батареи шли бѣгомъ, запыхались и растянулись, дабы ударить въ порядкѣ на Карадагскія укрѣпленія; но Сакенъ просилъ меня не останавливаться и идти въ томъ видѣ, въ коемъ находился шедшій со мною батальонъ. Люди мои были разсыпаны на разстояніи $^1/_4$ версты; но мы пустились впередъ съ крикомъ *ура* и барабаннымъ боемъ. Предмѣстье Байрамъ-паша, лежащее на полугорѣ, было занято безъ сопротивленія; но пока мы до онаго добѣжали, Турки провожали насъ въ лѣвый флангъ со всѣхъ башенъ крѣпости картечью, которая, къ счастію, черезъ насъ перелетала и не нанесла намъ большаго вреда. Въ Байрамъ-пашѣ я оставилъ одну карабинерную роту съ поручикомъ Ляшевскимъ, приказавъ ему удерживать предмѣстье въ случаѣ вылазки изъ крѣпости и наблюдать за крѣпостными воротами въ сію сторону обращенными, а самъ, съ остальными двумя карабинерными и одною гренадерскою ротою, пошелъ далѣе къ Карадагу. О дѣйствіяхъ оставленной мною роты будетъ ниже упомянуто.

Отъ предмѣстья Байрамъ-паша я быстро поднимался въ гору безъ дороги по крутому подъему и сталъ подходить къ Карадагскому укрѣпленію. Во все время Турки провожали насъ по прежнему картечью и ядрами во флангъ; но уронъ нашъ не простирался болѣе 3-хъ человѣкъ раненыхъ. Карадагское укрѣпленіе уже было непріятелемъ оставлено: его изумило наше смѣлое или безразсудное нападеніе, ибо въ семъ редутѣ 300 человѣкъ могли бы легко оборониться отъ 6000 наступающихъ; притомъ же, сдѣлавъ изъ онаго вылазку, они бы неминуемо опрокинули разсыпанный строй нашихъ усталыхъ и запыхавшихся людей, которые, взбираясь на высокую и крутую гору, совсѣмъ изъ силъ выбились; но Турки равно дерзки при первомъ нападеніи и теряютъ присутствіе духа при первой неудачѣ. Карадагъ намъ очистили: на брустверѣ редута развѣвалось оставленное ими знамя; орудія, прежде столь сильно на насъ дѣйствовавшія, уже молчали, и мы надѣялись взять ихъ. Находясь уже на хребтѣ горы, наравнѣ съ цитаделью, между крѣпостью и Карадагомъ, мы собрали послѣднія силы свои, дабы взбѣжать еще къ редуту на послѣднее возвышеніе съ вершины Карадагскаго сосца и для сего повернули направо. Тогда изъ большой угловой башни крѣпостной, составлявшей какъ бы особенную цитадель, вооруженную четырьмя или шестью огромными орудіями, открыли по насъ въ весьма близкомъ разстояніи огонь въ тылъ, и мы взбѣжали съ крикомъ *ура* въ оставленный редутъ; къ знамю уже подъѣхалъ и взялъ его казакъ полковника Реченкампфа, который прежде насъ въѣхалъ съ Реченкампфомъ.

Вбѣгая въ редутъ, мы должны были проходить черезъ оставленный небольшой непріятельскій лагерь. Палатки стояли на самой дорогѣ, колья и веревки переплетались на самомъ пути нашемъ, такъ что мы должны были перелѣзать черезъ оныя; но гренадеры наши такъ были заняты овладѣніемъ орудій и знамени, что ни одинъ не зашелъ въ палатки за добычею, пока не заняли редута и не получили на то позволенія,—отличительная черта войскъ Кавказскаго корпуса, въ коихъ славолюбіе превышаетъ чувство корысти въ простомъ солдатѣ.

Редутъ нами взятый былъ поставленъ на самой вершинѣ Карадага, которая была скопана площадкою; редутъ былъ срубленъ изъ сосновыхъ деревьевъ; стѣны сіи были двойныя и связаны поперечными простѣнками, а пространство между срубами насыпано землею

и камнемъ. Мы часто встрѣчали такого рода укрѣпленія у Турокъ, и они оказывались весьма прочными и удобными въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ. Укрѣпленія эти превосходны и замѣняютъ долговременныя въ случаѣ скорой надобности оныхъ. Укрѣпленія сего рода при Карсѣ и всѣхъ Турецкихъ городахъ или крѣпостяхъ были построены за нѣсколько мѣсяцевъ до начатія войны, а можетъ быть и еще прежде. Средство сіе, не преподаваемое въ фортификаціи, не должно бы оставлять безъ вниманія.

Въ амбразурахъ сего укрѣпленія стояло четыре орудія: два полевыхъ и два крѣпостныхъ, и среди онаго большая палатка, вѣроятно начальника сего отдѣльнаго поста. Пороховой погребъ былъ подъ редутомъ, и входъ въ оный открытъ со стороны крѣпости. Непріятель продолжалъ пальбу свою по редуту сему изъ крѣпости, и кажется старался попасть въ отверстіе погреба, дабы взорвать оный и поднять насъ на воздухъ; но не попалъ въ цѣль; однакоже мы были почти совершенно открыты со стороны крѣпости, и непріятельскія ядра, перелетавшія черезъ насъ, могли намъ нанести большой вредъ. А потому я немедленно велѣлъ выстроить еполементъ съ той стороны, употребивъ на то бревна начатаго укрѣпленія, продолжавшагося отъ редута до крѣпости. Люди принялись дѣятельно, и стѣна въ мигъ сложилась и насыпалась камнями по Турецкому обряду. Между тѣмъ съ прибытіемъ моимъ въ редутъ, не теряя времени, я приставилъ пріученныхъ въ мирное время къ артилерійской службѣ людей къ Турецкимъ орудіямъ, назначилъ къ нимъ офицера и немедленно открылъ огонь изъ Турецкихъ орудій по крѣпости, направляя выстрѣлы въ амбразуры большой башни, болѣе всѣхъ насъ безпокоившей. Дѣйствіе ли сихъ орудій или успѣхи нашихъ войскъ съ противуположной стороны крѣпости были тому причиною, но башня замолчала, и мы увидѣли при большихъ орудіяхъ оной только приставленные къ амбразурамъ банники: пушкари уже скрылись.

Въ сіе время я замѣтилъ, что на горахъ, по лѣвому берегу рѣки Карсъ-чая, показалась наша колона пѣхоты, которая подвигалась къ обрыву насъ раздѣляющему; а жители, выходя изъ калитки, продѣланной въ стѣнѣ, соединяющей большую башню съ цитаделью, спускались въ яръ и уходили низомъ ущелья, въ коемъ течетъ рѣка, почему я и отрядилъ маіора Хомутскаго съ двумя ротами для преслѣдованія ихъ. Колона, съ противулежащаго берега слѣдовавшая, составлялась изъ Ширванскаго пѣхотнаго полка. Мнѣ до сихъ поръ непонятно, какъ они тутъ случились, если участвовали въ занятіи предмѣстья и штурмѣ самой крѣпости; ибо къ сему мѣсту можно было только пройти горою, нисколько не касаясь ни крѣпости, ни предмѣстья. Хомутскій, подошедъ къ крутому берегу рѣки, пустилъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ внизъ по бѣгущимъ, но видя, что тамъ не было войскъ, а только одни старики и женщины, оставилъ ихъ въ покоѣ. Я самъ пошелъ къ большой башнѣ, на которую перестали стрѣлять, въ намѣреніи пройти по берегу скалы до калитки; но стѣна и башня были поставлены на самомъ краю скалы, имѣвшей 60 саженъ вышины, и не было никакой возможности тутъ пройти, на башнѣ же показался Турокъ, который сказалъ мнѣ, что городъ и крѣпость уже сдались и военныя дѣйствія прекращены. И въ самомъ дѣлѣ, пальба, сдѣлавшаяся общею со всѣхъ сторонъ крѣпости, совершенно прекратилась, и хотя я, по возвращеніи, могъ изъ редута своего видѣть, что на площадяхъ города еще толпились

Турецкія войска, но не было слышно болѣе ни одного ружейнаго выстрѣла, и я могъ заключить, что крѣпость Карсъ была уже въ нашихъ рукахъ. Конницы нашей часть прошла между редутомъ и крѣпостью для преслѣдованія той части гарнизона, которая заблаговременно уклонилась и которую не настигли; кромѣ того наблюдали еще за движеніемъ Кесе-Мегмедъ-паши, котораго Турки ожидали въ сей день изъ Эрзрума съ многочисленнымъ вспомогательнымъ войскомъ. Я слышалъ, что онъ дѣйствительно былъ уже близко крѣпости во время нашего приступа и, опоздавши нѣсколькими часами, вернулся назадъ. Безъ сего случая обстоятельства могли бы принять совершенно иной видъ.

Въ запискахъ моихъ не имѣется болѣе подробныхъ реляцій о взятіи крѣпости Карса, а потому я и буду дополнивать описаніе онаго, основываясь единственно на памяти своей; но я приложу здѣсь копію съ грамоты, данной мнѣ при пожалованіи Георгіевскаго креста 4-й степени, въ которой описаны съ довольною вѣрностію мои дѣйствія, что̀ доказываетъ, что представленіе было справедливо написано,—справедливость, которая часто утаивается въ реляціяхъ, требующихъ болѣе гласности для подвиговъ главныхъ начальниковъ, коихъ скрываются ошибки.

Божіею милостію
Мы, Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералъ-маіору, командиру резервной гренадерской бригады отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, Муравьеву 1-му.

Въ воздаяніе ревностной службы вашей и отличія, оказаннаго въ сраженіяхъ противу Турокъ при осадѣ и взятіи крѣпости Карса 1828-го года съ 20-го на 21-е число Іюня, гдѣ вы, при занятіи высотъ на лѣвомъ флангѣ нашего лагеря, бывъ посланы съ тремя ротами Эриванскаго карабинернаго полка для вытѣсненія непріятеля изъ укрѣпленныхъ утесовъ, исполнили порученіе сіе съ примѣрнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, такъ что Турки, державшіеся весьма упорно и производившіе болѣе часа непрерывный батальный огонь [1]), были вытѣснены и нѣсколько разъ, при новыхъ покушеніяхъ завладѣть тою высотою, опрокинуты съ урономъ. Съ 22-го по 23-е число со ввѣренной вамъ бригадою производя и прикрывая постройку первой паралели и батареи 4-й на правомъ берегу Карсъ-чая, не смотря на чрезвычайныя трудности и неудобства, успѣли окончить всѣ работы до разсвѣта и открыть огонь по непріятельскимъ батареямъ; а въ день приступа, при занятіи предмѣстья, бывъ посланы съ батальономъ Эриванскаго карабинернаго полка, для подкрѣпленія исправляющаго должность начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-маіора барона Остенъ-Сакена, во время овладѣнія предмѣстьемъ Байрамъ-паша и Карадагомъ подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ съ отважностью бросились на непріятеля и овладѣли батареею изъ четырехъ орудій, которыя и обратили противу его бастіона [2]): всемилостивѣйше пожаловали мы васъ указомъ въ 16-й день Ноября 1828-года, Капитулу даннымъ, кавалеромъ ордена святаго Георгія четвертаго класса. Грамоту сію во свидѣтельство подпи-

[1]) Увеличено.

[2]) Высокой и большой башни въ родѣ цитадели.

сать, орденною печатью укрѣпить и знаки орденскіе препроводить къ вамъ, повелѣли мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ орденовъ.

Дана въ С.-Петербургѣ въ 10-й день Апрѣля 1829-го года.

Императорскихъ Россійскихъ орденовъ. Канцлеръ князь Алексѣй Куракинъ. Оберъ-церемоніймейстеръ графъ Потоцкій. Казначей Крыжановскій.

№ 1499.

Силы мои, поддерживавшіяся еще безпрерывною дѣятельностію и движеніемъ по прекращеніи пальбы, совершенно утомились. Предшествовавшіе день и ночь я уже былъ въ безпрерывныхъ трудахъ; во всю прошлую ночь я не смыкалъ глазъ, занимаясь постройкою батареи, такъ что едва даже успѣлъ присѣсть на нѣсколько минутъ на барабанѣ; въ теченіе дня, съ самаго разсвѣта, я былъ въ сраженіи, въ дѣйствіи и все время былъ на ногахъ. День былъ жаркій, воды на вершинѣ Карадага ни капли. При всеобщей тишинѣ, послѣдовавшей послѣ сильнаго грома орудій, крика и шума, я почувствовалъ усталость и, зашедъ въ большую Турецкую палатку, разбитую среди укрѣпленія, легъ, не взирая на солнечные лучи, которые сильно пропекали тонкое полотно оной, и заснулъ. Я спалъ нѣсколько часовъ и былъ пробужденъ полковникомъ Леоновымъ, который заѣзжалъ ко мнѣ изъ любопытства, имѣя порученіе отыскивать съ казачьими полками бѣжавшаго непріятеля. По отъѣздѣ его я снова заснулъ и спалъ крѣпкимъ сномъ, пока не разбудилъ меня адъютантъ отъ Паскевича, который объявилъ мнѣ, что крѣпость уже взята и что главнокомандующій требуетъ меня къ себѣ.

Теперь я изложу какимъ образомъ крѣпость была взята.

Какъ выше сказано, предмѣстія уже всѣ были взяты. Симоничъ съ Бородинымъ оставались передъ стѣнами самой крѣпости съ Эрзрумской стороны или со стороны рѣки, Фридриксъ—со стороны поля, а со стороны Карадага предмѣстье было занято оставленнымъ мною съ карабинерной ротою поручикомъ Ляшевскимъ.

Единодушно, какъ бы по общему знаку, войска сіи, не видѣвшія одно другое за большимъ разстояніемъ, за самой крѣпостью и строеніями, которыя ихъ раздѣляли и не знавшія одно о положеніи другаго, приступили къ высокимъ стѣнамъ Карса. Турки уже почти болѣе не держались, и на стѣнахъ было видно очень мало народа, такъ что со стороны Симонича Армяне, показавшіеся на стѣнахъ, подали Грузинскимъ гренадерамъ средства къ перелѣзанію чрезъ стѣну; нѣсколько гренадеръ взбралось на верхъ и, обошедши съ внутренней стороны къ воротамъ, нѣсколько отвалили камни, коими ворота были завалены и отперли оныя столько, что по одному человѣку могли проходить въ городъ. Поступокъ сей былъ отважный, ибо Турецкія войска, оставившія стѣны, были еще въ городѣ.

Фридриксъ, съ своей стороны, также подступилъ къ стѣнамъ крѣпости, съ коихъ еще кое-гдѣ стрѣляли изъ ружей. Нѣсколько карабинеръ бросились впередъ и, помогая другъ другу, влѣзли на стѣну; но Турки обратили тогда свои выстрѣлы вдоль стѣны по банкету и перваго изъ карабинеръ, вошедшаго на стѣну ранили смертельно. Карабинеръ, обратившись къ своимъ, находившимся еще подъ стѣною, сказалъ имъ: «братцы, умираю! только крѣпость возмите». И вскорѣ умеръ. Люди перелѣзли черезъ стѣну уже оставленную Турками, коихъ изумила дерзость нашихъ солдатъ, и ворота въ сей сторонѣ были также отперты.

Съ третьей стороны, оставленный мною съ ротою поручикъ Ляшевскій также подошелъ къ самой стѣнѣ и былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ отъ нѣсколькихъ Турокъ, остававшихся еще на стѣнѣ; но сіе не остановило храбрыхъ солдатъ: два унтеръ-офицера подбѣжали къ воротамъ и стали вламываться въ оныя; но въ то самое время, граната, пущенная, вѣроятно, изъ нашей батареи, на коей находился Сакенъ или Вальховскій, поразила обоихъ въ головы, и они пали на мѣстѣ; но вмѣсто того другіе перелѣзли черезъ стѣну и также отперли ворота.

Когда же наша пѣхота, съ трехъ сторонъ ворвавшаяся въ крѣпость, разсыпалась по городу, то Турки, оробѣвшіе отъ внезапности нападенія, безъ боя уступили городъ и заперлись въ цитадели, гдѣ они въ безпорядкѣ, безъ цѣли и намѣренія, кромѣ личнаго спасенія, толпились на площадяхъ, стѣнахъ и подъ оными. Самъ паша укрылся въ цитадели.

Не знаю навѣрное, паша ли первый просилъ пощады или Паскевичъ послалъ къ нему предложеніе, дабы онъ сдался; только вступили въ переговоры. Цитадель была въ такомъ состояніи, что она могла бы еще долго держаться, ибо имѣла закрытый ходъ къ водѣ и множество орудій; но по безпечности Турокъ, магазины, какъ продовольственные, такъ отчасти пороховые, были въ крѣпости; притомъ же толпа, наполнившая оную въ совершенномъ безпорядкѣ съ женами и дѣтьми, не позволяла что либо предпринять; паша, какъ человѣкъ невоенный, былъ въ ужасномъ перепугѣ и соглашался сдаться. Для переговоровъ сихъ былъ употребленъ Сакенъ, который смѣло отправился черезъ весь городъ, еще не совершенно нами занятый, къ цитадели, въ сопровожденіи только нѣсколькихъ офицеровъ и казаковъ. Харитонъ Потебня, карабинернаго полка, мой воспитанникъ въ томъ полку, находился при Сакенѣ. Рѣшительный офицеръ сей слѣзъ съ лошади и, подошедъ къ воротамъ цитадели, сталъ стучаться въ оныя, требуя, чтобы ихъ отворили, не взирая на то, что стѣны были унизаны вооруженными Турками; но ихъ изумила дерзость сего поступка. Никто не выстрѣлилъ, и ворота отперли. Онъ объявилъ о прибытіи Сакена (визиря сардарскаго), и Сакенъ, вошедъ въ цитадель, отправился прямо къ пашѣ, котораго засталъ въ маленькомъ домикѣ на возвышеніи построенномъ. Его окружали главнѣйшіе сановники городскіе, и хотя онъ самъ готовъ былъ сдать и себя и городъ свой, но окружавшіе его сановники вѣроятно бойчѣе его и одушевленные гордостью, свойственною Туркамъ, не соглашались еще на сдачу, шумѣли въ негодованіи своемъ на пашу и намѣренія его и волновали толпу.

Сакенъ былъ въ опасномъ положеніи; но онъ имѣлъ душу неробкую и изложилъ съ побѣдоноснымъ видомъ предлагаемую пощаду. Слова его имѣли дѣйствіе, и онъ склонилъ Турокъ къ сдачѣ. Мы получили 151 пушекъ и мортиръ, находившихся въ крѣпости и 33 знамени; остававшійся же гарнизонъ, сколько мнѣ помнится, отпущенъ въ свои дома, что составляло, можетъ быть, еще до 2000 человѣкъ. Паша остался въ плѣну; ему бы и трудно было возвратиться: онъ могъ черезъ сіе потерять голову свою; притомъ же онъ самъ былъ мѣстный житель, и семейство его и все имущество было въ Карсѣ, и человѣкъ сей вовсе невоенный, какъ я выше сказалъ, испуганный крикомъ, шумомъ, громомъ орудій, коихъ онъ, можетъ быть, никогда не слыхалъ въ такой степени, а еще болѣе взрывомъ заряднаго ящи-

ка на самомъ дворѣ своего дома (что̀, какъ кажется, всего болѣе понудило его уклониться въ цитадель) былъ слишкомъ доволенъ сдаться военноплѣннымъ, дабы избавиться окружавшихъ его подчиненныхъ, коихъ онъ опасался.

Такимъ образомъ была взята нечаяннымъ и неожиданнымъ образомъ Карская крѣпость, которую можно было назвать неприступною по мѣстоположенію, особливо по многочисленности силъ и недостатку средствъ нашихъ къ овладѣнію оной; но неимовѣрное согласіе и рвеніе всѣхъ начальниковъ и нижнихъ чиновъ было причиною сей знаменитой побѣды, съ коею мы поздравили своего главнаго начальника, осѣняемаго множествомъ непріятельскихъ разноцвѣтныхъ знаменъ, которыя къ нему привозили со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ въ восхищеніи и отправился въ цитадель, минуя шумныя толпы Турецкихъ войскъ, выходящихъ изъ города и, въѣхавъ въ цитадель, ставъ на самой высокой батареѣ оной, приказалъ водрузить подлѣ себя знамя Грузинскаго гренадерскаго полка. Въ семъ положеніи я засталъ Паскевича, когда оставилъ Карадагъ; я по зову его прибылъ въ цитадель, подошелъ къ нему и поздравилъ его съ побѣдою, но онъ предупредилъ меня, обнялъ, самъ поздравилъ и благодарилъ меня за участіе, которое я принялъ въ семъ успѣхѣ и съ радостью спросилъ меня: хорошъ ли видъ Русскаго знамени, развѣвающагося на вершинѣ Карскихъ стѣнъ? И въ слѣдъ за симъ, указывая на мою батарею, съ коей началось все дѣло и коей маловозвышенные брустверы, кромѣ того еще разбитые ядрами и пальбою, едва показывали вдали видъ небольшой черной полоски: «кто бы подумалъ и могло ли Туркамъ вообразиться, что отъ сей черной полоски рѣшится участь сихъ твердынь»? Привѣтствіе его было для меня весьма лестно.....

Между реляціями, у меня собранными, я нашелъ еще первое объявленіе о взятіи Карса, безъ подробностей, которое здѣсь въ копіи прилагаю; оно было напечатано въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ».

„Тифлисъ, 28 Іюня“ (1828).

«Поспѣшаемъ сообщить сейчасъ полученное извѣстіе о взятіи крѣпости Карсъ штурмомъ. 1250 человѣкъ достались въ плѣнъ во время приступа; цитадель и 5000 человѣкъ сдались послѣ. Въ числѣ плѣнныхъ находится двухъ-бунчужный Магмедъ-Эминъ паша, начальникъ кавалеріи Вали-ага и много другихъ чиновниковъ. Убитыми и ранеными Турки потеряли до 2000 человѣкъ. Въ крѣпости и на батареяхъ непріятельскихъ взято пушекъ и мортиръ 151, отбито 33 знамя, также пріобрѣтено значительное количество артилерійскихъ снарядовъ, множество разнаго рода оружія и большой хлѣбный магазинъ».

«Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеровъ 1 и нижнихъ чиновъ 33; ранено: штабъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 216».

«Подробности о семъ штурмѣ будутъ помѣщены въ первомъ № «Тифлисскихъ Вѣдомостей».

Въ реляціи сей не сказано, какимъ образомъ сдались плѣнные, взятые не во время штурма; мнѣ помнится, что они были отпущены. Потеря Турокъ убитыми и ранеными увеличена; что же касается до нашего урона, то онъ показанъ справедливо; въ томъ числѣ въ моей бригадѣ уронъ состоялъ: убитыми—въ 3-хъ рядовыхъ; отъ ранъ умершихъ: оберъ-офицеровъ—1, унтеръ-офицеровъ—2, рядовыхъ—2;

раненыхъ: оберъ-офицеровъ—1, унтеръ-офицеровъ—5, рядовыхъ—32; контуженныхъ: унтеръ-офицеровъ—4, музыкантовъ—2, рядовыхъ—10; всего убитыми и ранеными: оберъ-офицеровъ—2, нижнихъ чиновъ—60.

Паскевичъ долго любовался своею побѣдою и наконецъ поѣхалъ въ городъ на квартиру свою, которая ему была отведена въ пашинскомъ домѣ. Я любопытствовалъ нѣсколько осмотрѣніемъ цитадели. Строеніе оной было въ совершенной исправности и большой чистотѣ; ходъ къ водѣ запирался вверху толстою, глухою, желѣзною дверью; ступени, по коимъ надобно было спущаться въ темное подземелье, были въ хорошемъ состояніи; я не имѣлъ времени спуститься внизъ, ибо надобно было пріискать и бывалаго проводника, и фонарь. Ходъ сей весьма узокъ, такъ что больше двухъ человѣкъ не могутъ въ ономъ разойтись; онъ продолжается на 60 саженъ почти отвѣсной вышины до самаго Карсъ-чая. Вышину сію измѣрилъ впослѣдствіи времени артилерійскій подполковникъ Кузнецовъ, который, оставаясь въ крѣпости Карса въ гарнизонѣ, занимался устроеніемъ веревочной машины для подъема въ цитадель муки съ мельницы, находящейся у подошвы скалы, въ избѣжаніе затруднительной перевозки оной кругомъ всей крѣпости. Протянувъ два каната сверху до низу, онъ устроилъ санки, которыя должны были съ грузомъ ходить взадъ и впередъ по симъ канатамъ и самъ захотѣлъ испытать сіе путешествіе. По несчастію, веревка, которою спущали санки, порвалась на половинѣ сей вышины, и Кузнецовъ полетѣлъ съ санками внизъ; ему бы слѣдовало разбиться въ дребезги, но такъ случилось, что онъ переломилъ только ногу и ушибъ голову и прочія части весьма сильно. Непонятно, какъ онъ остался живымъ послѣ подобнаго скачка; но надобно полагать, что онъ былъ уже не далеко отъ низу, когда веревка оборвалась.

Изъ цитадели я зашелъ еще на квартиру къ главнокомандующему. Домъ пашинской былъ неопрятенъ; кривой, косой, вонючій въ покояхъ, съ самыми грубыми украшеніями, съ неровнымъ поломъ, дверьми, которыхъ никакой крестьянинъ не навѣсилъ бы въ своей избѣ; въ семъ отношеніи, Азіятскіе Турки, коихъ я видѣлъ жилища, не могутъ похвалиться, ни сравнить себя въ образѣ жизни съ Персіянами, у коихъ замѣтно гораздо болѣе вкуса и опрятности въ жилищахъ.

Въ городѣ продолжался грабежъ, который и въ слѣдующіе дни съ трудомъ могли унять; всего болѣе участвовали въ немъ деньщики, маркитанты, Татары и наши уланы, коимъ всѣхъ менѣе было слѣда находиться въ городѣ, но дисциплина никогда не была отличительною чертою кавалеріи и въ особенности нашего своднаго уланскаго полка. Моя бригада была болѣе прочихъ войскъ въ сборѣ, а потому, не взирая на усталость людей и насъ всѣхъ, мнѣ назначено было занять на сію ночь караулы въ Карсѣ. Я не успѣлъ объѣхать всего, ибо становилось уже поздно, и я не зналъ даже, гдѣ находились всѣ роты моихъ полковъ, дѣйствовавшихъ на приступѣ отдѣльно и вошедшихъ въ городъ и крѣпость съ разныхъ сторонъ, а потому я и не могъ въ сей день всѣхъ отыскать. Всякій примостился ночевать, гдѣ удалось и караулилъ то мѣсто, гдѣ находился; а я, собравъ нѣсколько ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка, спустился къ предмѣстью и остановился въ мясныхъ рядахъ, гдѣ была нестерпимая вонь отъ бойни, тутъ же находившейся и гдѣ, по обыкновенной безпечности Турокъ и нечистотѣ, имъ свойственной, стаи собакъ дѣли-

ли брошенные потроха, головы и ноги битаго скота. Цитадель была занята особеннымъ карауломъ, и мнѣ казалось, что нужнѣе было собрать войска внизу, гдѣ находилось много жителей и всего болѣе происходило; притомъ же я могъ всегда оттуда выдти въ порядкѣ въ поле и встрѣтить Турецкое войско, еслибъ со стороны онаго было извнѣ какое либо покушеніе на крѣпость и поддержать лагерь, какъ оставшійся съ обозами на прежнемъ мѣстѣ по Эрзрумской дорогѣ съ малымъ прикрытіемъ.

Я занялъ для своего ночлега какую-то лавку, въ которой жилъ столарь и, разчистивъ стружки, расположился ночевать на какой-то скамьѣ, похожей на верстакъ; ѣсть было нечего, ибо тогда продолжался еще Петровскій постъ, и кромѣ куска сухаго хлѣба у меня ничего не было; но вскорѣ пришелъ какой-то Армянинъ, который навѣщалъ свой уголъ и который досталъ мнѣ нѣсколько луку, чѣмъ и составился мой ужинъ. Отдохнувши и выспавшись въ теченіи ночи, я проснулся рано и сидѣлъ у своей конуры, ожидая для моей бригады смѣны, въ которую былъ наряженъ Ширванскій пѣхотный полкъ. Вскорѣ увидѣлъ я ожидаемую смѣну, съ коей шелъ полковникъ Бородинъ. Увидѣвъ меня, онъ сталъ спрашивать о постахъ; но замѣтивъ, что я давалъ ему отвѣты весьма сухіе, онъ спросилъ меня, не происшествіе ли предшествовавшей ночи причинило перемѣну, которую онъ находилъ во мнѣ относительно къ нему, и когда я ему отвѣчалъ, что онъ не ошибается, то онъ хотѣлъ шутками извоpотиться; говоря: тутъ не за что было сердиться. Я отвѣчалъ ему съ холодностію, что не имѣю надобности въ подобныхъ объясненіяхъ, продолжая ему указывать посты. Тогда, видя, что я дѣло сіе иначе принимаю, онъ сталъ просить у меня прощенія въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ, и я согласился оставить ему проступокъ его.

22-го числа, ввечеру прибыла рота Грузинскаго гренадерскаго полка, командированная съ начала компаніи въ Башкечетъ для конвоированія подвижнаго госпиталя до селенія Гумровъ.

Представленія къ наградамъ за взятіе Карса были общія; никого не исключили по обычаю, водворившемуся въ нашей арміи, и всѣ были равно награждены орденами и крестами; но Георгіевскому кресту придавалось болѣе цѣны: ихъ не болѣе роздали какъ 4 или 5 за сію побѣду, въ числѣ коихъ былъ полковникъ Фридриксъ, помнится мнѣ, Вальховскій и капитанъ Черноглазовъ 42-го егерскаго полка, который былъ поутру на первомъ приступѣ укрѣпленнаго лагеря и жестоко раненъ тремя пулями, что ему не попрепятствовало однакоже опять находиться вскорѣ во фронтѣ, т. е. два мѣсяца послѣ того. Я былъ представленъ къ Аннѣ 1-й степени, но получилъ вмѣсто того 4-го Георгія, который никогда не носилъ, ибо прежде сего ордена я получилъ 2-го класса.

24-го числа я возвратился въ лагерь; войска отдыхали. Я навѣщалъ Паскевича въ его вонючемъ пашинскомъ домѣ, гдѣ онъ провелъ день въ совершенномъ бездѣйствіи, радуясь еще неожиданной побѣдѣ своей. Онъ сидѣлъ на грязной софѣ съ Грекомъ Влангалемъ, который разбиралъ найденныя Турецкія бумаги и сказывалъ ему, что по онымъ видно было, что Мегмедъ-Кессе-пашу ожидали ежедневно изъ Эрзрума со вспомогательнымъ войскомъ. Сей Грекъ Влангали, игравшій въ Персіи самую несчастную роль, во времена Грибоѣдова, начиналъ опериваться и хотя онъ еще долгое время слу-

жилъ всеобщимъ посмѣялищемъ и поруганіемъ, но онъ все вытерпѣлъ и вынесъ и при концѣ войны оказался, посредствомъ наушничества, богатымъ, награжденнымъ и довѣренною особою Паскевича, хотя онъ и не пріобрѣлъ ничего, кромѣ всеобщаго презрѣнія.

Лагерь нашъ былъ перенесенъ ближе къ городу, ибо Паскевичъ хотѣлъ непремѣнно жить въ городѣ, что̀ весьма много препятствовало отправленію службы, ибо штабъ былъ размѣщенъ по разбросаннымъ въ тѣсныхъ улицахъ домамъ. Сего бы надобно было въ особенности остерегаться, ибо съ перваго дня взятія Карса мы узнали отъ жителей, что въ городѣ была чума; притомъ же надобно было удалиться отъ города, дабы совершенно прекратить грабежъ, но на сіе не обратили вниманія. Мы заразились, и грабежъ продолжался въ городѣ, хотя гораздо слабѣе прежняго.

25-го числа было благодарственное молебствіе за одержанную побѣду, на коемъ собраны были всѣ войска, въ лагерѣ находившіяся. Всѣми замѣчено было, что орелъ опять парилъ въ воздухѣ надъ мѣстомъ служенія. Вспомнили орла, показавшагося въ подобномъ же случаѣ въ Гумрахъ; но замѣтили, что ихъ летало нѣсколько, и весьма справедливо заключили многіе, что хищныя птицы сіи, привлеченныя падалью и убитыми лошадьми и людьми, изъ коихъ еще не всѣ были похоронены, ожидали съ нетерпѣніемъ нашего удаленія въ лагерь, дабы опять приняться за свой пиръ.

Плѣнные Турки были отправлены въ Грузію съ 3 ротами 39-го егерскаго полка, 3 сотнями казаковъ и 2 легкими орудіями. Между ними оказались первые признаки чумы, и по прибытіи въ Гумры ихъ много померло; болѣзнь пристала къ нашимъ; у насъ умеръ изъ первыхъ артилерійскій офицеръ Отрада, который купилъ какую-то вещь у плѣнныхъ Турокъ. Смертность показалась въ Гумрахъ въ войскахъ, распространилась между жителями, и самый карантинъ оказался въ чумѣ; отъ дурныхъ мѣръ, предпринятыхъ смотрителями онаго, здоровые, приходившіе въ карантинъ, заражались и умирали чумою. Въ войскахъ у насъ были взяты различныя мѣры осторожности; приказано было всѣмъ сшить холстинныя рукавички, потому что болѣзнь сія передается въ особенности прикосновеніемъ тѣла; стали отдѣлять сомнительныхъ; но вообще еще мало вѣрили въ существованіе заразы, какъ то всегда случается при первоначальномъ появленіи сего чуждаго бѣдствія, отъ чего оно на первыхъ порахъ распространяется; сообщенія съ жителями Карса были воспрещены, но не менѣе того, наша корпусная квартира находилась въ городѣ, и всякій имѣлъ надобность тамъ быть. За симъ послѣдовали распоряженія для управленія Карскою областью.

Исправляющимъ должность начальника Карскаго пашалыка, предсѣдателемъ правленія и начальствующимъ войсками въ крѣпости Карсѣ былъ назначенъ полковникъ Херсонскаго гренадерскаго полка князь Бековичъ - Черкасскій; исправляющимъ должность Карскаго коменданта, полиціймейстеромъ и членомъ правленія маіоръ Крымскаго пѣхотнаго полка Зеленскій; членомъ правленія Нотебургскаго пѣхотнаго полка маіоръ Жилинскій; начальникомъ крѣпостной артилеріи 21-й артилерійской бригады штабсъ-капитанъ Горячко; начальникомъ инженеровъ подпоручикъ инженернаго корпуса Лихачевъ. Подобное же сему управленіе было учреждено въ Эривани; оно во многихъ отношеніяхъ оказывалось порочнымъ: первое, не было одной власти, которая необходима въ военномъ управленіи; второе, уп-

равленіе комитетомъ непривычно Азіятцамъ, которые не постигаютъ онаго и привыкли уважать только одно лицо; третье, производство дѣлъ должно было быть письменное, со всею медленностію, происходящею отъ журналовъ и различныхъ мнѣній членовъ, къ чему Азіятцы также не привычны; четвертое, сего рода управленіе не было соотвѣтственно даже принятымъ въ Русскомъ царствѣ обычаямъ; пятое, оно могло произвести раздоры между членами и отнять дѣятельность старшаго члена, къ коему бы уже надобно было имѣть полную довѣренность; шестое, старшій членъ не могъ уже распоряжаться симъ присутствіемъ, какъ просто исполнительнымъ, ибо онъ самъ засѣдалъ въ ономъ; седьмое, если онъ, по бойкости своей и дарованіямъ, успѣлъ бы себя поставить въ такого рода сношенія съ присутствіемъ, то онъ естественно нарушилъ бы распоряженіе начальства, что̀ большею частію и случалось.

Бековичъ, о коемъ я въ сихъ запискахъ нѣсколько разъ упоминалъ, былъ человѣкъ умный и одаренъ отъ природы отличными способностями, и онъ не замедлилъ обратить присутствіе сіе въ исполнительное. Онъ пользовался особенною довѣренностію народа по знанію его Азіятскихъ языковъ, Корана, суда Азіятцевъ, обычаевъ ихъ и даже по вѣрѣ своей, ибо его полагаютъ Мусульманиномъ.

Казаки по отношенію къ государству и обществу.

I.

Казаки появились прежде всего у Татаръ, потомъ у Литовцевъ, наконецъ и у Москвитянъ.

Это были вольные добычники, уклонявшіеся отъ подчиненія центральной власти.

Въ переговорахъ трехъ названныхъ народовъ, каждый изъ нихъ долго отрекался отъ своихъ казаковъ, снимая съ себя отвѣтственность за ихъ разбои и хищничество.

Грабежемъ купеческихъ каравановъ и пословъ, ходившихъ между Крымомъ, Московіею и Литвою, прославились ранѣе прочихъ Азовскіе казаки. Отъ нихъ пошли казаки Донскіе, а можетъ быть и Днѣпровскіе.

Тѣ и другіе служили школою для казаковъ Рязанскихъ, Путивльскихъ, Смоленскихъ и т. д. въ Московіи и для казаковъ Кіевскихъ, Волынскихъ, Брацлавскихъ въ Литвѣ.

Извѣстно, что Черкесы, въ XV вѣкѣ и ранѣе, будучи христіанами, разбивали на Черномъ морѣ Греческія суда, какъ въ послѣдствіи Днѣпровскіе казаки. Извѣстны древнія отношенія къ Черкесамъ Донскихъ казаковъ, которые обыкновенно женились на Черкешенкахъ. Имена городовъ *Черкаска* на Дону и *Черкасъ* на Днѣпрѣ заставляютъ предполагать, что это были колоніи Черкесовъ, основанныя помимо вѣдома исторіи. Исторія равнымъ образомъ не знаетъ, съ котораго времени Великоруссы начали называть всѣхъ Днѣпровскихъ казаковъ *Черкасами*, называя землю ихъ Литвою или Литовскою стороною. Одежда и наружность простонародныхъ жителей нынѣшней Черкащины и Чигиринщины отличаютъ эти мѣстности отъ прочихъ частей южной Руси, не смотря на то, что предки ихъ разбѣгались, во время опустошительныхъ войнъ, во всѣ стороны и лишь остатки ихъ возвращались на свои пепелища. Тамъ черный цвѣтъ простонародныхъ свитокъ никогда не переходитъ въ сѣрый или бѣлый. Высокія барашковыя шапки съ узкими верхами пошли по Украинѣ, очевидно, оттуда же. Черный цвѣтъ волосъ, тонкіе, длинные, горбатые носы, продолговатыя лица, небольшія головы на широкихъ плечахъ, худощавость и стройный складъ тѣла преобладаютъ въ Черкащинѣ и Чигиринщинѣ болѣе, нежели гдѣ-либо въ Украинѣ. Все вмѣстѣ напоминаетъ намъ Черкесовъ [1]). Запорожская воинственная колонія обязана своимъ началомъ

---

[1]) Ригельманъ, писавшій въ концѣ XVIII вѣка свое «Лѣтописное Повѣствованіе о Малой Россіи», говоритъ (кн. VI, стр. 86), что женщины у казаковъ «платье носили, и нынѣ нѣкоторыя еще носятъ, такожъ какъ и *Черкескія* женщины» (стр. 87): «Мужчины... носятъ все *Черкеское* платье, кафтанъ и жупанъ, а иные и Польское».—«Носятъ шапки Польскія и *Черкескія*».—«Они почти всѣ плясать попольски, а паче по своему *Черкаскому*, умѣющи».

Черкасцамъ и Чигиринцамъ. Черкасы издавна прозваны городомъ казацкимъ, и дѣйствительно, на тысячу казацкихъ домовъ насчитывали тамъ едва сотню мѣщанскихъ, чего въ другихъ городахъ не бывало; а Чигиринъ былъ приписнымъ достояніемъ булавы казацкаго гетмана при Богданѣ Хмельницкомъ.

Первое актовое упоминаніе о Днѣпровскихъ казакахъ среди Кіевскихъ мѣщанъ (1499 г.) обозначаетъ ихъ, какъ торговцевъ рыбою и звѣриными шкурами, добытыми вверху или внизу Днѣпра. *Казаки* поименованы въ актѣ отдѣльно отъ пріѣзжихъ *купцовъ* и, подобно этимъ купцамъ, «становятся у *мѣщанъ* на подворьяхъ», при чемъ мѣщанинъ, по «давнему обычаю», обязанъ былъ извѣстить объ ихъ пріѣздѣ воеводу или его намѣстника. Изъ этого видно, что казаки были тогда народъ еще чужой въ Кіевѣ.

Въ актахъ обыкновенно говорится, что казака, въ случаѣ преступленія, «не по̀ чемъ сыскивать». Онъ является бездомнымъ промышленникомъ и добычникомъ. Хоть и были у казаковъ хаты въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Черкащина и Чигиринщина, но, по словамъ кобзарской думы, казацкую хату можно было отличить среди десяти неказацкихъ. «Она соломой не покрыта, приспою не обсыпана; на дворѣ дровъ ни полѣна; сидитъ въ ней казацкая жена—околѣла». Такъ и казацкая жена была замѣтна среди ея сосѣдокъ: «она всю зиму босая ходитъ, горшкомъ воду носитъ, дѣтей поитъ изъ половника». По чемъ же сыщешь подобнаго человѣка, и что̀ для него страшно? Казакъ уподоблялся птицѣ, кладущей яйцы въ чужія гнѣзда или зарывающей въ песокъ. Его нравственность опредѣлялась уже однимъ его бытомъ. При его бездомовности и нерадѣньѣ о семьѣ, мнѣніе свѣта для него не существовало. «Куда захочетъ, туда и скачетъ, никто за нимъ не заплачетъ», говорится въ извѣстной надписи подъ изображеніемъ Запорожца. Казакъ вообще отвергалъ семейное начало и выразилъ это тѣмъ, что даже въ пѣсняхъ называлъ своею матерью Запорожскую Сѣчь, а батькомъ—Великій Лугъ. Что касается до женщины, подруги жизни, то входу ей не было въ казацкое кочевье на Низу ни подъ какимъ видомъ. Даже мать, навѣстивъ сына въ казацкомъ кошѣ, навлекла бы на него смертную казнь. Въ Кіевѣ казаки, по словамъ документа 1499 года, «дѣлали непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами» [2]). Если же казакъ рѣшался жить *по чести* съ женщиною, то не обращалъ никакого вниманія на ея бѣдственное положеніе. По кобзарской думѣ, казакъ, прибывъ къ своимъ товарищамъ-бурлакамъ, ругался надъ горькими жалобами жены. «Послушайте, паны-молодцы (говорилъ онъ), какъ женское проклятіе ничтожно: жена проклинаетъ,—это все равно, что̀ вѣтеръ шумитъ мимо сухаго дерева, а женскія глупыя слезы текутъ какъ вода».

Отвергая семейное начало, казакъ отвергалъ и начало общественное. Первый казацкій бунтъ противъ установленнаго временемъ порядка вещей въ 1592 году, подъ предводительствомъ шляхтича Косинскаго, ознаменованъ тѣмъ, что казаки мѣщанъ и шляхту принуждали къ присягѣ на послушаніе казацкому войску; но сами подъ воеводскій, старостинскій, магистратскій или какой либо не-казацкій *присудъ* не шли [3]). Всѣ узаконенія короля и республики или сеймовыя постанов-

[2]) Т. е. непотребныя дѣла съ женщинами.

[3]) Volumina Legum, III, 125 (годъ 1613): «Osobne sobie sedzic y strarsze postanowiwszy, przed zadnym pravem, iedno przez sie ustanowioncmi Atamany

ленія они отрицали. Въ своемъ казацкомъ кругу не имѣли никакихъ письменныхъ законовъ или руководствъ; не вели даже записокъ о быломъ; людей грамотныхъ держали только для отвѣтовъ на присылаемыя къ нимъ предложенія или требованія, но при войсковомъ писарѣ состоялъ у нихъ всего одинъ канцеляристъ, подъ именемъ *подписарчаго*, и вообще на бумажное дѣлопроизводство смотрѣли они съ подозрительностью невѣжественной и злодѣйской толпы. Поэтому, во время бунтовъ своихъ противъ Польскаго правительства, казаки истребляли все письменное. Даже охранныя грамоты, жалованныя королемъ православнымъ монастырямъ, были для нихъ ненавистны. Когда казаки Косинскаго стали грабить Межигорскій монастырь, настоятель предъявилъ имъ пергаментную грамоту Стефана Баторія. Бунтовщики, предводимые войсковымъ писаремъ Гренковичемъ, изорвали ее въ клочки, втоптали въ грязь, а настоятеля (Іосифа Бобриковича Копо̂тя, въ послѣдствіи Мстиславскаго епископа, котораго Петръ Могила называлъ своею правою рукою) избили до кровавыхъ ранъ. Шляхетское и мѣщанское общество, съ его законами и установленіями, для казака не существовало. Казакъ жилъ добычею и для добычи. *Добыча* и *слава* на языкѣ у него были неразлучны и воспѣты въ казацкихъ пѣсняхъ, какъ одинаково нравственныя. О казакахъ и ихъ казацкой славѣ можно сказать то самое, что̂ сказано Боклемъ о Шотландскихъ горцахъ: «Они были грабители и убійцы, но таковъ былъ ихъ образъ жизни, и они не чувствовали его позора».

Вотъ почему казаки поддерживали цѣлый рядъ самозванныхъ Молдавскихъ господарей, а когда, въ 1604 году, появился въ Польской Руси названный Димитрій, его немедленно окружило двѣ тысячи казаковъ, которые опереживали его на походѣ въ Сѣверію, и лишь только Черниговъ сдался самозванцу, тотчасъ его ограбили, такъ что шляхетная банда лжецаревича, по словамъ очевидца, нашла въ покорившемся ему городѣ только порожніе короба предъ домами [4]). Между тѣмъ самозванецъ послалъ въ казацкій кошъ свое царское знамя, и когда Мнишекъ съ своимъ шляхетнымъ ополченіемъ оставилъ его, къ нему присоединилось еще двѣнадцать тысячъ казаковъ съ полевыми пушками. Когда самозванщина осаждала Кромы, Поляковъ (по свидѣтельству ихъ ротмистра Борши) было въ ней всего двѣсти человѣкъ. Дѣло разоренія Московскаго государства начали, продолжали и довершили единовѣрные съ нами казаки, — сперва Запорожскіе, а потомъ и всякіе другіе. Какъ ни сильно поощряли іезуиты Польскую шляхту ко вторженію въ сосѣднее, обезпеченное мирнымъ договоромъ государство, она все-таки находилась подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, котораго авторитеты называли это дѣло вѣроломнымъ, предсказывали грозную за него отвѣтственность, по-

---

stawac niechca». Id. II, 465 (годъ 1609): «Kozacy.... zwierchnosc Starostéw naszych nie przyznawaia, ale Hetmany swe, y insza forme sprawiadliwosci swey maia: czym miasta, y mieszczany nasze uciskaia, wladze y urzednikow y Urzad Ukrainny mieszaia etc.—Miasta tez nasze y mieszczanie chcemy aby sie pod ich iurisdukcye nie podawali, etc. По неимѣнію въ типографіи Латинскихъ буквъ съ Польскими значками, употреблена, здѣсь и ниже, для Польскаго языка Латинская азбука безъ значковъ, какъ это дѣлалось и самими Поляками въ ихъ письменахъ XVI и начала XVII вѣковъ.

[4]) Tylko krobie staly prozne przed domami. (Русск. Истор Библіот. I, 369).

сылали гонцовъ къ предводителямъ похода съ увѣщаніемъ вернуться, а королю представляли на сеймѣ о необходимости карать ихъ, какъ измѣнниковъ. Все вмѣстѣ парализовало предпріятіе самозванца въ ужасающей для него степени. Выручили бродягу, ради своей добычи и славы, казаки, для которыхъ авторитетъ какого-нибудь отчаяннаго банита былъ важнѣе мнѣнія лучшихъ государственныхъ людей. Это были самые вредные для общества соціалисты, коммунисты и нигилисты своего времени.

Вредъ ихъ для государства еще очевиднѣе. Одинъ изъ нашихъ популярныхъ историковъ видитъ въ казакахъ то, что̀ составляетъ *народъ* въ противоположность классамъ высшимъ, которые отклонились отъ народа, сдѣлались его притѣснителями, взяли въ свои руки государя, злоупотребляютъ его довѣренностью или слабостями. Будучи въ этомъ искренно убѣжденъ, этотъ (весьма впрочемъ почтенный) историкъ говоритъ, будто бы имя царя у казаковъ было священнымъ для самой крайней вольницы. Трудно согласиться съ такимъ воззрѣніемъ уже по одному тому, что̀ намъ извѣстно объ отношеніи казака къ семейству и обществу. Бѣглецъ отъ отца, матери, жены и дѣтей, человѣкъ, за которымъ «никто не заплачетъ», вообще не могъ носить въ душѣ священныя идеи, которыми проникнуты люди, воспитанные въ сферѣ первоначальной любви и дружбы. Казакъ, отвергавшій всѣ установленія верховной власти, не могъ дорожить ею, какъ чѣмъ-то священнымъ. Для казаковъ не была священна даже и та власть, которую сами они поставляли надъ собою, какъ отрицаніе всякой другой: хотя они были способны покоряться самому грубому деспотизму избраннаго ими предводителя, но за неудачный походъ предводитель отвѣчалъ у нихъ собственной головою. Отъ гибельныхъ ихъ бунтовъ уцѣлѣли тотько тѣ гетманы, которые имѣли при себѣ лейбъ-гвардію. Это мы видимъ въ исторіи казачества, начиная съ Дмитрія Вишневецкаго и кончая Мазепою. Самъ Богданъ Хмельницкій постоянно содержалъ на жалованьѣ пять тысячъ Крымскихъ Татаръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ послы царя Алексѣя Михайловича.

Выводъ о священномъ для казаковъ имени царя сдѣланъ изъ *словъ*, которыя прельщали въ свое время и пишущаго эти строки. Провѣримъ этотъ выводъ выводомъ изъ *поступковъ*.

Запорожцы утопили въ Днѣпрѣ посла короля Стефана Баторія. Они, какъ это доказано судомъ и слѣдствіемъ, умышляли вмѣстѣ съ Самуиломъ Зборовскимъ на жизнь и самого короля. Вскорѣ по его смерти, они, какъ уже сказано, втоптали въ грязь королевскую грамоту. Карая казаковъ за новый бунтъ, Жовковскій доносилъ Сигизмунду III, что они ругались надъ королевскимъ именемъ, хвалились разрушить Краковъ, истребить дворянское сословіе. Подъ конецъ жизни онъ опять доносилъ, что казаки грозятъ не только республикѣ, но и самому королю гибелью. Напасть на королевскій замокъ, какъ это сдѣлалъ Сулима въ 1635 году съ Кодакомъ, вырѣзать гарнизонъ и казнить смертью коменданта,—развѣ въ подобныхъ поступкахъ можно видѣть благоговѣніе къ монархической власти? Зборовскій и Сулима были такіе же шляхтичи, какъ и Пекарскій, а Пекарскій бросился на Сигизмунда III съ саблею при выходѣ его изъ костела. Почему же шляхтичъ-банитъ, въ казацкомъ обществѣ, долженъ считать священнымъ королевскій санъ, который для него не былъ священнымъ среди людей почетныхъ? Вспомнимъ разсказъ Маш-

кевича, дворянина [5]) князя Іереміи Вишневецкаго, о рѣшимости его патрона напасть съ своимъ вооруженнымъ почтомъ [6]) на членовъ сейма и въ случаѣ чего, на самого даже короля въ сенаторской избѣ [7]). Тотъ же самый Вишневецкій, въ 1641 году, по дневнику Литовскаго канцлера, объявилъ королю въ глаза, что, еслибъ король самъ предпринялъ вытѣснить его изъ опекаемыхъ имъ имѣній, то онъ Вишневецкій будетъ защищать ихъ до потери жизни. Въ 1649 году тотъ же самый Вишневецкій, по свидѣтельству царскаго посла Кунакова, грозилъ въ Варшавѣ королевскимъ совѣтникамъ наварить имъ и всей Рѣчи-Посполитой пива горше Хмельницкаго. Озлобленный Польскій шляхтичъ готовъ былъ на все. Почему жъ озлобленный казакъ былъ человѣчнѣе шляхтича? Сулиму выдали королю сами казаки,—это правда; но вмѣстѣ съ нимъ былъ преданъ въ руки правосудія и его соучастникъ Павлюкъ. Въ виду палача, Ѳома Замойскій «выпросилъ у короля» Павлюка. Черезъ годъ онъ явился возмутителемъ такъ называемыхъ гультяевъ, для которыхъ не было ничего священнаго, и тѣ, которые выдали его, участвовали въ его бунтѣ. Пишутъ, будто бы Богданъ Хмельницкій падалъ къ ногамъ Яна Казимира, проливалъ передъ нимъ слезы раскаянія и проч.; но это пишутъ люди, которымъ горько было видѣть униженіе короля передъ разбойникомъ. По распросамъ царскаго посла Кунакова, Хмельницкій велъ себя въ присутствіи короля, какъ человѣкъ, раздосадованный неудачею (ему помѣшалъ погубить короля со всѣмъ его войскомъ Крымскій ханъ). Приближаясь къ королевскому шатру, онъ «металъ древкомъ»; присягнулъ на вѣрность королю сидя (это свидѣтельство Литовскаго канцлера) и на всѣ ласки Яна Казимира отвѣчалъ только: «Гораздъ, королю, говоришъ»; «а вѣжества-де и учтивости (доносилъ царю Кунаковъ) никакіе противъ тѣхъ его королевскихъ рѣчей всловесне и ни въ чемъ не учинилъ». Да и безъ этого свидѣтельства, сопровождаемаго обстоятельнымъ описаніемъ всего церемоніала, трудно согласить благоговѣніе казаковъ Хмельницкаго къ монархической власти съ такими поступками, какъ публичное, всенародное ругательство надъ королевскими послами, постоянная ссылка съ Турецкимъ султаномъ и громкія угрозы отдать ему всю Польшу. «Имя царя, священное для самой крайней вольницы», не помѣшало Виговскому оторвать отъ Алексѣя Михайловича казаковъ, присягнувшихъ ему на подданство, истреблять царское войско, отдавать царскихъ воеводъ въ руки Татаръ, ругаться надъ властію монарха, коей онъ раболѣпствовалъ при жизни прежняго гетмана. Юрій Хмельницкій съ преданными ему казаками сдѣлалъ тоже самое по отношенію къ царю, и даже хуже. Дорошенко и Мазепа въ свою очередь доказали, что священное имя царя можно замѣнить и Туркомъ, и Шведомъ, смотря по надобности. Къ казакамъ, безъ малѣйшей натяжки, можно примѣнить сужденіе Бортона

---

[5]) Такъ называлась служившая при панскихъ дворахъ шляхта, въ подражаніе *дворянамъ* королевскимъ, игравшимъ роль нынѣшнихъ флигель-адъютантовъ.

[6]) Панская вооруженная свита, равно какъ и цѣлая армія, содержимая паномъ при своей особѣ, называлась почтомъ, т. е. почетомъ, — попольски poczet, pocztu.

[7]) См. нашу Исторію Возсоединенія Руси, I, 223.

о героях романической фантазiи, Шотландскихъ горцахъ: «Кто бы ни пожелалъ поколебать, или низвергнуть оружiемъ, установленное правительство, могъ разсчитывать на помощь ихъ вождей; ибо всякое прочное правительство вредно ихъ власти и больше всего враждебно ихъ существованiю. Чѣмъ больше такое правительство распространяетъ мирныя занятiя и расширяетъ благосостоянiе, созданное промышленностью, тѣмъ болѣе враждебно относится къ нему народъ, не измѣнившiй своей природѣ, не сдѣлавшiй успѣховъ въ промышленности, живущiй войной, которая доставляетъ ему плоды чужаго труда. Твердое, мирное правительство также не согласно съ его интересами, какъ хорошо охраняемое стадо—съ интересами волковъ».

Казаковъ стараются ассимилировать съ Украинскимъ народомъ, и то, что̀ свойственно Украинскому, Малорусскому *народу*, приписываютъ казакамъ. Но народъ, участвуя въ казацкихъ бунтахъ, былъ жертвою или соблазна, или террора, которыми казаки постоянно на него дѣйствовали. Надобно смотрѣть не на тѣло, а на душу казачества. Душею казацкихъ предпрiятiй дѣлались обыкновенно отверженцы монархическаго общества, поправшiе ногами все, что̀ для него священно. Таковъ былъ Самуилъ Зборовскiй, уличенный въ заговорѣ съ казаками на жизнь короля Стефана Баторiя. Таковы были и всѣ баниты, которымъ, впутавшись въ казацкiе бунты, осталось только ниспроверженiе верховной власти или—что̀ все равно—замѣна одного монарха другимъ. *Они*-то и должны считаться «самою крайнею вольницею», а вовсе не тѣ, которыхъ они поили горѣлкою, задаривали деньгами и одеждою, или же стращали смертью, завлекая въ казацкое войско. *Они* дали казачеству его коммунистическiй и нигилистическiй закалъ, а не простолюдины, которые, сами по себѣ, всегда были и будутъ монархистами. Радикаломъ способенъ сдѣлаться одинъ демагогъ, а *демагогомъ*, и въ лучшемъ, и въ худшемъ значенiи слова, не можетъ быть человѣкъ низшей среды. Низшая среда казачества конечно взирала на царя по простонародному, какъ на олицетворенiе правды, которой препятствуютъ въ ея благотворномъ дѣйствiи вельможи да чиновники. Но и она лишь на столько благоговѣла передъ именемъ царя, на сколько сохраняла живую связь съ *народомъ*, который, въ своей массѣ, подчиняется не банитамъ, какъ подчинялись казаки, а хранителямъ нацiональныхъ преданiй, то есть людямъ не только образованнымъ, но и нравственнымъ. Казаки, управляемые тѣми, которые составляли душу казачества, работали даже въ массѣ своей на гибель, а не на поддержку монархической власти. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они должны были, въ своихъ манифестацiяхъ, признавать священное для мыслящихъ людей значенiе царственности, поступками своими они ей противодѣйствовали. Они искали и домогались, съ оружiемъ въ рукахъ, полнаго освобожденiя отъ установленныхъ государствомъ властей; они требовали государства добычнаго въ государствѣ культурномъ. Отрицая всякой иной присудъ, кромѣ своего войсковаго, казаки давали въ своей средѣ пристанище всевозможнымъ преступникамъ закона, въ томъ числѣ и нарушителямъ общественнаго спокойствiя. Убiйца самого короля могъ явиться въ Запорожской Сѣчи съ такой безопасностiю, какъ-будто это былъ его собственный за̀мокъ. Существовалъ за Порогами обычай даже не спрашивать: кто таковъ прiѣзжiй, зачѣмъ и на долго ли прибылъ? Отъѣздъ, также какъ и прiѣздъ, былъ тамъ невозбраненъ во всякое время дня и ночи. Спрашивается: кому принадлежитъ

починъ въ этомъ установленіи или обычаѣ: почитателямъ, или противникамъ священнаго имени государя? Темнымъ ли мужикамъ, уходившимъ за Пороги на заработки, или же образованнымъ демагогамъ, приносившимъ туда страхъ могущественнаго преслѣдованія? Вопросъ рѣшаетъ самъ себя.

II.

Государство, допустившее образоваться на своей территоріи подобному притону крайней вольницы, обрекало себя на кровавую съ нею борьбу, а въ случаѣ безуспѣшности оной, на гибель; и дѣйствительно Польша погибла отъ того, что не имѣла ни достаточной рѣшимости, ни достаточной силы уничтожить Запорожскую общину. По мѣрѣ возрастанія политическаго могущества Рѣчи-Посполитой, усиливалась въ ней казацко-нигилистическая пропаганда отрицанія всего того, чѣмъ государство держится, и въ особенности—отрицанія установленныхъ властей. Прямымъ способомъ казаки распространяли эту пропаганду въ оказаченномъ простонародьѣ, косвеннымъ—въ сословіи привилегированномъ. Шляхтичу, который былъ объявленъ банитомъ, или изгнанникомъ изъ общества порядочныхъ людей, лишеннымъ и гражданскихъ правъ, и самой чести, было не безопасно появляться даже и въ чужихъ краяхъ, гдѣ каждый могъ убить его, также какъ и дома, безнаказанно, что̀ и постигло, при Сигизмундѣ-Августѣ, вельможнаго свояка Константина-Василія Острожскаго, князя Димитрія Сангушка; но, живя среди Запорожцевъ, онъ могъ смѣяться надъ гнѣвомъ всѣхъ Европейскихъ государей. Самое имя его нерѣдко замѣнялось тамъ простонароднымъ прозвищемъ, и кто бы сталъ развѣдывать, напримѣръ, о князѣ Димитріи Вишневецкомъ (находившемся одно время въ службѣ у Турецкаго султана, какъ это мы знаемъ изъ подлинныхъ писемъ Сигизмунда-Августа), тотъ слышалъ бы только о казакѣ *Байдѣ*, которому все *байдуже* (ни по чемъ), что̀ ни оставилъ онъ позади себя, внѣ казацкаго общества. По розысканіямъ Московскаго посла, думнаго дьяка Григорія Кунакова въ Варшавѣ, шесть тысячъ банитовъ находилось подъ знаменами Богдана Хмельницкаго. Одного этого факта достаточно, чтобы понять, могло ли устоять государство, выработавши въ самомъ сердцѣ своемъ кадры для арміи своихъ разрушителей.

Въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ, мы обыкновенно радуемся, что погибла наконецъ Рѣчь-Посполитая, соблазнявшая Великій Новгородъ отложиться отъ Россіи, отнявшая у Ивана Грознаго Балтійское поморье, стоившее въ послѣдствіи Петру стольких жертвъ и усилій, истерзавшая Россію самозванщиною, а что̀ всего для насъ обиднѣе—угнетавшая Русскую православную вѣру всевозможными способами. Въ качествѣ народа, еще юнаго въ цивилизаціи, мы чувствуемъ слишкомъ горячо, слишкомъ по-юношески, и это мѣшаетъ намъ отнестись къ былому исторически. Но если доживемъ до старости, тогда спокойное изученіе даже однихъ тѣхъ актовъ, которые давно уже нами самими напечатаны, приведетъ насъ къ убѣжденію, что угнетали Русскую вѣру не Поляки, а Русскіе ренегаты. Поляки, съ своими іезуитами, участвовали въ этомъ нелѣпомъ дѣлѣ, на столько же въ сѣверной, на сколько и въ южной Руси,—никакъ не меньше, и, пожалуй, еще больше. Вспомнимъ только, что тамъ они

вели даже войны съ цѣлью приневолить простоватую Русь къ принятію цивилизованной религіи. Здѣсь, напротивъ, не было ни одной битвы въ интересахъ церкви. Даже казнь Витебскихъ мѣщанъ за убіеніе Кунцевича совершилась безъ всякаго сраженія. Всѣ же казацкія войны были, со стороны казаковъ, бунты черни, безъ участія дворянъ и духовенства, а со стороны Поляковъ—усмиренія таковыхъ бунтовъ, съ дѣятельнымъ участіемъ Русскихъ дворянъ всѣхъ вѣроисповѣданій (въ томъ числѣ и православныхъ) и съ благословеніемъ православной іерархіи, которая, до Хмельнищины, въ лицѣ митрополита Петра Могилы, посылала своихъ игуменовъ къ казакамъ съ увѣщаніемъ разойтись по домамъ; когда же казаки были побиты и разогнаны, она, устами того же Петра Могилы, поздравляла Польскихъ вождей публично съ усмиреніемъ *бунтовщиковъ*, а послѣ первыхъ побѣдъ Хмельницкаго бѣжала изъ Кіева вмѣстѣ съ уніятами и католиками.

Еслибы въ X-мъ вѣкѣ древніе строители Русскаго государства не отвѣчали на отрѣзъ: «отцы наши не принимали вѣры отъ папы», они столько же были бы виновны предъ судомъ нашей исторіографіи, сколько и Польско-Русскіе паны, принявшіе католичество; а между тѣмъ они имѣли полное право избрать что̀ было для общества полезнѣе, какъ это сдѣлали ихъ потомки въ XVI и XVII вѣкахъ, видя вѣру св. Владиміра, съ одной стороны попранною магометанами, а съ другой—преданною въ жертву невѣжеству. Виноваты ли были потомки Гостомысловъ и Свѣнельдовъ, что Татарское лихолѣтье втолкнуло ихъ не въ православное, а въ Латинское государство, о которомъ они, какъ граждане, были обязаны всячески заботиться? И имъ ли, наконецъ, отвѣчать за Русскихъ архіереевъ, которые добровольно продали себя Сигизмунду и его іезуитамъ? Они, Русскіе паны, будучи католиками, смотрѣли съ негодованіемъ на Русскихъ ренегатовъ, подобныхъ Кунцевичу, какъ это доказываетъ извѣстное письмо Льва Сопѣги къ этому фанатику папизма. Будучи католиками, они, устами такихъ людей, какъ Янъ Замойскій, говорили Польскимъ иновѣрцамъ: «Я отдалъ бы половину жизни за то, чтобы видѣть васъ въ одной вѣрѣ со мною; но если будутъ притѣснять васъ, я отдамъ всю мою жизнь, чтобы не видѣть, какъ васъ притѣсняютъ». Будучи католиками, они, въ лицѣ такихъ магнатовъ, какъ Станиславъ Конецпольскій, служили православнымъ монахамъ прибѣжищемъ отъ казацкихъ грабежей. И вообще надобно сказать, что господствовавшая въ Польскомъ государствѣ религія боролась гораздо энергичнѣе съ уклонившимися въ реформацію католиками, нежели съ чуждавшимися латинства и уніи православными. Для сохраненія своей политической цѣлости, Польское государство не должно было потворствовать водворенію въ немъ лютеранства, кальвинства, аріянства и другихъ сектъ, на которыя раскололась лукаво построенная Римская церковь. Для сохраненія достоинства религіи вообще, оно было обязано поощрять готовность служить его цѣлямъ со стороны такихъ образованныхъ архіереевъ, какъ Терлецкій, Потѣй, Смотрицкій, Рутскій, вмѣсто того, чтобы сообразоваться съ неизвѣстными ему ревностными, но вообще невѣжественными иноками. Наконецъ, оно, какъ и всякое другое государство, должно было покровительствовать извѣстному исповѣданію не на столько, на сколько оно истинно, а единственнно на столько, на сколько оно полезно. Оно по своему было право, и мы, на его мѣстѣ, можетъ быть, поступили бы еще

хуже. Слѣдовало бы намъ хоть по временамъ примѣривать на себѣ жупанъ Польскаго пана, сенатора и короля. Но мы этого никогда не дѣлаемъ. Не обращая никакого вниманія на формацію Польскаго общества, мы «ревнуемъ по вѣрѣ» à la Кунцевичъ, и радуемся гибели этого общества, вмѣстѣ съ его государствомъ, отъ рукъ банитовъ, назвавшихся казаками и поднявшихъ чернь на злодѣйства священными воззваніями за вѣру.

Что казаки лгали въ своихъ религіозныхъ манифестаціяхъ при Хмельницкомъ, въ этомъ удостовѣряютъ предшествовавшія отношенія ихъ къ борьбѣ другихъ корпорацій съ папистами, за православіе съ одной стороны, за унію съ другой. Въ этой борьбѣ казаки или вовсе не принимали участія, или принимали такое, какъ Итальянскіе брави.

Слухъ о церковной уніи ходилъ въ обществѣ задолго до ея обнародованія въ 1596 году. Но вассалъ князя Острожскаго, Косинскій, воюетъ не съ кѣмъ нибудь изъ католическихъ пановъ, а съ нимъ самимъ; другими словами: онъ поднимаетъ пьяную чернь или голоту противъ магната, на котораго православное духовенство смотрѣло какъ на главнаго защитника древняго Русскаго благочестія. Въ самый годъ обнародованія церковной уніи, казаки, подъ предводительствомъ другаго вассала князя Острожскаго, Северина Наливайки, затѣваютъ новый, болѣе широкій бунтъ, и православный князь Острожскій радуется отъ всего сердца, что нашихъ «борцовъ за православіе» разбили Русскіе паны на голову; а въ дѣяніяхъ Брестскаго собора и въ его послѣдствіяхъ, современныхъ пораженію казаковъ, не найдено ничего общаго между интересами церковными и казацкими. Даже тогдашняя свободная полемика въ защиту православія, гремя противъ короля и папы, ни единымъ словомъ не упомянула о казацкой кампаніи. Только лѣтописи, сочиненныя спустя много времени послѣ, связываютъ оба явленія въ одно, наперекоръ современнымъ печатнымъ и письменнымъ документамъ. Прошло много лѣтъ. Ревнители православія, казаки (какъ уже сказано выше) вторгаются съ самозванцемъ въ единовѣрное царство, не щадятъ ни мирныхъ жителей, ни церквей [8]), оставляютъ по себѣ страшную память, вмѣстѣ съ католиками, и продолжительнымъ грабежемъ Россіи, отъ 1604 до 1618 года, выростаютъ въ многочисленную, свирѣпую, грозную уже для Рѣчи-Посполитой корпорацію. Кіевскіе жители, видя въ ихъ рукахъ богатую добычу и силу, стараются съ ними ладить, подъучиваютъ ихъ на убійства, которыхъ сами совершить не смѣютъ, наконецъ вписываютъ *все* Запорожское войско въ Кіево-подольское церковное братство. Еслибы эта запись была самодѣятельная, то, принимая въ разсчетъ, что казаковъ подъ Хотиномъ въ 1621 году собралось не менѣе 30,000, надобно было бы ожидать процвѣтанія братства въ финансовомъ отношеніи. Ревностные къ вѣрѣ казаки могли бы въ одинъ день обогатить братскую казну и въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ внести въ нее милліоны Польскихъ злотыхъ. Вмѣсто того мы знаемъ, что братство исчисляло свои имущества десятками и сотнями злотыхъ. Только Петръ Конашевичъ Сагайдачный, плѣнившій царскихъ воеводъ въ 1618 году, бравшій взятьемъ города по Юго-востоку Россіи, разорявшій невольницкіе базары въ Крыму, только онъ, въ духовномъ завѣщаніи, отписалъ братству какую ни-

---

[8]) См. III т. Исторіи Возсоединенія Руси, стр. 81, примѣчаніе.

будь тысячу злотыхъ, и это считалось уже богатствомъ — въ виду разоренной казаками Московщины и ограбленной Туретчины. Очевидно, что вписанные въ церковное братство казаки даже и не знали о своей принадлежности къ столь великому учрежденію. Все дѣло состояло въ томъ, чтобъ напугать ренегатовъ-унитовъ. Когда возвращался изъ Москвы Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ (1620 г.), отрядъ казаковъ конвоировалъ его отъ Прилуки до Кіева, а потомъ отъ Кіева до Турецкой границы; но вотъ замѣчательный фактъ, игнорируемый казакоманами: посвященіе Іова Борецкаго въ митрополиты совершено имъ, по современному свидѣтельству, тайкомъ отъ казаковъ. Опасно и позорно было для православной церкви сдѣлать участниками возстановленія іерархіи добычниковъ, едва не погубившихъ единственнаго въ мірѣ православнаго царства. Такъ точно игнорируютъ казакоманы и совершенное отсутствіе этихъ «единственныхъ борцовъ за православную вѣру и народность Русскую» въ Витебской трагедіи 1624 года. Мы знаемъ, что когда въ 1601 году казаки, пять лѣтъ тому назадъ жестоко побитые подъ Лубнами, возвращались изъ Шведскаго похода, Витебскъ сильно пострадалъ отъ ихъ разбоя и грабежа. Они хватали въ Бѣлоруссіи, какъ Татары, даже женщинъ и дѣтей. Во все время какъ они геройствовали въ Московщинѣ и Туретчинѣ, унія дѣлала самыя беззаконныя завоеванія во имя закона, и Кунцевичъ изъ звонаря доросъ до архіепископа. Выставляя, въ угоду Полякамъ, по 15, по 20 и по 30 тысячъ хорошо вооруженнаго войска, ни одной тысячи не отрядили казаки въ Бѣлоруссію для поддержки православныхъ мѣщанъ, которые, одни безъ шляхты, выносили на себѣ всѣ натиски Русскихъ ренегатовъ, поддерживаемыхъ іезуитами. Что̀ это значитъ? Это значитъ, что мѣщане знали казаковъ лучше, чѣмъ знаютъ ихъ наши казакоманы. Когда, двадцать лѣтъ назадъ, толпа добычниковъ повела самозванца въ Московское царство, и тогда Познанскій кастелянъ Остророгъ говорилъ уже на сеймѣ: «Молю Господа Бога, чтобы Димитрій остался тамъ, чтобы къ намъ не возвращался: это войско, что̀ съ нимъ пошло, было бы *тяжелъ непріятеля* для нашихъ Русскихъ и Украинскихъ областей» [8]). Тяжесть присутствія казаковъ испытали Витебцы въ 1601 году, когда многіе мѣщане были ими ограблены, а другіе побиты. Могли ли Витебцы звать на помощь противъ уніи такихъ головорѣзовъ, отъ которыхъ у нихъ передъ глазами извелась православная Московская Русь? Даже послѣ убіенія Кунцевича они предпочли подвергнуться королевской казни, хотя обычная медленность Польской расправы за преступленія дала имъ болѣе двухъ мѣ-

---

[8]) Инженеръ Ригельманъ, писавшій свою книгу через 175 лѣтъ, повторяетъ слова Остророга, говоря о Запорожцахъ: «Они нападали на обозы купецкіе и оные многажды съ убивствомъ людей грабили; разбивали жъ и заводы селитренные, забирали скотъ и иныя пакости чинили, такъ что, будучи противу Татаръ употреблены, *паче ихъ, они въ тягость самимъ были...* Они не смотрѣли на общія нужды, но своихъ только сыскивали корыстей; ибо въ самое мирное время нападали воровски на поселянъ Татарскихъ, также и на пословъ и купцовъ Турецкихъ, какъ то въ одно время Греческихъ купцовъ великой караванъ, слѣдующій въ Россію, разбили, за которой разбой изъ казны царской, по иску отъ Порты Оттоманской, сто тысячъ ефимковъ заплачено было» (Лѣтописное повѣств. о Малой Россіи, кн. VI, стр. 71).

сяцевъ для сношеній съ казаками, а казаки, побѣдители Османа II подъ Хотиномъ и счастливые пираты на Черномъ морѣ, были тогда очень сильны.

III.

Витебская трагедія, равно какъ и успѣхи уніи въ Бѣлоруссіи вообще, имѣла, однакожъ, губительное для Польши вліяніе на казачество. Есть указаніе въ протестѣ одного католика, что религіозныя факціи наполнили Бѣлорусскими бѣглецами Бѣлорусское Понизовье и Украину. Важную роль стали играть въ казацкихъ бунтахъ мѣщане-ремесленники, лишавшіеся своихъ магистратскихъ мѣстъ за отверженіе церковной уніи. Королевскія коммиссіи домогались отъ реестровыхъ казаковъ выдачи бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ и вообще ремесленниковъ. Эти-то пришлые казаки возбуждали въ своихъ товарищахъ особенную ненависть къ иновѣрцамъ и ренегатамъ, которую наша исторіографія принимаетъ за религіозное чувство. Изъ транзакцій короннаго гетмана съ казаками въ 1625 году видно, что казацкая религіозность выражалась грабежемъ не только Кіевскихъ мѣщанъ, пошатнувшихся въ православіи, но и Богуславскихъ Жидовъ, которые заботились только о барышахъ. О казацко-шляхетской войнѣ 1630 года, которой придаютъ религіозное значеніе, существуетъ документъ, содержащій въ себѣ договоръ Конецпольскаго съ побѣжденными казаками. Требуя отъ нихъ выдачи зачинщика бунта, Тараса Ѳедоро́вича, Конецпольскій, между прочимъ, укоряетъ казаковъ, что они погубили много легковѣрныхъ поселянъ увѣреніями, будто жолнеры пришли въ Украину руйновать Русскія церкви, а кто имъ не вѣрилъ, тѣхъ принуждали къ походу насиліями [10]). Самъ же Конецпольскій до того былъ чуждъ гоненія Русской вѣры, что когда подошелъ къ Кіеву, православные монахи обратились къ нему съ жалобами на хищничество самихъ казаковъ. Во времена Павлюка и Хмельницкаго выгодно было чернецамъ и казакамъ твердить Московскимъ собирателямъ вѣстей въ «Литовской сторонѣ», что война идетъ за вѣру. До самой эпохи Хмельницкаго исторія не сохранила ни одного примѣра избіенія православныхъ монаховъ католиками, тогда какъ подобныя сцены сопутствовали казакамъ отъ Ромна до Львова, начиная уже съ Павлюковщины. Въ казацкихъ подвигахъ во имя вѣры слѣдуетъ видѣть не религіозное движеніе, а тотъ самый грабежъ и то самое крушеніе, которымъ казаки подвергали единовѣрныя имъ земли — Московщину и Волощину. Не миновали они и Русскихъ поповъ, если надѣялись поживы, а чтобы допытаться спрятанныхъ денегъ, прибѣгали даже къ такимъ средствамъ, какъ зажиганье водки на поповской головѣ. Политика, естественно, указала Хмельницкому обезпеченіе отъ казаковъ православнаго духовенства. Онъ убѣдилъ высшее духовенство вернуться въ Кіевъ и роздалъ монастырямъ панскія земли; но за столомъ у того же Хмельницкаго Черкаскій полковникъ порицалъ одинаково и ксензовъ, и поповъ [11]). Правда,

---

[10]) По свидѣтельству наивной Львовской лѣтописи, писанной современникомъ, ходилъ тогда слухъ, будто бы «жолнѣре до Кіева пріихали съ тимъ интентомъ, абы впродъ казаковъ, а затымъ въ вшиткой Украинѣ Русь выстинали ажъ до Москвы».

[11]) Dyariusz podróży do Pereaslawia panów komissarów polskich: «i wasi xieza, i nasi popy, wszyscy z kurwy synowie».

онъ, по казацкому обычаю, былъ пьянъ; но пословица говоритъ: «что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ». Развернемъ такъ называемую Львовскую лѣтопись, оканчивающуюся 1649 годомъ. Авторъ ея, очевидно священникъ, обиженный Латинцами, сочувствовалъ казакамъ, ловилъ слухи объ ихъ геройствѣ, опровергнутые документами; но онъ же написалъ о разореніи казаками Львова слѣдующее: «Львовъ, боронячися, передмѣстя сами спалили всѣ округомъ; воду отняли были казаки, руры поперетинавши; замку высокаго добыли и людъ выстинали; также по кляшторахъ все побрали и по церквахъ; и людъ единъ Татаре выбрали, другій отъ меча погинулъ, третій отъ голоду, четвертый отъ повѣтря. У церкви св. Юра трупа 54 забитыхъ людей; и Татаринъ, на самый престолъ упавши, розбився. У Бернардиновъ Руси, що были, поутѣкали для обороны, на пятьсотъ и больше постинано; также въ мѣстѣ, на ратуши, на валахъ».

Какъ понимали казаки Русскую землю, на которой размножились изъ Черкасской своей колоніи, видно изъ ихъ посольства къ царю въ 1625 году. Имъ предстояла тогда раздѣлка съ коронным войскомъ за такіе подвиги, какъ грабежи и убійства подъ видомъ обороны вѣры. Боясь Конецпольскаго, они выражали въ Москвѣ готовность перейти съ своими семьями въ Московскіе предѣлы, а поприще ихъ религіозныхъ подвиговъ оставить въ рукахъ иновѣрцевъ. Но въ Москвѣ еще въ 1594 году давали о казакахъ иностранцамъ отзывъ, какъ о людяхъ дикихъ, необузданныхъ, не имѣющихъ страха Божія и вѣроломныхъ. Не казаки были нужны Москвѣ, а земля, которая вскормила ихъ. Тому назадъ пять лѣтъ, думные дьяки сами наводили ихъ на защиту православной вѣры, допытываясь у казацкаго посланца: «нѣтъ ли отъ Поляковъ какого посяганья на вашу вѣру?» И казаки, въ 1620 году, отвѣчали: «посяганья отъ Поляковъ на нашу вѣру никакого нѣтъ» (хотя Кунцевичъ давно уже неистовствовалъ въ Бѣлоруссіи), а въ 1625 году явились ходатаями за возстановленную при Конашевичѣ Сагайдачномъ іерархію и просили принять ее съ казаками подъ царскую руку, такъ какъ имъ, «кромѣ царя, негдѣ дѣться». Царскіе бояре рѣшительно отказали въ этомъ казакамъ и дали программу привести подъ царскую руку всю Малую Россію. Исполненіе этой программы принадлежало, однакожъ, не казакамъ, а тѣмъ, которые терпѣли отъ казацкаго безпутства. Казаки присягнули царю на подданство въ Переяславѣ со слезами, и черезъ четыре года уже били царское войско подъ Конотопомъ. Русской земли, Русскаго народа, Русскаго государства не было на умѣ у того общества, душею котораго было отребіе Польской шляхты—баниты. Въ эпоху возстанія или, вѣрнѣе сказать, бунта Хмельницкаго, Украина была многолюдною, цвѣтущею страною; но уже при сынѣ его эта страна, по народной пословицѣ, стала пуста, извелась [12]). Великій государственный хозяинъ Петръ нашелъ ее въ такомъ положеніи, что разсудилъ за благо перевести казаковъ, съ ихъ подсосѣдками и подпомощниками, на лѣвый берегъ Днѣпра, а правый, за исключеніемъ Кіева, Василькова, Триполья и Стаекъ, возвратить тѣмъ, которыхъ казаки прогнали вопреки Андрусовскому договору, и ихъ земледѣльческія хозяйства превратили въ Татарскія кочевья. Изгнаніе пановъ изъ Украины мы находимъ явленіемъ

[12]) За Хмельницького Юрася пуста стала Украина, зведася.

отраднымъ. Мы забываемъ, что казаки, уничтоживъ плоды ихъ колонизаціонной дѣятельности, не создали на то мѣсто ничего, а панскими подданными, своими единовѣрцами, наполнили, чрезъ посредство Татаръ, всю Турцію; забываемъ, что, до Хмельнищины, въ Украинскихъ городахъ процвѣтали ремесла и торговля, а сельскіе мужики, по отзыву одного изъ сподвижниковъ Хмельницкаго, во всемъ жили изобильно—въ хлѣбахъ, стадахъ и пасѣкахъ; забываемъ, наконецъ, и то, что, по милости казаковъ, Турки владѣли Подольскимъ Каменцемъ и, если бы не Петръ Великій, добрались бы до Кіева. Когда казаковъ на правой сторонѣ Днѣпра не стало, и вмѣсто нихъ опять начали располагать землею вернувшіеся на свои пепелища помѣщики, въ народѣ сложилась пословица, регулирующая нашу исторіографію. Въ переводѣ на великорусскую рѣчь, она гласитъ: «Пока шлялись по Украинѣ казаки съ пороховыми рогами, лежали широкія поля невспаханными; а когда явились въ Украинѣ паны съ ладунками, у мужиковъ на полкахъ показались пироги» [13]). Въ литературѣ выражено много сѣтованій на Петра за то, что онъ привелъ, наконецъ, въ исполненіе Андрусовскій договоръ, котораго казаки не давали исполнить ни Москвѣ, ни Варшавѣ. Но Петръ зналъ, что западная Украина, жерло бунтовъ Украинской голоты, въ казацкихъ рукахъ будетъ разсадникомъ не земледѣлія, ремеслъ и торговли, а такихъ героевъ, которые славу свою будутъ полагать въ опустошеніи заселенныхъ и культивированныхъ мѣстностей. Онъ вѣщимъ духомъ угадалъ, что Польша неспособна защищать собственными силами работы лучшихъ людей своихъ, которые одной рукой держались за мечъ, а другою за плугъ [14]), и что все обзаведеніе, какое ни устроятъ они въ «древней вотчинѣ Русскихъ государей», обратится рано или поздно на пользу его же государства. Онъ понималъ, чего не понимаютъ ограниченные ревнители православія, что латинство, съ своей обветшалой политикой, не въ состояніи преобладать въ Сѣверной Славянщинѣ. Спокойно возвратилъ онъ Мономаховщину олатиненнымъ Руссамъ, которые, со времени Тарновскихъ и Остроговъ, отдавали, подобно ему самому, лучшія силы свои на отбой Азіятской дичи отъ Русской земли, и не ошибся въ своемъ не по нашему сдѣланномъ дѣлѣ. Начались новые подвиги культуры съ новою колонизаціей края. Полудикихъ его охранителей, не умѣвшихъ даже пороховыхъ роговъ замѣнить ладунками, смѣнили такіе охранители, которые заботились не о боевой добычѣ, а о томъ, чтобы плодоносная Украинская почва, источникъ добычи благородной, не оставалась порожнею залежью. Спустя два-три десятка лѣтъ послѣ Петра, устроенныя въ этомъ краѣ имѣнія стали приносить доходы, изумлявшіе самихъ владѣльцевъ, которые съ недоумѣніемъ писали къ своимъ управителямъ: «Неужели столько денегъ извлечено изъ хозяйства? Или, можетъ быть, въ имѣніи найдены Шведскіе клады?» Совершиться это

---

[13]) Поки блукали по Вкраинѣ козаки зъ рогами, стояли степы-поля облòгами, а якъ явились на Вкраинѣ паны въ ладôвницяхъ, стали у мужикôвъ пироги на полицяхъ.

[14]) Такіе люди были идеаломъ Польскаго общества въ эпоху Хмельницкаго. На избирательномъ сеймѣ 1648 года коронный референдарь говорилъ: Przedtym insza była, kiedy to była unica zabawa szlachcica polskiego jedna reka plugu, druga sie szabli trzymac. (Iakuba Michałowskiego Ksiega pamietnicza, str. 243).

хозяйственное чудо могло только при отсутствіи казаковъ, ради оправданія которыхъ мы представляемъ Польскихъ пановъ, или окатоличенныхъ Руссовъ, землевладѣльцами - тиранами. Это—одна изъ нашихъ литературныхъ маній, внушенныхъ дешевою гуманностію, безъ пособія всесторонняго изученія предмета. На памяти живыхъ еще въ мое время людей, крестьянскія повинности въ западной Украинѣ были такъ незначительны, что эти люди увѣряли меня, будто панщины въ Украинѣ не было вовсе [15]), и показанія ихъ совпадаютъ съ Польскими извѣстіями объ Украинскомъ хозяйствѣ въ эпоху Екатерины II. Что говоритъ казакъ-самовидецъ о положеніи крестьянъ передъ Хмельнищиною, то самое можно сказать о нихъ въ эпоху, предшествовавшую Коліивщинѣ: «во всемъ жили обфито, въ збожахъ, бидлахъ, пасѣкахъ». Но казаки, прогнанные Петромъ въ Татарщину изъ Запорожской Сѣчи, побитые вмѣстѣ со Шведами подъ Полтавою и переведенные съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, различными путями привели этотъ вновь разцвѣтшій край къ новой катастрофѣ. Вся пьяная голь, все глупое, лѣнивое и безнравственное въ Западной Украинѣ поднято было ими на ноги, во имя вѣры и свободы, противъ колонизаторовъ опустошенной ихъ предками страны. Написана была отъ имени Екатерины II такъ названная Золотая грамота о поголовномъ истребленіи Ляховъ и Жидовъ [16]); выдуманы будто бы присланные ею же освященные ножи [17]). Началась рѣзня по памяти Хмельнищины, и въ одномъ Уманѣ пало тысячь двадцать жертвъ подобнаго же бунта. Ге-

---

[15]) См. Записки о Южной Руси, I. 143.

[16]) Народъ и въ мое время хранилъ еще воспоминаніе о содержаніи этой грамоты, передавая мнѣ со смѣхомъ замѣчаніе объ ея поддѣлкѣ: «Великъ свѣтъ Государыня велить рѣзать Жида и Ляха до ноги, щобъ и не смердѣли на Украинѣ». (Зап. о Южн. Руси, I, 149).

[17]) Шевченко популяризовалъ присылку ножей отъ царицы слѣдующими стихами:

Попôдъ дибровою стоять
Возы залѣзнои тарани.
То щедрои гостинець пани.
Умѣла що кому давать,
Невроку ій, нехай царствуе,
Нехай не вадить якъ не чуе.

У него ножи святитъ духовенство подъ Чигириномъ торжественно, съ церковными хоругвями, «якъ на великъ-день надъ паскàми», чего, разумѣется, не могло быть. Къ поэмѣ онъ дѣлаетъ примѣчаніе: «такъ про *Чигриньске свято* росказують стари люде». Но ни самъ я, ни другіе собиратели народныхъ преданій не слышали въ народѣ даже и названія, даннаго Украинскимъ поэтомъ торжеству, на которое, какъ онъ изображаетъ,

.....надъ Тясминомъ,
У темному гаю.
Зôбралися старый, малый,
Убогій, богатый:
Поедналисъ, дожидають
Великого свята.

рои громаднаго разбоя, которому позавидовали бы Стенька Разинъ и Пугачевъ, свезли въ свой станъ подъ Уманемъ кровавую добычу, награбленную не только у пановъ и Жидовъ, но также и у православныхъ мѣщанъ; началась многонедѣльная попойка вокругъ трофеевъ легкой побѣды. Конецъ этому безобразію положила Екатерина, пославши отрядъ войска, которое перевязало пьяныхъ гайдамакъ и предало въ руки законныхъ властей. Ни Хмельнищина, ни Коліивщина не оставили по себѣ никакихъ общественныхъ учрежденій, ни даже попытокъ устроить что-нибудь ко благу общества, въ религіозномъ, просвѣтительномъ или экономическомъ отношеніи. Кромѣ дикаго отрицанія того, что̀ дѣлали люди болѣе порядочные, ничего не проявило своими дѣяніями на родной почвѣ казачество.

Русская церковь, въ защиту которой будто бы оно подвизалось, во всѣхъ своихъ писаніяхъ и распоряженіяхъ постоянно избѣгала даже упоминанія о казакахъ. Составленный въ Кіевопечерской Лаврѣ, подъ конецъ XVII вѣка, историческій «Синопсисъ», упоминаетъ о Кіевскихъ воеводахъ Польскаго короля, Жолкевскомъ, Замойскомъ, Хмелецкомъ, Тишкевичѣ, Киселѣ, но проходитъ молчаніемъ имена Косинскаго, Наливайка, Лободы, Михайла Дорошенка, Тараса Ѳедоро̀вича, Павлюка, Остряницы, Гуни, Богдана Хмельницкаго и вообще всѣхъ казацкихъ гетмановъ Польскихъ временъ, очевидно, разумѣя ихъ бунтовщиками, а не возсоединителями Руси,—хотя тутъ же исчисляетъ прибывшихъ въ Кіевъ, для защиты его отъ Турокъ, царскихъ воеводъ и вслѣдъ за ними титулуетъ гетмана Самойловича съ его войсковыми старшинами. Въ «Синопсисѣ» расторгнутая Татарами Русь возсоединяется помимо казаковъ. «Богоспасаемый преславный и первоначальный всея Россіи царственный градъ Кіевъ (сказано въ этой учебной книгѣ), по многихъ перемѣнахъ своихъ, изрядною милостію Божіею, аки на первое бытіе возвращаяся, отъ древняго достоянія царскаго паки въ достояніе царское пріиде». Еслибы исторію казачества писать по одной церковной литературѣ, то изъ устъ православной церкви мы знали бы о казакахъ столько же, сколько и о сподвижникахъ Стеньки Разина или Пугачева. Церковь какъ-будто устыдилась, что, въ лицѣ своихъ іерарховъ, имѣла когда-либо общеніе съ опустошителями Русской земли по ту и по сю сторону Московскаго рубежа,—кромѣ такого увѣщательнаго общенія, какое имѣли съ ними Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, Кіевопечерскіе исповѣдники (по «Тератургимѣ» Кальнофойскаго) и игумены Петра Могилы. Церковная іерархія поспѣшила испросить царское подтвержденіе возвращенныхъ ей казацкими гетманами владѣній, и за тѣмъ предала забвенію кровавыя имена своихъ благотворителей. Разореніе Запорожской Сѣчи, гнѣзда и устоя Украинскаго казачества, не сдѣлало впечатлѣнія даже на тотъ монастырь, который еще до Хмельницкаго назывался *казацкимъ* и который Запорожцевъ считалъ своими прихожанами. Въ лицѣ достойныхъ своихъ представителей церковь терпѣла казачество, какъ неизбѣжное зло. Добра отъ его подвиговъ ни для себя самой, ни для назидаемаго ею общества она не сознавала. Представители церкви сошлись во взглядѣ на казачество съ представителями государства. Этимъ великимъ силамъ своимъ вполнѣ сочувствовало интеллигентное общество. Оно отрѣшилось отъ казакоманіи такъ точно, какъ и сочинитель «Синопсиса». Что касается до темной, невѣжественной массы, то она, повторяя, подъ

пьяную руку [18]), казацкія пѣсни, все меньше и меньше ихъ понимала [19]), наконецъ совсѣмъ оставила и ограничилась чумацкими, бурлацкими, семейными, обрядными.

Переставши казаковать подъ вліяніемъ Запорожья на худшую часть Украинскаго населенія, простонародье Украинское вошло, такъ сказать, въ свои естественные берега, понятые казацкимъ разливомъ при Хмельницкомъ къ ужасу и вреду всѣхъ порядочныхъ людей. Разливъ этотъ всего яснѣе выраженъ человѣкомъ, который самъ по неволѣ сдѣлался казакомъ въ то ужасное время, и котораго драгоцѣнныя для исторіи записки наименованы мною, въ 1846 году, «Лѣтописью Самовидца». Онъ говоритъ съ отвращеніемъ, что рѣдко кто изъ казаковъ, взбунтованныхъ Богданомъ Хмельницкимъ, не омочилъ рукъ въ крови шляхты, замковыхъ слугъ, Жидовъ и городскихъ властей. По его разсказу, всѣхъ такихъ людей, независимо отъ исповѣдываемой ими вѣры, казаки убивали, не щадя ни женъ, ни дѣтей ихъ, а имущество избитыхъ безъ всякаго разбора расхищали гайдамацкимъ способомъ. «И въ то время (продолжаетъ Самовидецъ) *почетные люди всякаго сословія* терпѣли великое горе и ругательства отъ

---

[18]) Заставить мужика пѣть казацкую пѣсню въ трезвомъ видѣ я никогда не могъ, во время моихъ этнографическихъ экскурсій. Онъ, съ нѣкоторымъ чувствомъ обиды, отвѣчалъ бывало мнѣ: «чого я буду спѣвать? хиба я пьяный?» Потому-то я всегда имѣлъ при себѣ вкусную, заправленную пряностями водку (какъ объ этомъ знаютъ читатели Записокъ о Южной Руси), и только этимъ способомъ возвращалъ мысли моихъ собесѣдниковъ ко временамъ казачества. Самъ Шевченко, въ своей поэмѣ, заставляетъ своего отца обращаться къ воспоминаніямъ о Коліивщинѣ, только при посредствѣ чарки:

Бувало въ недѣлю, закрывши минею,
По чарцѣ за сусѣдомъ выпивши тôеи...
Батько дѣда просить, щобъ той росказавъ
Про Колѣêвщину, якъ колись бувало...

[19]) Примѣровъ непониманія казацкихъ пѣсенъ не только въ историческомъ, но и въ буквальномъ, смыслѣ можно привести множество. Сами издатели ихъ обнаруживаютъ иногда свойственное простонароднымъ пѣвцамъ забвеніе того, о чемъ говорится въ пѣснѣ. Напримѣръ В. Н. Лысенко, съ мужичьяго напѣва, печатаетъ:

Ой Лимане, Лимане, Запорожскій отамане!

Эта безсмыслица образовалась въ устахъ народа изъ начальнаго стиха старинной пѣсни о князѣ Богданѣ Рожинскомъ:

Ой Богдане, Богдане, Запорожскій гетмане...

Комментаторы Малорусскихъ историческихъ пѣсенъ В. Б. Антоновичъ и М. П. Драгомановъ печатаютъ, въ извѣстной невольницкой думѣ, не имѣющія смысла слова *Ляхъ Бутурлакъ*, которыя въ свое время пѣлись *Ляхъ-потурнакъ*, то есть Ляхъ отуреченный, какъ это объяснено и въ самой думѣ: «потурчився, побусурманився». Слово poturnak весьма часто употребляется въ Польскихъ историческихъ памятникахъ XVI и XVII вѣка, но у насъ оно такъ наглухо забыто въ народѣ, что даже спеціалисты простонародныхъ пѣснопѣній нарицательное имя *потурнакъ* превращаютъ въ собственное *Бутурлакъ* и публикуютъ пѣсенную безсмыслицу сперва въ 1835 году отъ лица П. Лукашевича, потомъ въ 1851 отъ лица М. Максимовича, и наконецъ въ 1874 отъ лица двухъ профессоровъ Кіевскаго университета.

черни, особенно отъ бездомовниковъ, то есть отъ пивоваровъ, винокуровъ, могильниковъ, поташниковъ, наемниковъ, пастуховъ, такъ что хоть иной почетный человѣкъ и не хотѣлъ бы связываться съ *этимъ* казацкимъ войскомъ, но, чтобъ избавиться отъ ругательствъ и нестерпимыхъ бѣдъ, отъ побоевъ, попоекъ и необычныхъ кормовъ, должны были и тѣ приставать къ *этому* казацкому войску». — Не зная, что казацкимъ именемъ (очевидно, имъ презираемымъ) станутъ когда-то гордиться, казакъ Самовидецъ съ ужасомъ говоритъ о томъ, что казаки выбрасывали изъ гробовъ мертвыя тѣла и носили ихъ одежду [20]). Потомъ онъ описываетъ поголовное возстаніе Украинскаго населенія противъ шляхты и Жидовъ, но объясняетъ его весьма простыми и, къ чести народа, вовсе нерелигіозными побужденіями. «Все это дѣлалось (говоритъ онъ) потому, что въ прошломъ (1648) году обогатились казаки расхищеніемъ имуществъ шляхетскихъ, Жидовскихъ и другихъ людей, встрѣчавшихся по дорогѣ; такъ что даже гдѣ было и Магдебургское право, и тамъ присяжные бурмистры и райцы бросали свои должности, брили бороды и шли въ это казацкое войско. Такъ діаволъ учинилъ себѣ смѣхъ изъ людей почетныхъ!»

П. Кулишъ.

(*Окончаніе будетъ*).

---

[20]) Вспомнимъ, что уже по такъ названному Владимірову уставу назначена была строгая кара за снятіе одежды съ мертвеца.

Къ исторіи регента герцога Бирона.

Распоряженіе фельдмаршала графа Ласси.

Инструкція господину полковнику Ильину.

По полученіи сей инструкціи извольте ѣхать въ имѣющуюся здѣсь въ Лифляндіи собственную герцога Курляндскаго мызу Гольмгофъ и, прибывъ туда, накрѣпко изыскать, имѣются ли въ той мызѣ реченнаго герцога собственные пожитки, то есть деньги и прочія драгоцѣнныя вещи и будетъ имѣются, то оное запечатавъ съ добрымъ конвоемъ прислать сюда. А потомъ имѣете состоящіе въ той мызѣ недрагоцѣнные его жъ герцогскіе припасы, тоже лошадей, скотъ, хлѣбъ и прочее тому подобное описать съ изъясненіемъ достовѣрно и отдать подъ охраненіе той мызы управителю, и накрѣпко ему подтвердить, чтобъ онъ содержалъ во всякой сохранности. И потомъ извольте возвратиться паки сыды, а что чего именно описано будетъ, вѣдомость подать ко мнѣ. Впрочемъ во всемъ поступать вамъ, какъ честному и вѣрному офицеру надлежитъ, а за оплошность подъ опасеніемъ немалаго штрафа.

P. Comte de Lacy

Ноября 15 дня 1741 году.
Рига.

Съ подлинника, собщеннаго Г. Г. Ломоносовымъ. Нечего пояснять, что это распоряженіе тогдашняго Русскаго генералъ-губернатора сдѣлано вслѣдъ за тѣмъ, какъ графъ Минихъ свергнулъ Бирона и объявилъ правительницею Россіи Анну Леопольдовну. *П. Б.*

Графъ Сегюръ и князь Потемкинъ.

Въ Декабрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1876 г., въ статьѣ «Всеевропейское фіаско», авторъ ея, г. Щ., разсуждая о дѣятельности Англіи на предварительныхъ засѣданіяхъ Константинопольской конференціи, говоритъ, что этой дѣятельности предшествовали самые разнообразные слухи: по однимъ, Англійскій уполномоченный, маркизъ Салсбери, былъ полнымъ представителемъ Туркофильской политики Лондонскаго кабинета; по другимъ, онъ отнюдь не былъ Туркофиломъ, напротивъ—питалъ расположеніе къ христіанамъ. Какъ лицо дипломатическое—говоритъ далѣе авторъ статьи—маркизъ Салсбери, быть можетъ, дѣйствительно выразилъ на оффиціальной конференціи пылкое негодованіе противъ возмутительнаго отзыва Савфетъ-паши о Болгарской рѣзнѣ; но (какъ свидѣтельствуетъ Константинопольскій корреспондентъ Московскихъ Вѣдомостей), на предварительныхъ засѣданіяхъ этотъ же самый маркизъ Салсбери былъ относительно сущности Болгарскаго вопроса «до нельзя придирчивъ и неуступчивъ».. Такое поведеніе Англійскаго уполномоченнаго, поражающее своею двойственностью, авторъ статьи пытается объяснить тѣмъ, что лордъ Салсбери прежде всего *Англійскій* политикъ, и какъ бы въ подтвержденіе того, что такая двусмысленная игра есть принадлежность Англійской политики, приводитъ изъ одной газеты (Agence Générale Russe, 19 Ноября) разсказъ о разговорѣ, имѣвшемъ мѣсто между посломъ въ Петербургѣ (очевидно—замѣчаетъ авторъ — Англійскимъ) и Русскимъ министромъ. «Посолъ выразилъ князю—передается въ этомъ разсказѣ—какъ тяжела ему, какъ человѣку, его дипломатическая роль. Я никогда не могъ понять—сказалъ онъ—и до сихъ поръ не понимаю эту странную и безнравственную политическую систему, которая упорно поддерживаетъ варваровъ, разбойниковъ, фанатиковъ, разоряющихъ, обагряющихъ кровью свои Европейскія и Азіатскія владѣнія. Можно ли давать опору варварскому, безсмысленному (stupide), тщеславному правительству, которое презираетъ насъ и нашу религію, считаетъ насъ собаками? Но я дипломатическое лицо—прибавилъ онъ: я долженъ слѣдовать своимъ инструкціямъ и исполняю ихъ въ точности»...

Прочтя этотъ разсказъ, читатель въ правѣ спросить: Гдѣ и когда происходилъ приведенный разговоръ? Кто были бесѣдующія лица? Кто этотъ Англійскій посолъ въ Петербургѣ, отличавшійся такою дѣтски-наивною откровенностью передъ Русскимъ министромъ и прямо заявлявшій, что онъ, представитель Англіи, не согласенъ съ политическими видами своей страны, хотя и припужденъ проводить ихъ? Кто, наконецъ, этотъ Русскій министръ, этотъ князь, безъ улыбки выслушивающій простодушныя рѣчи Англійскаго дипломата? На всѣ эти вопросы, любопытные въ историческомъ отношеніи, ни авторъ статьи, ни редакція журнала, въ коемъ помѣщена она, не даютъ никакого отвѣта.

Въ интересахъ исторической истины мы должны сказать, что приведенный на страницахъ Русскаго Вѣстника разговоръ есть непонятный вымыселъ, доказывающій только, съ какою непростительною небрежностью относятся у насъ къ историческимъ памятникамъ, читая въ нихъ то, чего они не даютъ, и восполняя недостающее силою фантазіи.

Позволимъ себѣ возстановить фактъ. Графъ Сегюръ, во время пребыванія своего въ Россіи, не разъ бесѣдовалъ съ княземъ Потемкинымъ о Турціи и, какъ представитель Франціи, сильно отстаивалъ усвоенный его правительствомъ взглядъ по восточному вопросу, такъ что Потемкинъ въ шутку величалъ его *Сегюромъ-эффендіемъ*, хотя въ личныхъ своихъ убѣжденіяхъ Сегюръ въ этомъ отношеніи рѣшительно расходился съ видами своего правительства. Вотъ доказательство. На стр. 350-й II-го тома своихъ Записокъ *) Сегюръ разсказываетъ слѣдующее.

«Однажды князь Потемкинъ, сообщая мнѣ о грабежахъ Кубанскихъ Татаръ и о жестокостяхъ, чинимыхъ великимъ визиремъ, между прочимъ сказалъ: Признайтесь, что существованіе мусульманъ есть истинный бичъ человѣчества. Но еслибы три или четыре великія державы пришли между собою въ соглашеніе, то ничего не стоило бы изгнать Турокъ въ Азію и такимъ образомъ избавить отъ этой язвы Египетъ, Архипелагъ, Грецію и всю Европу. Не правда-ли, что такое предпріятіе было-бы дѣломъ справедливымъ, полезнымъ, религіознымъ, нравственнымъ и доблестнымъ? Къ тому же—прибавилъ онъ съ улыбкою—если-бы вы лично способствовали такому желанному соглашенію и если бы Франція на свою долю получила Кандію или Египетъ, то не было-ли бы для васъ достаточнымъ вознагражденіемъ сдѣлаться правителемъ той или другой завоеванной страны?»

«Я возразилъ ему, что послѣднее обстоятельство очень мало льститъ моему тщеславію. Дѣло въ томъ, что это неловкое, оскорбившее меня, внушеніе укрѣпило во мнѣ въ эту минуту сознаніе долга, исполненію котораго противорѣчило и мое чувство, и мое личное мнѣніе».

«Въ самомъ дѣлѣ—продолжаетъ графъ Сегюръ свою политическую исповѣдь—я никогда не могъ постигнуть, да и теперь еще не понимаю этой странной и безнравственной политической системы, которая упорно поддерживаетъ варваровъ, разбойниковъ, изувѣровъ, опустошающихъ, разоряющихъ и обливающихъ кровью обширныя страны, принадлежащія имъ въ Азіи и въ Европѣ. Можно ли повѣрить, что всѣ государи христіанскихъ державъ помогаютъ, посылаютъ подарки и даже оказываютъ почести правительству невѣжественному, безсмысленному, высокомѣрному, которое презираетъ насъ, нашу вѣру, наши законы, наши нравы и нашихъ государей, и ежедневно унижаетъ и оскорбляетъ насъ, называя *христіанъ собаками*. Но я былъ министромъ; я долженъ былъ слѣдовать своимъ инструкціямъ и въ точности ихъ исполнилъ».

Такимъ образомъ оказывается, что графъ Сегюръ не выражалъ князю Потемкину, какъ ему тяжела, какъ человѣку, его дипломатическая роль, не прибавлялъ въ заключеніе своей мнимой рѣчи и того, что онъ, какъ дипломатическое лицо, долженъ слѣдовать своимъ дипломатическимъ инструкціямъ и исполняетъ ихъ въ точности. Все это, а равно и личное мнѣніе свое о Туркахъ, Сегюръ высказалъ въ своихъ Запискахъ уже спустя слишкомъ тридцать лѣтъ по выѣздѣ своемъ изъ Россіи.

Къ чему же понадобилось эту политическую исповѣдь Сегюра, вырванную изъ его Записокъ и безцеремонно перекроенную, вложить въ уста какому-то Англійскому послу въ Петербургѣ, въ разговорѣ его съ какимъ-то Русскимъ министромъ, и въ такомъ нелѣпомъ видѣ приподнести Русскимъ читателямъ?

М. Шугуровъ.

---

*) Oeuvres complètes de m. le comte de Ségur. Paris. 1826. Tome II.

Книжныя заграничныя вѣсти.

Исторія, мемуары и біографія.

Полковникъ Кнезебекъ, Прусской службы, оставилъ послѣ себя Записки, изданныя въ 1848 году. Въ этихъ Запискахъ онъ присвоиваетъ себѣ немаловажную роль въ исторіи Отечественной войны 1812 года. Кнезебекъ, какъ одинъ изъ ожесточенныхъ враговъ Наполеона, составилъ, по поводу предстоявшаго похода Французовъ въ Россію, планъ оборонительныхъ дѣйствій, который въ основной идеѣ соотвѣтствовалъ будто бы плану, принятому впослѣдствіи императоромъ Александромъ. И такъ Кнезебекъ выставляетъ себя изобрѣтателемъ этой знаменитой защиты. Для объясненія своихъ предположеній онъ отправился весною 1812 года въ Петербургъ, и въ неоднократныхъ личныхъ объясненіяхъ съ Государемъ успѣлъ будто бы убѣдить его къ принятію своей мысли. Такъ пишетъ Кнезебекъ; но по сличеніи Записокъ его съ документами, недавно открытыми въ Прусскомъ государственномъ архивѣ, исторія, имъ выведенная, не подтверждается. Къ опроверженію ея издана въ прошломъ году профессоромъ Леманомъ книга подъ заглавіемъ: *Кнезебекъ и Шенъ* (Max Lehmann, Knesebeck und Schön. Beiträge zur Geschichte der Freiheitskriege. Leipzig 1875, 347 стр.). Авторъ, раскрывая множество ошибокъ и противорѣчій въ Запискахъ Кнезебека, утверждаетъ, что Кнезебекъ и не думалъ побуждать Русское правительство къ войнѣ, а напротивъ того, исполняя въ Петербургѣ порученіе своего короля, всѣми силами старался склонить Александра къ уступкамъ Наполеону, къ поддержанію мира и къ отдаленію войны. Къ тѣмъ же выводамъ приходитъ другой писатель Максъ Дункеръ, въ статьѣ: Die Mission des Obersten v. Knesebeck nach Petersburg, помѣщенной въ Январской книжкѣ Preussische Jahrbücher 1876 года. То и другое имѣетъ интересъ въ связи съ любопытными статьями А. Н. Попова о внѣшнихъ сношеніяхъ Россіи передъ войною 1812 года (Ж. М. Н. Просвѣщенія 1875—1876).

*

Къ этой же и слѣдующей за нею эпохѣ относятся изданныя въ 1876 году подлинныя Записки Прусскаго министра Шёна (сотрудника Штейнова въ возстановленіи Пруссіи), о жизни его и дѣятельности, съ 1813 по 1840 годъ (Aus den Papieren des Ministers und Burggrafen von Marienburg Theodor v. Schön. Berlin 1876, 556 стр.). Важнѣйшую часть книги составляютъ приложенія, содержащія въ себѣ переписку Шёна съ знаменитыми людьми того времени и любопытныя историческія

и политическія записки. Одинъ изъ документовъ содержитъ въ себѣ любопытныя подробности объ участіи короля Фридриха Вильгельма III-го и императора Александра Павловича въ масонскихъ ложахъ.

*

Польша въ срединѣ XVIII столѣтія, соч. Репеля (Richard Roepell, Polen um die Mitte des 18 Jahrhunderts. Gotha 1876. 237 стр.). Авторъ, извѣстный въ ученой литературѣ изслѣдованіями о древней исторіи Польши, занимается въ этомъ сочиненіи изслѣдованіемъ событій, подготовлявшихъ въ XVIII столѣтіи раздѣлы и паденіе Польскаго государства. Онъ обращаетъ притомъ особенное вниманіе на внутреннее состояніе Польскаго общества до 1763 года и на исторію двухъ родовъ—Чарторижскихъ и Понятовскихъ, тѣсно связанную съ судьбами Польши въ XVIII столѣтіи.

*

Изъ жизни генерала Нацмера (Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. Ein Beitrag zur preussischen Geschichte. 1 Theil mit einer Einleitung v. Bernhardi. Berlin 1876, 294 стр.). Генералъ Нацмеръ, одинъ изъ главныхъ участниковъ преобразованія Прусской арміи послѣ Іенскаго погрома, дѣятельный сотрудникъ Прусскихъ военачальниковъ, довѣренное лицо короля Фридриха Вильгельма III и другъ брата его принца Вильгельма, былъ съ нимъ въ кампаніи 1814 года и сопутствовалъ ему въ поѣздкѣ его въ Россію; онъ былъ употребляемъ королемъ для важныхъ и секретныхъ порученій. Въ Запискахъ о жизни его любопытно описаніе секретной поѣздки его по порученію короля въ Русскую главную квартиру въ 1813 году, послѣ извѣстія о конвенціи Русскихъ съ Іоркомъ, съ изложеніемъ данной ему отъ короля инструкціи, и составленное имъ для короля описаніе состоянія Русской арміи.

*

C-te Prokech-Osten. Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie pour servir à l' histoire de la politique europeénne (1813 — 1828). Paris 1876. Plon et frères. Послѣ событій 1812 года, когда исходъ Европейской борьбы съ Наполеономъ оставался еще въ неизвѣстности, Австрія, считавшаяся въ ту пору еще въ союзѣ съ Наполеономъ, находилась въ двусмысленномъ положеніи. Меттернихова политика съ особеннымъ страхомъ и подозрительностью слѣдила за Русскою политикой на Востокѣ и предполагаемыми замыслами Россіи на Турцію, съ судьбами которой Австрія и въ ту пору соединяла неразрывно свои политическіе интересы. Озабоченный тою же мыслію, султанъ Махмудъ II, желая имѣть вѣрныя свѣдѣнія о политикѣ сѣверныхъ Европейскихъ государствъ, поручилъ тогдашнему господарю Валахіи, князю Янкѣ Караджу пріискать ему въ Вѣнѣ опытнаго корреспондента, и для этого дѣла избранъ былъ, по указанію Меттерниха, извѣстный политическій дѣятель и публицистъ того времени Генцъ. Съ этого времени, т. е. съ 1813 года, началась и продолжалась до 1828 г. корреспонденція Генца съ Караджемъ и его преемниками, извлеченная нынѣ изъ архивовъ и издаваемая въ свѣтъ графомъ Прокешъ-Остеномъ. Первый вышедшій томъ заключается 1819

годомъ и содержитъ въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, касающихся до Россіи и до Австрійскихъ отношеній къ Русской политикѣ. Только что появился въ продажѣ и второй томъ этого собранія.

*

Австрія и Пруссія въ войну за освобожденіе. Изслѣдованія, на новыхъ документахъ основанныя, о политической исторіи 1813 года. Соч. Онкена. Томъ I. (Oncken. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. Berlin 1876, 448 стр.). Эта книга, составляющая одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній исторической литературы объ эпохѣ 1812 — 1814 года въ Германіи, составлена на основаніи документовъ, въ первый разъ извлеченныхъ изъ Берлинскаго и изъ Вѣнскаго тайныхъ архивовъ, и содержитъ въ себѣ много новыхъ данныхъ объ отношеніяхъ Пруссіи и Австріи между собою и къ Россіи передъ Московскимъ походомъ Наполеона, и въ теченіе Германской отечественной войны.

*

Для исторіи Русской политики въ Семилѣтнюю войну имѣетъ интересъ вышедшее недавно новое сочиненіе Ранке: Zur Geschichte von Oesterrich und Preussen zwischen den Friedensschlüssen zu Aachen und Hubertsburg. Leipzig 1875, 383 стр. Оно написано на основаніи новыхъ документовъ о Семилѣтней войнѣ, извлеченныхъ въ изобиліи изъ архивовъ и изданныхъ въ послѣдніе годы Арнетомъ и другими учеными, и бумагъ оставшихся послѣ канцлера Фюрста и другихъ Австрійскихъ политическихъ дѣятелей.

*

Эккардтъ издалъ сочиненіе о Лифляндіи въ XVIII столѣтіи: Очерки Лифляндской исторіи (Livland im 18-ten Jahrhunderte. 1 Band. Leipzig 1876, 595 стр.). Въ трехъ отдѣленіяхъ: по 1740, по 1763 и по 1766 годъ изложены здѣсь факты общественной жизни въ Лифляндіи, собранные изъ ненапечатанныхъ документовъ, преимущественно изъ актовъ и протоколовъ Ландтага. Авторъ останавливается на значеніи тогдашняго Лифляндскаго дворянства въ Русской исторіи и указываетъ не безъ основанія, что всѣ случайные Лифляндцы въ Русскомъ правительствѣ при императрицѣ Аннѣ, какъ то Биронъ, Остерманъ, Левенвольдъ и пр., имѣли значеніе лишь въ Русской политикѣ и при Русскомъ дворѣ, но на внутреннихъ дѣлахъ Лифляндіи почти не отразилось ихъ вліяніе. Особенно интересенъ въ этой книгѣ очеркъ интеллектуальнаго движенія въ обществѣ города Риги, при Гердерѣ и въ томъ кружкѣ, къ которому примыкалъ знаменитый мыслитель.

*

Въ Лондонѣ появился второй томъ біографіи покойнаго супруга нынѣшней королевы Викторіи, принца Альберта, составленной г. Мартиномъ (Life of the Prince Consort. By Theodore Martin. Vol. 2, London 1876. Smitt Elder). Эта часть біографіи посвящена періоду съ 1847 по 1854 годъ, когда въ особенности сильно было не прямое и тѣмъ болѣе раздражавшее умы въ Англіи вліяніе покойнаго принца на дѣла государственныя. Интересны для Русскихъ читателей въ этой части біографіи тѣ черты, которыя относятся къ назрѣванію и началу Во-

сточной войны. Замѣчательно, что въ 1853 году принцъ Альбертъ внесъ въ совѣтъ министровъ записку о восточномъ вопросѣ, прекрасно изложенную, по отзыву многихъ лучшее произведеніе его пера. Въ этой запискѣ онъ доказывалъ весьма убѣдительно, что если война и необходима, то ея цѣлью ни въ какомъ случаѣ не должно быть поддержаніе Оттоманской имперіи, и съ нею не должны быть связаны никакія обязательства передъ Портой; напротивъ, она должна служить къ водворенію новыхъ порядковъ болѣе согласныхъ съ разумными интересами Европы, христіанства и цивилизаціи, а никакъ не къ возстановленію невѣжественнаго, варварскаго и самовластительнаго ига мусульманскаго, лежащаго на самой плодородной части Европы. Съ этимъ воззрѣніемъ на дѣло согласились всѣ министры, кромѣ лорда Пальмерстона, который утверждалъ, что цѣлость Оттоманской имперіи должна быть поддержана во всякомъ случаѣ и быть главною цѣлью войны. Настойчивость Пальмерстона на этомъ мнѣніи, доходившая до того, что онъ грозилъ отставкою, если оно не будетъ принято, рѣшила дѣло, и мнѣніе принца повредило немало его популярности.

*

Общество Ганзейской исторіи (Hansischer Geschichte Verein) издало первый томъ Сборника актовъ, подъ редакціей Гельбаума (Hansisches Urkundenbuch bearbeitet v. Konstantin Höhlbaum. Band I. Halle 1876). Этотъ сборникъ обнимаетъ исторію Ганзейскаго союза до 1300 года. Въ немъ напечатано 1376 актовъ, въ томъ числѣ всѣ договоры съ Россіей и Новгородомъ. Редакторъ осмотрѣлъ для своей коллекціи до 30 городскихъ архивовъ, отъ Ревеля до Кельна. Вскорѣ обѣщается изданіе 2-го тома. Кромѣ того изданъ первый томъ Собранія актовъ и протоколовъ Ганзейскаго центральнаго и мѣстныхъ городовыхъ управленій, съ 1431 по 1476 годъ, розысканныхъ въ разныхъ архивахъ, въ томъ числѣ и въ Русскихъ, ученымъ фонъ-деръ-Роппомъ. Онъ изданъ подъ заглавіемъ: Hanserecesse, Leipzig 1876.

*

Въ Лондонѣ явилась первая часть обстоятельной исторіи Монголовъ съ IX-го столѣтія по XIX, соч. Говорта (History of the Mongols from the Ninth to the Nineteenth Century by Henry Howorth. London 1876. Longmans). Авторъ собралъ и изучилъ для этой исторіи всѣ матеріалы, какіе могли быть ему доступны въ Европейской литературѣ; къ сожалѣнію, онъ не знаетъ восточныхъ языковъ и отъ того впадаетъ нерѣдко въ ошибки. Но трудъ его (коего первая только часть содержитъ въ себѣ около 800 страницъ) едвали не первая попытка цѣльной и полной исторіи Монгольскаго племени. Есть классическое, но не цѣльное изслѣдованіе о Монголахъ Шведскаго ученаго Доссона; да еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1872 году, появилось въ Берлинѣ сочиненіе Вольфа по тому же предмету, но оно имѣетъ въ виду главнымъ образомъ вторженія Монголовъ въ Западную Европу (Wolff, Geschichte der Mongolen oder Tataren, besonders ihres Vordringens nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfälle in diesem Welttheile).

Г. Говортъ выражаетъ странный взглядъ на Монгольскія завоеванія: онъ идеализируетъ ихъ, идеализируетъ въ особенности Чингисъ-Хана, котораго выставляетъ великимъ государственнымъ дѣятелемъ и законодателемъ, хотя по его же расчету число жертвъ загубленныхъ опустошительными завоеваніями Чингисъ - Хана простирается до 18 милліоновъ. Вся эта кровь и все это разореніе, по теоріи автора, были необходимы для обновленія одряхлѣвшаго міра: за ними послѣдовалъ періодъ возрожденія и великихъ открытій (книгопечатаніе, компасъ и пр.), которыя, по мнѣнію автора, занесены были въ Европу Монгольскимъ вліяніемъ, съ дальняго Востока. Слѣды Монгольскаго владычества въ языкѣ и въ обычаяхъ указываетъ онъ въ Россіи, въ Азіи, въ Остъ-Индіи и въ Персіи.

Вотъ краткое содержаніе этого тома, во многихъ отношеніяхъ любопытнаго. Предисловіе и указаніе на источники. Гл. 1: Племена и роды населявшіе Азію въ началѣ XIII столѣтія. 2: Начало Монгольскаго племени. 3: Исторія Чингисъ - Хана. 4: Исторія Октая и его ближайшихъ преемниковъ. 5: Ханы Мангу и Кублай. 6: Преемники Кублая на Китайскомъ престолѣ и по изгнаніи изъ Китая. 7 — 11: Чакары и Калкасы или Сѣверные Монголы; Коскоты или Западные Монголы и Олоты; Кероиты и Торгуты; Коросы и Джунгарскія племена. 12: Буряты.

*

Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго** и **князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** въ царствованіе Павла. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ и значеніи событія 14 Декабря. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Пугачевщина: письма **графа П. И. Панина** къ его брату. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и Папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ. Статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его біографія и переписка съ Екатериною II-ю и другими лицами. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года; опальное время; обозрѣніе Павловскаго царствованія). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**, не вошедшихъ въ изданіе его сочиненій. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

Лица, желающія выписать 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію, Бельгію и Францію 10 рублей, въ Англію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива смотри на внутренней сторонѣ этой обертки.

Лица, подписавшіяся въ С.-Петербургѣ на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ магазинѣ Базунова и по случаю его несостоятельности не дополучившія своихъ книжекъ, благоволятъ обращаться за ними въ Магазинъ для Иногороднихъ на Невскомъ Проспектѣ, куда книжки эти для нихъ доставлялись ежемѣсячно.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 4.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры прежнихъ годовъ Русскаго Архива.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ КНИГА ПЕРВАЯ

Воспоминанія **Ѳ. П. Лубяновскаго**.—Записка **графа Нессельрода** о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира. — Мининъ и Пожарскій. Статьи **И. Е. Забѣлина**.—Воспоминанія **А. Н. Аѳанасьева**.—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. — Письма **графа С. Р. Воронцова** къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма **М. А. Волковой** къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ. Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева**.—Записки **графа П. Х. Граббе**.—Записки **Н. И. Греча**.—Записка **графа І. И. Ростовцева**.—Записки **И. П. Сахарова**.—Записки **И. А. Шестакова**. Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ.—Бумаги **П. А. Демидова**.—Е. П. Нелидова.—Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова**.—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова**.—Записки **Фотія**.—Записки **А. Я. Стороженки**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева**.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ

Осьмнадцать писемъ **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына**.—Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго**.—Записки **Николая Ивановича Лорера** (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Планъ **князя Потемкина** о наборѣ народныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками **Екатерины второй**.—Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго**. — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья **И. С. Аксакова**. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

Филологическія занятія Екатерины II-й.

Въ Русской исторической литературѣ до сихъ поръ нѣтъ обстоятельнаго разсказа о томъ замѣчательномъ эпизодѣ жизни Екатерины II, результатомъ котораго было изданіе *Сравнительнаго Словаря*. Въ изданной на Нѣмецкомъ языкѣ книгѣ Фридриха Аделунга «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde» (Заслуги Екатерины Великой по сравнительному языкознанію, 1815 г., въ Петербургѣ) собрано много данныхъ по этому предмету; но они въ ней разбросаны посреди разъясненій, интересныхъ для филолога, но прямо къ дѣлу не относящихся, и притомъ нынче они могутъ быть дополнены подробностями, почерпнутыми изъ источниковъ, которые не были въ рукахъ Аделунга [1]).

Интересъ къ филологическимъ соображеніямъ началъ развиваться въ Екатеринѣ еще въ то время, когда она была Великой Княгиней, конечно благодаря особенно изученію Русскаго языка. Ея наблюдательный умъ не могъ не приводить ее къ частымъ сравненіямъ новыхъ для нея словъ и формъ съ извѣстными ей въ языкахъ Нѣмецкомъ и Французскомъ. Уже тогда Великая Княгиня приглашала бывшаго въ Петербургѣ пасторомъ Британской факторіи Дюмареска составить общесравнительный словарь, и этотъ ученый черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно издалъ опытъ начала подобнаго труда подъ заглавіемъ: «Comparative Vocabulary of the Eastern Languages» (Сравнительный словарь восточныхъ языковъ). Опытъ этотъ былъ напечатанъ въ одномъ томѣ въ 4-ку, вѣроятно въ маломъ числѣ экземпляровъ, такъ какъ никакихъ слѣдовъ его въ библіотекахъ не осталось; но за достовѣрность извѣстія объ изданіи этой книги Аделунгу ручались заслуживающія довѣрія лица, которыя сами ее видѣли.

Мысль о составленіи общесравнительнаго словаря съ особенною живостью возобновилась въ умѣ Императрицы въ такую эпоху, когда глубокая печаль заставляла ее искать развлеченія въ какомъ-нибудь новомъ и постоянномъ занятіи. Это было лѣтомъ 1784 года, послѣ смерти А. Д. Ланскаго. Она рѣшилась сама приступить къ собиранію матеріаловъ для подобнаго глоссарія. Вотъ собственный ея разсказъ о зарожденіи этого предпріятія, изъ письма ея къ доктору Циммерману отъ 9 Мая 1785 года: «Ваше письмо извлекло меня изъ уединенія, въ которомъ я провела девять мѣсяцевъ почти взаперти

---

[1]) Извлеченіе изъ этой книги было напечатано въ *Соревнователь* 1818 г., ч. I.

и изъ котораго мнѣ трудно было выйти. Вы никакъ не догадаетесь, чѣмъ я въ это время занималась; для курьеза разскажу вамъ о томъ. Я составила списокъ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ Русскихъ словъ и дала ихъ перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла отыскать и число которыхъ теперь переходитъ уже за вторую сотню. Каждый день я брала одно изъ этихъ словъ и записывала его на всѣхъ тѣхъ языкахъ, какіе могла набрать. Изъ этого я узнала, что слово, которое на одномъ языкѣ значитъ *небо*, на другомъ означаетъ *облако, туманъ, сводъ;* что слово *богъ* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе: *всевышній* или *добрый*, въ другихъ *солнце* или *огонь*. Это увлеченіе мнѣ надоѣло, когда я прочла вашу книгу объ уединеніи [2]. Но такъ какъ между тѣмъ мнѣ было бы жаль бросить въ огонь такую массу бумаги; къ тому же зала въ десять туазъ длины (туаза, Французская сажень, имѣющая 6 футовъ), которая мнѣ служила кабинетомъ въ моемъ Эрмитажѣ, была довольно тепла: то я пригласила къ себѣ профессора Палласа, и послѣ точной исповѣди о моей долѣ въ этомъ грѣхѣ, мы согласились напечатать эти переводы для пользы тѣхъ, которые пожелаютъ воспользоваться чужою скукою. Для этой цѣли ожидаются еще только нѣкоторыя нарѣчія восточной Сибири. Кому угодно, тотъ извлечетъ или не извлечетъ отсюда свѣтлые выводы разнаго рода; это будетъ зависѣть отъ расположенія духа тѣхъ, которые займутся дѣломъ, и вовсе до меня не касается» [3].

Въ этомъ важномъ для насъ свидѣтельствѣ самой Императрицы не упомянуто однакожъ о томъ обстоятельствѣ, которое направило ея мысли именно къ этой работѣ. На это обстоятельство указываетъ намъ одинъ изъ сотрудниковъ Палласа по словарю, Арндтъ [4], лицо мало у насъ извѣстное, но, какъ увидимъ ниже, заслуживающее полнаго вниманія. Екатеринѣ II поднесено было знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе умершаго въ 1784 же году Куръ-де-Жебелена (Court-de-Gébelin). Мы не знаемъ, когда именно и разомъ или постепенно оно было прислано; но извѣстно, что оно выходило отъ 1773 до 1781 года и составило 8 томовъ.

Перелистывая въ часы досуга эту книгу, Екатерина такъ увлеклась ею, что стала дѣлать изъ нея выписки. До насъ дошли слѣдующія двѣ филологическія замѣтки, написанныя по французски рукой Императрицы. Вотъ одна изъ нихъ: «О первыхъ дѣтскихъ звукахъ надо замѣтить, что они выражаютъ: 1) гласныя; 2) затѣмъ слѣдуетъ движеніе губъ, какъ то: *папа*, *мама*; 3) съ зубами являются зубныя,

---

[2]) Все письмо, какъ всегда, писано по французски, но эта фраза вставлена на Нѣмецкомъ языкѣ: «Dieses Steckenpferdes (собственно конекъ) wurde ich überdrüssig, nachdem das Buch von der Einsamkeit durchgelesen war».

[3]) Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II, von H. M. Marcard. Bremen 1803, стр. 309.

[4]) Christ. Gottl. von Arndt. Ueber den Ursprung der europäischen Sprachen. Стр. IX.

какъ то: *тятя*, *дядя* и проч. Потомъ, по мѣрѣ развитія органовъ— 4) гортанныя и свистящія буквы» [5]).

Другая замѣтка, озаглавленная *Три разряда словъ*:

1. «Слова первичныя, выражающія общія понятія, понятія взятыя въ самомъ обширномъ смыслѣ, за которымъ прекращается всякій анализъ; таковы слова: *великій*, *крѣпкій*, *красивый*, *море*, *земля*, *духъ*».

2. «Слова производныя, выражающія оттѣнки этихъ понятій, каковы: *величіе*, *крѣпость*, *красота*, *морской*, *земной*, *воздухъ*».

3. «Слова, составленныя изъ другихъ, каковы: (grand-père), *укрѣпленіе*, *украшать*, *заморскій*, *подземный*, *воздушный* [6]). И такъ въ каждомъ языкѣ стараются узнавать, какія слова были первичныя, какія производныя, какія сложныя и, собирая ихъ такимъ образомъ, составляли изъ нихъ многочисленныя группы» [7]).

Особенно заинтересовала Екатерину смѣлая мысль Куръ-де-Жебелена, что всѣ языки могутъ быть выводимы изъ одного кореннаго. Ей показались Славянскими многія слова, которыя авторъ выдавалъ за Кельтскія, и она предполагала во многихъ случаяхъ связь съ языками и нарѣчіями, употребительными въ Русской имперіи и отчасти только въ ней; а здѣсь, думалось Императрицѣ, можно отыскать значительное число всѣхъ языковъ, употребительныхъ на земномъ шарѣ, и притомъ немало такихъ языковъ, которые еще неизвѣстны ученымъ. Кромѣ этой заманчивой мысли, Екатерину могло побуждать и желаніе сдѣлать для науки что нибудь такое, что̀ далеко превышало бы средства частнаго человѣка [8]).

Подъ вліяніемъ этихъ размышленій она отмѣтила нѣсколько словъ, которыя хотѣла узнать въ переводѣ на всѣ языки и нарѣчія, чтобы со временемъ не только повѣрить блестящую догадку Куръ-де-Же-

---

[5]) Sur les premiers accens ou sons des enfants il est à observer qu'ils expriment: 1) les voyelles, 2) puis vient le mouvement des lèvres comme papa, maman, 3) avec les dents arrivent les dentales, comme тятя, дядя; ensuite, à mesure du développement de leurs organes, 4) les gutturales et les lettres sifflantes.

[6]) Trois classes de mots:

1. Les mots primitifs qui exprimaient les idées générales, les idées prises dans leur sens le plus vaste, le plus étendu, audelà duquel il n'y a plus d'analyse; tels sont les mots: grand, fort, beau, mer, terre, air.

2. Les mots dérivés qui expriment les nuances de ces idées, tels que: grandeur, forteresse, beauté, maritime, terrestre, aéré &c.

3. Les mots composés de plusieurs autres, tels que: grand-père, renfort, embellir, outre-mer, basse-terre, bel-air.

On cherche donc à reconnaître dans chaque langue quels étaient ces mots primitifs, quels les dérivés, quels les composés, et en les rassemblant ainsi, on en formait des familles nombreuses.

[7]) Въ третьемъ разрядѣ невозможно въ точности сохранить тѣже примѣры, какіе приведены во Французскомъ текстѣ. Понятно, почему и въ первыхъ двухъ разрядахъ мы не могли сохранить безъ измѣненія послѣдняго примѣра: Русское слово *воздухъ*, какъ сложное, подъ первый разрядъ не подходитъ.

[8]) Arndt, стр. X.

белена, но и доставить матеріалы для разныхъ научныхъ выводовъ. Такимъ образомъ подъ перомъ ея стали составляться два основные списка будущихъ работъ: въ одинъ она заносила самыя обыкновенныя слова, выражавшія простѣйшія понятія, какъ то: *богъ*, *отецъ*, *мать*, *дитя*, *я*, *да*, *имя* и проч.; въ другомъ отмѣчала имена народовъ, на языки которыхъ желала имѣть переводъ этихъ словъ. За такіе списки она принималась нѣсколько разъ, и конечно ихъ образовалось нѣсколько экземпляровъ. Иногда она къ Русскимъ словамъ приписывала и переводъ, добытый тѣмъ или другимъ способомъ. Такъ въ рукахъ Аделунга былъ ея автографъ съ 289-ю Русскими словами, изъ которыхъ 12 были имена числительныя, и къ 153-мъ изъ этихъ словъ былъ ею же самою приписанъ переводъ на Караибскій языкъ; другой автографъ, переданный Аделунгу (какъ и первый) Палласомъ, содержалъ названія 159-ти языковъ, на которые переведены были записанныя слова. Въ библіотекѣ покойнаго Соболевскаго [9]), при названной выше книгѣ Аделунга, былъ другой, также ея рукою сдѣланный списокъ живущихъ въ Россіи народовъ, на языки которыхъ Государыня желала получить переводы отмѣченныхъ словъ. Онъ начинался такъ:

«Пустозерскіе Самоѣды—Вологодской и Архангельской.
Обдорскіе Самоѣды.
Юряки—Тобольской.
Мангазейскіе Самоѣды—Тобольской»....

Но главное собраніе черновыхъ работъ Государыни по словарю хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ (куда онѣ поступили изъ Эрмитажной): это 54 листа, исписанные рукою Екатерины II; на каждомъ листѣ одно Русское слово переведено на всѣ имѣвшіеся въ виду языки, расположенные въ одномъ и томъ же порядкѣ, при чемъ каждый списокъ состоитъ изъ двухъ столбцовъ: съ лѣвой стороны идутъ языки, съ правой переводъ слòва, написанный, какъ и все прочее, Русскими буквами.

Уже вскорѣ послѣ первыхъ набросковъ этого рода Императрица почувствовала потребность въ посторонней помощи и обратилась за нею къ иностранному ученому, именно къ Берлинскому книгопродавцу и писателю Николаи [10]), котораго и прежде уже она удостоивала своихъ порученій. Теперь она просила его составить для нея обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нужнѣйшихъ для изученія ихъ пособій. Усердно принявшись вмѣстѣ съ сыномъ своимъ за это дѣло, Николаи еще въ 1785 г. прислалъ составленный ими толстый рукописный фоліантъ подъ заглавіемъ «Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans

---

[9]) *Русскій Архивъ* 1863, изд. 1-е, стр. 940.

[10]) Христофоръ Фридрихъ Николаи (Nicolai), полигисторъ, род. 1733, ум. 1811. Его не должно смѣшивать съ Лудвигомъ Гейнрихомъ Николаемъ (Nicolay, род. 1737, ум. 1820), который участвовалъ въ воспитаніи великаго князя Павла Петровича и навсегда остался въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ есть его потомки, бароны Николаи; имъ принадлежитъ извѣстное имѣніе Monrepos близъ Выборга.

toutes les langues et des principaux livres qui traitent de l'origine de toutes les langues, de leur étymologie et de leur affinité, fait par ordre de S. M. I. l'Impératrice de toutes les Russies». (Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра съ предварительнымъ каталогомъ главныхъ словарей на всѣхъ языкахъ и важнѣйшихъ книгъ, разсматривающихъ происхожденіе всѣхъ языковъ, ихъ этимологію и сродство. Составлено по повелѣнію Ея И. В. Всероссійской Императрицы).

Этимъ рукописнымъ трудомъ Екатерина сперва сама пользовалась при составленіи своихъ списковъ, а потомъ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что она успѣла написать по словарю, переданъ былъ академику Палласу. Но почему Екатерина, для продолженія своего предпріятія, избрала именно этого ученаго, а не такого, который по своимъ спеціальнымъ занятіямъ стоялъ бы ближе къ этому дѣлу? Выборъ этотъ можетъ быть объясненъ многими причинами: спеціалистовъ по филологіи тогда у насъ еще не было; Академія Наукъ состояла только изъ естествоиспытателей и математиковъ; въ Россійской Академіи можно было, пожалуй, остановиться на Лепехинѣ, Румовскомъ или Болтинѣ; но они въ то самое время были заняты составленіемъ Русскаго словаря; къ тому же Екатеринѣ нуженъ былъ человѣкъ съ громкимъ Европейскимъ именемъ. Палласа она лично знала, и знала его какъ ученаго, хорошо владѣвшаго иностранными языками, не лишеннаго охоты къ лингвистическимъ поискамъ и занятіямъ. Это она могла замѣтить изъ бесѣдъ съ Палласомъ; это онъ доказалъ и учеными трудами своими. Всѣ путешествовавшіе по Россіи съ научными цѣлями, начиная съ Витсена и Штраленберга, обращали вниманіе на языки встрѣчавшихся имъ въ пути инородцевъ и представляли въ своихъ запискахъ образчики этихъ языковъ и нарѣчій. Этнографія и лингвистика составляютъ одну изъ сторонъ наблюденій и у позднѣйшихъ путешественниковъ: Фишера, Миллера, Гмелина, Фалька, Лепехина, Георги. Палласъ не только не уступаетъ имъ, но занимаетъ еще болѣе видное мѣсто въ этомъ отношеніи. Кромѣ лингвистическихъ данныхъ, собранныхъ имъ въ описаніяхъ его путешествій, онъ, во время первой своей экспедиціи, составлялъ значительныя коллекціи матеріаловъ этого рода по особенному поводу. Это было предпріятіе извѣстнаго Петербургскаго библіографа Лудвига Бакмейстера (издателя «Russische Bibliothek»), однородное съ трудомъ, позднѣе задуманнымъ Екатериною. Именно въ 1773 г. (замѣтимъ, это годъ, когда явилось начало Monde primitif Куръ-де-Жебелена) Бакмейстеръ составилъ планъ собиранія матеріаловъ для сличенія всѣхъ языковъ земнаго шара, и съ этою цѣлью придумалъ рядъ такихъ фразъ, которыя передавали бы доступныя всѣмъ, даже младенческимъ, народамъ понятія и вмѣстѣ расположеніемъ словъ служили бы къ объясненію грамматическихъ формъ языка. Чтобы привлечь къ этому дѣлу ученыхъ всѣхъ странъ, Бакмейстеръ въ томъ же году издалъ брошюру «Idea et desideria de colligendis speciminibus» (программу собиранія образчиковъ) на Латинскомъ, Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, и разослалъ ее въ разные концы Европы. Тогда же онъ сообщилъ путешествовавшимъ

по Россіи академикамъ, въ томъ числѣ и Палласу, еще особую обстоятельную инструкцію, по которой просилъ ихъ составлять для него образчики языковъ и замѣтки о малоизвѣстныхъ нарѣчіяхъ. Въ слѣдствіе того Бакмейстеръ, въ теченіе многихъ лѣтъ, получалъ богатые по этому предмету матеріалы, изъ которыхъ многіе были доставлены и Палласомъ. Всѣми этими матеріалами однакожъ самъ Бакмейстеръ не воспользовался, такъ какъ трудности дѣла и другія занятія мало по малу охладили его усердіе къ осуществленію первоначальной мысли; но эти сообщенія послужили потомъ важнымъ пособіемъ для Палласа, когда ему пришлось быть исполнителемъ плана Екатерины II.

Конечно порученіе это, вовсе не вязавшееся съ главнымъ предметомъ изслѣдованій Палласа, не могло быть для него особенно привлекательно; но какъ было отказаться? Оно представлялось и важнымъ для науки, и въ высшей степени почетнымъ, тѣмъ болѣе, что трудъ былъ начатъ самою Императрицей. Вотъ что Палласъ самъ писалъ къ Аделунгу въ послѣдній годъ своей жизни [11]: «Не мнѣ вообще слѣдовало поручать такое дѣло, но я принялъ его на себя по особенной преданности къ столь милостивой Государынѣ, и долженъ былъ спѣшить изданіемъ, чтобы не слишкомъ раздражать нетерпѣніе, съ какимъ ожидали каждаго новаго листа изъ типографіи» [12].

Прежде нежели будемъ говорить о мѣрахъ, принятыхъ для собиранія матеріаловъ, укажемъ на нѣкоторые признаки того живаго интереса, съ какимъ Императрица около этого времени увлекалась своими филологическими занятіями. Осенью 1784 г. она писала къ Гримму: «Я прочитала съ полдюжины Русскихъ лѣтописей и три тома Monde primitif. Знаете ли вы эту книгу? И я вытребовала себѣ всѣ словари, какіе могла отыскать, между прочимъ Финскій, Черемисскій, Вотяцкій, и этимъ завалены всѣ мои столы. Кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ и могу въ скоромъ времени доказать, что они сообщили названія большей части рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и областей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странахъ». Тоже самое въ разныхъ формахъ повторяется и въ другихъ ея письмахъ къ Гримму. Такъ однажды она жалуется, что Герцбергъ отвергаетъ историческія истины; что онъ утверждаетъ, будто Славяне никогда не жили въ Пруссіи. «О, если я разложу передъ вами свои открытія, пишетъ Екатерина: вы будете слушать меня, разиня ротъ; но такъ какъ это могло бы превратиться въ зѣвоту, то я не хочу погружать васъ въ тѣ бездны премудрости, которыя въ Фридрихсгамѣ разстраивали нервы Густава съ переломанной рукой» [13]. Въ другой разъ она выписываетъ цѣлую тираду

---

[11]) Палласъ † въ 1811 г. въ Берлинѣ, своей родинѣ. См. его біографію въ Beiträge zur Anthropologie u. allg. Naturgeschichte von Rudolphi. Berlin, 1812.

[12]) Adelung. Catherinens der Grossen Verdienste etc, стр. 47.

[13]) Т. е. во время свиданія съ Шведскимъ королемъ Густавомъ III, въ 1783 году, въ городѣ Фридрихсгамѣ. При проѣздѣ по Финляндіи, на смотру, король

изъ Куръ-де-Жебелена, или сообщаетъ длинный списокъ иностранныхъ словъ и собственныхъ именъ, которыя, по однимъ случайнымъ созвучіямъ, выводитъ изъ Русскаго языка. Мы видимъ въ этомъ одинъ изъ весьма обыкновенныхъ и любимыхъ пріемовъ тогдашней филологіи. Тоже дѣлали Татищевъ, Тредьяковскій, отчасти Ломоносовъ и даже Шлецеръ; наконецъ, еще и въ нашемъ столѣтіи особенную извѣстность такими сближеніями пріобрѣлъ Шишковъ. Въ XV-мъ томѣ *Сборника Историческаго Общества* напечатано нѣсколько замѣтокъ Императрицы въ этомъ родѣ, вѣроятно относящихся къ той же эпохѣ: «Слово *баронъ*, записала она напр., не что иное, какъ *бояре*, и теперь у Англичанъ всѣ судіи называются баронъ такого-то суда, и сіе для того, что Саксонцы судились боярами».—«Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены Славянскими названіями».—«Названіе *Перигоръ*, во Франціи, не что иное, какъ имя, составленное изъ двухъ или даже трехъ слоговъ чисто-Славянскаго происхожденія («Périgord en France, qui n'est autre chose qu' un nom composé de deux syllabes ou même de trois, tout à fait d'extraction slavonne»). Рядомъ замѣчаніе весьма справедливое, но написанное, кажется, подъ вліяніемъ такихъ-же соображеній: «Кто бы сколько ни былъ ученъ, если не прилежитъ знанію Славянскаго языка, не только будетъ имѣть великій недостатокъ въ начальномъ знаніи, но сверхъ того на каждомъ шагу подвергнетъ себя ежечаснымъ ошибкамъ, предубѣжденіямъ и вѣтренности, наипаче-же въ познаніи языка, исторіи, законовъ, нравовъ, обычаевъ и начальныхъ основаній народныхъ, въ чемъ безъ сомнѣнія всякій опытомъ удостовѣриться можетъ».

Отовсюду Государыня выписывала себѣ матеріалы для своего словаря. Она сообщала Гримму, что маркизъ Лафайэтъ уже прислалъ ей часть своего вклада, и выражала желаніе получить какой-то словарь отъ аббата Галіани. Какъ разнообразны были источники, къ которымъ обращалась неутомимая собирательница, доказываетъ слѣдующая своеручная записка ея, вѣроятно адресованная къ Безбородкѣ и хранившаяся у покойнаго Соболевскаго вмѣстѣ со спискомъ инородцевъ, о которомъ выше упомянуто: «Реестръ словъ отвезите къ гр. Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому и попросите его именемъ моимъ, чтобъ онъ послалъ въ свои Копорскія деревни кого поисправнѣе и приказалъ-бы у тѣхъ мужиковъ, кои себя Варягами называютъ, тѣ слова на ихъ языкъ переписать, а еще лучше, буде бы сюда человѣка-другого посмышленѣе для того привезти велѣлъ» [14].

Около того же времени, въ концѣ 1784 года, графъ Безбородко, по приказанію Императрицы, отправилъ къ нашему посланнику въ Константинополѣ, Я. И. Булгакову, составленный ею списокъ 286 Русскихъ словъ, съ тѣмъ чтобъ онъ чрезъ посредство патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, или какимъ-нибудь другимъ путемъ, по своему усмотрѣнію, досталъ переводъ ихъ «на Абиссинскій и Эѳіоп-

сломалъ себѣ руку. См. объ этомъ мою статью: «Екатерина II и Густавъ III» въ *Древней и Новой Россіи*, 1876 г. Февраль.

[14]) *Русскій Архивъ*, 1863, изд. 1-е, стр. 942.

скій языки и на разные ихъ діалекты, и чтобъ всѣ сіи слова написаны были не только характерами, тѣмъ языкамъ свойственными, но и Русскими или Латинскими буквами, для показанія, какъ которое слово читать или произносить должно. Чѣмъ скорѣе (такъ заключалъ Безбородко) сіе высочайшее повелѣніе исполнено будетъ, тѣмъ вящше послужитъ оное къ удовольствію Ея Величества» [15])

Все это писалось и дѣлалось прежде нежели Императрица обратилась къ Палласу. Передачу всего дѣла другому она объясняла въ письмѣ къ Циммерману тѣмъ, что ей надоѣло слишкомъ большое увлеченіе однимъ и тѣмъ же занятіемъ; Гримму же она писала нѣсколько ранѣе—въ началѣ Марта, что на самой себѣ замѣчаетъ отъ того перемѣну: «Первобытный міръ (Le monde primitif), первобытные языки, словари двухсотъ языковъ превратили меня въ несносное существо; я хотѣла потопить свою скуку въ этомъ хламѣ (fatras), а этотъ хламъ сдѣлалъ меня печальною и наводящею скуку (triste et ennuyeuse)». Письмо къ Циммерману помѣчено 9-мъ Мая; слѣдовательно порученіе Палласу дано было вѣроятно въ Апрѣлѣ. Еще до истеченія Мая мѣсяца академикъ поспѣшилъ издать на Французскомъ языкѣ, для свѣдѣнія всей Европы, объявленіе о задуманномъ словарѣ, напечатанное отдѣльно на большомъ листѣ въ 4-ку и тѣмъ болѣе любопытное, что оно конечно выражаетъ мысли самой Государыни, развитыя и изложенныя многостороннимъ ученымъ. Поэтому объявленіе Палласа заслуживаетъ быть переданнымъ здѣсь почти вполнѣ. Вотъ оно съ небольшими сокращеніями:

«Остроумныя и глубокія изслѣдованія многихъ ученыхъ нашего вѣка о сродствѣ и происхожденіи языковъ, принадлежащихъ весьма отдаленнымъ другъ отъ друга народамъ, и свѣдѣнія о древней исторіи человѣка, извлеченныя многими достойными историками изъ этихъ изслѣдованій, придаютъ нынѣ особенную прелесть и болѣе рѣшительное направленіе наукѣ, которая умамъ поверхностнымъ казалась до сихъ поръ сухою, неблагодарною и даже безплодною и пустою. Просматривая сочиненіе Куръ-де-Жебелена, изумляешься блестящимъ выводамъ, которые авторъ умѣлъ извлечь изъ этого матеріала, и нельзя не пожалѣть, что такой трудолюбивый человѣкъ не могъ примѣнить той же методы ко всѣмъ языкамъ міра. По анализу и счастливому сличенію тѣхъ, которые онъ имѣлъ возможность разсмотрѣть, никто не станетъ сомнѣваться, что знакомство съ языками внутренней Азіи повело бы его къ открытіямъ еще болѣе интереснымъ».

«Русская Имперія, занимающая въ этой части Азіи обширные предѣлы, почти неизвѣстные ученымъ до временъ Петра Великаго, конечно заключаетъ въ себѣ болѣе народовъ и народцевъ, болѣе языковъ и нарѣчій, нежели какое либо другое государство на земномъ шарѣ. Тѣсное пространство Кавказа, населенное малочисленными, смежными одинъ съ другимъ народцами, обнимаетъ болѣе 22-хъ нарѣчій восьми или девяти разныхъ языковъ. Обширнѣйшая Сибирь

---

[15]) *Русск. Архивъ*, 1864, изд. I, стр. 293. Письмо помѣчено 16 Декабря 1784.

представляетъ еще большее количество ихъ, и одинъ полуостровъ Камчатка, который, при открытiи его Русскими, казалось, только начиналъ населяться, имѣлъ девять нарѣчiй трехъ разнородныхъ языковъ»....

«Но большинство языковъ оставалось до сихъ поръ недоступнымъ для ученыхъ сокровищемъ: никто не пробовалъ даже сравнивать, по одному избранному плану, порядочнаго числа словъ, принадлежащихъ языкамъ уже извѣстнымъ. Попытки нѣкоторыхъ передавать на разныхъ языкахъ Молитву Господню или другой родъ фразъ, были очень неудовлетворительны, недостаточны и представляли образцы только какой нибудь сотни языковъ и нарѣчiй, т. е. приблизительно одной лишь трети всѣхъ существующихъ. Многiе литераторы и исторiографы сравнивали небольшое число древнихъ или новыхъ языковъ одного и того же корня. Кромѣ пособiй, доставляемыхъ лексиконами, можно также найти у новѣйшихъ путешественниковъ коекакiе отрывочные и разбросанные глоссарiи, часто очень необширные и рѣдко соотвѣтствующiе другъ другу. Но никто до сего времени не обнималъ совокупности языковъ... Это обширное предпрiятiе, которое наконецъ можетъ привести *къ рѣшенiю вопроса о существованiи одного первобытнаго языка*, было предоставлено нашему вѣку. Екатерина II удостоила посвятить часы досуга этой еще неразработанной отрасли литературы. Чтобы подготовить начало *всеобщаго сравнительнаго глоссарiя* всѣхъ языковъ, Ея Императорское Величество сама составила списокъ словъ наиболѣе необходимыхъ и употребительныхъ у самыхъ малообразованныхъ народовъ. Одно ея государство могло доставить для этого глоссарiя почти цѣлую треть всѣхъ употребляемыхъ на землѣ языковъ, и особенно значительное число тѣхъ изъ нихъ, которые еще неизвѣстны ученымъ».

«При выборѣ словъ дано предпочтенiе наиболѣе нужнымъ существительнымъ и прилагательнымъ, встрѣчаемымъ даже въ самыхъ младенческихъ языкахъ и дающимъ понятiе объ успѣхахъ земледѣлiя, о первоначальныхъ искусствахъ и познанiяхъ, переходящихъ отъ одного народа къ другому. Чтобы пополнить глоссарiй и сдѣлать его болѣе поучительнымъ, въ немъ отчасти допущены также мѣстоименiя, нарѣчiя, нѣкоторые глаголы и имена числительныя, которыхъ польза для сравненiя языковъ признается многими».

«По этому превосходному образцу собраны сперва всѣ языки и нарѣчiя обширнаго Русскаго царства; потомъ еще бо́льшее число иностранныхъ языковъ, такъ что этотъ трудъ, хотя продолжаемый только съ начала года, является уже выше всего, что̀ было испробо́вано въ тѣхъ же видахъ, и безпрестанно еще пополняется матерiалами всякаго рода».

«Ея Императорскому Величеству угодно, чтобы этотъ сборникъ былъ напечатанъ для пользы публики. Онъ будетъ такъ расположенъ, что рядомъ съ каждымъ словомъ помѣстятся переводы его на всѣ языки, какiе удалось добыть. Этимъ способомъ и при классификацiи переводовъ по ихъ соотношенiямъ, сродство языковъ сдѣлается яснѣе и сличенiе ихъ легче. Настоящее произношенiе словъ

будетъ означаемо съ величайшею точностью посредствомъ единообразнаго и опредѣленнаго правописанія. Общая таблица языковъ, какъ по ихъ соотношеніямъ, такъ и по предѣламъ ихъ распространенія [16]), будетъ служить вступленіемъ къ этому великому и нелегкому труду, который конечно будетъ по достоинству оцѣненъ учеными, особенно имѣющими въ немъ надобность».

«Такъ какъ Ея Императорское Величество соизволила возложить на меня надзоръ за печатаніемъ этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія, то я поспѣшилъ извѣстить о томъ публику, которой нетерпѣніе будетъ конечно равняться моему усердію къ исполненію драгоцѣнной воли Монархини. 22 Мая 1785 года».

П. С. Палласъ.

На другой годъ изданъ былъ образчикъ собиранія словъ съ переводами ихъ (Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues) — четыре листка въ 4-ку, на которыхъ напечатаны выбранныя Императрицею Русскія слова, переведенныя по латыни, по нѣмецки и по французски. Этотъ образчикъ былъ разосланъ во всѣ мѣстности Русской Имперіи и ко всѣмъ нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ съ просьбою доставить, какъ можно скорѣе, сколько можно болѣе переводовъ на малоизвѣстные языки. Въ Россіи ко всѣмъ губернаторамъ были отправлены циркулярныя предписанія чрезъ Императорскій Кабинетъ и притомъ наказано исполнить высочайшее повелѣніе со всевозможнымъ тщаніемъ. Вслѣдствіе того списки словъ по губерніямъ составлялись большею частью офиціальными переводчиками и были присылаемы за подписями не только ихъ самихъ, но также секретарей губернскихъ канцелярій, а часто даже губернаторовъ и намѣстниковъ. При этомъ въ особыхъ донесеніяхъ излагались иногда и способы, употребленные для исполненія монаршей воли; нѣкоторые присоединяли къ тому цѣнныя извѣстія о народахъ и языкахъ ихъ или даже цѣлые словари. Съ своей стороны и посланники усердно пополняли матеріалы переводами на языки и нарѣчія тѣхъ странъ, гдѣ они находились; изъ Лондона, Гаги и Мадрида списки словъ были отосланы въ Китай, Сѣверную Америку и Бразилію; въ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ поручилъ это дѣло губернаторамъ. Ученые всѣхъ странъ также были приглашены къ участію въ собираніи словъ. Лицамъ, которыя путешествовали по Россіи на счетъ правительства, давно уже было вмѣнено въ обязанность собирать образцы языковъ. При отправленіи Биллингса въ сѣверовосточную Сибирь (1785—1794), спутнику его, естествоиспытателю Мерку дана была Палласомъ инструкція, въ которой прямо сказано, что «Ея Имп. Величеству пріятно будетъ по приложенному образцу получить списки словъ не только по главнымъ языкамъ, но и по нарѣчіямъ ихъ, при чемъ слѣдуетъ какъ можно точнѣе означать произношеніе Русскими и Нѣмецкими буквами». Въ тоже время Императорская библіотека, руководствуясь особенно полученными отъ Николаи указаніями, не переставала увеличивать

[16]) Такой таблицы къ изданному впослѣдствіи словарю не было приложено.

свое и безъ того уже богатое собраніе словарей и путевыхъ записокъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ тѣ, которыя составлены были путешествовавшими по Россіи учеными, давно представляли значительные матеріалы для словаря. Всѣ образовавшіяся такимъ образомъ обильныя пособія переданы были Императрицею Палласу для редакціи, на первый случай, сборника по *Азіятскимъ и Европейскимъ* языкамъ; что̀ касается языковъ *Африки и Америки*, то предполагалось заняться ими послѣ, когда и для нихъ наберется болѣе матеріаловъ.

Отдѣлъ Азіятскихъ и Европейскихъ языковъ долженъ былъ состоять изъ двухъ томовъ. Первый томъ, совсѣмъ отпечатанный, былъ поднесенъ Императрицѣ наканунѣ ея отъѣзда въ Крымъ, 6 Января 1787 года [17]); онъ тогда-же вышелъ подъ заглавіемъ: «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ Европейскіе и Азіятскіе языки. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ типографіи у Шнора 1787 года». Это же заглавіе повторено въ книгѣ на Латинскомъ языкѣ; равнымъ образомъ и предисловіе, гдѣ объяснена цѣль изданія и не умолчано о личномъ участіи Императрицы въ самомъ трудѣ, напечатано по русски и по латыни. Оно начинается указаніемъ на обширность Россіи и на обиліе имѣющихся въ ней матеріаловъ — шестьдесятъ употребительныхъ въ предѣлахъ ея языковъ—для приведенія въ дѣйствіе такого предпріятія; въ концѣ сдѣланъ обзоръ языковъ, вошедшихъ въ составъ словаря. Предисловіе это было въ рукописи представлено на предварительный просмотръ Императрицѣ, и при возвращеніи его, она написала Палласу: «Возвращаю вамъ ваше предисловіе и, за исключеніемъ похвалъ, вами мнѣ воздаваемыхъ, которыя кажутся мнѣ слишкомъ лестными, ничего не могу замѣтить противъ него» [18]). Согласно съ положительно выраженною волей Императрицы всѣ переводныя слова переданы Русскими буквами. Точно также напечатанъ и второй томъ, вышедшій въ 1789 году.

Содержаніе и планъ словаря очень просты: для сравненія взято 285 Русскихъ словъ, изъ которыхъ 130 помѣщено въ первомъ томѣ и 155 во второмъ. Каждое Русское слово поставлено въ видѣ заглавія, подъ которымъ въ одномъ и томъ же порядкѣ помѣщены переводы на 200 языковъ и при каждомъ переводѣ всякій разъ повторяется названіе языка; такъ что каждый языкъ поименованъ въ первой части 130 разъ, а во второй 155 разъ. Чтобы уяснить это, приведемъ два-три слова съ нѣсколькими переводами, напримѣръ:

1. Богъ.

1. По славянски . . . . Богъ.
2. По славяно-венгерски . . . Бугъ.
3. По иллирійски . . . . . Боогъ.
4. По богемски . . . . Бу. и т. д.

---

[17]) По этому поводу, конечно, Екатерина и говорила въ этотъ день о пользѣ сравнительнаго словаря, какъ отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ Храповицкій.

[18]) «Je vous envoie, monsieur Pallas, votre préface, et aux louanges près que vous me donnez et qui me paraissent trop flatteuses, je n' ai rien à y redire».

Послѣ Славянскихъ языковъ и нарѣчій, въ ряду которыхъ встрѣчаются между прочимъ Малороссійское (Бигъ) и Суздальское (Стодъ) [19]) слѣдуютъ переводы:

13. По кельтски . . . . Діу, Ю.
14. По бретански . . . . Дуэ, Доэ.
15. По басконски . . . . Дувъ, Юнъ и проч. и проч.

Языки слѣдуютъ одинъ за другимъ въ произвольно принятой, часто ни на чемъ не основанной системѣ. Нигдѣ не представлено обзора языковъ и нарѣчій, послужившихъ къ сравненію, а только помѣщенъ, послѣ предисловія, списокъ книгъ, откуда почерпнуты слова Кельтскія, Готскія и Англо-саксонскія, и затѣмъ еще приложено объясненіе Русской азбуки.

Словарь, напечатанный въ числѣ 500 экземпляровъ, не былъ предназначенъ для продажи; только книгопродавецъ Вейтбрехтъ, получившій отъ Государыни въ подарокъ 40 экземпляровъ, могъ торговать ими; нѣкоторое число было разослано въ даръ, по ея повелѣнію, иностраннымъ дворамъ и ученымъ. Ограничивъ такимъ образомъ распространеніе своего славаря, Императрица, какъ кажется, руководствовалась мыслью, что это только первый опытъ, который со временемъ долженъ быть усовершенствованъ и изданъ въ болѣе полномъ видѣ: на этотъ взглядъ указываютъ и пробѣлы, оставленные при многихъ словахъ для вставки впослѣдствіи недостававшихъ переводовъ.

Съ точки зрѣнія нынѣшней науки Екатерининскій словарь конечно не выдерживаетъ критики. Самая цѣль его—служить средствомъ для отысканія первобытнаго языка, была недостижима. Далѣе, мысль перевести двѣ-три сотни словъ, хотя и умно выбранныхъ, на столько-же языковъ, безъ строгаго опредѣленія родства этихъ послѣднихъ (чтò тогда было чистою невозможностью), не могла имѣть важнаго по своимъ результатамъ значенія для науки. Наконецъ, и способъ исполненія этой мысли былъ во многихъ отношеніяхъ неудобенъ и нецѣлесообразенъ, напр. Русскія слова расположены въ словарѣ безъ всякаго опредѣленнаго порядка, слѣдовательно для отысканія котораго-нибудь изъ нихъ нужно каждый разъ просмотрѣть весь списокъ ихъ (не азбучный), помѣщенный въ концѣ 2-го тома; точно такое-же замѣчаніе относится и къ трудности отысканія того или другаго языка, на которомъ кто либо захотѣлъ бы найти данное реченіе. Словомъ, безъ оскорбленія памяти великой виновницы этого дѣла и знаменитаго своею ученостью сотрудника ея, мы можемъ сказать, что они, при всей своей даровитости, не имѣли нужной для такого предпріятія подготовки, и потому исполненіе его не могло не носить на себѣ нѣкоторой печати дилеттантизма. При всемъ томъ Петербургскій словарь, какъ первый въ своемъ родѣ и притомъ отмѣченный

---

[19]) Суздальское нарѣчіе разумѣется тутъ не въ томъ смыслѣ, какой въ наше время можетъ быть приданъ этому названію, а въ какомъ-то смѣшанномъ значеніи языка офеней и мѣстныхъ инородцевъ. Ближайшее поясненіе относится къ филологической сторонѣ дѣла, которой мы здѣсь не касаемся.

громкимъ именемъ Екатерины II, не могъ не возбудить вниманія въ Европѣ.

Екатерина, и безъ того зорко слѣдя за иностранной журналистикой, должна была нетерпѣливо ожидать отзывовъ о своемъ трудѣ. Они не замедлили явиться. Не смотря на слабое развитіе тогдашней филологіи, нѣкоторые недостатки словаря и въ то время не ускользнули отъ критики. Нѣтъ, кажется, надобности въ оговоркѣ, что всѣ отзывы о немъ были высказаны на иностранныхъ языкахъ, и притомъ, за исключеніемъ краткаго извѣстія Бакмейстера, за границею, а не въ Россіи. Съ наибольшимъ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ отозвался о словарѣ Кенигсбергскій профессоръ исторіи и политической экономіи Краусъ († 1806 г.) въ подробной рецензіи, напечатанной въ Allgemeine Literatur-Zeitung (Всеобщей литературной газетѣ [20]). Между прочимъ онъ высказываетъ подозрѣніе въ вѣрности начертанія предлагаемыхъ словъ, особенно взятыхъ у малообразованныхъ, неграмотныхъ инородцевъ, а также и въ точной передачѣ ихъ значенія. Потомъ онъ указываетъ на неправильное разграниченіе и сближеніе многихъ языковъ и выставляетъ такія стороны языкознанія, которыя должны быть принимаемы въ соображеніе при сравненіи отдѣльныхъ языковъ, но въ Петербургскомъ сравнительномъ словарѣ совершенно упущены изъ виду. Императрица прочла эту статью, оцѣнила глубокую ученость автора и въ знакъ своего уваженія послала ему брильянтовый перстень. Нѣсколько другихъ Нѣмецкихъ критиковъ ограничились въ своихъ отзывахъ частными замѣчаніями. Во Франціи извѣстный Вольней (впрочемъ не прежде какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія) представилъ «Кельтской Академіи» докладъ о Екатерининскомъ словарѣ, заслуживающій вниманія [21]). Напомнивъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ ученые позволяли себѣ самыя произвольныя заключенія о первоначальныхъ языкахъ, онъ усматриваетъ неизмѣримый успѣхъ въ великой мысли Екатерины дойти до справедливаго о томъ вывода путемъ изслѣдованія и сравненія языковъ, на необходимость котораго впервые указалъ Лейбницъ. Методъ расположенія словъ, равно какъ и весь сложный трудъ собиранія переводовъ на столько языковъ, вызываетъ со стороны Французскаго ученаго не только похвалу, но даже удивленіе, и онъ признаетъ этотъ трудъ «великолѣпнымъ литературнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ самой блестящей способности человѣка—*слову*». Между недостатками словаря Вольней справедливо выставляетъ особенно тотъ, что Русскими буквами невозможно передавать удачно произношенія всѣхъ языковъ, въ чемъ онъ прежде всего удостовѣрился, наблюдая Французскія слова въ Русскихъ начертаніяхъ; поэтому всѣ языки, имѣющіе такіе звуки, для которыхъ въ Русской азбукѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ знаковъ, подверглись въ словарѣ столь важнымъ искаженіямъ, что нерѣдко трудно и узнать находимое въ немъ слово. Кромѣ того Вольней показалъ, что нѣкоторые глоссаріи, какъ напр. Арабскій и Персидскій, получены отъ

---

[20]) 1787 года, № 235—237. [21]) См. Mémoires de l'Académie Celtique, годъ XIV, и Moniteur того же года, № 31, 32.

лицъ, вовсе не подготовленныхъ для порученнаго имъ дѣла. Главныя причины несовершенства этого словаря онъ видитъ въ излишней поспѣшности его составленія и въ недостаточномъ числѣ свѣдущихъ сотрудниковъ; по его мнѣнію, для такого предпріятія была-бы нужна цѣлая академія съ обильными средствами, которая посвятила бы ему всю свою дѣятельность, вступила бы въ обширныя сношенія и употребила на это дѣло по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ.

Частныя поправки въ словарѣ были предложены Добровскимъ, для нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчій, и другими учеными.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, относительное достоинство и польза Екатерининскаго словаря были признаны даже самыми строгими его критиками, и лучшимъ доказательствомъ этого признанія служитъ то, что одинъ изъ нихъ (Рюдигеръ) намѣревался издать словарь въ Нѣмецкой переработкѣ, другой (Вольней) сбирался передѣлать его по французски, третій хотѣлъ перепечатать его Латинскими буквами. Когда кто-то объ этомъ послѣднемъ намѣреніи разсказалъ Императрицѣ, то она съ улыбкой замѣтила: «Я полагаю, иностраннымъ гг. ученымъ не трудно было бы выучиться читать и Русскія буквы». Общее впечатлѣніе заграничныхъ отзывовъ о словарѣ на Императрицу было однакожъ таково, что охладило ея усердіе къ довершенію труда.

Несправедливо было-бы, еслибъ наше время, гордясь колоссальными успѣхами сравнительной филологіи, презрительно отрицало въ словарѣ Екатерины II всякое достоинство. Оставаясь однимъ изъ знаменательныхъ памятниковъ и великаго ума составительницы, и смѣлыхъ стремленій XVIII вѣка, онъ въ свое время принесъ и свою долю пользы наукѣ. Это было не разъ сознаваемо нѣкоторыми изъ самыхъ крупныхъ авторитетовъ новѣйшаго языкознанія. Такъ Яковъ Гриммъ находилъ, что Екатерининскій словарь, хотя и составленный на весьма неудовлетворительныхъ основаніяхъ, замѣтно содѣйствовалъ къ оживленію и успѣхамъ сравнительнаго языкоученія [22]). Такое-же сужденіе было еще недавно произнесено по случаю окончанія большаго Санскритскаго словаря гг. Бетлинга и Рота, изданнаго на средства нашей Академіи Наукъ. Вотъ какъ второй изъ названныхъ ученыхъ началъ свою рѣчь [23]) объ исторіи этого предпріятія: «Прежде того *Петербургскаго словаря*, о которомъ мнѣ сегодня позволено высказаться передъ вами, былъ нѣкогда другой, имя котораго какъ будто унаслѣдовано нашимъ,—тотъ своеобразный трудъ конца прошлаго столѣтія, который Императрица Екатерина, мечтавшая о всемірномъ глоссаріи, повелѣла выработать, въ которомъ собраны образчики 279

---

[22]) «Ohne Zweifel wurde durch das von der Kaiserin Catharina in den Jahren 1787—90 veranstaltete Petersburger Wörterbuch, wenn es auch auf noch sehr ungenügenden Grundlagen aufgerichtet war, Sprachvergleichung wirksam angeregt und gefördert.» (Über den Ursprung der Sprache, стр. 9).

[23]) Произнесенную въ собраніи оріенталистовъ въ Инсбрукѣ, 29 Сентября 1874 г. Она напечатана въ нашемъ академическомъ Bulletin, т. XXI, № 4.

языковъ [24]), странная книга, съ нашей точки зрѣнія составленная безъ методы и критики, но не оставшаяся однакожъ безъ вліянія на тогдашнюю науку слова. Тотъ *Петербургскій словарь* также носитъ печать своего времени, какъ я ожидаю того и отъ нынѣшняго словаря. Тогда—желаніе обнять однимъ взглядомъ неизмѣримую область человѣческаго слова, теперь—стремленіе поставить вездѣ на незыблемомъ основаніи строй языкознанія, пріобрѣтшаго для насъ твердыя очертанія. Книга Императрицы была естественнымъ произведеніемъ многоязычной Россіи, гдѣ все призываетъ къ собирательному труду. Наша книга есть поздній плодъ пробужденныхъ тогда, мало по малу очистившихся стремленій въ области языкознанія, которыя сохранили свою жизненность въ первенствующей ученой корпораціи Русскаго государства и здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо нашли себѣ поддержку».

Этимъ мы могли бы и кончить; но для полноты разсказа прибавимъ еще нѣсколько словъ о двухъ трудахъ, тѣсно связанныхъ съ Екатерининскимъ словаремъ.

Одинъ изъ нихъ можно назвать вторымъ изданіемъ словаря. Такъ какъ послѣ напечатанія перваго изданія доставленіе матеріаловъ, по прежнимъ требованіямъ, продолжалось: то, въ заботѣ объ усовершенствованіи своего труда, Императрица пожелала, чтобы онъ расположенъ былъ въ алфавитномъ порядкѣ и пополненъ недостававшими языками Африки и Америки. Дѣло это опять поручено было иностранцу, извѣстному Янковичу де-Миріево, вызванному изъ Австріи для устройства народныхъ училищъ. Съ большою энергіей принялся онъ за работу, и уже въ 1790 году появилась первая часть новаго труда подъ заглавіемъ: *Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный. Часть первая. А—Д.*» Въ слѣдующемъ году изданы были и остальныя три части. Число сравниваемыхъ языковъ доходитъ здѣсь до 279; но такъ какъ изъ прежнихъ 200 устранено 7 (на какомъ основаніи, не объяснено), то значитъ, что въ обоихъ словаряхъ принято къ сравненію всего 272 языка. Странно, что Янковичъ, показавъ только, какъ нѣкоторые иностранные звуки передаются Русскими буквами, не приложилъ къ своему изданію никакихъ поясненій—ни о поводѣ къ новому труду, ни о значеніи Русскихъ начертаній, такъ что это изданіе было еще менѣе перваго пригодно для иностранцевъ. Но оно и для хорошо знакомаго съ Русскимъ языкомъ представляло мало удобства къ употребленію: въ азбучномъ порядкѣ расположены въ немъ не Русскія слова, а тѣ 60,000 слишкомъ иноязычныхъ словъ, которыя вошли въ словарь, такъ что справляться съ нимъ чрезвычайно трудно. Поэтому неудивительно, что это изданіе было принято Императрицею холодно; она повидимому осталась имъ не совсѣмъ довольна: за исключеніемъ немногихъ розданныхъ экземпляровъ, вся напечатанная тысяча долго пролежала въ Кабинетѣ. Тѣмъ не менѣе однакожъ есть указаніе

[24]) Эта цифра, означающая число языковъ, заставляетъ думать, что въ рукахъ г. Рота было не 1-е изданіе сравнительнаго словаря, а 2-ое, переработанное въ алфавитномъ порядкѣ, о которомъ нами будетъ сообщено свѣдѣніе ниже.

на то, что Государыня пользовалась новымъ изданіемъ словаря. Въ Октябрѣ 1790 года Храповицкій записалъ: «Изъ лексикона Янковича читали слова, начинающіяся съ Вар и Гвар, выводя, что Варяги не отъ слова *воръ* происходятъ» и пр. Впослѣдствіи, чуть ли уже не по смерти Янковича († 1813), словарь его поступилъ въ продажу, по низкой цѣнѣ 10 рублей асс. за всѣ четыре тома.

Другой трудъ, который происхожденіемъ своимъ также обязанъ сравнительному словарю Екатерины II, есть напечатанное уже въ нынѣшнемъ столѣтіи сочиненіе Арндта: «Über den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen» (о происхожденіи и различномъ сродствѣ Европейскихъ языковъ). Книга эта издана была въ Германіи не прежде 1818 года; но что она въ рукописи была уже извѣстна Екатеринѣ въ первоначальномъ своемъ видѣ, на Французскомъ языкѣ [25]), явствуетъ изъ свидѣтельства самого Арндта и подтверждается слѣдующею запискою Государыни къ Храповицкому: «Пожалуйте возвратите Арндту. Онъ въ трехъ мѣстахъ найдетъ мои записки, не для внесенія въ его сочиненіе, но comme des réflexions qui me sont venues en lisant. Dites-lui de ma part que j'ai trouvé son ouvrage très-intéressant, et la lecture m'en a amusée. Vous pouvez lui montrer ce billet» [26]). (..... но какъ мысли, которыя пришли мнѣ въ голову при чтеніи. Скажите ему отъ меня, что я нашла его сочиненіе очень интереснымъ и чтеніе его доставило мнѣ удовольствіе. Можете показать ему эту записку).

Имя Арндта, служившаго переводчикомъ въ Кабинетѣ Императрицы, нѣсколько разъ упоминается въ Дневникѣ Храповицкаго, подъ 1786 и 88 гг.: ему поручаемо было переводить на Нѣмецкій языкъ комедіи Екатерины II: *Обманщикъ*, *Обольщенный*, *Шаманъ*, *Разстроенная Семья*, и обыкновенно онъ получалъ за этотъ трудъ по 300 рублей съ пьесы [27]).

Но изъ чего же видно, что названное филологическое сочиненіе Арндта было плодомъ занятій его по сравнительному словарю? Онъ самъ въ этомъ сознается. Сначала Палласъ пригласилъ въ помощники себѣ И. Д. Бакмейстера, младшаго библіотекаря Академіи Наукъ (родственника прежде названному Христофору Б.); но вскорѣ по отпечатаніи 1-й части Бакмейстеръ умеръ, и тогда Арндту повелѣно было, не оставляя прочихъ своихъ занятій, присоединиться къ Палласу для приведенія къ концу изданія словаря. Арндтъ, давно бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ академикомъ, принялся за это дѣло съ величайшею добросовѣстностью, выпросилъ себѣ изъ библіотеки Императрицы самое сочиненіе Куръ-де-Жебе-

---

[25]) Подъ заглавіемъ «Idées sur l'origine et l'affinité des langues». Обстоятельство это засвидѣтельствовано и въ самой книгѣ Арндта.

[26]) Эта записка, такъ же какъ и помѣщенныя выше Французскія выписки Екатерины II изъ Куръ-де-Жебелена и ея строки къ Палласу при возвращеніи ему его предисловія, хранятся въ Академической библіотекѣ. Онѣ были присланы въ Росс. Академію въ 1821 г. Гурьяновымъ по порученію гр. Каподистріи, получившаго ихъ отъ Клюбера въ бытность на Ахенскомъ конгрессѣ.

[27]) См. Дневникъ Храповицкаго, стр. 6 и д. по указателю.

лена, сталъ изучать всѣ доставленные для словаря матеріалы, бесѣдовалъ о нихъ съ Палласомъ, и такимъ образомъ, рядомъ съ исполненіемъ возложеннаго на него порученія, собралъ множество данныхъ для книги, которую впослѣдствіи и приготовилъ къ изданію. Она напечатана во Франкфуртѣ на Майнѣ, другомъ автора, Клюберомъ, какъ выше замѣчено, въ 1818 г. Въ ней есть и нѣсколько свѣдѣній о словарѣ Екатерины II, которыми мы воспользовались.

Странно, что имя этого Арндта до сихъ поръ ускользало отъ всѣхъ историковъ нашего книжнаго дѣла: о немъ нѣтъ ни слова у митрополита Евгенія, а затѣмъ не упоминали о немъ и другіе наши спеціальные и энциклопедическіе словари [28]); а между тѣмъ Арндтъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и замѣчательныхъ иностранцевъ, писавшихъ въ Россіи и о Россіи. Главнымъ трудомъ его былъ *С.-Петербургскій Журналъ* (St. Petersburgisches Journal), который онъ издавалъ на Нѣмецкомъ языкѣ съ 1776 по 1780 годъ [29]). Этотъ журналъ былъ посвященъ главнымъ образомъ Русской исторіи и сообщалъ также всѣ вновь выходившія постановленія (онъ составилъ 10 томовъ, въ 15—16 листовъ каждый). Статьи историческія почти всѣ написаны самимъ издателемъ. Онъ велъ это дѣло съ большимъ умѣніемъ и не забывалъ, что пишетъ не для Берлина или Лейпцига, а для тѣхъ тысячъ Нѣмцевъ, живущихъ въ Россіи, изъ которыхъ (какъ самъ онъ говорилъ) «большая часть не знаютъ иного отечества и, если исключить языкъ и религію, оказываются Русскими тѣломъ и душой» [30]). Поэтому журналъ Арндта былъ счастливѣе, чѣмъ большинство другихъ до него выходившихъ въ Россіи иностранныхъ журналовъ: продержался съ успѣхомъ много лѣтъ и имѣлъ довольно обширный кругъ читателей. Арндтъ участвовалъ также въ изданіи Русскаго *С.-Петербургскаго Вѣстника* [31]), который, кажется, и задуманъ былъ по образцу названнаго Нѣмецкаго журнала и находился въ завѣдываніи нѣсколькихъ литераторовъ. Кромѣ того онъ былъ трудолюбивымъ

---

[28]) У Сопикова означены однакожъ нѣкоторыя изъ книгъ, изданныхъ Арндтомъ.

[29]) Послѣ того Арндтъ года три издавалъ еще Neues Petersburgisches Journal.

[30]) «Wenn man aber bedenkt, dass das Russische Reich, seit sehr langen Zeiten viele Tausend deutsche Einwohner zählt, von welchen die mehresten kein ander Vaterland kennen, und Sprache u. Religion ausgenommen, mit Leib und Seelen Russen sind: so lässt sich daraus leicht folgen, dass diesen vieles nützlich, merkwürdig oder unterhaltend seyn und scheinen könne, was in Deutschland wenige oder niemand interessirt, und umgekehrt». (St. Petersb. Journal. 8 Band. An die geneigten Leser, стр. 460).

[31]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ онъ; тоже подтверждаютъ Бакмейстеръ въ Russische Bibliothek и Бернулли, который говоритъ объ Арндтѣ въ своемъ путешествіи. *С.-Петербургскій Вѣстникъ* издавался, какъ сказано было въ объявленіи о немъ, «обществомъ любителей наукъ»; отъ того-то происходитъ разнорѣчіе въ показаніяхъ о его издателяхъ. По самому достовѣрному извѣстію, главнымъ издателемъ былъ Брайко; Арндтъ, вѣроятно, завѣдывалъ журналомъ только временно, или былъ однимъ изъ участниковъ въ изданіи,— можетъ быть, редакторомъ отдѣла постановленій, которыя печатались и въ *Вѣстникѣ*. Свѣдѣнія объ Арндтѣ разсѣяны въ слѣдующихъ изданіяхъ:

переводчикомъ, и напечаталъ на Нѣмецкомъ языкѣ, между прочимъ, *Журналъ Петра Великаго* (вмѣстѣ съ Бакмейстеромъ), *Учрежденіе о губерніяхъ*, *Городовое Положеніе*, также сочиненія Сумарокова: *Стрѣлецкій бунтъ и Малый Московскій лѣтописецъ*.

Относительно обстоятельствъ жизни Арндта извѣстно слѣдующее. Іоаннъ Готлибъ Арндтъ (порусски Богданъ Ѳедоровичъ), сынъ лютеранскаго пастора, родился 1743 г. въ Восточной Пруссіи (въ деревнѣ Гросъ-Швансфельдѣ), изучалъ въ Кенигсбергѣ сперва богословіе, потомъ права. Курляндскій посланникъ, случайно познакомившійся съ нимъ въ гостинницѣ за шахматами, предложилъ ему въ 1764 г. взять его съ собою въ Варшаву на избраніе короля, и молодой человѣкъ съ радостью воспользовался случаемъ попутешествовать. Изъ Варшавы онъ ѣздилъ въ Ригу и въ Митаву, а оттуда въ 1768 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь надолго поселился. Въ 1772 онъ поступилъ на службу почтовымъ экспедиторомъ; потомъ былъ переводчикомъ при трехъ главныхъ коллегіяхъ, а въ 1780 году, въ чинѣ коллежскаго асессора, получилъ мѣсто при Кабинетѣ Императрицы, которая вскорѣ обратила на него вниманіе, какъ на умнаго и свѣдущаго иностранца. Обладая особенными способностями къ изученію языковъ, Арндтъ, по переселеніи въ Петербургъ, скоро выучился по русски и сталъ переводить преимущественно книги по законодательной части и по Русской исторіи. Прослуживъ въ Россіи 25 лѣтъ, онъ возвратился на покой въ Германію, лѣтъ десять путешествовалъ, а съ 1802 года поселился въ Гейдельбергѣ и тамъ провелъ остальную часть жизни; онъ умеръ въ 1829 г. Во время Вѣнскаго Конгресса Императоръ Александръ увеличилъ ему пенсію, которую онъ получалъ за Русскую службу. Арндтъ отличался правдивымъ и честнымъ характеромъ; у него было горячее, привязчивое сердце; онъ искренно полюбилъ Россію и до конца жизни отзывался о ней съ благодарностью. Во время пребыванія въ Гейдельбергѣ онъ издалъ книгу: «Gedanken über wichtige Angelegenheiten des Menschen und Bürgers». (Мысли о важныхъ задачахъ человѣка и гражданина). Что касается сочиненія о происхожденіи и сродствѣ языковъ, то рукопись его въ 1810 г. выпросилъ Палласъ, по смерти котораго, въ слѣдующемъ году, она и осталась въ Берлинѣ. Не безъ труда была она отыскана тамъ впослѣдствіи Клюберомъ, который рѣшился напечатать ее вопреки желанію автора. Дѣйствительно, онъ не былъ ученымъ филологомъ, и трудъ его, послѣ явившихся позднѣе трудовъ Гримма, Боппа и др., не можетъ имѣть большаго достоинства въ смыслѣ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе эта книга не лишена значенія, какъ сборникъ матеріаловъ, и для своего времени составляетъ явленіе замѣчательное.

Я. Гротъ.

Goldbeck. Litter. Nachrichten von Preussen. Leipzig 1783.—Joh. Bernoulli's Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland u. Pohlen Leipzig 1780.—J. G. Meusel, Das gelehrte Teutschland. B. I., Lemgo 1796. — Neuer Nekrolog der Deutschen, VII Jahrgang 1829. 1 Theil. Ilmenau 1831. Наконецъ Bacmeister, Russische Bibliothek, по указателю въ XI-мъ томѣ.

Книжныя заграничныя вѣсти [1]).

ИСТОРІЯ, МЕМУАРЫ И БІОГРАФІЯ.

Въ Германіи издана обширная біографія извѣстнаго въ Россіи педагога пастора Муральта, написанная *Дальтономъ* (Iohannes von Muralt. Eine Pädagogen und Pastoren-Gestalt der Schweiz und Russlands, v. Dalton. Wiesbaden 1876). Муральтъ выѣхалъ изъ Швейцаріи въ Россію въ 1810 г., былъ въ Петербургѣ пасторомъ реформатской церкви и извѣстенъ былъ своимъ воспитательнымъ заведеніемъ, основаннымъ на началахъ Песталоцци, пользовавшимся и общественнымъ сочувствіемъ, и покровительствомъ Русскаго правительства. Бывшіе ученики Муральта свято хранятъ его память и почитаютъ его имя.

*

Второй томъ исторіи иностранныхъ литературъ, соч. Бужо̀ (Bougeault, Histoire des litteratures étrangères. Paris 1876) содержитъ въ себѣ между прочимъ очеркъ литературы Славянскихъ племенъ, Русской, Польской, Чешской и Сербской.

*

Съ недавняго времени предпринято въ Италіи періодическое изданіе директора Піемонтскихъ архивовъ Никомеди Біанки, подъ названіемъ: Примѣчательныя извѣстія и изслѣдованія по Субальпинской исторіи (Curiosità e Ricerche di Storia Subalpina). Въ шестой книжкѣ этого изданія помѣщена любопытная біографическая статья о неустрашимомъ Піемонтскомъ путешественникѣ и авантюристѣ патерѣ Джіамбаттистѣ Боэтти. Этотъ человѣкъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, явился въ роли завоевателя въ Азіятской Турціи, въ Арменіи, въ Курдистанѣ, въ Грузіи, подъ именемъ Огано-Ооло-Шейхъ-Мансура, выдавалъ себя за пророка, посланнаго преобразовать ученіе Ислама, собралъ себѣ армію въ 37.000 человѣкъ и возбудилъ въ Портѣ такія опасенія, что она признала за лучшее привлечь его на свою сторону и употребить орудіемъ въ войнѣ съ Россіей. Въ 1786 году онъ встрѣтился съ Русскими войсками, потерпѣлъ пораженіе, взятъ въ плѣнъ въ 1791 году и посланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь, гдѣ и окончилъ дни свои. На сколько достовѣрны разсказанныя въ сей статьѣ приключенія этого Мансура, въ чемъ онѣ относятся до Русской исторіи, о томъ пусть судятъ знатоки дѣла; но источникомъ разсказа служила, по словамъ автора, открытая въ Піемонтскихъ архивахъ записка о Мансурѣ, составленная въ Константинополѣ, и собственныя его Записки о своей жизни. Онъ родился въ Монферратѣ въ 1743 году, прошелъ курсъ права и медици-

[1]) См. выше, стр. 420.

ны въ Туринѣ, служилъ въ арміи, имѣлъ множество приключеній въ Прагѣ, въ Страсбургѣ и въ Римѣ, въ 1763 году вступилъ въ Доминиканскій орденъ и получилъ священство, отправленъ миссіонеромъ въ Моссулъ, принялъ магометанскую вѣру на Востокѣ и объявилъ себя вскорѣ послѣ того пророкомъ.

*

Въ 1875 году появилась въ Лондонѣ біографія извѣстнаго, умершаго въ 1869 году, геолога сэра Родерика Мурчисона (Life of Sir Roderick Murchison, by A. Geikie, 2 vls. London 1875). Эта книга содержитъ въ себѣ любопытныя подробности о путешествіи Мурчисона по Россіи для геологическихъ изслѣдованій и о представленіи его Государю Николаю Павловичу, къ которому этотъ ученый питалъ глубокое уваженіе. Мурчисонъ путешествовалъ въ сопровожденіи Французскаго палеонтолога де-Вернейме. Они пріѣхали въ Россію лѣтомъ 1840 года, черезъ Петербургъ, отсюда ѣздили въ Архангельскъ, потомъ въ Москву и Нижній-Новгородъ. Въ слѣдующемъ году, вернувшись опять въ Россію, представлялись Государю, потомъ отправились черезъ Казань и Пермь на Уралъ и изслѣдовали Уральскую формацію въ подробности. Въ теченіе семи мѣсяцевъ объѣздили они около 20.000 верстъ. Императоръ Николай пожаловалъ Мурчисону орденъ Св. Анны и подарилъ ему великолѣпную Сибирскую вазу, замѣчательную по величинѣ; другой подобный же экземпляръ подаренъ былъ Гумбольдту.

*

Отъ времени до времени продолжаютъ появляться вновь открываемыя письма извѣстной въ исторіи мистицизма княгини Голицыной (см. Книжныя Вѣсти 1876 года). Въ 1876 году появилась еще книжка: Briefwechsel und Tagebücher von Fürstin A. v. Galitzin. Neue Folge. Münster 1876. Она содержитъ въ себѣ письма къ философу Францу Гемстергюйсу и дневникъ княгини Голицыной, веденный съ 1783 по 1800 годъ.

*

Докторъ Томсенъ, профессоръ сравнительной филологіи въ Копенгагенѣ, пріѣзжалъ лѣтомъ (1876) въ Оксфордъ по приглашенію общества поощренія къ изученію Славянскихъ нарѣчій, литературы и исторіи, и читалъ въ Тейлоровомъ институтѣ три лекціи «о сношеніяхъ древней Руси со Скандинавіей и о происхожденіи Руси». Пишутъ, что на этихъ лекціяхъ было ничтожное число слушателей.

*

Сюда же относятся слѣдующія сочиненія:

Переписка Блюхера (Blücher in Briefen aus den Feldzügen 1813—1815. Herausgegeben v. Colomb. Stuttgart 1876).

Лекція профессора Каро объ императрицѣ Екатеринѣ II (Caro. Catharina II von Russland. Ein Vortrag. Breslau 1876, 31 стр.).

Орденъ Меченосцевъ въ Лифляндіи. Его учрежденіе, управленіе и уничтоженіе, соч. Бунге (Bunge. Der Orden der Schwertbrüder. Dessen Stiftung, Verfassung und Auflösung. Leipzig 1875, 100 стр.).

Vesin. Combat du brick russe «Le Mercure» contre deux vaisseaux de haut-bord turcs, 14 Mai 1829. Notice. Paris 1876. 15 стр.

L'église catholique en Pologne sous le gouvernement russe depuis le premier partage jusqu'à nos jours (1772—1875) par le p. Lescoeur, prêtre de l'oratoire. Paris 1876. 2 volumes.

Etudes sur la question réligieuse de Russie. Le pape de Rome et les papes de l'église orthodoxe d'Orient, d'après les documents originaux russes et grecs, avec un appendice sur les moyens de coopérer efficacement à la réunion des églises, par le p. Cesaire Tondini, barnabite. Paris 1876.

Письмо Русской императрицы Маріи Θеодоровны къ аббату Сикару, относительно обученія глухонѣмыхъ, изданное г. Ландесомъ (Une lettre de l'Impératrice etc. à l'abbé Sicard et autres documents. Sarlat 1876, 17 стр.).

Путешествія и описанія.

Мое путешествіе по Кавказу въ 1871 и 1872 годахъ, соч. Гейерсбурга (Geyersburg. Meine Reise in den Kaucasus. Mannheim 1875, 124 стр.). Разсказы, легко и пріятно написанные, подъ первымъ и неглубокимъ впечатлѣніемъ туриста. Онъ проѣхалъ изъ Галаца черезъ Одессу и Крымъ на Кавказъ; описываетъ на Кавказѣ преимущественно Боржомъ, Тифлисъ и Шемаху—конечный пунктъ своей поѣздки.

*

Въ 1875 году издано на Французскомъ языкѣ описаніе вольной Сванетіи (La Suanétie libre), составленное умнымъ и наблюдательнымъ Французомъ Берновилемъ, ѣздившимъ по тамошнему краю съ генераломъ Левашовымъ, который былъ посланъ въ 1869 году для военнаго и топографическаго изслѣдованія вольной Сванетіи. Въ этой книгѣ, особливо въ первой главѣ ея «Современная Россія и ея будущность», выражается явственное и осмысленное сочувствіе къ Россіи, къ колонизаторскому ея призванію на Кавказѣ и къ особливому значенію Русскаго элемента въ общей Европейской культурѣ. По поводу этой книги появилась статья въ книжкѣ журнала Preussische Jahrbücher, г. Шнейдера, подъ заглавіемъ: Das freie Svanetien. Эта статья въ томъ же духѣ написана, и въ ней сообщаются любопытныя свѣдѣнія объ этой малоизвѣстной части Кавказа, извлеченныя изъ сочиненія принца Прусскаго Альбрехта о путешествіи его по Кавказу, сочиненія недоступнаго для публики *).

*

Берега Аральскаго озера, соч. маіора Вуда (The Shores of Lake Aral. By Major Herbert Wood. London 1876. Smitt Elder). Авторъ этой книги, съ дозволенія президента Русскаго Географическаго Общества, сопровождалъ въ 1874 году Русскую ученую экспедицію для изслѣдованія нижняго теченія Аму-Дарьи (Оксуса). Главный занимавшій его вопросъ былъ вопросъ о возможности обратить теченіе Аму-Дарьи отъ Аральскаго моря въ Каспійское, въ томъ направленіи, въ которомъ, по предположенію ученыхъ, она текла въ древности.

Сочиненіе посвящено вообще описанію бассейна Аральскаго моря и обсужденію вопросовъ о колебаніи уровня воды въ этомъ озерѣ

---

*) Было принесено въ даръ Чертковской библіотекѣ генераломъ Швейницемъ, нынѣ Германскимъ посланникомъ въ Россіи. П. Б.

и въ сосѣдственныхъ съ нимъ областяхъ. Авторъ, ученый и опытный инженеръ, лично изслѣдовалъ географію и топографію этой мѣстности и собралъ въ своей книгѣ показанія путешественниковъ, изъ самой глубокой древности до настоящаго времени, о перемѣнѣ теченія рѣкъ Волги, Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи. Общіе взгляды его на предметъ изслѣдованія и сдѣланные выводы изложены въ обстоятельномъ предисловіи въ этой книгѣ. Онъ подробно описываетъ воды и систему искусственнаго орошенія въ Хивинскомъ ханствѣ. О Россіи и Русскихъ, особливо о солдатахъ, отзывается сочувственно.

*

Поѣздка по Персіи съ караваномъ, соч. Арнольда (Arnold. Through Persia by Caravan, Lond. 1876. Tinsley). Путешествіе автора предпринято было черезъ Варшаву, Петербургъ, потомъ по Волгѣ черезъ Нижній до Астрахани, и значительная часть книги занята описаніемъ Россіи, гдѣ впрочемъ бывалъ онъ и прежде.

*

Извѣстный кораблестроитель Ридъ, членъ Парламента, помѣщавшій въ газетѣ Times свои письма изъ Россіи, вообще въ благопріятномъ для Россіи тонѣ, издалъ свои корреспонденціи отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ: «Letters from Russia. London 1876.

*

Крымъ и Закавказье, соч. Тельфера (The Crimea and Transcaucasea, by Buchan Telfer. Lond. 1876. King and comp.). Капитанъ Тельферъ провелъ три года на югѣ Россіи и два раза путешествовалъ по Крыму и Закавказью, при благопріятныхъ условіяхъ, при внимательномъ содѣйствіи Русскаго правительства, въ обществѣ ученаго Русскаго археолога, и съ женою, дамою Русскаго происхожденія, извѣстною и въ Англ. литературѣ переводомъ повѣстей Пушкина. Обѣ свои поѣздки соединяетъ онъ въ одномъ разсказѣ, начиная отъ Одессы и Севастополя. Далѣе онъ ведетъ читателя на южный берегъ, въ Ѳеодосію, Керчь, Тамань, въ Грузію, Тифлисъ, въ Эривань и на Араратъ, наконецъ въ вольную Сванетію, которая занимала его особенно. Онъ описываетъ подробно бытъ Сванетовъ и Осетинъ, у которыхъ тоже былъ. Авторъ особенно интересовался археологическими объясненіями мѣстностей, которыя проѣзжалъ. О Русскомъ правительствѣ отзывается сочувственно, хотя разсказываетъ съ негодованіемъ о злоупотребленіяхъ чиновниковъ, особливо на Кавказѣ. Книга написана съ талантомъ и читается съ удовольствіемъ.

*

Россія въ новѣйшее время, статистическіе и топографическіе этюды, соч. Линдгейма (Lindheim. Rusland in der neuesten Zeit. Wien 1876). Эта брошюра, содержащая въ себѣ краткій очеркъ экономическихъ, умственныхъ и военныхъ силъ Россіи, въ связи съ ея новѣйшею исторіей, имѣетъ цѣлью показать, что всѣ газетные крики объ упадкѣ России суть выдумка, на невѣдѣніи основанная, что на одной Россіи не отразился всеобщій экономическій кризисъ послѣдняго времени, что Россія растетъ быстро и очевидно и что ее ожидаетъ впереди блестящая будущность.

Европейская Россія, военные очерки страны и жителей, соч. Гофмейстера (Hofmeister. Das europäische Russland. Militairische Landes und Volksstudien. Berlin 1876). Авторъ этой небольшой книжки — молодой Прусскій офицеръ, проживавшій въ Россіи (по большей части въ деревнѣ) съ цѣлію изученія. Кромѣ военныхъ замѣчаній, онъ говоритъ о простомъ народѣ Русскомъ, о его характерѣ, религіи, бытѣ и хозяйственномъ положеніи, преимущественно на основаніи личныхъ своихъ наблюденій, возбудившихъ въ немъ такое сочувствіе къ Русскому простому человѣку, какого не удавалось еще намъ встрѣтить у Нѣмецкихъ писателей. Это сочувствіе помогло автору понять и указать добрыя черты въ характерѣ Русскаго человѣка и отзываться безъ желчнаго презрѣнія объ его недостаткахъ.

*

Юлій Эккардтъ, извѣстный выходецъ изъ Балтійскихъ губерній, постоянно описывающій Россію для Германіи, выпустилъ въ 1876 году второе изданіе своей, появившейся въ 1869 году, книги: Baltische und russische Culturstudien, подъ новымъ заглавіемъ: «Russische und baltische Characterbilder» (Leipzig 1876. 544 стр.), и въ совершенно новомъ видѣ. Прежнія статьи передѣланы, и прибавлено довольно новыхъ, которыя были напечатаны въ Нѣмецкихъ журналахъ, преимущественно въ Deutsche Rundschau. Новыя статьи: Филиппъ Вигель, національно-Русскій Германецъ; статья о П. М. Леонтьевѣ и о Русской періодической прессѣ, преимущественно о Московскихъ Вѣдомостяхъ, и біографія извѣстнаго суперъ-интендента Вальтера, какъ поборника протестантскихъ интересовъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Эккардтъ пишетъ талантливо и занимательно, но всегда пристрастно въ отношеніи къ Россіи.

*

Изъ Полу-Азіи. Картины быта и нравовъ въ Галиціи, Буковинѣ, Южной Россіи и Румыніи, соч. Францоза (Aus Halb-Asien. Culturbilder aus Galizien, der Bukowina, Südrussland und Rumönien. Von K. E. Franzos. Leipzig 1876). Авторъ этой книжки, Еврей-Нѣмецъ, примыкающій къ направленію извѣстной Вѣнской газеты Neue Freie Presse, въ которой первоначально печатались эти разсказы, собранные потомъ въ книгу. Онъ проникнутъ гордою вѣрою въ безусловное господственное значеніе Нѣмецкой культуры и съ высоты ея гордо смотритъ на Славянскія племена восточной Европы, признавая за ними лишь половинную долю низменной цивилизаціи, почему и называетъ эти страны Полу-Азіей. Разсказы его, съ талантомъ и живо написанные, рисуютъ бытъ преимущественно Польскаго и Русскаго племени, отчасти Еврейскаго и Румынскаго. Въ числѣ ихъ три разсказа относятся къ Южной Россіи. Самые удачные разсказы: *Мятежъ въ Воловцахъ* и *Сельскій судья въ Бялѣ*, рисуютъ народные характеры Русскаго племени въ Галиціи. Замѣчательно, что авторъ въ сужденіяхъ своихъ благосклоннѣе къ Полякамъ, нежели къ Русскимъ; но всѣ Польскіе характеры, которые онъ выводитъ, очень некрасивы и непривлекательны, а напротивъ того Русскіе характеры изображены сочувственными чертами. Послѣдняя статья въ книгѣ имѣетъ предметомъ покой-

наго Николая Филипповича Павлова, его характеръ и литературную дѣятельность.

*

Сюда же относятся книги:

Meignan. De Paris à Pekin par terre. Sibérie. Mongolie. Paris. Plon. 1875.

Lankenau und Oelsnitz. Das russische Reich in Asien. Leipz. 1877. 402 стр.

Kohn und Andrée, Sibirien und Amurgebiet. Leipzig 1876.

Defert. Etudes sur les peuples slaves et l'Europe orientale. VII. Tchèques. Paris. 1876. 181 стр.

Cassany de Mazet. Etudes sur les peuples slaves et l'Europe orientale. XIII. La Pologne Paris. 1876. (99 стр.).

Villeneuve. Mtzkheth et Ibérie. Notices sur la Géorgie. Paris. 1875, 222 стр.

СОЧИНЕНІЯ ПО СРЕДНЕ-АЗІЯТСКОМУ И ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ.

Азія, будущія ея желѣзныя дороги и запасы угля, соч. Гохштеттера (Ferd. von Hochstetter. Asien, seine Zukunftsbahnen und seine Kohlenschätze. Eine geographische Studie. Wien 1876. 188 стр.). Авторъ разсматриваетъ предметъ не столько съ практической или технической, сколько съ научной стороны, но приходитъ къ выводамъ и заключеніямъ весьма интереснымъ и важнымъ для практики. Онъ изслѣдуетъ въ особенности вопросъ о наиболѣе выгодномъ пути для соединенія Европы съ южною и восточною Азіей, и входитъ для сего въ необходимыя соображенія о географическомъ и топографическомъ положеніи края, между прочимъ частей находящихся въ составѣ Русскихъ владѣній. Послѣдняя часть книги посвящена вопросу о направленіи пути черезъ Россію и Каспійское прибрежье въ Индію и о сообщеніи Россіи съ Китаемъ; авторъ предлагаетъ свой проэктъ такъ назыв. окружной Русской дороги отъ Омска черезъ Семипалатинскъ на Ташкентъ и Бухару въ Персію и оттуда на Кавказъ. Авторъ вводитъ въ свою книгу и политическія соображенія объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи и къ Китаю.—Къ тому же предмету относится Франц. сочиненіе Котара (Le chemin de fer Central-Asiatique par M. Cotard. Paris 1875). По поводу этихъ книгъ обширная статья Т. Радò: Les routes de l'avenir a travers l' Asie, въ Revue de deux Mondes, 15 Іюля.

*

Тѣни грядущихъ событій, соч. полковника Корри (Corry. Shadows of coming events. London 1876. King and c°). Этотъ памфлетъ, въ 9 главахъ, развиваетъ давно извѣстную тему объ опасностяхъ для Англо-Индійской имперіи отъ распространенія Русскихъ завоеваній въ Средней Азіи. Сочиненіе это писано прежде, чѣмъ разгорѣлись нынѣшнія событія на Востокѣ; но и безъ того пылкое воображеніе автора рисуетъ страшныя картины будущихъ, предполагаемыхъ имъ, опасностей. Для отвращенія ихъ онъ совѣтуетъ своему правительству занять какъ можно скорѣе Афганистанъ и усилить какъ можно больше Англійскую военную силу въ Остъ-Индіи.

*

Опыты о внѣшней политикѣ Индіи, соч. Уилли (Essays on the External Policy of India, by the late Wyllie. London 1876. Smith Elder). Авторъ, самъ родившійся въ Индіи, сынъ Англійскаго генерала Остъ-Индской службы и самъ одинъ изъ способнѣйшихъ чиновниковъ Остъ-Индскаго управленія, занимался въ особенности дѣлами внѣшней политики и считался знатокомъ Средне-Азіатскихъ отношеній. Онъ переселился, по болѣзни, въ Англію, гдѣ незадолго до смерти избранъ былъ въ члены Парламента, не смотря на молодые его годы. Въ этой книгѣ собраны его сочиненія относящіяся до Индіи; въ томъ числѣ главное мѣсто занимаетъ статья о Средне-Азіятскихъ политическихъ отношеніяхъ и о значеніи Русскаго движенія въ Средне-Азіятскія степи. Къ этому жгучему вопросу авторъ относится хладнокровно и разумно, говоритъ о Россіи какъ о благодѣтельной цивилизующей силѣ, съ которою Англіи слѣдуетъ дѣйствовать за одно, и совѣтуетъ своему отечеству держаться политики невмѣшательства.

*

Поѣздка въ Хиву, похожденія и приключенія въ Средней Азіи, соч. Бернаби (A ride to Khiva. Travels and Adventures in Central Asia. By Fred. Burnaby, London 1876. Cassel). Авторъ этой книги, неустрашимый путешественникъ и искатель приключеній, отправился въ Среднюю Азію, вооруженный знаніемъ Русскаго и Арабскаго языковъ и тѣмъ настойчивѣе пожелалъ проникнуть въ Хиву, чѣмъ болѣе представлялось ему затрудненій и опасностей въ этой поѣздкѣ. Онъ пробрался туда черезъ Русскія владѣнія, гдѣ, по словамъ его, всячески, прямо и косвенно, старались помѣшать ему или отговорить его, въ чемъ (по Англійскому складу мысли) онъ усматриваетъ желаніе мѣстной Русской администраціи помѣшать знакомству иностранцевъ, особливо Англичанъ, съ Средне-Азіятскими дѣлами и порядками. Онъ принадлежитъ очевидно къ числу противниковъ Русской политики въ Средней Азіи и охотно вѣритъ тѣмъ преувеличеннымъ исторіямъ о Русскихъ злоупотребленіяхъ, жестокостяхъ и т. п. въ Средней Азіи, которыя съ такимъ пристрастнымъ стараніемъ распространяются нынѣ въ Англіи. Въ Хивѣ ханъ принялъ его очень любезно и предупредительно; отсюда произошло благопріятное впечатлѣніе, которое повело къ тому, что авторъ выхваляетъ культуру Хивинскую и называетъ Русскими выдумками разсказы о Хивинскихъ варварствахъ и хищничествахъ. Знаніе Арабскаго языка дало ему возможность вступать въ пространные разговоры съ муллами, и содержаніе этихъ разговоровъ занимаетъ значительную часть его книги; разумѣется, авторъ, предрасположенный къ Россіи, охотно вѣритъ всему, что̀ противъ нея направлено. Онъ увѣряетъ своихъ соотечественниковъ, что Русскіе офицеры только и мечтаютъ что о походѣ въ Индію, считая его дѣломъ весьма возможнымъ. Къ книгѣ приложены карты и описаніе главныхъ степныхъ дорогъ: одна карта земель пограничныхъ между Россіей и Китаемъ, другая—карта пограничныхъ мѣстъ между Китаемъ и Кашгаромъ.

*

Въ Англіи г. Смитъ издалъ сочиненіе свое о Магометѣ и Магометанствѣ, составленное изъ лекцій, читанныхъ имъ въ Королевскомъ институтѣ (Bosworth Smith. Mohammed and Mohammedanism. 2 edit. Lond. 1876. Smith and c⁰). Авторъ принадлежитъ къ расплодившимся въ послѣднее время поклонникамъ Ислама, съ восторгомъ говоритъ о культурномъ его значеніи, распространяется о его достоинствахъ, нравственныхъ и соціальныхъ, и о благодѣтельномъ его дѣйствіи на Африканскія и Азіятскія племена, тщательно умалчивая о темныхъ сторонахъ его, не смотря на ихъ очевидность. Вся эта книга, съ талантомъ написанная, отличается пристрастіемъ, состоящимъ очевидно въ связи съ новѣйшею политикою Англійскаго правительства по дѣламъ Востока. Поэтому неудивительно, что авторъ, сравнивая мусульманъ съ христіанами на Востокѣ, особливо съ Славянскими православными племенами, отдаетъ первымъ даже нравственное преимущество передъ послѣдними, и отвергаетъ съ негодованіемъ мысль о культурномъ значеніи Русской борьбы съ Исламомъ и о Русскихъ завоеваніяхъ на Востокѣ и въ Средней Азіи.

*

Россія и Турція съ начала взаимныхъ политическихъ сношеній до нашего времени, соч. Бухарова (Dmitri de Boukharow. La Russie et la Turquie depuis le commencement de leurs relations politiques jusqu' à nos jours. Amsterdam 1876. 300 стр.). Книга эта содержитъ въ себѣ тщательную выборку изъ всѣхъ дипломатическихъ документовъ, касающихся отношеній Россіи съ Турціей до конвенціи $^{1}/_{13}$ Марта 1871 года, съ примѣчаніями и объясненіями автора. Изложеніе старательное и представляетъ много интересныхъ матеріаловъ и подробностей, особливо за послѣднее время Крымской войны. Во введеніи авторъ представляетъ историческій очеркъ Турецкаго владычества въ Европѣ, первыхъ сношеній Турціи съ Россіей до конца XVII столѣтія и военныхъ дѣйствій противъ Турціи до Бѣлградскаго мира въ 1739 году. Первая глава описываетъ первую войну съ Турціей въ царствованіе Екатерины II, вторая—завоеваніе Крыма, третья—вторую войну, четвертая—доводитъ до Букарештскаго мира, пятая—до Адріанопольскаго. Шестая глава посвящена восточному вопросу и обнимаетъ все время до начала Крымской войны, которая составляетъ содержаніе 7-й главы. Наконецъ 8-я глава приводитъ къ отмѣнѣ Парижскаго трактата 1856 года.

*

Туркестанъ. Замѣтки о путешествіи по Русскому Туркестану, Кокану, Бухарѣ и въ Кульджѣ, соч. Евгенія Скайлера, въ 2 томахъ (Schayler. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Lond. 1876. Sampson Low). Авторъ, состоявшій прежде при Американскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, а нынѣ генеральный консулъ въ Константинополѣ, описываетъ въ первомъ томѣ этого сочиненія Туркестанъ, природу края, нравы и бытъ туземцевъ и отношенія ихъ къ Русской администраціи; второй томъ посвященъ ханствамъ, описанію обратнаго пути черезъ Кульджу и Сибирь и общимъ разсужденіямъ о Средне-Азіятской политикѣ. Книга наполнена

интересными свѣдѣніями и содержитъ въ себѣ, съ точки зрѣнія автора, критическія сужденія о Русскомъ управленіи и главныхъ мѣстныхъ его дѣятеляхъ. Общее заключеніе автора клонится къ разсѣянію опасеній, которыя внушаетъ Англіи движеніе Россіи внутрь Средней Азіи, такъ какъ, по мнѣнію Скайлера, въ этомъ движеніи нѣтъ систематическаго и заранѣе обдуманнаго плана. Въ Англіи эта книга сразу получила значеніе руководящаго сочиненія о Средней Азіи.

Отдавая вообще справедливость Русской политикѣ въ Средней Азіи и опровергая мысль о завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи, направленныхъ противъ Англіи, Скайлеръ далъ однакоже волю чувству нѣкоторой неприязни противъ нынѣшней администраціи Туркестанскаго края. Выставляя злоупотребленія въ мѣстномъ управленіи, онъ не принялъ, какъ бы слѣдовало, во вниманіе всей трудности, какая предстояла администраціи обширнаго края, равно и невозможности устранить безпорядки и злоупотребленія въ началѣ управленія. Скайлеру не было позволено сопровождать Русское войско въ Хивинской кампаніи; можетъ быть, отсюда родилось у него непріязненное чувство противъ высшаго военнаго управленія, побуждая его принимать съ довѣрчивостью всѣ разсказы, клонившіеся къ охужденію дѣйствій этого управленія. Со словъ нѣкоего Громова переданы въ этой книгѣ очевидно преувеличенные и нерѣдко совсѣмъ неправдоподобные разсказы о жестокости Русскихъ войскъ въ экспедиціи противъ Туркменъ и Іомудовъ, хотя въ другихъ частяхъ той же книги говорится о дисциплинѣ и человѣколюбіи Русскихъ войскъ; авторъ прибавляетъ даже, что едва ли западно-европейскія арміи могли бы показать столько умѣренности въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Книга Скайлера появилась какъ разъ въ разгарѣ полемики, поднявшейся въ Англіи между партіями по поводу Болгарскихъ ужасовъ и Сербской войны. Партія министерства и журналы враждебные Россіи ухватились за разсказы Скайлера о Русскихъ жестокостяхъ, противопоставляя ихъ—очевидно совсѣмъ несправедливо и недобросовѣстно—Болгарской рѣзнѣ. Особливо журналъ Pall Mall Gazette отличался передъ прочими крайне-недобросовѣстною эксплуатаціей книги Скайлера для возбужденія въ публикѣ фальшиваго негодованія противъ Русской политики. Нашлись однако и серіозные умы, выступившіе на защиту правды. Прежде всего въ журналѣ Academy, въ серіозномъ разборѣ книги Скайлера, указана была шаткость основаній и свидѣтельствъ, на которыхъ построены разсказы его о Русскихъ жестокостяхъ. Потомъ въ газетѣ Daily News появилась статья подписанная: *Русскій* (a Russian), съ опроверженіемъ этихъ разсказовъ подлинными свидѣтельствами о событіяхъ, и между прочимъ свидѣтельствомъ очевидца Мак-гахана въ книгѣ его о Хивинскомъ походѣ. Наконецъ, и это всего важнѣе, въ журналѣ Contemporary Review (за Ноябрь мѣсяцъ 1876 года) появилась статья мистера Гладстона подъ заглавіемъ: Русская политика и Русскій образъ дѣйствій въ Туркестанѣ, статья дѣлающая честь безпристрастію автора. Онъ вступается въ ней не за Россію, а за правду и за добросовѣстность литературную, и дока-

зываетъ, какъ малую вѣроятность разсказовъ Скайлера, такъ и недобросовѣстность построенной на извращеніи этихъ самыхъ разсказовъ діатрибы противъ Россіи въ газетѣ Pall Mall.

*

Зимой 1876 года въ Англійскихъ журналахъ появилось письмо знаменитаго Англійскаго историка и философа Карлейля, по поводу восточныхъ событій. Карлейль, какъ извѣстно, рѣшительный поборникъ авторитета власти и личной дѣятельной силы въ исторіи и въ политикѣ; неудивительно, что, съ этой точки зрѣнія, онъ заявилъ очень явственно сочувствіе свое къ Россіи, какъ представительницѣ личнаго авторитета въ политикѣ. Съ этой точки зрѣнія онъ относится сочувственно къ Русскому государственному началу и къ борьбѣ его съ монархическими началами всякаго рода на Востокѣ, въ Польшѣ и пр. Письмо это возбудило нѣкоторую полемику, въ которой самымъ яростнымъ, можно сказать, бѣшенымъ противникомъ Карлейля и Россіи является извѣстный поэтъ, республиканецъ, атеистъ Свинбернъ. Его памфлетъ подъ заглав.: Замѣчанія Англійскаго республиканца по поводу Московскаго Крестоваго Похода (Swinburne. Note of an English Republican on the Moscovite Crusade. Lond. Chatto and Windus). Рѣчь автора, обыкновенно преисполненная фальшиваго паѳоса, достигаетъ въ этомъ палефлетѣ до безумія: отъ того никто и не придаетъ ей серіознаго значенія.

Другой Англійскій поэтъ того-же направленія, Альфредъ Аустинъ, высказался также въ отдѣльномъ памфлетѣ противъ Россіи въ защиту Турціи, и опять не столько изъ сочувствія къ Турціи, сколько изъ ненависти къ Россіи. Напротивъ того, три другихъ поэта, и въ томъ числѣ наиболѣе значительные, именно—Улькеръ, Браунингъ и знаменитый Моррисъ (едва-ли не самый даровитый и симпатичный изъ современныхъ поэтовъ) были членами національной конференціи и высказали (особливо Моррисъ) очень явственно свое сочувствіе къ Россіи и къ ея заступничеству за угнетенныхъ. Замѣчательно, что и трое первостепенныхъ историковъ: Карлейль, Фрудъ и всего рѣшительнѣе Фримекъ заявили себя рѣшительными противниками Турціи. Изъ современныхъ литераторовъ назовемъ еще Дженкинса (остроумнаго сатирика); первое, даровитое его сочиненіе—*Джинксовъ младенецъ* есть и въ Русскомъ переводѣ, въ Отеч. Запискахъ). Онъ издалъ прошлою осенью памфлетъ подъ заглавіемъ: *Тѣнь на крестѣ* (отъ полумѣсяца): The Shadow on the Cross. London, Millan. Въ этой небольшой книжкѣ онъ съ большимъ жаромъ высказывается противъ Турціи. Вообще особенно интересна была бы точная статистика Англійскихъ ученыхъ и литераторовъ съ означеніемъ выраженнаго ими сочувствія той или другой сторонѣ въ этой великой тяжбѣ правды съ насиліемъ и ложью. Но то достовѣрно, что въ спискѣ членовъ знаменитой національной конференціи, высказавшейся такъ торжественно въ Декабрѣ 1876 года противъ Турціи и противъ политики Британскаго министерства, стоятъ почти всѣ знаменитости науки и литературы. Это весьма знаменательно для будущаго.

Только что вышло новое изданіе перваго тома *Исторіи Крымской войны* Кинглека. Естественно, что, выпуская новое передѣланное изданіе своей книги, авторъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, написалъ новое къ нему предисловіе, въ которомъ говоритъ о настоящемъ положеніи восточнаго вопроса. Отъ Кинглека, извѣстнаго туркофила и недоброжелателя Россіи, нельзя ожидать сочувственныхъ отзывовъ о Русской политикѣ. Нынѣшній отзывъ его написанъ въ ироническомъ тонѣ; однако онъ отзывается съ уваженіемъ о чувствѣ, высказавшемся въ народномъ движеніи, и о геройствѣ отдѣльныхъ лицъ, принесшихъ себя въ жертву Славянскому дѣлу.

*

Въ Лондонѣ изданъ отдѣльною брошюрою сокращенный переводъ отчета, читаннаго въ Октябрѣ 1876 года И. С. Аксаковымъ въ засѣданіи Московскаго Славянскаго Комитета (Condenset Speech of mr. Ivan Aksakoff). Переводъ сдѣланъ одною Русскою дамой. Брошюра имѣла успѣхъ и читается на расхватъ. Газета Daily News посвятила ей серіозную передовую статью. Первыхъ 250 экземпляровъ оказалось недостаточно; комитетъ національной конференціи потребовалъ еще 1000, которые предположено разсылать при особомъ рекомендательномъ письмѣ президента.

*

Французская литература и журналистика выказали себя вообще по восточному вопросу въ духѣ неблагопріятномъ для Россіи, въ духѣ невѣжественной клеветы и порицанія. Только Эмиль де Жирарденъ выступилъ защитникомъ Россіи и Славянъ въ своемъ памфлетѣ: La Honte de l'Europe. За то всѣ прочіе памфлеты, почти безъ исключенія, намъ враждебны. Въ числѣ ихъ примѣчательна брошюра извѣстнаго ученаго архитектора и литератора Леузона ле Дюка (Leouzon le Duc. Esquisses orientales de la Turquie. Est-elle incapable de réformes? Paris 1876). Авторъ пріѣзжалъ въ Россію въ 1846 году; по порученію своего правительства онъ искалъ въ то время въ Финляндіи мрамора для гробницы Наполеона. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ враждебенъ Россіи, а потомъ подпалъ подъ сильное вліяніе Венгрофильской и анти-русской партіи.

*

Въ Испаніи знаменитый публицистъ и республиканецъ Кастеляръ выступилъ съ своимъ памфлентомъ: Question de Oriente, въ смыслѣ благопріятномъ для Россіи.

Въ Парижѣ вышла брошюра извѣстнаго Рускаго географа Чихачева, подъ назв. *Вѣроятности войны и мира* (Chances de paix et de guerre. Paris 1876. 63 стр.). Значительная доля ея посвящена вопросу о средней Азіи, о Русской политикѣ и о значеніи Русскихъ завоеваній.

Филологія.

Съ 1875 года издается въ Берлинѣ журналъ: Архивъ для Славянской филологіи (Archiv für slavische Philologie, unter Mitwirkung von A. Leskien u. W. Nehring, herausgeg. von. V. Iagic. Berlin. Weidmann). Издатель такъ

излагаетъ предметъ и цѣль своего изданія: «Съ одной стороны способствовать разработкѣ вопросовъ, относящихся къ Славянской филологіи посредствомъ самостоятельныхъ изслѣдованій, съ другой стороны—посредствомъ переводовъ, извлеченій, критическихъ замѣтокъ и библіографическихъ указаній представить полное по возможности обозрѣніе научной дѣятельности въ каждой изъ Славянскихъ литературъ и достигнутыхъ ею результатовъ». Въ первой же книжкѣ этого журнала помѣщено серіозное изслѣдованіе самого издателя Ягича: Христіанско-миѳологическій элементъ въ Русской народной эпической поэзіи.—Въ третьей книжкѣ, которою оканчивается первый томъ изданія, помѣщенъ составленный тѣмъ же Ягичемъ, весьма цѣнный указатель всѣхъ появившихся съ 1870 года сочиненій по Славянскимъ древностямъ и филологіи.

*

Въ Львовѣ вышло изданіе текста слова о полку Игоревомъ съ переводомъ, предисловіемъ и примѣчаніями на Малорусскомъ нарѣчіи, Огоновскаго (Slovo o pulku Igoreve. Tekst s perekladom etc. Vidav O. Ogonovskij. U Livovi 1876).

*

Leskien. Die Declination im Slavischen, Litanischen und Germanischen. Leipz. 1876. 158 стр.

Hassencamp. Ueber den Zusammenhang des lettoslavischen und germanischen Sprachstammes. Leipzig 1876. 64 стр.

Оба сочиненія увѣнчаны преміей Общества графа Яблоновскаго въ Лейпцигѣ.

*

Грамматика Финскаго языка, соч. Уйфальви и Герцберга (Ujfalvy et Hertzberg. Grammaire finnoise d'après les principes d' Euren, suivie d'un recueil de morceaux choisis. Paris 1876. 112 стр.).

Чувашскій языкъ, изслѣд. Шотта (Schott. La langue des Tschouvasches. Paris 1876. 23 стр.

ПЕРЕВОДЫ.

Въ Нѣмецкомъ переводѣ появилось сочиненіе профессора Кіевской Духовной Академіи Скворцова о происхожденіи апокрифическихъ твореній отцевъ церкви (Patrologische Untersuchungen über Ursprung der problematischen Schriften der. apostolischen Väter. Von Constantin Skworzow. Leipzig 1875).

На Нѣмецкомъ языкѣ появилось, въ переводѣ Иванова, извѣстное судебно-медицинское изслѣдованіе проф. Пеликана, о Русскомъ скопчествѣ (Pelikan. Medic. Untersuchungen Über das Skopzenthum in Russland. Giessen 1876).

Россія и Англія въ Средней Азіи. Соч. Терентьева. Переводъ съ Русскаго г. Докса, состоящаго при департаментѣ Остъ-индскихъ дѣлъ (Russia and England in Central Asia. By M. A. Terentyeff. Translated by F. C. Dawkes. 2 volumes. Calcutta 1876). Англійская критика считаетъ это сочиненіе г. Терентьева интереснымъ, но необстоятельнымъ и несеріознымъ.

СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ.

Въ Revue de deux Mondes.

Въ этомъ журналѣ помѣщалось продолженіе любопытныхъ статей Леруа Больè: L'empire des Tsars et les Russes. Статья въ книжкѣ 15 Мая говоритъ о дворянствѣ, о происхожденіи его, объ исторіи, общественномъ его значеніи и правахъ, о чинѣ и чиновничествѣ. Она написана такъ же хорошо и тщательно, какъ и прежнія того же писателя, и основана на непосредственномъ изученіи Русскихъ книгъ и Русскаго общественнаго быта. Въ слѣдующей статьѣ (1 Августа) авторъ описываетъ исторію крѣпостнаго права, ходъ эманципаціи и нынѣшнее общественное и экономическое состояніе крестьянъ въ Россіи. Статья въ книжкѣ 15 Ноября имѣетъ предметомъ крестьянскій бытъ и поземельную сельскую общину. Авторъ описываетъ общину на основаніи Русскихъ изслѣдованій объ ней, приводя факты и ссылаясь на мнѣнія изъ извѣстнаго доклада коммиссіи, учрежденной при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, и изъ новѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ изслѣдованій по этому предмету. Видно, что онъ слѣдилъ внимательно за полемикой о сельской общинѣ въ нашей литературѣ. Описавъ Русскую крестьянскую семью, Русскую деревню и особенности Русскаго общиннаго хозяйства съ передѣломъ земель, онъ оканчиваетъ свою статью критическими сужденіями о Русскомъ общинномъ владѣніи и, признавая нынѣшнее состояніе и дальнѣйшее развитіе или преобразованіе этого владѣнія явленіемъ, въ высшей степени интереснымъ для западной Европы, въ тоже время выражаетъ свое мнѣніе, что форма эта ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ будущности въ примѣненіи къ городскому и промышленному быту западно-европейскихъ обществъ. Въ книжкѣ 15 Дек. и 1 Янв. 1877, статья о Русскихъ финансахъ, содержащая въ себѣ обозрѣніе Русскихъ бюджетовъ послѣдняго времени, ясно и безпристрастно написанное. Въ книжкѣ 1 Дек., его же прекрасная статья о Русской политикѣ на Востокѣ и о панславизмѣ.

Въ томъ же журналѣ 15 Апрѣля статья Рамбò о графѣ Ростопчинѣ, по поводу изданной въ VIII-й книгѣ Архива Князя Воронцова переписки его съ гр. Воронцовыми. Авторъ анализируетъ характеръ и дѣятельность Ростопчина и относится къ ней съ ѣдкою критикой.

15 Іюня, 1 Іюля и 1 Авг., въ статьяхъ Мореплаватели XVI столѣтія, Жюрьенъ-де-ла Гровьѐръ расказываетъ въ подробности исторію морскихъ экспедицій Ченслера, Берро и Дженкинсона въ Россію и исторію первыхъ сношеній Россіи съ Англіей и взаимныхъ посольствъ. Продолженіе этихъ статей (1 и 15 Окт.) содержитъ въ себѣ описаніе новой поѣздки Дженкинсона въ Россію въ 1557 году съ возвращавшимся изъ Англіи Русскимъ посломъ Осипомъ Непеемъ, пребываніе его въ Москвѣ при дворѣ Ивана IV и двѣ поѣздки его черезъ Россію въ Бухару и въ Персію.

15 Іюня. Статья г. Дюрана о жизни и стихотвореніяхъ Тараса Шевченки.

15 Октября Статья г. Брюнетьèра о романѣ Чернышевскаго *Что дѣлать?* и о Русскихъ нигилистахъ.

*

Въ Іюньской книжкѣ Macmillan's Magazine, г. Мекензи Уолласъ помѣстилъ отрывокъ изъ приготовляемаго къ изданію сочиненія о Россіи. Въ этой главѣ онъ описываетъ устройство сельской общины въ Россіи, въ живомъ, наглядномъ разсказѣ объ организаціи сельскаго схода, о раздѣлѣ земель, о мѣстномъ распредѣленіи податей и повинностей, съ общими замѣчаніями объ историческомъ происхожденіи общиннаго устройства въ Россіи и объ экономическомъ его значеніи.

Въ Fortnightly Review (Августъ), его же статья о территоріальномъ расширеніи Россіи. Авторъ изслѣдуетъ процессъ колонизаціи въ связи съ характеромъ Русскаго племени и объясняетъ стремленіемъ къ колонизаціи расширеніе Русской государственной территоріи.

Въ Апрѣльской книжкѣ журнала Geographical Magazine, помѣщена статья проф. Вамбери о завоеваніи и присоединеніи къ Россіи Кокана. Авторъ думаетъ, что пріобрѣтеніе этой, бѣднѣйшей, по его мнѣнію, изъ всѣхъ Среднеазіатской области окажется тяжкимъ бременемъ для Русской государственной казны, и что въ воинственныхъ Кипчакахъ и Каракиргизахъ Россія пріобрѣтаетъ себѣ непримиримыхъ и неутомимыхъ враговъ, съ которыми ей придется вести непрестанную утомительную войну.

Въ Contemporary Review (Апрѣль) статья Рольстона: *Русскія идилліи*, содержитъ въ себѣ разборъ и переводъ нѣсколькихъ стихотвореній Некрасова изъ крестьянскаго быта.

*

Въ Стокгольмѣ предпринято недавно профессоромъ Сильверштольпе изданіе *Исторической библіотеки* (Historiskt Bibliotek af Carl Silfverstolpe), посвященное Шведской и всеобщей исторіи. Во второмъ томѣ этого изданія (1876 г.) есть обширная статья проф. Лиске, содержащая въ себѣ обзоръ Польской литературы по отношенію къ исторіи нѣкоторыхъ государствъ, между прочимъ Швеціи и *Россіи*.

*

Въ 4 книгѣ Историческаго Журнала, изд. Зибелемъ (1876 г.) статья Шефера: Послѣдніе дни Русской императрицы Елисаветы.

Въ историческомъ альманахѣ Historisches Taschenbuch herausg. von Riehl, помѣщена статья о католической церкви въ Россіи, Валькера: Russland und die Katholische Kirche, von Karl Walcker.

Съ Марта 1876 года въ Парижѣ издается журналъ: Le Spectateur, revue franco-russe, politique, littéraire, artistique et financière.

Въ Парижѣ издается съ нынѣшняго года, при участіи первыхъ литературныхъ знаменитостей, журналъ «La république des lettres». Въ первомъ его выпускѣ помѣщено, во Французскомъ переводѣ И. С. Тургенева, нѣсколько стихотвореній Пушкина.

Книги разнаго содержанія.

Въ Парижѣ вышла замѣчательная книга подъ назв. *Цивилизація и ея законы* (La civilisation et ses lois), сочиненіе нѣкоего Функъ-Брентано.

Авторъ, родомъ изъ Люксембурга, воспитанъ на Германской философіи и женатъ на племянницѣ извѣстной Беттины Брентано. Послѣ пораженія Франціи онъ внезапно привязался къ ней горячей любовью, принялъ Французское подданство и состоитъ преподавателемъ международнаго права въ вольномъ училищѣ политическихъ наукъ въ Парижѣ (Ecole libre des sciences politiques). Нынѣшнее сочиненіе его, уже не первое, прекрасно написано и отличается глубиною и оригинальностью мысли. Въ немъ онъ задалъ себѣ задачу — представить философію исторіи въ противоположность излюбленной у новаго поколѣнія поверхностной философіи Бокля. Какъ тотъ полагаетъ началомъ прогресса отрицаніе и скептицизмъ, такъ напротивъ того Ф. Брентано доказываетъ, что народы находятся въ прогрессѣ лишь въ томъ періодѣ, когда существуетъ у нихъ согласіе закона съ правомъ и обычаемъ, знанія съ вѣрованіемъ, капитала съ трудомъ. Всякая внутренняя соціальная борьба имѣетъ въ сущности цѣлью возстановленіе этого нарушеннаго согласія и, если оно не достигается, нація вырождается и клонится къ упадку. Эту систему авторъ подтверждаетъ множествомъ остроумныхъ доказательствъ и искусно сгрупированныхъ фактовъ. Естественно съ этой точки зрѣнія, что онъ осуждаетъ и реформацію и революцію безчеловѣчно; но онъ не благопріятствуетъ и Римскому католичеству, признавая его за элементъ вражды, а не гармоніи. Мы упоминаемъ здѣсь объ этой книгѣ потому, что въ концѣ ея помѣщенъ выводъ, непривычный у западнаго мыслителя и объясняемый, можетъ быть, не столько сознаніемъ истины, сколько замѣтной у нынѣшнихъ Французскихъ писателей сильной реакціей противъ всего Германскаго. Отрицая всякое значеніе Германскаго культурнаго элемента въ цивилизаціи, авторъ напротивъ того возвышаетъ значеніе не только Латинской, но и *Славянской* расы. Онъ утверждаетъ, что Славянскому племени, обладающему свѣжею силой вѣрованія, принадлежитъ будущность цивилизаціи. «Въ тотъ день, говоритъ онъ, когда Славяне поднимутъ свое вѣрованіе на высоту нравственнаго и умственнаго опыта, составляющаго достояніе человѣчества, и выработаютъ для этого вѣрованія могучую формулу, въ которой объединились бы отдѣльныя стремленія и просвѣтились бы свѣтомъ нравы ихъ, общественныя и національныя преданія,—въ тотъ день, но не ранѣе, Славяне вступятъ въ свою героическую эпоху и переймутъ въ свои руки вѣковое дѣло цивилизаціи».

*

Прошлогоднее (1875) совѣщаніе Русскихъ и Греческихъ православныхъ депутатовъ, въ Боннѣ у Деллингера, со старокатоликами и англиканами о догматѣ происхожденія Св. Духа дало поводъ къ появленію многочисленныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ, съ большимъ или меньшимъ пристрастіемъ мысли, при чемъ подвергался обсужденію вопросъ о возможности соединенія западной церкви съ восточною, въ этомъ пунктѣ и вообще. Вниманіе ученой критики на Западѣ обращено было особливо на сочиненія профессора Лангена о различіи въ ученіи о Св. Троицѣ между западною

и восточною церковью (Langen. Die trinitarische Lehrdifferenz zwischen d. abendländische u. der morgenländische Kirche. Eine dogmengeschichtlichte Untersuchung. Bonn 1876. 127 стр.). Книга эта есть историческое и критическое изслѣдованіе о происхожденіи знаменитой формулы Filioque. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что хотя прибавка—позднѣйшая и произвольная, но въ сущности ни восточная, ни западная формула не заключаетъ въ себѣ ереси, и обѣ могутъ быть согласованы толкованіемъ. За всѣмъ тѣмъ желательно, чтобы Западъ, въ видахъ желаннаго единенія, отказался отъ прибавки. Онъ принадлежитъ къ числу теоретиковъ, вѣрующихъ въ возможность этого единенія и забывающихъ, что въ дѣлѣ вѣрованія всякая сдѣлка или невозможна, или должна быть по необходимости фальшивою сдѣлкой, съ затаеннымъ мнѣніемъ, и что основаніе существующаго раздѣленія церквей заключается не въ той или другой догматической формулѣ, а въ коренномъ различіи основныхъ воззрѣній, неразрывно соединенныхъ съ духомъ народа, со всей его исторіей и культурой. Знаменитая Бонская конференція показала уже, что теоретическое объединеніе формулы ничего еще не значитъ: члены конференціи сошлись, съ разными оговорками, въ одной формулѣ; но за ними и около нихъ, мнѣнія раздѣлились еще больше прежняго, и обнаружилось явственно, что западная наука, также какъ и церковь, не хочетъ поступиться результатомъ богословскаго своего анализа передъ такою церковью, и такою наукою и исторіей, которую признаетъ ниже себя въ культурномъ и научномъ отношеніи. Новымъ тому свидѣтельствомъ служитъ появившаяся недавно книжка извѣстнаго Англійскаго богослова Пьюзея о формулѣ Filioque, по поводу Бонской конференціи (On the Clause and the Sohn in regard to the Eastern Church and the Bonn Conference. By the rever. E. B. Pusey. London 1876. Parker). Авторъ говоритъ отъ имени своего и своей партіи, весьма значительной въ Англіи, что они ни за что не отступятся отъ своей формулы, въ которой полагаютъ существенное значеніе для ученія о Св. Троицѣ и что, напротивъ того, Греки должны были бы признать свою настойчивость несущественною.

*

Въ 1876 году появилась книга г. Рамбо о Русскомъ народномъ эпосѣ (Rambaud. La Russie épique etc. Paris 1876), обратившая на себя общее вниманіе и пріобрѣтшая немалую извѣстность въ Россіи. Содержаніе ея было уже предметомъ обширныхъ критическихъ статей въ Русскихъ журналахъ.

*

Врачъ, состоящій при Русскомъ посольствѣ въ Пекинѣ, г. Бретшнейдеръ, издалъ на Нѣмецкомъ языкѣ топографическое описаніе Пекинской равнины, города Пекина и сосѣдственной съ нимъ горной стороны (Bretschneider. Die Pekinger Ebene etc. Gotha 1876. 42 стр.).

*

Новое уголовное законодательство въ Россіи, брошюра, соч. Лера, профессора сравнительнаго законовѣдѣнія въ Лозаннѣ (Lehr. La nouvelle

legislaton pénale de la Russie. Paris 1875. 85 стр.). Краткій похвальный очеркъ новѣйшихъ реформъ въ Россіи по этой части.

Въ Парижѣ вышла новая брошюра г. Губарева: Demetr. Goubareff. Renovaton sociale basée sur les lois de la nature. La force morale. Paris 1876. 28 стр.

*

Въ Германской ученой литературѣ завязалась довольно горячая полемика о достовѣрности открытій, сдѣланныхъ извѣстнымъ Караимомъ Фирковичемъ въ Крыму и о подлинности древнихъ Еврейскихъ рукописей (собраніе коихъ продано имъ въ Имп. Публичную Библіотеку) и списанныхъ имъ надписей на Еврейскихъ гробницахъ въ Чуфутъ-Кале. Ученая критика склоняется къ признанію этихъ рукописей и списковъ въ важнѣйшихъ случаяхъ подложными. Къ этому предмету относится, кромѣ статей въ ученыхъ журналахъ, брошюра профессора Штрака подъ названіемъ: Фирковичъ и его открытія (Strak, Firkowitch und seine Entdeckungen. Leipz. 1876. 44 стр.); критика автора основана на повѣркѣ съ подлинными надгробными надписями на памятникахъ въ Азіятскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

*

Въ началѣ 1876 года, въ Парижѣ, получила извѣстность четырехъ-актная комедія на Франц. языкѣ, изъ Русскаго помѣщичьяго быта, подъ названіемъ *Семейство Данишевыхъ* (Les Danicheff), написанная однимъ изъ Русскихъ, подъ псевдонимомъ Петра Невскаго, подъ руководствомъ Александра Дюма-сына. Ее давали съ большимъ успѣхомъ на сценѣ *Одеона*.

*

Повѣсти и романы изъ Русской жизни представляютъ теперь особый интересъ во Французской литературѣ, можетъ быть за истощеніемъ домашнихъ сюжетовъ. Новѣйшею поставщицей разсказовъ этого рода явилась писательница не безъ таланта, нѣкая г-жа Гревилль, прожившая нѣсколько лѣтъ въ Россіи съ мужемъ, который былъ у насъ въ качествѣ учителя Франц. языка. Прежнія ея произведенія печатались и въ Россіи, въ фельетонахъ Journal de S. Pétersbourg; а теперь она печатается и въ Revue de deux Mondes, гдѣ явился въ прошломъ году разсказъ ея: L'expiation de Savéli, и въ другихъ газетахъ и журналахъ.

Записки графа Александра Ивановича Рибопьера.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно ли, кажется, въ Петербургскихъ и Московскихъ гостинныхъ (было время, когда таковыя существовали и въ первопрестольной столицѣ) встрѣчались бодрые старики, живо помнившіе славные дни Екатерины. Старики эти какъ-то особенно выдавались впередъ; въ нихъ были отмѣнная сановитость, умѣнье держать себя, и сановитость эту они невыразимо пріятно соединяли съ утонченною учтивостью и крайнею благосклонностію къ молодому поколѣнію. На нихъ словно еще свѣтился отблескъ Екатеринина величія. Они знавали великую нашу Царицу въ послѣднюю, самую темную, пору ея жизни, и тѣмъ не менѣе съ какимъ восторгомъ вспоминали они про эту пору! Они любили разсказывать, и было имъ что разсказывать. Екатерининскіе орлы съ великими качествами своими и крупными пороками представлялись въ разсказахъ этихъ такими исполинами, что совѣстно становилось глядѣть на измельчавшее новое поколѣніе, съ его незначительными достоинствами и мелочными побужденіями. Какъ сонъ промчалось какихъ-нибудь 20 лѣтъ, и не только уже нѣтъ современниковъ Екатерины, но и самыя гостинныя, гдѣ догорала вечерняя заря ихъ, затворились на вѣки.

Однимъ изъ послѣднихъ живыхъ памятниковъ Екатерининской эпохи былъ оберъ-камергеръ графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ, скончавшійся 24 Мая 1865 года. Всякій, кто бывалъ лѣтъ 14 тому назадъ въ Петербургскомъ обществѣ, помнитъ этого сановитаго, изящнаго и любезнаго старца, бодро одолѣвавшаго свое осьмидесятилѣтіе и внезапно, почти безъ болѣзни, угасшаго. Какъ забыть его живыя рѣчи, острые анекдоты, восторженную хвалу великой Царицѣ? Графъ Рибопьеръ былъ въ полномъ смыслѣ то, что въ блестящую эпоху Парижскихъ салоновъ называлось un causeur. И въ самомъ дѣлѣ, бывало не наслушаешься разсказовъ его, и по мѣрѣ того, какъ передъ воображеніемъ проходили послѣдніе годы прошлаго столѣтія, не чувствовалось, какъ летѣло время. Графъ Рибопьеръ былъ типомъ изящнаго маркиза; въ немъ живы были всѣ старинныя преданія учтивости и утонченности, и странное дѣло, подъ этою Французскою наружностью сильно билось чисто-Русское сердце, чутко относившееся ко всему родному; съ этихъ устъ, такъ красиво закруглявшихъ Французскія фразы, потокомъ струилась живая Русская рѣчь, искрившаяся всею красою родныхъ пословицъ и поговорокъ. Этотъ щеголеватый типъ Версальскаго царедворца горячо любилъ родину; его постоянно тянуло изъ-за границы и съ роскошныхъ придворныхъ праздниковъ въ созданное и украшенное имъ Новое Село (Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда), гдѣ онъ не только бывалъ почти каждое лѣто, но нерѣд-

ко проводилъ и зиму. Графъ Рибопьеръ былъ вполнѣ придворнымъ человѣкомъ, но въ лучшемъ значеніи этого слова. Въ его преданности государямъ слышалось то врожденное каждому Русскому чувство, котораго не пошатнутъ никакія чуждыя намъ ученія и идеи; но преданность его была вполнѣ трезвая: онъ глубоко почиталъ начало власти, но не ослѣплялся въ отношеніи къ орудіямъ ея. Преданность его не имѣла ничего рабскаго, лакейскаго; онъ чтилъ Царя и любилъ его, какъ любитъ Русскій, т. е. не забывая никогда собственнаго достоинства. Онъ не льстилъ въ глаза, но и не поносилъ за глазами. Среди блеска дипломатическихъ пріемовъ, до которыхъ онъ былъ охотникъ, среди свѣтской разсѣянности и придворной болтовни, онъ оставался вполнѣ чуждъ тому политическому нигилизму, который такъ распространился въ позднѣйшее время въ высшихъ сферахъ нашего общества. Онъ вѣрилъ въ призваніе Россіи, и для него благо Россіи, честь ея не были пустыми словами.

Съ графомъ А. И. Рибопьеромъ связаны лучшія воспоминанія моего дѣтства. Онъ былъ искреннимъ другомъ отца моего; ни одно облако не отуманило ихъ 58 лѣтнихъ близкихъ отношеній. Они познакомились въ Петербургскомъ свѣтѣ, а сошлись и подружились въ Вѣнѣ, гдѣ вмѣстѣ жили у посла графа Разумовскаго, служа въ его канцеляріи и вмѣстѣ вращаясь въ блестящемъ Вѣнскомъ обществѣ. Въ то время въ Вѣнѣ была мода на прозвища. Отецъ мой былъ высокъ ростомъ; Рибопьеръ, въ то время, подлѣ отца казался мальчикомъ; ихъ сейчасъ же прозвали m-r Legrand и chevalier Lepetit или же le petit chevalier. Legrand и Lepetit знала вся Вѣна. Извѣстная въ ту пору умомъ своимъ, Наталья Кириловна Загряжская, дочь гетмана Разумовскаго и тетка моего отца, говаривала про Рибопьера: «розовый мальчикъ, вѣтеръ причесалъ». Когда, въ сороковыхъ годахъ, отецъ мой переѣхалъ на житье въ Москву, гр. Рибопьеръ почти ежегодно посѣщалъ его проѣздомъ въ свое Новое Село. Онъ по недѣлямъ гостилъ у насъ и часто вечерами разсказывалъ мнѣ про славные дни Екатерины. Кое-что я записалъ со словъ его, къ сожалѣнію весьма немногое. Его часто уговаривали, чтобы онъ велъ Записки. «Меня преслѣдуютъ просьбами писать Мемуары», говоритъ онъ въ записной своей книжкѣ. «Множество причинъ препятствуетъ этому. Главное то, что мнѣ постоянно приходилось бы говорить о себѣ. Правда, я всю жизнь провелъ при дворѣ, на своемъ вѣку занималъ не одну должность, но никогда не игралъ я первенствующей роли, никогда не рѣшалъ и даже не руководилъ дѣлами первой важности. На каждомъ шагу въ моихъ Запискахъ встрѣчались бы выраженія: «я видѣлъ, я слышалъ, я былъ, я сказалъ». Спрашивается: кого можетъ это интересовать?» Не смотря на это, несомнѣнно, что графъ Рибопьеръ не разъ принимался за дѣло, но каждый разъ, или вѣрнѣе почти каждый разъ, уничтожалъ написанное, будучи имъ недоволенъ. «У меня была толстая тетрадь», говоритъ онъ въ другой замѣткѣ, «полная біографій, мною составленныхъ. Составлялъ я ихъ съ безпристрастіемъ. Писалъ я только то, что мнѣ подсказывали сущая правда и свѣжая еще память. Года четыре тому назадъ, тетрадь эта попалась мнѣ подъ руку, я ее сталъ перелистывать и бросилъ въ огонь; а то она, пожалуй, попалась бы кому либо въ руки, и стали бы говорить: «какой этотъ Рибопьеръ злющій». Впрочемъ кое-что изъ Записокъ его сохранилось. Когда дворъ, въ первый разъ по восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора, прибылъ въ Москву, графъ Рибопьеръ поспѣшилъ туда изъ Новаго Села и безпрестанно бывалъ у Ихъ Величествъ. «Однажды, въ Александріи,

имѣлъ я неосторожность разсказать Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и сестрѣ ея принцессѣ Луизѣ Нидерландской, что послѣ неоднократныхъ попытокъ писать Мемуары и частаго уничтоженія мною написаннаго, у меня все таки остались необдѣланныя замѣтки, которыхъ никто, ниже жена моя, не видала и не увидитъ» [1]). Государыня долго просила Рибопьера прочесть ей что нибудь изъ этихъ замѣтокъ; онъ отнѣкивался. Наконецъ, нашлась у него старая тетрадь, привезенная изъ деревни для записыванія счетовъ, въ ней записаны были кое-какіе анекдоты; онъ прочелъ ихъ Государынѣ, и чтеніе имѣло полный успѣхъ. Находившаяся въ ту пору въ Москвѣ великая княгиня Елена Павловна, слѣдившая за каждою умственною новинкою, потребовала повторенія у себя этого чтенія. Куда дѣвались эти наброски, мнѣ неизвѣстно. Говорятъ, что въ Новомъ Селѣ хранится или вѣрнѣе хранилось (такъ какъ съ кончиною графа это помѣстье опустѣло) много интересныхъ бумагъ. У старшей дочери его граф. Софьи Александровны Голенищевой-Кутузовой сбережены двѣ переплетенныя тетради въ четвертку. Въ одной изъ нихъ встрѣчаемъ мы сперва анекдоты про Екатерину, характеристику ея и Павла I; потомъ мало по малу Записки, если ихъ такъ назвать можно, переходятъ въ автобіографію. Во второй тетради необдѣланные наброски и замѣтки, въ которыхъ прошлое спутано съ настоящимъ и факты интересные внесены среди всякихъ мелкихъ и незанимательныхъ, да къ тому же совершенно новѣйшихъ придворныхъ сплетенъ. Вообще, какъ видно, тетради эти велись въ послѣднее десятилѣтіе жизни графа. Хронологическая нить часто прерывается: то онъ забѣгаетъ впередъ, то снова вспоминаетъ кое-что старое и возвращается назадъ. Графиня Кутузова, цѣня глубокую мою привязанность къ памяти отца ея, довѣрила мнѣ драгоцѣнныя для нея тетради. Онѣ писаны пофранцузски, прекраснымъ и простымъ слогомъ. Читая ихъ, такъ и слышишь голосъ и рѣчь графа Рибопьера. Издавать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они написаны, нѣтъ возможности; со всѣмъ тѣмъ въ Запискахъ этихъ много интереснаго, и жаль было бы оставлять ихъ въ неизвѣстности. Мы начали съ того, что перевели ихъ на Русскій языкъ, строго придерживаясь духу подлинника, ничего не измѣняя, но кое-что выпуская. Потомъ мы возстановили историческій порядокъ, дополняя при этомъ содержаніе первой тетради выписками изъ второй; относительно историческаго интереса все вошло въ составъ настоящей автобіографіи. Сдѣлать это было нетрудно: съ одной стороны я уже и прежде коротко знакомъ былъ съ жизнію графа, къ тому же у меня на подмогу была подъ рукою 50 лѣтняя переписка его съ отцемъ моимъ (1804—1854); съ другой стороны Александръ Ивановичъ писалъ, какъ Французы говорятъ, à bâtons rompus, отдѣльными параграфами, которые легко было переставлять. Но мы ни единаго слова не измѣнили, ни единаго не добавили. Только при сравненіи Записокъ съ старою моею записною книжкою, оказалось, что у меня, со словъ графа записаны два или три имъ забытыхъ анекдота: я позволилъ себѣ внести ихъ въ текстъ. Занимаясь въ настоящее время второю частью Исторіи семейства Разумовскихъ [2]), которую надѣюсь вскорѣ представить на судъ читателей, я разбиралъ недавно огромный и крайне-интересный архивъ свѣтлѣйшаго князя Андрея Кирилловича Разумовскаго, и между многими письмами,

---

[1]) Изъ приведенной выше записной книжки.

[2]) Первая часть помѣщена въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ“, книга 2-я.

которыя составятъ приложеніе къ труду моему, нашелъ два письма отъ графа А. И. Рибопьера; они тоже присоединены мною къ его автобіографіи.

*

Касательно происхожденія графа Рибопьера составилась у насъ басня, получившая почти право гражданства. Странная вещь: у насъ мало чѣмъ дорожатъ, все забываютъ, не сохраняютъ преданій, и вдругъ ни съ того ни съ сего пустая сплетня расходится по всей Россіи, и всѣ ей даютъ вѣру. Разсказываютъ, будто отцомъ графа Александра Ивановича былъ Французъ-парикмахеръ, Пьеръ Рибо, очень красивый собою; будто онъ приглянулся фрейлинѣ Бибиковой, что будто когда о томъ догадалась мать ея, вдова знаменитаго Александра Ильича Бибикова, то оставалось только скорѣе обвѣнчать молодыхъ любовниковъ, перемѣнившихъ, при совершеніи брака, плебейскую фамилію Ribeau на болѣе звучную Ribeaupierre: стоило только перемѣстить буквы!

Все это пошлая выдумка. Отца Александра Ивановича звали *Иваномъ*, а не Петромъ, писался онъ не Ribeaupierre, а Ribaupierre, былъ не Французъ, а Швейцарецъ, и на родинѣ оставилъ многочисленныхъ родственниковъ, которые занимали почетное положеніе и потомки которыхъ существуютъ и теперь [3]). Наконецъ, младшая вѣтвь Рибопьеровъ понынѣ процвѣтаетъ въ Швейцаріи и вполнѣ признаётъ родство свое съ Русскими однофамильцами [4]).

---

[3]) Многіе изъ нихъ мнѣ лично знакомы.

[4]) Семейство Рибопьеровъ принадлежитъ къ древнѣйшему дворянству. Въ Эльзасѣ, между Кольмаромъ и Шельстадтомъ, въ бывшемъ департаментѣ верхняго Рейна, находится хорошенькій и промышленный городокъ Рибовилье (Ribauvillé, понѣмецки Rappoltsweiler). Надъ городомъ, на горахъ, видны развалины трехъ феодальныхъ замковъ: Гирсбергъ, Сантъ-Ульрихъ или Большой Рибопьеръ (Grande Ribaupierre, понѣмецки Gross-Rappoltstein) и Высокій Рибопьеръ (Haute Ribaupierre). Извѣстный ученый Шёпфлинъ говоритъ, что въ XII вѣкѣ ленное владѣніе Рибопьеръ перешло въ руки Швабскаго уроженца Эгельгольфа фонъ-Урселингенъ, который сталъ называться Рибопьеромъ или Раппольтштейномъ. Таково историческое начало рода Рибопьеровъ; но они имъ не довольствовались, и преданіе, существовавшее въ родѣ этомъ во времена его могущества, производило Урселингена отъ древнихъ владѣтелей города Сполеты въ Италіи. Въ Лотарингіи существовалъ древній законъ, въ силу котораго иностранцы не допускались въ число феодальныхъ бароновъ. Но баронскіе роды стали вымирать и, опасаясь усиленія герцогской власти, Лотарингскіе феодалы, подъ именемъ ленныхъ перовъ (pairs fiefés или fiebvés) открыли ряды свои иностранцамъ, могущимъ доказать древность своего дворянства и владѣющимъ уже землями въ Лотарингіи. Такими стали Бассомпіеры (Bassompierre), Стенвили (Stainville), Сальмы (Salm), Людры (Ludres) и многіе другіе, въ числѣ которыхъ и Рибопьеры. Имена послѣднихъ часто встрѣчаются въ исторіи. Рибопьеры владѣли землями въ Лотарингіи и породнились съ ландграфами Эльзаскими и съ герцогами Лотарингскими. Лудовикъ XIV упрочилъ все наслѣдіе дома Рибопьеровъ за дочерью графа Іоганна Рибопьера Екатериною Агатою (†1683), бывшей въ замужствѣ за Христіаномъ III, графомъ-палатиномъ Рейнскимъ и Биркенфельдскимъ, изъ Бишвейлерской отрасли Баварскаго дома. Она была прабабкою по прямой линіи перваго Баварскаго короля Максимиліана, внесшаго въ полный королевскій Баварскій титулъ названіе Herr zu Rappolstein (пофранцузски sire de Ribaupierre). Новѣйшія изслѣдованія г. Мома (Les seigneurs de Ribaupierre, famille de la chevalerie Lorraine, en Alsace et en Suisse par M. E. Meaume. Nancy 1873. Extrait des Mémoires de la Société d'Archéologie Lorraine) доказываютъ несомнѣнно, что Швейцарскіе Рибопьеры составляютъ младшую отрасль знаменитой Эльзаской фамиліи. Отрасль эта, оставшаяся вѣрною герцогу Бургундскому Карлу Смѣлому, переселилась вслѣдствіе разныхъ невзгодъ въ Швейцарію и мало помалу прервала всякія сношенія съ своими однофамильцами. Первый Рибопьеръ, о коемъ упоминаютъ Швейцарскіе акты,—Антонъ, въ концѣ XVI вѣка, завѣдывалъ огромными маетностями семейства де Вержи (Vergi), находившагося въ близкомъ родствѣ съ Эльзаскими Рибопьерами. У этого Антона былъ внукъ Тимофей, который жилъ въ Грансонѣ (въ Ваатландѣ) и принялъ

Маркъ-Степанъ Рибопьеръ, дѣдъ графа Александра Ивановича, жилъ недалеко отъ городка Ролля, на берегу Женевскаго озера, въ имѣніи своемъ Ла-Лигіеръ, La Liguière [5]). Онъ былъ очень друженъ съ Вольтеромъ, кототорый собирался переѣхать на житье къ Рибопьерамъ; часть Вольтеровой библіотеки была даже перевезена въ Ла-Лигьеръ и размѣщена въ одномъ изъ павильоновъ этого помѣстья, который съ этихъ поръ сталъ называться Вольтеровымъ павильономъ.

У Марка Степана Рибопьера были двѣ дочери и три сына. Одна изъ дочерей вышла за Швейцарца де Ровереà (de Rovereat); она была замѣчательнаго ума и славилась любезностью. Другая была женою Женевскаго патриція Де-Сожи (de Saugy), изъ очень извѣстной въ Швейцаріи фамиліи, и сынъ ея Юлій Де-Сожи служилъ въ Россіи въ лейбъ-уланахъ. Старшіе сыновья Марка-Степана поступили на Испанскую службу и поселились въ Кадиксѣ [6]). Почти всѣ предки графа Рибопьера были военные и, по обычаю Швейцарскаго дворянства, служили кто во Франціи, кто въ Голландіи, кто въ Италіи и Испаніи. Младшій сынъ того же Марка-Степана, Иванъ Рибопьеръ получилъ отличное образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ, гдѣ онъ сблизился съ двумя молодыми Русскими, отправленными заграницу для образованія. Оба принадлежали къ знатнымъ родамъ нашимъ: то были князь Николай Борисовичъ Юсуповъ и Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Въ то время какъ молодой Рибопьеръ учился въ Тюбингенѣ, отецъ добылъ ему патентъ на чинъ лейтенанта въ Швейцарскій полкъ, который находился на службѣ у Голландскихъ Генеральныхъ Штатовъ и которымъ командовалъ близкій родственникъ Рибопьеровъ баронъ Роль (Rolle). Въ то время всѣ взоры обращены были на Россію; имя Екатерины гремѣло на стогнахъ Европы; но нигдѣ столько про нее не говорили какъ въ Фернеѣ у Вольтера, гдѣ часто бывалъ молодой Рибопьеръ. Слова Вольтера, разсказы Русскихъ товарищей, газетныя извѣстія, все это вскружило голову молодому Швейцарцу: онъ бросилъ свой патентъ и съ письмомъ отъ Вольтера отправился въ Петербургъ. «Я испрашиваю вашихъ милостей подателю письма сего, писалъ Императрицѣ Вольтеръ, и мнѣ кажется, что теперь я отчасти исправляю многочисленные мои промахи, неоднократно рекомендовавъ вашему величеству людей далеко не оправдавшихъ добрые мои о нихъ отзывы» [7]). Императрица милостиво приняла письмо, Рибопьеръ удостоенъ былъ лестнаго пріема, назначенъ офицеромъ, а вслѣдъ за

Швейцарское гражданство. У Тимофея были сыновья Авраамъ и Іоганнъ-Францискъ. Отъ втораго пошли Рибопьеры, живущіе понынѣ въ Швейцаріи. Швейцарскіе Рибопьеры сохранили правильное правописаніе своего имени (Ribaupierre, а не Ribeaupierre), и гербъ ихъ совершенно почти сходенъ съ гербомъ Эльзаскихъ Рибопьеровъ. У Авраама Рибопьера былъ сынъ Яковъ-Францискъ, поселившійся въ 1689 г. въ Роллѣ (Rolle), гдѣ онъ былъ совѣтникомъ и секретаремъ городскаго управленія, внукъ Даніилъ, куріальный совѣтникъ и правнукъ Маркъ-Степанъ, родившійся въ 1723 году.

[5]) Помѣстье это досталось по наслѣдству графу Александру Ивановичу. Во время его малолѣтства и въ самый разгаръ Французской революціи, имѣніе было продано опекунами за безцѣнокъ. Много лѣтъ спустя, графъ Рибопьеръ посѣтилъ его. Вѣликолѣпные дубы украшали старинный садъ; домъ, въ которомъ жилъ дѣдъ Александра Ивановича, былъ обращенъ въ службы, а Вольтеровъ павильонъ сталъ господскимъ домомъ, château (изъ записной книжки графа Рибопьера).

[6]) Они, сколько намъ извѣстно, тамъ и умерли, не оставивъ потомства.

[7]) Изъ записной книжки графа Рибопьера.

тѣмъ взятъ въ адъютанты къ князю Потемкину, что́ открывало ему блестящую карьеру. У бывшихъ своихъ товарищей по университету, Юсупова и Апраксина, Рибопьеръ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Тогда же онъ сблизился съ семействомъ покойнаго А. И. Бибикова.

Екатерина осыпала это семейство своими щедротами. Вдова Бибикова, Анастасья Семеновна, получила 2500 душъ въ Бѣлоруссіи; старшій сынъ Павелъ произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государынѣ; второй сынъ, десятилѣтній Александръ, пожалованъ офицеромъ въ гвардію, а дочь Аграфена Александровна во фрейлины. Въ то время комплектъ фрейлинъ состоялъ изъ двѣнадцати дѣвицъ, и то почти всегда были ваканціи. Фрейлины должны были жить во дворцѣ и поочередно дежурить при Императрицѣ. Анастасья Семеновна, убитая горемъ по кончинѣ супруга, объявила Государынѣ, что хотя крайне благодарна за всѣ ея милости и почитаетъ пожалованіе дочери величайшею честью для всего своего рода, однако никакъ не можетъ рѣшиться на разлуку съ нею. Екатерина дозволила новопожалованной фрейлинѣ жить при матери. Это былъ первый примѣръ такого рода. Молодая Бибикова являлась на дежурство во дворецъ съ такою аккуратностью, что даже во время страшнаго наводненія 1777 года, затопившаго почти весь Петербургъ, не смотря на погоду и опасность, отправилась въ лодкѣ во дворецъ. И на умъ не приходило въ то время, говорилъ графъ Рибопьеръ, разсказывая эти подробности, «извиниться отъ дежурства». На придворныхъ балахъ Бибикова увидала красиваго и статнаго адъютанта Потемкина, котораго въ Россіи стали величать Иваномъ Степановичемъ. Онъ ей приглянулся, и они сочетались бракомъ. Несомнѣнно, что бракъ этотъ всей роднѣ, а особенно старухѣ Бибиковой (урожд. княжнѣ Козловской) не очень пришелся по сердцу. Родниться съ чужеземцами не очень въ то время любили, и недовольство это вѣроятно породило въ городѣ тѣ нелѣпые толки, о которыхъ упомянуто выше.

Между тѣмъ служба И. С. Рибопьера шла очень успѣшно. Всемогущій князь Тавриды благоволилъ къ своему адъютанту. Его приглашали ко двору, всюду радушно принимали, всячески ласкали. Рибопьеръ особенно сблизился съ товарищемъ своимъ, красавцемъ-гвардейцемъ, А. М. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, тоже адъютантомъ князя Потемкина. Между ними завязалась тѣсная дружба, и Рибопьеръ вскорѣ пріобрѣлъ большое вліяніе на Мамонова. Когда послѣ Ермолова фаворитомъ сдѣлался Мамоновъ, близкія отношенія сего послѣдняго къ товарищу по адъютантству не измѣнились. «Рибопьеръ», доносилъ В. С. Попову Петербургскій соглядатай Потемкина Гарновскій, «находится въ прежнемъ положеніи и просиживаетъ у его превосходительства (Мамонова) часто до 3-хъ часовъ ночи» [8]). Какъ видно, и Потемкинъ, и всѣ сторонники его вполнѣ полагались на Ивана Степановича и считали его пребываніе въ Петербургѣ для себя необходимымъ. Въ то время онъ уже былъ бригадиромъ. Мамоновъ желалъ, чтобы Рибопьеръ переведенъ былъ въ Казанскій кирасирскій полкъ, опасаясь, какъ-бы онъ не уѣхалъ на войну. Онъ просилъ Потемкина донести о томъ Государынѣ и объяснялъ, «что по иностранству его къ нашей службѣ непривыкшему», приличнѣе ему быть въ полку, находящемуся внутри Россіи, чѣмъ въ такомъ, который находится въ походѣ. «Признаться вамъ»,

---

8) Русская Старина XV, 242.

говорилъ Мамоновъ С. А. Львову, «что почти жить не могу безъ Ивана Степановича; да и для князя, можетъ быть, лучше бы было, еслибъ Иванъ Степановичъ былъ здѣсь. Я ни съ кѣмъ не могу такъ откровенно говорить какъ съ нимъ». «Подъ какимъ бы то ни было предлогомъ», добавляетъ уже отъ себя Гарновскій, «непремѣнно нужно Ивану Степановичу быть здѣсь».

Сторонники князя Потемкина опасались вліянія враговъ его на Мамонова; болѣе всѣхъ боялись они Завадовскаго, Безбородки и А. Р. Воронцова.

Рибопьеръ, съ тѣхъ поръ какъ начался случай Мамонова, принятъ былъ и въ число приближенныхъ къ Государынѣ. Онъ часто бывалъ на эрмитажныхъ собраніяхъ; попасть туда было въ то время завѣтною мечтою каждаго придворнаго, но не многіе удостоивались подобной чести. Государыня любила бесѣдовать съ умнымъ и образованнымъ Швейцарцемъ. Когда Екатерина стала думать о воспитателѣ для своего внука, Рибопьеръ рекомендовалъ ей друга своей молодости, Лагарпа [9]).—Отъ брака съ Аграфеною Александровною Бибиковою родились у Ивана Степановича три дочери: Анастасія, Елисавета и Екатерина и сынъ Александръ. Онъ родился 20 Апрѣля 1781 года; воспреемникомъ его былъ малолѣтній тогда великій князь Александръ Павловичъ. Ребенокъ былъ необыкновенно красивъ; всѣ его любили и ласкали. Рибопьеръ часто водилъ съ собою къ Мамонову своего малолѣтняго сына.

Но уступимъ мѣсто разсказу самого графа Александра Ивановича.

*

Изъ всѣхъ любимцевъ Екатерины, исключая кн. Потемкина, графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ былъ самымъ замѣчательнымъ по уму, воспитанію и по отмѣнной щеголеватости манеръ. Одинъ онъ изъ всѣхъ любимцевъ добровольно покинулъ положеніе свое при дворѣ. Частью отъ скуки, частью по любовной вспышкѣ, онъ женился на княжнѣ Щербатовой и удалился отъ двора [10]).

Княжна Дарья Ѳедоровна Щербатова была фрейлиною. Фрейлины въ то время жили во дворцѣ и никуда не выѣзжали безъ особеннаго разрѣшенія, и то только, чтобы навѣстить самыхъ близкихъ родныхъ. Бабушка Анастасья Семеновна Бибикова приходилась какъ-то теткою княжнѣ Щербатовой, которая почти ежедневно насъ посѣщала. Графъ Мамоновъ былъ искреннимъ другомъ отца моего. Дружба ихъ началась въ то время, когда они были вмѣстѣ адъютантами у князя

---

[9]) Изъ записной книжки графа Рибопьера.

[10]) Г-жа Бирхпфейферъ, сочинительница довольно удачныхъ Нѣмецкихъ комедій, воспользовалась этимъ сюжетомъ; но, не имѣя никакихъ вѣрныхъ историческихъ данныхъ и вовсе незнакомая съ дворомъ Екатерины, она попала въ просакъ, и піеса ея, названная die Günstlinge, была пошла до неприличія. Я былъ въ то время посланникомъ въ Берлинѣ и протестовалъ противъ повторенія этой піесы, на представленіи которой храбро присутствовали Прусскія принцессы, правнучки той великой Монархини, которую сочинительница піесы поднимала на смѣхъ. Мнѣ удалось добиться ея запрещенія, и при мнѣ ея уже не давали, къ крайнему отчаянію г-жъ Крейлингеръ и Гагенъ, извѣстныхъ въ то время Берлинскихъ актрисъ, воображавшихъ, что одна несравненно представляла Екатерину, а другая княжну Щербатову. Въ сущности же онѣ играли такъ, что ихъ бы слѣдовало прогнать со сцены. *Замѣчаніе графа Рибопьера.*

Потемкина. Мамоновъ часто бывалъ у насъ и встрѣчался съ княжною. Они полюбили другъ друга и объяснились, но такъ, что никто въ домѣ этого не подозрѣвалъ. Однако, ничто не ускользаетъ отъ придворныхъ взоровъ, и скоро стали добиваться причины частыхъ къ намъ поѣздокъ Мамонова. Причину эту вскорѣ открыли, и немедленно о томъ донесено было Государынѣ. Она долго не вѣрила. Прекрасной душѣ ея противна была клевета. Враговъ Мамонова однако это не остановило и, благодаря частымъ повтореніямъ, имъ удалось вселить безпокойство въ довѣрчивое сердце Екатерины. Она рѣшилась сама убѣдиться въ вѣрности доноса. Призвавъ къ себѣ Мамонова и приступая немедля къ дѣлу, она сказала ему: «Я старѣю, другъ мой; будущность твоя крайне меня безпокоитъ. Хотя великій князь къ тебѣ благосклоненъ [11]), однако я крайне опасаюсь, чтобы завистники (а у кого ихъ нѣтъ при дворѣ?) не имѣли вліянія на перемѣнчивый его нравъ. Отецъ твой богатъ, я тебя тоже обогатила; но послѣ меня, что̀ будетъ съ тобою, если я заранѣе не подумаю о судьбѣ твоей? Ты знаешь, что покойная графиня Брюсъ [12]) была лучшимъ другомъ моей юности. Умирая она мнѣ поручила свою единственную дочь. Ей теперь 16 лѣтъ, и я имѣю право располагать ея будущностію. Женись на ней, ты изъ нея образуешь себѣ жену по вкусу и будешь однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи. Женившись ты здѣсь поселишься, за тобою останутся всѣ занимаемыя тобою должности; ты будешь мнѣ помогать по прежнему свѣдѣніями и умомъ, которыя, какъ самъ знаешь, я высоко цѣню. Отвѣчай мнѣ откровенно. Твое счастіе—мое счастіе». Мамоновъ слушалъ, ничего не отвѣчая. Онъ не подозрѣвалъ, что нѣжныя слова эти были ловушкою и, увлекаемый страстью, которую онъ питалъ или вѣрнѣе которую ему казалось, что онъ питалъ къ княжнѣ Щербатовой, бросился къ ногамъ Государыни и воскликнулъ съ увлеченіемъ: «Такъ какъ Ваше Величество желаете моего счастья и рѣшаетесь женить меня и удалить отъ себя, то дозвольте мнѣ жениться на той, которую люблю». Нѣжная и страстная, но въ тоже время всегда владѣвшая собою, Екатерина промолвила только: «И такъ это правда?» Мамоновъ понялъ, что себя предалъ, что окончательно упалъ въ глазахъ Государыни и что не можетъ болѣе при ней оставаться и долженъ покинуть дворецъ. Быть можетъ, онъ почувствовалъ уже тогда раскаяніе [13]). Смущенный, уничтоженный, онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Вскорѣ

---

[11]) Мамоновъ былъ единственный изъ любимцевъ Екатерины, который съумѣлъ тактомъ своимъ снискать благоволеніе Павла Петровича. *Замѣчаніе графа Рибопьера.*

[12]) Графиня Прасковья Александровна Брюсъ (р. 1729 † 1786), сестра Задунайскаго, супруга генералъ-аншефа Якова Александровича Брюса (р. 1732 † 1791). Дочь ихъ Екатерина Яковлевна (р. 1776, значитъ ей было всего 12 лѣтъ, а не 16, во время удаленія Мамонова отъ двора) была потомъ за графомъ Василіемъ Валентиновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, который присоединилъ ея фамилію къ своему имени.

[13]) Екатерина сама передавала Храповицкому это объясненіе съ Мамоновымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Онъ пришелъ въ Понедѣльникъ (18 Іюня 1789), сталъ жаловаться на холодность мою и начиналъ браниться. Я отвѣчала, что самъ онъ знаетъ, каково мнѣ съ Сентября мѣсяца и сколько я терпѣла. Просилъ совѣта что̀ дѣлать. «Совѣтовъ моихъ давно не слушаешь, а какъ отойти, подумаю. Потомъ послала къ нему записку pour une retraite

послѣ жестокаго этого признанія, Государыня призвала княжну Щербатову и сказала ей: «Я васъ взяла къ себѣ по смерти вашихъ родителей [14]). Я старалась всячески замѣнить ихъ. Кромѣ благосклонности вы отъ меня ничего не видали; теперь исполняю окончательно долгъ свой. Я знаю, что вы любите графа Мамонова; онъ сейчасъ признался мнѣ въ своей любви къ вамъ. Я рѣшила вашу свадьбу и дамъ приказаніе для безотлагательнаго совершенія оной». И въ самомъ дѣлѣ, по приказанію Государыни, купленъ былъ великолѣпный домъ въ Москвѣ, который заново отдѣлали и снабдили всѣмъ необходимымъ для комфорта, даже провизіею. Сватьбу отпраздновали въ придворной церкви Царскосельскаго дворца, въ присутствіи Государыни, при чемъ строго наблюденъ былъ придворный этикетъ, и Императрица по обыкновенію собственноручно убрала голову невѣсты [15]). Хотя я тогда былъ еще совершеннымъ ребенкомъ, однако присутствовалъ при этой сватьбѣ вмѣстѣ съ матушкою и бабушкою, единственными родственницами княжны; кромѣ насъ не было другихъ приглашенныхъ. На другой день молодые уѣхали въ Москву. Медовый ихъ мѣсяцъ недолго продолжался. Скука, одиночество, раскаяніе отравили жизнь ихъ. Екатерина была отомщена. Гнѣвъ и досада должны были однако на комъ нибудь излиться. Коль скоро къ ней явился ея камердинеръ Зотовъ, она разразилась упреками и жалобами. «Я знаю, сказала она, кто предатели: Рибопьеръ и жена его устроили эту сватьбу. Они безсовѣстно надо мною подшутили». Зотовъ замѣтилъ, что этимъ бракомъ отецъ мой не только ничего не выигрывалъ, но напротивъ рисковалъ навсегда потерять благоволеніе Государыни, которое пріобрѣлъ единственно черезъ дружбу свою съ Мамоновымъ и что навѣрное онъ не захотѣлъ бы жертвовать милостями Ея Величества изъ-за удовольствія выдать замужъ одну изъ многочисленныхъ родственницъ своей жены.— «Ты правъ», отвѣчала Государыня: «горе мое меня ослѣпило. Отъ чего нѣтъ постоянно при царяхъ честнаго человѣка подобнаго тебѣ, мой милый Зотовъ, чтобы останавливать первые порывы гнѣва!. Я знаю Рибопьера: подобный поступокъ не со-

---

brillante: il m'est venue l'idée du mariage avec la fille du comte de Bruce. Анна Никитична (Нарышкина) здѣсь. Брюсъ будетъ дежурный. Я дозволила ему привезти дочь. Ей 13 лѣтъ, mais elle est déjà formée: je sais cela. Вдругъ отвѣчаетъ дрожащей рукою, что онъ съ годъ какъ влюбленъ въ Щ. и полгода какъ далъ слово жениться. Jugez du moment! Послала за Анной Никитичной. Онъ пришелъ. Дозволила, досадуя, за чѣмъ ранѣе не рѣшился. Il m'aurait épargné bien des désagréments. Но Анна Никитична его разругала. Онъ заведенъ. Права ли я?» (Дневникъ Храповицкаго, изданіе 1874 года, стр. 293).

[14]) Родители ея умерли въ Москвѣ отъ чумы (*замѣчаніе гр. Рибопьера*). Это не совсѣмъ вѣрно. Княжна въ дѣтствѣ лишилась матери, родомъ княжны Бековичъ-Черкасской; но отецъ ея, князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, женился вторично на княжнѣ Аннѣ Григорьевнѣ Мещерской, имѣлъ отъ нея дѣтей и умеръ гораздо позднѣе чумы.

[15]) Екатерина, въ самый день признанія Мамонова, 18 Іюня 1789, саморучно обручила его съ кн. Щербатовой пребогатымъ перстнемъ; но сватьба ихъ, по причинѣ поста, отложена была до слѣдующаго 1-го Іюля (Дневн. Храповицкаго). Преданіе увѣряетъ, что, убирая невѣсту бриллiантами и пришпиливая головной нарядъ, Государыня уколола ее.

гласенъ съ прямымъ его характеромъ» [16]). Захаръ Константиновичъ Зотовъ, родомъ Грекъ, помѣщенъ былъ при Государынѣ княземъ Потемкинымъ. Зотовъ вскорѣ сдѣлался довѣреннымъ ея человѣкомъ. Другимъ довѣреннымъ камердинеромъ Государыни былъ Иванъ Михайловичъ Тюльпинъ. Они поочередно дежурили при Императрицѣ. Онъ мнѣ самъ передавалъ вышесказанное, равно какъ и многое другое, въ продолженіи долгаго съ нимъ разговора, уже въ царствованіе Александра Павловича. Онъ восхищался въ покойной Государынѣ сердечною добротою и быстротою соображенія (promptitude du jugement).

Екатерина не перемѣнилась послѣ свадьбы Мамонова ни ко мнѣ, продолжавшему ежедневно бывать у нея, ни къ моему отцу, который по прежнему остался въ числѣ приближенныхъ особъ. Положеніе это онъ сохранилъ до отъѣзда своего въ армію, въ слѣдующемъ году. Назадъ онъ уже не возвращался, ибо былъ убитъ на штурмѣ Измаила. Дружба отца съ Мамоновымъ открыла ему внутренніе покои дворца; онъ проводилъ тамъ всѣ вечера и такимъ образомъ ежедневно находился въ томъ отборномъ кружкѣ, который собирала вокругъ себя Государыня. Обычная сдержанность отца подала поводъ Государынѣ дать ему прозваніе: dieu du silence. Она охотно давала прозвища всѣмъ лицамъ, составлявшимъ ежедневное ея общество: такъ дядю моего Бибикова, который былъ малъ ростомъ, она прозвала grand d'Espagne. Въ прозвищахъ этихъ никогда не было ничего обиднаго: они были только выраженіемъ веселости всегда благосклонной.

Государыня много про меня слышала и пожелала меня видѣть. Меня къ ней привели обманомъ. Мнѣ было всего четыре года, и я страшно ея боялся. Мамоновъ, постоянно меня ласкавшій, не разъ предлагалъ свести меня къ Государынѣ. Я этого страхъ боялся. Не знаю почему, мнѣ представлялось, что какъ только меня приведутъ къ Государынѣ, она сейчасъ же велитъ мнѣ отрубить голову. Мамоновъ рѣшился употребить хитрость; онъ подозвалъ Зотова и сказалъ ему: «Сведи его туда и скажи: вотъ вамъ игрушка отъ меня». Я сейчасъ же догадался, въ чемъ дѣло и когда Зотовъ понесъ меня по витой внутренней лѣстницѣ, соединявшей комнаты Мамонова съ покоями Императрицы, то я сталъ дѣлать ему страшныя гримасы въ надеждѣ его напугать и вырваться изъ рукъ его. Меня внесли въ уборную Государыни; она сидѣла въ большомъ бѣломъ пенуарѣ, передъ зеркаломъ. Увидавъ меня, она подозвала меня, но я ни за что не захотѣлъ подойти. Государыня встала и засыпала меня ласками [17]). Она вскорѣ такъ ко мнѣ привыкла, что безпрестанно за мною посылала. Я былъ у нея совершенно какъ дома, потому что полюбилъ

---

[16]) Судя по современнымъ указаніямъ, Екатерина не такъ скоро простила Ивану Степановичу и даже имѣла съ нимъ личное объясненіе. Она завела съ нимъ рѣчь о долгахъ новой графини Мамоновой. «Рибопьеръ про то зналъ», говорила она Храповицкому «и, бывъ позванъ ко мнѣ, сдѣлался блѣденъ какъ платокъ. Князь (Потемкинъ) мнѣ прежде говорилъ, чтобъ его спросить, но я не хотѣла» (Дневн. Храповицкаго, стр. 297).—«Рибопьеръ обо всемъ зналъ, писала Екатерина къ князю Потемкину, «онъ и братъ его жены (Александръ Александровичъ) совѣтовали. Говорилъ ли онъ или нѣтъ о семъ чистосердечно, не вѣдаю; но помню, что ты мнѣ единожды говорилъ, что Рибопьеръ тебѣ сказалъ, что другъ его достоинъ быть выгнанъ отъ меня, чему я дивилась» (Русскій Архивъ 1864, 594).

[17]) Разсказъ мною записанный.

ее всею душею. Она тоже ко мнѣ привязалась, игрывала со мною, вырѣзывала для меня изъ бумаги разныя фигуры. Такъ, помню, что разъ она мнѣ вырѣзала сани съ лошадьми и кучеромъ; подъ рукою у нея не было веревочки для возжей, и она оторвала тесемку отъ своего воротника. Я долго хранилъ вырѣзку эту какъ святыню. Государыня даривала мнѣ богатыя игрушки, между прочимъ помню охоту за оленями. Это была механическая игрушка; когда ее заводили, то олень бѣгалъ, собаки лаяли и гнались за нимъ, егеря скакали на лошадяхъ, а одинъ трубилъ въ рогъ. Помню также великолѣпную качающуюся большую лошадь; сѣдло и сбруя были малиновыя, бархатныя, шитыя золотомъ [18]). Государыня по долгу со мною разговаривала; никто лучше ея не умѣлъ заняться ребенкомъ. Приходилъ ли кто съ докладомъ, она меня отправляла играть къ великимъ княжнамъ, а потомъ опять за мною посылала. Мнѣ пошелъ пятый годъ, когда она меня пожаловала офицеромъ въ конную гвардію, что мнѣ по арміи давало чинъ ротмистра. Эту милость осуждали, хотя во все славное ея царствованіе только десять мальчиковъ ею воспользовались. Какое зло могло произойти отъ того, что нѣсколько молодыхъ людей хорошихъ фамилій надѣвали мундиръ и вступали на службу офицерами, вмѣсто того, чтобы быть записанными въ спискахъ полка унтеръ-офицерами, какъ это обыкновенно дѣлалось до тѣхъ поръ, пока ихъ не производили въ корнеты или прапорщики? Къ тому же время сглаживало это преимущество, и если мы кого и перегнали въ началѣ, то были другіе, въ свою очередь насъ обогнавшіе по службѣ. Назову тѣхъ, кто былъ въ дѣтствѣ произведенъ въ офицеры; никто изъ нихъ никому этимъ не повредилъ. Двоюродные братья мои Голицыны и Браницкій—всѣ четверо внуки князя Потемкина, сынъ фельдмаршала графа Салтыкова, два сына фельдмаршала князя Салтыкова, графъ Шуваловъ (тотъ, который сопровождалъ Наполеона на островъ Эльбу), графъ Валентинъ Эстергази. Государыня не только меня любила и забавлялась моими наивными отвѣтами, но даже слѣдила съ материнскимъ попеченіемъ за моимъ воспитаніемъ. Мнѣ минуло 9 лѣтъ; стали думать о гувернерѣ. Выборъ матушки остановился на нѣкоемъ Лёбо, старомъ Французѣ, котораго ей очень рекомендовали. Императрица объ этомъ узнала и черезъ дядю Бибикова велѣла сказать матушкѣ, что она не одобряетъ выбора Француза. Это было въ полный разгаръ революціи. Матушка поспѣшила отвѣчать, что Лёбо уже давно живетъ въ Россіи, что онъ только что окончилъ съ успѣхомъ чье-то воспитаніе и что онъ вовсе не раздѣляетъ убѣжденій революціонеровъ. «Все это прекрасно», отвѣчала Государыня, «но я не хочу, чтобы Саша (такъ она меня всегда называла) былъ воспитанъ Французомъ. Пускай Аграфена Александровна обратится къ другу покойнаго ея мужа Лагарпу: онъ ей выпишетъ хорошаго Швейцарца, которому она можетъ вполнѣ безопасно поручить сына своего». Лагарпа изъ Швейцаріи, по желанію Екатерины, выписалъ отецъ мой, и онъ навсегда остался намъ преданъ.

Какъ-то осенью, возвращаясь изъ деревни въ каретѣ, я растравилъ себѣ високъ. Государыня была очень гадлива, и матушка не рѣшалась посылать меня во дворецъ съ болячкою на лбу. Императрица настоятельно того потребовала, и меня отправили, перевязавъ

---

[18]) Записано со словъ графа А. И. Рибопьера.

голову розовою лентою. Увидавъ перевязку и узнавъ въ чемъ дѣло, Государыня посовѣтовала мнѣ потереть лобъ Французскою водкою (eau de vie de France). Въ то время одеколонъ не былъ еще изобрѣтенъ; вмѣсто его употребляли Французскую водку и eau de la reine de Hongrie (воду Венгерской королевы). Пріѣхавъ домой, я передалъ матушкѣ совѣтъ Государыни; мнѣ потерли лобъ, который до того этимъ растравили, что я долгое время былъ боленъ [19]).

Однажды, передъ отъѣздомъ въ деревню, я отправленъ былъ проститься съ Государынею; она мнѣ приказала писать ей. Мнѣ было тогда лѣтъ 10 или 11. Легко вообразить, въ какомъ я былъ затрудненіи, когда пришлось взяться за перо. Матушка однако настаивала на томъ, чтобы я писалъ, отказываясь при этомъ помогать мнѣ. Я много намаралъ бумаги прежде чѣмъ удалось начертить нѣсколько плохихъ фразъ; къ счастію, мнѣ пришла въ голову мысль, которая спасла меня: я написалъ, что я желаю быть достоинъ милостей ко мнѣ Государыни, и что мнѣ бы очень хотѣлось служить ей, но что матушка находитъ, что я еще слишкомъ молодъ. Письмо мое имѣло большой успѣхъ. Государыня соблаговолила собственноручно мнѣ отвѣчать, но приказала Попову списать отвѣтъ этотъ.

Государыня, ничего не дѣлавшая необдуманно, разсудила, что собственноручное письмо будетъ слишкомъ большою честью для мальчишки. Много лѣтъ послѣ, В. С. Поповъ подарилъ мнѣ черновую этого письма; она писана рукою Императрицы и со многими помарками и поправками: до того заботлива была Екатерина касательно всего, чтó отъ нея исходило. Отвѣчая на выраженіе моего сожалѣнія касательно того, что не могу еще служить, Государыня привела стихи Вольтера: Dans les âmes bien nées la valeur n'attend pas le nombre des années! Я нѣжно привязался къ Государынѣ. Чтобы дать понятіе о томъ почтеніи, которое она всѣмъ внушала и которое съумѣла она внушить мнѣ, 8 или 9 лѣтнему мальчишкѣ, приведу слѣдующій случай. «Есть ли у тебя мой портретъ?» спросила она однажды у меня. «Нѣтъ, Государыня», отвѣчалъ я. «А ты еще увѣряешь, что меня любишь», замѣтила Императрица. «Маменька мнѣ не дала», продолжалъ я, и потомъ, подумавъ немного: «въ большой гостиной у насъ есть вашъ портретъ». «Портретъ этотъ принадлежитъ твоей матери, я его знаю, я сама заказывала его для герцога Виртембергскаго [20]); но у тебя портрета нѣтъ». Государыня

---

[19]) Записано со словъ графа А. И. Рибопьера.

[20]) При отъѣздѣ этого принца родители мои купили домъ его *(замѣчаніе гр. Рибопьера)*. Домъ этотъ на Моховой, одинъ изъ немногихъ Петербургскихъ домовъ, сохранившихъ свою старинную архитектуру, еще недавно принадлежалъ г. Мальцеву. Нынѣ онъ купленъ Е. И. В. Принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ. — Герцогъ Карлъ-Вильгельмъ Фридрихъ Виртембергскій—впослѣдствіи первый король Виртембергскій, подъ именемъ Фридриха I. Онъ сопутствовалъ сестрѣ своей В. Княгинѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ въ Италію во время путешествія ея и супруга ея по Европѣ и съ ними пріѣхалъ въ Россію, принятъ былъ на службу генералъ-лейтенантомъ и назначенъ генералъ-губернаторомъ Выборгскимъ. Жестокое поведеніе его съ 1-ою женою Августою-Каролиною-Фредерикою-Луизою, родомъ принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбютельскою, возбудило противъ него гнѣвъ Екатерины. Принцесса умоляла о разводѣ и поселилась въ Ревелѣ, гдѣ ей назначенъ былъ придворный штатъ и гдѣ она 16 Сент. 1788 г.

позвонила; вошелъ Зотовъ. «Пойди въ Эрмитажъ и принеси одинъ изъ моихъ портретовъ: я хочу подарить его Сашѣ». Зотовъ вернулся и доложилъ, что онъ нашелъ въ Эрмитажѣ одни только огромные масляные портреты во весь ростъ, которые очень трудно передвигать. «Ну такъ пойди къ Марьѣ Савишнѣ, попроси ее, чтобы она мнѣ одинъ изъ портретовъ моихъ уступила». Зотовъ вскорѣ явился съ портретомъ, писаннымъ во время Крымскаго путешествія, подъ которымъ Сегюръ подписалъ прелестные стихи. Стихи эти для всякаго другаго были бы лестью. Подъ портретомъ же Екатерины они были сущею правдою:—Reconnais vers le Nord и проч. [21]). Я съ восторгомъ принялъ подарокъ и передъ отъѣздомъ осыпалъ руки Государыни поцѣлуями.

трагически скончалась. Герцогу велѣно было выѣхать изъ Россіи. Онъ продалъ Петербургскій домъ свой Рибопьерамъ. Въ 1797 герцогъ вторично женился на принцессѣ Англійской, дочери короля Георга III, въ томъ же году наслѣдовалъ отцу своему, какъ владѣтельный герцогъ, въ 1803 признанъ былъ курфирстомъ, а въ 1806, по милости Наполеона, королемъ. Онъ приходится роднымъ дѣдомъ теперешнему королю.

[21]) Гравюра въ листъ черною манерою. Портретъ грудной. Государыня представлена въ мѣховой шапкѣ съ откиднымъ верхомъ и въ кафтанѣ съ петлицами, съ Андреевскою, Георгіевскою и Владимірскою звѣздами. Внизу съ одной стороны надпись: peint par Schebanoff, а съ другой стороны, gravé par J. Walker и пр. Вотъ стихи графа Сегюра подъ этимъ портретомъ:

Reconnois vers le Nord l'aimant qui nous attire,
Cet heureux conquérant, profond législateur,
Femme aimable, grandhomme et que l'envie admire,
Qui parcourt ses états, y verse le bonheur.
Maître en l'art de régner, savante en l'art d'écrire,
Répandant la lumière, écartant les erreurs.
Si le sort n'aurait pu lui donner un empire,
Elle aurait eu toujours un trône dans nos coeurs.

Самый портретъ писанъ былъ въ Кіевѣ въ 1787 году Шебановымъ, крѣпостнымъ живописцемъ князя Потемкина (см. сочиненіе наше Liste alphabétique de portraits russes, I. 179—180). Стихи Сегюра были переведены Павломъ Ивановичемъ Сумароковымъ:

Чудесну силу здѣсь магнита,
Влекущу къ сѣверной странѣ,
Героя, мужа именита,
Познай въ премудрой сей женѣ.
Даетъ уставы, чиститъ нравы,
Искусна царствовать, писать.
Полна вселенна ея славы,
Велѣла зависти молчать.
Когда бъ судьба опредѣлила
Ей быть безъ скипетра въ рукахъ,
Умомъ бы, кротостью плѣнила,
Свой тронъ воздвигла бы въ сердцахъ.

Стихи эти помѣщены подъ гравюрою знаменитаго нашего гравера Уткина, съ портрета Левицкаго; гравюра находится при книгѣ: Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія, П. Сумарокова (см. тамъ-же, I. 170—171)

На этотъ разъ Государыня меня у себя задержала гораздо долѣе обыкновеннаго. Садясь въ карету, я поставилъ портретъ на заднее мѣсто, а самъ сѣлъ на передкѣ: до того проникнутъ я былъ почтеніемъ къ изображенію возлюбленной Монархини. Матушка очень безпокоилась долгимъ моимъ отсутствіемъ и, поджидая меня, ходила по балкону. Вотъ она видитъ, подъѣзжаетъ карета, но напрасно ищетъ меня глазами на заднемъ мѣстѣ. Она заботливо выбѣгаетъ на лѣстницу, разузнать у лакея, что со мною стало. «Да я здѣсь», отвѣчалъ я на распросы матушки: «зачѣмъ вышли вы меня встрѣчать?» «А ты зачѣмъ не сидѣлъ на своемъ мѣстѣ?» «Потому что я ѣхалъ не одинъ», отвѣчалъ я, указывая на портретъ Государыни, который несъ за мною лакей. Отвѣтъ, этотъ, довольно удачный для ребенка, понравился матушкѣ; она разсказала его друзьямъ нашимъ, тѣ передали его Государынѣ, которая была имъ очень довольна и сама мнѣ о томъ говорила [22]).

Быть приглашеннымъ въ эрмитажъ считалось въ тѣ времена великою честью. Это было преимущество, которымъ пользовались самые приближенные изъ придворныхъ; но Государыня допускала иногда на эрмитажныя собранія, въ видѣ рѣдкаго исключенія, и постороннихъ. Бывали большіе эрмитажи, средніе эрмитажи и малые эрмитажи. На первыхъ бывалъ обыкновенно балъ съ ужиномъ, и число приглашенныхъ доходило отъ 150 до 200 человѣкъ. Иногда приказывалось экспромптомъ быть маскараду; однородные костюмы для всего общества были всегда наготовѣ, и разомъ наряжались дамы и кавалеры. Я живо помню одно изъ подобныхъ переодѣваній: всѣ вдругъ явились въ костюмахъ Римскихъ жрецовъ. На среднихъ эрмитажахъ бывало не болѣе 50 или 60 приглашенныхъ. Играли въ разныя игры, въ которыхъ принимала иногда участіе сама Государыня, окончивъ партію въ карты. Почти всегда вечеръ начинался театральнымъ представленіемъ, иногда играли любители. Такъ я видѣлъ княгиню Дитрихштейнъ [23]), въ ролѣ Люцинды въ Оракулѣ съ графинею Ростопчиной, въ ролѣ Charmant. Другой разъ представляли Ифигенію въ Авлидѣ: графъ Віельгорскій представлялъ Агамемнона, жена его Клитемнестру, графъ Петръ Шуваловъ Ахилла, Тутолминъ Улисса, П. И. Мятлева Ифигенію, а княгиня Дитрихштейнъ Эрифилу. Вѣроятно, трудно было хуже сыграть трагедію, но я былъ тогда плохимъ судьею. Ужинали всегда по картамъ съ номерами, которыя раздавалъ гофмаршалъ или камеръ-фурьеръ. Съ одного блюда брали номера дамы, а съ другаго кавалеры. Когда всѣ номера были разобраны, ихъ громко выкликали; равные номера выходили и подавали другъ другу руки. Однажды я вынулъ тотъ же номеръ, какъ и великая княжна Марія Павловна и повелъ ее ужинать. За великою княжною при-

---

Покойный графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ дорожилъ, какъ святынею, портретомъ, подареннымъ ему Екатериною. Какъ часто онъ намъ его показывалъ, передавая, какимъ образомъ онъ его получилъ! Портретъ этотъ въ золотой рамкѣ висѣлъ въ его кабинетѣ надъ письменнымъ столомъ.

[22]) Приведемъ здѣсь кстати выдержку изъ Записокъ Храповицкаго (29 Марта 1791): «Похваленъ маленькій Рибопьеръ, который приходилъ благодарить за аренду и хотѣлъ такъ служить, чтобы получить орденъ Св. Георгія».

[23]) Княгиня Александра Андреевна Дитрихштейнъ, родомъ графиня Шувалова (р. 1775 † 1847), въ описываемое время была еще дѣвицею, замужъ вышла въ 1799, одновременно съ великой княжной Александрой Павловной.

сматривала Моно (m-elle Monaud), но за мною никто не наблюдалъ, и я вдоволь наѣлся пироговъ и конфектъ. Когда я возвращался на балъ, мнѣ вдругъ стало тошно. Я присѣлъ въ уголкѣ около стола. Ко мнѣ подбѣжали великіе князья и спросили, что со мною. «Мнѣ тошно», отвѣчалъ я. «Подъ столъ его, подъ столъ», закричалъ Константинъ Павловичъ, хватая меня за плеча; Александръ же Павловичъ съ трудомъ вырвалъ меня изъ рукъ своего брата и велѣлъ подать мнѣ воды. Это характеризуетъ обоихъ братьевъ. На малыхъ эрмитажахъ бывали только самые приближенные. Я помню, что разъ насъ было всего 12 или 13. По неисчерпаемой ко мнѣ милости, Государыня однажды спросила, какую пьесу я хочу, чтобы съиграли вечеромъ. Мнѣ было тогда 7 или 8 лѣтъ. Я не имѣлъ, разумѣется, ни малѣйшаго понятія о Русскомъ репертуарѣ, но слыхалъ о коекакихъ комедіяхъ, и совершенно случайно сказалъ: «Мельника». Случай помогъ мнѣ: это была опера, сочиненная самою Императрицею. Самъ того не предполагая, я выказался ловкимъ придворнымъ. Въ другой разъ Государыня, приглашая меня на малый эрмитажъ, поручила мнѣ пригласить и матушку. Я исполнилъ порученіе, не сознавая его важности. Матушка не повѣрила такой милости и поручила дядѣ Бибикову, который былъ въ числѣ приближенныхъ Государыни, узнать, въ самомъ ли дѣлѣ она была такъ нежданно приглашена въ тѣсный кругъ Императрицы. Мы поѣхали вмѣстѣ въ назначенный день, а въ слѣдующее Воскресенье она отправилась ко двору благодарить Государыню, какъ то было принято послѣ полученія высочайшей милости. Матушка была однако фрейлиною, а ихъ было тогда всего 12; мужъ ея игралъ большую роль, но знаки милости въ тѣ времена до того высоко цѣнились, что каждый считалъ долгомъ лично выразить свою благодарность. Тогда принято было за всякую награду благодарить не только Государыню, но и Великаго Князя и Великую Княгиню, и благодарило не только лицо получившее награду, но и ближайшіе его родственники.

При Екатеринѣ существовалъ странный придворный обычай: дамы, представляясь Государынѣ, присѣдали (какъ то дѣлается во Франціи и Германіи), а представляясь Наслѣднику, кланялись по Русскому обычаю, нагибая голову и не разгибая колѣнъ.

Я помню, разъ, обѣдъ Андреевскихъ кавалеровъ. Оберъ-гофмаршалъ Григорій Никитичъ Орловъ, встрѣтя меня въ залѣ, грубо сталъ изъ нея выталкивать. Государыня это увидала и послала за мною князя Александра Николаевича Голицына, бывшаго въ то время дежурнымъ камеръ-пажемъ. Она осыпала меня ласками и наполнила шляпу лакомствами. Это было урокомъ Орлову.

Государыня меня особенно любила за мою откровенность и за мое непринужденное съ нею обхожденіе. Матушка, когда меня провожала ко двору, твердила мнѣ: «ничего не трогай и ничего не проси». Валентинъ Эстергази, котораго князь Зубовъ желалъ видѣть на моемъ мѣстѣ, напротивъ того, говорилъ Государынѣ только то, чему научали его родители. У него недоставало то того, то другаго: полотно рубашекъ его было до того грубо, что драло ему кожу, за обѣдомъ дома у нихъ бывало всего два блюда и т. п. Государыня скоро подмѣтила, что ребенокъ повторялъ только заранѣе выученное. Какъ-то разъ онъ поѣлъ слишкомъ много рѣпы или гороху и ненарокомъ испустилъ вздохъ, который ошибся выходомъ. «Ну», замѣтила Императрица, «наконецъ услыхала я кое-что его собственное».

Ахъ, славное то было время, и какъ глупо старались время это впослѣдствіи унизить (décrier)! Каждый чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Высшее общество далеко было не то, какимъ оно сдѣлалось впослѣдствіи. Всѣ крѣпко держались другъ за друга. Нелегко было въ общество попасть: нужна была для этого особенная милость Государыни, или особенныя личныя качества. Я помню, какого шума надѣлало назначеніе, въ угоду фельдмаршалу Суворову, племянниковъ его, Хвостова и Олешева, въ камеръ-юнкеры. Правда, лицомъ они не взяли и родомъ не были имениты. Теперь еще говорятъ: дворъ, но уже двора нѣтъ или, вѣрнѣе, онъ вовсе перемѣнилъ свой видъ и свое значеніе. Конечно, при молодыхъ и воинственныхъ Монархахъ, онъ не могъ уже оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ при Екатеринѣ II. Но дворъ не только измѣнили, его совершенно исказили.... Въ былыя времена, чтобы принадлежать ко двору, нужно было быть именитаго рода, нужно было быть хорошо воспитану и, наконецъ, имѣть состояніе. Отъ этого число придворныхъ было крайне ограничено. Кромѣ первыхъ и вторыхъ чиновъ, было всего 12 дѣйствительныхъ камергеровъ въ чинѣ генералъ-майоровъ и 12 камеръ-юнкеровъ въ чинѣ бригадировъ или статскихъ совѣтниковъ. Они постоянно дежурили при Государынѣ и Наслѣдникѣ, составляя ихъ ежедневное общество. Благодаря этому, ихъ хорошо узнавали, оцѣнивали и могли каждаго назначить именно на то, на что онъ былъ годенъ. Это былъ благородный разсадникъ, изъ котораго, по справедливому выбору или же по особой монаршей милости, выходили министры, гражданскіе сановники, военачальники: ибо, чтобы быть въ числѣ придворныхъ (а они-то и составляютъ и должны составлять обыкновенное общество Монарха), никто не покидалъ того поприща, къ которому готовился. Принадлежать ко двору, носить красные каблуки и имѣть свободный доступъ къ Государынѣ считалось выше всего. Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, уже въ чинѣ генералъ-аншефа, былъ крайне польщенъ, получивъ камергерскій ключъ. Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, министръ и Андреевскій кавалеръ, принялъ званіе гофмейстера (а это только второй чинъ двора) какъ величайшую милость. Фрейлинъ было тоже всего 12. Получить шифръ Екатерины было блаженствомъ цѣлой семьи. Сравнишь все это съ тѣмъ, что̀ видишь нынѣ, и по неволѣ скажешь, что двора уже не существуетъ, или что значеніе слова этого вовсе измѣнилось. Что̀ значатъ 324 человѣкъ малоизвѣстныхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, пожалованныхъ по представленію министра или же еще губернатора? Что̀ такое 180 фрейлинъ? Спрашивается, что̀ же значитъ *оберъ*, когда онъ подчиненъ другому, равному себѣ по чину, а иногда и младшему? [24])....

---

[24]) Я однажды предложилъ Государю Императору снова возстановить *дѣй-*

Милость Екатерины вела къ успѣхамъ, богатству, чинамъ, однимъ словомъ, къ Фортунѣ. Сколько блестящихъ положеній въ свѣтѣ она создала! Завоеваніями своими она обогатила тѣхъ, кто вѣрно служилъ ей; въ завоеваніяхъ этихъ она черпала средства для награжденія усердія и талантовъ и не могла сдѣлать изъ нихъ болѣе благороднаго употребленія. Новая Россія, отторгнутая у Турокъ, была голою степью; Императрица, раздавъ земли въ этомъ краю, обратила его въ одну изъ самыхъ прекрасныхъ областей Имперіи.

Лицо, облеченное милостью Государыни, выводило изъ ничтожества всю свою родню, которой уже тогда принадлежали по праву и богатства, и мѣста, и знаки отличія, и общее уваженіе. Обожаніе Монархини было до того сильно развито въ то время, что милость ея давала лицамъ, ею облеченнымъ, неоспоримыя права на вниманіе и почетъ общества. Разумѣется, бывали злоупотребленія; но гдѣ же ихъ не бываетъ? Екатерина имѣла рѣдкую способность выбирать людей, и исторія оправдала почти всѣ ея выборы. Бывали и при ней болѣе или менѣе храбрые фрондеры; но тѣмъ не менѣе человѣкъ, облеченный ея милостью, былъ полновластенъ. Кто не жилъ въ это время, не можетъ составить понятія о томъ, каково было положеніе князя Потемкина, или даже князя Зубова. Передъ ними преклонялись не изъ подлости, а по уваженію къ выбору Государыни, по той религіозной привязанности, которую всѣ къ ней ощущали.

Екатерина, столь могущественная, столь любимая, столь восхваленная при жизни, была непростительно поругана по смерти. Дерзкія сочиненія, ядовитые памфлеты распространяли на ея счетъ ложь и клевету... Вскорѣ вошло въ моду позорить ту, которую принцъ Де-Линь такъ мѣтко прозвалъ Екатериной Великимъ. Долгъ каждаго Русскаго, даже каждаго человѣка любящаго правду—не только защитить память ея противъ ругательствъ, на нее направленныхъ, но еще громко воздать хвалу, подобающую ея высокимъ качествамъ. Если даже она не вполнѣ свободна отъ упрековъ, все же, какъ женщина и какъ Монархиня, она вполнѣ достойна удивленія. Славу прекраснаго ея царствованія не могъ затмить ни одинъ изъ новѣйшихъ Монарховъ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ только сравнить чѣмъ была Россія въ ту минуту, когда она вступила на престолъ, съ тѣмъ чѣмъ стала она, когда верховная власть пере-

---

ствительныхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ съ прежними ихъ правами. Избранные самимъ Государемъ, они дежурили бы ежедневно, составляли бы его общество и снова бы стали разсадникомъ государственныхъ людей, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. Государь Николай Павловичъ мысль мою одобрилъ, но ходу ей не было дано *(Замѣчаніе графа Рибопьера)*.

шла въ руки Павла I. Предводительствуя воинственнымъ народомъ, она была побѣдительницею всегда и вездѣ, на морѣ и на сушѣ. Она присоединила къ Имперіи богатѣйшія области на Югѣ и Западѣ. Какъ законодательница, она начертала мудрые и справедливые законы, очистивъ наше древнее уложеніе отъ всего устарѣлаго. Она почитала, охраняла и утверждала права всѣхъ народовъ, подчиненныхъ ея власти. Она смягчала нравы и всюду распространяла просвѣщеніе. Вполнѣ православная, она однако признала первымъ догматомъ полнѣйшую вѣротерпимость: всѣ вѣроисповѣданія были ею чтимы, и законы, по этому случаю изданные ею, до сихъ поръ въ силѣ. Однимъ словомъ, она кротко и спокойно закончила то, что̀ Петръ Великій принужденъ былъ учреждать насильственно. Живописцу Лампи поручено было написать портретъ Екатерины для залы капитула ордена Св. Георгія, не задолго передъ тѣмъ ею учрежденнаго. Онъ представилъ ее въ полномъ придворномъ одѣяніи, а сзади изобразилъ бюстъ Петра Великаго съ краткою надписью: «*Начатое совершаетъ*». Сколько правды и сколько похвалы въ этихъ двухъ словахъ [25])! Красивѣйшія зданія Петербурга ею построены. Эрмитажъ съ богатѣйшими его коллекціями, Академія Художествъ, Банкъ, гранитныя набережныя, гранитная облицовка Петропавловской крѣпости, памятникъ Петру Великому, рѣшетка Лѣтняго Сада и пр.,—все это дѣла рукъ ея. Если судить о Екатеринѣ какъ о женщинѣ, то и тутъ надо признаться, что ни одна женщина не соединяла въ себѣ столько превосходныхъ качествъ. Возвышенный умъ, чувствительное и сострадательное сердце, мужественная твердость характера, увлекательная прелесть, тихій и ровный нравъ, благородство, изящное обращеніе, внушающая и въ тоже время чарующая наружность. Меня не ослѣпляютъ ни мое къ ней уваженіе, ни глубокое чувство признательности, и не только я не отвергаю огуломъ все то, въ чемъ ее упрекаютъ, но даже въ иныхъ случаяхъ и самъ нахожу, что она была неправа.

...Что касается до окончательнаго раздѣла Польши, Екатерина въ немъ гораздо менѣе виновна, чѣмъ Пруссія и Австрія, которыя не имѣли ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ, тогда какъ Императрица, не упоминая уже о старинныхъ спорахъ между Польшею и Россіею, должна была требовать удовлетворенія за Варшавскія убійства. Ссылаюсь на безпристрастное мнѣніе графа Алексѣя де Сенъ-При [26]), ко-

---

[25]) Портретъ этотъ находится теперь въ танцовальной залѣ Эрмитажа. Его гравировали Валькеръ и Сиденье.

[26]) Графъ Алексѣй де Сенъ-При (Alexis Guignard c-te de Saint-Priest), членъ Французской Академіи, Французскій дипломатъ и авторъ. Дѣдъ его былъ министромъ при Людовикѣ XVI, а потомъ посланникомъ Людовика XVIII въ Петербургѣ. Отецъ его графъ Арманъ де Сенъ-При (порусски Карлъ Францовичъ)

торый въ блестящемъ сочиненіи своемъ подтвердилъ все мною сказанное съ такою ясностью, что сомнѣнія уже быть не можетъ.... Покинутая мужемъ, подвергаемая кровнымъ обидамъ, Екатерина знала, что ее ожидаетъ заключеніе въ монастырѣ, куда хотѣлъ удалить ее Петръ III, дабы жениться на графинѣ Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой. Екатерина не захотѣла сдаться безъ боя и возстала противъ деспотической воли человѣка, заслужившаго ненависть Русскихъ за презрѣніе свое къ Россіи и приверженность ко всему Нѣмецкому. Екатерина согласилась стать во главѣ недовольныхъ, но она не ожидала развязки этой драмы... Смерть Петра Третьяго ее глубоко опечалила, но дѣло шло не о слезахъ и сожалѣніи. Надо было съ первой же минуты взять въ руки бразды правленія и доказать, что она въ состояніи снести все его бремя. Она это сдѣлала съ рѣдкою энергіею и умѣньемъ. Ее упрекаютъ и въ томъ, что она лишила сына престола и всю жизнь содержала въ опекѣ. Но Павлу не было и 7-ми лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Регентство повлекло бы за собою смуты, которыхъ слѣдовало всячески избѣгнуть. Екатерина мудро поступила, принявъ вѣнецъ, который ей предлагали, и вся Россія заликовала, узнавъ объ этомъ. Сѣвъ на престолъ, она уже не могла его покинуть. Быть можетъ, ей слѣдовало отречься отъ престола при совершеннолѣтіи сына; но кто изъ Русскихъ посмѣетъ ее въ этомъ упрекнуть? Краткое царствованіе Павла слишкомъ оправдало опасенія Екатерины въ этомъ отношеніи. Любимою мечтою ея было передать верховную власть внуку своему Александру Павловичу, воспитаніемъ котораго она сама занималась. Государственная польза, которая всегда руководила всѣми дѣйствіями Екатерины, на этотъ разъ не вполнѣ ее оправдываетъ...

Хотя любимцевъ Екатерины зналъ всякій, однако ничего въ обращеніи ея съ ними не могло оскорбить общественное мнѣніе. Она себя держала, даже во внутреннихъ покояхъ, необыкновенно прилично и достойно. Никто въ присутствіи ея не осмѣливался сдѣлать какой нибудь намекъ или сказать двусмысленное слово. Тѣмъ менѣе была она на это способна сама. Дворъ ея былъ не только величавъ и великолѣпенъ, онъ былъ еще образцомъ хорошаго вкуса и самаго изысканнаго тона. Всякій старался угодить ей по мѣрѣ силъ своихъ. Угодливость эту она вполнѣ заслуживала, ибо постоянно была занята тѣмъ, какъ бы угодить другимъ. Это было безпрестанное изліяніе съ ея стороны царскаго величія, не терявшаго никогда своего достоинства и безпредѣльной благости, а со стороны подданныхъ такой же безпредѣльной любви. Къ многочисленнымъ качествамъ Екатерины надо присоеди-

---

былъ д. с. с. и гражданскимъ губернаторомъ Одессы, женатъ былъ на княжнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ Голицыной. Графъ Алексѣй де Сенъ-При воспитывался въ Одессѣ и умеръ отъ холеры въ Москвѣ въ 1851 году.

нить рѣдкій, и едва ли не самый полезный для подданныхъ, въ государствѣ самодержавномъ, талантъ избирать и находить достойныхъ сотрудниковъ. Никакое царствованіе не представляло такъ много замѣчательныхъ людей по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности. Перечесть всѣхъ нѣтъ возможности.

Изъ любимцевъ Екатерины я зналъ пятерыхъ.

Полу-образованный и полу-дикій геній, Потемкинъ наполнилъ міръ своею славою... Онъ былъ президентомъ Военной Коллегіи, что̀ нынѣ военный министръ, былъ фельдмаршалъ, былъ самымъ вліятельнымъ членомъ *тайнаго* совѣта, велъ переговоры съ иностранными министрами, которые всѣ безъ исключенія за нимъ ухаживали; былъ генералъ-адъютантомъ, адмираломъ, камергеромъ, кавалеромъ всѣхъ Русскихъ орденовъ и пр. Онъ постоянно останавливался во дворцѣ, входилъ безъ доклада къ Государынѣ... Онъ командовалъ всѣмъ, и никто не смѣлъ ему прекословить. Онъ выбиралъ любимцевъ, поддерживалъ или ронялъ, всегда съ согласія Государыни, за однимъ впрочемъ исключеніемъ. Подобно Екатеринѣ, онъ былъ Эпикурейцомъ. Чувственныя удовольствія занимали важное мѣсто въ его жизни; онъ страстно любилъ женщинъ и страстямъ своимъ не зналъ преграды. Онъ вызвалъ ко двору пятерыхъ дочерей сестры своей Марѳы Александровны Энгельгардтъ и по смерти ея объявилъ себя ихъ отцемъ и покровителемъ. Съ ними обращались почти какъ съ великими княжнами. Изъ нихъ теща моя княгиня Татьяна Васильевна Юсупова [27]) держала себя очень строго; а Надежда Васильевна Шепелева была очень дурна собою. О другихъ умалчиваю. Состояніе князя Потемкина было огромно; онъ никогда не думалъ о женитьбѣ, что̀ подтверждаетъ слухъ о его тайномъ бракѣ, никогда не имѣлъ дѣтей и оставилъ огромныя свои богатства многочисленнымъ племянникамъ и племянницамъ, которые всѣ безъ исключенія разбогатѣли послѣ его смерти. Онъ одно время думалъ пойти въ монахи, чтобы сдѣлаться архіереемъ: это былъ единственный санъ, недостававшій его честолюбію. Потемкинъ былъ очень пріятенъ въ обращеніи, крайне снисходителенъ и добръ къ подчиненнымъ. Онъ любилъ моего отца, который былъ его адъютантомъ и, вызвавъ меня однажды къ себѣ, принялъ съ отмѣнною добротою. Я его одинъ этотъ разъ видѣлъ вблизи. Мнѣ было тогда восемь лѣтъ, и я очень испугался, когда онъ вдругъ поднялъ меня могу-

---

[27]) Княгиня Т. В. Юсупова (р. 1767 † 1841) была въ первомъ бракѣ за ген. поруч. Михайломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, троюроднымъ братомъ князя Таврическаго. Отъ этого брака родились сынъ и дочь: Александръ Михайловичъ Потемкинъ († 1873), женатый на княжнѣ Татіанѣ Борисовнѣ Голицыной († 1869) и Екатерина Михайловна († 1872), супруга графа Александра Ивановича Рибопьера.

чими своими руками. Онъ былъ огромнаго роста. Какъ теперь его вижу одѣтаго въ широкій шлафрокъ, съ голою грудью, поросшею волосами. Сегюръ и принцъ Де-Линь мастерски изобразили его въ своихъ сочиненіяхъ.

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, Малороссъ, былъ высокъ ростомъ и красивъ лицемъ. Онъ былъ дѣловымъ человѣкомъ и, оставивъ дворъ, занималъ съ успѣхомъ разныя должности. Онъ умеръ при Александрѣ I, бывъ первымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Семенъ Григорьевичъ Зоричъ былъ писанный красавецъ, но весьма ограниченъ и безъ всякаго воспитанія. Впрочемъ онъ былъ добрѣйшій изъ смертныхъ и жилъ, по окончаніи своего случая, въ Шкловѣ, великолѣпномъ имѣніи, подаренномъ ему Екатериною при отставкѣ. Онъ основалъ тамъ кадетскій корпусъ, переведенный теперь въ Кострому, и жилъ истымъ вельможею. Въ дѣтствѣ я часто бывалъ у него въ Шкловѣ. Бѣлорусское имѣніе наше находилось всего въ 40 верстахъ оттуда. О Мамоновѣ я уже говорилъ....

Ударъ былъ причиною ея смерти. Она упала, выходя изъ гардеробной и, не смотря на всѣ медицинскія пособія, не могла быть спасена. За часъ до этой катастрофы, она велѣла сказать князю Зубову, присылавшему, какъ онъ это дѣлалъ каждое утро, узнать о ея здоровьи: «что она никогда себя такъ хорошо не чувствовала».

Царствованіе Павла I-го походитъ на бурю, которая все сноситъ, все вырываетъ, все уничтожаетъ, все обезображиваетъ, ничего не преобразуя.—Сдѣлавшись Императоромъ, онъ разомъ захотѣлъ все измѣнить... Онъ нарядилъ въ форменное платье не одних военныхъ, но и всѣхъ придворныхъ, которые до тѣхъ поръ облекались въ самое изящное и богатое платье по своему усмотрѣнію. Виндзорскій покрой, за исключеніемъ цвѣта, послужилъ образцемъ для малаго мундира; что же касается до полной формы, то шитье онъ снялъ со стараго Бироновскаго кафтана; кафтанъ этотъ увидѣлъ онъ на *Ненчини,* пѣвцѣ-буфѣ Итальянской оперы. Родившись съ необузданными, но долгое время подавленными страстями, Павелъ I захотѣлъ, чтобы все разомъ подчинилось его волѣ [28]).

Павелъ Петровичъ имѣлъ однако доброе сердце; онъ былъ уменъ и получилъ очень хорошее образованіе. Онъ принялъ Лудовика XVIII въ свои владѣнія, захотѣлъ, чтобы онъ жилъ въ Митавѣ, съ великолѣпіемъ пристойнымъ монарху, и подписалъ свадебный контрактъ герцога Ангулемскаго съ дочерью Лудовика XVI. Съ такимъ же почетомъ и такою же щедростью былъ принятъ принцъ Конде, пріѣзжавшій на короткое время въ Петербургъ; ему назначенъ былъ для жи-

---

[28]) Будучи недоволенъ лажемъ, который установился на рублѣ серебромъ, онъ указомъ предписалъ, чтобы его цѣнили по вѣсу. Нечего и говорить, что никто этому приказанію не подчинился. *(Замѣчаніе графа Рибопьера).*

тельства домъ графа Чернышева [29]), и по утонченной любезности вся прислуга была одѣта въ ливрею принцевъ Конде.

Любя вообще простоту, Павелъ допускалъ пышность въ однихъ лишь церемоніяхъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Я былъ свидѣтелемъ его вступленія въ должность гросъ-мейстера державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Онъ слишкомъ серіозно взиралъ на это дѣло и слишкомъ поспѣшно принялъ новый санъ этотъ. Онъ роздалъ огромное число бальискихъ (baillі), командорскихъ и кавалерскихъ крестовъ. Онъ заставилъ императрицу и всѣхъ великихъ княгинь и княженъ носить Мальтійскіе кресты. Онъ разрѣшилъ основаніе командорствъ и кавалерствъ во всѣхъ семействахъ, которыя того просили. Онъ составилъ себѣ Мальтійскій дворъ и заказалъ для лакеевъ Мальтійскую ливрею. Ему привезли частицу мощей Св. Іоанна, которая многія столѣтія хранилась на островѣ Мальтѣ; онъ ее положилъ въ Гатчинѣ и учредилъ праздникъ въ честь этого перенесенія. Не обращая вниманія на обѣты безбрачія, онъ, самъ супругъ и отецъ, окружалъ себя женатыми Мальтійцами. По обычаю гросъ-мейстеровъ, ему понадобились оруженосцы. Онъ ихъ назначилъ изъ четырехъ гвардейскихъ полковъ: Нефедьева изъ Преображенскаго, Неклюдова изъ Семеновскаго, Опочинина изъ Измайловскаго и меня изъ Конной Гвардіи. Насъ нарядили въ Мальтійскіе мундиры, и съ обнаженными палашами мы окружали Государя, когда онъ шелъ церемоніально или въ придворную церковь или въ аудіенцъ-залу, гдѣ между прочимъ онъ принялъ такъ называемое Мальтійское посольство. Во главѣ онаго находился графъ Литта, съ котораго папа только что снялъ обѣтъ безбрачія и котораго братъ его кардиналъ Литта, въ то время папскій нунцій въ Россіи, обвѣнчалъ съ моей теткою [30]).

---

[29]) Дворецъ покойной великой княгини Маріи Николаевны. Павелъ Петровичъ помнилъ блестящіе праздники, данные въ честь его принцемъ Конде, въ помѣстьѣ его Шантильи, близъ Парижа.

[30]) Графъ Юлій-Ренатъ (по-русски Юлій Помпеевичъ) Литта, р. 1763 г. младшій сынъ маркиза Помпея Литты отъ брака съ Елисаветою Висконти. По отцу и матери онъ принадлежалъ къ знатнѣйшему Итальянскому дворянству. Фамиліи Литта и Висконти считались первыми по знатности въ Миланѣ. Весьма молодымъ онъ вступилъ въ Мальтійскій орденъ и совершилъ нѣсколько каравановъ (морскихъ походовъ) на галерахъ ордена. Въ 1789 году онъ поступилъ въ Русскую службу сперва капитаномъ, а потомъ контръ-адмираломъ. Въ 1795 назначенъ былъ посланникомъ ордена въ Петербургѣ. Въ 1797 Павелъ I пожаловалъ его вице-адмираломъ, Александровскимъ кавалеромъ и графомъ Русской Имперіи. Въ слѣдующемъ году, по случаю принятія Павломъ I Мальтійскаго гросмейстерства, графъ Литта назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ ордена. Онъ, уже около 10 лѣтъ жившій въ Петербургѣ, выѣхалъ въ Четыре Руки, здѣсь пересѣлъ въ дорожный экипажъ и доѣхалъ вмѣстѣ съ кавалеромъ Рачинскимъ (Петербургскимъ полицмейстеромъ и дѣдомъ современныхъ намъ профессоровъ Московскаго университета) до заставы города, гдѣ его ожидали золотыя придворныя кареты (Записано со словъ графа Рибопьера). Торжественный въѣздъ пословъ происходилъ 27, а торжественная аудіенція 29 Ноября 1798 года. Въ томъ же году графъ Литта доставилъ брату своему должность папскаго нунція при Русскомъ дворѣ (впослѣдствіи онъ былъ кардиналомъ), и папа освободилъ его отъ обѣтовъ безбрачія, требуемыхъ орденомъ. Онъ женился на графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, родомъ Энгельгардтъ, сестрѣ тещи графа Рибопьера. Въ 1799 году, по вліянію Ростопчина,

Ничего не было страннѣе этого переряживанія двора Русскаго въ Мальтійцевъ. Самъ Государь, поверхъ носимаго имъ постоянно Преображенскаго мундира, надѣвалъ далматикъ изъ пунцоваго бархата, шитый жемчугомъ, а поверхъ широкое одѣяніе изъ чернаго бархата; съ праваго плеча спускался широкій шелковый позументъ, называемый «страстями», потому что на немъ разными шелками подробно изображены были страданія Спасителя. Слагая императорскую корону, онъ надѣвалъ въ этихъ случаяхъ вѣнецъ гросмейстеровъ и выступалъ расчитаннымъ, но въ тоже время отрывистымъ, шагомъ. Тончи изобразилъ его въ этомъ одѣяніи [31]). Что касается до насъ, гвардейскихъ офицеровъ, которыхъ сажали въ тюрьму или выключали изъ службы за малѣйшее отступленіе отъ формы, за цвѣтъ сукна или подкладки, за не такъ пришитую пуговицу, или буклю выбившуюся изъ форменной прически, мы принуждены были снять свои мундиры, одѣться въ пунцовое одѣяніе съ черными бархатными отворотами, вмѣсто цвѣтовъ Имперіи носить Мальтійскую кокарду и опоясаться мечемъ, вовсе не походившимъ на наши сабли. Однако рѣшеніе сдѣлаться Мальтійскимъ гросъ-мейстеромъ скрывало въ себѣ честолюбивую, но высокую цѣль, которая могла бы оказаться весьма плодотворною, если бы она могла быть достигнута. Цѣль эта была доставить Русскому флоту надежную стоянку въ Средиземномъ морѣ и кромѣ того пріобрѣсти для Россіи нравственную поддержку всего Европейскаго дворянства, сильно заинтересованнаго сохраненіемъ цѣлости Мальтійскаго ордена.....

Передъ отъѣздомъ своимъ на коронацію, Павелъ I приказалъ сломать старый деревянный лѣтній дворецъ и на мѣстѣ его строить новый, который онъ назвалъ Михайловскимъ. Постройка эта поручена была архитектору Бреннѣ, подъ главнымъ начальствомъ графа Тизенгаузена [32]), только что назначеннаго оберъ-гофмейстеромъ. Окруженный каналами, надъ которыми устроены были подъемные мосты, дворецъ этотъ сталъ походить на за́мокъ. Толщина стѣнъ напоминала крѣпость. — Императоръ всячески торопилъ строителей. Не смотря на сырость, отъ которой жить въ новомъ дворцѣ было крайне вредно для здоровья, онъ поспѣшно туда переѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ и, объявивъ новый дворецъ загороднымъ, учредилъ почту на Нѣмецкій образецъ, которая два раза въ день, при звукѣ трубы, привозила письма и рапорты. Въ новомъ помѣщеніи Государь далъ большой праздникъ, который не удался, по причинѣ крайней сырости. Зажгли великое множество свѣчей, но тѣмъ не менѣе было темно, такъ какъ въ комнатахъ образовался густой туманъ. Когда дворецъ былъ окончательно готовъ, надо было выбрать цвѣтъ для внѣшнихъ стѣнъ. Не рѣшаясь на выборъ, Государь попросилъ совѣта у княгини Гагариной, которая тоже не знала, какой цвѣтъ назначить. Тогда Павелъ взялъ одну изъ ея перчатокъ и сейчасъ же отправилъ ее къ архитектору Бреннѣ съ приказомъ немедля окра-

---

Литта былъ сосланъ въ женино имѣніе. Графъ Литта былъ впослѣдствіи оберъ-шенкомъ, потомъ оберъ-гофмейстеромъ и наконецъ оберъ-камергеромъ. Умеръ въ 1836 году.

[31]) Портретъ этотъ находится въ Гатчинскомъ дворцѣ.

[32]) Оберъ-гофмейстеръ графъ Иванъ Андреевичъ Тизенгаузенъ, Александровскій кавалеръ (род. 1745 † 1815), сынъ котораго былъ женатъ на дочери князя Кутузова.

сить дворецъ подъ цвѣтъ перчатки. Цвѣтъ этотъ былъ ярко-розовый, и на стѣнахъ дворца онъ принялъ кровяной оттѣнокъ. Странный во всемъ, Императоръ любилъ изъясняться загадочно. Слово, поразившее его въ какой нибудь фразѣ, побуждало его часто повторять всю фразу. Такъ на фронтонѣ Михайловскаго замка онъ велѣлъ начертать мистическую фразу:

«Дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней». Изъ этой фразы составлена была потомъ анаграмма...

Въ одной изъ дворцовыхъ кладовыхъ валялась въ полномъ забвеніи тяжелая статуя Петра Великаго [33]). Павелъ Петровичъ велѣлъ ее поставить передъ новымъ своимъ дворцемъ и, пародируя чудную надпись: Petro Primo Catarina Secunda, приказалъ на піедесталѣ написать золотыми буквами: *«Прадѣду правнукъ»*. Кстати о зданіяхъ: здѣсь мѣсто упомянуть о томъ, какъ оконченъ былъ Исакіевскій соборъ. Унижая все содѣянное или начатое матерью, Павелъ захотѣлъ разомъ окончить эту постройку. Соборъ былъ весь изъ мрамора; но, чтобы скорѣе привести его къ концу, верхнюю часть достроили кирпичемъ. Церковь освятили, и она оставалась до послѣднихъ годовъ царствованія Александра Павловича въ обезображенномъ своемъ видѣ. Мраморныя глыбы и колонны заготовлены были при Екатеринѣ для окончанія храма; но Павелъ Петровичъ, вѣчно спѣшившій и нуждавшійся въ мраморахъ для Михайловскаго замка, приказалъ перевезти ихъ къ новому дворцу ночью, дабы не возмутить народъ, которому подобное обираніе храма Божія могло показаться святотатствомъ. При видѣ обезображенной церкви, какой-то сорви голова приклеилъ къ дверямъ нижеслѣдующее двустишіе:

Сей храмъ двумъ царствіямъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный.

Въ то время говорили, что несчастный сочинитель горько искупилъ свой стихотворческій порывъ. Павелъ I зачалъ стройку Казанскаго собора; планъ составилъ Русскій архитекторъ Воронихинъ; онъ же и строилъ его подъ руководствомъ оберъ-камергера графа А. С. Строгонова. Павелъ и тутъ спѣшилъ, понукая рабочихъ; однако ему не пришлось достроить собора: онъ былъ оконченъ при Александрѣ Павловичѣ. Послѣдній однажды говорилъ отцу про строющійся храмъ. Павелъ, какъ бы предчувствуя, что ему не долго жить, замѣтилъ въ отвѣтъ: «Позвольте мнѣ, Ваше Высочество, окончить эту постройку». Онъ не любилъ старшаго сына и не одинъ разъ обращался къ нему съ двусмысленными словами, въ которыхъ чувствовалось недовѣріе. Онъ употреблялъ охотно тѣ самыя выраженія, которыхъ иногда никто не могъ понять. Генералъ Левашевъ, бывшій впослѣдствіи оберъ-егермейстеромъ [34]), единственный человѣкъ, ко-

---

[33]) Статуя эта работы, графа Растрелли-сына, заказана была императрицею Елисаветою Петровною, но не понравилась ей и до Павла I оставалась забытою въ дворцовыхъ сараяхъ.

[34]) Д. т. сов. Василій Ивановичъ Левашевъ, внукъ генералъ-аншефа и Московскаго главнокомандующаго Василія Яковлевича (р. 1740, ум. 1803), оберъ-егермейстеръ, женатъ не былъ. Онъ передалъ свое имѣніе воспитаннику сво-

торый во все царствованіе Павла Петровича ни разу не подвергался немилости, самъ мнѣ разсказывалъ, что когда Государь, который любилъ къ нему обращаться, говаривалъ непонятными намеками, подкрѣпляя слова свои столь же мало понятными жестами, Левашевъ отвѣчалъ или знакомъ или гримасой, какъ будто все вполнѣ постигъ, чѣмъ Павелъ всегда оставался доволенъ... Съ Нелидовой онъ былъ друженъ, еще будучи великимъ княземъ. Она была фрейлиной великой княгини, была мала ростомъ, дурна и черна, но очень умна. Она имѣла на Павла большое вліяніе, была лучшимъ другомъ великой княгини и, говорятъ, никогда не забывала чувства долга. По восшествіи Павла на престолъ, она пользовалась большимъ вліяніемъ до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе ссоры съ Императоромъ, не покинула двора и подобно, герцогинѣ Ла-Вальеръ, не удалилась въ монастырь. Нелидова однако скоро возвратилась ко двору и снова стала пользоваться прежнимъ вліяніемъ, стараясь всячески умѣрить пылкій нравъ Императора и останавливая послѣдствія его гнѣва. Вообще она давала ему отличные совѣты, которымъ онъ однако не всегда слѣдовалъ. По слѣпому недоброжелательству къ памяти матери, онъ рѣшилъ уничтожить Георгіевскій орденъ. Нелидова написала ему по этому случаю необыкновенно умное и благородное письмо, вслѣдствіе котораго Императоръ измѣнилъ свое намѣреніе. Во время коронаціи, въ Москвѣ, было множество всякихъ торжествъ, праздниковъ и баловъ. На одномъ изъ баловъ, молодая дѣвушка, быть можетъ по ошибкѣ, а быть можетъ съ намѣреніемъ, подошла къ Государю и просила его протанцовать съ нею Польскій. Павелъ былъ этимъ крайне польщенъ [35]). Отецъ ея, Петръ Васильевичъ Лопухинъ и мачиха ея Екатерина Николаевна, рожденная Шетнева, сейчасъ же попали

ему, имъ усыновленному, Василію Васильевичу Левашеву, пожалованному въ 1833 въ графы Россійской имперіи.

[35]) Еще при жизни Екатерины одна фрейлина, именемъ Шкурина, влюбилась въ Цесаревича. Она оставила дворъ и постриглась въ монахини подъ именемъ Павлы. Говорили, что эта Шкурина была дочерью придворнаго истопника, которому благоволила Екатерина, еще будучи великою княгинею *(Замѣчаніе графа А. И. Рибопьера)* Марья Васильевна Шкурина была дочерью гардеробмейстера Екатерины, а впослѣдствіи ея камергера, Василія Григорьевича Шкурина, который былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ событіи, возведшемъ ея на престолъ, за что онъ получилъ дворянское достоинство, камергерскій ключъ и тысячу душъ крестьянъ. Въ біографическихъ статьяхъ Карабанова исторія Шкуриной разсказана нѣсколько иначе. Она оставила дворъ, говоритъ Карабановъ, потому что вмѣшалась въ сватьбу Мамонова (Рус. Старина IV, 386). Это едва ли такъ: графу Рибопьеру, какъ мы видѣли, слишкомъ знакомы были всѣ подробности Мамоновской сватьбы. Екатерина предложила ей, нѣсколько времени послѣ удаленія отъ двора, комнаты во дворцѣ, а потомъ хотѣла купить ей домъ. Шкурина отказалась отъ того и другаго. Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, удвоилъ ея фрейлинское содержаніе, но не дозволялъ ей постричься (въ это время она уже жила въ монастырѣ). Она постриглась уже при Александрѣ въ 1801, получивъ разрѣшеніе носить фрейлинскій знакъ на монашескомъ одѣяніи. Она была игуменьей Свіяжскаго монастыря и умерла на покоѣ въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ въ 1824 году. Нѣкоторыя подробности въ разсказѣ Карабанова подтверждаютъ собою слова графа Рибопьера.

въ милость. Все семейство получило приглашеніе переѣхать въ Петербургъ, гдѣ Государь осыпалъ ихъ отличіями и почестями. Петръ Васильевичъ получилъ княжеское достоинство, супруга его пожалована въ статсъ-дамы, а старшая дочь получила шифръ. Государь навѣщалъ ее каждое утро и часто бывалъ у нея и по вечерамъ. Чтобы отвлечь общее вниманіе, онъ заказалъ себѣ карету, напоминавшую своимъ цвѣтомъ гербъ князя Лопухина, а для лакеевъ придумалъ какую-то малиновую ливрею. Разумѣется, посѣщенія эти не были ни для кого тайною; но всѣ совершенно вѣрно предполагали, что въ сношеніяхъ, столь быстро начавшихся съ дѣвушкою всегда себя отмѣнно державшею, не могло быть ничего предосудительнаго.

Князь Лопухинъ долгое время жилъ въ Москвѣ и тамъ имѣлъ много связей. Между прочимъ онъ былъ очень близокъ съ князьями Гавріиломъ Петровичемъ Гагаринымъ и Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ. Онъ безъ труда уговорилъ ихъ переѣхать въ Петербургъ, гдѣ они были отмѣнно приняты Государемъ и получили видныя мѣста. Семейство Долгоруковыхъ занимало домъ на дворцовой набережной [36]), бокъ объ бокъ съ домомъ, который занимали Лопухины. Въ стѣнѣ пробили дверь, чтобы имѣть между обоими домами внутреннее сообщеніе, и такимъ образомъ оба дома соединились въ одинъ. Я уже давно былъ знакомъ съ княземъ и княгинею Долгоруковыми, которые радушно меня принимали, и я у нихъ довольно часто бывалъ. Въ это время я уже служилъ въ полку [37]) и только что былъ назначенъ оруженосцемъ. Разъ вечеромъ, я сидѣлъ у Долгоруковыхъ въ обществѣ товарищей по полку. Стали смѣяться надъ чиномъ корнета, въ которомъ всѣ мы тутъ бывшіе состояли. Болѣе всѣхъ потѣшалась надъ этимъ чиномъ Анна Петровна Лопухина, находя самое названіе корнета смѣшнымъ. «Вы насъ всѣхъ задѣваете», замѣтилъ я: «мы всѣ здѣсь корнеты, и мы этимъ гордимся». «Какъ, и вы также?» сказала она, «къ чему же послужило вамъ ваше офицерство со временъ Екатерины?»—«Я былъ тогда ребенкомъ, не находился на дѣйствительной службѣ и поэтому не подвигался впередъ».—«Мнѣ очень жаль, что я такъ глупо пошутила», сказала она, «извините меня. Я вовсе не желала васъ обидѣть». Нѣсколько минутъ спустя, я замѣтилъ, что она взяла карандашъ, написала нѣсколько словъ на лоскуткѣ бумаги, передала свою записку нѣкоей г-жѣ Гербертъ, которая при ней состояла компаньонкой, и сказала ей что-то на ухо. Г-жа Гербертъ скрылась, послѣ нѣкотораго времени вернулась, сказала что-то княжнѣ на ухо и сѣла на свое мѣсто. Я не обратилъ на все это вниманія, и только уже послѣ вспомнилъ обо всемъ этомъ. Между тѣмъ мы стали разъигрывать лоттерею; было пять выигрышей. Это были бездѣлушки, не имѣвшія цѣнности. Роздали билеты, и я выигралъ, разъ за разомъ, три вещи изъ пяти. Княжна Анна, очень внимательная ко мнѣ, болѣе меня радовалась моему успѣху и сказала мнѣ дружелюбно: «я желаю вамъ счастья во всемъ». Мнѣ было

---

[36]) Домъ тетки моей Литты, которая въ это время была въ изгнаніи вмѣстѣ съ дочерью (впослѣдствіи княгинею Багратіонъ) и мужемъ *(Замѣчаніе графа Рибопьера)*. Домъ Скавронскихъ, а позднѣе Литты, близь Константиновскаго дворца, принадлежитъ нынѣ, если не ошибаемся, г. Лохвицкому.

[37]) 15 Августа 1798 года графъ Рибопьеръ явился въ дѣйствительную службу.

15 лѣтъ [38]), и я былъ еще вполнѣ ребенкомъ. Я нравился ей немного наружностью, но главное простотою и откровенностью моего обращенія, тогда какъ другіе, зная, что она пользовалась особеннымъ благоволеніемъ грознаго нашего Императора, передъ нею стѣснялись и бывали натянуты. Мачиха ея, женщина нестрогихъ правилъ, приставала къ падчерицѣ съ тѣмъ, чтобы она выпросила Аннинскую ленту для Ѳедора Петровича Уварова, къ которому особенно благоволила. Княжна, всегда совѣстливая, не спѣшила исполнить это требованіе мачихи, которое возобновлялось ежедневно, и каждый разъ съ большею настойчивостью. Изъ-за этого онѣ довольно крупно поспорили, и Лопухина рѣшилась отомстить падчерицѣ.

На другой день послѣ вечера, проведеннаго мною у Долгоруковыхъ, я поѣхалъ съ порученіемъ матушки къ князю Касаткину, бывшему тогда Петербургскимъ оберъ-полицмейстеромъ. Онъ передъ этимъ служилъ въ конной гвардіи и былъ мнѣ хорошо знакомъ. Я его не засталъ дома и рѣшился его дождаться. Я грѣлся у камина, когда въ комнату вошелъ Толбухинъ, плацъ-майоръ, исполнявшій должность флигель-адъютанта Государя. Онъ мнѣ объявилъ, что онъ пріѣхалъ за мною по высочайшему повелѣнію и что матушка ему сказала, что онъ меня найдетъ у Касаткина. Я долго не рѣшался ѣхать съ нимъ, не потому, чтобы испугался (хотя такой нежданный призывъ въ тѣ времена невольно пугалъ всякаго), а потому, что неоднократно молодые люди выдумывали подобныя штуки, чтобы попугать товарищей. Но Толбухинъ былъ такъ настойчивъ и серіозенъ, что я сѣлъ къ нему въ сани, и по 30 градусному морозу мы доскакали до дворца. Видя, что меня ведутъ прямо въ дежурную, которая находилась тамъ же, гдѣ и теперь, я понялъ, что меня ожидаетъ, и сейчасъ же послалъ домой за полною формою. Едва успѣлъ я надѣть ее, какъ меня призвали въ кабинетъ Государя. «Я тебя беру къ себѣ въ адъютанты», сказалъ онъ мнѣ, «и ты начнешь свое дежурство съ сегодняшняго дня». По тогдашнему обыкновенію я сталъ на одно колѣно, а Императоръ протянулъ мнѣ руку, которую я поцѣловалъ [39]). Я былъ дежурнымъ трое сутокъ сряду, такъ какъ некому было меня смѣнить. Насъ было всего шестеро, и въ томъ числѣ былъ старикъ Дибичъ (отецъ фельдмаршала), который уже почти не могъ выходить изъ комнаты. Павелъ видѣлъ его въ Берлинѣ ординарцемъ у Фридриха Великаго и единственно ради этого назначилъ его къ себѣ во флигель-адъютанты.

Я былъ крайне счастливъ моимъ назначеніемъ; для молодаго офицера это было самою блестящею карьерою, и Государь, очень благоволившій къ отцу моему, знавшій меня еще ребенкомъ, былъ ко мнѣ отмѣнно милостивъ. Я былъ дежурнымъ въ тотъ день, когда Суворовъ вернулся изъ ссылки [40]), былъ свидѣтелемъ странныхъ изліяній его преданности и послушанія. Я видѣлъ, какъ онъ бросился къ ногамъ Императора, котораго пріемы эти видимо выводили изъ терпѣнія. Отъ Государя фельдмаршалъ побѣжалъ въ большую придворную церковь и долгое время лежалъ передъ алтаремъ.

---

[38]) Графъ Рибопьеръ здѣсь ошибается: ему въ то время уже минуло 17 лѣтъ.

[39]) Графъ А. И. назначенъ былъ флигель-адъютантомъ къ Государю 14 Февраля 1799.

[40]) 18 Февраля 1799 года.

Между тѣмъ княгиня Лопухина не забывала о своей мести. Она ухватилась для этого за первый представившійся ей случай. Императоръ распрашивалъ ее иногда о поведеніи княжны Анны. Однажды онъ спросилъ у нея, какъ княжна проводитъ время. «Покуда она на моихъ глазахъ, Государь, я могу за нее отвѣчать; но она проводитъ всѣ вечера у Долгоруковыхъ, и я уже не могу за нею слѣдить».— «Что же она тамъ дѣлаетъ и кого тамъ видитъ?» спросилъ Императоръ. «Много молодежи тамъ болтается; танцуютъ и, кажется, очень веселятся».—«Кто изъ молодыхъ людей тамъ чаще всѣхъ бываетъ?»— «Рибопьеръ и другіе», отвѣчала княгиня. «Если Вашему Величеству угодно будетъ самимъ удостовѣриться, стòитъ только на минуту стать у двери, которая ведетъ въ квартиру Долгоруковыхъ». Павелъ принялъ предложеніе и увидалъ меня вальсирующимъ съ княжною при звукахъ бандуры, на которой игралъ какой-то Малороссіянинъ. Къ несчастію моему, я держалъ свою танцовщицу при этомъ обѣими руками, чтò было тогда въ модѣ, но чтò Императоръ находилъ крайне неприличнымъ; онъ даже запретилъ такъ вальсировать. Забывая, что онъ самъ приказывалъ мнѣ на всѣхъ балахъ вальсировать съ княжною (которая находила, что я ловко танцую), забывая, что онъ же самъ былъ причиною сближенія, которое невольно установилось между мною и постоянною моею танцовщицею, онъ былъ теперь внѣ себя отъ гнѣва. Но, будучи рыцаремъ въ душѣ и къ тому же крайне великодушнымъ, онъ возымѣлъ мысль, которую на другой же день привелъ въ исполненіе: чѣмъ свѣтъ онъ подписалъ указъ, въ силу котораго я пожалованъ былъ камергеромъ, чтò давало мнѣ чинъ генералъ-майора. Объ этомъ узналъ я только явившись во дворецъ на дежурство. Въ обычный часъ онъ отправился къ княжнѣ... и наконецъ объявилъ, что явился къ ней съ тѣмъ, чтобы просить руки ея для своего *камерьера* Рибопьера. Княжна, постоянно дрожавшая при появленіи Государя, не хотѣла вѣрить ушамъ своимъ. Напрасно она указывала на то, что мнѣ было всего 15 лѣтъ, что я еще сущее дитя, что я столь же мало о ней думаю, сколько и она обо мнѣ, что обѣ наши семьи никогда бы на такую неравную свадьбу не согласились: Павелъ настоялъ на своемъ и рѣшительно объявилъ, что или она должна за меня выйдти за мужъ, или же онъ меня немедленно вышлетъ изъ Петербурга. Возраженія, мольбы, слезы, ничего не подѣйствовало. Въ тотъ же самый день я получилъ записку отъ опекуна моего, графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, который звалъ меня къ себѣ, чтобы сообщить повелѣніе Государя Императора. Уже въ статской формѣ, съ ключемъ назади и въ шляпѣ съ плюмажемъ (это были знаки новаго моего званія; въ то время все дѣлалось крайне быстро), поспѣшилъ я къ графу Ростопчину, въ полной увѣренности, что онъ мнѣ объявитъ о пожалованіи меня въ Мальтійскіе коммандоры, о чемъ мнѣ говорила княжна Анна. Каково же было мое удивленіе, когда, вмѣсто Мальтійскаго креста, я получилъ приказаніе немедленно ѣхать въ Вѣну [41]), куда меня только что назначили кавалеромъ посольства. Мысль назначать при главныхъ посольствахъ придворныхъ юношей съ тѣмъ, чтобы они привыкали къ дипломатической дѣятельности, была весьма хороша. Въ обществѣ насъ въ насмѣшку называли *министерскими подмастерьями* (garçons-mi-

---

[41]) 13 Іюня 1799 г. графъ Рибопьеръ пожалованъ въ дѣйств. камергеры и отправленъ къ миссіи въ Вѣну сверхъ штата.

nistres). Вскорѣ послѣ меня на туже должность отправлены были графъ Нессельроде въ Берлинъ и графъ Кутайсовъ въ Лондонъ. Къ сожалѣнію, на этомъ дѣло и остановилось, и отъ этого часто съ дипломатическими порученіями отправлялись люди вовсе непривыкшіе къ дѣламъ.

Матушка и бабушка были въ отчаяніи отъ моего отъѣзда, который совершенно походилъ на ссылку, тѣмъ болѣе, что Государь отправилъ со мною фельдъегеря....

* * *

Въ Вѣнѣ удивились, увидавъ мальчика, при которомъ состоялъ дядька, должность котораго я старался скрыть, называя его *моимъ другомъ*. На самомъ дѣлѣ старый кавалерійскій офицеръ Дитрихъ былъ со мною отправленъ скорѣе въ качествѣ спутника, чѣмъ гувернёра. Онъ скоро замѣтилъ, что я слишкомъ дорожу свободою, чтобы подчиниться его вліянію, и наконецъ, убѣдившись въ примѣрной на ту пору скромности *моего поведенія*, вернулся въ Россію, чтобы о томъ донести матушкѣ. Я окружилъ себя учителями и сталъ заниматься усердно и усидчиво. Тѣмъ немногимъ, что я знаю, обязанъ я графу Поццо-ди-Борго [42]), а позднѣе г. Анстету [43]); оба меня полюбили и благосклонно взялись руководить моими занятіями. Я сталъ много писать, правда болѣе переписывать, чѣмъ сочинять; но на службѣ нужны и переписчики. Въ графѣ Разумовскомъ нашелъ я доброжелательнаго начальника, а въ женѣ его вторую мать [44]). Вѣнское об-

---

[42]) Графъ Поццо-ди-Борго подружился съ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ, гр. Разумовскимъ, извѣстнымъ нелюбовью къ Наполеону. Онъ часто бывалъ въ домѣ графа, и здѣсь А. И. Рибопьеръ съ нимъ познакомился. Въ 1803 черезъ Разумовскаго Поццо-ди-Борго принятъ былъ въ Русскую службу и переѣхалъ въ Петербургъ.

[43]) Иванъ Осиповичь Анстетъ, сынъ Страсбургскаго совѣтника и судьи. Въ 1789 году онъ поступилъ въ Русскую службу офицеромъ и вскорѣ назначенъ былъ въ гребную флотилію принца Нассау-Зигена. Принявъ участіе въ войнѣ съ Шведами, онъ въ 1791 перешелъ на статскую службу и перемѣщенъ былъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ при принцѣ Нассау. Ему поручали секретныя негоціаціи въ Берлинѣ и Польшѣ. Въ 1801 онъ былъ переведенъ совѣтникомъ посольства въ Вѣну, гдѣ неоднократно бывалъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Въ Вѣнѣ онъ сблизился съ графомъ А. И. Рибопьеромъ, который много разсказывалъ интересныхъ анекдотовъ объ этомъ даровитомъ дипломатѣ. Во время похода 1812 — 1814 годовъ Анстетъ сопровождалъ сперва Государя, потомъ князя Кутузова, а наконецъ находился при главной квартирѣ. Въ 1815 году онъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ и принялъ участіе въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Къ прежней должности въ 1825 присоединено было представительство при дворѣ Виртембергскомъ, а въ 1829—при дворѣ Гессенъ-Кассельскомъ. Анстетъ умеръ въ 1835, имѣя бриллiантовые знаки ордена св. Александра Невскаго.

[44]) Графъ, а послѣ Вѣнскаго конгресса, свѣтлѣйшій князь А. К. Разумовскій былъ посломъ въ Вѣнѣ съ 1792 по 1806. Оставивъ должность, онъ продолжалъ жить въ Вѣнѣ въ великолѣпномъ домѣ своемъ на Ландштрассе, разыгрывая въ Вѣнѣ важную роль. Первая жена его, графиня Елисавета Осиповна, была дочь графа Тунъ-Гогенштейнъ-Клестерле, а по матери внучка рейхсъ-канцлера

щество, вообще косо смотрѣвшее на иностранцевъ, крайне любезно меня приняло. Я этимъ обязанъ былъ графинѣ Разумовской, которая, находясь въ родствѣ съ первыми домами Вѣнскими, меня сама всюду представляла. Принцъ Де-Линь, у котораго ежедневно собирался цвѣтъ Вѣнскаго общества, между прочими всѣ Вѣнскія красавицы, принялъ меня какъ сына стараго своего друга и какъ бывшаго любимца боготворимой имъ Екатерины Великой. Вѣна въ тѣ времена была не то что теперь. Это былъ аристократическій городъ роскоши и веселья, столица вкуса и утонченности. Жизнь протекала какъ упоительный сонъ.

Такого общества, каково было въ тѣ времена Вѣнское, теперь не сыщешь. Жена нашего посла блистала тонкимъ умомъ, живымъ разговоромъ, любезнымъ и всегда ровнымъ нравомъ. Сестры ея, княгиня Лихновская и леди Кленвильямъ, на нее походили. Гдѣ искать теперь чего либо подобнаго несравненной Софьѣ Замойской, рожденной княжнѣ Чарторыжской, или сестрѣ ея принцессѣ Виртембергской? Какъ не помянуть и другую Замойскую, невѣстку первой, быть можетъ, еще красивѣйшую? А три дочери принца Де-Линя: княгиня Клара, графиня Фефе-Пальфи и Флора, вышедшая впослѣдствіи замужъ за барона Шпигеля? А другая Флора, графиня Врбна, истая богиня цвѣтовъ, походившая на императора Александра, какъ сестра можетъ только походить на брата? А княгиня Лихтенштейнъ, а Ланскоронская, а Красинская и столько другихъ вѣчно-живыхъ въ памяти моей? Въ то время всѣ дни въ недѣлѣ были разобраны. Послы и представители первыхъ семействъ давали безпрестанно пышные обѣды, за которыми слѣдовали вечерніе пріемы. За обѣдами этими было много непринужденности, но тѣмъ не менѣе старые обычаи и этикетъ строго соблюдались. Явиться иначе какъ во фракѣ и при шпагѣ было немыслимо. Отобѣдавъ въ знатномъ домѣ, необходимо было, черезъ недѣлю, явиться туда на вечерній пріемъ, чтобы отблагодарить за обѣдъ, за который приходилось впрочемъ платить довольно дорого: на другой же день послѣ перваго обѣденнаго приглашенія въ любой изъ Вѣнскихъ домовъ, являлись оттуда съ поздравленіями швейцаръ и скороходъ, что̀ каждый разъ стоило три дуката [45]). Такой же налогъ существовалъ и на но-

---

графа Улефельда. Она скончалась въ 1806 г. Уже въ старости, князь Разумовскій вторично женился на графинѣ Констанціи Тюргеймъ, умершей въ 1869 г.

[45]) Другая особенность Вѣнскихъ обѣдовъ въ тѣ времена состояла въ томъ, что гостямъ прислуживали ихъ же собственные, съ ними пріѣхавшіе, лакеи. Аграфена Александровна Рибопьеръ жила въ Петербургѣ открытымъ домомъ и радушно принимала дипломатовъ. Ежедневными ея собесѣдниками были графъ Сегюръ (1753—1830), бывшій съ 1784 по 1789 годъ министромъ въ Петербургѣ, и графъ Людовикъ Кобенцль († 1808), 20 лѣтъ почти жившій при Русскомъ дворѣ (1779—1797) въ качествѣ Австрійскаго посла. Онъ былъ въ большой милости у Императрицы, писалъ комедіи для Эрмитажа и нерѣдко самъ ихъ разыгрывалъ. Кобенцль былъ замѣчательно дуренъ собою; но живой его разговоръ и ничѣмъ невозмутимое веселье, говоритъ Сегюръ, заставляли забывать о его невзрачности. По свидѣтельству современниковъ, угодливостью Екатеринѣ онъ превосходилъ записныхъ Петербургскихъ придворныхъ. Въ 1801 Кобенцль снова вернулся въ Россію, а въ 1803 былъ уже въ Вѣнѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ. При Кобенцлѣ въ Петербургѣ долгое время жила сестра его, столь-же умная, но едва-ли уступавшая ему въ невзрачности. За мужемъ она была за Французскимъ эмигрантомъ графомъ Ромбекомъ (de

вый годъ, когда являлись носильщики (тогда въ большомъ употребленіи были портантины—chaises à porteur) и скороходы изъ всѣхъ тѣхъ домовъ, куда въ теченіи года бывали приглашенія на обѣдъ. Право занимать мѣсто на диванѣ по правую руку хозяйки дома было преимуществомъ самой высоко-титулованной дамы въ собраніи, и за преимуществомъ этимъ строго наблюдалось. Такъ, жена графа или посланника уступала это мѣсто первой явившейся княгинѣ, послѣдняя вставала передъ княгинею старѣйшею по времени пожалованія титула. Княгини уступали мѣсто оберъ-гофмейстеринѣ и женамъ пословъ, которыя уже между собою не считались, и та, которая пріѣзжала ранѣе, мѣста своего не уступала, при чемъ, однако, какъ оберъгофмейстерины, такъ и посольши, не садились уже вовсе и терпѣливо выстаивали иногда цѣлый вечеръ. Изъ всего этого выходили иногда исторіи, особенно когда одинъ дворъ былъ во враждѣ съ другимъ. Ко двору почти не ѣзжали. Тамъ пріемовъ не было. Ѣзжали съ поклонами только на новый годъ. Добрый императоръ Францъ жилъ запросто въ семейномъ кругу. Вторая его жена, Неаполитанская принцесса [46]), окружила его камарильею, которая и составляла его общество. Никто объ этомъ впрочемъ не безпокоился: не смотря на искреннюю преданность къ престолу, Вѣнская аристократія была самая независимая изъ всѣхъ аристократій. Въ высшемъ обществѣ встрѣчались иногда связи незаконныя. На нихъ смотрѣли снисходительно и ихъ негласно признавали. Никому не было тайной, что такая-то въ связи съ такимъ-то: ихъ одновременно приглашали всюду, и это никого не смущало. Было такъ принято.

Фельдмаршалъ Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну нѣсколько дней послѣ меня [47]). Онъ остановился у посла. Всѣ зеркала въ посольскомъ домѣ

Rombescq), недалекимъ старичкомъ, слѣдовавшимъ всюду за женою и вѣчно дремавшимъ на вечерахъ въ какомъ нибудь уголкѣ. Живая, эксцентричная и бойкая, г-ня Ромбекъ смотрѣла на мужа, какъ на своего рода привиллегированнаго слугу, и постоянно будила его на собраніяхъ звучно раздававшеюся фразою: «Rombescq, puisque vous êtes debout». Графиня была очень дружна съ А. А. Рибопьеръ и изъ Вѣны вела съ нею дѣятельную переписку. Александра Ивановича знала она съ дѣтства и въ письмахъ къ матери безпрестанно о немъ поминала. «*Не балуйте его*», писала она, «et surtout aplatissez son petit j. p.» Въ Россіи графиня выучилась многимъ крупнымъ и непечатнымъ выраженіямъ. Она въ Вѣнѣ дружески приняла молодаго Рибопьера, который часто у нея бывалъ Александръ Ивановичъ жилъ въ то время въ домѣ графа Разумовскаго, вмѣстѣ съ роднымъ племянникомъ посла, А. В. Васильчиковымъ. Имъ обоимъ прислуживалъ огромный крѣпостной гайдукъ Васильчикова. Какъ-то разъ, за однимъ изъ описанныхъ выше обѣдовъ, случилось Рибопьеру и Васильчикову сидѣть противъ графини Ромбекъ. Во время стола графиня стала пересказывать всѣ знакомыя ей и крайне неценвурныя Русскія выраженія. Тѣмъ временемъ начали мѣнять куверты, а у молодыхъ дипломатовъ остались прежнія тарелки; они оборачиваются,—гайдукъ скрылся. За нимъ посылаютъ. «Куда ты ушелъ?» спрашиваютъ его. «Помилуйте, старая халда ругается: совѣстно стало», отвѣчаетъ гайдукъ. Рибопьеръ поспѣшилъ передать слова эти графинѣ; она была отъ нихъ въ восторгѣ, подозвала къ себѣ гайдука и наградила деньгами (Слышано отъ графа Рибопьера).

[46]) Первая супруга имп. Франца была Виртембергская принцесса, сестра императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[47]) 15 Марта 1799.

были завѣшаны: такова была его прихоть. Онъ представился ко двору и тутъ же получилъ Австрійскій фельдмаршальскій жезлъ. Выходя отъ императора, Суворовъ пожелалъ проѣхать прямо въ соборъ Св. Стефана. Народъ толпился на улицахъ и, при видѣ посольской кареты, кричалъ: «*Виватъ Суворовъ*». Фельдмаршалъ высовывалъ голову въ окошко и отвѣчалъ: «*виватъ Іосифъ*». Напрасно ѣхавшій съ нимъ посолъ останавливалъ его, замѣчая, что царствуетъ *Францъ*, а не Іосифъ; Суворовъ продолжалъ свое, приговаривая: «*Помилуй Богъ, не помню*». Каждый вечеръ бывалъ у посла раутъ; всѣ сбѣгались въ надеждѣ увидѣть Суворова. Дворъ, домъ посольства, лѣстница, улицы съ утра до вечера были полны народомъ во все время пребыванія Суворова. Онъ раза два выходилъ въ посольскую гостиную, гдѣ его ожидала вся Вѣна, по своему былъ любезенъ съ тѣснившимися вокругъ него дамами и перепрыгивалъ, какъ коза, съ одного мѣста на другое. Увидавъ принца Де-Линя, котораго знавалъ со временъ Турецкихъ войнъ, онъ ему поклонился, приговаривая: «Здраствуйте, г. фельдмаршалъ съ острова Цитеры». Узнавъ меня въ гостиной, онъ подозвалъ къ себѣ и сказалъ: «Дѣдушка твой учитель мой, а ты дѣдушкинъ внукъ»; онъ служилъ нѣкогда подъ командою дѣдушки А. И. Бибикова. Суворовъ произвелъ смотръ Русскимъ войскамъ, проходившимъ черезъ Шенбрунъ. Это было славное и трогательное зрѣлище. Вся Вѣна туда хлынула. Энтузіазму и крикамъ не было конца. Въ Суворовѣ и его солдатахъ Австрійцы привѣтствовали своихъ избавителей.

Кн. Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, который потомъ женился на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, былъ странный человѣкъ. Онъ тайно обручился съ княжною и, будучи военнымъ, отправился на войну въ Италію, съ корпусомъ Розенберга. Императоръ Павелъ почти ежедневно приносилъ княжнѣ получаемые имъ изъ арміи рапорты, радуясь тому, что можетъ сообщить ей извѣстія объ успѣхахъ нашего оружія. Къ рапортамъ аккуратно прилагались списки убитымъ и раненымъ. Между послѣдними оказался однажды князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ. Княжна до того была поражена, услышавъ это имя, что измѣнилась въ лицѣ. Государь замѣтилъ это и спросилъ у нея о причинѣ такого смущенія. Она ему откровенно призналась, что семья ея была очень дружна съ семействомъ Гагариныхъ, что она провела съ княземъ Павломъ все дѣтство, что родственники желали ихъ брака, что хотя она не питала къ нему особенной любви, однако всегда имѣла въ мысляхъ выдти за него замужъ. Великодушный по природѣ, Павелъ повторилъ обыкновенную свою фразу: *я не хочу стѣснять ваши наклонности*» и немедля далъ фельдмаршалу Суворову приказаніе прислать князя Гагарина съ первымъ хорошимъ извѣстіемъ. Другихъ впрочемъ въ то время не было, и князь Гагаринъ, вскорѣ оправившійся отъ легкой раны, пріѣхалъ въ Вѣну (по дорогѣ въ Петербургъ). Едва успѣлъ онъ передать свои депеши послу, какъ пожелалъ меня видѣть. «Что вы родственники или, быть можетъ, друзья?» спросилъ его посолъ.—«Я его никогда не видалъ».—«Откуда же такое нетерпѣніе видѣть его?»—«Я къ нему чувствую влеченіе», отвѣчалъ князь. За мною пошли въ посольскую канцелярію, гдѣ я всегда по утрамъ занимался, и едва успѣлъ я войти въ кабинетъ графа Разумовскаго, какъ Гагаринъ бросился въ мои объятія, называя меня своимъ другомъ. Подробности моего изгнанія изъ Петербурга были ему извѣстны, и онъ воображалъ, что я его соперникъ. Онъ отъ меня не отходилъ во весь день, проведенный имъ въ Вѣнѣ. На немъ было

множество цѣпей и браслетовъ съ шифромъ княжны Анны. Онъ мнѣ разсказалъ про свою любовь, про свои тайныя отношенія къ ней, про переписку съ нею, которую велъ черезъ какого-то барона Розена, и все это повѣрялъ онъ мнѣ, котораго видѣлъ первый разъ въ жизни и котораго считалъ соперникомъ! Онъ мнѣ даже сообщилъ о своемъ смущеніи при мысли, что его женятъ на княжнѣ Лопухиной, такъ какъ женщинъ онъ не зналъ еще вовсе и считалъ себя мало способнымъ къ супружеской жизни. Наконецъ, онъ уѣхалъ. Пріѣхавъ въ Гатчину, онъ упалъ въ ноги къ Государю, повергая въ тоже время къ стопамъ его Французскія знамена и ключи Турина, только что взятаго Суворовымъ. Павелъ принялъ Гагарина какъ сына и объявилъ ему близкую его сватьбу съ княжною Анною, которую онъ ему *передаетъ*, говорилъ онъ, *такою же, какъ и получилъ ее*. «Одинъ молодой повѣса», прибавилъ онъ, «объявилъ было себя ея поклонникомъ, но мы отъ него скоро *отдѣлались*; ты могъ его видѣть въ Вѣнѣ». Вскорѣ отпраздновали сватьбу. Все ограничилось церковнымъ торжествомъ....

По смерти Павла Петровича, Гагаринъ съ женою отправился за границу, очень дурно съ нею обходился, заставилъ ее передать себѣ все ея состояніе и вскорѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, овдовѣлъ. Незадолго передъ смертію, княгиня разсказала мнѣ все, что̀ произошло между нею и Императоромъ Павломъ относительно меня. Князь Гагаринъ долгое время преслѣдовалъ всѣхъ Петербургскихъ невѣстъ, но всегда безъ успѣха. Имѣвъ несчастіе обратить на себя немилость Александра Павловича, который былъ слишкомъ къ нему строгъ, онъ вышелъ въ отставку, удалился отъ свѣта и женился на актрисѣ....

Недовольство Павла противъ Австріи, по взятіи Турина и пораженіи Корсакова, пало на графа Разумовскаго. Онъ былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ, присланный въ Вѣну для переписки съ Суворовымъ и арміею нашею. Вскорѣ самъ Колычевъ получилъ приказаніе ѣхать въ Карлсбадъ на воды, и я, влюбленный въ первый разъ въ жизни, принужденъ былъ за нимъ слѣдовать. Въ Богеміи я оставался однако недолго и вскорѣ воротился въ Россію, куда меня призывала бабушка. Чувствуя приближеніе своей кончины, она просила у Государя о дозволеніи мнѣ вернуться въ Россію. Не смотря на быстроту, съ которою я ѣхалъ, я уже не засталъ ея въ живыхъ. Графъ Ростопчинъ, управлявшій въ то время Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, велѣлъ меня допустить въ архивъ, чтобы я могъ познакомиться съ прежними договорами и изучить исторію иностранныхъ сношеній нашего двора. Я ежедневно посѣщалъ архивъ и дѣлалъ экстракты изо всѣхъ бумагъ, которыя читалъ. Экстракты эти составили нѣсколько толстыхъ тетрадей. Я ихъ съ собою увезъ въ Вѣну, когда вторично туда поѣхалъ и оставилъ тамъ, вмѣстѣ съ гитарою, флейтою, клавикордами и богатымъ гардеробомъ. Все это отдалъ я на попеченіе Анстета, и все попало въ руки Французовъ во время занятія Вѣны Бонапартомъ. Я помню, меня изъ архивныхъ бумагъ особенно заняли сношенія наши съ Венеціанскою республикою и переписка графа Орлова-Чесменскаго съ Екатериною о Таракановой.

Государь немедля исполнилъ просьбу бабушки, которой всегда выказывалъ чувство уваженія. Онъ не забывалъ дядю моего Павла Александровича Бибикова, старшаго сына бабушки, товарища его дѣт-

ства, который погибъ вслѣдствіе своей къ нему преданности. Когда Государь отправился за границу, подъ именемъ графа Сѣвернаго, онъ поручилъ дядѣ, состоявшему флигель-адъютантомъ при Екатеринѣ (ихъ было всего три или четыре) сообщать ему извѣстія о дворѣ и вообще о томъ, что̀ дѣлается въ Россіи. Тайная переписка эта не могла не компроментировать дяди. Хотя онъ былъ на хорошемъ счету у Государыни, однако ненависть къ всемогущему въ ту пору князю Потемкину побудила его представлять событія въ темномъ свѣтѣ и не скупиться на сильныя выраженія. Имѣя однажды сообщить что-то особенно важное великому князю, онъ поручилъ это дѣло своему адъютанту д'Огерти, d'Oguerty (состоя въ генеральскомъ чинѣ, онъ имѣлъ адъютанта) и отправилъ его за границу. Не знаю, какимъ образомъ объ этомъ узнали, и графъ Броунъ, Рижскій генералъ-губернаторъ, получилъ приказаніе захватить бумаги, которыя Огерти везъ съ собою. Броунъ его пригласилъ учтивымъ образомъ къ себѣ отобѣдать и въ то время какъ Огерти спокойно ѣлъ, посланные графа перерыли всѣ его вещи и подъ подошвою сапога нашли письмо Бибикова. Письмо это было немедленно доставлено въ Петербургъ; вскорѣ дядю потребовали къ тогдашнему генералъ-прокурору князю Вяземскому и тайно заключили въ крѣпость. Вина дяди была велика; но Государыня, всегда милосердая и не забывавшая великихъ заслугъ дѣдушки, не захотѣла судить собственнаго своего адъютанта по всей строгости законовъ. Его назначили командиромъ полка (гарнизона?) въ Колѣ, самомъ сѣверномъ городѣ Архангельской губерніи, въ странѣ холодной и пустынной, гдѣ сосланный вскорѣ сдѣлался жертвою убійственнаго климата, глубокаго отчаянія и преданности къ великому князю, котораго былъ товарищемъ и другомъ.

*

Во время царствованія Павла Петровича, Петербургъ былъ вовсе невеселымъ городомъ. Всякій чувствовалъ, что за нимъ наблюдали, всякій опасался товарища и собранія, которыя, кромѣ кое-какихъ баловъ, были рѣдки. На балахъ этихъ однако молодые люди встрѣчались съ молодыми дѣвицами, и любовь не теряла правъ своихъ. Я, подобно другимъ, заплатилъ ей дань, и N. N., къ которой пылалъ любовію, казалась ко мнѣ благосклонною. Я сталъ находить, что въ Петербургѣ очень хорошо живется, когда ревнивый соперникъ [18]), влюбленный въ туже особу, сталъ искать случая завести со мною ссору. Мы нигдѣ не встрѣчались; никогда не случалось намъ, въ то время, быть вмѣстѣ въ одной и той же гостиной. Онъ написалъ мнѣ письмо, въ коемъ значилось, будто я позволилъ себѣ говорить дурно объ особѣ, которую онъ обязанъ защищать и что онъ съумѣетъ заставить меня дать ему удовлетвореніе. Я поспѣшилъ къ нему, чтобы уз-

---

[18]) Князь Борисъ Антоновичъ Святополкъ-Четвертинскій, умершій въ Москвѣ 1863 г. оберъ-шталмейстеромъ, тогда молодой гвардейскій офицеръ. Лѣтъ 50 послѣ описываемаго гр. Рибопьеромъ событія, оба соперника, никогда другъ друга не видавшіе, нечаянно встрѣтились въ одномъ изъ Московскихъ магазиновъ. Графъ Рибопьеръ сейчасъ же узналъ князя; но, видя, что послѣдній его не признаётъ, показалъ ему шрамъ на рукѣ. Старые соперники дружески пожали другъ другу руки.

нать, въ чемъ дѣло; но онъ никого не назвалъ и продолжалъ считать себя обиженнымъ. Мы дрались съ нимъ на шпагахъ, и въ то время какъ я ему нанесъ ударъ выше локтя, онъ меня ранилъ въ ладонь такъ сильно, что перервалъ артерію. Я принужденъ былъ вынести мучительную операцію, и едва успѣли сдѣлать мнѣ первую перевязку, какъ ко мнѣ пріѣхали оберъ-полицмейстеръ и генералъ-губернаторъ графъ Паленъ съ повелѣніемъ отъ Императора сдѣлать мнѣ допросъ. Говорятъ, будто кто-то донесъ Государю, что соперникъ мой, взявъ подъ свою защиту княгиню Анну Петровну Гагарину, о которой я будто говорилъ дурно, порыцарски вызвалъ меня на поединокъ. Государь, самъ рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова и все еще на меня разгнѣванный за прежнее, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выказать на мнѣ всю свою строгость. Я никогда ничего не говорилъ противъ княгини Анны Петровны, и болѣе трехъ лѣтъ не приходилось мнѣ слова перемолвить съ моимъ соперникомъ. Отъ природы скромный и осторожный, я жилъ въ то время довольно уединенно въ кругу близкихъ мнѣ людей. Государь исключилъ меня изъ службы; у меня отняли Мальтійскій крестъ и камергерскій ключъ и засадили въ крѣпость въ секретномъ казематѣ. По мѣрѣ того какъ Павелъ наказывалъ, гнѣвъ его все болѣе и болѣе разгорался: онъ отправилъ мать мою и сестеръ въ ссылку, конфисковалъ домъ нашъ и все имущество въ Петербургѣ и окрестностяхъ, отдалъ матушку подъ надзоръ полиціи, запретилъ принимать на почтѣ какъ наши письма, такъ и тѣ, которыя были намъ адресованы; наконецъ, онъ подвергъ 24 часовому домашнему аресту великаго князя Александра Павловича за то, что, какъ первый Петербургскій генералъ-губернаторъ, онъ не представилъ рапорта о моей дуэли. Графъ Паленъ былъ за тоже на время удаленъ отъ двора, также какъ и дядя мой Кутузовъ [49]), котораго Государь обвинилъ въ томъ, что онъ имѣлъ видъ огорченнаго родственника, тогда какъ вышеупомянутый мой дядя никогда ни въ комъ не принималъ участія....

Петръ Хрисанѳовичь Обольяниновъ, тогдашній генералъ-губернаторъ, былъ со мною ласковъ и любезенъ. Онъ считался Гатчинцемъ—презрительное прозвище, которымъ награждали всѣхъ находившихся при Павлѣ Петровичѣ въ Гатчинѣ, до вступленія его на престолъ. Это были почти всё люди темные, безъ образованія и воспитанія. Многихъ Павелъ помѣстилъ въ гвардію, другихъ назначилъ къ разнымъ должностямъ. Мы ихъ презирали, и они передъ нами унижались. Что касается до Обольянинова, то онъ былъ хорошаго дворянскаго рода и съ благодарностью вспоминалъ о благосклонности къ нему дѣдушки Александра Ильича, подъ начальствомъ котораго началъ онъ свою службу. Онъ былъ добрый и кроткій человѣкъ, не безъ познаній. Смотритель моего каземата, нѣкто *Ильинъ*, также помнилъ дѣдушку, подъ командою котораго ходилъ противъ Пугачева. Онъ былъ ко мнѣ очень предупредителенъ. Солдату, стоявшему на часахъ у дверей

---

[49]) У Александра Ильича Бибикова были двѣ родныя сестры: Аграфена Ильинишна за ген. пор. Иваномъ Матвѣевичемъ Толстымъ и Евдокія Ильинишна за адмираломъ 1-го класса Иваномъ Логиновичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, и одна единокровная, Екатерина Ильинишна, за фельдм. княземъ Михаиломъ Илларіоновичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ-Смоленскимъ. Здѣсь рѣчь идетъ объ адмиралѣ Кутузовѣ. Онъ былъ одно время любимцемъ Павла Петровича.

моей темницы, фамилія моя была извѣстна, такъ какъ онъ долгое время стоялъ въ полку въ одномъ изъ нашихъ имѣній. Солдатъ этотъ вполнѣ поступилъ ко мнѣ въ услуженіе. Мнѣ пріятно вспоминать обо всѣхъ этихъ достойныхъ людяхъ, столь добрыхъ ко мнѣ во время моего заключенія; но изъ всѣхъ тѣхъ, кто выказалъ мнѣ привязанность, никто не имѣетъ столько правъ на мою вѣчную благодарность, сколько *Иванъ Новицкій*. Онъ былъ крѣпостнымъ парикмахеромъ моей матери, и притомъ весьма искуснымъ, такъ что имѣлъ большую практику, копилъ деньги и жилъ въ довольствѣ. Когда матушку сослали, Иванъ бросился къ Обольянинову. Послѣдній, хотя и временщикъ, принялъ его благосклонно. «Что тебѣ надобно?» спросилъ онъ. «Барыня моя сослана», отвѣчалъ Новицкій, «молодой баринъ въ тюрьмѣ. Я могу ему быть полезенъ: прикажите меня запереть съ нимъ вмѣстѣ». Обольяниновъ, тронутый такою преданностію, обнялъ его и приказалъ свести его ко мнѣ въ тюрьму. Пришедши въ мое помѣщеніе, онъ заплакалъ отъ радости и сталъ цѣловать мою лѣвую руку (правая была ранена и въ перевязкахъ). Не упоминая о ссылкѣ матушки (о чемъ я узналъ только по моемъ освобожденіи), онъ что-то сунулъ мнѣ подъ подушку и сказалъ: «Возьмите, это я приберегъ; мнѣ оно не нужно, а вамъ можетъ понадобиться. Мнѣ дозволили съ вами свидѣться, и я васъ уже болѣе не оставлю». Всю жизнь мою я горевалъ о томъ, что не пришлось мнѣ доказать Новицкому мою благодарность. Вскорѣ я вернулся въ Вѣну, а когда я снова пріѣхалъ въ Петербургъ, его уже не было въ живыхъ.

Здѣсь кстати разскажу черту самой трогательной заботливости, какую могло только придумать материнское сердце. Было рѣшено, чтобы не усилить моего горя, не сообщать мнѣ о ссылкѣ моихъ домашнихъ. П. Х. Обольяниновъ дозволилъ Ивану Васильевичу Тутолмину, старому другу нашего дома, присылать мнѣ кое-какія блюда, тонкія кушанья, а также и фрукты, дозволенные докторами. Матушка возимѣла счастливую мысль оставить много адресовъ, писанныхъ ея рукою, которые мнѣ и высылались на блюдахъ. Видя раза по два въ день дорогую мнѣ руку матери, я не безпокоился на ея счетъ.

Александръ Павловичъ, въ самый день восшествія своего на престолъ, приказалъ выпустить меня на волю и возвратилъ мнѣ прежнее мое званіе. Въ тотже день курьеръ поскакалъ за матушкою, которая не успѣла еще доѣхать до имѣнія, назначеннаго ей мѣстомъ изгнанія. На улицахъ цѣловались и поздравляли другъ друга. Россія привѣтствовала царствованіе Александра какъ эру освобожденія, какъ зарю прекраснаго дня. На двери моей темницы приклеена была надпись: *«свободна отъ постоя»*. Государь повелѣлъ освободить всѣхъ лицъ, арестованныхъ покойнымъ родителемъ его, между прочими и одного Поляка, переведеннаго въ другой казематъ, чтобы очистить для меня мѣсто. Когда его повели обратно, послѣ моего освобожденія, онъ вообразилъ, что его ведутъ на казнь. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, очутившись въ старомъ помѣщеніи; но каковъ былъ его восторгъ, когда черезъ нѣсколько дней его выпустили на волю!

Послѣ праздниковъ коронаціи, которые были веселы, великолѣпны и блестящи, я возвратился въ Вѣну. Государь желалъ, чтобы, по примѣру Воронцова, Нарышкина [50]) и другихъ товарищей, я снова

---

[50]) Графъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ.

поступилъ въ гвардію, жертвуя чиномъ д. с. совѣтника и камергерствомъ. Но не эти преимущества меня заботили: я пристрастился къ дипломатической службѣ и далъ слово графу Разумовскому вернуться въ Вѣну. Вслѣдствіе этого я сдѣлалъ видъ, будто не понимаю, что̀ со мною хотятъ сдѣлать, за что Государь долго на меня гнѣвался.

*

Къ началу царствованія Александра относятся нижеслѣдующія два письма графа Рибопьера, писанныя въ Вѣну къ его бывшему начальнику и найденныя въ архивѣ князя Разумовскаго. Приводимъ ихъ въ переводѣ.

I.

Послѣднее письмо мое, переданное вамъ курьеромъ, я предполагалъ отправить по почтѣ; вотъ почему я надписалъ его лично вамъ. Князь (Чарторыжскій) подшутилъ надо мною, какъ надъ ребенкомъ. Я все еще числюсь въ его канцеляріи, но вмѣсто того чтобы работать, едва нахожу себѣ мѣстечко среди 34 лицъ, состоящихъ при его сіятельствѣ. Эта тьма писцовъ только мараетъ бумагу (ne fait que du noir sur du blanc).—Пахучій Татищевъ [51]) одинъ только работаетъ въ кабинетѣ у князя. Говорятъ о войнѣ. Байковъ, вернувшійся тому дней десять изъ Парижа, снова туда отправляется курьеромъ. И такъ мы также будемъ воевать. Военные или вѣрнѣе маленькіе господа, туго затянутые въ лосины, съ восторгомъ предаются надеждѣ вскорѣ пожать лавры. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Колычевъ, какъ собака на стойкѣ: онъ выжидаетъ отъѣзда графа Семена Романовича [52]). Онъ мнѣ самъ *откровенно* признался, что ему обѣщали Лондонскій постъ. Будбергъ, который здѣсь уже два мѣсяца, безпокоитъ своимъ присутствіемъ Колычова, хотя въ городѣ назначаютъ перваго къ консулу. Графъ Кочубей въ дурныхъ отношеніяхъ съ дворомъ; онъ ѣдетъ въ деревню, но отъ этого дѣла пойдутъ лучше. Благодаря Бога, у него помощникомъ графъ Строгановъ, превѣтренный геній, талантливая опытность котораго подаетъ намъ лучшія надежды. Онъ и Новосильцовъ служатъ пѣшками нашему князю [53]). Онъ ихъ ставитъ впередъ, заставляетъ говорить и дѣйствовать, и хотя самъ не показывается, однако всѣмъ будетъ управлять одинъ. Я не говорю о себѣ: жизнь моя пуста и глупа. Я завѣсилъ будущность свою чернымъ флеромъ. Это грустно въ 20 лѣтъ, но когда не имѣешь независимаго положенія и не питаешь страсти къ походамъ, нельзя ни на что расчитывать. Сохраните мнѣ ваше благорасположеніе; преданность моя къ вамъ составляетъ главную черту моего бытія. У насъ нѣтъ отъ васъ извѣстій. Смѣю надѣяться, что вы не забудете обо мнѣ, когда будете писать въ Петербургъ.

$^{2}/_{14}$ Апрѣля 1802.

---

[51]) Дмитрій Павловичъ Татищевъ, впослѣдствіи посолъ въ Вѣнѣ, а потомъ оберъ-камергеръ (1767†1845).

[52]) Т. е. отъѣзда графа Воронцова изъ Англіи; его тогда ждали въ Петербургъ.

[53]) Т. е. князю Адаму Чарторыжскому, въ то время товарищу министра иностранныхъ дѣлъ.

II.

Я не отправлялъ до сегодняшняго дня письма, которое теперь честь имѣю представить. Господамъ служащимъ въ канцеляріи (изъ которыхъ одни Греки, а другіе Жиды), признаюсь, не вполнѣ довѣряю. Я предпочелъ дождаться отъѣзда Васильчикова [54]) и передать ему письмо, а равно и объясненіе, которое имѣлъ на дняхъ съ княземъ. Онъ меня къ себѣ вызвалъ и поручилъ писать Анстету съ предложеніемъ пріѣхать въ Петербургъ и занять мѣсто начальника одной изъ экспедицій. Онъ меня завѣрилъ, что васъ объ этомъ предупредилъ; поэтому я ничего не возразилъ и написалъ Анстету. Мы были съ нимъ съ глазу на глазъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заговорить о моей будущности. Я его спросилъ, не знаетъ-ли онъ, почему крестный мой отецъ совершенно ко мнѣ измѣнился. Онъ расхохотался. Наконецъ, послѣ долгихъ съ моей стороны настояній, онъ сказалъ, что Государю передали какіе-то мои разговоры, но что онъ не знаетъ ни того, кто это передалъ, ни содержанія того, что̀ мнѣ приписывали. Онъ прибавилъ: «мнѣ тоже передали, что вы коечто разсказываете про меня и мою канцелярію». Можете себѣ представить, каково было мое удивленіе! Я его завѣрилъ, что все это клевета и, быть можетъ, слишкомъ разгорячившись, сталъ просить объ отставкѣ. Въ утѣшеніе, онъ сказалъ мнѣ, что былъ отмѣннаго обо мнѣ мнѣнія, но что мои 20 лѣтъ и то, что̀ было ему передано, поколебали то хорошее впечатлѣніе, которое я на него произвелъ. Онъ довольно слабо со мною поспорилъ касательно моего намѣренія выдти въ отставку. На этомъ мы разстались. Съ тѣхъ поръ я здраво все обдумалъ. Я совѣтовался съ матушкою, и рѣшился чистосердечно объявить князю, что если онъ не можетъ меня примирить съ Государемъ и, по обѣщанію, дать занятіе: то я съ своей стороны не вижу причины оставаться на службѣ, отъ которой не могу ожидать ни пользы, ни повышенія и что я прошусь, *по вольности дворянства*, въ отставку [55]). Черезъ два или три дня судьба моя будетъ рѣшена. Мнѣ сегодня минулъ 21 годъ. Будущность моя самая плачевная. Заслуживъ неблаговоленіе Государя, находясь на дурномъ счету у того, кто пользуется всемогущимъ на него вліяніемъ, я долженъ служить изъ-за жалованія, котораго не буду достоинъ. Вы меня слишкомъ хорошо знаете, чтобы сомнѣваться въ томъ, что я, не смотря на мою бѣдность, отъ жалованья этаго откажусь. Смѣю надѣяться, что вы одобрите мое рѣшеніе. Вы не станете вѣрить клеветѣ, сочиненной низкими людьми. Мысль, что вы мнѣ отдадите справедливость, будетъ для меня великимъ утѣшеніемъ среди всѣхъ непріятностей, которыхъ я ожидаю. Извините за всѣ эти скучныя подробности: я не могу не передать вамъ все, что̀ до меня касается. Я вамъ преданъ на вѣки.

*

Далѣе слѣдуетъ продолженіе Записокъ.

Я вернулся въ Вѣну, какъ въ родную семью; выраженіямъ дружбы и любезностямъ не было конца. Я снова принялся за работу

---

[54]) Алексѣя Васильевича.

[55]) Въ подлинникѣ слова эти написаны порусски.

подъ дружескимъ наблюденіемъ Анстета, и время протекало незамѣтно [56]).

Во время случая Зубова, шевалье Де-Саксъ (chevalier de Saxe), незаконный сынъ герцога Максимиліана Саксонскаго, пріѣхалъ попытать счастія въ Россіи. Императрица приняла его отмѣнно милостиво, обращалась съ нимъ почти какъ съ принцемъ, допустила его въ число приближенныхъ и даже назначила ему ежегодную пенсію въ 2000 рублей, которая по закону Петра Великаго выдавалась принцамъ Римской имперіи, поступавшимъ на нашу службу. Князь Зубовъ выказывалъ тоже сочувстіе къ этому шевалье. Одинъ молодой князь Щербатовъ [57]), бывшій еще въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ и весьма дурно воспитанный, встрѣтивъ Де-Сакса, съ которымъ почти не былъ знакомъ, на Екатериненгофскомъ гуляньи, фамиліарно къ нему подошелъ и спросилъ его: «comment vous portez vous» [58]). Шевалье, ѣхавшій верхомъ и не желавшій знакомства съ Щербатовымъ, рѣзко отвѣчалъ: «Sur mon cheval». Отвѣтъ этотъ былъ переданъ Щербатовымъ его товарищамъ по полку. Объ этомъ много говорили по городу со всякими комментаріями, осудили шевалье и наконецъ рѣшили, что столь важное обстоятельство требовало серіознаго объясненія. Объясненіе это только раздражило противниковъ, и однажды при выходѣ изъ Французскаго театра, Щербатовъ, остановивъ шевалье, потребовалъ сатисфакціи. Настойчивость мальчика разсердила вспыльчиваго шевалье, и онъ забылся до того, что далъ противнику пощечину. Щербатовъ изъ всѣхъ силъ ударилъ его палкою по головѣ. Общество имѣло дурной вкусъ прозвать палки, похожія на ту, которую носилъ въ этотъ вечеръ Щербатовъ, Щербатовскими (à la Scherbatoff). Такъ какъ драка произошла въ публичномъ мѣстѣ, то полиція вмѣшалась въ дѣло, и шевалье, не смотря на его Русскій полковничій мундиръ, отведенъ въ заточеніе. Вскорѣ однако его выпустили, и онъ написалъ письмо къ Зубову, требуя правосудія. Но вмѣсто отвѣта шевалье, по высочайшему повелѣнію, выслали за границу.

Можно себѣ представить негодованіе Де-Сакса, живаго, вспыльчиваго, но вполнѣ благороднаго и къ тому же извѣстнаго храбреца! Едва переступилъ онъ за Русскую границу, какъ сталъ посылать вызовы къ князю Зубову, котораго подозрѣвалъ въ ревности и въ подсылкѣ Щербатова, а также къ сему послѣднему за оскорбленіе, оставившее неизгладимые слѣды на лбу его. Не получая отвѣтовъ ни отъ того, ни отъ другаго, шевалье Де-Саксъ напечаталъ въ газетахъ посланные имъ оскорбительные вызовы; но князь Зубовъ съ высоты своего могущества не соблаговолилъ обратить на нихъ вниманія; а Щербатовъ, въ то время мальчишка, отправленъ былъ къ родителямъ въ Москву или въ деревню. Наступило царствованіе Павла I; ни тому ни другому невозможно было ѣхать въ Германію,

---

[56]) 20 Апрѣля 1801 г. графъ Рибопьеръ переименованъ былъ въ д. с. совѣтники.

[57]) Князь Николай Григорьевичъ Щербатовъ, р. 1778, ум. 1845, былъ впослѣдствіи генералъ-маіоромъ; въ описываемое время ему было лѣтъ 15 или 16.

[58]) Шевалье отвѣчалъ игрою словъ, которую невозможно передать: Comment vous portez vous слово въ слово: какъ вы себя носите; шевалье Де-Саксъ, принимая буквальное значеніе фразы, отвѣчалъ: sur mon cheval, т. е. на моей лошади.

гдѣ ихъ ждалъ противникъ [59]). Я ежедневно видѣлся въ Вѣнѣ съ шевалье Де-Саксомъ, въ первое мое тамъ пребываніе; его тамъ любили, и онъ имѣлъ обширное знакомство. Сначала, какъ Русскій, я ему былъ не по сердцу; но мы вскорѣ сошлись, и онъ мнѣ откровенно признался, что, не смотря на мои 16 лѣтъ, онъ рѣшился было со мною поссориться и вызвать меня на поединокъ; скромность и открытое поведеніе мое его обезоружили. Мы снова встрѣтились теперь въ Вѣнѣ, и вскорѣ послѣ меня туда пріѣхали князь Зубовъ и князь Щербатовъ. Послѣдній говорилъ, что онъ спѣшилъ съ тѣмъ, чтобы помѣшать поединку князя Зубова съ шевалье Де-Саксомъ; но Зубовъ пріѣхалъ ранѣе, и по этому условія дуэли были установлены, и рѣшено было драться въ Петерсвальдѣ, на границахъ Саксоніи и Богеміи. Въ то время какъ шли переговоры касательно этого поединка, Зубовъ не разъ приходилъ ко мнѣ, въ комнату, занимаемую мною въ посольствѣ. Тогда убѣдился я, какъ мало было твердости духа въ этомъ баловнѣ счастія. Правда, онъ шелъ на поединокъ, но онъ не могъ иначе поступить, послѣ полученныхъ имъ отъ шевалье публичныхъ оскорбленій, и на поединокъ этотъ онъ шелъ какъ слабая женщина, приговоренная къ мучительной операціи. Смиренно и тихо входилъ онъ теперь, почти каждый день, въ мою комнату. Онъ меня зналъ ребенкомъ. Невольно, глядя на него, вспоминалъ я времена его могущества, когда онъ держалъ себя какъ неприступный сатрапъ: разсѣвшись передъ зеркаломъ, въ то время какъ парикмахеръ убиралъ и пудрилъ ему волосы, онъ не соизволялъ обернуться ни для какого пола, ни для какого вельможи, являвшихся къ нему съ поклонами, и только слегка кивалъ головою, глядя на нихъ въ зеркало. Голова эта кружилась отъ упоенія Фортуною. Вообще говоря, онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ не лишенъ былъ ума и имѣлъ познанія; но не по немъ была та высота, на которую онъ попалъ случайно, и съ которой также случайно упалъ послѣ внезапной кончины своей покровительницы. Приходя ко мнѣ въ Вѣнѣ, Зубовъ постоянно говорилъ про Императрицу, которая меня такъ любила и память которой была дорога намъ обоимъ... Зубовъ дрался крайне смѣшно: прежде чѣмъ взяться за шпагу, онъ сталъ на колѣна, долго молился; потомъ, наступая на шевалье, онъ наткнулся рукою на его шпагу и, чувствуя, что получилъ царапину, объявилъ, что долѣе не можетъ драться. Шевалье, нанеся ему ударъ, воскликнулъ: вы мнѣ надоѣли! Нѣсколько дней послѣ этой дуэли, Щербатовъ нагналъ шевалье Де-Сакса въ Теплицѣ. Они дрались на пистолетахъ въ Петерсвальдѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и Зубовъ. Шевалье былъ убитъ на повалъ съ перваго выстрѣла. Щербатовъ долгое время упражнялся въ стрѣльбѣ и хорошо сдѣлалъ, ибо иначе онъ бы неминуемо палъ подъ могучею и ловкою рукою шевалье Де-Сакса, такъ какъ по условіямъ поединка, въ случаѣ, если бы оба промахнулись, соперники должны были взяться за шпаги. Отправ-

---

[59]) Бантышъ-Каменскій и анонимный авторъ біографіи Зубова (Русская Старина 1876) говорятъ, что Зубовъ получилъ отъ Павла дозволеніе путешествовать за границею. О пребываніи его въ Германіи при Павлѣ упоминаетъ и Масонъ въ своихъ мемурахъ. О путешествіи же Зубова при Александрѣ никто не говоритъ, но оно подтверждается не только Мемуарами графа А. И. Рибопьера, но и депешами посла графа Разумовскаго.

ляясь въ Теплицъ, Щербатовъ увидѣлъ зайца, перебѣгавшаго черезъ дорогу; онъ схватился за пистолетъ и убилъ его на повалъ.

*

Въ 1803 году старшая сестра моя, Елисавета Ивановна, вышла за мужъ за Александра Александровича Полянскаго, сына столь извѣстной графини Елисаветы Романовны Воронцовой. Матушка хотѣла, чтобы я былъ на сватьбѣ. Я поскакалъ курьеромъ. При выѣздѣ изъ Кракова, въ 26 градусный морозъ съ страшною метелью, меня вывалили изъ саней. Я расшибся, заболѣлъ и принужденъ былъ семь недѣль жить въ Краковѣ, на попеченіи семейства Чарторыжскихъ, которые ходили за мною какъ родные. Я всѣхъ ихъ уже зналъ кромѣ княгини-матери [60]. Я вовсе не думалъ окончательно поселиться въ Петербургѣ и, пріѣхавъ, только и помышлялъ о томъ, какъ бы скорѣе вырваться. Я жилъ безъ дѣла, въ постоянномъ ожиданіи, ни къ чему особенно не привязываясь. Такъ незамѣтно протекли два года. У меня завелись кое-какія любовныя интриги, и мнѣ не разъ предлагали выгодныя партіи, но я о женитьбѣ еще не думалъ [61].

Во время праздниковъ коронаціи началось значеніе Н—ой; кокетливая и, быть можетъ, даже нѣсколько болѣе чѣмъ кокетливая, она скоро соскучилась своимъ положеніемъ и не отвергала ѳиміама простыхъ смертныхъ. Ко мнѣ она была крайне любезна, но изъ преувеличеннаго, быть можетъ, чувства благоговѣнія къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, я не обратилъ вниманія на ея милости и вскорѣ замѣтилъ, что подвергся гнѣву красавицы изъ красавицъ. Гнѣвъ этотъ вмѣстѣ съ опалою, въ которой я находился, раза два помѣшалъ мнѣ занять должности, которыя я имѣлъ въ виду. Въ то время, чтобы быть на виду, необходимо было пользоваться благорасположеніемъ Н., которая впрочемъ, надо ей отдать справедливость, держала себя очень скромно и никому не вредила.

Императрица Елисавета Алексѣевна очень отличала князя Адама Чарторыжскаго. При Павлѣ Петровичѣ онъ внезапно былъ назначенъ посломъ къ Сардинскому королю, который въ то время жилъ въ Кальяри. Будучи въ Римѣ, князь Чарторыжскій заказалъ двѣ статуи или вѣрнѣе двѣ группы, изображавшія, одна: Амура кормящаго Химеру, а другая Химеру кормящую Амура.... Елисавета Алексѣевна была въ перепискѣ съ принцессою Маріею Виртембергскою [62] и подписывалась подъ письмами къ ней именемъ «Селаниры»..... [63].

---

[60]) Извѣстная княгиня Изабелла Чарторыжская, родомъ графиня Флемингъ, называемая «маткою ойчизны», ярая Полька, что не мѣшало ей быть въ открытой связи съ кн. Н. В. Репнинымъ, отъ котораго она имѣла сына, извѣстнаго князя Адама Чарторыжскаго; онъ унаслѣдовалъ Репнинскую смуглость.

[61]) 1 Декабря 1804 графъ Рибопьеръ возвращенъ въ Россію и оставленъ при Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

[62]) Принцесса Марія, родомъ княжна Чарторыжская (р. въ 1765, ум. 1854), была замужемъ за принцемъ Лудовикомъ-Фредерикомъ Александромъ Виртембергскимъ, съ которымъ развелась въ 1792 вслѣдствіе Польскаго своего энтузіазма: принцъ сражался противъ Поляковъ. Онъ женился вторично на принцессѣ Нассауской и былъ дѣдомъ, по матери, теперешняго короля Виртембергскаго. У принцессы Маріи былъ единственный сынъ принцъ Адамъ, генералъ нашей службы, съ которымъ она также поссорилась изъ-за политики.

[63]) Селанира—героиня романа, сочиненнаго принцессою Виртембергскою.

Я былъ въ то время одинъ изъ старшихъ камергеровъ; старше меня былъ только нѣкто господинъ Жеребцовъ, племянникъ князя Зубова, никому не показывавшійся и не ѣздившій ни ко двору, ни въ общество. Такимъ образомъ, въ отсутствіе оберъ-камергера, я занималъ его мѣсто и представлялъ Государю и императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ лицъ ими принимаемыхъ. Государь прозвалъ меня своимъ *подставнымъ* (postiche) оберъ-камергеромъ. Прозваніе это, не весьма лестное, до того мнѣ не понравилось, что въ одно Воскресенье я сказался больнымъ, чтобы болѣе его не слыхать. Въ тѣ времена, въ отсутствіе оберъ-камергера, мѣсто его занималъ старѣйшій изъ камергеровъ. Преимущество это строго наблюдалось самою Екатериною. Однажды оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, за болѣзнію оберъ-камергера И. И. Шувалова, вздумалъ было подать руку Государынѣ; но она ему замѣтила, что преимущество это по праву принадлежитъ сыну его Александру Львовичу, который одинъ только, какъ старшій камергеръ, можетъ занять мѣсто отсутствующаго оберъ-камергера. Государю и Государынѣ представлялись каждое Воскресенье то въ городѣ, то на Каменномъ острову; такимъ образомъ представленія не накоплялись, и рѣдко когда болѣе четырехъ или пяти человѣкъ являлись одновременно. Однажды я представлялъ А. И. Италинскаго [64]), возвращавшагося изъ Константинопольскаго посольства и Леонтія Магницкаго отца, пріѣхавшаго изъ Москвы, гдѣ онъ служилъ прокуроромъ Синодальной Конторы. Одинъ не видалъ Петербурга 40, а другой 42 года. Крайне интересно было слушать ихъ разсказы: судя по словамъ ихъ, городъ въ этотъ промежутокъ времени баснословно измѣнился.

Скучая бездѣйствіемъ, я желалъ принять участіе въ кампаніи, столь несчастно для насъ кончившейся Аустерлицкимъ пораженіемъ; но дядя мой Кутузовъ [65]) сказалъ матушкѣ, что отецъ мой уже палъ въ его глазахъ на штурмѣ Измаила, и что поэтому онъ опасается взять меня съ собою на войну.

Общественное мнѣніе вызвало на слѣдующій годъ въ предводители нашихъ войскъ фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго. Онъ какъ-то доводился дядею моей матери, и по ея просьбѣ получилъ отъ Государя разрѣшеніе взять меня съ собою, къ неудовольствію барона

---

[64]) Андрей Ивановичъ Италинскій, гувернеръ князя Виктора Павловича Кочубея, потомъ повѣренный въ дѣлахъ въ Неаполѣ и посланникъ сперва въ Константинополѣ, а впослѣдствіи въ Римѣ, гдѣ онъ и умеръ, завѣщавъ богатую свою библіотеку нашему тамъ посольству, съ тѣмъ чтобы ею пользовались пріѣзжающіе въ Римъ Русскіе артисты и ученые. Къ сожалѣнію, почти вся библіотека была растаскана питомцами Музъ. Италинскій былъ одинъ изъ замѣчательныхъ дипломатовъ. Вездѣ, гдѣ онъ находился представителемъ Россіи, нравственное вліяніе его было громадное. Разсказываютъ, что одинъ монахъ Зурла (Zurla) поднесъ черезъ нашу миссію въ Римѣ императору Александру подробную карту Россіи на Итальянскомъ языкѣ. Черезъ министерство дано приказаніе Италинскому выхлопотать у папскаго правительства монаху Зурлѣ какое нибудь повышеніе. Италинскій исполнилъ высочайшую волю, и одного его слова было довольно, чтобы простаго монаха облечь въ Римскую багряницу: таково было въ тѣ времена наше вліяніе. Кардиналъ Зурла сдѣлался впослѣдствіи извѣстенъ учеными своими трудами.

[65]) Т. е. дѣдъ-дядя.

Будберга, человѣка мелкаго и тщеславнаго, занявшаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ мѣсто князя Чарторыжскаго [66]).

Армія раздѣлена была на два корпуса. Однимъ командовалъ графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буксгевденъ, а другимъ Леонтій Леонтіевичъ Бенингсенъ. Оба генерала враждовали между собою и встрѣтили Каменскаго съ жалобами. Корпуса были далеко не такъ сильны, какъ то думалъ Государь: при нихъ не было ни запасныхъ магазиновъ, ни гошпиталей; въ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ дороги были окончательно испорчены и не допускали передвиженія войска. Бонапартъ стоялъ въ виду во главѣ сильной арміи. При малѣйшемъ успѣхѣ онъ могъ войти въ Россію. Чтобы предупредить такую бѣду, фельдмаршалъ рѣшился соединить войска и прикрыть ими нашу границу, для чего предписалъ общее отступленіе, а самъ поѣхалъ въ Вильну, куда сталъ стягивать всѣ разбросанныя силы, находившіяся подъ его командою. Между тѣмъ генералъ Бенингсенъ разбилъ непріятеля при Пултускѣ и Голыминѣ и остановилъ на время наступательное его движеніе. Если бы графъ Буксгевденъ во̀ время явился на подмогу, пораженіе Бонапарта было бы совершенное; но Буксгевденъ не двинулся, хотя стоялъ въ двухъ переходахъ отъ поля сраженія и слышалъ каждый пушечный ударъ. Назначеніе Каменскаго было со стороны Государя только уступкою общественному мнѣнію. Вообще онъ къ фельдмаршалу не благоволилъ, и распоряженія новаго начальника, совершенно противныя высочайшимъ инструкціямъ, окончательно раздражили Александра Павловича. Дѣйствуя, быть можетъ, нѣсколько опрометчиво, онъ приказалъ Каменскому сдать команду, назначилъ ему Гродну мѣстомъ ареста и, вызвавъ Буксгевдена въ Петербургъ, передалъ команду генералу Бенингсену.

Оставшись одинъ при графѣ Каменскомъ, съ того дня какъ онъ въ Остроленкѣ покинулъ армію, я сдѣлался за разъ начальникомъ его штаба, дежурнымъ его генераломъ, директоромъ его канцеляріи, его секретаремъ, его писцомъ и его компаніономъ. Тяжкія минуты провелъ я съ этимъ желчнымъ старикомъ; но за то успѣлъ изучить нравъ его. У него было много природнаго ума; онъ имѣлъ обширныя познанія, отлично говорилъ пофранцузски и понѣмецки, воспитавшись во Франціи и тамъ проходивъ даже военную службу. Онъ съ отличіемъ служилъ при Екатеринѣ, извѣстенъ былъ храбростью и былъ замѣчательный тактикъ. Вообще графъ Каменскій пользовался блестящею военною репутаціею. Но при этомъ онъ былъ горячъ и вспыльчивъ, характеръ имѣлъ несносный, сердился за всякую бездѣлицу и былъ требователенъ до мелочности. Совѣсть запрещала мнѣ покинуть его въ невзгодѣ, но мнѣ нечего было дѣлать при смѣщенномъ полководцѣ, и я понапрасну терялъ время. Къ счастію, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, отправляясь въ армію, проѣхалъ черезъ Гродну и, явившись къ фельдмаршалу, не безъ труда добился того, чтобы себялюбивый старикъ согласился отпустить меня.

Я отправился къ генералу Бенингсену и вмѣстѣ съ графомъ К. В. Нессельроде сдѣлалъ всю кампанію въ качествѣ дипломатическаго комисара. Послѣ битвы при Прейсишъ-Эйлау, Нессельроде отправленъ былъ къ графу Разумовскому, съ тѣмъ чтобы посолъ этотъ

[66]) Въ 1806 и 1807 годахъ графъ Рибопьеръ состоялъ при главнокомандующемъ арміями въ званіи дипломатическаго комисара.

всѣми силами старался уговорить Вѣнскій дворъ стать на нашу сторону. Въ это время раздоръ поселился среди нашего лагеря. Генералы баронъ Ф. В. Остенъ-Сакенъ вмѣстѣ съ графомъ П. А. Толстымъ и графомъ А. И. Остерманомъ (всѣ трое были начальниками дивизій), открыто не повиновались Бенингсену. Если бы Сакенъ выступилъ во время, какъ ему было приказано, Гутштадское дѣло было бы блестящею побѣдою. Бенингсенъ хотя и храбрый воинъ, былъ однако слабъ характеромъ и не умѣлъ держать въ рукахъ подчиненныхъ. Онъ сообщилъ о своихъ затрудненіяхъ князю Багратіону. Мы составили совѣтъ, на которомъ рѣшено было, что князь Петръ Ивановичъ передастъ Государю о настоящемъ положеніи дѣлъ. Багратіонъ поѣхалъ съ секретнымъ рапортомъ, который былъ мною составленъ и написанъ и который произвелъ такое впечатлѣніе на Государя, что онъ отправилъ въ армію Н. Н. Новосильцова, самаго приближеннаго къ себѣ человѣка, чтобы возстановить порядокъ и дисциплину. Такимъ образомъ имѣю полное право сказать, что я уничтожилъ затѣянный противъ главнокомандующаго заговоръ и убѣдилъ Бенингсена довести о немъ до свѣдѣнія Государя. Новосильцовъ привезъ Андреевскіе знаки Бенингсену и съ успѣхомъ исполнилъ порученіе. Баронъ Остенъ-Сакенъ послѣ кампаніи былъ отданъ подъ судъ. Дѣло затянулось и ничѣмъ не кончилось: неосужденный и неоправданный Сакенъ въ послѣдствіи снова получилъ корпусъ, во главѣ котораго одержалъ блестящія побѣды въ 1813 году и былъ комендантомъ Парижа во время перваго занятія. Между тѣмъ непріятель осаждалъ Данцигъ, и положено было обратиться за помощью къ Швеціи. Я отправленъ былъ къ Государю, выступавшему во главѣ гвардейскихъ полковъ и находившемуся на границѣ. Государь не только одобрилъ эту мысль, но пожелалъ, чтобы предложеніе это пошло отъ него и вручилъ мнѣ собственноручное письмо къ королю Шведскому.

Я засталъ короля въ Малмё, и онъ принялъ меня крайне милостиво. Я былъ при немъ дней восемь. Въ это время я установилъ всѣ подробности той экспедиціи, которую король брался предпринять противъ Французовъ. Приписываю двумъ причинамъ хорошій пріемъ мнѣ сдѣланный, а равно и готовность, съ которою согласились на всѣ мои представленія. Мое нежданное появленіе сперва всѣхъ крайне напугало. Король, всегда пылкій и своевольный, захватилъ, не смотря на представленія министровъ, ту часть субсидій платимыхъ Англіею, которая по праву принадлежала Россіи. Онъ вообразилъ, что я пріѣхалъ требовать этихъ денегъ. Секретарь короля по иностраннымъ дѣламъ г. фонъ-Ветерштедтъ служилъ нѣкогда при Штедингѣ, Шведскомъ послѣ въ Петербургѣ. Этотъ Ветерштедтъ былъ очень застѣнчивъ, мало выѣзжалъ въ свѣтъ и жилъ весьма уединенно. Я случайно съ нимъ познакомился и имѣлъ случай доказать ему дружбу. Возвратясь на родину, Ветерштедтъ понравился королю, который приблизилъ его къ себѣ и въ отсутствіе министровъ съ нимъ однимъ занимался дѣлами. Ветерштедтъ принялъ меня въ Малмё какъ стараго друга, давалъ мнѣ полезные совѣты, много обо мнѣ говорилъ своему Государю и склонилъ его на мою сторону. Я каждое утро проводилъ у короля. По цѣлымъ часамъ мы ходили вдоль и поперекъ его кабинета. Онъ меня распрашивалъ обо всемъ, говорилъ про политику, про дѣла Шведскія, про Россію, очень много разсказывалъ про Павла I, къ которому высказывалъ большую сим-

патію, тѣмъ болѣе странную, что этотъ же самый Павелъ I, никогда не забывавшій разрыва его съ великою княжною Александрою Павловною, крайне рѣзко съ нимъ обошелся во время втораго его пріѣзда въ Петербургъ и даже приказалъ ему доложить, что лошади его готовы для обратнаго пути. Король зналъ все, что я претерпѣлъ отъ Павла Петровича, и ему, кажется, понравилась сдержанность, съ которою я говорилъ о покойномъ Императорѣ.

Онъ мнѣ передалъ свой отвѣтъ Государю, и въ отвѣтѣ этомъ крайне лестно обо мнѣ отзывался. Впрочемъ экспедиція, которой я добился, лишь на нѣкоторое время отсрочила окончательное паденіе Данцига. Городъ сдался войску, предводимому маршаломъ Лефебромъ. Въ Мальмё я ежедневно видѣлъ Шведскую королеву, которую знавалъ отроковицею, когда она сопровождала сестру свою императрицу Елисавету Алексѣевну въ Петербургъ; мой гувернеръ, г. Дюпюже давалъ ей въ то время уроки Французскаго языка. Во время моего пребыванія въ Мальмё, я ежедневно обѣдалъ сидя между королемъ и королевой. Придворный этикетъ былъ строжайше соблюдаемъ. Гофмаршалъ графъ Пиперъ, въ Шведскомъ костюмѣ, подносилъ каждый разъ на золотомъ подносѣ чашку кофею, хотя король никогда кофею не пилъ. Музыка играла во время обѣда. Принцесса Марія Брауншвейгская, сестра королевы, нашла себѣ въ то время убѣжище отъ Наполеона при Шведскомъ дворѣ. Она была необыкновенной красоты. Я засталъ тоже въ Мальмё Страттона, Англійскаго посланника, котораго я близко знавалъ въ Вѣнѣ. Я привезъ къ нему письмо отъ Гутчинсона (Hutchinson), Англійскаго посланника въ Пруссіи, который мнѣ выдалъ паспортъ на проѣздъ въ Швецію. Этотъ проклятый Англичанинъ, котораго я засталъ въ Мемелѣ (гдѣ я сѣлъ на корабль), зазвалъ меня къ себѣ обѣдать. Онъ хотѣлъ заставить меня высказаться, и потому за столомъ далъ мнѣ выпить рюмку какого-то питія, отъ котораго у меня внезапно зашумѣло въ головѣ, и языкъ сталъ до того тяжелъ, что я не могъ вымолвить ни единаго слова. Этотъ первый опытъ Британской честности произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе и, признаюсь, дальнѣйшее обхожденіе всѣхъ Англичанъ, съ коими имѣлъ я дѣло, нисколько впечатлѣнія этого не ослабило.

По возвращеніи моемъ изъ Швеціи, я провелъ нѣсколько дней въ Кенигсбергѣ, гдѣ находилась тогда королева Прусская съ сестрою своею принцессою Сольмсъ, впослѣдствіи королевою Ганноверскою. Я поѣхалъ туда вмѣстѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, графомъ П. А. Строгановымъ и Н. Н. Новосильцовымъ, моими благопріятелями. Вильсонъ, о которомъ впослѣдствіи такъ много говорили, пріѣхалъ тоже туда. Мы всѣ были въ восторгѣ отъ королевы, но восторгъ нашъ выказывали крайне умѣренно, на сколько то дозволяло приличіе; что же касается до Вильсона, то онъ предавался ему какъ безумный, и потому сталъ предметомъ нашихъ насмѣшекъ. Въ то время я занимался музыкою и пѣвалъ недурно и охотно. По утрамъ я хаживалъ къ госпожѣ Труксесъ, одной изъ штатсъ-дамъ; туда же приходила и королева, чтобы вмѣстѣ заниматься музыкою. Мы ежедневно обѣдали у ея величества, а вечеромъ катались или на лодкахъ, или въ каретахъ. Королева брала съ собою гитару и пѣла во время плаванія. Веселые дни эти недолго продолжались; мы вернулись въ армію при возобновленіи военныхъ дѣйствій, пріостановленныхъ безъ перемирія.

За выигранною нами Гейльсбергскою битвою вскорѣ послѣдовало пораженіе, которое повело къ Тильзитскому свиданію и миру. Я поѣхалъ за Государемъ въ Шавли и засталъ его тамъ. Онъ стоялъ на дворѣ дома, принадлежавшаго князю Зубову. Домъ наскоро очищали отъ невѣроятной грязи, его наполнявшей. Увидавъ меня, Государь сказалъ: «Посмотри, въ какомъ видѣ домъ его свѣтлости; нѣтъ возможности войти въ него». (Онъ еще питалъ къ Зубову, ухаживавшему нѣкогда за М. А., чувство досады). Государь пробылъ въ Шавляхъ всего дня два; прискакавшій изъ арміи курьеръ объявилъ, что Бонапартъ желаетъ вступить въ переговоры. Его Величество немедля уѣхалъ; я помчался вслѣдъ, получивъ повелѣніе ѣхать въ Тильзитъ, куда князья Куракинъ и Лобановъ только что прибыли въ качествѣ уполномоченныхъ. Дорогою со мною случилось несчастіе: лошадь моя, испуганная выстрѣломъ передоваго Французскаго солдата, который цѣлился въ меня, кинулась въ лѣсъ, и такъ шибко, что я ударился о дерево и ударомъ этимъ расшибъ себѣ переносицу. Я упалъ безъ чувствъ, а ѣхавшій за мною казакъ, вмѣсто того, чтобы помочь мнѣ, поскакалъ въ главную квартиру объявить, что я убитъ. Извѣстіе это всѣхъ напугало, такъ какъ Государь проѣхалъ уже въ Тильзитъ, гдѣ онъ имѣлъ при себѣ всего одинъ баталіонъ. Князь Багратіонъ, возвращавшійся изъ Тильзита, поднялъ меня и перенесъ въ занимаемый имъ домъ, находившійся неподалеку. Луи де Талейранъ [67]), съ которымъ я былъ очень друженъ и графъ де Флао [68]), пользуясь только что заключеннымъ перемиріемъ, навѣстили меня и едва могли меня узнать: до того я былъ обезображенъ покрывшею мое лице опухолью. Черезъ нѣсколько дней я оправился и могъ доѣхать до Тильзита. Бонапарта и свиту его увидалъ я только разъ въ окошко. У князя Куракина встрѣтилъ я Талейрана и маршала Даву. Свиданіе Государя съ Бонапартомъ происходило на плоту, поставленномъ посреди Нѣмана, который отдѣлялъ одну армію отъ другой. По этому случаю сочинены были стихи:

Sur un radeau
J'ai vu deux maîtres de la terre;
Sur un radeau
J'ai vu le plus rare tableau:
J'ai vu la paix, j'ai vu la guerre,
Et le sort de l'Europe entière.
Un tel radeau
Terminera plus d'une affaire;
Un tel radeau
Vaut mieux que le plus beau vaisseau.
Je parierais que l'Angleterre
Craindrait moins une flotte entière
Q'un tel radeau.

(На плоту видѣлъ я двухъ властелиновъ земли, на плоту видѣлъ я самое рѣдкое зрѣлище: я видѣлъ миръ, я видѣлъ войну и судьбу цѣлой Европы

---

67) Виконтъ Августъ-Людовикъ Талейранъ-Перигоръ былъ тогда Французскимъ генералъ-лейтенантомъ. Графъ Рибопьеръ знавалъ его въ Вѣнѣ.

68) Графъ Флао де ла Биллардери (Flahault de la Billarderie), блестящій офицеръ и адъютантъ Наполеона, впослѣдствіи посолъ въ Англіи. Отъ королевы Гортензіи онъ имѣлъ сына, герцога Морни. Рибопьеръ знавалъ Флао въ Вѣнѣ.

на плоту. Такой плотъ порѣшитъ много дѣлъ; такой плотъ стоитъ самаго прекраснаго корабля; я увѣренъ, что для Англіи менѣе страшенъ цѣлый флотъ, чѣмъ такой плотъ).

Государь не разъ обѣдалъ у Наполеона; но сей послѣдній, мнительный и недовѣрчивый и къ тому же судившій Александра по тому, на что самъ былъ способенъ, не принялъ отъ него ни одного угощенія. Онъ часто говорилъ Государю: «*Угостите же меня вашимъ прекраснымъ Русскимъ чаемъ;* назначались день и часъ посѣщенія, но каждый разъ, подъ какимъ-нибудь пустымъ предлогомъ, свиданіе отмѣнялось.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого злосчастнаго Тильзитскаго договора, которому Пруссія обязана была грустнымъ своимъ существованіемъ, дарованнымъ ей *ради* императора Александра Павловича, король и королева Прусскіе прибыли въ Петербургъ, чтобы заявить свою благодарность. Они пріѣхали въ Декабрѣ, въ страшный холодъ. Генералъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, тогдашній придворный острякъ, говорилъ, что, желая достойно чествовать ихъ Прусскія величества, имъ показали 30 баталіоновъ гвардіи, 30 эскадроновъ и 30 градусовъ мороза; что подожгли домъ князя Гагарина, чтобы показать имъ какъ горятъ самые роскошные дворцы, наполненные мраморами, картинами и драгоцѣнными мебелями, и что, наконецъ, уморили самаго знатнаго Русскаго вельможу (графа Шереметева), чтобы доставить ихъ величествамъ рѣдкое зрѣлище богатыхъ похоронъ. Много лѣтъ спустя, пришлось мнѣ передать эту плохую шутку королю, что̀ его очень позабавило. На первомъ придворномъ балѣ, королева пожелала узнать, кто имѣлъ честь танцовать съ Государынею. Императрица Елизавета Алексѣевна первымъ назвала меня, и я, по зову королевы, танцовалъ съ нею. Государь былъ этимъ недоволенъ, такъ какъ онъ всегда ставилъ впередъ военныхъ, и просилъ королеву танцовать съ его генералъ-адъютантами. Въ честь короля и королевы даны были праздники въ зимнемъ и въ Таврическомъ дворцахъ, съ иллюминаціями и фейерверками, а также въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ воспитанницы протанцовали балетъ. Балетъ этотъ далеко оставилъ за собою все, что̀ ставилось на большомъ театрѣ, потому что дѣйствующими лицами были дѣвицы, которыя возбуждали сочувствіе, по родству своему съ знатными особами, и восхищали зрителей дѣвственною своею граціею.

*

Въ 1809 г. графъ Рибопьеръ женился на внучкѣ князя Таврическаго, Екатеринѣ Михайловнѣ Потемкиной. Мать ея Татіана Васильевна, вторично вышедшая замужъ за князя Н. Б. Юсупова, была очень дружна съ Рибопьерами. Молодые люди были знакомы съ ранняго дѣтства. Склонность ихъ была взаимна. Но княгиня Юсупова мечтала для дочери о богатомъ замужествѣ, и бракъ не улаживался. Екатерина Михайловна была красавицею, Александръ Ивановичъ былъ молодецъ собою; ихъ обоихъ очень любили, и романъ ихъ возбуждалъ всеобщее участіе. Двоюродные братья невѣсты, князья Голицыны и графъ Браницкій, были очень дружны съ Александромъ Ивановичемъ и горячо взялись за дѣло. Послѣ долгихъ усилій, наконецъ, удалось имъ добиться согласія княгини Юсуповой.

Александръ Васильчиковъ.

Село Коралово. Ноябрь 1876.

(До слѣдующей книги).

Письма графа А. Г. Орлова-Чесменскаго къ его прикащику Кабанову.

«Заслуги графа Орлова-Чесменскаго, какъ слуги царскаго, какъ гражданина, какъ сына Отечества, уже достойно оцѣнены продолжателемъ великихъ дѣлъ Екатерины II-ой, Александромъ II-мъ, и изображеніе героя Чесмы красуется на подножіи памятника величайшей изъ державныхъ правителей, которою гордится не только Россія, но и все человѣчество».

Эти слова были мною сказаны въ 1875 году при торжественномъ празднованіи столѣтняго юбилея графа Орлова Чесменскаго въ Москвѣ, въ которой онъ провелъ послѣднія 35 лѣтъ своей жизни.

Собирая біографическія свѣдѣнія объ этой высокой, симпатичной личности, я между прочими источниками имѣлъ въ рукахъ письма графа къ управляющему его Хрѣновскимъ имѣніемъ и коннымъ заводомъ Ивану Кабанову, изъ которыхъ три особенно замѣчательны. Кабановъ, крѣпостной дворовый человѣкъ, родомъ изъ с. Острова, былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ на рысистыхъ лошадяхъ. Графъ Орловъ самъ училъ его этому искусству. Онъ былъ опредѣленъ управляющимъ въ село Хрѣновое, откуда былъ уволенъ въ 1809 г. дочерью графа, графинею Анною Алексѣевною, выдавшею ему, по кончинѣ графа, отпускную и 15,000 рублей награжденія. Кабановъ купилъ тогда домъ въ Воронежѣ на имя своего зятя Вяхирева, вмѣстѣ съ нимъ снималъ степи въ аренду и завелъ свой собственный конный заводъ. Въ 1853 году онъ еще былъ живъ и, узнавъ, что я занимаюсь изученіемъ коннозаводской дѣятельности графа Орлова, прислалъ мнѣ, черезъ извѣстнаго нашего коннозаводчика Ивана Дмитріевича Ознобишина, цѣлую пачку собственноручныхъ писемъ къ нему графа Орлова.

Передавая печати нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, я счелъ нужнымъ, для удобнѣйшаго чтенія, исправить правописаніе; для поясненія же нѣкоторыхъ выраженій присоединилъ подстрочныя примѣчанія.

Василій Коптевъ.

I.

1801 г. Сентября 23, изъ Москвы.

Кабанову добраго здоровья желаю съ потрохомъ [1]) и со всѣми ему подчиненными. Письмо подъ № 23 и съ приложеннымъ реестромъ о выѣзжаемыхъ тобою лошадяхъ нонче получено; а прежде посланныя тобою ко мнѣ лошади бѣговыя до сихъ мѣстъ доведены благополучно; только не всѣхъ еще видѣлъ: видѣлъ только пятерыхъ, 3-хъ жеребцовъ и двухъ мереновъ. И твой любимецъ такъ учтиво былъ прі-

[1]) Т. е. съ семействомъ.

ѣзженъ. Амазонкѣ заплатилъ три калачика [2]), которые Сеня Битюцкій и поднесъ Сенькѣ Дрезденскому [3]), въ которомъ числѣ и я получилъ одинъ калачикъ, сказалъ Битюцкому спасибо, что хорошо ѣзжены лошади. Хотя и есть маленькой недостаточекъ на ѣздѣ, головы низко гнутъ и сильно везутъ; но вообще всѣ лошади ладно ѣзжены. А какъ за всѣмъ онымъ твой присмотръ былъ, за что тебя благодарю много. Иноходца я еще не видѣлъ и самъ въ Островѣ [4]) не былъ, и онъ немного позахромалъ. Я же жеребцовъ къ тебѣ отправлю и оставлю Усана и мереновъ [5]). Признаюсь, и мнѣ хочется у тебя побывать и житье-бытье твое посмотрѣть; только не знаю еще, когда удастся. Знаю, сколько ты безъ меня пострадалъ [6]); а Господь милостивъ къ намъ, и теперь поживемъ во славу святую, сколько Господь поможетъ [7]).

А вотъ и 24 № мною полученъ. Слава Богу, что у васъ все здорово; а какъ теперь у тебя дѣла много, то и оставайся при мѣстѣ начатое дѣло докончивать; а дастъ Богъ впредь увидимся. Боюсь, чтобы почта не ушла. У меня же много теперь разъѣзду и ко мнѣ много пріѣзду. Я же желаю тебѣ благополучія и милости Божіей и есмь съ моимъ доброжелательствомъ доброхотный тебѣ графъ Орловъ-Чесменской. Я, благодаря Господа, довольно здоровъ, и графинѣ слава Богу лучше: поправляется хорошо.

II.

1807 г. Августа 23 дня. Изъ Москвы.

Кабанову добраго здоровья желаю со всѣмъ твоимъ семействомъ. Я доѣхалъ сюда довольно здоровъ; но здѣсь немного позахворалъ, а

---

[2]) «Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій», пишетъ современникъ его въ Запискахъ Студента (1805 года), «держалъ пари на деньги за своихъ скаковыхъ лошадей только съ Ѳ. С. Мосоловымъ, прочіе же заклады онъ всегда держалъ на Московскіе калачи». См. Журн. Коннозаводства за Февраль 1842 № 2, стр. 48.

[3]) У графа между прочими наѣздниками были изъ лучшихъ три *Семена*: Бѣлый (Битюцкій), Черный и Мочалкинъ; сей послѣдній назывался *Дрезденскимъ;* ибо жилъ при графѣ въ г. Дрезденѣ, когда, по волѣ императора Павла I, графъ долженъ былъ жить за границею, не въѣзжая въ Россію. Между прочими лошадьми графомъ были взяты съ собою въ Дрезденъ двѣ рысистыя кобылы Арфа и вышеупомянутая Амазонка, и онъ самъ ѣздилъ на нихъ.

[4]) Село Островъ находится въ 18 верстахъ отъ Москвы.

[5]) Изъ этого видно, что въ то время въ ѣзду употреблялись у насъ въ Россіи, какъ и нынѣ за границею, преимущественно мерена и кобылы; жеребцы же по испытаніи отсылались въ заводъ для расплода. Въ настоящее время у насъ въ ѣздѣ преимущественно употребляются жеребцы.

[6]) Это письмо писано вскорѣ послѣ воцаренія императора Александра I-го и по возвращеніи графа изъ Дрездена, куда онъ былъ сосланъ Павломъ I. Онъ говоритъ здѣсь о притѣсненіяхъ мѣстныхъ властей, которыя они дѣлали въ имѣніи находившагося подъ опалою вельможи.

[7]) Такъ радостно привѣтствовали люди того времени зарю надеждъ, наступившую съ воцареніемъ императора Александра I-го.

вамъ желаю добраго здоровья. Донесеніе твое получено, въ которомъ ты прописываешь бытность твою въ Воронежѣ и что губернаторъ тебя уговаривалъ, чтобъ лошадей ты поставилъ, что будетъ какъ ему, такъ и полковнику пріятно; но я, не видя на оное Государева повелѣнія, не хочу по прихотямъ другихъ дѣлать. Сіе пишу для тебя только, приказъ же мой къ тебѣ посланъ, который ты можешь и губернатору показать; а буде станетъ требовать необходимо правленіемъ, можешь лошадей отобрать и не менѣе полутораста рублей продавать; а буде будутъ браковать и меньше цѣну давать, погони ихъ всѣхъ назадъ. Все оное пишу, чтобы ты все оное зналъ, и если кому не нравится, а мнѣ что за нужда, что они отнесутся. Пусть относятся куда хотятъ; въ ономъ я уже отвѣчаю, а по чужой дудкѣ я не умѣю плясать. Всѣ же лошади, которыхъ ты представишь, должны быть заклеймены: хотятъ берутъ, хотятъ нѣтъ, хотябы они тобою и скуплены были; потому что я знаю, какъ въ таковыхъ случаяхъ лошадей перемѣняютъ въ пользу свою. А буде бы оное угодно было Государю—онъ мой, а я его подданный: такъ и всѣ ему Государю принадлежимъ. А буде что непріятное съ тобою воспослѣдуетъ, присылай ко мнѣ съ нарочнымъ. А что щенята отъ Мошки подохли, пускай оное. На дняхъ Коловечъ не принесетъ ли чего [8]), я же есмь доброхотный тебѣ графъ А. Орловъ-Чесменской. Также никому изъ пріѣзжающихъ къ тебѣ въ заводъ смотрѣть лошадей, никому не показывай; продажныхъ же можешь показывать; назначенныхъ же лошадей для привода въ Москву отправлять, да при благополучной погодѣ. Увѣдомь меня, когда они тобою отправлены будутъ.

III.

1807 Сентября 17 числа. Изъ Острова.

Кабанову Терентьичу добраго здоровья со всѣми тебѣ врученными. Донесенія твои мною получены. Прописываешь объ зятѣ твоемъ, чтобъ дозволилъ ему опять по прежнему бить скотину у меня на сало, и топить сало нынѣшній годъ дозволяю [9]); но впредъ ни подъ

[8]) Графъ Орловъ имѣлъ псовую охоту въ селѣ Островѣ, состоявшую изъ 40 гончихъ и 40 борзыхъ собакъ подъ управленіемъ ловчаго Кузьмы Дементьева, перешедшаго къ графу изъ охоты Лопухина (тестя графа, который былъ женатъ на Евдокіи Николаевнѣ Лопухиной). На охоту графъ самъ не ѣздилъ, но держалъ оную для увеселенія гостей, устроивая садки. Тѣмъ не менѣе графъ самъ велъ родословныя клички своихъ собакъ (студъ-бухъ), строго придерживаясь веденія породъ въ чистотѣ. До сихъ поръ еще ведутся усовершенствованныя графомъ породы такъ называемыхъ Орловскихъ голубей, бойцовыхъ гусей и даже канареекъ.

[9]) При Хрѣновскомъ имѣніи находилось на хуторахъ 25 ватагъ овецъ по 2000 головъ въ каждой; ихъ били на мясо, которое солилось, а сало топилось; также было по 20 гуртовъ воловъ. Всѣ эти овцы и волы были Донскіе покупные, и число ихъ каждогодно пополнялось покупкою въ Черноморскихъ степяхъ.

какимъ видомъ онаго не дѣлать. Самъ помнишь, что на тебя въ ономъ уже доносили, да и я объ ономъ тебя спрашивалъ и дозволялъ, но увидя какъ-бы чисто и осторожно дѣла свои велъ. Но все сумнительства и подозрѣніевъ избѣжать не можешь, чего для запрещаю тебѣ сальный промыслъ вести, а отдавать на чистыя деньги. И въ рощахъ ходить есть вещь непріятная, какъ случилось и съ братомъ Вяхирева, которую къ тебѣ возвращаю. Да нелѣпой купецъ пріѣзжалъ на тебя; и ты ко мнѣ росписки обѣщалъ представить, но я ихъ не видалъ, и еще повторяю осторожну быть и въ разсчетахъ быть осторожнѣе. Зять же твой проситъ меня о степи, чтобы ему впредъ отдать; я ему сказалъ, чтобъ онъ у тебя торговалъ оную и что̀ будутъ другія давать, и ты ему за оную цѣну уступи, хотя-бы одинъ рубль наднесъ.

Въ небытность же мою здѣсь много непорядковъ нашелъ; по старости же моихъ лѣтъ довольно слабости чувствую. Дочь твоя здорова, весела и зачала верхомъ ѣздить, и очень радуется, и все ей хочется, чтобъ поскорѣе; но ей воли не даютъ [10]). Служитъ же она графинѣ усердно и очень благонравна. «Фарфороваго» я продалъ и взялъ за него восемь сотъ рублевъ. Хорошо, что ты похваляешь молодыхъ въ упряжкѣ; не вели ихъ заторапливать въ ѣздѣ. Взятыя же лошади мною всѣ перемѣнились къ лучшему. Одинъ Холстомѣръ [11]) не совсѣмъ еще исправился, нерѣдко приталкиваетъ; а Воронецъ обѣгаетъ кобылы А. А. Чесменскаго [12]). Дай Боже, чтобъ вы здоровы были. Доброхотный тебѣ графъ А. Орловъ-Чесменской.

---

[10]) При манежѣ Московскаго дома графа находились искусные берейторы Шульцъ, Шредеръ и Кинъ, и производилась верховая ѣзда, въ которой участвовало высшее Московское общество. Графиня Анна Алексѣевна (дочь графа) отлично ѣздила на бѣломъ жеребцѣ Бриллiантѣ высшую школу. С. П. Жихаревъ въ Запискахъ своихъ *(Дневникъ Студента 1805 года)* между прочимъ говоритъ: «о молодой княжнѣ Урусовой, урожденной Хитровой (кн. Ирина «Никитична) и княжнахъ Гагариныхъ (впослѣдствіи кн. Надежда Өедоровна «Четвертинская и княгиня Вѣра Өедоровна Вяземская), о княжнахъ Щерба«товыхъ и Екатеринѣ Андреевнѣ Карамзиной съ мужемъ» и прибавляетъ, что «сей послѣдній ѣздитъ ежедневно по утрамъ для моціона». Это нашъ знаменитый исторіографъ, Николай Михайловичъ.

[11]) Одинъ изъ рѣзвѣйшихъ рысаковъ графа.

[12]) Побочный сынъ графа, умеръ въ двадцатыхъ годахъ, въ чинѣ генералъ-маіора, жилъ въ отставкѣ въ своемъ имѣніи Тульской губерніи, въ Алексинскомъ уѣздѣ, на *Мышкинскомъ* чугунно-плавильномъ заводѣ, куда я ѣзжалъ въ дѣтствѣ съ отцемъ моимъ.

Изъ Старой Записной Книжки начатой въ 1813 году.

Рубини сказалъ мнѣ: «Бѣда наша (т. е. пѣвцовъ) заключается въ томъ, что мы зачинаемъ пѣть хорошо, когда уже голосъ теряемъ».

Оно такъ и быть должно. Пока голосъ свѣжъ, звученъ, послушенъ и силенъ, пѣвецъ на него надѣется и не учится пѣть. Тоже бываетъ и съ жизнью. Молодая жизнь распѣваетъ и наслаждается. Она надѣется на себя, на силы свои. Что̀ ни предпринимай, какія трудности и препятствія ни загораживай дороги: ничего, жизнь вывезетъ! Наука жизни является позднѣе, когда живыя силы уже измѣняютъ: потокъ обмѣлѣлъ, пламень угасаетъ. Все таже старая исторія: возъ орѣховъ дается бѣлкѣ, когда

Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ,

какъ сказалъ Крыловъ.

*

Жуковскій однажды меня очень позабавилъ. Проѣздомъ черезъ Москву жилъ онъ у меня въ домѣ. Утромъ, приходитъ къ нему баринъ, кажется товарищъ его по школѣ или въ года первой молодости. Повидимому, баринъ очень скучный, до невозможности скучный. Разговоръ съ нимъ мается, заминается, процѣживается капля за каплею, слово за словомъ, съ длинными промежутками. Я не вытерпѣлъ и выхожу изъ комнаты. Спустя нѣсколько времени, возвращаюсь: баринъ все еще сидитъ, а разговоръ съ мѣста не подвигается. Бѣдный Жуковскій видимо похудѣлъ. Внутренняя зѣвота першитъ въ горлѣ его; она давитъ его и отчеканилась на блѣдномъ и изможденномъ лицѣ. Наконецъ баринъ встаетъ и собирается уйти. Жуковскій, по движенію добросердечія, можетъ быть совѣстливости за недостаточно-дружескій пріемъ, и вообще радости отъ освобожденія, прощаясь съ нимъ, цѣлуетъ его въ лобъ и говоритъ ему: прости, душка!

Въ этомъ поцѣлуѣ и въ этой *душкѣ* выглядываетъ вѐсь Жуковскій.

Онъ же разсказывалъ Пушкину, что однажды вытолкалъ онъ кого-то вонъ изъ кабинета своего.—«Ну, а тотъ что̀»? спрашиваетъ Пушкинъ —«А онъ, каналья, еще вздумалъ обороняться костылемъ своимъ».

*

У графа Блудова была задорная собаченка, которая кидалась на каждаго, кто входилъ въ кабинетъ его. Когда, бывало, придешь къ

нему, первыя минуты свиданія, вмѣсто обмѣна обычныхъ привѣтствій, проходили въ отступленіи гостя на нѣсколько шаговъ и въ бѣготнѣ хозяина по комнатѣ, чтобы отогнать и усмирить негостепріимную собаченку. Жуковскій не любилъ этихъ эволюцій и уговаривалъ графа Блудова держать забіяку на привязи. Какъ - то долго не видать было его. Графъ пишетъ ему записочку и пѣняетъ за продолжительное отсутствіе. Жуковскій отвѣчаетъ, что заказанное имъ платье еще не готово и что, безъ этой одежды съ принадлежностями, онъ явиться не можетъ. При письмѣ собственноручный рисунокъ: Жуковскій одѣтъ рыцаремъ, въ шишакѣ и съ забраломъ, весь въ латахъ и съ большимъ копьемъ въ рукѣ. Все это, чтобы защищать себя отъ нападеній заносчиваго врага.

*

Спрашивали графа Блудова, какого онъ мнѣнія объ извѣстной личности. C'est toujours une bête, отвѣчалъ онъ, mais souvent une bête féroce (всегда животное, но часто звѣрское).

*

Денисъ Давыдовъ, въ молодости своей, сказалъ о комъ-то:

Возврату твоему съ похода всякъ дивится:
Какъ безъ носу пойти, а съ носомъ возвратиться?

*

А вотъ еще чье-то старое четверостишіе:

Онъ рыцарь, онъ поэтъ, къ томужъ любовникъ пылкой;
Но дѣлаетъ онъ все и вкось и не впопадъ:
Онъ рябчикъ ложкой ѣстъ, онъ супъ хлѣбаетъ вилкой;
Не вѣритъ въ Бога онъ, а въ чорта вѣрить радъ.

*

У насъ слова: *ораторъ*, *ораторствовать* вовсе не Латинскаго происхожденія, а чисто Русскаго,—отъ слова *орать*. Послушайте нашихъ застольныхъ и при торжественныхъ случаяхъ витій!

*

Одинъ женатый этимологъ увѣрялъ, что въ Русскомъ языкѣ много сходства и созвучій съ Итальянскимъ. Напримѣръ, Итальянецъ называетъ жену свою: mia cara; а я, про свою, говорю: моя кара.

*

Въ концѣ минувшаго столѣтія было въ Петербургѣ вовсе не тайное, а дружеское и нѣсколько разгульное общество, подъ именемъ *Галера*. Между прочими были въ немъ два Пушкина: Алексѣй Михайловичъ и Василій Львовичъ и Хитровъ, въ свое время ловкій и счастливый волокита. Сей послѣдній былъ что-то въ родѣ Донъ-Жовани. Любовныя похожденія были въ то время въ чести и придавали человѣку извѣстность и нѣкоторый блескъ. Нравы регентства были не чужды намъ, и знаменитый по этой части Ришелье могъ бы найти въ Россіи совмѣстниковъ себѣ, а можетъ быть у кого-бы нибудь и поучиться. Разсказывали про Хитрова, что онъ, на разныя продѣлки въ этомъ родѣ, былъ не очень совѣстливъ. Не удастся ему, напримѣръ, достигнуть гдѣ-нибудь цѣли въ своихъ любовныхъ поискахъ, онъ вымещалъ неудачу, высылая карету свою, которая часть

ночи стоитъ не подалеку отъ жительства непокорившейся красавицы. Иные подмѣчали это, выводили изъ того заключенія свои; а съ него было и довольно. Впрочемъ онъ былъ уменъ, блистателенъ и любезенъ; товарищи и молодежъ очень любили его. Онъ былъ образованъ и въ своемъ родѣ литературенъ. Алексѣй Пушкинъ разсказывалъ, что однажды, на военной сходкѣ, замѣтилъ онъ книжку въ гусарской сумкѣ его: это были элегіи Парни, только что изданныя въ Парижѣ. Хитровъ бросился къ Пушкину и говоритъ ему: «Ради Бога, молчи и не губи меня! Товарищи въ полку любятъ меня потому, что считаютъ меня служакой и гулякой и чуть-ли не безграмотнымъ. Какъ скоро провѣдаютъ они, что занимаюсь чтеніемъ Французскихъ книгъ, я человѣкъ пропадшій, и мнѣ въ полку житья не будетъ». Хитровъ былъ очень любимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, который умѣлъ цѣнить умъ и свѣтскую любезность. Пользовался онъ и благоволеніемъ императора Александра. Умеръ онъ въ царствованіе его, кажется, во Флоренціи, посланникомъ при Тосканскомъ дворѣ. Былъ онъ женатъ на дочери князя Кутузова-Смоленскаго, вдовѣ графа Тизенгаузена, незабвенной въ Петербургскихъ преданіяхъ Елисаветѣ Михайловнѣ.

Вотъ еще любезная личность, которую миновать не можетъ сочувственное воспоминаніе. Въ лѣтописяхъ Петербургскаго общежитья имя ея осталось также незамѣнимо, какъ было оно привлекательно въ теченіи многихъ лѣтъ. Утра ея (впрочемъ продолжавшіяся отъ часу до четырехъ по полудни) и вечера дочери ея, графини Фикельмонтъ, неизгладимо врѣзаны въ памяти тѣхъ, которые имѣли счастіе въ нихъ участвовать. Вся животрепещущая жизнь Европейская и Русская, политическая, литературная и общественная, имѣла вѣрные отголоски въ этихъ двухъ родственныхъ салонахъ. Не нужно было читать газеты, какъ у Аѳинянъ, которые также не нуждались въ газетахъ, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались въ портикахъ и на площади. Такъ и въ двухъ этихъ салонахъ можно было запастись свѣдѣніями о всѣхъ вопросахъ дня, начиная отъ политической брошюры и парламентской рѣчи Французскаго или Англійскаго оратора и кончая романомъ или драматическимъ твореніемъ одного изъ любимцевъ той литературной эпохи. Было тутъ обозрѣніе и текущихъ событій; былъ и premier Pétersbourg съ сужденіями своими, а иногда и осужденіями, былъ и легкій фельетонъ, нравоописательный и живописный. А что̀ всего лучше, эта всемірная, изустная разговорная газета издавалась по направленію и подъ редакціей двухъ любезныхъ и милыхъ женщинъ. Подобныхъ издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость, вѣжливая и себя и другихъ уважающая свобода въ этихъ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ разговорахъ! Даже при выраженіи спорныхъ мнѣній не было спора и слишкомъ кипучихъ преній: это былъ мирный обмѣнъ мыслей, воззрѣній, оцѣнокъ, система: free trade, приложенная къ разговору. Не то, что̀ въ другихъ обществахъ, въ которыхъ задирчиво и стѣснительно господствуетъ запретительная система: прежде, чѣмъ выпустить свой товаръ, свою мысль, справляешься съ тарифомъ; вездѣ заставы и таможни

Въ числѣ сердечныхъ качествъ, отличавшихъ Елизавету Михайловну Хитрову, едва-ли не первое мѣсто должно занять, что она была неизмѣнный, твердый, безусловный другъ друзей своихъ. Друзей своихъ любить немудрено; но въ ней дружба возвышалась до степени доблести. Гдѣ и когда нужно было, она за нихъ ратовала, отстаивала ихъ, не жалѣя себя, не опасаясь за себя неблагопріятныхъ послѣдствій, личныхъ пожертвованій отъ этой битвы не за себя, а за другаго. Несчастная смерть Пушкина, окруженная печальною и загадочною обстановкою, породила много толковъ въ Петербургскомъ обществѣ; она сдѣлалась какимъ-то интернаціональнымъ вопросомъ. Вообще жалѣли о жертвѣ; но были и такіе, которые прибѣгали къ обстоятельствамъ, облегчающимъ вину виновника этой смерти и, если не совершенно оправдывали его (или, правильнѣе, ихъ) то были за нихъ ходатаями. Извѣстно, что тутъ замѣшано было и дипломатическое лицо. Тайна безъимянныхъ писемъ, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена. Есть подозрѣнія, почти неопровержимыя, но нѣтъ положительныхъ юридическихъ уликъ. Хотя Елисавета Михайловна, по семейнымъ связямъ своимъ, и примыкала къ дипломатической средѣ, но здѣсь она безусловно и исключительно была на Русской сторонѣ. Въ Пушкинѣ глубоко оплакивала она друга и славу Россіи. Помню, что при возвращеніи изъ заграницы въ Петербургъ, при выходѣ моемъ съ парохода на берегъ, узналъ я о недавней кончинѣ Елисаветы Михайловны. Грустно было первое впечатлѣніе, привѣтствовавшее меня на родинѣ: не стало у меня внимательной, доброй пріятельницы; вырвано главное звѣно, которымъ держалась золотая цѣпь, связывающая сочувственный и дружескій кружокъ; опустѣлъ, замеръ одинъ изъ Петербургскихъ салоновъ, и такъ уже рѣдкихъ въ то время.

*

Великій князь Михаилъ Павловичъ, однажды, указывая на лицо, которое отправлялось въ Америку съ дипломатическимъ назначеніемъ, сказалъ мнѣ: Jamais le comte Nesselrode n'a montré plus de perspicacité et de tact, que dans cette nomination: c'est bien là une figure de l'autre monde (никогда графъ Нессельроде не выказывалъ столько проницательности и такта, какъ въ этомъ назначеніи: вотъ по истинѣ фигура съ того свѣта).

*

Много толкуютъ вездѣ, слѣдовательно и у насъ, *о печати* (la presse), о силѣ, о всемогуществѣ ея, объ ея обязанностяхъ и правахъ, вліяніи и о прочихъ свойствахъ и принадлежностяхъ ея. Оно такъ, но и не такъ. Печать не есть самобытная и нераздѣльная власть; напротивъ, она на дѣлѣ многосложна, многообразна. Это не самородный слитокъ, а наборная—безъ каламбура—штучная, мозаическая работа. Печать—орудіе, машина сама по себѣ бездѣйственная и приводимая въ движеніе и дѣйствіе только мыслію и рукою двигателя; слѣдовательно, все дѣло въ двигателѣ. Какова мысль, какова рука, такова и печать. Печать равнодушно, равно послушно и машинально печатаетъ истину и ложь, мудрость и нелѣпость. Пе-

чать ничто иное, какъ устное слово, переложенное на бумагу и закрѣпленное ей: изобрѣтеніе великое, едва-ли не высшее изъ всѣхъ человѣческихъ изобрѣтеній. Порохъ, паровая сила, электричество ей въ подметки не годятся. Она даетъ улетучивающемуся слову осѣдлость вѣковѣчную. Но все же, въ сущности своей, она тоже устное слово, застывшее, хотя оно и «тверже металловъ и выше пирамидъ» (Державинъ). А кажется—повторимъ мысль свою—никто спорить не будетъ, что какъ бываютъ умныя слова, такъ могутъ быть и глупыя, какъ бываютъ полезныя и назидательныя, такъ бываютъ вредныя и разрушительныя. Слѣдовательно, печати обобщать нельзя. Она не отвѣтственное, единичное лицо. Она цифра милліонъ. Имя ея легіонъ. Бѣда или недоумѣніе въ томъ, что каждый газетчикъ, каждый фельетонистъ, каждый борзописецъ говоритъ именемъ печати, какъ будто вся печать въ рукахъ его, какъ будто весь міръ печати лежитъ на плечахъ его. Онъ забываетъ, что чрезъ улицу отъ него есть другой журналистъ, другая печать, которые также носятъ на плечахъ своихъ міръ печати, но что эта печать говоритъ совсѣмъ другое, нежели та; не только совсѣмъ другое, но и діаметрально противорѣчащее ей. Эти два міра, и не два, а десять и двадцать, борятся между собою, силятся подорвать другъ друга, а если не подорвать, то осмѣять, обхаять, часто опозорить; и все во имя той-же печати, во славу и въ охраненіе достоинства ея. Журналистика въ наше время, какъ у насъ, такъ и вездѣ, является одною изъ богатѣйшихъ, многоплоднѣйшихъ вѣтвей того дерева познанія блага и зла, дерева, которое широко разрослось и глубоко укоренилось подъ именемъ печати. А потрудитесь внимательно и ближе посмотрѣть: вы увидите, что на этой вѣтви нѣтъ двухъ листьевъ совершенно другъ съ другомъ сходныхъ ни тканью, ни краскою, ни запахомъ. Вѣтвь эта полосатая, пестрая, арлекинская. Можно представить себѣ, какъ зарябитъ въ глазахъ и въ умѣ, если прилежно вглядѣться въ эту разноцвѣтность и пестроту. Печать, особенно журнальная, бдительная, боевая, выдаетъ себя въ своемъ разнообразіи за уполномоченнаго присяжнаго повѣреннаго отъ лица общественнаго мнѣнія, что̀ впрочемъ не мѣшаетъ ей выдавать себя и за опекуна, за предводителя этого же общественнаго мнѣнія; а между тѣмъ у каждой газеты есть свое доморощенное, крѣпостное, къ газетѣ, какъ къ землѣ, приписное общественное мнѣніе. Что̀ городъ, то норовъ; что̀ газета, то мнѣніе. Этимъ мнѣніемъ она преподаетъ, проповѣдуетъ, устрашаетъ, обнадеживаетъ, пророчитъ, законодательствуетъ, казнитъ, милуетъ. Все это дѣйствуетъ на толпу: она увлекается печатью, идолопоклонствуетъ предъ нею, вѣруетъ въ нее или боится ея; а все потому, что кажется ей, что печать власть, воплощенная въ одно живоначальное и нераздѣльное цѣлое. Да, помилуйте, господа, успокойтесь и отрезвитесь; всмотритесь въ эту всемогущую, таинственную, роковую печать, и вы увидите, что здѣсь и тамъ стоятъ за нею все знакомые вамъ люди: Сидоръ Сидоровичъ, Пафнутій Пафнутьевичъ, а можетъ быть и Петръ Ивановичъ Бобчинскій. — Какъ Бобчинскій? Какой Бобчинскій? — Да все тотъ же, который въ уѣздномъ городкѣ своемъ тѣмъ

извѣстенъ, что онъ пѣтушкомъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ бѣгаетъ за дрожками городничаго. Нынѣ онъ издаетъ газету—и почему не издавать бы ему газеты? И онъ сдѣлался частичкою печати, той всемірной и громадной паровой машины, которая завѣдываетъ и ворочаетъ судьбами частныхъ лицъ и народовъ. Пока вы не были подписчиками этихъ господъ, пока не платили имъ абонементнаго оброка, вѣдь вы мнѣніями ихъ не дорожили, не совѣтовались съ ними, не признавали за ними всевѣдѣнія и всемогущества, даже, можетъ статься, считали ихъ людьми довольно посредственными; а теперь, что̀ они пріютились за волшебными ширмами и кулисами печати, вы съ трепетомъ, съ идолопоклонствомъ внимаете голосу ихъ, какъ голосу оракула. Право, за васъ смѣшно. Въ самообольщеніи своемъ вы забываете, что не боги горшки обжигаютъ, не они обжигаютъ и газеты и журналы, а все тѣже люди; въ людяхъ же есть всячина: человѣкъ человѣку рознь. Есть люди, которые и горшковъ не умѣютъ обжигать, не только что журналы. Но пора однакоже мнѣ оговорить себя. Я, можетъ быть, слишкомъ далеко зашелъ. Пожалуй, добрые люди подхватятъ и Богъ вѣсть какую напраслину на меня наклеплятъ: обзовутъ меня дикаремъ, ненавистникомъ просвѣщенія и проч. и проч. Напротивъ, люблю печать вообще и журналистику въ особенности не менѣе каждаго порицателя моего и уважаю ихъ вѣроятно болѣе, нежели многіе, но именно потому, что уважаю, то я и взыскателенъ, и разборчивъ, и мнителенъ. Отъ всей души желаю журналамъ здравствовать; молю Провидѣніе о благоденствіи и долгоденствіи ихъ. Но изъ того не слѣдуетъ, чтобы находилъ я, что всѣ журналы хороши. Не слѣдуетъ и то, что я врагъ журналистики, когда говорю, что такой-то журналистъ взялся не за свое дѣло; а если за свое, то жаль, что это дѣло не литературное и не общеполезное. Вполнѣ признаю заслуги и благодѣянія, которыя можетъ оказать обществу печать и въ особенности періодическая, когда она честно и добросовѣстно направлена и съ умѣлостію ведена. Да къ тому же въ любви и въ уваженіи моемъ нѣтъ безкорыстія. Есть тутъ и расчетъ: хорошо или худо, я самъ принадлежу къ этой силѣ; радуюсь и горжусь тѣмъ, что ей принадлежу. Лично обязанъ я ей многими свѣтлыми радостями, можетъ быть, и нѣкоторыми сочувствіями со стороны благосклоннаго ближняго. Но признаемся, мы ни въ чемъ не любимъ крайностей и преувеличенія: скажемъ прямо, не любимъ надувательства ни свыше, ни снизу, ни съ боку. Не любимъ, когда словами отвлеченными, абстрактными, эластическими опутываютъ и съ толку сбиваютъ мысль и маскируютъ правду. Пускай печать остается тѣмъ, чѣмъ она есть, чѣмъ быть должна. Призваніе и значеніе ея достаточно велики и въ границахъ болѣе умѣренныхъ и узаконенныхъ. Не зачѣмъ выбѣгать ей за границы съ контрабандою. Она большая, необходимая, незамѣнимая пособница въ умственномъ развитіи и дѣятельности человѣчества; но эта дѣятельность опять же въ ней одной зараждается и сосредоточивается. Печать не жизнь, а отголосокъ жизни, самый звучный и продолжительный изъ всѣхъ отголосковъ. Для лучшаго упроченія и оправданія силы, выпавшей

на долю ея, въ виду собственной пользы своей, своего собственнаго достоинства, печать, особенно періодическая, должна отказаться отъ притязаній самовластія и самозванства; не должна она ни себя обманывать, ни морочить другихъ. Пусть она свое повелительное *я* или *мы* спуститъ нѣсколькими градусами пониже; голосъ ея этимъ окрѣпнетъ и просвѣтлѣетъ. Много чувствуемъ мы ея благодѣянія и много благодарны ей, но она слишкомъ часто сама провозглашаетъ себя благодѣтельницею и спасительницею человѣчества. Это по крайней мѣрѣ неловко. Еще одно: не слѣдуетъ каждому журналу, каждой газетѣ преподавать мнѣнія и приговоры свои отъ имени коллективной печати; таковой печати нѣтъ. Есть ихъ много, и каждая отвѣчай за себя. Не лучше ли будетъ, когда окажется въ томъ надобность, сказать напр., вотъ такъ: «высокія обязанности и права, возложенныя на такую-то типографію (назвать ее по имени) даютъ намъ смѣлость сказать то́-то и то-то». Оно будетъ скромнѣе, но вѣрнѣе; каждая типографія—часть печати, а не обсолютная печать. А теперь выходитъ, что каждый командующій взводомъ, каждый газетчикъ, говоритъ какъ будто Наполеонъ I, отъ имени всего побѣдоноснаго войска и, какъ онъ въ Египтѣ, возглашаетъ: «Воины, не забывайте, что съ высоты сихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ!»

*

«Какъ это тебѣ никогда не вздумалось жениться?» спрашивалъ посланника Шредера императоръ Николай, въ одинъ изъ проѣздовъ своихъ чрезъ Дрезденъ. — «А потому, отвѣчалъ онъ, что я никогда не могъ бы дозволить себѣ ослушаться Вашего Величества».—«Какъ же такъ»?—«Ваше Величество строго запрещаете азартныя игры, а изъ всѣхъ азартныхъ игоръ женитьба самая азартная».

Онъ не только оставался до конца старымъ холостякомъ, но и секретарей своихъ присуждалъ на схимническую холостую жизнь. Имѣть при себѣ женатаго секретаря казалось ему дипломатическою неблагопристойностью, чуть ли не преступленіемъ. Онъ былъ совершенный образецъ дипломата стараго покроя, старыхъ вѣрованій и обычаевъ. Въ числѣ хорошихъ его оффиціальныхъ качествъ было убѣжденіе, что хорошій дипломатъ долженъ имѣть хорошаго повара. Обѣды его славились въ Европѣ. Онъ умѣлъ кормить, но и любилъ кормить; умѣлъ придавать предлагаемому особый колоритъ, особенную смачность. За столомъ его вкусное блюдо было вдвое вкуснѣе, чѣмъ за другимъ столомъ. Дѣло мастера боится. Le style c'est l'homme. Онъ долго былъ въ царствованіе Александра I второстепенною пружиною въ нашей дипломатической администраціи: много лѣтъ совѣтникомъ при Парижскомъ посольствѣ, еще болѣе лѣтъ посланникомъ при Саксонскомъ дворѣ. Онъ такого былъ сложенія и строя, что не могъ не быть долго на томъ мѣстѣ, куда его сажали судьба и начальство. Подвижности никакой въ немъ не было, даже матеріальной. Онъ не признавалъ законности желѣзныхъ дорогъ и совершалъ поѣздки свои въ уютной и покойной дормезѣ, запряженной лошадьми. Онъ былъ человѣкъ образованный и пріятнаго разговора, многое и многихъ зналъ; но, разумѣется, сочныхъ и жирныхъ нескромностей ждать отъ него было

нельзя, а все же было что послушать и чѣмъ поживиться. Какъ въ политикѣ держался онъ преданій и узаконенныхъ авторитетовъ, такъ равно и въ общежитіи, въ искусствѣ, и литературѣ. Въ драматическомъ отношеніи, вкусъ и сочувствія его долгимъ пребываніемъ въ Парижѣ были воспитаны такими знаменитостями, какъ актрисы Жоржъ, Марсъ, какъ трагикъ Тальма. Онъ не признавалъ, не могъ и не хотѣлъ признавать, что искусство способно идти иначе и дальше. Когда явилась Рашель, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на мятежницу, на самозванку; онъ не признавалъ за нею права, какъ отрицалъ право желѣзной дороги. Однажды въ Дрезденѣ, за обѣдомъ у него, говорили о Рашели. Всѣ превозносили дарованіе ея; онъ одинъ оставался непреклоннымъ Сикамбромъ. Наконецъ кто-то сказалъ: «Конечно, нужно прислушаться, привыкнуть къ новой дикціи ея».— «Вы говорите, привыкнуть», прервалъ съ живостію Шредеръ, «но привыкнуть можно ко всему. Дерите каждый день кошку за хвостъ, и вы тѣмъ кончите, что привыкнете къ ея жалобному мяуканію и визгу». Вы видите, онъ до смѣлой оригинальности доводилъ независимость мнѣній своихъ. — Личнымъ врагомъ его въ жизни и въ міросозданіи былъ вѣтеръ сѣверо-восточный (Nord-Est). Онъ не выносилъ его, не могъ равнодушно и спокойно говорить о немъ. Надобно было видѣть, какъ въ большомъ Дрезденскомъ саду онъ защищался отъ него, лавировалъ и боролся съ нимъ. Кажется, у него были особенныя платья, сюртуки, бекеши, шляпы именно на то приспособленные, чтобы выходить на бой съ противникомъ своимъ. Само собою разумѣется, что онъ ненавидѣлъ сигары, какъ предосудительное нововведеніе въ Европейскіе нравы. Но за то съ сапогами обращался онъ, какъ лакомый куритель обращается съ сигарами. Онъ, прежде чѣмъ обновить сапоги, давалъ имъ годъ и два хорошенько выстояться и высохнуть; и все это въ виду сохраненія здоровья.

Безсемейный, одинокій, всѣ домашнія заботы устремилъ онъ на сбереженіе себя. И что же? Оно довольно благоразумно и никому необидно. Кончина его представляетъ психическое явленіе, довольно странное. У него часто обѣдали два Дрезденскіе пріятеля его. Въ теченіи времени, одинъ изъ нихъ умеръ, другой заболѣлъ. Занемогъ легко и Шредеръ, но онъ былъ на ногахъ и, казалось, соблюдалъ порядокъ дня своего по обыкновенному. Однимъ утромъ, приказываетъ онъ дворецкому накрыть столъ къ обѣду на три прибора, прибавляя, что два поименованные пріятеля будутъ съ нимъ обѣдать. Дворецкій удивился, но не осмѣлился сдѣлать возраженіе. Въ урочный часъ Шредеръ садится за столъ одинъ; во все время обѣда живо говоритъ онъ, то направо, то налѣво, какъ будто съ сидящими около него пріятелями. Къ вечеру обнаружилась въ немъ сильная воспалительная болѣзнь. Кажется, на другой день его уже не стало. Это было мнѣ разсказано его и моимъ докторомъ, знаменитымъ въ Дрезденѣ Геденусомъ. Кажется, очень скоро затѣмъ умеръ и третій заочный и таинственный собесѣдникъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ записокъ Ипполита Оже *).

(Съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Когда я познакомился съ Лунинымъ, ему было лѣтъ 26. Рана, которую онъ получилъ на дуэли, была довольно опасна: пуля засѣла въ паху, и онъ долженъ былъ перенести трудную операцію. Его блѣдное лицо, съ красивыми, правильными чертами, носило слѣды страданій. Спокойно-насмѣшливое, оно иногда внезапно оживлялось и также быстро снова принимало выраженіе невозмутимаго равнодушія; но измѣнчивая физіономія выдавала его больше, чѣмъ онъ желалъ. Въ немъ чувствовалась сильная воля, но она не проявлялась съ отталкивающей суровостью, какъ это бываетъ у людей дюжинныхъ, которые непремѣнно хотятъ повелѣвать другими. Голосъ у него былъ рѣзкій, пронзительный; слова, точно сами собой, срывались съ насмѣшливыхъ губъ и всегда попадали въ цѣль. Въ спорахъ онъ побивалъ противника, нанося раны, которыя никогда не заживали; логика его доводовъ было также неотразима, какъ и колкость шутокъ. Онъ рѣдко говорилъ съ предвзятымъ намѣреніемъ; обыкновенно же мысли, и серьезныя, и веселыя, лились свободной, неизсякаемой струей; выраженія являлись сами собой, не придуманныя, изящныя и замѣчательно-точныя. Онъ былъ высокаго роста, стройно и тонко сложенъ, но худоба его происходила не отъ болѣзни: усиленная умственная дѣятельность рано истощала его силы. Во всемъ его существѣ, въ осанкѣ, въ разговорѣ сказывались врожденное благородство и искренность. При положительномъ направленіи ума, онъ не былъ лишенъ нѣкоторой сантиментальности, жившей въ немъ помимо его вѣдома: онъ не старался ее вызвать, но и не мѣшалъ ея проявленію. Это былъ мечтатель, рыцарь, какъ Донъ-Кихотъ, всегда готовый сразиться съ вѣтряною мельницою, чему доказательствомъ могла служить послѣдняя дуэль.

Хотя я съ перваго раза не могъ оцѣнить этого замѣчательнаго человѣка, но наружность его произвела на меня чарующее впечатлѣніе. Рука, которую онъ мнѣ протянулъ, была маленькая, мускулистая, аристократическая; глаза, неопредѣленнаго цвѣта, съ бархатистымъ блескомъ, казались черными; мягкій взглядъ обладалъ притя-

---

*) См. выше, стр. 240. Эта часть записокъ Оже (Hippolyte Auger) вся посвящена воспоминаніямъ о знакомствѣ его съ Михаиломъ Сергѣевичемъ Лунинымъ, извѣстнымъ Декабристомъ, роднымъ племянникомъ славнаго въ исторіи Русскаго просвѣщенія Михаила Никитича Муравьева, отъ единственной, нѣжно любимой сестры его Ѳеодосіи Никитичны. Намъ случилось читать переписку Муравьева съ этою сестрою, относящуюся еще къ прошлому столѣтію. Это были чистыя, возвышенныя сердца. Дѣти обоихъ погибли въ Сибири. Лунинъ, уже въ ссылкѣ, потерпѣлъ страшное наказаніе за безумную попытку возмутить Сибирскихъ жителей. П. Б.

гательною силою. Я не чувствовалъ ни страха, ни смущенія, но онъ сильно возбудилъ мое любопытство. Обращался онъ со мной съ ласковою снисходительностію; но разговоръ, начавшійся шуткой, оживилъ насъ и сразу сблизилъ: не высказываясь еще вполнѣ, мы невольно почувствовали, что въ насъ много общаго, не смотря на его очевидное превосходство. Мы оба отличались отважнымъ характеромъ, понимали и чувствовали одинаково. Но разница въ общественномъ положеніи дѣлала то, что мы на многое смотрѣли различно; разногласіе выразилось съ самаго начала по поводу Россіи и моего поступленія въ Русскую армію. Русскій не могъ судить о причинахъ, побудившихъ меня къ тому, да я и не считалъ пока нужнымъ говорить ему о нихъ; онъ же не понималъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ Французъ могъ покинуть свое отечество и ѣхать въ варварскую страну. Французъ съ своей стороны не могъ понять, какъ это Русскій считалъ себя варваромъ, когда все въ немъ умственное развитіе, языкъ, манеры, привычки, служили опроверженіемъ этого мнѣнія и свидѣтельствовали о существованіи высшей, утонченной цивилизаціи.

Послѣ перваго свиданія я уже не покидалъ Лунина, до самаго моего отъѣзда изъ Вильны. Намъ было хорошо вмѣстѣ, и я былъ счастливъ, что могъ доставить ему развлеченіе. Впрочемъ онъ не оставался въ одиночествѣ: офицеры часто навѣщали его; но я чувствовалъ по особенному тону, который онъ принималъ въ такихъ случаяхъ, что онъ покорялся своей участи, выслушивая ихъ пустую, шумливую болтовню. Не то, чтобы онъ хотѣлъ казаться лучше ихъ; напротивъ, онъ старался держать себя какъ и всѣ, но самобытная натура брала верхъ и прорывалась ежеминутно, помимо его желанія. Ему и въ голову не приходило, чтобъ я могъ наблюдать за нимъ. У него этой способности не было; онъ не тратилъ времени на размышленіе; мысли у него являлись по вдохновенію огненнаго воображенія; онъ безстрашно покидалъ міръ извѣстнаго, стремясь къ новому, неизвѣданному; онъ смѣло шелъ впередъ, вѣря, какъ Колумбъ, что земля кругла, и что, плывя, можно куда нибудь доплыть. Вотъ отчего и происходили всѣ его эксцентричныя выходки, кончившіяся плохо для него. Когда я во второй разъ пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ найти средства къ независимому существованію, я долженъ былъ явиться къ графу Бенкендорфу, бывшему тогда шефомъ жандармовъ. Первый вопросъ, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ былъ:

— Вы, кажется, хорошо были знакомы съ Лунинымъ?

— Да, ваше сіятельство. Мы жили вмѣстѣ въ Парижѣ, но съ тѣхъ поръ я не имѣлъ отъ него никакихъ извѣстій, такъ что мнѣ казалось, что онъ забылъ меня, и я обвиняю его за то.

— Это доказательство, что онъ васъ уважалъ.

— Я узналъ, что онъ былъ замѣшанъ въ возмущеніи 14-го Декабря.

— Точнѣе сказать, онъ замѣшалъ туда другихъ.

— Будьте такъ добры: скажите мнѣ, какая участь постигла его?

— Онъ умеръ.... въ рудникахъ.... И тамъ онъ продолжалъ предаваться безумнымъ надеждамъ.... Онъ былъ неисправимъ.

— Ваше сіятельство, могу васъ увѣрить, что я ничего не зналъ о его планахъ.

— Не тревожьтесь: намъ все извѣстно. Можете жить спокойно.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Лунинъ выздоравливалъ; онъ уже могъ садиться и вставать. Я ухаживалъ за нимъ, поддерживалъ его слабые шаги, но самое главное — я служилъ для него развлеченіемъ: со мной онъ могъ говорить обо всемъ. Онъ былъ въ Парижѣ въ 1814 году и воспользовался этимъ, чтобы изучить соціальное положеніе или, лучше сказать, организацію Франціи, сравнительно съ Россіей. Въ то время, какъ другіе наслаждались Парижскою жизнію, онъ изучалъ ее, стараясь все понять и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что зовется цивилизаціей. Вниманіе его равно привлекали какъ лица, стоявшія во главѣ правленія, такъ и низшіе управляемые классы народа. Ему все хотѣлось видѣть, знать, понимать, чтобъ потомъ разсказать на родинѣ. Видя, какъ онъ интересуется моимъ дѣтствомъ и юностью, о которыхъ онъ заставлялъ меня разсказывать, я понялъ, что для него мелкія житейскія подробности казались также существенными, какъ и крупныя стороны жизни.... Онъ заставилъ меня также прочесть ему мои стихи, предупредивъ, впрочемъ, что онъ хотя любитъ поэзію, но врагъ стиховъ. Въ разсужденіяхъ его по этому поводу была своя доля правды; онъ говорилъ: «Стихи—большіе мошенники; проза гораздо лучше выражаетъ тѣ идеи, которыя составляютъ поэзію жизни; она больше говоритъ сердцу развитыхъ и умныхъ людей, чѣмъ плохо риѳмованныя строчки, въ которыя хотятъ заковать мысль, въ угоду придуманнымъ правиламъ и въ ущербъ смыслу: двигаются бѣдныя мысли по командѣ, точно солдаты на парадѣ, но на войну не годятся; побѣды одерживаетъ только проза. Наполеонъ побѣждалъ и писалъ прозой; мы же, къ несчастію, любимъ стихи. Наша гвардія это отлично переплетенная поэма, дорогая и непригодная. Я знакомъ со всѣми замѣчательными произведеніями Французской литературы, но люблю только стихи Мольера и Корнеля за ихъ трезвость; риѳма у нихъ не служитъ помѣхою. Въ прозѣ же Шатобріана, наоборотъ, я все ищу риѳмы и не нахожу конечно; оттого я и не люблю ея. То что называютъ поэзіей, т. е. стихи, годится какъ забава, для народовъ, находящихся въ младенчествѣ. У насъ, Русскихъ, поэты играютъ еще большую роль: намъ нужны образы, картины; Франція уже не довольствуется созерцаніемъ, она разсуждаетъ. Впрочемъ, продолжалъ онъ, я человѣкъ справедливый и не требую невозможнаго». И тотчасъ же послѣ такого предисловія Лунинъ потребовалъ, чтобы я ему прочелъ описаніе въ стихахъ дороги отъ Петербурга до Вильны, сочиненное мною отъ нечего дѣлать.

— Ну, сказалъ онъ, это я еще понимаю: содержанія тутъ нѣтъ никакого, потому что вамъ нечего сказать; стало быть вы и занялись обработкой формы, чтобъ даромъ не пачкать бумаги. Стихъ у васъ бойкій, живой; но какая цѣль? И сколько чернилъ даромъ потрачено! Нѣтъ, я вижу, у васъ большой умъ; надо васъ вылѣчить и сдѣлать достойнымъ писать прозой. Прочтемте вмѣстѣ Боссюэта и Вольтера, самаго умнаго между всѣми вашими писателями, не смотря на то, что онъ писалъ иногда стихами, какъ напримѣръ, объ Іоаннѣ Д'Аркъ: это ваша единственная эпическая поэма. Сравниваютъ поэзію съ музыкой; да развѣ это возможно? Музыка свободна, она можетъ быть и туманной, и вполнѣ ясной; поэзія, т. е. стихи, всегда связана; ей выбора нѣтъ, она всегда туманна, даже когда желаетъ быть ясной. Я тоже поэтъ, но поэтъ безъ словъ: я никому не навязываюсь, но предоставляю каждому понимать меня, какъ онъ хочетъ

и какъ онъ можетъ Вотъ я велю привезти фортепьяно и познакомлю васъ съ своею поэзіей.

— Развѣ вы музыкантъ?

— Въ обыкновенномъ смыслѣ слова — нѣтъ. Инструментъ для меня тоже, что для васъ перо — средство для выраженія мыслей и чувствъ. Я не знаю ни одной ноты; но, не смотря на это, я заставлю васъ прочувствовать то, что самъ чувствую. Я думаю, когда люди еще не умѣли говорить, то музыка служила вмѣсто словъ.... Первыя сношенія между ними начались такимъ образомъ. Впрочемъ, вы не дурно пишете стихи, мой юный другъ; только, если хотите подражать, то подражайте Мольеру и Корнелю, но никакъ не Парни. Я допускаю легкіе стишки, для которыхъ необходима музыка: пустяки, которые не стоитъ говорить, можно пропѣть. Но когда затянутъ скучную исторію безъ конца, то по неволѣ задумаешься о своихъ собственныхъ дѣлахъ, а это непріятно, если дѣла плохи. Напишите мнѣ какую хотите шансонетку или романсъ, и когда у меня будетъ фортепьяно, я ручаюсь, что съумѣю сдѣлать ее сносной.

«Les vers sont enfants de la lire,
Il faut les chanter, non les dire» [1])

Я долженъ предупредить читателя, что какъ бы подробно я ни описывалъ Лунина, все-таки я не въ состояніи дать о немъ полнаго понятія: эта многосторонняя, причудливая натура была неуловима въ своихъ проявленіяхъ, хотя въ глубинѣ ея лежала одна неизмѣнная мысль. Онъ нарочно казался пустымъ, вѣтреннымъ, чтобъ скрыть ото всѣхъ тайную душевную работу и цѣль, къ которой онъ неуклонно стремился.

На другой день, когда я вошелъ къ Лунину, настройщикъ приводилъ въ порядокъ только что привезенное фортепьяно. Какъ только онъ ушелъ, Лунинъ сѣлъ за инструментъ и спросилъ: сдержалъ ли я слово и готовъ ли мой трудъ?

— Лучше не называть это трудомъ, отвѣчалъ я; я импровизировалъ романсъ, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе.

— Въ такомъ случаѣ, если мы откроемъ лавочку, то фирма будетъ называться: *соединенное общество импровизаторовъ*. Ну, говорите: я слушаю. Какъ называется вашъ романсъ?

— Вы одинъ изъ сотрудниковъ, вы и придумайте названіе.

Я проговорилъ три куплета, каждый оканчивался припѣвомъ: *Я слишкомъ старъ: мнѣ семнадцать лѣтъ.*

— Названіе найдено: *Русскій въ 1815 году*.

— Если такъ, то я слагаю съ себя всякую отвѣтственность.

— Какъ! вскричалъ онъ, вы не знаете, что сказалъ Наполеонъ: *не созрѣли, а уже сгнили*. Мы..... потомки Екатерины II-й.

— Которую Вольтеръ назвалъ Екатерина Великій, полковникъ!

— Великій! А дальше что? Вольтеръ былъ льстецъ. А впрочемъ и для этого прозванія, съ мужскимъ окончаніемъ, можно, пожалуй, подыскать причины...

Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, сдѣлалъ прелюдію и перешелъ въ какой-то мотивъ. Въ игрѣ его была замѣчательная твердость и быстрота.

— Вы музыкантъ, не отрицайте этого!

---

[1]) Стихи — дѣти лиры; ихъ нужно пѣть, говорить нельзя.

— Ну да! Я играю, все равно какъ птицы поютъ. Одинъ разъ при мнѣ Штейбельтъ давалъ урокъ музыки сестрѣ моей. Я послушалъ, посмотрѣлъ; когда урокъ кончился, я все зналъ, что̀ было нужно. Сначала я игралъ по слуху, потомъ вмѣсто того, чтобъ повторять чужія мысли и напѣвы, я сталъ передавать въ своихъ мелодіяхъ собственныя мысли и чувства. Подъ моими пальцами послушный инструментъ выражаетъ все, что̀ я захочу: мои мечты, мое горе, мою радость. Онъ и плачетъ и смѣется за меня. Я бы могъ назвать вашъ романсъ: *Разочарованный Михаилъ*, но не рѣшаюсь изъ скромности.

Такъ прошло нѣсколько дней. Но скоро былъ объявленъ обратный походъ въ Петербургъ.

— До свиданія! сказалъ онъ на прощаньи; я никогда не забуду, что выздоровѣлъ, благодаря вамъ.

— А я буду помнить, что не захворалъ, благодаря вамъ.

Двѣ недѣли, проведенныя съ Лунинымъ, имѣли на меня сильное вліяніе: я сталъ трезвѣе смотрѣть на жизнь, и это было къ лучшему, потому что мечты иногда мѣшаютъ жить. Я ясно почувствовалъ неопредѣленность своего положенія, и мнѣ вспоминался стихъ: «Теперь свѣтъ идетъ съ Сѣвера». Молодой наставникъ, въ которомъ никто не могъ предполагать педагогическихъ способностей, нанесъ жестокій ударъ моимъ стихотворнымъ наклонностямъ; но поэтическое чувство продолжало жить во мнѣ, хотя уже не на прежнихъ основаніяхъ: я понялъ, что̀ способъ выраженія и отдѣлка не составляютъ геніальности, хотя и необходимы ей какъ орудія. Парадоксы Лунина, въ противоположность его поэтической натурѣ, еще рельефнѣе обрисовали его оригинальную личность. Я все продолжалъ думать о немъ и о его словахъ. Въ мои лѣта, при легковѣсности моей натуры, всякая новая идея находила для себя готовую почву и быстро пускала ростки... До самаго Полоцка я продолжалъ думать въ прозѣ, хотя иногда невольно, по привычкѣ, проскальзывали и стихи. Но случилось, что я вновь поддался искушенію и вотъ какимъ образомъ. Въ Полоцкѣ я захворалъ лихорадкой и долженъ былъ остаться до выздоровленія. Къ несчастію, капитанъ мой покидалъ меня, потому что собственныя дѣла заставляли его ѣхать довольно далеко, и у него уже все было готово къ отъѣзду.

— Живите здѣсь до выздоровленія, сказалъ онъ, уѣзжая. Я отдалъ приказанія своимъ людямъ, такъ что вамъ ни о чемъ не нужно будетъ заботиться. Лошадей своихъ я оставляю вамъ, и вы всегда успѣете догнать полкъ. Я вамъ напишу изъ Москвы; въ Петербургѣ вы тоже найдете отъ меня письмо. Всѣ наши друзья будутъ о васъ заботиться.

Полкъ ушелъ, и я остался одинъ между людьми, которые меня не понимали и которыхъ я тоже не понималъ. Тогда мнѣ пришла мысль попросить гостепріимства у Іезуитовъ. Въ то время они пользовались большимъ значеніемъ, и въ школѣ ихъ воспитывались дѣти знатнѣйшихъ фамилій. Отцы Іезуиты, которымъ я объяснилъ свое положеніе, съ готовностью приняли меня, и я скоро поправился, благодаря ихъ хорошему уходу. Опасаясь возврата болѣзни, они меня оставили еще на нѣсколько времени у себя, и я присутствовалъ при урокахъ воспитанниковъ, обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, проводилъ рекреаціонное время, какъ будто и самъ былъ изъ числа ихъ. Чтобъ отблагодарить радушныхъ, образованныхъ отцовъ, я вздумалъ напи-

34*

сать небольшое стихотворенiе и напечатать въ типографiи, принадлежавшей къ ихъ заведенiю. Кромѣ того мнѣ также хотѣлось доказать свое умѣнье. Въ нашихъ разговорахъ литература часто служила средствомъ для поученiй, выраженныхъ всегда въ очень тонкой формѣ; отцы, хорошо знакомые съ обычаями и условiями большаго свѣта, къ которому принадлежали ихъ воспитанники, нисколько не желали сдѣлать изъ нихъ ханжей; но влiянiе было прочно, и воспитанники, выйдя изъ ихъ рукъ, дѣлались вѣрными союзниками. Мнѣ не нужно было притворяться передъ ними, потому что я былъ дѣйствительно религiозенъ: религiозное чувство образовало почву, на которой развивались всѣ понятiя объ общественныхъ отношенiяхъ. И такъ мнѣ было не трудно перефразировать текстъ о христiанской любви, примѣняя его къ моему положенiю. Я обратился къ Iезуиту, завѣдывавшему типографiей, съ просьбою напечатать небольшое стихотворенiе, плодъ безсонницы, которое должно было служить воспоминанiемъ о моемъ пребыванiи у нихъ. Онъ согласился, и вечеромъ я уже могъ поднести отцамъ свое произведенiе. Они заставили меня прочесть его два раза, и потомъ профессоръ литературы Французъ обратился ко мнѣ съ рѣчью. Это была цѣлая лекцiя о поэзiи и ея правилахъ, отлично составленная и прекрасно прочитанная.

Прощаясь со мной, Iезуиты просили меня побывать въ ихъ домѣ въ Петербургѣ и познакомиться съ отцемъ Гривелемъ, который не откажется быть мнѣ полезнымъ въ случаѣ необходимости. Я попросилъ рекомендательнаго письма; но мнѣ отвѣчали, что обо мнѣ уже тамъ все извѣстно. Этотъ во всѣхъ отношенiяхъ недюжинный человѣкъ впослѣдствiи пользовался во Францiи огромнымъ влiянiемъ. У него я встрѣчалъ князей Голицыныхъ, служившихъ въ Семеновскомъ полку. Мать ихъ перешла въ Римско-католическую вѣру, чтò произвело скандалъ въ обществѣ. Однажды въ Петербургѣ, когда я пришелъ къ отцамъ, мнѣ сказали, что наканунѣ ихъ всѣхъ съ жандармами выслали за границу. Объ этомъ событiи громко никто не осмѣливался говорить, какъ и вообще обо всемъ, чтò дѣлалось властiю самодержца. Въ 1817 году, когда я жилъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Лунинымъ, я предложилъ ему отправиться къ отцу Гривелю. Когда я представилъ Лунина какъ эмигранта, изгнанника, даже перебѣжчика, Гривель обошелся съ нимъ чрезвычайно вѣжливо: онъ не могъ простить обиды, нанесенной ему Россiей. Мы долго и серiозно говорили о текущихъ событiяхъ, о томъ, чего можно ожидать, чего желать, и какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Пригласивъ насъ посѣщать его, Гривель простился съ нами, говоря: «Такiе люди какъ вы намъ нужны!» Это было передъ событiями 1817 года. Но мы съ Лунинымъ тогда думали, что не къ чему намъ дѣлаться Iезуитами à robe courte: у насъ было другое дѣло въ жизни. Мы не предполагали, чтобъ общество Iисуса пользовалось такимъ огромнымъ тайнымъ влiянiемъ, а между тѣмъ они были очень сильны и могли бы дать намъ средства къ достиженiю какой угодно цѣли.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Вернувшись въ Петербургъ, я скоро почувствовалъ свое одиночество: моего друга, капитана, не было въ Петербургѣ. Я очутился въ затруднительномъ положенiи и вздумалъ обратиться за совѣтомъ къ Вигелю. Въ расположенiи его ко мнѣ я не сомнѣвался, но этотъ замѣчательно умный человѣкъ оказался несостоятельнымъ въ практической жизни: онъ и съ своими дѣлами не зналъ, какъ справиться. Пришлось выпуты-

ваться самому, и это умѣнье, пріобрѣтенное мною тогда, пригодилось мнѣ и впослѣдствіи. Я чувствовалъ себя одинокимъ, но не упалъ духомъ, хотя прежняго спокойствія и увѣренности во мнѣ уже не было: я чувствовалъ, что плыву по бурному морю и каждую минуту могу разбиться о нежданные подводные камни, называемые случайностями. Опытности у меня еще быть не могло, но уже поступками моими началѝ управлять инстинктивная осторожность и благоразуміе. Пока я странствовалъ, молодые мои друзья вышли изъ Пажескаго корпуса. Тухачевскіе и Киреевскіе поступили въ кавалергарды, а братья Хрущовы въ Преображенскій полкъ. Ихъ примѣръ могъ бы ободрить меня, еслибы наше положеніе было одинаково; но я не чувствовалъ въ себѣ призванія къ военной службѣ, да и въ будущемъ видѣлъ для себя много препятствій, отъ которыхъ должно было страдать мое тщеславіе. Впрочемъ моя нерѣшительность еще оставалась тайной для всѣхъ. Я старался держаться кружка людей серьезныхъ, и потому гостиная Блудовой получила для меня значеніе храма, гдѣ воздавалось поклоненіе уму и внутреннимъ достоинствамъ человѣка. Я понималъ, что недостаточно быть богатымъ или знатнымъ, чтобы имѣть значеніе въ свѣтѣ. Въ обществѣ людей умныхъ, образованныхъ, я не такъ сильно чувствовалъ свое ничтожество, потому что могъ у каждаго заимствовать что нибудь, чтобы хоть отчасти возвыситься до ихъ уровня, или по крайней мѣрѣ оправдать свое присутствіе между этими высоко развитыми людьми. И это заимствованіе благотворно дѣйствовало на мое собственное развитіе. При этомъ воспоминаніе о Лунинѣ не покидало меня; чѣмъ болѣе видѣлъ я людей, тѣмъ болѣе начиналъ цѣнить его оригинальность и зрѣлость мысли. Въ разлукѣ, его вліяніе, подкрѣпляемое собственнымъ размышленіемъ, получало еще бо́льшую силу. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я его пріѣзда, распрашивалъ всѣхъ и каждаго, и никто не могъ мнѣ ничего сказать. Наконецъ я рѣшился освѣдомиться о немъ чрезъ письмо къ сестрѣ его Уваровой, горячо любившей брата. Она пригласила меня пріѣхать къ ней. Прежде всего она меня поблагодарила за брата.

— Миша писалъ мнѣ, какъ вы ухаживали за нимъ, и какъ полезно было для него ваше общество. Я вамъ очень благодарна и весьма рада, что могу это высказать.

— Напротивъ, я долженъ быть благодаренъ вашему брату; съ нетерпѣніемъ жду его пріѣзда. Здоровъ онъ?

— Да, рана его совсѣмъ зажила, но ему совѣтовали проѣхаться. Мы его ждемъ каждый день.

Въ эту минуту вошелъ ея мужъ.

— Вотъ, кто такъ хорошо ухаживалъ за моимъ братомъ, сказала она, обращаясь къ нему.

Обращеніе Уварова, отличавшееся искренностію, произвело на меня очень хорошее впечатлѣніе.

— Благодарю васъ за него, сказалъ онъ; вы много сдѣлали для него; я знаю, какъ дорого участіе въ минуты страданія.

Генералъ Уваровъ былъ тяжело раненъ въ послѣднюю войну, и на лицѣ его были еще видны слѣды недавней болѣзни.

Что касается до Уваровой, то она была лучше чѣмъ красавица: умная, милая, изящная, вся въ брата.

Я былъ вполнѣ счастливъ, когда они пригласили меня бывать у нихъ почаще. Недѣлю спустя, Лунинъ извѣстилъ меня о своемъ пріѣздѣ.

Послѣ радостныхъ минутъ встрѣчи, я замѣтилъ, что онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ; но распрашивать его я не рѣшался. Вскорѣ непредвидѣнныя обстоятельства заставили меня высказаться совершенно откровенно, а это вызвало и его на откровенность.

Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ своимъ капитаномъ, я получилъ отъ него только одно письмо, заботливое и дружеское по обыкновенію. Теперь я получилъ второе, длинное и многословное, очевидно написанное подъ впечатлѣніемъ грустныхъ обстоятельствъ, не допускавшихъ никакого выбора. Бѣдный мой капитанъ! Какъ онъ долженъ былъ страдать! Ему вѣроятно было легче принять рѣшеніе, измѣнившее всю его жизнь, чѣмъ написать письмо такого содержанія. Онъ писалъ, что денежныя дѣла его, по недобросовѣстности лица, завѣдывавшаго ими, пришли въ такой безпорядокъ, что ему невозможно болѣе оставаться въ гвардіи, особенно теперь, когда съ заключеніемъ мира уничтожились надежды на скорое повышеніе, и что ему выгоднѣе перейти въ армію съ чиномъ полковника, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ онъ можетъ снова поступить въ гвардію съ тѣмъ же чиномъ; жить же въ Петербургѣ для него было бы тяжело; потому онъ, не колеблясь, долженъ поступить такъ, какъ велитъ благоразуміе. Потомъ онъ говорилъ обо мнѣ, о моемъ положеніи, въ случаѣ если бы я вздумалъ продолжать военную службу. Онъ дарилъ мнѣ нашу мебель, своихъ лошадей, сани и дрожки, совѣтуя все это продать какъ ненужное. Онъ зналъ, что вырученная сумма будетъ очень незначительна и мнѣ придется сократить свои расходы. Онъ прибавлялъ, что у него осталась часть принадлежащей мнѣ суммы денегъ, и что онъ немедленно ее вышлетъ. Въ заключеніе, онъ совѣтовалъ, если мнѣ не удастся устроиться такъ, какъ бы мнѣ желалось, уѣхать обратно во Францію, а на время, проведенное внѣ отечества, смотрѣть какъ на заграничное путешествіе.

У меня это письмо цѣло до сихъ поръ, и теперь еще, послѣ многихъ лѣтъ, я не могу читать его безъ волненія: въ немъ высказывается вся честность, благородство и великодушіе человѣка, считавшаго себя отвѣтственнымъ за мой сумасбродный поступокъ. Я до сихъ поръ еще не назвалъ его, но ему принадлежитъ почетное мѣсто въ моемъ разсказѣ, который я могъ бы назвать его именемъ: его звали

НИКОЛАЙ ЕВРЕИНОВЪ.

Письмо это нисколько не поразило меня, точно я его ожидалъ; оно возбудило во мнѣ чувство благодарности къ моему другу. Однако нужно было съ кѣмъ нибудь посовѣтоваться. Вигель былъ стариннымъ, вѣрнымъ другомъ, но невольная симпатія влекла меня высказаться передъ Лунинымъ, котораго я узналъ только недавно, и который былъ самымъ легкомысленныхъ и взбалмошнымъ между всѣми моими знакомыми.

— Ну, сказалъ онъ, выслушавъ мой краткій, но правдивый разсказъ: вотъ вы и свободны! Капитанъ вашъ умно поступилъ, сбросивъ съ себя цѣпи, приковывавшія его ко двору. Должно быть, и я скоро тоже сдѣлаю.

— Вы? Кавалергардскій полковникъ!

— Я еще болѣе на виду: у меня парадный мундиръ бѣлый, а полуформенный красный.

— Вы откажетесь отъ всѣхъ выгодъ, ожидающихъ васъ на службѣ?

— Очень выгодно раззоряться на лошадей и на подобныя тому вещи! Еще еслибъ я могъ раззорятъся! Но у меня отецъ находитъ воз-

можность все болѣе и болѣе урѣзывать назначенное имъ содержаніе. Я денно и нощно проклинаю мое положеніе.

— Дѣйствительно, вы иногда бываете задумчивы.

— Поневолѣ задумаешься, мой милый! Меня держатъ впроголодь. Вы вѣроятно замѣтили, какъ я похудѣлъ.

— Да, я нахожу, вы блѣдны.

— Блѣденъ! Вамъ, должно быть, словъ жалко. Придумайте что нибудь посильнѣе. На пиру жизни меня угощаютъ квасомъ.

— Говорятъ, отъ него толстѣютъ....

— Дураки одни; тѣ и отъ скуки толстѣютъ. Квасъ возбуждаетъ сильнѣйшее желаніе сдѣлаться отшельникомъ.

— Вы еще не дожили до такихъ лѣтъ.

— Черти только въ молодости и бываютъ набожны. Мнѣ нужны уединеніе и пустыня. Знаете ли, что мнѣ иногда приходитъ въ голову? Хорошо бы было отправиться въ Южную Америку къ взбунтовавшимся молодцамъ.... Вы Французъ, слѣдовательно должны знать, что бунтъ—это священнѣйшая обязанность каждаго.

— Вамъ стало быть желательно, чтобъ васъ повѣсили на счетъ Испанскаго короля?

— Ну довольно объ этомъ. Вамъ нужна помощь, т. е. добрый совѣтъ; это я могу. Что-же вы будете теперь дѣлать, если намѣреваетесь что нибудь дѣлать вообще?

— Что вы мнѣ посовѣтуете?

Да я вамъ бы совѣтовалъ ничего не дѣлать: это безопаснѣе..

Я не могу ничего не дѣлать.

— Вы можете ждать. У васъ есть мебель... Я знаю, чего стоитъ мебель въ казармахъ: за нее дадутъ грошъ.. Еще у васъ пара лошадей... Каковы онѣ?

— Онѣ пожираютъ пространство.

— Это прекрасно, но ихъ нужно еще кромѣ того кормить.

— Хорошенькія, сѣренькія, породистыя Малороссійскія лошадки.

— Если онѣ на что нибудь годны, то за нихъ ничего не дадутъ... А экипажи...

— Имѣютъ то достоинство, что цѣлы.

— Въ суммѣ получится довольно, чтобъ заплатить за хорошій завтракъ! Раздѣлайтесь поскорѣе съ обломками роскоши и приходите всякій день завтракать ко мнѣ. Но предупреждаю васъ—мой поваръ изъ Спартанцевъ. Вы можете нанять маленькую комнатку съ мебелью и недорогаго лакея, такъ какъ прислуга вашего капитана должна отправиться назадъ къ барину, и все будетъ прекрасно.

Планъ этотъ мнѣ понравился, тѣмъ болѣе, что я уже начиналъ считать независимость первымъ условіемъ счастія. Прежде всего я написалъ капитану, чтобъ снять съ него отвѣтственность за свою судьбу, успокоить его и поблагодарить за дружбу. Я обѣщалъ письмами поддерживать дорогія для меня отношенія и, исполнивъ свой долгъ, какъ приказывали и сердце, и совѣсть, принялся за продажу подареннаго мнѣ имущества. Благодаря посредничеству моихъ друзей, мнѣ удалось выручить больше, чѣмъ я предполагалъ. На эту сумму я могъ безбѣдно прожить нѣсколько времени, конечно, не позволяя себѣ ничего лишняго. Одинъ Французъ, жившій на Малой Морской, уступилъ за недорогую цѣну двѣ комнаты. Военной службой я совсѣмъ не занимался и даже почти уже рѣшился при первой возможности выйти въ отставку.

Зиму я провелъ подъ руководствомъ двухъ людей діаметрально-противуположныхъ одинъ другому, такъ что ихъ вліяніе, взаимно уравновѣшиваясь, поддерживало меня въ переходномъ состояніи. Въ разговорахъ съ Вигелемъ мы выходили изъ сферъ дѣйствительности; но онъ, съ необычайнымъ коварствомъ, переходя отъ одного вопроса къ другому и остроумно обсуждая мелочи жизни, мѣшалъ составить мнѣніе о чемъ бы то ни было. Все таки онъ былъ очень милъ. Лунинъ же поражалъ своею оригинальностью и искренностью. Его огненная фантазія, стремившаяся за предѣлы существующаго, неудержимо увлекала и меня въ міръ призраковъ, къ цвѣтущимъ берегамъ невѣдомой страны: мы носились въ пространствѣ, то поднимаясь подъ небеса, то опускаясь въ самую глубину земли.

Способности его были блестящи и разнообразны: онъ былъ поэтъ и музыкантъ и въ тоже время реформаторъ, политико-экономъ, государственный человѣкъ, изучившій соціальные вопросы, знакомый со всѣми истинами, со всѣми заблужденіями. Таковъ былъ этотъ необыкновенный человѣкъ.

Однажды утромъ мнѣ принесли записку отъ Уваровой. Она просила меня придти къ ней.

— Ради Бога, сказала она, подите къ Мишѣ, успокойте его.

— Что̀ такое случилось?

— У него была ужасная сцена съ отцемъ; отецъ отказался платить долги за него.

— Развѣ они такъ велики?

— Совсѣмъ нѣтъ; вы сами знаете его жизнь. Но, конечно, есть траты неизбѣжныя въ его лѣта и въ его положеніи. Отецъ ничего не хочетъ слышать, братъ тоже упрямъ. Мужу моему не слѣдъ вмѣшиваться въ это дѣло, а мои слёзы тутъ не помогутъ. Постарайтесь успокоить вашего друга; вы на него имѣете вліяніе, хоть онъ и не сознается въ этомъ.

— Если вы такъ думаете, я попробую.

— Но какимъ образомъ, что̀ вы ему скажете? Не нужна ли тутъ моя помощь?

— Ни подъ какимъ видомъ! Я могу сказать и сдѣлать то, чего вы не можете. Зная горячее сердце, ясный умъ и пылкое воображеніе вашего брата, я вижу только одно средство потушить его гнѣвъ: это—разжечь его сильнѣе.

— Что̀ вы говорите?

— Непремѣнно такъ. Я видѣлъ, какъ нашъ трагикъ Тальма изображалъ бѣшеную ярость Ореста, какъ онъ неистовствовалъ и какъ внезапно наступало затишье. Я буду предлагать вашему брату такія сумасбродныя средства, что онъ поневолѣ образумится, слушая меня. Тутъ необходимы сильныя лѣкарства. Видя мое безуміе, онъ успокоится; совѣтовать же, уговаривать невозможно. Дѣйствительно только то, что̀ идетъ отъ насъ самихъ.. Нужно лишь вызвать это *свое;* въ этомъ вся мудрость.

Уварова, которая была очень набожна, подошла ко мнѣ и, перекрестивши меня три раза, сказала:

— Ну теперь ступайте!

Доро̀гой я раздумывалъ, что̀ бы такое предложить чудовищное, несообразное, что̀ бы сразу отрезвило моего друга, но ничего на находилъ подходящаго; я махнулъ рукой и положился во всемъ не волю Божію

Лунинъ жилъ въ домѣ отца. Не безъ волненія и страха отворилъ я дверь комнаты, гдѣ находился разгнѣванный сынъ. Лунинъ сидѣлъ за фортепьяно и игралъ съ обычнымъ brio.

— Здравствуйте, сказалъ я, подходя, чтобы разглядѣть выраженіе его лица.

Оно было спокойно; пальцы дѣлали свое дѣло. Онъ кивнулъ мнѣ головой, не прерывая игры.

— Что̀ это такое? спросилъ я.

— Аррагонскій болеро. Должно быть, я когда нибудь слышалъ этотъ мотивъ, и теперь онъ мнѣ пришелъ на память.

— Нѣтъ, это ваше собственное произведеніе.

— Очень можетъ быть.

Онъ доигралъ до конца, взялъ три заключительныхъ аккорда и потомъ спокойно подошелъ ко мнѣ поздороваться. На столѣ лежала книга. «Полезная это книга», замѣтилъ онъ, подавая ее мнѣ. Это была Испанская грамматика.

— Грамматика васъ вдохновила? Или, наоборотъ, пѣсня заставила васъ обратиться къ грамматикѣ? Въ отвѣтъ онъ съ обычной флегмой, какъ всегда, когда говорилъ смѣшныя вещи, проговорилъ стихи Скаррона:

Don Pascal Zapata
Ou Zapata Pascal: il ne m'importe guère
Que Pascal soit devant ou bien qu' il soit derrière.

Потомъ, съ достоинствомъ указывая на стулъ, онъ произнесъ трагическимъ тономъ, точь въ точь какъ Рокуръ (драматическая актриса, видѣнная имъ въ Парижѣ):

— Asseyez vous, Néron, et prenez votre place.

C'était pendant l'horreur d'une profonde nuit.

— Нѣтъ, истина требуетъ, чтобъ я разсказалъ вамъ все презрѣнной прозой, и въ самыхъ простыхъ словахъ. Вчера, вечеромъ, послѣ вашего ухода.... отецъ мой, иже есть на небеси, надо мной, то есть во второмъ этажѣ, дверь направо.... отецъ соизволилъ снизойти ко мнѣ. Вы не знаете моего отца?

— Я его видѣлъ одинъ разъ.

— Въ праздникъ, вѣроятно?

— Очень красивый старикъ!

Да! Только бы ему бѣлую бороду и синюю мантію!... Ужъ конечно, у меня такихъ полныхъ щекъ никогда не будетъ. Вѣдь мнѣ постоянно приходится голодать.

— Но онъ перестанетъ, наконецъ, держать васъ на полупорціяхъ.

— Вы ошибаетесь. Отецъ мой ничего не дѣлаетъ въ половину: онъ лишаетъ меня всей порціи. Вотъ какъ было дѣло. Онъ послалъ за сестрой; та пріѣхала, испуганная, вмѣстѣ съ мужемъ, и на этомъ семейномъ совѣтѣ, онъ торжественно объявилъ, что не будетъ платить за меня долговъ, чтобъ я такъ и сказалъ своимъ кредиторамъ, которые докучаютъ ему.... Но они по глупости продолжаютъ преслѣдовать меня; а чѣмъ же я имъ заплачу, если отецъ небесный не пошлетъ манны въ пустыню моей жизни?... Я, конечно, представилъ этотъ убѣдительный доводъ и многіе другіе, но виновникъ моихъ злополучныхъ дней пришелъ въ ярость отъ моихъ словъ. Я тоже обозлился, и, чтобъ успокоить его, наговорилъ много вздору, такъ что когда мы разошлись, онъ былъ блѣденъ, а я красенъ, то есть

наперекоръ обыкновенному порядку вещей. Ну вы понимаете, такое нарушеніе правилъ могло произойти только вслѣдствіе сильнѣйшаго душевняго волненія.

— Но, дорогой мой Мишель; мнѣ всегда казалось, что вы и не надѣялись на иной исходъ.

— Ну да! Дерево скрипитъ, скрипитъ, да наконецъ и не выдержитъ — рухнетъ съ трескомъ, пожалуй и зашибетъ, кто близко.... Сестра пошла за отцомъ.... который на небеси, во второмъ этажѣ, дверь направо.... Уваровъ пошелъ за женой; они хотѣли умилостивить отца, а я легъ спать и не смыкалъ глазъ во всю ночь. Я все старался себѣ представить со всѣми подробностями ужаснѣйшее положеніе кавалергардскаго полковника, отбивающагося съ оружіемъ въ рукахъ отъ полиціи, которая явилась арестовать его за долги!

— Вы не первый и не послѣдній.

— Тѣмъ хуже. Какъ скоро это такая обыкновенная вещь, для меня она ужъ не годится. Если случилось такое несчастіе, то нужно выпутаться изъ него иначе, чѣмъ дѣлаютъ другіе. Когда человѣкъ не спитъ, то онъ размышляетъ. Я и размыслилъ, что не слѣдовало такъ выходить изъ себя, говоря съ отцемъ; лучше бы было предоставить гнѣваться только ему: тогда бы вина была на его сторонѣ, а теперь она на моей. Вспомнилъ я и ариѳметику. Вѣдь чтобы взять двадцать изъ десяти, нужно занять единицу, равняющуюся десяти; если же нѣтъ десяти, то нужно взять двадцать. Нѣтъ ничего на свѣтѣ точнѣе цифръ.

— Ну и вы нашли новаго ростовщика?

— Само собою разумѣется! И разумѣется, ростовщикомъ будетъ мой отецъ.

— Какимъ же чудомъ?

— Чуда нѣтъ: это простая спекуляція.

— Но по какому случаю?...

— И не случай, а отличная спекуляція. Милый другъ, вы чуть не сказали глупости.

— Когда дѣло идетъ о васъ, то глупости въ голову не приходятъ.

— Эхъ, умные-то люди и оказываются чаще всѣхъ дураками, если даже допустить, что я уменъ.... Ну такъ слушайте же мой въ высшей степени интересный разсказъ. Проснувшись, или лучше сказать, не спавши, кликнулъ я своего камердинера. Алексѣй, какъ всегда, подалъ мнѣ туфли, халатъ и трубку. «Алексѣй, сказалъ я ему, ступай на верхъ къ отцу и доложи, что я собираюсь къ нему». Алексѣй на лѣстницѣ встрѣчаетъ Артемья, отцовскаго камердинера, который шелъ ко мнѣ съ такимъ же порученіемъ отъ своего барина. Болваны останавливаются на лѣстницѣ побалагурить. Въ это время, я выхожу и иду на верхъ; отецъ мой спускается внизъ:

Je crois voir vers Louis le Grand.
Philippe Quatre qui s'avance
Vers l'île de la conférence.

Мы встрѣчаемся, лакеи уступаютъ намъ свое мѣсто. Я склоняю голову.

— Отецъ мой, говорю я весьма почтительно, умоляю васъ, простите меня: я виноватъ передъ вами.

— Сынъ мой, отвѣчаетъ онъ мнѣ, я былъ слишкомъ суровъ, это правда... Но подумай, Миша: если я выплачу твои долги, ты опять

надѣлаешь новыхъ.... Нужно какъ нибудь умиротворить твоихъ кредиторовъ.

— Отецъ мой, самое лучшее средство—расплатиться съ ними; инаго исхода нѣтъ.

— Но если я заплачу имъ, они опять тебѣ дадутъ взаймы.

— Батюшка, я боюсь, что именно такъ и будетъ.

— Чортъ возьми, да именно этого-то я и не хочу.

— Ну такъ я вамъ предложу очень разумную вещь.

— Говори, я слушаю.

— Но, дорогой батюшка, вамъ неудобно на лѣстницѣ...

— Мнѣ очень ловко; какое твое разумное предложеніе? Говори.

— Батюшка, вы заплатите за меня долги.

— Да я не хочу платить твоихъ долговъ.

— Позвольте, дайте договорить. Вы заплатите долги, и кромѣ того вы мнѣ еще выдадите небольшую сумму, которая мнѣ необходима.

— Миша, да ты съ ума сошелъ!

— Батюшка, я бы могъ замѣтить тоже самое... (неужели я это сказалъ, великій Боже? Кажется, слова эти вырвались у меня безсознательно, потому что, видя возрастающее волненіе и безпокойство виновника дней моихъ, я и самъ начиналъ терять власть надъ собой, и готовъ былъ на все. Къ счастію, онъ не обратилъ вниманія на мои слова, и я успокоился). Если вы мнѣ не дадите договорить и объяснить мое предложеніе, мы никогда не поймемъ другъ друга. Заплатите мои долги, дайте еще нѣсколько тысячъ, которыя мнѣ необходимы, и я уже никогда у васъ ничего не буду просить: я дѣлаю завѣщаніе въ вашу пользу, и ту часть, которую я долженъ бы получить отъ васъ въ наслѣдство, получаете вы. Вы понимаете, какъ это выгодно для васъ.

— Ты съ ума сошелъ, бѣдный Миша!

— Батюшка, до нѣкоторой степени это вѣрно. Вы увидите сами, дайте договорить: если вы заплатите долги мои и дадите мнѣ еще деньжонокъ, то вы навсегда раздѣлаетесь со мной. Я выйду въ отставку...

— Ты, въ отставку? Кавалергардскій полковникъ!

— Какъ же я могу служить въ кавалергардахъ съ моимъ ничтожнымъ доходомъ, котораго вы меня теперь лишили, и съ долгами, которыхъ вы не хотите платить? И такъ я выхожу въ отставку, отправляюсь въ Южную Америку и поступаю въ ряды тамошнихъ молодцовъ, которые теперь бунтуютъ. Такимъ образомъ я доказываю свою *независимость* и ничѣмъ не рискую кромѣ жизни... Такъ какъ я получилъ ее отъ васъ, то вы выдадите мнѣ росписку. Подумайте! Больше мнѣ ничего не остается, коль скоро вы хотите лишить меня назначеннаго содержанія.... Изъ небольшихъ ручейковъ можетъ образоваться въ сложности такой потокъ... Нѣтъ, лучше раздѣлайтесь со мной теперь же: право, это для васъ всего выгоднѣе.

— Я вижу, что ты неисправимъ.

— Вы правы. Я ставлю все на карту: всѣ козыри у васъ на рукахъ... Выиграю я или проиграю, въ результатѣ получится для меня радикальное исправленіе, чего не въ состояніи сдѣлать никакія отеческія наказанія, хотя вы имѣете въ виду мое благо, точь въ точь какъ воспитатели въ католическихъ школахъ, которые сѣкутъ дѣтей для ихъ же пользы.

— И ты, какъ блудный сынъ, покинешь своего отца?

— Разница та, что блудный сынъ уноситъ съ собою слѣдующую ему по закону часть, а я прошу у васъ только чего нибудь въ зачетъ.

— И сестру, которая тебя такъ любитъ?

— У сестры есть ребенокъ, отецъ, мужъ; она ихъ всѣхъ любитъ: я облегчу ей бремя привязанностей...

— Негодяй! Бездѣльникъ! проговорилъ онъ съ негодованіемъ.

— Да, я къ несчастію никуда негоденъ: весь износился. Батюшка! Мое предложеніе выгодно для васъ: дайте денегъ и отпустите меня на всѣ четыре стороны.

Лунинъ остановился, чтобы отдохнуть и принялъ патетическую позу; въ ней было столько комизма, что я не могъ удержаться отъ смѣха.

— Смѣйтесь, безчувственный, смѣйтесь, заговорилъ онъ снова. Я ожидаю всевозможныхъ бѣдствій: потопа, Египетскихъ казней, избіенія младенцевъ, Французской революціи... Отецъ изъявилъ свое согласіе!!

— Онъ согласился?

— На той самой ступенькѣ, куда онъ долженъ былъ сѣсть отъ сильнаго волненія. Онъ сидѣлъ, опустя голову на руки, и разсуждалъ самъ съ собою. Очень можетъ быть, что онъ, какъ тотъ отецъ, въ *Продѣлкахъ Скапена*, повторялъ про себя: *за какимъ чертомъ пошелъ онъ на эту проклятую галеру*?

— Стало быть, онъ заплатитъ за васъ долги?

— Не торопитесь: тутъ все дѣло въ второстепенныхъ подробностяхъ; онѣ смѣшны, а развязка очень пошлая.

— Ну говорите, я горю отъ нетерпѣнія.

— Непріятное ощущеніе... И такъ отецъ мой сидѣлъ, думалъ, соображалъ, высчитывалъ, продѣлывалъ уравненія со многими неизвѣстными, и мы долго молчали. Наконецъ онъ первый заговорилъ:

— У тебя десять тысячъ долгу?

— Можетъ быть, даже немного больше.

— Ты хочешь путешествовать?

— Изъ экономіи, батюшка: я соблюдаю ваши выгоды.

— На это потребуется тысячъ пять?

— По крайней мѣрѣ.

— И больше тебѣ ничего не нужно?

— Мнѣ нужно ваше благословеніе, батюшка.

— Благословляю тебя.

— Вы начинаете съ конца, батюшка.

— Я созову твоихъ кредиторовъ и поговорю съ ними....

— Они останутся глухи, какъ всегда.

— Я ихъ образумлю, они выслушаютъ.

— Но не уступятъ ни копѣйки.

— Я поручусь, и они согласятся подождать.

— И причтутъ законные проценты... Старая исторія... А деньги на путешествіе? Если вы хотите, чтобъ я васъ оставилъ въ покоѣ, дайте мнѣ возможность уѣхать.

— Сколько ты сказалъ, тебѣ нужно?

— Пять тысячъ безотлагательно, и ни копѣйки меньше.

— Въ такомъ случаѣ, ты можешь продать мои двѣ кареты: онѣ мнѣ не нужны, доктора совѣтуютъ мнѣ моціонъ.

— А ноги вы у нихъ же возмете? Я думаю, что для васъ будетъ лучше, если вы сами займетесь этой продажей. Я не умѣю ни продавать, ни покупать.

— Ты только умѣешь приводить меня въ отчаяніе.

— Зачѣмъ же отчаяваться? Вы должны, напротивъ, надѣяться.

— Тогда (продолжалъ Лунинъ уже другимъ тономъ), такъ какъ онъ все еще сидѣлъ на ступенькѣ и жалобно смотрѣлъ на меня, съ мольбою простирая руки, я помогъ ему встать. Онъ объявилъ, что принимаетъ мои условія. Я его проводилъ и вернулся къ себѣ. Вотъ моя просьба объ отставкѣ, только что испеченная: еще чернила не успѣли высохнуть! Въ ней моя будущность, моя свобода. Поиспански свобода libertade.

По словамъ Уваровой, я ожидалъ совсѣмъ другаго, а тутъ вдругъ этотъ юмористическій разсказъ съ перемѣной голоса, жесты, интонаціи, игра физіономіи! Я былъ и удивленъ, и обрадованъ. Наконецъ-то мой бѣдный Лунинъ могъ раздѣлаться съ ростовщиками и вздохнуть свободно.

— Я понимаю, что теперь, послѣ капитуляціи, вы уже не можете оставаться въ военной службѣ, сказалъ я ему, и тащиться по избитой колеѣ; но съ вашими блестящими способностями, вы можете быть полезнымъ въ гражданской службѣ и сразу стать превосходительствомъ.

— Мой милый, вскричалъ онъ, для меня открыта только одна карьера—карьера свободы, которая поиспански зовется libertade, а въ ней не имѣютъ смысла титулы, какъ бы громки они ни были. Вы говорите, что у меня большія способности и хотите, чтобъ я ихъ схоронилъ въ какой нибудь канцеляріи изъ-за тщеславнаго желанія получать чины и звѣзды, которыя Французы совершенно вѣрно называютъ crachats... Какъ! Я буду получать большое жалованье и ничего не дѣлать, или дѣлать вздоръ, или еще хуже — дѣлать все на свѣтѣ, и при этомъ надо мной будетъ начальникъ, котораго я буду ублажать, съ тѣмъ чтобъ его спихнуть и самому сѣсть на его мѣсто? И вы думаете, что я способенъ на такое жалкое существованіе! Да я задохнусь, и это будетъ справедливымъ возмездіемъ за поруганіе духа. Избытокъ силъ задушитъ меня. Нѣтъ, нѣтъ мнѣ нужна свобода мысли,—свобода воли, свобода дѣйствій. Вотъ это настоящая жизнь! Прочь обязательная служба! Я не хочу быть въ зависимости отъ своего офиціальнаго положенія; я буду приносить пользу людямъ, тѣмъ способомъ, какой мнѣ внушаютъ разумъ и сердце. Гражданинъ вселенной—лучше этого титула нѣтъ на свѣтѣ. Свобода! Libertade! Я уѣзжаю отсюда. Поѣдемъ вмѣстѣ! Ваше призваніе быть волонтеромъ: я васъ вербую въ наши ряды.

Тутъ я поспѣшилъ прервать его, чтобъ немного охладить порывъ увлеченія:—Вы думаете, что я достоинъ быть вашимъ Санхомъ Пансою, благородный Ламаншскій герой? Я уже теперь вижу, какъ будетъ сіять на вашей головѣ бритвенный тазъ! Да, я послѣдую за вами, и всякій разъ послѣ неудачной борьбы съ вѣтряными мельницами, которыя зовутся дѣйствительностью, буду напоминать вамъ пословицы, изреченія народной мудрости. Я тоже не хочу больше носить оружія, но вмѣсто него я вооружусь перомъ и тамъ, на цвѣтущихъ берегахъ Сены, буду осмѣивать людскія слабости.

— Прелестная Дезульеръ, вы все еще мечтаете о стихахъ! Это не къ добру.

— Какъ, при вашемъ вольнодумствѣ вы суевѣрны?

— Какъ фаталистъ, я долженъ быть суевѣренъ. Развѣ я вамъ не говорилъ, что въ Парижѣ я былъ у Ленорманъ?

— Ну и что̀же вамъ сказала гадальщица?

— Она сказала, что меня повѣсятъ. Надо постараться, чтобъ предсказаніе исполнилось.

Мы разошлись: онъ съ лицомъ, сіяющимъ отъ восторга, отправился къ сестрѣ подѣлиться своими мечтами и счастіемъ; а я пошелъ домой, подумывая о скоромъ отъѣздѣ. Мною овладѣла тоска по родинѣ: перемѣна воздуха становилась для меня необходима.

Разъ рѣшившись выйти въ отставку, мы съ Лунинымъ больше не раздумывали; мысль объ освобожденіи всецѣло овладѣла нами, и мы, каждый про себя и вмѣстѣ, разработывали ее во всѣхъ подробностяхъ и послѣдствіяхъ. При всемъ томъ цѣли у насъ были различныя.

Желаніе снова увидать родину одерживало во мнѣ верхъ надъ остальными неясными стремленіями и надеждами. Къ тому же жизнь искателя приключеній, странствующаго по бѣлу свѣту, не особенно прельщала меня; да и къ бунтамъ я не чувствовалъ природнаго влеченія. Я старался представить себѣ будущее, разсчитать шансы успѣха; мнѣ казалось лучше, если бы экспедиція наша имѣла другую цѣль, или по крайней мѣрѣ, еслибъ она направилась въ другую часть земнаго шара, а не туда, куда предполагалъ Лунинъ. Я сталъ отговаривать его.

— Неужели, говорилъ я ему, наша дѣятельность можетъ проявиться съ успѣхомъ только подъ экваторомъ? Разсмотримъ этотъ вопросъ. Старый свѣтъ износился и обветшалъ; новый еще не тронутъ. Америкѣ нужны сильныя руки; Европѣ, старой, беззубой, съ ея центромъ, вѣчно обновляющимся Парижемъ, нужны развитые умы. Куда же мы пойдемъ? Физической силой похвалиться мы не можемъ. Конечно до Орфея мнѣ далеко; но все таки я думаю, что слово окажется болѣе сильнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ, чѣмъ кинжалъ. Ловкій софизмъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ въ средѣ стараго общества, чѣмъ проповѣдь съ оружіемъ въ рукахъ среди дикихъ народовъ. Прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, слѣдуетъ подумать; не мѣшаетъ также посовѣтываться и съ желудкомъ и принять въ разсчетъ пищеварительныя способности: я нисколько не желаю пробовать человѣческаго мяса, и голодать тоже не хочу, тѣмъ болѣе, что я почти увѣренъ, что, пользуясь всѣми припасами, доставляемыми цивилизацiей, я съумѣю при помощи познаній состряпать себѣ очень порядочный обѣдъ.

— Вы Византіецъ-Французъ и больше ничего, отвѣчалъ Лунинъ.

Лунина всѣ побаивались за его смѣлые поступки и слова. Онъ не щадилъ порока, и иногда его меткія остроты бывали направлены противъ высокопоставленныхъ лицъ. Онѣ никогда не заходили такъ далеко, чтобъ навлечь на него наказаніе; онѣ возбужали смѣхъ, но иногда могли оскорбить. Его рѣшеніе выйти въ отставку было принято съ затаеннымъ удовольствіемъ: препятствій не оказалось никакихъ; напротивъ, спѣшили все уладить поскорѣе.

Доложили Государю, что кавалергардскій полковникъ Лунинъ желаетъ выйти въ отставку.

— Это самое лучшее, что̀ онъ можетъ сдѣлать, отозвался Императоръ.

— Онъ проситъ позволенія ѣхать за границу.

— Позволяю: съ Богомъ!

Эти рѣзкіе отвѣты Государя, отличавшагося кротостью и ласковымъ, вѣжливымъ обращеніемъ, объясняются небольшимъ происшествіемъ, случившимся въ 1812 году, до нашествія Французовъ. Лунину вздумалось нанять въ Кронштадтѣ лодку и ѣхать одному въ море, чтобы снимать планы укрѣпленій. Его замѣтили въ зрительную трубу, нагнали и арестовали. Государь потребовалъ у него объясненія этого дерзкаго поступка.—Ваше Величество, отвѣчалъ онъ, я серьезно интересуюсь военнымъ искусствомъ, а такъ какъ въ настоящее время я изучаю Вобана, то мнѣ хотѣлось сравнить его систему съ системой вашихъ инженеровъ.

— Но вы могли бы достать себѣ позволеніе; вамъ бы не отказали въ просьбѣ.

— Виноватъ, Государь: мнѣ не хотѣлось получить отказъ.

— Вы отправляетесь одинъ въ лодкѣ, въ бурную погоду: вы подвергались опасности.

— Ваше Величество, предокъ вашъ Петръ Великій умѣлъ бороться со стихіями. А вдругъ бы я открылъ въ Финскомъ заливѣ неизвѣстную землю? Я бы водрузилъ знамя Вашего Величества.

— Говорятъ, вы не совсѣмъ въ своемъ умѣ, Лунинъ.

— Ваше Величество, про Колумба говорили тоже самое.

— Я прощаю сумашедшихъ; но прошу, чтобъ въ другой разъ этого не было.

Уварова, горячо любившая брата, была огорчена его намѣреніемъ покинуть Россію, хотя и она и мужъ ея одобряли его, такъ какъ, по упрямству отца, не оставалось другаго исхода. Они тоже находили, что благоразумнѣе жить во Франціи, чѣмъ поступать въ ряды возмутившихся Американцевъ: послѣднее они тоже считали довольно рискованнымъ предпріятіемъ, и намъ, наконецъ, удалось соединенными усиліями уломать Лунина. Теперь оставалось ждать удобной минуты для отъѣзда, а покуда время проходило для меня такъ пріятно, что и теперь, при воспоминаніи о немъ, я снова чувствую себя молодымъ. Прежніе друзья были забыты для Лунина: я совершенно подчинился ему и былъ счастливъ. Съ утра я приходилъ къ нему, и мы рѣшали, какъ проводить день. Чаще всего мы отправлялись за городъ, или же садились въ лодку и катались по заливу. Съ собою мы брали книги, провизію, чай и самоваръ. Лакей поилъ насъ чаемъ, онъ же былъ и гребцомъ. Иногда мы высаживались на Крестовскій островъ и тамъ отдыхали подъ соснами; иногда ѣздили въ Екатерингофъ, и тамъ, подъ березами, Лунинъ разсказывалъ по поводу загороднаго домика Петра I интересныя подробности о Преобразователѣ Россіи.

Въ одну изъ этихъ прогулокъ Лунинъ прочелъ вслухъ Le lépreux de la cité d'Aoste, который только что появился тогда въ Петербургѣ. Онъ читалъ очень хорошо. Блѣдная, сѣверная природа вполнѣ гармонировала съ печальнымъ тономъ разсказа; лодка тихо покачивалась; сѣрое небо отражалось въ волнахъ залива: нами овладѣвало тихое, грустное раздумье.

Лунинъ обладалъ большою чувствительностію. Воспитаніе развило въ немъ умъ, который и преобладалъ въ обыкновенное время надъ воображеніемъ; условія общественной жизни, какъ она сложилась въ Петербургѣ, пріучили его ко многому относиться съ насмѣшкою и не-

довѣріемъ, и бывали минуты, когда природное чувство, вступая въ свои права, всецѣло овладѣвало имъ; тогда въ немъ и слѣда не оставалось обычной сухости и насмѣшливости.

Михаилъ Лунинъ не имѣлъ претензій Вигеля, но онъ хорошо былъ знакомъ съ исторіей своей родины и особенно любилъ останавливаться на выдающихся событіяхъ новѣйшей исторіи. Съ Карамзинымъ онъ не былъ друженъ, но цѣнилъ его достоинства, какъ историка и добросовѣстнаго изслѣдователя. Иногда, по праздникамъ, мы вмѣшивались въ толпу, и Лунинъ сообщалъ мнѣ свои историческія, часто полныя глубокаго смысла замѣчанія на счетъ народа, его нравовъ, качествъ и недостатковъ. Мы были и на гуляньѣ 1-го Мая, и тутъ онъ не пощадилъ своими сарказмами высшихъ классовъ. Онъ не пропускалъ ни одного лица: о каждомъ была у него въ запасѣ исторія, и большею частію скандальная; но онъ такъ мастерски разсказывалъ, такъ мѣтко умѣлъ охарактеризировать однимъ словомъ своихъ героевъ, что по неволѣ приходилось прощать ему его цинизмъ. Еслибъ не скупость отца, онъ бы могъ быть однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ высшемъ обществѣ; а теперь ему приходилось стоять въ толпѣ глупыхъ зѣвакъ и довольствоваться обществомъ иностранца, у котораго было только то достоинство, что онъ умѣлъ его понимать и цѣнить. Чтобъ не быть предметомъ состраданія или презрѣнія для своихъ соотечественниковъ, онъ рѣшился вести скромную жизнь на чужой сторонѣ, и теперь заранѣе пріучалъ себя къ лишеніямъ. Но онъ былъ веселъ и не жаловался на судьбу. Онъ бодро шелъ, съ гордо поднятой головой, думая, какъ Фигаро, что для того, кто долженъ ходить пѣшкомъ, стыдъ—лишнее бремя.

И такъ, наше общественное положеніе уравнялось, и мы могли жить вмѣстѣ, тѣсно соединенные общею умственною жизнію.

Лѣто уже было на исходѣ; наступала пора подумать объ отъѣздѣ. Мы отправились въ Кронштадтъ освѣдомиться о судахъ, отходившихъ во Францію или въ Англію.

Трехъ-мачтовый корабль *Вѣрность* изъ Дьеппа, нагруженный саломъ, готовился къ отплытію въ Гавръ; мы условились въ цѣнѣ и два дня спустя покинули Петербургъ. Уваровъ съ женой провожали насъ до парохода, который и перевезъ насъ черезъ Финскій заливъ. До тѣхъ поръ не было пароходовъ въ Россіи: первые появились на Финскомъ заливѣ. Лунинъ-отецъ, въ приливѣ родительской нѣжности, захотѣлъ насъ проводить до корабля. $^{10}/_{22}$ Сентября 1816 г., въ два часа пополудни, мы вышли изъ гавани въ хорошую погоду и съ попутнымъ вѣтромъ.

Два года тому назадъ я въѣзжалъ въ туже самую гавань, полный надеждъ, которымъ не суждено было исполниться. Но я провелъ счастливо эти два года. Я уносилъ съ собою много дорогихъ воспоминаній и уѣзжалъ съ чувствомъ благодарности за оказанное мнѣ гостепріимство. Когда корабль вышелъ изъ гавани, мы, стоя съ Лунинымъ на палубѣ, послали послѣдній привѣтъ отцу его, который съ вала посылалъ намъ свое благословеніе, осѣняя крестомъ всѣ четыре стороны. Сынъ былъ видимо взволнованъ, но и тутъ не могъ удержаться отъ шутки.

— Вотъ добрый отецъ-то! сказалъ онъ. Ѣду я вслѣдствіе финансовыхъ соображеній, а онъ хочетъ показать дѣло въ иномъ видѣ. Ну, чтожъ, я ему благодаренъ: для меня онъ нарушилъ свои привычки. Я даже теперь, разлучаясь съ нимъ, чувствую что-то въ родѣ сожа-

ленія. Я полагаю, что эти грустныя предчувствія у меня отъ того, что онъ уже слишкомъ расщедрился на прощаньѣ. Помилуйте! Двадцать пять бутылокъ портеру, двадцать пять бутылокъ рому, пудъ свѣчъ и даже лимоны!... Правда, онъ долго не хотѣлъ покупать лимоновъ; но понялъ, что ромъ и портеръ дешевле въ Кронштадтѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Ему это удовольствіе! Да, скупой отецъ даже готовъ на подарки, если только есть случай при этомъ выгадать копѣйку.... Ну, а что касается до свѣчей, тутъ ужъ я не понимаю... Развѣ только онъ, какъ настоящій Русскій баринъ, хочетъ доказать Французамъ превосходство нашего освѣтительнаго матеріала? Вѣдь это чистый воскъ! Жаль: я теперь начинаю понимать, что съ нимъ можно бы столковаться. Да, я не такъ повелъ дѣло!

Въ минуту отъѣзда всегда является чувство безотчетнаго страха, какой-то торжественности, которое невольно овладѣваетъ вами. Чувство это еще сильнѣе, когда вы ѣдете по морю: земля уходитъ изъ глазъ, безграничное море все полнѣе васъ охватываетъ; вы испытываете волненіе, какое-то глупое предчувствіе. И Лунинъ и я, мы оба ощущали тоже впечатлѣніе; мы слѣдили глазами за убѣгавшимъ песчанымъ Русскимъ берегомъ, остаткомъ твердой земли; говорить мы были не въ состояніи. Такъ продолжалось вплоть до ночи. Когда стемнѣло, матросы запѣли Veni Creator, и всѣ стали на колѣни. Я вспомнилъ, какъ въ Петербургѣ говорили, что Французы не исполняютъ религіозныхъ обрядовъ, и былъ радъ за своихъ соотечественниковъ. Тишина вечера, торжественное зрѣлище колѣнопреклоненныхъ матросовъ, тронули даже Лунина.

Корабль нашъ не разсчитывалъ на пассажировъ; поэтому намъ пришлось удовольствоваться низенькой, узкой комнаткой, не представлявшей никакихъ удобствъ. Но мы безропотно покорились своей участи. Такъ какъ голодъ давалъ себя чувствовать, то мы прежде всего принялись за осмотръ провизіи, взятой на дорогу. Благодаря заботливости Уваровой, намъ долго не предвидѣлось необходимости прибѣгать къ матросскому кушанью: у насъ въ избыткѣ были холодныя жаркія, лакомства и т. д. Мы весело поужинали и, благодаря родительской щедрости, выпили за здоровье всѣхъ, покинутыхъ нами.

Въ эту ночь я спалъ, какъ убитый; меня убаюкивала надежда увидать свою родину. Утромъ я проснулся здоровый, съ свѣжей головой. Сквозь трещины каюты проникалъ воздухъ; солнечные лучи золотыми нитями ложились на полу; сверху доносились звуки утренней молитвы. Товарищъ мой проснулся съ веселымъ восклицаніемъ, и мы, умывшись съ помощію приставленнаго къ намъ для услугъ матроса и убравши каюту, поспѣшили на палубу, чтобъ освѣжиться. Передъ нами былъ живописный островъ Голандъ съ утесами, на которыхъ росли сосны; между деревьями мелькали хижины. Лунинъ срисовалъ видъ, а я съ своей стороны старался запомнить его, чтобъ потомъ при случаѣ описать его. Къ полудню подулъ сильный, противный вѣтеръ, и намъ пришлось лавировать. На палубѣ оставаться было нельзя, и мы пролежали цѣлый день въ каютѣ. Лунинъ былъ мраченъ. Вечеромъ мы услыхали пѣніе молитвъ, подъ гулъ волнъ, ударявшихся о бортъ; ночь прошла довольно спокойно.

Между старыми моими рукописями я нашелъ тетрадку, въ которой отмѣчалъ я тогда впечатлѣнія путешествія. Я буду выписывать изъ нея все, что мнѣ кажется интереснымъ, и особенно то,

что̀ касается Лунина, такъ какъ онъ игралъ видную роль въ современной исторіи своей родины. Мелочныя подробности ежедневной жизни необходимы, чтобъ дать всестороннее понятіе о человѣкѣ; поэтому я и не буду пропускать ихъ.

«Вторникъ 12 (24 Сентября) 1816 года. Ночью мы опять пошли назадъ къ Голанду, чтобъ попасть на настоящую дорогу, съ которой свернули. Мы близъ Ревеля. Вечеръ очень хорошъ. Мы пригласили капитана выпить съ нами пуншу. Онъ разговорился про свои путешествія. Между прочимъ онъ разсказалъ, какъ на возвратномъ пути изъ Португаліи, когда ихъ застигла буря, угрожавшая опасностью экипажу, цѣлая стая голубей опустилась на корабль. Матросы ловили руками дрожащихъ отъ испуга птицъ и сажали въ клѣтку, съ тѣмъ чтобы потомъ употребить на обѣдъ. Но когда буря миновала, небо прояснилось, одинъ изъ матросовъ выпустилъ ихъ на волю, въ то время, какъ товарищи его отдыхали. «Къ чему нарушать законы гостепріимства? подумалъ онъ;—они просили у насъ пріюта, мы спасли ихъ, какъ Господь спасъ насъ». Нѣсколько минутъ спустя, матросъ упалъ въ воду, и весь экипажъ единодушно далъ обѣтъ отслужить обѣдню за его спасеніе. Его благополучно вытащили, и когда корабль пришелъ въ Марсель, капитанъ и всѣ матросы отправились босикомъ въ церковь Богоматери, принести благодареніе за помощь. Во время вечерней молитвы, мы поднялись на палубу. Огромная волна прошла надъ нашими головами, не замочивъ насъ».

«Мы быстро плывемъ».

«Середа 13 (25). Отличная теплая погода и легкій попутный вѣтеръ. Мы съ утра на палубѣ; тамъ и завтракали. Въ одинадцать часовъ вышли изъ Финскаго залива. Мы долго и серьёзно разговаривали. Лунинъ разбиралъ всѣ страсти, могущія волновать сердце человѣка. По его мнѣнію, только одно честолюбіе можетъ возвысить человѣка надъ животною жизнію. Давая волю своему воображенію, своимъ желаніямъ, стремясь стать выше другихъ, онъ выходитъ изъ своего ничтожества. Тотъ, кто можетъ повелѣвать, и тотъ, кто долженъ слушаться—существа разной породы. Семейное счастіе—это прекращеніе дѣятельности, отсутствіе, такъ сказать, отрицаніе умственной жизни. Весь міръ принадлежитъ человѣку дѣла; для него домъ только временная станція, гдѣ можно отдохнуть тѣломъ и душей—чтобъ снова пуститься далѣе».

«Я жалѣю, что не записалъ тѣ смѣлыя доказательства и оригинальныя соображенія, которыми Лунинъ хотѣлъ во что бы то ни стало подкрѣпить свою мысль, лишенную твердой точки опоры. Это была блестящая импровизація, полная странныхъ, подчасъ возвышенныхъ идей; сильно возбужденное воображеніе сказывалось въ его свободно-лившейся, полной яркихъ образовъ рѣчи».

«Я не могъ съ нимъ согласиться, но также не могъ, да и не желалъ, его опровергать; я слушалъ молча и думалъ: «какая судьба ожидаетъ этого человѣка съ неукротимыми порывами и пламеннымъ воображеніемъ!» Какимъ маленькимъ, ничтожнымъ казался я въ сравненіи съ нимъ; я могъ бы служить живымъ доказательствомъ справедливости его словъ».

«Въ эту минуту, птичка, уже нѣсколько дней слѣдовавшая за кораблемъ, опустилась на рангоутъ; ее хотѣли поймать; но Лунинъ, помня разсказъ о голубяхъ, потребовалъ, чтобъ ее оставили на свободѣ. По этому поводу мы заговорили о различіи между свободою и не-

зависимостью, насколько они возможны при данномъ общественномъ строѣ. Тутъ я могъ представить ему опроверженія на его теорію. Независимость—это единственная гарантія счастія человѣка; честолюбіе же исключаетъ независимость: оно ставитъ насъ въ зависимость отъ всего на свѣтѣ. Независимость даетъ возможность быть самимъ собою, не насилуя своей природы. Въ собраніи единицъ, составляющихъ общество, только независимые люди дѣйствительно свободны. Бѣдный Лунинъ долженъ былъ признать справедливость моихъ доводовъ, какъ бы въ подтвержденіе двойственности, присущей каждому человѣку и въ особенности честолюбцу».

Когда я переписывалъ это мѣсто съ пожелтѣвшихъ листковъ стараго дневника, мною овладѣло сильное смущеніе, какъ будто я заглянулъ въ какую нибудь древнюю книгу съ предсказаніями. Дѣйствительно, въ рѣчахъ Лунина уже сказывался будущій заговорщикъ, который въ Парижѣ, при первой же возможности, перешелъ отъ словъ къ дѣлу и смѣло пошелъ на погибель. Мои же мнѣнія обличали отсутствіе сильной воли, что̀ и было источникомъ моей любви къ независимости. По этой же причинѣ я уберегся отъ многихъ опасностей и могъ дожить до старости.

«Въ четыре часа, мы пошли обѣдать въ каюту. Вѣтеръ дулъ попутный, и ничто не мѣшало намъ удовлетворить аппетиту. Вечеромъ мы читали вслухъ «*Валерію*» Крюднеръ. Это одинъ изъ тѣхъ романовъ, которые можно читать нѣсколько разъ, и они всегда будутъ производить на васъ сильное впечатлѣніе. Туманностью поэтическихъ образовъ и своею тихою мечтательностью онъ затрогиваетъ сочувственныя струны въ нашемъ сердцѣ. Какой контрастъ между небомъ Скандинавіи, гдѣ мы находились, и могучей природой Италіи, которую описывалъ авторъ—Русская женщина! Мы прочли его, за одинъ присѣстъ, останавливаясь только по временамъ, подъ вліяніемъ сильнаго волненія: этого чтенія на морѣ я никогда не забуду, тѣмъ болѣе, что многія мѣста согласовались съ нашимъ тогдашнимъ настроеніемъ».

«Четвергъ 21 Сентября (3 Октября). Наконецъ я снова могу приняться за перо. Въ продолженіи шести дней, мы не имѣли ни минуты покоя. Паруса убрали; волны такъ хлестали на палубу, что оставаться на ней становилось опасно; впрочемъ большихъ поврежденій на кораблѣ не было. Мы едва не задохнулись у себя въ каютѣ, потому что всѣ щели были замазаны саломъ изъ предосторожности; но, хотя опасность была велика, мы съ Лунинымъ не падали духомъ; напротивъ, мы прикидывались веселыми, чтобы скрыть другъ отъ друга свои настоящія ощущенія. Корабль бросало изъ стороны въ сторону, море шумѣло, потомъ вдругъ наступала полнѣйшая тишина и неподвижность, и мы съ испугомъ и недоумѣніемъ спрашивали себя: что̀ же съ нами будетъ, ужъ не идемъ ли мы ко дну?... Сердце замирало отъ ужаса..... Но раздавалась команда капитана, и мы снова оживали. По вечерамъ, сквозь ревъ бури, къ намъ доносилось урывками пѣніе матросовъ; оно дѣйствовало на насъ успокоительно *).

*) М. С. Лунинъ впослѣдствіи сдѣлался католикомъ: Іезуиты усердно ловятъ такихъ людей, и добыча была легкая. Когда онъ узналъ въ Сибири о кончинѣ своего благопріятеля, великаго князя Константина Павловича, то поручилъ сестрѣ своей Екатеринѣ Сергѣевнѣ Уваровой заказать въ Москвѣ, въ католической церкви на Малой Лубянкѣ, заупокойную мессу, что̀ и было исполнено. П. Б.

Такъ прошло шесть дней; наконецъ, вѣтеръ стихъ, и наше заключеніе кончилось. Буря застала насъ въ трехъ миляхъ отъ острова Борнгольма. Случись она двумя часами позже, и мы могли бы уйти въ гавань».

«Вторникъ 26 Сентября (8 Октября). Уже четыре дня, какъ я ничего не пишу въ своемъ дневникѣ; да и не о чемъ писать: событій никакихъ. Я бы, пожалуй, могъ записывать всѣ парадоксы моего милаго товарища, но это довольно трудно: желаніе быть во что бы ни стало оригинальнымъ заставляетъ его часто противорѣчить самому себѣ. Лучше пропускать ихъ безъ вниманія. Въ Субботу мы бросили якорь въ Зундѣ противъ Эльзинора. Не смотря на дурную погоду, Лунинъ непремѣнно хотѣлъ съѣхать на берегъ. Онъ говорилъ, что мы навѣрное встрѣтимъ Гамлета на валу крѣпости, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ злопамятная тѣнь отца явилась сообщить ему тайну своей смерти. Крѣпость имѣетъ средневѣковой характеръ, но городъ представляетъ жалкій видъ, и нужно сильное воображеніе, чтобъ представить себѣ, что здѣсь когда-то жилъ король съ своимъ дворомъ. Можетъ быть, гостинница, въ которой намъ подали плохой обѣдъ, была та самая, гдѣ останавливались актеры, такъ обласканные Гамлетомъ. Но едва ли грустная Офелія могла найти тутъ какіе нибудь цвѣты для украшенія своей бѣлокурой головки. Лунинъ, который, какъ всѣ Русскіе, говоритъ на всѣхъ языкахъ, и между прочимъ и поанглійски, доказывалъ мнѣ, что Дюсисъ навѣрное переводилъ Гамлета въ Эльзинорѣ и потому не считалъ нужнымъ справляться съ оригиналомъ. При этомъ онъ, вспоминая Фигаро, сказалъ: «Люди, ничего не дѣлающіе, ни на что не годятся и ничего не добиваются». Къ несчастію, онъ самъ непремѣнно чего нибудь да добьется!»

«Сегодня мы проходимъ Зундъ. Въ Каттегатѣ намъ нуженъ особенный вѣтеръ, въ Нѣмецкомъ морѣ опять другой, чтобъ попасть въ Ламаншъ еще третій. Погода хороша. Когда же увижу я Францію?»

Тутъ кончаются выписки изъ дневника моего.

*

Наше скучное, опасное плаваніе продолжалось уже двѣ недѣли, но это было только начало нашихъ несчастій. Едва только прошли мы Зундъ, какъ поднялась буря. Матросы выбились изъ силъ, въ кораблѣ оказались поврежденія, и мы принуждены были искать убѣжища въ одной изъ природныхъ бухтъ, образуемыхъ утесистыми берегами Норвегіи. Здѣсь мы были въ безопасности отъ бурь, но могли умереть со скуки, еслибъ не Лунинъ съ его неистощимымъ запасомъ остроумія и веселости. Не находя въ окружавшихъ его предметахъ пищи для сарказма, онъ обращался къ своимъ воспоминаніямъ и тамъ отыскивалъ что нибудь достойное осмѣянія. Когда же наступалъ серьезный стихъ, тогда начиналась отважная работа мысли, стремившейся къ развитію и усовершенствованію пониманія. Его образованіе, благодаря разнообразію элементовъ, вошедшихъ въ его составъ, было довольно поверхностно; но онъ дополнялъ его собственнымъ размышленіемъ. Его философскій умъ обладалъ способностью на лету схватывать полувысказанную мысль, съ перваго взгляда проникать сущность вещей, понимать настоящій смыслъ и связь явленій какъ въ природѣ, такъ и въ жизни общества и, восходя самъ собою до коренныхъ началъ всего существующаго, приводить все въ стройный порядокъ. Онъ былъ самостоятельный мыслитель, доходившій

большею частію до поразительныхъ по своей смѣлости выводовъ. Впрочемъ меня они не смущали; напротивъ, они давали опору моимъ собственнымъ воззрѣніямъ, которыя не всегда были согласны съ его мнѣніемъ. Мѣстечко, гдѣ намъ пришлось жить, называлось на картѣ городомъ, но въ дѣйствительности въ немъ было не болѣе десятка невзрачныхъ домиковъ, построенныхъ на берегу, въ уровень съ моремъ. Мы помѣстились въ лучшемъ изъ нихъ. Хозяева наши понимали немного поанглійски. Люди тутъ родились, жили и умирали, нисколько не подозрѣвая о существованіи другихъ обширныхъ странъ. На клочкахъ воздѣланной земли росли только овощи, но за то на утесахъ водилось много дичи, а въ заливѣ устрицы и гомары въ огромномъ количествѣ. Охота и ловля занимали цѣлые дни; кромѣ того мы часто катались на лодкѣ; разъ даже доѣхали до Христіанстата, стариннаго города, гдѣ въ цѣлости сбереглась жизнь прошлаго столѣтія. Послѣ Парижа и Петербурга контрастъ былъ поразительный! Наконецъ корабль починили, мы снова пустились въ путь и, послѣ многихъ препятствій, наконецъ, увидали Гавръ при свѣтѣ заходящаго солнца. Я не съумѣю передать вамъ того чувства, которое охватило меня въ ту минуту, когда корабль остановился въ гавани. Сердце замирало: я ничего и никого не видалъ. Лунинъ говорилъ что-то, я не слыхалъ что̀ мнѣ говорили. Это безсознательное состояніе продолжалось, покуда я ни ступилъ на родную землю, такъ легкомысленно мною покинутую два года тому назадъ. Товарищъ мой былъ просто доволенъ тѣмъ, что цѣль странствія нашего достигнута, но у меня всѣ личныя чувства слились въ одно чувство любви къ Отечеству, которое я въ первый разъ въ жизни постигъ во всей его полнотѣ. Послѣ того какъ я въ Россіи видѣлъ только два класса людей—помѣщиковъ-землевладѣльцевъ и рабовъ-крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, какъ отрадно было чувствовать себя гражданиномъ страны, гдѣ всѣ пользуются равными правами, и способностямъ каждаго открыто свободное поприще! Но я недолго предавался своимъ чувствамъ: дѣйствительность предъявляла свои права; я опомнился и направился къ гостинницѣ, съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ.

Въ ту минуту, какъ мы входили на лѣстницу, позвонили къ обѣду. Послѣ столькихъ дней, проведенныхъ нами безъ движенія въ темной досчатой каютѣ, убранство столовой показалось намъ верхомъ великолѣпія. Матерія заявляла громко свои права, и такимъ образомъ мы снова начинали жизнь актомъ питанія. Мы такъ долго кормились солеными тресковыми языками! Выходя изъ-за стола, мы узнали, что черезъ два часа отправляется дилижансъ въ Парижъ. Мы поспѣшили занять два мѣста и на слѣдующій вечеръ были уже въ Парижѣ.

(*До будущей книжки*).

Поминки.

Когда, въ часъ сумерекъ, перечислять мы станемъ
Друзей, ужъ выбывшихъ изъ нашего кружка,
И имя мы одно, межъ прочими, помянемъ;
У всѣхъ, какъ на заказъ, сорвется съ языка:

*
* *

«Такихъ людей, какъ онъ, уже не встрѣтишь болѣ».
Онъ дня блестящаго прекрасный былъ закатъ,
Онъ былъ послѣдній цвѣтъ въ благоухавшемъ полѣ,
И съ нимъ погасъ его и блескъ, и ароматъ

*
* *

И нынѣ есть цвѣты: земля не оскудѣла.
Есть люди, коими гордиться можетъ свѣтъ;
Но, какъ-то все не то: жизнь будто устарѣла;
Нѣтъ въ ней той свѣжести, и простодушья нѣтъ.

*
* *

Нашъ вѣкъ—спѣсивый вѣкъ: онъ смотритъ педагогомъ;
Указкой школьниковъ своихъ по пальцамъ бьетъ;
Онъ мало чувствуетъ, витійствуетъ о многомъ,
Онъ сочиняетъ жизнь, а жизнью не живетъ.

*
* *

Нашъ другъ не славился ни громкою войною,
Ни мирнымъ торжествомъ зиждительныхъ трудовъ;
И вѣщая молва, стоустной болтовнею,
Не прокричитъ о немъ въ исторіи вѣковъ.

*
* *

Скромнѣй былъ путь его! Онъ въ жизни шелъ проселкомъ;
Но сей проселокъ былъ и свѣтелъ, и красивъ;
И любовался онъ прогулкой тихомолкомъ,
И попросту былъ мудръ, и попросту счастливъ.

*
* *

Любезный человѣкъ и человѣкъ любимый:
—Вся біографія его въ стихѣ одномъ.

Онъ сталъ незамѣнимъ, онъ былъ необходимый;
Какъ дорожили имъ, такъ сѣтуемъ о немъ.

*
* *

Онъ старостою былъ, душой и запѣваломъ
Бесѣдъ аттическихъ и дружескихъ трапезъ;
Съ Жуковскимъ чокался онъ пѣнистымъ бокаломъ,
И съ Пушкинымъ въ карманъ онъ за́-словомъ не лѣзъ.

*
* *

Разсѣянностью насъ до смѣха онъ забавилъ;
Его промолвокъ всѣхъ былъ перечень великъ;
Намъ нравилось и то, что мило онъ картавилъ,
Что на бекрень, подъ часъ, надѣтъ на немъ парикъ.

*
* *

Природа съ щедростью любимца надѣлила
И многихъ въ немъ даровъ посѣяла залогъ;
Но жизнь безпечная не всѣ ихъ въ ростъ пустила:
Иные онъ за́былъ, другіе пренебрегъ.

*
* *

Онъ не любилъ борьбы, не выносилъ онъ скуки,
Онъ жизни упростилъ затѣйливый вопросъ,
Онъ диллетанте былъ искусства и науки,
И въ жизнь изящную диллетантизмъ онъ внесъ.

*
* *

До невозможности онъ былъ разнообразенъ;
Въ немъ съ зрѣлой осенью еще цвѣла весна;
Но многострунный міръ былъ общимъ строемъ связанъ,
И нота вѣрная во всемъ была слышна.

*
* *

Всего прекраснаго поклонникъ иль сподвижникъ,
Онъ въ книгѣ жизни всѣ перебиралъ листы:
Былъ мистикъ, теозофъ, пожалуй, чернокнижникъ,
И нѣжный трубадуръ подъ властью красоты.

*
* *

Равно, въ масонскую и въ оперную ложу
Былъ вхожъ онъ; и вездѣ былъ до́ма, былъ онъ свой.
Въ немъ старой Франціи могли признать вельможу,
Онъ Польской былъ магнатъ и Русскій коренной.

*
* *

Закуривался онъ съ профессоромъ Нѣмецкимъ,
Съ нимъ заносился въ даль заоблачныхъ границъ;

Для дѣтства, могъ-бы онъ у насъ быть новымъ Бецкимъ,
Иль быть директоромъ танцовщицъ и пѣвицъ.

*
* *

Все было для него средою благодарной;
Въ немъ отыскался-бы и тонкій дипломатъ;
Энциклопедіи ручной и популярной
Онъ сокращенный былъ и щегольской форматъ.

*
* *

Способный въ споръ вступать съ раввиномъ о Талмудѣ,
Съ Россини, какъ знатокъ, Моцарта оцѣнить,
Съ врачемъ про мозгъ спинной, про тифъ и о простудѣ,
Какъ будто врачъ онъ самъ, могъ съ толкомъ говорить.

*
* *

Былъ легкомысленъ онъ и былъ сосредоточенъ;
Съ прибрежья наблюдалъ житейскихъ волнъ игру;
Легко забывчивый, былъ акуратно точенъ
Онъ въ часъ обѣденный и на призывъ къ добру.

*
* *

Тутъ лѣни не было, раздумья и отсрочки:
Былъ онъ и бодръ, и скоръ на добрыя дѣла,
И къ ближнему любовь, безъ пышной оболочки,
Души его святымъ сокровищемъ была.

*
* *

Всемірной ярмонкой и выставкой всесвѣтной
Былъ кабинетъ его, открытый настежъ всѣмъ;
Кто приносилъ туда залогъ мечты завѣтной,
Кто мысль, кто плодъ труда, кто приходилъ ни съ чѣмъ:

*
* *

Актеръ, магнетизеръ, мыслитель величавой,
Скрипачъ и букинистъ, и тенорь, и хирургъ,
И всѣ искатели, которые за славой,
Да и за деньгами тѣснятся въ Петербургъ,

*
* *

Всѣ проявлялись здѣсь на пробѣ и поклонѣ;
Здѣсь былъ ихъ первый шагъ съ задаткомъ на успѣхъ.
Хозяинъ ласковый, въ домашнемъ Вавилонѣ,
Умѣлъ все выслушать и надоумить всѣхъ.

*
* *

Онъ, свѣтскій человѣкъ во всемъ значеньи слова,
Любилъ и тишину и нѣгу сельскихъ дней;

Заслушивался онъ, какъ шепчется дуброва,
Заглядывался онъ на свѣжій блескъ полей.

*
* *

Помѣщикъ, занятъ былъ онъ жатвой и цвѣтами;
Здѣсь рощу онъ сажалъ, тамъ мостъ спѣшилъ навесть;
Любилъ и въ дальній лѣсъ ходить онъ за грибами,
Особенно-жъ любилъ ихъ подъ сметаной съѣсть.

*
* *

Онъ царедворецъ былъ, но въ причетѣ придворныхъ
Умѣлъ быть самъ собой въ чести, и въ попыхахъ
Не расточалъ царямъ словъ приторно-притворныхъ.
Онъ былъ Гораціемъ у Августа въ гостяхъ.

*
* *

На жизненномъ пути, тернистомъ и невѣрномъ,
Онъ мудрость съ радостью любезно сочеталъ;
Онъ розы Пестума опрыскивалъ фалерномъ;
Онъ былъ поэтъ, хотя стиховъ не сочинялъ.

Приписка.

Вамъ, знавшимъ подлинникъ, и слѣдственно любившимъ,
Вамъ, слабый снимокъ мой, мнѣ хочется поднесть.
Люблю я вѣсть давать сердцамъ уже отжившимъ,
Какъ будто и отъ нихъ откликнется мнѣ вѣсть.

*
* *

Вы угадаете-ль портретъ мой безъимянной?
Иль я другой «Ефремъ, Россійскихъ странъ маляръ»,
Который, нѣкогда, своей мазилкой странной,
«Кузьму писать Лукой» имѣлъ особый даръ.

*
* *

Нѣтъ, не на кисть свою, не на свое искусство
Надѣюсь, а на Васъ, на Вашъ сердечный судъ,
На память чуткую, на смѣтливое чувство:
Къ загадочнымъ чертамъ они и ключъ найдутъ.

*
* *

На милый прахъ кладу и кипарисъ и розы,
Дань теплыхъ чувствъ моихъ, но оскудѣвшихъ силъ,
И въ своенравный стихъ, съ улыбкою сквозь слезы,
Я внесъ, что̀ чувствую, что́ помню, что̀ любилъ.

Князь Вяземскій.

Гомбургъ предъ высотами.
1877.

Константиновское Землемѣрное Училище

(нынѣ Константиновскій Межевой Институтъ).

14-го Мая будущаго 1879 года минетъ ровно сто лѣтъ со дня открытія того, въ началѣ весьма скромнаго, Землемѣрнаго Училища, которое возникло подъ именемъ Константиновскаго и, впослѣдствіи, передало это имя нынѣшнему Константиновскому Межевому Институту, высшему въ Россіи учебному заведенію по межевой части.

Въ увѣренности, что самъ институтъ займется разработкой собственной исторіи, мы желаемъ въ это дѣло внести и свою посильную лепту. Немногія предлагаемыя строки давно уже написаны [1]) по оффиціальнымъ, современнымъ открытію училища, матеріаламъ.

Екатерина II-я называла межеваніе «многотруднымъ подвигомъ» и даже «великимъ произведеніемъ» [2]).

Правительствующій Сенатъ, указомъ изъ Межевой Экспедиціи (что̀ нынѣ Межевой Департаментъ), на имя Межевой Канцеляріи, 23 Апрѣля 1779 г. (№ 439) нѣсколько умножилъ ограниченное число техниковъ, состоявшихъ при этой канцеляріи. Распоряженіе это было вызвано крайнею необходимостію «по великому числу спорныхъ дачъ, въ коихъ должно утвердить межи, по состоянію тѣхъ дачъ въ разныхъ прежде бывшихъ Московской губерніи провинціяхъ, яко то въ Московской, Владимірской, Переяславской-Залѣсскаго, Углицкой и Юрьевской-Польскаго, по которой все неоконченное докончить возложено собственно на сію Канцелярію...... что̀ оставленнымъ подъ вѣдомствомъ сей Канцеляріи четыремъ землемѣрнымъ партіямъ нынѣшнимъ (т. е. 1779 г.) лѣтомъ исправить будетъ не можно.... Сверхъ всего того утвержденія межъ и сочиненія на нихъ плановъ, въ сей Канцеляріи слѣдуетъ скопировать прежнихъ токмо лѣтъ плановъ больше 22 тысячъ, да межевыхъ книгъ списать 41 тысячу, а и вновь еще вступать можетъ тѣхъ плановъ и книгъ немалое число». Заботясь объ успѣшнѣйшемъ ходѣ дѣлъ по межеванію, Сенатъ, разумѣется, не могъ упустить изъ виду, что успѣхъ въ этомъ случаѣ зависитъ не столько отъ числа, сколько отъ качества рабочихъ рукъ. Въ томъ же указѣ читаемъ: «Токмо нужно постараться, дабы всѣ опредѣленные при сей Канцеляріи ученики, изъ коихъ, какъ отъ нея

---

[1]) Въ 1868 г., когда въ № 33-мъ и послѣдующихъ номерахъ «Современной Лѣтописи» печатались мои статьи подъ заглавіемъ «Архивъ Межевой Канцеляріи (Государственный Межевой Архивъ»), управлявшій въ то время межевымъ корпусомъ генералъ-лейтенантъ, сенаторъ Иванъ Михаиловичъ Гедеоновъ сказалъ мнѣ: «хорошо бы отыскать свѣдѣнія и о времени основанія Константиновскаго землемѣрнаго училища». Тогда и написана эта статья.

[2]) П. С. З. 1766 г. (12711).

представлено, до 35 человѣкъ ни копировать, ни писать не умѣютъ, доведены были въ томъ до совершенства, къ чему и принять сей Канцеляріи надлежащія средства по собственному ея изобрѣтенію, что̀ все и представляется на собственное ея распоряженіе и попеченіе, такъ какъ и о жалованьѣ ученикамъ (о которыхъ сія Канцелярія представляла, чтобы производить имъ не по сороку, а по тридцати рублей въ годъ, а на остальные содержать для обученія ихъ учителей), какое изъ тѣхъ учениковъ кому производить должно по ихъ трудамъ и искусству, зависитъ отъ нея; потому особливо, что хотя и положено изъ тѣхъ учениковъ производить жалованье однимъ по шестидесяти, а другимъ, кои меньше первыхъ знанія и способности имѣютъ, по сороку рублей въ годъ; но всѣ тѣ ученики не инаково какъ состоятъ въ числѣ канцелярскихъ служителей. Въ имянномъ же ея императорскаго величества Декабря 15 дня 1763 г. указѣ точно напечатано: «Хотя по штатамъ въ каждомъ мѣстѣ число людей и на нихъ годовая сумма и положена, но какъ часто бываетъ, что изъ канцелярскихъ служителей одинъ другаго способнѣе и прилежнѣе въ дѣлахъ, то и должны президенты и прочіе, имѣющіе дирекцію производить жалованье нижнимъ канцелярскимъ служителямъ, смотря по трудамъ и достоинству».

Эти слова указа, полученнаго въ Межевой Канцеляріи 3 Мая 1779 г., послужили поводомъ къ *открытію Землемѣрнаго Училища*. Надо замѣтить, что приведенный здѣсь указъ требовалъ нѣсколькихъ безотлагательныхъ распоряженій и сношеній, чтобы незамедлить межевыхъ дѣйствій въ самое удобное для того время года, такъ что Межевая Канцелярія, въ подписанномъ 6-го Мая 1779 г. протоколѣ по тому указу, собственно объ ученикахъ заключила только: «И наконецъ, о наймѣ для незнающихъ чертежныхъ учениковъ учителя, и о вычетѣ у нихъ денегъ изъ Январской сего года трети на жалованье, также на покупку инструментовъ и матеріаловъ, о всемъ томъ доложить особо».

Дѣйствительно, столь важный предметъ заслуживалъ особаго доклада.

На другой же день, т. е. 7 Мая, сдѣланъ этотъ, отличающійся большею полнотою, особый докладъ. Въ немъ видно, сколько человѣкъ предназначалось къ поступленію въ училище, какія познанія въ то время требовались отъ землемѣра, какія были денежныя средства возникавшаго училища, учебныя пособія, число покоевъ для помѣщенія, мебель. Первый членъ Межевой Канцеляріи собранію предлагалъ (т. е. присутствію), что призналъ онъ за способныхъ для обученія, находящихся въ чертежной, учениковъ ариѳметикѣ и геометріи—подполковника Чуровскаго и сына его сержанта Андрея Чуровскаго, а копированію и украшенію (иллюминовкѣ) плановъ—землемѣрнаго помощника и живописца Егора Михайлова, изъ которыхъ первый былъ на владѣльческомъ коштѣ у межеванія земель... другой требуется отъ Военной Конторы въ межевой корпусъ, а третій здѣсь при чертежной въ штатѣ на сторублевомъ окладѣ. Подполковникъ Чуровскій себѣ и сыну своему за обученіе ариѳметики и геометріи требовалъ дать имъ на первый случай жалованья триста рублей въ годъ. При семъ Межевая Канцелярія разсматривала представленный отъ чертежнаго директора секундъ-маіора Муравьева, списокъ помощникамъ и ученикамъ, по которому видно: въ ариѳметикѣ, геометріи, практикѣ и въ планахъ совершенно знаю-

щихъ только четыре помощника: Чернышевъ, Филимоновъ, Кастюринъ, Малютинъ, да первоклассный ученикъ Ярцевъ, двое же помощниковъ, Поповъ и Быковъ, ариѳметику и планъ-геометрію знаютъ, планы чертятъ хорошо, и въ практикѣ были, слѣдовательно имъ осталось обучить одну только тригонометрію. Изъ учениковъ, знающихъ отчасти геометрію, первоклассные: Иванъ Коноваловъ, Григорій Ѳеофановъ, и второклассный Данила Аблауховъ; а прочіе помощники 12 человѣкъ, въ томъ числѣ означенный живописецъ Егоръ Михайловъ, да заштатный Иванъ Дубровицкій, учениковъ 1-го класса 17, 2-го класса 42, въ томъ числѣ сверхъ комплекта 4 человѣка, ни начала геометріи не знаютъ, и изъ нихъ многіе простому дѣленію и копированію еще обучаются; а всѣхъ помощниковъ и учениковъ слѣдуетъ обучать 76 челов. Жалованье штатные получаютъ по 100, первоклассные по 60, второклассные по 40 рублей въ годъ. А указомъ Сената изъ Межевой Экспедиціи, полученнымъ сего Мая 3-го дня, обученіе незнающихъ и уменьшеніе у нихъ жалованья отдано на распоряженіе и попеченіе Межевой Канцеляріи; и для того приказано: 1) Подполковнику Чуровскому быть учителемъ ариѳметики и геометріи; а сыну его, по выключкѣ изъ военной службы, при немъ помощникомъ, съ произведеніемъ обоимъ имъ жалованья 300 руб. въ годъ, которое и выдавать учителю по третямъ года. 2) Порядочному копированію и украшенію плановъ обучать означенному помощнику и живописцу Егору Михайлову, которому между тѣмъ и самому ариѳметикѣ и геометріи обучаться у подполковника Чуровскаго; жалованье-жъ ему, Михайлову, производить отъ учениковъ по сту руб. въ годъ. 3) Для произведенія означеннымъ учителямъ и помощникамъ жалованья, также для покупки инструментовъ и матеріаловъ вычитать: у помощниковъ по пяти, у первоклассныхъ учениковъ по три, у второклассныхъ по два рубли въ треть, доколѣ они совершенно обучатся. Въ слѣдствіе сего, изъ заслуженнаго въ прошедшую Январскую треть жалованья вычесть у 10 помощниковъ, у 19 первоклассныхъ и у 39 второклассныхъ учениковъ, а у всѣхъ 175 рублей 50 коп., которые, особенно храня, въ расходъ употреблять не иначе какъ по опредѣленіямъ и ассигнаціямъ канцелярскимъ (т. е. Межевой Канцеляріи), о чемъ дать указъ, и для записки тѣхъ денегъ въ приходъ и въ расходъ—шнуро-запечатанную книгу. 4) Какъ всѣхъ почти находящихся при чертежной помощниковъ и учениковъ надо-бы обучить; но если вдругъ всѣхъ къ тому отдать, то произойдетъ, съ одной стороны, для учителя трудность, а съ другой—остановка въ копированіи плановъ: и для того чертежному директору секундъ-маіору Муравьеву велѣть тѣхъ помощниковъ и учениковъ, которые порядочно копируютъ планы, оставить въ чертежной; а посредственныхъ и неумѣющихъ, отобравъ человѣкъ до 36-ти, отдать по списку учителямъ съ тѣмъ чтобъ они, доведя ихъ въ познаніи, первый—лонъ-геометріи, а второй—копированію и украшенію плановъ, возвратили ихъ въ чертежную для работы, а вмѣсто нихъ приняли послѣднихъ 40 человѣкъ для совершеннаго уже окончанія ариѳметики и геометріи, также копированія и украшенія плановъ, и какъ они во всемъ томъ успѣютъ, отдали бы ихъ въ чертежную, а изъ нея взяли прежнихъ учениковъ, и съ ними также поступили бы какъ съ послѣдними. 5) Учителямъ и расходчику велѣть приготовить 12 геометрическихъ Русскихъ инструментовъ, 36 досокъ аспидныхъ и грифелей, да для рисованья 12 листовъ хорошихъ печатныхъ картушъ. 6) Когда все то бу-

детъ куплено, раздать обучающимся на каждыхъ трехъ человѣкъ по одному инструменту, по одному печатному листу, а доски и грифели каждому съ обязательствомъ, что ежели кто испортитъ или потеряетъ, съ того непремѣнно взыскано или вычтено будетъ изъ жалованья. 7) Для сей школы отвесть въ главномъ корпусѣ наугольныхъ три покоя что въ садъ; а поелику ни столовъ, ни скамеекъ готовыхъ нѣтъ, то экзекутору и расходчику подрядить сдѣлать два небольшихъ стола и три стула для учителей и помощника, да два большихъ стола и четыре скамейки для учениковъ. 8) Дабы въ ученьи сохраненъ былъ надлежащій порядокъ и успѣхъ, того смотрѣть и прилежно наблюдать чертежному первоклассному землемѣру коллежскому ассесору Протасову; а главное за всѣмъ тѣмъ попеченіе принялъ на себя г. первый членъ (т. е. Рожновъ) съ тѣмъ, что онъ всякій мѣсяцъ учащихся самъ экзаменовать будетъ. 9) Какъ о семъ распоряженіи, такъ и объ ассесорѣ Протасовѣ, что онъ выбранъ, Межевой Экспедиціи донесть рапортомъ, включая при немъ таковой же списокъ, каковъ отъ директора Муравьева о знаніи помощниковъ и учениковъ представленъ.

Это опредѣленіе подписано присутствіемъ Межевой Канцеляріи 10 Мая, а 14-го того же мѣсяца директоръ чертежной секундъ-маіоръ Муравьевъ донесъ: «По опредѣленію Межевой Канцеляріи, для обученія ариѳметики, геометріи и прочихъ касающихся до межеванія наукъ, къ подполковнику г. Чуровскому помощники, первоклассные и второклассные ученики въ чертежной назначены; а кто именно, тому прилагаю при семъ именный списокъ, по которому ему, г. Чуровскому, сего числа и сданы». Въ тотъ же день «Межевая Канцелярія, разсуждая о вновь заводимой здѣсь землемѣрной школѣ, приказали: «Сіе училище, по призваніи въ помощь Всевышняго, открыть нынѣшній день, и какъ во оный происходить будетъ торжество для его императорскаго высочества благовѣрнаго государя великаго князя Константина Павловича [1]), то въ честь ему сіе землемѣрное училище наименовать Константиновскимъ, и о томъ Межевой Экспедиціи въ извѣстіе отрапортовать; а о публикованіи въ газетахъ сообщить въ императорскій Московскій университетъ, куда и 50 коп. отослать». Рапортомъ въ Сенатъ по Межевой Экспедиціи, 16 Мая 1779 г., № 1980, Межевая Канцелярія между прочимъ доносила: «Для сей школы отведено въ главномъ корпусѣ канцелярскомъ три покоя съ принадлежностью, также инструменты и другіе матеріалы заготовлены и, наконецъ, то училище по призваніи въ помощь Всевышняго, при членахъ Межевой Канцеляріи, при директорѣ, учителяхъ, землемѣрахъ и другихъ членахъ, открыто сего Мая 14-го дня, въ который здѣсь и торжество происходило для его имп. выс. вел. кн. Константина Павловича, и въ честь его высочеству сіе землемѣрное училище наименовано Константиновскимъ».

Въ именномъ указѣ Сенату 7 Декабря 1796 (П. С. З. 17621), сказано: «Аппробуя во всѣхъ частяхъ тайнаго совѣтника и Межевой Канцеляріи главнаго директора Дмитріева-Мамонова докладъ объ упраздненіи Псковской и Вологодской Межевыхъ Конторъ и о прочемъ, повелѣваемъ Сенату нашему сходное съ представленіемъ помянутаго тайнаго совѣтника учинить распоряженіе немедленно». Въ приложенномъ же докладѣ сенатора Дмитріева-Мамонова встрѣчается

[1]) Родившагося 27 Апрѣля этого 1779 года.

слѣдующее любопытное мѣсто: «А какъ еще и сверхъ того имѣетъ сія (Межевая) Канцелярія у себя училище, заведенное при покойномъ генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, называемое Константиновское, на которое никакого положенія никогда сдѣлано не было, а *содержится оное вычитаемыми деньгами изъ жалованья у другихъ вѣдомства Межевой Канцеляріи чиновъ*; и хотя изъ онаго училища не выходятъ люди съ отмѣннымъ знаніемъ вышнихъ наукъ, однако обучаются быть достаточными землемѣрами, знающими хорошо чертить и рисовать планы и прочее, изъ которыхъ многіе употребляются по той Канцеляріи къ исправленію разныхъ должностей, а нѣкоторые хотя по крайней мѣрѣ обучаются чистому и хорошему письму,такъ что легко употреблены быть могутъ въ службѣ другаго рода; каковое заведеніе разрушить теперь кажется безполезно, а содержать оное на такомъ основаніи никакъ невозможно»: поэтому, Дмитріевъ-Мамоновъ испрашивалъ на содержаніе Константиновскаго училища 3900 р. въ годъ, что̀ и было утверждено.

Въ отвѣтномъ указѣ Межевой Канцеляріи на ея донесенія объ открытіи Константиновскаго училища, Сенатъ 20-го Августа 1779 г., № 735, между прочимъ писалъ: «Сей Канцеляріи дать знать указомъ, что Межевая Экспедиція надѣется, всѣхъ тѣхъ помощниковъ и учениковъ Межевая Канцелярія не оставитъ постараться довесть до надлежащаго въ наукахъ познанія; для того, что чѣмъ скорѣе они обучены и въ дѣйствительную работу употреблены будутъ, тѣмъ больше получится успѣху въ сочиненіи и копированіи плановъ». Ни слова о заведеніи, школѣ или училищѣ не упомянуто, какъ будто Сенатъ не считалъ себя въ правѣ оффиціально признать новооткрытое училище, хотя на дѣлѣ оно уже существовало, и Межевая Канцелярія постоянно упоминала о немъ не только въ своихъ опредѣленіяхъ, но и въ донесеніяхъ Сенату.

Гдѣ возникло училище? Межевая Канцелярія съ Октября 1770 по Августъ 1788 г. помѣщалась въ домѣ, купленномъ 1770 г., Сентября 27-го, у вдовы фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, княгини Анны Даниловны Трубецкой, по купчей, писанной того же 27-го Сентября въ Москвѣ у крѣпостныхъ дѣлъ. Въ купчей мѣсто этого дома означено такъ: «Каменный домъ, состоящій на Тверской большой улицѣ, въ приходѣ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что̀ именуется на Вражкѣ, со всѣмъ строеніемъ и съ имѣющимся при томъ домѣ садомъ, кромѣ состоящаго позади палатъ маіора Петра Михайлова, сына Бѣльскаго, деревяннаго строенія, котораго при объявленіи и продажѣ и на планѣ показано не было. «А въ межахъ тотъ нашъ (кн. Трубецкой и ея сыновей) домъ по обѣ стороны проѣзжихъ съ Тверской на Никитскую улицу переулковъ, а мѣрою подъ тѣмъ домомъ и садомъ земли по большой Тверской улицѣ 47 сажень и $^2/_3$, по переулку съ правой стороны 61 сажень съ $^1/_2$; отъ того переулка вправо, подлѣ саду бригадира Андрея Лукьянова, сына Толмачева, 21 сажень $^2/_3$, да подлѣ двора и саду Московской первой гильдіи купца Ивана Михайлова сына Сажина 31 сажень; по лѣвую сторону, по переулку жъ съ Тверской на Никитскую улицу 44 сажени $^2/_3$». По этому описанію очевидно, что купленный у княгини Трубецкой домъ Межевой Канцеляріи находился на мѣстѣ нынѣшняго дома А. Н. Голяшкина, противъ дома, лѣтъ двадцать тому назадъ принадлежавшаго покойному Ѳедору Васильевичу Самарину, а потомъ Дашкевичу. Помѣстительность того дома въ объ-

явленіи самой княгини описана такъ: «Въ большомъ домѣ, въ верхнемъ этажѣ, палатъ 16, въ томъ числѣ со сводами 2 зала, большая одна; внизу: жилыхъ палатъ 7; погребовъ 3; казенная большая одна; оныя всѣ со сводами. На переднемъ дворѣ, въ маленькомъ флигелѣ, палатъ 2 съ накатными потолками; въ большомъ флигелѣ вверху 9, внизу—7 палатъ, поварня и приспѣшная съ накатнымъ потолкомъ. Оное все крыто желѣзомъ. Флигель каменный со сводами, въ немъ два покоя, въ сѣняхъ—очагъ; сарай каменный со сводами на 12 каретъ; конюшня съ накатнымъ потолкомъ на 44 стойла. Палата большая со сводами крыта гонтомъ. Садъ регулярный съ плодовитыми деревьями, два колодезя». За неимѣніемъ плана того дома, нельзя указать и трехъ комнатъ, отведенныхъ въ немъ для Константиновскаго Землемѣрнаго Училища. Домъ этотъ, по переходѣ Межевой Канцеляріи въ *нынѣшнее* ея помѣщеніе, сданъ въ вѣдомство Московскаго оберъ-полицмейстера 19 Сентября 1788 г. А какъ изъ приведеннаго доклада Дмитріева-Мамонова видно, что Константиновское Землемѣрное Училище состояло *при* Межевой Канцеляріи и въ 1796 г., а по штату того года, на училище это положено всего 3900 руб. собственно на жалованье; особаго же отъ Канцеляріи помѣщенія нанимать было не на что: то нѣтъ сомнѣнія, что училище это изъ описаннаго дома перешло въ нынѣшнее зданіе Кремлевскихъ присутственныхъ мѣстъ въ одно время съ Межевою Канцеляріею, которая открыла тамъ присутствіе свое 2-го Августа 1788 года.

Чрезъ десять дней по открытіи училища, именно 24 Мая 1779 г., Межевая Канцелярія приказала: «въ Константиновскомъ Землемѣрномъ Училищѣ каковому быть порядку, оный здѣсь приложенъ, съ котораго въ училище и въ повытье дать знать».

ПОРЯДОКЪ

лекціямъ въ Константиновскомъ землемѣрномъ училищѣ.

«I. По полуночи съ 9 часовъ до 2-хъ по полудни, господину подполковнику Чуровскому и сыну его обучать ариѳметикѣ и геометріи».

«II. Часы 2 и 3 для обѣда и отдохновенія».

«III. По полудни съ 4-хъ два часа: одинъ часъ планы чертить, и одинъ часъ писать обучать помощнику Егору Михайлову, которому поутру и самому учиться ариѳметикѣ и геометріи».

«IѴ. Единожды въ мѣсяцъ, въ субботу, по полуночи 9 и 10-ый часы экзаменовать въ обученныхъ наукахъ».

«Ѵ. Часы 11 и 12-ый читать воинскій артикулъ и законы межевые».

«ѴI. Кто изъ учениковъ, въ которомъ часу приходить не будетъ въ школу, или больнымъ отрапортуется, или же неизвѣстно за чѣмъ не придетъ, записывать въ особо сдѣланную тетрадь, и чрезъ то лѣнивыхъ познавать».

«ѴII. Наблюдать, чтобъ шуму и крику и рѣзвости не происходило, но каждый устремленъ былъ въ ученье».

«ѴIII. Невоздержныхъ смирять, а лѣнивыхъ штрафовать по разсмотрѣнію учительскому, соразмѣрно проступку и природѣ виновнаго: 1) постановленіемъ на колѣни; 2) задержаніемъ подъ карауломъ; 3) хлѣбомъ и водою, а наконецъ, 4) по необходимости наказаніемъ розгами и палкою, смотря по возрасту и состоянію».

«IX. Ежедневно подавать господину первому члену рапорты—кто когда въ школѣ не былъ, или поздо приходилъ и кто, за что и чѣмъ былъ штрафованъ».

«X. Ежемѣсячныя подавать ему же, господину первому же члену, репорты, кто въ мѣсяцъ что выучилъ и что учить началъ; прилеженъ ли, понятенъ ли, порядоченъ ли въ поведеніи, или нѣтъ».

Немногочисленны и недороги были учебныя пособія, дѣйствительно пріобрѣтенныя для Константиновскаго Землемѣрнаго Училища въ первый годъ его существованія. Вотъ онѣ: 36 аспидныхъ досокъ по 32 коп. штука, 11 р. 52 коп., три дюжины грифилей по 7 коп. дюжина—21 копѣйка. 15-го Мая 1779 г. въ виду того, что нѣкоторые изъ обучающихся въ Константиновскомъ Землемѣрномъ Училищѣ писать мало умѣютъ, приказано: «въ университетской книжной лавкѣ, по напечатанной цѣнѣ, купить 12-ть Россійскихъ азбукъ на счетъ вычтенной суммы, и азбуки раздать обучающимся на три человѣка по одной, съ тѣмъ чтобъ они, примѣняясь къ нимъ, учились писать, и въ томъ надъ ними смотрѣніе имѣть помощнику и рисовальному мастеру Михайлову». Въ университетской лавкѣ, по напечатаннымъ въ реестрѣ 1779 г. цѣнамъ, азбуки были по 60 и по 80 коп., а въ «партикулярныхъ» лавкахъ «тѣ самыя азбуки» приторгованы по 50 коп., по какой цѣнѣ и велѣно ихъ купить; итого за азбуки 6 руб. Потомъ велѣно купить «для обучающихся рисованію помощниковъ и учениковъ 17 печатныхъ кунштовъ по приторгованной цѣнѣ за два руб.». Подполковникъ Чуровскій 10 Іюля 1779 доносилъ Межевой Канцеляріи: «Находящіеся въ командѣ моей сверхкомплектные ученики, которые состоятъ на своемъ коштѣ и едва имѣютъ пропитаніе, наукою дошли до геометріи, и надлежащихъ геометрическихъ инструментовъ, по неимуществу своему, купить не въ состояніи, и затѣмъ долѣе имъ науку продолжать невозможно, и дабы въ наукѣ имъ остановки не было, того ради..... симъ представляю, дабы за благо велѣно было впредь, на счетъ ихъ жалованья, шесть инструментовъ изъ казенной суммы купить». По этому представленію приказано пріобрѣсти «шесть Россійскихъ инструментовъ, каждый по 3 рубля, да шесть треугольниковъ съ линейками, каждый по 12 коп., и все за 18 руб. 72 коп. купить» и деньги выдать изъ вычтенной на ученье суммы. Вотъ и всѣ пособія. Впослѣдствіи, именно 25 Сентября того же года, подполковникъ Чуровскій представлялъ о покупкѣ инструментовъ въ собственность учениковъ на счетъ ихъ жалованья, приводя въ примѣръ Артиллерійскую Школу и Морскую Академію: «По опредѣленію оной канцеляріи», писалъ Чуровскій, «велѣно ко обученію въ ономъ училищѣ геометріи учениковъ *на перво* купить шесть готоваленъ геометрическихъ, такожъ линейки съ треугольники; а нынѣ находятся въ геометріи 19-ть человѣкъ, и всѣмъ тѣми инструментами довольствоваться не только остановочно, но и въ поврежденіи оныхъ, кѣмъ то поврежденіе въ обществѣ учинено, усмотрѣть невозможно, отчего въ починкѣ происходятъ нерѣшимые споры, промедленіе и въ наукѣ остановка. А какъ всякому изъ нихъ, по выпускѣ изъ школы, безъ инструментовъ обойтиться невозможно, чего ради и въ бытности моей въ Артиллерійской Школѣ, на жалованьѣ состоящимъ ученикамъ велѣно имѣть инструменты, каждому изъ своего жалованья; такожъ и въ Морской Академіи потребные по наукамъ инструменты даются, хотя изъ казны, но за вычетъ изъ ихъ жалованья, которые и при выпускѣ изъ школы при нихъ оставаться имѣютъ: чего ради не благоволено ли будетъ изъ находящихся въ ономъ училищѣ въ геометріи и далѣе ученикамъ, хотя самонужнѣйшія инструмента штучки, при выдачѣ нынѣ жалованья,

каждому купить отъ себя, которыя всякъ для себя усерднѣе и беречь можетъ». Намъ неизвѣстно, чѣмъ разрѣшено это представленіе.

Іюня 13-го того же 1779 г. приказано купить въ Константиновское Землемѣрное Училище: для учителя столъ (дубовый) за 2 р. 30 к., сукна (краснаго) $1^1/_2$ арш. по 2 р. 25 к. за аршинъ, стулъ—75 коп.; для учащихся шесть скамеекъ по 55 коп. каждая, восемь стеклянныхъ чернильницъ по 8 к. каждая, шкафъ для клажи инструментовъ (сосновый) 6 р., итого на 16 р. $32^1/_2$ коп., изъ вычтенной на ученье суммы.

Получивъ вышеприведенный указъ Сената 28 Августа, Межевая Канцелярія приказали (2 Сентября, т. е. чрезъ $3^1/_2$ мѣсяца по открытіи училища) «Межевой Экспедиціи донесть рапортомъ, что съ начала учрежденія Константиновскаго Землемѣрнаго Училища, т. е. Мая съ 14-го дня, изъ числа отданныхъ въ то училище 36 помощниковъ и учениковъ, которые знали малую часть ариѳметики, 20 человѣкъ не только выучили уже весь ариѳметикъ, но двое изъ помощниковъ же, Яковлевъ и Семеновъ, дошли до тригонометріи и практики, прочіе же обучаютъ лонъ-геометрію, а остальные ариѳметикъ; какъ же скоро сіи 36 человѣкъ науку окончаютъ, то отдадутся въ чертежную и разошлются по землемѣрамъ; а оттуда въ училище малознающіе взяты будутъ. И такимъ образомъ канцелярія старается и стараться будетъ всѣхъ таковыхъ довесть къ совершенному землемѣрной науки познанію». Рапортъ объ этомъ посланъ въ Сенатъ того же 19 Сентября № 2792. Наконецъ, вотъ *годовой* рапортъ *отъ Константиновскаго Землемѣрнаго Училища*, доложенный Межевой Канцеляріи 22 Іюня 1780 г. «Съ открытія Землемѣрнаго Училища, т. е. 779 года, Мая съ 14-го дня сего 780 года Мая по 14-е [1]) сколько помощниковъ и учениковъ, и колькихъ лѣтъ, и какихъ чиновъ въ какую науку вступили, и кто что̀ выучилъ, и кто когда изъ онаго училища выбылъ, прилагается при семъ именной списокъ». По этому рапорту, Межевая Канцелярія 14-го Іюля 1780 г. приказали Прав. Сената въ Межевую Экспедицію представить доношеніе слѣдующаго содержанія. «Съ начала открытія того училища, въ теченіи годоваго времени обучены 39 человѣкъ ариѳметикѣ, геометріи и копированію плановъ, и по выпускѣ изъ училища должность свою отправляютъ уже порядочно, а 36 человѣкъ къ тому обучаются. О чемъ Межевая Канцелярія симъ представляя, имѣетъ честь свидѣтельствовать усердіе и труды учителя Чуровскаго и сына его, помощника. А какъ сей послѣдній давно уже сержантомъ, то не соизволено ль будетъ къ поощренію и дальнѣйшихъ успѣховъ ихъ, пожаловать оному сержанту оберъ-офицерскій чинъ. О службѣ же его списокъ подносится при семъ». Изъ этого списка видно, что Андрей (Даниловичъ) Чуровскій 25-ти лѣтъ, изъ дворянъ, въ службу вступилъ въ 1761 году капраломъ, унтеръ-офицеромъ 1767 г., сержантомъ 1769 г. Ноября 24-го. Къ межеванію опредѣленъ въ 1770 г. и отъ онаго выпущенъ въ военную службу, откуда вторично принятъ помощникомъ 1779 г. Декабря 17. Слѣдовательно, во время представленія А. Чуровскаго къ чину, онъ всего около полугода былъ преподавателемъ въ Землемѣрномъ Училищѣ.

Изъ этихъ данныхъ видимъ, что, въ первый годъ существованія училища, личный составъ его былъ слѣдующій: первый членъ Меже-

[1]) Надо думать, что лѣтнихъ вакацій не было.

вой Канцеляріи, оберъ-прокуроръ Сената тайн. сов. Сергѣй Рожновъ былъ какъ бы директоръ: ему подавались ежедневные и ежемѣсячные рапорты объ ученикахъ, онъ же принялъ на себя главное попеченіе объ училищѣ и каждомѣсячный экзаменъ. Должность первокласснаго землемѣра, коллежскаго ассесора Протасова, походитъ на инспекторскую. Впрочемъ, въ оффиціальныхъ бумагахъ, имѣвшихся у насъ подъ рукою, мы не нашли слѣдовъ дѣятельности Протасова какъ инспектора, а видѣли только, что онъ былъ назначенъ собственно въ помощь директору чертежной, и между ними (директоромъ и Протасовымъ) были раздѣлены дѣла и чины чертежной. Учители: подполковникъ Данило Чуровской и сынъ его сержантъ Андрей Чуровскій да землемѣрный помощникъ и живописецъ Егоръ Михайловъ, вмѣстѣ учитель и ученикъ, въ томъ же году выбывшій изъ училища и неизвѣстно кѣмъ замѣненный. Училище было открытое; были въ немъ и сверхкомплектные, своекоштные ученики, да можно сказать и всѣ были *отчасти* своекоштные: изъ ихъ же жалованья нанимались преподаватели и пріобрѣтались учебныя пособія и мебель.

Съ ничтожными средствами, за то съ большимъ усердіемъ да и видно въ добрый часъ было основано Константиновское Землемѣрное Училище. Труды его основателей не остались безплодны; въ рукахъ достойныхъ преемниковъ ихъ, нынѣшній Константиновскій Межевой Институтъ уже много лѣтъ выпускаетъ такихъ землемѣровъ, которые глубоко проникнуты настоящимъ понятіемъ о межеваніи, какъ оно разумѣлось самою мудрою законодательницею. «Размежеваніе»—гласитъ инструкція Екатерины II—«есть дѣло не только касающееся къ пользѣ и спокойствію каждаго владѣльца, но самое государственное и содержащее въ себѣ собственную императорскую славу и пользу тишины и спокойствія обще всего нашего любезнаго государства» [1]). Почтимъ благодарностію память тайн. сов. Рожнова, такъ горячо принявшагося за дѣло: всего черезъ десять дней по полученіи указа о наймѣ учителей, Рожновъ открылъ Землемѣрное Училище. Думаемъ также, что основаніемъ своимъ училище это много обязано и генералъ-прокурору князю Вяземскому; не даромъ въ указѣ Сената 23 Апрѣля 1779 г. упоминается о письмѣ Рожнова къ князю Вяземскому, и хотя и не видно содержаніе того письма, но едвали безъ предварительной переписки съ генералъ-прокуроромъ Рожновъ рѣшился бы открыть училище. Въ содѣйствіи князя Вяземскаго мы убѣждены тѣмъ болѣе, что намъ извѣстно, какъ серьезно и внимательно относился онъ къ межевому дѣлу; напримѣръ, еще за долго до открытія училища, именно 24 Декабря 1769 г., въ Рождественный сочельникъ, князь Вяземскій писалъ къ М. М. Измайлову (подъ вѣдѣніемъ котораго строился тогда домъ Кремлевскихъ присутственныхъ мѣстъ, нынѣ зданіе Судебной Палаты и Окружнаго Суда), чтобы онъ, Измайловъ, самолично объяснился съ главнымъ членомъ Межевой Канцеляріи, Зенбулатовымъ, «какіе именно для межевой архивы покои надобны, и чтобъ о томъ, въ разсужденіи распространенія государственнаго межеваго архива, имѣть общее разсужденіе». Поминая добрымъ словомъ и генералъ-прокурора князя Вяземскаго и перваго члена Межевой Канцеляріи Рожнова за ихъ заботы объ основаніи училища, будемъ справедливы къ самому межевому корпусу вмѣстѣ съ Межевою Канцеляріею: они дали средства

---

[1]) П. С. З. 25 Мая 1766 (12659).

къ существованію училища. Деньги на наемъ учителей и на прочія потребности, сперва удѣлялись изъ жалованья учениковъ, а потомъ, какъ сказано въ приведенной выдержкѣ изъ всеподданнѣйшаго доклада Дмитріева-Мамонова 1796 г., училище это содержалось вычитаемыми деньгами изъ жалованья у другихъ вѣдомства Межевой Канцеляріи чиновъ. Пріютъ училище также нашло въ помѣщеніи Межевой Канцеляріи,—помѣщеніи, по ветхости дома, весьма тѣсномъ и для канцеляріи, не говоря уже объ ея архивѣ. Наконецъ, необходимость основанія училища была ближе всѣхъ не только сознана, но и прочувствована самими межевыми; вѣдь къ землемѣрамъ же назначались *помощники* изъ весьма малосвѣдущихъ учениковъ.

Каждый съ любовью относится къ мѣсту своего воспитанія, каждому навсегда памятны годы проведенные на школьной скамьѣ, и однокашники, даже старики, для которыхъ уже многое въ жизни утратило свою прелесть, едва-ли не всего охотнѣе мѣняются разсказами изъ времени, когда-то прожитаго въ училищѣ. Эти бесѣды всегда радушны, всегда оживленны, разсказчики какъ будто молодѣютъ. Самыя слова порицанія той или другой личности все-таки дышутъ любовью къ заведенію, потому что порицаніе дѣлается только тѣмъ, кто, такъ или иначе, могъ быть помѣхою, или доброму направленію заведенія, или успѣхамъ въ наукахъ. Скажемъ не обинуясь, что Константиновскій Межевой Институтъ еще болѣе дорогъ межевымъ, потому что это училище—собственное созданіе ихъ предшественниковъ, лелѣянное на собственныя ихъ средства въ теченіе слишкомъ 17½ лѣтъ. Хотѣлось бы дожить до столѣтней годовщины Института, хотѣлось бы порадоваться на то искреннее, теплое чувство, съ какимъ бывшіе его воспитанники отнесутся къ мѣсту своего воспитанія; а что они съумѣютъ достойно почтить годовщину *своего* заведенія, въ этомъ намъ служитъ порукою нѣсколько прежнихъ примѣровъ, и между ними до сихъ поръ самый блестящій: по собственному единодушному вчинанію межевыхъ, изъ ежегодныхъ ихъ пожертвованій, образована особая сумма въ помощь вдовамъ и сиротамъ чиновъ межеваго вѣдомства, въ память столѣтней годовщины (19 Сентября 1765 г.) манифеста о межеваніи. Въ настоящее время сумма эта простирается до 46,000 рублей, за всѣми дѣлаемыми вспомоществованіями.

Не намъ предрѣшать, чѣмъ должна ознаменоваться столѣтняя годовщина Института, но не можемъ не выразить задушевнаго желанія, чтобы въ память этого дня была основана *стипендія имени бывшихъ воспитанниковъ и воспитателей Константиновскаго Межеваго Института*. По нашимъ понятіямъ, невозможно достойнѣе выразить благодарность къ этому разсаднику лучшихъ знатоковъ межеваго дѣла. Главное—нежелательны никакія, особенно обязательныя, подписки: добровольно пожертвованная лепта всего дороже, и добровольныхъ пожертвованій навѣрно достанетъ на стипендію.

Князь Іосифъ Мещерскій.

Замѣтки.

Въ Р. Архивѣ 1876, кн. III, стр. 136, графъ Ростопчинъ пишетъ: «Наполеонъ въ Италіи былъ бы начальникомъ *бандитовъ*, въ Испаніи предводительствовалъ бы *бандолерами*; сдѣлался бы въ Германіи разбойничьимъ атаманомъ; въ Россіи Пугачевымъ; Гейвеманомъ (?) въ Англіи».

Гейвеманъ значитъ поанглійски: highway man (high way—большая дорога, man—человѣкъ) voleur de grand chemin, воръ на большой дорогѣ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка		Напечатано	Надо
469.	6	сверху	Онъ	Зотовъ.
477	3	снизу	княжнѣ	княгинѣ
489	18	сверху	княгиня Клара	княгиня Клари.
494	20	снизу	генералъ-губернаторъ	генералъ-прокуроръ.
497	19	—	превѣтренный геній	превыспренный геній
499	28	—	какого пола	какого посла.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

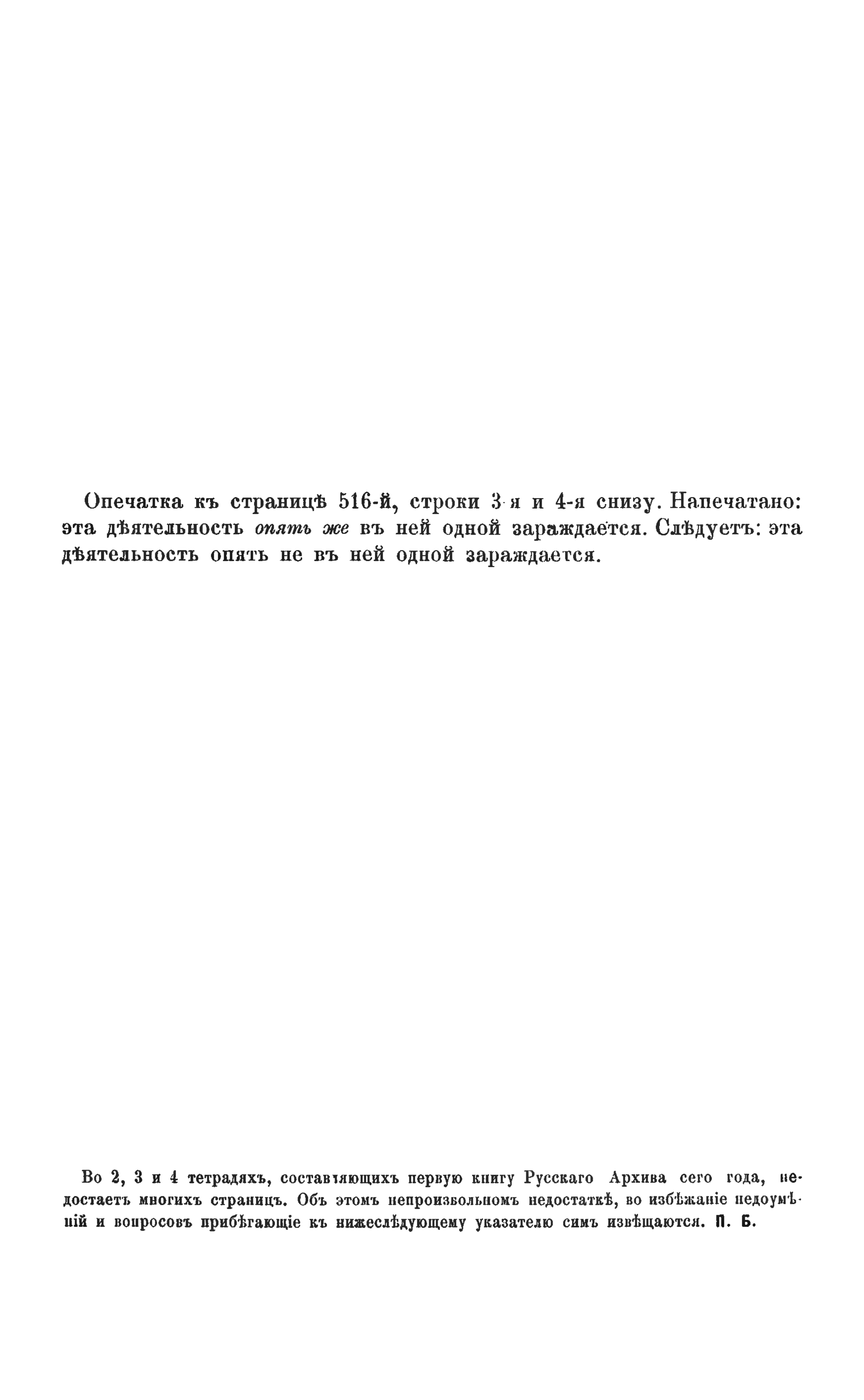
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА

1877 года.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).



Опечатка къ страницѣ 516-й, строки 3-я и 4-я снизу. Напечатано: эта дѣятельность *опять же* въ ней одной зараждается. Слѣдуетъ: эта дѣятельность опять не въ ней одной зараждается.

Во 2, 3 и 4 тетрадяхъ, составляющихъ первую книгу Русскаго Архива сего года, недостаетъ многихъ страницъ. Объ этомъ непроизвольномъ недостаткѣ, во избѣжаніе недоумѣній и вопросовъ прибѣгающіе къ нижеслѣдующему указателю симъ извѣщаются. П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ
ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА
1877 года.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Надо.*
308	7 снизу	кашмира	казиміра
310	19 сверху	отличалась	отличала
311	13 снизу	Митрополитовъ	Митрофановъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1877 ГОДА.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго и князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** въ царствованіе Павла. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ и значеніи событія 14 Декабря. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Пугачевщина: письма **графа П. И. Панина** къ его брату. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и Папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ. Статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его біографія и переписка съ Екатериною II-ю и другими лицами. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года; опальное время; обозрѣніе Павловскаго царствованія). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**, не вошедшихъ въ изданіе его сочиненій. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

Лица, желающія выписать 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію, Бельгію и Францію 10 рублей, въ Англію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива смотри на внутренней сторонѣ этой обертки.

Лица, подписавшіяся въ С.-Петербургѣ на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ магазинѣ Базунова и по случаю его несостоятельности не дополучившія своихъ книжекъ, благоволятъ обращаться за ними въ Магазинъ для Иногородныхъ на Невскомъ Проспектѣ, куда книжки эти для нихъ доставлялись ежемѣсячно.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.